

Д.И. МЕНДЕЛЕЕВ

ПОЗНАНИЕ РОССИИ

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

**ПОЗНАНИЕ РОССИИ
ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ**

Д. И. Менделеев (1834—1907)

Д. И. Менделеев

1-й изд. 1908 г.
2-й изд. 1925 г.
3-й изд. 1950 г.

Институт истории естественных наук и техники
Российской академии наук

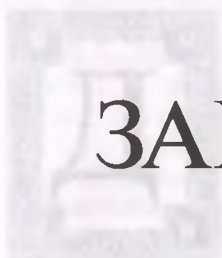
ПОЗНАНИЕ РОССИИ

ПОСЛЕДЫМ,

или ОБЫКНОВЕННЫЙ ГЕНИЙ

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Эта книга — одна из последних работ великого русского ученого, составленная им за последние годы жизни. Это — мысли старейшего из выдающихся Д. И. Менделеева в исторический и научный период.

Незамысловатый тон, искренность мысли, самостоятельность суждений и в то же время удивительная глубина мысли, умение и готовность идти до конца, способность к живой и живой дискуссии, глубокое знание химической науки, ее истории и современности, особенно в области органической химии, а также в области физико-химии, государственной химии, химии промышленности и химии сельского хозяйства, — все это делает книгу Д. И. Менделеева одной из самых интересных, ученых и ученых, которые могут быть полезны не только для широкой публики, но и для специалистов.

Эта книга — одна из последних работ великого русского ученого, составленная им за последние годы жизни. Это — мысли старейшего из выдающихся Д. И. Менделеева в исторический и научный период.

Москва
ЭКМО
2008

УДК 82-4
ББК 87.3(2)6
М 50

Биографический очерк *Юрия Словянова*

Подготовка текста *Людмилы Подзолковой*

Шеф-редактор проекта *Маргарита Приз*

Менделеев Д. И.
М 50 **Познание России. Заветные мысли / Д. И. Менделеев.** — М.: Эксмо, 2008. — 688 с.: ил. — (Энциклопедии России).

ISBN 978-5-699-27907-4

В этой книге представлено гуманитарное наследие Дмитрия Ивановича Менделеева (1834—1907). Основу издания составляют «К познанию России» и «Заветные мысли» — последние крупные работы великого ученого, неравнодушного к нуждам Отечества, дальнейшим путям его развития. Автор этих трудов демонстрирует широкие взгляды и объемные знания, относящиеся к государственной, экономической, научной деятельности. Системно излагая свои главные общественные идеи, глубоко анализируя вопросы образования, промышленности, сельского хозяйства, внешней торговли, народонаселения, Менделеев стремится выстроить стратегию развития России на несколько столетий вперед и привлечь к осмыслению судеб страны широкий круг граждан. «Чем проще, откровеннее и сознательнее станут русские речи, тем бодрее будут наши шаги вперед, тем дольше будут длиться мирные промежутки между оборонительными войнами, нам предстоящими, тем меньше на Западе, Востоке и Юге будут кичиться перед нами и тем более выиграет наше внутреннее единство», — написал ученый более столетия назад в своих — актуальных донныне — «Заветных мыслях», духовном завещании грядущим поколениям.

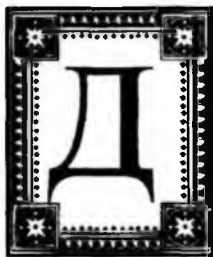
УДК 82-4
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-699-27907-4

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008
© Современная версия. Иллюстрации. Издательство «Око», 2008

ПОСЛЕДЫШ, или ОБЫКНОВЕННЫЙ ГЕНИЙ

аже человек, чьи профессиональные интересы далеки от химии, знает, что Дмитрий Иванович Менделеев открыл периодический закон химических элементов — один из основных законов естествознания. Таблица, составленная на основе этого закона, есть в каждом химическом кабинете средней школы, в каждом учебнике химии. Но к этому открытию не сводится роль Д. И. Менделеева в отечественной и мировой науке.

«Гениальный химик, первоклассный физик, плодотворный исследователь в области гидродинамики, метеорологии, геологии, в различных сферах химической технологии (взрывчатые вещества, нефть, учение о топливе и др.) и других сопредельных с химией и физикой дисциплинах, глубокий знаток химической промышленности и промышленности вообще, особенно русской, оригинальный мыслитель в области учения о народном хозяйстве, государственный ум, которому, к сожалению, не суждено было стать государственным человеком, но который видел и понимал задачи и будущее России лучше представителей нашей официальной власти», — так характеризовал Д. И. Менделеева его младший современник, ученик его учеников, профессор химии Л. А. Чугаев.

По широте интересов, богатству идей, стимулировавших научную мысль его последователей, Д. И. Менделеев чаще всего сравнивают с М. В. Ломоносовым. Нет ни одного значительного сочинения, посвященного истории развития науки в России второй половины XIX и начала XX века, где бы не упоминалось имя Менделеева. Его многогранная деятельность длилась свыше полувека, если вести отсчет от защищенной им в 1856 году магистерской диссертации «Об удельных объемах». Но мы предлагаем читателям познакомиться с краткой биографией ученого ab ovo: от рождения и даже от родителей...

Дмитрий Иванович Менделеев родился 27 января (8 февраля по новому стилю) 1834 года в сибирском городе Тобольске. Этот город был и родиной его матери Марии Дмитриевны (р. 16 января 1793 г.), происходившей из семьи некогда богатых, предприимчивых, но разорившихся купцов Корнильевых. В 16 лет она вышла замуж за Ивана Павловича Менделеева (р. 16 февраля 1783 г.), сына сельского священника из Тверской губернии, окончившего к тому времени после семинарии Санкт-Петербургский педагогический институт и получившего направление в Тобольск, где на базе народного училища создавалась гимназия. В ней Иван Павлович прослужил десять лет учителем сперва философии, изящных искусств и политической экономии, а затем логики и русской словесности.

Можно предположить, что Иван Павлович был на хорошем счету у начальства, поскольку Министерством народного просвещения назначило его директором училищ Тамбовской губернии, а через пять лет утвердило в той же должности в Саратове. Но там у него возник конфликт со всемогущим попечителем учебного округа Магницким. Дело в том, что в казенном пансионе для иногородних учеников не очень строго придерживались постного меню по средам и пятницам. Такое нарушение церковных канонов было поставлено в вину директору училищ, и ему предстоял перевод с менее престижную Пензу. По настоянию жены, Иван Павлович попросил вернуть его в Тобольск. Ну как отказать человеку, который сам хочет из Центральной России в Сибирь? Таким образом с ноября 1827 года И. П. Менделеев стал директором той гимназии, в которой начинал свою педагогическую деятельность.

В Тобольск Менделеевы приехали с шестью детьми. В 1832 году у них родился сын Павел, а в 1834-м — Дмитрий. Вообще-то он был 17-м ребенком, выношенным Марией Дмитриевной. Но ко времени его появления на свет девять уже умерли (троим не успели даже дать имена, поэтому в ряде публикаций говорится о 14-ти детях). Дмитрий Иванович называл себя «последышем».

В год рождения Дмитрия семью Менделеевых постигло несчастье, вызвавшее крупную перемену в ее жизни. Вследствие развившейся на обоих глазах катаракты Иван Павлович ослеп и вынужден был выйти в отставку. На пенсию (1100 руб. ассигнациями или 300 руб. серебром в год) семье из десяти человек прожить крайне трудно. И хотя через год удачная операция в Москве вернула Ивану Павловичу зрение, однако вновь поступить на службу возможности не представлялось. Лишь изредка удавалось заработать перепиской или корректурой. Все заботы по содержанию большой семьи, поиску средств к существованию свалились на Марию Дмитриевну.

Жена и мать не пала духом, не растерялась: сказала ее энергичная корнильевская натура. Она списалась с жившим в Москве братом, Василием Дмитриевичем, и получила от него доверенность на управление доставшимся брату по праву наследования небольшим стекольным заводом Корнильевых. Заводик находился в селе Аремзянка в 25 км от То-

больска, куда и пришлось переехать семье. Здесь Мария Дмитриевна, чтобы поднять производство, взяла в свои руки ведение заводских дел, а так как на большие доходы от этого рассчитывать все равно не приходилось, то занялась еще и сельским хозяйством.

В Аремзянке прошли ранние годы Мити. Он рос на лоне природы, не зная стеснений, играл со сверстниками — детьми местных крестьян и заводских рабочих, по вечерам слушал сказки няни и рассказы доживавшего у них свой век старого солдата о героических походах А. В. Суворова. Стоит заметить, что впоследствии портрет Суворова висел у Д. И. Менделеева в кабинете, в ряду портретов тех деятелей, которых ученый особенно почитал.

Вспоминая свои детские годы, Дмитрий Иванович говорил, что мать воспитывала его примером и любовью. Она его не наказывала, но когда он огорчал ее какими-нибудь шалостями или непослушанием, только плакала, и это было для него самым тяжким наказанием.

Тем временем старшего сына Менделеевых Ивана определил в благородный пансион при Московском университете и взял на себя оплату его содержания дядя Василий, дочери Ольга и Екатерина вышли замуж, расходы семьи уменьшились, и Мария Дмитриевна посчитала, что ради младших детей, которым предстоит учеба в гимназии, надо сократить хлопоты по заводу, проводить больше времени в Тобольске. Митя не отставал в развитии от старшего на два года Паша, в пять с половиной лет уже умел читать и писать, в шесть — удивлял взрослых способностью считать, а в семь был вполне готов к поступлению в гимназию вместе с Пашей, хотя туда и с восьми-то лет принимали в исключительных случаях. Его все-таки приняли. Но, как вспоминал потом Дмитрий Иванович, «с условием, чтобы в 1-м классе я пробыл непременно 2 года. Учился я тогда, кажется, не худо, но по малолетству так и остался в 1-м классе на два года. Переходил затем без задержек и кончил 15-ти лет».

Окончивший гимназию годом раньше Павел уехал в Омск, где жила с мужем сестра Екатерина, и поступил там на службу, а Митю же в 1849 году Мария Дмитриевна решила увезти из Тобольска, чтобы непременно дать ему высшее образование.

Тобольская гимназия, в которой учился Д. И. Менделеев. Вторая половина XIX в.

Старшенький Ванюша мать огорчил. В 15 лет он был исключен из университетского пансиона «за дурное поведение». Живя на средства богатого дяди, образ жизни которого не оставлял времени приглядывать за племянником, Иван попал в дурную компанию, ударился в разгул и сошел с намеченного для него пути. Вернувшись в Тобольск, он доучивался в гимназии, после чего удовлетворился службой в том же Омске. Но для последыша Митеньки, которого, по собственному признанию Марии Дмитриевны, «она любила паче всех», матери хотелось большего.

Последние два года тобольской жизни несчастья преследовали ее. Болел, слабел и в октябре 1847 года скончался Иван Павлович. Не успела оправиться после смерти мужа, как в январе 1848 года умерла дочь Полинька — ей было 26 лет. Полинька была религиозной фанатичкой, членом какого-то тайного общества, в котором за высшую добродетель почиталось изнурение плоти. Вот и доизнурялась... После ее похорон начала хворать дочь Лизанька, измученная горем и бессонными ночами ухода за больными. А летом 1848 года сгорел заводик вместе со складами, где хранились материалы и готовая посуда. Вскоре в Тобольске открылась сильная холера, начались волнения. Мария Дмитриевна не имела сил, чтобы сразу после пожара приступить к восстановлению завода, а когда в декабре новый пожар истребил и конторские строения, московский братец сказал, что вообще не нужно ничего восстанавливать. Во всяком случае, денег на это он не даст.

Ничто теперь не могло задержать Марию Дмитриевну в Тобольске после окончания Митей гимназического курса. На свой страх и риск она с Митенькой и Лизанькой едет в Москву, чтобы определить последыша в университет. Хлопоты ее, однако, не увенчались успехом: по тогдашним правилам выпускники гимназий имели право поступать в университет лишь своего учебного округа, а Тобольская гимназия относилась не к Московскому, а к Казанскому округу. Ехать же в Казань Мария Дмитриевна не желала, так как там у нее не было ни родных, ни знакомых.

Василий Дмитриевич предложил сестре определить племянника на службу в канцелярию губернатора: связи позволяли. При этом он указывал на себя и на старших братьев Дмитрия, которые успешно служили и не получив высшего образования. Но Мария Дмитриевна была непреклонна в своем решении. Потерпев неудачу в Москве, она решила искать счастья в Петербурге.

В северной столице Менделеевы остановились у обосновавшихся там старых тобольских друзей Протопоповых. Опять начались хлопоты, но поступить в Петербургский университет Дмитрий не мог по той же причине, что и в Московский. Зашла речь о Медико-хирургической академии, но, побывав в ее анатомическом театре, Дмитрий почувствовал, что для профессии врача он не обладает достаточно крепкими нервами.

Тогда Мария Дмитриевна стала хлопотать о приеме Дмитрия в Главный педагогический институт, в котором когда-то получил высшее образование его отец и куда принимались желающие из всех округов. Но и здесь наткнулась на неудачу: в то время прием в институт проводился раз в два года, и в 1850 году как раз приема не было. Однако настойчивость любящей матери творит чудеса. И тогда случались исключения из правил. Дмитрий попал в число тех восьми абитуриентов, для которых сделали исключение. Как считают некоторые его биографы, попал на без протекции профессора математики Петербургского университета Д.С. Чижова, бывшего однокурсника И. П. Менделеева. Во всяком случае, в бумагах Дмитрия Ивановича сохранилась записка Чижова, позволяющая обратиться от его имени к инспектору института, статскому советнику А. Н. Тихомандрицкому, — где указывалось, что «податель сей записки сын покойного Ивана Павловича Менделеева, бывшего директора Тобольской гимназии, окончивший курс наук в той же гимназии».

Как бы то ни было, Дмитрия допустили к испытаниям, и он выдержал их (по девяти дисциплинам) с достаточным для зачисления средним баллом — 3,22. Лучшие оценки (четверки) получены по русскому и латинскому языкам. Последний он не любил, но лично отец с детства «натаскивал» его по латыни. Остальные оценки — 3, $3\frac{1}{2}$, есть $2\frac{1}{2}$ по немецкому языку и даже 2 по французскому. Что же, Тобольская гимназия давала не самое блестящее образование. Разве что все писавшие о ней считают своим долгом упомянуть, что как раз в 40-е годы XIX века преподавателем словесности и инспектором там служил известный всей грамотной России автор «Конька-горбунка» П. П. Ершов. Но вряд ли его педагогический талант был равен поэтическому. Да и Дмитрий Менделеев был не самым прилежным учеником, особенно в старших классах. Общее впечатление, которое можно вынести от сохранившихся в архивах его оценок, таково: способный ученик, занимающийся, однако, лишь настолько, чтобы не оставаться на второй год в классе. Как только такая опасность грозила, он сейчас же подтягивался — и отметки исправлялись. Экзаменационные, как правило, лучше годовых.

А как он учился в институте? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует отметить,

что на избранном Дмитрием естественно-математическом факультете профессора были первоклассные, лучшие ученые своего времени, создавшие себе громкие имена в науке, искренне ей преданные. Лекции по математике читал академик М. Остроградский, по химии — А. Воскресенский, по физике — Э. Ленц, по астрономии и геодезии — А. Савич, по минералогии и геогнозии — С. Куторга, по зоологии — академик Ф. Брандт, по ботанике — М. Шиховской, по педагогике — Н. Вышнеградский.

Как уже сказано, приемы и выпуски студентов осуществлялись раз в два года. Соответственно этому и программы по каждому предмету составлялись так, что курс приходился не на один, а на два года. Менделееву и поступившим с ним «в промежуток» товарищам предложено было решать, в какой срок они желают окончить полный курс: в три года, для чего они должны были бы самостоятельно пройти курс предыдущего 1849/50 г. и присоединиться к студентам, поступившим в 1849-м, или в пять лет, чтобы окончить с теми, которые должны были поступить в 1851-м. Менделеев избрал пятилетний курс, и решение это сочтем вполне благоразумным. При сравнительно слабой подготовке, полученной в гимназии, ему трудно было самостоятельно осилить ряд совершенно новых дисциплин. А не перейти своевременно на старший курс — это значило попасть в уездные учителя, потому что в институте на второй год не оставляли. К тому же Менделеев был еще слишком молод, чтобы торопиться с окончанием института.

В первый институтский год Менделееву пришлось начать слушание всех курсов со второй половины и, следовательно, самому никак в пройденное в предыдущем году. Этим можно оправдать его низкие оценки в первый год студенчества. Из 28 студентов он по успехам оказался на 25-м месте. Но с начала 1851/52 учебного года Менделеев присоединился к новичкам-первокурсникам и вместе с ними стал проходить все учебные предметы сначала. Это дало очень хорошие результаты. В первый же семестр отметки у него поправились, и чем дальше, тем более он обращал на себя внимание профессоров своими успехами.

Учившийся курсом младше М. А. Папков оставил такие воспоминания: «Лишь только я

огляделся по поступлении в институт, я сблизился с Дмитрием Ивановичем. Меня поразило его пристрастие к высшей математике несмотря на то, что он ясно обнаруживал себя физико-химиком. К биологическим наукам она выражал также большое расположение. <...> Однако он не ограничивался науками этого факультета и интересовался науками, проходимыми на историко-филологическом факультете, так как он успевал выбрать время, чтобы быть на лекциях профессоров и того факультета. Кроме того, он посещал мастерскую гальвано-пластических работ, устроенную в здании Академии наук».

«От такого широкого и горячего интереса к наукам, — продолжает М. А. Папков, — страдал его физический организм, выражаясь кровохарканьем и расстройством нервов».

К этому времени рядом уже не было заботливой матушки Дмитрия. Устроив сына, она поселилась с дочерью в наемной петербургской квартире и, как это нередко бывает с людьми ее типа, оставшись без забот и хлопот, без настоящего дела, которое требовало от нее энергии, она расслабилась. Подхваченная ею простуда привела к смертельному исходу. Она скончалась 20 сентября 1850 года, 57 лет от роду. А 18 марта 1852 года в той же Мариинской больнице, где умерла Мария Дмитриевна, чахотка унесла жизнь Лизаньки Менделеевой.

Дмитрий тоже едва не отправился следом за сестрой. Петербургский климат для него, сибиряка, был непривычен и вреден, а усиленные занятия слишком утомляли. В январе 1853 года он слег, и потом вспоминал, как институтский доктор Кребель приговорил его к смерти. Обходя вместе с директором института лазарет, доктор остановился возле кроватей Менделеева и студента Бетлинта и, думая, что больные спят, довольно громко сказал своему спутнику: «Ну, эти двое не встанут». В отношении Бетлинта скорбный прогноз оправдался. А 19-летнего Менделеева, может быть, высшие силы сочли нужным сохранить для будущего. Здоровье его пошло на поправку, а руководство института оправило ходатайство министру народного просвещения о переводе способного студента в один из южных университетов (Харьковский или Киевский), где он мог бы при действии благоприятного климата восстановить свои силы. Но, проведя лето на даче у знакомых, Дмит-

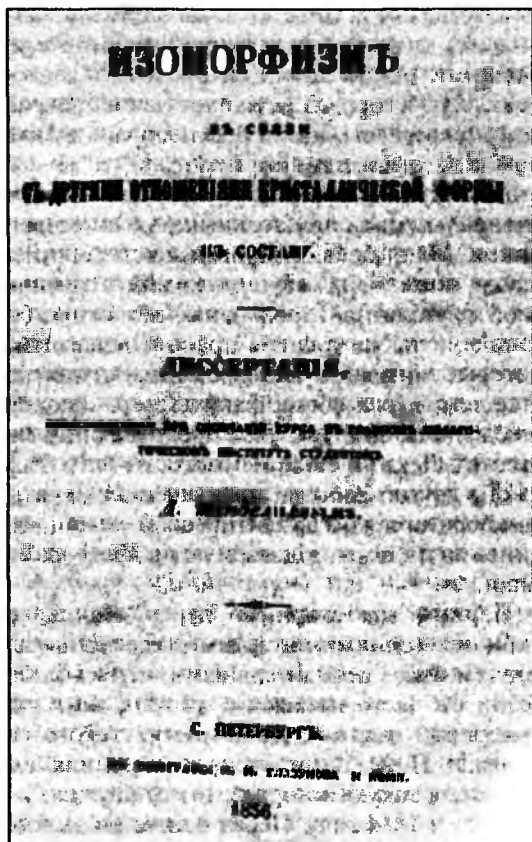
рий от перевода отказался: он сжился с товарищами, дорожил налаженной работой с успешными узнать его педагогами и опасался, что в других городах не найдет такой прекрасной профессуры, какая была собрана в Главном педагогическом институте.

На старшем курсе студенты делились по специальностям на математиков и естественников. Менделеев, выбравший естественные науки, должен был слушать химию с химической технологией, геогнозию, зоологию, ботанику, а также русское право и педагогику, которые читались одновременно студентам старшего курса обоих факультетов. Два раза в неделю по полтора часа преподавались искусства. Лекций было немного, но зато было много другой работы: практические занятия в лаборатории по аналитической химии, сочинения на темы, задаваемые профессорами, и т. п.

Первый год старшего курса Менделеев окончил с одними пятерками. Успехи выглядят тем более поразительными, что из-за болезни он часто попадал в лазарет, но и там продолжал занятия. Дочь институтского советника Н. М. Данилевская сохранила для потомков такую историю, относящуюся, вероятно, к 1854 году. Перед одним из экзаменов Дмитрий опять был болен и лежал в лазарете. Однако откладывать экзамена до осени он не желал и просил доктора Кребеля дозволить ему держать экзамен. Тот удивился, но разрешил. В день экзамена, несмотря на болезненное состояние, Менделеев встал, оделся в мундир, как требовалось правилами, и сдал экзамен успешно. Когда после этого он возвращался в лазарет, товарищи проводили его аплодисментами.

К 1854 году относится первая научная публикация Менделеева. Статья «Химический анализ ортита из Финляндии» — это, по существу, говоря современным языком, курсовая студенческая работа. Но анализ минерала был сделан так отлично, что его результаты поместили на немецком языке в издании Минералогического общества. Публикация была замечена шведским минерологом Норденшильдом, с которым Менделеев вступил в переписку.

Все выпускные экзамены в 1855 году Менделеев сдал на отлично. По биологии и ботанике в ведомостях стоят пятерки с плюсами. Показателен отзыв академика Ю. Ф. Фриц-

Титульный лист диссертации Д. И. Менделеева, представленной при окончании Главного педагогического института. 1856 г.

ше, написанный им по собственной инициативе на имя директора института после посещения экзамена по химии, который принимал профессор А. А. Воскресенский:

«Присутствуя на экзамене в Главном педагогическом институте, я с удовольствием слушал объяснение вопросам химии студента Менделеева. Убедившись, что этот молодой человек вполне владеет знанием химии и очень хорошо знаком даже с новейшим направлением этой науки, я долгом считаю сообщить вам об этом свое личное мнение и покорнейше просить ваше пр-во содействовать с вашей стороны тому, чтобы г-ну Менделееву при определении на службу была предоставлена возможность далее усовершенствоваться в химии.

Это, по моему мнению, ныне наилучше могло бы быть достигнуто, если бы он был определен в один из тех городов, где имеются

университеты, а впоследствии предоставлена была возможность посетить иностранные лаборатории и воспользоваться советами знаменитых иностранных химиков, личное знакомство с которыми никак не может быть замещено одним чтением их сочинений».

После торжественного выпускного акта, состоявшегося 20 июня 1855 года, конференция института возбудила ходатайство перед министром о разрешении «отличнейших из окончивших курс студентов», в числе которых был назван и удостоенный золотой медали Дмитрий Менделеев, «оставить при институте еще на один год для дальнейшего усовершенствования по избранным им наукам и приготовления к экзамену на степень магистра под руководством профессоров института».

Ходатайство конференции было уважено, но Менделеев не остался в Петербурге, потому что к этому времени он осознал совершенную необходимость уехать для поправки здоровья на юг, а тут как раз образовалась вакансия старшего преподавателя естественных наук в Симферопольской гимназии.

Известный в Петербурге врач Здекауэр посоветовал молодому человеку воспользоваться пребыванием в Симферополе, чтобы показаться профессору Н. И. Пирогову, который в то время заведовал медицинской частью на театре военных действий (шла Крымская война 1853—1856 гг.), и передал к нему рекомендательное письмо. Прочитав письмо и осмотрев подателя, Пирогов успокоил Менделеева, надавал советов, как себя вести, а возвращая бумагу от столичного коллеги, сказал: «Сохраните это письмо, и когда-нибудь оно вернется Здекауэру. Вы нас обоих переживете». Время показало, что он был прав. Вспоминая впоследствии дельные советы Пирогова, Дмитрий Иванович говорил: «Вот это был врач! Насквозь человека видел и сразу мою натуру понял».

Учительский дебют в Симферополе, однако, не состоялся. Из-за военных действий на полуострове занятия в гимназии не предполагались. Удалось добиться перевода в Одессу, куда Менделеева и намечалось направить «по предварительному распределению». Там он провел полгода, учительствуя в гимназии при Ришельевском лицее и одновременно занимаясь научными исследованиями: благо для этого были время, библиотека и — что особенно важно — лаборатория.

Гимназия при Ришельевском лицее в Одессе, где Д. И. Менделеев преподавал в 1855—1856 гг.
Литография

Он с головой ушел в «химию паров», уточняя отношения объемов химически соединяющихся газов, пытался проследить, насколько и чем именно они отличаются от весовых отношений тех же тел. Он исправлял десятки измерений своих предшественников. Наконец, он увидел, что нагромождение ошибок в химической литературе, относящейся к этому вопросу, настолько велико, что надо проверять все подряд. И он, не колеблясь, принялся за эту титаническую работу. Каждое осуществляемое им измерение удельных объемов химически соединяющихся тел ложилось прочным камнем в фундамент здания химической науки, еще только формировавшейся, еще только вырабатывающей методы исследования, только нащупывающей опорные пункты для новых теоретических построений. Недаром, приступая вскоре к ведению дневника, Менделеев открывает его эпитафией — цитатой из Жорж Санд: «Объекты в науке не возникают неожиданно. Если они сверкнут иногда, как свет, в открытиях, то в виде фактов, которые, прежде чем им довериться, должны быть установлены основательнейшим и добросовестнейшим образом».

С рукописью «Об удельных объемах» Д. И. Менделеев во время отпуска прибыл в Петербург и подал ректору университета прошение о представлении ее в качестве диссертации на степень магистра химии. Защита прошла блестяще 9 сентября 1856 года.

А через три дня Менделеев подал исполняющему должность ректора В. Я. Буныковскому еще одну бумагу: «Окончив испытание и защищение на степень магистра химии и имея желание остаться при С.-Петербургском университете, покорнейше прошу ваше превосходительство дозволить мне в течение следующей недели представить и защищать предварительное чтение «О строении кремнеземистых соединений»».

В этой работе речь шла о химии стекловарения. Двадцатидвухлетний магистр химии по-своему прощался с прошлым. Ведь стеклоделание было первой технологией, с которой Менделеев познакомился еще в детстве на заводе под Тобольском. Вторая диссертация объясняла добытые опытом законы стеклового производства с точки зрения большой науки. Взгляды Менделеева на природу кремнеземистых соединений, выраженные в диссертации, а также в полностью принадлежащей ему теоретической части книги «Стеклозное производство» (1864), были новы по сравнению с существовавшими в то время воззрениями и представляли собой дальнейший шаг в развитии науки о стекле.

Диссертация «Строение кремнеземистых соединений» на звание приват-доцента Петербургского университета была защищена Д. И. Менделеевым 21 октября 1856 года. После соблюдения всех бюрократических формальностей, 9 января 1857 года Дмитрий Иванович официально вступил в должность. Одновременно он был избран секретарем физико-математического факультета. Кроме чтения лекций по органической химии и выполнения других университетских обязанностей, он активно сотрудничает как популяризатор науки с «Журналом Министерства народного просвещения», дает и частные уроки (дополнительный приработок к скромному университетскому жалованью был не лишним).

Д. И. Менделеев в 1855 г.

В это же время он влюбляется в Сонечку Каш — 16-летнюю дочку приехавших из Тобольска в Петербург знакомых семьи Менделеевых. Через ее родителей Дмитрий Иванович сделал девушке предложение и был объявлен женихом. О своей помолвке Менделеев писал родным и товарищам, получал от них поздравления и пожелания семейного счастья. Был уже назначен день и определена церковь для венчания. Но накануне свадьбы Сонечка решительно заявила отцу, что не хочет выходить замуж. На старости лет она написала несколько страничек воспоминаний об этой истории. Объяснение выглядит наивно, по-детски: «При виде своей комнатки, в которой я провела столько лет счастливого детства, при мысли, что скоро надо покинуть это дорогое, родное гнездышко, расстаться с горячо любимой мамашей и уехать куда-то далеко, навсегда, с человеком, которого не так люблю, как бы хотела любить, — я залилась горькими, неутешными слезами».

Дмитрий Иванович тоже плакал, получив отказ. Его служанка, пришедшая в дом невесты, жаловалась, что он никуда не выходит, только пьет воду и лежит, как бы не заболел.

На четвертый день появился сам Менделеев, пожелавший все-таки объясниться с невестой. «Он быстро подошел ко мне, взял за руки и заплакал, — продолжает вспоминать старенькая Сонечка (Софья Марковна Фогель). — Я чувствовала, как горячо целовал он руки и как они были мокры от слез. Мне никогда не забыть этой тяжелой минуты нашей разлуки. Тогда я в первый раз сама поцеловала его крепко в лоб, и в этот момент мне показалось, что он для меня дороже и ближе всех других, после мамаша, и у меня на языке уже были слова: “Я, я люблю вас...” Но я не произнесла этих слов вслух и наша судьба была решена...»

Намечавшаяся свадебная поездка за границу, разумеется, тоже не состоялась. За границу он поедет один в апреле 1859 года. В научную командировку. Он мечтал об этом с тех пор, как окончил институт. Помните о желательности посещения выпускником иностранных академий говорилось в отзыве академика Фришше? Но теперь он едет уже не просто как подающий надежды. Едет, успев зарекомендовать себя как блестящий молодой ученый.

Д. И. Менделеев отправился за границу, чтобы личным общением с иностранными химиками и слушанием специальных курсов расширить свой кругозор, а главное — иметь условия для самостоятельной экспериментальной работы, каких нигде в России не было. Темой своих исследований он наметил изучение вопроса о связи между сцеплением жидкостей, их физическими свойствами и весом их химической молекулы. Метод работы, выбранный Менделеевым, состоял в наблюдении высот поднятия жидкостей в капиллярных трубках, которые являются мерой сцепления. Эта обширная и увлекательная область требовала точнейших наблюдений, а следовательно — точнейших приборов, химически чистых веществ, чистого, удобного, спокойного места для работы. И что немало важно — с хорошим климатом, учитывая состояние здоровья Дмитрия Ивановича. В поисках такого места он объехал несколько университетских городов Германии и наконец остановился в Гейдельберге.

Старейший в Германии Гейдельбергский университет, основанный в 1386 году, пользовался в середине XIX века большой популярностью среди ученых всех стран. Отовсюду

в него стремилась молодежь, желавшая работать под руководством знаменитых химиков и физиков. Менделеев был принят в лаборатории химика Роберта Бунзена, но она оказалась переполнена студентами. К единственным точным весам — главному инструменту задуманных опытов — устанавливалась очередь. Поэтому Менделеев стал искать предлог, чтобы расстаться с лабораторией.

Предлог нашелся сам собою и оказался не надуманным. Сосед по столу, добродушный Курциус, работал с сернистыми соединениями. Их запах вызывал у Менделеева боль в груди. Русский химик выразил признательность хозяину лаборатории за радушие, но сообщил, что неудачное соседство вынуждает его, однако, искать уединения.

Менделеев снял помещение. За измерительными инструментами съездил в Париж к лучшему мастеру Саллерону. Заказал там и некоторые препараты. Дороже, чем в Германии, но качественнее.

3 декабря он отправил обстоятельное письмо коллеге Л. Н. Шишкову в Петербург, где, в частности, сообщает: «Приехавши из Парижа с богатым запасом всего мне необходимого, я начал много работать. Провел себе в квартиру газ, одну комнату обратил в лабораторию, в другой — делаю наблюдения. Первое время работал так много, что утомился и в конце августа поехал отдохнуть в Швейцарию с Сеченовым, которого вы, кажется, знаете. Наслаждения оживили меня; побывали мы на Риги, на С.-Готардской дороге, на Фурке, Гримзене, в Бернском Оберланде. После 12-дневного отдыха я до сих пор сижу над своей капиллярностью. Первое время, месяца два, употребил на кучу предварительных исследований, столь необходимых в работе, так новой для меня. Теперь уже дошел до той скорости работы, какую перейти невозможно. Средним числом для каждого тела надо три дня: день — приготовить, калибровать и вычислять трубки, другой — очистить тело, третий — наблюдать капиллярность и удельный вес. Уже много органических соединений переработано мной: гомологические жирные кислоты и алкооли, эфиры, алдегиды, ароматические некоторые углеродистые водороды, глицерин, молочная кислота. Для конца работы надо еще, как оказалось теперь, определить те же данные при возвышенных температурах. Выводы, каких достиг теперь уже, не

Н. Житинский, А. Бородин, Д. Менделеев
и В. Левинский в Гейдельберге. 1860 г.

имеют пока большой общности, но я надеюсь достичь этих общих результатов, надо только еще тел двадцать изучить».

Упомянутый в этом письме Сеченов — не кто иной, как основоположник русской физиологической школы. Он на пять лет старше Менделеева и после Гейдельберга остался его большим другом. Вообще, в Гейдельберге Менделеев встретил много русских. В том числе химиков Н. Бекетова, В. Савича, позже подъехал А. Бородин.

В круг общения Менделеева входили также совсем молодые ученые С. Боткин и И. Вышеградский, писательницы Т. Пассек (двоюродная сестра А. Герцена) и Марко Вовчок. Менделеев с Бородиным устроили рождественские каникулы в Париже. В следующем году Дмитрий Иванович позволил себе побывать в Италии. Но после краткосрочных развлечений он с особым рвением вновь принимался за работу. И уж никак нельзя назвать отдыхом поездку в Карлсруэ.

В Карлсруэ, находящемся недалеко от Гейдельберга, с 3 по 6 сентября 1860 года прохо-

дил Первый международный конгресс химиков, который считается вехой в становлении и развитии этой науки. Необходимость конгресса была вызвана тем, что исследователи буквально перестали понимать друг друга. Его инициатор, немецкий профессор, автор теории ароматических соединений Август Кекуле, исходил из того, что почвой для разногласий служит различное толкование химиками таких понятий, как атом, молекула, эквивалент. Кекуле наметил ряд главных тем повестки дня конгресса:

«1. Путем обмена мнений и обобщения отдельных главных вопросов сговориться относительно того, какая из современных теорий заслуживает предпочтения.

2. Достичь согласования или по крайней мере подготовить его для того, чтобы выражать одинаковые мысли в одинаковой форме как на словах, так и письменно, например:

а) Установить, какие слова следует применять для определения понятий, как-то: эквивалент, атом, молекула, атомный, основной (базисный), атомность, основность, двухобъемность или 4-объемный и т. д.

б) Какими символами обозначать атомы и какими эквиваленты элементов.

В этом вопросе необходимо согласование, чтобы сделать возможным согласованный способ написания атомных молекулярных формул, с одной стороны, и формул эквивалентных — с другой стороны.

в) Соглашение относительно способа написания рациональных формул. Это означает не обсуждение различных рациональных формул, а лишь то, какую расстановку букв следует применять для выражения одной и той же мысли.

г) Подготовка единообразной и рациональной номенклатуры».

Кекуле ясно понимал, что соглашения по указанным пунктам сразу не достичь, но можно подготовить предложения и определить перспективу дальнейшей совместной работы.

3 сентября 1860 года в Карлсруэ из разных стран собрались около 140 химиков, многие считались светилами этой науки. 26-летний Менделеев был включен в созданную на нем комиссию по уточнению понятий. «Результат неожиданно единодушный и важный, — сообщал он своему учителю А. А. Воскресенскому. — Приняв различие атома и частицы, химики всех стран мира приняли начало уни-

тарной системы; теперь было бы большой непоследовательностью, признав начало, не признавать его следствий».

Конгресс произвел на Менделеева глубокое впечатление не только достигнутыми результатами, но и тем беспристрастием, той деликатностью, с которыми он был проведен. Ученый не раз вспоминал его в дальнейшем, отмечая, что без «унитарной системы» не могла бы появиться и «периодическая законность».

Незабываемый конгресс, выполненные в Гейдельберге научные работы, публикации в журналах, множество впечатлений от поездок по Европе — вот тот багаж, с которым Менделеев в феврале 1861 года возвращался в Россию. Он сделал попытку продлить командировку еще на год, но неудачно. «Чем дольше живешь здесь, тем больше свыкаешься и понимаешь выгоды такой жизни, — писал он петербургским знакомым из Баден-Бадена, куда заехал после конгресса. — Никогда не будет в России ни таких пособий для занятий, ни столько свободного времени, ни столько возможности переменять места, когда захочешь — лишь только есть охота и деньги. Одно плохо — здесь отвыкаешь от заработков денег, работаешь для своей охоты, а средств, даваемых казною, недостаточно».

Важно, что за границей Менделеев установил дружеские отношения со многими выдающимися химиками. Благодаря этим связям, переписке, а при случае — и личному общению, он легко ориентировался в новейших течениях науки.

Возвращаясь домой, Дмитрий Иванович ненадолго остановился в Берлине. Раздобыл там столь дефицитные в России каучуковые прокладки. Не упустил возможности побывать в старом и новом музеях. Его радовали встречи с любимыми итальянскими художниками («Сарто узнал сразу», — с удовлетворением записывал он в дневнике). Из современных живописцев он отметил Каулобаха, его реалистическую манеру письма. Интерес к живописи ученый сохранял до конца жизни.

Но, конечно, наука — превыше всего. И он опять с головой ушел в нее в Петербурге.

Чтение лекций в университете на кафедре органической химии, руководить которой он был назначен, Менделеев успешно сочетает с написанием курса по избранному предмету.

За высокой конторкой (в молодости он предпочитал писать стоя) Дмитрий Иванович, работая днем и ночью, как об этом вспоминал его ассистент Г. Густавсон, в два месяца написал первый и единственный в то время в России учебник «Органическая химия». По утверждению того же Густавсона, «Менделеев вообще являлся противником гигиенического распределения занятий и говорил, что только при односторонних, непрерывных и упорных усилиях, направленных к одной цели, хотя бы и отзывающихся болезненно на организме, возможно создать что-либо ценное, что-либо такое, чем сам останешься доволен».

Помимо прочих достоинств, в «Органической химии» уже отчетливо проявилось стремление Менделеева использовать сведения о способности отдельных элементов присоединять к себе строго определенное количество атомов (потом это назовут «валентностью») «как для сравнения и систематического описания, так и для изучения реакции тел». И здесь ясно видны следы подготовки к тем знаменательным обобщениям связи атомов с их свойствами, что прославили имя Менделеева.

Учебник был встречен всеобщим одобрением. Коллеги оценили его оригинальность, новизну подходов. По представлению академика Н. Н. Зинина книга получила большую Демидовскую премию Российской Академии наук. А это, заметим, не только слава, но и 1428 рублей серебром. (Для сравнения: в заграничной командировке Менделееву на весь год полагалось от университета 1200 рублей.)

Деньги оказались как нельзя кстати. А то в дневнике Дмитрия Ивановича уже появилась такая запись: «Пальто и сапоги сшиты в долг, всегда хочется есть». А тут еще предстояла женитьба...

Феозва Никитична Лещева (Физа, как ее звали в семье) была старше Менделеева на шесть лет. Знакомы они были еще по Тобольску. Мать Физы после смерти мужа вышла замуж с четырьмя детьми за уже упоминавшегося выше поэта и инспектора Тобольской гимназии П. П. Ершова. Вскоре и она умерла. Физу и сестру взяли с собой в Петербург родственники — супруги Протопоповы. Дядю Физы, Владимира Александровича Протопопова, как раз переводили на службу в столицу по Министерству финансов. Эта

Д. И. Менделеев с женой Феозвой Никитичной (урожд. Лещевой). 1862 г.

фамилия тоже упоминалась в нашей статье: у Протопоповых останавливались Менделеевы по приезду в Петербург; у них же находил поддержку, оставшись сиротой, юный студент Дмитрий.

Барышня Феозва Никитична окончила курс в Екатерининском институте в Москве и продолжала жить у Протопоповых. Менделеев слал ей письма из-за границы (она, правда, написала ему первой), делился впечатлениями о городах, где бывал, и красотах природы. Почти ничего о работе и совсем ничего о любви. Более того: кажется, он хочет свести Физу с Сеченовым, вернувшимся в Петербург раньше: «Что вы не сердитесь на меня, Феозва Никитична, за мое непростительное молчание, то в этом я убежден, но убежден я и в том, что вы пеняли-таки иногда на меня за это и поделом, право, поделом. Зато вы, вероятно, не будете пенять на меня за то, что через посредство этого письма по-

знакомились с Сеченовым. Он, во-первых, бывал на своем веку во многих местах, потому ему есть что рассказать, во-вторых, он был сперва офицером, потом пошел в университет — следовательно, человек с характером. А главное — он человек виду нисколько не обещающего, но в самом деле человек оригинальный, теплый, хоть и кажется подчас вовсе не таким. Мне будет интересно знать ваше мнение о нем. На этом человеке можно отчасти узнавать вкусы людей — к внешности ли они привязаны, она ли их руководит, или же они любят простоту, теплоту души, а не мягкость, увы, столь часто вредную».

Сеченов просто передал письмо, без каких-либо последствий для личной жизни. А Менделеев, по привычке, проводит в Петербурге редкие свободные вечера у Протопоповых, общается с Феозвой Никитичной. В дневнике записывает: «Гуляли. Ни скучно, ни весело. Нет, не живется мне, право, не такая жизнь нужна, право». Но в доме на него смотрят как на жениха, и он им становится. Потом, словно опомнившись, пытается дать обратный ход, но старшая сестра Ольга, имевшая на брата-последыша большое влияние, стыдит его в письме: «Вспомни еще, что великий Гете говорил: “Нет больше греха, как обмануть девушку”. Ты помолвлен, объявлен женихом, в каком положении будет она, если ты теперь откажешь?»

Тут наверняка Дмитрий Иванович не мог не вспомнить о собственном стрессе, пережитом после отказа Сонечки Каш. Он не уподобился гоголевскому Подколесину, выпрыгнувшему в окно перед свадьбой. В апреле 1862 года состоялось венчание. В этом браке родилось трое детей — Мария, Владимир и Ольга. Но семейная жизнь не сложилась. Формально брак был расторгнут в 1881 году, но фактически — гораздо раньше. Впрочем, не станем забегать вперед.

В 1863 году Д. И. Менделеев был избран на кафедру технологии в университете, в 1864 году — избран профессором Технологического института, в 1865-м — защитил докторскую диссертацию «Рассуждение о соединении спирта с водою», после чего был утвержден профессором технической химии Петербургского университета.

Тех читателей, которые знают, что Менделеев является «отцом русской водки», спешим предупредить: от упомянутой диссертации

до запатентования 40-градусной водки под маркой «Московская особенная» прошел 31 год. Ученого же вообще интересовала природа растворов, изменения в свойствах веществ, образующих раствор. Мы не станем здесь, как и далее, вдаваться в объяснения сугубо научных вопросов, понимание которых требует от читателя специальной подготовки. Заметим только, что интерес к растворам после защиты диссертации не пропал. Свидетельство тому — книга «Исследование водных растворов по удельному весу», вышедшая с посвящением матери от «последыша» в 1887 году. В общей сложности он рассмотрел зависимость удельных весов растворов 233 химических соединений при различных концентрациях и температурах. Полученные данные постарался привести в стройную систему, известную как «гидратная теория растворов Менделеева». Были и другие теории ученых, работавших в этом направлении, но после накопления достаточного количества опытных данных основные положения Менделеева вошли в признанную химиками всего мира сольватную теорию растворов.

Работа над докторской диссертацией заняла у Менделеева в общей сложности свыше трех лет. Но в то же время он читал лекции, писал статьи для «Технической энциклопедии», выполнял в своей лаборатории химические анализы для промышленности.

Вспоминая первые годы своей преподавательской деятельности, Дмитрий Иванович говорил, что ему пришлось читать столько лекций, что он еле успевал на извозчике переезжать из одного учебного заведения в другое. Кроме уже названных, это были Кадетский корпус, Корпус (впоследствии институт) путей сообщения, Инженерное училище. И однажды на вопрос: «Зачем же вы набрали так много работы?» — признался: «Когда я жил за границей, у меня была интрижка, а от нее плод, за который и пришлось расплачиваться».

Предмет этой интрижки — некая г-жа Фойхтман (Фойхтманша, как называл ее в письмах к Менделееву его друг химик Оленинский), а плод — дочка Роза. Кем была Фойхтман, как расстался с ней Дмитрий Иванович, почему Оленинский окрестил ее «ведьмой» и советовал другу с ней не великодушничать — биографам того установить не удалось (иногда ее называют провинциальной актрисой). Известно лишь, что Менделе-

ев беспокоился о воспитании дочери вплоть до ее замужества, посылал деньги, хотя в откровенную минуту сказал одному другу: «Да я не уверен, моя ли она».

Мы располагаем опубликованными в 1917 году воспоминаниями инженера В. В. Рюмина о лекциях и практических занятиях Менделеева в Технологическом институте в 1863—1864 гг.:

«Первое впечатление живо и до сих пор: длинные волосы, некоторая небрежность костюма, нервные, порывистые движения, особая манера разглаживать бороду сзади наперед, глубокий взгляд, своеобразная интонация несколько глухого голоса отличали Д. И. от большинства наших профессоров.

Читал свои лекции Д. И. тоже не так, как остальные: его речь была отрывиста, не всегда лилась гладко, но положения его были точны, в наши головы они вклинивались и отчетливо врезались в память.

Иногда он, увлекаясь сам, не замечал, что далеко отошел от курса, унесся в область нам недоступную, в область химической фантазии, и тогда, спохватившись, останавливался, улыбался, глядя на нас, и, расправляя бороду, говорил: «Это я все наговорил лишнее, вы не записывайте».

<...>

Вообще в лаборатории, делая разъяснения и замечания студентам, Д. И. бывал подчас раздражен и отпускал фразы, вроде того, что «ни одна кухарка не работает так грязно, как вы». Но это не портило отношений: говорил он это нам, как равным, и сам сносил ответы не всегда почтительные и корректные, отвечая на них остроумными и меткими шутками. Его отношения всегда дышали доброжелательством, и важен был их смысл, а не форма. Зато он научил нас работать в лаборатории так чисто и аккуратно, как ни до, ни после него не работали.

<...>

Д. И., кроме громадного количества знаний, которыми он обладал, был химиком с глубоким чутьем. Нередко от него можно было услышать: «Ну, знаете ли, по соображениям, эта реакция должна идти так, как Вы говорите, только тут что-то не так, я чувствую, что не так — не пойдет». И чувство его не обманывало. Его слова: «Химик должен во всем сомневаться, пока не убедится всеми способами в верности своего мнения» — ос-

тались навеки в памяти его учеников, и каждый из них, делая анализ, проделывал его со всеми тонкостями и тогда только решительно говорил о результатах».

Летом—осенью 1863 года Менделеев побывал в нефтеносных районах Апшеронского полуострова. Пригласил его туда московский купец В. А. Кокорев, имевший нефтеперерабатывающий заводик близ Баку. Владельца интересовало, можно ли найти способ удешевления и перевозки нефти, а если этого сделать нельзя, то Дмитрий Иванович имел полномочия закрыть невыгодное дело. «Можно!» — сделал вывод Менделеев. Но успех требует «многих разных мер и условий», между ними надо выбирать «одну, наиболее важную». А это, по мнению Менделеева, — отмена откупной системы. Поясним: нефтеносные земли принадлежали казне, а она сдавала участки предпринимателям (откупщикам) в аренду на четыре года, после чего участок снова выставлялся на торги. Модернизировать производство, вкладывая большие деньги, при такой системе было опасно.

Менделеев отправился к министру финансов Рейтерну и, как лицо не заинтересованное, стал его убеждать в выгоды для казны отмены откупной системы. Министру же скромный, но устойчивый доход с откупов представлялся уже прирученной синицей, а проблематичные сборы с каждого пуда нефти, как предлагал Менделеев, казались журавлем в небе. Ученый утверждал, что вместо одного-двух миллионов пудов легко довести добычу нефти до сотни миллионов пудов и не ввозить американский керосин, а вывозить за границу свой собственный. «Это ваши профессорские мечтания», — перебил его Рейтерн, и Менделеев в ярости покинул министерство. Он никогда не мог простить этой реплики и так часто о ней вспоминал, что тем самым прославил ничем иным не замечательного министра.

Резкие выступления Менделеева против откупов на нефть возымели действие лишь в 1872 году: нефтеносные участки стали распродаваться в частные руки. Однако Рейтерн оставался верен самому себе и наложил на нефть настолько высокий акциз, что русский керосин по цене с трудом мог соперничать с американским. Лишь когда отставание русской нефтяной промышленности от американской стало вызывать в правительстве тре-

вогу, Рейтерн вынужден был вернуться к советам Менделеева и просить его снова изучить этот вопрос, для чего, в частности, в 1876 году Русское техническое общество послало Дмитрия Ивановича в Соединенные Штаты посмотреть, как там поставлено нефтяное хозяйство.

По итогам поездки он написал книгу «Нефтяная промышленность в североамериканском штате Пенсильвания и на Кавказе». Его перу также принадлежит брошюра «Где строить нефтяные заводы?». Нефтью Дмитрий Иванович занимался серьезно, приговаривая: «Без светоча науки и с нефтью будут потемки». Как теоретик, он высказал гипотезу минерального происхождения нефти из металлических карбидов. Как исследователь-практик, предложил принцип непрерывной дробной перегонки нефти, методы обработки и определения отдельных погоннов, селективных растворителей, лично участвовал в проектировании первого нефтепровода между Баку и Батумом. Своими мероприятиями Менделеев добился, что русская нефтепромышленность на время опередила американскую. Правда, потом опять отстала из-за отсутствия капиталовложений на усовершенствование оборудования и развитие научно-исследовательской работы.

На третьем году супружеской жизни, когда материальное положение Менделеева упрочилось, он принял предложение приятеля и коллеги, профессора Технологического института Н. П. Ильина, разделить с ним покупку у разорившегося князя Дадзани маленького имения Боблово в Клинском уезде Московской губернии. Эта покупка привела к увлечению Дмитрия Ивановича сельским хозяйством до такой степени, что и в этом деле он стал профессионалом. У него там было опытное поле с пробами различных удобрений.

«Опыты Дмитрия Ивановича дали блестящий результат,— вспоминает жившая у него там племянница Н. Я. Капустина-Губкина.— Урожай получился такой, что крестьяне поражались. Их поля дали сам-четыре, сам-пять, а у него было сам-десять, сам-двенадцать.

Хорошо помню, как раз во дворе к Дмитрию Ивановичу пришли несколько мужиков по какому-то делу и, кончив его, спросили:

— Скажи-кася ты, Дмитрий Иваныч, хлеб-то у тебя как родился хорошо за Аржанным прудом... Талан это у тебя или счастье?

Я стояла тут же и видела, как весело и ясно сверкнули синие глаза Дмитрия Ивановича, он хитро усмехнулся и сказал:

— Канешно, братцы, талан.— С мужиками Дмитрий Иванович любил иногда поговорить на “о” и простонародной манерой, что очень шло к его русскому лицу.

Потом за обедом он, смеясь, рассказывал это большим и прибавил:

— Зачем же я скажу, что это только мое счастье. В талане заслуги больше...»

Через 6-7 лет при малых денежных затратах, путем введения многополья, хорошего удобрения, машин, правильного скотоводства Менделеев достиг блестящих результатов. Об этом свидетельствуют не только подлинные отчеты, но и тот факт, что профессора Стебут, Люгодовский привозили студентов Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии осматривать образцовое менделеевское хозяйство.

Во многих, более поздних высказываниях Менделеева и в его докладах в Вольном экономическом обществе сельскохозяйственные увлечения той поры выявляются во всех своих частностях. Помимо агрохимии, почвоведения, он был озабочен продвижением науки в народнохозяйственную жизнь. В обрывках «мыслей и мнений», собранных в «коробе воспоминаний» Капустиной-Губкиной, есть одно весьма примечательное высказывание Менделеева, неизвестно, впрочем, к какому периоду жизни относящееся. Он говорил как-то о том, что в будущем труд крестьян, вооруженных знанием и техникой, станет разновидностью умственного труда.

После назначения профессора Воскресенского попечителем Харьковского учебного округа Менделеев в октябре 1867 года получил в университете кафедру неорганической химии (он ее называл общей), которую возглавлял в течение 22 лет. Это период наибольшего расцвета его научной и педагогической деятельности.

Многие стремились в своих воспоминаниях передать образ Менделеева-профессора. Особенно ярко и эмоционально это получилось у его ученицы на Высших женских курсах, а впоследствии сотрудницы в Палате мер и весов О. Э. Озаровской: «С живописной львиной головой, с прекраснейшим лицом, опираясь на вытянутые руки с подогнутыми

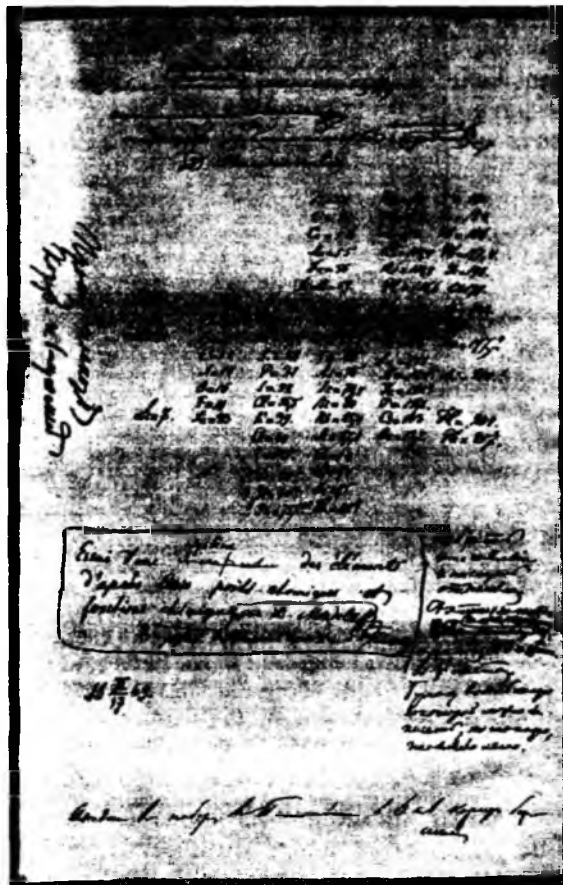
пальцами, стоит высокий и кряжистый Менделеев на кафедре... Если речь заурядного ученого можно уподобить чистенькому садику, где к чашлым былинкам на подпорочках подвешены этикетки, то речь Менделеева представляла собой чудо: у слушателя из зерен мыслей вырастали могучие стволы, ветвились, сходились вершинами, буйно цвели, и слушатели заваливались золотыми плодами. Про этих слушателей можно сказать одно: счастливицы!»

Готовясь к изложению своего предмета, Менделеев понял, что ему нужно создать не просто курс химии, а настоящую большую науку Химию, потому что она до того времени не была объединена общей теорией, не была согласована во всех своих частях. Записанные студентом Никитиным лекции обрабатывались, дополнялись, изменялись и в таком расширенном виде составили первый том капитального труда «Основы химии» (1868), а через три года появился и второй том.

По этой книге училось несколько поколений химиков в России и за рубежом. При жизни Менделеева «Основы химии» изданы восемь раз; пять раз переиздавались в Советском Союзе; выходили в других странах на английском, немецком, французском языках. Каждое новое прижизненное издание было уточненным и дополненным. Незадолго до смерти Дмитрий Иванович писал: «Эти «Основы» — любимое дитя мое. В них мой образ, мой опыт педагога и мои душевные научные мысли».

По воспоминаниям Г. Густавсона, однажды некий составитель руководства по химии, даря Менделееву свою книгу, подчеркнул, что теоретическое содержание отделено в ней от фактического и практического, и он считает это большим достоинством. Дмитрий Иванович со свойственной ему прямоотой и эмоциональностью заявил, что это как раз недостаток. Загружая читателя фактами, вместо того чтобы разъяснять им законы, управляющие фактами, автор рискует оказаться в положении аристотелевского сапожника, снабдившего своего ученика запасов готовых сапог; вместо того чтобы научить его, как нужно тащить сапоги.

Менделеев писал: «Одно собрание фактов, даже и очень обширное, одно накопление их, даже и бескорыстное, не дадут еще метода, обладания наукой, и они не дают еще ни ру-

Рукопись таблицы «Опыт системы элементов...», составленной и подписанной к печати 17 февраля (1 марта) 1869 г.

чательства за дальнейшие успехи, ни даже права на имя науки в высшем смысле этого слова. Здание науки требует не только материала, но и плана, гармонии, воздвигается с трудом, необходимым как для заготовки материала, так и для кладки его, для выработки самого плана, для гармонического сочетания частей, для указания путей, где может быть добыт наиболее полезный материал. Тут поле истинным открытиям, которые делаются усилием массы деятелей, из которых один есть только выразитель того, что принадлежит многим, что есть плод совокупной работы мысли. Узнать, понять и охватить гармонию научного здания с его недостроенными частями — значит получить такое наслаждение, какое дает только высшая красота и правда».

**Члены химической секции Первого съезда русских естествоиспытателей в Петербурге (1868).
Сидят (слева направо): В. Ю. Рихтер, С. И. Ковалевский, Н. П. Нечаев, В. В. Марковников,
А. А. Воскресенский, П. А. Ильенков, П. П. Алексеев, А. Н. Энгельгардт;
стоят (слева направо): Ф. Р. Вреден, П. А. Лачинов, Г. А. Шмидт, А. Р. Шуляченко, А. П. Бородин,
Н. А. Меншуткин, Н. Н. Соковнин, Ф. Ф. Бейльштейн, К. И. Лисенко, Д. И. Менделеев,
Ф. Н. Савченков**

Охватить «гармонию научного здания с его недостроенными частями» Менделеев смог в периодическом законе химических элементов, составившем методологическую базу «Основ химии».

Существует легенда, что гениальная система, позволившая наглядно представить все многообразие природных элементов в виде упорядоченного множества, открылась 35-летнему ученому во сне. Ученый сам способствовал ее распространению, рассказывая: «Вижу во сне таблицу, где все элементы расставлены, как нужно. Проснулся, тотчас записал на клочке бумаги, — только в одном месте впоследствии оказалась нужной поправка». Но тем, кто наивно поражался такому везению, он однажды растолковал: «Я над ней (системой. — Ю. С.), может, лет двадцать думал, а вы думаете: сидел и вдруг — готово».

По сохранившимся черновикам можно судить, с каким упорством и напряжением работал Менделеев в поисках правильного расположения каждого элемента в таблице. Однажды он закупил пустые визитные карточки и на каждой написал с одной стороны название элемента, а с другой — атомный вес и формулы его различных соединений. Часы и дни проводил ученый, раскладывая их на большом квадратном столе, порою за ним и засыпая. В пасмурный февральский день 1869 года домочадцы слышали доносившиеся из его кабинета возгласы: «У-у-у! Рогатая. Ух, какая рогатая! Я те одолею. Убью-у!» Они знали, что это означает высшую степень творческого возбуждения. Вечером Дмитрий Иванович переписал набело таблицу под названием «Опыт системы элементов, основанный на их атомном весе и химическом сходстве». Сделав пометки для типографских наборщиков, он поставил дату: «17 февраля 1869 года.» Этот день считается днем рождения периодического закона, современная формулировка которого такова: «Свойства простых веществ, а также формы и свойства элементов находятся в периодической зависимости от заряда ядер их атомов».

Мировое научное сообщество не сразу оценило это открытие. Уж очень многое оно меняло в сложившихся представлениях. Так, немецкий физико-химик В. Оствальд, будущий лауреат Нобелевской премии, утверждал, что открыт не закон, а принцип классификации «чего-то не-

определенного». Его соотечественник Р. Бунзен, открывший в 1861 году два новых элемента — рубидий и цезий, говорил, что Менделеев увлекает химиков «в надуманный мир чистых абстракций». Профессор Лейпцигского университета Г. Кольбе назвал открытие «спекулятивным».

Сдержанно отнеслись к нему и русские химики. Зачитанный Н. Меншуткиным по просьбе отсутствовавшего Менделеева доклад «Соотношение свойств с атомным весом элементов» на заседании недавно созданного Русского химического общества не произвел впечатления на специалистов. Академик Н. Н. Зинин заявил, что Менделеев делает не то, чем следует заниматься настоящему исследователю. Правда, через два года, прочитав статью Дмитрия Ивановича «Естественная система элементов и применение ее к указанию свойств некоторых элементов», Зинин изменил свое мнение и написал автору: «Очень, очень хорошо; премного отличных сближений, дай Бог Вам удачи в опытном подтверждении Ваших выводов».

Периодический закон давал возможность предсказать существование еще не известных науке элементов. В столбце под алюминием Менделеев оставил место для его аналога «экаалюминия», под бором — для «экабора», а под кремнием — для «экасилиция». Так он назвал еще неоткрытые химические элементы и даже присвоил им соответствующие символы.

И вот в 1875 году французский химик Леккок де Буабодран открыл предсказанный Менделеевым «экаалюминий», назвал его галлием и заявил: «Я думаю нет необходимости настаивать на огромном значении подтверждения теоретических выводов господина Менделеева». Спустя четыре года известный химик Л. Нильсон открыл скандий и сказал: «Не остается никакого сомнения, что в “скандий” открыт “экабор”... Так подтверждаются нагляднейшим образом соображения русского химика, которые не только дали возможность предсказать существование скандия и галлия, но и предвидеть заранее их важнейшие свойства». В 1886 году профессор Горной академии во Фрайбурге немецкий химик К. Винклер при анализе редкого минерала аргиродита обнаружил еще один элемент — предсказанный Менделеевым «экасилиций» — и назвал его германием.

Ясное понимание того, что место элемента в системе выражает его связи, отношения с ближайшими соседями по системе, а через них и со всеми остальными элементами определило научное превосходство Менделеева перед всеми оппонентами. В системе действительно отразился закон природы. Понимая систему, зная, например, через какой промежуток повторяются свойства элементов и как они меняются в пределах одного периода от одного элемента к другому, можно было целенаправленно вести поиск новых элементов, представляя, как, примерно, будут выглядеть «незнакомцы», если обнаружатся.

В то же время предугадать существование группы благородных газов Менделеев не смог. Им поначалу не нашлось места в периодической системе. Поэтому открытие английским учеными У. Рамзаем и Дж. Релеем в 1894 году аргона сразу же вызвало бурные дискуссии и сомнения в периодическом законе и периодической системе элементов. После нескольких лет раздумий Менделеев согласился с присутствием в предложенной им системе «нулевой» группы химических элементов, которую заняли другие благородные газы, открытие вслед за аргоном. В 1905 году ученый написал: «По-видимому, периодическому закону будущее не грозит разрушением, а только надстройкой и развитием обещает, хотя, как русского, меня хотели затереть, особенно немцы».

Полное научное объяснение периодическая система элементов получила на основе квантовой механики в XX веке. Закон и система Менделеева лежат в основе современного учения о строении вещества, играют первостепенную роль в изучении всего многообразия химических веществ и в синтезе новых элементов.

В дневнике Д. И. Менделеева последняя запись, посвященная экспериментам в области неорганической химии, имеет дату 11 декабря 1871 года. Следующая же страница под датой 14 декабря уже посвящена упругости газов. Именно в этом кратком промежутке и совершился переход Менделеева от тематики, непосредственно связанной с периодическим законом и естественной системой элементов, к новой тематике, связанной с изучением газов. Она-то и определила на ближайшие — семидесятые — годы его научные интересы.

Свойства паров, газов и изменения состояний вообще-то занимали Менделеева с первых шагов его научной деятельности. Еще в магистерской диссертации «Об удельных объемах» он писал: «Все эти факты сближают три состояния тела, показывают, что правильность в изменениях газа есть только кажущаяся, трудно наблюдаемая, что все тело в строгом смысле не подчинены ни Мариоттову, ни Дальтонову законам — для твердых, жидких и парообразных тел это очень ясно, а для газов открывается только при тщательных наблюдениях».

Для тщательных наблюдений Дмитрий Иванович закупил за границей необходимую аппаратуру. Благо, Русским техническим обществом и артиллерийским ведомством были предоставлены некоторые средства. Вместе с отобранными сотрудниками он занялся изучением сжимаемости газа, проверкой законов Бойля—Мариотта и Гей-Люссака, обоснованием случаев отступления от этих законов. Отчетом об этих исследованиях стала первая часть монографии «Об упругости газов» (1875). Во второй части должны были быть описаны дальнейшие наблюдения над коэффициентом расширения газов при постоянном давлении, изменением их упругости с изменением объема, температуры и т. д. Но тут скончался его главный сотрудник М. Л. Кирпичев, что тяжело отозвалось на всем ходе опытов, а в 1876 году трое других помощников по разным причинам тоже отошли от этих занятий. Просто невозможно оказалось найти новых людей, подготовленных к такому трудному делу и в то же время достаточно обеспеченных материально, чтобы всецело ему отдаться.

«Мы отдаем себе отчет в принципиальной невыполнимости данных исследований упругости газов и в то же время невольно преклоняемся перед грандиозным их размахом», — так советский историк науки О. Н. Писаржевский в 1959 году оценил усилия Менделеева на этом направлении.

Целеустремленная научная работа в новой области на каждом шагу приводят к находкам, не относящимся к основной теме. Если не давать зарок оставлять их без внимания, они могут составлять немалую дополнительную ношу. Менделеев умел ограничивать свои потребности, но не свои искания. Он

мог сократить сон, меньше времени тратить на еду, готов был безвыходно сидеть за измерениями и вычислениями, лишь бы только возможно шире охватить новые просторы науки. А как иначе объяснить, что сопутствующие работы всегда окружали его основной труд, как спутники окружают планету? Приводя в старости архив в порядок, Дмитрий Иванович записал: «Сам удивляюсь, чего только я не делывал в своей научной жизни».

Конкретно эта запись относится к первым номерам «Инженерного журнала» за 1876 год, где была напечатана большая статья «О барометрическом нивелировании и применении для него высотомера».

Высотомер — прибор для определения высоты над уровнем моря — появился в ходе исследования упругости газов. При работе над этой темой Менделееву постоянно, по нескольку раз в день, приходилось прибегать к точным определениям атмосферного давления. Пользоваться для этого ртутным барометром было утомительно. Поэтому для сокращения времени наблюдений он придумал такой барометр, который указывал не абсолютную величину атмосферного давления, а только изменения, которые в нем произошли с того момента, как был заперт кран прибора. Ученый убедился, что изобретенный им дифференциальный барометр необычайно чувствителен (в 16 раз чувствительнее ртутного). Он мог указывать ничтожные изменения, отличавшие давление столба воздуха между ступеньками лестницы. Это был готовый барометрический указатель уровня. Отвечая запросам практики, Менделеев придал ему устройство, пригодное для нивелирования, и назвал высотомером. В 1875 году топографы Генерального штаба использовали его для изготовления карт незнакомой местности, когда не хватало времени для определения уровня возвышенностей оптическим путем.

Упомянутая статья в «Инженерном журнале», вышедшая потом в расширенном виде отдельной книгой, отвергала предрассудок о невозможности применения барометров к определению малых разностей высот. Однако внедрение в практику высотомера, снабженного еще и дифференциальным термометром, затруднялось противодействием директора Главной физической обсерватории академика Вильде, таким образом отстаивавшего свои собственные, более громоздкие

и дорогие, конструкции. Что ж, ситуация, когда должность позволяет лоббировать собственные интересы и «отодвигать» конкурентов, характерна отнюдь не только для 70-х годов XIX века...

А Менделееву не занимать новых идей. На этот раз в области метеорологии. Видя, что на русском языке существуют лишь устаревшие курсы, а прогнозы погоды в газетах дают постоянную пищу юмористам, Дмитрий Иванович под своей редакцией выпускает в 1876 году перевод с немецкого краткого — довольно популярного и лучшего на то время — курса Мона «Метеорология, или Учение о погоде» с обширным предисловием и подстрочными примечаниями от своего имени. Особое внимание он обращал на необходимость исследования высоких слоев атмосферы. Тогда еще их связь с погодой на земле не была очевидной, а Менделеев называл эти слои «великой лабораторией погоды». Для их изучения он предлагал «прикрепить к аэростату герметически закрытый, оплетенный, упругий прибор для помещения наблюдателя, который тогда будет обеспечен сжатым воздухом и может безопасно для себя делать определения и управлять шаром». Спроектировал он и устройство, позволяющее производить наблюдения в атмосфере без участия человека с последующей расшифровкой записей приборов.

Менделеев хотел, «чтобы земства, уже начавшие интересоваться метеорологическими наблюдениями, приняли и эту область под свое покровительство». На выполнение обширной программы катастрофически не хватало средств. Дмитрий Иванович наивно полагал восполнить их продажей своих книг. На печатных изданиях своих трудов, относящихся к этому периоду, он помещал одно и то же предупреждение: «Сумма, которая может быть выручена от продажи этого сочинения, назначается автором на устройство большого аэростата и вообще на изучение метеорологических явлений в верхних слоях атмосферы». Даже в предисловии к «Материалам для суждения о спиритизме» он полушутливо написал: «Как ни далеки кажутся два таких предмета, как спиритизм и метеорология, однако и между ними существует некоторая связь, правда, отдаленная. «Спиритическое учение есть суеверие», как заключила комиссия, рассмотревшая медиумические явления, а мете-

Весы конструкции Д. И. Менделеева для взвешивания твердых и газообразных веществ

орология борется и еще долго будет бороться с суевериями, господствующими по отношению к погоде... В этой борьбе, как и во всякой другой, нужны материальные средства. Пусть же одно суеверие послужит хоть чем-нибудь противу другого!»

Сегодняшнему читателю может показаться странным: с чего бы это вдруг серьезный ученый, занимающийся естественными науками, заинтересовался спиритизмом? Дело в том, что время было такое, когда мания общения с душами умерших, с потусторонним миром охватила общество. В том числе и (безо всяких кавычек) культурное, интеллигентное, образованное. Ну, ладно, чудаковатый биолог Н. П. Вагнер не только писал труды по фауне беспозвоночных, изучал насекомых, но и сочинял детские сказки под псевдонимом Кот Мурлыка. Но Бутлеров! Коллегу, друга Алексея Михайловича Бутлерова Менделеев почитал как выдающегося ученого, способствовал его назначению на кафедру органической химии университета, и вдруг... Спиритические увлечения Бутлерова Дмитрий Иванович переносил так, как будто бы самый близкий, родной человек оступился. «Не имей Вагнер и Бутлеров авторитетности как натуралисты, публика не востребовалась бы и едва ли ваши крупные журналы взяли бы статьи о спиритизме», — считал Менделеев. А раз так — нужно было во что бы то ни стало выступить против Бутлерова ради самого Бутлерова и ради

Маятник-диск и маятник-подкова — приборы, сконструированные Д. И. Менделеевым

молодежи, которую могло поколебать в сторону суеверий доверие к этому славному имени; ради самой науки, для здоровья которой спиритизм представлял большую опасность.

«Комиссия для рассмотрения медиумических явлений» под председательством Д. И. Менделеева была учреждена 6 мая 1875 года на очередном собрании Физического общества при Петербургском императорском университете и закончила свое существование в марте 1876 года. Она должна была заключить, не принадлежит ли что-либо в спиритизме «к разряду ныне необъяснимых явлений, совершающихся по неизвестным еще законам природы». Всего было проведено 19 заседаний, протоколы которых приведены в упомянутой книге. Кроме того, туда вошли тексты трех публичных лекций Менделеева на ту же тему.

Комиссия приняла решение, в котором явно чувствуется авторство Менделеева — настолько оно перекликается с его примечаниями и комментариями к протоколам. Оно слишком велико, чтобы приводить его полностью. Важно, что в конце решения без обиняков говорилось: «Спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие». Бутлеров принял урок старшего товарища. Правда, Ф. М. Достоевский, внимательно следивший за полемикой по этому вопросу, оставил такую запись, не вошедшую в окончательный текст «Дневника писателя» и впервые обнародованную лишь в 1973 году: «Дай Бог любому противнику спиритизма быть таким ненавистником его, как я, но я ненавижу лишь отвратительную гипотезу духов и сношений с ними, насколько может чувствовать к ней отвращение человек, не потерявший здравого смысла. Но, откладывая лишь мистическое толкование фактов, я все еще остаюсь в убеждении, что факты эти требуют строгой проверки и что наука, может быть, не сказала о них не только последнего, но даже и первого слова».

Великий писатель словно предвидел, что интерес к природе спиритизма будет возникать вновь и вновь вплоть до наших дней. Но заслуживает внимания еще одна цитата из того текста: «Мне передали, между прочим, что некоторые из нашего духовенства отчасти обрадовались спиритизму: возбуждает, дескать, веру, по крайней мере, явление духов протестует против всеобщего материализма. Вот рассуждение-то! Нет, уж лучше чистый атеизм, чем спиритизм!» В этом смысле Менделеев нанес по спиритизму ощутимый удар.

Денег от продажи книг, разумеется, не хватало ни на метеорологические наблюдения, ни на исследования по газам. Отложив их, Менделеев отправился в Америку, чтобы, как мы уже говорили, изучить там положение дел в нефтяной промышленности и перенести положительный опыт на отечественную почву. А по возвращении из-за океана произошла встреча, кардиналь-

ным образом изменившая привычное течение его жизни.

К этому времени в семью его овдовевшей сестры Екатерины Ивановны, переехавшей из Томска в Петербург, вошла подруга Катиной дочери Надежды донская казачка Анна Ивановна Попова. В воспоминаниях Н. Я. Капустиной-Губкиной находим такое описание внешности ее приятельницы: «Это была высокая, стройная и статная девушка с грациозной походкой, густыми золотистыми косами, которые она носила скромно подвязанными черными лентами у затылка, но они украшали ее красивую голову. Всего же более украшали ее большие светлые глаза, с недетским, серьезным выражением на детски округленном лице, с нежным румянцем и густыми красивыми бровями. Голос у нее тоже был нежный и приятный».

Дмитрий Иванович влюбился в 17-летнюю девушку с первого взгляда. Она в него тоже. Еще раньше. Надя взяла ее с собой на какое-то торжественное собрание (акт) в университете. Менделеев немного опоздал и пришел уже тогда, когда все остальные профессора заняли свои места. Он появился среди лысин, тщательно расчесанных бакенбард, орденских лент, одухотворенный и стремительный. «Он шел скоро, всей фигурой вперед, как бы рассекая волны», — вспоминала Анна Ивановна свое первое впечатление, добавляя, что издала он показался ей похожим на Зевса. «Неужели это ваш дядя?» — наивно спросила она Надю Капустину. Девушка смотрела на Менделеева и удивлялась: как это у него могут быть такие обычные племянники — как у всех.

Жена Менделеева, Феозва Никитична, предпочитала обитать в Боблово, и в апреле 1877 года Дмитрий Иванович пригласил Капустиных с Анной пожить у него, в большой квартире при университете. Ему нравилось слушать, как Анна музицирует за роялем, нравилось играть с нею в шахматы. В то же время он смущался, боялся проявить свои чувства, которые все равно не могли не заметить окружающие. От греха подальше Екатерина Ивановна переехала с девушками на другую квартиру. Но, рассказывая об этом бегстве, Анна Ивановна повторяла изречение Рабиндраната Тагора: «Можно ли бороться с ураганом? Может ли река противиться морскому приливу?» Ничто не в силах было помешать и развитию

отношений между влюбленными, несмотря на 26 лет разницы в возрасте.

Анна училась в школе при Академии художеств. И Дмитрий Иванович, в натуре которого всегда была художественная жилка, начинает посещать выставки, мастерские художников, знакомиться с ними, покупать картины. А вскоре начались оставившие след в истории русского изобразительного искусства «менделеевские среды» (потом «пятницы»). В его квартиру приходили Крамской, Репин, Ярошенко, Мясоедов, Васнецовы, Савицкий, Суриков, Шишкин, Куинджи и другие мастера кисти. Приглашал Менделеев на эти вечера и молодежь, в том числе и персонально Капустиных с Анной. Художники не задумывались над тем, какой повод позволил выявиться живописным пристрастиям ученого. Они чистосердечно радовались, что нашли в его лице знатока и ценителя искусства. В память о той помощи, которую он оказал их творчеству, они впоследствии избрали Менделеева действительным членом Академии художеств. Именно на этих «средах» и «пятницах» у соратника Дмитрия Ивановича по «антиспиритической эпопее» Ф. Ф. Петрушевского родился замысел книги о красках. Эта была первая книга для художников о научном видении мира, о законах сочетания цветов в природе, о математике прекрасного.

Как писала через много лет Анна Ивановна, «живостью и энергией Дмитрий Иванович не только не уступал молодежи, но далеко оставил ее за собой». Жизнь, однако, давала поводы для огорчений. Феозва Никитична в разводе мужу отказала. Правда, и Анна отказала жениху, дожидавшемуся ее в Новочеркаске. Но тут в Петербург явился ее отец, оставной казачий полковник Попов, все разузнал и решительно потребовал от дочери, чтобы она взяла с Дмитрия Ивановича слово не видеться с ней и победить свое чувство.

Слово-то Дмитрий Иванович дал, но чувство победить не мог. Анна в выпускном классе получила задание исполнить в карандаше «Последний день Помпеи» Брюллова. Оказалось, что исходит оно от заказчика, пожелавшего остаться неизвестным, который приобрел рисунок за большие деньги. Нетрудно догадаться, что им был Менделеев. Его встречали в залах Академии художеств, где он бродил, разглядывая гипсовые слепки Гермесов

и Персефон. Ученики и ученицы, выходя после вечерних классов, видели высокую фигуру, закутанную в черный плащ с пряжками из львиных голов, скрывающуюся в тени портала. В гостиных Петербурга появилась новая тема для пересудов.

Тяжело переживала разлуку и Анна. Она ходила на лекции, рисовала, бывала в театрах, слушала музыку, играла сама, но (цитируем ее воспоминания) «ничего не могло заполнить пустоту души, все мне казалось тусклым и бледным».

Душевное состояние Анны было таково, что отец настоял на немедленном отъезде ее за границу. В декабре 1880 года Дмитрий Иванович дал ей рекомендательные письма к знакомым художникам, проводившим зиму в Риме. Прощание было молчаливым и грустным.

После этого Дмитрий Иванович впал в депрессию. Близкие всерьез опасались, как бы не наложил на себя руки. Посетивший в те дни квартиру Менделеева ректор университета, биолог Андрей Бекетов, застал хозяина приводящим в порядок архив. Объяснил, что собирается на конгресс химиков в Алжир, а по дороге мало ли что может случиться. («По дороге я хотел упасть с палубы в море», — скажет он потом Анне.) В запечатанном конверте он передал Бекетову самое дорогое: завещание детям и неотправленные письма к Анне, которые он опускал каждый день в особый ящик, приделанный им к своему письменному столу.

Бекетов взял конверт и, спрятав его, отправился в Боблово. Он принял на себя последнюю вспышку бесплодного отчаяния Феозвы Никитичны, но все-таки сумел добиться от нее письменного согласия на развод. Правда, она оговорила за собой право на получение в дальнейшем всего профессорского жалования бывшего мужа. Но и это обстоятельство не могло омрачить радость Дмитрия Ивановича, когда Бекетов появился у него с новостями перед самым отплытием на конгресс. И в списках участников этого съезда химиков имя Менделеева не появилось. Вместо Алжира он очутился в Риме.

После медового месяца в Вечном городе Дмитрий Иванович и Анна Ивановна вернулись в Россию, и тут выяснилось, что епархиальная консистория, в ведении которой находилось расторжение церковных браков, наложила на Менделеева епитимью: в тече-

ние ближайших семи лет ему запрещалось вступать в новый брак. Но влюбленные все равно решили не расставаться, тем более что Анна была беременна. Как раз кстати для лишнего профессорского жалования ученого крупный нефтепромышленник Рагозин предложил ему выгодное дело: устроить лабораторию для исследования нефти и разработки новых способов промышленного получения нефтяных продуктов на одном из поволжских заводов между Ярославлем и Романово-Борисоглебском. Поселились они в домике над Волгой. Дмитрий Иванович подолгу пропадал на заводе, но, как писала Анна Ивановна, «одиночество меня не томило <...> Здесь — глубокое сознание, что выполнено то, что надлежит выполнить, — покорность высшему...»

В новом, 1882-м году, по возвращении в Петербург они все-таки повенчались. Священник Адмиралтейской церкви в Кронштадте, исполнивший обряд таинства, был за это лишен сана, утешаясь, возможно, лишь хорошим денежным вознаграждением от Менделеевых; но законность брака церковные власти под сомнение не поставили. Молодая семья зажила дружно и счастливо. Через два года после рождения дочери Любы на свет появился сын Иван, еще через два — близнецы Мария и Василий. Возобновились «менделеевские среды». В доме снова появилась студенческая молодежь. Гостей ожидало простое угощение: чай, бутерброды, красное вино. Анна Ивановна сочла нужным в воспоминаниях особо подчеркнуть «отсутствие светских дам (бывали только художницы)» и добавила: «Все чувствовали себя легко и свободно». И еще: «Дмитрий Иванович всегда был как будто в состоянии душевного горения. Я не видела у него никогда ни одного момента апатии. Это был постоянный поток мыслей, чувств, который крушил на своем пути все препятствия».

Вызывает удивление, что при всем своем авторитете в научном мире Д. И. Менделеев не удостоился избрания действительным членом Академии наук, был только членом-корреспондентом. Еще осенью 1874 года академики А. М. Бутлеров и Н. Н. Зинин попытались ввести в Академию Менделеева, написав в своем представлении, что «его право на место в русской Академии наук ни-

Диплом Д. И. Менделеева — иностранного члена Национальной Академии наук США

кто не решится оспаривать...» Но тогда представители других профессий в этом высшем научном учреждении просто решили не открывать дополнительной вакансии для химиков.

После смерти Зинина в феврале 1880 года Менделеев был предложен на освободившееся место четырьмя академиками: А. Бутлеровым, Н. Чебышевым, Ф. Овсянниковым и Н. Кокшаровым, — которые старательно подвели итог его работе по чистой и прикладной химии на пользу русской науки, промышленности и сельского хозяйства. И не только для них стало большой неожиданностью, что при голосовании количество голосов «против» на один голос превысило количество голосов «за». В газете «Голос» появилось коллективное заявление, выражавшее недоумение 18 виднейших химиков; Бутлеров в газете «Русь» выступил со статьей, в название которой вынес принципиальный вопрос: «Русская или только императорская Академия наук?» Пафос выступлений был направлен против засилья в Академии иностранцев. «История многих академических выборов показала, что в среде этого учреждения голос людей науки подавляется противодействием темных сил, которые ревниво закрывают двери Академии перед русскими талантами», — писали Менделееву московские профессора.

В прогрессивной либеральной печати «дело Менделеева» получило широчайшую огласку. «Кто они, эти люди науки, посмевшие забаллотировать Менделеева? — спрашивали газеты. — Чем они занимаются? Счетом букв в календарях? Составлением грамматики ашантийского языка, исчезнувшего тысячи лет назад, или решением вопроса: сколько при Сулле назначалось для Рима постоянных судей — 350 или 375?»

Сомневаясь в заслугах иноземных членов Российской Академии, связанных круговой порукой посредственностей, наиболее смелые авторы шли дальше. «Как же винить ветхую Академию, — иронизировала газета «Голос», — за то, что она отвергла Менделеева, человека крайне беспокойного, — ему до этого есть дело.<...> Он едет в Баку, читает там лекции, учит, как и что делать, съездив предварительно в Пенсильванию, чтобы узнать, как и что там делается; выставил Куинджи картину — он уже на выставке: любит художественным произведением, изучает его, задумывается над ним и пишет новую мысль, пришедшую ему при взгляде на картину. Как же впустить такого беспокойного человека в сонное царство? Да ведь он, пожалуй, всех разбудит и — чего Боже упаси — заставит работать на пользу родины».

Группа профессоров, преподавателей и студентов физико-математического факультета С.-Петербургского университета (в центре — Д.И. Менделеев). 1875 г.

Множество русских и иностранных университетов в пик Академии избрали Менделеева своим почетным членом. Характерен ответ Дмитрия Ивановича ректору Киевского университета Св. Владимира: «Душевно благодарю Вас и совет Киевского университета. Понимаю, что дело идет об имени русском, а не обо мне. Посеянное на поле научном взойдет на пользу народную».

В 1886 году умер А. М. Бутлеров, и вопрос об избрании Менделеева в академики подняли вновь. Академик А. С. Фаминцын (физиолог) писал ставшему к тому времени президентом Академии графу Д. А. Толстому: «Произведенное несколько лет тому назад забаллотирование Д. И. Менделеева, — вопреки заявлению как представителя химии в Академии, — и всех остальных русских химиков, произвело на ученых русских удручающее впечатление. Стало ясным, что не оценкой ученых трудов и не научными заслугами кандидата, а какими-то посторонними соображениями руководствовалось большинство академического собрания, забаллотировавшее г-на Менделеева. До сих пор русские ученые не могут простить Академии этого проступка... Поэтому единственно правильным путем представляется мне следование голосу нашего покойного сочлена А. М. Бутлерова, который в представлении проф. Менделеева на кресло технической химии в то же время со свойственным ему красноречием и силой выставил в столь ярком свете заслуги Менделеева по чистой химии, что для беспристрастного читателя не остается и тени сомнения в том, что, по мнению нашего покойного сочлена, Д. И. Менделеев занимает первенствующее место среди русских химиков и что ему и никому другому должно бесспорно принадлежать сделавшееся за кончиной А. М. Бутлерова вакантное место по чистой химии».

Однако тот, кому адресовалось это обращение, — стоявший у кормила академического правления бывший обер-прокурор Синода, бывший министр народного просвещения Д. А. Толстой — ведь и был в свое время главным вдохновителем тех самых «посторонних соображе-

ний», о которых писал Фаминцын. Послушное большинство академического собрания и на этот раз с еще большим рвением выполнило негласное начальственное предначертание. По кафедре, которая предназначалась Менделееву, был избран химик-органик Ф. Ф. Бейльштейн. Не принижая его заслуг, все же нельзя не признать, что с заслугами Менделеева они не сопоставимы. Тот же Бутлеров, когда Бейльштейна еще раньше стремились «протолкнуть» в академики, характеризовал его как «заслуженного и трудолюбивого ученого», но добавлял, что «отдавать ему в каком-либо отношении первенство перед всеми другими русскими химиками могут только лица, не имеющие ясного понятия о том, как и чем меряются в химии ученые заслуги».

Нельзя сказать, чтобы Менделеева вся эта возня не задевала. Он знал себе цену и, может, именно поэтому не придавал большого значения таким внешним знакам славы, как, например, ордена, коих у него в течение жизни набралось много, вплоть до высокого ордена Александра Невского. Однако как к ученому он требовал к себе уважения, о чем красноречиво свидетельствует эпизод, переданный в мемуарах журналиста и общественного деятеля В. А. Поссе. Со слов своего брата, профессора математики в университете, он рассказывает, как где-то в 1879 году Менделеев поехал к петербургскому генерал-губернатору И. В. Гурко защищать коллег, заподозренных в политической неблагонадежности. Гурко кричал, что сам придет в университет и не только студентов, но и профессоров согнет в бараний рог. Перешел на крик и Менделеев: «Как вы смеете мне грозить? Кто вы такой? Солдат и больше ничего. В своем невежестве вы не знаете, кто я такой. Имя Менделеева вписано в историю науки. Знаете ли вы, что он произвел переворот в химии, знаете ли вы, что он открыл периодическую систему элементов? Отвечайте!» О периодической системе Гурко, вероятно, не имел понятия. Это его смутило. Свидание закончилось торжеством Менделеева. Но не зря же потом говорили, что Менделеев не стал академиком из-за скверного, взрывного характера.

Он не забросил химию. В 1887 году, например, вышла монография «Исследование водных растворов по удельному весу». Но все

больше его интересы склоняются в сторону экономических и технологических проблем. «Мне говорят,— писал Дмитрий Иванович,— “Ведь вы химик, а не экономист, зачем же входить не в свое дело?” На это необходимо ответить, во-первых, тем, что быть химиком не значит еще вовсе чуждаться заводов и фабрик и их положения в государстве, а следовательно, и сущности экономических вопросов, сюда относящихся, во-вторых, тем, что истинного, правильного решения экономических вопросов можно ждать впереди только от приложения опытных приемов естествознания, для которых химия составляет одну из важнейших дисциплин, и, в-третьих, тем, что в деле общей, народной и государственной пользы полезно и даже должно слышать голоса не только присяжных экономистов, но и всякие иные. Мой голос, я вижу и слышу, созвучит согласно многим иным русским».

Касаясь экономических проблем, Дмитрий Иванович действовал твердо, но осмотрительно: изучил множество специальных работ, собрал большой статистический материал, объездил ряд экономическими важными регионов и, кроме того, активно использовал свои естественно-научные и технологические познания. Программным можно считать выступление Менделеева на съезде естествоиспытателей и врачей еще в декабре 1879 года. «Естествознание в России,— говорил он,— еще столь недавнее, мы видим, мужает. Юноше прилично помышлять только об интересах головы и сердца, а муж должен помнить и о живых возможных практических потребностях. А потому нам пора думать о том, чтобы послужить нуждам той страны, где мы живем и растем. Работая на пользу всемирной науки, мы, конечно, вносим свою дань родине. Но ведь у нее есть нужды личные, местные. К числу таких относятся те, которые восполнить и удовлетворить мы можем легче и удобнее, чем кто-либо другой, нам они виднее и доступнее. Будем же их сознавать, чтобы не сказали когда-нибудь: они собирались, обсуждали всемирные интересы науки, а близкого, знакомого, в чем могли оказать прямую пользу стране,— того не видели».

Частичный успех его советов, относившихся к «нефтяным делам», вдохновил Менделеева чрезвычайно. В 1888 году по предложению Министерства государственных имуществ он

объездил Донецкий регион, практически исследуя возможности развития отечественной каменноугольной промышленности. Ведь в то время заводы и транспорт центральных областей работали на привозном, английском угле. А еще в 1882 году на Промышленном съезде, приуроченном к организации Всероссийской промышленной выставки, Менделеев высказал свои взгляды на ископаемые угли как на важнейший источник «для развития заводской деятельности» и охарактеризовал перспективные, по его мнению, залежи.

Донецкий бассейн он считал наиболее важным. Практически знакомясь с ним, Менделеев не только связался с геологами, не только изучал край, но исследовал всю его экономику, собирал, например, копии соглашений между крестьянами-добывателями и скупщиками угля на кустарных разработках в Зайцевской волости и пр. Свой пространственный отчет он опубликовал под названием «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца». Ученый звал туда русских людей с такой же пламенной верой в перспективы угольного края, как некогда приглашал на нефтеносные земли Прикаспия.

Тогда же им начаты работы по пересмотру таможенного тарифа России, т. е. пошлин, которыми облагались ввозимые из-за границы товары. Друг Менделеева, профессор Петербургского технологического института И. А. Вышеградский, ставший министром финансов, поначалу предложил ему заняться таможенным тарифом по химическим продуктам. Однако Дмитрий Иванович этим не ограничился и, считая все отрасли промышленности тесно связанными между собою, изучил весь тариф в полном объеме, ознакомился с современным состоянием промышленности и в 1891 году издал почти тысячестраничный том плотной печати «Толковый тариф». В нем содержалось подробное истолкование статей обложения и объяснение, какие отрасли промышленности они призваны защищать, где русские предприниматели могут с наибольшим успехом приложить свои капиталы.

К моменту появления «Толкового тарифа» Менделеев уже прекратил свою более чем 30-летнюю педагогическую деятельность. Случилось это в марте 1890 года. Уже точно

и не установить, по какому поводу университетские студенты устроили сходку. Такое в те времена происходило нередко. Но эта была настолько шумной и многолюдной, что привлекла внимание полиции. Можно было ожидать арестов и последующих исключений. Услышав шум в своей квартире, находившейся у главного входа в университет, Дмитрий Иванович пошел наверх на сходку, чтобы предупредить печальный исход. Он предложил студентам изложить свои претензии и пожелания письменно, сам взялся отвезти их петицию министру. На том и порешили, столкновение с полицией и всеми возможными последствиями было предупреждено.

Мемуаристы, вспоминая этот эпизод, утверждают, что пожелания студентов были исключительно академического характера. Но в суть петиции тот, кому она предназначалась, и не вникал. Через несколько дней она вернулась к Менделееву со следующим препроводительным отношением: «По приказанию министра народного просвещения прилагаемая бумага возвращается Действительному Статскому Советнику профессору Менделееву, так как ни министр и никто из состоящих на службе Его Императорского Величества лиц не имеет права принимать подобные бумаги». Уильям Тильден, английский биограф Менделеева, оставил такой комментарий: «Бестактный ответ министра, последовавший вместо благодарности, — простая препроводительная надпись с отказом от рассмотрения петиции и возобновившиеся после этого беспорядки вынудили Дмитрия Ивановича подать прошение об отставке».

Ректор не хотел принимать у Менделеева прошение, но тот насильно, на глазах у студентов, сунул ему эту бумагу в карман. Ни министерство, ни лично министр граф И. Д. Делянов никаких шагов, чтобы удержать профессора, не предприняли. Последнюю лекцию Дмитрий Иванович посвятил разъяснению «духа университетского», заключающегося в стремлении постигнуть истину во что бы то ни стало — истину во всей ее чистоте и совершенстве. «Желаю вам достигнуть ее самым спокойным образом и покорнейше прошу не сопровождать мой уход аплодисментами по множеству различных причин», — с этими словами он сошел с кафедры и покинул аудиторию.

Менделеев поселился в новой квартире, которую снял на Васильевском острове и в несвойственном ему состоянии бездеятельности пребывал недолго. Помимо «Толкового тарифа» его занимало предложение Морского и Военного министерств по созданию отечественного бездымного пороха. Докладную записку военному министру П. С. Ванновскому со своими соображениями по этому вопросу Менделеев счел необходимым подписать с упоминанием множества титулов: «совещательный член Артиллерийского комитета и доктор и заслуженный профессор химии С.-Петербургского университета, почетный член Совета торговли и мануфактур, Югославянской, Копенгагенской, Дублинской академий, Русского физико-химического общества, Императорского Русского технического общества, Лондонского химического общества, доктор прав Эдинбургского королевского общества, доктор Геттингенского университета» и проч. и проч. Тут видно и самолюбие, и желание пустить в ход весь свой авторитет, чтобы убедить: «Снабжение русской армии бездымным порохом есть одно из крупнейших в мире промышленных предприятий».

Вместе со специалистом по взрывчатым веществам профессором минного офицерского класса в Кронштадте И. М. Чельцовым Менделеев командирован за границу, чтобы, по возможности, больше разузнать о производстве пороха во Франции и Англии. Миссию надо признать весьма деликатной. Ведь, по существу, речь шла о военных секретах, которые никто раскрывать иностранцам не собирался. Знаменитый французский химик Бертелло хранил молчание. Образцы пороха удалось достать через сына квартирной хозяйки, отбывавшего воинскую повинность, и то ли из любезности, то ли за деньги принесившего патроны для Менделеева. Однако даже тщательный анализ содержавшегося в них пороха не позволял окончательно установить пропорции составных частей. Тогда Дмитрий Иванович взял за несколько лет отчеты (статистические таблицы) французского железнодорожного ведомства и учел все те грузы, которые поступали по ветке, ведущей к пороховому заводу. Откинув те, что явно не имели отношения к интересующему его вопросу, он определил не только составные элементы бездымного пороха, но и вычислил их

Портрет Д. И. Менделеева работы
Анны Ивановны Менделеевой (карандаш)

соотношение. Когда он впоследствии рассказал об этом Бертелло, тот только развел руками.

В Англии заведующий Вульвинским арсеналом сэр Фредерик Абель сразу показал Менделееву извещение контрразведки о цели появления в стране русских ученых и сказал, что для такого химика задача вполне разрешима, как бы тому не препятствовали. Считая последнее недостойным их дружбы, он думает, что лучше сразу показать все производство. И показал.

У читателя может возникнуть впечатление, что Менделеев просто занимался военно-промышленным шпионажем, но это отнюдь не так. Целью было не изготовление в России пороха по французскому или английскому образцу, а создание с учетом полученной информации нового вида бездымного пороха. Менделеев решил исходить не из смеси, а из химического индивидуума — нитроклетчатки, растворимой в смеси спирта и выделяющей наибольшее количество газов на единицу веса. Он получил новую форму нитроклетчатки, названную им пирокolloдием. Поездка за рубеж убедила Менделеева, что западноевропейские исследователи не ведут работ в ка-

Здание Главной палаты мер и весов в годы работы в ней Д. И. Менделеева

ком-нибудь уже совершенно новом, не предусмотренном им направлении. Полезным оказалось и ознакомление с устройством специальных лабораторий по изучению порохов и взрывчатых веществ. Были сделаны заказы для оснащения аналогичной отечественной лаборатории в Морском министерстве.

В 1892 году (меньше чем через год после открытия такой лаборатории) была произведена первая артиллерийская стрельба пироколлоидным порохом Менделеева, в 1893 году — первые в мире опыты стрельбы из 12-дюймовых орудий. Инспектор морской артиллерии адмирал Макаров поздравил Дмитрия Ивановича с блестящим успехом. Сразу же после удачных опытов с бездымным порохом поступило предложение от дружественной в военном отношении Франции продать секрет его изготовления за миллион золотых франков. Французам, конечно, отказали. А Менделеев написал своим военным заказчиком: «Мне кажется особо печальной та возможность, что пироколлоидный порох будет держаться у нас в большом секрете, но не будет, отчасти в силу секретности, признан во всех своих достоинствах, а между тем так или иначе проникнет на Запад, и его ученые проведут этот совершеннейший порох в жизнь, прибавляя новую славу к своим именам, и заставят нас принять то, что делается теперь в самой России».

Как в воду глядел! Порох Менделеева не был принят Военным министерством. Для флота он готовился на небольшом морском заводе в ничтожных количествах. Победили те чиновники, чьи интересы тесно переплетались с интересами иностранных фирм. А во время Первой мировой войны Россия вынуждена была спешно заказывать в США несколько тысяч тонн бездымного пироколлоидного пороха. Американцы не скрывали, кому принадлежит изобретение пороха, который у них покупали русские. В американском официальном издании о пироколлоидном порохе говорилось как о «специальной форме нитроцеллюлозы, отвечающей содержанию азота 12,44 % и вполне разработанной в России знаменитым химиком проф. Д. Менделеевым».

А знаменитый химик в 1894 году вынужден был уйти из научно-морской лаборатории по причине, которую его ученик и соратник С. П. Викулов определил так: «Из-за несочувственного, я бы сказал, враждебного отношения к его идеям некоторых крупных деятелей морской артиллерии». Впрочем, к этому времени Менделеев уже занимает серьезную должность управ-

Е. М. Корнеев. Вид Балаклавского залива. 1804 г.

Карта Крымского полуострова и соседних земель во второй половине XVIII века.

Грузинское
угощение.

Грузины. Цветная литография конца XIX в.

ляющего Главной палатой мер и весов (ГПМВ), и его интересы сосредоточились на метрологии.

Когда в ноябре 1892 года Дмитрию Ивановичу предложили эту должность, то вверенное ему учреждение с 50-летней историей еще именовалось Депо образцовых мер и весов, да и сама должность называлась по-другому: «ученый-хранитель». Депо было приспособлено главным образом к проверке торговых железных сажень, аршинов и различных чугунных гирь. Руководство такой конторой казалось местом тихим, спокойным. Но не с характером и темпераментом Менделеева заниматься рутинным делом. Деятельный и живой ум не позволял ему примириться со званием «хранителя мер и весов». Это навеяло мысли о неподвижности, о неизменности хранимого. «Управляющий» — вот это другое дело! И управляющий не «Депо образцовых мер и весов», а «Главной палатой мер и весов». Дату 1 (13) июля 1893 года, когда было утверждено подготовленное Менделеевым «Положение о Главной палате мер и весов», русские метрологи считают началом новой эры в истории отечественной науки об измерении — метрологии.

Менделеев начал свою работу в ГПМВ с воссоздания новых прототипов основных мер длины и веса и их точных копий и тщательной сверки с уже существовавшими европейскими эталонами. Всем на удивление изготовление прототипов мер веса продолжалось всего шесть лет, включая и принципиальную разработку вопросов, тогда как в метрологических институтах других стран такая работа занимала 15—20 лет. Между тем, чтобы вывести точный вес прототипа фунта и его подразделений и снять с этих прототипов копии, понадобилось провести 20 тысяч отдельных наблюдений. Масса эталона фунта была определена Менделеевым с точностью до 0,000072 грамма. Он добился в сто раз большей точности взвешивания против той, которой достигали его предшественники, и все еще не был удовлетворен. В написанной им речи к десятому съезду русских естествоиспытателей в Киеве в 1898 году (из-за болезни Менделеева лекцию прочитал его ученик профессор Д. П. Коновалов) говорилось: «Так как все естествознание внушает мысль искать истинные и важнейшие законы в мельчайших долях — от дифферен-

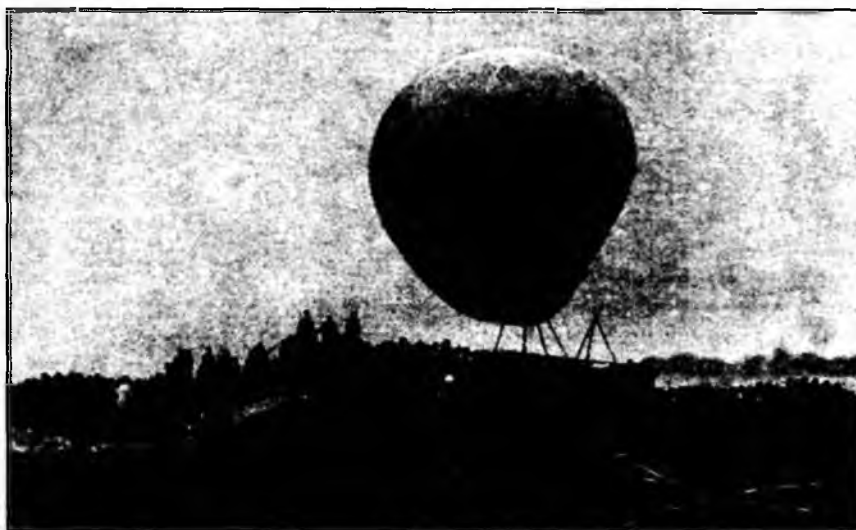

Рабочий кабинет Д. И. Менделеева в Главной палате мер и весов (ныне музей Д. И. Менделеева).
1949 г.

циальных частей и атомов до микроорганизмов, весящих обыкновенно менее одной миллионной доли миллиграмма,— то впереди остается еще много для достижения желаемой точности, как во всем океане точных знаний».

Требовательность Менделеева-метролога породила выражение «менделеевская точность», ставшее синонимом наиболее тонких измерений. Он, например, учел то, что теплота, распространяемая наблюдателем, может действовать на весы даже на расстоянии 4 метра и влиять на точность взвешивания. Поэтому при особо ответственных работах в ГПМВ наблюдатель отделялся от прибора особой перегородкой, состоящей из деревянной доски толщиной 12 миллиметров, обитой с обеих сторон жемчугом и еще оклеенной станиолем.

Обязательность единства мер по всей необъятной империи, Менделеев расширяет сеть отделений ГПМВ в России (при нем открылось до 25 новых), готовит не-

Воздушный шар «Русский», на котором 7 августа 1887 г. Д. И. Менделеев совершил полет для наблюдения солнечного затмения

обходимые для них кадры, организует строгий контроль над упорядоченной им же поверкой применявшихся мер и измерительных приборов. Кстати, именно тогда — в 1894 году — была установлена эталонная крепость «менделеевской» водки (40 градусов), введены спиртометрические таблицы, позволяющие по удельному весу раствора спирта с водой определить его крепость. Аршин как мера длины полностью вытеснил прежнюю сажень, и размер его (71,12 см) был установлен с точностью, допускавшей отклонение не более 3,7 микрона. При этом Менделеев с первых дней своего пребывания на посту управляющего ГПМВ добивался от правительства решения о переходе России на метрическую систему мер (килограммы и метры). Она была введена как факультативная, т. е. необязательная, в 1899 году. И когда 14 сентября 1918 года метрическая система была закреплена декретом Совнаркома РСФСР, страна уже вполне была готова к тому, чтобы повсеместно ею пользоваться.

Главной палатой мер и весов Менделеев управлял до конца своих дней, но, как и в более молодые годы, не мог не увлекаться идеями и проектами, прямого отношения к служебным обязанностям не имевшим. В 1899 году он совершает большое путешествие на Урал, чтобы «разыскать на месте, где должно искать коренные причины малой возможности уральской железной промышленности». По итогам поездки выпущена книга «Уральская железная промышленность в 1899 г.», которая и десятилетия спустя оценивалась специалистами как «обширная и строго научная энциклопедия по Уралу».

Сделав изрядный крюк, Дмитрий Иванович заехал в Тобольск — попрощаться с родными местами. Встречали знаменитого земляка именитые люди города во главе с городским головой и членами местной думы, свозили в село Аремзянка, где когда-то у Менделеевых был стеклянный завод. Вдохнув «дым отечества» и растрогавшись, Дмитрий Иванович, тем не менее, не мог закрыть глаза на то, что «старая столица Сибири» находится в весьма захудалом состоянии. «Великая Сибирская дорога пробудила всю Сибирь, но этого одного пути, очевидно, мало, необходимы и другие; и первым по очереди, конечно, будет путь на Тобольск, потому что тут исторически и самой природой скоплены судьбы всей Западной Сибири. Тогда только когда дойдет железная дорога от центра России до Тобольска, родной мне город будет иметь возможность показать свое превосходнейшее положение и настойчивую предприимчивость своих жителей, хранящих память о старой силе древней Сибири», — писал он в своей книге об уральской командировке.

В то время мысли Менделеева обращены не только к Уралу и Сибири, но и к Крайнему Северу. Он горячо поддержал инициативу адмирала С. О. Макарова построить первый в мире ле-

докол «Ермак», способный форсировать тяжелые льды, а потом загорелся идеей прорезать на нем Северный полюс и спуститься на Дальний Восток к Сахалину. Изложив в 1901 году министру финансов С. Ю. Витте, с которым тогда находился в хороших отношениях, проект и цели экспедиции, Менделеев пишет в докладной записке: «Завоевав себе научное имя, на старости лет я не боюсь его посрамить, пускаясь в страны Северного полюса, и если обращаюсь к Вам с откровенным выражением своих мыслей, то лишь в той уверенности, что Вы достаточно знаете меня как естествоиспытателя, чуждого мечтательности». В подтверждение того, как ему важны личные наблюдения, Менделеев вспоминает свой полет на воздушном шаре «Русский» в день солнечного затмения 8 августа 1887 года. В Арктику, правда, отправиться не пришлось: помешали разногласия с Макаровым, считавшим, что к Сахалину нужно плыть не через полюс, а вдоль побережья. Однако с идеей освоения Северного Ледовитого океана Дмитрий Иванович не распрощался, считая, что «около тех льдов немало и золота и всякого иного добра, своя Америка». Сохранились черновики с вычислениями и проектами нового корабля для плавания в ледовых широтах. Менделеев предлагал особое ледорубильное устройство у носа судна, а для борьбы со льдами — применение окисилквита (смеси жидкого кислорода с органическими поглопителями).

«Если бы хоть десятая доля того, что потеряно при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, пришла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море и Цусиму», — с горечью писал Менделеев, переживая неудачи России в войне с Японией в 1904—1905 годах.

«Мне уже поздно воевать, глядя в могилу, но в виду ее еще есть довольно сил, чтобы говорить об устройстве внутреннего быта, для чего и пишутся мои “Заветные мысли”, и я полагаю, что чем проще, откровеннее и сознательнее станут русские речи, тем бодрее будут наши шаги вперед, тем дольше будут длиться мирные промежутки между оборонительными войнами, нам предстоящими, тем меньше на Западе, Востоке и Юге будут кичиться перед нами и тем более выиграет наше внутреннее единство...» Это цитата из «Заветных мыслей» — книги, в которой слепнувший

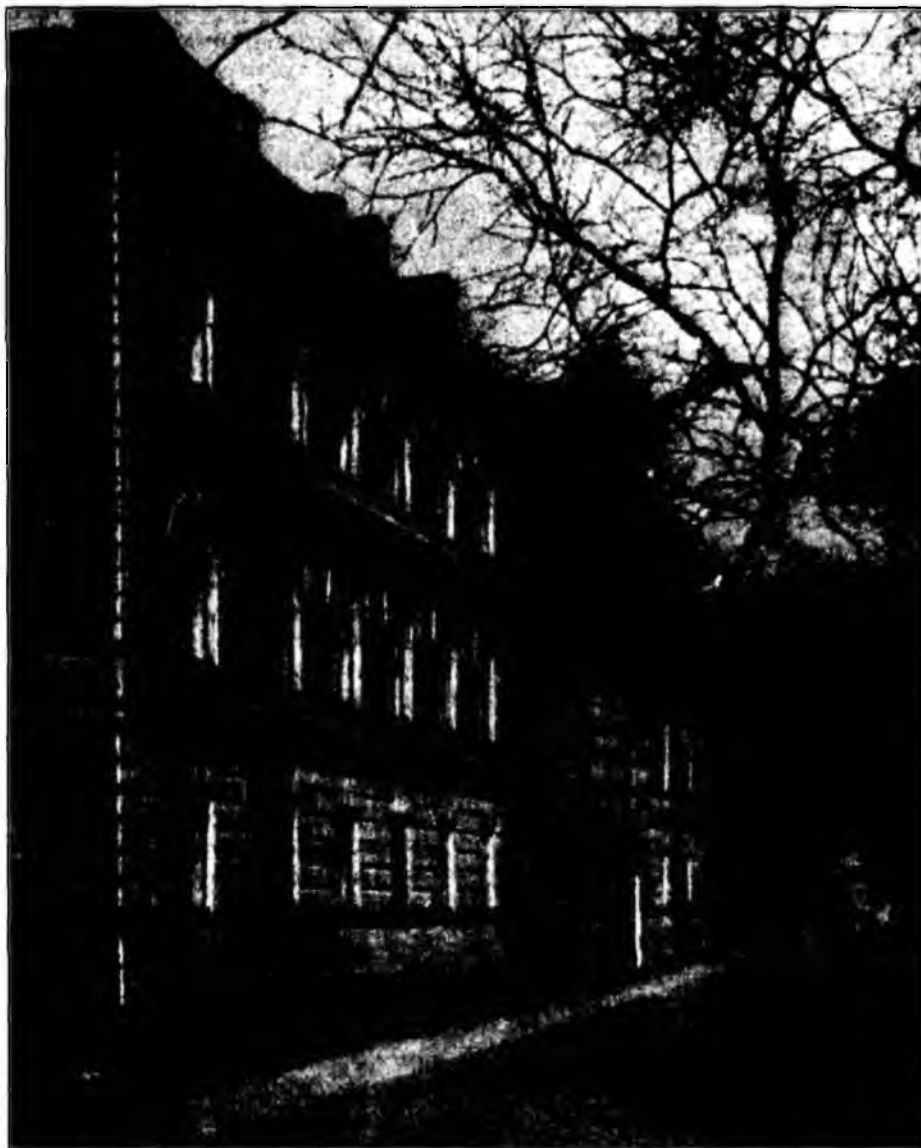
ученый, чувствующий, что смерть не за горами, спешил поделиться с соотечественниками тем, что было в прямом смысле выстрадано, что обдумывалось и переживалось многие годы. «Заветные мысли» выходили четырьмя отдельными выпусками в 1903—1906 годах в типографии М. П. Фроловой.

«Твой папа вот какой: он давно ВСЕ знает, что бывает на свете. Во все проник. Не укрывается от него ничего. Его знание самое полное. Оно происходит от гениальности, у простых людей такого не бывает. У него нет никаких “убеждений” (консерватизм, либерализм и т. д.). У него есть все. Такое впечателние он и производит», — писал 15 мая 1903 года поэт Александр Блок своей невесте Любе Менделеевой (Прекрасной Даме) незадолго до их свадьбы. Слово «всё» подчеркнуто Блоком трижды. Если цитировать это письмо дальше, то становится ясным, что оно не только комплиментарно по отношению к будущему тестю, но и выражает некоторое раздражение: беспокойно и тяжело рядом с человеком, который сам страдает от груза всепознания («Твоя мама страдает, между прочим, и от этого...», «Дай Бог, чтобы мама поправила нервы летом...»). Тут ничего не поделаешь: рядом с великими людьми их близким, как правило, нелегко.

И не только близким. Дмитрий Иванович довольно часто бывал в Англии. Его английский коллега и биограф Т. Торп, называя Менделеева «бельмом на глазу для российской бюрократии», поясняет: «Как неоднократно указывалось, то, что его часто посылали за границу, было на самом деле плохо замаскированными попытками держать его на приличном расстоянии от дома. Что ж, если не хотят слушать чиновники, остается уповать на распространение печатного слова, которое может дойти до непредубежденных, умных людей, способных “Заветные мысли” воплотить в реальные дела».

Следом за «Заветными мыслями» Менделеев надиктовал и написал книгу «К познанию России», выпущенную издателем А. С. Сувориным в 1906 году. Она быстро разошлась, и в течение года вышло четыре (редчайший случай!) издания подряд. На следующий год, уже после кончины ученого, появилось 5-е, 6-е, в 1912 году — 7-е издание.

У Менделеева остается ощущение, что не все сказано. И он тут же, не жалея сил, торо-

«Красный дом» — ВНИИМ, где была последняя квартира Д. И. Менделеева (1897—1907)

пять, а потому не очень заботясь о стиле и форме изложения, приступает к «Дополнениям к познанию России». Вступление и первую главу успевает отослать в типографию. На рабочем столе осталась рукопись, обрывающаяся на словах: «В заключение считаю необходимым хоть в самых общих чертах высказать...»

11 января 1907 года, в четверг, Менделеев принимал в Главной палате мер и весов нового министра торговли и промышленности Д. А. Философова. По словам сотрудника ГПМВ физика Н. Г. Егорова (к слову, занимающего после Менделеева пост управляющего палатой до 1919 года), Дмитрий Иванович «был очень доволен посещением», а «при возвращении домой на сильном ветру (его вел под руку служитель) простудился и уже с утра пятницы почувствовал недомогание». Больше он из дома не вышел. Плеврит перешел в катаральное воспаление легких, и в 5 часов утра 20 января (2 февраля по новому стилю) 1907 года Д. И. Менделеев скончался.

«Быстро разошлось это печальное известие по городу,— свидетельствует Н. Г. Егоров.— Множество телеграмм и писем, полученных вдовую Д. И. Менделеева Анной Ивановной, университетом, Физико-химическим обществом, Главной палатой мер и весов, статьи и заметки, помещенные как в русских, так и немецких, английских, американских, французских, итальянских и др. газетах, показали, что утрата Дмитрия Ивановича не только в России вызвала неподдельное горе, но весь ученый мир потерял в нем одного из лучших и популярнейших своих представителей».

«Когда приехала я, Дмитрий Иванович лежал уже в зале на столе, величавый и спокойный, со сложенными крестом руками, и застывшее красивое лицо его, казалось, говорило: “Теперь я знаю то, что скрыто от вас, еще живущих...”»

Во время похорон Дмитрия Ивановича самое сильное впечатление на меня произвела эта несметная толпа народа, провожавшая его к церкви Технологического института и, после отпевания, на Волково кладбище. Двигалась она сплошной темной тучей по зимним улицам города. <...>

Колыхание венков, металлический гроб, который студенты, чередуясь, несли на руках до самой могилы, черные флаги на здании Технологического института, зажженные днем фонари и всюду народ — юноши, женщины, старики — все это оставило неизгладимое и возвышенное впечатление».

(Из «Семейной хроники...» Н. Я. Капустиной-Губкиной)

Похоронили Дмитрия Ивановича недалеко от могил матери и старшего сына Владимира, флотского офицера, решившего в 1898 году посвятить себя научной деятельности, но вскоре скоропостижно скончавшегося. Ученым-метрологом стал сын Менделеева от второго брака — Иван. Он был профессором Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии имени своего отца. А младшая дочь Менделеева, Мария, по специальности агроном, с 1934 года до самой смерти (1952) была директором музея Д. И. Менделеева в Ленинградском государственном университете.

В Советском Союзе отношение к имени, памяти, наследию Менделеева было вроде бы почтительным. Однако подлинные социально-философские и политические воззрения

Бронзовый памятник Д. И. Менделееву работы И. Я. Гинцбурга перед зданием Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева в С.-Петербурге

ученого замалчивались как в научно-популярной, так и в исследовательской литературе, а из оригинальных текстов признанные крайними места просто изымались цензурой. Ну нельзя было передового, свободолюбивого ученого показывать сторонником исключительно капиталистического пути развития. А между тем, не закрывая глаза на различные отрицательные явления, связанные с капиталистическими отношениями, Менделеев утверждал: «Перескочить через капитализм — утопия» — и считал, что «право собственности составляет одну из основ всего общественного устройства, назначенного для обеспечения как личностей, так и их взаимностей». Менделеев не верил в обязательность капиталистической эксплуатации, резонно замечая в той же работе «Учение о промышленности» (1901), что «привычка действовать созидательно... неизбежно родит свою новую дисциплину; она основывается не на вражде и встрече интересов, а на согласии и общении, которые и дают новые способности».

Нет ничего удивительного, что такую «капиталистическую пропаганду», вышедшую из-под пера авторитетного ученого, от советского читателя скрывали, хотя и вынуждены были отмечать: «Менделеев никогда не был сторонником социализма,— более того, он боялся и чурался этого слова» («Правда», 02.02.1937).

При подготовке к изданию в 30—50-е годы XX века Академией наук СССР 25-томного собрания сочинений Д. И. Менделеева из его книг, статей, очерков, писем, автобиографических заметок вымарывались слова, предложения, абзацы...

Такая вот редаKTура. Однако по-настоящему, во всю ширь развернулась цензура, когда дело дошло до издания «Заветных мыслей», «К познанию России» и «Дополнений к познанию России». При их публикации в 1952—1954 годах в XXI, XXIII и XXIV томах «академического» собрания из них в целом было изъято около 8 печатных листов, что по размерам составляет среднего объема книгу. Даже мизерным по тем временам тиражом боялись их обнародовать! Но даже заведомо неполный, искаженный текст порою снабжен там оскорбительными в отношении Менделеева редакционными примечаниями.

Каких бы проблем ни касался Дмитрий Иванович — будь то проблемы народонаселения, фабрично-заводской промышленности, сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли, науки, высшего и среднего образования, политического устройства России, международных отношений и т. п.— везде красной нитью проходит, с одной стороны, предостережение от, возможно, ждущих страну революционных «гибельных потрясений», с другой — последовательная защита эволюционных, «постепенных, но решительных перемен», при посредстве которых только и возможны действительное процветание и прогресс горячо любимой Менделеевым России.

В этом основной идейно-философский, эмоционально-психологический и нравственный пафос социально-экономической публицистики Д. И. Менделеева — его духовного завещания современникам и потомкам.

Юрий Славянов

**К ПОЗНАНИЮ
РОССИИ**

Д. Менделѣевъ

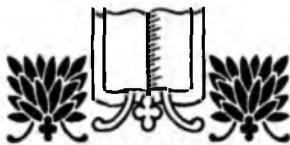
КЪ ПОЗНАНІЮ РОССІИ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ РОССІИ

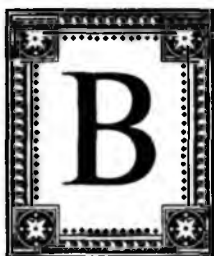
5-е изданіе, вновь исправленное и дополненное

С-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1906

Титульный лист книги Д. И. Менделеева «К познанию России».
1906 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Всегда и в каждом деле для сознательности совершаемых в нем действий полезно посчитаться, а когда, как теперь у нас в целой стране, что-то стряслось непривычное, когда дело касается большинства голосов и сил страны и когда в ней наступают во многом новые порядки, тогда подсчет существующего не только полезен, но просто необходим для всякого, кто сколько-нибудь хочет жить сознательным членом своей родины, потому что целое всегда мало видимо, т. е. в глаза само не бьет. Иначе из-за грубой подражательности, того гляди, призовутся новые беды и несоответствие с тем, что имеется налицо и что требует своих последствий и сознательных желаний, стремлений, обсуждений и мероприятий. Страна-то ведь наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальной Азии, долженствующая так или иначе их помирить.

Вот основные побуждения, вызвавшие предлагаемую статью, составляющую, в сущности, лишь новую главу моих «Заветных мыслей». И мне бы, пожалуй, хотелось, подобно многим другим, да и легче всего было бы излагать преимущественно свои личные мнения по вопросам того порядка, который преобладает после заключения мира с Японией, после дарования всяких «свобод» и при созыве Государственной думы, но, как реалист, очень боюсь я предвзятостей, даже своих собственных, и тем паче партийных, а потому стараюсь ограничиваться тем, что представляет признаки объективности и такой точности, какая доступна нашему времени. Не отказываюсь, однако, высказывать местами и свои личные соображения. Но и указанную задачу во всей той широте, какая представляется моему уму и какую иметь мне кажется очень надобным, выполнить мне не под силу, а потому сужаю ее до трех доступнейших для меня предметов: выводы из переписи, определение центра России и ее общая карта.

Составление и печатание отчета по первой планомерной общей русской переписи 1897 г. закончены только в прошлом, 1905-м году — и закончены, благодаря руководству Н. А. Тройницкого, с большою полнотою и систематичностью. Но отчет этот снабжен таким огромным числом данных и составлен с такой подробностью, что все издание образует многие тома, разбираться в которых, находить то, что желательно, или свести основное в немногие числа — представляет особый, немалый труд, с которым совладает не всякий¹. Вероятно по этой причине, я нигде не встречал никаких серьезных и сколько-либо продуманных сопоставлений, основанных на полных числах законченной переписи. План переписи, очевидно, обдуман весьма тщательно и приноровлен именно к тому, чтобы доставить множество разнообразных выводов как об империи в целом, так и об ее частях, до узлов и отдельных городов, но общего свода данных с отбором важнейшего в надлежащей — для обозрительности — форме, к сожалению, не сделано, быть может, отчасти потому, что перепись не захватила Финляндии, а тем не менее относится ко всей нашей империи, в состав которой не наши, а английские географы, едва ли обоснованно, включают Хиву и Бухару, о которых дальше нет упоминания по той причине, что

их самостоятельная независимость охраняется Россией и этим обеспечена на ближайшее будущее. Содержит же наша перепись столь много данных весьма большого местного и общего интереса, что оставить ее без краткой сводки мне кажется несвоевременным и даже просто ошибочным. Пусть в ней имеются свои недостатки, ибо нет ничего человеческого, лишенного недостатков, все же из нее можно почерпнуть поучительнейшие цифры, что я и старался по мере сил выполнить со всею возможной краткостью, зная, что обширное извлечение не под силу современному русскому вниманию, привыкшему, особенно за последнее время, относиться ко всему общему с бойкостью беглых гостиных разговоров. Для меня числа сами по себе красноречивы, но все же, ввиду того, что слышу кругом, считаю необходимым некоторые из этих чисел объяснить и сопоставить в их наглядности, а для некоторых предпослать свои личные соображения, более или менее отчасти уже выраженные в моих «Заветных мыслях» (1903—1905) и основанные на впечатлениях всей моей приближающейся к концу жизни.

Что касается определения центра нашей обширной страны, то этот предмет, сколько мне известно, совсем не затрагивался нашей литературой, хотя говорилось о центре очень много и хотя интересы центра обсуждались во многих комиссиях. Поэтому я приложил здесь возможно точные приемы расчета и полагаю, что это пора сделать, потому что центр страны, как отлично показывают расчеты, производимые в С.-А. С. Штатах каждые 10 лет, со временем перемещается, и надо полагать, что за первой переписью последуют же следующие, в которых расчеты этого рода будут выполняться, и тогда станет очень полезным принять во внимание направление перемещения русского центра, для чего необходимо знать положение центра в эпоху первой переписи, т. е. в 1897 г. Перемещение же центра страны и все сведения об этом предмете имеют, на мой взгляд, большое значение при обсуждении общих интересов страны, на что пришлось у нас свое время.

Третьей настоятельной надобностью времени я считаю составление возможно точной и наглядной общей карты России, так как обыкновенно Европейскую Россию изображают отдельно от Азиатской России, а когда дают карту всей империи, то в центр ее попа-

дают полупустынные азиатские степи, а истинно русский центр является чем-то побочным. Старался я составить новую карту так, чтобы она при малых размерах отличалась возможной точностью и выставила на первый план тот центр, которым сложилась и живет вся Россия. Кроме того, картою я старался достигнуть наглядности принятого мною подразделения России на отдельные «края» или «земли», характеризующиеся близостью и особенностями своего сложения. Административное деление России, конечно, должно быть положено в основу всего, как оно вложено и в историю и в перепись, но простое сопоставление, как ныне нередко делается, в алфавитном порядке 50 губерний Европейской России удаляет сродные местности и устраняет возможность многих естественных сближений. Вся совокупность 97 губерний России разделена мной на 19 частей; они названы «краями», если прилегают хотя бы отчасти к границам империи, и «землями», если со всех сторон окружаются ее другими подразделениями. При таком разделении России на края и земли я принял во внимание не только многократно признававшиеся подразделения России в естественном и экономическом отношениях, но и соображения, вытекающие из данных переписи, на которую смотрю как на весьма важный вклад для познания России.

Хотелось бы мне снабдить свои сопоставления данными, касающимися разделения земель (на леса, болота, тундры, пахотные земли, солончаки и т. п.), земледельческого быта (урожаев, распределения земель по владельцам и т. п.), видов промышленности (горной, ремесленной, фабрично-заводской и торговой), путей сообщения, кредита, хода образования и т. п., но данные этого рода, уже имеющиеся в изобилии, очень сильно разбросаны и отличаются такой неоднородностью, что вывод из них крупных и достоверных чисел для отдельных краев и для всей страны представляется в настоящую минуту для меня совершенно невозможным, тем более что он потребовал бы критической и подчас субъективной оценки сведений и вследствие того занял бы много времени и места, что мне совершенно не по силам в настоящее время. Полагаю, однако, что и те данные, которые извлечены далее из переписи, содержат мно-

гое, что теснейшим образом связано с указанными предметами и при их обсуждении вполне необходимо.

Хотя я привык работать над числами и в областях, требующих точности, но при выполнении вышеуказанных задач мне нельзя было обойтись своими силами не только потому, что во всяких счетах и расчетах, каких требовалось очень много, неизбежно нужна проверка, но и потому, что моего времени не хватило бы на все расчеты и выполнения, какие представились бы на деле². У меня одного затянулось бы дело на целые годы, а оно теперь, по моему мнению, спешное, и ради его ускорения я пригласил единомышленных сотрудников, благодаря пособию которых сложное дело выполнилось сравнительно быстро и, надеюсь, с желаемой и возможной точностью. В расчетах, касающихся переписи, мне особенно помогли В. А. Патрухин, А. В. Скворцов, О. Э. Озаровская. Расчеты, касающиеся центра населенности России, произвел сперва мой сын И. Д. Менделеев, а потом окончательный расчет (с определением центров поверхности губерний) произведен трудами К. Н. Егорова, В. А. Лаженицына и г-жи В. И. Ливчак, О. Э. Озаровской, Е. В. Разумихиной и А. А. Бородулиной. Составление прилагаемой здесь новой общей карты России произведено с большой тщательностью преимущественно Б. П. Гушиным при содействии А. Г. Михеева. Без помощи указанных лиц мне бы не удалось довести это дело до конца, и я глубоко благодарен им за то внимательное отношение к предмету, которое они все время выказывали.

Этими общими замечаниями оканчиваю свое вступление и, стараясь по возможности быть кратким, прямо перехожу к некоторым подробностям, относящимся к трем вышеназванным предметам. Ради краткости, не избегаю во всем дальнейшем изложении даже такой отрывочности, которая непривычна, лишь бы она не препятствовала сохранению и проведению общего плана, выше мною намеченного. Потратив немало труда для точности выполненного, мне не хочется его расходовать на отделку.

1906 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВАЖНЕЙШИЕ ЧИСЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ КО ВСЕЙ РОССИИ И К ЕЕ ЧАСТЯМ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 г.

звлеченные из переписи числа приведены в табл. 1—3, которые — для удобства сличений — расположены и напечатаны тождественным образом.

В табл. 1 даются первейшие сведения о составе населения частей империи и о величине поверхности этих частей, чтобы выяснить густоту населенности. Но предварительно (начальный столбец без нумерации) приводится число уездов каждой губернии или области, потому что в переписи единицами для счетов служили уезды, следовательно, все сведения можно было бы дать по уездам, чего не сделано мною по той причине, что всех уездов 816, а при такой многочисленности теряются обозрительность и сравнимость данных. Для местной статистики и для разработки многих частных вопросов в переписи найдутся все данные по уездам.

Перепись наша, как известно, не содержит данных для Финляндии³, но так как край этот, что давно показала история, самостоятельно существовать не в силах уже по малости (2,6 млн) числа жителей, подобно какой-либо русской губернии, например Тамбовской (2,6 млн) или Самарской (2,7 млн), и так как Финляндия во всех отношениях тесно связана с Россией, то включена мною в общий свод русских данных, причем численные о ней сведения выведены на основании данных, помещенных в «Статистическом ежегоднике Финляндии за 1905 г.» (Гельсингфорс, ред. Авг. Ельг). К сожалению, большинство содержащихся там данных относится к иным годам, чем 1897 г., в который произведена общая русская перепись, что принуждает предположительно перечислять их для приведения к одному общему сроку. Затем, для Финского края недостает некоторых данных в такой подробности, какая возможна для всех других губерний и краев России, и особенно не хватает подробностей, касающихся отдельных губерний. Поэтому в прилагаемых далее табл. 1, 2, 3 для Финляндии нет подлинных сведений по отдельным губерниям, и даются числа только для всего Финского края; но и в них некоторые цифры отчасти сомнительны, потому что не прямо взяты из переписей, а разočтены с теми или иными допущениями. Это, однако, не может почти нисколько влиять на общие выводы именно по той причине, что все население Финского края составляет менее чем одну сорок девятую часть общего населения империи, следовательно, погрешность, возможная в такой малой доле, не может влиять на общие результаты в заметной мере.

Так как всякие измерения, а тем паче статистические, сопряжены с неизбежными своими погрешностями, то во всех приводимых далее таблицах я счел возможным приводить лишь счет тысяч людей, редко сотен, зная, что и этого совершенно достаточно для статистических сличений и сопоставлений, для которых назначаются сводные таблицы, касающиеся страны столь многолюдной, как наша.

Данные первой русской переписи относятся к 28 января 1897 г., т. е. они уже теперь устарели на 9 лет и отчасти уже требуют в применении к современности своего рода поправок или дополнений. Такие поправки особенно необходимы в общем количестве жителей, но во многих

других числах изменения мало влияли на отношения, которые необходимо знать, потому что за истекшие 9 лет еще не успело произойти существенных перемен, в ожидании которых и надо разбираться в существующем численном материале. Прибыль с 1897 г. населения в отдельных губерниях и областях, конечно, не вполне одинакова, но определить существующую здесь степень различия нет никакой возможности с какой-либо степенью точности, и разность эта великой быть не может. Для всей же России, взятой как целое, на основании данных, собираемых Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел⁴ о числе рождающихся и умирающих, должно принять прирост никак не менее 15 чел. в год на 1000 жителей. Это допущение дает следующее вероятное количество всего населения России по годам:

Год	Млн	Год	Млн
1897	128,2	1904	142,3
1898	130,2	1905	144,5
1899	132,1	1906	146,6
1900	134,1	1910	155,6
1901	136,1	1950	282,7
1902	138,2	2000	594,3
1903	140,2		

Если же принять естественный прирост равным 18 чел. на тысячу в год (как дает указанный источник для 50 европейских губерний для 1897 г.), то в начале 1906 г. число жителей России должно считать близким к 150,1 млн (вместо 146,6 млн).

Осторожнее, однако, принять предположение⁵ о годовом приросте в 1,5 %.

Подобным же образом легко расчесть количество жителей в отдельных частях России, если принять естественный прирост (т. е. разность между числом рождающихся и умирающих) везде одинаковым и равным 1,5 %, но несомненно, что густо населенные губернии выделяют часть населения для переселения в редко населенные губернии и края, а за последнее время отчасти и за границу, в особенности в С.-А. С. Штаты и Аргентину. Однако разность, от этого происходящая, не должна быть большой в сравнении с общим числом жителей. Убыль, происходящую от войны и событий, за нею последовавших, также нельзя считать сколько-нибудь влияющей на общее число жителей, хотя она, конечно, для разных местностей не одинакова. Ведь надо же помнить, что в России ежегодно прибывает не менее 2 млн жителей, т. е. в каждую минуту дня и ночи общее число рождающихся в России превышает число умирающих на 4 чел. При этом цифры, подобные убыли в боях и т. п., — численно — приравниваются с величинами погрешностей, возможных из года в год и для разных местностей.

Если от общего числа жителей, относящегося к современным годам и представляющего важнейшую исходную величину, перейдем к числам, выражающим распределение жителей по возрастам, занятиям, языку и т. п., то, конечно, здесь уже, несомненно, происходят с годами изменения, вовсе не выражающиеся указанной величиной прироста. Так, например, число городских жителей прибывает, несомненно, быстрее общего прироста жителей. То же должно сказать о лицах, занимающихся видами промышленности, считая в том числе и пути сообщения. Из данных других стран, даже из сведений нескольких переписей Финляндии, очевидно, что прибыль в числе городских жителей, равно как лиц, занимающихся видами промышленности, повсюду гораздо более общей прибыли населения. Это естественное и всемирное явление определяется прежде всего тем, что для добычи первичных условий жизни, т. е. хлеба и других жизненных продуктов, с течением времени и с введением разного рода улучшений требуется относительно меньший и меньший процент жителей.

Вот в этих-то отношениях чрезвычайно важно дождаться новой русской переписи, которая должна ясно указать степень напряженности у нас явлений подобного рода. Оценивать на глаз

или по примерам других стран или некоторых городов, в которых точная перепись повторялась, нет никакого основания. Замечу, однако, что приводимые далее цифры относительно количества лиц, занятых земледельческой деятельностью и разными видами промышленности (табл. 3, столбцы 40, 43—45), показывают, что широко распространенное мнение о великом преобладании у нас первичных видов промышленности, т. е. земледелия, скотоводства (кочевого быта), лесоводства и т. п., во многих отношениях преувеличено, и уже в этом смысле перепись 1897 г. доставляет трезвые данные, заставляющие с нетерпением ждать новой переписи, для того чтобы судить о степени быстроты течения указанной общей и неизбежно необходимой мировой эволюции в нашем отечестве. Земледельческую деятельность и деревню, очевидно, оставляют не потому, что промышленная или городская нравится или представляет какие-либо особые соблазны всякого вида свобод, а потому только, что первая лишь начальная, однообразная и ограниченная и должна в своем значении постепенно убывать⁶, тогда как вторая отвечает росту беспредельному; первая чисто внешняя, почти животная, вторая же более приближается к духовной; очевиднее же всего потому, что первая повсюду менее, чем вторая, выгодна, так как хлеба нужно людям лишь определенное количество, пропорциональное числу жителей, другие же виды промышленности, доставляющие удовлетворение разнородным видам народившихся потребностей, привлекают людей, как и города, совокупностью выступающих со временем условий и необходимостью при возрастающем общем росте удовлетворять спросу на предметы, которые всегда подразумевались, когда говорилось о том, что «не о хлебе едином жив человек». Но так как без хлеба все-таки нельзя обойтись и он составляет неизбежную потребность, доставляемую донныне исключительно солнцем, соединенным с землей, то вслед за столбцами, дающими общее число жителей и их распределение по полу и возрасту, приводятся данные (столбец 13) о количестве земли в данной губернии, крае, земле или области.

Столбец 13 показывает именно это общее количество земли или, точнее, суши, относимой к данному подразделению страны. Крупные массы вод, например большие озера,

выкинуты из счета земли, хотя несомненно, что воды доставляют часть питательных веществ в виде рыбы, и в будущем, вследствие развития искусственного разведения рыб, устриц и всякой другой водяной живности (растений и животных), придет же время, когда значение вод не только внутренних, но и соседних морей приобретет свое место, и надо полагать, что до этого уже доживут наши дети. Общее количество земли само по себе имеет ограниченное значение для чисто земледельческой деятельности, если из «всей земли» не вычтены земли, которые не могут быть прямо превращены личными усилиями земледельцев в луга и пашни. Сюда относятся особенно северные наши земли, совершенно не способные к хлебной культуре, каковы тундры и вообще побережье Ледовитого океана; там и солнца мало. Их много у нас⁷, и их пропорцию можно было бы считать, потому-то граница лесов и возделываемых хлебов довольно хорошо известна, но все же такой расчет был бы не лишен большого произвола, а потому мною здесь вовсе не делается. Это потому особенно, что сверх тундр, солончаков, болот и тому подобных мест, прямо неспособных к культуре, необходимо в России отчислить большое количество земли под леса, сохранение которых, узаконенное императором Александром III, составляет неизбежное условие сколько-либо правильного течения русской жизни, так как несомненно, что азиаты, истребив леса, многие места Азии превратили в пустыни, да и Сицилия, когда-то бывшая житницей Италии, производит очень мало хлебов едва ли не по той же причине. Только отчисляя затем неизбежное количество земли для городов, дорог, водяных сообщений и т. п., можно было бы составить понятие о количестве земли, способной к земледелию.

Такие данные желательно иметь при составлении будущей переписи или при новом генеральном межевании. При этом должно выясниться, какая часть ныне пустующей земли может быть прямо или косвенно отвоевана для земледелия (для пашен и лугов). Начало осушения Пинских болот составляет пример такого завоевания. Если бы введено было орошение, во многих жарких частях России, даже на южном берегу Волги, можно бы отвоевать от пустынь целые области. В свое время фараоны не только строили пи-

Таблица 1

Из переписи 1897 г.	Число уездов в губернии или области	Число жителей, тыс.			Распределение жителей по возрасту (мужчин и женщин)								Умалощенных, глухонемых, слепых и немых, тыс. лиц	Основные условия хозяйственной жизни	
		Обоего пола	Мужского пола	Женского пола	Количество лет									Всей земли, тыс. кв. верст	На одно лицо в среднем десятии всей земли
					0 — 10	10 — 20	20 — 30	30 — 40	40 — 50	50 — 60	60 — 70	70 и более			
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1. Новгородская губ.	11	1367	652	715	367	281	204	168	128	96	73	50	6,1	104	8,0
2. С.-Петербургская »	8	2112	1121	991	395	384	496	348	220	136	85	48	8,8	39	1,9
3. Псковская »	8	1122	540	582	311	245	168	139	100	72	50	37	5,9	38	3,5
Петербургский край	—	4601	2313	2288	1073	910	868	655	448	304	208	135	20,8	181	4,1
4. Эстляндская губ.	4	413	203	210	93	77	69	58	43	33	26	14	2,1	18	4,5
5. Лифляндская »	9	1299	630	669	269	246	226	186	138	107	80	47	7,4	41	3,3
6. Курляндская »	10	674	326	348	141	130	110	89	70	57	44	32	4,1	24	3,7
Ливонский край	—	2386	1159	1227	504	453	405	333	251	197	150	93	13,6	83	3,6
7. Сувалкская губ.	7	583	288	295	151	127	93	70	50	42	31	19	1,9	11	1,9
8. Ломжинская »	7	580	301	279	159	118	107	73	47	37	24	15	1,7	9	1,7
9. Плоцкая »	7	554	276	278	157	119	87	68	45	38	23	17	2,0	8	1,6
10. Варшавская »	14	1932	978	954	509	393	380	257	152	123	73	45	6,0	15	0,8
11. Седлецкая »	9	772	388	384	214	157	134	103	61	53	33	17	1,9	13	1,7
12. Радомская »	7	815	406	409	242	172	132	106	62	53	31	17	2,2	11	1,4
13. Калишская »	8	841	415	426	249	183	126	105	63	58	34	23	2,9	10	1,2
14. Петроковская »	8	1404	697	707	408	297	251	187	107	82	47	25	3,6	11	0,8
15. Люблинская »	10	1161	590	571	327	246	210	150	87	77	43	21	3,1	15	1,3
16. Келецкая »	7	762	374	388	229	162	115	98	62	51	29	16	2,3	9	1,2
Польский край	—	9404	4713	4691	2645	1974	1635	1217	736	614	368	215	27,6	112	1,2
17. Подольская губ.	12	3018	1506	1512	838	688	467	370	282	199	109	65	11,7	37	1,3
18. Воынская »	12	2989	1503	1486	879	656	511	355	246	185	103	54	10,2	63	2,2
19. Киевская »	12	3559	1767	1792	1019	815	549	429	328	224	123	72	14,4	45	1,3
20. Полтавская »	15	2778	1377	1401	827	637	386	332	251	176	110	59	11,4	44	1,6
21. Черниговская »	15	2298	1119	1179	674	503	337	278	204	152	97	53	9,5	46	2,1
22. Харьковская »	11	2492	1254	1238	739	526	387	303	224	158	100	55	10,9	48	2,1
Малороссийский край	—	17134	8526	8608	4976	3825	2637	2067	1535	1094	642	358	68,1	283	1,7
23. Ковенская губ.	7	1545	752	793	387	329	248	190	141	109	81	60	6,3	35	2,4
24. Виленская »	7	1591	791	800	433	345	271	195	135	102	67	43	6,2	37	2,4
25. Витебская »	11	1489	737	752	411	334	253	173	124	90	61	43	7,3	39	2,7
26. Могилевская »	11	1687	828	859	516	393	250	196	130	95	64	43	8,8	42	2,6
27. Минская »	9	2148	1070	1078	635	479	351	258	165	125	82	53	8,2	80	3,9
28. Гродненская »	9	1603	816	787	440	331	299	201	127	102	65	38	4,5	34	2,2
Литовско-Белорусский край	—	10063	4994	5069	2822	2211	1672	1213	822	623	420	280	41,3	267	2,8
29. Тверская губ.	12	1769	795	974	482	369	245	203	170	137	98	65	7,3	57	3,3
30. Смоленская »	12	1525	720	805	432	326	220	181	138	109	72	47	7,9	49	3,3
31. Московская »	13	2431	1219	1212	503	461	479	371	263	177	114	63	9,8	29	1,2
32. Владимирская »	13	1516	690	826	400	295	222	194	156	116	83	50	7,0	43	3,0
33. Калужская »	11	1133	502	631	321	232	161	134	104	87	58	36	5,2	27	2,5
34. Тульская »	12	1419	666	753	389	307	210	165	142	100	64	40	6,0	27	2,0
Подмосковная земля	—	9793	4592	5201	2527	1990	1537	1248	973	726	490	301	43,2	232	2,5

Продолжение табл. 1

Из переписи 1897 г.	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
35. Рязанская губ.	12	1802	844	958	503	385	265	210	177	126	86	50	7,6	37	2,1
36. Орловская »	12	2034	983	1051	562	448	314	242	191	141	87	49	8,8	41	2,1
37. Тамбовская »	12	2684	1302	1382	707	596	422	330	269	170	120	70	11,3	59	2,3
38. Пензенская »	10	1470	704	766	384	325	224	182	151	101	66	37	7,1	34	2,4
39. Воронежская »	12	2531	1251	1280	699	543	401	307	251	164	108	58	11,5	58	2,4
40. Курская »	15	2371	1166	1205	681	525	350	280	226	160	98	51	9,9	41	1,8
Среднерусская земля	—	12892	6250	6642	3536	2822	1976	1551	1265	862	565	315	56,2	270	2,2
41. Казанская губ.	12	2171	1060	1111	576	491	334	264	210	141	102	53	18,2	56	2,7
42. Нижегородская »	11	1585	745	840	403	323	238	204	169	118	83	47	8,3	45	3,0
43. Костромская »	12	1387	623	764	381	273	196	171	140	104	75	47	7,8	74	5,5
44. Ярославская »	10	1071	461	610	269	201	154	135	113	89	67	43	5,0	31	3,0
Верхневолжская земля	—	6214	2889	3325	1629	1288	922	774	632	452	327	190	39,3	206	3,4
45. Вятская губ.	11	3031	1426	1605	829	660	472	369	295	210	134	62	17,9	135	4,7
46. Пермская »	12	2994	1440	1554	775	614	463	381	305	218	152	86	14,8	290	10,1
47. Уфимская »	6	2197	1090	1107	637	498	336	249	193	134	94	56	14,3	107	5,1
48. Оренбургская »	5	1600	794	806	444	352	249	194	151	102	69	39	7,6	167	10,8
Пермская земля	—	9822	4750	5072	2685	2124	1520	1193	944	664	449	243	54,2	699	7,4
49. Астраханская губ.	7	1004	514	490	270	211	168	130	98	66	39	22	3,2	190	19,7
50. Саратовская »	10	2406	1174	1232	634	504	272	305	243	166	115	67	10,6	74	3,2
51. Самарская »	7	2751	1351	1400	751	597	430	339	269	178	118	69	14,3	137	5,2
52. Симбирская »	8	1528	729	799	402	331	231	185	150	106	82	41	8,9	43	3,0
Нижневолжская земля	—	7689	3768	3921	2057	1643	1201	959	760	516	354	199	37,0	444	6,0
53. Бессарабская губ.	8	1935	991	944	547	441	285	241	180	126	74	41	5,6	40	2,2
54. Херсонская »	6	2734	1401	1333	814	576	435	342	233	167	104	63	9,2	62	2,4
55. Таврическая »	10	1448	763	685	444	308	247	172	118	83	49	27	5,0	58	3,8
56. Войска Донского обл.	9	2564	1294	1270	710	506	424	323	242	175	111	73	9,0	144	5,9
57. Екатеринославская губ.	8	2114	1092	1022	649	442	363	258	170	116	76	40	7,1	56	2,7
Южно-Русский край	—	10795	5541	5254	3164	2273	1754	1336	943	667	414	244	35,9	360	3,4
58. Черноморская обл.	3	57	35	22	13	10	13	10	6	3	1	1	0,1	6	11,7
59. Кубанская »	7	1919	973	946	590	402	295	240	174	114	67	37	6,2	81	4,4
60. Терская »	7	934	486	448	282	192	157	116	81	53	34	19	2,8	61	6,8
61. Ставропольская губ.	5	873	444	429	268	186	133	108	79	51	31	17	2,7	53	6,3
62. Дагестанская обл.	9	571	283	288	162	104	95	76	53	35	26	20	1,5	26	4,8
Кавказский край	—	4354	2221	2133	1315	894	693	550	393	256	159	94	13,3	227	5,4
63. Бакинская губ.	6	827	458	369	252	156	161	116	68	37	22	15	2,6	34	4,3
64. Елизаветпольская »	8	878	480	398	298	162	150	114	70	42	25	17	3,7	39	4,6
65. Карская обл.	4	291	161	130	87	50	63	36	23	15	10	7	1,0	17	6,0
66. Эриванская губ.	7	830	442	388	266	163	145	108	68	41	25	14	3,2	23	2,9
67. Тифлисская »	10	1051	575	476	300	219	192	134	86	57	40	23	3,4	39	3,9
68. Кутаисская »	10	1058	550	508	305	222	163	133	84	65	47	39	4,1	32	3,2
Закавказский край	—	4935	2666	2269	1508	972	874	641	399	257	169	115	18,0	184	3,9
69. Закаспийская обл.	5	382	212	170	100	67	84	55	34	22	14	6	1,5	532	145,2
70. Сырдарьинская »	6	1478	803	675	346	301	286	207	153	93	59	33	1,9	453	31,9
71. Самаркандская »	4	860	472	388	182	174	180	134	92	57	29	12	1,3	61	7,3
72. Ферганская »	5	1572	853	719	339	288	295	234	184	126	75	31	1,9	121	8,0
Закаспийский край	—	4292	2340	1952	967	830	845	630	463	298	177	82	6,6	1167	28,3
73. Уральская обл.	4	645	336	309	171	122	112	84	64	46	28	18	1,9	284	46
74. Тургайская »	4	453	238	215	122	92	78	57	44	29	19	12	1,2	400	92
75. Семиреченская »	6	988	529	459	254	189	187	134	100	61	40	23	2,0	348	36
76. Семипалатинская »	6	685	365	320	168	133	116	93	75	46	33	21	1,8	445	68
77. Акмолинская »	5	683	355	328	190	133	111	89	68	44	29	19	2,1	498	76
Южно-Сибирский, или Киргизский край	—	3454	1823	1631	905	669	604	457	351	226	149	93	9,0	1975	60
78. Иркутская губ.	5	514	274	240	128	101	85	68	55	39	24	14	2,3	638	129
79. Забайкальская обл.	8	672	342	330	179	140	111	82	66	48	27	19	3,0	539	83

Из переписи 1897 г.	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
80. Якутская обл.	5	270	140	130	64	47	43	36	29	21	16	14	4,0	3469	1339
81. Амурская »	1	120	68	52	31	21	20	15	10	5	3	15	0,4	397	345
82. Приморская »	9	223	152	71	44	30	75	34	21	11	5	3	0,5	1659	774
83. Сахалин остров	3	28	20	8	5	2	6	7	5	2	1		0,1	67	248
Восточно-Сибирский край	—	1827	996	831	451	341	340	242	186	126	76	65	10,3	6769	386
84. Тобольская губ.	10	1433	706	727	366	291	206	180	148	111	80	51	7,4	1219	89
85. Томская »	7	1928	962	966	532	413	283	236	188	132	87	57	9,2	745	40
86. Енисейская »	7	570	299	271	144	112	86	74	61	45	29	19	2,7	2234	408
Западно-Сибирский край	—	3931	1967	1964	1042	816	575	490	397	288	196	127	19,3	4198	111
87. Архангельская губ.	9	347	164	183	90	75	51	41	35	26	17	12	0,2	743	223
88. Вологодская »	10	1342	636	706	362	284	200	192	135	99	65	35	6,2	353	27
89. Олонецкая »	7	364	172	192	94	75	52	45	38	28	19	13	1,8	115	33
Северно-Русский край	—	2053	972	1081	546	434	303	248	208	153	101	60	8,2	1211	61
90—97. ⁸ Финский край	51	2600	1284	1316	625	529	420	327	274	214	134	77	23,0	311	12,5
Вся Россия	816	128,2	63,8	64,5	35,0	27,0	20,8	16,1	12,0	8,5	5,5	3,3	0,54	19,2	15,6
		млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн
					27,27	21,05	16,21	12,58	9,34	6,66	4,33	2,56			
					%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%

рамиды, но и заботились об орошении. При развитии сознательности в России вопросы этого рода должны встать на очередь, потому что земля навсегда останется первой основой народности и государственности⁹.

Теперь же пока должно ограничиться общим количеством земли для суждения о том, как она отвечает народным нуждам.

Полагают нередко, что тут все дело в распределении земель между разными классами владельцев. Конечно, часть дела заключается в этом, но освобождение крестьян с землею, почти беспримерное для других стран, а у нас осуществленное Александром Освободителем, показывает, что в России вопросы этого рода понимаются издавна в надлежащем виде. Суть дела не в этом, а преимущественно в том, что и помимо всякого «распределения» в некоторых частях России земли уже очень мало, т. е. густота населения уже велика. А пример не только древних частей Азии, но и Западной Европы, климат которой более нашего благоприятен земледелию, показывает, что потребность выселения и других коренных перемен становится в стране настоятельной, когда на жителя приходится всей земли мало, а именно в Европе менее 4 десятин, считая при этом всех, от мала до велика, от городов до последних поселков и всю землю. У нас же вся главная масса коренной России уже имеет тесноту большую, чем указанная. В этом-то отношении я считаю наиболее удобным и ясным выразить густоту населения (столбец 14) числом десятин, приходящихся в среднем на одного жителя. В таблице видно, что из 19 краев и земель, на которые разделена далее вся Россия, в целой половине, на которой живет более двух третей русского населения, приходится на жителя в среднем уже менее 4 десятин на душу (столбец 14). Так, в Среднерусской земле, содержащей губернии: Рязанскую, Орловскую, Тамбовскую, Пензенскую, Воронежскую и Курскую, на душу приходится в среднем менее 2¹/₄ десятины. Напомню, что это касается всей земли, т. е. годной и негодной, солончаков и всякой другой, пока не способной к культуре земли. А в Польском крае, занимающем 112 тыс. кв. верст и имеющем 9,4 млн жителей, приходится всего на душу менее 1¹/₄ десятины. В Малороссийском крае, имеющем размер 283 тыс. кв. верст и население в 17,1 млн, приходится менее 1³/₄ десятины всей земли на душу.

Ввиду того важнейшего значения, которое имеет густота населенности¹⁰ для всего народного быта, даже для всей истории отдельных народов и всего человечества, она принята в большое внимание как при разделении всей империи на отдельные края, так и при расположении краев в таблицах (см. таблицу на с. 50).

	Число губерний	Всего жителей, млн	Всего земли, млн кв. верст	На душу в среднем десятин ¹⁾
А. Первые 13 краев «Европ.» России — без Северо-Русского края, но с включением Кавказа, Закавказья и Польского края. Здесь, говоря вообще, население уже достигло предельной густоты, хотя местами посвободнее (например, в Пермской и Нижневолжской землях), а местами очень тесно (например, в Польском и Малорусском краях). Это видно в количестве земли и жителей	47	101,3	4,1	4,2
Б. Пять следующих краев, а именно: Закаспийский, Южно-Сибирский, или Киргизский, Восточно-Сибирский, Западно-Сибирский и Северо-Русский, — говоря вообще, еще очень многоземельны	22	24,3	14,8	63,5
В. Последним (19-м) помещен в таблицах Финский край не только потому, что некоторые о нем сведения неполны, но и потому, что в нем часть губерний (например, Ньюландская — 3,7 дес. на душу) населены довольно плотно, другие же (например, Улеборгская — 85,9 дес. на душу) — очень редко, вообще же населения мало	8	2,6	0,3	12,5
Итого	97	128,2	19,2	15,5

Достаточно взглянуть на приведенные числа и на данные табл. 1, чтобы видеть, что огромное большинство жителей России находится в таком же положении, в каком три или четыре столетия тому назад находилось большинство жителей стран Западной Европы. Это положение вызвало там свои исторические события (религиозные войны, бунты, революции, Наполеона и т. п.) и такой напор к переселению, что Америка и берега Африки стали живо наполняться европейскими выходцами. Часть совершающихся у нас ныне событий, без сомнения, должно приписать такому же положению, в которое мы поставлены в настоящее время. Его, это положение, нередко не видят, считая Россию вообще малоземельной, но, забывая о наших обширных тундрах, песчаных степях и полупустынных местностях Сибири, которую напрасно долго держали в состоянии ссыльного места. У нас есть края, например Восточно-Сибирский, где на душу приходится 386 десятин, а в Якутской области — даже 1339 десятин на душу. Но в краях этих не так уж много земли, способной к земледелию, как показывает количество всей земли. Ведь надо же не забывать, что в Якутской-то области признали полюс холода и там земля летом до дна не оттаивает, а хлеб родится только в немногих ее частях. Переселяться в места, редко населенные, подобные Западной Сибири, где на жителя все еще приходится до 110 десятин земли, или в Киргизские степи, где на жителя приходится 60 десятин, нелегко, когда не накоплено развитием промышленности достатка и когда совершенно для всех уже стало ясным, что «не о хлебе едином жив человек».

Как во всем, так и относительно густоты населения у нас скачок явный между губерниями, краями и землями, густо населенными, означенными выше буквой А, и редконаселенными (Б): скачок сразу от 4 десятин к 63. Из редконаселенных краев Северо-Русский край, Западная и Восточная Сибирь примыкают к Ледовитому океану, и преимущественно по этой причине в них очень много земли приходится на душу. В промежутке стоят степные наши края, подобные Закаспийскому или Южно-Сибирскому (Киргизскому) краям, но здесь опять много зем-

ли, требующей особых мер для того, чтобы сделаться культурною, а именно орошения, разведения лесов и т. п. Финский край, или, иначе, Финляндия, имеет на душу 12,5 десятины, но только потому, что Улеборгская губ., занимая 147 тыс. кв. верст, имеет всего 260 тыс. жителей, т. е. на жителя приходится около 86 десятин. Но ведь это тундры, где и лапландцам приходится с трудом снискивать себе пропитание охотой да рыбными промыслами. А так как на переселение нужны большие народные средства, а для коренных земельных улучшений, вроде орошения или разведения лесов в пустынных местах, требуются еще большие средства, то очевидно с первого взгляда, что переселение, а тем паче переделы земли между владельцами, не составляет основной или коренной меры, всего более потребной России для того, чтобы она встала твердой ногой на путь правильного развития и, главное, роста своего достатка. По мне, путь для этого один, и совершенно ясный из всего того, что мы видим в Западной Европе, которая все же к нам ближе, чем азиатские страны с их благодатным климатом: Китай, Ява и Индия, где одна десятина риса может пропитать более десятка людей. При нашем климате не то что на девяти десятых страны, но на девяносто девяти сотых существующих природных земель нельзя и думать идти дальше того, до чего добралась Западная Европа, т. е. до того, что одна засеянная десятина может пропитывать в целом (с плодoperеменностью [севооборотом.— *Ред.*], травосеянием т. п.) примерно 3 жителей.

Путь, по которому следует идти, для того чтобы земледелие приняло надлежащий (интенсивный) характер и стало давать жатвы, превосходящие жалкие урожаи большинства наших полей, — один, и никакого другого нет. Он не столько требует общего увеличения наделов земель, сколько коренных улучшений всего земледелия, а оно невозможно без специализации (интенсивности) земледельческого промысла и без приложения огромных к нему капитальных затрат. Специализация же не может совершиться без перехода части народа на другие промыслы¹², капиталов же на земледелии, как, надеюсь, знает всякий, никак уже не сколотишь — помимо какого-либо исключительного стечения обстоятельств (чаще всего уродливых). Получается один-единственный выход. Он

состоит в развитии видов промышленности всякого рода, в снабжении (при помощи торговли) других стран ее продуктами и в накоплении через это народных средств, потребных как для переселения, так и для тех коренных земельных улучшений, начиная с дорог, какие уже настоятельно необходимы нашему народу, прямо судя по величинам густоты населения. Оставляю, однако, этот предмет не только потому, что коснусь его и далее, но и потому еще, что стараюсь избегать соображений, непосредственно не внушаемых численными данными.

В столбцах 2 и 3 дано абсолютное количество тысяч лиц мужского и женского пола, в разных частях России находящихся, а в столбцах 4—11 дано число тысяч лиц разного возраста, по десятилетиям, начиная с рождения до 10 лет, и т. д. Те и другие числа чрезвычайно поучительны во множестве отношений, но я коснусь их здесь лишь вскользь, потому что предполагаю обработку их произвести впоследствии, когда буду иметь для этого достаточно времени.

Вообще в России на 63,7 млн лиц мужского пола лиц женского пола 64,5 млн, а именно на 1 тыс. мужчин 1011 женщин. Обыкновенно полагают, что число лиц обоего пола почти одинаково, но этого «почти» нет нигде даже в такой мере, как в России. Чаще всего число женщин превосходит число мужчин. Так, например, в Англии, Шотландии и Ирландии по переписи 1901 г. на 20,5 млн мужчин 21,4 млн женщин, т. е. на 1000 мужчин около 1044 женщин. В Бельгии — 1013, в Германии — 1032, во Франции — 1022, в Австрии — 1035 и т. д. В С.-А. С. Штатах по переписи 1900 г. на 38,9 млн мужчин 37,2 млн лиц женского пола, т. е. на 1000 мужчин 956 женщин. Перевес мужчин над женщинами в С.-А. С. Штатах объясняется не только тем, что китайцы и японцы приезжают туда очень часто без семей, но и тем, что переселенцы в Америку привозят с собой мало детей и жен. Так, между белыми, родившимися вне Штатов, числится 5,5 млн лиц мужского пола и 4,7 млн лиц женского пола.

Вообще говоря, страны характеризуются отношением численности полов довольно явственно, и в этом отношении разные края и земли России отличаются весьма сильно, до того, что в Калужской губернии на 502 тыс. лиц мужского пола имеется 631 тыс. лиц жен-

ского пола, т. е. на 1000 мужчин 1257 женщин, а в Закаспийском крае, т. е. в Закаспийской, Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях, на 1000 мужчин всего 834 женщины. И это не какие-нибудь случайные явления, а совершенно однородно повторяющиеся во взаимно соприкасающихся губерниях. В Закаспийском крае такой же перевес мужчин составляет общее явление, и в целом крае на 1000 мужчин лишь 851 женщина. Напротив того, Ярославская, как и Калужская губ. и вообще центрально-русские губернии, представляет перевес лиц женского пола, а именно в Ярославской губернии на 461 тыс. мужчин 610 тыс. женщин, и опять это явление не единичное, а касающееся целых краев и вообще крупных частей России. Так, в подмосковных губерниях на 1000 мужчин 1133 женщины, в Среднерусской земле на $6\frac{1}{4}$ млн мужчин $6\frac{2}{3}$ млн женщин, т. е. на 1000 мужчин 1100 женщин. Объяснение этому явлению я не могу полагать только в том, что из таких губерний, как Ярославская, Калужская и т. п., много мужчин уходит на заработки в столицу, как видно из того, что даже в самой Московской губернии, взятой в целом, на 1219 тыс. мужчин только 1212 тыс. женщин. В самих же столицах перевес мужчин над женщинами, конечно, несравненно больше, а именно в Петербурге на 1000 мужчин 826 женщин, а в Москве на 1000 мужчин только 754 женщины. Этот большой перевес для столиц совершенно понятен, если уже в Варшаве на 1000 мужчин 998 женщин, а в Одессе 863 женщины.

От чего же зависит перевес мужчин над женщинами в таких краях, как Закавказский и Закаспийский, даже весь Кавказ и Южная Россия, сказать было бы нельзя, если бы не было уяснения в числах для Сибири, как и для С.-А. С. Штатов. В Южно-Сибирском, или Киргизском, крае 1823 тыс. мужчин и 1631 тыс. женщин, в Восточно-Сибирском крае на 996 тыс. мужчин 831 тыс. женщин; даже в Западной Сибири, которая уже во всех отношениях близка к остальной России, все же на 1967 тыс. мужчин 1964 тыс. женщин. Это как будто показывает, вместе с американскими цифрами, что это края переселенческие, куда сама природа зовет переселенцев, и женщин туда призывает по преимуществу потому, что без них естественный прирост невозможен¹³.

Еще несравненно более поучительно распределение жителей по возрастам, но я укажу только на жителей до 10-летнего возраста, потому что подробный разбор завлек бы далеко. В России на 128,2 млн всех жителей почти 35 млн детей до 10-летнего возраста, а именно около 27,3 %. Если мы возьмем почти все другие наиболее известные по переписям страны, то увидим пропорцию детей гораздо меньшую. Во Франции детей до 10-летнего возраста только 17,5 %, в Бельгии 22,4 %, в Швейцарии 21,6 %, в Испании 22,6 %, в Италии 22 %, даже в Германии 24,2 %, в Швеции 23,1 %, в Дании 24,4 %, в Голландии 24,5 %, в С.-А. С. Штатах 23,8 %, в Англии, Шотландии и Ирландии 23,6 %, в Японии 22,8 %. Только страны, так сказать, молодые, обещающие в будущем больше, чем представили в прошлом, имеют число детей больше западноевропейского, а иногда и большее, чем у нас. Так, в Сербии, по переписи 1900 г., 32,8 %, в Болгарии 30,1 %, в Аргентине 29,0 %, а в Бразилии 29,4 %. Мы помещены не в тропиках, а все же детей имеем много, потому что у нас есть много в будущем, как в указанных теплых странах. Но высокий процент детей (моложе 10 лет) не везде у нас одинаков. И у нас есть края, например Ливонский (губернии Эстляндская, Лифляндская и Курляндская), где 21,1 % детей до 10 лет, но зато есть целые края, например Южно-Русский, Кавказский и Закавказский, где детей или 30 %, или около того. Избыток детей, конечно, обещает в будущем, но современную силу он уменьшает не только потому, что детей надобно выкармливать, но и потому, что при увеличении процента детей уменьшается процент рабочих сил. Стараясь остаться кратким, укажу лишь на то, что мужчин и женщин от 20- до 60-летнего возраста у нас всего лишь 44,8 %, т. е. меньше половины, тогда как во Франции их 52,4 %, в Англии 47,5 %, даже в английской Индии 47,3 %. Повторю еще раз, что над распределением жителей по возрасту, равно как и над общим средним возрастом, я предполагаю остановиться в другой раз, потому что предмет этот заслуживает большого внимания, а теперь переходу к столбцу 12 табл. 1, извлеченной из переписи 1897 г.

В столбце 12 дана сумма (в тысячах) жителей, «одержимых физическими недостатками». Так названы в переписи умалишенные,

Типы белорусов Минской губернии. Гравюра XIX в.

глухонемые, слепые и немые. Подсчет их составляет полезное дополнение к нашей переписи, отличающее ее от многих иных, потому что такие лица, составляя заметную часть народонаселения, уменьшают его силу и производительность¹⁴, ложась бременем на остальных, особенно на «кормильцев» (столбцы 51 и 52 в табл. 3). Особо важно будет узнать со временем, при повторении общих русских переписей, как изменяется с течением времени число таких лиц по всей стране и в ее частях. Общее число умалишенных, глухонемых, слепых и немых по всей империи¹⁵ достигает по переписи 545 тыс. чел., что составляет на 1000 жителей немного более 4 чел., которых следует исключить из числа трудоспособных жителей, по крайней мере на столько же, как должно исключить малых детей, больших стариков и больных. Примечательно, что процентное отношение почти во всех краях выходит одинаковым и близким к 4 на 1000. Небольшое увеличение (до 6 на 1000) замечается в Ливонском и Пермском краях, но зато в других случаях видно уменьшение, например в Польском и Кавказских краях (до 3 на 1000). Это постоянство тем характернее, что оно даже сохраняется в больших городах, например, в Петербурге на 1 ¹/₄ млн жителей (1897) 5,2 тыс. лиц с физическими недостатками (= 4,1 на 1000), а в Москве примерно на 1 млн жителей 3,7 тыс. (= 3,7 на 1000). Если на 128,2 млн всех жителей, как указано выше, приходится в рабочем возрасте — от 20 до 60 лет — мужчин и женщин около 57,4 млн человек, то из них необходимо исключить, по крайней мере, четверть женщин, занятых домашним хозяйством, да еще и больных, чтобы получить число работоспособных жителей, но из 43,1 млн оставшихся нужно отнять, по крайней мере, 0,5 млн с важными физическими недостатками, лишаящими работоспособности, чтобы получить сумму лиц, на работу которых может рассчитывать страна даже при том невероятном случае, когда все способные к работе по социалистическо-коммунистической программе будут подгоняться на работу. Останется 42,6 млн работоспособных. Мы увидим далее, в столбцах 51 и 52, что у нас число лиц, зарегистрированных в качестве работающих на всех общественных производительных предприятиях, едва достигает 34,0 млн чел., показывая этим, что у нас интенсивность труда, вообще гово-

Сибирский казак. Гравюра XIX в.

ря, невелика и надобно ясно видеть, что наша бедность, между прочим, зависит и от этой причины.

Все данные, извлеченные из переписи, расположены мною в трех сводных таблицах, и мы теперь перейдем к табл. 2, содержащей сведения о распределении жителей по природному языку, по вероисповеданию и по обучению, потому что эти данные, приближаясь к тем главным естественным условиям, которые содержатся в табл. 1, лишь в малой мере зависят от воли отдельных лиц, а определяются условиями, в которые они поставлены по рождению или по семейным обстоятельствам.

В России народов разного происхождения, даже различных рас, скопилось немалое количество. Оно так и должно быть вследствие того срединного положения, которое Россия занимает между Западной Европой и Азией, как раз на пути великого переселения народов, определившего всю современную судьбу Европы и берегов Средиземного моря, падение Древних Рима и Греции и само появление на Великой Европейской равнине славянской ветви индоевропейцев. Послужив глав-

ным путем Великого переселения народов, Россия содержит осевшие на месте их остатки. К Африке Россия не касается непосредственно, и черная раса не бродила по нашим степям, и лишь поэтому африканско-негритянской народности у нас нет в сколько-нибудь заметном количестве. Что же касается американской народности, то часть нашего сибирского побережья, очевидно, с ней родственна, и, вероятно, большинство этих народов связано с монгольским типом, характернее всего выраженным в Китае.

Коснувшись прошлого переселения народов, столь изменившего картину всего мира, за исключением, быть может, только одного Китая, не могу не остановиться хоть на момент над современным и предстоящим положением этого предмета, потому что его значение, без сомнения, выше многого иного, считаемого весьма важным. Переселение народов не кончилось, еще идет — не только из Европы в другие части света, но и из Китая, но кончиться ему должно в некотором будущем — едва ли еще к нам близком, когда произойдут три неизбежные и уже явно начавшиеся в наше время явления, все прогрессивного свойства: 1) когда общее число жителей повсюду станет, как идет уже ныне, возрастать быстрее, чем было не только в древние века, но и в средние¹⁶, и дорастет до того, что повсюду теснота приблизится к китайской или английской¹⁷; 2) когда развитие трудолюбия и промышленности, руководимых наукой, т. е. реально опытным исканием долей истины, овладеет недрами земными и солнечной энергией, превращением веществ и питанием людей, устройством жилищ и пользованием океанами и т. д. — в такой мере, уже теперь предвидимой, что для размножения людского и тесноты общей мирной жизни не будет никакого другого препятствия, кроме лени отдельных лиц, которым возмездием за то должны быть нужда и голодная смерть, что, видимо, также уже начинает наступать во всем мире; 3) когда правительства крупнейших государств всего света дойдут до сознания необходимости быть сильными и достаточно между собой согласными для подавления всяких войн, революций и утопических начинаний анархистов, коммунистов и всяких иных «Больших Кулаков», не понимающих прогрессивной эволюции, совершающейся во всем человечестве¹⁸.

Украина. Сходка старейшин перед корчмою. Гравюра XIX в.

Заря и этого общего соглашения народных правительств видна уже в Гаагской, Портсмутской и Марокканской конференциях, хотя до правильно организованного сложения тут и во всем ином еще далеко уже потому, что сперва надо перестать кичиться одним народам и расам перед другими, так как римская, греческая, китайская, даже еврейская («народа Богом избранного») кичливость наказаны по заслугам. Быстрота, с какой Япония приобрела свое новое мировое положение, тут много значит, но еще большего надо ждать от Китая и Африки. Мы, русские, взятые в целом, кичливости чужды и, поставленные на грани двух не чуждых миров, должны ясно понимать соприкасающиеся сюда предстоящие вопросы. От того-то, приступая к разбору распределения жителей России по природному языку, т. е. по народностям, я считал не излишним коснуться указываемого предмета, так как и у нас вопросы народного прироста, переселения, соседской жизни разных рас, развития промышленности и наук, отсутствия утопических увлечений, мирного улаживания международных недоразумений и т. п. должны занимать первое место — вслед за вопросом о способах прекращения общей средней народной бедноты, составляющей основную причину всех наших бед.

Во всех отношениях преобладание принадлежит у нас славянскому отпрыску индогерманских народов. Эту большую ветвь человечества именно и представляет исключительно Россия. Всех славян, как известно, по языку и наречию должно делить на восточных, к которым относятся великороссы, малороссы и белорусы, составляющие явное большинство всего

Литовцы из окрестностей Вилкомира. Гравюра XIX в.

славянства, и на остальных славян, содержащих западно- и южнославянские племена, из которых поляки занимают, без сомнения, первенствующее место.

Столбцы 15—17 содержат перечисление по губерниям и краям количества великороссов, малороссов и белорусов, а столбец 18 — поляков и всех других славян, потому что число этих последних очень мало в России и для них нельзя было — краткости ради — оставлять особый столбец. В общей сумме в России имеется почти 84 млн восточных славян, а именно: великороссов 55,7 млн, малороссов 22,4 млн и белорусов около 5,9 млн. Всех поляков и остальных славян в России около 8,2 млн, так что в Российской империи всего должно считать около 92 млн славян на 128 млн всех жителей. Следовательно, в России их около 72 %, а восточных славян около 65,5 %. А так как другие страны, например Болгария (около 4 млн жителей) и Сербия (около 3 млн жителей), малонаселенны и своей независимостью немало обязаны усилиям России, все же остальные славяне числятся или в Германии, или в Австрии, то Россия составляет единственную сильную опору славянства, взятого в целом и содержащего примерно 130 млн, т. е. составляющего более трети всех жителей Европы. Сходство людей по языку, без всякого сомнения, отвечает одинаковости происхождения и близости во многих других отношениях, а потому во всех славянах мы должны, во всяком случае, т. е. вовсе не придерживаясь славянофильства, видеть наших ближайших братьев, и если француз, немец, англичанин, индус и китаец — наши близкие, то ближе всего все же славяне. Стремление подчинить все государственное сложение идее национализма составляет мысль, в особенности господствовавшую во времена Наполеона III и вызвавшую образование единой Италии и единой Германии, но затем почти оставленную не потому, конечно, что коммунизм ее вытеснил, а, вероятнее всего, потому, что восстаний и войн впереди не увидели конца в самой Европе, а вне ее сочли наиболее удобным и «прогрессивным» придерживаться иных начал. Национализм, по мне, столь естествен, что никогда, ни при каких порядках, «интернационалистами» желаемых, не угаснет, но, во-первых, на все, думается мне, придет свое подходящее время, а теперь оно уже никак не за крайности национализма; во-вторых, малым народам уже практически необходимо согласиться навсегда с большими, так как в будущем прочно лишь большое и сильное; в-третьих, разбредшиеся народы, вроде цыган и евреев, без всякой земли и государственности, не могут

даже и входить в счет; и, в-четвертых, национализму необходимо более всего принять начало терпимости, т. е. отречься от всякой кичливости, в которой явная бездна зла, а потому в этого рода делах практичнее всего терпеливо ждать течения совершающегося. Тем не менее государственное единство прежде и больше всего определяется господствующей народностью, которая выражается яснее всего в принадлежащем ей языке. Поэтому-то немалый интерес должно видеть в подсчете, который содержит перепись 1897 г., всех жителей России по их природному языку. То деление, которого придерживались в переписи, и даже порядок распределения народов по природному языку удержаны и в нашей таблице.

Прежде всего, должно заметить, что всех неславян около 28 %. Они говорят на многих разнообразных языках, числом примерно около 50. В столбце 19 дается число тысяч литовцев, латышей, жмудинов и тому подобных народов, язык которых по своим корням приближается к языку славянскому, и потому они должны быть помещены вслед за славянами. Таких народов во всей России около 3 млн, а именно: в Ливонском крае (губ. Лифляндская, Эстляндская и Курляндская) преимущественно латышей, а в Литовско-Белорусском крае (губ. Ковенская, Виленская, Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская) около 1,6 млн литовцев на 5,4 млн белорусов. В остальных краях литовско-латышские народы живут лишь в небольшом количестве и только разве в Польском крае (0,3 млн) несколько больше прочих, а именно литовцев.

В следующем, 20-м столбце перечисляется количество романских народов, между которыми преобладают молдаване (около 1 млн), живущие преимущественно в Бессарабии. Во всех прочих губерниях и краях находится понемногу французов, итальянцев и других романских народов, общая сумма которых все же невелика, потому что вместе с молдаванами составляет всего 1,15 млн жителей. Выделить их, несмотря на малость количества, было, однако, необходимо, потому что это все же народы совершенно особого рода, отличающиеся явно от жителей России, перечисленных в столбце 21 и причисляемых к германским народам. Здесь на первом плане стоят, конечно, немцы, в значительном количестве находящиеся в Польском крае

(0,4 млн), Южно-Русском и Нижневолжском краях (тоже по 0,4 млн), где они поселились преимущественно в качестве колонистов, т. е. главным образом земледельцев, тогда как в Польском крае они преимущественно промышленники, как и во всех других краях, где содержатся понемногу, хотя в Ливонском крае составляют 7 $\frac{1}{4}$ %, содержась в количестве 173 тыс. на 2,4 млн всех жителей. Кроме немцев, у нас повсюду более или менее живут голландцы, англичане, шведы и другие германские народы. Их в сумме почти вдвое более, чем романских народов, а именно: германских народов 2,15 млн, а романских 1,15 млн. Те и другие по малочисленности не могут входить в расчет при обсуждении русских дел, тем более что они способны к тому, чтобы превращаться понемногу в настоящих русских, как видно уже из того, что даже между славянофилами считаются такие имена, как Гильфердинг, Миллер и т. п. В Финском крае около 340 тыс. шведов, что составляет 13 %, т. е. много больше, чем немцев в Ливонском крае.

В столбце 22 включены все жители России, принадлежащие к остальным индоевропейским племенам. Между ними преобладают армяне, более всего живущие, как всякому известно, в Закавказье, где числится около 1,5 млн армян. Кроме того, сюда же причислены цыгане, рассеянные по всей России, греки, персы, таджики, курды и тому подобные народы, образующие вместе с армянами почти столько же жителей (2,2 млн, т. е. менее 2 % всего населения), как и германские народы. Скопление в Закавказье большого количества армян, рассеянных почти во всем мире, преимущественно же скопившихся, кроме России, в Турции и отчасти в Персии, не имело бы особого значения потому, что в Закавказье грузинских народов (столбец 24) и татарских народов (столбец 26) почти столько, как и армян, т. е. там армяне перемешаны с другими неславянами. Но так как в Закавказье почти на 5 млн всех жителей только четверть миллиона русских, то роль армянства, как народа более шустрого и торгового, чем грузинские народы и татары, очень немаловажна. Количественная сторона, как и во многом другом, имеет свое определяющее значение, а потому перечисление в отдельных краях разных народностей должно обратить на себя русское внимание, и если

Осетины. Гравюра XIX в.

исторически ослабевшие народности, подобные армянам, могут рассчитывать на будущее развитие, то только при одном условии, чтобы они не только мирно уживались со своими ближайшими соседями, но и твердо держались тех русских начал, которые дают им защиту от рядом живущих с ними давних врагов, сломивших их когда-то временно существовавшую независимость.

В следующем, 23-м, столбце перечислены семиты, живущие в России. Между ними преобладают, как известно, евреи, потому что арабов и прочих семитов у нас очень немного. Числа таблицы показывают большое скопление евреев в Литовско-Белорусском крае, где они составляют около 14 %. Численно и относительно почти столько же евреев в Польском крае, а затем около 8,5 % в Малороссийском крае и около 7 % в Южно-Русском крае.

Во всех остальных краях России евреев поменьше, а всего евреев в России 5,06 млн, т. е. они составляют менее 4 % общего числа всех жителей России. Известно, что ни в одной стране нет такого абсолютного количества и такого процента евреев. Лишенные своего отечества, они рассеялись во всем мире, преимущественно же по берегам Средиземного моря и в Европе, хотя и азиатские страны не лишены евреев. Уживаются они у нас, как известно, благодаря своей юркости и склонности к торговле. Всем известно, что преимущественно по религиозным причинам нигде народ не любит евреев, хотя народец этот обладает многими способностями и свою пользу странам приносит, конечно, не своими кагальными или масонскими приемами и политиканством, а своим торговым посредничеством, которого очень недостает в России, как о том скажу далее. Мне кажется, что евреям у нас предстоит легко доступный выход: ассимилироваться с преобладающим населением, отказавшись от кичливой заносчивости, и встать в ряды обычных тружеников, так как, по мне, русские люди охотно подружатся даже и с евреями.

В столбце 24 помещены грузинские и кавказские народы, язык которых хотя и не одинаков, но все же ближе всего к грузинскому языку. Всех таких народов в России 3,5 млн; из них 1,5 млн живет в Закавказье, и между ними преобладают грузины, в Кавказском же крае преобладают чеченцы, лезгины, черкесы и другие кавказские инородцы. Грузия призвала к себе когда-то Россию для того, чтобы защититься ею от напавших магометан, что и выполнено Россией с полным успехом. Другие же кавказские народы должны были войти в ее состав, потому что лежали на ее историческом пути. Сколько я понимаю русскую историю, русский народ никогда не был склонен к завоевательству и если воевал и покорил немало народов, то лишь потому, что к этому принуждали его прямо слагавшиеся обстоятельства. Нельзя же было не воевать с черкесами, туркменами, киргизами, хивинцами и тому подобными народами, когда они не давали покоя прилегающим русским землям и не могли сложиться в государственном отношении сколько-либо удовлетворительно для соседской жизни. Эволюция этого рода, очевидно, закончилась в наши исторические времена. Нам за глаза довольно дела и там,

Продолжение табл. 2

Из переписи 1897 г.	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
31. Московская губ.	2370	5,6	1,3	12,0	1,7	3,1	21,0	2,6	6,0	0,2	1	5,8	2372	44	15	879	60,8	36,7
32. Владимирская »	1511	0,7	0,2	1,2	0,2	0,1	0,7	0,1	1,1	—	—	0,4	1512	2	2	394	10,4	6,1
33. Калужская »	1126	1,3	0,7	1,8	0,4	—	0,6	0,2	1,5	0,1	0,1	0,1	1128	3	2	208	6,6	5,2
34. Тульская »	1413	1,1	0,1	1,1	0,2	0,1	0,8	0,1	2,8	—	0,2	0,2	1414	2	3	279	9,2	6,2
Подмосковная земля	9460	11	104	25	7	3	26	4	24	0,3	121	7	9689	69	35	2423	106,7	68,6
35. Рязанская губ.	1790	1,8	0,1	1,8	0,8	0,1	0,6	0,3	1,1	—	—	5,1	1793	3	7	349	11,2	4,5
36. Орловская »	2014	4,2	3,0	3,5	0,4	0,1	1,5	0,4	6,1	—	—	0,4	2021	6	7	337	12,8	9,0
37. Тамбовская »	2562	5,9	2,4	2,0	0,3	0,2	1,3	0,4	2,0	—	90	17,1	2660	5	19	423	13,6	8,5
38. Пензенская »	1220	1,3	0,2	0,9	0,2	0,1	0,7	0,1	0,5	—	187	59,0	1409	2	59	204	7,1	4,4
39. Воронежская »	1603	915,5	4,0	1,9	0,2	0,1	2,0	1,9	2,3	—	—	0,3	2523	5	3	388	13,6	10,3
40. Курская »	1833	528,0	0,9	3,0	0,1	0,1	1,1	0,7	4,1	—	—	0,5	2361	5	5	364	12,3	10,9
Среднерусская земля	11022	1457	11	13	2	1	7	4	16	—	277	82	12767	25	100	2065	70,6	47,6
41. Казанская губ.	832	0,8	0,1	1,7	0,3	0,1	1,4	0,3	1,4	—	155	1177,5	1521	3	647	368	11,2	8,6
42. Нижегородская »	1478	0,3	1,0	1,3	0,2	0,1	1,0	0,5	2,5	—	59	41,5	1538	3	44	334	9,6	5,8
43. Костромская »	1381	0,2	0,2	0,7	0,4	—	0,3	0,2	0,8	—	2	0,8	1384	1	2	321	8,5	3,1
44. Ярославская »	1064	0,8	0,7	1,4	0,3	—	0,9	0,2	1,6	—	1	0,4	1066	3	2	372	9,4	6,5
Верхневолжская земля	4755	2	2	5	1	0,2	4	1	6	—	217	1220	5509	10	295	1395	38,7	24,0
45. Вятская губ.	2347	0,1	0,1	0,7	—	—	0,3	0,3	0,9	—	534	147,3	2885	1	145	466	7,9	10,7
46. Пермская »	2705	2,0	0,3	2,0	0,1	0,1	1,0	0,4	1,8	—	122	158,6	2815	25	154	553	11,0	10,1
47. Уфимская »	835	5,0	0,5	1,0	3,9	0,1	1,1	0,1	0,6	—	142	1209,9	996	14	1187	350	4,1	3,7
48. Оренбургская »	1126	41,5	2,2	1,8	0,3	0,2	5,6	0,5	1,8	—	39	381,1	1225	8	367	316	6,2	4,4
Пермская земля	7013	49	3	5	4	0,4	8	1	5	—	837	1897	7921	48	1853	1685	29,2	28,9
49. Астраханская губ.	409	133,1	0,8	0,8	0,1	0,1	5,2	5,2	2,2	0,2	2	445,2	545	11	448	149	4,3	3,1
50. Саратовская »	1846	149,3	1,4	2,7	0,4	0,2	167,1	0,9	2,5	0,1	125	110,4	2036	270	100	552	12,2	7,5
51. Самарская »	1776	119,3	0,4	2,0	0,8	0,2	224,5	0,8	1,7	—	244	381,3	2225	230	296	594	8,2	5,2
52. Симбирская »	1038	1,3	1,5	1,0	0,6	0,1	0,6	0,2	0,4	—	189	295,3	1390	3	135	226	6,8	4,2
Нижневолжская земля	5069	403	4	7	2	1	397	7	7	0,3	560	1232	6196	514	979	1521	31,5	20,0
53. Бессарабская губ.	156	379,7	2,5	115,5	0,2	921,1	60,3	14,3	228,2	—	0,3	57,2	1630	77	229	281	10,6	7,0
54. Херсонская »	576	1462,0	23,0	58,3	1,2	149,4	124,6	12,2	322,5	0,2	0,8	3,9	2219	170	344	657	30,3	21,1
55. Таврическая »	404	611,0	9,7	53,6	0,5	3,8	79,2	28,4	55,3	0,3	2,6	199,0	1083	107	258	380	12,6	10,6
56. Войска Донского обл.	1713	719,6	9,2	3,9	0,5	0,7	35,0	30,9	15,1	0,2	0,6	35,6	2445	68	52	546	15,7	11,4
57. Екатеринославская губ.	365	1456,4	14,1	13,0	0,6	10,2	81,4	50,7	99,2	0,1	0,1	22,9	1913	98	103	433	12,8	8,5
Южно-Русский край	3214	4629	58	244	3	1086	380	137	720	1	4	319	9289	519	986	2297	82,0	58,6
58. Черноморская обл.	24	9,3	0,6	2,0	0,1	1,0	0,8	12,8	0,9	3,6	1	1,0	43	10	4	17	1,0	0,4
59. Кубанская »	816	908,5	12,4	4,3	1,0	5,5	21,0	38,0	2,0	67,3	3	39,9	1772	41	106	311	7,0	4,3
60. Терская »	271	42,0	1,4	4,3	0,8	2,2	9,7	114,2	6,3	381,2	—	101,2	404	30	500	110	5,4	3,7
61. Ставропольская губ.	482	320,6	0,9	1,0	0,2	0,1	8,6	7,9	1,3	0,6	1	49,0	806	17	50	119	3,7	2,8
62. Дагестанская обл.	13	2,9	—	1,7	0,5	0,1	0,3	6,5	7,4	452,2	—	86,4	17	4	550	51	1,6	0,6
Кавказский край	1607	1283	15	13	3	9	40	179	18	905	5	277	3042	102	1210	608	18,7	11,8
63. Бакинская губ.	74	3,4	0,7	1,6	0,4	0,2	3,8	183,1	8,2	64,7	0,6	486,4	78	60	689	58	4,9	2,2
64. Елизаветпольская »	14	0,9	2,9	0,6	0,1	0,1	3,2	298,0	0,2	24,0	—	534,2	20	304	555	39	2,8	0,6
65. Карская обл.	22	5,3	0,3	3,3	1,0	0,1	0,4	150,2	1,1	1,2	0,5	105,0	62	79	150	31	0,6	0,2
66. Эриванская губ.	13	2,7	0,1	1,4	0,5	0,4	0,2	493,2	0,9	0,3	0,3	316,4	21	443	365	48	3,4	1,1
67. Тифлисская »	79	6,4	0,2	6,5	1,4	0,8	8,4	295,3	5,2	513,3	0,2	134,2	601	251	199	147	15,6	8,5
68. Кутанская »	19	4,0	0,2	2,2	0,6	0,5	1,2	45,8	7,0	929,0	0,6	47,9	901	30	127	145	7,7	2,1
Закавказский край	222	23	4	16	4	2	17	1466	23	1532	2	1624	1683	1167	2085	468	35,0	14,7
69. Закаспийская обл.	28	5,2	0,2	3,9	1,0	0,1	1,0	12,9	0,9	0,4	0,8	328,5	35	10	337	25	1,7	0,6
70. Сырдарьинская »	32	12,9	0,1	2,8	—	—	1,9	7,4	2,0	0,1	0,3	1419,0	45	5	1428	56	2,1	1,3
71. Самаркандская »	12	1,4	0,1	1,6	—	0,1	0,4	116,5	1,3	0,1	0,7	1441,8	10	2	1560	39	0,7	0,3
72. Ферганская »	8	1,7	—	1,6	—	—	0,4	116,5	1,3	0,1	0,7	1441,8	10	2	1560	39	0,7	0,3
Закаспийский край	80	21	0,4	10	1	0,2	4	370	5	0,7	2	3799	104	20	4168	146	5,2	2,5
73. Уральская обл.	161	3,0	0,1	0,2	—	—	0,2	0,1	0,1	—	0,9	479,8	165	1	480	77	1,5	0,7
74. Тургайская »	30	4,6	—	0,1	—	—	0,1	—	0,1	—	2,2	415,9	37	—	416	20	0,2	0,1

И: переписи 1897 г.	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32
75 Семиреченская »	77	18,6	—	0,2	—	—	—	0,3	0,3	—	1,1	890,6	97	—	891	40	1,0	0,6
76 Семипалатинская »	64	3,3	0,1	0,2	—	—	0,1	—	0,3	—	0,4	616,1	69	—	615	39	0,8	0,8
77 Акмолинская »	174	51,3	0,2	1,2	0,6	0,1	4,8	0,1	1,6	0,1	9,0	439,3	235	7	441	66	2,7	2,4
Южно-Сибирский, или Киргизский край	506	81	0,4	2	0,6	0,1	5	0,5	2,4	0,1	14	2842	603	8	2843	242	6,2	4,6
78 Иркутская губ.	376	2,2	0,2	3,9	0,3	0,2	0,1	1,4	7,1	0,7	0,4	121,2	430	5	79	68	5,2	3,4
79 Забайкальская обл.	438	5,5	1,9	1,6	0,2	0,1	0,2	0,5	7,8	0,2	0,4	216,0	480	3	190	84	3,1	2,5
80 Якутская »	30	0,3	—	0,4	—	—	0,1	0,1	0,6	0,1	0,1	237,7	266	1	4	9	1,5	0,5
81 Амурская »	82	21,2	0,3	0,4	—	—	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	15,3	106	1	13	27	1,8	1,2
82 Приморская обл.	80	34,4	0,3	3,2	0,3	0,1	0,7	0,1	1,6	0,1	0,6	102,8	142	5	77	52	2,2	1,2
83 Сахалин остров	16	2,4	0,2	1,7	0,3	0,1	0,3	0,3	0,1	0,3	0,2	6,5	20	2	6	7	0,3	0,1
Восточно-Сибирский край	1022	65	3	11	1	0,5	2	2	17	1,6	2	699	1443	17	368	247	14,1	8,9
84 Тобольская губ.	1270	37,8	4,4	5,7	3,6	0,1	1,2	1,7	2,4	0,2	35,6	70,2	1348	14	72	154	4,3	3,9
85 Гомская »	1658	99,3	4,6	6,4	2,3	0,2	1,5	2,3	7,6	0,2	18,3	127,0	1842	11	74	189	6,7	3,2
86 Енисейская »	473	21,4	0,5	6,0	1,7	0,1	1,0	1,1	5,1	0,5	5,6	54,0	547	10	13	72	3,7	2,5
Западно-Сибирский край	3401	158	10	18	8	0,4	4	5	15	1	59	252	3737	35	159	415	14,7	9,6
87 Архангельская губ.	295	0,1	0,3	0,5	0,1	—	0,3	0,1	0,3	—	51	—	343	4	—	77	2,8	1,7
88 Вологодская »	1224	0,1	1,1	0,4	—	—	0,2	0,2	0,4	—	115	0,2	1340	1	1	248	3,2	5,1
89 Олонецкая »	285	0,1	—	0,3	—	—	0,2	0,1	0,4	—	78	0,1	361	2	1	74	2,5	2,0
Северно-Русский край	1804	0,3	1,4	1,2	0,1	—	0,7	0,4	1,1	—	244	0,3	2044	7	2	399	8,5	8,8
90-97. Финский край	6	—	—	—	—	—	340	—	—	—	2254	—	42	2558	—	680?	44?	22?
Вся Россия	55,7	22,4	5,9	8,2	3,1	1,1	2,2	2,2	5,1	2,4	5,8	14,3	89,3	19,2	19,8	25,9	0,88	0,56

где мы сели. Попробовали было мы, на манер, нам не свойственный, пожить на счет Китая, да получили урок, показавший, что это нам вовсе не подходит, что расплываться нам совершенно не следует, а лучше, даже настоятельно необходимее, заняться тем, что давно стало нашим, да разобраться в нем, т. е. у себя, на что — без внешнего толчка — не хватало ни побуждений, ни знаний, ни охоты.

В двух последних столбцах (25 и 26) перечисляется количество (тысяч) жителей, принадлежащих к урало-алтайской и финно- (угро-) татарской группе, которая во всем свете очень велика, но по своему делению представляет наибольшие трудности и условности. Чаще всего эту группу языков делят на три семьи: финскую, монгольскую и турецко-татарскую. Но так как главные представители монгольской расы, а именно: китайцы, японцы и настоящие монголы — у нас очень малочисленны, а имеются из этой группы только астраханские калмыки, камчадалы, коряки, алеуты, тунгусы, айны и тому подобные мелкие народы, то в нашей таблице монгольско-тунгусские народы соединены с татарскими и от этих последних отличены лишь финны, к которым принадлежат не только угорские финны соответственного края, но и рассеянные более или менее в разных других краях России карелы, эстонцы, лопари, черемисы, зыряне, мордовцы, вотяки, пермяки, остяки и т. п.

Таким образом, в столбце 25 дано количество финских жителей России, признающих отенки финского языка своим родным. Таких народов больше всего, конечно, в Финляндии, где их количество достигает до 2 ¹/₄ млн. Затем их много в Ливонском крае, в Пермской и Нижневолжской землях, а в других краях поменьше, например в Среднерусской, Подмосковной и Верхневолжской землях, в виде мордвы и т. п., нередко вполне обрусевших ветвей финского племени, нигде не достигавшего полной государственной самостоятельности и обладающего некоторой способностью приноровляться к другим народностям. Общее количество всех финских племен достигает 5 ³/₄ млн, откуда видно, что финляндцы образуют почти половину финских народов,

Татарская деревня. Гравюра XIX в.

обитающих в России. Гораздо большую массу, а именно $14 \frac{1}{3}$ млн, образуют татарско-монгольские народы, живущие в России. Их особенно много в абсолютном и относительном количестве в Закаспийском крае, где они составляют почти 90 % всех жителей. Между ними там преобладают туркмены-киргизы, узбеки, таджики, сарты и т. п. Затем также велико количество турецко-монгольских народов в следующем Южно-Сибирском, или Киргизском, крае, потому что тут преобладают киргизы, и в Пермской и приволжских землях, потому что тут живет много татар, рассеянных, однако, и по другим краям России, например находящихся в количестве около 14 тыс. в Литовско-Белорусском крае. В Южно-Русском крае, в особенности в Крыму, также много разных представителей этих народов. Большинство народов этого племени держится магометанства.

Несмотря на то что число всех татарско-турецких племен достигает около 11 %, т. е. далеко оставляет за собой в количественном отношении евреев, армян и тому подобные народы, но, как всякий русский знает, татарские народы легко примиряются с русским народным бытом, и если бы не религиозная рознь, то можно сказать, что они давно бы слились с русскими везде, где прикасаются тесно. Между русскими и татарами доверие и уважение существуют сыздавна, хотя в свое время было и немало войн. Тем не менее значительность общего количества татарско-турецких подданных России и их скученность не должны ускользать от русского внимания. Скажу, однако, по личному опыту, так как не раз в Сибири и Закавказье приходил в близкое прикосновение с представителями этих народов, что турецко-татарские народы очень довольны тем, что могут под державою России вести мирную жизнь, понимая, что они бы не могли

К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

ею пользоваться в такой же мере, как у нас, при самоличном управлении, ни под властью других соседних народов. Эту разумность отношений к России в татарско-турецких племенах следует всемерно поддерживать и, по моему личному мнению, в случаях местных инородческих разладов, которые за последнее время немалочисленны, голосу турецко-татарских народов должно внимать поболее, чем голосу многих иных инородцев, живущих под русским кровом.

Из сказанного видно, что в крупных чертах абсолютное и процентное распределение народов, образующих Россию, есть следующее:

Великороссов	55,7 млн или около	43,5 %	} 65,6 %
Малороссов	22,4	» 17,5	
Белорусов	5,9	» 4,6	
Поляков и других славян	8,1	» 6,4	
	92,1 млн или около	72,0 %	
Литовцев, латышей	3,1	» 2,5	
Романских народов	1,1	» 0,9	
Германских	2,1	» 1,8	
Армян, цыган	2,2	» 1,9	
Евреев	5,1	» 3,2	
Грузин и кавказских народов	2,4	» 2,0	
Финских народов	5,8	» 4,5	
Татарских и монгольских народов	14,3	» 11,2	
Всего	128,2 млн	100 %	

Распределению жителей России по природному языку во всех отношениях соответствует распределение по религиозным верованиям. В этом отношении в таблицах отмечены лишь три категории жителей. В столбце 27 дано число православных, равное $89 \frac{1}{4}$ млн, т. е. как раз почти столько, сколько имеется великороссов, малороссов и белорусов с небольшой прибавкой финских народов, принявших православие. В столбце 28 даны жители, держащиеся других христианских исповеданий. Их всего числом около 19 млн. И почти столько же имеется у нас нехристиан, между которыми главное место занимают евреи (около 5 млн) и турецко-татарские народы (около 14 млн). Что касается христиан разных исповеданий, то между ними преобладают католики Польского и Литовско-Белорусского краев и лютеране Финского и Ливонского краев, а затем, конечно, большинство романских и германских народов.

Религиозные вопросы, благодаря Богу, в настоящее время, после тех передраг, которые произошли во время религиозных войн, когда-то смутивших весь мир, не волнуют ни Россию, ни другие части света, потому что именно здесь «свобода» наиболее уместна, так как всемирной религии все-таки еще нет и ее мир дождется только разве по истечении новых многих испытаний, когда между научным и религиозным сознанием наступит то единство, о каком мечтал еще в былое время Спиноза, хотя придерживался схоластических и диалектических методов, не способных внушать надлежащего доверия. Истина, конечно, одна и вечна, но надо думать из всего совершившегося и узнанного миром, что истина познается и доступна людям только по частям, мало-помалу, а не разом, в общем своем целом, и что пути для отыскания частей истины многообразны. Эти утверждения исключают уже все виды умственной кичливости, столь обычной как у китайцев, древних греков и латинян, так и у большинства современных «интеллигентов», и заставляют явно отличать истину от пользы и справедливости, носящих признаки чего-то личного, временного и условного, как и все то, что подразумевается под словами «политика» и «право». Хотя без справедливости нельзя и думать о сколь-либо полном достижении частей истины, но смешивать одно с другим все же никогда не должно, как нельзя же мешать веществу ни с движением, ни с духом, сознанием и мыслью или добро с прекрасным. Истина, добро и красота стремятся слиться, но, увы, этого слияния нельзя добиваться совокупности людей помимо условностей «права» и «политики», «справедливости» и «пользы».

В конце табл. 2 (столбцы 30—32) даются численные сведения о распределении жителей по степени школьного их образования, а именно в столбце 30 указано число тысяч жителей, получивших первую степень обучения в низших школах или обучившихся, по крайней мере, чтению и письму. В столбцах же 31 и 32 указано количество тысяч лиц, получивших среднее и высшее образование, и при этом различены мужчины (столбец 31) от женщин (столбец 32). Соединяя вместе число лиц с высшим и средним образованием (хотя те и другие различены в переписи), я имел в виду то общее современное положение вещей, касающихся просвещения, которое мне, посвятившему лучшие 35 лет своей жизни делу образования, довольно близко известно. Если бы эту таблицу пришлось составлять лет 15 тому назад, я бы непременно отличил лиц, получивших среднее образование, от лиц, получивших высшее, т. е. специализированное образование, основанное в большей или меньшей мере на философских началах. Но в последнее время — не потому, что поднялся уровень среднего образования, а потому, что упал уровень высшего образования, — я не считаю полезным отделять два указанных разряда лиц, получивших права на звание интеллигентов. Думаю даже, да и знаю на опыте, что немалое число лиц, не учившихся в средних и высших учебных заведениях, в рядах интеллигенции в России в настоящее время занимают такое же место, какое принадлежит выступающей образованности. Уже одно то, что стачки и забастовки последнего времени повели свое начало во многих местностях России именно от высших и средних учебных заведений, говорит для меня совершенно ясно, что образование в России за последние годы сильно упало, что доказывается еще лучше тем малым научным содержанием, которое находится в литературных, технических и всяких иных прогрессивных произведениях последнего времени. Конечно, не только живет еще остаток от прежнего времени расцвета русского образования, но есть и между новыми учащими и учащимися некоторый процент таких, которые понимают, что дело политики ни под каким видом нельзя смешивать с делом обучения. Они, однако, напрасно старались протестовать: большинство недоучек этого протеста не поняло и назвало их «черною сот-

нею», очевидно, благодаря тому, что внушено всем образованием, ведущимся со времен покойного графа Д. А. Толстого, т. е. с 70-х годов, на так называемый «классический» манер, по существу подражательный, диалектический, даже синтаксически-логический и справляющийся с субъективно-людской, а не Божеской или объективной правдой¹⁹, которую будто бы можно постигать лишь при помощи одних умственных построений. Мне бы хотелось, но на это не может быть никаких численных данных, отобрать истинно просвещенных людей, способных самостоятельно и благодушно обсуждать действительность по изучению и по разуму, и я желал бы показать их сравнительно малое количество по отношению ко всему населению, судящему по внушению и предрассудкам. За неимением этой возможности принужден остановиться на трех вышеуказанных столбцах.

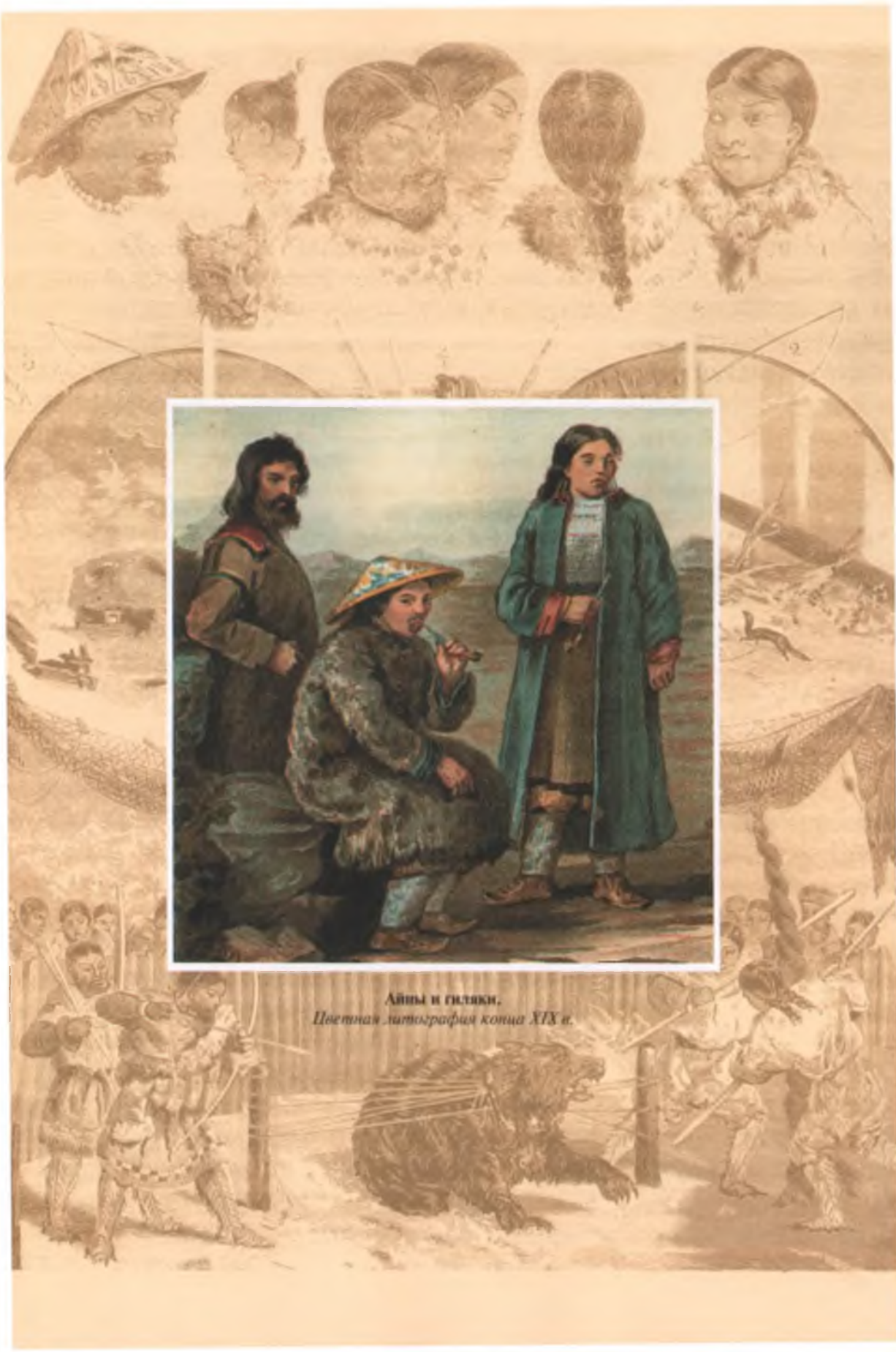
Что касается чисел 30-го столбца, т. е. числа лиц с низшим школьным образованием, то их в России уже около 26 млн, т. е. около 20 %.

Конечно, лучше бы было, если бы образование, хотя бы первоначальное, в особенности приноровленное к жизненным потребностям, т. е. не только к грамоте и счету, но и к каким-нибудь практическим делам, было широко распространено в России, но ставить задачу «всеобщего народного начального обучения» на такую настоятельность, какую ему придают в *настоящее время* у нас очень многие, я, признаюсь, не согласен прежде всего по той причине, во-первых, что для этого нужны большие народные средства, а во-вторых, — что, пожалуй, еще важнее, — нужны хорошо подготовленные и приноровленные учителя, которые внушали бы начинающим учение благие начала, а ни того, ни другого пока нет. И пока надежные начальные учителя не подготовятся и средства не соберутся — затевать всеобщее обучение, мне кажется, совершенно нецелесообразным, хотя я очень хорошо понимаю и всей душой желаю, чтобы семена истинного просвещения, направленного на добро и пользу, распространились, по возможности, во всем народе; думаю даже, что при существующей неподготовленности и партийной сутолоке можно загнить немало добрых семян, издавна и наследственно плодившихся в народе. Начинать, мне кажется, следует не с этого конца, а преимущественно с того, при помощи которого развива-

*Е. М. Корнеев. Незаходящее солнце на Енисее в окрестностях села Савдина.
1810—1812 гг.*

Анны и гилыки.
Цветная литография конца XIX в.

Еврейская школа. Гравюра XIX в.

ется народный достаток, так как только через развитие этого достатка, происшедшего, несомненно, за последние десятилетия (после освобождения крестьян, проведения железных дорог и т. п.) и выразившегося явно в миллиардном вкладе сберегательных касс, сама собой выступит народная потребность в образовании, потому что народ уже давно понял (полагаю, что со времен введения христианства) пользу распространения истинного просвещения. Нельзя, однако, забывать, что пока простая грамотность распространена всего у 20 % жителей.

Эти последние в обычном обиходе крестьянской жизни настолько могут выигрывать, что от него чаще всего отходят в другие области деятельности, в особенности промышленные, где даже простая грамотность да умение считать становятся, очевидно, полезными и даже необходимыми.

Поэтому стремиться к так называемому «всеобщему обязательному образованию», т. е. к бесплатному обучению всех детей, не могущих получить на свои средства начального образования, должно всемерно, но пути к этому одни: надо сперва увеличивать условия накопления достатка в народе (чтобы — без особых налогов — стремились учиться и могли это выполнять) и постепенно готовить хороших учителей для элементарных, или народных, школ. Не закрываю глаза на то, что и эти задачи трудны, но вполне убежден в том, что из безысходной на вид дилеммы образованности (для накопления богатств нужно образование, а для образования нужны накопленные средства) выход возможен — особенно для страны природно богатой — только со стороны накопления богатств и подготовки учителей, а прямо браться за всеобщее образование, не имея ни денежных средств, ни учителей, просто неразумно. Идя с недолжного

Татарская школа в Шуше. Гравюра XIX в.

конца, непременно достигнем того, что в образовании разочаруются и народ сочтет его ненужной обузой, препятствующей при сложившихся условиях нормальному течению постепенных улучшений, так как нельзя же забыть, что нам надобно расселиться как можно пошире, чтобы быть как можно поближе к земле, а для некоторых тогда, при наших-то зимах, никакой не будет возможности далеко посылать малых детей в школу.

Оставляя, ради краткости всего изложения, и этот важный предмет в тех намеках, которые вырвались, остановлюсь на столбцах 31 и 32. Общая сумма лиц, получивших среднее и высшее образование, достигает 1,44 млн, т. е. превосходит 1,1 % числа всех жителей. Это отношение можно было бы считать не то что достаточным, но пока удовлетворительным, если бы наши средние и высшие учебные заведения были в ином состоянии, чем то, в котором они теперь находятся, так как, вероятно, всем внимательным лицам хорошо известно, что многие из окончивших у нас средние учебные заведения за последнее время лишены даже настоящей грамотности, т. е. не умеют писать как следует. А высшие учебные заведения готовят таких практических деятелей, особенно нужных в настоящее время России, которые зачастую не любят своего дела, плохо понимают русские потребности и не умеют их изучить сколько-нибудь самостоятельно и разумно к ним приноровляться.

Корень дела едва ли не лежит в недостаточности всей современной подготовки профессоров, а это зависит немало от плохой их (и всяких иных наставников) обеспеченности, ведущей начало от общей нашей бедности. По этой причине мне кажется наиболее настоятельной в деле образования надобностью современной России учреждение высших училищ наставников, готовящих преимущественно учителей для средних учебных заведений и подготовляющих будущих профессоров высших учебных заведений, а попутно и наставников для сельских школ. Но этот

предмет я рассмотрел подробнее в особой брошюре под названием «Проект училища наставников» (1906), представив этот проект на благоусмотрение бывш. министра народного просвещения графа И. И. Толстого.

Не останавливаясь более над этой, по-моему, настоятельной и важнейшей нуждой обновляющейся России, обращаюсь к таблице и укажу на то достойное примечание отношение, которое существует между мужчинами и женщинами, получившими среднее и высшее образование. Первых 884 тыс., а вторых 557 тыс., т. е. на 8 мужчин, получивших среднее и высшее образование, приходится 5 женщин с таким же образованием. Это прекрасный признак, показывающий совершенно явно, что ищут образования у нас в настоящее время не только для дипломов, но и прямо для потребностей жизни, потому что обучавшиеся в средних и высших заведениях женщины лишь в немногих случаях пользуются прямо своими дипломами для приобретения общественного положения. Со времен императора Александра женское среднее и высшее образование, зачатое институтами учреждений я, быстро стало развиваться, быстрее даже, чем где бы то ни было в других странах. А успех так называемых С.-Петербургских высших женских курсов просто беспримерен, потому что масса действительно образованных женщин обучилась там почти исключительно на частные средства, что во всех отношениях многозначительно. Обрывая свои краткие заметки, касающиеся развития образованности в России, считаю долгом сказать в заключение, что старался в своих таблицах избежать столбца «безграмотных», потому что он, увы, численно очень велик (около 101 млн, или 78,8 %), и обратить еще раз внимание на то, что для успешного развития образованности России нужнее всего тотчас же позаботиться о подготовке наставников как для низших, так и для средних и высших учебных заведений.

Две рассмотренные выше таблицы своими числами обрисовывают современное естественное положение частей России и всей ее совокупности, так сказать, в первичных отношениях, имеющих, конечно, определенное и весьма важное значение, но не показывающих ни направления личных усилий, желаний и воли жителей, ни результата, достигнутого при совокупности современной обстановки

страны, т. е. не показывающих экономического ее уровня или состояния. Силою страны должно считать количество труда, производимого ее жителями в определенное время (например, год), как сила машины определяется количеством работы (а работа есть произведение величины массы на длину пути, пройденного ею под влиянием силы), произведенной машиной в определенное время (например, в секунду). Трудом или, лучше, производительным трудом — должно называть нечто, совершенно отличающееся от того, что называется работой в исключительно механическом смысле этого слова, потому что под трудом понимается нечто не животное-инстинктивное, а волей и сознательностью определяемое действие людское, назначаемое для получения пользы или для удовлетворения потребности или спроса общелюдского и только в том числе и для своего личного. Поэтому-то труд совсем не связан прямо с работой, понимаемой в механическом смысле, хотя, в сущности говоря, без доли работы никогда не обходится. Во всяком случае, под трудом должно понимать нечто потребное или необходимое и спрашиваемое людьми, считая в том числе и того, кто трудится, главное же в труде — отсутствие неизбежной необходимости, т. е. для него нужен особый толчок собственной личной воли (волевой импульс), хотя бы и напряженной под влиянием самосохранения, любви к ближним и тому подобных прирожденных и бессознательных интересов. В труде уже содержится понятие о свободной воле; к работе можно принудить, к труду же люди приучаются только по мере развития самосознания, разумности и воли²⁰.

Работу могут производить и ветер, и вода, и животные; труд же есть дело чисто человеческое, выражающееся не только внешним, так сказать, физическим результатом, но и внутренним, так сказать, духовным способом, особенно влиянием на волю других людей. В труде должна содержаться всегда и польза людская, и энергия трудящегося, которая при помощи произведений труда и выражается во внешности. Это выражение гораздо разнообразнее, чем механическая работа, которая также многообразна и происходит как при землетрясениях, так и при движении или питании малейшего организма.

Труду, иногда очень большому и многозначительному, зачастую отвечает ничтожная на вид видимая работа, например труду руководителя, ученого или художника. Главную же характеристику труда в том смысле, в котором это слово употребляется здесь²¹, составляет его полезность для людей, и чем более труд относится к широким областям сознательных потребностей, тем больше он приобретает общего значения. Смысл денег или вознаграждения исключительно сводится к пониманию труда. И те, которые идут за Марксами и считают ценною или принимают во внимание только людскую работу, находясь в грубейшем заблуждении, чего мне даже не хочется и доказывать вследствие очевидности, потому что все высшее и лучшее, начиная с постижения истины, с достижения добра и с произведений искусства, получается большим трудом, но малою работою. Потребность труда для жизни становится очевидною только при развитой общественной организации, которая начинается с так называемого «разделения труда» или его специализации. В начальном быту, как и у животных, требуется почти исключительно лишь работа для поддержания жизни и всех первичных отношений. Только труд делает общественное сложение постоянно улучшающимся через изобретения и приложение внутренней энергии к общей пользе. Постепенно, хотя и неуклонно, из как бы прихотливой особенности труд становится полной общей необходимостью, и для меня несомненно, что придет время, когда нетрудящиеся не будут в состоянии прожить, хотя до этого, конечно, ныне еще очень далеко. Количественно труда, т. е. количеством произведенных полезностей и всего спрашиваемого людьми, определяется и, чем дальше, тем больше будет определяться весь достаток людей, все их так называемое богатство и весь их капитал, который есть не что иное, как результат произведенного труда или, правильнее, остаток непотребленного труда. Выражая достаток и богатства деньгами, т. е., в сущности, золотом, люди избрали его как совершенно условную единицу и то только по той причине, что золото в малом объеме и весе содержит много труда, не только потребного для разыскания тех немногих мест, где оно находится, но и на работу, потраченную на его извлечение из недр земли и на переделку.

Весьма характерно и поучительно, что денежная ценность добываемого каменного угля ныне почти приравнялась по ценности с получаемым в мире золотом²², но для получения данной ценности, в виде ли золота или в виде каменного угля, в результате оказывается затрата одинакового числа рабочих дней. Людям, не привыкшим обращаться с понятиями такого значения, как труд, работа, деньги и достаток, кажется возмутительным и во всех отношениях ложным то положение, которое занимают в настоящее время деньги, столь необходимые людям в сложившихся обществах на каждом шагу и столь ненужные Робинзону и дикарям. Они забывают, что земли на каждого Робинзона приходится много десятин и на ней каждый достает свое довольство, а нам так жить нельзя, и затем забывают, что денег обращается в мире много раз более, чем имеется золота, хотя золото есть их выразитель и первообраз, конечно, условный. Деньги прежде всего есть доверие или вера в труд, а труд — выражение полезности, следовательно, деньги выражают полезность и суть представитель полезности. Полезное же понимается иногда также не вполне ясно, потому что под ним подразумевают нередко то, что лично полезно. В золоте же личной полезности чрезвычайно мало. В этих понятиях, на вид кажущихся сложными, но в сущности имеющихся уже у всех, лежит объяснение множества недоразумений, и ныне господствующих в мире. Моя речь исключительно направлена к тем, кто с этими понятиями уже достаточно обошелся и не затруднится, подобно детям, в разборе их совокупности.

В этом смысле важнейшими данными для понимания народов и их современного положения служит суждение об их достатке или богатстве. Но и тут есть свои усложняющие обстоятельства. Богатство может быть потенциальным, если можно так выразиться, т. е. доступным, находящимся в непосредственном владении данного народа, но вовсе еще не извлеченным или не находящимся в непосредственном распоряжении. Таково, например, богатство почвы или богатство залежей полезных ископаемых, например руд железа или каменного угля. Таково даже богатство народных сил, т. е. число работоспособных жителей, даже богатство климатическое и т. п. Таких богатств у России несметное ко-

личество, но они едва затронуты, и, пользуясь ими, хотя и самыми первобытными способами, страна наша приобрела свое мировое значение. Это про них давно сказано, что «земля наша велика и обильна». Богатство иного рода, т. е. уже находящееся в состоянии, выражаемом прямо деньгами, обыкновенно явно отличается от предшествующего, и в этом смысле Англия или Франция суть страны богатейшие, а Россия принадлежит к числу беднейших. Это можно было бы выразить при переписи, если бы при ней счесть годовую ценность добываемых полезных и их запасов, в разном виде находящихся, в сущности капиталы и составляющих. Наши запасы — я говорю не об одном золоте, а о всяких запасах произведений действительного труда — и наша годовая производительность, выражающаяся лучше всего в промышленно-торговых оборотах, ничтожно малы — по числу жителей — сравнительно с тем, чем бы они могли быть, если бы труда у нас тратилось за прежнее время столько же, сколько затрачивалось его в других богатых странах за последние века.

Воспеваемый многими патриархальный быт совершенно чужд понятий этого рода, и если взять конкретный случай нашего земледельца, то спрашивается, много ли труда затратит он в течение года для своей и общей пользы? Не принужден ли он условиями быта и климата большую часть времени посвящать ничегонеделанию, а при этом может ли он обладать достатком, тем более что земледелие в его первичных формах неизбежно сопряжено, как охота, кочевой быт и все первичное, со случайностями неурожаев, падежа скота и тому подобных бедствий, которые и ведут в конце концов, к тому, что самые благодатные по климату и самые богатые по почве страны, занимающиеся исключительно или преимущественно земледелием, во всем мире бедны в современном смысле и никогда богатыми быть не могут, если не приносятся к требованиям промышленного времени. Это прежде всего нужно понять в настоящую эпоху, когда для народившихся коренных вопросов России надо найти не мечтательные или ретроградные, а практически выполнимые и вперед идти побуждающие ответы. Нашу бедность можно было бы прямо доказать ясными сравнительными числами, если бы наша перепись, как переписи уже во многих странах, сопровождалась опросом о количест-

ве оборотов и доходов всякого рода, получаемых жителями, и перечислением имеющихся у нас запасов всякого рода полезностей.

Этот путь поняли многие земства, учредившие местную статистику и показавшие, что, оценивая все производимое и потребляемое крестьянами, никак нельзя считать на душу годовой достаток большим, чем в 50 — 60 руб., тогда как достаточно указать на то, что, разделив годовую ценность товаров, производимых фабриками и заводами, для С.-А. С. Штатов получим на каждого жителя в среднем около 350 руб. в год, не считая производимого такими первичными промыслами, как сельское хозяйство, рыбная ловля и т. п., равно как и того, что дает прямо горная добыча. Откуда происходит наша бедность, это совершенно ясно: от занятия преимущественно первичными промыслами, какими занимались иногда, когда все и всюду были бедны; это первое, а второе — от незначительности затрачиваемого у нас труда, а затрачивать его есть куда во все времена года и во всех широтах, хотя бы потому, что наши недра обладают такими богатствами, каких мало в других странах, а добыча и переделки таких запасов могут дать товары, спрашиваемые всем светом, и достатки (зарботки) массе русского народа — летом и зимой. Не говоря ни о чем прочем, скажу лишь о том, что, совершив с тремя знатоками-помощниками поездку в 1899 г. на Урал, я лично убедился и старался это доказать в своем труде «Уральская железная промышленность в 1899 г.» (Изд. Министерства финансов; все разошлось), что мы можем весь мир снабдить своим дешевейшим чугуном, железом и сталью. Наши нефтяные, каменноугольные и другие богатства едва-едва затронуты; наша почва, богатства которой славятся во всем мире и которая уступает только разве азиатскому лессу, часть которого находится в наших владениях, дает, благодаря малому приложению знания, труда и капиталов, ничтожные урожаи, а может давать обильные. Даже такие произведения, спрашиваемые людьми, как виноградное вино, мы можем доставлять дешевле, чем кто-либо, потому что на это есть все природные условия для производства самых высших сортов, и даже имеются примеры не только на царских фермах, но и на виноградниках Голицыных, Трубецких и тому подобных передовых деятелей. Наши ситцы

Уборка винограда в Бессарабии

могут быть производимы, без сомнения, исключительно из нашего дешевого хлопка, если умножить орошение в Закавказье и в Закаспийском крае, а по своему достоинству они на всех выставках оказались первоклассными во всех отношениях. Так и во всем ином, по крайней мере в чрезвычайно многом, куда можно и должно приложить русский труд.

Все это можно было бы доказывать переписью, если бы она была снабжена данными, касающимися земельных угодий, горных залежей и работ и всяких оборотов промышленного производства, перевозки и торговли, чего должно ждать от будущих переписей. И если я здесь касаюсь этих предметов только вскользь, то лишь потому, что в жизни мне пришлось многое узнать лично на месте и увидеть те препятствия, которые мешают надлежащему широкому развитию русской промышленности. Общий вывод в этом отношении мой тот, что наша образованность не в ту сторону направлена, в которую ей должно направляться, и что направленная, начиная с высших учебных заведений, в правильную сторону, она может быстро повернуть все дело к коренным улучшениям. Но так как к некоторым сторонам указанного предмета мне необходимо дальше еще возвратиться, то теперь ограничусь сказанным и обращусь к данным табл. 3 (с. 83), в которой собрано многое из того, что дает возможность довольно ясно видеть и понять общие причины нашей малой достаточности.

В начале табл. 3, в столбце 33, помещено общее количество хозяйств по губерниям и краям. Всех хозяйств в России 22,5 млн, т.е. в среднем каждое состоит из 5,5 чел. Замечательно при этом, что такой состав хозяйств изменяется очень незначительно на всем пространстве России. Для примера укажу на то, что в Петербургском крае на одно хозяйство приходится 5,1 чел., в Подмосковном — 5,8, Малороссийском — 5,6, Западно-Сибирском — 5,5, Закаспийском — 5,4 и т. д., но все же крайности составляют, с одной стороны, Среднерусский и Литовско-Белорусский края, где в хозяйстве 6,2 чел., а с другой — Финский край, где только 4,8 лица на хозяйство. Хотя очень поучительно сравнить эти числа с составом населения по возрастам и полам, также с тем, что дают другие страны, но ради краткости первой стороны дела коснусь, рассматривая число кормильцев, а вторую сторону оставлю по той причине, что способ счета хозяйств в разных странах, по всей вероятности, неодинаков. Замечу только, что при составе

среднего хозяйства из 5,5 чел. весьма вероятен средний семейный состав из мужа и жены с тремя детьми и с одним на две семьи отцом с мужниной или жениной стороны, а это показывает, что у нас, говоря вообще, еще не применяется (природе противоречивый) западноевропейский порядок — иметь лишь не более двух детей.

В 34-м столбце приводится число тысяч лиц, живущих в городах. На 128 млн жителей России уже 17,1 млн живет в городах. Это составляет $13 \frac{1}{4} \%$, тогда как известно, что есть страны, в которых более четверти, даже половины, жителей скопляется в городах²³. Уже в самом начале статьи я старался ясно высказаться против тех лиц, которые глубоко скорбят о том, что и русские люди начали в большом количестве стремиться в города, как это делается во всем свете. Эволюция эта, по мне, такова, что против нее просто смешно бороться, а окончиться она должна лишь тогда, когда, с одной стороны, города станут расширяться, как они везде расширяются, когда внутри их появятся, как явились уже в Лондоне, Нью-Йорке и многих других огромных центрах населения, большие парки, сады и пр., т. е. в городах будут стремиться не только к тому, чтобы жизнь была по возможности здоровой для всех, но и было достаточно простора не для одних детских скверов и спортивных игр, но и для всякого рода прогулок, а с другой стороны, в деревнях, фермах и тому подобных внегородских поселениях будет скопляться такое число жителей, что и там придется строить многоэтажные дома и вызовется потребность в водопроводах, уличном освещении и тому подобных городских удобствах.

Все это приведет с течением времени к тому, что вся страна, достаточно тесно населенная, покроется частым сплоченным населением, а между жилищами будут, так сказать, огороды или сады, необходимые для производства питательных веществ, да фабрики и заводы, производящие и перерабатывающие такие вещества. В современном виде еще нередко фабрики и заводы составляют наказание окрестных жителей в отношении загрязнения воздуха, воды и окрестностей отбросами. Но, во-первых, законодательства всех стран уже борются с тем вредом, который фабрики и заводы причиняют окружающим жителям, и Англия, будучи передовой

страной во множестве других отношений, и здесь первая подала пример²⁴; во-вторых, успехи техники, правда, понемногу, но настойчиво приводят к возможности избежать всякого рода вредных газообразных или растворенных отходов веществ, образующихся при производствах, а в-третьих, — и это может быть всего важнее — техника старается снять сливки со всякого рода отбросов и их пустить в оборот, т. е. воспользоваться ими для увеличения количества товаров, выпускаемых фабриками и заводами. Нам до всего этого еще не близко, главным образом по той причине, что у нас все же народу очень мало на нашу громадную площадь и у нас между городом и деревней существует различие, чересчур разительное, такое, какое существовало неизбежно во всем свете в период перехода от сельскохозяйственного к промышленному быту.

Но переход этот у нас начался, как знает всякий, проживший сколько-нибудь лет с открытыми глазами, потому что переход этот очевиден без каких-либо статистических чисел. Неустроенность деревенской жизни, отсутствие в ней условий для воспитания детей и для отыскания заработков теми, которые его ищут, составляют первую причину начавшегося у нас скопления жителей в городах. Фабрики и торговля при этом играют свою роль, но у нас покуда в ничтожном количестве, а будет, конечно, время, когда ими преимущественно и будет определяться рост городов и у нас, как он определяется уже в Американских Штатах, где совершенно явно городская жизнь и фабрично-заводская промышленность совпадают²⁵. Конечно, часть явлений этого рода существует и у нас, потому что около Москвы, Петербурга, Варшавы и Одессы, как наших самых крупных городов, уже скопилось много фабрично-заводской производительности, как скопились и все главные виды торговой деятельности, малой по количеству, но все же имеющей с древности своеобразное значение. Достаточно взглянуть на числа столбца 34, чтобы видеть справедливость того, что города тем больше зовут к себе людей, чем больше отвечают накопившимся в крае предпринимчивости, образованности и достатку. В Петербургском крае на 4,6 млн всех жителей 1,6 млн, т. е. около 32 %, живет в городах. В Подмосковной земле на 9,8 млн всех жителей живет

в городах уже 1,9 млн, т. е. около 19 %. В Польском крае почти такое же отношение, а именно около 23 %. В Южно-Русском крае около 19 % живет в городах. Но если возьмем Литовско-Белорусский или Малороссийский края, то в них в городах живет уже всего около 10—12 %; а есть местности (не только отдаленные), вроде Среднерусской земли, где число городских жителей еще меньше и едва достигает 9 %, что было, по всей вероятности, в очень давние времена всюду, так как города издавна составляли места скопления торговцев и центральных управлений, да образовывали убежища (отсюда и название) для необходимости защиты.

В столбцах, начиная с 35-го до 50-го, содержится перечисление (в тысячах) жителей, основанное на статистических сведениях о средствах, которыми они живут. Эти 16 столбцов имеют важнейшее значение²⁶ в настоящее время, потому что показывают экономическое положение разных классов жителей, а в нем сказывается вся сущность той прогрессивной эволюции, которая дает возможность жить в мире большему числу людей и размножаться в большей пропорции, чем то было в прежние века.

Адам Смит в своем классическом произведении «О богатстве народов» совершенно основательно и прозорливо с самого начала выставил разделение труда как первую причину всех видов прогресса и как средство, которое нашло человечество, перешагнув первичный патриархальный быт, в котором всякий все должен был для себя доставать и перedelывать, начиная с пищи, одежды и крова. Легко плакаться о потере такого быта. Плакались не только такие передовики, как Жан Жак Руссо, но и теперь плачутся люди, подобные графу Л. Н. Толстому. Плач их поистине должно считать полуребяческим, потому что в патриархальном быте, как и в быте высших животных, должен наступить конец прироста, а человечество, взятое в целом, этого конца не признает, будучи проникнуто инстинктивным стремлением к сохранению и развитию человеческого потомства и считая эту любовь к потомству первой обязанностью сознательно разумной деятельности²⁷. Она-то и привела к разделению труда и к тем неравенствам, которые неизвестны в диком животном или начальном патриархальном быте (хотя в нем уже видны на то начатки), и ведет

Портрет Адама Смита

к разделению жителей по экономическому их положению на разные классы, одни из которых образовались испокон веков и должны остаться на веки вечные (таковы добыватели и общественные деятели), другие же возникли и обособились сравнительно позднее, но неуклонно возрастают в количественном отношении (таковы промышленники всякого вида), а третьи составляют в некотором смысле временное и как бы случайное явление пережитка, долженствующее постепенно исчезать (таковы прислужники, поденщики, обеспеченные рантье и т. п.).

На этом основано и принятое мною в таблицах распределение жителей по способам, которыми они живут, на четыре крупных разряда: 1) лиц, несущих общественные обязанности или дающих обществу что-то совершенно иное, чем хлеб насущный (столбцы 35—37); 2) добывателей, берущих сырой материал в природе, т. е. прямо из нее, каковы охотники, рыболовы, земледельцы и лица, извлекающие ископаемые (столбцы 39—41); 3) промышленников, перерабатывающих это сырье и распределяющих его, пользуясь этими силами и средствами, которые всем доступны или вложены в самое вещество, как

энергия в топливо (столбцы 43—45); 4) лиц, живущих на счет ранее заготовленных средств или капиталов или зарабатывающих не как прямые участники в делах, а только как личные прислужники деятелей предшествующих классов (столбцы 47—49). При всех этих специализированных по занятиям лица имеют семьи (столбцы 38, 42, 46 и 50), и, конечно, семьи преобладают над производителями или кормильцами, потому что человечество, прежде всего, живет для выполнения своих задач, выражающихся в размножении, воспитании подрастающего поколения и в сохранении или обеспеченности родителей, давших жизнь существующему поколению. Действительно, всех так или иначе имеющих свои средства в России около 34 млн (столбцы 51 и 52), а при них домоладцев, получающих средства от предшествующих, около 94 млн.

Не подлежит сомнению, что и домоладцы косвенно участвуют в производительной жизни страны, потому что утешают или помогают своим кормильцам в жизни, что особенно видно в сельском быту, где даже дети играют свою роль при посевах, жатвах, наблюдении за скотом и т. п., но все же, вследствие принципа разделения труда, картина становится лишь тогда ясною, когда кормильцы отделяются от домоладцев, и, как бы ни старались утопическим усилием вселить в людях понятие равенства, тут не могут ничего сделать, потому что старики и дети составляют личности совершенно иного порядка, чем работающие и сильные мужчины и женщины зрелого возраста, представляющие главное содержание сравнительно немногочисленного разряда кормильцев, так как на одного кормильца в среднем приходится 2,76 домоладца. Если бы я писал не про интересы минуты, видные по переписи, а трактат чисто экономического свойства, то долго остановился бы над развитием понятий, сюда относящихся, но теперь перейду прямо к обзору численных данных по соответственным столбцам табл. 3, только по временам останавливаясь преимущественно над указаниями, касающимися трех сторон дела: во-первых, утопичности общеизвестных представлений коммунистическо-социалистического пошиба, во-вторых, того предела, к которому, по моему крайнему разумению, стремится человечество и к которому направ-

ляется Россия, но не с той степенью скорости, какая вполне ей приличествует, и, в-третьих, изложения своих посильных суждений о способах, которыми должна, по моему мнению, достигаться желаемая поправка недостатков нашего современного экономического быта.

В столбце 35 указывается общее количество лиц, действующих в администрации, суде и полиции, а вместе с ними и тех, которые служат на сословно-общественных должностях. Они соединены мною вместе по той причине, что между так называемыми коронными служащими и выборными по существу нет никакого различия, да и в действительности *его быть не может*, так как те и другие облакаются известного рода общественными правами и обязанностями и получают за свой труд особое вознаграждение, дающее им возможность жить самим и содержать свои семьи, деньги же для того берут из заработков жителей в виде податей и обложений [налогов] того или иного рода. В настоящее время у нас существует какой-то сумбур понятий в этом отношении и есть немало лиц, которые полагают, что есть очень глубокая разница между лицами коронной и выборной службы, чего на деле нет. С другой стороны, немало у нас лиц, которые полагают, что число «служащих» у нас очень велико, тогда как оно, в сущности, очень мало, и если бы, чего не дай Бог, в каком-нибудь виде осуществились где-нибудь утопии социалистов и коммунистов, то число одних тех, которые будут распределять работы, сгонять на них и наблюдать за ними, равно как и за общими порядками, стало бы, наверное, во много раз превосходить число современных «служащих». Когда я был в последнее время (ноябрь 1905 г.) в Лондоне, куда ездил вместе с дочерью, в первый раз бывшей за границей, то она была с первого же дня поражена количеством полицейских, везде в Лондоне имеющих, даже в каждой комнате Британского музея. А когда я сказал об этом одному из моих лондонских друзей, то он мне сообщил, что недавно в одной газете был сделан подсчет числа полицейских чинов, приходящихся в Лондоне и Петербурге на 1 млн жителей, и в Лондоне оказалось в десяток раз более, чем в Петербурге. Пишут, что во Франции более 500 тыс. казенных служащих по разным ведомствам, не считая выборных, а у нас с выборными менее 340 тыс.,

Карта военных действий во время Ихэтуаньского («боксерского») восстания 1899—1901 гг.

жителей же у нас с лишком в 3 раза более, чем во Франции. Полицейских там видишь везде по деревням. Развитая и действительно свободная жизнь в Англии или Франции обеспечивается, между прочим, большим количеством «служащих», и если у нас их еще мало, то это только показывает, что мы далеки в распределении труда от того состояния, в котором находятся уже страны с более тесным населением, и не так богаты, чтобы позволить себе эту необходимость.

Примечательно, что общее число всех перечисленных выше «служащих» во всей России составляет лишь 336 тыс., т. е. около 1/4 % всех жителей, тогда как даже умалишенных и тому подобных лиц с физическими недостатками, как это показано ранее (столбец 12), у нас около 0,4 % (545 тыс.). Если последних жители содержат своими трудами по причине господства гуманного начал, то по причинам не менее важным совершенно разумно содержать на общий счет не только гражданских служащих, но и других общественных деятелей, вызываемых, с одной стороны,

для борьбы со «злом», несомненно, существующим в мире, хотя бы в виде воров, злодеев, бунтарей и всякого рода хулиганов, а с другой стороны, для специального содействия всему движению общества вперед и сохранению порядка. Ведь всех разрядов лиц, находящихся на общественном виду (столбцы 35—37), в России лишь около 2,16 млн, т. е. около 1 2/3 %, что во всех отношениях очень немного не только по сравнению с тем, что видим в других прогрессивных странах, но даже с тем, что, без сомнения, существовало в давние, полупатриархальные времена, хотя от этих последних статистических сведений осталось очень мало.

Относительное количество гражданских служащих, конечно, более всего в столичных краях, например, в Петербургском крае 37 тыс. на 4,6 млн чел., т. е. 0,8 %, в Подмоскховной земле их 33 тыс. на 9,8 млн всех жителей, т. е. около 3,5 чел. на тысячу. В остальных краях число их колеблется от

0,15 до 0,25 %, т. е. везде их сравнительно немного, и несомненно, что с водворением новых, улучшенных порядков в России число гражданских служащих возрасти должно. Конечно, очень жаль, что переписи вообще и наша в частности не содержат данных о вознаграждениях, получаемых гражданскими служащими, но уже беглое знакомство с разными странами явно указывает на то, что у нас, говоря вообще, вознаграждение служащих ниже, чем где-нибудь, а служба гражданская, хотя бы и выборная, без вознаграждения, можно сказать, отжила свой век, несмотря на все то внимание к общественным делам, которое за последнее столетие повсюду не умалилось, а, несомненно, возросло.

В столбце 36 дается число военных служащих, т. е. лиц армии и флота. Всего насчитано в 1897 г. 1145 тыс., что составляет около 9 чел. на 1000. Мне нет нужды говорить о необходимости военной силы не только для ограждения от врагов внешних, но и от врагов внутренних, против которых везде, т. е. во всем

мире, не исключая никаких республик, от европейских до американских, военную силу приходится применять, потому что полицейской силы часто недостает для борьбы с нетерпимым злом и озорностями. Главный или основной смысл военных сил, конечно, состоит в ограждении от врагов внешних, которые нам то грозят со всех сторон, исключая разве Ледовитый океан, составляющий наш базис защиты. Уже по этому одному Ледовитый океан должен обратить на себя русское внимание, как я старался доказать это выше. В настоящее время даже большие организованные военные силы имеют значение преимущественно как реальная опора для дипломатических отношений стран, а экзекуция над китайскими «Большими Кулаками», произведенная в 1900 г. соединенными военными силами наций, показывает явно, что и здесь возможен прогресс, прежним векам совершенно недоступный, т. е. [возможно] соглашение стран для борьбы со злыми или вредными началами, нарушающими правильность общего мирного хода дел, обеспечивающих выполнение основных задач человечества, начиная с размножения и развития образования, промышленности и торговли. Не желая долго останавливаться над этими предметами, я все же хоть мельком выскажу ту мысль, что Россия, держа войско и не поддаваясь утопическим соблазнам «разоружения», может, благодаря своему положению, играть важную роль в общем концерте мирного соглашения всех стран и это будет тем легче, чем плотнее она сблизится с Китаем, так как в этом последнем должно ждать быстрых успехов и так как народа в нем больше (около 430 млн жителей), чем у какой-либо другой державы, а следовательно, и войско может быть очень много. Дружественное сближение с Китаем полезно тем более, что Китай граничит с нами непосредственно и если задумает что-либо против Европы, то, прежде всего, может причинить нам много зла. По отношению к флоту моя мысль кажется ясно, если я повторю желание флотом завоевать, прежде всего, Ледовитый океан и содействовать ограждению русских интересов в Великом океане и на Черном море, а в замерзающем Балтийском море ограничиться только настоятельно необходимыми приспособлениями²⁸. Вместо громадных денежных затрат на новый сильный флот, мне

кажется, было бы гораздо важнее для всего народного быта затратить средства на торговый флот, тем более что он подготовит и военных моряков. Англия была слаба военным флотом, пока «Навигационным актом» (1651 г. при Кромвеле) не создала громадной силы своего торгового флота²⁹.

В столбце 37 дается число «профессиональных» деятелей, считая в том числе лиц, состоящих при богослужении, учебно-воспитательной деятельности, науке, литературе и искусствах, врачебно-санитарной деятельности и при благотворительных учреждениях. Общее число таких лиц в России составляет 683 тыс., или около 0,5 % всех жителей. Это количество, конечно, мало для всех перечисленных надобностей; без сомнения, оно будет возрастать с течением времени, и надо думать, что отныне это возрастание начнет совершаться быстро уже по той причине, что надобность в учителях и врачах повсюду совершенно стала очевидной. Если гражданская и военная служба стоят стране недешево, то и служба профессиональная, без сомнения, требует также крупнейших расходов, как видно уже из потребности в учителях и их подготовке. Нести расходы такого рода народу бедному не под силу, а оставаясь сельскохозяйственным, народ всегда бывает беден.

Это составляет первую причину того, что я дольше всего остановлюсь на двух дальнейших классах жителей, доставляющих эти средства, а именно добывающих сырье и его перерабатывающих.

Замечу, однако, насчет распределения лиц, занятых разными профессиями, что существует у нас такая последовательность: больше всего лиц, состоящих при богослужении и других религиозных обязанностях (в том числе и при кладбищах); затем следуют лица, посвятившие себя учебной и воспитательной деятельности; потом по числу занятых лиц следует врачебно-санитарная деятельность, а на последнем плане по численности стоят деятели науки, литературы, искусств и благотворительности. Против такого порядка в количестве лиц нет возможности что-либо сказать существенное, если счесть лиц духовных профессий, вместе с наставниками, действующими в сторону истинного народного образования, что было бы вполне желательно и возможно, хотя жаль, что религиозная исключительность и формальность во многом

Чукчи. Литография. Начало XX в.

тому препятствуют, а подготовка достойных, преданных делу и понимающих Россию наставников требует немало времени и немалых затрат. В указанном отношении древность давала пример соединения, которое, однако, не выдержало критики времени, и теперь остается только желать, чтобы как церкви рассеяны по всей стране, так широко распределались бы в ней и образовательные учебные заведения³⁰.

Вслед за столбцами, дающими число общественных деятелей, в столбце 38 приведено число домохозяев трех предшествующих групп. Их всего 1701 тыс., т. е. в среднем на каждых 100 деятелей трех предшествующих групп приходится только 72 домохозяина. Такое малое количество их вышло здесь преимущественно по той причине, что, по крайней мере, около миллиона военных из числа солдат имеют мало домохозяев или, правильнее сказать, оставили их у себя по деревням и на попечении других членов семей. С этой поправ-

кой число домохозяев более числа лиц трех предшествующих групп, но все же число домохозяев здесь много менее русской нормы, а это невольно наводит на мысль о том, что у многих современных русских общественных деятелей семейственность мало развита, чему причиною едва ли не служит (хотя отчасти) скудость наших общественных деятелей³¹.

За группой лиц, получающих достаток на службе или профессиональной общественной деятельности, следует большая группа, также из трех подразделений или групп состоящая, а именно добыватели. Они, как и две остальные главные группы, распределены в трех столбцах — 39—41. В первом из них приводится число тысяч лиц, записанных как охотники, рыболовы, кочевники всякого рода (т. е. северные и южные), занятых преимущественно животноводством, а также лиц, исключительно занимающихся при оседлой жизни этими последними промыслами, равно как и лесным. Значит, все они добывают то, что образуется, так сказать, совершенно помимо их воли, в растительном и животном царствах, и, следовательно, их промышленно-добывающая деятельность может быть причислена к самым первичным. Это своего рода Робинзоны. Добывателей этого рода всего, однако, около 1,4 млн. Их более всего, конечно, в Южно-Сибирском, или Киргизском, крае (426 тыс., или немного более 12 % всего местного населения, а с семьями, вероятно, половина всех жителей), затем в Закаспийском и Восточно-Сибирском краях, где кочевые народы еще не осели на землю, к чему они, наверное, скоро перейдут, судя по эволюции, совершающейся во всем мире. Переход этот совершится, без сомнения, так или иначе, преимущественно через сельскохозяйственный быт. Усиливать эту эволюцию искусственными мерами, как у нас не раз предлагалось, мне кажется, не следует, потому что, придя естественным образом, она уляжется гораздо лучше, чем при какой бы то ни было (даже самой мягкой) форме принудительности. Ведь надо же помнить, что переход от первоначальной уединенной дикой жизни семьями в период патриархально-кочевой, а затем в сельскохозяйственно-оседлый период и, наконец, в современно-промышленный и самый сложный происходит сам собою, от одного умножения народонаселе-

ния. О пережитом быте можно плакаться, считая его протекшим или исчезнувшим раем, чего в сущности, или [в] действительности, никогда нет, в особенности, когда природа сама заставляет делать указанные переходы. Кочевники северных тундр, вообще говоря, не очень многочисленны, как видно, например, из того, что Северо-Русский край содержит в этой группе лишь 13 тыс., т. е. всего около 0,6 % всех жителей края. Если для южных краев переход от кочевого быта возможен и естественно вероятен к земледелию, то для кочевников северных наших окраин такой переход чрезвычайно мало вероятен и сам по себе, конечно, будет происходить лишь в ничтожном количестве прямо вследствие климатических условий³².

Выход, однако, здесь возможен при посредстве перехода к добыче ископаемых, так как все, что до сих пор известно по отношению к берегам Ледовитого океана, указывает, что там сокрыто очень много весьма достойных внимания ископаемых богатств, чему яркий пример дают бывшие наши североамериканские владения, или так называемая ныне Аляска, где нашли одного золота неисчерпаемые источники.

В столбце 40 из добывателей отобраны настоящие земледельцы, т. е. такие, которые обработкой земли добывают главное пропитание себе и своим семьям, животноводством же, лесоводством и другими первичными промыслами занимаются лишь в свободное время или попутно. Страну нашу по обилию в ней земель, способных к обработке и разведению хлебов, и вследствие давно начавшегося вывоза от нас хлебных товаров весь мир считает, и по справедливости, земледельческой. Ни на одном другом поприще деятельности нет у нас такого числа деятелей, а именно всех действительных земледельцев в России перепись сочла 17,3 млн, что составляет больше 13,5 % всего населения, и это больше, чем в какой-либо иной группе кормильцев. Чаще всего у нас повторяется, однако, понятие о том, что 85 % или, по крайней мере, 75 % жителей России заняты земледельческой промышленностью. При этом прежде всего делают ту ошибку, что к земледельцам причисляют и все их семьи, хотя никто не причисляет ни к солдатам, ни к заключенным в тюрьмах их семей. Действительно, при 17,3 млн земледельцев, считая

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Молотьба. Вторая половина XIX в.

на каждого по 5 домочадцев (что, однако, чересчур много), всех их вместе с самими земледельцами будет около 86,5 %, но такой счет, по мне, совершенно не поучителен и только сбивает с толку. Если счесть правильно, то и 17,3 млн земледельцев нельзя принимать исключительно занятыми земледелием уже по той причине, что наше лето, когда можно работать на земле, вообще говоря, кратко, а число дней, посвящаемых земледельческим работам, ограничивается разве много что четвертью годового времени. Однако и при избытке земледельческой деятельности нельзя быть ни в коем случае советателем по той прежде всего причине, что земледельческая деятельность все же составляет третью³³, основную, ступень прогресса общественности, и непосредственно за ней следует тот промышленный строй, при котором земледелие приобретает новый, наиболее интенсивный и своеобразный характер. Меня, признаюсь, возмущают те многочисленные даже теперь публицисты, которые хотели бы сохранить в преобладании сельскохозяйственный строй, но желали бы в то же время, чтобы он приобрел тот самый характер, который он получает только при господстве промышленного строя. Хотелось бы им не только искусственных удобрений, травосеяния и улучшенных орудий, но даже паровых плугов, правильной мировой торговли хлебом и тому подобных новинок, вводимых в сельское хозяйство при господстве промышленного быта. Желать улучшения дорог, развитой и правильной торговли, дешевизны всякого рода улучшенных орудий и искусственных удобрений — ведь, в сущности, не что иное, как желать промышленного строя, потому что только он может доставить все это в таком изобилии и столь дешево, как это нужно для возможности правильного хода земледельческой промышленности в нашей стране. Нельзя же и суперфосфат, и плуги, и сеялки, и локомобили — все привозить издалека — оттуда, куда идет много нашего хлеба. Все это потребное более всего для развития хлебопашества, т. е. для увеличения выгоды и урожая хлеба, — все это составляет плоды не земледелия самого по себе, а промышленности в более широком смысле слова.

Если бы можно было даже вообразить развитие сельскохозяйственного строя до возможного совершенства без развития промы-

шленности, то и тогда, с одной стороны, были бы порядки вроде тех, которые имеются в английской Индии, — а благополучие ее далеко не примерное, несмотря на благодатный климат, — или бы произошло такое увеличение, при нашем-то количестве земель, хлеба, что он потерял бы всякую цену. Я сам хозяйничал в 60-х годах над землей и хлеб в изобилии умел производить; знаю даже, что этого не очень трудно достигать, т. е. легко увеличить обычные у нас урожаи не в два, а даже в три и в четыре раза, но я спрашиваю всякого, какая же была бы цена хлеба, если бы это — каким бы то ни было невероятным путем — стало явлением общераспространенным в России? Ведь в 60-х годах тот пуд ржи стоил примерно по 1 руб., за который теперь платят уже до 60 коп., благодаря разведению массы хлебов в благодатных климатах С.-А. С. Штатов, Аргентины, Египта и других теплых стран, где иногда берут не по одной жатве в год, как это давно делают индийцы, яванцы, китайцы и японцы, что у нас то на $\frac{9}{10}$ земли просто немыслимо. У нас, при приложении всякого рода сельскохозяйственных улучшений ко всей массе земли, получились бы такие количества хлеба, которые бы спустили его цену до невозможной, т. е. невыгодной ни для какого земледельца, и вся мировая цена хлеба немногим бы превосходила расходы на упаковку да перевозку. Даже при нынешних заработных наемных и поденных платах (а повышение платы не есть зло, а скорее народное добро) цена в 50 коп. за пуд ржи или пшеницы при наемном хозяйстве совершенно убивает земледелие.

Я не говорю, что обманывают наших земледельцев, а сами обманываются те писатели, которые панацею всего видят в росте нашего земледелия. Улучшения в нем, без сомнения, совершенно необходимы, но они должны идти последовательно, из самого народа, от развития в нем образования и от накопления у него средств к улучшениям, а всякое массовое вмешательство в это дело я считаю совершенно ненужным и даже могущим быть чрезвычайно вредным по множеству причин. Задача сложна потому, что благо народное во все не требует дорогого хлеба, а, напротив того, требует как можно большей для него дешевизны, но в то же время требует и того, чтобы земледelec вел свое хозяйство с выгодой, а не просто бы отбывал перед землей по-

Жнитво. Рисунок В. Е. Маковского

винность, подобную барщинной, и бедствовал на разные манеры — от недостатка заработков. Соединить же дешевизну хлеба с выгодностью земледельческого предприятия возможно, на мой взгляд, только путем постепенного роста хлебной производительности и без особых коренных или общих мер для умножения количества крестьянских³⁴ и иных земель под хлебными посевами, но при неперменном условии улучшений в тех землях, которые уже распаханы и ждут только правильной обработки, обильных удобрений, орошений и тому подобных основных улучшений, более или менее всегда сопряженных с развитием промышленности, которая одна дает и капиталы, в большом количестве нужные для роста земледельческой деятельности в том виде, который необходим, т. е. с усилением урожайности.

Сказанное дополню еще двумя основными соображениями. Во-первых, земледелие у нас в огромном большинстве случаев представляет деятельность, возможную только в малой части года, и уже по одному этому сумма требуемого им народного труда невелика, богатство же определяется, как я старался показать выше, исключительно количеством народного труда. Во-вторых, хотя улучшенное земледелие менее, чем первичное, у нас господствующее, страдает от засух и тому подобных вне людской воли находящихся влияний, но тем не менее от них чрезвычайно зависит, как показывает уже одно то, что и в Египте, и в Индии, и в Японии, где климат благодатен и орошение повсеместно привилось, бывают повальные голодовки, в которые не только поедаются запасы прежних лет, но и вызываются всякие народные бедствия, до повальной гибели включительно. Опираясь стране на земледелие — значит веки вечные ос-

Добывание каменного угля.
С гравюры XIX в.

таваться в состоянии низшего быта, а не того, более усовершенствованного, который дает промышленность, о коренных причинах чего выскажу свое суждение немного далее, а теперь обращу внимание на то, что относительное количество земледельцев наших в отдельных краях очень разнообразно и бывает то немного меньше среднего (13,5 % земледельцев), как, например, в Петербургском и Польском краях, или еще явнее в Южно-Сибирском крае, где земледельцев всего 5,6 %³⁵, то немного в большем развитии, например в Малороссийском крае (около 14,5 % земледельцев), но вообще довольно постоянно в разных краях. В таких краях, как Западно-Сибирский или Кавказский, которые лишь сравнительно недавно стали заселяться и еще имеют относительно большое количество

земли и заселяются именно для хлебопашества, — земледельцы, конечно, встречаются в большем количестве; например, в Западной Сибири почти на 4 млн жителей более 600 тыс. земледельцев, а именно около 15,5 % против всего количества жителей. Следовательно, эволюция перехода от земледельческого быта к промышленному неодинакова в разных краях, но разницы, как видно уже из чисел, очень ограничены. Важнее же и поучительнее всего заметить, что края, привозящие хлеб (например, Северно-Русский, Подмосковский) и вывозящие его (например, Среднерусский и Южно-Русский), весьма мало между собой отличаются по процентному количеству земледельцев³⁶.

В столбце 41 приведено количество добывателей, занятых разработкой недр земных, т. е. горной промышленностью, под которой у нас, по сложившимся историческим условиям, нередко, хотя и вполне неправильно, подразумевают не только получение руд и других ископаемых, но и так называемые горные заводы, занятые переработкой ископаемых, в особенности получением металлов. Этого смешения перепись 1897 г. избежала, отделив рубрику (строка 22 в табл. XXI, повторяющаяся в отчетах по всем губерниям) «добыча руд и копи» от рядом помещенной рубрики «выплавка металлов». Эту последнюю должно отнести уже к следующей группе (столбец 43). Так как число лиц, занятых добычей ископаемых, у нас вообще мало, то пришлось для целых краев приводить сотни, а не тысячи лиц, занятых горным делом, и всего оказалось во всей России лишь 182 тыс. таких лиц. Наибольшее место между ними занимают горные рабочие Пермского, Восточно и Западно-Сибирского, Южно-Русского и Польского краев. Из них одни заняты на золотых россыпях, другие — преимущественно на железных и медных рудниках, а третьи — на каменноугольных копях преимущественно в Южно-Русском и Польском, а отчасти и в Подмосковном краях.

Мне очень бы хотелось ясно показать, что в этой малости развития горной добычи должно видеть одну из первых причин несовершенства нашего современного строя и путь, по которому легко и скоро можно его поправить. Недр нашей земли чрезвычайно богаты ископаемыми, не говоря даже о таких монетных металлах, как золото и медь, кото-

рых у нас, без сомнения, больше и много больше, чем в какой-либо другой стране света. В моей жизни мне пришлось принимать немалое участие в судьбах трех, сюда соприкасающихся дел: нефтяного, каменноугольного и железорудного, и, не вдаваясь ни в какие подробности, я скажу, что либо видел сам, либо узнал разными способами очень многое о запасах этого рода во многих других странах мира, а в результате с полной уверенностью утверждаю, что, не будь разного рода стесняющих обстоятельств, в особенности же стремления все обложить налогами, и будь развита та истинная «свобода» — промышленного свойства, которая нужнее всяких других свобод, мы могли бы залить нефтью весь свет, каменным углем не только снабдить себя в изобилии для всяких видов промышленности, но и отапливать многие части Европы, уже нуждающиеся в каменном угле, начиная с Италии и Франции, а железные руды могли бы превратить в такое количество чугуна, железа и стали, с какими не могли бы соперничать не только Англия и Германия, своих хороших руд почти не имеющие, но и С.-А. С. Штаты, которых запасы Верхнего озера, во всяком случае не могут быть сравнимы с суммой запасов, находящихся у нас, например, около Качканара, Магнитной горы, по р. Синару и др., на Урале или в Кривом Роге для Донецкого края. Одна добыча этих и других полезнейших (не говоря о золоте) ископаемых могла бы занять миллион народа, который пропитал бы по крайней мере 5—6 млн жителей и пропитал бы трудом в круглый год, т. е. трудом верным и обеспеченным. Такие богатейшие каменноугольные копи, как Экибастузские (в Киргизской степи, со всеми условиями подвоза на Урал), у нас почти бездействуют, хотя могут принести Южному Уралу и Степному краю, к нему прилегающему, условия большого промышленного развития. Если бы только наша промышленность, перевозка и торговля были в должном развитии, ископаемые,

Вид с горы Качканар. Гравюра XIX в.

в особенности вышеназванные, — тем и важные, — дали бы непосредственное начало многообразным видам промышленной деятельности и помогли бы, так сказать, всем, потому что без освещения, топлива и стали никакая промышленность жить не может.

У нас есть только начало горнопромышленной деятельности, для которой чрезвычайно важна выработка хорошего законодательства, особенно же законов, касающихся недр земных, составляющих уже во многих странах общенародную собственность, а никак не частновладельческую. Если бы я захотел этот один предмет развить с той полнотою, с которой он мне доступен и обрисовывается, то, конечно, превзошел бы заранее намеченные размеры всей брошюры, а потому пойду далее³⁷. Скажу, однако, что горное дело весьма многозначаче для всей нашей промышленной эпохи и ее наступлению много может помочь, а потому в наше время у нас должно быть непременно развиваемо, и Государственная дума не исполнит своей роли, если не поставит на первую очередь выработку горных законов, могущих содействовать правильному ходу горных дел в России.

В столбце 42 содержится наибольшая цифра жителей, а именно на всю Россию 76,7 млн жителей, составляющих домочадцев лиц, занятых добывающими видами промышленности трех предшествующих столбцов. В них менее 15 % жителей, а их семей около 60 % от всего населения России, т. е. на каждого добывателя приходится около 4 домочадцев (точнее, 4,08 %); иными словами, добыватели — кормильцы по преимуществу. Это относится, конечно, к земледельцам в наибольшей мере, как видно уже из того, что земледельческие края имеют сравнительно наибольшее количество детей до 10-летнего возраста; но это же отношение показывает и необходимость идти в мировой эволюции вперед, потому что сами по себе земледельцы, как, надеюсь, доказано выше, никогда богатства нашей стране не доставят, в какую бы сторону ни пошло развитие земледелия, если рядом не будет развитой промышленности, доставляющей первых и естественнейших потребителей для произведений земли и заработка прибывающим поколениям.

Теперь мы обратимся опять к тройной группе промышленников, счет которых помещен в столбцах 43—45.

В столбце 43 содержится счет 5,1 млн лиц, зарабатывающих на промышленности переделывающей, т. е. ремесленной и фабрично-заводской. В переписи в этом отношении сделано очень много различий: выплавка металлов, обработка волокнистых веществ, животных продуктов, дерева, металлов, изделий из глины и стекла, химических продуктов, разных напитков, табака, производство печатных изделий, разных инструментов (физических, оптических и т. п.), ювелирных изделий, одежды, стройки, экипажей и т. п., но, не желая усложнять своих таблиц, я все отдельные числа свел в один столбец 43, тем более что и при таком скоплении разнообразных отраслей производства и ремесел получилась сравнительно небольшая общая сумма. Она пропорционально велика только в Подмосковном промышленном районе, где более 9,6 % жителей работают в указанном направлении. Сравнительно крупна и в Петербургском, Пермском и Польском краях, но во всех остальных промышленников относительно очень мало, что и отвечает общему слабому развитию у нас переделывающей промышленности.

Это зависит не столько от недостатка понимания того, что Россия уже перевалила эпоху необходимости промышленного развития, и даже не оттого, что внутренний спрос на произведения, прошедшие через руки ремесленников, фабрикантов и заводчиков, не велик (довольствуются еще домашним производством, т. е. не прилагают принципа разделения труда), но более всего, по моему мнению, от двух коренных причин. Первой и важнейшей я считаю направление нашей образованности, издавна, так сказать, озлобленной против промышленности и все тянувшей в сторону патриархального быта, уже отжитого. Это оттого, без сомнения, что образованность наша сосредоточивалась чрезвычайно долгое время преимущественно в дворянских сферах и из них набирались главным образом исполнители всяких общественных обязанностей, образования требующих, до того, что из крестьянского сословия с чрезвычайным трудом можно было поступать даже в низшие канцелярские чины. Дворянство же привыкло издавна, а особенно со времен Екатерины II, считать себя единственными лицами, хорошо понимающими общие народные интересы, а сельское хозяй-

№ п/п	Наименование губернии, уезда, уездного города	Распределение всех жителей (мужчины и женщины, тыс.) по занятиям, способам жизни и видам промыслов																					
		Несут обязанности										Добывают на				Промышленность			Живут		Кормильцев		
		адм.-полит. и суд., выборы. и корон. (а)	военные (б)	профес. (в)	домочадцы при «а», «б», «в»	охоте, в лесу и т. п. (г)	земледелии (д)	горном деле (ж)	домочадцы при «г», «д», «ж»	ремеслами, на фабриках и заводах (з)	при путях сообщ., почте, телеграфе и т. п. (и)	торговлей (к)	домочадцы при «з», «и», «к»	как прислуга, поденщики (л)	как обеспеченные люди (м)	неизвестными способами (н)	домочадцы при «л», «м», «н»	в том числе мужчин-кормильцев	в том числе женщин-кормильцев	Домочадцев при кормильцах (м. и ж. пола), тыс.			
1.	Новгородская губ.	257	85	3	14	9	18	5	205	40	41	42	38	44	8	91	29	28	9	1	275	82	1010
2.	С.-Петербургская *	318	1422	32	88	42	99	8	111	8	0,5	415	329	54	88	348	223	124	19	131	785	334	993
3.	Псковская * Петербургский край	185	73	2	5	5	10	3	164	0,0	803	18	2	8	51	17	17	169	33	144	1255	467	2879
4.	Эстляндская губ.	86	77	2	6	5	7	6	67	0,1	176	26	5	4	47	23	10	10	2	27	111	45	257
5.	Лифляндская * Ливонский край	253	381	5	12	7	21	24	230	0,3	465	125	12	23	190	72	39	7	67	369	187	743	932
6.	Курляндская * Ливонский край	130	156	3	9	4	12	11	125	0,1	261	37	6	12	93	35	21	21	2	42	185	81	408
7.	Сувалкская * Ливонский край	469	614	10	27	16	40	41	422	0,5	902	188	23	39	330	130	70	11	136	665	313	1408	
8.	Доминская * Польский край	107	74	2	18	2	11	10	104	0,0	308	14	2	5	48	18	6	6	4	31	139	46	398
9.	Полесская * Польский край	113	75	2	33	2	13	4	85	0,0	287	17	2	7	70	18	5	3	32	148	30	402	
10.	Полесская * Польский край	140	88	2	16	2	10	6	82	0,1	243	17	1	6	62	34	9	9	2	62	136	41	377
11.	Селужская * Польский край	359	845	10	82	17	47	12	167	0,2	515	156	20	52	442	150	44	10	208	543	177	1212	
12.	Радомская * Польский край	151	118	2	15	3	13	4	117	0,0	402	27	3	10	103	25	5	2	44	176	34	562	
13.	Кадзюбская * Польский край	161	100	2	10	3	12	11	131	0,2	421	23	3	11	111	29	7	7	3	44	184	43	588
14.	Петроковская * Польский край	163	116	2	7	3	12	11	131	0,2	407	161	3	9	104	40	11	3	65	194	59	988	
15.	Люблинская * Польский край	271	512	4	15	6	21	9	120	0,5	650	36	3	16	148	43	8	4	61	271	62	828	
16.	Келецкая * Польский край	212	161	3	37	5	19	11	167	0,1	424	18	2	10	83	26	6	2	37	162	45	555	
17.	Подолянская * Польский край	146	70	2	7	2	11	5	126	0,6	424	18	2	10	83	26	6	2	37	162	45	555	
18.	Волынская * Польский край	1823	2159	31	240	45	169	79	1224	18,5	4057	504	46	155	1528	460	116	38	694	2311	645	6448	
19.	Кирилловская * Польский край	579	222	5	34	15	41	5	466	0,4	1805	70	8	45	317	78	15	10	104	628	123	2267	
20.	Полтавская * Украинский край	522	234	5	50	15	44	9	407	0,2	1824	75	9	39	323	66	17	11	95	603	100	2286	
21.	Черниговская * Украинский край	648	459	7	33	25	53	7	492	0,1	2004	127	18	64	432	125	32	13	127	755	188	2616	
22.	Харьковская * Украинский край	484	274	5	11	12	28	9	421	0,1	1838	65	8	24	199	66	20	7	65	510	138	2130	
23.	Малороссийская * Украинский край	401	209	5	5	10	25	4	336	0,2	1472	75	10	21	218	47	18	7	45	433	105	1760	
24.	Ковенская губ.	400	367	6	15	13	27	7	350	0,4	1604	83	14	22	184	72	24	10	62	512	103	1877	
25.	Вяленская * Литовский край	3034	1765	33	148	90	218	40	2472	1,5	10547	495	67	215	1673	454	126	58	498	3441	757	12936	
26.	Могилевская * Белорусский край	291	143	4	27	7	24	17	243	0,1	799	56	6	21	177	58	21	13	75	323	150	1072	
27.	Минская * Белорусский край	267	198	3	20	8	24	11	217	0,1	938	42	6	19	158	48	17	7	59	327	85	1179	
28.	Гродненская * Белорусский край	246	217	3	19	6	21	13	194	—	887	41	8	20	174	35	22	7	40	297	70	1122	
29.	Тверская губ.	214	147	3	8	8	21	4	235	0,1	1099	39	7	20	165	27	13	6	32	305	65	1317	
30.	Смоленская *	347	225	4	18	11	11	10	265	0,1	1331	61	8	26	242	47	17	13	6	61	403	80	1665
		266	255	4	54	9	27	7	198	—	900	63	14	8	21	41	14	6	54	355	68	1180	
		1631	1185	21	146	49	145	62	1352	0,4	5954	312	52	127	1115	256	104	47	321	2010	518	7335	
		330	155	4	6	12	22	10	268	0,1	1155	73	7	15	99	35	20	15	28	333	132	1304	
		246	121	3	11	7	17	7	215	0,1	1052	36	6	10	70	31	17	11	32	278	76	1171	

Из переписи 1897 г.

Из переписи 1897 г.	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53
31. Московская губ.	378	1134	15	27	48	63	4	152	1,3	522	528	57	104	489	197	96	26	102	832	423	1176
32. Владимирская »	294	191	5	5	11	25	12	163	1,9	714	193	9	13	260	37	21	11	35	347	135	1034
33. Калужская »	196	95	3	7	7	15	5	143	0,7	728	52	5	8	96	21	15	7	20	202	72	859
34. Тульская »	235	172	3	4	8	18	3	193	1,4	916	56	7	12	106	36	18	7	31	276	72	1071
Подмосковная земля	1679	1868	33	60	93	160	41	1134	5,5	5087	938	91	162	1120	357	187	77	248	2268	910	6615
35. Рязанская губ.	285	170	4	10	10	22	8	249	0,9	1162	94	10	14	130	32	17	9	30	336	122	1344
36. Орловская »	329	244	4	12	11	24	7	268	0,1	1348	69	11	18	143	43	21	9	46	387	86	1561
37. Тамбовская »	424	226	5	7	14	29	6	360	0,1	1889	61	12	21	161	46	21	10	42	472	91	2121
38. Пензенская »	249	140	4	3	9	18	3	215	—	1042	32	4	8	64	24	12	8	24	268	54	1148
39. Воронежская »	399	170	5	7	13	23	5	356	0,1	1795	55	9	16	143	44	17	8	35	463	72	1996
40. Курская »	366	222	4	8	11	24	6	316	0,2	1642	62	7	18	160	46	17	7	43	419	83	1869
Среднерусская земля	2052	1172	26	47	68	140	35	1764	1,4	8878	373	53	95	801	235	105	51	220	2345	508	10039
41. Казанская губ.	397	186	6	6	11	28	3	343	0,1	1523	44	5	14	91	32	20	11	34	424	71	1676
42. Нижегородская »	307	143	5	4	13	23	6	210	1,1	889	97	15	17	203	36	21	13	33	339	98	1148
43. Костромская »	273	94	4	2	8	20	5	213	—	885	93	4	10	78	23	14	11	17	274	113	1000
44. Ярославская »	229	146	3	6	9	19	3	179	—	598	68	8	17	82	31	18	11	19	228	125	718
Верхневолжская земля	1206	569	18	18	41	90	17	945	1,2	3894	302	32	58	454	122	73	46	103	1265	407	4542
45. Вятская губ.	505	96	6	2	11	23	5	459	1,9	2243	68	7	11	113	26	22	14	19	538	95	2398
46. Пермская »	580	179	8	3	13	29	14	425	39,5	1767	139	28	24	338	65	28	17	56	633	141	2190
47. Уфимская »	393	107	3	2	7	20	8	341	1,2	1565	38	5	9	111	26	21	6	34	427	40	1730
48. Оренбургская »	277	153	3	4	6	18	10	229	12,0	1044	37	9	14	132	28	13	6	35	326	45	1229
Пермская земля	1755	535	20	11	37	90	37	1454	54,6	6616	282	49	58	694	145	84	43	144	1957	321	7544
49. Астраханская губ.	192	132	3	2	5	12	83	55	0,4	602	27	10	12	80	40	9	3	61	218	31	755
50. Саратовская »	408	310	6	5	11	27	7	331	0,1	1523	76	15	26	210	65	26	12	66	475	105	1826
51. Самарская »	462	159	6	2	10	26	7	420	0,1	1939	50	10	20	143	43	19	12	44	518	81	2152
52. Симбирская »	270	108	4	3	7	20	4	246	0,3	1038	36	6	9	80	24	15	8	28	303	59	1166
Нижневолжская земля	1332	709	19	12	32	85	101	1052	0,9	5102	189	41	67	513	172	69	35	199	1514	276	5899
53. Бессарабская губ.	383	293	5	17	11	29	7	282	0,2	1177	46	7	32	196	48	14	6	58	408	67	1460
54. Херсонская »	493	789	8	43	19	45	8	366	2,9	1423	115	23	62	352	116	36	10	105	665	144	1925
55. Таврическая »	238	290	5	24	9	26	12	199	1,3	771	54	13	25	164	60	17	6	62	363	62	1023
56. Войска Донского обл.	432	319	6	5	11	27	16	339	20,2	1592	84	21	36	240	73	25	9	59	535	111	1918
57. Екатеринославская губ.	348	241	4	7	9	20	6	251	25,5	1327	81	19	26	208	62	12	7	50	433	76	1605
Южно-Русский край	1894	1932	28	96	59	147	49	1437	50,1	6290	380	83	181	1160	359	104	38	334	2404	460	7931
58. Черноморская обл.	11	20	0,3	0,5	0,4	1,0	0,6	5,0	0,2	17,8	5,7	2,9	2,0	9,6	6,8	0,6	0,4	3,7	22	3	32
59. Кубанская »	338	221	3	6	6	14	18	292	0,3	1207	54	9	20	170	50	10	7	53	402	73	1444
60. Терская »	168	120	2	14	3	11	16	130	0,9	613	18	5	8	59	18	8	3	25	202	24	708
61. Ставропольская губ.	140	83	2	2	3	7	11	131	—	606	16	2	6	52	14	5	2	14	173	21	679
62. Дагестанская обл.	128	45	1	8	1	6	6	98	0,3	348	10	2	3	34	11	5	5	33	129	21	421
Кавказский край	785	489	8	30	13	39	51	656	1,7	2792	104	21	39	325	100	28	17	129	928	142	3284
63. Бакинская губ.	135	170	3	4	2	11	13	90	5,2	462	31	12	13	94	31	5	4	47	197	16	614
64. Елизаветпольская »	141	89	2	5	3	12	17	107	1,1	575	20	3	7	65	15	4	4	38	175	13	690
65. Карсская обл.	38	38	1	19	1	4	3	35	0,1	200	2	—	2	11	3	1	1	8	65	3	223
66. Эриванская губ.	117	92	2	12	2	8	6	98	0,1	613	10	2	5	37	8	3	3	21	143	8	679
67. Тифлисская »	176	225	5	29	7	22	18	127	0,3	578	38	8	17	98	32	15	6	51	269	33	749
68. Кутаисская »	182	98	2	10	5	14	3	157	0,7	727	19	5	10	40	20	12	5	28	225	24	809
Закавказский край	789	712	15	79	20	71	60	614	7,5	3155	120	30	54	345	109	40	23	193	1074	97	3764
69. Закаспийская обл.	83	42	1	16	1	4	31	44	0,1	229	8	7	4	21	7	2	1	6	115	7	260
70. Сырдарьинская »	246	206	1	12	3	12	86	137	—	997	43	4	17	96	26	2	3	39	301	33	1144
71. Самаркандская »	148	135	1	6	3	9	13	120	—	529	23	2	13	87	16	1	4	33	194	8	658
72. Ферганская »	310	284	2	7	6	17	15	230	0,1	864	117	4	26	184	29	5	10	56	387	64	1121
Закаспийский край	787	667	5	41	13	42	145	531	0,2	2619	191	17	60	388	78	10	18	134	997	112	3183
73. Уральская обл.	118	55	1	1	2	5	85	29	—	451	7	2	5	27	11	3	1	15	136	11	498
74. Тургайская »	82	20	0,3	0,6	0,4	1	75	11	—	354	1	0,2	0,7	4	2	0,8	0,2	2	89	3	361

	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53
75. Семиреченская обл.	173	63	1	7	1	5	91	90	—	721	9	1	7	34	8	1	2	10	206	12	770
76. Семипалатинская »	126	54	1	3	1	4	100	27	3,1	487	5	2	4	24	10	2	1	11	150	9	526
77. Акмолинская »	119	75	1	3	1	6	75	38	0,1	486	9	2	5	29	11	4	2	11	137	14	532
Южно-Сибирский, или Киргизский край	618	267	4	15	5	21	426	195	3,2	2499	31	7	22	118	42	11	6	49	718	49	2687
78. Иркутская губ.	92	63	2	7	3	7	5	76	0,8	295	23	4	5	10	21	7	5	13	137	22	355
79. Забайкальская обл.	115	43	2	7	2	6	37	70	5,6	462	15	2	4	27	12	4	5	11	149	17	506
80. Якутская »	51	9	0,4	0,4	0,6	2	57	5	6,8	176	3	1	1	5	5	4	—	3	70	14	186
81. Амурская »	18	33	0,4	2,9	0,6	2	1	15	4,7	57	6	2	2	13	7	1	1	5	39	4	77
82. Приморская обл.	30	51	1	31	1	4	18	18	1,1	91	13	6	5	10	16	2	2	4	109	5	109
83. Сахалин остров	6	—	0,3	1,4	0,1	1	2	5	0,3	7	1	—	—	1	1	1	7	—	17	2	9
Восточно-Сибирский край	312	199	6	50	7	22	120	189	19,3	1088	61	15	17	96	62	19	20	36	521	64	1242
84. Тобольская губ.	270	87	4	3	4	11	14	249	—	976	36	4	8	58	24	11	13	18	306	64	1063
85. Томская »	339	128	4	3	5	14	25	277	6,4	1291	49	7	13	122	40	11	11	49	392	60	1476
86. Енисейская »	102	63	2	3	2	6	12	81	7,8	329	25	5	6	45	19	7	6	15	150	25	395
Западно-Сибирский край	711	278	10	9	11	31	51	607	14,2	2596	110	16	27	225	83	29	30	82	848	149	2934
87. Архангельская губ.	67	32	2	1	2	6	10	47	—	220	11	4	2	19	7	5	5	6	72	24	251
88. Вологодская »	249	63	3	1	7	16	2	223	0,2	993	22	2	6	26	14	3	12	12	235	60	1047
89. Олонецкая »	69	25	2	1	3	5	1	60	0,1	245	9	2	2	21	6	4	2	1	72	20	272
Северно-Русский край	385	120	7	3	12	27	13	330	0,3	1458	42	8	10	66	27	12	19	19	379	104	1570
90–97. Финский край	539	302	5?	6?	16?	37	4	407	—	1094	89	26	17	245	34	31	241	348	632	244	1724
Вся Россия	22,6	17,1	0,34	1,1	0,68	1,7	1,4	17,3	0,18	76,7	5,1	0,74	1,5	11,7	3,5	1,4	0,85	4,0	27,5	6,5	94,2

ство — способом удовлетворения всех народных надобностей, о которых судило в качестве руководителей-помещиков.

В этом отношении я полагаю, что из всех свобод, которые возведены одною из настоятельных, было бы уничтожение остатка всякого рода служебно-корпоративных излишних привилегий дворянства, чтобы через это освежились административные слои. Из личных сношений в разнообразнейших краях России знаю, что в крестьянском сословии, не говоря уже о купечестве или мещанстве, взгляды на промышленность и на ее важное значение для всего народного быта гораздо более совершенны и нормальны, т. е. отвечают промышленной эволюции, во всем мире совершающейся. Вторую существенной причиной малого развития у нас промышленности, несмотря на множество условий для ее широкого процветания, должно считать отсутствие личной предприимчивости, определяемое преимущественно тем, что русские люди привыкли все получать готовеньким, так сказать в виде подарка, от кого бы то ни было, сверху или снизу, и если манна небесная сама собой не валится, то наша образованность привыкла обвинять кого-нибудь или вверх или вниз, а сама ничего не предпринимать, если оно сопряжено с необходимостью личного труда, риска и упорства, как это и нужно для дел промышленности. В деле же промышленности представители образованности играют первостепенную роль, в противность тому, чему учат Марксы, Бебели и тому подобные поклонники «работы», а не «труда», забывающие, что промышленное дело не может иначе осуществляться, как при помощи великого труда, заключающегося в предприимчивости, всегда неизбежно соединенной с соображениями и расчетами, более или менее рискованными (хотя и поменьше, чем почвенный урожай) именно по той причине, что все дело при этом состоит из суммы людского труда всякого рода, начиная от приобретения знаний и кончая сведениями о величине людских потребностей, ценностей и т. п.

Мне бы следовало, по тому примеру, что теперь господствует, бросить при этом большой камень и в правительственные области, потому что они, всевозможным образом облегчая укоре-

нившийся сельскохозяйственный быт, всеми силами налегали на промышленность, начиная со всяких налогов и кончая стеснениями даже при самом разрешении устройства фабрик и заводов. Для меня, однако, бросить такой камень кажется неправильным не только по той причине, что большинство видов промышленности (металлургической, сахарной, нефтяной, винокуренной, даже какающей волокнистых веществ и т. п.) зачалось прямо под влиянием правительственных мероприятий, а иногда и больших правительственных субсидий, но особенно потому, что правительство совершенно сознательно, кажется, во все времена держалось покровительственной политики. А в царствование императора Александра III выставило ее на своем знамени с полной откровенностью, несмотря на голоса чиновно-дворянские и литературно-публицистические, всемерно ратовавшие за фритредерство, по которому России и следует быть только черноработчим, поставляющим сырые и хлебные товары в страны, производящие промышленную переделку. Высшее правительство, держась с полным сознанием начал протекционизма в приложении к России, оказывалось впереди наших образованных классов, взятых в целом. Неизбежная необходимость здравого, т. е. обдуманного, протекционизма наиболее ясно изложена мною в сочинении «Толковый тариф» (1892), но я не премину и здесь повторить главные поводы (особенно относящиеся к сопоставлению промышленного строя с сельскохозяйственным)³⁸ для необходимости России держаться разумного протекционизма, которым, по моему разумению, и были сознательно проникнуты как император Александр III, так и его министры И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте:

1) Россия очень богата сырьем весьма разнообразных видов уже по одному тому, что владеет громаднейшими пространствами земли. Добывать только сырье — значит отказаться от сливок, довольствуясь снятым молоком, потому что сырье само по себе часто не потребляется людьми, и его отправка, переделка и обработка требуют труда не меньшего, чем сама добыча сырья. А так как добывать сырье может и дикарь, ценность своего труда мало ценящий, обработка же производится приемами, доставляемыми образованностью, ценящей свой труд, даже подготови-

тельный, то крупнейшие заработки во всех отношениях достаются на долю лиц обрабатывающих, а не на долю добывателей сырья. Это можно доказать всякого рода числами, но мне кажется, что это должно быть ясным и из немногих сказанных соображений.

2) Даже сырье, подобное хлебу, во многих больших и передовых странах облагается ныне высокой охранительной пошлиной, как видим это особенно ясно в Германии, Франции и Италии. Ограждение это имеет целью не дать упасть в своей стране земледелию, которое нуждается в определенной ценности хлебных товаров для того, чтобы труд их производства вознаграждался хоть сколько-либо сносно. Нам же, должествующим лишь начинать и развивать переделывающую промышленность, естественно — хотя бы уже в отместку — покровительствовать преимущественно внутренней переделке всякого своего сырья, тем более что путь этот сбавляет всякие иные подати и налоги.

3) Развивать хлебное хозяйство для вывоза массы хлебов и покровительствовать всеми мерами лишь земледелию, как доказано выше, в России невозможно до той меры, какая ей прилична по размерам и свойствам ее почвы, потому что тогда, несомненно, является избыток хлебов, а при самом маленьком избытке ценность их во всем мире падает, и, следовательно, обрекая народ преимущественно на земледельческий труд, люди клонят дело к тому, чтобы Россия вечно бедствовала и народ никогда не получал достатка других народов.

4) Переделанные товары, хотя бы даже и хлебные (в муку, макароны и т. п.), а тем паче всякие иные заключают в себе всегда меньше веса, стоящего провоза, чем сырье, а ценность имеют большую, потому что содержат в себе труд; пространство же России так велико, что провозная плата должна быть в ней принята в первейшее внимание.

5) Хлебные и им подобные произведения почвы характеризуются тем, что производятся только в летнее время, а потому земледельческая деятельность навсегда останется потребляющей мало трудового времени, а следовательно, масса потенциального народного труда остается у нас скрытой, чего не будет при промышленной переработке сырья. Богатства же, даже достаток, определяются

исключительно количеством труда, проявляемого народом в производстве полезностей.

6) Земледелие уже нигде не достигает совершенства, т. е. больших урожаев, иначе как при помощи промышленности, необходимой не только для дешевизны перевозки, но и для орудий, удобрений, развитых знаний и усовершенствованных видов потребления, совместимых только с развитием промышленности, так как земледелие, завися преимущественно от почвы, менее промышленности находится в людском распоряжении.

7) Земледелие при усовершенствовании все менее и менее требует рук, или затраты времени и труда, для производства данного количества хлебов, а потому одно оно никоим образом не может давать достатка всем прибывающим жителям, тогда как виды промышленности разнообразятся год от году до чрезвычайности и умножаются в количестве, что ведет к возможности всем жителям пользоваться трудовым заработком. Наивысшим благополучием впредь, когда везде народу еще прибавится, должны пользоваться те лишь страны, которые равномерно разовьют все виды промышленности, сообразно со своими природными запасами, между которыми запасы земли наиболее важны.

Те, которые подумают над сказанным, уже сами придут к неизбежному заключению о необходимости в России, если она хочет увеличивать свои доходы, развивать всякие виды переделывающей промышленности, и я не провожу всей, здесь необходимой логики, так как надеюсь, что и сказанных намеков достаточно для правильных силлогизмов.

Обращусь лучше к другому прилегающему вопросу: куда деваться с промышленными товарами, если их Россия будет производить в изобилии, отвечающем ее ресурсам и многолюдству? — Ответ также сделаю кратким и лучше всего расположу в отдельных положениях, предоставляя читателям выводить из них свои следствия.

1) По существу своему промышленность основана прежде всего на разделении труда, или его специализации, и при развитии достатка производители добычи и разных видов переделки неизбежно будут пользоваться взаимно теми товарами, на которых зарабатывают свой достаток, т. е. с промышленным развитием достатка неизбежно будет расти внутри стран потребление всякого рода това-

ров как земледельцами, так и самими промышленниками разного рода.

2) Местный потребитель особенно ценен для земледельцев, что и составляет одну из причин того, что земледелие процветает только в странах, имеющих рядом развитую промышленность. Это потому, что для правильного ведения земледелия хлебные поля непременно надобно перемежать в плодосменном порядке с полями, производящими продукты, не выдерживающие далекой перевозки и находящие свой сбыт только у соседних зажиточных потребителей или потребляемые фабриками и заводами. Таковы, например, сено, картофель, свекла и корнеплоды, всякая зелень, плоды, ягоды и т. п.

3) Хлеб страна должна вывозить только тот, который получается в избытке после насыщения всех своих жителей, имеющих заработок или достаток, который, очевидно, и может доставить только промышленность. Притом и хлебные товары должно вывозить, по возможности, в переделанном виде, например хлеб в виде муки, спирта и т. п., даже, по возможности, сахар в виде изделий из него, подобных конфетам, и тогда не только разовьется промышленность, но получатся разнородные отходы, весьма важные для возрастания скотоводства, идущего рука об руку с земледелием.

4) Насытив свой внутренний рынок, получив достатки, промышленность должна всегда иметь в виду мировые потребности и обращаться к тем товарам, производству которых наиболее благоприятствуют условия всей страны. Долго и наша нефтяная промышленность довольствовалась только внутренним рынком, но с проведением Закавказской железной дороги стала снабжать и мир своими продуктами. Было бы еще больше потребление наших нефтяных товаров, еще выше развитие нашей нефтяной промышленности и еще больше заработки нашей страны на нефтяных продуктах, если бы в свое время, а именно в продолжение 80-х годов, послушались голосов, которых и я придерживался, рекомендовавших проведение нефтепровода (а отнюдь не керосинопровода) от Баку и Грозного до черноморских портов, потому что тогда наши нефтяные товары сперва убили бы своей дешевизною всю американскую нефтяную промышленность и их можно было бы так облагать, чтобы вывозилось не сырье,

Нефтяные промыслы близ Баку. Гравюра XIX в.

а только полученные из него готовые для потребления продукты. Тогда послушались не наших голосов, а речей фабрикантов, переделывающих нефть, и узких «казенных интересов», забыв о народных. Я привел этот пример только потому, что он мне близко и хорошо известен, но то же самое могу сказать и о множестве других дел, касающихся русской промышленности, особенно относящихся до железа, золота, свинца, спирта и сахара, которые мы могли бы вывозить в большом изобилии, если бы не существовало неразумных сторон «личных» и «казенных интересов» и «горного ведомства» и если бы, что всего важнее, наша чиновная и нечиновная образованность сознавала значение народных интересов промышленности и вывоза переделанных товаров. Вообще я полагаю, что, благодаря русским запасам, мы можем, несмотря ни на какие препятствия, отправлять фабрично-заводские продукты за границу, конечно, дав все условия для широкого развития соревнования, для которого природный простор еще существует у нас повсюду.

Этот ряд намеков я бы считал достаточным, если бы мог думать, что наши читатели не заражены тем литературным предрассудком, что покровительство ведет только к дороговизне. Эта грубейшая ошибка явно опровергается фактами, из которых напомним, примера ради, только один. Керосин ввозился и к нам из Америки, да стоил — в Петербурге, не то что где-нибудь внутри России, — в 50-х годах около 3 руб. за пуд. Стали покровительствовать его внутреннему производству, и цены упали сперва сразу примерно вдвое, а потом из-за возродившегося соперничества упали до того, что этот керосин обложили внутренней пошлиной, или акцизом, ставшим давать десятки миллионов дохода, и народ, несмотря на это, все же весь стал освещаться керосином. Да оно и быть-то иначе не может ни в каких других случаях покровительства товарам, которые Россия может производить в изобилии. Можно же рекомендовать производство в России преимущественно товаров именно таких, сырье для которых находится у нас в изобилии и добыча которого составит один из первых заработков для крестьянства. Однако нельзя здесь не заметить, что, вследствие изобилия рабочих рук, т. е. вследствие дешевизны заработной платы, и по причине скопления многих благоприятных условий для развития всевозможных производств, Россия может производить для вывоза и массу иных товаров, как

производит она, например, прекрасные резиновые изделия, пользующиеся всемирным спросом и потребляющие каучук, производимый в тропиках.

Первый же потребительный рынок всякие производства найдут в самой России, ввозящей много иностранных товаров.

Так, Уралу можно с избытком своего народа и своего превосходного железа производить много железных и стальных изделий для сельскохозяйственных и швейных машин включительно, а такие товары будут выдерживать какую угодно перевозку, потому что стоят во много раз дороже, чем сырье. Россия представляет громадный рынок для иностранцев — это лакомый кусок для них, — и отнять его от них для передачи русским предпринимателям иначе, при нашей косности, невозможно, как призвав к делу выработки временными экстраординарными выгодами. Ими увлекаются, лень и косность побеждают, а кто раз въехал в подобного рода дела, видит необходимость их продолжать, и дело устанавливается из-за соперничества в том виде, что приходится спускать цены и товар обходится России дешево, много дешевле, чем было раньше, при отсутствии его внутреннего производства, а со временем производство доходит до таких избытков, что побуждает искать вывоза из России. Вот норма протекционизма в том виде, как он должен применяться в России. Зная, однако, что общие соображения убеждают меньше частных и что нередко доставляют извращенный результат, избираю еще два примера, которыми хотел бы выяснить сущность дела до того, чтобы оно само бросалось в глаза. Начну опять с нефти. Всякий, сколько-либо читавший про Баку, знает, что широкое развитие ее добычи относится к 70—80-м годам, когда начался вывоз и когда дешевизна доходила до 1, много 3 коп. за пуд сырья, а «остатки» часто еще жглись на месте (сам был тому свидетелем) прямо за недостатком сбыта. Умудрились теперь сделать так, что нефть на месте дошла до 30 коп. за пуд, а остатки и керосин идут почти по равной цене с сырьем, хотя никакого естественного события, подобного истощению, еще не наступало. Ради «казенных интересов» все нефтяное облагают, и хотя нам естественно было бы пользоваться дешевейшими нефтяными продуктами, но мы пользуемся очень дорогими уже никак не из-

за естественного течения дел, а только по нашему непониманию способов ведения России по промышленному пути.

Следовало не только устраивать своевременно нефтепроводы и облагать вывозимые нефтяные товары соответственными пошлинами, но и покровительствовать всеми способами возникновению нефтяной промышленности не только во многих местностях Кавказа, где есть нефть, но и в других местностях России, где она, несомненно, имеется в большом изобилии. С уверенностью утверждаю, что при умелом ведении дела и сейчас цены на нефть были бы у нас чрезвычайно низки, а весь тот доход, который получает казна от обложения нефтяных товаров, можно была бы получать с иностранных потребителей при вывозе громадных масс нашей нефти³⁹.

Другой пример укажу в развитии хлопкового производства. В свое время при бывшем министре финансов, моем покойном друге И. А. Вышнеградском, я предложил повысить обложение привозного хлопка пошлиной, ввиду покровительства развития у нас хлопкового производства в Закаспийском и Закавказском краях, так как единичные опыты были вполне благоприятны. Не только масса людей, но и сам И. А. Вышнеградский сперва относились с большим недоверием к моему утверждению, но когда он вместе со своим помощником С. Ю. Витте съездил в Среднюю Азию и на месте увидел первые русские плантации хлопка и услышал о местной его расценке, налог был принят, и в результате, как всякий знает, мы получили массу внутреннего хлопка, т. е. дали заработок жителям, а в то же время и доход казне, потому что при помощи нашего хлопка русское производство ситцев стало расти чрезвычайно быстро, сбавляя (а не возвышая) бывшие цены, несмотря на платимые таможенные пошлины за часть иностранного сырья. Утверждаю с полным убеждением, что развеялся в Закавказье такая же предприимчивость в оросительных работах и в хлопкоразведении, которая выступила в 90-х годах в Закаспийском крае (а теперь почти затихла, и напрасно), и будь приложены к этому последнему еще новые усилия, мы не только бы перестали покупать иностранный хлопок, но стали бы уже отправлять массу наших ситцев не на один Восток, но и на Запад, потому что наш хло-

пок обходится дешевле американского и египетского, а наша переделка его в ситец так явно совершенствуется — из-за соперничества, — что везде на всемирных выставках приводит в удивление экспертов. Известная московская фирма «Циндель» доказывает, судя по ценностям, в особой брошюре, что место нашим ситцам уже готово на всемирном рынке даже теперь, если при вывозе ситца будут возвращаться ввозные хлопковые пошлины и если на этом деле не станут практиковать применения пресловутых «казенных интересов».

Не думаю я, отнюдь, что нам нужно все бросить и обратить народные силы исключительно к видам переделывающей промышленности (как это сделала Англия), но утверждаю только, что достатка помимо ее развития у народа никогда не будет, а потому на этот предмет упираю общее внимание. Мое личное отношение к протекционизму, надеюсь, выяснится лучше всего, если я укажу на то, что, будь я англичанином, я бы стоял за фритредерство, в особенности по отношению ко всякому сырью, необходимому для фабрик и заводов, учрежденных уже в Англии и дающих народу гораздо больше заработка, чем он может получить, добывая некоторое количество сырья на месте. То, что с выгодой применимо для Англии в современном ее положении, для России может быть совершенно непригодным именно по той причине, что мы находимся в иной, чем Англия, стадии развития, а она, как видно по всему смыслу защищаемых мною начал, определяется преимущественно тем, что в Англии народонаселение уже умножилось в гораздо большей пропорции, чем у нас. До английских порядков нам можно дожить только после ряда не лет и не десятков их, а после целого столетия с лишком.

Здесь, однако, являются два новых вопроса: откуда взять капиталы, нужные для развития промышленности? И как при этом предотвратить угрожающее Европе и Америке развитие капитализма, который и служит причиной возникновения пагубных утопий коммунистов и социалистов? Постараюсь ответить и на эти вопросы, но также со всею возможною краткостью, как сумею.

Своих заготовленных капиталов у России, без сомнения, очень немного в виде ценностей подвижного свойства. Это обыкновенно приводит к мысли о том, что Россия не может

двинуться вперед без иностранной помощи, т. е. считают невозможным возникновение и расширение русской промышленности без займов, производимых государством, или без входа иностранных капиталов в частную промышленность, а того и другого, как бы то ни было, считают, все же должно по возможности избежать, потому что это ставит Россию в зависимость от более богатых соседей и, главное, делает ее общий баланс невыгодным для страны. Эти утверждения должно принимать с большими оговорками, которые я вслед за тем и сделаю, но сперва скажу коренную свою мысль, состоящую в том, что капитал, в сущности, есть не что иное, как доверие, — не золото, а доверие, потому что капиталов во много раз в мире больше, чем золота. Доверие же к основным ресурсам России во всем мире огромно, а доверие к промышленности, взятой в целом, и к отдельным предприятиям (конечно, не ко всяким, а лишь к учрежденным с правильным расчетом) также, несомненно, существует, а потому на этом можно основать способ добычи капиталов, нужных для русской промышленности, без ухудшения баланса. Но не доверяют русской оборотливости, предприимчивости и знаниям, а также стремлению облагать все то, что сколько-нибудь начинает развиваться, не дожидаясь близких, возможных, высших результатов. Как это можно устроить, по моему мнению, я также постараюсь указать, хотя и без разбора подробностей⁴⁰, но сперва скажу свое мнение об иностранных капиталах, приходящих в виде ли государственных займов, для того сделанных, или в виде отдельных предприятий, основанных на иностранных капиталах. Имея в виду исключительно одну промышленность, ни того, ни другого страшиться не следует, потому что сама промышленность себя скоро окупает. Это очень важно знать и помнить. В этом отношении необыкновенно поучительны данные переписей С.-А. С. Штатов, потому что они показывают величину затраченного на промышленность капитала и величину годовых оборотов, производимых⁴¹.

Оказывается, что на 9817 млн долларов (доллар стоит почти 2 руб., а именно 1 доллар = 1 р. 94,34 коп.) капитальных промышленных затрат в 1900 г. американские крупные ремесленные заведения, фабрики и заводы

Общий вид Нижнетагильского завода. Гравюра М. Раиевского. XIX в.

произвели (переделали) и продали товаров на 13 004 млн долларов, или около 25 млрд руб., в год (Россия же в 1900 г. на своих фабриках и заводах произвела всего товаров менее чем на 2,5 млрд руб.), откуда видно, что годовой оборот фабрик и заводов очень сильно превосходит величину всего основного капитала, а из этого ясно, без дальнейших длинных рассуждений, что промышленные затраты сами себя окупят, т. е. взятые для промышленности от иностранцев деньги возместятся промышленностью же, не народом и не из того, что у него есть теперь, а из того, что создаст сама промышленность, т. е. из нового труда, ею вызванного и прибывшего. Если земледелие дает людям хлеб, то промышленность доставляет не менее необходимый заработок, на который хлеб-то достать легко. Прибавлю по этому поводу очень важный аргумент, предоставляемый той же американской переписью. При годовом производстве в С.-А. С. Штатах фабрично-заводских товаров на 13 004 млн долларов фабрики и заводы тратят ежегодно 7345 млн долларов на приобретение сырья, подвергаемого переработке, т. е. своим добывателям дают соседних, наиболее выгодных покупателей, и те же фабрики и заводы ежегодно выдают 2746 млн долларов на уплату рабочим (а они ведь — покупатели хлеба), надсмотрщикам и всем служащим и 1028 млн долларов на уплату правительственных налогов, премий за страхование и тому подобных расходов, и эти два промышленных расхода (= 3774 млн долларов, или 7332 млн руб., т. е. по 96 руб. на каждого жителя Штатов) составляют прямой барыш страны от труда, совершаемого на фабриках и заводах Штатов. Если мы представим себе, что тысяча миллионов, или миллиард, рублей вновь затратится на русскую промышленность и что они дадут почти те же, в процентном отношении, результаты, как в С.-А. С. Штатах, то новых товаров получится в год примерно на 1300 млн руб.; служащим пойдет новых заработков в год около 275 млн руб., на сырые продукты, т. е. жителям же страны, если сырье будет русское, около 725 млн руб. и на подати и другие общие расходы около 100 млн руб. в год. Все это (в сумме 1100 млн руб.) останется в стране; все это будет новым ее приобретением, новым средством увеличить народный достаток, и нечего жалеть и плакаться над тем, что за эти прибавки полу-

чится еще 200 млн руб. в год всяких доходов предпринимателям за их труды и на погашение и интерес не только начально вложенного, но и оборотного капитала, и пусть даже все эти 200 млн руб. в год уйдут за границу — что невероятно, — все же жалеть нечего, потому что: 1) ведь промышленных товаров из-за границы выпишется меньше, наверное, не на 200, а, пожалуй, на 500—600 млн руб. (так как наша-то промышленность будет, прежде всего, получать ввозившиеся или потребляемые Россией товары) и, 2) производя товаров на 1300 млн руб. в год, легко сбывать из них за границу же гораздо более чем на 200 млн руб. в год. Баланс-то улучшится, а не ухудшится. Надо же понимать, что тут все дело лишь в производительной правильности затрат, что они в России остаются, что на должный начальный рост всей нашей промышленности надо-то всего разве первые 2—3 млрд руб. достать из-за границы, а там, при разумном ведении дела, «сама пойдет».

Видеть и помнить только уходящие из России дивиденды — значит просто жадничать и лежать как собака на сене. Ведь этот дивиденд на займы или на вложенные капиталы во всяком случае, судя по сказанному, составит никак не более, вместе со всеми барышами, как 20 % в год, Россия же получит за это ежегодно все остальное, не считая единовременного обзаводства, которое израсходуется тоже в России и ее достатки увеличит. По моему мнению, это бьет наповал всех тех, которые горячо будируют против иностранных капиталов, входящих ради промышленности в Россию. Но, сверх этого, надо вновь обратить внимание, во-первых, на то, что возбуждению русской переделывающей промышленности, если она разовьется правильно и широко без постоянных перерывов и сомнений, должен ответить вывоз части продуктов, производимых промышленностью, за границу, что и поправит баланс страны. К этому, следовательно, и должно направлять дела, не страшась непонимающих ворчунов. Во-вторых, не надо же забывать, что так быстро возросшая промышленность С.-А. С. Штатов вся возникла не иначе как при помощи иностранных капиталов, которые быстро в Америке погасились вместе со всякими долгами, оставшимися после внутренней неусобицы. То же будет и у нас, если вместо политиканства мы займемся промышленнос-

тью, опираясь на свободы, дарованные государем и вызываемые прежде всего именно надобностью в развитии промышленности. В сказанном прошу читателей видеть одну из заветнейших моих мыслей. Предмет этот завлек бы меня очень далеко, если бы я предварительно не высказал своих мыслей, касающихся способов борьбы со злом, причиняемым капитализмом, к чему теперь и обращаюсь.

Мне нечего доказывать, по очевидности, того, что фабрично-заводская промышленность, а вместе с нею горная и перевозочная в том виде, в каком они ныне сложились, страдают нередко от капитализма, жадного до больших заработков. Не вставляя промежуточных посылок, скажу прямо, что есть три способа борьбы с этим и все они более или менее имеют уже приложение в практике. В России должно изучить их и прибегать в соответственных случаях к одному из них. Эти три способа назовем: *складочными капиталами, государственно-монопольными предприятиями и артельно-кооперативными*.

Под названием складочных капиталов я подразумеваю развитие промышленных предприятий на счет капиталов мелких вкладчиков, будут ли то акционеры, непосредственно участвующие в предприятии, или действующие при помощи промышленного банка или банков государственного и частных, назначаемых не для каких-либо других оборотов, а преимущественно для основания фабрик, заводов, горных выработок и тому подобных «промышленных» предприятий. Путь этот есть тот естественный, которым теперь преимущественно идет человечество в его совершеннейших представителях. В идеале можно себе представить заводы и фабрики основанными на складочные капиталы, поступившие от самих же работников и потребителей, действующих на тех же или на других фабриках и заводах⁴². Смысл такого, на первый взгляд странного явления очень прост и основывается на том, что промышленность сама себя питает и опирается на доверие. Вот надобно, чтобы это доверие-то было, чтобы можно было верить тем, кому вверяется капитал для устройства заводов, а все остальное приложится само собою. Доверия же можно достичь широким общественным и государственным контролем, не придирчивым к букве, а реально действительным контролем, который, как

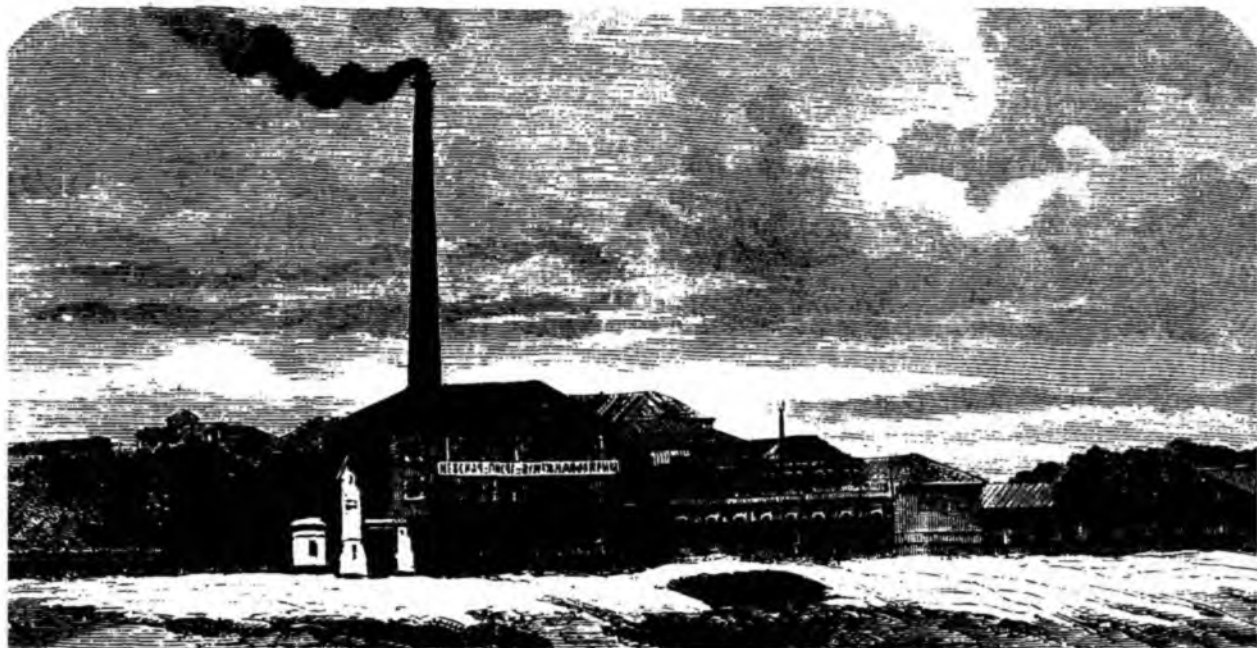
всякому известно, может отлично совмещаться со свободой действий в известных рамках, определяемых сущностью дела. Если промышленные банки будут давать хорошие дивиденды и тщательно контролировать субсидированные ими предприятия, дело может идти и быстро, и без особо новых приемов. А потому я думаю, что основание чисто промышленных банков, в особенности в соединении их со сберегательными кассами да при участии правительства и местных деятелей, обещает во многих наших делах хороший успех.

При этом способе действия капитализму в собственном смысле слова будет мало простора, если банки затеются не отдельными капиталистами, а преимущественно, при широком покровительстве государства, складочными мелкими капиталами, так как в одни руки при этом не будет попадать больших банковских кушей. Но все же нельзя закрывать глаза на то, что этот способ, практикуемый уже в более или менее широком размере, в более или менее чистом виде, не устраняет биржевой или банковской игры и наживы отдельных лиц в такой мере, какая возможна в действительности, а потому способ, названный мною складочными капиталами, составляет скорее путь для развития промышленности, чем путь борьбы с капитализмом. Он, однако, имеет то великое достоинство, что исторически вызывается и наиболее легко осуществим.

Путь казенно-монопольных предприятий, у нас теперь существующий в виде винной монополии, а во Франции применяемый в виде табачной и спичечной монополий, а также косвенный в виде тех или иных форм откупа, рекомендуется в настоящее время России с разных сторон, в особенности благодаря блестящему финансовому успеху нашей винной монополии. Но я считаю долгом сказать, что не принадлежу к поклонникам многообразных монополий по той причине, что монополии отнимают огромный заработок от народа. Не говорю о винной монополии, которую считаю не только у нас весьма уместной, но и сравнительно легко применимой, потому что дело здесь касается потребления такого продукта, без которого естественным образом люди существовать и далее развиваться вполне могут, так как по личному примеру знаю, что, будучи неленивым работником, я на своем веку никогда водки не пил

и даже вкус ее знаю очень мало, не больше вкуса многих солей и ядов. Можно причислить сюда же и табак, хотя я сам курю, потому что и эта потребность людская прихотлива, не составляет потребности насущной, и пользующихся ею получать косвенные государственные доходы считаю вполне целесообразным потому именно, что дело касается не всех, а лишь немногих. Монополии, конечно, представляют многие свои финансовые достоинства и хорошее средство для борьбы с капитализмом, а потому, говоря кратко, я склоняюсь в пользу винной и табачной монополий, но только именно их, но не каких-либо иных, которые предлагаются с разных сторон, например: сахарной, спичечной, чайной, нефтяной, даже железной и т. п. — по той причине, что монополии не дают места конкуренции и вообще сильно стесняют промышленную предприимчивость, а ее у нас нужно именно развивать, убивать же в зародыше — просто грех, а развивать можно только при свободе конкуренции, прежде всего выступающей именно в видах промышленности, наиболее доступных и потребных всем жителям, каковы и суть перечисленные выше, производящие и распределяющие сахар, чай, керосин, железо, спички и тому подобные всем надобные товары. Интересы Государственного казначейства при свободе конкуренции легко соблюсти с помощью соответственных налогов, между которыми со своей стороны косвенные налоги, вроде сахарного и спичечного, считаю совершенно уместными, а если закон будет строго преследовать всякого рода обманы и фальсификации общедоступных продуктов, то, не погашая предприимчивости, достигнутся и улучшения в качестве продуктов. Только надобно, мне кажется, желать, чтобы здесь действовали силы довольно разнородные, а не одни и те же производили обложение и контроль, потому что при этом сочетании легко могут получаться всякие неудобства и риск предпочтения «казенного интереса» общественно-народному, чего быть не должно ради блага народного.

Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма со своей стороны считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически

Здание писчебумажной фабрики Варгуниных. Гравюра XIX в.

привык и к артелям, и к общинному хозяйству. Для меня дело рисуется в особенности удовлетворительно при том условии, если крестьяне-земледельцы, занятые преимущественно в летнюю пору, для зим устроят подходящие фабрично-заводские виды промышленности и будут иметь у себя на месте прочный заработок, продолжая летом только необходимейшую часть дела, т. е. не оставляя исторически привычных сельскохозяйственных занятий; кустарная промышленность этот характер в основании и носит, но, предоставленная случайностям встречающихся сочетаний, дает начало мелкому капитализму скупщиков и т. п., так называемых «кулаков». Однако это не «большие кулаки», а это «кулаки малые», свою пользу народу приносящие, и мне кажется, что, изучив это дело больше, чем оно доньше изучено, и отнесясь к нему с созидательной, а не описательной стороны, можно его развивать в должном виде для вящего народного блага, т. е. для сильного увеличения народного достатка и промышленности. Земства, покровительствующие кустарным видам промышленности разными способами, это ясно и давно поняли, но надобно, чтобы государство не одними законами, но и прямо банковскими пособиями пришло здесь на помощь и чтобы возбуждались не только мелкие домашние виды переделки, обыкновенно под «кустарными» подразумеваемые, но и более крупные, требующие капиталов для начального обзаведения и текущего производства, каковы, например, металлургия, вся керамика, стеклоделие, прядение, тканье, крашение, производство машин, экипажей и т. п. В особенности ясна возможность этого при знакомстве с Уралом, где многие металлургические дела ведутся издавна артельными приемами, хотя и в сильной доньше зависимости от предпринимателей или руководителей, что может быть во множестве отношений если не уничтожено, то сокращено до возможно малого значения, и полагаю — с пользой для хода дел, конечно, при том условии, что и для простых участников рабочих артелей будут открыты доступы к высшим видам образования.

Рисуется дело для меня в таком виде, что многие предприятия могут быть переданы, с надлежащим контролем, артельно-кооперативному хозяйству. Наиболее легко выполнимо это по отношению к некоторым ныне убыточным казенным заводам и к основанию новых заводов, а отчасти при выкупе задолженных частных заводов, которым все равно приходится — ради судьбы рабочих — выдавать субсидии от правительства. Возможность всего этого в настоящее

время, когда действует уже множество коопераций, например потребительных, не только за границей, но и у нас, мне кажется очевидно, а развивать дело можно до великого преобладания, разумно сливая в одну кооперацию как образованных руководителей и надсмотрщиков всякого рода, так и исполнителей и работников всех категорий. Дело, конечно, окажется в каждом частном случае очень сложным, но велико заблуждение тех, которые думают, что предстоящее России можно выполнять легко и просто, одним махом руки или одними пламенными желаниями и горячими речами, да узаконенными предписаниями, скопированными с «примера Западной Европы», какого для заводов-то почти нет. Надо свое обдумать, попробовать, видоизменить и — доходить до конца, а не бросать зря. Сложности бояться, мне кажется, не для чего, потому что при надлежащем призыве сметливые и добросовестные люди в России найдутся, по крайней мере, по моему глубокому убеждению. Да и «казенные интересы» при этом не пострадают, а даже выиграют, если только их не ставить, как ставится у нас зачастую теперь, в особенности под влиянием лишь формального контроля, на первейший план. Однако и тут не вдамся в многословие не только ради краткости всей статьи, но и потому, что только при подробнейшей разработке отдельных случаев жду выходов, обещающих практическую пользу, а не удовлетворение одних добрых пожеланий, которыми, как известно, устлана ад.

Как бы то ни было, всемерно надобно на первом плане ставить развитие в России фабрично-заводской переделки, а этого совершенно нельзя сделать без вложения капиталов и без участия в делах этого рода как правительственного кредита, так и передовой образованности. При помощи одних рабочих сил и общих законов тут ровно ничего сделать нельзя: нужны знание частных дел, постоянное изучение, труд преимущественно мозговой, доверие и капиталы. Начинать здесь надобно с разнородных частных дел, а всякое огульно общее решение вперед должно считать гибельным.

Знаю, что эти стороны дела понимаются уже многими, но, сколько я ни читал за последнее время печатанного в указанных отношениях, везде встречал сразу первый вопрос:

откуда правительству взять капиталы для роста и покровительства внутренней промышленности? Ответ находим везде почти один и тот же, что будто бы нужно увеличить доходы казны через обложение жителей, так как всегда предполагают, что правительство должно платить громадные проценты по капиталам, им влагаемым в промышленные дела монопольного или частного характера. Вот с этим я совершенно не согласен. Когда правительство затевает войну, ее результаты, даже вполне благоприятные, могут отозваться только в отдаленнейших поколениях. Когда затевается новая железная дорога, или устраиваются порты, или предпринимаются большие сельскохозяйственные улучшения, например осушение или орошение, тогда также проценты и погашение могут получаться только в некотором отдаленном будущем. Переделывающая промышленность совсем не такова. Она тем глубоко и отличается от сельскохозяйственного вида промышленности, что поворачивает капитал быстро, как видно уже из чисел, вышеприведенных для С.-А. С. Штатов, и как видим даже по многим отдельным русским примерам. Понятно, что два-три года нужны для постройки и оборудования данной копи, фабрики или завода, но затем дело быстро себя оправдывает. Конечно, не всякое, но если затеваются разумные, мировым и местным интересам отвечающие виды промышленности, приносившие к условиям рынка местного и всемирного, да если вся организация ведется открыто и по соревнованию, то в общем целом успех несомненен и, пользуясь этим, доверие, а следовательно, и капиталы отыскать, при правительственном участии, думаю, очень легко, даже потом и не выходя на заграничные биржи. Зло капитализма во многом зависит от того, что предпринимателям, несущим весь риск и полным всякой готовности, приходится втихомолку прибегать к капиталистам для получения тех средств, без которых нельзя ни основать завод или фабрику, ни вести правильную торговлю произведенными продуктами. Вот тут-то и должно ждать, по моему мнению, прямого, открытого содействия промышленного банка, покровительствуемого и гарантируемого государством, понимающим народное значение в наше время всего развития промышленной производительности народа.

Полагаю далее, что при обдуманном и открыто производимом, при должной обстановке, покровительстве промышленности наше правительство может свободно доставать не только процентные займы, но и выпускать беспроцентные ассигнации, т. е. печатать их в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Все, что мне известно по отношению к запасам золота в России, показывает, что золотая обеспеченность ассигнаций у нас выше, чем в других промышленных странах, и это правильно, пока страна находится преимущественно в сельскохозяйственном быту, но это совершенно излишне, когда она явно перейдет сама и станет переводить открыто свой народ в эпоху промышленную. Сельскому хозяйству не доверяют, и доверять, по правде, нельзя. Ему нужны — у нас особенно — неисчислимы капиталы, так как дело касается таких пространств, как наши, тогда как для промышленности нужно не только меньше капиталов для получения явных результатов, но и доверие к себе промышленность во всем мире возбуждает уже большее, чем сельское хозяйство. Только я здесь не премину сказать, переходя к числам табл. 3, что, ставя на первый план промышленное развитие, не должно забывать и сельскохозяйственное, а потому, учреждая не один, а многие промышленные банки, следует в то же время не забыть и о сельскохозяйственных банках, потому что главная моя мысль состоит именно в том, что для будущего России наиболее хороших результатов можно ждать при развитии промышленности рядом с естественно должествующими совершаться развитием и ростом сельскохозяйственной производительности.

Обращаясь к 43-му столбцу нашей сводной таблицы, должно прежде всего указать на то, что из числа 5,1 млн жителей, занятых ремесленной и фабрично-заводской промышленностью, большинство относится к первому разряду, т. е. к лицам, дома занимающимся приспособлением природного сырья к современным потребностям, в особенности если сюда причислить кустарей, хотя в них уже виден переход к фабрично-заводским производителям. Была эпоха, когда вся передельвающая промышленность имела этот домашний характер, и эта эпоха, несомненно, в свое время была передовой и послужила началом для наступившей ныне промышленной эпо-

хи. Фабрики представляют произведение новейших времен, и можно сказать с уверенностью, что их высший возраст не более 100 лет, но чем дальше, тем, наверное, они более и более приобретут свое значение, потому что они, с одной стороны, наилучше отвечают началу разделения труда, а с другой — уменьшению количества людской работы в деле переработки, так как на них или действуют механические двигатели, производящие работу, выполнявшуюся сначала людьми, или скопляются массы передельваемых товаров, облегчающие всякое с ними обращение именно вследствие своего скопления, потому что только при этом скоплении возможна наибольшая экономичность в расходе труда⁴³. Вся сущность фабрик и заводов состоит именно в этой экономии труда. Железо можно по пудам или фунтам производить в кузнечном горне, но дешевле всего оно обходится тогда, когда сразу и непрерывно производится ежедневно тысячами пудов при помощи доменных, пудлинговых, мартеновских и тому подобных печей, потому что тогда на данное количество железа или стали падает гораздо меньше людского труда, считая и тот труд, который затрачивается на добычу всех побочных материалов, в особенности топлива. Как бы кому ни хотелось сохранить все производство в домашнем обиходе, как об этом ни хлопчут даже сами промышленники, заботясь о малых домашних двигателях и о средствах для получения в малом виде высоких температур, но в настоящую минуту не подлежит сомнению, что все, могущее производиться фабрично-заводским образом, по ценности убивает производство ручное или в отдельных малых домашних предприятиях. Исключение составляют, конечно, товары, в которых личные вкусы рабочих имеют свое большое значение⁴⁴, но таких товаров очень ограниченное количество, потому, во-первых, что в потреблении наиболее распространяются только дешевейшие товары, а во-вторых, потому, что более дорогие произведения ручного труда сохраняются обыкновенно с большей тщательностью, именно вследствие их относительной дороговизны. Было время, но оно уже давно прошло, когда против фабрично-заводских продуктов говорило их низшее качество, но подобно тому, как прочность ручного полотна стала уступать прочности фабрикованного, близкого

Бурлаки на реке Шугоре. Гравюра XIX в.

по цене, но все же более дешевого, так с усовершенствованием фабрично-заводского производства, несомненно, то же наступает и во всех других отраслях.

Если считать вместе ремесленников и фабрично-заводских рабочих и предпринимателей, в России их всего 5,1 млн, или около 4 % всех жителей. Это число, вместе с далее следующими, показывает, что Россия встала на промышленный путь, но еще очень слабо, как увидим немного далее, когда приведем некоторые цифры для С.-А. С. Штатов, и как видно уже из того, что народу у нас в 2 раза более, чем в Штатах, а наша фабрично-заводская промышленность вырабатывает в год товаров по цене в 10 раз менее, чем С.-А. С. Штаты. В разных краях России отношение между жителями, занятыми сельским хозяйством и перерабатывающей промышленностью, весьма неодинаково, колеблясь около общего отношения 17,3 : 5,1, т. е. как 3,4 : 1. В Подмосковной земле на 1,1 млн земледельцев приходится 0,9 млн промышленников-передельвателей, т. е. числа почти уравниваются, на одного промышленника около 1,2 земледельца. Превосходство — по численности — промышленников над земледельцами нигде не достигается в России, а в некоторых других странах уже произошло во многих местностях. Однако в Петербургском крае отношение (480 тыс. : 385 тыс.) почти такое же, как и в Подмосковной земле. В Польском крае на 1,2 млн земледельцев 0,5 передельвателя-промышленника, т. е. превосходство составляет в 2,5 раза. Зато есть края, где промышленников-передельвателей несравненно меньше, например, в Среднерусском крае на 1 промышленника приходится 4,7 земледельца. Если принять во внимание то соображение, что земледельческое сырье, взятое в целом добывается с гораздо меньшим трудом, чем передельвается для потребления, то уже из отношения числа передельвателей и земледельцев очевидно, что Россия свое земледельческое сырье не передельвает

На Свирском пароходе. Гравюра XIX в.

в должном виде, т. е. сдает потребителям, как своим, так и заграничным, в таком необработанном состоянии, в котором оно ценится, по крайней мере, вдвое ниже, чем в готовых состояниях, как видно даже на самых грубых примерах, начиная с ценности пуда муки, макарон и т. п.

Перейдем, однако, к дальнейшим столбцам табл. 3. Перевозка (столбец 44) с древнейших времен распадается на два вида: сухопутную и водную; воздушной не было, и я думаю, что для товаров ее никогда не будет, хотя сообщение по воздуху для людей и почты, вероятно, удастся осуществить, благодаря проявляемой здесь настойчивости. Сперва, при начальном своем развитии, всякая перевозка обходится дорого, потому что стоит много труда людского, а все промышленное ее усовершенствование назначается к ее удешевлению, которое с пароходами и железными дорогами, как всякому известно, достигло того, что везде, где можно, люди уже избегают первичных видов перевозки. В столбце 44 приведен счет числа лиц, занятых не только разными видами сухопутной и водной перевозок, но и почтою, телеграфом, телефонами и тому подобными видами сношений. Общее количество таких лиц, близкое для России к $3/4$ млн, составляет и 0,6 % всех жителей. Над этим числом, как и над численными отношениями в разных краях, не считаю нужным останавливаться потому, что уже прошло время, когда нужно было доказывать у нас (впрочем, было время на то и всюду) общую народную пользу дешевой перевозки. Что другое, а это поняли наконец и перестали плакаться хоть о том, что народ уже не тянет лямки барок и не возит на тысячи верст товары гужом.

О развитии пароходства как по морям, так и по рекам и о возрастании числа железных дорог хлопочут повсюду, все это понимается легко. Считаю, однако, долгом высказаться в том отношении, что и здесь чрезвычайно многие желали бы, чтобы все делало правительство при посредстве своих служащих. Мое личное мнение в этом отношении сводится к тому, что участие правительства здесь весьма важно, так как понижение ценности перевозки тогда может быть сообразно с народными надобностями, но мне кажется, что в этом деле всякое утрирование совершенно излишне и во множестве случаев даже вредно, потому что соревнование частных лиц может давать не меньшие гарантии удешевления, чем правительственная постройка и эксплуатация. Но все же я желал бы, чтобы при посредстве сильного промышленного банка правительство помогло этим важнейшим народным надобностям по той причине, что оно одно

может дешево доставать большие капиталы, необходимые для устройства многих способов сообщения, в особенности больших железнодорожных линий, и в организации дешевого морского вывоза наших продуктов. Особенно важно, мне кажется, пользование приемами, подобными тому, который создало «Общество пароходства и торговли», так как с развитием промышленных сил России и производства отправляемых из нее товаров иностранные потребители могут многое отнять от России, если будут исключительными морскими перевозчиками наших товаров. Не надо забывать, что в настоящее время более 70 % отправляемых нами товаров идет, во всяком случае, морем, а железные дороги имеют в этом отношении значение лишь подвозных путей. Перевозка (и все иные виды сношений) имеет особо важное значение именно для переделывающей промышленности и торговли, в связи с которыми всегда развивается и рассматривается⁴⁵, но для громадных расстояний России их значение, даже прямо объединяющее, особенно велико.

Между промышленниками одними из первых (исторически) возникли торговцы, тотчас после минования первичного патриархального быта. Русские торговали издревле, и торговые склонности в русском народе, несомненно, существуют, между прочим, вероятно, по той причине, что торговая деятельность обыкновенно сопряжена с малой внешней работой, хотя с немалым трудом расчетов, соображений и т. п. Однако русскую торговлю, даже в наше время, нельзя считать ни однообразно и широко развитою, ни образцовою в каких бы то ни было отношениях, как видно уже из того, что среди торговцев у нас много иностранцев, а «запрос» и торговые обманы встречаются еще в изобилии со стародавних времен, хотя и тут свои передовые люди по-немножку заводятся уже и в московской среде.

Число всех торговцев России, перечисленных в столбце 45, достигает до 1,5 млн, в 2 раза превосходит перевозчиков, но во много (почти в 15) раз меньше числа земледельцев и переделывателей; эти отношения, можно сказать, были бы удовлетворительными, если бы наша торговля не отличалась большой узостью и не имела в виду почти исключительно только внутренний спрос да прямой спрос, заявляемый иностранными торговцами, т. е. если бы она сделалась более правди-

вой, широкой и предприимчивой, изучающей и понимающей способы роста потребностей и надобностей, в мире существующих. Недостатки нашей торговой предприимчивости видны на каждом шагу, как только узнаешь сколько-нибудь ближе на месте заграничные спросы и отношения. Повторю грубый пример, приведенный мной уже в моих «Заветных мыслях»

Всякий русский, ездивший за границу, знает, что в России кондитерские изделия всякого рода, начиная от простых карамелей и варенья до конфет высших сортов, не только лучше, чем где бы то ни было, но и дешевле, и вместо сбыта за границу сахара-сырца нам бы следовало позаботиться о сбыте сахарных изделий. На вид это кажется мелочным, но изделия этого рода потребляются в мире огромнейшими количествами, а Россия со своим изобилием земель, со своей производительностью фруктов и сахара всяких сортов может на десятки миллионов отправлять за границу товаров этого рода. Через меня самого шли подобные предложения. Мне отвечали у нас, что делами этого рода наши производители заниматься не могут. Торговец должен уметь найти сбыт всему тому, что может производить страна, а через этот сбыт должен возбуждать внутреннее производство. Торговцы умеют и дикарей заставлять собирать каучук, подвозить красное и черное дерево, добывать страусовые перья и слоновую кость. Торговцы находят сбыт и для никому, по-видимому, ненужных японских товаров, и для избытка апельсинов, производимых некоторыми странами, а у нас почти все избыточное, но всюду спрашиваемое, вроде хлеба, яиц и масла, скупается не по нашей инициативе для заграничного вывоза, а присланными оттуда агентами, умеющими попутно сбывать нам немало товаров, которые мы могли бы производить дома. И вот эта-то сторона дела в России чрезвычайно мало развита.

Министерство финансов, когда ведало промышленностью и торговлей, старалось немало сделать для поднятия коммерческого образования, но весьма мало помогало разбираться в новых для нас вопросах мировой торговли и мало содействовало ее росту теми способами, которые были в его распоряжении. Со своей стороны я думаю, что вновь учрежденному Министерству торговли и промышленности предстоят задачи чрезвычайной на-

Торговец съестным. Гравюра XIX в.

родной важности, а именно единовременное, так сказать параллельное, развитие как внутренней производительности, так и внешней торговли, потому что одной внутренней нам, очевидно, обойтись в ближайшее время нельзя, да и впредь никогда обходиться не следует, так как в сношениях стран заключается задаток мирного развития, а Россия, с ее неисчерпаемыми природными источниками и мало утилизируемыми силами народа, как раз готова больше, чем какая-либо другая часть мира, к быстрейшему росту промышленности и торговли. Но и этот предмет, уже отчасти рассмотренный в моих «Заветных мыслях», я должен — краткости ради — оставить, потому что в подробности, здесь в избытке необходимые, входить мне совершенно неуместно. Только все же скажу еще раз, что о своем морском вывозном флоте нам следует думать крепко и настойчиво его выстроить: это и есть единственная школа и для военного флота, а начинать следовало бы с Ледовитого и Черного морей да с Великого океана.

Относительно процентного числа торговцев в разных краях заметим только, что столичные края и местности, в которых лежат наибольшие города, имеют здесь очевидный перевес. Так, в Петербургском и Подмосковном краях торговцев имеется 2,3 и 1,7 %, в Польском и Южно-Русском краях — 1,6 и 1,7 %, а наименьшее количество торговцев имеется в краях, подобных Южно-Сибирскому, где их немногим более полупроцента.

В столбце 46 помещены домохозяева промышленников, перевозчиков и торговцев. Их всего числом 11,8 млн на общее количество зарабатывающих лиц, равное 7,3 млн, т. е. на одного зарабатывающего здесь приходится только 1,6 домохозяина или гораздо меньше, чем у добывателей (столбец 42). Это отношение примечательно, показывая, что промышленность как будто не приглашает к семейственности, на что не нужно закрывать глаза.

В следующих затем трех столбцах (47—49) помещен счет лиц, живущих или в качестве прислуги и поденщиков, которых насчитывается в России около 3,5 млн, или от заготовленных средств (столбец 48), как владельцы капиталами, или получающие пенсии или содержание от других жителей. Число лиц этой категории тоже небольшое, а именно около 1,4 млн, и примечательно, что их наибольший процент приходится на Петербургский и Польский края. Притом их везде примерно в 2 раза меньше, чем лиц предшествующей категории, занятых как прислуга, поденщики и т. п.

В 49-м столбце перечислены лица, или не заявившие о способах, которыми они живут, или заключенные за свои проступки, или занятые неопределенными и сомнительными видами

промысла, например проституцией. Общее число таких лиц, равное 851 тыс., все же в России сравнительно невелико по отношению к тому, что известно для других стран. А тут-то и содержится истинный пролетариат, или настоящее бедствие человечества.

В столбце 50 указано около 4 млн домохозяев трех предшествующих категорий. Число это показывает, что во всех них меньше развито семейственности, чем у лиц, занятых какими-либо другими, более производительными делами. Действительно, здесь больше лиц, перечисленных по родам своих занятий, чем их домохозяев, а именно первых 5,2 млн, а вторых только 4,0 млн. Если сложить общее количество как домохозяев, так и лиц, указанных в столбцах 47—49, то получится 9,2 млн, что составляет около 8 % всего числа жителей. Но нельзя забывать, что здесь преобладает прислуга, в количестве около 3,5 млн. Мое личное мнение состоит в том, что в будущем личная прислуга будет избегаться и пропорционально уменьшаться, в особенности по мере того, как будет уменьшаться число лиц, обеспеченных капиталами и не занятых какими-либо общепольными делами.

Теперь мы перейдем к трем последним столбцам табл. 3, содержащим то поучительное деление на кормильцев и домохозяев, которое мне кажется понятным для каждого русского человека. Кормильцы и домохозяцы в России распределены так:

	Кормильцы	Домохозяцы	Сумма	%
	млн			
Общественные деятели: а) гражданские; б) военные и в) профессиональные, всего	2,2	1,7	3,9	3,0
Добытатели: г) охотники и т. п.; д) земледельцы и ж) горнопромышленники	18,8	76,7	95,5	74,5
Промышленники: з) фабрично-заводские; и) по перевозке и к) торговцы	7,3	11,7	19,0	14,8
Живущие: л) как прислуга; м) готовыми средствами и н) неизвестно чем	5,7	4,0	9,7	7,7
Итого	34,0	94,1	128,1	100

Кормильцев всего 34 млн (около 26,5 % против числа всех жителей), а так как хозяйств всего 22,5 млн (столбец 33), то примерно из каждых двух хозяйств в добыче заработков участвуют 3 чел., а так как каждое хозяйство состоит в среднем из 5 ¹/₂ чел., то из них 4 чел. получают содержание от остальных и каждый рабочий или распорядитель средств должен в среднем прокормить (вместе с ним самим) около 3 ³/₄ чел., т.е. кроме себя самого обеспечить всю жизнь еще 3 лиц.

Это число абсолютно и относительно многих иных стран велико и рисует наше положение с особою яркостью: мы трудимся немного, а тягот должны выносить много; следовательно, у нас первые, бедные или ограниченные условия жизни достаются еще легко. Не о достатке приходится думать, а как бы только прожить кое-как. Нужда пришла — видно в цифрах, и она есть первая причина всяких успехов, на путь к достижению которых теперь и призывается Россия. Этот путь один: развитие промышленного трудолюбия и просвещения.

Но оставим эти всем знакомые «общие места», а лучше опять обратимся к числам, которые, по мне, назидательнее и даже принудительнее всяких «красных слов».

В нашей переписи 1897 г. везде отличен счет мужчин от женщин, а потому и в числе кормильцев это распределение сделано. Оказывается, что из 34 млн кормильцев 27,5 млн мужчин

(столбец 51) и 6,5 млн женщин (столбец 52), т. е. домохозяйцы живут не только при помощи домашних хлопот женщин по хозяйству, но и прямо заработками или средствами женщин, участвующих в производительном труде страны в пропорции 23,5 женщины на 100 мужчин. Пропорция эта, по отношению к участию женского труда, сильно возрастает в таких краях, как Подмосковский (на 100 мужчин кормильцев женщин уже 40) и сильно падает для таких краев, как Закавказский, Закаспийский и Южно-Сибирский (так, в последнем на 100 мужчин кормильцев менее 7 женщин), показывая, что и у нас явно началась мировая эволюция, состоящая не только в необходимости увеличения относительного числа трудящихся, но и в возрастании участия женщин в промышленном и всяком ином производительном труде. Надо полагать, что будущие переписи покажут это для России с очевидностью, хотя в делах этого рода крупные перемены идут лишь очень медленно.

В заключение считаю полезным сообщить несколько крупных чисел, касающихся распределения жителей по занятиям в С.-А. С. Штатах. Но и тут постараюсь быть очень кратким, ради чего и избегаю подробного сличения с другими странами, тем более что американские переписи самые отчетливые и полные.

По 12-му переписи С.-А. С. Штатов, т. е. переписи 1900 г., на 76 млн жителей (без Аляски, Филиппин и т. п. и без войска) в Штатах было всех хозяйств 14,4 млн и 29,1 млн кормильцев, т. е. на хозяйство в среднем приходится по 5,3 чел., значит, число почти такое же (5,5, столбец 33), как и в России, что не лишено особого значения. Но на одно хозяйство приходится более двух кормильцев, т. е. рабочих более, чем у нас, — по пропорции. По тому же переписи, всех занятых работами, или, по вышеприведенной терминологии, кормильцев было в 1900 г. 29,1 млн, откуда следует, что число домохозяйцев = $76 - 29 = 47$ млн, или на 1 кормильца приходится, вместе с ним самим, не по $3\frac{3}{4}$ или не по 4 почти, чел., а только по 2,6, или около 2,5 чел. Эти числа и им подобные явно иллюстрируют ту мысль, что у нас трудится —

в среднем — еще очень немного. Между занятыми 29 млн жителей С.-А. С. Штатов 23,7 млн мужчин и 5,3 млн женщин, т. е. на 100 мужчин $22\frac{1}{3}$ женщины, или опять отношение почти такое же, какое существует у нас. Только пропорциональное отношение кормильцев ко всему населению у нас много меньше. Для того чтобы ясно выразилась последняя моя мысль, приведу еще крупные цифры для Германии и Франции, но замечу предварительно, что в числе кормильцев в обеих странах не считана вовсе прислуга (во Франции и Германии примерно 1,5 млн), не считаны также лица, живущие собственными доходами (как не считаны они в числе кормильцев С.-А. С. Штатов): во Франции рантьееров около 1,5 млн, а в Германии около 2 млн. Оказывается, что во Франции в 1891 г. на 38,1 млн жителей трудовым заработком занято было 14,6 млн, т. е. 38,3 %, а в Германии в 1895 г. на 51,8 млн жителей — 20,8 млн, т. е. 40,1 %. Эти числа, взятые из соответствующих переписей, столь явно превосходят наше число (вместе с прислужкой и живущими доходами, даже с военными) 26,5 % и превышают число работающих в С.-А. С. Штатах, где около 38 % работающих.

Распределение жителей по родам и видам занятий в переписях С.-А. С. Штатов дается очень подробное, и весьма оно поучительно по той причине, что показывает изменения, происходящие с течением времени. Коротенькое извлечение, приводимое вслед за сим, надеюсь, это ясно показывает, хотя относится только до 20-летнего срока: 1880—1900 гг. Оно типично и ясно (см. табл. на с. 102, сверху).

Абсолютно с годами прибывает число миллионов как земледельцев, так и промышленников, но сперва первых (7,7 млн) больше, чем вторых (5,6 млн); затем числа приравниваются, а потом обратно: *число промышленников (11,9 млн) берет верх над числом земледельцев (10,4 млн)*, что в процентах становится еще более ясным, а с течением времени, когда распашут пустые земли, будет становиться все яснее и доказательнее, у нас же на 17 млн земледельцев — около 7 млн промышленников, перевозчиков и торговцев. Преобладание промышленников составляет сущность современной эволюции, предвестник предстоящего и то, чего многие даже из передовиков у нас еще не поняли, потому что это идет спокойно, хотя и твердо, без руководительства

К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

Год	Все жители, млн (а)	Жители, зарабатывающие разными способами, млн (б)	Заняты сельскохозяйственными работами (столбцы 31 и 49)			Заняты фабрично-заводскими промыслами, торговлей и перевозкой		
			млн	% к (а)	% к (б)	млн	% к (а)	% к (б)
1880	50,2	17,4	7,7	15,4	48,3	5,6	11,2	32,5
1890	62,9	22,7	8,6	13,6	41,9	9,0	14,3	39,6
1900	76,0	29,1	10,4	13,7	39,6	11,9	15,6	42,2

ва греко-латинскими преданиями. В древности этого не бывало, революциями этого не достигалось. Это естественный, новый плод умножения народонаселения, знаний, потребностей и достатков. Пока этого не поймут — старая чепуха неизбежно будет повторяться. Если наша Государственная дума и все правительство хотят добра народу, а себе вечной славы, они должны понять эти новые начала и положить их в основу своих действий и усиленно — всякими законами — покровительствовать расцвету промышленности. Социалисты тут кое-что увидели и даже отчасти поняли, но сбились, следуя за латинщиной, рекомендуя прибегать к насилиям, потворствуя животным инстинктам черни и стремясь к переворотам и власти.

В указанном — мировое новшество и залогом предстоящего мирного решения внутренних и внешних недоразумений. Пойдем же твердо вперед по этому пути. В нем весь рост.

Для 1900 г. приведем и некоторые подробности по отношению к общему числу «кормильцев». В С.-А. С. Штатах всего кормильцев насчитано для 1900 г. 29 млн (38 %) на 76 млн всех жителей, а у нас в 1897 г. было — без военных — 33 млн (менее 27 %) на 127 млн всех жителей, опять без военных, которые в американских цензусах в общий счет не введены, что принуждает для сравнимости чисел то же сделать и по отношению к России. В прилагаемой таблице исключены также лица, перечисленные выше в столбцах 48 и 49, потому что они не содержатся в американском списке «Population engaged in gainful occupations». Пусть же у нас кормильцев, тружеников мало, но очень поучительно узнать, как они распределены у нас и в С.-А. С. Штатах. Для сравнения приводим таблицу, где даются и абсолютные и относительные числа.

	Тыс. лиц (м. и ж.)		Относительное (процентное) количество	
	Россия 1897 г.	С.-А. С. Штаты 1900 г.	Россия	С.-А. С. Штаты
Деятели гражданские и профессиональные ⁴⁶ (столбцы 35 и 37)	1019	1389	3,3	4,8
Земледельцы, животноводы, рыболовы, лесоводы (столбцы 39 и 40)	18653	10450	60,8	35,9
Занятые горными промыслами (столбец 41)	182	564	0,6	1,9
Занятые при переделывающих видах промышленности (столбец 43)	5096	6454	16,6	22,2
При торговле и видах перевозки (столбцы 44 и 45)	2249	4767	7,4	16,4
Прислуга (столбец 47)	3494	5449 ⁴⁷	11,3	18,8
Итого	30693	29073	100,0	100,0

Выводы при сопоставлении сами бросаются в глаза, но все же остановим внимание прежде и сильнее всего на том, что, несмотря на то что в России 128 млн жителей, а в С.-А. С. Штатах только 76 млн, т. е. чуть не в 2 (точнее в $1\frac{2}{3}$) раза менее, число тех жителей, которые кормят остальных, их блюдут и составляют истинную силу страны, у нас и в С.-А. С. Штатах почти одно и то же и близко к 30 млн, что составляет для России менее 24 % всех жителей, а для Штатов более 38 %. Вот где надо искать корень всех наших бед и всей нашей бедности. Свобода совмещается удобно с трудом и особенно ему-то и надобна. Никакие законы, самые наилиберальнейшие, ничего для страны не сделают, если надобность, примеры и рост сознательной разумности не внушат потребности и любви к труду. Знаю, что ни строгости, ни усиленные обложения податями, ни политиканство тут ничем помочь не могут, пожалуй, даже еще усилят зло, побеждать же его могут только истина и добро, образование и дружное согласие⁴⁸.

Если от абсолютного и общего обратимся к частностям, тут дело выясняется с очевидностью. У нас все первично, начиная с относительного преобладания земледелия, зачаточности горной добычи и малого развития необходимой уже людям деятельности служебно-гражданской и всякой профессиональной.

Цифры сами говорят, а потому перехожу к другим предметам, заключив свод данных переписи выводом, из нее прямо вытекающим: мы, русские, трудимся еще очень мало и трудимся на поприщах, которые уже переросли. Понять это пора, хотя из-за леса образованность наша деревьев-то и не видит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

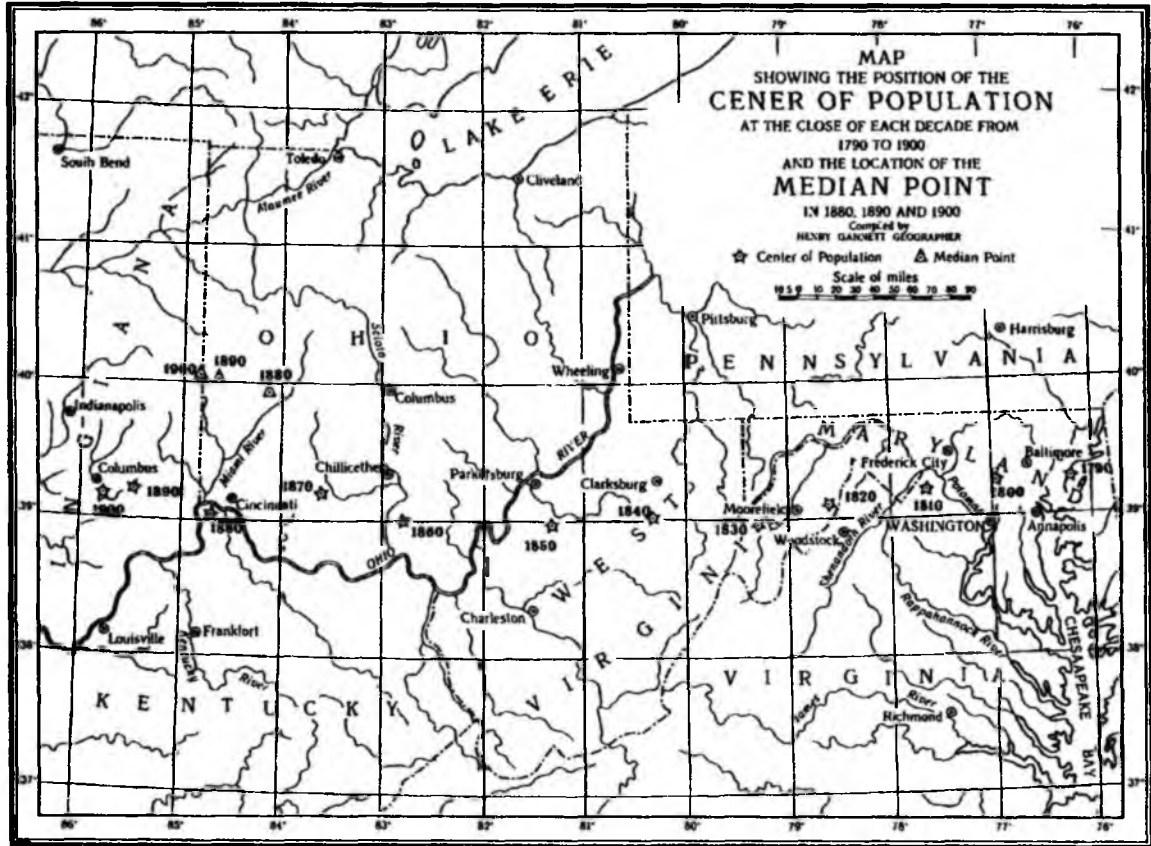
О ЦЕНТРЕ РОССИИ

е только страна, но даже и каждое отдельное имение имеет свой центр, но понятие о нем может быть очень разнообразным. Прежде всего центр может относиться просто к пространству или к площади, занимаемой страной, или хотя бы отдельною ее частью. Такой центр совершенно точно отвечает центру тяжести, который можно находить не только для тел, но и для поверхностей, линий и суммы точек, по правилам совершенно несомненным и на деле оправдывающимся тем, что тело, или площадь (например, листок бумаги), или линия (например, в реальности — тонкий прямой прут), поддержанные или подвешенные в центре тяжести, могут находиться в равновесии при каком угодно относительном положении своих частей, т. е. повернутые в ту или иную сторону. Для площадей правильных, например квадратов, очерченных параллельными линиями, или для кругов центр их фигуры будет и центром тяжести площади. Центр поверхности местности найти поэтому фактически чрезвычайно легко, если имеется план или карта, выражающие очертание местности. Стоит вырезать этот план, начерченный на равномерно толстой бумаге, подвесить за какую-нибудь крайнюю точку и начертить на плане отвесную линию от точки подвеса, например продолжение той нити, на которой повешен план. Взяв многие точки на окружности плана, получим, что все линии, таким образом начерченные на плане, пересекутся в одной точке, которая и будет *центром поверхности*.

Такой способ нахождения центра поверхности строго применим, однако только по отношению к плоскостям. Но если дело касается небольшой части земной поверхности, например уезда или губернии, то, пользуясь картой, без сколько-нибудь ощутимой погрешности, можно точно определить центр таким же способом, в особенности если очертания поверхности лишены больших искажений или мало удаляются от прямых линий и дуг круга, описанного из центра тяжести, а относительные величины поверхностей (в природе и на карте) сохранены или изменены лишь незначительно. Если же дело касается очень больших поверхностей, расположенных, как страны, на поверхности шара или сфероида, каким и представляется Земля, и очертания удаляются от указанных условий, то, конечно, вышеприведенный способ не применим уже по той причине, что план или карту такой поверхности на плоскости нельзя выразить с полной точностью, а неизбежно необходимо выражать, как это делают географические карты, с известной мерою искажения, и чем больше поверхность страны, тем это искажение будет больше по своей абсолютной и относительной величине. Притом истинный центр тяжести любой части шаровой поверхности лежит, очевидно, не на ней, а внутри шара; отыскивается же центр, лежащий на самой поверхности. Поэтому для нахождения центра тяжести поверхности большой страны рациональнее всего отыскать сперва положение внутри Земли находящегося центра тяжести шарообразной поверхности и затем, проведя радиус, найти, с какой точкой поверхности пересекается этот радиус, проведенный через истинный центр тяжести взятой части земной поверхности.

Сущность того приема, который применен далее для определения центра России, заключается в предшествующих соображениях, но раньше, чем говорить о практических подробностях

Копия карты С.-А. С. Штатов США, показывающей перемещение центра населения с 1790 по 1900 г. (центры обозначены звездочками)

приемов нахождения центра России, необходимо, во-первых, объяснить те разнообразные смыслы, в которых можно признавать понятие о центре страны, и, во-вторых, указать те соображения, которые заставляют искать положение центра страны, понимаемого в том или ином смысле. Прежде чем обратиться к этим двум предметам, заметим предварительно, что отыскание центра России до сих пор, сколько мне известно, никогда не делалось в сколько-либо точном виде, хотя для других стран центр их находился и сознательное отношение к общим интересам своей страны имеет [место] совершенно явное. Примером могут служить С.-А. С. Штаты, в которых центр населения страны определяется при каждой переписи, производимой с 1790 г. правильно через каждые 10 лет. Мы прилагаем здесь цинкографическую копию карты С.-А. С. Штатов, показывающей звездочками положение центра населения, полученное при каждой переписи. Из карты видно, что с 1790 по 1900 г. центр населения Штатов двигался почти по параллели 39° сев. широты от -76° (знак «минус» значит к западу) долготы (считая от Гринвича) до -86° долготы, т. е. каждые 10 лет почти на 1° по параллели от восточных берегов Атлантического океана, где лежат Балтимор и Вашингтон, внутрь страны на запад к г. Колумбусу, лежащему на пути между Чикаго и Сан-Люисом, в штате Индиана. А так как на этой параллели разность в 1° долготы отвечает 81,2 версты, то перемещение с 1790 г. ($-76^{\circ}1,2'$ долготы и $39^{\circ}16,5'$ широты до $85^{\circ}48,9'$ долготы и $39^{\circ}9,6'$ широты) по 1900 г. равняется 786 верстам. Уже из этого передвижения центра населения ясно, что сведения о положении центра страны имеют свое историческое значение, очевидное уже в том, что узлы жизни С.-А. С. Штатов сходились в былое время к берегам Атлантического океана, а ныне, видимо, наиболее усилены около Чикаго и Сан-Люиса. Не считая надобным более останавливаться на этом, перехо-

жу прямо к объяснению тех разнообразных смыслов, в которых можно говорить о центре страны.

Проще и, так сказать, общеупотребительнее говорить о центре страны как о месте, в котором сосредоточивается государственная ее деятельность. Так, у нас сперва таким центром была Москва, а потом стал Петербург. Средоточие государственной деятельности оказывает свое чрезвычайное влияние на ход дел во всей стране, потому что в это место собираются люди со всех концов и из этого центра исходит множество отношений, влияющих на весь быт страны. Но тот центр, о котором мы дальше говорим, к такому административному центру не имеет никакого непосредственного отношения, хотя имеет свой смысл во многих жизненных вопросах жителей, потому что жители страны скрепляются между собою многообразнейшими связями и сношениями, при осуществлении которых пространство или расстояния и густота населения, очевидно, играют весьма важную роль. В этом смысле, не говоря о чем-либо ином, должно, прежде всего, отличить центр поверхности от центра населенности страны. Первый относится только к поверхности, а второй — к ее населению.

Что касается центра поверхности, то все главное, что до него относится, уже сказано выше, и очевидно, во-первых, что, будь население распределено по всей стране совершенно равномерно, центр поверхности был бы и центром населенности, а во-вторых, что части страны, ненаселенные или слабо населенные, подобные нашим тундрам или полупустынным степям, чрезвычайно влияют на различие центра населенности от центра поверхности, так сказать, отталкивают первый из этих центров, части же, густо населенные, притягивают к себе центр населенности. Для государства, конечно, очень важна поверхность, занятая страной, но суть государственного дела все же заключается в населении, на этой поверхности живущем. Не подлежит сомнению, что не все жители страны одинаково влияют на ход событий, в ней совершающихся, но понятие о «среднем человеке» столь гуманно и столь отвечает основным задачам государства и человечества, особенно завету «расти и множиться», что при обсуждении центра населенности необходимо при- дать всем жителям страны одинаковое значе-

ние или одинаковый вес, как при определении центра тяжести поверхности все ее части или точки принимаются имеющими равное значение или одинаковый вес, хотя в их различии во всех отношениях могут быть различия крупнейшие (бóльшие), чем между какими бы то ни было людьми. Сказанного, в сущности, достаточно для понимания пути, которым шли в Америке и которым мы пойдем для отыскания центра населенности нашей страны. В самом деле, достаточно на известной части поверхности страны определить центр этой поверхности и его географическое положение (т. е. широту и долготу) и затем представить, что на взятой небольшой плоскости жители расселены равномерно, тогда центр взятой небольшой плоскости будет центром ее населенности и, следовательно, все население взятой части можно представить себе сосредоточенным в указанном центре.

Так, всю страну можно разбить на многие мелкие площади, и вместо всех их получится ряд точек, вес которых должно считать пропорциональным, судя по вышеуказанному, количеству жителей, населяющих взятую часть земли. Если же даны веса и положения точек на поверхности земного шара, то уже легко найти, по способам, совершенно точным, и по правилам механики, не только положение (внутри Земли) центра тяжести суммы всех точек, но и положение точки, лежащей на радиусе, проходящем через центр тяжести суммы точек. Этот самый способ и приложен далее для нахождения центра населенности России. Что касается С.-А. С. Штатов, то там применен немного иной способ, но существо его в основании то же самое. Основан он на том, что почти вся поверхность Штатов разделена в административном отношении на части (штаты и графства), ограничиваемые меридианами и параллельными кругами. Поэтому вся страна делится на сумму правильных фигур (четырёхугольников), центр которых легко было найти графически. При малых размерах вырезка можно было принять населенность равномерной и сосредоточенной в центре. Затем требовалось узнать расстояние этих точек по меридианам от условно принятой средней широты и по параллелям от некоторого условного меридиана, с чем уже можно оперировать для нахождения центра тяжести на плоскости, как можно находить центр тяжес-

ти суммы точек определенного веса, расположенных на плоскости. В подробности приема, примененного для определения центра своей страны, американцы не входят⁴⁹ и прямо дают результат, но мы со своей стороны описываем далее в должной подробности примененный нами способ не только для того, чтобы желающие могли повторить наш расчет и произвести полную его проверку, но и для того, чтобы при последующих русских переписях можно было пользоваться тем же самым способом с полным единообразием приемов расчета, что все-таки должно влиять на окончательные числа, хотя главный интерес сосредоточивается в первичном понятии о положении центра населенности, а не в числе минут географических координат этого центра. Однако, прежде чем перейти к изложению приемов расчета, закончу сперва начатое перечисление тех смыслов, в которых можно говорить о центре страны.

Кроме центра административного, центра поверхности и центра населенности страны, можно еще говорить, как говорят американцы, о срединном пункте (*median point*) (на приложенной ранее карте эти точки означены небольшими треугольниками для 1880, 1890 и 1900 гг.), т. е. о такой точке, через которую проходит параллельный круг, севернее и южнее которого располагается одинаковое число жителей страны; меридиан же, проходящий через срединный пункт, разделяет жителей также на две равные половины: одна живет на восток, а другая половина — на запад от этого меридиана. Особого интереса в нахождении срединного пункта, по видимости, нет, тем более что он оказывается близким к центру населенности, как близки к нему и многие другие точки, отвечающие центрам страны в разных смыслах, если при этом принимаются во внимание прежде всего жители страны. Можно даже думать, что центр населенности, разочтенный вышеприведенными способами, совпадает или чрезвычайно близок к такой точке страны, добраться до которой всем жителям можно, пройдя наименьшую сумму путей. Хотя нахождение такого центра схождения всех жителей мне кажется весьма интересным, в особенности для соображений о внутренних коммерческих и административных сношениях, но, к сожалению, при настоящем состоянии сведений, — хотя можно доказать, что такая точка

одна и существует, — для ее нахождения не представляется таких возможностей, какие представляются для нахождения центра населенности по выше приведенным началам⁵⁰.

На основании сказанного мы ограничиваемся далее разысканием только двух видов центра страны, а именно: центра ее поверхности и центра ее населенности как наиболее интересных точек. Очевидно при этом, что, вследствие неравномерности распределения жителей, оба эти центра не совпадают и тем более, чем величина всей поверхности больше и неравномерность распределения населения значительнее, а с течением времени, по мере увеличения народонаселения, и особенно вследствие увеличения равномерности расселения, центр населенности должен приближаться к центру поверхности Земли, способной к расселению, что и не должно упускать из вида, так как главный интерес заключается в передвижении центра населенности в разные эпохи жизни страны. Сперва и ход внешних событий, и удобства доступности, и качество почвы, и климат, и соседство с водою — определяют предпочтительное заселение одних частей суши перед другими, но с течением времени разборчивость уменьшается, искусство же справляться со всякими условиями возрастает, что и ведет к равномерности расселения, хотя в точности оно, конечно, никогда и нигде не достигается. Перемещение центра населенности страны указывает направление многих сил страны. Исторические интересы должны стоять при обсуждении судеб страны на первом плане, потому что разумная сознательность внушает совершенно твердую мысль о том, что всякие перемены в государстве, если оно сохраняется в целости, должны совершаться только последовательно, путем исторической эволюции. Когда речь идет о центре населенности или поверхности и для каждой исторической эпохи находят свои определенные центры поверхности и населенности, получают умственные точки отправления для многих суждений. Так как расширений, а тем паче сокращений пространства России нельзя ожидать в близком будущем, то центр поверхности России, будем надеяться, сохранится и впредь на долгие времена. Центр же населенности, при полном сохранении всей территории, должен в России изменяться и — можно даже утверждать с уверенностью — бу-

дет двигаться в сторону благодатного Юга и обильного земель Востока, как того требуют вся прошлая история нашей страны и ее современное и будущее благополучие. Из данных, рассмотренных выше, и из общеизвестных сведений несомненно, что наш Юг и Восток могут включить еще очень много народа даже при современном очень невысоком уровне нашей хозяйственной деятельности⁵¹, а потому центр нашей населенности неизбежно должен двигаться как с севера на юг, так и от запада к востоку. Все, что задерживает или будет задерживать это передвижение, — только вредно, какими бы «добрыми желаниями» оно ни было проникнуто. Мое личное мнение сводится к тому, что промышленное развитие, начальное образование и благоустроенная «свобода» сильно ускорят и помогут ходу указанной исторической необходимости.

Те, кому не чужды исторические интересы страны, сразу поймут смысл, какой имеет определение современного центра нашей населенности, в особенности вместе с определением центра поверхности, потому что известная совокупность как бы отвлеченных понятий и представлений получает при этом реальность, подлежащую расчету. Как реалисту, мне это вполне свойственно, а потому я приложил немало труда к отысканию центра населенности и центра поверхности России, вовсе не смущаясь тем, что завзятые практики спросят меня: «Да к чему же прямо-то служит определение центра населенности?» Ответ мой короток и прост. Истина сама по себе имеет значение без каких-либо вопросов о прямой пользе. Польза есть дело суровой человеческой необходимости, а познание доли истины есть дело свободной человеческой любознательности, и, по мне, все передовое и в конце концов важнейшее и даже полезнейшее этой людской склонностью прямо определяется. Поэтому я не жалел ни своего труда, ни еще большего труда своих вышеназванных помощников и сотрудников, когда разыскивал донныне неизвестные центры поверхности и населенности России. Польза придет, отыщется без призыва, если истина будет находиться сама по себе, сама для себя. Таков завет науки, и, послужив ей, на исходе лет то же завещаю всем тем, которые ищут способов оставить после себя какой-либо след.

Переходя к объяснению способов, которыми разочтены центры поверхности и населенности России, должно прежде всего заметить, что некоторые ее части или подразделения непременно следовало при этом признать равномерно заселенными. Признание это, конечно, нельзя считать абсолютно точным, потому что равномерного распределения людей на поверхности Земли нельзя даже и на минуту представить, но, когда дело идет о больших величинах, реализм не может успевать иначе, как допуская известного рода небольшие погрешности в определении всяких величин. Погрешности бывают положительного и отрицательного свойства, и, слагаясь, одни отчасти уничтожаются другими, и результат, выведенный из множества данных, должен заключать вероятную погрешность, гораздо меньшую, чем в отдельных входящих величинах. Признаем, например, два уезда заселенными с одинаковой степенью скученности и определим по карте центр тяжести каждого; тогда должно полагать, что вследствие действительной неравномерности в одном уезде центр населенности будет лежать севернее или восточнее найденного центра тяжести, а в другом — южнее или западнее, и в результате небольшие погрешности одного рода в некоторой мере покроются погрешностями другого рода в других величинах, так что для совокупности двух уездов точность, вообще говоря, больше, чем для отдельного уезда. Вопрос сводился к определению центров тех административных подразделений страны, для которых можно было признать равномерность распределения жителей по поверхности. Вся наша перепись основана на делении страны на губернии и уезды, а уездов в России оказывается всего 816. Перепись прямо дает густоту населения в каждом уезде, потому что отчеты переписи начинаются именно с указания поверхности уездов и их населенности.

Во многих губерниях соседние уезды населены довольно равномерно, т. е. густота в них населения почти одна и та же, и в таких случаях всю губернию можно было считать равномерно населенною и брать как единицу для дальнейших расчетов. Это особо относится к таким сравнительно малым (по площади) губерниям, каковы, например, польские. Но есть немало губерний, лежащих на нашем Севере или захватывающих наши среднеази-

атские степи, в которых равномерность густоты населенности разных уездов допустить никоим образом нельзя. Так, например, в Тобольской губернии Курганский уезд представляет поверхность 20,3 тыс. кв. верст и имеет 260 тыс. жителей, а потому средним числом на одного жителя приходится по 8,1 десятины земли. В Березовском же уезде (604 тыс. кв. верст и 21,4 тыс. жителей) той же губернии приходится на душу 2935 десятин земли. В подобных случаях, которых очень много в России, первоначально находился центр поверхности отдельных уездов, и только на основании этого затем отыскивался центр поверхности и населенности всей губернии. Если в уезде или в губернии имеется большой город, то его население необходимо принять в расчет при определении центра населенности губернии или уезда. Во всяком случае, приходилось поступать следующим образом. Из карты вырезались уезд или губерния и вырезались также и все части, покрытые озерами и большими массами вод, и для такого вырезка прямо опытным путем (через подвешивание) определялось положение центра тяжести вырезанной поверхности.

Этот центр, если принимать во внимание равномерность на нем расселения жителей, будет не только центром поверхности, но и населенности этой части страны, конечно, за исключением больших водных пространств и городов. Такой центр на самом вырезке и был каждый раз обозначен. Пусть в этом же уезде или в этой же губернии имеется город, означенный на том же вырезке. Положение города представляет также точку, которой отвечает указанное для города число жителей; для найденного же центра уезда, очевидно, число жителей будет равно населению уезда без населения города, если будет город один (или без многих городов, если все их должно принять во внимание). Соединив прямой линией обе точки, т. е. центр населения всего уезда и город, очевидно, будем иметь общий центр тяжести на этой прямой линии и место его получим как место равновесия для рычага, считая, что на одно плечо будет давить городское население, а на другое — уездное, без жителей города. Таким образом, графически на том же вырезке найдется положение центра населенности вырезка, хотя было бы принято во внимание последовательно и несколько городов. Если данный

уезд (или губерния) приходился на двух или нескольких листах карты, то все вырезки, к нему относящиеся, взвешивались, и поверхность каждого вырезка считалась пропорциональной весу, для каждой части находилась свой центр поверхности, куски затем складывались и графически находили общий центр всей поверхности. Таким образом, можно было всегда для соседних небольших частей (уездов) находить положение общего их центра. Положение найденного центра вырезка или той совокупности вырезков, которая будет служить для дальнейших расчетов, в конце концов выражается географическими координатами, т. е. широтой и долготой. Их легко было определить, если предварительно на карте нанести подразделения градусов широты и долготы. Точно тем же способом из разных уездов, складывая их вырезки вместе, можно было получать центры поверхности и населенности всей губернии.

На губерниях необходимо было остановиться потому, что их число довольно значительно и некоторые настолько обширны, что кривизна земной поверхности в них уже начинала сказываться и влиять на точность применения вышеописанных способов графического или опытного определения центров поверхности и населенности. Географическое положение таким образом найденных центров (поверхности и населенности) дано для каждой губернии в приложенной здесь табл. 4. Вместе с Финляндией, в России 97 губерний, и для этих 97 губерний найдены центры как поверхности, так и населенности, а там, где можно было признать распределение жителей равномерным, эти оба центра совпали. Положение центров дается с точностью только в минутах дуги как меридиана, так и параллели уже по той причине, что величины долей минуты (секунд — по дуге) составляют версту, либо ее часть, а такой точности для нахождения центров населенности, очевидно, нет никакой надобности и возможности достигать. Работ разного рода при выполнении всего предшествующего оказалось очень много уже по тому одному, что одних вырезков пришлось сделать, точно разграфить по широте и долготы, взвесить и затем соединять в губернии — целые сотни. Выполнением этого я обязан своим помощникам, проверившим каждую часть предварительной

Таблица 4

Из переписи 1897 г.	Тысячи жителей	Тысячи квадратных верст	Географическое положение центра поверхности		Географическое положение центра населенности	
			сев. широта (l)	долгота от Пулкова на восток (d)	сев. широта (l)	долгота от Пулкова на восток (d)
1	2	3	4	5	6	7
1. Новгородская губ.	1367	104	59°11'	4°22'	58°57'	3°45'
2. С.-Петербургская »	212	39	50°16'	—0°22'	59°46'	—0°1'
3. Псковская »	1122	38	57°6'	—0°35'	57°6'	—0°35'
Петербургский край	4601	181	58°47'	2°16'	58°53'	0°57'
4. Эстлянская губ.	413	18	59°10'	—4°47'	59°11'	—4°52'
5. Лифляндская »	1299	41	57°48'	—4°50'	57°40'	—5°10'
6. Курляндская »	674	24	56°37'	—6°51'	56°44'	—7°25'
Ливонский край	2386	83	57°45'	—5°25'	57°40'	—5°46'
7. Сувалкская губ.	583	11	54°20'	—6°58'	54°20'	—6°58'
8. Ломжинская »	580	9	53°7'	—8°18'	53°7'	—8°18'
9. Плоцкая »	554	8	52°56'	—10°18'	52°56'	—10°18'
10. Варшавская »	1932	15	52°18'	—9°59'	52°14'	—9°45'
11. Седлецкая »	772	13	51°57'	—7°49'	51°57'	—7°49'
12. Радомская »	815	11	51°10'	—9°16'	51°10'	—9°16'
13. Калишская »	841	10	52°50'	—11°48'	52°50'	—11°49'
14. Петроковская »	1404	11	51°13'	—10°51'	51°19'	—10°52'
15. Люблинская »	1161	15	50°57'	—7°28'	50°58'	—7°29'
16. Келецкая »	762	9	50°13'	—10°2'	50°32'	—10°0'
Польский край	9404	112	52°5'	—9°10'	51°51'	—9°22'
17. Подольская губ.	3018	37	48°42'	—2°6'	48°42'	—2°8'
18. Волынская »	2989	63	50°45'	—3°43'	50°45'	—3°41'
19. Киевская »	3559	45	49°46'	—0°2'	49°47'	—0°1'
20. Полтавская »	2778	44	49°53'	3°2'	49°52'	3°3'
21. Черниговская »	2298	46	51°52'	1°54'	51°50'	1°52'
22. Харьковская »	2492	48	49°42'	6°39'	49°45'	6°34'
Малороссийский край	17134	283	50°15'	0°48'	50°6'	0°40'
23. Ковенская губ.	1545	35	55°43'	—6°30'	54°57'	—6°25'
24. Виленская »	1591	37	54°37'	—4°18'	54°37'	—4°27'
25. Витебская »	1489	39	55°59'	—1°37'	55°57'	—1°35'
26. Могилевская »	1687	42	53°42'	0°27'	53°40'	0°27'
27. Минская »	2148	80	52°54'	—2°32'	52°57'	—2°32'
28. Гродненская »	1603	34	52°52'	—6°8'	52°52'	—6°10'
Литовско-Белорусский край	10063	267	54°6'	—3°9'	54°6'	—3°22'
29. Тверская губ.	1769	57	57°15'	5°5'	57°13'	5°15'
30. Смоленская »	1525	49	55°6'	2°48'	54°55'	2°54'
31. Московская »	2431	29	55°47'	6°52'	55°44'	7°5'
32. Владимирская »	1516	43	56°14'	10°22'	56°17'	10°16'
33. Калужская »	1133	27	54°22'	5°12'	54°20'	5°16'
34. Тульская »	1419	27	53°47'	7°23'	53°49'	7°22'
Подмосковная земля	9793	232	55°43'	6°4'	55°33'	6°24'

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	6	7
35. Рязанская губ.	1802	37	54°22'	9°41'	54°22'	9°39'
36. Орловская »	2034	41	53°48'	5°28'	52°49'	5°34'
37. Тамбовская »	2684	59	52°45'	11°9'	52°45'	1°8'
38. Пензенская »	1470	34	53°38'	14°8'	53°41'	1°7'
39. Воронежская »	2531	58	50°53'	9°22'	50°55'	9°22'
40. Курская »	2371	41	51°23'	5°48'	51°21'	5°48'
Среднерусская земля	12892	270	52°40'	9°15'	53°13'	9°16'
41. Казанская губ.	2171	56	55°44'	18°40'	55°44'	18°40'
42. Нижегородская »	1585	45	55°50'	14°3'	55°47'	14°0'
43. Костромская »	1387	74	58°1'	13°27'	57°56'	12°47'
44. Ярославская »	1071	31	57°57'	8°49'	57°58'	8°49'
Верхневолжская земля	6214	206	56°57'	14°22'	56°40'	14°32'
45. Вятская губ.	3031	135	57°58'	20°35'	57°40'	20°23'
46. Пермская »	2994	290	58°32'	28°27'	57°45'	28°42'
47. Уфимская »	2197	107	54°53'	25°28'	54°53'	25°28'
48. Оренбургская »	1600	167	53°18'	28°41'	53°17'	28°37'
Пермская земля	9822	699	56°39'	26°34'	56°24'	25°27'
49. Астраханская губ.	1004	190	47°40'	16°36'	47°35'	16°57'
50. Саратовская »	2406	74	51°40'	14°48'	51°36'	14°53'
51. Самарская »	2751	137	52°42'	20°5'	52°44'	20°5'
52. Сибирская »	1528	43	54°14'	17°2'	54°14'	17°2'
Нижневолжская земля	7689	444	50°32'	17°22'	52°1'	17°25'
53. Бессарабская губ.	1935	40	46°45'	-1°38'	46°46'	-1°38'
54. Херсонская »	2734	62	47°35'	1°24'	47°24'	1°17'
55. Таврическая »	1448	58	46°16'	4°10'	46°7'	4°12'
56. Войска Донского обл.	2564	144	48°29'	11°20'	48°21'	11°7'
57. Екатеринославская губ.	2114	56	52°12'	5°54'	52°12'	5°52'
Южно-Русский край	10795	360	48°27'	6°8'	48°22'	4°19'
58. Черноморская обл.	57	6	42°2'	8°59'	44°15'	8°32'
59. Кубанская »	1919	81	45°1'	9°43'	45°3'	9°41'
60. Терская »	934	61	43°40'	14°35'	43°38'	14°33'
61. Ставропольская губ.	873	53	45°16'	12°54'	45°15'	12°50'
62. Дагестанская обл.	571	26	42°15'	16°51'	42°16'	16°55'
Кавказский край	4354	227	44°24'	12°36'	44°27'	12°20'
63. Бакинская губ.	827	34	40°10'	18°20'	40°13'	18°29'
64. Елизаветпольская »	878	39	40°19'	16°11'	40°21'	16°12'
65. Карсская обл.	291	17	40°43'	12°33'	40°43'	12°33'
66. Эриванская губ.	830	23	40°3'	14°27'	40°5'	14°24'
67. Тифлисская »	1051	39	41°43'	14°22'	41°43'	14°22'
68. Кутаисская »	1058	32	42°25'	11°52'	42°23'	11°50'
Закавказский край	4935	184	40°59'	14°55'	40°48'	14°46'
69. Закаспийская обл.	382	532	40°28'	27°27'	40°18'	27°30'
70. Сырдарьинская »	1478	453	43°39'	35°53'	43°40'	35°47'
71. Самаркандская »	860	61	40°22'	37°20'	40°18'	37°15'
72. Ферганская »	1572	121	40°1'	42°12'	40°6'	42°9'
Закаспийский край	4292	1167	41°46'	32°35'	41°28'	37°43'
73. Уральская обл.	645	284	48°14'	24°5'	48°51'	23°6'
74. Тургайская »	453	400	49°43'	31°49'	49°50'	31°53'
75. Семиреченская »	988	348	44°17'	47°26'	44°15'	47°30'
76. Семипалатинская »	685	445	49°18'	47°48'	49°22'	47°21'
77. Акмолинская »	683	498	50°18'	39°35'	50°42'	39°44'
Южно-Сибирский, или Киргизский край	3454	1975	48°55'	39°2'	48°31'	39°34'

1	2	3	4	5	6	7
78. Иркутская губ.	514	638	56°51'	77°20'	54°38'	74°40'
79. Забайкальская обл.	672	539	52°34'	82°46'	51°47'	82° 0'
80. Якутская »	270	3469	65°25'	102°32'	65°18'	102°26'
81. Амурская »	120	397	52°11'	99°36'	51°37'	98°59'
82. Приморская »	223	1659	59°14'	123°15'	57°48'	120° 8'
83. Сахалин остров	28	67	49°10'	112°18'	49°10'	112°18'
Восточно-Сибирский край	1827	6769	61°57'	103°11'	56° 8'	88° 3'
84. Тобольская губ.	1433	1219	61°57'	40° 5'	57°22'	38°25'
85. Томская »	1928	745	55°12'	53° 4'	54° 0'	53°21'
86. Енисейская »	570	2234	66° 0'	63°10'	56°38'	62°32'
Западно-Сибирский край	3931	4198	63°16'	54°0'	55°55'	49°27'
87. Архангельская губ.	347	743	67°17'	17°30'	64°35'	13° 3'
88. Вологодская »	1342	353	61°41'	18°48'	60°35'	14°12'
89. Олонецкая »	364	115	62°15'	5°16'	61°38'	6° 5'
Северно-Русский край	2053	1211	65°14'	16°39'	61°29'	12°36'
90. Улеборгская губ.	269	147	66°35'	—3°30'	66°35'	—3°30'
91. Куопиоская »	307	34	63° 3'	—1°33'	63° 3'	—1°33'
92. Сан-Михельская »	187	16	61°50'	—2°57'	61°50'	—2°57'
93. Нюландская »	278	10	60°28'	—5°18'	60°21'	—5°20'
94. Тавастгусская »	286	17	61°21'	—5°52'	61°22'	—5°57'
95. Вазаская »	447	35	62°53'	—6°36'	62°53'	—6°36'
96. Або-Биорнеборгская »	432	22	61°15'	—7°42'	61° 9'	—7°44'
97. Выборгская »	394	30	61°20'	—0°33'	61°20'	—0°33'
Финский край	2600	311	64°11'	—3°50'	62°15'	—5°17'
ВСЯ РОССИЯ	128,2 млн	19,2 млн	63°29'	53° 0'	53°20'	10°23'

работы и произведшим все сложные расчеты, сопряженные с нахождением окончательных выводов⁵².

Когда центры поверхности и населенности всех губерний были найдены, тогда для отыскания общего центра всей империи должно было рассуждать, как в механике рассуждают при нахождении центра тяжести суммы точек, связанных между собой невесомыми связями, например как планеты в Солнечной системе. Не вхожу здесь в способы вывода, сделанного моим сыном И. Д. Менделеевым, студентом математического факультета С.-Петербургского университета, когда я с самого начала ему поручил весь этот расчет, занимаясь сам в то время (декабрь 1905 г.) подробностями, касающимися способов, считаемых мною полезными для снабжения России надлежащими наставниками низших, средних и высших учебных заведений. Прямо привожу только результат, в виде тригонометрических равенств, в которых: 1) через l_i и d_i означены широты и долготы каждой точки, вес которой (в данном случае поверхность или число жителей губернии) означен буквою p_i ; 2) знак \sum означает сумму величин, написанных после этого знака, и 3) L и D означают искомые широту и долготу центра тяжести общей суммы всех взятых точек:

$$\operatorname{tg} D = \frac{\sum p_i \cdot \sin d_i \cdot \cos l_i}{\sum p_i \cdot \cos d_i \cdot \cos l_i}; \quad \operatorname{tg} L = \frac{\cos D \cdot \sum p_i \cdot \sin l_i}{\sum p_i \cdot \cos d_i \cdot \cos l_i}.$$

Эти выражения⁵³ применены при расчетах как центра поверхности, так и центра населения всей России и 19 ее подразделений (краев, земель), считая элементами губернии. Положение центра (его геогр. широты l_i и долготы d_i) и веса (p_i), принятых во внимание (а именно при на-

хождении центра поверхности весом точки, определенной географической долготою и широтою, считалась величина поверхности губерний, а при нахождении центра населения — число всех жителей губерний), дано в табл. 1 и повторено в табл. 4.

Положение центра поверхности всей России, найденное из приведенных в табл. 4 данных для 97 губерний, определяется следующими географическими координатами:

сев. широта	63°29′,
вост. долгота от Пулкова	53°0′.

Таким образом, центр поверхности всей России лежит между Обью и Енисеем в Енисейской губернии, немного южнее города Туруханска, лежащего вблизи от Северного полярного круга. Это места пустынные, и их никоим образом никто не сочтет способными к земледельческой культуре, могущими когда-либо (в предвидимые времена) отвечать центру населенности русского народа — как бы он ни размножился. Столь северное положение центра поверхности России определяется тем, что у нас чересчур много берегов Ледовитого океана.

Так как на севере по меньшей мере пятая доля России, или около 4 тыс. кв. верст земли, занята тундрами или такими местами, где хлебопашество не может развиваться при современном состоянии всей экономической жизни, и так как за тундровым севером идет к югу от полярного круга пояс длиною около 4000 верст, шириною от 200 до 500 верст, следовательно, размером примерно в 1500 тыс. кв. верст, где хлебопашество едва-едва может начинаться и где преобладают северные леса, то этот наш север обречен на долгое время оставаться почти пустынным, т. е. иметь лишь редкое население, потому что мало пригоден для русского народа, привыкшего начинать поселки с обработки земли под хлеб. Только развитие на русском Севере выработки минеральных богатств может изменить такое течение дел в ближайшую к нам эпоху⁵⁴, да и то лишь исподволь и в небольших размерах. Эти замечания указывают на то, что центр поверхности земли, способной к расселению русского народа, лежит южнее выше разочтенного центра всей поверхности России. Вычитая из 19 млн кв. верст суши России около 5 млн кв. верст, получим для расселения не более 14 млн кв. верст или ныне (при 140 млн жителей) около 10 десятин в среднем на душу, а так как наш годовой прирост около 1,5 %, то в начале XXI в. придется уже не более 2,6 десятины. И так как на северо-восточном крае России тундры и леса спускаются на более низкие широты, сравнительно с северо-западом, то можно утверждать, что центр поверхности России, способной к расселению, лежит градусов на 8 южнее вышеуказанного и примерно градусов на 7 западнее, т. е. около 56° сев. широты и около 46° вост. долготы, т. е. около границы Тобольской и Томской губерний, немного севернее Омска. Можно полагать, что в направлении примерно к этому месту — с уклоном на юг — будет в ближайшие десятилетия перемещаться современный центр населенности России, географическое положение которого по расчету определяется для 1897 г. так:

сев. широта	53°20′
вост. долгота от Пулкова	10°23′ ⁵⁵

Точка эта лежит в Тамбовской губернии, на северо-восток от Козлова и на запад от Моршанска. Несомненно, что центр русского населения с 1897 г. уже успел подвинуться по направлению к востоку, с уклоном на юг, но как велико действительное перемещение в протекшие 9 лет, сказать можно будет только после разбора данных ожидаемой в будущем второй общей русской переписи.

6 мая 1906 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

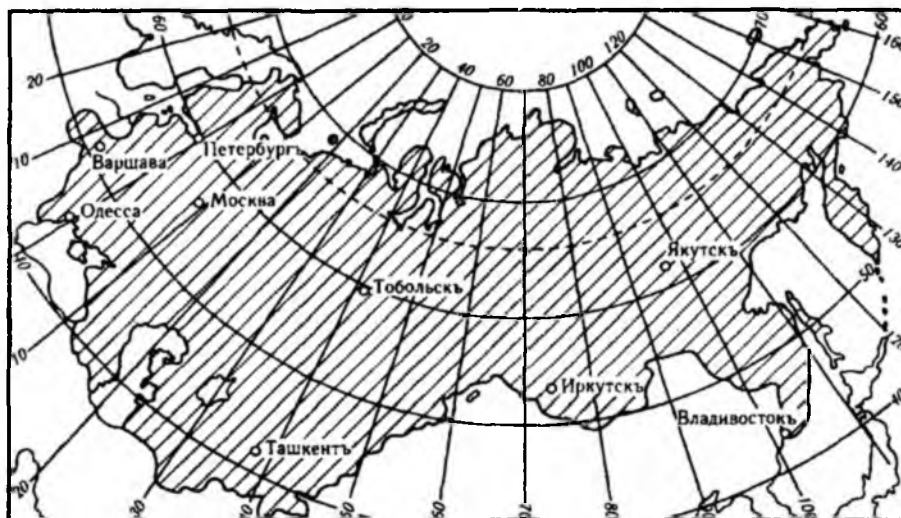
О КАРТЕ РОССИИ

же из того, что Европа находится в обладании народов, корень языка которых найден в Индии (откуда и происходит название этих народов индоевропейскими), а в особенности из относительного положения нашей части света, должно вывести несомненное заключение, что отделение Европы от Азии во всех отношениях совершенно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже совершенно пропадет, когда азиатские народы, в особенности китайцы, взойдут в общемировое общение и примут участие как в интеллигентной, так и в экономической жизни всего света — чего дождутся, пожалуй, уже наши дети. Россия, расположенная отчасти в Европе, отчасти в Азии и граничащая с владениями, наиболее центральными в той или другой части света, назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить. Уже на основании того, что в таких обширных азиатских наших владениях, каковы Восточная и Западная Сибирь, явно преобладает, и численно, и во всех иных отношениях, русское население (табл. 2), должно ясно видеть, что Азиатская Россия — настолько же Россия, насколько и большинство частей Европейской России. Разъединять, как чаще всего делается на картах, Европейскую Россию от Азиатской представляется во многих смыслах неправильным, особенно же вследствие того единства русского народа (великороссы, малороссы и белорусы), который явно преобладает во всем населении страны, составляя массу в 82 млн душ в среде, содержащей кроме него лишь 46 млн душ разнообразнейших народов, ничем, кроме России, между собою не связанных. Надо же помнить, что есть страны — такие, как Великобритания, — имеющие владения во всех частях света, разделенные между собою громадными пространствами океанов, числящие в своей общей населенности более инородцев, чем владельцев страны, и в этих отношениях вполне отличающиеся от России, целой и единой, даже в пространственно-континентальном отношении, не только в народном.

Изображение всей России на географических картах, однако, чрезвычайно мало удобно именно по той причине, что она вытянулась с запада на восток от Пулковского меридиана — $12^{\circ} \frac{3}{4}$ на западной границе, в Польше, — до $159^{\circ} \frac{1}{2}$ на востоке, у Берингова пролива.

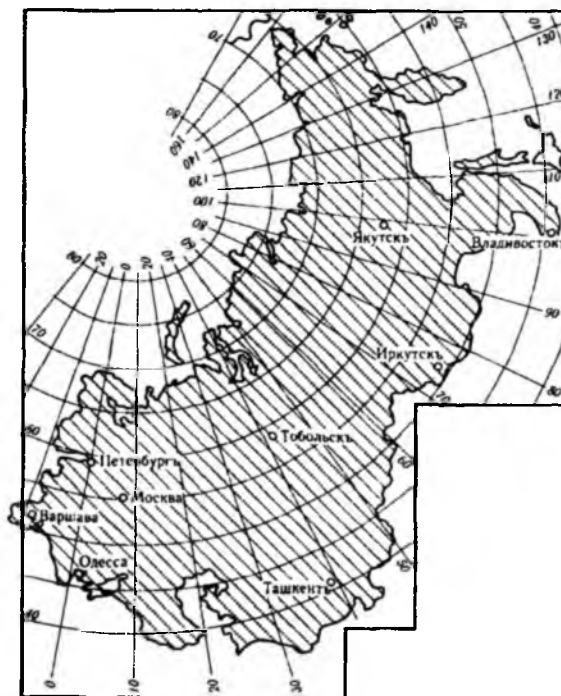
А изображать на карте, т. е. на плоскости, форму шаровой поверхности, занимающей почти пол-окружности (около 172° параллели), представляется невозможным без явных искажений. Известно, что искусство чертить карты стран с наименьшими возможными искажениями с давних пор интересует ученых, вплоть до покойного моего друга, нашего знаменитого математика П. Л. Чебышева, который также занимался этим предметом с большою, ему свойственной, прозорливостью, но, к сожалению, ограничился только картой Европейской России. А когда речь идет о России, тогда следует непременно иметь в виду изображение всей ее целиком. Когда же ее изображают в целом (чаще всего в проекции Гаусса) виде, то всегда, как видно и по прилагаемому небольшому эскизу (см. карту вверху с. 116), Новгородско-Московская, или царская, Россия, составляющая родоначалие всей империи и содержащая в себе центр ее населенности, является каким-то придатком, находящимся сбоку, так что получается общее впечатление о России как стране по преимуществу азиатской; это определяется уже тем, что из 19 млн кв. верст суши, за-

Обычный вид карты России по проекции Гаусса

нятой Россией, 14 млн кв. верст (почти $\frac{3}{4}$ поверхности, жителей же менее $\frac{1}{7}$ общего числа) лежит в Азии. Сам я сибиряк родом, т. е. происхожу из Азиатской России, думаю даже, что в будущем Азиатской России суждено играть немалую роль в мире, а потому ничем или ни в каких отношениях не кичусь перед Азией, зная, что вся европейская (средиземноморская) образованность (особенно же государственное сложение) вышла из ее колыбели. Но тем не менее в настоящую эпоху Россия все же во всех отношениях страна преимущественно европейская и только в малой или побочной степени азиатская. Россия, по моему крайнему разумению, назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравновешения между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью.

Поэтому я употребил немало усилий и попыток на то, чтобы найти такой способ картографического изображения всей России, в котором Европа сливалась бы с Азией и выступало бы ныне первенствующее значение Европейской России. После множества разнообразных проб, которые не стоит описывать (или потому, что они очень извращали все очертания страны, или потому, что представляли большие трудности в выполнении), я остановился на том способе, который применен на карте, прилагаемой к этой брошюре, и здесь (с. 99) представлен в эскизном виде. Над способом составления этой карты остановлюсь с некоторой подробностью, потому что он представляет свои особенности и, как мне кажется, удовлетворяет тем задачам, которые с самого начала имелись у меня в виду при составлении новой общей карты России.

Вид карты России по позже предложенной проекции

Эскиз общей карты России, принадлежащий Д. И. Менделееву

Напомню читателям, что Земля представляет форму, близкую к эллипсоиду вращения или сфероиду, у которого длина главной полуоси, проходящей через полюс, равна 5958,5 версты, а большой экваториальной полуоси 5978,8 версты (по данным Кларка, с вероятною погрешностью не более 0,3 версты и считая 1 версту = 1066,80 м). Правильное картографическое изображение (т. е. на плоскости) поверхности шара уже представляет многие трудности, умножающиеся вследствие эллипсоидальной формы Земли. Напомню далее, что с незапамятных времен укрепилось совершенно естественное определение географических точек по широте и долготе, считая широты от экватора, т. е. к полюсам, и деля всю поверхность на 90° к северу и к югу от экватора. Другую координату для определения географического положения каждой точки на земной поверхности, или «долготу» мест, считают от разных меридианов, проходящих через определенный или условный пункт земной поверхности, например: от первого меридиана острова Ферро, или от Гринвича в Англии, или от Парижа во Франции, или у нас от Пулкова, потому что в этих последних местах имеются центральные обсерватории, устанавливающие точнейшее время на основании астрономических наблюдений, а долготы определяются прежде всего по сравнению местного времени со временем того пункта, от которого считаются долготы.

Признавать свою особую русскую точку за первый меридиан для счета долготы мне кажется совершенно естественным, и вследствие того я придерживаюсь во всем дальнейшем изложении и в карте долгот, отнесенных к Пулкову, заметив при этом, что лучшие существующие наблюдения показывают, что по отношению к Пулкову долгота, считаемая на восток, для Пари-

жа = $-27^{\circ}59'25''$ (т. е. на запад от Пулкова), долгота Гринвича = $-30^{\circ}19'40''$ и долгота 1-го меридиана или острова Ферро = $-48^{\circ}13'36''$. Мы выше видели, что современный центр населенности России лежит примерно при 53° широты и около 10° долготы. А так как центр населенности у нас, как и в других странах, не представляет постоянного положения, а с течением времени движется (у нас, несомненно, к востоку и отчасти к югу), то я избрал за центр картографического изображения России круглые цифры « $+10^{\circ}$ » по долготе и « 55° » по широте.

Каждая карта некоторую часть поверхности изображает как план, наиболее близко к действительности по размерам, расстояниям и угловым линиям, и вот за такую точку мною избрана вышеуказанная часть России, т. е. 55° по широте и 10° по долготе от Пулкова. Представим себе, что мы провели вертикальную линию, параллельную краю карты, и будем считать эту линию меридианом в 10° долготы от Пулкова. На нем отложим — в принятом масштабе — совершенно точно, как это есть в природе, длину каждого градуса широты. Если бы Земля была шаром, то расстояния всех градусов широты были бы совершенно одинаковы по длине на земной поверхности. Но так как Земля есть эллипсоид, то градусные подразделения меридиана неодинаковы, и, приняв вышеназванные, данные Кларком, величины диаметров земного сфероиды, получим следующие длины (в верстах) градусов меридиана на разных широтах частей России:

Длина 1° меридиана			
при географической широте	в верстах	при географической широте	в верстах
70°	104,50 ³⁶	45°	104,17
60°	104,40	40°	104,06
55°	104,32	35°	103,95
50°	104,25	30°	103,85

Выражение даем в верстах, потому что такова обычная русская единица расстояний по поверхности Земли, но заметим, что в метрических единицах верста равна 1066,8 м, а в английских единицах 0,662879 англ. мили, или 1166,67 ярда.

Окружность земного меридиана равна 40008 км, или 37502,8 версты, что и дает среднюю длину 1° меридиана 104,17 версты (=111,13 км), какая получается при широте 45°. К экватору идет уменьшение, к полюсам увеличение длины 1° меридиана.

От полюса до экватора по меридиану расстояние равно 9373,7 версты. На основании приведенных чисел, начиная от Северного полюса до нашей исходной точки, т. е. до параллели в 55° , расстояние будет, идя по поверхности Земли, равно 3661 версте; от полюса до параллели в 80° — 1047 верстам, в 70° — около 2093 верстам, в 60° — 3139 верстам, а вниз от 55° по тому же меридиану широта в 50° отстоит на 4183 версты, в 45° — на 4703 версты, в 40° — на 5224 версты и в 30° — на 6264 версты от полюса. В избранном масштабе на принятом среднем меридиане должно отложить указанные расстояния от полюса, и, следовательно, все то, что будет лежать на этом меридиане, совершенно точно может быть изображено картой. Масштаб, который принят в прилагаемой карте, равен 15 верстам на 1 мм, следовательно, от 55° до Северного полюса расстояние будет 244 мм³⁷.

Приняв Северный полюс за центр, опишем через вышеназванные точки, отвечающие определенным широтам, концентрические круги, которые и будут выражать на карте параллели или круги широт. Таким образом, все широты нанесутся с полной определенностью на основании поставленных условий. Чтобы найти положение меридианов, отвечающих долготам, пойдем по окружности средней условной параллели (в 55° сев. широты) и будем на этой параллели откладывать в том же масштабе, каков применен на меридиане, те расстояния, которые в действительности на этой широте разделяют меридианы. Приводим в прилагаемой таблице длину 1° в верстах для разных широт, рассчитывая эти по вышеданным элементам, т. е. по величине экваториального и полярного радиусов земного сфероиды.

На экваторе (окружность которого равна 40 077 км, или 37 568 верстам) 1° имеет длину 104,35 версты, а

Длина 1° параллели			
при широте	в верстах	при широте	в верстах
30°	90,45	55°	59,99
35°	85,57	60°	52,30
40°	80,04	70°	35,80
50°	67,20	75°	27,12 ⁸⁸

Если бы Земля была шарообразна и на экваторе 1° имел длину 104,35 версты, то

Длина 1° параллели			
при широте	в верстах	при широте	в верстах
30°	90,37	60°	52,17
40°	79,94	70°	35,68
50°	66,75		

Из приведенной таблицы видно, что на широте 55° один градус параллели представляет в действительности длину 59,99 версты, следовательно 10° = 599,9 версты. Прямая линия (хорда), соединяющая две точки, отстоящие на 10°, на широте 55°, имеет длину 599,3 версты. Эту величину отложим, начиная от меридиана, принятого за исходный, вправо и влево по кругу, отвечающему 55°, и таким образом получим ряд точек, отвечающих на параллели 55° каждым 10° долготы. Получив эти точки, из полюса проведем линии через эти точки; они и будут меридианами нашей карты. Из способа вычерчивания сетки карты очевидно, что около широты 55° и на всех меридианах по их протяжениям расстояния на картах будут отвечать расстояниям, в действительности имеющимся на Земле, но в остальных частях карты получатся некоторые искажения, совершенно неизбежные во всякой карте. И хотя возможно достичь искажения еще меньшего⁸⁹, но я остановился на указанном способе черчения карты, между прочим, не только на основании того, что ее сетку чертить очень просто (так как все меридианы суть прямые линии, а все параллели суть концентрические круги, и те и другие имеют общий центр, а именно полюс), но и потому, что искажение, даже на таком огромном пространстве, как русское, очень невелико. Оно сводится к тому, что расстояния по параллелям, будучи севернее, чем 55°, на карте немного уменьшаются против действительности, а для южных широт немного увеличиваются. Наиболее северный пункт России, а именно Северо-Восточный мыс в Ледовитом океане, лежит под 77°36' широты, а наиболее южный пункт России — около ее афганских границ — лежит под 35°38' широты (и под 32°2' долготы), но местности, лежащие севернее 70°, совершенно почти необитаемы, а потому на карте имеют малое значение. На широте в 70° в действительности длина дуги в 10° (параллели) равняется 358 верстам, а на карте она выходит, по принятому способу черчения, равною 343 верстам. На сев. широте в 40° дуга, равная 10° по разности меридианов, в действительности имеет длину 800 верст, а на карте она выходит имеющей длину 858 верст. Уже из этих чисел очевидно, что все искажение в расстояниях сравнительно невелико, притом на севере расстояния немного сокращены, а на юге немного увеличены. Таким образом, предлагаемая карта, представляя Центральную Россию в надлежащем виде, дает довольно правильное понятие об отношении других частей империи к центру.

Когда географическая сетка, отличающаяся геометрической простотою, была вычерчена для нанесения карты, прежде всего были приложены немалые усилия для того, чтобы получить правильные очертания всех границ России и рек, в ней протекающих. При этом пришлось пользоваться не только лучшими картами Генерального штаба и Гидрографического отдела Морского

Карта России, составленная по указаниям Д. И. Менделеева. 1906 г.

министерства, но и некоторыми новейшими сведениями, полученными от указанных ведомств. Таким образом, составлена возможно правильная карта, на которой затем было нанесено разделение всей России на 19 краев или земель, упоминаемых во всем предшествующем изложении. Хотя размеры карты сравнительно не велики и не допускают изображения многих подробностей, тем не менее, благодаря тому усидчивому труду, с которым Б. П. Гушин и А. Г. Михеев заботились обо всех мельчайших частях карты, надеюсь, что в ней нет никаких существенных неточностей, какие, должно заметить, нередко встречаются во многих из карт России, которые пришлось сличать и проверять во время работы.

Что касается до населенных мест, то нанесены на карту все города столичные, губернские или областные и все крупные, имеющие число жителей не менее 20 тыс. Затем нанесены лишь немногие другие местности России, примечательные в каком-нибудь отношении, и сделаны надписи над большинством рек, а также надписаны (но не изображены) направления и названия важнейших горных хребтов. Все это проделано со всей возможной точностью на оригинальной карте, с которой затем уже снята фотографическая копия в немного уменьшенном виде, и карта дается в цинкографическом оттиске⁶⁰.

Так как немало труда стоило разыскание наиболее точных определений положения главнейших городов, то я считал не излишним привести здесь их список, с указанием широт и долгот (табл. 5), отвечающих им, ограничиваясь при этом минутами дуг как по меридианам, так и по параллелям, потому что большая точность в географическом смысле совершенно излишня и может относиться только к определенным геодезическим знакам.

Таблица 5

Главнейшие города	Тысяч жителей в 1897 г.	Северная широта	Вост. долгота от Пулкова
1	2	3	4
1. Новгородская			
Новгород, губ.	26	58°31'	0°57'
Старая Русса	15	57°59'	1°2'
2. С.-Петербургская			
Петербург, стол.	1265	59°57'	-0° 1'
Кронштадт	60	60° 2'	-0°39'
Царское Село	22	59°43'	-0° 4'
Нарва	17	59°23'	-2° 7'
3. Псковская			
Псков, губ.	30	57°49'	-2° 0'
4. Эстляндская			
Ревель, губ.	65	59°26'	-5°32'
5. Лифляндская			
Рига, губ.	282	56°57'	-6° 14'
Юрьев (Дерпт)	42	58°23'	-3°36'
Аренсбург	5	58°15'	-7°50'
6. Курляндская			
Митава, губ.	35	56°39'	-6°36'
Либава	64	56°30'	-9° 19'
7. Сувалкская			
Сувалки, губ.	23	54° 6'	-7°24'
8. Ломжинская			
Ломжа, губ.	26	53°11'	-8° 15'
9. Плоцкая			
Плоцк, губ.	27	52°33'	-8° 15'
10. Варшавская			
Варшава, губ.	684	52° 13'	-9°18'
Влоцлавск	23	52°40'	-11°15'
11. Седлецкая			
Седлец, губ.	26	52°10'	-8° 3'
12. Радомская			
Радом, губ.	30	51° 4'	-9° 7'
13. Калишская			
Калиш, губ.	24	51°46'	-12°14'
14. Петроковская			
Петроков, губ.	31	51°24'	-10°38'
Бендин	24	50°20'	-11°12'
Томашев	21	51°30'	-10°20'
Побианице	27	51°39'	-10°59'
Лодзь	314	51°46'	-10°52'
Ченстохов	45	50°49'	-11°14'
15. Люблинская			
Люблин, губ.	50	51°15'	-7°45'
16. Келецкая			
Кельцы, губ.	23	50°52'	-9°43'
17. Подольская			
Каменец-Под., губ.	36	48°40'	-3°45'
Балта	23	47°56'	-0°42'
Винница	31	49° 14'	-1°51'
Могилев-на-Днестре	22	48°27'	-2°32'
Проскуров	23	49°26'	-3°21'
18. Вольнская			
Житомир, губ.	66	50°16'	-1°40'
Ровно	25	50°37'	-4° 5'
19. Киевская			
Киев, губ.	248	50°27'	0°10'

1	2	3	4
Бердичев	53	49°54'	-1°45'
Умань	31	48°45'	-0°6'
Черкассы	30	49°27'	1°45'
20. Полтавская			
Полтава, губ.	54	49°35'	4°14'
Кременчуг	63	49°4'	3°5'
Ромны	23	50°45'	3°10'
21. Черниговская			
Чернигов, губ.	28	51°29'	0°59'
Нежин	32	51°3'	1°34'
22. Харьковская			
Харьков, губ.	174	50°0'	5°54'
Ахтырка	23	50°18'	4°34'
Сумы	28	50°55'	4°29'
23. Ковенская			
Ковно, губ.	71	54°54'	-6°26'
24. Виленская			
Вильна, губ.	155	54°41'	-5°2'
25. Витебская			
Витебск, губ.	66	55°12'	-0°7'
Двинск (Динабург)	70	55°53'	-3°50'
Полоцк	20	55°29'	-1°34'
26. Могилевская			
Могилев, губ.	43	53°54'	0°1'
Гомель	37	52°26'	0°41'
27. Минская			
Минск, губ.	91	53°54'	-2°46'
Бобруйск	34	53°8'	-1°5'
Пинск	28	52°7'	-4°13'
28. Гродненская			
Гродно, губ.	47	53°41'	-6°29'
Брест-Литовск	47	52°5'	-6°40'
Белосток	66	53°8'	-7°10'
29. Тверская			
Тверь, губ.	54	56°52'	5°34'
Ржев	21	56°16'	4°1'
Вышний Волочек	17	57°35'	4°14'
30. Смоленская			
Смоленск, губ.	47	54°47'	1°44'
Вязьма	16	55°13'	3°58'
31. Московская			
Москва, стол.	1039	55°45'	7°17'
Коломна	20	55°6'	8°26'
Серпухов	31	54°55'	7°4'
Троице-Сергиевская лавра	31	56°18'	7°48'
Клин	5	56°20'	6°24'
32. Владимирская			
Владимир, губ.	28	56°8'	10°5'
Иваново-Вознесенск	54	57°0'	10°37'
33. Калужская			
Калуга, губ.	50	54°31'	5°56'
34. Тульская			
Тула, губ.	115	54°12'	7°18'
35. Рязанская			
Рязань, губ.	46	54°38'	9°25'
Егорьевск	19	55°23'	8°42'
36. Орловская			
Орел, губ.	70	52°58'	5°44'
Волхов	21	53°27'	5°40'

1	2	3	4
Брянск	25	53°14'	4°2'
Елец	47	52°38'	8°9'
Ливны	20	52°26'	7°17'
37. Тамбовская			
Тамбов, губ.	48	52°44'	11°8'
Борисоглебск	22	51°22'	11°44'
Козлов	40	52°53'	10°11'
Липецк	21	52°37'	9°16'
Моршанск	26	53°26'	11°30'
38. Пензенская			
Пенза, губ.	60	53°11'	14°41'
39. Воронежская			
Воронеж, губ.	81	51°40'	8°52'
Острогожск	21	50°52'	8°46'
40. Курская			
Курск, губ.	76	51°44'	5°52'
Белгород	27	50°36'	6°16'
41. Казанская			
Казань, губ.	130	55°47'	18°48'
Чистополь	20	55°22'	20°19'
42. Нижегородская			
Нижний Новгород, губ.	90	56°20'	13°41'
43. Костромская			
Кострома, губ.	41	57°46'	10°36'
44. Ярославская			
Ярославль, губ.	72	57°37'	9°35'
Рыбинск	25	58°3'	8°32'
45. Вятская			
Вятка, губ.	25	58°36'	19°22'
Сарапуль	21	56°28'	23°29'
46. Пермская			
Пермь, губ.	45	58°1'	25°56'
Екатеринбург	43	56°50'	30°17'
Ирбит	20	57°41'	32°40'
47. Уфимская			
Уфа, губ.	49	54°43'	25°37'
Златоуст	21	55°10'	29°21'
48. Оренбургская			
Оренбург, губ.	72	51°45'	24°47'
Троицк	23	54°5'	31°14'
Челябинск	20	55°10'	31°4'
49. Астраханская			
Астрахань, губ.	113	46°21'	17°43'
50. Саратовская			
Саратов, губ.	137	51°32'	15°44'
Вольск	27	52°2'	17°4'
Кузнецк	20	53°7'	16°17'
Царицын	55	48°43'	14°11'
51. Самарская			
Самара, губ.	90	53°11'	19°45'
52. Симбирская			
Симбирск, губ.	42	54°19'	18°5'
Сызрань	32	53°10'	18°8'
53. Бессарабская			
Кишинев, губ.	108	47°2'	-1°29'
Аккерман	28	46°12'	0°1'
Бендеры	32	46°49'	-0°51'
Измаил	22	45°21'	-1°29'

1	2	3	4
54. Херсонская			
Херсон, губ.	59	46°38'	2°17'
Николаев	92	46°58'	1°39'
Елисаветград	61	48°31'	1°58'
Одесса	404	46°29'	0°25'
Тирасполь	32	46°50'	-0°43'
55. Таврическая			
Симферополь, губ.	49	44°57'	3°46'
Севастополь	54	44°37'	3°12'
Бердянск	26	46°45'	6°28'
Феодосия	24	45° 2'	5° 4'
Керчь	33	45°21'	6° 9'
Ялта	13	44° 0'	3°51'
56. Войска Донск. обл.			
Новочеркасск, губ.	52	47°25'	9°46'
Ростов-на-Дону	119	47° 13'	9°23'
Нахичевань-на-Дону	28	47° 14'	9°26'
Таганрог	51	47°12'	8°37'
57. Екатеринославская			
Екатеринослав, губ.	113	48°27'	4°44'
Мариуполь	31	47° 6'	7°14'
Луганск	20	48°34'	8°59'
58. Черноморская			
Новороссийск, губ.	17	44°43'	7°26'
Гагры	—	43°20'	9°52'
59. Кубанская обл.			
Екатеринодар, губ.	66	45° 1'	8°38'
Ейск	35	46°40'	7°58'
Майкоп	34	44°37'	9°47'
60. Терская обл.			
Владикавказ, губ.	44	43° 1'	14°22'
Пятигорск	18	44° 3'	12°45'
Грозный	16	43°20'	15°22'
61. Ставропольская			
Ставрополь, губ.	42	45° 3'	11°40'
Благодарное	12	45° 5'	13° 7'
62. Дагестанская обл.			
Темир-Хан-Шура, губ.	9	42°50'	16°50'
63. Бакинская			
Баку, губ.	112	40°22'	19°30'
Шемаха	20	40°38'	18°19'
Ленкорань	9	38°46'	18°32'
64. Елисаветпольская			
Елисаветполь, губ.	34	40°41'	16° 2'
Нуха	25	41°12'	16°52'
Шуша	26	39°45'	16°24'
65. Карсская			
Карс	21	40°38'	12°43'
66. Эриванская			
Эривань, губ.	29	40°10'	14°11'
Александрополь	31	40°48'	13°30'
67. Тифлисская			
Тифлис, губ.	160	41°42'	14°30'
68. Кутаисская			
Кутаис, губ.	32	42° 17'	12°23'
Батум	29	41°39'	11°16'
69. Закаспийская обл.			
Асхабад, обл.	19	37°57'	28° 2'
Мерв	9	37°37'	31°30'
Красноводск	6	40° 0'	22°39'

1	2	3	4
70. Сырдарьинская обл.			
Ташкент, обл.	156	41°18'	38°57'
Казалинск	8	45°43'	31°46'
71. Самаркандская обл.			
Самарканд, обл.	55	39°38'	36°40'
Ходжент	30	40°18'	39°18'
Уратюбе	21	39°56'	38°42'
Бухара	—	39°47'	34°6'
Хива	—	41°23'	29°42'
72. Ферганская обл.			
Нов. Маргелан, обл.	9	40°23'	41°28'
Стар. Маргелан	36	40°28'	41°23'
Андижан	48	40°47'	42°2'
Коканд	81	40°32'	40°38'
Наманган	62	40°0'	41°18'
Ош	34	41°32'	42°28'
73. Уральская обл.			
Уральск, обл.	36	51°12'	21°2'
Гурьев	9	47°7'	21°39'
74. Тургайская обл.			
Кустанай, обл.	14	53°14'	33°18'
75. Семиреченская обл.			
Верный, обл.	23	43°16'	46°34'
Джаркенд	16	44°8'	49°33'
Копал	6	45°8'	48°42'
76. Семипалатинская обл.			
Семипалатинск, обл.	26	50°24'	49°56'
Усть-Каменогорск	9	49°57'	52°18'
Сергиополь	1	47°57'	50°2'
77. Акмолинская обл.			
Омск, губ.	37	54°59'	43°4'
Петропавловск	20	54°53'	38°47'
Акмолинск	10	51°10'	41°4'
78. Иркутская			
Иркутск, губ.	51	52°17'	73°56'
79. Забайкальская обл.			
Чита, обл.	12	52°2'	83°11'
Троицкосавск	9	50°21'	76°25'
Нерчинск	7	51°58'	86°15'
Кяхта	4	50°20'	76°20'
Верхнеудинск	8	51°49'	77°21'
80. Якутская обл.			
Якутск, обл.	7	62°1'	99°23'
81. Амурская обл.			
Благовещенск, обл.	33	50°15'	97°18'
82. Приморская обл.			
Хабаровск, обл.	15	48°28'	104°47'
Владивосток	29	43°6'	101°35'
Николаевск	6	53°8'	110°27'
Охотск	0,3	59°21'	112°58'
Петропавловск	0,4	53°0'	128°29'
Верхнекамчатск	0,2	54°35'	128°10'
83. Сахалин остров			
Александр. пост	4	50°55'	111°48'
84. Тобольская			
Тобольск, губ.	20	58°12'	37°54'
Тюмень	30	57°10'	35°12'
Березов	1	63°56'	34°44'
Ишим	7	56°6'	39°2'

1	2	3	4
Обдорск	—	66°31'	36°16'
Тара	7	56°54'	43°57'
85. Томская			
Томск, губ.	52	56°30'	54°38'
Барнаул	21	53°20'	53°28'
Кольвань	12	55°21'	52°26'
Маринск	8	56° 5'	57°26'
86. Енисейская			
Красноярск, губ.	27	56° 1'	62°34'
Енисейск	12	58°27'	61°48'
Минусинск	10	53°43'	61°24'
Туруханск	0,2	65°55'	57°18'
87. Архангельская			
Архангельск, губ.	21	64°32'	10°11'
88. Вологодская			
Вологда, губ.	28	59° 14'	9°33'
89. Олонецкая			
Петрозаводск, губ.	13	61°47'	4° 4'
90. Улеборгская			
Улеборг, губ.	15	65° 1'	-4°51'
Торнео	2	65°49'	-6°13'
91. Куопиоская			
Куопио, губ.	10	62°54'	-2°40'
92. С.-Михельская			
С.-Михель, губ.	3	61°41'	-3°4'
93. Ньюландская			
Гельсингфорс, губ.	81	60°10'	-5°22'
94. Тавастгусская			
Тавастгус, губ.	5	61° 0'	-5°54'
Таммерфорс	22	61°30'	-6°34'
95. Вазаская			
Николайштадт	15	63° 6'	-8°43'
96. Або-Биорнеборгская			
Або, губ.	35	60°27'	-8° 3'
Биорнеборг	15	61°29'	-8°32'
97. Выборгская			
Выборг, губ.	24	60°43'	-1°35'

**ДОПОЛНЕНИЯ
К ПОЗНАНИЮ
РОССИИ**

Эта книга есть часть задуманного Д. И. Менделеевым труда. Труд этот был прерван смертью.

Первая глава этой книги была послана в типографию для предварительного набора незадолго до смерти Дмитрия Ивановича. Вторая глава была найдена в рукописи на его рабочем столе.

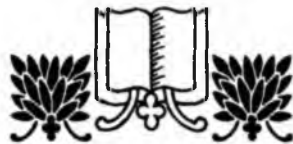
Та и другая не получили окончательной авторской отделки, Дмитрий Иванович обыкновенно находил последнюю редакцию своего текста лишь после предварительного типографского набора. Много прибавлял, многое выпускал, исправлял шероховатости слога.

Все это не было сделано в настоящем издании, и мы имеем, таким образом, лишь предварительный набросок, при редактировании которого мы позволили себе исправлять лишь очевидные недосмотры.

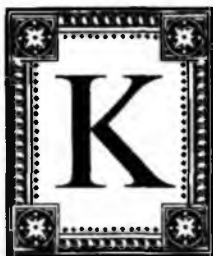
Тем не менее мы считаем своим долгом обнародовать оставшуюся рукопись, ибо она заключает вполне законченный очерк о народонаселении всего земного шара, выполненный по совершенно оригинальному плану и способом, который своей точностью (приведение к одному сроку, тщательное исследование источников) превосходит обычно употребляемые.

Мы считали себя не вправе также оставить под спудом те мысли и замечания, которые разбросаны по всему тексту и которыми Менделеев спешил перед смертью поделиться с читателями.

Ив. Менделеев

ВСТУПЛЕНИЕ

ак отдельного человека нельзя понимать, не зная его окружающих и их взаимные отношения, так и народы или страны могут быть сколько-либо полно понимаемы только в связи их с другими странами и народами, а потому познание России требует данных, относящихся не только к ней самой, но и к другим странам. А так как Россия громадна и по пространству, и по числу жителей, то даже для первичной полноты ее познания надо хоть в общих чертах ознакомиться с данными для всего света. Это стало особо необходимым ввиду того, что за последние лет 50 вся земная поверхность охвачена уже до конца, и внутри Африки, Китая и Австралии, где еще недавно было много совершенно неизвестного, работают уже телеграфные проволоки и железные дороги, а в очень к нам близком предстоящем времени события и судьбы чуть не сказочных негров и китайцев будут столь же влиятельно отражаться во всем мире, как в недавнее время судьбы и события, относившиеся лишь до небольшого числа «великих» европейских держав. Явно возрастающая «не по дням, а по часам» связь или зависимость людей всех частей света друг от друга, очевидно, происходит вовсе не от одной пытливости немногих, не от совокупности индивидуальных стремлений к обеспечению одной собственной своей жизни и уже никак не от влияния или величия отдельных лиц, подобных древним завоевателям — до Наполеона включительно¹.

Всегда признается, что прошлая жизнь народа или его история влияет неизбежно на его будущее, хотя бы многие того и не желали, но полнота понимания получится лишь тогда, когда признают сверх того влияние судеб потомства и когда современность поймется как переход между прошлым и будущим. Надо помнить, что есть такие одноклеточные организмы, которые живут совершенно явно только для размножения, и, когда внутри их потомки достаточно развились, рождение их или выход в свет совершается от разрыва начального организма, т. е. сопровождается прямой смертью этого последнего. Однолетние растения, дав семена, погибают; многолетние дают, живя, или почки, или клубни, назначенные для того же размножения, которое может продолжаться на прежнем древесном стволе почти совершенно так же, как растут коралловые рифы или организованные людские государства. Немало есть отдельных людей и даже на вид очень стройных социальных учений, упускающих из виду, что человеку, как организму, свойственно размножаться и что, помимо иных целей, у отдельных особей и всяких их совокупностей есть, несомненно, прирожденная цель продолжаться в умножающемся потомстве. Без этой цели ни к чему бы не служили не только государства, но и самые науки и религии, «богатство и порядок». Личное материальное благополучие (эгоизм), считаемое индивидуалиста-

ми первичным и единственным стимулом всех людских действий, не определяет размножения, даже, пожалуй (с мальтузианцами), его задерживает, а оно идет неудержимо, ограничиваясь лишь совокупностью окружающих внешних условий и помышлениями, хотя бы и бессознательными (тогда — побуждениями), о судьбе потомства, так как — что бы кто ни говорил — даже тигр-отец и тигрица-мать скорее погибнут сами, чем допустят очевидную гибель своих детенышей, а людская любовь к детям, не только своим, но и своих близких, видна даже слепым, и против нее не смеют идти никакие утописты², хотя все они и забывают те или иные врожденные общие свойства и склонности людей или напрасно рвутся от них освободиться, хотя отдельные случаи такого освобождения бывают в виде уродов или чудищ³, подобных «сиамским близнецам» или Юлии Пастрани (женщине с бородой). Стремление к размножению и заботливость о судьбе и спокойствии потомства⁴ составляют одну из важнейших⁵ причин распространения людей по всей земле. Для жен и детей пойдут на простор и из рая, если там тесно, даже из благодатных теплых стран в холодные, а тем паче, наоборот, постараются и войн и беспорядков избежать и законы мудрые отыщут. Это не эгоизм и не альтруизм, а то особое среднее, чем человечество теснее всего замыкает связь между животной-внешним и духовно-внутренним, чем сближаются далекие народы и чем мало-помалу, при наступивших порядках, достигается такой быстрый рост общего числа людей, что удваивание совершается ныне лет в сто, никак не более⁶, а вероятнее лишь в 80. Если же прирост почти всюду велик, а простору для нарождающегося народа где-либо мало, происходит расширение во все свободные места, что и отличает новые века (хотя местами, где жилось поблагодуще, то же было во все времена) и что ведет к заселению всей Земли и сближению народов до взаимного прикосновения и общения.

Из сказанного вытекает, что для познания мировых народных соотношений очень важными элементами должны служить не только число жителей отдельных стран и их пространство (величина занятой поверхности), что дает густоту населения, или среднее количество земли на одного жителя, но и годовой прирост как один из элементов, незаметно,

но непременно действующий на всю судьбу данного народа или данной страны⁷. Познание России много выяснится, когда в вышеуказанных отношениях данные для нее сличатся с данными для других стран и со средними выводами для всего света. Для такого сличения и назначаются приводимые далее численные таблицы.

Для всех стран Европы, кроме разве Турции, и для многих стран Америки необходимые численные данные известны по переписям с точностью и отчетливостью, часто даже большими, чем для России, но многие страны Азии, особенно же Африки, не имеют никаких данных, например касающихся годового прироста, хотя величину занятой поверхности и общее число жителей можно считать ныне известными уже для всех отдельных стран, конечно, с разной степенью точности, но, вообще говоря, достаточной для всех первоначальных сличений, потому что здесь и поныне встречаются по отношению к густоте населения поразительно большие различия.

Источниками, из которых взяты приводимые далее в большом количестве основные числа, служили, кроме отчета о русской переписи 1897 г., преимущественно подлинные отчеты о переписях разных стран, перечисленные в 2-й главе моего сочинения «Заветные мысли» (1904). Затем «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich (herausgegeben von Kais. Statistischem Amt)» (1906), наконец, «The Statesman's Year-Book for 1906 (by Keltie and Renwick)».

Хотя обе последние книги назначаются преимущественно для статистики Германии и Великобритании, но в них содержатся и многие новейшие данные, относящиеся к странам всего света. Там, где оба эти источника оказывались разноречащими и где я мог разноречие проверить по подлинникам, почти везде английский источник оказывался точнее немецкого, хотя в обоих немало неясностей и ошибок (или опечаток, которых трудно избежать при множестве цифр) по отношению к чужим странам, данные для которых обрабатывались, очевидно, с меньшим вниманием, чем для своих стран. Особенное значение имеет при этом то обстоятельство, что число жителей стран в разных сводных таблицах обыкновенно относится к различным срокам, иногда неизвестно к каким. Чтобы избежать этого, я немало старался,

рассчитывая годовой прирост (процентный и абсолютный) числа жителей, все данные привести к одному сроку, за который избрал 1 января (нов. стиля) 1907 г., чтобы по возможности получить сведения о современном числе всех жителей. Пути, которыми велись расчеты,— там, где их можно было сделать с некоторой степенью точности или с возможной вероятностью,— указаны далее в численных примерах.

Полагаю, что для познания России основные статистические сведения о странах всего света получают наибольшее значение, если первоначально сопоставить Россию лишь с наиболее важными мировыми государствами, а потом с совокупностью данных для всего света. Такой прием вынуждается еще тем, что не только Россия расположена в двух частях света, но и многие государства имеют часто владения, друг от друга удаленные, а обзор для всего света естественнее всего расположить по географическим странам света, причем нередко разъединяются части одного целого государства. Так, у Англии (Британской империи) имеются обширные владения во всех пяти частях света, и если одна Англия сама по себе мала по сравнению с Россией, то совокупность ее владений оказывается большей не только по числу всех жителей, но и по поверхности. Скопление под некоторыми державами большого числа подданных и значительной поверхности земель составляет современное явление, имеющее очень разнообразные исторические корни в прошлом и виды в будущем. Сложение и силы, сдерживающие такие огромные мировые единицы, каковы Россия, Китай и Соединенные Штаты, конечно, не совершенно одинаковы, но все же между собой близки, как близки условия и способы образования Британской империи и Франции, а также и Германии, которая почти тотчас за своим сложением стала держаться колониальной политики, при которой весьма часто объединение под единой державой определяется вовсе не какими-либо видами внешнего и внутреннего единства (языка, целей, территории и т. п.), а просто политикой и современными преимуществами в силе, чему наиболее яркий пример представляет разделение почти всей Африки между немногими европейскими колониальными державами.

Как бы то ни было, наше переходное время отличается от сравнительно недавнего прошлого времени, даже каких-нибудь лет за 300 тому назад, тем, что прежде преобладали мелкие державы, а ныне как по числу жителей, так и по поверхности занятой суши сильно преобладают прочные, не единичные, но очень немногочисленные крупные или «мировые» державы, перед которыми временно когда-то существовавшие единичные завоевательные империи, хотя бы Рим или татарско-монгольские, оказываются не только скоропреходящими, но и меньшими по числу жителей и даже по занятому пространству. Не входя, однако, в суждение ни о прошлом, ни о будущем, должно ясно видеть, что в наше время шесть крупнейших государств мира, а именно: Россия, Германия, Франция, Англия, С.-А. С. Штаты и Китай — уже соединили в своих руках более двух третей всех жителей Земли и всей населенной суши, как это далее показано в подробном перечислении. Очевидно, что дальнейшая судьба людей прежде или ближе всего определяется этими мировыми державами, внутренними их событиями, взаимными соотношениями и влиянием на отдельные более мелкие государства. Англия успела уже захватить все, чего было можно достигать морскими силами, притом всегда соединенными с земледельческими и всякими промышленными; а Японии остались лишь оборыши для расширения своей территории, или надо долго и сильно бороться с такими оригиналами, каковы Англия, Россия, Китай, Франция и Соединенные Штаты. Еще с каждой отдельной из этих держав, судя по предшествующему опыту, Япония может надеяться в борьбе, но с совокупностью нельзя и думать бороться, а совокупность, очевидно, образуется, если Япония зарвется и особенно если она задумает всего достигать лишь силой войн. Не должно затем забывать, что в Японии уже теперь теснота такая же, как в Англии. Англии есть куда отправлять избытки своего народа, а Японии надо такие места еще отнимать от иных, и не от малых народов, а от больших мировых держав. Все это заставляет меня полагать, что дальнейшая история Японии ничуть не может быть подобной прошлой истории Англии. Если кому предстоит прежде всего сталкиваться с Японией, то, конечно, нам, если за время, т. е. ничуть не мешкая, Россия не за-

ключит союзов с Англией и Китаем, при посредстве которых, быть может, удастся сговориться и с Японией, часть умных людей в которой, как слышно, не прочь вступить в союз с нами, понимая, что времена войн и прочных военных успехов канули в вечность, а будущее принадлежит объединяющему умственному, моральному и промышленно-экономическому развитию и, будем надеяться, ничуть не определится ни военными успехами, ни [преобразованиями] мечтателей и гордецов разного покроя. На основании соображений, здесь развитых, я не включал и включить не должен Японию в число важнейших мировых держав, где ей нет места и по величине. Ныне мало вероятно образование, даже при помощи завоеваний, не только новой Римской, но даже и новой Британской империи, хотя мыслимо объединение многих стран, например республик Южной Америки. А если бы достиглось хотя какое-нибудь общее соглашение между всеми шестью названными мировыми державами, то, наверное, общие цели, т. е. внешний мир и внутренний порядок, были бы достигнуты наиболее простыми, верными и легкими способами. Во всяком случае, познание России должно много выиграть от сопоставления данных, для нее известных, с числами для остальных вышеназванных держав. К обзору их мы перейдем ранее, чем к данным для всего света, особенно потому, что здесь удобнее всего выяснятся приемы счисления, примененные далее ко всем странам.

По отношению к содержанию сведений, собранных мною для стран всего света и представляющих тот или иной интерес при сравнении с русскими данными, приведенными в моей книжке «К познанию России», считаю необходимым заметить, что я различаю и отделяю то, что относится прямо к народонаселению, от того, что отвечает его деятельности, особенно хозяйственной. Данные обоих родов находятся, конечно, в тесной между собой связи, но здесь, т. е. в предлагаемой теперь статье, рассматриваются только первичные данные о самом народонаселении, потому что обработка сведений хозяйственного свойства представляет многие затруднения, и я не успел еще их преодолеть, т. е. отлагаю до другого раза, если осилить удастся. В отношении к народонаселению каждой страны и суммы стран⁸ считаю воз-

можным ограничиться пятью важнейшими родами данных, потому что иные (например, распределение числа жителей по возрастам, а земель, по способности к хлебопашеству)⁹ сведения неизвестны для большинства стран или известны только в общих крупных числах, а некоторые в процентном отношении изменяются лишь незначительно. Приводимые же данные, особенно три из них (число жителей, годовой прирост и количество земли), имеют столь важное значение для понимания взаимного отношения стран, что я употребил все мне доступное для придания этим числам возможно полной благонадежности, хотя, к сожалению, еще донныне имеется немало стран, для которых статистические данные или гадательны, или сомнительны.

В столбце первом (А) [см. табл. 1 на с. 589] приводится число всех жителей соответственной страны. Числа даны в миллионах, а там (например, в Англии, Германии и т. п.), где отчетливость данных позволяла, или там (например, для Люксембурга или для Новой Гвинеи), где незначительность числа жителей этого требовала, приведены десятые, а иногда и сотые, даже тысячные доли миллионов. Особенность чисел (числа жителей), приводимых в предлагаемых далее таблицах, состоит в том, что они относятся к началу 1907 г., когда должна явиться в свет моя статья. Вероятно, читатели уже успели заметить, что данные о числе жителей разных стран весьма сильно различаются, смотря по источнику, из которого они заимствованы, и по срокам, к которым относятся¹⁰ (лишь сравнительно в редких случаях указываются эти сроки).

Таким образом, числа часто становятся несравнимыми и общие результаты не современными, а отсталыми. Зная годовой прирост (столбец В), по способу, далее описанному, я привел все данные к одному сроку, а именно к январю 1907 г. Такое приведение, как и сам счет жителей при переписях, конечно, не представляет абсолютной точности, но когда известен срок переписи и прирост, погрешность не может быть значительной и получаемые числа все же сравнимее между собой, чем в том случае, когда числа жителей в разных странах даны для разных сроков. Что же касается до таких стран, как независимое Конго, где никогда не делалось чего-либо подобного народной переписи и где лишь по приближению и, так сказать, «на глаз»

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

принимается 30 млн всех жителей, то тут уже ничего поделывать пока нельзя и надо только помнить, что лет за 50 тому назад или даже менее и не подозревали в тех местах никаких жителей или никто не решился бы сказать какую-либо цифру, потому что в части тех мест и не бывало европейских или арабских путешественников, торговцев или миссионеров, от которых чаще всего черпаются первичные сведения. Ныне таких стран уже нет, и примерное число жителей надо считать известным даже для внутренних частей Африки и Австралии.

Во втором столбце (*B*) наших таблиц приведены (опять в миллионах и их частях) данные, относящиеся к годовому приросту жителей стран, т. е. разность числа жителей страны для двух друг за другом следующих годов. Обыкновенно это число выражается в процентах, что дает возможность сравнивать страны по относительной их способности к изменению количества своего населения как путем естественного перевеса рождений над смертями и выселениями (эмиграциями), так и путем иммиграций (прибыли переселенцев из других стран). Но один процентный способ выражения годового прироста не только не дает прямой возможности производить складывание чисел прироста разных стран, но и не позволяет сразу судить о значении чисел, так как большой процент прироста в малонаселенных странах мало влияет на общий прирост числа жителей и вообще не дает прямых указаний на ближние и дальние сроки, тогда как абсолютные величины прироста имеют более ясное значение в указанных умыслах. Так, например, весьма поучительно во многих отношениях узнать, что в Британской империи при 410 млн жителей вероятный годовой прирост около 1,9 млн, а в Российской империи при 148 млн жителей вероятный годовой прирост более 2,2 млн; в то время, когда во Франции прибывает 90—100 тыс. жителей, в Германии прибывает 836 тыс., т. е. раз в восемь или девять большее число жителей. Подобные сопоставления абсолютных величин прироста рисуют в будущем вероятность таких изменений, которых иначе нельзя было бы предвидеть¹¹.

Третий столбец (*C*) показывает — опять в миллионах и их десятичных подразделениях — разность между числом лиц женского и мужского пола, а так как эта разность определяется перевесом в ту или другую сторону, то знак «+» (плюс) означает преобладание женщин, а знак «-» (минус) перевес в числе мужчин, что встречается особенно часто во всех внеевропейских странах. Значение чисел этого столбца еще не совершенно ныне ясно, но приводится мной особенно потому, что численное отношение лиц разного пола может быть влиятельным для определения семейственности и прироста жителей, а судьбы человечества от этих факторов должны, несомненно, много зависеть.¹²

Четвертый столбец (*D*) показывает в миллионах квадратных километров и их подразделениях поверхность всей суши, занимаемой странами, а эти числа сами собой понятны. В квадратном километре, как известно, 100 гектаров, а потому 100 *D* покажет число миллионов гектаров всей земли, а при разделении на общее число миллионов жителей (*A*) получается число гектаров всей земли (пятый столбец *E*), приходящейся в среднем на каждого жителя. Так как величина гектара немногим меньше, но все же близка к величине русской десятины (гектар = 0,9153 десятины), то число гектаров на душу близко к привычному для русского уха числу «десятин на душу».

Все предлагаемое в дальнейшем изложении составляет не что иное, как продолжение недавно явившейся моей книги «К познанию России», что я даже старался выразить и в самом заглавии.

Там дело шло исключительно о внутренних наших соотношениях, а здесь имеются в виду почти исключительно внешние отношения России. Они тесно связаны друг с другом всегда и всюду, а у нас тем более, потому что страна наша более, чем все другие крупнейшие страны, обладает чисто континентальным характером, представляет путь, по которому шло великое переселение народов, имеет громадные сухопутные границы и обладает ничтожно малым количеством берегов свободных, незамерзающих морей. В этом смысле Россия представляет — более, чем какая-либо иная страна, — срединное царство, заинтересованное в ходе и направлении международных отношений. Поэтому нам — русским — необходимо хорошо знать другие страны и весь свет в мере не меньшей, чем англичанам, имеющим владения во всех частях света.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДАННЫЕ О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ ШЕСТИ НАИБОЛЬШИХ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ

Так как при современном распределении обладания землею наибольшее число жителей и наибольшая поверхность Земли соединены под державою английского короля или императора Британии, то наше перечисление сведений, относящихся к народонаселению великих держав, начинается именно с Англии. [...]

Общая перепись 1 апреля (нов. ст.) 1901 г. дала для Великобритании следующие числа:

Соединенное королевство (United Kingdom)	Поверхность, англ. кв. миль	Жителей мужского пола	Жителей женского пола	Всего жителей
Англия и Уэльс (Wallis)	58324	15728613	16799230	32527843
Шотландия	30405	2173755	2298348	4472153
Ирландия	32360	2200040	2258735	4458775
Прилегающие острова: Мэн, Джерси и др.	302	70576	79794	150370
Армия и моряки в море	—	367736	—	367736
Итого	121391	20540720	25436107	41976827

Общее число жителей с 1861 г. возросло, судя по соответственным переписям, довольно неравномерно:

По переписи 1861 г. всех жителей 29321 тыс.				Средний годовой прирост в % ¹³			
»	»	1871 »	»	»	31845	»	0,83
»	»	1881 »	»	»	35241	»	1,01
»	»	1891 »	»	»	38105	»	0,78
»	»	1901 »	»	»	41977	»	0,97

Так как процент прироста здесь, как и в большинстве случаев, колеблется, то для годов, следующих за последнею переписью, можно приписать вероятность только среднему числу, которое здесь близко к 0,90 %, а потому в 1905 г. население можно принимать, с большою вероятностью, близким к 41 977 (1901) и = 43 434 тыс., 1 апреля 1905 г. к 43 825 и 1 апреля 1907 г. к 44 219 тыс., и абсолютный годовой прирост тогда должен быть около 394 тыс., следовательно, месячный прирост должен быть около 33 тыс. Отсюда очевидно, что к 1 января 1907 г., т. е. к тому сроку, который принят во всех наших сличениях — в Соединенном королевстве должно

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

признать всех жителей около 44 219 — 3×33 или 44 120 тыс., а годовой прирост около 394 тыс. Оба эти числа, само собою разумеется, представляют только приближение к действительности, т. е. содержат свою погрешность, но едва ли она в данном случае более 1 %, и уже во всяком случае указанные числа отвечают современности ближе, чем простое повторение чисел переписи 1901 г. А так как для нашей цели (по возможности выяснить общие современные мировые отношения стран по их народонаселенности) необходимы преимущественно лишь единообразие и одновременность крупных данных, то указанные числа можно считать образцом возможной здесь точности, тем более что в общей сводке придется, как скоро увидим, ограничиться лишь крупными цифрами, например миллионами и их десятыми, в счете общего числа жителей.

Но ранее, чем идти дальше, укажем на то примечательное явление, которое представляет Ирландия относительно убыли в ней жителей. Переписи дали для нее следующие числа в тысячах жителей:

Перепись	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.	1901 г.
Жителей	5799	5412	5175	4705	4459

Убыль эта (в год примерно средним числом по 34 тыс.¹⁴) определяется, как известно, преимущественно склонностью ирландского народа к земледелию, малоземельем (в 1861 г. на жителя приходилось лишь около $1 \frac{1}{2}$ гектара), плохими порядками в распределении землепользования и происходящим отсюда стремлением к переселению преимущественно в С.-А. С. Штаты (в 1905 г. 44 тыс. ирландцев эмигрировали в С.-А. С. Штаты, а всего выселилось в этом году из Ирландии 50 тыс.) и другие места, где еще много природных условий для занятий преимущественно земледелием. Убыль ирландцев возмещается, значит, прибылью американцев, а на месте преимущественно англичанами, которых в 1861 г. было около 19 млн, а в 1901 г. стало около 33 млн, хотя и англичане за эти годы выселялись из Англии в немалом числе, даже в 1905 г. эмигрировало около 170 тыс. англичан. Но и при значительной эмиграции рождаемость Англии и Уэльса столь велика (около 2,8 %), а смертность столь мала (около 1,6 %), что общий годовой прирост достигает до 1,2 %, как видно из данных:

	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.	1901 г.
	20066	22712	25974	29003	32528 тыс.
год.% =	1,24	1,34	1,10	1,14 %	

что дает в среднем 1,205 %.

Очевидно, что в общем увеличении народонаселения первостепенную роль играет численное отношение полов, а потому везде, где то известно, это отношение далее приводится. Хотя чаще всего это отношение выражается числом лиц женского пола на 100 лиц мужского пола, но мне кажется наиболее поучительным выражать или приводить абсолютную разность числа лиц обоих полов, условившись вычитать число мужчин из числа женщин, а не наоборот, потому что в большинстве европейских стран женщин более, чем мужчин (в обратном же случае получится, очевидно, отрицательная разность). Иногда сверх того приводится мною процентное отношение упомянутой разности к общему числу лиц обоих полов, так как каждое из этих данных, при знании общего числа жителей, дает абсолютное число мужчин и женщин. Например, если известно, что при 128 239 тыс. жителей разность (ж. — м.) равна 711 тыс. (т. е. составляет около 0,554 %), то очевидно, что, прибавив к половине общего числа жителей (64 119,5) половину разности (ж. — м.), т. е. 355,5, получим число женщин = $64\,119,5 + 355,5 = 64\,475$, а вычитая указанные числа ($64\,119,5 - 355,5$), получим число мужчин = 63 764 тыс., что и выражает отношение лиц обоих полов для России, для которой значит (ж. — м.) или $C = 711$ тыс., или 0,554 %. Для Соединенного королевства в 1901 г. $C = 21\,436 - 20\,541 = 895$ тыс., или 2,132 %, а это указывает, что в Англии (или вообще в Соединенном королевстве) преобладание женщин

сильнее развито, чем во всей России. Сохраняя тот же процент перевеса, получим к началу 1907 г. (44 120 тыс. жителей) $C = 941$ тыс. (2,132 % от 44 120 тыс.).

Таким образом, для Англии, или, точнее, для Соединенного королевства, получаются следующие четыре числа, характеризующие к 1907 г. населенность этой страны: 1) поверхность суши 121 391 англ. кв. миль, или в тысячах квадратных километров, которыми мы станем выражать площади земли, $D = 314,40$ тыс. кв. км; 2) общее число жителей в миллионах, $A = 44,12$ млн; 3) годовое увеличение числа жителей, $B = 394$ тыс., и 4) перевес в числе лиц женского пола (ж. — м.) или $C = 941$ тыс.

Хотя историко-политический центр громадной Британской империи (The British Empire) содержится в небольшой по размерам Англии или Соединенном королевстве¹⁵ но современное значение ее, исключительное богатство и влияние на будущие судьбы всего мира определяются обширными и многочисленными владениями в Азии, Африке, Америке и Австралии. Обзор их мы и расположим по общепринятым странам света, хотя следовало бы не отделять Европы от Азии, так как маленькая Европа составляет лишь северо-западный полуостров Азии, от нее ничем резко не отделяющийся, и Россия, расположенная в этих обеих частях света, явно назначена самую историю для того, чтобы соединить между собою страны одной из географических частей света.¹⁶

Чрезвычайную особенность и большое историческое значение имеет то обстоятельство, что владения Англии расположены во всех краях света и что они, будучи связаны между собою только океанами и морями, занимают иногда лишь малые части суши (например, Гибралтар, всего 5 кв. км) и составляют, таким образом, собственные морские станции для военного и торгового флотов империи. Путь к Индии, Китаю и Австралии обставлен такими станциями, часть которых представляет, подобно Цейлону, и самостоятельный интерес торгово-промышленного свойства. Все эти станции соединяем под одним общим названием «Путевые владения Англии».¹⁷

Между ними на первом плане, конечно, должно поместить такие сильно укрепленные станции и надежные порты, каковы *Гибрал-*

тар и *Мальта*. Поверхность, занятая Гибралтаром, около 5, а Мальтою — около 303 кв. км, жителей же (с войском) 27 и 205 тыс. Другие, нас интересующие данные (B , или годовой прирост, и C , или перевес женщин) для указанных и большинства перечисленных далее «путевых владений Англии» или не известны, или представляют малый общий интерес, а потому ограничиваемся данными для поверхности суши D (в кв. километрах) и для числа всех жителей A (в тысячах лиц):

1) и 2) *Гибралтар* и *Мальта*: $D = 308$ кв. км, $A = 232$ тыс.

3) Остров *Кипр* (стал английским с 1878 г.): $D = 9373$ кв. км, $A = 240$ тыс.

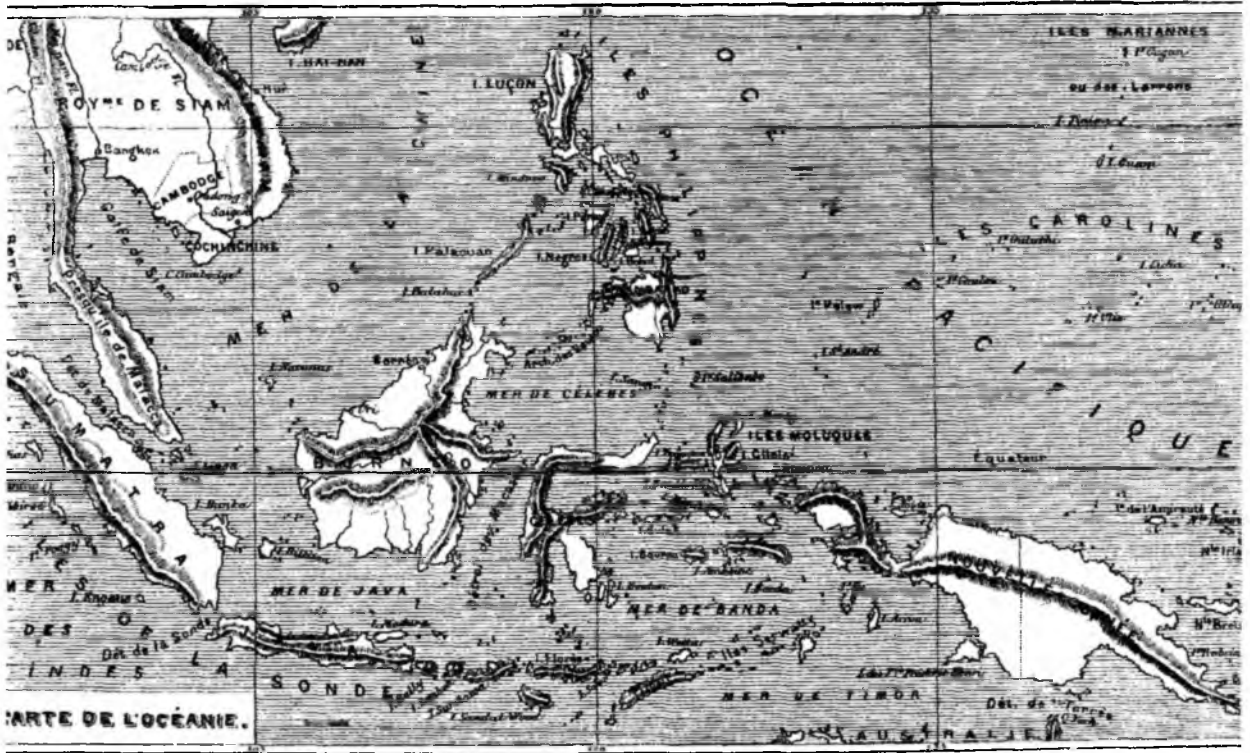
4) Не говоря о Египте, считающемся в турецком подданстве, но в действительности находящемся под английским «протекторатом», путь по Красному морю охраняем англичанами при помощи занятия острова *Перима*, лежащего в самом Баб-эль-Мандебском проливе, и соседнего вулканического полуострова Аравии — *Адена*. Оба эти укрепленные места подведомственны ост-индскому управлению.

Прилегающие к Адену местности отчасти оспариваются в пользу Англии, а без них: $D = 30$ кв. км, $A = 44$ тыс.

5) и 6) Англичане заняли также прилегающие к Адену острова *Курия-Мурия* и остров *Сокотора*, более близкий к Африке: $D = 3669$ кв. км, $A = 12$ тыс.

7) В Персидском заливе англичане (с 1869 г.) занимают *Баренские острова* (Bahrein Islands), прилегающие тоже к Аравии, как и предшествующие. Величина поверхности и число на них жителей точно не известны, можно указать лишь приближенные величины: $D = 700$ кв. км, $A = 80$ тыс.

8) Остров *Цейлон*, с его гаванями (например, Коломбо) и тропическими продуктами, еще в XVIII в. перешел от португальцев к англичанам, введшим там, как и во многих других своих колониях, представительное местное самоуправление. На Цейлоне ведутся переписи, показавшие большую (1,81 % в год) прирост населения, зависящую отчасти от того, что из прилегающей Индии переселяется на Цейлон немало народу. По данным переписи 1901 г. (3587 тыс.) можно полагать, что к 1907 г. число жителей дойдет до 3972 тыс., но поверхность острова так велика и климат такой благодатный, что число жителей, даже при занятии почти одним зем-

Карта Океании. Со старинной гравюры

леделием, может еще много возрастать, потому что ныне на душу — при благодатнейшем климате — приходится почти по 2 гектара: $D = 65\ 609$ кв. км, $A = 3972$ тыс.

9) Острова *Сингапур* и *Пенан*, около Малакки, вместе с мелкими соседними островами (Christmas Island и Cocos Islands, присоединенными лишь лет 20 тому назад) образуют то путевое владение Англии, которое известно под именем «The Straits Settlements» («оседлость в проливах») и которое служит Англии весьма много в разных отношениях, особенно торговых. Граница по суше полуострова, сколько мне известно, не установлена твердо, а потому общая поверхность известна недостаточно точно, но население (годовой прирост около 1 %, перевес женщин $C =$ около 32 %) подвергнуто переписи, а потому известно довольно точно: $D = 1550$ кв. км, $A = 607$ тыс.

10) *Малайский полуостров*, к которому близки Сингапур и Пенанг со многими своими местными султанами, давно подпал под английское влияние, а с конца 80-х годов находится прямо под протекторатом, который, в сущности, мало чем отличается от прямого подданства. Считается здесь четыре государства: Perak, Selangor, Negri Sembilau и Pahang. Поверхность и число жителей (1901) довольно хорошо известны, и примечательно, что перевес числа мужчин (488 тыс.) над числом женщин (190 тыс.) достигает совершенно исключительной величины 44 %, т. е. $C = -44$ % или $= -298$ тыс. на 678 тыс., что определяется тем, что здесь живет около 300 тыс. китайцев, которые переселяются почти всегда без женщин: $D = 68\ 414$ кв. км, $A = 700$ тыс.

11) На самом юге Малаккского полуострова лежит небольшое государство *Iohore*, также вошедшее под английский протекторат, однако сведения о нем не полны: $D = 23\ 300$ кв. км, $A = 200$ тыс.

12) Громадный остров *Борнео* (около 1813 тыс. кв. км, с 2 млн жителей) в северной и северо-западной своих частях с 80-х годов постепенно подпадает под английское владычество. Здесь четыре особых управления: Северного Борнео (жителей около 160 тыс.), Брунея (Brunei)

Карта Ост-Индии. XIX в.

(10 тыс. жителей), Саравак (здесь давно раджа англичанин Sig A. I. Brooke) (около 500 тыс. жителей) и остров Лабуан (78 кв. км и 9 тыс. жителей): $D = 197\,192$ кв. км, $A = 700$ тыс.

13) В 1841 г. Китай уступил Англии на юг от Кантона, на берегу океана, небольшой остров, где устроен с тех пор известный во всем свете по своим торговым оборотам с Китаем и Японией — Гонконг: $D = 75$ кв. км, $A = 340$ тыс.

14) В 1898 г. Китай уступил Англии Вей-ха-вей: $D = 828$ кв. км, $A = 150$ тыс.

Для суммы всех 14 «путевых владений Англии» $D = 0,3710$ млн кв. км, $A = 7,28$ млн. Эти две суммы показывают (табл. 1—10), что перечисленные выше «путевые владения» по площади уже больше самой Великобритании, по населению же в 6 раз меньше, а потому могут вместить очень много народу, так как расположены все среди моря и в благодатнейших климатах Северного полушария, не имеющих понятия о замерзающих морях. Годовой прирост (B) для большинства перечисленных стран неизвестен, но для Цейлона, самой населенной части «путевых владений Англии» годовой прирост, как указано выше, известен и много более обычного (около 1%), а потому прирост в 1%, или 73 тыс. в год, для всей совокупности исчисленных стран можно смело принять, что и вписано в табл. 1, но при числе поставлен знак (*), показывающий, что

число это не составляет прямого вывода из наблюдений, а найдено по некоторым особым соображениям. Таково и число C , потому что для большинства рассматриваемых стран число лиц обоих полов неизвестно. А так как для всей Индии недостаток женщин велик (что далее разобрано), для нее $C = -1,7\%$, и так как для Сингапура и соседних с ним стран известен, как указано выше, большой недостаток женщин, то я полагаю возможным признать здесь $C = -0,8\%$ (около половины того, что дает Индия), или $C = -58$ тыс., что и внесено в табл. 1. Надо думать, что действительность для B и C дает здесь более того, что нами условно принято для сводной таблицы.

Ост-Индия, или просто Индия, составляет не только перл английских владений, но и важнейшую часть всего Старого Света, так как, судя по языку, вся масса европейцев, или арийцев, произошла оттуда, что и выражается в названии «индоевропейцы», и в этой колыбели народов поныне живут тесно, но без достаточного внутреннего объединения (например, по сравнению с Китаем), что и служило во все времена к сравнительно легкому завладению этой страны пришельцами, какими должно считать и многочисленных мусульман, и англичан, число которых (конечно, вместе с шотландцами и ирландцами) не достигает во всей Индии 100 тыс. (в 1901 г. 96 653 чел.). В числе англо-индийских владений различаются собственно британские провинции (British Provinces) от индийских государств (Native States), потому что в первых из них главное управление сосредоточено в руках английских чинов, а во вторых управляют местные владетельные султаны или раджи, при содействии особых при каждом английских агентов. По числу жителей и занятой поверхности преобладают первые. Между первыми важнее всех Бенгалия (75 млн жителей), Мадрас (около 38 млн жителей), Агра, Пенджаб, Бомбей и Бирма. Для них число жителей по переписи 1891 г.¹⁸ = 221 196 тыс., а по переписи 1901 г. = 231 855 тыс., с преобладанием мужчин, равным 3211 тыс. ($C = -1,385\%$). Между индийскими государствами (Native States) больше всех Гайдерабад, а для всех в совокупности жителей по переписи 1891 г. 66 075 тыс., по переписи же 1901 г. только 62 964 тыс. (эта убыль народонаселения произошла от бывших голодовок), из них мужского пола 32 147

и женского 30 315 тыс., следовательно, мужчин более на 1832 тыс. ($C = -2,913\%$). Для всей английской Индии поверхность суши $D = 4575$ тыс. кв. км. Число всех жителей в 1891 г. = 287 271 тыс., в 1901 г. = 294 811 тыс. Эти числа дают средний годовой прирост в 0,26 %, а потому к 1907 г. число жителей можно принять: $A = 299,4$ млн. Очевидно отсюда, что $B = 0,00260 \times 299,4$ млн = 778 тыс. Для 1901 г. число женщин — мужчин = - 5043 тыс. на 294 811 тыс., следовательно, для этого года $C = -1,71\%$. Предполагая, что этот же процент перевеса сохранится к 1907 г., получим для него $C = -5120$ тыс. Это показывает, что в Индии для уравнения числа мужчин и женщин недостает более 5 млн женщин. Число это столь велико, что невольно останавливает внимание и заставляет нас и всех останавливаться над отношением числа лиц обоих полов. Но теперь пойдем далее к перечислению владений Англии. Хотя размеры Индии велики (почти такие же, как Европейской России — без Финляндии), но они далеко уступают размерам африканских, американских и австралийских владений Англии, взятым в отдельности; так, одна Канада с Лабрадором в 2 раза более всей Индии; но нигде нет такой населенности. И здесь видна такая же разбросанность этих владений, как в Азии, и такая же, как видели выше, заботливость об островных и береговых морских станциях, обеспечивающих морские сношения между всеми частями света, где твердо водружено английское знамя.

При обзоре африканских владений Англии следовало бы начать с Египта, но страна эта соединяет в себе три владычества: египетского хедива, турецкого султана и английской оккупации, так что и не разберешь, кого тут считать во главе. По этой причине мы сочтем Египет отдельно от других государств (в табл. 2), считая в нем верховенство Турции, как следует по букве дипломатических документов. Прилегающая к верховьям Нила часть Судана, издавна постепенно занимаемая египетскими властями, как известно, недавно восстала под начальством махди, и только благодаря усилиям соединенной англо-египетской армии удалось победить это восстание в 1899 г., по окончании которого английское правительство заключило с Египтом конвенцию, по которой над покоренной частью Судана развеваются сразу два флага:

египетский и английский. По этой причине, по крайней мере половину названной части Судана справедливо считать английскою. С нее мы и начинаем наш перечень африканских владений Англии.

1) Англо-египетский Судан составляет восточную часть Судана, считая окрестности озера Чад границею французской части Судана, прилегающей к Сахаре. От остального Египта условною границею служит параллель 22° сев. широты; с востока Англо-египетский Судан граничит с Абиссиниею, а с юга — с Угандою, принадлежащей Англии, и с северною частью независимого Конго, образующего истинный центр Экваториальной африки. Поверхность всего англо-египетского Судана, хорошо еще не измеренного и еще не имеющего твердых границ, считается близкою к 950 тыс. англ. кв. миль, или около 2400 тыс. кв. км. Жителей на этой обширной области (примерно равной нашему Южно-Сибирскому, или Киргизскому, краю) считается не более 2 млн, т. е. она населена в 2 раза реже, чем Киргизский край, считающийся почти пустынным, как и должно быть для кочевого края. На основании сказанного примем для английской половины: $D = 1200$ тыс. кв. км и $A = 1$ млн. Тут, как и во многих других данных для Африки, уже нельзя требовать большей отчетливости чисел, тем более что часть этих земель, содержащих верховья Белого и Голубого Нила, еще очень недавно стала известна человечеству, и то благодаря только настойчивым усилиям тех же великобританцев, которые покорили эти страны прежде всего своими предприимчивыми географами, подобными Ливингстону, Стенли и другим. Они уже соединили железной дорогой Хартум с Каиром и строят сквозной путь отсюда к южным частям Африки.

2) Одну из важнейших частей африканских владений Англии образует так называемая «Британская Восточная Африка» (British East Africa), расположенная около самого экватора на севере от восточноафриканских владений Германии (граница — озеро Виктория) и на юг от Абиссинии. С 1895 г. здесь явно отличены три составные части: *султанство Занзибар* (занимающее остров Занзибар и часть суши, называемую Пемба), *Уганда* и *протекторат Восточной Африки*. Их поверхность 1020, 89 400 и 190 тыс. англ. кв. миль, в сумме получается 280 420 кв. миль, или

$D = 816$ тыс. кв. км. Народонаселение трех указанных частей британских восточноафриканских владений считается: 200 тыс., около 4 млн и тоже около 4 млн, так что в сумме $A = 8200$ тыс., что опять нельзя считать за число точное, а только как приближенное.

3) Немного севернее вышеупомянутых стран и восточнее Абиссинии лежит часть Сомалийского побережья, покровительствуемого Англией, с главным городом Бербера. Для нее $D = 155$ тыс. кв. км и A принимают $= 300$ тыс.

4) Спулена, прилегающая к озеру Ниасса и почти доходящая до устьев Замбезе (находящихся уже в португальских владениях), получила название *Центрально-Африканского Британского протектората* — «Central Africa Protectorate», или «Nijassaland». Для нее поверхность суши около 110 тыс. кв. км $= D$, а жителей в 1904 г. считалось 924 тыс., а потому можно принять, что к 1907 г. $A = 950$ тыс.

5) Упомянутая «Центральная Африка», прилегая на востоке к большому озеру Ниасса, на западе граничит с северо-восточной частью той *Родезии*, которая получила особую известность во время Трансваальской войны и разделяется на Южную Родезию (страна Матабеле на юг от средней части Замбезе), Северо-Западную Родезию (прилегает к западнопортугальским владениям) и Северо-восточную Родезию (на юг от озера Таганьика до восточнопортугальских владений). Для всех трех частей Родезии $D =$ приблизительно 1120 тыс. кв. км и $A = 1,4$ млн.

6) Южнее Родезии, но севернее Трансвааля и на восток от юго-западных африканских владений лежит *страна бечуанов* (Bechuana-land Protectorate), народа чисто пастушеского. Для нее $D = 998$ тыс. кв. км и $A = 121$ тыс.

7) *Трансвааль*, столь прославившийся новой недавней попыткой свергнуть английскую гегемонию, с 1903 г. вошел в число обычных английских провинций, отчасти с местным самоуправлением. Вместе с прилегающим Свазилендом (Swasiland) поверхность $D = 305$ тыс. кв. км (примерно с нашу Финляндию), и число жителей в 1904 г. 1355 тыс., следовательно, к 1907 г. $A =$ не менее 1380 тыс. Перепись 1904 г. (как белого, так и цветного населения, но без Свазиленда) показала 693 тыс. лиц мужского пола и только 555 тыс. женского (откуда $C =$ около $- 11\%$), что зависит, вероятно, преимущественно от

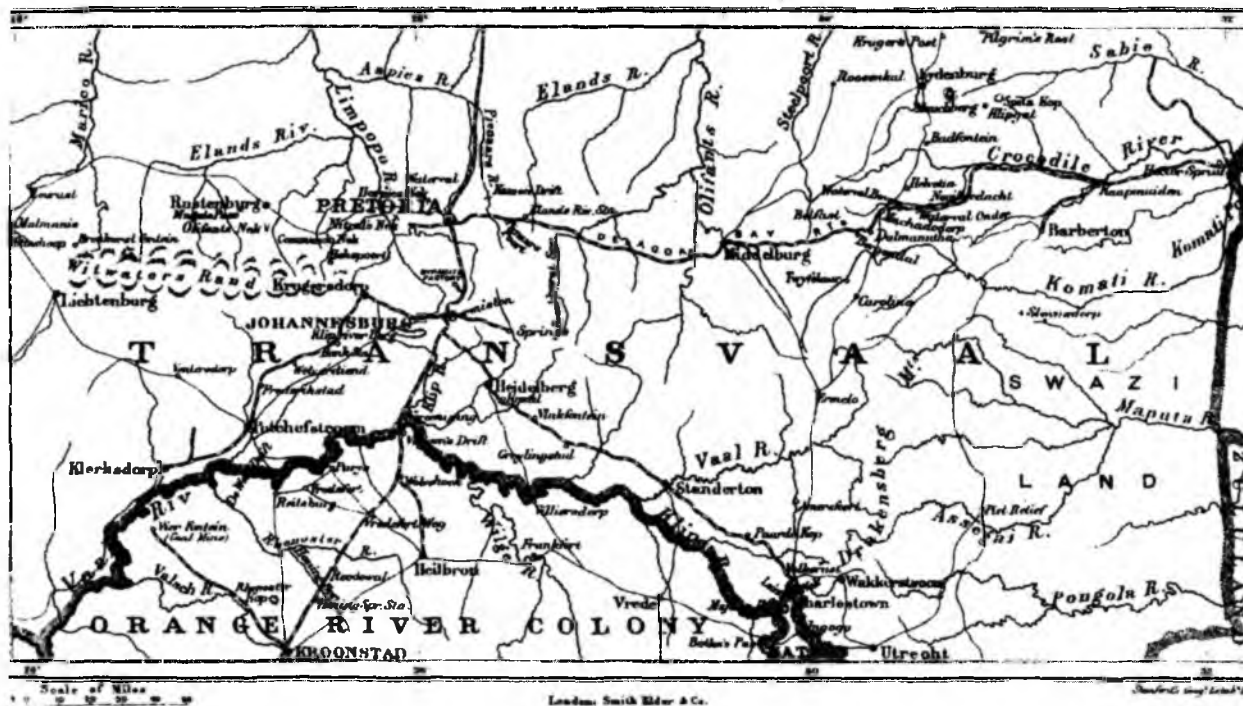
того, что на золотые прииски обыкновенно идут без жен и семей.

8) К Трансваалу примыкает бывшая независимая «*Оранжевая республика*» (Orange Free State), с 1900 г. ставшая английской колонией. Для нее поверхность $D = 130$ тыс. кв. км. В 1890 г. было 208 тыс. жителей, в 1904 г. 387 тыс. и из них более трети (143 тыс.) белых, а число лиц мужского пола преобладало над числом женщин даже и для цветного (местного) населения, а именно из 244 тыс. цветных мужчин было 128 тыс., а женщин 116 тыс., вообще же 210 тыс. мужского пола на 177 тыс. женского, что дает $C = - 8,5\%$. Этот большой процент перевеса мужского населения тем примечательнее, что он хорошо подходит к тому, что выше указано для Трансвааля. Принимая во внимание вышеуказанное, для Оранжевой республики можно (к 1907 г.) принять население $A =$ по крайней мере 400 тыс., а перевес женщин $C = - 34$ тыс.

9) Переходными к колонии мыса Доброй Надежды странами должно считать земли Зулусов и Базутов. Последние образуют особую колонию, а первые вошли в состав Наталья. *Наталь*, прилегая к Индийскому океану (главный город Дурбан), становится одной из богатейших южноафриканских колоний и очень быстро растет, привлекая не только европейцев, но и туземцев, число которых в последние 13 лет более чем удвоилось. Поверхность $D = 92$ тыс. кв. км, а число жителей, бывшее в 1891 г. равным 544 тыс., к 1904 г. возросло до 1109 тыс., так что к 1907 г. можно смело принять $A = 1150$ тыс.

10) *Земля базутов* (Basutoland), гранича с Наталем и колониями Оранжевой реки и мыса Доброй Надежды, будучи хорошо орошена, очень хлебородна. Для нее $D = 27$ тыс. кв. км (примерно как наша Курляндская губерния) и $A = 350$ тыс. Хотя эта часть Южной Африки самая населенная среди соседних, но все же в ней на жителя в среднем приходится около 7,7 гектара.

11) *Капская* (мыса Доброй Надежды) *колонию*, основанная в 1652 г. голландцами, отошла к Англии в 1806 — 1814 гг. и после добавки земли бечуанов и других соседних ныне имеет поверхность $D = 717$ тыс. кв. км. Перепись 1891 г. дала 1527 [тыс.] жителей, а в 1904 г. в той же части колонии оказалось 2123 тыс. жителей, следовательно, годовой прирост был очень велик, около 2,52%. При-

Карта Трансвааля. XIX в.

нимая его и то, что всех жителей колонии оказалось в 1904 г. 2410 тыс., получим к 1907 г. $A = 2577$ тыс. и $B = 64$ тыс. = 2,5 %. Что касается отношения числа лиц обоих полов, то известно, что в 1904 г. из 579 тыс. белых, или европейцев, мужского пола было 318 тыс., а женского 261 тыс., т. е. преобладание мужского пола было очень велико. Перепись показала, однако, что для цветных рас явление обратно: мужчин 900 тыс., женщин 930 тыс., вообще же число мужчин оказалось 1219 тыс., больше, чем женщин, которых 1191 тыс., что даст $C = -28$ тыс., или - 1,2 %.

12) Хотя со всею краткостью, но с возможною обстоятельностью перечислив внутренневосточно- и южноафриканские владения Англии, перейдем теперь к перечислению западноафриканских колоний Британии, расположенных на северном берегу Гвинейского залива и далее к северу вперемежку с владениями Германии (Камерун и Того) и Франции (Слоновый берег, Сенегамбия и Сенегал) и со свободною Либерией.

Первая (идя с юга) и наибольшая западноафриканская колония Англии, т. е. *Нигерия* (и Лагос), расположена между немецким Камеруном и французскою Дагомеей, входящею в состав огромных *Territoires militaires* Франции. Поверхность всей Нигерии $D =$ около 800 тыс. кв. км (примерно как Архангельская или Томская губерния — только с перенесением на экватор), а жителей здесь считают не менее, как $A = 25$ млн, что составляет очень крупную цифру для Африки, где веками длились взаимное истребление и разлады, едва сдерживаемые европейцами, занявшими почти всю Африку. Нигерия, как видно из чисел (D и A), населена довольно плотно, а именно на душу приходится по 3,2 гектара.

13) Колония (и протекторат) *Лагос*, прилегающая к южной части Нигерии и Дагомее, имеет поверхность $D = 84$ тыс. кв. км и жителей в ней $A =$ около 1,6 млн.

14) Колония *Золотого берега*, или Ашантии (с прилегающими протекторатами, в которых оставлены местные владетельные правители), расположена на берегу Гвинейского залива между немецкою колониєю Того и французским «Слоновым берегом». $D = 302$ тыс. кв. км, $A = 1,5$ млн.

16) На север от Либерии по берегу Гвинейского залива расположена английская колония *Сьерра-Леоне*. Для нее приближенно должно принять $D = 10$ тыс. кв. км и $A = 80$ тыс.

16) При устьях Гамбии расположена английская колония (и протекторат) *Гамбия*, для которой $D = 8$ тыс. кв. км, $A = 170$ тыс.

17) Для полноты обзора всех английских владений в Африке не должно упустить из вида, что в Атлантическом и Индийском океанах имеются английские острова, из которых наибольший по размерам ($D = 1826$ кв. км) и по населенности ($A = 380$ тыс.) *остров Маврикия* лежит около французского острова Réunion (в Индийском океане, на восток от Мадагаскара), а наиболее известны острова, лежащие в Атлантическом океане: *Св. Елены*, южнее экватора, и остров *Вознесения* (Ascension Island), немного севернее экватора. Между Африкой и Южной Америкой (на параллели $37^{\circ}6'$ южной широты) группа островков *Тристан-да-Кунья* и на север от Мадагаскара группа *Сейшельских островов* (числом 89) дополняют приведенный перечень.

Положение островов важно, но вся поверхность ($D = 2$ тыс. кв. км) и сумма всех жителей ($A = 425$ тыс.) на всех вышеупомянутых островах Англии имеют, конечно, небольшое значение.

Сводя в одно целое все перечисленные африканские владения Англии¹⁹, получаем сумму их поверхности $D = 6,87$ млн кв. км, а число жителей $A = 46,6$ млн.

Дальнейшие десятичные знаки не приведены по той причине, что некоторые из слагаемых известны не в точности, но только приблизительно. Но эти грубые числа поучительны, потому что дают в среднем на жителя около 15 гектаров земли. Что касается до желаемых сведений о годовом приросте и отношении числа лиц разных полов, то они здесь известны лишь частями и не всегда, и вообще для африканских народов настолько сомнительны, что я не решаюсь приводить их в сводной таблице даже с вопросительным знаком, хотя вообще можно полагать, что ныне в Африке B не менее $A/100$, а C есть небольшая величина, быть может, отчасти положительная там, где преобладают негры и, наоборот, отрицательная там, где преобладают европейцы или арабы (см. выше, а также Египет и Алжир). Английские владения в Америке особенно громадны по обширности Канады, которая, однако, в отличие от всех иных английских земель, расположена отчасти в полярных странах и в этих частях

население имеет редкое, подобное тому, как в сибирских прибрежьях Ледовитого океана.

1) Сама *Канада*, без Ньюфаундленда и Лабрадора, но с островами в Ледовитом океане, имеет поверхность (суши), равную 3620 тыс. англ. кв. миль, или $D = 9376$ тыс. кв. км, т. е. Канада по площади почти в 2 раза превосходит Европейскую Россию. В 1801 г. в Канаде было жителей всего 240 тыс., в 1891 г. жителей было уже 4833 тыс., а в 1901 г. 5371 тыс. Следовательно, годовой прирост от 1891 г. равнялся 2,01 %, а в следующие 10 лет 1,05 %. Приняв это последнее число к началу 1907 г., $A = 5526$ тыс. жителей и годовой прирост $B = 58$ тыс. Перепись 1901 г. дала 2751 тыс. лиц мужского пола и 2620 тыс. женского. Поэтому величина $C = -2,44$ %. Приняв такой же перевес, к 1907 г. получаем $C = -135$ тыс., т. е. здесь, как и во многих других колониях Англии, число лиц мужского пола гораздо более числа лиц женского пола, хотя в метрополии наблюдается прямо противоположное явление. Заметим еще, что число индейцев Канады для 1903 г. равнялось 108 тыс., а число лиц, считающих французский язык природным, 1649 тыс. Те и другие вошли в общий счет.

2) Так же, как получены и разотчены предшествующие данные, для острова *Ньюфаундленда с Лабрадорм* (который представляет огромный, почти пустынный полуостров), приняв $B = 1$ %, получаем: $D = 415$ тыс. кв. км (раза в 1,5 более Финляндии), $A = 233$ тыс., $B = 2$ тыс. и $C = -6$ тыс. Население здесь очень редко (на душу — 177 гектаров) по той причине, что почва камениста и скалиста.

3) На пути из Англии в Вест-Индию, среди Атлантического океана, лежат небольшие *Бермудские острова*, для которых всего $D = 52$ кв. км, $A = 18$ тыс.

4) На юго-восток от Флориды лежит другая группа английских же *островов Багамских*, из которых двадцать обитаемы. Они уже покрупнее: $D = 13\,090$ кв. км, $A = 56$ тыс.

Остальные английские острова Вест-Индии:

5) *Барбадос*: $D = 430$ кв. км и $A = 200$ тыс.

6) *Ямайка* с прилегающими к ней островами (Turks, Cauman и др.): $D = 11\,458$ кв. км, $A = 836$ тыс., $B = 14$ тыс. и $C = +36$ тыс.

7) *Антигуа* и вообще Laward Islands, лежащие между Пуэрто-Рико и Подветренными островами: $D = 1815$ кв. км, $A = 127$ тыс.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

8) *Тринидад*: $D = 4838$ кв. км, $A = 280$ тыс.

9) *Подветренные острова* (Windward Islands) (Гренада, Сен-Винсент и др.): $D = 1316$ кв. км, $A = 180$ тыс.

10) К западу от Ямайки и на юг от Юкатана на материке расположен *английский Гондурас*, славящийся своим красным деревом. Для него $D = 19\,585$ кв. км, $A = 41$ тыс., потому что по переписи 1891 г. было 31,5 тыс., а в 1901 г. 37,5 тыс. и [в] 1904 г. 39,7 тыс. жителей. Преобладание мужчин (20,2 тыс.) над женщинами (19,4 тыс.) несомненное и повторившееся при переписях.

11) На материке Южной Америки у Англии есть своя *британская Гвиана*: $D = 234,4$ тыс. кв. км, $A = 296$ тыс.

12) На восток от Магелланова пролива Англия давно заняла и заселила *Фолклендские острова*, ставшие одними из крупных поставщиков шерсти и баранины: $D = 19\,420$ кв. км, $A = 2$ тыс.

Слагая данные для всех перечисленных американских владений Англии, получаем: $D = 9844$ тыс. кв. км и $A = 7,50$ млн. По числу жителей Канада с Ньюфаундлендом преобладают, содержа (5526 + 233 тыс.) более 75 % населения, а потому, зная, что для Канады и Ньюфаундленда (в сумме) $B = 60$ тыс. и $C = -141$ тыс., можно с большою вероятностью признать для всей суммы английских земель в Америке: $B = 75$ тыс., или 1 %, и $C = -106$ тыс., что и внесено в табл. 1. Из величин D и A видно, что на жителя здесь приходится более 100 кв. км, а именно по 131 гектару. Это почти такой же простор, как у нас в Западной Сибири. Еще больше свободных земель у Англии в ее *австралийских владениях*.

Новый Южный Валлис, Виктория, Квинсленд, Южная Австралия, Западная Австралия и Тасмания образуют ту совокупность самостоятельных штатов (Original States) Австралии, которая собранием 1 января 1901 г. названа «The Commonwealth of Australia» — «Соединенную Австралией». Для нее вообще $D = 7700$ тыс. кв. км. Данные для населения приводим по отдельным штатам для двух последних переписей:

	Тысячи жителей			
	1891 г.	1901 г.	в том числе	
			женщин	туземцев
Новый Южный Валлис	1132	1359	647	4,3
Виктория	1140	1201	597	0,7
Квинсленд	394	503	223	6,7
Южная Австралия	320	362	178	3,3
Западная Австралия	50	190	74	6,2
Тасмания	147	172	83	—
	3183	3787	1802	21,2

Отсюда годовой прирост $B = 1,73$ %, число жителей к 1907 г. $A = 4164$ тыс. и $B = 72$ тыс. На 3,8 млн перевес мужчин (1901 г.) = -183 тыс., следовательно, на 4,2 млн $C = -201$ тыс., или 4,8 %, что характерно, по мне, даже для колоний и зависит от того, что китайцы и другие золотоискатели часто являются в названные страны без жен и семей.

Новая Зеландия с прилегающими более мелкими островами (Кука и др.) представляет поверхность $D = 271$ тыс. кв. км, т. е. в 28 раз меньше Австралии, число же жителей меньше только раз в пять, что зависит, по всей вероятности, от более умеренного климата и отсутствия безводных пустынь, находящихся в Средней Австралии. Перепись 1891 г. дала около 677 тыс. (с туземцами), в 1901 г. около 816 тыс. Следовательно, $B = 1,86$ % (прибывает много переселенцев), $A = 903$ тыс. (к 1907 г.) и $B = 17$ тыс. В 1901 г. было мужчин 429 тыс., женщин 387 тыс., а потому $C = -5,1$, или перевес мужского населения (даже у туземных маори) еще больше, чем для Австралии. В тысячах лиц перевес $C = -45$ тыс.

Для той части *Новой Гвинеи*, которая принадлежит Англии, $D = 234$ тыс. кв. км, $A = 350$ тыс.

Острова *Фиджи* (числом около 200) с главным островом Вичи-Леву (поверхность около 11 тыс. кв. км) занимают поверхность $D = 19$ тыс. кв. км и имеют население $A = 122$ тыс. Перепись показывает и здесь преобладание мужчин (67 тыс.) над женщинами (65 тыс.), что, по-видимому, свойственно австралийцам вообще. $B =$ около 1,4 %, или = 2 тыс., а $C = -12$ тыс.

Острова *Тонга*, или Товарищества, *Соломоновы* и целый ряд других австралийских островов, занятых англичанами или находящихся под британским протекторатом, важны для морского хозяйства в Тихом океане, но никак не по числу жителей или поверхности. Для всех них (наибольшие суть Соломоновы острова) можно принять $D = 26$ тыс. кв. км, $A = 250$ тыс. и примерно положить $B = 2$ тыс. и $C = 0$.

Складывая все выше данное (принимая для Гвинеи некоторый допуск), для британской Австралии и Океании получаем: $D = 8250$ тыс. кв. км, $A = 5789$ тыс., $B = 99$ тыс. и $C = -273$ тыс.

Чтобы получить отчетливое или численное понятие о совокупности условий и сил Англии, складываем вышеприведенные данные, полученные для британских владений во всех частях света, и получаем следующие, по мне, поразительные числа²⁰:

Поверхность суши всей Британской империи	30,2	млн кв. км
Число всех жителей к 1907 г.	411	»
Общий годовой прирост жителей	1,9	»
Общий перевес числа лиц мужского пола	4,6	»

Чтобы иметь возможность счесть две последние данные при недостатке общей цифры для африканских владений Англии, допущено: 1) что умножение населения в этих последних, равное 1 %, или 466 тыс. в год, по всей вероятности, не очень далеко от истины и близко к общему среднему и 2) что в этих владениях нет того перевеса мужского населения, который наблюдается во всех английских колониях.

Но обратимся к существу полученных крупных чисел. Поверхность английских земель, близкая к 30 млн кв. км, раза в три превосходит поверхность всей Европы, хотя англичане занимают не более $\frac{1}{25}$ поверхности самой Европы. Все владения России, не говоря о других государствах, имеющих много меньше земли, занимают площадь около 22 млн кв. км, т. е. раза почти в полтора менее британских. Распределение их во всех частях света и доступность с помощью незамерзающих океанов, которые обезопасены для сношений с метрополией сильнейшим военным флотом, вместе с сильною общею населенностью, промышленно-торговым богатством, твердою искусною политикою и неусыпною деятельностью древнообразованных руководителей делают Англию первою и влиятельнейшею страною во всем мире. Однако у этого колосса есть свои слабые стороны, представляющие будущую угрозу, очевидную из примера С.-А. С. Штатов, лет за полтора тому назад входивших в состав Британии, но отделившихся от нее, несмотря на то, что выходцы из самой Англии составляют и поныне главную силу С.-А. С. Штатов. Давнее и настойчивое выселение ирландцев и несомненные признаки стремления отделиться от метрополии, видные даже в Австралии²¹, не только что в Индии, не говоря о восстаниях, подобных недавнему в Трансваале, показывают, что кое-что существует неладное в порядках, устанавливаемых британцами в подвластных ей странах, хотя Англия и обеспечивает в них основные виды «свобод» и вводит местное «самоуправление». Особо достойно внимания при этом то несомненно малое внутреннее размножение, которое замечается ясно в Индии. В другие английские колонии идут переселенцы иных стран, особенно в Африку, Канаду и Австралию, идут, но преимущественно по причине многоземелья и спроса рабочих рук, а потому «действительный» прирост, т. е. сумма «естественного» прироста (перевес рождений над смертями) и иммиграции, не мал, но в Индии своих рук избыток, а потому остался один естественный прирост, который — что бы ни говорили против того и как бы ни склонялись к мальтузианству, — всегда есть указатель здорового положения народных масс и известной, первичной степени их довольства. В Индии прирост этот едва превосходит 0,25 %, т. е. очень мал для такой производительной страны. Это становится особо ясным, когда соп-

ставить индийский годовой прирост (0,26 %) с яванским, ибо [...], несмотря на сильную тесноту (на Яве на душу — 0,46 гектара в среднем, в Индии же — 1,5 гектара), яванцы множатся как никакой другой народ, а именно годовой прирост более 2 %, т. е. в 8 раз более индийского. Не упущу, однако, заметить, [...] что Индия может давать хотя и не такую же, как Ява, большую годовую прибыль народа, но все же больше, чем 0,25 %, если надлежащим образом изменить порядки — в пользу страны, потому что климат и почва Индии, по всем отзывам, благодатны для больших урожаев, особенно если орошение будет везде, где надо, развиваться в должной мере.

Другая сторона, невольно обращающая на себя внимание при сводке сведений о народонаселении британских владений, состоит в том, что во всех тех колониях этого государства, где велась статистика, женщин оказывается меньше мужчин, и для Индии, в которую переселенцев почти не приезжает, разность эта превосходит 5 млн. Причина такого явления не известна и даже гипотетическое объяснение не напрашивается, но обратить на него внимание я считаю необходимым, особенно для того, чтобы указать на потребность проследить по статистическим данным, идет ли этот перевес мужчин на прибыль или убыль, определяется ли он местными условиями или составляет принадлежность определенных рас, и зависит ли он от избытка рождений мальчиков или от вымирания девочек в определенном возрасте.²²

Обращаясь к *Франции*, поверхность которой $D = 536\,408$ кв. км, укажем сперва общие данные переписей (конец марта):

	1876 г.	1881 г.	1886 г.	1891 г.	1896 г.	1901 г.
Тысяч	36906	37672	38219	38343	38518	38962
Годовой прирост, тысяч ...	153	117	25	35	89	
В %	0,41	0,31	0,07	0,09	0,23	

Годовой прирост, как видно, сперва от 70-х до 90-х [лет] падал, но потом стал, по-видимому, немного возрастать, а потому для годов, следующих за 1901-м, годовой прирост можно принять = 0,23 %, а тогда в 1906 г. (конец марта) должно быть жителей около 39 420 тыс., а к январю 1907 г. $A =$ около 39 490 тыс. Тогда современный годовой прирост B должно принять = 92 тыс.²³ Для определения отношения полов дано переписью 1901 г., что на 18 917 тыс. мужчин было 19 534 тыс. женщин, следовательно, перевес женщин 617 тыс. на 38 451 жителей, откуда при 39 420 жителях $C = + 632$ тыс., что и внесено в табл. 1.

Важнейшею колонию Франции, конечно, должно считать с 1830 г. занятый *Алжир*, который постепенно и донныне расширяется в сторону Сахары, часть которой официально приписывается к Алжиру, но мы подразумеваем под этим названием лишь три департамента: Алжир, Оран и Константину, для которых $D = 479$ тыс. кв. км и число жителей $A = 5127$ тыс., потому что перепись 1896 г. дала 4429 тыс., а 1901 г. 4740, откуда годовой прирост $B = 1,36\% = 70$ тыс. (к 1907 г.). В 1901 г. на 2324 тыс. лиц мужского пола сосчитано 2070 тыс. женского. Перевес мужчин (на 4,39 млн) равен 254 тыс., а потому к 1907 г. должно принять $C = - 297$ тыс. или = 5,8 %, что сравнительно очень много.

Тунис, управляемый наследственным беим и расположенный между Алжиром и турецким Триполи, подчинился Франции с 1881 г. Поверхность его считается $D = 167$ тыс. кв. км, а население A приблизительно (переписи не известны) = 2 млн.

Кроме Алжира и Туниса на материке Африки Франция обладает обширными землями, но достовернейшие статистические о них сведения, касающиеся народонаселения, ограничиваются следующими данными:

Сахара: $D = 4$ млн кв. км, $A = 2600$ тыс.

Сенегал (на берегу Атлантического океана с городами С.-Луис и Дакар): $D = 2$ млн кв. км, $A = 4600$ тыс.

Верхний Сенегал (Сенегамбия) и Нигер: $D = 520$ тыс. кв. км, $A = 3000$ тыс.

Французская Гвинея (около английской Сьерра-Леоне): $D = 250$ тыс. кв. км, $A = 2200$ тыс.

Берег Слоновой Кости (между Либерией и Золотым берегом): $D = 300$ тыс. кв. км, $A = 2000$ тыс.

Дагомея (между немецким Того и английским Лагосом): $D = 160$ тыс. кв. км, $A = 1000$ тыс.

Французский Конго (между независимым Конго и немецким Камеруном): $D = 1200$ тыс. кв. км, $A = 10\,000$ тыс.

Сомалийский берег с Джibuти, получен в 1864 г., находится около Абиссинии итальянской (Эритрея) и английской. Для сомалийской колонии $D = 30$ тыс. кв. км, $A = 50$ тыс.

Сверх обширных владений на материке Африки, Франции принадлежат соседние острова, между которыми первое место во всех отношениях занимает Мадагаскар (длина около 2500 км): с прилежащими мелкими островами его поверхность $D = 573$ тыс. кв. км, $A = 2500$ тыс. На восток от Мадагаскара расположен давно занятый Францией остров *Реюньон*, близ него *Майотт*, а на западе *Коморские острова* (между Мадагаскаром и Африкой), общая поверхность всех их $D = 4$ тыс. кв. км, число жителей $A = 250$ тыс.

Складывая данные для всех африканских владений Франции, получаем поверхность 9692 тыс. кв. км, и число жителей 35,33 млн, что и вписано в табл. 1. Ни годовой прирост, ни отношение числа лиц мужского и женского полов для большинства перечисленных колоний совершенно не известны.

Обширность африканских владений Франции превосходит величину английских владений на этом континенте и близка к поверхности английских владений в Америке. Однако около половины французских земель в Африке представляют жгучие пески Сахары, и в этом смысле английские владения в Африке более ценны. По всей вероятности, английские и французские колонии в Африке приобретут со временем большое мировое значение; начало этого можно ждать уже в XX в., не говоря о дальнейших, когда роль Африки, можно думать, будет очень велика для всего человечества, потому что климат и почва этой части света во многих частях очень благоприятны для земледелия и животноводства (о чем можно судить уже по описаниям природы стран Африки), т. е. для снабжения Европы сырьем, а положение — срединное в некотором смысле между Евро-

пой, Азией и Южной Америкой — обеспечивает обширность возможных торгово-промышленных сношений. Цивилизация негров составляет здесь важнейшую, труднейшую и наименее ясную сторону предмета.

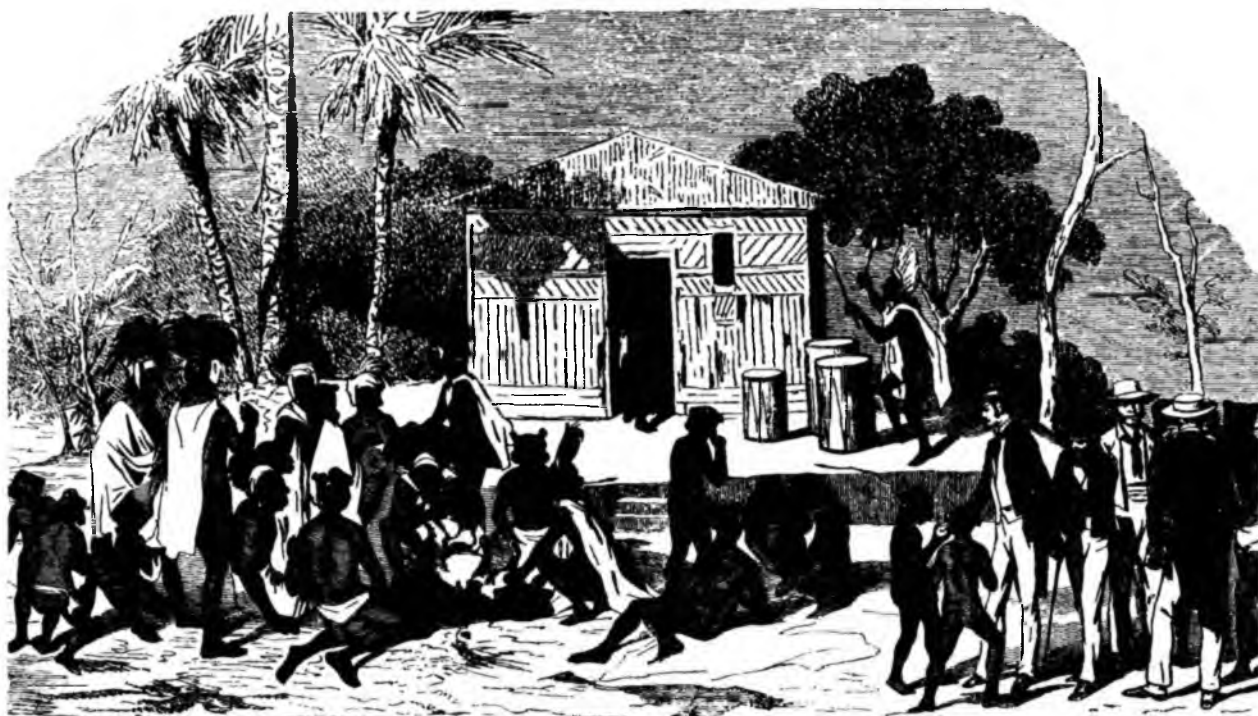
Азиатские владения Франции, а тем более американские и океанические, гораздо менее африканских.

Хотя еще в XVII ст. Франция уже заняла часть *Индии*, но потом потеряла ее, и по трактату 1815 г. за ней остался только небольшой участок земли с главным городом Пондишери (на юг от Мадраса, по направлению к Цейлону). Вся эта земля имеет поверхность $D = 509$ кв. км и жителей $A = 280$ тыс. С 1861 г. Франция стала занимать *Индокитай*, а именно Кохинхину, Камбоджу, Аннам, Тонкин и Лаос, общая площадь которых $D = 663$ тыс. кв. км, с примерным числом жителей $A = 22$ млн, что и составляет ныне одно из важных территориальных богатств Франции, особенно вследствие соседства с Китаем и вообще очень выгодного положения на берегу Китайского моря и Великого океана. Следует, однако, заметить, что Индокитай, хотя не так, как Китай и Индия, все же вообще довольно густо заселен (около 3 гектаров на душу), а потому мало пригоден для приема новых переселенцев, т. е. в этом отношении менее важен, чем африканские или американские владения Франции, могущие свободно принять еще много нового народа.

В *Америке* и Австралии владения французозов незначительны. Около Ньюфаундленда лежат группы маленьких французских островов — *Сен-Пьера и Микелон*: $D = 28$ кв. км, $A = 7$ тыс. Немного южнее Малых Антильских островов и севернее Подветренных лежат две группы французских островов: *Гваделупа и Мартиника*. Для обоих $D = 2766$ кв. км, $A = 390$ тыс. *Французская Гвиана* (куда отправляют каторжников) обширнее: $D = 78$ тыс. кв. км, но малонаселеннее: $A = 33$ тыс.

Еще меньше Франции принадлежит островов в *Океании*, и главный — *Новая Каледония* (место ссыльных) имеет поверхность $D = 20$ тыс. кв. км и жителей $A = 62$ тыс., а ряд мелких, между которыми особенно известны острова *Товарищества* (Таити) и *Маркизские* (Нукагива): $D = 4$ тыс. кв. км, $A = 30$ тыс.

Если сравнить главные данные Франции ($D =$ около 11 млн и $A =$ около 98 млн) с анг-

Жители Маркизских островов. Гравюра. Ок. 1900 г.

лийскими ($D =$ около 30 и $A =$ около 410), то у первых поверхность почти в 3 раза, а число жителей почти в 4 раза меньше, чем для Англии, т. е. у этой последней количественные преимущества очевидны; но нельзя не указать на то, что, почти при равном числе жителей Англии и Франции, первой надо сдерживать в Азии и Африке раз в 8 превосходящее число туземцев чуждых рас, а Франции — едва в полтора раза большее число, чем самих французов, а это представляет немало своих преимуществ при обсуждении предстоящего.

Обращаясь к *Германии*, поверхность которой $D = 541$ тыс. кв. км, считаю полезным сделать сопоставление с Англией и Францией, потому что при таком сравнении ясно видны как особенности стран, так и то общее, что зависит от тесного соприкосновения и близости корней трех передовых народов Европы, определяющих до сих пор главнейшие черты современного положения вещей во всем мире.

Число жителей, в тысячах, к 1 декабря указанных лет по переписям было следующее:

<i>Германия</i>	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1895 г.	1900 г.	1905 г.
Тыс. жителей	42729	45236	46858	49428	52280	56367	60605
Годовой прирост:							
в тысячах		501	324	514	570	817	848
в процентах к среднему		1,14	0,70	1,07	1,12	1,50	1,45

В Англии годовой прирост за последнюю четверть столетия изменился от 0,78 до 0,97 % и наименьший прирост приходится на конец 80-х годов; во Франции за это время прирост изменился от 0,07 до 0,23 % и наименьший прирост опять близок к концу 80-х годов XIX ст.; здесь за это время прирост был гораздо большим: изменился от 0,7 до 1,5 %, но наименьший прирост опять падает, по-видимости, на тот же срок, как видно уже из того, что во всех трех странах с 1890 г. по 1900 г. процент прироста явно возрастает.²⁴ Важнее же всего указать на то, что про-

цент прироста в Германии много выше, чем в Англии, — не говоря о Франции, — что определяется исключительно большим процентом рождаемости:

На 1000 жителей в 1894 г.

	Родилось	Умерло	Разность
В Англии (Соедин. корол.)	27,7	16,6	11,1
В Германии	35,2	20,7	14,5

Принимая во внимание изменчивость годового прироста и в Германии (как повсюду), за современную величину примем число, среднее из 3 последних, а именно 1,36 %. Тогда к 1 декабря 1906 г. жителей $60\ 605 \times 1,0136 = 61\ 147$ тыс., а к 1907 г. $A = 61\ 486$ тыс. и $B = 836$ тыс. Нельзя при этом забывать, что во Франции прибывает за год только 92 тыс., в Англии, Шотландии и Ирландии 394 тыс., в обеих вместе 486 тыс., а в одной Германии за то же время прибывает 836 тыс. жителей; во всех трех вместе (на 145 млн всех жителей) около $1\frac{1}{3}$ млн, а в России (на 148 млн жителей) годовая прибыль более 2 млн. Этот перевес может иметь великое значение в будущем, если мы сумеем хорошо подготовить возрождающиеся поколения к предстоящим трудам жизни.

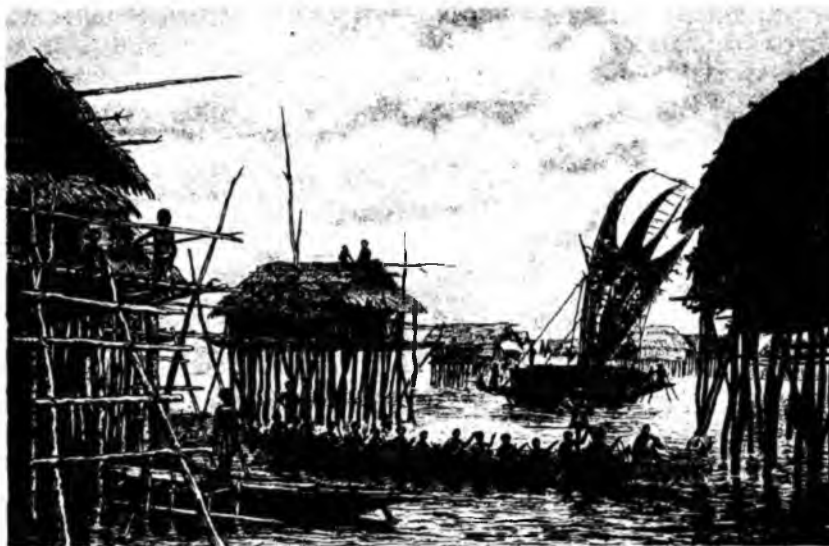
Перепись 1905 г. показала для Германии 29 868 тыс. мужского пола и 30 737 тыс. женского. Перевес = 869 тыс. на 60,6 млн, следовательно, $C = + 1,43$ %, а потому, приняв этот процент перевеса к началу 1907 г., должно признать $C = + 879$ тыс. Число это абсолютно больше, чем для Франции, даже России, но меньше, чем для Англии с Шотландией и Ирландией. А так как есть основание полагать, как увидим далее, что в Азии вообще преобладают мужчины, то факты этого рода должны оказывать свое влияние, тем более что перевес лиц женского пола, как давно известно, определяется вовсе не рождением, ибо мальчиков рождается обыкновенно более, чем девочек, например на 1000 девочек родится мальчиков в Германии за последние годы от 1055 до 1063, а в Великобритании от 1039 до 1051.²⁵

Прежде чем идти дальше, не могу не остановить внимание на том, что на одного жителя средним числом приходится в Германии 0,88 гектара, т. е. более, чем в Великобритании (0,71 га), но менее, чем во Франции (1,37 га). Эти обстоятельства отчасти объясняют относительное значение земледелия в трех указанных странах. Количество ввозимых на жителя хлебов согласуется с указанными отношениями.

Известно, что еще Бисмарк указал Германии на значение и пользу обладания колониями как запасом для приобретения земли прибывающим молодым поколениям, как средством, или поводом для развития морских сил и как рынками для получения сырья и для сбыта готовых товаров, и уже в 1884 г. Германия стала занимать часть Африки и Океании, а в 1897 г. получила залив Киао-Чау во владение или пользование от Китая (провинции Шантунг), так что только в Америке у Германии нет ныне своих земель, хотя еще в 1880 г. вовсе не было никаких колониальных владений. Подробных статистических данных о народонаселении, конечно, нельзя и ждать для немецких колоний, если их нет еще и для многих старых колоний Англии и Франции; известны только величины поверхности и число жителей.

На берегу Индийского океана в Африке, между восточноафриканскими владениями Англии и Португалии, лежат *восточноафриканские владения Германии*: $D = 995$ тыс. кв. км, $A = 7100$ тыс. К ним приближаются — по размерам, но не по числу жителей — *югозападноафриканские владения*, лежащие на берегу Атлантического океана, на севере от мыса Доброй Надежды и на юг от португальской Анголы: $D = 835$ тыс. кв. км, $A = 200$ тыс. Немного севернее экватора немцам принадлежат в Африке еще *Камерун*: $D = 496$ тыс. кв. км, $A = 3500$ тыс. и земля *Того*: $D = 87$ тыс. кв. км, $A = 1500$ тыс. Для всех четырех африканских колоний Германии $D = 2413$ тыс. кв. км и $A = 12,3$ млн, т. е. эти владения раза в три менее английских и раза в четыре менее французских.

В Океании Германия заняла часть *Новой Гвинеи* ($D = 240$ тыс. кв. км, $A = 300$ тыс.), *Каролинские, Маршалловы, Самоа* и другие острова, общая сумма которых дает $D = 245$ тыс. кв. км и $A = 390$ тыс., что представляет величины большие, чем для французских владений в Океании.

Деревня на сваях в Новой Гвинее. Гравюра. Ок. 1900 г.

В Азии, кроме маленькой области *Киאו-Чау* ($D = 501$ кв. км., $A = 33$ тыс.), у Германии нет иных колоний, так что сумма всех внеевропейских владений Германии (D около 2,7 млн кв. км, и A около 13 млн) сравнительно мала не только по отношению к Англии, но и по отношению к Франции. Однако у внеевропейских колоний Германии есть то важное преимущество, сравнительно с Англией и Францией, что у этих последних число жителей туземных рас столь велико, что сильно превосходит число жителей метрополии, тогда как в самой Германии около 61 млн жителей, а во всех колониях не более 13 млн, а когда-нибудь эти соотношения выразятся в исторических событиях.

Начав обзор народонаселения крупнейших государств с запада, идя на восток, после Германии следует *Россия*. Но так как она, естественно, знакома моим русским читателям, и о ее народонаселении высказано недавно мною все важнейшее в книге «К познанию России» (1906), то я остановлюсь здесь лишь на основных цифрах, различив, однако, данные Европейской России от Азиатской, так как это необходимо для отдельных счетов Европы и Азии. На основании данных переписи 1897 г. (27 января), сведенных в вышеупомянутой моей книге, имеем для Азиатской России следующие численные данные:

	Всего кв. верст поверхности	Всего жителей тысячи [лиц]	Мужского пола, тысячи лиц	Женского пола, тысячи лиц
Закавказский край	184	4935	2666	2269
Закаспийский край	1167	4292	2340	1952
Южно-Сибирский, или Киргизский, край	1975	3454	1823	1631
Восточно-Сибирский край	6739	1827	996	831
Западно-Сибирский край	4198	3931	1967	1964
Азиатская Россия	14263	18439	9792	8647
Европейская Россия	4886	109800	53972	55828
Вся Россия в 1897 г.	19149	128239	63764	64475

Так как квадратная верста = 1,13806 кв. км, то поверхность Азиатской России, Европейской и всей России = 16 236 кв. км, 5560 кв. км и 21 796 кв. км.

Для расчета числа жителей (A) к январю 1907 г. необходимо знать годовой прирост в процентах, но [так как] прежние переписи (например, 1815 и 1858 гг.) нельзя считать точными и полными²⁶, а перепись 1897 г. должна служить исходною, то остается опереться на сведения о количестве рождений и смертей. Сведения эти для 50 губерний Европейской России собираются, и публикация их дает для 1897 и 1900 гг. на 1000 жителей перевес рождений над смертями, равный или близкий к 18 в год, что дает повод принимать годовой прирост равным 1,8 %. Но, во-первых, прирост вообще изменчив, во-вторых, судя даже по тому, что приведено выше в виде примера, должно полагать, что перевес рождений над смертями обыкновенно немного выше действительного прироста (отчасти вследствие эмиграции) и, в-третьих, приведенное число (1,8 %) относится не ко всей России, хотя и к значительной ее части (примерно к 67 % всех жителей), а потому осторожнее будет принять за годовой прирост, как во всей России, так и в ее крупных частях лишь 1,5 %. Если принять этот процент годового прироста, то к 27 января 1907 г. число жителей всей России должно быть²⁷ около 148,8 млн, а к 1 января 1907 г. $A = 148,5$ млн. Что касается до распределения этого числа между Европейскою и Азиатскою Россией, то при расчете его должно принять во внимание не только распределение 1897 г. (приведено выше), но и то, что Азиатская Россия привлекает из Европейской России ежегодно по крайней мере 100 тыс. переселенцев, а потому для Азиатской России, по-видимому, должно принять по крайней мере $A = 22$ млн ($18,44 \times 1,16 + 0,1 \times 10 = 22,4$), а тогда для Европейской России получается $A = 126,5$ млн.

Что касается до отношения в численности лиц разных полов, то Россия представляет в этом отношении очень поучительный пример, показывая (как и данные Англии по сравнению с Индией), что *в Европе преобладают по численности лица женского пола, а в Азии мужского*. Действительно, в Европейской России мужчин (в 1897 г.) 53,97 млн, а женщин 55,83 млн, т. е. C здесь $= + 1,86$ млн $= + 1,47$ %. следовательно к 1907 г. $C = + 2,17$ млн $= 1,47$ %. Для Азиатской России в 1897 г. число мужчин $= 9,79$ млн, а женщин $= 8,65$ млн, следовательно, перевес мужского населения очень велик и $C = - 1,14$ млн

$= - 5,2$ %, а потому к 1907 г. для Азиатской России $C = - 1,32$ млн. Для всей России к 1907 г. C — положительное, близкое к $+ 0,8$.

Эти данные (D , A , B и C) внесены в табл. 1, которая показывает по сравнению с целыми государственными владениями Англии и Франции, что Россия как по величине поверхности, так и по числу жителей занимает средину между двумя упомянутыми государствами, Германия же в обоих отношениях слабее каждого из них. Хотя в России на жителя (14,7 га) земли приходится в среднем гораздо более, чем в английских владениях (7,1 га) и даже французских (11,2 га), но не должно забывать, что в России около трети земли, находясь около Ледовитого океана, бесполезно в отношении к земледелию, составляющему преобладающий промысел России, а в тропических странах, где имеются колонии — а потому и запасы на будущее — не только у Англии и Франции, но и у Германии, у России нет никаких следов или даже попыток занятой земли. Зато у России есть такая сплошная непрерывность занятой ею суши, какой нет ни у одной из трех западно-европейских мировых держав.

Только один Китай разделяет с Россией такое преимущество сплоченности своих земель. В военном отношении эта сплоченность всех владений имеет ныне значение малое, но в смысле объединения частей и ассимиляции — очень большое, как видно уже из того, что настоящих русских или китайцев несравненно более по абсолютному числу, чем немцев, французов или англичан, а это когда-нибудь скажется очень сильно.

Переходя к Китаю, как одной из величайших мировых держав, считаю необходимым прежде всего высказать мое личное мнение об этой стране [...].

Страна эта поражает не только громадностью [...], не только тем, что сумела уцелеть тысячелетиями, когда рушились громады Вавилона, Греции, Рима и Турции, не только тем, что издревле слушала, почитала и следовала за своими мудрецами, но и тем, что всегда стремилась к широчайшему распространению признанной образованности, миролюбия, благодущнейшей семейственности, упорного трудолюбия, веротерпимости и истинного демократизма, исключаяющего всякую мысль об аристократизме, который едва ли не был причиной гибели многих древних

держав. Цивилизация Китая, конечно, своеобразна, но все же древнейшая из всех существующих и сумевших сохраниться. Это она дала возможность достичь и сохранить (это всего важнее) в Китае такой тесноты мирной жизни, какой ни одна страна в столь большом масштабе не представляет. Так, в провинции Фокиен (на берегу океана, против Формозы) живет 23 млн народа на поверхности 119 тыс. кв. км, т. е. на жителя приходится меньше полугектара земли, т. е. как в самой Англии, да и то только при развитии передельвающих видов промышленности и сбыта товаров на весь мир, тогда как Фокиен почти довлеет сам себе, что должно быть уделом многих частей света в будущем. В китайской провинции Шантунг (тоже около океана, севернее, на юг [от] Печилийского залива) еще теснее, а именно 38 млн народу (почти как во всей Франции) живет на 145 тыс. кв. км, т. е. на душу приходится всей земли вдвое менее, чем в самой Англии. Такая теснота недостижима без организованной гражданственности и без пользования плодами древнего и твердого просвещения, направленного, очевидно, не в одну материальную, но и в духовную сторону, без которой мирная, братская теснота жизни невозможна. Плодотворное, хотя и своеобразное, просвещение было и есть у китайцев, если они давно изобрели и применили на деле то книгопечатание, открытию которого европейцы приписывают часть благ «новых веков». Оно было, если китайцы могли изобрести порох, фарфор и кучу тому подобных вещей, затем открытых в Европе, если они — путем внимательного наблюдения и настойчивого труда — добрались, например, до шелководства или до искусства удобрять землю всякими отбросами. Не порода, а только трудолюбие и знание почитаются в Китае по давнему обычаю, и если маньчжурское происхождение долгое время требовалось для занятия некоторых влиятельных должностей, то лишь потому, что в Китае царствует мань-

Карта Китая в XIX в.

чжурская династия, благоволящая своим провинциальным единоплеменникам — маньчжурам, по существу мало отличающимся от коренных китайцев, которые в каждом крае большой империи сохраняют свои особенности, приняв основные черты китайской образованности. Правда, что Китай именно от Маньчжурии и Монголии когда-то отгородился своею знаменитою и теперь еще уцелевшею китайскою стеною, но те времена, когда такая стена могла что-либо сдерживать, давно миновали: китайское просвещение прошло чрез нее в Маньчжурию, а монголы и маньчжуры нашли дорогу и способы не только проникать внутрь ограды, но и занимать в ней главные места. Тут и секрет, или драма китайской истории, как я ее понимаю. Многие не знают или забывают причину того, почему столь просвещенный и пытливый [...] народ, каковы китайцы, по природе

Великая китайская стена. Гравюра XIX в.

и по своей старой истории, стал в новые века образцом застоя и косности, а потому я позволяю себе в самых общих чертах передать сущность того, что объясняет это и внушено мне некоторым знакомством с историею Китая сравнительно — с тысячелетиями всей китайской истории — нового времени.²⁸

Китай, подобно всем большим современным державам, например Великобритании, Франции и Германии, при единстве языка, обычаев и т. п., в свое время часто раздроблялся на многие отдельные княжества, вроде того, как Россия в эпоху удельных князей. У них между собою бывали споры, доводившие до вооруженного раздора, но, говоря вообще, воинственности не было ни по обычаю, ни по убеждениям.

Богдыханы то стремились к объединению уделов, то сами становились простыми удельными князьями, и это длилось примерно лет с тысячу. Поэтому монголы, умножившиеся до больших избытков и полные воинственного пыла, вообще свойственного кочевникам-кавалеристам (им надо много земли на душу, много больше, чем пастухам), задумали и выполнили свои знаменитые набеги на многие страны. Как пошли они на мирную Россию, так, почти одновременно, другие их орды двинулись на Китай, не удержанные ни китайской стеной, ни русскими морозами. Набег там и тут увенчался успехом, да и сопротивление было слабое. Только результаты получились очень различные. У нас монголы, или, проще, татары, подходили к Киеву и другим городам, облагали данью, вводили кое-какое общее себе подчинение, но во внутренние отношения страны, чуждой им во всех отношениях, вмешиваться не стали, а откочевали за Волгу, там и дань получали, туда князей вызывали. Чтобы легче понять то, что произошло в Китае после монгольского покорения, представим, что татарский покоритель России принял бы христианство, объединил бы всю разрозненную тогда Россию и стал закреплять в ней не свои монгольские, а русские лучшие по времени обычаи и приемы, важнейшие должности дал бы крещеным и лучшим во всех отношениях своим татарам, но покровительствовал бы и русским, особенно тогда сильному священству, а для того, чтобы лучше закрепить за собою все влияние высших и сильнейших классов, повелел бы давать какие бы то ни было места и поместья только тем, кто в древних обычаях и писаниях, начиная хоть с «Домостроя», выдержал испытание. Вышел бы и в России из такого приема, конечно, только новый, косный, староверче-

ский Китай, были бы кое-какие против монгольского владычества бунты (в Китае-то их и посейчас довольно, даже против нынешней маньчжурской династии), но их бы подавляли легко, заручившись содействием влиятельнейших классов. И не было бы у нас не то что Петра Алексеевича, но даже и Иоанна III, и были бы мы Китаем, могло статься, и по сих пор. Это самое и произошло в Китае. Разность отношений монголов к Китаю и России тоже легко понятна. Ничего особого, кроме редкого населения, степей, лесов и зим, у нас монголы не нашли, потому что и не было много иного, чем в Монголии, а там, в Китае, и климат, и густое население, и все внешнее богатство оказалось много выше монгольских, а все учение — мягким, человеческим, самостоятельным и вообще привлекательным, религия не в формах, а в смягченных взаимных людских отношениях, которые осмеяны Европой в виде «китайских церемоний», но в которых кроется секрет мирных и уважительных взаимоотношений. Сообразив дело, монгольский хан Хубилай, родоначальник Юаньской династии в XIII в. (т. е. когда Батый покорил Русь), стал китайским богдыханом и, преклонившись пред китайской мудростью, забрал весь народ и вполне, окончательно объединил его под своею державою. Тогда-то и стал Китай громадным, уничтожив уделы, забрав себе центрально-азиатские степи с Туркестаном, Тибетом и Монголией, что польстило китайскому самосознанию и возбудило в нем новые передовые порывы. Для того, чтобы они улеглись и чтобы вообще опасные новшества мудрецов не смущали достигнутого успокоения, богдыхан Дженцзун около 1315 г. повелел все виды общественных должностей давать только лицам, выдержавшим государственные экзамены, состоящие исключительно в подробнейшем знании того, что признано как произведение древних мудрецов, с Конфуцием во главе, а все несогласное с древним учением поведено отвергать, считать еретическим. Отсюда и ведет свое начало китайская косность. До прошлого 1905 г. эти указы влияли всеильно, всего вероятнее, по той причине, что в Китае, при полном отсутствии аристократизма, все возможное достигается главным образом личными заслугами (и нам, не исключая западноевропейцев, до этого надо еще добираться при помощи какой-то

Великий хан Хубилай.
Китайский рисунок. XIII в.

ломки), а служебное положение пользуется всяким почетом и властью, давая легкую и чистую возможность к наживе.

Хотя сами богдыханы монгольской (Юаньской) династии, судя по всему, были людьми, старавшимися не только о своих личных интересах, но и об общей народной пользе, но они, как водится и до сих пор, отдельными провинциями правили чрез вице-королей или генерал-губернаторов, снабженных большими полномочиями. Вот между этими-то провинциальными правителями, выбиравшимися преимущественно из монголов, было немало худых, жестоких и своекорыстных лиц, что и служило поводом ко многим восстаниям. Одно из них, начатое в южном, наиболее развитом, Китае и веденное простым крестьянином Чжу Юань-чжаном, или Хун-Ву, имело такой успех, что свергло монгольское иго и послужило основанием новой, чисто китайской династии (Мин), родоначальником которой и был упомянутый глава удачного восстания. Но эта чисто китайская династия просуществовала недолго (в XIV и XV ст.), потому что и при ней неразборчивые начальники провинций и царедворцы возбуждали восстания и, пользуясь ими, соседние почти независимые маньчжурские ханы, или правители, завладели престолом, имея возможность ранее того по образованию и обычаям объединиться с Китаем. Так в 1644 г. основалась современная маньчжурская династия, иначе Дайцинская или «Та-Чинг-Чао» («Великая чистая династия»), ис-

тория которой всем уже более известна. Ранее ее воцарения, китайский гений проявлялся и превращен изданными законами и утрированным консерватизмом в косное старообрядчество. Богдыханы Дайцинской династии не раз сталкивались с Западной Европой и не раз получали от России дружеское содействие, а кончать придумали не на старый лад, проводя железные дороги, объявив войну отравляющему опиуму, устраивая войско и, начиная вводить в школы европейское просвещение. Ныне (1906), едва ли не вследствие того, что совершается в России, и наверное, вследствие того, чего достигли за последнее время японцы, и под влиянием разного рода тесных соприкосновений с европейцами, Китай уже явно просыпается, государственные экзамены по старинным книгам отменены, введены новые по разным наукам, железные дороги проводятся в большом количестве (проектировано около 15 тыс. км, открыто с Маньчжурскою уже около 7 тыс. км), школы, флот и войско перестраиваются на новый лад, вводится представительское управление и для ознакомления со всем современным не только посылается много молодежи в Японию для обучения специальным предметам, но и большие комиссии китайцев отправляются в Европу, чтобы изучать разные отрасли необходимых предметов, особенно практических. Очень явные и быстрые успехи Японии дают повод думать, что и Китай пойдет быстро, и можно надеяться, что он наложит особый, оригинальный, мудрый и мирный отпечаток на результаты своих успехов в новом направлении своего просвещения, так как в Китае хранится с древности своеобразность, благоразумная осмотрительность и миролюбивость. А так как настойчивая трудолюбивость, талантливость и стремление к просвещению, не говоря уже о грамотности, широко распространены у китайцев, то вероятность скорых и крупных успехов Китая весьма велика. Во всяком же случае нашим детям, особенно нам, русским, придется уже ведаться с влиянием Китая, если чужеземные влияния не задержат начатого роста этого колосса.²⁹ Колоссальность Китая особенно видна в громадности числа его жителей. Хотя настоящих, в современном смысле слова, переписей в Китае еще не было, но счет народонаселения по провинциям ведется издавна, и давно показывается число

жителей большее, чем во всей Европе, счет же, законченный к 1903 г., дает, по официальным сведениям, 426,3 млн всех жителей. Годовой прирост численно совершенно не известен, но все путешественники единогласно утверждают, что в Китае всюду видно много детей, смертность же отнюдь не такая повальная, как бывает в Индии, а приняв даже малый прирост равным 0,5 %, получим годовую прибыль более 2 млн, вследствие чего смело можно допустить (исходя из 426 млн в 1902 г.) к 1907 г. по крайней мере 430 млн, что составляет более четверти народонаселения всего земного шара. Поэтому для Китая в табл. 1 вписано $A = 430$ млн. Поверхность равняется $D = 11\,334$ тыс. кв. км, но в этом числе более половины приходится на малонаселенные Монголию (3,4 млн кв. км и менее 3 млн жителей) и китайский Туркестан с Тибетом (2,6 млн кв. км и около 8 млн жителей), а потому в среднем на жителя приходится около 2,6 гектара, тогда как в самом Китае (без Маньчжурии) около 4 млн кв. км и около 408 млн жителей, т. е. приходится на каждого в среднем лишь около гектара, а в части провинций даже лишь треть гектара.³⁰

Численное отношение лиц обоих полов, к сожалению, для Китая совершенно не известно, а весьма любопытно по той причине, что китайцы — самые характерные азиаты, а для жителей азиатских стран, как видели выше для Индии и русско-азиатских владений (даже для Японии, как видно далее), замечается большой недостаток лиц женского пола по сравнению с мужчинами.

Между отобранными нами вначале шестью обширнейшими и влиятельнейшими мировыми державами нам остается сказать о С.-А. С. *Штатах*, оригинальнейшая и быстро сделанная история которых очень поучительна и, как я понимаю, ясна и однообразно понимается всеми, что избавляет от необходимости ее напоминания. Из страны почти пустынной, где в лесах и степях кочевало едва ли более 1,5 млн индейцев, примерно в 300 лет С.-А. С. Штаты стали великой и уже довольно плотно населенной мировой державой, благодаря наплыву энергичных европейских переселенцев, особенно же голландцев и англичан. За наше время, отпраздновав столетие своей независимости, Штаты начали и колониальную политику, присоединив сперва Сандвичевы (Гавайские) острова, по-

том часть островов Самоа и заняв остров Пуэрто-Рико и Филиппины. Этот прием западноевропейских держав вводит С.-А. С. Штаты в обычный круг, начатый Испанией и Голландией, но приобретший особое значение после входа в него Англии и Германии. Из великих держав Россия и Китай воздержались от колониальной политики, предпочитая сосредоточение, и, надо думать, что это принесет им со временем свои благие плоды.

В Америке у С.-А. С. Штатов, кроме их собственной обширной территории, считаются: *Аляска*, или уступленные Россией бывшие ее американские владения, Гавайские острова и Пуэрто-Рико, в Азии — *Филиппинские острова* и около них небольшие *Марианские острова* (уступлены испанцами) и в Океании часть островов Самоа (западнее 171° зап. долготы от Гринвича, восточнее же германских Самоа, по трактату 1900 г.).

Для самих С.-А. С. Штатов, не считая перечисленных выше добавлений, поверхность суши (без озер) $D = 7692,3$ тыс. кв. км, для Аляски 1530,4, для Гавайских островов 16,7 и для Пуэрто-Рико 9,3 [тыс.] кв. км. Число всех (с индейцами, солдатами и моряками) жителей по переписи 1900 г. было 77 257 тыс., из них 76 086 тыс. (с войском и моряками) в самих Штатах, 64 тыс. в Аляске, 154 тыс. на Гавайских островах и 953 тыс. на острове Пуэрто-Рико. Чтобы узнать годовой прирост, есть полные данные по 12 переписям в самих Штатах, но число индейцев, солдат и моряков, находящихся в плавании, по 1890 г. не определялось переписями, как это сделано в переписи 1900 г., а для Гавайских островов и Пуэрто-Рико число жителей даже для 1890 г. известно лишь приближенно, а потому в расчет можно взять лишь 1900 и 1890 гг. Число жителей во всех исчисленных владениях в 1890 г. было около 63 960 тыс., что дает (считая для 1900 г. 77 257 тыс.) общий средний годовой прирост 1330 тыс., или $V = 1,88$ %. Столь большой годовой

Деревня тагалов на острове Люсон (Филиппинские острова). Гравюра XIX в.

прирост определяется преимущественно самими С.-А. С. Штатами. В них — без Аляски и проч., но с индейцами (которых число явно убывает: в 1890 г. было всего 248 тыс., а в 1900 г. 237 тыс.) — было жителей в 1890 г. 62 948 тыс., а в 1900 г. 75 995 тыс., т. е. средний годовой прирост 1,76 %. Если же принять годовой прирост 1,88 %, то на 77 257 тыс. жителей к 1 июня 1900 г. — к январю 1907 г. должно принять не менее $A = 87\ 135$ млн и $B = 1638$ тыс. Для определения численного отношения полов по переписи 1900 г. известно, что было (тысячи):

	Мужчины	Женщины
В самих С.-А. С. Штатах	38816	37178
На Сандвичевых островах	106	48
На острове Порто-Рико	472	481

Для Аляски чисел нет, но ее население так незначительно (64 тыс.), что для него можно принять общее среднее отношение, которое дает на 39 394 тыс. лиц мужского пола 37 707 тыс. женского, т. е. $C = -2,188\%$, а отсюда к 1907 г. $C = -1906$ тыс.

Австралийские владения С.-А. С. Штатов, а именно острова Самоа, столь малы (поверхность всего 210 кв. км, жителей всего 6 тыс.), что их считаю возможным включить в счет вместе с Марианскими островами (около Филиппин, $D = 520$ кв. км, $A = 9$ тыс.) при Филиппинских островах (числом более 3000), лежащих, как известно, на условной границе, отделяющей Азию от Океании, но обыкновенно причисляемых к Азии. Перепись 1903 г. дала для этих последних 7635 тыс. (из них 224 тыс. дикарей) жителей, показав годовой прирост около 1 %, что дает к 1907 г. около 7903 тыс., а с населением Самоа и Марианских островов $A = 7918$ тыс., а потому приблизительно $B = 79$ тыс. Для отношения полов по переписи 1903 г. (для цивилизованной части населения) дано лиц 3497 тыс. мужского пола и 3491 тыс. женского пола, а потому $C = -0,07\%$. Для 1907 же года на все население можно принять $C = -6$ тыс. Что же касается поверхности Филиппин, то ее дают около 309 тыс. кв. км, а потому вместе с Самоа и Марианскими островами $D = 310$ тыс. кв. км.

Сводя наиболее достоверные данные табл. 1, получаем:

К 1907 г.	Всех жителей, миллионы	Поверхность суши, миллионы кв. километров	Гектаров на душу в среднем
Британская империя, или Англия	410,7	30,2	7,3
Франция с колониями	97,9	11,0	11,2
Германия с колониями	74,2	3,2	4,3
Россия	148,5	21,8	14,7
Китай	430,0	11,3	2,6
С.-А. С. Штаты	95,1	9,6	10,1
	1256,4	87,1	6,9

Из шести перечисленных держав наибольшею по занятой поверхности и наиболее богатую во множестве других отношений, а особенно наиболее сильною своим торговым и военным флотом должно считать Англию, важнейшую слабость которой составляет, конечно, лишь то, что в числе своих 410 млн подданных Англия считает, по крайней мере, 350 млн индийцев, негров и других инородцев, не только совершенно чуждых по крови, но таких, к которым большая часть из 60 млн коренных европейских народностей Англии относится высокомерно и без всякого стремления к слиянию. Если у Англии около 88 % таких инородцев, то у Франции их едва ли более 50 %, у Германии менее 25 % (негров Африки), в России же, в Китае и у Соединенных Штатов лишь сравнительно незначительный процент.³¹ Всех других стран по народона-

селению цельнее тысячами сохраняющийся Китай, считающий жителей не менее, а даже более, чем Британия со всеми ее колониями. Обыкновенно, сколько слышал, полагают, что в будущем Англии грозит отпадение многих ее колоний, как отпали в XVIII ст. С.-А. С. Штаты. При этом, по моему мнению, упускают из виду многие важные соображения. [...]³²

Современники, вероятно, уже заметили, что еще недавно уклонявшаяся от всяких союзов Англия стала к ним склонною за самое последнее время. Это явление едва ли не составляет следствия: новых успехов Японии и С.-А. С. Штатов, событий в Трансваале и Гаагской конференции [...]. С этой точки зрения становится особенно ясным союз Англии с Японией, обещавшей, взамен мирного отношения к ее успехам, помогать своими силами Англии при подавлении сепаративных стремлений, могущих возникнуть в Индии и других азиатских колониях Англии. [...]

Нам, русским, нет нигде поводов к прямому соприкосновению или столкновению с этою [...] державою, а потому союз России с Англиею, о котором ныне так много пишут и особенно говорят, мне уже давно кажется во множестве отношений желательным [...]. Думаю, что общий мир в сильной мере на предстоящее время может обеспечиться, особенно при том условии, если Россия, сохраняя свой союз с Францией, усилит всеми способами союзную близость свою еще с Китаем и Англиею, послужив, с одной стороны, для Китая охранительницею против внутренних и внешних новых посягательств на его целость. В эпоху внутреннего пробуждения это может быть очень важно как для нас, так и для Китая. [...] Союз четырех таких держав, как Англия, Франция, Россия и Китай, охватит более половины всего человечества и, наверное, послужит зародышем практически выполнимого быстрого развития благосостояния и размножения человечества, потому что внешние отношения и военные подготовки и события влекут за собою направление внимания на несущественные стороны людских соотношений и уменьшают быстроту прогрессивного развития. Ту роль, какую в этих отношениях может иметь Россия, поняли, несмотря на то, что мы спешливо заключили мир с Японией и тем поставили эту

последнюю в особо выдающееся положение. С усилиями России может состояться указанный четверной союз (Англия, Франция, Россия и Китай), и тогда не только Япония, но и страны, более ее имеющие людей и земель, не будут и помышлять о выгодах от вступления кавардака в сложившиеся порядки, а, присоединившись к союзу, послужат задатком общему мирному объединению всех стран и народов [...].

Не подлежит сомнению, что в вышеизложенном содержится некоторая доля мечтательного консерватизма, но этот вид консерватизма ничуть не носит на себе ретроградного оттенка, думающего насильями достигать блага. Консерватизм мирового объединения держав в корне своем носит печать «постепенности», или эволюционных изменений даже границ (по соглашению или по явной необходимости), а опорой в надежде на возможность упомянутого союза служит, прежде всего, явное во всем мире, быть может, за изъятием немногих самураев, стремление к миру. Люди стали видеть, что в войнах толку-то очень мало, особенно если предметом войн не служат насущные интересы стран, что время войн и всяких братоубийств если еще не совершенно миновало, то скоро непременно должно миновать. [...] Борьба с капитализмом давно уже начата: государственным кредитом, увеличением заработной платы, удешевлением товаров от соперничества, настолько, хоть и понемногу, отнимающих от капитала его барыши, что со временем, несомненно, станут возможны лишь предприятия, основанные на складочных остатках заработков прямых производителей (изобретателей, техников и рабочих) и т. п.³⁴

Окончу свои общие замечания, относящиеся к шести важнейшим мировым державам, указанием на то, что Китай, явно просыпающийся от своей вековой спячки, наглядно выраженной в курении опиума, имеет наибольшее число жителей и наименьшее количество земли, приходящейся на душу, а потому, принимая во внимание быстрые успехи Японии³⁵ и возможность сближения интересов Китая и Японии, заслуживает первостепенного внимания, особенно со стороны России, Франции и Англии, которым его враждебность может быть очень вредна. На основании древних дружественных отношений к Китаю

Россия может с большим, чем какая иная держава, основанием вступить в союз с Китаем, которому русское посредничество может многое облегчить и обезопасить от давления других европейцев первые шаги несомненных будущих успехов, обеспечиваемых талантливостью, трудолюбием и многочисленностью китайского народа. [...] Ознакомившись в табл. 1 с главнейшими данными о народонаселении наиболее сильных мировых держав, перейдем теперь к таким же данным для всего света (табл. 2), чтобы еще яснее уразуметь то особое во многих отношениях срединное положение, которое принадлежит нашему отечеству.

Таблица 1

Народонаселение шести крупнейших мировых держав к 1907 г.

	A, всех жителей, млн	B, годовой прирост, млн	C, перевес в числе: женщины — мужчин, млн	D, всей суши, млн кв. км	E, гектаров земли на душу в среднем
1) Британские владения	410,7	1,88*	-4,6	30,23	7,3
Англия, Шотландия, Ирландия и прилегающие острова	44,12	0,394	+0,941	0,314	0,7
Гибралтар, Мальта, Перим, Сингапур и другие «путевые владения Англии»	7,28	0,073*	-0,058	0,371	5,1
Индия	299,4	0,778	-5,120	4,575	1,5
Колонии и протектораты в Африке	46,6	0,466*	—	6,876	14,7
Канада и другие владения в Америке	7,5	0,075	-0,106	9,844	131
Австралия и английские колонии Океании	5,8	0,099	-0,237	8,250	142
2) Французские владения	97,6	—	—	11,00	11,2
Франция	39,49	0,092*	+0,632	0,536	1,4
Тонкин, Аннам и другие в Азии	22,28	—	—	0,664	3,0
Алжир, Мадагаскар и другие в Африке	35,33	—	—	9,692	27,4
Гваделупа, Гвиана и другие в Америке	0,43	—	—	0,081	18,9
Новая Каледония, Таити и другие острова в Океании	0,08	—	—	0,024	30,0
3) Германские владения	74,2	—	—	3,20	4,3
Германия	61,49	0,836	+0,879	0,541	0,9
Камерун и другие в Африке (с Киао-Чау в Китае)	12,33	—	—	2,413	19,5
Части Самоа, Новая Гвинея и другие в Океании	0,39	—	—	0,245	68,2
4) Россия	148,5	2,23	+0,85	21,80	14,7
Европейская Россия	126,5	1,897	+2,17	5,560	4,4
Азиатская Россия	22,0	0,330	-1,32	16,236	73,9
5) Китай	430,0	—	—	11,33	2,6
6) С.-А. С. Штаты	95,1	1,72	-1,91	9,56	10,1
Американские владения (с Гавайскими островами, Порто-Рико и Аляской)	87,13	1,638	-1,906	9,249	10,6
Острова: Филиппины, Марианские и часть Самоа ³⁶	7,92	0,079	-0,006	0,310	3,9

* См. прим. 28 на с. 674.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ ВСЕХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

геодезические измерения привели к тому выводу, что окружность земного экватора имеет длину, близкую к 40 077 км (откуда большая полуось земли, или радиус экватора, — около 6378,45 км), а окружность земного меридиана по своей длине близка к 40 008 км.³⁷ Отсюда получается величина всей земной поверхности, близкая к 510,08 млн кв. км, или к 448,20 млн кв. верст. Из этой общей поверхности Земли только примерно четвертая часть способна ныне³⁸ для поселения людей, т. е. для снискания на ней крова и пищи, для выращивания детей и для прогрессивного развития; остальные части земной поверхности лишены этой способности или потому, что покрыты льдами, или потому, что представляют водные поверхности, а для прочной жизни людей необходима суша и известная годовая сумма тепла, доставляемого поныне³⁹ лишь Солнцем.

Хотя в некотором отдаленном будущем люди и сумеют, быть может, устроить свою жизнь и на полюсах, как устраивают ее уже в Исландии и на других землях, соседних с полярными кругами, но в наше время, когда еще не достигнуты самые полюсы и когда в теплых странах есть еще многое множество пустующих земель, все полярные страны, начиная примерно с 70° широты, должно считать не только необитаемыми (оседло), но и не подходящими для населения прямо по причине стужи и льдов.⁴⁰ Оттого-то полярные страны, как океаны, не составляют донные чьей-либо отдельной собственности, т. е. принадлежат человечеству в его совокупности.⁴¹

За исключением океанов, морей, больших озер и необитаемых островов полярных океанов, всей суши не более 130 млн кв. км. Из нее должно было бы отнять и счесть необитаемую ту часть суши, которая отвечает горным высям, подобным Гималайским и Кордильерским, потому что они во множестве отношений подобны полярным странам, а затем области сухих сыпучих песков и безводных каменистых пустынь, каких в Африке и Австралии немало; но, во-первых, таких частей земной поверхности, совершенно к жизни людей не пригодных, сравнительно все же немного, в сумме едва ли более 5 млн кв. км, во-вторых, не способные к жизни людей горы и пустыни часто не резко отделены от обитаемых мест и, в-третьих, большую часть бесплодных пустынь можно искусственным орошением⁴² приводить в состояние, пригодное для жизни, как болота могут становиться годными для людей чрез осушение. По этим причинам под названием «всей суши» подразумеваются и многие из земель, ныне не способных к населению, если ими владеет какое-либо государство.

Все отдельные государства и их части распределены в прилагаемой табл. 2 по географическим странам света и по различию верховной в них власти, а потому некоторые государства встречаются неоднократно, что означено ссылками на соответственные номера таблицы. В каждой же из пяти частей света отдельные страны расположены в порядке числа их жителей, начиная с наиболее населенных стран. Здесь-то и оказывается особое значение таких крупных

государственных единиц, каковы Россия, Китай, Англия, Франция и С.-А. С. Штаты, а также сравнительная незначительность общего числа современных независимых или отдельных стран и государств. В Океании все страны относятся к европейским государствам, и почти то же должно сказать про Африку, так как в ней независимых стран немного: Абиссиния, Марокко, Либерия и независимое Конго, и в них живет лишь седьмая часть всех обитателей Африки. Даже в Азии число самостоятельных государств незначительно в сравнении с тем, что имеется в Европе и Америке. Эти две части света, по этому самому, и должно считать истинными представителями Старого и Нового Света. Их когда-то очень явное и существенное различие за истекшее столетие почти сгладилось, и «принцип Монро», поджигающий это различие, мне кажется, должен скоро потерять всю свою силу, особенно ввиду одинаковости интересов Европы и Америки в деле того оживления Азии, которое начато Японией и должно особо ярко выступить в Китае. Если в противоположении Старого Света с Новым роль России была незначительна, то в предстоящем противопоставлении «Востока» с «Западом» она громадна, и я полагаю, что при умелом, совершенно сознательном, т. е. заранее обдуманном и доброжелательном — в обоих направлениях — участии России в этом противопоставлении должны выясниться многие внутренние и сложиться многие внешние наши отношения, особенно потому, что желаемые всеми прогресс и мир между Востоком и Западом не могут упрочиться помимо деятельного участия России. Пути для этого считаю не столько военную организацию, сколько: а) тесный союз с Китаем и Англией, б) рост у нас просвещения не в сторону политических (преимущественно латинских) бредней, а в сторону изучения реальной природы и людских обществ и в) всемерное развитие у нас всех видов промышленности, потому что они одни могут содействовать как обогащению и просвещению нашего народа, так и увеличению его внешнего влияния. Всякое здесь промедление может быть пагубным для судеб и наших и всемирных. Не по славянофильскому самообожанию, а по причине явного различия Востока от Запада и по географическому положению России, ее и Великий, или Тихий, океан должно считать границами, на которых должны сойтись всемирные интересы Востока и Запада. Желательно, чтобы и нашему отечеству придано было со временем название Великого или Тихого. Первое название Россия уже заслужила всюю прошлую своею историею, а второе ей предстоит еще заработать. Но заметим, что Китай и Япония — только для нас и Западной Европы лежат на востоке, а для Америки и Великого океана ведь это — западные страны. Объединить всех людей в общую семью без коренных противоположений — составляет задачу будущего, и дай Бог, чтобы при решении этой задачи России пришли разумные мысли и достались хорошие роли.

Сводя вместе данные табл. 2, получаем:

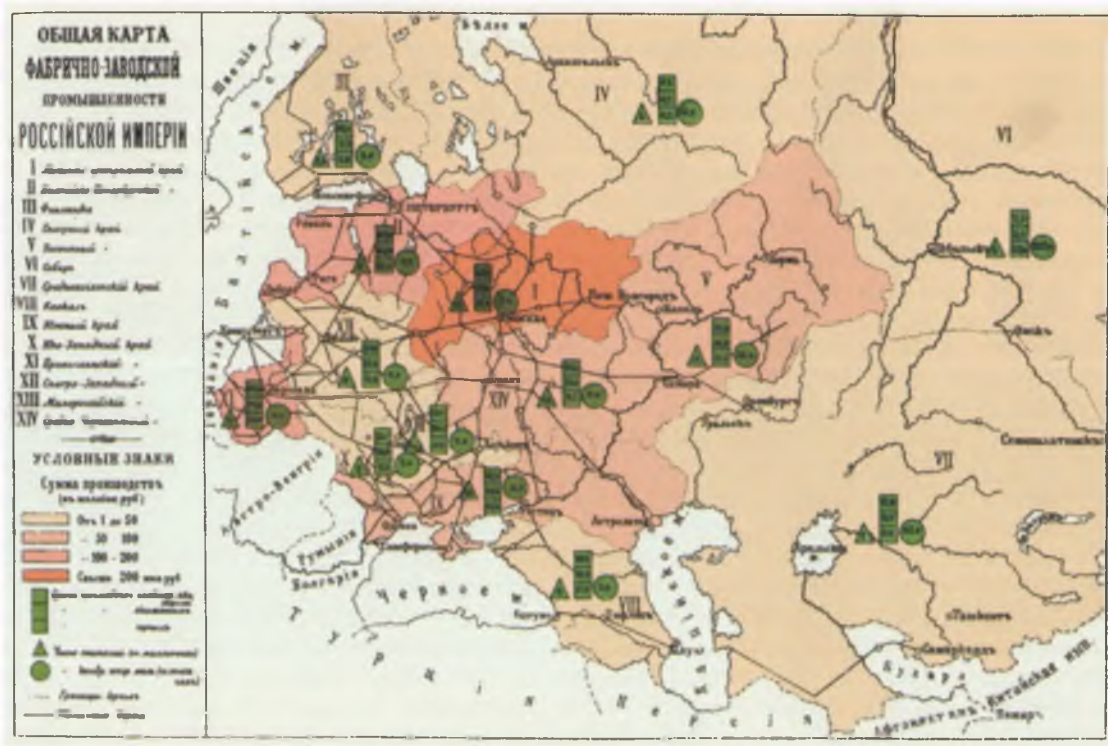
	Число всех жителей к 1907 г.	Годовой их прирост	Разность числа женского и мужского полов	Суши всей, миллионы кв. километров	На одного человека приходится гектаров
м и л л и о н ы					
Европа	431	4,4	+ 6,0	10,1	2,3
Азия	934	6,1	– 18,5	41,4	4,4
Африка	163	2,2	—	28,2	17,4
Америка	161	3,0	– 2,8	41,0	25,4
Океания	6	0,1	– 0,3	8,5	135,2
Итого	1695	15,8	– 15,6	129,2	7,6
		93 %			

Остановим внимание на некоторых числах, заметив предварительно, что для важнейших данных (число жителей, вся поверхность и число гектаров на душу) степень точности достигается, вероятно, до 1 %, но только потому, что каждое из приведенных чисел представляет сум-

И. И. Шарлемань. Замоскворечье. Вид Чугунного моста. 1853 г.

Общая карта фабрично-заводской промышленности Российской империи

му многих; в отдельных же слагаемых погрешности могут быть очень значительными.⁴³ Наибольшую достоверность имеют, конечно, цифры двух последних столбцов. Числа же годового прироста и разности мужчин и женщин, особенно последние, представляют наименьшую достоверность и приведены лишь как первое приближение, по тому интересу, который, содержится в сведениях этих обоих родов.

В отношении к числу всех жителей обыкновенно встречаются цифры значительно меньшие, чем здесь, но различные по разным источникам. Это зависит преимущественно от того, что чаще всего берут числа последних переписей, а они, во-первых, меньше современной действительности, потому что относятся к протекшим годам, во-вторых, переписи разных стран относятся к разным годам, часто друг с другом не совпадающим, приведенные же у нас числа по возможности точно исправлены и приведены к одному сроку — к 1 января 1907 г. (нов. ст.). Такое приведение, конечно, сопряжено с предположениями, касающимися принятых данных для годичного прироста. Там, где этот последний не известен, или где данное для числа жителей не отнесено к определенному сроку, приходилось поступать более или менее наугад, но при этом я старался не увеличивать чисел, а либо сохранять ранее известные цифры без поправок, либо поправлять лишь немного, с округлением. Для стран с малым количеством жителей все это имеет лишь малое влияние на окончательные выводы, но для Китая величина велика и надо оговориться. Долгое время число жителей Китайской империи определялось цифрами, близкими к 250—300 млн, хотя китайские сведения дали еще в 1844 г. население, без Монголии, Маньчжурии и проч., 413 млн.

В конце XIX в. распространилась в Европе уверенность в том, что число жителей Китая никак не менее 360—370 млн. При распределении на провинции государственных уплат европейцам китайское правительство сочло население 18 внутренних провинций (без Маньчжурии, Монголии, Тибета и китайского Туркестана) равным 407 млн, а потому, считая в Маньчжурии 16 млн, в Тибете 6,5 млн, в Монголии 2,5 млн и в китайском Туркестане $1\frac{1}{5}$ млн, для всего Китая стали считать около 433,5 млн жителей. В 1903 г. ки-

тайское правительство известило, что, по сведениям, полученным из всех провинций, общее число жителей (конечно, уже без Формозы и других отпавших частей) всего Китая равно 426 337 тыс. Это число, мне кажется, и должно ныне, до точной переписи, считать наиболее близким к истине. Полагая годовой прирост (за вычетом эмиграции) очень ограниченным и равным только 0,5 % и считая указанное число отвечающим концу 1903 г. (все это уменьшает, вероятно, окончательную цифру жителей), получится к 1907 г. $426,34 + 4,26 = 430,6$ млн. Округляя это число, получаем 430 млн, что и дано в табл. 2. Считаю полезным обратить внимание на то, что для всей Европы общее число жителей к 1907 г. вышло почти такое же: 431 млн, и что поверхность всей Китайской империи, близкая к 11 млн кв. км, тоже очень близка к поверхности всей Европы, равной 10 млн кв. км. При таком современном положении вещей нет ни малейшего основания Европе или Китаю думать о взаимном занятии или переселении в ту или иную сторону, и если с пробуждением Китая, да еще при участии в нем Японии, чего можно опасаться, то это набегов и отнятия от нас южных и приморских частей Восточной Сибири. Тут содержится один из наиболее жгучих и чисто русских вопросов предстоящего времени, и мне кажется, что Россия предупредительно-дружественной к Китаю политикой может успеть тут более, чем какими бы то ни было союзами не только с одною Францией, но и с Германией, Англией и С.-А. С. Штатами, если эти союзы будут иметь целью в чем-либо противодействовать китайским успехам в самостоятельности. Союз России с Китаем мне представляется если не наилучшею, то вернейшею и простейшею гарантией мирного прогресса не только этих стран, но и всего света, тем более что все остальные государства мира имеют более поводов как для взаимного соперничества, так и для явного или тайного противодействия успехам всякого рода, а особенно промышленно-торговым, как России, так и Китая, видя в их многолюдстве и недостаточном развитии сил — прочных потребителей своих товаров и источники своих общих выгод. По моему мнению, наилучший, т. е. надежнейший, путь для достижения прочного мира и успешного внутреннего совершенствования как для России, так и для Китая состоит

в образовании четверного союза с Францией и Англией, потому что с Россией и Китаем они обеспечат не только им, но и себе уверенность в возможности спокойно смотреть на будущее и вести дело к общему объединению мирных усилий всех стран света. Как бы то ни было, в Азии не только по преданию — колыбель людей, но и их численное преобладание, о ней и надо более всего заботиться, когда принципиальное равенство людей и стран ставится во главу общераспространенных идеалов.

В отношении к числу жителей Азии (934 млн) заметим, что население это превосходит половину общего числа людей на Земле, хотя площадь Азии менее трети всей суши. Это определяется тем, что, кроме Сибири и Монголии, почти все части Азии заселены густо, а это зависит, по моему мнению, не столько от почвы и климата, которые в Африке, Америке и Австралии не менее благоприятны, сколько от того, что в Азии государства сыздавна были большими монархиями и держались, особенно в Китае, религиозных начал, ставящих не политические требования, а широкую семейственность (не индивидуализм) и постоянный труд (не личное наслаждение) на первый план в целях жизни. Ныне, когда, начиная с Японии, азиатский Восток начинает сознавать необходимость и пользу многого из того, что достигнуто Европою помимо Азии, весьма важно, особенно для нас, стоящих в середине, чтобы такие народы, как китайцы, получая европейские начала, имеющие латинские корни, не забыли тех благодушных, мудрецами внушенных начал, которые Китаю позволяют, постоянно размножаясь, сохраняться тысячелетиями. И для того-то, чтобы это могло произойти, очень полезно тесным союзом России с Китаем обеспечить этому последнему спокойствие начатых внутренних преобразований.

Такие громадные материи, как Африка, Америка и Австралия, поныне населены, сравнительно с Азией, очень слабо, а столетия за два, когда их мало знали и они были предоставлены своим силам и течениям жизни, число в них жителей, по всей вероятности, говоря вообще, было если не меньше, то уже никак не больше современного, хотя местами и были скопления, властвовавшие над всем соседним. Главною причиною малой

населенности названных континентов, богатых дарами природы, служили, без сомнения, войны, везде господствовавшие, и ими вызванный деспотизм, по сравнению с которым европейский или азиатский деспотизм может быть назван благодетельным. Этим я не желаю обелить ни жадных испанцев, беспощадно истреблявших южноамериканские и другие народы, ни английских приемов истребления маори или североамериканских индейцев, ни истребления негров арабскими народами, а желаю только выяснить ту мысль, что роль европейцев в Африке, Америке и Австралии, несомненно, послужила к смягчению нравов и даже к увеличению числа жителей, если не во все время последних двух столетий, то, по крайней мере, за последние десятилетия XIX ст., и надо полагать, что так будет и впредь что должно послужить к быстрому росту числа жителей, особенно в Америке и Австралии, где при современной мере годового прироста (около 1,75 %) удваивание числа жителей должно совершаться примерно в 40 лет. А так как при годовом приросте в 6 млн на 934 млн, как в Азии, удваивание произойдет лишь в 120 лет, тогда лет чрез 150 Америка должна быть столь же тесно заселена, как и Азия. Для мальтусов тогда должны начаться гибель человечества и общие бедствия от недостатка продовольственных средств, но для современных мыслителей и наблюдателей — одним из каких стараюсь быть сам и каких желаю более всего видеть как в русской среде, так и всюду — увеличение числа жителей в Европе и Азии в 4 раза, а в Африке, Америке и Австралии раз в 10 или 12, т. е. население всей Земли 10 тыс. млн (10 млрд) людей: а) ничуть не страшно, б) обещает только хорошие результаты и в) не только возможно лет чрез 250—300, но и желательно, что я и постараюсь показать и доказать, хотя со всею возможною краткостью.

Прежде всего заметим, что при 10 млрд жителей на всем земном шаре на каждого жителя придется средним числом суши по 1,3 гектара, а за исключением полярных стран, пустынь, как Сахара и горные вершины, все же не менее 1 гектара на душу, что и теперь далеко превзойдено во множестве стран, т. е. тогда общей тесноты может быть на Земле не более, чем ныне на Яве или в Бельгии, где народ свободно умножается, инстинктивно постигая ложность выводов Мальтуса о близкой

необходимости ограничения умножения числа людей. Найдется не только мест для жилья, но даже для лесов, не говоря о пашнях. Умением доставать много питательных веществ на малых площадях земли прежде всего отличились китайцы, но теперь это стало достоянием общим, и если англичане или голландцы предпочитают покупать хлеб, а не выводить его дома, то просто потому, что так дешевле, меньше трудов, легче заработать деньги на чем другом, а хлеб — купить, благо его предлагают страны кой в чем бедные, а землю богатые. Тогда не так будет, когда везде явится много народа и будет мало земли; земледелие тогда потребует не одного внешнего, физического труда, но и знаний, да будет давать доходы получше каких-либо домов или фабрик. Притом воспользуется и всем теплом тропических стран, откуда вывоз питательных начал должен со временем сделаться громадным, теперь же оттуда везут лишь очень немного, так сказать, роскошное. Сверх того, ведь культивируют же моря-то для добычи из них не только рыбы, без нас там плодящейся, но и растений и животных, которые там станут разводить люди, как стали уже разводить устриц.⁴⁴ Словом, не то что 10 млрд, но и во много раз больше народу пропитание на земном шаре найдут, прилагая к делу этому не только труд, но и настойчивую изобретательность, руководимую знаниями.⁴⁵ Страшиться за пропитание, по мне, само по себе просто нелепость, если мирное и деятельное общение массы людей можно считать обеспеченным. Это обеспечение-то и возрастает при умножении не только общего числа людей, но и их тесной скученности именно по причине самой скученности, так как при ней неизбежно становится необходимым и возможным позаботиться о порядке, законности или устранении другим вредящего личного произвола и о широком просвещении, помогающем личным усилиям людей, стремящихся узнать или открыть новые полезности и новые доли истины, как это видим, например, в Англии, где люди, сделавшие что-либо новое в науке и промышленности, пользуются всеобщим уважением больше, чем воины, ораторы и богачи. Все, чем человечество может гордиться, добыто у народов, дошедших до тесноты жизни. Ни Рафаэля, ни Ньютона, ни Стефенсона или даже Гарибальди и Гамбетты нельзя

Томас Роберт Мальтус

и представить без народной скученности. Она одна может своими тысячами глаз не упустить из виду все то, что является достойным внимания и что при малолюдье, наиболее внушающем эгоистические стремления, редко возникает, а возникнув, легко может пропадать и зачастую пропадает. С внешней стороны народная скученность настолько сильна и велеречива, что явно и прочно выдаваться в ней внешнею личною силою и даже речью очень трудно, а для посредственности почти и невозможно. Поэтому эта самая скученность в конце концов невольно внушает мысли и направления более глубокие, внутренние, тесно связанные с общими людскими интересами. Словом, постоянная людская теснота жизни дает неизбежно много общих благ и способствует прогрессу, а потому и желательна, хотя при ней неизбежны некоторые новые недостатки, особенно же сухость или формальность многих общих законоположений, рядом со «свободой», которая совершенно отлична от начальной или анархической свободы животных.

Что же касается до вероятной возможности достижения 10-миллиардного населения земли в предстоящие 150—200 лет, то она, по моему разумению, вытекает из четырех современных начал: заселения пустынь, желания избегать войн, из усилившегося за последние годы стремления решать наиболее гучие

вопросы путем конференций и из развития всемирных торговых сношений, которыми усиливается обеспеченность в отыскании продовольствия и трудовых заработков по всем странам. Если бы надолго сохранился близкий к современному общий годовой прирост почти в 16 млн, или, общее, в 0,93 %, то из 1695 млн получилось бы 10 млрд в 192 года⁴⁶, принимаю же я больший срок — до 300 лет — преимущественно ввиду того, что скорый ход прироста в некоторых странах, наверное, родит временные замешательства, убавку прироста (например, как во Франции) и т. п.⁴⁷ [...].

Но как бы ни возрастало население отдельной ли страны, или всего света, все же когда-нибудь возрастание это прекратиться непременно должно, а тогда годовой прирост (абсолютный и в процентах) станет нулевым. Отсюда очевидно, что в каждой стране, а потом и во всем свете, должно прийти время, когда годовой прирост сперва относительно, а потом и абсолютно, начнет в отдельных странах падать, т. е. приближаться к нулю⁴⁸, и это должно произойти гораздо ранее того времени, когда достигнется предельная, наибольшая скученность или теснота во всем свете. Хотя для отдельных народов и стран известны не только временные колебания годового прироста, особенно относительного (или в процентах), но и продолжительные падения величины прироста (Ирландия, Франция), однако для всей совокупности людей, т. е. для всего света, нет возможности сказать ничего определенного, судя по прямым данным переписей или вообще счета жителей, возрастает ли, или падает, или остается постоянным общий годовой прирост. Одно только можно сказать с полною уверенностью, что в прошлые века, вероятно начиная с очень древних времен, примерно до XIX ст., общий прирост людей был много-много меньше современного, так как будь он равен современному (около 0,93 %), ко времени начала нашей эры, т. е. за 1907 лет, на Земле жило бы только 37 тыс. людей. Болезни, особенно чума, переселения, голодовки, внутренние восстания и внешние войны в те старые, и ныне еще иным любезные, годы сильно уменьшали и число живущих и число рождающихся, увеличивая число умирающих, и много уменьшали годовой прирост. Таким образом, несомненно, что за несколько сот лет сему назад общий годовой прирост человечества был меньше того, какой стал известен — благодаря общему мировому успокоению, — скажем для примера, в середине XIX в. А что делается теперь: увеличивается ли, убавляется ли или сохраняется постоянным *общий* годовой прирост (абсолютный — в миллионах, и особенно относительный — в процентах) всего человечества — неизвестно совершенно, хотя это представляет, судя по сказанному выше, немалый общий интерес. За недостатком каких-либо сведений этого рода, остановимся над известными с начала XIX в. средними числами годового прироста трех стран: Англии, Франции и Германии, потому что уже здесь встречаются поучительные изменения годового прироста.

Для Англии (с Уэльсом) известны приводимые вслед за сим данные о числе всех жителей для одиннадцати переписей с начала XIX в. Не надо забывать, что в это время эмиграция (выселение) много превосходила иммиграцию (переселение) в Англии, т. е. естественный прирост, или перевес рождений над смертями, был больше того «действительного» прироста, какой выходит из данных переписей.

Год	Жителей всего	Год	Жителей всего
1801	8 892 536	1861	20 066 224
1811	10 164 256	1871	22 712 266
1821	12 000 236	1881	25 974 439
1831	13 896 797	1891	29 002 525
1841	15 914 148	1901	32 527 843
1851	17 927 609		

В 100 лет население возросло, значит, в 3,66 раза, что дает общий средний процент годового прироста, близкий к 1,25. Для того же, чтобы проследить изменения годового прироста

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

в XIX в., берем средние года, для них принимаем среднее число жителей и к ним относим как абсолютный, так и процентный годовой прирост.⁴⁹

Год	Число жителей, тысячи	Годовой прирост, тысячи лиц	Годовой прирост, проценты	Среднее за 50 лет
1806	9528	127,2	1,334	1,358 %
1816	11082	183,6	1,652	
1826	12948	189,7	1,465	
1836	14955	201,7	1,349	
1846	16921	201,4	1,190	
1856	18997	213,9	1,126	1,198 %
1866	21389	264,6	1,238	
1876	24343	326,2	1,340	
1886	27468	302,8	1,139	
1896	30765	35,25	1,146	

Отсюда видно, что в Англии в продолжение XIX ст. прибывало не только общее число жителей, но и годовой прирост, видный в абсолютных числах (тысяч жителей), а между тем годовой процент прироста все же падал, хотя не с полной непрерывностью, но все же очевидно, так как в первой половине столетия он близок к 1,4 %, тогда как в последней половине в среднем менее 1,2 %. Если наибольший процент прироста не отвечает началу прошлого столетия (1,65 % для 1816 г.), то он был еще ранее в XVIII или XVII ст., когда была развита сельскохозяйственная деятельность Англии, а не городская, ныне все более и более захватывающая всю страну, как видно из отчета врачей санитарных округов:

	Всех жителей			
	в 1891 г.		в 1901 г.	
В 907 городских округах с 3000 и более жителей	21 268 тыс.	} = 75,0 %	24 440 тыс.	} = 76,9 %
В 215 городских округах с числом жителей менее 3000	476 »		415 »	
Сельского населения	7259 »	= 25,0 %	7472 »	= 23,1 %
Всего жителей	29 003 »	= 100 %	32 327 »	= 100 %

А так как с разных сторон известно, что естественный прирост в городах доньше меньше, чем в деревнях, то из одного увеличения городского населения становится совершенно понятным уменьшение в Англии процента годового прироста.⁵⁰

Для Англии расчет народонаселения очень прост по той причине, что переписи правильно велись чрез 10 лет, а территория нисколько не изменялась. Для Франции этого уже нет, но приведение к современной поверхности можно было сделать, а потому приводим как полученное число жителей Франции, так и приведенное к современной территории, изменившейся чрез прибавку (Савойи и Ниццы от Италии) после Итальянской войны 1860 г. и чрез убавку (Эльзаса и Лотарингии к Германии) после войны 1871 г.

Для расчета брал лишь цифры, относящиеся к современным размерам Франции. Крайние цифры (26 931 и 38 962 тыс. для 1801 и 1901 гг.) дают общий средний годовой прирост в 0,365 %, т. е. почти в 3,5 раза меньший, чем для Англии.

Год переписи	Число жителей, полученное при переписи	Число жителей на современной территории	Год переписи	Число жителей, полученное при переписи на современной территории
	тысячи			тысячи
1801	27349	26931	1876	36906
1821	30462	29871	1881	37672
1841	34230	33401	1886	38219
1861	37386	35845	1891	38343
1866	38067	36495	1896	38518
1871	36103	36103	1901	38962

Это поучительно уже само по себе.⁵¹ Для разбора частных составляем таблицу, подобную предшествующей:

Год	Число жителей	Средний годовой прирост	Годовой прирост	Среднее
	тысячи		проценты	
1811	28401	147,0	0,518	0,45
1831	31636	176,5	0,558	
1851	34623	122,2	0,353	
1863 ¹ / ₂	36170	130,0	0,360	
1868 ¹ / ₂	36299	- 78,4	- 0,216	0,17
1873 ¹ / ₂	35505	+ 80,6	+ 0,221	
1878 ¹ / ₂	37289	153,2	0,411	
1883 ¹ / ₂	37946	109,4	0,289	
1888 ¹ / ₂	38281	24,8	0,065	
1893 ¹ / ₂	38431	35,0	0,091	
1898 ¹ / ₂	38740	88,8	0,230	

При всей своеобразной беспорядочности полученных данных, все же из них видно: 1) что отрицательный прирост (уменьшение числа всех жителей) получился только для эпохи, когда совершилась губительная война 1870 г., вообще же, хоть и слабо, но все время в XIX ст. число жителей Франции на ее современной поверхности прибывало; 2) что не только относительный (в %), но абсолютный (в тысячах) годовой прирост представляет очень большие колебания, т. е. временные увеличения и уменьшения, чего ни для какой другой страны в такой мере не известно, и 3) что в первой четверти XIX в. процентный прирост колебался около $\frac{1}{2}$ %, а в последней четверти спустился до $\frac{1}{4}$ % и ниже, вообще же в общих чертах здесь, как в Англии, замечается настойчивое понижение процента прироста, а для Франции даже уменьшение и абсолютной величины годового прироста, зависящее от быстроты понижения процента прироста, что может доходить не только до нулевой, но и до отрицательных величин прироста. Из того, что дают Англия, Бельгия, Германия и другие страны Европы, с более густым населением и с менее благоприятными, чем во Франции, почвенными и климатическими условиями, очевидно, что здесь никакой роли не играет «количество пищевых средств», а быстрое абсолютное и относительное уменьшение прироста должно приписать иным причинам⁵², которые человечество не преминет отыскать, если дальнейшие явления покажут продолжение во Франции того же процесса, какой, несомненно, совершался в ней в XIX в.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

В отношении к прибыли людей на земле Франция во всяком случае представляет одну из крайностей, а именно относительной малости прибыли; Англия же близка к общей средней норме всего света, наибольшая же годовая прибыль известна для России и других славянских стран, для Германии, С.-А. С. Штатов и для Явы. Хотя переписи (цензусы) С.-А. С. Штатов отличаются полнотою для всего XIX в., но в этой стране прирост населения⁵³ столь сильно зависит от переселений, что выводы мало назидательны для понимания того, что происходит во всем мире по отношению к возрастанию числа жителей. Поэтому избираем Германию, для которой числа известны с 1816 г. и при подробной разработке приведены к современной повержности страны.⁵⁴

Начало декабря	Тысячи жителей	Начало декабря	Тысячи жителей	Начало декабря	Тысячи жителей
1816 г.	24 833	1845 г.	34 398	1875 г.	42 729
1820 »	26 294	1850 »	35 397	1880 »	45 236
1825 »	28 113	1855 »	36 114	1885 »	46 858
1830 »	29 520	1860 »	37 747	1890 »	49 428
1835 »	30 938	1865 »	39 656	1895 »	52 280
1840 »	32 787	1870 »	40 818	1900 »	56 367
				1905 »	60 605

Из крайних данных (для 1816 и 1905 гг.) выводится общий средний годовой процент прироста = 0,94 %. Хотя современный прирост для Германии гораздо более, чем для Англии, но за все столетие средний английский прирост (1,25 %) более немецкого⁵⁵, а это дает уже явный намек на прибыль прироста, что и составляет главный интерес данных о народонаселении Германии, которые мы разотчем как предшествующие:

Год	Тысячи жителей	Годовой прирост	
		тысячи	проценты
1818	25 564	365,3	1,429
22 ¹ / ₂	27 204	363,8	1,337
27 ¹ / ₂	28 817	281,4	0,976
32 ¹ / ₂	30 229	283,6	0,938
37 ¹ / ₂	31 863	396,8	1,161
1842 ¹ / ₂	33 593	322,2	0,961
47 ¹ / ₂	34 898	199,8	0,572
52 ¹ / ₂	35 756	143,4	0,401
57 ¹ / ₂	36 931	326,6	0,884
Среднее = 0,962			
1862 ¹ / ₂	38 702	381,8	0,986
67 ¹ / ₂	40 237	232,4	0,577
72 ¹ / ₂	41 774	382,2	0,915
77 ¹ / ₂	43 983	501,4	1,140
82 ¹ / ₂	46 047	324,4	0,704
1887 ¹ / ₂	48 143	514,0	1,067
92 ¹ / ₂	50 854	570,4	1,122
98 ¹ / ₂	54 324	817,4	1,504
1902 ¹ / ₂	58 486	847,6	1,449
Среднее = 1,052			

Из сравнения средних первой и последней половин сравниваемых лет видно, что при всей кажущейся неправильности⁵⁶ в изменении процент годового прироста Германии в последней половине столетия выше, чем в первой, т. е. прирост здесь, вообще говоря, еще возрастает. Это возрастание особенно ясно за последние лет 20, когда промышленное развитие Германии шло быстрыми шагами и когда городское население росло весьма быстро.

Думаю, что числа, сюда относящиеся, известны читателям из других источников, не привожу их, а останавливаю внимание именно на том, что здесь и города растут и прирост, показывая этим, что для умножения народонаселенности города не составляют препятствий, как думают и говорят довольно часто.

Из всего предшествующего в отношении к годовому приросту можно видеть, что ныне общий средний на всей земле прирост близок к 0,9 %, что в протекшие века, несомненно, общий средний прирост был меньше современного и что в ближайшем будущем можно ждать как убыли, так и прибыли в среднем общем приросте, а когда величина его начнет уменьшаться, она может достигнуть нуля и стать отрицательной. Уменьшение может происходить от множества причин, совершенно даже помимо недостатка в добыче пищи и других первичных условий жизни, чему примером может служить современная Франция, в которой уже давно годовой процент прироста менее общего мирового и европейского, а за последнее время стал еще более опускаться, хотя абсолютное число жителей все же продолжает еще возрастать.

Так как вопросы, касающиеся прироста, очень важны и определяются точнее всего повторяющимися переписями, то нельзя не высказать вновь желания, чтобы переписи производились правильно, повторяясь во всех странах, и их результаты подвергались систематической обработке. Недостаток точных переписей в большинстве стран Азии и Африки делает сомнительными многие общие выводы для этих частей света.⁵⁷

Недостаток статистических сведений для многих стран особо ощущается для данных об отношении между числом мужского и женского полов. Только для Европы сведения довольно полны; для Азии, Америки и Австра-

лии они только отчасти известны, и на основании этого можно было предположительно перейти от части к целому, так как известные части все же значительны. Для Африки данных очень мало (для Египта, Алжира и некоторых английских колоний), и хотя то, что известно, по-видимому, указывает на недостаток числа женщин, но мне казалось наиболее осторожным принять для всей Африки равенство числа лиц обоих полов. Все же общая сумма жителей всего света сводится к следующему: мужского пола 855,3 млн душ, а женского пола 839,7 млн, в сумме 1695, а разность ж. — м. = 15,6 млн, или на 1000 мужчин в мире только 982 женщины.

Этот мировой недостаток лиц женского пола тем примечательнее, что в Европе, говоря вообще (т. е. за немногими исключениями, представляемыми соседними друг к другу Румынией, Болгарией, Сербией и Грецией), число женщин преобладает. Хотя отношение между мужчинами и женщинами должно иметь свое влияние на увеличение потомства, но донныне разность в обе стороны очень велика, а потому особых опасений не внушает. Но достаточно вспомнить пресловутое «похищение сабинянок» из-за недостатка женщин, чтобы сделать очевидным будущее значение рассматриваемых численных отношений или указать на то, что счет числа лиц обоих полов представляет собой свой особый интерес. Если вообразить, что в будущем перевес женщин в Европе, а мужчин в Азии будет возрастать с быстротою, то можно опасаться особого напора азиатов на Европу или нового повторения старых исторических событий. Надо не забывать, что в Азии и ныне из 934 млн всех жителей должно признавать на 476 мужчин 458 женщин: это пока мало видно, но когда дело дойдет до того, что на 1000 лиц мужского пола будет лишь 700—800 женщин, тогда и буддийские монастыри не вместят тех, которые захотят обзавестись семейством.

Для того, чтобы хоть сколько-нибудь подействовать разработке едва затронутого вопроса о перевесе лиц того или другого пола, далее разбираются некоторые данные французских переписей⁵⁸ и русской переписи 1897 г.; полный же разбор (по времени и месту) существующих сведений ждет своих исследователей, благо статистика уже привлекла к себе общественное внимание.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

Сперва приведем в более полном виде данные из переписи, произведенной во Франции в 1891 г., чтобы показать сложность основных данных и дать возможность видеть происхождение тех сокращенных таблиц, какие мы далее применяем для лучшей обозрительности и для сокращения размеров исходных данных:

По переписи 12 апреля 1891 г. во Франции				
Возраст, лет		Лиц мужского пола	Лиц женского пола	Всего жителей
от	до			
0	1	338391	333909	672300
1	2	306372	304374	610746
2	3	342956	339683	682639
3	4	345050	342725	687775
4	5	334382	334082	668466
5	10	1677366	1676532	3353898
10	15	1585952	1654683	3324328
15	20	1669645	1670440	3339963
20	25	1669523	1692917	3278869
25	30	1478246	1442533	2920779
30	35	1372153	1343048	2715201
35	40	1280386	1264679	2545065
40	45	1190137	1211052	2401189
45	50	1146791	1149448	2296239
50	55	1017831	1030352	2048183
55	60	881366	916572	1797938
60	65	788481	822469	1610950
65	70	612570	655853	1268423
70	75	449978	485289	935267
75	80	270115	307334	577449
80	85	118576	146240	264816
85	90	36857	50834	87691
90	95	8199	12972	21171
95	100	1104	2069	3173
100 и более		66	147	213
Неизв. возраста		9859	10795	20654
Всего		18932354	19201031	38133385

В сокращенном виде эти данные дают, конечно, те же основные выводы:

Возраст, лет		Мужчины	Женщины	Обоего пола
от	до			
0	20	6683687	6656428	13340115
20	40	5716737	5743177	11459914
40	60	4236125	4307424	8543549
60 и выше		2285946	2483207	4769153
Возраст неизвестен		9859	10795	20654
Всего		18932354	19201031	38133385

Для обозрительности и сравнимости данных разных переписей, эти последние данные лучше всего выразить так:

Возраст, лет от до	1891 г., тысячи жителей		Процентное отношение к общему числу жителей, известных по возрасту		
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	разность ж. — м.
0 20	6684	6656	17,54	17,48	- 0,07
20 40	5717	5743	15,00	15,07	+ 0,07
40 60	4236	4307	11,12	11,30	+ 0,18
60 и выше	2286	2483	6,00	5,51	+ 0,51
Итого известно	18923	19189	49,65	50,35	+ 0,69
	38112		100,00		

Последний столбец отвечает тому, что принято в табл. 1 и 2, т. е. дает разность числа лиц женского пола без числа лиц мужского пола. Общий плюс показывает перевес лиц женского пола, но для начального возраста (0—20) перевес на стороне лиц мужского пола. То же обыкновенно повторяется и в других случаях — хотя не всегда.

Перейдем теперь к другим переписям Франции.

Возраст, лет от до	Тысячи мужчин	Тысячи женщин	% мужчин	% женщин	Разность ж. — м.
<i>По переписи апреля 1851 г.</i>					
0 20	6556	6356	18,34	17,79	- 0,55 %
20 40	5536	5583	15,48	15,59	+ 0,11
40 60	4016	4078	11,23	11,41	+ 0,18
60 и выше	1669	1959	4,67	5,49	+ 0,82
	17777	17976	49,72	50,28	+ 0,56 %
	35753		100,00		
<i>По переписи мая 1861 г.</i>					
0 20	6743	6626	18,07	17,75	- 0,31%
20 40	5696	5732	15,23	15,35	+ 0,12
40 60	4255	4227	11,40	11,33	- 0,07
60 и выше	1912	2138	5,13	5,73	+ 0,60
	18606	18723	49,83	50,17	+ 0,34 %
	37329		100,00		
<i>По переписи 1872 г.</i>					
0 20	6483	6325	17,98	17,53	- 0,45 %
20 40	5326	5479	14,75	15,19	+ 0,44
40 60	4140	4146	11,48	11,49	+ 0,01
60 и выше	2018	2159	5,59	5,99	+ 0,40
	17967	18109	49,80	50,20	+ 0,40 %
	36076		100,00		
<i>По переписи 18 декабря 1881 г.</i>					
0 20	6677	6564	17,86	17,55	- 0,31 %
20 40	5524	5550	14,77	14,85	+ 0,08
40 60	4211	4263	11,26	11,40	+ 0,14
60 и выше	2238	2366	5,98	6,33	+ 0,35
	18650	18743	49,87	50,13	+ 0,26 %
	37393		100,00		

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

Сравнивая процентные числа пяти приведенных переписей Франции — от 1851 по 1891 г., можно заметить, что все они, несмотря на 50 протекших лет, представляют великое между собою сходство во многих отношениях. Так, например, всегда лиц мужского пола менее, чем лиц женского пола, примерно в отношении 49,8 к 50,2, но нельзя не заметить, что колебания в процентах и абсолютных цифрах довольно велики, а потому не должно удивляться, что в 1901 г. оказалось на 49,2 % лиц мужского пола уже 50,8 % женского:

По переписи	1851 г.	1861 г. ⁵⁹	1872 г.	1881 г.	1891 г.	1901 г.
[Разность] ж.—м., тысячи	199	117	142	93	266	613

В общих чертах за время первых 40 лет замечается падение, а в последние 30 лет возрастание перевеса лиц женского пола над мужским, но продолжительность отчетов недостаточна для уверенности в том, что возрастание будет увеличиваться. Общее, что дают предшествующие числа, состоит затем не только в том, что родится и во Франции все время мальчиков более, чем девочек, но и в том, что число всех детей и юношей до 20 лет всегда более для мужского пола сравнительно с женским, а для высших возрастов обратно, и притом процент перевеса увеличивается с возрастом, так что старух много более, чем стариков. Это показывает, что, взойдя в возраст возмужалости, лица мужского пола выбывают (смертью, а отчасти и выселением) в большем количестве, чем женщины. Хотя подобное этому замечается и в иных странах, но здесь оно выражено и резче и со своими особенностями, ясно видимыми в постоянстве (даже некоторой убыли) процентного числа лиц до 20-летнего возраста и в умножении числа старых людей, в 60 и более лет:

Год	0—20-летний возраст			60 лет и более		
	мужчины, %	женщины, %	всего, %	мужчины, %	женщины, %	всего, %
1851	18,34	17,79	36,13	4,67	5,49	10,16
1861	18,07	19,76	35,83	5,13	5,73	10,86
1872	17,98	17,53	35,51	5,59	5,99	11,58
1881	17,86	17,55	35,41	5,98	6,33	12,31
1891	17,53	17,47	35,00	6,00	6,51	12,51

Отсюда уже можно заключить, что незначительность общего годового прироста во Франции определяется меньшим числом рождений, а прибыль числа жителей всецело зависит от увеличения числа стариков. Такой процесс, по-видимому, в конце концов ведет к увеличению перевеса в числе женщин. Этот перевес всегда изменяется около 20-летнего возраста.

Причину этого, по мне, нельзя искать в физическом различии обоих полов, а следует приписывать тем социальным соотношениям, которые заставляют в Европе юношу-мужчину напрягать в период около 20 лет свои силы гораздо более, чем то должны делать женщины близкого к указанному возрасту, а усиленные напряжения и ведут к большему вымиранию созревших лиц мужского пола. Такое убеждение зарождается при знакомстве с тем, что в Азии, где роль женщины как человека сопряжена с большим, чем у нас, напряжением сил, женщины и вымирают в большей пропорции.⁶⁰ Для убедительности привожу здесь одно сопоставление для Франции в современной ее территории. В 1872 г. от 0 до 20 лет было всего лиц: мужского пола 6483 тыс. и женского пола 6325 тыс.

Эти самые лица при переписи 1891 г. имели возраст от 20 до 40 лет, и их тогда оказалось: мужского пола 5717 тыс. и женского пола 5743 тыс., т. е. из 100 чел. выжило 88,2 % мужчин и 90,8 % женщин, т. е. женщин в протекшие годы выбывало гораздо менее, чем мужчин.

Для дальнейшего выяснения перевеса в числе лиц того или другого пола, рассмотрим еще распределение по возрасту и полу жителей в двух наудачу взятых русских губерниях: Владимир-

ской, где преобладает число женщин, и Сырдарьинской, представляющей, как в Азии вообще, преобладание числа лиц мужского пола.

Для Владимирской губернии по переписи 1897 г.:

Возраст, лет от до	Мужчины	Женщины	Процент к общему числу жителей, известных по возрасту		
			мужчин	женщин	разность ж. — м.
0 10	195522	204902	} 21,94	23,93	+ 1,99
10 20	136803	157685			
20 30	96172	125896	} 12,12	15,36	- 3,24
30 40	87388	106780			
40 50	69655	85810	} 7,89	9,98	+ 2,09
50 60	49957	65522			
60 70	34909	48369	} 3,60	5,18	+ 1,58
70 80	15686	23575			
80 90	3544	5635			
90 и выше	393	832			
Неизв. возр.	283	365	--	--	--
Итого	690312	825379	--	--	--
Известн. возр.	690029	825014	45,55	54,45	+ 8,90
	1515043		100,00		

Тут не только перевес числа женщин очень велик, но и начинается с самого раннего возраста, так как в возрасте менее одного года при переписи оказалось: 27,6 тыс. мальчиков и 28,2 тыс. девочек. В большинстве случаев, или почти повсюду, рождается мальчиков более, чем девочек, а из того, что здесь замечается обратное, очевидно, следует заметить, что весь вопрос об отношении числа жителей и разности полов очень сложен и отчасти определяется внешними или физическими обстоятельствами, отчасти социальными отношениями, подобными выселению и изнурению молодежи того или иного пола. Преобладание числа мужского пола в некоторых краях также видно в азиатских губерниях России.

По переписи 1897 г. в Сырдарьинской области оказалось следующее распределение почти 1,5 млн (точнее 1478 тыс., а известных по возрасту 1476 тыс.) жителей:

Начало таблицы

Возраст, лет от до	Мужчины	Женщины	Процент к общему числу жителей, известных по возрасту		
			мужчин	женщин	разность ж. — м.
0 10	174553	170720	} 22,69	21,04	- 1,65
10 20	160377	139798			
20 30	158785	126207	} 18,44	14,90	- 3,54
30 40	113406	93667			
40 50	87050	65893	} 9,62	7,07	- 2,55
50 60	54856	38396			

Возраст, лет от до	Мужчины	Женщины	Процент к общему числу жителей, известных по возрасту		
			мужчин	женщин	разность ж. — м.
60 70	35187	24092	} 3,60	2,64	- 0,96
70 80	13797	10907			
80 90	3669	3476			
90 и выше	428	518			
Неизв. возр.	1303	1313	—	—	—
Итого	803411	674987	—	—	—
Возраст известен	802108	673674	54,35	45,65	- 8,70
	1475782		100,00		
От 0 до 20 лет + от 60 лет и выше 26,29 % + 23,68 % = 49,97 %					
От 20 до 40 лет + от 40 до 60 лет 28,06 % + 21,97 % = 50,03 %					

Здесь перевес в числе лиц мужского пола также замечается при всех возрастах, как во Владимирской губ. перевес лиц женского пола, и в обоих случаях перевес сравнительно огромный — более 8 %, много превосходящий все то, что дает Западная Европа.⁶¹ В России, взятой как одно целое, перевес числа женщин невелик, не более 0,55 %, менее чем во многих других странах Европы, но только оттого, что крайности друг друга уравнивают или прикрывают, как видно уже из того, что в Европейской России преобладают женщины, а в Азиатской — лица мужского пола. Как это различие явно и резко, видно из сопоставления соседних пограничных губерний (1897):

		Мужчины	Женщины	Разность ж. — м.
тысячи				
Саратовская	губ.	1174	1232	+58
Самарская	»	1351	1400	+49
Оренбургская	»	794	806	+12
Уфимская	»	1090	1107	+17
Уральская	обл.	336	309	-27
Акмолинская	»	355	328	-27
Семиреченская	»	529	459	-70

Но из других сопоставлений становится очевидным, что главное влияние оказывает состав населения и род его занятий. Там, где преобладает чисто русское население и оседлый сельскохозяйственный образ жизни, как и в Европейской России, число женщин преобладает, например:

	м.	ж.	ж.—м.
Тобольская губ.	706	727	+21 тыс.

А там, где живут казаки, мужское население которых мало занимается сельским хозяйством, преобладают в числе лица мужского пола, например:

	м.	ж.	ж.—м.
Земля Донского Войска	1294	1270	- 24 тыс.
Терская область	486	448	- 38 тыс.

То же замечается в губерниях, считаемых европейскими, но где много кочевников азиатского образа жизни, например:

	м.	ж.	ж.—м.
Астраханская губ.	514	490	— 24 тыс.

Из всего сказанного видно, что вопрос о причине перевеса полов очень сложен и не дает возможности предвидеть вероятное отношение в предстоящее время, когда общее число жителей Земли станет возрастать.

Обращаясь к последнему столбцу табл. 2, прежде всего считаю полезным заметить, что тот порядок, в котором мы привыкли перечислять страны света, начиная с Европы и кончая Австралией, не отвечает последовательности ни по числу жителей, ни по величине поверхности, но вполне отвечает последовательности как по густоте населенности, так и по времени начала тесных сближений со всем светом. В Европе теснее всех стран и на душу приходится лишь 2,3 гектара всей земли, включая и норвежские или мурманские тундры, в Австралии же — до 135 гектаров на душу. Отсюда очевиден уже переселенческий напор европейцев преимущественно на Америку и Африку, азиатов — на Австралию, Америку и Африку. Разность тесноты в Европе и Азии не столь велика, как показывают количества (2,3 и 4,4 гектара на душу) всей земли, приходящейся на жителя, потому что земель, к обработке неспособных, в Азии пропорционально больше, чем в Европе. В ней северные тундры, песчаные степи и горные вершины, надолго непригодные ни для какой хлебной культуры, едва ли занимают более 1,5 млн км, в Азии же (считая и Зондские острова) поверхность суши, ими занятой, не менее 15 млн кв. км. Если принять эти (лишь приближенные) числа, то окажется:

	Всей суши	Способной к обработке	Всех жителей, миллионы	На душу гектаров земли, способной к обработке (около)
	миллионы кв. километров			
Европа	10,1	8,6	431	2,0
Азия	41,4	26,4	934	2,8

В XVIII ст., когда волна переселенческого выселения в заморские страны охватила весь крайний запад Европы, на жителя приходилось там не менее 4 гектаров «всей» земли, а подобное положение вещей во многих частях Азии, особенно в Индии и Центральной Азии (где немалую часть земель неразумным применением превратили в пустыни), по всей вероятности, наступило в те времена, когда происходили массовые нашествия азиатов на еще сравнительно свежую Европу. Ныне и в предстоящее — при развитии прироста в числе жителей — время ни о чем подобном не только «великому переселению народов», но даже и нашествию на Европу монголов или турок, по причине тесноты, нельзя и думать прежде всего по той причине, что в Европе еще теснее, чем в Азии, и азиатский избыток сперва будет искать свободных земель у себя, например в Монголии, Афганистане, Персии, на Борнео и т. п., а потом неизбежно двинется в Америку и Австралию. Военные преимущества европейцев при этом могут составить лишь временную поддержку [...]. Мое личное мнение, однако, более всего склоняется к тому, что в Азии, при начавшемся оживлении духа китайцев и при готовящейся убыли пагубного влияния опиума, первенствующую роль должны занять не только миролюбивые, но и трудолюбивые, изобретательные и настойчивые китайцы, которые, вооружившись европейским развитием знаний, помогут мировой цивилизации в разыскании способов безбедного существования на ограниченных поверхностях Земли, а пошибы все выиграть развитием военной организации — приведут к должной норме.

Этой нормы в новых формах жизни, мне кажется, можно ждать именно опять из Азии, именно от китайцев, когда их озарит свет европейских знаний, потому что китайцы не только

ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

трудолюбивы, но семейственно миролюбивы, а в то же время очень склонны к высшим отвле-
ченностям и мудрецов, общему благу содействующих, привыкли почитать, следуя за их указа-
ниями.

В заключение считаю необходимым, хоть в самых общих чертах высказать... (Здесь рукопись
обрывается. — *Ив. Менделеев*).

Таблица 2

Народонаселенность и землеобладание стран всех частей света к 1907 г.

	Миллионы (с их десятичными и сотыми)			Всей суши, миллионы кв. км	На каждого жителя в среднем гектаров суши ⁶²
	общее число всех жителей	увеличение числа жителей в год	разность числа лиц женского и мужского полов		
1	2	3	4	5	6
Европа					
1. Россия (Европейская, см. 26) с Финляндией	126,50	1,90	+2,15 ⁶³	5,56	4,4
2. Германия (см. 41 и 66) ⁶⁴	61,49	0,84	+0,88	0,54	0,9
3. Австро-Венгрия с Боснией и Герцеговиной ⁶⁵	49,64	0,48	+0,47	0,68	1,4
4. Англия, Шотландия и Ирландия (см. 22, 37, 50 и 65) ⁶⁶	44,12	0,39	+0,94	0,31	0,7
5. Франция (см. 25, 38, 63 и 67) ⁶⁷	39,49	0,09	+0,64	0,54	1,4
6. Италия (см. 46)	34,32	0,23	+0,18	0,29	0,8
7. Испания (см. 46) ⁶⁸	19,62	0,17	+0,46	0,51	2,6
8. Бельгия	7,10	0,07	+0,05	0,03	0,4
9. Румыния ⁶⁹	6,63	0,09	-0,11	0,13	2,0
10. Турция (Европейская и Самос, см. 27 и 40) ⁷⁰	6,20	0,06	—	0,17	2,7
11. Португалия (см. 35 и 43) ⁷¹	5,66	0,04	+0,25	0,09	1,6
12. Голландия (см. 24 и 64) ⁷²	5,64	0,07	+0,05	0,03	0,6
13. Швеция	5,33	0,03	+0,13	0,44	8,2
14. Болгария (с В. Румелией)	4,08	0,06	-0,08	0,10	2,4
15. Швейцария	3,53	0,04	+0,06	0,04	1,2
16. Греция и Крит	3,12	0,05	-0,13	0,07	2,4
17. Сербия и Черногория ⁷³	2,96	0,04	-0,08	0,06	1,9
18. Дания (с Исландией, см. 64) ⁷⁴	2,71	0,03	+0,07	0,14	5,3
19. Норвегия	239	0,03	+0,09	0,32	13,4
20. Люксембург, Монако, Андорра и Сан-Мартино ⁷⁵	0,29	0,00	-0,01	0,01	1,0
	430,82	4,71	+6,0	10,06	2,3
Азия					
21. Китай	430,0	—	—	11,33	2,6
22. Индия и другие азиатские колонии <i>Англии</i>	306,7	0,85	-5,18	4,95	1,6
23. Япония (с Формозой и Пескадорскими островами)	51,8	0,70	-0,78	0,42	0,8
24. Ява, Целебес и другие азиатские колонии <i>Голландии</i> ⁷⁶	36,0	0,79	—	1,91	5,3
25. Тонкин и другие азиатские владения <i>Франции</i>	22,3	—	—	0,66	3,0
26. Сибирь и другие части <i>Азиатской России</i>	22,0	0,33	-1,35	16,24	73,9
27. Иерусалим и другие азиатские владения <i>Турции</i>	17,0	—	—	1,80	10,6
28. Корея	12,0	—	-0,63	0,08	0,7
29. Персия	9,5	—	—	1,63	17,2
30. Филиппины и соседние владения <i>С.-А. С. Штатов</i>	7,9	0,08	-0,01	0,31	3,9
31. Сиам	6,1	—	—	0,57	9,3
32. Непал и Бутан (в Гималаях)	5,1	—	—	0,18	3,5

1	2	3	4	5	6
33. Афганистан	5,0	—	—	0,65	13,0
34. Бухара и Хива	1,3	—	—	0,36	27,6
35. Гоа, Макао и другие азиатские владения <i>Португалии</i>	0,9	—	—	0,02	2,6
36. Оман (в Ю.-В. Аравии)	0,8	—	—	0,32	4,0
	934,4	6,05*⁷⁷	-18,5*	41,43	4,4
Африка					
37. Мыс Доброй Надежды (Кап) и другие африканские владения <i>Англии</i>	46,6	—	—	6,88	14,7
38. Алжир, Тунис и другие африканские колонии <i>Франции</i>	35,3	—	—	9,69	27,4
39. Конго — независимое	30,0	—	—	2,33	7,7
40. Египет и Триполи, африканские владения <i>Турции</i>	14,4	0,29	-0,20	3,30	23,0
41. Камерун, Того и другие африканские колонии <i>Германии</i>	12,3	—	—	2,41	19,6
42. Марокко	9,4	—	—	0,52	5,5
43. Ангола и другие африканские колонии <i>Португалии</i> ⁸	8,3	—	—	2,06	24,8
44. Абиссиния	3,5	—	—	0,39	11,1
45. Либерия	2,1	—	—	0,12	5,7
46. Африканские колонии <i>Италии</i> и <i>Испании</i> ⁷⁹	1,2	—	—	0,52	74,3
	163,1	2,21*⁸⁰	—	28,22	17,4
Америка					
47. С.-А. С. Штаты (см. 30)	87,1	1,64	-1,91	9,25	10,6
48. Бразилия	16,2	—	-0,14	8,36	51,6
49. Мексика	14,9	0,20	+0,12	1,99	13,4
50. Канада и другие американские колонии <i>Англии</i>	7,5	0,08	-0,11	9,84	131,0
51. Аргентина	5,7	0,21	-0,40	2,90	50,9
52. Перу	5,0	—	—	1,80	36,0
53. Колумбия, Панама и Коста-Рика	4,8	0,09	—	1,39	29,0
54. Чили	3,0	0,02	—	0,80	26,7
55. Венесуэла	2,7	0,03	+0,05	1,04	38,5
56. Гаити и Сан-Доминго	2,5	—	—	0,07	2,8
57. Гондурас, Никарагуа и Сан-Сальвадор	2,3	—	—	0,27	11,7
58. Боливия	2,3	0,08	-0,01	1,82	79,0
59. Гватемала	1,9	—	—	0,13	6,8
60. Уругвай и Парагвай	1,8	—	—	0,59	32,8
61. Куба	1,6	—	—	0,11	7,0
62. Эквадор	1,4	—	—	0,30	21,4
63. Мартиника и другие американские колонии <i>Франции</i>	0,4	—	—	0,08	18,9
64. Суринам, Гренландия и другие американские колонии <i>Голландии</i> и <i>Дании</i>	0,2	—	—	0,21	105,0
	161,3	2,97*	-2,84*	40,95	25,4
Океания					
65. Австралия и другие океанийские колонии <i>Англии</i>	5,8	0,10	-0,27	8,25	142,3
66. Новая Гвинея и другие океанийские колонии <i>Германии</i>	0,4	—	—	0,25	62,8
67. Новая Каледония и другие океанийские колонии <i>Франции</i>	0,1	—	—	0,02	30,0
	6,3	0,11*	-0,29*	8,52	135,2

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Всегда мне нравился и верным казался чисто русский совет Тютчева:

*Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои,
Пусть в душевной глубине
И всходят, и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи;
Любуйся ими и молчи.*

Но когда кончается седьмой десяток лет, когда мечтательность молодости и казавшаяся определенной решимость зрелых годов переварилась в котле жизненного опыта, когда слышишь кругом или только нерешительный шепот, или открытый призыв к мистическому, личному успокоению, от которого будут лишь губительные потрясения, и когда в сознании выступает неизбежная необходимость и полная естественность прошлых перемен, тогда стараешься забыть, что

Мысль изреченная есть ложь,

тогда накипевшее рвется наружу, боишься согрешить замалчиванием и требуется писать «Заветные мысли». Успею ль и сумею ль только их выразить? Однако педагогический опыт не позволяет мне излагать их, так сказать, и запрещает теоретически их оголять, т. е. лишать искусственной одежды действительность, под которой скрыты тело и кости вместе с силою и духом тех образов и форм, которые видны моему угасающему взгляду. А потому мне приходится сперва разобрать немало частных вопросов, при разборе которых сложились мои заключительные мысли. Если бы я избежал этого на вид окольного пути, голые выводы могли бы показаться мечтательными, оторванными от истории и от того, чем в действительности занята, на мой взгляд, глубина современной русской мысли, а этого более всего прочего мне хотелось бы избежать. Притом, излагая сперва лишь частности, подобные вопросам, относящимся к сельскому хозяйству, народонаселению, внешней торговле, фабричной промышленности, университетам и т. п., я надеюсь постепенно и мало-помалу передать совокупность взаимных связей своих «Заветных мыслей», так сказать, в самостоятельных этюдах и эскизах, написанных или с натуры, или под ее живым впечатлением.

Писать начал для журнала покойного друга М. М. Филиппова и в майской книжке «Научного обозрения» (1903) напечатал уже «Вступление», здесь повторенное, лишь с небольшими дополнениями; но с кончиною уважаемого редактора выход книжек журнала остановился, и я решил издать свои «Заветные мысли» в ряде отдельных брошюр, которые будут являться по мере выполнения частей задуманного целого. Не спешил я никогда, не думаю спешить и с этим изданием, тем более что текущие интересы жизни и слабеющие силы не дают на то никакой возможности. Доброй воли кончить начинаемое у меня не отнимут ни друзья или единомышленники, ни порицатели, но так как случай невозможности выполнения всего задуманного, говоря вообще, возможен, то я стараюсь придать каждой отдельной главе свою законченность, выражающую хотя бы часть «Заветных мыслей».

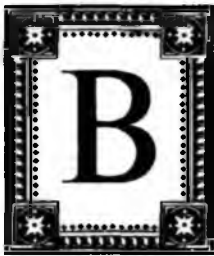
Д. Менделеев

21 сентября 1903 г.

ГЛАВА I

ВСТУПЛЕНИЕ

*Значение сельского хозяйства для развития
современного народного благосостояния и отношение
его к другим видам промышленности*

обыденном разговоре привыкли различать только идеализм от материализма, называя последний иногда реализмом. Слова имеют, конечно, всегда условный смысл, но, согласно с самим происхождением, три названных слова представляют полное различие исходных точек представления, и реализм при этом должно поставить в середине.

Он стремится выразить собою действительность с возможною для людей объективностью, т. е. по здравому смыслу, без окраски предвзятыми суждениями, которыми пропитан не только идеализм, но и материализм, и вот такой-то реализм лежит в основании всего естествознания, а от него и во всей совокупности развития современных мыслей. Во всем своем изложении я стараюсь оставаться реалистом, каким был до сих пор.

Истинный идеализм и истинный материализм представляют продукты древности, реализм же дело новое сравнительно с длиною исторических эпох. Так, например, как идеализму, так и материализму свойственно стремление к наступательным войнам, определяемым или просто материальными побуждениями и нуждами, или идеальными стремлениями народов, а реализм всегда идет против всяких наступательных войн и стремится уладить противоречия, исходя из действительных обстоятельств, в государственной же жизни — от истории.

Идеалисты и материалисты видят возможность перемены лишь в революциях, а реализм признает, что действительные перемены совершаются только постепенно, путем эволюционным. Для идеализма греческого или китайского пошиба варварами считаются все те, которые не носят данного рода идеала. Для материализма новейшей эпохи, выражающегося ярче всего в англосаксонской расе, люди других цветов — индейцы, негры, китайцы, красного, черного, желтого цветов — варвары по существу, а также по бедности, господствующей в среднем у этих народов. Для реализма все народы одинаковы, только находятся в разных эпохах эволюционного изменения.

Если теперь перейдем от этих общих понятий к частностям жизни, от народных отношений к личным, то различие выразится еще яснее, хотя представители каждой из основных точек суждения с разными оттенками и сочетаниями встретятся в каждом народе и в каждом кружке, даже, быть может, в каждой семье. Но если отречься от этих частностей, то нельзя отказать в том, что реализм присущ некоторым народам по преимуществу, как идеализм и материализм другим. И я полагаю, что наш русский народ, занимая географическую середину старого материка, представляет лучший пример народа реального, народа с реальными представлениями. Это видно уже в том отношении, какое замечается у нашего народа ко всем другим, в его уживчивости с ними, в его способности поглощать их в себе, а более всего в том, что вся наша история представляет пример сочетания понятий азиатских с западноевропейскими.

Мне кажется, что теперь, именно теперь нужнее всего уразуметь указанные различия, так как, с одной стороны, нас многое влечет в сторону ответа идеальным требованиям, с другой стороны, громко говорят материальные потребности народа, а с третьей — русская история

внушает реальное сочетание тех и других и понимание недостаточности всякой односторонности, которая не свойственна только реализму, стремящемуся узнать действительность в ее полноте без одностороннего увлечения и достигать успеха или прогресса путем исключительно эволюционным. А так как действия людей определяются исключительно их убеждениями и упованиями, понятиями и сведениями, то по этому одному уже становится совершенно понятным то на первый взгляд совершенно случайное общее требование развития образованности народной, которое ясно выразилось за последнее время, между прочим, и в суждениях местных комитетов, образованных вслед за учреждением Совещания о нуждах русского сельского хозяйства. С идеальной точки зрения такое требование общего народного образования определяется стремлением поставить народ в уровень понятий той части людей Западной Европы, которая, очевидно, приобретает господство во всем мире, ныне уже охваченном до последних трущоб Азии, Африки и Америки.

С материальной точки зрения требования общего народного образования определяются тем понятием, что вся практическая современная деятельность, начиная с сельскохозяйственной до торговой, военной и административной, немыслима без общего образования, а потребности увеличиваются с его развитием, что дает возможность расширять деятельность народа и его богатства. С реально-исторической точки зрения за освобождением крестьян и с ростом всей цивилизации России потребность общего народного образования вызывается невозможностью такого строя, при котором лишь малая доля не чужда современности, а преобладающая масса предоставлена собственному историческому течению.

Но реализм ясно внушает в то же время, что общая народная образованность немыслима без известной степени накопления народного богатства. Каким бы мешанством ни отзывалось это требование накоплений богатства, как бы оно ни претило чопорности английского клуба и сколько бы оно ни расходилось с благородным идеализмом древних и новых веков, все же ныне без особых на то доказательств необходимо признать, что без правильного предварительного накопления богатства неосуществимо ни все то, что должно понимать под именем «народного блага»,

ни все «дело укрепления порядка и правды в соответствии с возникающими потребностями народной жизни», ни рост общего просвещения страны, даже ее прямая оборона, т. е. защита самостоятельности и возможности развивать народные исторические особенности. Если во всех других случаях это требование предварительного накопления народного богатства само по себе явственно, то оно также очевидно и по отношению к общему народному просвещению.

Не рассматривая этот вопрос в подробностях, достаточно указать немногие общие для того реальные основания, так как:

1) дело развития и роста народного просвещения немыслимо без широкого развития науки вообще, а оно требует больших средств, так как ученые сами люди, которым нужны средства не только для необходимых научных пособий (библиотек, лабораторий, обсерваторий и т. п.), но и для собственной жизни, надо, чтобы они жили в достатке, как это и видим не только в Англии или в Америке, но даже в сравнительно бедной Германии, если желаем, чтобы к делу науки привлекались лучшие люди;

2) огромные средства нужны и для того, чтобы образовать достаточное количество не только народных учителей, но и их учителей, а также и профессоров того разряда учебных заведений, которые называются высшими;

3) так называемых высших, или, правильнее сказать, специализированных школ, т. е. университетов, политехникумов, академий и т. п., для такого 140-миллионного народа, как русский, необходимо множество, целую сотню, если желательно, чтобы просвещение вошло в жизнь народную и отразилось в ее реальности, т. е. в ее промышленности и администрации, а не говоря даже о годовом содержании такого большого числа высших учебных заведений, даже одно их устройство должно стоить огромных денег, как видно из того, что построенные недавно три политехникума, в Киеве, Варшаве и Петербурге, стоили более 14 млн руб. своим начальным строительством, которое выше, чем в наших прежних высших учебных заведениях, и более отвечает современности, чем беднота многих наших университетов;

4) еще больше средств нужно для средних учебных заведений, так как их число должно, конечно, во много раз превосходить число

высших учебных заведений, и, очевидно, благих результатов в стране можно ждать лишь тогда, когда учителя этих средних учебных заведений будут достаточно обеспечены, чтобы не только посвящать свою жизнь развитию учеников, но и служить местными светочами науки;

5) немало также количества средств требует общее народное просвещение в первоначальных школах, так как число их должно быть очень велико вследствие того, что в периоде от 8 до 13 лет 140-миллионный народ русский имеет, по крайней мере, 12 млн детей, которым надо дать первоначальное общее образование.¹

Таким образом, для постепенного устройства и содержания своих ученых и учебных общих и специальных заведений такая страна, как Россия, при полном развитии просвещения потребует ежегодно несколько сот миллионов рублей вместо современных десятков миллионов рублей, расходуемых Министерством народного просвещения, разными другими министерствами и земствами на дело образования.²

Таких средств на свое просвещение наш народ, еще часто голодающий, доставить своей стране ныне не может ни в виде частных пожертвований и расходов на образование детей, ни в виде государственного и земского обложения; другие настоятельные надобности народные, особенно оборона³, администрация, суд, Церковь, промышленность и торговля, пути сообщения и т. п., конечно, во много раз должны превосходить расходы на образование.

Выходит почти неразрешимая по виду дилемма: для обогащения нужно просвещение, а просвещение немислимо без предварительного обогащения. В такую же дилемму часто впадают и при других способах рассмотрения «народного блага». С точки зрения реализма нет безыходных понятий подобного рода, везде можно найти свой исторический выход, пригодный стране, времени и обстоятельствам. Одним из предметов предлагаемого ряда статей и будет служить разбор способов выхода из указанной дилеммы, а именно защита протекционизма как первого и испытанного средства для умножения общих народных достатков, из которых и собираются государственные средства, необходимые для удовлетворения возрастающих народных потребно-

стей, подобных просвещению, обороне, путям сообщения и т. п. Но предмет моих статей далеко не ограничивается этим. Дело просвещения мне близко по всей моей прежней деятельности, оно теперь у всех на языке, а потому с него я начал, но задача моя шире, мне хочется под конец жизни высказать ряд накопившихся личных суждений, касающихся многих других общественных вопросов современной нашей жизни, потому что я надеюсь на прочтение написанного мною, хотя бы теми немногими еще у нас лицами, которые интересуются реальными науками и знают, что я старался во всю мою жизнь служить делу реализма с возможною простотою, и, быть может, не бесследно.

Сомнению не подлежит, что наступившее столетие получило в наследство от прошлого совершенно своеобразную, новую постановку множества важных вопросов, всегда занимавших людей, но никогда не решавшихся до конца и не обострявшихся до такой степени, как к началу XX в. Таких вопросов множество, начиная с «женского» и «парламентарного». Уж хоть бы то одно, что теперь в отличие от недавнего прошлого стала очевидной для всех, даже для китайцев, бедуинов, негров, зависимость народов друг от друга и общая связь множества насущнейших интересов, казавшихся сперва лишь частными, а особенно неизбежность найти в будущем какой-нибудь способ общей жизни для согласования своих действий с общечеловеческими.

Прежнее понятие о человечестве было чисто отвлеченным, так сказать, идеальным, теперь же оно становится реальным для каждого сколько-нибудь вдумчивого человека, а впереди несомненно тесная связь всех людей, включая негров и китайцев, и общая взаимная их зависимость. Многим бы этого не хотелось, приходится браться с варварами, да никак иначе нынче, а особенно впереди, нельзя. Обычные требования пищи, семьи и народной защиты остались и останутся на прежнем месте, потому что в них немало зоологического, начального, но требованиями этими, казалось, прежде определялись все главные отношения внутреннего и внешнего государственного и частного быта, а теперь и эти оказались чуть ли не на втором плане, зависящими от отношений, почитавшихся первоначально лишь побочными следствиями основных потребностей. Таковы города,

фабрики и заводы, образованность, пути сообщения, флоты, улучшение земли и т. п. Если они ныне страдают, всем становится, а чем дальше, тем больше будет становиться голодно и холодно, жутко и как будто близко к войне. Многое, многое так перевернулось, вся логика кучи соображений как будто извратилась. Тут необходимо разобраться, потому что своя логика есть и в этом, чтобы не просто плыть по течению, а сознавать как его направление и силу, так и причину того, что без видимой катастрофы многие начала изменились, а также для того, чтобы иметь возможность направлять хоть часть нахлынувшего потока в двигательные турбины, т. е. на общую пользу, и не строить против него задерживающих плотин, прорыв которых может составить действительное народное бедствие, всегда отвечающее попыткам остановить неизбежный исторический поток. Разобраться в таком сложном деле нельзя, однако, иначе как разделив его на части, сгруппировав сходственное и изучая части как с качественной, так по возможности и с количественной стороны, а затем составляя на этих основаниях гипотезы и предварительные толкования действительности, что одно дает возможность предугадывать предстоящее, в чем никак нельзя избежать субъективности, т. е. личного мирозерцания.

Для начала такого разбора, чтобы он был плодотворным, необходимо избрать части наиболее простые, т. е. наименее запутанные и в то же время способные к измерению, потому что числа все же и всегда будут иметь степень объективности, через это и можно надеяться остаться реалистом, хотя во всем субъективном всегда будет преобладать известная степень идеализма. Изложенный путь свойствен естествознанию. О прямой пользе при нем нет даже и помина, но всякий знает, что естествознание, руководясь лишь любопытством, служило и будет служить прямой пользе людей, хотя непосредственно не имеет к ней касательства.

Сказанное относится к одной, однако самой существенной стороне того, что далее желал бы изложить. Но у меня есть другая, более осязательная цель; она даже более настоятельна, потому что я живу среди детей и молодежи. Шаткости в общих мнениях и мыслях всюду теперь много, везде видна потребность многое старое заменить новым,

а у нас, особенно в молодежи, это и подавно. Немало пережито шаткостей мнений каждым, кому хотелось вдумываться за последние 20—40 лет, так как без борьбы мнений никому, кроме отсталых, неразумных и нахалов, не достается даже малое успокоение в мыслях, не говоря уже о сложении твердого, сознательного убеждения. Своим рассмотрением некоторых накопившихся вопросов я не надеюсь совершенно устранить эту шаткость, зная, что такая попытка никому не по силам, мне же желательно по возможности помочь молодежи разобраться в существующей путанице некоторых общих понятий, начиная с простейших, какими я считаю, например, вопросы о народонаселении, о внешней торговле, о фабриках и заводах, об устройстве учебных заведений и т. п. Притом я думаю, что даже и тут разбираться можно только относительно и в немногих вещах, направляющих желание и упование, которыми управляются все действия, в определенную сознательную сторону, так чтобы перестать шататься мыслями и составить, хотя со временем, определенную партию с ясно осознанными началами, не оторванными, а прямо связанными с историей как общечеловеческою, так и нашей, русскою. Хотя истина, конечно, одна, но пути к ней не намечаются ныне ни звездами, ни столбами, двигаться же по пути достижения истины необходимо, чтобы не быть насильно увлеченным неизбежно надвигающимися историческими переменами и сознанием ускорить предстоящую эволюцию. Двигаться же можно или в одиночку, или сплестясь группами, ища в разных направлениях, так как идти всей массой сразу, гуртом, как стадо, лишь в одну сторону, можно только под влиянием бессознательного убеждения, причем мало вероятности попасть на верную дорогу, и многое в истории показывает, что такое стадное движение нередко ведет к гибели.

Излагая пути мыслей, сложившихся у меня, я отнюдь не заверяю в том, что они, эти мысли, единственные правильные, так как много раз уже уверяли людей в этом и заходили в безысходные пустыни. Но чтобы предстоящий путь был по возможности эволюционным и прогрессивным, прежде всего он не должен отрицать прошлого, потому что ветхие пути привели к современности, а из нее выскочить нельзя, как нельзя идти обратно

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Уборка ржи. Вторая половина XIX в.

и неразумно предоставить все дело случайности. Представляя действительность такой, какова она есть по качественным и количественным признакам, надо разобрать или понять причину происшедших перемен, потому что без этого никоим образом не найдется того направления, которому дальше должно следовать. Не думаю, что развиваемые мною соображения принадлежат одному мне, вероятно, они приходили многим людям, или не решавшимся вполне высказаться, или развивавшим их лишь намеками, не так, как хочется мне и как необходимо для того, чтобы вместо выяснений не получалась новая путаница. Рос я в такое время, когда верилось в абсолютную верность уже намеченных путей, а дожил до того, что ясно сознаю относительность прежних решений и необходимость новых, которые всегда первоначально бывают партийными.

Думаю, что довольно этих вступительных слов, для меня очень трудных, а для читателей во многом неясных, лучше для примера перейти к тому вопросу, который более или менее волнует в настоящее время большинство русской мысли, сколько я ее понимаю, а именно к выяснению значения сельского хозяйства для общего благополучия всей страны в ее современном состоянии. Ограничиваясь лишь последними полутора столетиями, должно ясно видеть, что в это время роль сельского хозяйства претерпела всюду сильные изменения. В диком и полудиком состоянии, в каком, без сомнения, вначале было немногочисленное и разрозненное человечество, не было и быть не могло сельского хозяйства, так как под ним должно подразумевать не просто сбор того, что находится готовым в природе и может служить для пищи и одежды, т. е. не то, что содержится в понятии об охоте, рыбной ловле, сборе диких растений и т. п.

Сельское хозяйство есть вид промышленности, т. е. обдуманного способа искусственно добывать вещества, нужные людям, при помощи соответственных животных и растений, содействуя их возрастанью в потребном количестве. Когда это искусство развилось до того, что ста-

ло служить основанием жизни людей, число их стало быстро прибывать, землю как источник добычи стали закреплять как за народами и племенами, так и за отдельными лицами, и напрягали много усилий на то, чтобы при сравнительно малом труде добывать продукты на большое количество народа. Без сомнения, история могла начаться только после сложения сельского хозяйства у народов или пастушеских, или земледельческих, в особенности у последних, всего же сильнее и выразительнее у тех оседлых народов, которые сумели сочетать скотоводство с земледелием. Могло это случиться вначале, конечно, только в странах теплых и на почвах благодатных.

Но постепенно, особенно при умножении народонаселения, явилась потребность завести сельское хозяйство и на почвах малоплодородных, в странах с суровым или сухим и вообще малопригодным для растительности климатом. Это потому, что данная площадь земли может прокормить, т. е. доставить все необходимое от разводимых растений и животных, лишь ограниченному числу людей. И чем дальше в течение исторических времен и в направлении к теплым странам, а особенно при развитии оседлости, тем меньше число десятин или гектаров земли стало требоваться для данного возрастающего количества народа. Тут есть свои нормы, видные в том, что, когда в умеренных климатах Европы приходится примерно около 3—4 десятин на среднего жителя, тогда становится уже тесно и является надобность в переселении. Этими потребностями определяются вся история народов, войны и переселения.

Если не прямая цель, то косвенная, а иногда сокрытая цель войн состоит в занятии земли, т. е. в увеличении или уменьшении территорий данного народа. Цикл войн этого рода, можно сказать, почти закончен за последнее время, так как земля обойдена до конца. Когда я учился географии, средние части Азии, Африки и Австралии, а также Южной и Северной Америки просто были неизвестны европейцам, в них жили свои народы жизнью почти уединенною, отрезанные от остального мира, и жили притом редко и плодилось мало вследствие своих местных войн и отсутствия той развитой сельскохозяйственной промышленности, которая одна дает возможность размножаться до густоты населения. Теперь эти все страны известны, обой-

дены и постепенно заселяются, служа одним из поводов к предпоследним наступательным войнам, как видим не только из рассказов, подобных майнридовским, но и из событий, сходных с войнами в Трансваале или между Боливией, Перу, Бразилией, Венесуэлой и т. п. Первоначально народы, особенно азиатские, несомненно истощали свои земли до бесплодности при помощи уничтожения дикой растительности, всю землю занимая лугами и сельскохозяйственными растениями и достигая через то излишнего высыхания почвы. Особенно это часто могло случаться у кочевых народов, потому что им нужны большие площади земли для прокормления своих умноженных стад. Отсюда, т. е. из совокупности всего вкратце вышеозначенного, выясняется надобность переселений, примеры которых видны не только в начале нашей эры в Великом переселении народов и в нашествиях монголов, турок и тому подобных кочевников, совершившихся гораздо позднее, но и в переселении европейцев в Америку, Африку и Австралию, что нельзя считать законченным и по настоящее время. Таково же заселение Сибири. Это будет продолжаться, конечно, и впредь до возможно полного насыщения всей Земли оседлыми, сельскохозяйственными народами.

Переселения совершаются, руководясь как материальными потребностями в произведениях животного и растительного царства, требующихся для жизни люда, так и идеальным стремлением обеспечить возможность размножения возрастающим поколениям для того, чтобы под конец покорить всю Землю (подразумеваемая суша и вода) власти человеческой. Таким образом, несомненно, что сельскохозяйственные интересы считались в начальных периодах истории перворазрядными и роль всех других видов деятельности людской почиталась подчиненною этим интересам.

Энциклопедисты конца XVIII ст. и деятели Великой Французской революции считали лишь сельское хозяйство плодотворною промышленностью, а все прочие виды ее бесплодными. У нас Тенгоборский, как у англичан Мальтус, и многие другие еще недавно по существу держались того же представления из-за соображения почти материального свойства. Но и такие идеалисты, как славянофилы прошлого времени, граф Л. Н. Толстой в наши дни, а с ними и масса наших литера-

торов, по сей день приписывают сельскому хозяйству во всех отношениях высшее значение для всей жизни людской современной и предстоящей и желают явно или между строк, чтобы этой мыслью определялись все мероприятия людские. Эта же мысль с особенной ясностью выступила у нас в последнюю эпоху при учреждении столь много надежды возбудившего Совещания о нуждах русского сельского хозяйства. Первая, и притом основная и простейшая, мысль, которую мне хотелось бы выяснить, состоит в разборе этого утверждения, считаемого мною мало-подходящим к нашей эпохе и могущим повлечь за собой при неполном понимании глубочайшие и прискорбнейшие ошибки. Неполнота понимания значения сельского хозяйства имеет в наше время особое значение, так как на глазах людей совершаются исторические события, определяемые тем, что ныне земля вся обойдена, и на наших глазах происходит совершенно явная борьба старого, или обычного, с новым, или наступающим.

Вопрос о роли сельского хозяйства в жизни современных людей составляет, в сущности, такой вопрос, который ныне же надо решить категорически, для того чтобы не упустить исторического момента, который определяется равновесием между сельскохозяйственной промышленностью, с одной стороны, и всеми другими видами промышленности — с другой. К этим другим видам промышленности необходимо причислить прежде всего все горное дело, всю торговлю с перевозкою, всю переделывающую, т. е. фабрично-заводскую и ремесленную промышленность и всю так называемую профессиональную деятельность, к которой надобно причислить не только всякую художественную и литературную, но и служебную, учительскую, военную и т. п.

Вопрос сводится, в сущности, когда в него вдумаясь, к зависимости общего народного благосостояния, т. е. среднего достатка, от меры развития сельского хозяйства и других отраслей промышленности. Этот вопрос и надобно рассмотреть в его составных частях, что и составляет один из существеннейших предметов ряда предлагаемых статей, но разбирать следует много предметов, и разбор местами очень сложен, а потому лучше предварительно высказать основные положения, которые излагаются вслед за этим. Од-

нако еще раньше полагаю полезным сослаться на то, что русское сельское хозяйство известно мне не по одной начитанности, не по литературным указаниям, а прямо на деле, по личному опыту, который и привел меня постепенно к убеждениям, далее защищаемым, а в том числе и к протекционизму.

В самую эпоху освобождения крестьян, т. е. в начале 60-х годов, когда земля сильно подешевела и господствовало убеждение в невозможности выгодно вести помещичье хозяйство, я купил в Московской губернии, в Клинском уезде, около 400 десятин земли, главная масса которой была занята лесом и лугами, но где было около 60 десятин пахотной земли, отчасти обрабатываемой, но без выгод, отчасти уже запущенной, как запущены были земли почти всех окружающих помещиков. Меня, тогда еще молодого, глубоко занимала мысль о возможности выгодно вести хозяйство при помощи улучшений и вкладов в землю свободного труда и капитала. Тогда я мог поступать последовательно, сил было много, и хотя капиталов было мало, но все же они были вкладываемы охотно и с интересом, а знаний и требований рациональности было достаточно для того времени. Мне предрекали великий неуспех, тщету усилий, но меня это не смущало, а, напротив того, только возбуждало. Лет 6 или 7 затрачено мною на эту деятельность, и в такой короткий срок, при сравнительно малых денежных затратах получен был результат несомненной выгоды, как видно из подлинных отчетов о расходе и приходе. Введено было многополье, хорошее, даже обильное удобрение, заведены были машины, и устроено было правильное скотоводство, чтобы использовать луга и иметь свое удобрение.

Когда я покупал землю, то весь средний урожай на десятину ржи не превосходил 6 четвертей, в лучшие годы — 8, а в худшие ограничивался лишь 4 или 5, полных же неурожая в этих местах почти не бывает. Уже на пятый год средний урожай ржи достиг у меня до 10, а на шестой — до 14 четвертей с 1 десятины. Пропорционально этому увеличились и урожаи других хлебов, а молочное хозяйство на твороге, сметане и откармливаемых свиньях дало прямой свой доход, рассчитанный по той бухгалтерии, которой я держался тогда. В конце концов мне стало ясным, особенно после продажи части леса, которая от-

В. Е. Маковский. Жниво

части окупила всю начальную стоимость имения, что вести хозяйство даже наемным трудом в Московской губернии, где кругом много фабрик и, следовательно, труд лучше оплачивается, можно с выгодой.

Успех хозяйства виден был потому, что такие профессора, как И. А. Стебут и Людоговский, привозили студентов Петровской с.-х. академии осматривать мое хозяйство. Не говоря о чем другом, укажу здесь лишь на то, что в 5—6 лет мне легко удалось по крайней мере удвоить всю урожайность земли, и тогда же мне стало ясно, что повсеместно в России, которую я, могу сказать, изъездил, легко достигнуть такого же удвоения урожая. Вообще для единичных хозяев это может быть очень выгодным, но для целой страны в этом нет ни надобности, ни пользы. Россия вывозит хлеб. Правда, что ее жители питаются, потребляя сравнительно с некоторыми другими народами меньше хлеба, и что вывозимый хлеб мог бы только довести их питание до возможной нормы, но никакому сомнению не подлежит, что удвоение урожаев привело бы к огромному избытку хлеба, а тогда весь хлеб во всем мире потерял бы свою ценность, так как небольшой избыток хлебов роняет цену всей массы хлеба. И если у нас, особенно на юге, часто замечается противное, т. е. годам урожая отвечает повышение ценности хлеба против голодных годов, то это зависит исключительно лишь от того, как известно всякому занимавшемуся этим предметом, что в урожайные годы хлеб поступает на рынок чище, а в голодные годы — засоренный, англичане же, главные покупатели, не хотят перевозить сор и за чистый хлеб платят даже пропорционально высшую цену.

Сверх этого основного замечания, которое не мешает намотать на ус многим, считаю необходимым присоветовать личное соображение. Затратив на покупку имени и на его улучшение известную сумму денег, я имел несомненную выгоду, достигавшую до 5—6 % затраченных денег, это лучше, чем строить дом в Петербурге (знаю по опыту) или держать большинство процентных бумаг, которые часто в цене падают, но при этом личный труд не считался, а я вкладывал туда много труда, а потому задался уже тогда вопросом: отчего же труд по сельскому хозяйству оплачивается ниже, чем всякий профессиональный или другой промышленный? Разбирая этот вопрос по его существу, я и пришел к тем мыслям, которые далее доказываются в следующих положениях:

1. Первичное, или натуральное, сельское хозяйство назначается для удовлетворения личных потребностей, своих и семейных, и продает только избытки, обыкновенно случайные. Таково еще сельское хозяйство большинства наших крестьян. Оно еще не составляет настоящей промышленности, не включает в себя нисколько альтруизма, определяется лишь едва расширенным эгоизмом, т. е. личными и семейными нуждами, и вовсе не имеет в виду массу других людей; истинная же промышленность начинается лишь там, где личные нужды удовлетворяются вместе с общими и даже исключительно при помощи их. Рудокоп вовсе не потребляет добываемой им руды, учитель лишь выдает, а не приобретает знание. А деньги и богатства, это изобретение людское, натуральному хозяйству вовсе не свойственны, оттого они и даются другим видам промышленности, содержащим в себе альтруизм, т. е. взаимную связь людей, в большей мере, чем сельскому хозяйству. Поэтому, когда дело идет о современном благосостоянии народном, первичные или натуральные формы сельского хозяйства должны быть считаемы только за историческую подготовку, а отнюдь не за норму, потому что с этой нормой уже ныне, а тем паче впереди никак нельзя связать понятий о народном благе, богатстве и благосостоянии, которые включают непременно альтруизм.

2. Сельское хозяйство, например помещичье и арендаторское, а отчасти и крестьянское или у мелких землевладельцев, становится истинною промышленностью, имеющей в виду

общие людские интересы и собственные выгоды, основанные на удовлетворении общих интересов, тогда, когда оно, подобно всем другим видам промышленности, содержит в себе сверх земли, явно выраженные и вложенные капитал и труд. Отсюда и вытекает пресловутая троица экономистов: земля, труд и капитал как производители полезностей, товаров, ценностей и богатства народного. Не вдаваясь в тонкости разбора этих понятий, даже не останавливаясь над определением «труда», который часто смешивают с «работою», что ведет к очень лживым выводам⁴, обращаю внимание лишь на то, что сущность дела сводится к преимущественному значению «труда», так как самое занятие «земли» и даже ее удержание определяются историческим трудом поколений, а «капитал» составляет лишь вид и форму накопленного и сбереженного труда протекшего времени. «Все — труду людскому!» — это лозунг всей истории, если не отдельных лиц, то, наверное, всего человечества, а в том числе и народное благо. От лентяев и лежебок все отнимется когда-нибудь, несмотря ни на что, хотя сейчас еще часто не так. Свобода же труда, как неизбежно признать, составляет коренное условие его производительности и совершенствования. Эту свободу ограничивают земля и капитал, т. е. прошлая история, но текущая, если она не лжива, стремится ее увеличить.

У всех новых видов промышленности нет этой свободы народного труда иных прямых ограничений, у сельского же хозяйства есть свое ограничение, состоящее в погоде, которая от труда независима. Отсюда логически ясно, что труд, приложенный к другим видам промышленности, может и должен давать и больше обеспеченности, и больше всякой свободы, чем сельское хозяйство. Но так как без плодов сельского хозяйства поныне жить и множиться людям нельзя, то люди, поняв производительное и преимущественное значение труда, — волей или неволей — непременно должны стремиться к другим видам промышленности, и чем дальше, тем больше.

3. Труд и капитал, требуемые промышленным сельским хозяйством, гораздо выше, чем для общей совокупности всех других видов промышленности, притом они оплачиваются низшим валовым и чистым заработком по той простой причине, что тут предложение

велико, пропорционально массе еще свободных земель и потребности преимущественной механической работы, а не развитию труда. Сводя итоги 11-й переписи С.-А. С. Штатов (1890 г. Abstract of the eleventh census), можно легко вывести, что на 100 млн долларов капитала, затраченного в сельское хозяйство, валового дохода приходится только 15 млн долларов, а на 100 млн долларов, вложенных в переделывающую промышленность (фабрично-заводская и ремесленная), приходится валового дохода более 147 млн долларов в год, а, вычитая расходы на покупку сырья, предпринимателю и его рабочим остается за весь труд в среднем — в 1-м случае принимаем весь валовой доход — 15 %, а во 2-м — почти 24 %, так как капитальная стоимость всех фабрик, заводов (не считая, однако, выплавку металлов, сахарные заводы и т. п.) и промышленных заведений в 1890 г. равнялась 6 139 млн долларов, на них куплено сырья на 5 021 млн долларов, а получено всего дохода 9 057 млн долларов. Вот поэтому-то государству, заботящемуся о благе народном, всего важнее (помимо забот о распределении) увеличивать заработки на фабриках и заводах, так как они дают народу больший заработок.

4. Весь материальный прогресс человечества определяется тремя главнейшими, отчасти друг с другом связанными направлениями. Во-первых, стремлением получить желаемые продукты, затрачивая наименьше людского труда и всякой работы, что неизбежно влечет за собою преобладающее значение знаний; во-вторых, стремлением разделить труд при помощи его специализации и, в-третьих, — что всего важнее — стремлением увеличить количество полезного, другим нужного труда, потому что, в сущности, прогресс и всякие виды даже не вещественного богатства определяются количеством и качеством затрачиваемого труда. В силу этих соображений промышленное сельское хозяйство, основанное на капитале и знании и сообразующееся с рынком, берет повсюду верх над натуральным хозяйством, назначаемым преимущественно для своих надобностей и случайно сбывающим продукты лишь в урожайные годы, а затем другие виды промышленности (горное дело, фабрики, заводы, профессии и т. п.) постепенно занимают все более и более людей и, давая свободному труду пред-

принимателей, служащих и рабочих наибольшие заработки, увеличивают общий, а потому и средний достаток людей. Постепенно, но неизбежно все люди войдут в эту колею, если народонаселение Земли не перестанет увеличиваться. Лет за сто этого еще не было столь ясно видимо, как должно видеть это ныне. А от этой перемены должны измениться и многие исходные посылки, касающиеся народного блага. В гл. II (о народонаселении) и в гл. IV (фабрики и заводы) предметы, здесь указанные лишь вкратце, рассматриваются в некоторых своих подробностях более отчетливо, а потому считаю излишним здесь останавливаться над посылками этого рода.

5. Промышленное сельское хозяйство по существу своему ничем не отличается от фабрично-заводской или иной современной хозяйственной деятельности, совершенствуясь именно таким способом, что в него вкладывается капитал и в него затрачивается все меньшее и меньшее количество личной механической работы. Если знание, труд, деньги, вложенные в промышленность, способны давать свой доход, то это относится в такой же мере к сельскому хозяйству, как и ко всем другим промышленностям, так что нечего сельским хозяевам кичиться против промышленников, они такие же капиталисты, как те. В начальном, первобытном хозяйстве земля преобладала, труд был преимущественно механическим, а знания и «капитал» были, сверх того, нужны лишь малые. Но постепенно земли истощались, улучшения потребовали и знаний, и капиталов, а число лиц, ищущих труда, умножилось — и дело стало совершенно в новую позицию, требующую пересмотра привычных понятий, особенно для людей, говорящих о народном благе. Надо же признать, что капитал приносит выгоды или играет свою важную роль исключительно потому, что он, именно он ныне выражает собой, хотя не прямо, а косвенно и отчасти условно, накопленный избыток прошлого труда, и труд, в этом виде сбереженный, способен давать то же, что труд, сейчас затрачиваемый. В этом должно видеть мировую справедливость, потому что сбережение не есть порок, а добродетель.

6. На Яве или в Китае и Японии, где преобладает натуральное хозяйство и климатические условия весьма благоприятны для сельского хозяйства, нет провинций, в которых бы приходилось более 3 жителей на гектар

(почти десятина) земли, и можно сказать с уверенностью, что двое из этих жителей заняты сельским хозяйством. Не говоря об Англии или Германии, которым недостает своего хлеба, а останавливаясь только на С.-А. С. Штатах, вывозящих свои сельскохозяйственные продукты и имеющих образцовую статистическую отчетность, очевидно, что ныне уже совершенно достаточно одной трети жителей не только для того, чтобы снабжать сельскими продуктами остальные две трети, но и вывозить избыток. Никакому сомнению не подлежит, что в умеренных климатах, подобных среднерусскому, при надлежащих первичных усовершенствованиях ныне может требоваться уже менее труда, чем одного человека для трех средних жителей. Что же, спрашивается, делать остальным двум третям? И можно ли хоть одну минуту думать о том, что сельским хозяйством определяется все современное богатство народов? Или, не усовершенствуя земледелия, всю массу людей занимать хоть эту долю дел, нужных современным людям?

7. Не только чисто сельскохозяйственные народы, вроде некоторых негритянских племен, но даже и народы преимущественно сельскохозяйственные, каковы, например, китайцы и жители Индии, за последнее время стали и явно будут оставаться народами бедными и притом немало страдающими от повторяющихся голодовок. У них не скапливается того запаса сил, которые требуются в современном мире для того, чтобы выплыть в народных столкновениях. Школьное образование и религиозное воспитание вместе с некоторою организацией военного и гражданского управления могут служить еще для поддержания таких народов и для развития патриотизма, но из-за господствующей бедности у них не могут развиваться ни современные силы и знания, ни те виды личной обеспеченности самобытных особенностей и богатства всей культуры, которыми отличаются народы, сильно усложнившие свою промышленность всякими ее видами. Мы живем в эпоху, когда богатство и сила народов определяются преимущественно индустрией, а наши дети или внуки, вероятно, доживут до того, что богатство и вся сила народная будут определяться умелым сочетанием индустрии с сельским хозяйством; в С.-А. С. Штатах и Нов. Голландии это, по видимому, уже поняли.

8. Необходимость усложнить первичную сельскохозяйственную деятельность иными видами промышленности (индустрией) — для роста всего народного благосостояния, богатства и силы, свободы и порядка, образованности и трудолюбия — всего более относится к народам северным, подобным нашему, русскому, у которых для сельскохозяйственного труда назначается лишь малая часть года. Те, кто ратует за исключительное преобладание у нас сельского хозяйства, не чувствуют того, что они стоят за ограничение приложения труда к деятельности на общую пользу. Труд в других областях промышленности прежде всего характерен тем, что он может быть приложен в течение круглого года, а количеством производительного труда или существующих потребностей людских определяется сумма народного богатства, а с нею ныне и вся сумма образованности и других видов современного благосостояния народного. Как бы ни развивалось наше сельское хозяйство, как бы ни умножалась его интенсивность, все же трудом, относящимся к земледелию и скотоводству, нельзя занять ни преобладающей массы русского народа, ни даже сколько-нибудь значительной его доли в зимние месяцы, и сельскохозяйственный труд в странах умеренного пояса всегда остается преимущественно страдным, т. е. усиленным только в течение сравнительно небольшого времени, оставляя массу его совершенно свободным от необходимых трудовых занятий, определяющих в конце концов своим количеством величину народного благосостояния. Сотни раз надо повторять и всегда помнить, что все дается только труду.

9. Русскому народу, взятому в его целом, обладающему большим количеством земли, способностью к сельскому хозяйству исторически привычна; он разовьет сам свое земледелие, если начнет богатеть, получит большую свободу труда и увидит примеры. Ему прививать можно только улучшения, а это чаще всего возможно лишь при помощи капиталов. Но нашему народу, как и всем отставшим, не свойственны другие виды промышленности, потому что они составляют новые плоды развития общей образованности и усложненных потребностей. Потребности киргиза так ограничены, что в его среде почти нет торговли, и ему (вероятно, поэтому отчасти) почти все равно, прикочевать ли к Рос-

сии, Китаю или Бухаре. Потребности же народные, начиная с образования, очевидно, умножаются только по мере развития его богатства, следовательно, в заботах о благосостоянии народном первое, что надо иметь в виду — начальное увеличение богатства народного. Богатство, или количество капиталов, судя по тому, что выше извлечено из американской переписи, может определяться, скорее всего или преимущественно, развитием других видов промышленности. А эти последние можно вызывать, покровительствуя им. Англия во времена Кромвеля и Франция во времена Кольбера первые поняли ту истину, что другие виды промышленности, особенно же горную, обрабатывающую и торговую, можно вызвать в своей стране искусственно, ограждая ее таможенной охраной по отношению к тем произведениям, которым желают покровительствовать, предлагая дешевый кредит для развития и оборотов и покровительствуя знанием, не избегая при сем даже видов промышленности, наиболее удаляющихся от первичных или натуральных видов потребности. Такая страна, как С.-А. С. Штаты, в эпоху, которая могла особо благоприятствовать сельскому хозяйству, и при благоприятнейших условиях почвы и климата, показала в наше время, как сильно может влиять протекционизм на развитие видов промышленности, для которой имеются условия в стране. А так как новые виды промышленности дают всюду ныне больше валового дохода, т. е. общего достатка, и больше прямого заработка не только хозяевам, но и рабочим, то ими, исключительно ими в наше время определяется богатство и сила народа. Вот потому, бывши сельским хозяином и разбирая обстановку этого дела, я постепенно сделался убежденным протекционистом и считаю, что в заботах о народном благосостоянии первое, т. е. ранее всего, должно заботиться о других видах промышленности, а не о сельском хозяйстве. Я не был и не буду ни фабрикантом, ни заводчиком, ни торговцем, но я знаю, что без них, без придания им важного и существенного значения нельзя думать о прочном развитии благосостояния России. Меня при этом не страшит тот страх капитализма, которым заражена вся наша литература.

Прежде всего замечу, что для меня капитал есть особая форма сбережений народного труда, способная возбуждать новый труд.

Притом обыкновенно слышится у нас желание видеть и достигнуть усовершенствований в сельском хозяйстве, выраженных в увеличении урожаев на данной площади земли, а такое изменение современного положения нашего хозяйства совершенно немыслимо без затраты громадных капиталов, последние же могут накапливаться только при помощи развития тех более новых видов промышленности, которые носят название или индустрии, или капиталистической промышленности. Избегать ее распространения — значит поэтому оставлять и само сельское хозяйство без капиталов, т. е. без коренных современных улучшений при низких и неуверенных урожаях, т. е. не заботиться о развитии народного богатства и благосостояния.

10. Затем надо видеть, что для новых видов промышленности преобладающая роль капитала такова же, как роль земли для первичных видов промышленности, — оба «кормильцы народные», с тем существенным различием, что земли не прибавить так легко и мирно, как капитала, и земля дана, говоря вообще, в ограниченном размере и лишь немногим, а росту капиталов нет границ, и он может быть у всех. Земля ни по качеству, ни по количеству уравнена быть не может между всеми тружениками, а капитал — может, потому что обладает способностью не только расти при помощи труда, но и делиться на всякие части, из которых одна идет капиталу, или капиталисту, другая — государству и третья, всегда самая крупная, — свободному труду, приложенному в капиталистическом производстве. В своем изложении я надеюсь ясно доказать, что заработок капиталистов на промышленных предприятиях не только численно меньше, чем трудящихся, но что первый падает, а второй возрастает и абсолютно и относительно.

Важно также не упустить из вида, что капитал не только может быть, но и часто уже ныне бывает и стремится сделаться общим или сборным. Если вообразить, что со временем все и каждый (как почти уже теперь во Франции и С.-А. С. Штатах) будут в одно и то же время мелкими капиталистами и тружениками в заведенном сообща капитальном предприятии, то все кажущиеся напасти начинающегося капитализма окажутся ничтожными при обсуждении такого предмета, как благо народное. Кочевник, видя необходимость оседлого быта, плачется над необходимостью переменить все привычки. Так и сель-

скохозяйственные народы плачутся при необходимости перехода к капитализму. И для меня сетования литературы на капитализм совершенно одинаковы с оплакиванием киргизами того гарцевания и ничегонеделания, которое было раньше. Разум общий и доброжелательный здесь надо умножить, чтобы скорее и бодрее пережить начальную эпоху, наиболее трудную, а теперь наиболее настоятельную. Не умели мы в эпоху освобождения крестьян поместить тогдашние капиталы в промышленность, и придется их заимствовать в уверенности возврата с барышом и попутного накопления начала народного достатка, а там и сами обойдемся. Так все шли, особенно С.-А. С. Штаты, в промышленность. Пусть этот капитал придет из других стран, он пришел и в Америку из других стран, а это не сделало американцев чуждыми интересам своей страны, хотя они народ сборный. Притом я верю в способность русского народа ассимилировать и переработать в свою пользу весь тот иностранный люд, который придет вместе с капиталом. Вложат ли этот капитал частные предприниматели в частные предприятия или просто его займут государство, земства или особые промышленные банки с долгосрочными оборотами в других странах и снабдят им наших предпринимателей, это мне все равно в настоящее время, хотя и подлежит глубокому и расчетливому обсуждению.

Дело лишь в том, что для развития природных русских богатств, содержащихся в недрах земных, для переработки всякого иного сырья, для развития широчайшей торговли этими товарами и для роста просвещения страны неизбежно необходимы большие капиталы в такой стране, как наша. Эти капиталы могут накопиться с течением времени дома постепенно, но при помощи надлежащей системы покровительства могут прийти быстро, почти сразу, а тогда и результаты будут быстры, к чему примеров много даже у нас, например в быстром развитии сахарной, железной и особенно нефтяной промышленности, обзор которых я, быть может, дам в своем изложении, если усмотрю в этом явную пользу для доказательности. Теперь же остановлюсь, хотя кратко, как на том, что капиталы отечества не имеют, а потому, по моему мнению, им нельзя, кроме процентов, давать каких-либо прав в стране, так и на том, что когда я разви-

вал свои мысли о важном значении быстрого у нас роста видов промышленности, то часто слышал от собеседников одно существенное возражение: у нас нет и не может быть рынка потребления для продуктов обрабатывающей промышленности, так как мы народ бедный, сельскохозяйственный. Тут содержится глубокое недоразумение, для разъяснения которого мне кажется достаточным привести два факта. Во-первых, когда строился большой многомиллионный мост через Днепр, доходы казначейства в том уезде сильно возросли просто от увеличенного потребления всякого рода товаров и спиртных напитков; где расходуют, там есть на что покупать. Во-вторых, поучительно знать по отчету 11-й переписи (цензуса) С.-А. С. Штатов, что в 1890 г. произведено товаров сельского хозяйства на 4 780 млн руб., продуктов горной промышленности — на 1 141 млн руб. и фабрично-заводской (без цены сырья) — на 8 180 млн руб., всего на 14 101 млн руб., а вывоз страны в год не достигал и 1 400 млн руб., т. е. вывоз составляет лишь малую долю, около 10 % всего производства, так что страны всегда производят преимущественно для себя, но, производя для себя, могут выгодно сбывать иностранцам избыток производимого. Ведь капитал, затрачиваемый на промышленное предприятие, поступает почти весь жителям страны: землевладельцам, продающим земли под промышленные учреждения, рабочим, добывающим сырье и его перерабатывающим, техникам, инженерам, механикам и т. п., и только маленькая доля в виде небольшого процента — самому капиталу, а потому весь достаток страны, вся ее покупная способность растут прямо по мере того, как учреждаются другие виды промышленности и в них затрачиваются основной и оборотный капиталы.

Уж таково свойство капитала: если он тратится на производительный труд, то сам родит богатство, увеличивает спрос и оживляет всю деятельность страны. Покойный император Александр III ясно это понял, вводя в 1891 г. начала покровительственной системы. Их надо развивать. В 60-х годах, когда речь шла о возможности широко развить бакинское нефтяное дело, бывший министр финансов М. Х. Рейтерн на мое утверждение, что вместо 1—2 млн пуд. можно легко довести у нас добычу до сотен миллионов пудов и вместо ввоза американского керосина — до

Н. Н. Каразин. За плугом

вывоза огромной массы за границу, заметил очень скептически, «что это мои профессорские мечтания», а он и я дожили до осуществления такого мечтания, потому что рекомендованные меры все же были приняты и государство и страна вместо сотен тысяч рублей стали получать от этого дела десятки миллионов рублей ежегодно.

11. Само сельское хозяйство с двух сторон прямо нуждается в развитии других видов промышленности. С одной стороны, при развитии достатка у соседних жителей, занятых промышленностью, им можно сбывать массу таких сельскохозяйственных продуктов, которые нельзя далеко увозить, а разведение которых благоприятствует успеху сельского хозяйства, как большинство яровых продуктов, огородных овощей и продуктов, спрашиваемых прямо заводами, например свекловица, картофель, хмель, лен, хлопок и пр. С другой стороны, рациональное промышленное сельское хозяйство приобретает наибольшие выгоды от применения торговых и фабрично-заводских товаров, например искусственных удобрений, усовершенствованных машин и, главное, капиталов, которые нужны для сельскохозяйственных оборотов так же, как и для всякой другой промышленности. В Англии и Бельгии видим разительный пример того, что выгоднейшее, наиболее интенсивное, специализированное сельское хозяйство находится в прямой связи по самому месту расположения с разными видами других промышленности. Поэтому-то я считаю весьма нерациональным тот ропот наших сельских хозяев против протекционизма промышленности, который часто слышен главным образом из-за того, что с развитием фабрик и заводов дорожает народный труд. Сам я вел сельское хозяйство в прямом соседстве с фабриками, знаю, что одно другому не вредит, а только помогает, и полагаю, что сельские хозяева, бурлящие против капитализма, сами себе подрезают ноги и поступают очень неразумно, тем более что увеличение народного заработка (он на фабриках выше, чем в сельском хозяйстве, и идет во весь год у крестьян, соседних с заводами) во всяком случае составляет начало накопления народного достояния, как видно и из отчетов сберегательных касс.

Таким образом, сущность того, что я предполагаю развивать, сводится к тому, что «в заботах о благе народа» и его просвещении нужно иметь в виду прежде всего другие промышленности, а не одно сельское хозяйство; это последнее неизбежно разовьется само собой по мере развития других видов промышленности. Дело, однако, очень сильно усложняется тем, что эти другие виды промышленности составляют полные произведения человеческой деятельности в разных ее частях и в этом отношении отчасти проще сельского хозяйства. Растения, разводимые в сельском хозяйстве, требуют не только подготовленной и предварительно удобренной почвы, но и семян, текущей затраты влаги и солнечной теплоты. Так, рост видов промышленности, определяющих современное народное богатство, требует не только предварительно подготовленных условий, но и текущих затрат не солнечной, а людской энергии, без чего как там не бывает урожая, так тут не бывает успеха. На просвещение должно взглянуть как на засева-

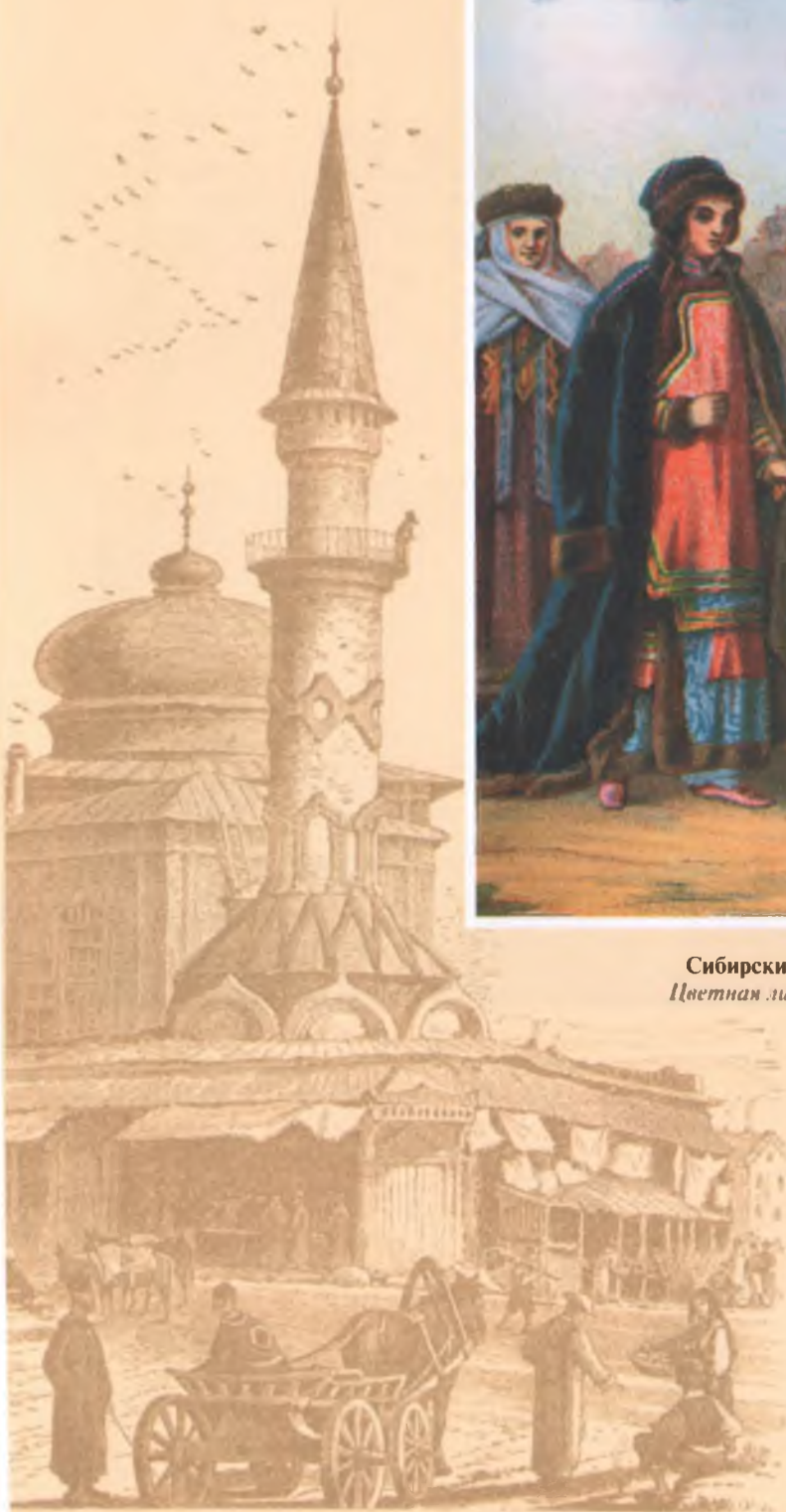

Е. М. Корнеев. Вид колмызьянских учусов на Волге. 1810—1812 гг.

Сибирские и волжские татары.
Цветная литография конца XIX в.

Татарская мечеть в Казани.

емые семена, брошенные в удобную почву. На капитал и на таможенную охрану в этом отношении должно посмотреть как на предварительную обработку и удобрение, но, сверх того, здесь требуется особый ряд мер, или, правильнее сказать, действий, без которых урожая в промышленности быть не может, как его не может быть в хлебопашестве без своевременных дождей и теплых дней. Мне бы хотелось указать в своих заметках на главнейшие условия, необходимые для развития видов промышленности. Между всеми ними первое преобладающее значение должно приписать свету современного просвещения страны, так как не по случайности, а по прямой внутренней связи промышленные в современном смысле страны в мире в то же время и просвещеннейшие; эти стороны дела находятся в теснейшей, но сложной взаимной связи. Но и совокупностью таможенной охраны, внесенных капиталов и развитого просвещения еще далеко не обеспечиваются промышленные успехи страны. Они определяются затем развитием инициативы и трудолюбия в стране. Такие предметы, как эти, нося в себе чисто духовный, единоличный характер, могут развиваться, как все духовные стороны, только в ответ на доверие и благодушное отношение к личным потребностям и стремлениям. Если представляются трудности при развитии соображений, касающихся таможенного покровительства, развития капитализма и роста просвещения, то они еще во много раз умножаются, когда нужно развивать мысли о накоплении в народе личной инициативы и трудолюбия, потому что в первых трех случаях можно проверить соображения числами, а в последнем сделать этого нельзя. Трудность еще возрастает потому, что именно здесь за последний век благодаря попыткам, подобным тем, которые сделали деятели Великой Французской революции: социалисты, коммунисты-марксисты и тому подобные учения, — необходимо коснуться очень тонких струн человеческой жизни и административно-общественных мероприятий — которые, при доброжелательном отношении к предмету и при желании действительного успеха, непременно должны быть постепенными, или эволюционными, и поставленными в историческую связь со всею предшествующею жизнью народа, так как всякий народ может переходить из сельскохозяйственного строя всей своей обстановки в промышленный только постепенно, или мало-помалу, но никак не может сделать этого вдруг ни путем переворотов революционного свойства, ни способом быстро исполняемых административных постановлений.

Но так как мне уже кончается седьмой десяток лет и я никогда не был чужд реального рассмотрения относящихся сюда понятий, то я не очертя голову, а совершенно сознательно считаю своим долгом на исходе лет высказаться в этих деликатнейших отношениях, будучи уверен в том, что реальное и свободное рассмотрение этих предметов может оставить свой полезный след. Однако к таким сложным предметам нельзя подходить с голыми руками, хотя и нельзя обставить всякие соображения числами, и вот по этой-то причине, раньше, чем говорить о них, я предварительно рассмотрю три других вышеуказанных предмета: роль фабрично-заводской промышленности вместе с протекционизмом, значение капитализма и развития просвещения страны.

Такая программа моих мыслей, излагаемых в предлагаемых статьях, столь широка, что ставит меня в положительное затруднение, тем более что у меня мало свободного времени и мал остаток сил, необходимых для предпринимаемого изложения. Труда я никогда не боялся, не боюсь и теперь, страшусь только длины времени, необходимого для такого развития указанных предметов, какое мне хочется ему придать. Свои соображения я начну с развития мыслей, касающихся статистических данных о народонаселении, так как без правильного суждения об этом предмете мне кажется невозможным выяснить перемену в роли, занимаемой сельским хозяйством, и неизбежную необходимость в настоящую эпоху жизни людей твердого убеждения в пользе протекционизма, т. е. развития горного дела, промышленности и торговли. Своими статьями мне, конечно, нельзя прямо помочь нашим недочетам в промышленности и торговле или в просвещении и гражданском устройстве страны, но условий для всего этого так у нас накопилось много, что вялость роста, наступившая во всем этом лишь в последнее время, определилась, по моему разумению, преимущественно неясностью в понимании средств и последствий указанных видов развития да предрассудками, а потому косвенно тут могут помогать даже единичные убеждения, если в их правдивости, разумности, доказательности и практической исполнимости нет поводов сомневаться. Но пусть предъявятся к моим статьям и сомнения этого рода, все же я постараюсь их закончить уже ради того одного, чтобы высказать напереднее, заветное, если и не все, то хоть часть, что успею изложить.

ГЛАВА II

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Численное доказательство прогресса нашего времени по сравнению с прошлыми веками.— Возрастной состав народонаселения у половины всего человечества.— Предельный и средний возрасты народов.— Переходное состояние России

очти все суждения мудрецов древних времен и большинства новых носят характер качественный, а в этом случае очень легко впадать в софизмы, как это показал особенно ясно во многих диалогах Платон. Когда дело идет о чисто духовных предметах и отношениях, тогда и по настоящее время в огромном большинстве случаев приходится ограничиваться качественными сторонами обсуждаемых предметов. Оттого тут столь часто встречаются явные ошибки и разительные противоречия в суждениях, исходящих, по видимости, из одних и тех же посылок. Но вот уже два или три столетия, особенно с того времени, как Галилей и Ньютон повернули все естествознание при помощи не столько качественных, сколько количественных соображений и показали, что этим путем легче всего можно достигнуть познания невидимого как бы видимого и быть уверенным в желаемом и ожидаемом как бы в настоящем, и с тех пор во всех частях науки, т. е. во всем искании истины, стремятся по возможности разыскать численные, измеримые признаки, свойства и отношения, чтобы, руководясь ими, находить количественные законы, носящие название эмпирических, или опытных. Этим путем лучше и тверже, чем прежними путями, укрепилась уверенность в существовании незыблемых Божеских законов, логическую причину которых часто вовсе и не знают или только предполагают гипотетически, без всякой уверенности в истине предположений.

Так, в сущности, нам и до сих пор темна причина такого основного закона, как Ньютонов закон тяготения, что, однако, нисколько не препятствует пользоваться им с полной уверенностью в бесконечном числе случаев. Древнему человеку нужно было исходить из начала всех начал, что, в сущности, и привело Древний мир к розни и падению. Еще и поныне нередко встречается научное стремление признавать справедливым и общим только то, что становится понятным исходя из ряда качественных убеждений, сведений и обобщений, полученных ранее, так что несомненному даже количественному свидетельству действительности часто до тех пор не верят, пока дедуктивным путем не найдут надлежащих объяснений.

Особенно ясный пример этому виден нередко в исследованиях по вопросам политической экономии, когда сомневаются в истинном значении протекционизма, хотя не решаются отрицать явной пользы от него в действительности. Новый человек, становясь реалистом, более скромнен и довольствуется постижением доли истины, надеясь по частям открыть все ее тайны. До наших дней это относится преимущественно к миру внешнему или материальному, однако уже существует не напрасное стремление приложить тот же путь исходя из действительности, измеренной с возможною полнотою, к изучению духовных явлений. Социальный мир, или дела, относящиеся к людям и их отношениям, занимают здесь в некотором смысле средину, и с нее естественно было людям начать переход от изучения веществ к изучению духа. В социальных же отношениях количественные величины добываются путем собрания статистических сведений.

Сколько-либо точная статистика с ее методами и анализом началась, можно сказать, только в XIX в. Говоря о народном благе, можно по манере древних ограничиваться качественными отношениями, но лучше, т. е. вероятнее, достичь какого-нибудь успеха, пользуясь при этом числами статистики. В своем изложении я так и стараюсь поступать во всем том, для чего имеется готовый запас статистических данных; их часто недостает, и они, несомненно, очень сложны; из них можно извлекать лишь первые эмпирические выводы, но, руководствуясь ими, все же можно быть уверенным в том, что всякие заключения будут более правдивы и скорее приведут к начальным истинам, чем всякое соображение чисто логического свойства с идеальными или качественными материальными предвзятыми посылками.

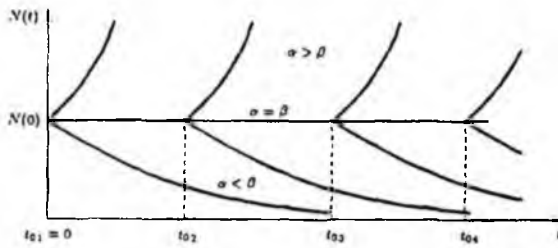
В начинаемом ряде мыслей и соображений, касающихся народного блага, на первом месте в указанных отношениях должно поставить соображения, касающиеся народонаселения вообще, потому что, как бы там ни было, с какой бы точки отправления мы ни пошли, во всяком случае, благо народное есть дело общее, касающееся совокупности людей, сложившихся в народы и государства ради тех или иных целей. Собрания статистических данных о народонаселении ныне уже весьма многочисленны, и я кладу засим в основу всех своих рассуждений численные результаты, добытые в переписях. Стараюсь воздержаться при этом по возможности даже от рассмотрения того коренного вопроса, которым с древности занималось человечество, а именно воздерживаюсь от разрешения вопроса о том, нужно ли для блага человечества вообще и для блага отдельных народов умножение народонаселения, или оно после некоторого предела представляет вредную сторону предмета.

Древние, начиная с Ликурга и римских законодателей, считали первым благом народным умножение числа людей. Такого же воззрения и ныне держится по инстинкту масса человечества, и, высказываясь кратко, мне наиболее симпатично такое представление, но я знаю, что в новейшее время, особенно после того как наиболее энергичные люди из Западной Европы стали выселяться в Америку, и в особенности со времен Мальтуса, существует весьма развитое рассуждение, тре-

бующее ограничений в размножении человечества, руководясь преимущественно тем соображением, что для беспредельного увеличения человечества полагается предел в ограниченности земной поверхности, тем, что средства для существования заимствуются с этой поверхности и не могут беспредельно умножаться, тем, что при возрастании народонаселения возрастать будто бы должна и бедность, так как благ земных не хватит для всех, и тем, наконец, что рай земной и золотой век привыкли видеть в начальном быте человечества вслед за его творением и развитием в тропических условиях, где сама природа дарит людям все условия существования.

Мне кажется, совершенно излишне вновь опровергать посылки этого рода и узкую ограниченность мальтусовского учения, потому что достаточно указать на одно то, что после Мальтуса, хотя прошло 70 лет, блага в человеческой жизни не убавились, а прибавились и бедствия, подобные голодовкам, сплошному мору людей и крупным истощительным войнам, не увеличились, а явно уменьшились. Не понадобится мне разбирать этот предмет еще и потому, что всякому реалисту очевидно, что мы живем в такую эпоху, когда для увеличения населения и среднего народного блага не видно еще никаких естественных преград, так как земной поверхности еще много пустует, а расселение далеко от равномерности, в добыче же пищи и всяких средств к жизни виден явный прогресс, так что данная площадь земли ныне дает или может давать несомненно гораздо более, чем давала за сто лет сему назад, впереди же и по давню, если реальные знания, промышленность, торговля, пути сообщения, стремление к миролюбию и т. п. не будут ослабевать и станут продолжать развиваться в такой же мере, как в последнее время.

Допустим даже то, что со временем достигнется повсюду мальтусовская теснота населения, не позволяющая общего умножения достатка вместе с умножением народонаселения, все же не иначе как с отвращением должно отнестись к практическим выводам Мальтуса, касающимся искусственных, сознательных и прямых мер к уменьшению возрастания населения, уже потому, что это возрастание при современном положении вещей, а тем более при предстоящем, необходимо вести за собой развитие просвещения

Изменение численности популяции со временем в модели Мальтуса (α — рождаемость; β — смертность)

(без него же нельзя и ждать густоты населенности) и всей частной сознательности людских действий, а вместе с ними и того, что называется нервностью, и тогда, наверное, само собой должно наступить некоторое равновесие между естественным стремлением к размножению и трудностью обеспечения возрастающего поколения, что и должно само собой, без каких-либо искусственных мер, привести к высшему, или предельному, количеству людей на Земле, — пока не найдутся новые средства для их обеспеченности и общего прогресса вроде добычи при помощи морей не только питательных веществ, но и всех других условий жизни или вроде искусственного, на фабриках и заводах, а не на полях и лугах, добывания питательных средств. С реальной точки зрения такая эпоха еще далека, как видно уже из грубого расчета.

Окружность земного экватора равна 40 077 км, а меридиана — 40 008 км (средний радиус равен 6373 км), общая поверхность Земли — около 510 млн кв. км; суша, не считая северных и южных полярных областей, пока еще неизвестных, составляет около 135 млн кв. км. Из этой поверхности суши при современном состоянии вещей должно исключить площадь, занимаемую полярными тундрами, скалистыми горными хребтами и бесплодными песчаными пустынями вроде Сахары, хотя человечество, вероятно, воспользуется со временем и ими для умножения условий жизни. Исключению, таким образом, подлежит никак не более как 60 млн кв. км суши, неспособной ныне к культуре, все же остается по крайней мере около 75 млн кв. км земли, прямо ныне способной к разведению растений, животных и к жизни человека. Отчисляя отсюда почти целую четверть поверхности для возведения жилищ и вообще зданий,

на дороги, воды и т. п., все же получим в реальности цифру не менее 56 млн кв. км земли, пригодной для растительности. Из нее отчислим еще одну четверть на леса, так как при нынешнем состоянии цивилизации леса должно считать нужными людям для правильного ведения всего их хозяйства, хотя со временем, быть может, придет эпоха, когда леса станут давать свои особые питательные вещества, а не так, как ныне, — только топливо и поделочный материал для стройки, мебели, бумаги и т. п. Тогда за вычетом лесной площади все же остается для культуры не менее 42 млн кв. км, или более 4 млрд га, или около того же десятин. Вообще для всей суши можно ныне смело считать лишь треть земли пригодной и свободной для сельскохозяйственной обработки. Но если взять лучшие большие и теплые страны, почти лишённые негодной земли, то все же надо отчислить на жилье, дороги, воды не менее $\frac{1}{3}$ поверхности, а потому в лучших случаях для сельского хозяйства можно выделить до $\frac{2}{3}$ всей земли.

Не вдаваясь в рассмотрение, сколько питательных веществ может дать гектар или десятина земли в разных климатах, не подлежит сомнению, что уже ныне на 131 508 кв. км всей земли (без всяких исключений: скал, городов, гор и пр.) на Яве живет более 26 млн жителей, т. е. приходится уже по 2 чел. на гектар всей земли или по 3 чел. на гектар обрабатываемой и способной к обработке земли, и что в китайской провинции Фокиен, лежащей против Формозы, теснота населения такова же или еще больше, потому что ее поверхность менее 99 800 кв. км, а жителей более 22 миллионов. Ни Ява, ни Фокиен не нуждаются в привозном хлебе или лишь в ничтожно малом, т. е. могут прожить своими средствами; правда, жители эти не богаты, даже по временам сильно бедствуют, но таковы свойства всех чисто земледельческих стран, и мы все знаем, что бедность этих стран зависит не от недостатка питания в общем среднем, а исключительно от первичной простоты всего обихода этих стран, от отсутствия в них должной свободы труда, образованности и предприимчивости, а также, вероятно, отчасти от недостатков их общественного устройства. Но нельзя забывать, что это страны тропические, с климатом и почвой, особо благоприятными для растительности и дале-

кими от среднего. К нему ближе страны Европы. Возьмем и здесь примеры тесноты.

Вся поверхность собственно Англии и Валлиса (Уэльса) без исключений (гор, городов, дорог, лесов и т. п.) равняется 151 тыс. кв. км, на которых живет более 32 млн жителей, следовательно, приходится (ибо в 1 кв. км 100 га) опять более 2 человек (на всякий гектар), а по исключении $\frac{1}{3}$ земли на скалы, внутренние воды, жилища, дороги и леса на гектар земли, способной к обработке, — более 3 жителей. В Бельгии (поверхность 29 456 кв. км, жителей более 6,5 млн) тесноты еще более. Правда, Англия и Бельгия ввозят хлеб и другие питательные вещества, но не потому, чтобы не могли разводить их в достаточном количестве для питания своего народа, но лишь потому, что в этих странах вследствие развития других видов промышленности, дороговизны земли и труда и дешевизны привозного хлеба ныне невыгодно заниматься хлебопашеством, а аграрные и политические порядки давно внушили, особенно в Англии, мысль о большой выгоды для всего блага народа развивать преимущественно другие виды промышленности и на них основать народное богатство, что, как известно, и удалось. Площадь Германии, опять без вычета городов, гор, лесов и т. п., равняется 540 750 кв. км, на которых живет 57 млн жителей, следовательно, в среднем приходится на 1 га более 1 жителя. Отчислить из всей земли Германии на горы, города, леса и т. п. необходимо по крайней мере 180 тыс. кв. км, так что останется для обработки удобных земель около 360 тыс. кв. км, или 1,6 человека на гектар. Но Германия обрабатывает и оставляет под лугами, судя по официальной таксации 1893 г., 35 млн га, т. е. в ней культура доведена до возможного ныне предела, и она, как известно, ввозит хлеб, т. е. своего ей недостает при современных порядках хозяйства, в известной мере уже улучшенного. Поэтому для таких стран, как Германия с ее климатом, нельзя ныне считать более как 3 жителей на 2 га сельскохозяйственных земель.

В России, хотя всей земли в целом еще очень много, есть уже местности, где теснота достигла английской и германской. Та северо-восточная часть Клинского уезда (на северо-восток от Николаевской железной дороги), где расположено мое имение, так же густо населена, как Англия или Бельгия. Там

народ не голодает, потому что есть много фабрик и заводов, но ему недостает своего хлеба на целый год, с весны уже покупают хлеб, но я прямо вижу, как много земель еще пустует в этих частях Клинского уезда. Если бы их засевали, хлебов был бы избыток; не засевают же только потому, что есть на что купить недостающий хлеб. В Полтавской губернии всей земли около 5 млн га, а способной к земледелию и скотоводству, вероятно, не менее 4 млн га, жителей же в 1897 г. было 2,8 млн, т. е. на каждого приходится около 1,5 десятин сельскохозяйственной земли. В Петроковской губернии всей земли 1 223 тыс. га, а жителей было в 1897 г. 1 409 тыс., следовательно, и всей земли здесь приходится на жителя меньше, чем в Германии, а способной к земледелию и подавно. Не умножая примеров, можно поэтому с уверенностью сказать, что уже в наше время 1 га земли, способной к культуре, достаточно в среднем для всей земли не менее как на 2 жителей, т. е. не подлежит сомнению, что, вычтя леса, города, дороги, скалы и вообще неспособные к культуре земли, ныне должно рассчитывать на возможность получить с 1 га культурной земли в среднем по крайней мере столько растений и животных, сколько нужно для 2 жителей. Со временем, конечно, урожаи еще возрастут, но, даже ограничиваясь пропорцией 2 чел. на гектар культурной земли, можно видеть, что ныне на Земле может жить не менее 8 млрд людей на вышеисчисленном количестве земли, способной к культуре, т. е. на 4 млрд га. Живет же на Земле, как должно ныне признать, не более 1,6 млрд людей⁵. Следовательно, всякие мальтусовские бредни ныне к делу не относятся; человечество их не слушается, несомненно размножаясь.

Естественный прирост человечества, т. е. годовой перевес рождаемости против смертности, в разных странах различен, и для жителей всей Земли в среднем его можно принять ныне в 1 %, т. е. в год прибавляется на 100 человек по 1 человеку. В России этот прирост выше, чем в остальных частях Европы, именно никак не менее 1,4 %. В других европейских странах он пониже, например в Голландии, Германии и Норвегии — около 1,3 %; в Англии, Швеции, Италии и др. — от 0,8 до 1,2 %; в Испании, Швейцарии и т. п. — менее 1 %, а во Франции за последнее время близок к 0 %, хотя в ней приходится не более как 72

жителя на квадратный километр в среднем.⁶ В С.-А. С. Штатах, над числом жителей которых мы далее остановимся подробнее, естественный прирост несомненно более 1 %; то же можно сказать о Южной Америке. На Яве, где переписи ведутся уже давно и где голландское правительство мудро и мягко правит народом, прирост превышает 1 %. В Японии он также несомненно значительно выше 1 %. В азиатской Индии, находящейся под английским владычеством, естественный прирост долго был не менее 0,7 % и только в 90-х годах опустился вследствие смертности от голода до трети процента. Для Китая, Сиам и соседних стран, как и для совокупности всей Африки, прирост хорошо не известен, но путешественники единогласно показывают, что детей в этих странах множество, а потому едва ли можно полагать, что там естественный прирост менее 1 %. На основании этого можно с уверенностью утверждать, что общий прирост человечества в настоящее время если не равен 1 %, то близок, хотя есть сравнительно небольшие страны, подобные Франции, где народонаселение почти не возрастает, и есть народы или их отпрыски или части вымиравшие, подобно нашим самоедам или некоторым природным жителям Новой Зеландии и некоторым индейским племенам.

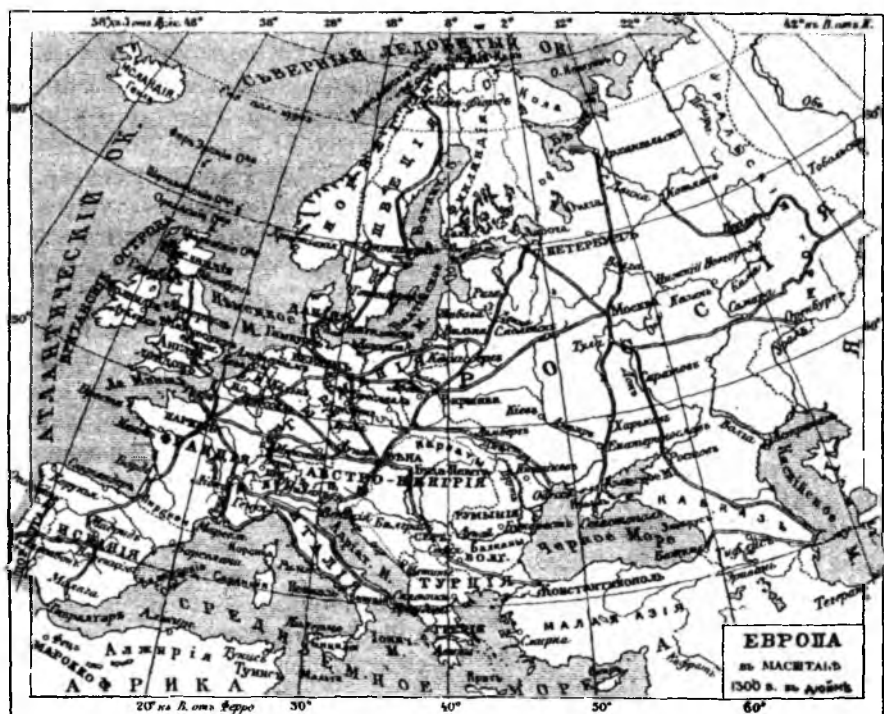
Такое вымирание целых народов или племен под влиянием встречи с другими народами несомненно существовало в прежнее время в огромных размерах. Войны, вытеснение народов друг другом, моровые язвы всякого рода и такие первичные обычаи, как людоедство, действовали в ту же сторону. Все это следует намотать на ус тем, кто, говоря о благе народном, ссылается на времена прошлых периодов человечества.

Численный расчет еще яснее подтверждает это, показывая, что в прошлые времена жизни людей хотя и был избыток земли, размножение людей шло гораздо медленнее, чем идет ныне, и, доказывая этим лучше, чем какими-нибудь другими способами, действительные успехи (прогресс) человечества, так как увеличение наличности действительного прироста народонаселения может происходить только при улучшении общих жизненных условий, при уменьшении гибели части людей и при убыли слез отцов и матерей, видящих погибель детей от недостатков ли пи-

тания, или от войн, или от болезней и пороков. Исходя из современного количества жителей Земли, равного 1,6 миллиарда, и из современного среднего прироста в 1 %, легко вывести, что первый миллион людей при современном среднем приросте жил бы не более как за 750 лет от нашего времени, т. е. около 1150 г. по Р. Х.⁷

Несомненно, что человечество, даже китайское, ассирийское, было уже очень многочисленно за 4000 лет до Р. Х., т. е. тысяч на шесть до нашего времени. Отсюда несомненно следует, что в эти 6000 лет, несмотря на то что земли приходилось на каждого больше, чем ныне, средний прирост несомненно был ниже современного, а это значит, что древние порядки были не лучше, а много хуже современных и те, которые плачутся о давно прошедшем, вовсе не имеют в виду реального общего блага, руководятся же только слащавыми предрассудками.

Если считать, что прирост сохранится и впредь близким к 1 %, т. е. число жителей всей Земли будет удваиваться примерно в 60—70 лет, то через 100 лет, т. е. к 2000 г., получится жителей на Земле более 4 миллиардов, и тогда теснота будет такая же почти повсюду, как теперь в Германии. Этим численным способом совершенно просто и наглядно, т. е. реально, объясняется причина того, что все передовые страны с густым населением, даже маленькая Бельгия, в наши дни озабочены приобретением колоний. Англия, Франция и Германия и тут стоят впереди всех других народов, а Россия заблаговременно и дальновидно заняла соседние с нею пустыни. Этому же помогают еще в большей мере распространением таких реальных специальных знаний, которые дают и еще более обещают дать как всякие новые полезные занятия людям, так и умножение производительности всей земли. Всего же важнее для общей цели наших статей обратить внимание на то, что нынешний порядок течения дел во всем мире, особенно отсутствие губительных войн, заботы о прекращении распространения повального мора людей (чума, холера), и развитие сношений всех стран по морям и железным дорогам привели к тому, что жить всем людям во всем мире стало немного легче, чем было еще недавно, и люди стали от этого размножаться больше, чем прежде. Именно тут прежде всего должно искать при-

Карта Европы в XIX в.

чину перемены множества прежних основных понятий и необходимости найти новые способы жизни людской (см. Вступление).

В числе моих заветных мыслей на первом месте стоят вопросы этого рода, оттого с них и начал. Причину перемен, наступивших в мире, нельзя приписать ничему иному, как распространению во всем человечестве того, что называется гуманностью, или человечностью, того, что содержится в понятиях современных реалистов о возможности избежать войн, того, что заставляет заботиться больше о детях, чем было прежде, и того, что содержится в широком понятии о свободе труда. Еще недавно, очень недавно не была видна впереди теснота Земли, а теперь она для зрячего совершенно очевидна, и нельзя отказать Мальтусу в том, что он один из первых ее увидал в будущем. Но он не видел ни того, что наука будет находить возможность расширения всех условий жизни, ни того, что только при тесноте населения и при развитии всяких видов промышленности является совершенно живая насущная необходимость в просвещении, в развитии свободы труда и во всем прогрессе человечества, ни того, что при большой массе людей больше, чем при малом их количестве, затрудняются все те дела, которые вредят обществу и которые дают лишенный необходимости перевес немногим над остальными, ни того, наконец, что вообще, чем теснее, тем дружнее.

Тесноты людей не то что следует избегать, но необходимо искать, чтобы жизнь шла не черепашиным шагом, а скорым, современным, бодрым. Это относится столько же ко всему миру, сколько и к России, если она продолжит Петром Великим завещанный, Александром III реально начатый порядок развития всех видов промышленности, в том числе и земледелия. Если с промышленностью русский народ начнет хоть немного богатеть, как он явно богатее у меня на глазах в Клинском уезде, то он не перестанет плодиться и еще умножит прирост, тогда всем хватит хлеба если не своего, то покупного, и, удваиваясь примерно в 40 лет (прирост равен 1,4%), он неизбежно выделит большой процент жителей для развития других видов промышленности и для профессиональной деятельности всякого рода, что вместе с развитием просве-

шения и составит силу народную, даст возможность поддержать свою самостоятельность и развить свои особенности. Не о поддержке прироста здесь может быть речь, а о поддержании его и об умножении условий жизни будущих поколений. О том, что для этого, по моему мнению, особенно важно сделать, и будет говориться в части дальнейших моих статей.

Средняя величина прироста, по всей видимости, хотя и не сплошь, имеет все шансы возрастая до некоторого предела, а затем, по всей достоверности, должна будет или остановиться, или падать, так как для беспредельного роста количества людей несомненно должен существовать предел, определяемый ограниченностью земной поверхности. Но ныне ничто не указывает на близость достижения не только предела прироста общего числа жителей, но и общего числа людей. Во всяком же случае современную эпоху человечества должно считать более благоприятную для возрастания числа жителей, чем какую-либо из предшествующих. Это составляет один из внешних признаков действительности современного прогресса человечества, так как в природе людей, как и всяких организмов вообще, вложено стремление к размножению, и о благе человечества нельзя говорить, не исходя из сведений о количестве народонаселения.

В вопросе о народонаселении после прироста на первом месте во всех отношениях должно поставить распределение жителей по возрастам и полам. Последняя сторона вопроса представляет, однако, интерес, ограниченный в экономическом смысле, потому что повсюду в мире число мужчин и женщин близко друг к другу, иногда немного более, иногда немного менее, что общеизвестно и что определяет, однако, некоторые не особенно существенные экономические явления. Распределение же по возрастам, напротив того, имеет громадное значение во всех социальных отношениях, так как все они определяются трудом людей, а малолетние и старики в нем не могут принимать участия. Какие пределы возраста должно считать работоспособными и трудоспособными — это особый вопрос, видоизменяющийся по географическим и социальным отношениям стран. Есть, например, народы, у которых на стариков возлагается труд правительственно-

го совета, и есть народы, как китайский, где старики представляют экономические единицы, к которым относятся все остальные младшие поколения. В будущем должно ждать, что дети известного возраста, примерно лет до 17, будут заняты сплошь учением, так как сделаться человеком в истинном смысле можно будет со временем, только пройдя все усложняющийся круг готовой человеческой мудрости, без чего нельзя плодотворно прожить.

Если говорить об умеренных и северных климатах, то настоящую трудоспособность должно считать не иначе как в возрасте 20 лет и не позже 60 лет. Здесь рождается очевидный вопрос о распределении людей по возрастам. На первый взгляд, кажется, что оно не может быть сколько-нибудь единообразным в разных странах и условиях, но действительное исчисление ясно доказывает, что оно довольно однообразно в странах, стоящих на близкой степени просвещения, и мало различается даже при глубочайшем различии живущих народов, например у японцев и англичан.

Просвещение и тут играет свою роль главным образом потому, что молодые организмы, в особенности в первые годы жизни у народов непросвещенных и небогатых, вымирают в большем количестве не только от недостатка медицинской помощи и от лишений, но главным образом от неразвитости матерей, на которых лежит естественная обязанность ухаживать за детьми малого возраста, если отцы обязаны добывать средства для всей семьи.

Но там, где степень образованности и богатства народного близки между собою, там распределение по возрастам оказывается поразительно сходственным. Для показания этого из множества имеющихся данных избранны мною числа подробных переписей Германии и С.-А. С. Штатов. Но в этих последних, как всякому известно, немалый процент жителей составляют негры, индейцы и переселенцы разных стран, и этих последних, очевидно, нельзя ставить в один разряд с жителями, родившимися в самих Штатах. В этом отношении американские переписи дают всю возможность сделать различие, и приводимые ниже числа относятся лишь к белым жителям штатов, родившимся в них от матерей и отцов — уроженцев самих Штатов.

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Приводимые далее числа (табл. 1) взяты не из последней переписи Штатов (1900), а из предшествующей, 11-й переписи 1890 г., так как тома последней переписи дошли до меня лишь недавно.

Таблица 1

Возраст, лет, от — до	Германия, 1890—XII, тысяч жителей	Родившихся белых в С.-А. С. Штатах, тысяч жителей	Число жителей в процентах		
			Германия	С.-А. С. Штаты	Среднее
0—5	6 429	4 551	13,01	13,28	13,14
5—10	5 531	4 432	11,19	12,93	12,06
10—15	5 412	3 965	10,95	11,57	11,26
15—20	4 803	3 553	9,72	10,37	10,04
20—25	4 257	3 185	8,61	9,29	8,95
25—30	3 745	2 545	7,58	7,43	7,50
30—35	3 387	2 377	6,85	6,93	6,86
35—40	2 290	2 054	5,91	5,99	5,95
40—45	2 689	1 719	5,44	5,02	5,23
45—50	2 442	1 471	4,94	4,29	4,62
50—55	2 139	1 256	4,33	3,66	4,00
55—60	1 729	935	3,50	2,73	3,11
60—65	1 423	795	2,88	2,32	2,60
65—70	1 145	579	2,32	1,69	2,01
70—75	772	418	1,56	1,22	1,39
75—80	395	245	0,80	0,71	0,75
80—85	155	128	0,31	0,38	0,34
85—90	45	47	0,09	0,14	0,12
90—N	9	16	0,02	0,05	0,04
Итого:	49 428	34 270			

По 11-й переписи, всех жителей в 1890 г. было 62,6 млн, но в их числе природных белых жителей от матерей и отцов, в Штатах родившихся, было только 34,3 млн, и вот они-то сочтены в нашем дальнейшем расчете (исключая лишь 47 тыс. жителей неизвестного возраста). В прилагаемой табл. 1 для Германии и Штатов приведены не только абсолютные числа в тысячах жителей каждого возраста, но и процентные количества лиц каждого возраста, чтобы дать легкую возможность сделать сличение. Ввиду сходства процентных чисел в последнем столбце дан средний процент возрастного состава.

Исходом в первом столбце служит возраст, считая 5 лет за единицу, и если стоит, например, число 30—35, то это значит, что табличное число показывает число жителей в возрасте более 30 лет, но менее 35 лет. Приводить же числа по годам, например от 1 года до 2 лет или от 30 до 31 года, было бы не только неудобно по множеству чисел, но и непоучительно, потому что какой-нибудь правильности можно ждать только от средних больших величин, а в мелочах и частности можно подразумевать всегда мелкие неправильности, зависящие от множества обстоятельств, например от недородов в известные годы, от войн, от присоединения новых областей и т. п., что падает на определенные времена, отвечающие рождению лиц данного возраста. Такие частные влияния до некоторой степени сглаживаются, когда в таблицах приведено количество людей в возрасте, различающемся на 5 лет, как это сделано в прилагаемой таблице. При этом не подлежит сомнению, что точность показания возраста при переписях сравнительно невелика, так как точная проверка о возрасте каждого жителя совершенно невозможна.

Если же взять пятилетний промежуток, то, деля число жителей каждого возрастного периода на 5, мы получим число жителей в среднем возрасте, например из числа жителей 30—35 получим, деля на 5, число жителей в возрасте от 32 до 33 лет, что и обозначено далее чрез 33. При этом делается, конечно, предположение, что в течение 5 лет возрастание идет арифметически пропорционально годам, т. е. выражается линейным образом по годам. В частности, т. е.

в узком пределе лет, это всегда можно допустить, принимая во внимание возможные погрешности каждого отдельного числа, отнесенного к году.

Выражаясь алгебраически, всякую небольшую долю кривой линии можно представить в виде прямой линии. Но это, конечно, не относится ко всей совокупности чисел, потому что они выражаются не прямою, а кривою линиею, которая одна и представляет свой особый интерес, выражая собой изменчивые отношения между числом лет n и числом жителей данного возраста, которое мы означаем через y . Отношения этих чисел мы далее рассмотрим, приведя исходную таблицу. Оригинальные числа для Германии взяты из «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich für 1900», с. 3, а для Штатов — из «Abstract of the eleventh census 1890», с. 58.

Из приведенной табл. 1 видно, что относительное (процентное) число жителей разного возраста в Германии и Штатах чрезвычайно близко, отчего и можно было взять среднее и в этом среднем y , отнесенном к определенному году n , можно ждать уже сглаживания частных погрешностей отдельных переписей, потому что среднее относится к 85 млн жителей. Этому же среднему, до некоторой степени сглаженного результата можно достичь еще лучше, складывая первоначально абсолютные числа для Германии и Штатов и выводя из этой суммы указанный результат по годам n через 5 лет. Так и сделано во второй таблице, в столбце, обозначенном через y , выражая опять число жителей в процентах. Числа этого столбца, конечно, очень близки к числам последнего столбца предшествующей таблицы. Но в них все же должно ждать ряд разных мелких погрешностей, неизбежно свойственных как самим, так и рассчитанным из них результатам.

Полученные таким образом числа для y приведены в табл. 2 в столбце со знаком y . Сличение этих чисел с ранее выведенными показывает, что разность между ними очень невелика и касается только десятых долей процента, что допустимо уже по необходимости ждать в переписях лишь относительной точности, так как абсолютная точность ни в этих, ни в каких опытных числах по самому существу невозможна.

Таблица 2

Возраст, лет, от — до	В 1890 г. жителей Германии и С.-А.С. Штатов, тысяч или процентов	В возрасте от $n-1$ до n лет процентов жителей по переписи 1890 г.	По формуле величина y , считая	
			$N = 105$ г.	$N = 110$ г.
0—5	10 980, или 13,12 %	$n = 3 \quad y = 2,62$	2,74	2,62
5—10	9 963, или 11,90 %	$n = 8 \quad y = 2,38$	2,47	2,38
10—15	9 377, или 11,20 %	$n = 13 \quad y = 2,24$	2,23	2,15
15—20	8 356, или 9,98 %	$n = 18 \quad y = 1,99$	1,99	1,93
20—25	7 412, или 8,89 %	$n = 23 \quad y = 1,78$	1,77	1,73
25—30	6 290, или 7,52 %	$n = 28 \quad y = 1,50$	1,56	1,54
30—35	5 764, или 6,88 %	$n = 33 \quad y = 1,37$	1,36	1,36
35—40	4 974, или 5,94 %	$n = 38 \quad y = 1,19$	1,18	1,18
40—45	4 408, или 5,27 %	$n = 43 \quad y = 1,05$	1,01	1,03
45—50	3 914, или 4,68 %	$n = 48 \quad y = 0,93$	0,85	0,88
50—55	3 395, или 4,06 %	$n = 53 \quad y = 0,81$	0,71	0,77
55—60	2 664, или 3,18 %	$n = 58 \quad y = 0,63$	0,58	0,62
60—65	2 218, или 2,65 %	$n = 63 \quad y = 0,53$	0,46	0,51
65—70	1 724, или 2,06 %	$n = 68 \quad y = 0,41$	0,36	0,40
70—75	1 190, или 1,92 %	$n = 73 \quad y = 0,28$	0,27	0,31
75—80	640, или 0,77 %	$n = 78 \quad y = 0,15$	0,19	0,23
80—85	283, или 0,34 %	$n = 83 \quad y = 0,07$	0,13	0,16
85—90	92, или 0,11 %	$n = 88 \quad y = 0,02$	0,08	0,11
Выше 90	25, или 0,03 %	$n = \frac{N-90}{5} \quad y = 0,01$	0,05	0,10
	83 699 тыс. = 100 %	Сумма разностей:	$+\Delta = +0,44 + 0,36$	
			$\pm\Delta = \pm 0,47 \pm 0,43$	
			$M = 26,6 \quad 27,9$	

Желая узнать сущность закона распределения жителей по возрастам, остановимся над соотношением полученных u и n . Для них необходимо ждать еще некоторых отступлений, зависящих в данном случае например от того, что в 60-х годах в Америке господствовала междоусобица между северными и южными штатами, а в то же время Германия вела войну с Австрией и к началу 70-х годов вела большую войну с Францией, что должно было нарушать не только стройность чисел рождаемости, но и смертность для лиц в зрелом военном возрасте, а это должно отразиться на числе жителей, родившихся в этих и следующих годах (т. е. для лиц, имеющих при переписи 30—40 лет), и на числе мужчин в возрасте около 50—60 лет, потому что они были во время этих войн в цветущей молодости, преимущественно падавшей во время войн. Не умножая подобных примеров, должно ясно сознавать, что наблюдение и расчет должны между собой немного отличаться, если отыскивается закон нормального распределения по возрастам, который один представляет свой научный интерес.

Но и указанные отступления от нормы не должны, по существу, превосходить некоторого, притом небольшого, предела; например, не должны касаться целых процентов, а ограничиваться их долями, потому что числа извлечены из целого числа миллионов, а отступления касаются только сотен тысяч. Сколько мне известно, еще никто не принимался за вопрос о нормальном законе распределения числа жителей по возрастам, и если я решаюсь приняться за такой трудный новый вопрос, то лишь по той причине, что верю в закон больших средних чисел и в правильность всяких отношений, кажущихся на первый взгляд зависящими лишь от частной воли и от случайного сцепления обстоятельств. Эта уверенность внушена долгим изучением явлений природы, а оно приводит к заключению, что все крупное общее среднее всегда оказывается закономерным, хотя всегда состоит из ряда мелочей, носящих на первый взгляд капризный индивидуальный характер.

Максвелловская теория газов — лучший пример для этого, и я не упущу случая внушить молодежи склонность к изучению представлений, подобных максвелловским, если хотят разобраться в вопросах социологии. Не желая усложнять изложения, я ограничи-

ваюсь этим намеком и обращаюсь к примеру распределения народонаселения по возрастам как к такому, в котором можно уже видеть значение общих крупных чисел и закономерную в них стройность. Ведь механику, физику, химию изучали вначале исключительно приемами качественными и описательными, причем были, в сущности, рабами действительной природы, а понемногу становятся ее господами, подмечая присущую явлениям этого рода закономерность. Ведь и там изучению подлежат лишь частности, и всякое измерение сопряжено с неизбежными погрешностями, а общее крупное оказывается состоящим из данного числа капризных мельчайших отдельностей, в крупном же общем среднем все эти мелкие капризы исчезают, и тогда выступает основной, Божеский закон, который один делает рабов действительными господами предпринимаемого и предстоящего.

Не только в переносном, но и в подлинном смысле отдельный человек есть не что иное, как атом, и в совокупности людей, т. е. в крупных числах, до них относящихся, должно ждать такой же простоты и правильности, как в числах, получаемых от так называемой мертвой природы. Вот одна из тех заветных моих мыслей, которую очень желательно мне внушить будущим поколениям русского юношества, приложение которой к действительности я желал бы продемонстрировать при помощи данных о народонаселении, и прежде всего о распределении по возрастам. Беглый взгляд на графическое выражение зависимости между u и n показывает уже, что они расположены постройной, или, как привыкли выражаться математически, правильной, кривой линии. Найти законность — значит найти алгебраическую зависимость между u и n , т. е. между возрастом и числом жителей этого возраста. Геометрические соображения простейшего свойства показывают, что первое приближение к истине получится уже тогда, когда эту зависимость представим в виде вертикальной параболы, т. е. выразим:

$$y = A + Bn + Cn^2 \quad (I)$$

где A , B и C — суть постоянные числа, а u и n — переменные (ординаты и абсциссы кривой). Ни одной минуты я не думаю, что такое выражение есть окончательное и вполне точное, утверждаю только, что оно очень

близко удовлетворяет действительности и отступает от нее лишь на величины недалекие, подобные разностям между y 1-й и 2-й таблиц. Числа, разочтенные по формуле, приведены в последних столбцах табл. 2. Сходство вычисленных и наблюдаемых y наглядно показывает степень применимости вышеозначенной формулы.

Для ее нахождения, т. е. для определения числовых значений коэффициентов A , B , C , очевидно, достаточно трех данных, а их гораздо более. Каждые три данные y и n дадут свои коэффициенты, нужно найти некоторые вероятнейшие A , B и C и можно было бы руководствоваться при этом правилами способа наименьших квадратов, а так как n равно отстоят друг от друга, то можно было бы прибегнуть к известному приему моего покойного друга П. Л. Чебышева, развитому мною при исследовании колебания весов. Но в данном случае есть два соображения, упрощающих дело.

Во-первых, n есть число не беспредельно большое, а ограниченное некоторым пределом N , показывающим тот средний наибольший возраст, примерно около 100 лет, до которого доживают люди в настоящее время и при котором их число впадает в пределы точности опытных чисел и выводимой формулы⁸. Следовательно, при $n = N$ величина y может быть принята равной нулю. В то же время должно признать прямо, судя по числам и действительности, что y , или число жителей, достигает при возрасте N своей наименьшей величины, а потому на основании известного закона минимумов $B + 2Cn$ при этом равно 0, т. е. $B = -2CN$. Во-вторых, выражая y в процентах, очевидно, что сумма всех y от 0 до $N = 100$, что разрешает отношение между C и N и приводит к следующему выводу, касающемуся A , B и C в формуле (I), а именно⁹:

$$A = CN^2; \quad B = -2CN;$$

$$C = \frac{600}{N(N-1)(2N-1)}.$$

Подставляя эти выражения для A , B и C в уравнение (I), получим:

$$y = \frac{600(N-n)^2}{N(N-1)(2N-1)}. \quad (II)$$

Это показывает, что по первому приближению, или первой законности в распределении числа жителей по возрастам, значение y -ов исчерпывается знанием n -ов и одним постоянным предельным возрастом N , а через это нахождение всей зависимости между y и n упрощается до крайности, т. е. из каждого отдельного значения и соответствующего ему n получается свое N . Если N расчесть на основании данных для малых возрастов, то выходит N не менее 110, даже до 115 лет. Если же это сделать на основании чисел уже стариков, то N выходит не только гораздо меньшим, но даже меньшим 100 лет, показывая этим, что в последние десятилетия вместе с возрастанием прироста (с отсутствием войн, развитием просвещения и пр.) увеличились условия для продолжительности человеческой жизни.

Это определяется, по всей вероятности, не столько успехом медицины и гигиены, сколько развитием благосостояния и уменьшением шансов погибнуть в зрелом возрасте, не доживая до старости; получаемые для разных значений n величины предельного возраста N , очевидно, не могут быть тождественны между собою и тем ближе к истине или вероятнейшему, чем более величина y . На основании этого и рассчитана средняя величина N , и она оказалась лежащею вблизи от $N = 105$ до $N = 110$ лет для той совокупности данных, которые взяты из приведенных выше переписей Германии и Соединенных Штатов. Подставляя эти числа, получаем

$$y = 0,000 \cdot 2629(105 - n)^2; \quad (III)$$

$$y = 0,000 \cdot 2285(110 - n)^2.$$

Числа, рассчитанные по этим выражениям, приведены в последних столбцах табл. 2. Необходимость привести два ряда разочренных чисел отчасти еще выясняется из последующего изложения.

Сличение разочренных чисел с наблюдением для у-ов показывает, что наши выражения (I) или (II) вообще, а в частности (III) для Германии и Штатов недалеко отступают от действительности, т. е. что распределение населения по возрастам довольно точно выражается параболою 2-го порядка, т. е. в таком деле, как распределение по возрастам, господствует в норме при данных условиях правильная общая закономерность, что и требовалось показать для того, чтобы понемногу вселять убеждения в правильной закономерности социальных отношений, кажущихся капризными и сбивчивыми. Для показания этого же общего начала я приведу еще одно доказательство, относящееся к общему числу жителей С.-А. С. Штатов, но предварительно считаю не лишним остановиться над некоторыми обстоятельствами, относящимися к возрастному распределению.

Напомню, однако, вновь о том, что я не считаю свою формулу окончательною, а потому делаю лишь намеки на то, чего можно достичь со временем, когда найдется истинная формула и когда можно будет выводить из нее совершенно строгие следствия. Те следствия, которые выводятся из принятой нами формулы, очевидно суть только приблизительные, но и они наводят на такие размышления, которые, кажется, не следует упускать социологам из вида. Притом следствий этих много, а я могу здесь остановиться лишь над немногими из них, касающимися рождаемости, смертности, средней продолжительности жизни и среднего возраста всех жителей разных стран. Надо повторить при этом, что, признавая выставляемую закономерность лишь дающею первое приближение к истине, нельзя ручаться за полную точность выводимых следствий, но тем не менее над ними следует остановиться для того, собственно, что очень часто, особенно за последний век, числами, так сказать, баловались, не заботясь о приложении полученных выводов к каким бы то ни было жизненным явлениям, а моей заветною мыслью служит то соображение, что математический разбор явлений действительности тогда только служит

для надлежащего уяснения предмета и для истинного познания вещей, когда он не только выводится из действительных данных, но когда в то же время он и дает следствия, непосредственно с действительностью связанные и представляющие для нее свой интерес.

Рождаемость, выраженная в процентных числах жителей, весьма сильно изменяется по странам, т. е. гораздо значительнее, чем распределение по возрастам. Для России она близка к 4,8 %, а во Франции — к 2,5 %; для других же стран Европы получаются промежуточные числа. Из формул можно полагать или ждать, что при $N = 105$ рождаемость ($n = 0$) выражается¹⁰ 2,77 %, а при $N = 110$ она рассчитывается равно 2,76 %.

Для Германии рождаемость достигает ныне 3,7 %, если считать и мертворожденных, а за их исключением все же более 2,7—2,8 %, а именно около 3,5 %. Мне кажется, однако, что причину разности расчета от действительности должно приписывать не столько неполной точности нашей формулы, сколько тому, что в первое время после рождения и в Германии, как повсюду, мало умеют ухаживать за детьми и часть рожденных можно как бы причислить к мертворожденным, т. е. не считать в общем счете жителей. Но так как я считаю свои формулы (I) и (II) лишь первым приближением, и рождаемость представляет своего рода экстраполирование (т. е. расчет за пределом исходных данных, которые у нас начинаются с $n = 1$), то и не считаю надобным более останавливаться над этим предметом особенно потому, что в некоторых странах (Бельгия, Швейцария, Ирландия) распределение по возрастам близко отвечает нашему расчету (по III формуле) и в них рождаемость близка к 2,7 %, т. е. к формульной.

Мне кажется даже, что совпадение для некоторых стран (Бельгия, Швеция и др.) рождаемости с выводом, получаемым из распределения по возрастам, показывает, что в этих странах умеют столь же хорошо ухаживать за беременными матерями и новорожденными, как за лицами других возрастов.

В других же странах, например у нас в России, большой процент смертности в первые месяцы жизни не только не отвечает распределению жителей по возрастам, но и заставляет ждать преувеличенного числа или коэффициента рождаемости, показывающая недостаточное знакомство жителей с ги-

гиеной младенцев, бедность родителей, т. е. скудость страны и недостаток в ней медицинской помощи. Затем не излишне указать на то, что с увеличением предельного возраста N процент рождаемости должен падать. Объяснение этому видно уже из того, что с увеличением предельного возраста должно возрастать число стариков и старух, не способных к деторождению, и уже чрез это одно процент рождаемости должен падать.

Величина смертности, например выраженная процентом умерших за год в отношении к числу всех жителей, еще сильнее рождаемости изменяется по странам, временам, народам и обстоятельствам, особенно изменчиво распределение смертности в детском возрасте.

Процент смертности лиц известного возраста быстро падает, начиная от самого рождения, так что смертность в норме повсюду в первый год после рождения очень велика, даже не считая мертворожденных.

Общий же процент смертности на 100 жителей, т. е. количество лиц всех возрастов, умерших в течение года, изменяется от 3,5 % в России до 1,7 % в Скандинавии. В Германии, где смертность была до 1890 г. близка к 2,6 % (ук. соч.), числа рождаемости, смертности и прироста так быстро изменяются за последнюю половину XIX в., что достойны особого внимания:

Германия, год	Миллионов жителей	% рождения	% смертности	% годового прироста	
				естественного	действительного
1850	35,4	3,8	2,6	1,2	0,6
1855	36,1	3,3	2,9	0,4	0,4
1860	37,7	3,8	2,5	1,3	0,98
1865	39,7	3,9	2,9	1,0	1,0
1870	40,8	4,0	2,9	1,1	0,6
1875	42,7	4,2	2,9	1,3	0,9
1880	45,2	3,9	2,7	1,2	1,1
1885	46,9	3,8	2,7	1,1	0,7
1890	49,4	3,7	2,6	1,1	1,1
1895	52,3	3,7	2,3	1,4	1,1
1898	50,7	3,7	2,2	1,5	1,4

Тут примечательно явное возрастание естественного прироста от 1 до 1,5 %, явная зависимость этого возрастания от уменьшения процента смертности и видимое уменьшение разности между естественным и действительным приростами, зависящее от убыли за последнее время эмиграции. Это все, без малейшего сомнения, зависит от того, что Германия в это время стала, видимо, богатеть, а причину этого должно искать не только в расширении просвещения, но и в развитии всех видов промышленности, достигнутом прежде всего сильным и настойчивым протекционизмом как всем отраслям промышленности, так и рабочему населению. Это такая же манера действия или, если угодно, та же политика, от которой так разбогатели в свое время Англия, Франция и С.-А. С. Штаты.

Быстрота убыли смертности в Германии и несомненность того, что это уменьшение, как и весь прогресс страны, зависит от правительственных мероприятий, явно указывают как на то, что в числах, относящихся к народонаселению, прежде всего видны плоды всех основных действий страны, так и на то, что числа смертности и прироста более и быстрее, чем возрастное распределение и рождаемость, изменчивы и отражают всю современную историю стран. Этим я желал бы ограничить свои здесь заметки о смертности, но полагаю не лишним для ясности добавить еще несколько беглых указаний.

Процент смертности во многом зависит для взрослых людей от предмета деятельности и от условий жизни; известная степень напряженности жизни или равное настойчивое трудолюбие, составляющее один из плодов всей цивилизации, возвышает продолжительность жизни, а холопская лентяйность ее уменьшает. В нашу эпоху у тех народов, которые деятельны и еще разрастаются, при норме рождаемости около 3 % норма смертности около 2 % от числа жителей, а у народов, уже достигших (по-видимому, по крайней мере) до своей кульминационной точки, когда прирост прекращается, рождаемость и смертность близки к 2—2,5 %.

Мне кажется, что народы будущего отличаются большею рождаемостью и для них особо важное значение имеют мероприятия страны, способствующие росту благосостояния, увеличивающего жизнедеятельность и продолжительность жизни. Но так как предметы эти развиваются в дальнейшем изложении подробнее, то я не хочу числами и соображениями удлинить эту часть своих статей.

Величину смертности можно получить из формулы, показывающей распределение по возрастам, вычитая число жителей данного возраста n из числа жителей предшествующего ($n - 1$) и слагая полученные разности. Считаю не излишним опять повторить, что выше предложенная формула лишь приближенна, между прочим, уже потому, что она дает равенство рождаемости со смертностью, т. е. относится, собственно говоря, лишь к предельному случаю или к народам, не дающим прироста, что не препятствует ей довольно хорошо выражать распределение по возрастам.

Хотя вопросы о распределении жителей по возрастам, о предельном возрасте (N , когда в пределе точности можно признавать число жителей равным нулю), о рождаемости, смертности и приросте все тесно между собою связаны и определяют свою совокупностью состояния отдельных стран, разность времен, жизни народов и влияние законодательных мероприятий, просвещения и промышленности, все же они по своей сложности лишены той меры наглядности, которую должно искать в реальных численных величинах и что свойственно во всем вопросе народонаселения, по моему мнению, лишь абсолютным числам среднего возраста и процентным числам работо- и трудоспособного населения, к чему мы вслед за этим обращаемся.

Однажды мне пришлось быть в довольно значительном обществе, где случайно возбудился вопрос о среднем возрасте людей. Мы сосчитали число лет всех присутствующих и, разделив на количество их, получили в среднем около 35 лет, потому что между нами были только молодые люди и взрослые деятели, но не было ни детей, ни больших стариков.

В другой раз на подобном же собрании получилось около 30 лет. Все то же можно проделать, конечно, и с целым народом на основании переписей. Во всяком случае, по-

добные числа среднего возраста, обладая прямою реальностью, говорят уху нечто простое, безусловное и абсолютное, хотя и совокупное, не то что числа N предельного возраста (наших формул). Спрашивается: как и много ли изменяется средний возраст у разных народов и какова связь этих средних возрастов (назовем их буквою M) с теми предельными возрастными (означены N), о которых говорилось ранее?

Если взять числа 1-й, или исходной, таблицы, то для Германии получается средний возраст всех жителей около 27 лет, а для С.-А. С. Штатов — около 26 лет. Взяв из переписи 1897 г. данные для Владимирской и Виленской губерний и для Амурской области (русские подданные, местные жители), получился для первой средний возраст около 27 лет, для второй — около 26 лет и для третьей — около 24 лет¹¹. Если мы возьмем числа для Индии по переписи 1891 г., то получается число среднего возраста гораздо меньше, а именно около 23 лет; а для Франции гораздо более, а именно около 32 лет. В первом из последних случаев в среднем числе лет ясно сказывается преобладание детей, а во втором — пожилых людей.

Так страны и народы не много, но явно отличаются средним возрастом своих жителей. Различия невелики, но явны и, что всего важнее, очевидно устойчивы, т. е. могут подвергаться лишь медленным, чисто эволюционным (постепенным) изменениям в зависимости от социальных условий жизни, т. е. от всей истории и политики. В подобного рода числах и их изменениях, по моему мнению, не только можно, но даже должно выражаться немало народных особенностей и обстоятельств, существенно их характеризующих.

Что же касается до соотношения между величиною среднего возраста народа M и величиною предельного возраста N , о котором говорено выше, то из простых соображений сразу уже очевидно, что M и N должны возвышаться и вообще изменяться одновременно, потому что с увеличением общего предельного возраста N должно прибывать процентное число стариков и убывать относительно (на всю массу жителей) количество детей, а это должно приводить к увеличению общего среднего возраста, народу отвечающего. Из нашей формулы (II), выражающей в первом приближении распределение по возрастам

там, легко найти ближайшую зависимость между M и N , потому что, выражая по годам число жителей в возрасте n процентами, очевидно, что:

$$M = \frac{1}{100} \sum_{n=1}^{n=N} yn = \frac{1}{100} \sum_{n=1}^{n=N} \frac{600(N-n)^2 n}{N(N-1)(2N-1)}, \quad (III)$$

а это выражение при подстановке вместо n последовательных его значений от 1, 2, 3 до $(N-1)$ N дает:

$$M = \frac{1}{2} \cdot \frac{N^2 + N}{2N-1}. \quad (IV)$$

Если $N = 100$, то $M = 25,3$, если $N = 110$, то $M = 27,8$. А так как для Германии и С.-А. С. Штатов такая величина M получается для 1890 г. близкой к 27,5 и 25,3, то для них и должно признать N среднее около 105 лет, но так как с развитием всех условий просвещения N и M возвышаются и указанные страны прогрессируют, то ныне для них в среднем нельзя считать N менее 110 лет, тем более что если для Германии в 1890 г. $M = 27,5$, то надо (по (IV)) для нее принять уже тогда N лишь немного менее 110 лет. По этой-то причине в табл. 2 приведены значения $у$ -ов, рассчитанных как для $N = 105$, так и для $N = 110$ лет.

Вообще мне кажется, что при суждениях о возрастном распределении жителей и при выводе точной, т. е. выражающей истинную норму, формулы следует брать за исход не что иное, как средний возраст жителей. Точные расчеты, здесь необходимые, не только часто затруднены частными особенностями переписей, но и требуют, кроме того, большого времени по своей многочисленности и сложности, еще и зоркости глаз, чего у меня уже нет, а потому я ограничиваюсь здесь лишь возможно кратким сводом основных данных для тех стран, результаты переписей которых мне стали известны благодаря содействию Н. А. Тройницкого и И. И. Кауфмана. Свод всех мне известных данных сделан в 7-й таблице и дан в процентах вместе с расчетом среднего возраста жителей каждой страны. Но предварительно считаю необходимым остановиться на абсолютном числе жителей, распределенных по возрастам, так как числа эти представляют свой интерес и иногда взяты из отчетов малоизвестных и очень редких¹².

В табл. 7 дано лишь процентное распределение по возрастам, так как именно оно необходимо для всех сравнений. Числа даны для десятилетних периодов возраста, так как пятилетний промежуток еще недостаточен во многих случаях для грубого сглаживания неизбежных погрешностей переписей. Так, например, в бразильской переписи 1900 г. дано число лиц в возрасте от 55 до 60 лет равным 262 тысячам, а для высшего возраста — выше 60 лет, но ниже 65 лет — 293 тысячам, что должно приписать неизбежным ошибкам в показании возраста. Многие округляют свои года, говоря о 60 годах, когда их возраст менее, например, 59 $\frac{1}{2}$ лет, но не имеют нужды прибавлять или убавлять года, а чаще всего вследствие поспешности или срочности переписей вписывают года, лишь приближенные.

При десятилетних данных о возрастах расчет среднего возраста (M) требует небольшой поправки (надо убавить около $\frac{1}{4}$ года от вывода по средним годам, что в таблице и сделано), но все числа получают наибольшую наглядность. Замечу далее, что число детей моложе 1 года и число стариков старше 100 лет во многих переписях не только особо указывается, но и тщательно разбирается, даже для детей по месяцам, что представляет свой глубокий интерес, но для наших целей приведение цифр, сюда относящихся, только напрасно усложнило бы таблицы. Для нас данные России особо важны, но известно, что довольно полная перепись 1897 г. была у нас, в сущности, первую и ее подробные данные (например, о распределении по возрастам) до сих пор известны лишь для 17 губерний и областей, острова Сахалин и для двух столиц. Первые относятся к Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Нижегородской, Олонецкой, Псковской и Уфимской губерниям и к областям: Карской, Черноморской, Амурской и Приморской

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

и к острову Сахалин. Во всех них в 1897 г. жило около 18,27 млн жителей. Присоединяя данные для С.-Петербурга (1,24 млн жителей) и для Москвы (1,02), получается ряд данных о возрастах всего только для 20,5 млн жителей России, тогда как (без Финляндии) в 1897 г. для нее насчитывалось 126,4 млн. Судить о целом по шестой доле его, конечно, рискованно, но тем не менее возможно с уверенностью, что погрешность не превзойдет сотен тысяч, т. е. для отдельного десятилетнего возраста не достигает 1 миллиона. Для суждения разберем вначале отдельно совокупность описанных губерний и двух ее столиц.

Для совокупности вышеназванных губерний из общего числа жителей обоего пола — 18,21 млн — должно отнять 7 тыс. (0,007 млн) неизвестного возраста. Остаток (18,20 миллиона) распределяется по возрастам так (те же 10 столбцов сохраняются и везде далее):

Выше	0	10	20	30	40	50	60	70	80	90	лет
До	10	20	30	40	50	60	70	80	90	N	>>
Из 18,2 млн обоего пола	4 962	3 842	2 879	2 224	1 720	1 228	834	383	107	21	тыс. жителей

Эти числа, выраженные в процентах:

На 100	27,26	21,11	15,82	12,22	9,45	6,75	4,58	2,10	0,59	0,19	%
--------	-------	-------	-------	-------	------	------	------	------	------	------	---

Для С.-Петербурга те же расчеты дают:

Из 1,24 млн обоего пола	180	218	334	235	138	76	42	16	3	0,3	тыс. жителей
На 100 ж.	14,5	17,6	26,8	19,0	11,1	6,1	3,4	1,3	0,2	0,0	%

Для Москвы:

Из 1,024 млн обоего пола	127	197	270	194	119	66	36	13	2	0,2	тыс. жителей
На 100	12,4	19,3	26,3	18,9	11,6	6,4	3,5	1,3	0,2	0,0	%

Сходство возрастного процентного состава населения обеих столиц и глубокое различие его от состава жителей всей страны так же поражает, как сходство состава населения столь отдаленных стран, как Германия и С.-А. С. Штаты. Преобладание процента столичных жителей возраста в 20—30 лет объясняется не столько тем, что в столицах много войск и других служилых людей этого возраста (мужчин здесь в два раза более женщин), сколько тем, что сюда приезжает из деревень много молодых людей для заработка и для практического изучения торговли и ремесел. Но, начиная с 50—60 лет, как и до 20 лет, в столицах меньше процент жителей, чем во всей стране.

Только с этим объяснением становится понятно, что средний возраст, рассчитанный для всего населения исчисленных губерний и равный 26 годам, мало отличается от среднего возраста жителей Петербурга и Москвы, который достигает до 28 лет. Для всех 126,4 млн русских подданных, конечно, должно ожидать процентного возрастного состава, близкого к полученному для 17 губерний, а поэтому остановимся на нем и сравним его с данными табл. 1 и 2.

Выше До	0 10	10 20	20 30	30 40	40 50	50 60	60 70	70 80	80 90	90 N	лет »
18 губ. России 1897 г.	27,26	21,11	15,82	12,2	9,45	6,75	4,58	2,10	0,59	0,12 %	
Германия (табл. 1, 1890 г.)	24,20	20,67	16,19	11,76	10,37	7,83	5,20	2,36	0,40	0,02 %	
С.-А. С. Штаты (белые уроженцы)	26,21	21,94	17,72	12,92	9,31	6,39	4,01	1,93	0,12	0,05 %	
По формуле (II)											
(N = 105)	26,0	21,1	16,7	12,7	9,3	6,4	4,1	2,3	1,1	0,3 %	
(N = 110)	25,0	20,4	16,4	12,7	9,5	6,9	4,6	2,7	1,3	0,5 %	

Это сопоставление показывает:

1) что для таких свежих и бодрых народов, тут перечисленных возрастной состав населения представляет большое сходство и очевидную правильность, которые выступают еще яснее, если не упустить из вида погрешности, неизбежно свойственные всяким переписям, и те небольшие эволюционные изменения в составе населения, которые совершаются во всех народах вследствие исторических — естественных и искусственных — последовательных изменений;

2) что, и приняв вышеуказанные замечания, наша формула (II) может считаться близкою к действительности, т. е. составляет первое приближение к истине или к нормальному составу народонаселения по возрастам, но требует дальнейшего усовершенствования материалом, для которого и могут служить числа переписей, далее приводимые в возможно сжатом виде;

3) что Россия по сравнению с Германией и С.-А. С. Штатами представляет явный избыток детей моложе 10 лет и стариков выше 80 лет, но зато у нее в возрасте 20—50 лет, т. е. наиболее работоспособном, населения менее, а именно только 37,5 %, в Германии же — $38\frac{1}{3}$ %, а в С.-А. С. Штатах — почти 40 %. Особо большое в России число детей до 10 лет наглядно говорит о сравнительной политико-экономической молодости нашей страны, хотя есть в этом отношении страны более молодые, например, до 10 лет детей в Индии — 28,9 %, а у природных аргентинцев — 36,9 %, но есть страны и с гораздо меньшим числом детей, например Ирландия в 1901 г. имела только 20,0 %, а Франция в 1891 г. — около 17,5 %.

Если признать, что средний возрастной состав всего населения России в 1897 г. был такой же, как в 18 перечисленных губерниях, то в ней можно на 126,4 млн ждать на 1897 г. следующее приблизительное количество миллионов жителей:

Возраст	1—10	10—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	90—N
Миллионов	34,4	26,7	20,0	15,5	11,9	8,5	5,8	2,7	0,7	0,2

В перечне сведений возрастного состава населения поучительнее начать со стран внеевропейских, потому что они в лестнице всего прогресса, говоря вообще, стоят ниже западноевропейских стран, их населенность менее густа, чем в Западной Европе, что часто ведет к однородным следствиям, так как всякая страна лишь понемногу заселяется и лишь с течением времени чаще всего от тесноты и бедности подвигается вверх по лестнице прогресса.

В этом смысле должно ждать некоторого сходства в распределении по возрастам для большинства внеевропейских народов, с одной стороны, и для западноевропейцев — с другой, а для России чего-то среднего. К сожалению, возрастной состав хорошо известен преимущественно для стран Западной Европы и С.-А. С. Штатов, но жители последних по преимуществу недавние выходцы из той же Западной Европы. Тем не менее некоторые сведения есть уже даже для чисто азиатских народов, хотя переписи Явы, столь полные во многих других отношениях, не дают возрастного состава населения. Для английской Индии известны такие числа для переписей 1881 и 1891 гг. Перепись 1901 г. до меня еще не дошла, хотя известно уже, что в этом

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

году сочтено во всех английских владениях (т. е. вместе с покровительствуемыми государствами, подобными Кашемиру) 294,9 млн жителей, тогда как в 1891 г. было 287,3 млн, а в 1881 г. на тех же местах — 253,8 млн (средний годовой прирост за 20 лет — около 0,7 %).

Из 286,64 млн жителей (146,42 млн мужчин, 140,22 млн женщин) Индии, заявивших свой возраст в 1891 г.:

0—5 лет	42,04 млн	30—35 лет	24,17 млн
5—10 »	40,49 »	35—40 »	16,76 »
10—15 »	29,94 »	40—45 »	13,12 »
15—20 »	23,61 »	45—50 »	9,88 »
20—25 »	24,32 »	50—55 »	11,99 »
25—30 »	26,51 »	55—60 »	5,00 »

Для остальных 14,8 млн указано только, что их возраст был более 60 лет. В этом и некоторых других отношениях числа для Индии представляют свои недостатки, но все же они очень поучительны, особенно потому, что указывают на множество детей и малое количество стариков, как видно в табл. 7, где эти числа сведены на проценты и 10-летние периоды. Числа эти взяты из официального «Census of India 1891» (General Tables, vol. I, с. 98—103, London, 1892).

Для Японии переписи показывают средний прирост населения (1888—1898 гг.) около 1,0 % ежегодно, и отчет о переписи 31 декабря 1898 г. (Resumé statistique de l'Empire du Japon. Tokio, 1902, с. 10) дает следующее количество жителей:

Возраст	0—10	10—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	90—N
Тысяч жителей	9 985	8 723	7 158	5 533	5 028	3 741	2 228	1 126	227	17

Всего (без Формозы) 43,76 млн и в процентах по возрастам:

22,18	19,93	16,36	12,64	11,49	8,55	5,09	2,58	0,50	0,04	%
-------	-------	-------	-------	-------	------	------	------	------	------	---

Средний возраст довольно высок, около $M = 28,5$ лет, что зависит преимущественно от сравнительно малого процента детей.

Военное министерство (War Department) С.-А. С. Штатов, производя в 1899 г. перепись на острове Куба, дает (Report on the Census of Cuba 1899. Washington, 1900) там 1,573 млн жителей со следующим возрастным распределением:

Возраст	0—10	10—20	20—30	30—45	45—55	55—65	65—N
Тысяч жителей	357	328	290	304	117,5	68,2	37,7

В возрасте 0—10 лет здесь 22,7 %, т. е. почти столько же, как в Японии, но менее, чем в большинстве стран Европы, что, вероятно, отчасти зависит от недавно пережитого Кубой переворота.

Такая же военная перепись Пуэрто-Рико для того же срока дала:

Возраст	0—5	5—18	18—21	21—45	45—N
Тысяч жителей	150,5	322,4	68,4	299,1	112,9

а всего 953,2 тыс. Для детей 0—5 лет здесь выходит 16,1 %, т. е. гораздо более, чем в большинстве стран, но для убежденного вывода лучше ждать новой переписи.

Аргентинская республика в прекрасно изданном отчете о второй своей переписи 1895 г. (*Segundo Censo de la Republic Argentina 1895. Buenos Aires, 1898, с. XIX, CLVIII*) дает полную картину возрастного состава, как совокупности населения, так и самих аргентинцев, или, правильнее, уже давних обитателей (т. е. аборигенов и метисов) и европейских переселенцев и других иностранцев, которые осели в стране. Все три разряда чисел так поучительны, что я считаю полезным привести их.

Всех жителей в 1869 г. было 1,8 млн, а в 1895 г. оказалось 4,0 млн.

Прибыль велика (в год средний прирост — около 4,2 %) не только потому, что в этот период прибыло много новых переселенцев, но и потому, что сами аргентинцы дали большой естественный прирост, как видно уже по числу детей, у них оказавшихся в 1895 г. За исключением части жителей, для которых нельзя было определить возраста, всего оказалось аргентинцев 2,93 миллиона, иностранцев (из переселенцев разных наций) — 1,00 млн — всего 3,93 млн, и из них найдено:

В возрасте	0—5	5—10	10—15	15—20	20—25	25—30	30—35	35—40	40—45 лет	
Аргентинцев	574,7	507,0	378,1	311,1	253,2	215,5	160,8	149,7	103,9 тыс.	
Иностранцев	16,0	44,5	66,6	80,5	99,3	128,0	134,2	118,7	102,0 тыс.	
Всего	596,7	551,5	444,7	391,6	352,5	343,5	296,0	259,4	206,9 тыс.	
В возрасте	45—50	50—55	55—60	60—65	65—70	70—75	75—80	80—85	85—90	90 и выше лет
Аргентинцев	83,2	62,6	39,6	38,4	17,2	16,4	6,8	7,0	2,1	3,3 тыс.
Иностранцев	73,9	58,0	31,6	24,4	11,7	7,5	3,4	1,8	0,5	0,4 тыс.
Всего	157,1	120,6	71,2	62,8	28,9	23,9	10,2	8,8	2,6	3,7 тыс.

Состав аргентинского населения в процентах дан далее в таблице, но и без того очевидно, что у туземцев детей множество, а у недавно устроившихся переселенцев очень мало, во всей же стране до 10 лет около 29 %, даже более, чем в Индии (28,8 %), и явно более, чем в России (27 %), а тем паче в Западной Европе.

В бразильской переписи 1900 г. (*Republica dos Estados de Brasil: Population recensée an 31 Dec. 1890. Roo de Jeneiro, 1891, volume: Idadds*) исчислено всего 14,3 млн жителей (мужчин: белых — 3,24, черных — 1,05, индийцев — 0,65 и метисов — 2,30 млн; женщин: белых — 4,06, черных — 1,05, индийцев — 0,45 и метисов — 2,34 млн). Для них дано следующее распределение по возрастам:

Возраст	0—10	10—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	90—N
Тысяч	4 192	3 112	2 535	1 803	1 231	730	427	159	61	23

Опять и здесь детей до 10 лет получилось более 29 %, т. е. число их гораздо выше, чем где-либо в Западной Европе, где оно изменяется от 18 % (Франция) до 26 % (Англия).

Изменение в относительном количестве детей нельзя приписывать ни одному уходу за ними (тогда нельзя было бы понять большой разности между Англией и Францией), ни одному избытку рождений, ни одному большому проценту смертности в зрелых возрастах, ни просто степени развития всей культурности и всего достатка у разных народов, ни особенностям расы и т. п. Это явление, очевидно, очень сложное, но все же несомненно, что с ним связан не только средний возраст всех жителей, но и степень той народной зрелости во всех отношениях, которая заставляет нас говорить часто, что мы, русские, моложе, например, французов

Возраст выше — до	Всего в С.-А. С. Штатах				Белых от белых уроженцев				Цветных			
	тысяч жителей		процентов		тысяч жителей		процентов		тысяч жителей		процентов	
	1890	1900	1890	1900	1890	1900	1890	1900	1890	1900	1890	1900
0—10	15 209	18 079	24,35	23,75	8 983	10 649	26,21	26,02	2 156	2 502	28,37	27,04
10—20	13 591	15 669	21,76	20,60	7 518	8 908	21,94	21,77	1 924	2 145	25,33	23,19
20—30	11 425	13 986	18,29	18,38	5 730	7 058	16,72	17,25	1 329	1 813	17,50	19,60
30—40	8 445	10 580	13,52	13,90	4 431	4 972	12,93	12,15	860	1 086	11,32	11,73
40—50	5 917	7 727	9,48	10,16	3 190	3 899	9,31	9,52	602	756	7,92	8,17
50—60	3 998	5 163	6,40	6,79	2 191	2 759	6,39	6,74	376	503	4,95	5,44
60—70	2 468	3 099	3,95	4,07	1 374	1 688	4,01	4,12	219	280	2,88	3,03
70—80	1 095	1 405	1,75	1,85	663	786	1,93	1,92	92	118	1,21	1,28
80—90	279	340	0,45	0,45	175	196	0,51	0,48	29	37	0,39	0,40
90—IV	33	34	0,05	0,05	16	14	0,05	0,03	10	11	0,13	0,12
Сумма:	62 460	76 083	100 %	100 %	34 270	40 929	100 %	100 %	7 597	9 250	100 %	100 %
Неизвестного возраста	162	220	—	—	88	124	—	—	41	62	—	—
								В том числе				
Всего:	64 622	76 303	тысяч	—	34 358	41 053	тысяч		7 638	9 312	тысяч	—

или англичан, что наши центральные губернии старше южных или окраин. В этом смысле все внеевропейские страны, более или менее принявшие европейскую культуру (только для них и могут быть извлечены числа статистики), все моложе западноевропейских. Имея много детей, а потому и меньший средний возраст, они как бы догоняют Европу, а впереди становится видно свое всеобщее равенство народов, которому суждено играть в близкой истории мира роль едва ли не более важную, чем играло пресловутое латинское равенство личностей в отдельной стране.

Из всех заморских стран С.-А. С. Штаты, без сомнения, заслуживают наибольшего внимания по отношению к возрастному распределению жителей не только потому, что переписи там давно ведутся в совершенстве, но особенно потому, что народ там явно, на глазах людей, богатеет и составлен преимущественно из смеси переселенцев всяких народов. Туземцы, индейцы, оставшиеся в Штатах, немногочисленны, и большая часть их, живущая на отведенных для того землях, не введены в переписи, *относящиеся к числу жителей как белых, так и цветных* (преимущественно негров), имеющих оседлость на территории Штатов. Индейцев, не вошедших в перепись, в 1890 г. считалось всего 325,5 тыс. По некоторым остроумным соображениям, они считаются как бы составляющими особое государство. Аляска, отделенная от Штатов канадскими владениями Англии, тоже не входит в счет жителей Штатов; в 1890 г. там жило всего 32,5 тыс. народа.

Общее число жителей Штатов (62,6 млн) в 1890 г. распределено на 4 группы. С первой (белые уроженцы от родителей уроженцев) мы познакомились в табл. 1, их всего 34,4 млн. Ко второй группе отнесены уроженцы Штатов, родившиеся от поселившихся (иностранных) родителей, число их 11,5 млн. К третьей категории отнесены белые переселенцы, родившиеся вне Штатов; их насчитывалось в 1890 г. 9,1 млн; среди них, очевидно, сравнительно мало детей. В четвертую группу, всего 7,6 млн, отнесены все цветные жители, среди которых преобладают негры, как видно по переписи 1900 г., где дано всех цветных 9,3 млн, а между ними негров — 8,7 млн. Наибольший интерес представляет кроме общего количества жителей возрастное распределение у белых, рожденных в Штатах от уроженцев, и у негров или цветных, а потому в прилагаемой таблице дано это распределение по 10-летним периодам, как для 1890 г., так и для 1900 г., не только в абсолютных цифрах, но и в процентах. Абсолютные числа тысяч жителей для 1890 г. взяты из: «Abstract of the eleventh census»: 1890. Second edition. Department of the interior. Washington, 1896 (Pag. 58), а для 1900 г. из: «Vol. II Twelfth Census of the United States taken in the Year» 1900, «Population, Part II». Washington, 1902. В оригиналах

даны возрасты чрез 5 лет, но далее приведена таблица с 10-летними периодами, чтобы сделать сравнение более наглядным.

Сравнивая абсолютные числа жителей данных возраста и группы в 1890 и 1900 гг., видно, что за 10 лет прирост везде велик, и хотя для цветных рас он немного более (32 %), чем для белых (около 21 % за 10 лет), но разность невелика. При этом нельзя не заметить, что, несмотря на преобладающую пропорцию детей у цветных жителей, цветные расы представляют медленно убывающий процент всех жителей Штатов: 12,2 и 12,1. Причину этого составляют, конечно, прибывающие белые переселенцы. Уверенность в том, что черная раса не получит в Штатах большого значения в будущем, увеличивается на основании того, что процент цветных детей за последние 20 лет у них все еще остается большим, чем у белых, но все же сильно убывает. Эта убыль в процентном количестве детей за последние 20 лет очень явна во всех классах жителей Штатов. То же увидим во многих странах Западной Европы.

Причину такого общего и чисто эволюционного явления должно искать в целом ряде единовременных влияний: в неохоте родителей умножать трудности семейной жизни увеличением числа детей, в отсутствии или малом числе войн, повальных болезней и т. п., уменьшающих процент взрослых, в заботах о поддержании жизни последних и т. п. Труд жизни требует теперь преобладающего процента работоспособных, и их число, особенно в возрасте 20—60 лет, явно возрастает. Вследствие этого средний возраст народов возрастает повсюду там, где порядки современной цивилизации уже установились, где явно увеличиваются теснота, потребности и все просвещение. Эту эволюцию инстинктивно уже поняли народы нашего времени, и в числах народонаселенности, которые я собирал с любовью, это своеобразно сказывается яснее всего, хотя процесс малозаметен как чисто эволюционный. Знаю, что найдутся моралисты, которым все подобное претит, но я уже обещал, что буду стремиться представить жизнь такую, какова она есть и какую она рисуется по изучению и здравому смыслу. Постараюсь остаться до конца последовательным еще и потому, что свою добрую и благодетельную сторону можно и надо же находить в действительности, если говорить о благе народном, так

как, не обманываясь и не обманывая, вперед, куда следует, гуртом не уйдешь, хотя и чудно сказано, что

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

Лицу, и даже кружку лиц, можно сладко жить «возвышающим обманом», но массам нельзя, даже оградившись китайской ли стеной или бойко работающей гильотиной, как показывает история. Эти «общие места» пришли мне на мысль, когда стал излагать извлечение из массы чисел, относящихся к возрастному распределению жителей С.-А. С. Штаты, потому что они мне первые внушили много мыслей. Касаюсь их здесь, однако, только вскользь, руководясь двумя соображениями. Во-первых, тем, что предмет нов и очень обширен и далеко бы увлек, если бы я решился глубоко вдаваться в него, что, может быть, я и доделаю в другой раз. Во-вторых, мне так легко и назойливо лезут мысли, когда я гляжу на систематически собранные числа, касающиеся возрастного распределения жителей, что я уверен в возбуждении их и у каждого внимательного читателя. По этой последней причине я забочусь более всего о полноте и наглядности основных данных, рассчитывая на то, что выводы придут сами собою. Своими намеками я только стараюсь помочь этому. А потому заканчиваю этот предмет по преимуществу рядами цифр, которые собирать и обрабатывать мне оказалось возможным только благодаря помощи многих лиц, указанных выше.

Закончив более подробный обзор абсолютных данных для стран внеевропейских, перейду теперь к странам Европы, и хотя многие переписи, сюда относящиеся, имелись у меня в руках, но я предпочитаю сослаться на хорошо известный мемуар Бертильона, управляющего статистическим бюро города Парижа, потому что убедился многими сходствами, что эта брошюра составлена с полным тщанием и по своему множеству цифр — одних цифр — может заменить целую библиотеку. Полное название этой книги следующее: «Des recensements de la population, exécutés dans les divers pays de l'Europe...» par D-r I. Bertillon. Paris, 1899.

Из книги Бертильона взяты почти все абсолютные числа, далее приводимые для стран Европы. Процентные количества разотчены мною и моими сотрудниками и сведены в 7-й таблице.

Таблица 4

Возраст выше — до	Англия с Валлисом			Шотландия			Ирландия				Все Соединенное королевство: Англия + Шотландия + Ирландия	
	1851	1871	1891	1851	1871	1891	1851	1871	1891	1901	1851	1891
	тысяч жителей											
0—5	2 348	3 071	3 553	372	456	502	644	653	470	443	3 364	4 525
5—10	2 092	2 707	3 395	340	405	478	806	632	509	451	3 238	4 382
10—15	1 913	2 424	3 224	317	372	452	897	630	550	460	3 127	4 226
15—20	1 757	2 180	2 951	300	336	418	817	532	550	473	2 874	3 919
20—25	1 667	2 005	2 646	280	292	364	639	458	444	444	2 586	3 454
25—30	1 470	1 781	2 350	230	255	313	423	377	319	363	2 123	2 952
30—35	1 276	1 560	2 028	194	220	270	419	356	279	294	1 889	2 577
35—40	1 089	1 341	1 782	165	189	237	316	255	228	239	1 570	2 247
40—45	969	1 230	1 547	154	176	205	405	289	260	243	1 528	2 012
45—50	799	1 053	1 337	122	147	183	227	196	203	188	1 148	1 723
50—55	709	945	1 160	119	135	163	333	281	256	225	1 161	1 579
55—60	526	718	884	81	105	124	153	170	143	148	760	1 151
60—65	481	623	773	78	98	114	232	255	192	204	791	1 079
65—70	328	441	572	51	68	79	81	102	89	97	460	740
70—75	250	324	418	42	54	61	83	123	103	94	375	582
75—80	146	182	233	24	29	36	30	42	47	41	200	316
80—85	74	90	106	14	16	19	30	41	44	37	118	169
85—90	25	30	35	5	5	7	6	10	11	9	36	53
90—N	8	8	9	2	2	2	5	7	8	6	15	19
Итого:	17 927 24,8 %	22 713 25,5 %	29 001 23,9 %	2 889 24,6 %	3 360 25,7 %	4 027 24,3 %	6 546 22,1 %	5 409 23,8 %	4 704 20,8 %	4 459 20,0 %	27 363 24,1 %	37 735 23,6 %

После С.-А. С. Штатов естественнее всего говорить о Соединенном Королевстве, т. е. Англии, Шотландии и Ирландии, не только по родственности народов, но и потому, что здесь хорошая статистика ведется давно и очень поучительно видеть изменения в процентном составе возрастного населения этих стран, а потому приводим абсолютные числа для 1851, 1871 и 1891 гг., для Ирландии же и числа 1901 г., взятые из «Census of Ireland 1901»; Part II (Dublin, 1902, с. 374) (см. табл. 4).

Числа эти о многом сами говорят, и я остановлю внимание, и то лишь вскользь, на том, что за последние 20—30 лет здесь, как в С.-А. С. Штатах, замечается своего рода перелом, выражающийся в начинающемся уменьшении процента детей. Даже в Ирландии, несмотря на общую убыль народа, зависящую преимущественно от бедности и эмиграции, которая относится преимущественно к сильным и взрослым, процент детей до 10 лет явно падает. Но, говоря об Англии, я считаю необходимым упомянуть о распределении жителей в самом Лондоне, так как для него (и других отдельных частей Англии) явился уже отчет о переписи 1901 г., а именно в виде выпуска «Census of England and Wales 1901, County of London» (London, 1902). Из числа всех жителей Лондона и его окрестностей (4,5 млн) имели возраст:

Возраст	0—10	10—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	90—N лет
Жителей, тыс.	983,3	861,4	916,2	690,4	497,8	328,8	196,5	85,7	20,1	1,2
или %	20,67	18,99	20,22	15,22	10,97	7,24	4,33	1,89	0,44	0,03
В Лондоне	59,9		37,3			2,4				
В С.-Петербурге	58,9		39,6			1,5				

Это сопоставление показывает, что в возрастном составе населения городов есть свое сходство, как есть оно и в населении целых стран, выделяющих из себя все больше и больше городского населения. Теснота городов не страшит, а привлекает ныне людей всюду, как увидим в одной из дальнейших статей. В наше время характеризуемое явление не представляет порока или недостатка, а прямо вызывается наступившими в мире переменами и инстинктивным пониманием или предчувствием предстоящего уменьшения роли сельского хозяйства по всей экономике людей и увеличения значения других видов промышленности.

Из всех западноевропейских стран распределение жителей по возрастам во Франции заслуживает особого внимания не только потому, что эта страна во многих отношениях передовая, но и потому, что в ней очень ясно выражены такие явления распределения, которые у других народов вовсе еще не начинались или едва начались. Это сказывается особенно ясно в величине среднего возраста (M), который для этой страны уже очень высок, а именно:

Всего жителей	35,78 млн	в 1851—IV,	средний возраст	$M = 31,4$	лет ¹³
» »	36,16 »	в 1872—VI,	» »	$M = 32,2$	»
» »	38,13 »	в 1891—IV,	» »	$M = 32,6$	»
» »	38,52 »	в 1896—III,	» »	?	»
» »	38,60 »	в 1901—III,	» »	?	»

У всех других народов средний возраст всей совокупности жителей менее указанного для Франции, обыкновенно около 25—27 лет, редко 29 и тоже редко ниже 25 лет. Высота среднего возраста зависит преимущественно от малого относительно количества рождений и от умения сохраняться в старом возрасте. Это видно не только по сравнению с другими странами, но и при сравнении для самой Франции процента молодых и пожилых в течение 1851—1891 гг., потому что процент молодых падает, а старых возвышается. Из этого вследствие выселения становится понятен и малый действительный прирост во Франции. Однако должно заметить, что во Франции все вообще переписи показывают хоть малое, но все же увеличение народонаселения (а в Ирландии уменьшение) и что французы выселяются не только в свои колонии, но и в разные другие страны в немалом числе, однако в каком — сказать нельзя. Тем не менее исключительно большая и все возвышающаяся величина среднего возраста и сравнительная малость детей до 10-летнего возраста показывают, что Франция опередила другие страны в ходе развития своего народонаселения. Другие страны приближаются к ней, как видно из того, что в большинстве их средний возраст с годами возрастает (например, в Германии для 1880 г. $M = 27,4$, а для 1890 г. $M = 27,5$), а процент детей до 10 лет падает (например, для Германии в 1880 г. — 25,11 %, а в 1890 г. — 24,21 %).

Лиц определенного возраста во Франции, судя по переписям, было (см. табл. 5).

Приводим для многих других стран Европы абсолютные числа в тысячах жителей, показывающие возрастной состав и год (и месяц) переписи, не останавливаясь над рассмотрением, не лишенным своего интереса, изменений чисел с течением времени. Числа эти приведены мною здесь отчасти потому, что они, сколько я знаю, в русской литературе не являлись, а взяты из очень редких изданий, преимущественно же потому, что они служили основанием для той сводной таблицы, которую мне желательно закончить рассмотрение возрастного распределения народонаселения.

Приведенные выше числа относятся более чем к 800 млн жителей, т. е. более чем к половине всего населения Земли, а потому представляют столь полную картину возрастного распределения, что она уже по этой причине заслуживает большего внимания. Свод, или обзор, всего собранного сделан в 7-й таблице, где дано процентное количество жителей по 10-летним периодам жизни. Соответственные проценты для разных стран, особенно в средних возрастах, поражают своим малым разнообразием, указывая этим на единство основных условий жизни людей всяких рас, климатов и степени просвещенности, потому что в данной стране небольшие перемены в проценте встречаются не только с течением времени, но и в различных частях страны. Однако при общем единообразии замечаются на вид незначительные, но существен-

Таблица 5

Возраст выше — до	Тысяч жителей			В процентном отношении к общему числу жителей		
	1851	1872	1891	1851	1872	1891
0—5	3 322	3 352	3 322	9,29	9,29	8,72
5—10	3 295	3 268	3 354	9,22	9,06	8,80
10—15	3 146	3 141	3 324	8,80	8,71	8,72
15—20	3 148	3 048	3 340	8,80	8,45	8,76
20—25	2 977	3 173	3 279	8,33	8,80	8,60
25—30	2 867	2 605	2 921	8,02	7,22	7,66
30—35	2 705	2 542	2 715	7,57	7,05	7,12
35—40	2 570	2 485	2 545	7,19	6,89	6,68
40—45	2 358	2 329	2 401	6,60	6,46	6,30
45—50	2 098	2 196	2 296	5,87	6,09	6,02
50—55	2 067	1 974	2 048	5,78	5,47	5,37
55—60	1 570	1 786	1 798	4,39	4,95	4,72
60—65	1 312	1 503	1 611	3,67	4,17	4,23
65—70	996	1 101	1 268	2,79	3,05	3,33
70—75	698	837	935	1,95	2,32	2,45
75—80	380	468	577	1,06	1,30	1,51
80—85	172	190	265	0,48	0,52	0,70
85—90	55	62	88	0,15	0,17	0,23
90—N	17	19	25	0,04	0,04	0,07
Итого	35 753	36 075	38 112	100	100	100

ные или характерные различия, связанные с особенностями жителей, стран столь явно, что этого не должно упустить из вида. Хотя различие в проценте детей до 10 лет может служить уже для многих сопоставлений, но лучше всего для этого пригоден средний возраст (*M*), указанный в предпоследнем столбце. В самом последнем столбце указан год той переписи, которая служила основанием как для расчета среднего возраста, так и для нахождения процентных количеств. В расчетах мне помогали: К. Н. Егоров, О. Э. Озаровская, А. А. Братолюбов и М. Н. Александрова, которым я очень за то благодарен и помощь которых, надеюсь, послужила к увеличению точности приводимых чисел.

В первых столбцах таблицы приведены числа, относящиеся к абсолютному количеству (миллионов) жителей каждой страны, судя по последней переписи, ближайшей к 1903 г. Числа эти взяты из «The Statesman's Yearbook for 1903». By I. Scott Keltic, потому что я, многие годы пользуясь этим изданием, имел случай убедиться в большой правильности его составления. Вслед за тем в особом столбце дан процент действительного прироста населения, судя — где было можно — по двум последним переписям. Числа эти, как известно (см. выше для Германии), изменяются с годами и вообще могут быть лишь приближенными. О некоторых скажу отдельно.

Для английской Индии, считая в ней и зависимые владения, подобные Гайдарабаду, Кашемиру и т. п., в 1894 г. население равно 287,3 млн, а в 1901 г. — 294,4 млн, прирост в год 0,71 млн, или менее 0,3 %. Это зависит от большой смертности от бывшей за это время голодовки; во все же предшествующее время прирост был гораздо большим, около 0,7 %. Для России, где в 1897 г. была сделана 1-я перепись, полный действительный прирост неизвестен, данные для естественного прироста (рождаемость без смертности) публикуются для 50 губерний Европейской

Возраст выше—до	Австрия		Венгрия		Румы- ния	Болгария		Вост. Румелия
	1869 XII	1890 XII	1869 XII	1890 XII	1889 XII	1881 I	1893 I	1885 I
0—5	2 659	3 072	2 275	2 450	727,4	288,3	485,1	169,4
5—10	2 212	2 633	1 792	2 132	500,3	355,9	510,1	143,7
10—15	2 029	2 456	1 673	1 820	427,1	213,1	384,1	104,9
15—20	1 896	2 270	1 471	1 514	374,6	150,1	288,2	80,0
20—25	1 741	2 050	1 267	1 374	355,7	134,3	220,8	64,1
25—30	1 670	1 828	1 339	1 342	381,8	170,2	204,5	80,7
30—35	1 475	1 697	1 120	1 290	341,4	126,2	181,4	67,1
35—40	1 345	1 438	1 062	1 095	358,2	148,8	198,2	72,7
40—45	1 176	1 354	817	1 025	294,8	91,2	168,3	46,4
45—50	1 137	1 238	826	852	281,4	87,2	153,0	45,4
50—55	942	1 111	588	817	209,5	44,0	131,0	20,7
55—60	766	864	503	553	195,9	62,0	95,7	26,0
60—65	546	722	328	497	154,4	35,7	100,3	15,2
65—70	418	526	250	306		42,3	54,4	16,9
70—75	211	365	103	230	78,9	18,0	54,8	8,4
75—80	114	177	63	97		21,5	23,6	7,0
80—85	39	69	19	44	31,1	6,8	29,4	2,5
85—90	14	21	9	13		7,0	8,5	1,9
90—N	4	5	4	6	10,4	4,6	15,0	1,3
Итого:	20 394	23 896	15 509	17 457	4 722,9	2 007	3 306	974,3

Возраст выше—до	Дания		Швеция		Норвегия		Италия	
	1870 II	1890 II	1870 XII	1890 XII	1875 XII	1891 I	1861 XII	1881 XII
0—5	222,0	277,6	491,0	582,6	226,2	261,4	2 959,7	3 439,6
5—10	190,6	251,6	484,5	523,1	201,8	234,4	2 345,7	3 008,9
10—15	182,9	226,5	443,8	487,6	197,2	216,5	2 140,4	2 710,0
15—20	165,4	195,1	377,6	432,8	182,7	183,3	2 037,8	2 635,2
20—25	144,5	170,6	327,7	318,8	159,8	148,9	1 848,5	2 446,5
25—30	133,2	152,7	303,9	347,1	130,8	135,5	1 856,5	2 127,6
30—35	120,5	148,1	274,4	317,3	111,6	123,7	1 425,7	2 056,3
35—40	112,2	131,7	271,4	277,0	97,4	114,8	1 692,2	1 776,5
40—45	102,5	112,9	250,3	253,3	95,8	100,0	1 111,6	1 795,5
45—50	100,6	106,0	246,7	241,6	94,5	90,8	1 212,6	1 380,8
50—55	58,5	95,0	196,3	216,8	86,7	78,7	841,2	1 461,4
55—60	66,8	81,3	157,6	208,3	70,7	75,4	878,0	1 070,4
60—65	54,1	70,5	116,1	180,9	51,7	71,9	516,8	1 089,8
65—70	45,5	63,9	95,5	160,6	38,2	61,3	444,3	584,8
70—75	28,9	44,7	67,2	105,7	31,3	44,2	224,7	491,4
75—80	18,8	25,2	41,4	62,4	22,3	25,6	158,6	219,9
80—85	7,9	11,9	16,6	27,0	12,6	12,7	53,6	122,8
85—90	2,9	4,6	4,7	9,8	4,8	5,8	23,8	26,9
90—N	0,7	1,0	1,1	2,1	1,6	1,9	5,8	11,6
Итого:	1 784,5	2 170,9	4 167,9	8 478,5	1 818,7	1 986,8	21 777,5	28 455,9

Таблица 6

Сербия	Голландия		Бельгия		Швейцария		Финляндия	
	1890 XII	1849 XI	1889 XII	1846 X	1890 XII	1860 XII	1888 XII	1870 XII
393,4	344,5	592,9	505,0	703,2	275,1	324,0	223,4	324,5
314,4	346,3	510,3	473,1	657,3	231,6	309,9	196,9	276,7
232,3	329,4	485,7	424,0	629,0	234,2	307,4	179,1	250,2
225,7	283,7	425,6	389,9	597,0	243,7	272,6	172,2	228,2
168,4	275,1	375,6	393,9	543,6	228,2	246,2	159,1	176,0
175,0	257,7	330,1	326,8	460,6	200,0	227,7	148,3	181,0
105,1	218,3	281,2	301,2	411,6	192,5	190,0	127,0	159,9
147,4	192,6	266,0	285,0	350,2	172,0	177,2	110,5	150,9
73,9	164,9	228,3	261,3	314,5	150,4	169,8	107,4	134,2
108,0	159,7	226,2	250,4	310,1	135,8	165,7	93,6	123,8
46,6	139,3	205,2	191,1	274,8	124,5	144,5	78,8	101,2
68,8	109,7	168,5	147,5	229,4	107,4	122,2	59,2	81,9
30,5	90,2	144,8	133,0	198,5	83,6	105,5	42,0	73,4
33,7	60,9	119,6	105,1	163,8	55,4	81,5	34,1	56,2
8,9	41,5	78,8	71,3	112,1	40,6	47,3	21,9	35,5
16,2	25,9	45,0	45,3	67,7	20,2	26,8	10,7	17,4
3,3	11,6	19,1	22,6	32,6	8,8	11,2	3,4	6,2
5,5	4,0	6,9	8,2	11,1	2,3	3,2	1,0	2,1
3,5	1,0	1,5	2,5	2,2	0,6	0,5	0,2	0,6
210,6	3 056	4 511	4 337,2	6 069,3	2 506,9	2 933,2	1 768,8	2 379,9

Испания		Португалия		Германия	Люксембург	Греция	
1860 XII	1887 XII	1864 I	1890 XII	1880 XII	1860 XII	1890 V	1889 IV
2 193,0	2 098,4	574,47	589,4	6 169	24,5	201,0	332,9
1 637,3	1 848,9	435,3	554,9	5 171	24,1	188,6	281,0
1 536,3	1 793,7	408,6	524,8	4 676	23,9	152,4	245,0
1 117,4	1 409,8	364,4	461,5	4 227	20,0	136,8	215,8
1 340,7	1 442,4	343,2	405,5	3 874	16,2	117,1	162,3
1 629,8	1 690,4	359,5	365,9	3 316	14,3	143,3	188,0
2 327,2	{ 1 069,8	244,1	334,2	3 084	13,5	101,1	146,3
	{ 1 241,9	348,2	298,02	2 800	12,4	98,2	162,4
1 650,2	{ 925,9	219,4	308,4	2 556	11,9	61,5	116,6
	{ 990,4	263,0	252,4	2 137	11,2	63,1	101,6
1 109,9	1 448,7	{ 132,6	259,3	1 908	10,0	42,0	55,6
		{ 191,6	172,2	1 699	8,3	45,5	65,0
648,7	951,2	{ 103,4	202,2	1 421	7,5	27,1	37,7
		{ 99,9	123,4	984	5,9	24,9	37,7
191,0	288,2	{ 40,4	96,6	623	4,1	12,5	16,8
		{ 35,5	43,7	347	2,0	8,1	13,6
26,7	{ 48,4	{ 10,3	25,1	133	0,9	3,4	4,2
11,1		{ 6,3	8,0	35	0,3	1,98	2,8
3,6	4,2	{ 2,6	4,9	8	0,1	1,4	1,7
15 422,9	17 252,3	4 182,6	5 030,4	45 171	211,1	1 469	2 187

	Всего жителей (по переписи такого-то года и месяца)		Действи- тельный годовой прирост	К 1901 г. всего жителей	100	
	млн- лионы	год, месяц			млнлионы	%
			%	%		
Индия (английская)	294,4	(1901 III)	0,3	294,2	28,8	
Куба	1,6	(1899 X)	2?	1,6	22,1	
Япония (без Формозы)	43,8	(1898 XII)	1,2	44,8	22,8	
Бразилия	14,3	(1890)	2?	17,1	29,4	
Аргентина	4,8	(1900 XII)	3,9	4,8	29,0	
С.-А. С. Штаты	76,3	(1900 VI)	2,0	77,1	23,8	
Англия, Шотландия, Ирландия	41,6	(1901 IV)	0,9	41,4	23,6	
Голландия	5,3	(1901 XII)	1,5	5,2	24,5	
Дания	2,5	(1901 II)	1,1	2,5	24,4	
Норвегия	2,2	(1901 XII)	1,3	2,2	24,9	
Швеция	5,2	(1901 XII)	1,0	5,1	23,1	
Германия	56,4	(1900 XII)	1,5	56,4	24,2	
Австрия	26,2	(1900 XII)	0,9	26,2	23,9	
Венгрия	19,3	(1900 XII)	1,0	19,3	26,2	
Финляндия	2,7	(1900)	1,3	2,7	25,3	
Россия	129,0	(1897 II)	1,5	134,6	27,3	
Румыния	5,9	(1899)	1,6	6,0	26,0	
Болгария (Восточная Румелия)	3,7	(1900 XII)	1,8	3,7	30,1	
Сербия	2,5	(1900 XII)	1,4	2,5	32,8	
Греция	2,4	(1896)	1,5	2,5	28,1	
Италия	32,5	(1901 II)	0,7	32,5	22,0	
Португалия (с островами)	5,4	(1900 XII)	0,8	5,4	22,7	
Испания	18,6	(1900)	0,6	18,6	22,6	
Франция	39,0	(1901 III)	0,2	38,9	17,5	
Бельгия	6,7	(1900 XII)	1,0	6,7	22,4	
Швейцария	3,3	(1900 XII)	1,0	3,3	21,6	

России, и вследствие малости выселения из России, а также того, что остальные части страны нельзя считать много отличающимися (по приросту) от коренных 50 губерний, то этот естественный прирост можно признать лишь немного превышающим действительный. Последняя публикация («Движение населения Европейской России за 1897 г.», издание в 1900 г.) Центрального статистического комитета¹⁴ дает (с. 12) следующие цифры на 100 жителей:

	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.
Рождений	4,87	4,94	4,97	4,95
Смертей	3,40	3,50	3,28	3,14
Прирост	1,47	1,44	1,69	1,81 %

Приняв действительный текущий прирост равным 1,5 %, я полагаю, что не далеко ушел от действительности. Для Франции, где действительный прирост очень мал, я взял число жителей 1872 г. (36,16 млн) и 1896 г. (38,52 млн), и получился годовой прирост 98 тыс., или (на среднее число жителей 37,3 млн) около 0,26 %. Затем он явно уменьшился (вероятно, преимущественно от эмиграции), и я принял его в 0,2 %.

Следующий за приростом столбец дает население стран в миллионах жителей к началу XX в., т. е. к началу 1901 г. (см. табл. 7).

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Таблица 7

Процентное распределение по возрастам (выше такого-то — до такого-то)									Средний возраст всех жителей (по числам переписи такого-то года)	
10—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	выше 90		
%	%	%	%	%	%	%	%	%	лет	год
18,7	17,4	14,2	9,8	5,9	—	—	5,2	—	25,0	1891
25,3	18,5	14,0	9,0	6,0	—	—	5,1	—	26,7	1899
19,9	16,4	12,6	11,5	8,6	5,1	2,6	0,5	0,04	28,5	1898
21,8	17,8	12,6	8,6	5,1	3,0	1,1	0,4	0,17	23,8	1890
21,3	17,7	14,3	9,2	4,9	2,3	0,9	0,3	0,09	23,7	1895
20,6	18,4	13,9	10,2	6,8	4,1	1,8	0,4	0,05	26,8	1900
21,6	17,1	12,8	9,9	7,2	4,8	2,4	0,6	0,05	27,3	1891
20,2	15,6	12,1	10,1	8,3	5,9	2,7	0,6	0,03	28,2	1889
19,4	14,9	12,9	10,1	8,1	6,2	3,2	0,8	0,05	28,8	1890
20,2	14,3	12,0	9,6	7,8	6,7	3,5	0,9	0,10	28,8	1891
19,3	14,6	12,4	10,3	8,9	7,1	3,5	0,8	0,04	29,8	1890
20,7	16,2	12,8	10,4	7,8	5,2	2,3	0,4	0,00	27,5	1890
19,8	16,2	13,1	10,5	8,3	5,2	2,3	0,4	0,02	28,0	1890
19,1	15,6	13,6	10,8	7,9	4,6	1,9	0,3	0,03	27,0	1890
20,1	15,0	13,1	10,8	7,7	5,5	2,2	0,3	0,03	27,5	1890
21,1	15,8	12,2	9,5	6,7	4,6	2,1	0,6	0,12	26,2	1897
17,0	15,6	14,8	12,2	8,6	3,3	1,7	0,6	0,22	27,6	1889
20,3	12,8	11,5	9,7	6,9	4,7	2,4	0,2	0,45	25,4	1893
21,2	15,9	11,7	8,4	5,3	3,0	1,2	0,4	0,16	23,2	1890
21,1	16,0	14,1	10,0	5,5	3,4	1,4	0,3	0,08	25,0	1889
18,8	16,1	13,5	11,2	8,9	5,9	2,5	0,5	0,04	29,0	1881
19,6	15,3	12,6	11,1	8,6	6,5	2,8	0,7	0,10	29,2	1890
18,6	18,1	13,4	11,1	8,4	5,5	1,7	0,3	0,02	28,0	1887
17,5	16,2	13,8	12,3	10,1	7,6	4,0	0,9	0,07	32,6	1891
20,2	16,5	12,6	10,3	8,3	6,0	3,0	0,7	0,04	28,9	1890
19,8	16,2	12,5	11,5	9,1	6,4	2,5	0,4	0,02	29,4	1888

Во всей совокупности указанных стран к 1901 г. было около 855 млн жителей, и для всех них вместе получается общий средний возраст около 26,6 лет, почти как и для России; для всего света едва ли средний возраст людей окажется выше 27 лет, потому что для китайцев (быть может, также для турок и персов) должно, по моему мнению, ждаться среднего возраста выше 27 (судя по Японии), а для негров и малайцев — ниже 27 (как для чернокожих С.-А. С. Штатов и для туземцев Южной Америки).

Для России, когда явится вся перепись 1897 г., вероятно, средний возраст окажется не выше 27 лет, но выше 26 лет, хотя в составе нашей страны найдутся народы с меньшим средним возрастом. Все страны довольно ясно характеризуются средним возрастом своих жителей. Но так как он немного изменится с течением времени (обыкновенно возрастаем) и точность его определения нередко ограничивается $\frac{1}{4}$ года, то можно явно отличить лишь страны со средним возрастом менее 26 лет и более 29. К последним принадлежат исключительно страны, тесно населенные и со старою культурою, как, например, Швеция, Португалия, Швейцария и Франция. У них до 10 лет детей не более 24 %, даже до 17,5 %. Вообще латинские народы Европы или в этом числе, или стремятся попасть в число таких. Из азиатских народов сюда надо включить Японию. Вероятно, и Китай надо отнести сюда же. Средний возраст ниже 26 лет принадлежит народам, очевидно, молодым в культурном отношении, каковы индейцы, жители Южной Америки (Аргентина, Бразилия), болгары, сербы и т. п. Детей в возрасте до 10 лет у них более всего, около 29 %, даже до 33 %, как в Сербии. Думаю, что масса африканских и малайских народов относится сюда. Не они делали и не они сделают мировую историю в ближайшее время,

хотя могут при известной совокупности обстоятельств быстро увеличить свой средний возраст и свое мировое значение. Оно, очевидно, свойственно ныне народам, средний возраст которых колеблется от 26 до 28 лет, стремясь к возрастанию. Действительно, не говоря о России, средний возраст жителей которой еще хорошо неизвестен и, вероятно, лежит между 26 и 27 годами, средний возраст жителей:

С.-А. С. Штатов	26,8
Англии, Шотландии и Ирландии	27,3
Германии	27,5
Австро-Венгрии	27,5

Замечу, что средний возраст совокупности жителей России и Франции равен 27,3.

На этих беглых заметках и кончу теперь свое исследование о возрастном составе народонаселения. Занимался я им потому, что он нужен для дальнейшего изложения моих мыслей, и еще потому, что числа, сюда относящиеся, почти никто не изучал, а они, по всей видимости, сами по себе достойны большого внимания.

Все сведения, касающиеся распределения жителей по возрастам, естественного прироста и т. п., для их сравнимости и наглядности должны быть выражены в процентах или вообще в относительных количествах; действительность же сводится в большинстве случаев на абсолютное число жителей, потому что при прочих равных условиях этим определяется величина силы. При этом обычными единицами служат, конечно, целые государства, потому что люди в заботах о благосостоянии своем и своего потомства давно додумались до необходимости сложения в крупные единицы, называемые государствами. Из мелких единиц, подобных семьям, родам, кланам и т. п., постепенно, но настойчиво слагались крупные государственные единицы, и у этого объединения и подчинения очевидна тенденция к образованию возможно крупных единиц, хотя и связанных некоторыми общими интересами, вызванными просвещением, но в действительности остающихся еще надолго и долго разобщенными, как видно от китайской стены до Монроэ, провозгласившего Америку для американцев.

Тут и сила сказала, и видна скорбь мира, ни добро, ни зло, а историческая необходимость, и свобода и рабство, и равенство и различие, и кажущаяся законченною неподвиж-

ность, соединенная с порывом двинуться вперед, средняя пропорциональная между замкнутым индивидуализмом и расширенным до пределов единством здесь выразились в ярком виде. Общечеловечности или реализованной международной (интернационализма) не только поныне остаются лишь обрывки или клочки, но и впереди видно лишь мало простора — пока земли хватает и пока народы не перемешались, не породнились, не достигли относительного равенства просвещения и всей промышленности. К этому обособленному государственному сложению призвала людей вся история их размножения, т. е. не только материальные стороны жизни, но и весь духовный строй, верования, язык, предания, характер, убеждения. Хотя последние стороны и не подлежат измерению, но и они косвенно выражаются в числах материального свойства, потому что дух и вещество соединились в человеке нераздельными связями, если смотреть на предмет не с идеалистической точки зрения, а проще, реальнее, по действительным проявлениям человеческих отношений.

В смысле абсолютного количества жителей данного государства или страны должно иметь в виду, во-первых, абсолютное число жителей на определенной поверхности государства в данное время и, во-вторых, действительный прирост населения во времени, считая, как общепринято, за единицу год. Вследствие громадной сложности обстоятельств, влияющих на сложение людей в отдельные государства и на ход в нем всей истории, можно думать на первый раз, что ни в числе жителей государств, ни в приросте этого числа не может быть следов какой-либо общей правильности, но в действительности она видна и тут, как стараюсь показать далее.

Однако предварительно необходимы некоторые условные объяснения. Действительный прирост населения государства должно в наше время ясно отличать от естественного, считая последний равным перевесу рождаемости над смертностью, тогда как действительный прирост государственного населения определяется (в алгебраическом смысле) суммою естественного прироста с переселением, считая прибыль переселенцев (иммиграцию) с плюсом, а убыль переселенцев (эмиграцию) с минусом. Прибыль переселенцев увеличивает естественный прирост и за-

висит, без всякого сомнения, от суммы природных условий страны и от условий развития в ней благосостояния частных жителей, потому что переселенец оставляет насиженную страну, ища или свободного места, которого у него в прежней стране не было, или, как в последнее время по преимуществу, ища бóльших условий развития и приложения своей инициативы и трудоспособности в той стране, куда идет, сравнительно с той, откуда эмигрирует. Таким образом, перевес действительного прироста над естественным показывает для данной страны и ее богатство, и достоинство порядков, в ней господствующих. В этом смысле особенно поучительны данные, касающиеся С.-А. С. Штатов, в которые идут эмигранты не только из-за богатства и производительности почвы, но и вследствие уверенности в возможности там лучше, чем здесь, применить свои силы к достижению личного и семейного блага.

На первый взгляд кажется, что в абсолютных числах жителей данной страны и ее действительного прироста нельзя ждать правильного, или нормального, порядка, т. е. видимой эмпирической законности, потому что тут, в деле переселения, уже совершенно явно играют роль личные человеческие обстоятельства, по видимости не поддающиеся никаким численным законностям. Но уже Кетле давно показал, что даже для таких капризных действий, как забывчивость выставлять адреса на письмах, существует своя строгая численная точность и правильность больших средних чисел. По этой причине я пытался¹⁵ отыскать общую правильность в возрастании с течением времени общего числа жителей С.-А. С. Штатов как страны, для которой лучше, чем для всех других, известны и вполне описаны все данные, относящиеся к числу жителей за период, начавшийся с 1790 г., так как переписи в Штатах ведутся через каждые десять лет со всей возможной точностью. Из отчета об 11-м переписе 1890 г. заимствуем следующую таблицу общего числа жителей Штатов, выраженную в миллионах:

Перепись	Год	Миллионы жителей
1	1790	3,9
2	1800	5,3
3	1810	7,2
4	1820	9,6
5	1830	12,9
6	1840	17,1
7	1850	23,2
8	1860	31,4
9	1870	38,6
10	1880	50,2
11	1890	62,6

Для этих чисел, как и для всякого рода наблюдаемых естественных величин, во-первых, замечается естественность правильного их изменения, и, во-вторых, по существу дела необходимо допустить некоторую погрешность, доходящую, по всей вероятности, до сотен тысяч, т. е. до десятых миллиона. Принимая это во внимание, можно искать эмпирическую зависимость между изменением времени и измеренным числом жителей по способу наименьших квадратов. Указанный ряд чисел выражается следующей зависимостью:

$$y = 17,4843 + 5,10198 \left(\frac{n-1840}{10} \right) = 0,633540 - \left(\frac{n-1840}{10} \right)^2 + 0,30407 \left(\frac{n-1840}{10} \right)^3.$$

Это получено без каких бы то ни было предположений и может давать свои непосредственные следствия, первое из коих, выведенное мною еще в 1899 г., относится к числу жителей Штатов для переписи 1900 г., когда не было известно действительное число жителей по 12-й переписи 1900 г. Это число можно вывести по приведенной формуле, подставив 1900 г. По фор-

Таблица 8

Год	Миллионы жителей			Годовой процент		Прирост в процентах
	по переписи	по расчету	разность	по переписи, миллионов	по расчету, миллионов	
1790	3,9	4,0	-0,1	—	0,10	2,5
1800	5,3	5,3	0	0,17	1,15	2,8
1810	7,2	7,1	+0,1	0,21	0,21	3,0
1820	9,6	9,6	0	0,27	0,29	3,0
1830	12,9	13,0	-0,1	0,37	0,39	3,0
1840	17,1	17,5	-0,4	0,52	0,51	2,9
1850	21,2	21,3	-0,1	0,82	0,65	3,11
1860	31,4	30,5	+0,9	0,91	0,80	2,6
1870	38,6	39,3	-0,7	0,99	0,97	2,5
1880	50,2	50,0	+0,2	1,20	1,16	2,3
1890	62,6	62,6	0	1,30	1,37	2,2
1900	76,2	77,5	-1,3	—	1,60	2,1

муле надо ждать на этот год 77,5 млн жителей. К середине 1900 г. уже стало известным, что 12-я перепись дала 76,2 млн всех жителей Штатов. Разность между расчетом и действительностью менее 2 %, и, следовательно, расчет приближается к действительности. Это показывает, что в абсолютном числе жителей страны замечается своя правильность, которая и позволяет вывести близкие к действительности следствия. Рассматривая вслед за тем прилагаемое сопоставление наблюдаемого и разочтенного числа жителей Штатов, видим, что наибольшая разность (как абсолютная, так и процентная) для прежних лет падает на 1860 и 1870 гг., что объясняется междоусобною войною, бывшей в Штатах в 60-х годах. Эта междоусобица, очевидно, уменьшила прибыль за то время как переселенцев, так и естественно рожденных, что и должно было уменьшить возрастание числа жителей по переписи 1870 г., как и наблюдается. Малое же число этого года повлияло на вывод всей зависимости, что и отразилось в малости разочтенного числа для 1860 г. Среднее для 1860 и 1870 гг. по переписи равно 35,0 млн, а по расчету — 34,9 млн, т. е. разность менее возможных погрешностей и не превосходит 0,3. Убыль же действительности против расчета для 1900 г. объясняется уменьшением числа свободных плодородных земель и некоторыми новыми законами для прибывающих эмигрантов, что должно было отразиться и отразилось на прибыли переселенцев из других стран. Но обратимся к действительному годовому приросту. Если вычесть число жителей данного года из такого же числа за 10 лет и разделить разность на 10, получится арифметический средний годовой прирост для среднего года, а среднее из двух соседних чисел даст вероятный прирост, соответствующий году переписи. Полученные числа даны в табл. 8. Рядом даны числа, полученные по формуле, считая действительный прирост производною от числа жителей. Эти числа, вероятно, ближе предшествующих к действительности. Кроме абсолютных чисел прироста в таблице дан и процент годового прироста по числу жителей.

Действительный годовой прирост в числе жителей С.-А. С. Штатов, долго державшийся около 3 % (что отвечает удвоению в 23,4 года), в последние десятилетия быстро опускается и стремится сравняться с естественным приростом, который для Штатов за период 1850—1890 гг., судя по данным о числе переселенцев, был близок к 1,3 %, а за последнее время, по всем сведениям, падал. Если бы действительный прирост за текущее время так же падал (от убыли числа переселенцев и естественного прироста), как он падал с 1860—1870 гг. по 1900 г., то он бы достиг 1 % примерно к середине XX в., когда число жителей Штатов достигло бы почти до 180 миллионов. Ждать именно этого и должно, потому что и тогда при поверхности всей земли Штатов около 9,8 млн кв. км, отделив даже две трети некультурных земель, в Штатах было бы около 320 млн га для земледелия, т. е. на жителя приходилось бы всей земли более 5 га, а культурной — около 2 га, т. е. населенность была бы еще раз в 5 меньшая, чем в современной

В. Е. Маковский. Крестьянка с детьми. 1883 г.

И. Н. Крамской. Мельник. 1873 г.

Германии. Таким образом, в С.-А. С. Штатах без всяких замыслов расширения территории не только имеется еще лет на 100 или 150 довольно земель для роста обеспеченного благосостояния, но и весь рост возрастания населенности обещает еще надолго перевес над странами Западной Европы, т. е. это народ будущего, уже сложившийся и понявший значение всех видов промышленности и потому для нас наиболее достойный внимания.

По этой-то причине, а также потому, что там статистическое собрание всяких сведений более совершенно развито, чем где бы то ни было, я часто возвращаюсь к числам, до этой страны относящимся. Не теперь, когда уже разбогатели, а за столетие, когда страна была почти чисто земледельческою и отчасти пустынною, Штаты не жалели средств и усилий для собрания статистических данных о всякой деятельности жителей, и я вполне убежден в том, что эта сторона дела глубоко влияла на быстрый рост страны, так как возбуждала сознательность. По этой причине, не входя в сложные подробности, я закончу эту часть моих мыслей, высказывая горячее пожелание, чтобы, не отлагая вдаль, немедленно организовалось бы у нас обстоятельное, независимое, например при Государственном совете, центральное статистическое учреждение, а с ним рядом не завяли бы, а развивались и всемерно поощрялись местные, земские статистические учреждения, обещающие по тому, что уже сделали по сих пор, сильно восполнить запас наших знаний о нашей родине. Разрозненные и ограниченные усилия местных органов не могут дать того, что может доставить хорошо обставленное, независимое центральное учреждение, имеющее возможность обобщить и сделать планомерными местные усилия. Самые жизненные вопросы времени, например о развитии благосостояния народного, влияния покровительства на рост этого благосостояния, о распределении его и т. п., остаются у нас или без ответов, или на них отвечают по отрывочным данным и по предубежденности, внушаемой преданиями, предрассудками и общими литературными, эпизодическими, качественными суждениями, в которых такие живописцы, как Ж. Ж. Руссо и граф Л. Н. Толстой, конечно, берут верх. Не пифагоровские отвлеченные числа, а именованные, реальные нужны для правильного понимания действительности и предстоящего.

Если в слове — начало, то в числе — продолжение сознательности, просвещения и всего успеха или прогресса человечества.

В заключение этой статьи моих «Заветных мыслей» мне следовало бы ради ясности и поучительности привести выводы, связывающие содержание изложенного с общею целью всех статей, носящих одно общее заглавие.

Не делаю, однако, этого, совершенно ясно сознавая, что краткие выводы не могут усилить впечатления, внушаемого рядами чисел и мыслей, которые мне хотелось здесь собрать, и что связь изложенного с тем, что собираюсь написать, выступит понемногу сама собою, когда изложение будет подходить к концу. Поэтому прошу взглянуть на статью о народонаселении как на отдельный, самостоятельный этюд.

Притом я надеюсь на то, что и без всяких с моей стороны указаний внимательный читатель сам усмотрит необходимость и пользу сравнительных численных данных, относящихся к России, для правильного, взвешенного суждения о «благе народном» и о способах его возрастания. Мне придется затем столь часто касаться указаний на наши недостатки, что счел долгом с самого начала выставить те задатки лучшего будущего, которые, судя по числам, дают свое ручательство за предстоящее. Укажу в виде грубого примера хотя бы на то, что общее положение Финляндии и Польского края многими и часто сравнивается с положением Ирландии, числа же быстрого прироста жителей в первых странах при сравнении с явною убылью жителей в Ирландии ясно указывают полное здесь различие основных условий народной жизни. Они так сложны, что разбирать их можно только понемножку, что и пытаюсь сделать как умею, стремясь к объективности и стараясь больше всего избежать предвзятых, хотя бы и любимых суждений.

К какому бы предмету, относящемуся до общенародного блага, ни направилась мысль, она всегда встретится с вопросами, касающимися народонаселения на данной площади земли и на меру его увеличения, а потому было совершенно естественным в начале изложения говорить именно об этих предметах. Переходим в следующих главах к обзору внешних торговых оборотов и заработков, доставляемых фабриками и заводами, но и здесь, уже по существу дела, вопросы о народонаселении имеют огромное значение, так как внешняя торговля, как и фабрики, возникает только вследствие возрастания народонаселения.

ГЛАВА III

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Причина возникновения и значение внешней торговли и таможенных пошлин. — Фритредерство и протекционизм. — Размеры внешнего отпуска и ввоза во всех странах мира к началу XX века. — Кое-что о внешней торговле России

воим последователям Будда советовал достигать блаженства прежде всего при помощи жизни милостыней. Такой совет, во-первых, предполагает лиц, могущих подать милостыню, а потому имеющих избытки, добываемые трудом, и, следовательно, не могущих достигать желаемого блаженства, т. е. его совет, очевидно, относился к немногим и не мог быть общим. Во-вторых, и это, пожалуй, еще важнее, потому что реальнее, правило Будды дает повод тунеядству прикрываться благочестием, что, без сомнения, и составляет одну из причин слабости всех буддийских стран, их бедности и неспособности к дальнейшему развитию начал самостоятельной жизни. Уже во многих монастырях, особенно наших, трудовое начало было положено в основание спасения и достижения внутреннего благополучия, а во многих новейших сектах, хотя бы у мормонов, труд считается святым делом. Эта основная мысль, без сомнения, не свойственна людям, а вызвана необходимостью борьбы с природой и возрастанием потребностей размножающегося населения.

Труд общий положен во главу того государственного сложения, которое уже давно охватило все человечество и резко всего выразилось в том стремлении к единому общему государству, которое от Александра Македонского до Наполеона проникает прошлую историю людей. Труд же личный вместе с наследством составляет основу собственности, признание которой, без сомнения, составляет начало всей гражданственности. Борьба между буддийским стремлением к внутреннему благополучию и царствующим всюду стремлением к обладанию собственностью рисует ход развития желаний и упований, управляющих людскими действиями. Мировая сделка состоит здесь в признании общего блага и в понимании того, что личное внутреннее благо немислимо без удовлетворения существующих внешних потребностей. В большинстве первобытных стран, даже поныне у дикарей Америки и у туземцев Азии, земля не была предметом личной собственности и только наделялась в личное пользование; она была или собственностью народною, или собственностью правительства. У нас на Кавказе и до сих пор большая экономическая неурядица происходит прежде всего от отсутствия ясного представления о личной собственности на землю. Основную причину такого общего явления, несомненно бывшего когда-то и в Европе, должно видеть в том, что люди брали от земли только готовое на ней: плоды, зверей, рыбу и т. п. — и к земле своего личного труда не прилагали, а так как общее обладание территорию определялось общим трудом ее занятия, земля и была общею, или государственною, собственностью. К этому первобытному началу стремятся возвратиться не только многие теоретики, подобные Джорджу («Прогресс и бедность», русск. перев., 1896) и коммунистам, но и такие практические передовые деятели, как последователи Гладстона в Англии. По моему личному мнению, в реальном смысле нет существенной разности между общераспространенными повсюду в современном мире представлениями о личной собственности на землю, с одной стороны, и учениями, подобными гладстоновскому, о принадлежност-

ти всей земли государству с наделом ее земледельцам, потому что этот последний надел нельзя предполагать оторванным от труда на земле, и так или иначе, рано или поздно юнкерские воззрения должны уступить место представлениям о закреплении земли за лицами, ее обрабатывающими. Переворота во все здесь не нужно, дело само по себе стремится к одному концу, и все оно сводится лишь на вопрос о земельной ренте, размеры которой исторически, т. е. эволюционно, изменяются, в особенности вследствие существования еще многих стран с землями свободными и способными к приложению труда. Земельная собственность у лиц, не трудящихся на земле, определяется, очевидно, историческими обстоятельствами, например, прежде всего тем, что лицам, принимавшим большое участие в первичном занятии или завоевании земли, дается часть этой земли в виде вознаграждения за понесенный ими труд и риск. Мы живем еще в период, очень близкий к эпохе распределения земли между народами и государствами, и отрываться от этого — значит, по мне, делать скачок в пустоту.

Ни Джордж, ни Гладстон не рекомендуют другого способа перехода от личной собственности на землю к общегосударственной, кроме выкупа земель, подобного тому, который произведен в России при освобождении крепостных крестьян, а на выкупные деньги последует свой процент, который и возместит земельную ренту, а потому с реальной точки зрения существенной разности в постановке общественных вопросов по отношению к землям даже и тогда произойти не может, когда осуществились бы желания Джорджа и Гладстона. Это не коммунизм, в основе которого лежит неестественная идея общего равенства и дряхлая идея революционных передряг. Неравенство возрастов, полов, способностей и сил так очевидно и присуще всем людским делам, что всякая концепция, исходящая из начал полного общего равенства, по мне, должна быть считаема простым заблуждением мысли. Равенство нужно, равенство составляет необходимость всякого успеха, но оно должно касаться прежде всего прав на плоды трудов, а не бороться с их источниками. Дитя и старик не могут в труде никоим образом равняться с взрослым и сильным, и если эти последние по нравственным и физическим законам, по обычаю и законода-

Уильям Юарт Гладстон

тельству трудятся не только для себя, но и для тех, которые трудиться не могут, то это определяется прежде всего тем, что они сами были детьми и будут стариками. Если мы обратимся к распределению населения по возрастам и примем, что работо- и трудоспособными должно считать лиц от 20 до 60 лет, то окажется, что во всех странах мира в этом возрасте содержатся только от 53 до 45 % жителей, т. е. в среднем около 50 %.

Если теперь указать на то, что в возрасте 20—60 лет женщины наиболее заняты воспитанием детей и домашними хлопотами, т. е. не могут много вкладывать в общий заработок всех жителей, а должны нести семейные тяготы, то и окажется, что главный труд, как государственный, так и личный, лежит всего на 25 % мужчин в возрасте от 20 до 60 лет; к ним должно прибавить в действительности некоторый процент женщин, стариков и юношей, участвующих в заработках, а потому должно ждать на одного зарабатывающего менее четырех, но более двух человек, им содержимым. Такое априорное заключение оправдывается статистикой, которая достаточно для этого развита во Франции и Германии. Французская перепись 1891 г., разделяющая всех жителей на хозяев, служащих, рабочих, их семейства и прислугу, с одной стороны,

а профессии на сельское хозяйство, промышленность, перевозку, торговлю, армию и администрацию, свободные профессии, людей, живущих доходами детей, и т. п., показывает прямо, что на 38,1 млн жителей 14,6 заняты заработками и, следовательно, один зарабатывающий приходится на 2,6 жителя. В Германии подобные же числа для 1895 г. показывают, что на 51,8 млн всех жителей заработком во всех профессиях занимались 20,8 млн жителей, т. е. на одного зарабатывающего приходится 2,5 жителя (подробности переписей приведены в моем сочинении «Учение о промышленности» (Библиотека промышленных знаний, вып. 11-й, 1901) на с. 161—163). Поэтому можно полагать с полной уверенностью, что и никогда впредь, как бы ни велика была потребность в труде, не будет приходиться на 100 жителей много более 40 зарабатывающих, т. е. трудящихся для себя и остальных жителей. Отсюда же несомненно вытекает, что средний заработок должен по крайней мере в два с половиной раза превосходить средние потребности одного жителя. Это видно и в действительности, даже прямо на заработной плате обычных рабочих. Она очень мала (спускается в Индии даже до 10 коп. в день) в странах первобытных, а по мере развития прогресса повышается и, например, в С.-А. С. Штатах ныне достигает в среднем, как показывают прямо числа статистики, до 3 руб. в день на фабриках и заводах, или более 800 руб. в год, потому что удовлетворение первичных потребностей в этой стране превосходит уже 150 руб. в год на жизнь, и остающиеся 400 руб. в год составляют тот перевес заработка над необходимейшими потребностями, который и зовет переселенца в С.-А. С. Штаты, позволяя обзаводиться семьей и богатеть.¹⁶

У нас еще недавно среднюю заработную плату нельзя было считать выше 70 коп. в день, а для сельских работ даже выше 50 коп. в день, в настоящее время даже на фабриках и заводах она в среднем едва ли достигает 1 руб. 50 коп., т. е. раза в два менее, чем в С.-А. С. Штатах.

Это определяется тем, что у нас средний расход на удовлетворение потребностей среднего жителя раза в три менее, чем в С.-А. С. Штатах, как видно из чисел многих земских статистиков, особенно из чисел, собранных г-ном Ф. А. Щербиною в его примечательном труде «Крестьянские бюджеты» (Воронеж,

1900), так как он показывает, что все крестьянские расходы, оценивая и все свои продукты, подати и церковные расходы, не превосходят 25 руб. в год на одного среднего жителя. Всякому известно, что величина заработка на разных отраслях деятельности весьма неравномерна и что недостаток определяется избытком всякого рода заработков и доходов над величиною средних потребностей.

Связь между ростом и развитием потребностей, заработков и доходов определяет главное содержание жизни массы людей. Когда потребности малы, заработки и доходы также малы, и наоборот, потребности возрастают по мере возрастания доходов и заработков. Это нечего доказывать и развивать; оно очевидно каждому. И несомненно, что, когда речь идет о материальном «благе народном», нельзя говорить о заработках и доходах, не имея в виду потребностей. Эти последние представляют громаднейшее различие по мере развития всего прогресса. Личное благополучие или счастье определяется с материальной стороны мерою развития желаний и возможностью их удовлетворения. На низшей ступени, как у дитяти, удовлетворение потребностей столь внешних, как пища, кров и одежда, исчерпывает все материальные желания. На высшей же нет границ росту желаний и потребностей. «Народное благо» прежде всего определяется не уменьшением, а возрастанием количества и качества желаний и потребностей. И это, мне кажется, незачем доказывать по очевидности. Те, кто с Буддою проповедуют нищенство для личного благополучия, не видят того, что при этом упускается все общее и прежде всего сохранение самобытности народной и развитие просвещения и связанных с ним добродетелей. Вот если отрицать эту связь, вот если верить, что рай сзади, а не впереди, вот если забывать плач отцов, матерей и семей, когда гибли люди в прежние периоды жизни государства, что видно из доказанного в статье о народонаселении малого прироста людей в прежние периоды истории, наконец, вот когда не верить в связь между просвещением и улучшением человечества, вот тогда можно проповедовать благо нищенства не по той логике, что дождя не идет, если зонтик в углу, а по той, которая показывает действительное улучшение нравов и всей государственной жизни по мере развития просвещения. Дока-

зывать это последнее считаю опять ненужным для тех, кто будет читать мои статьи. Верящим во благо нищенства лучше бросить эти последние и спастись в пустыне, которой скоро, скоро, всего лет через 200, и нельзя будет найти на Земле, как, опять надеюсь, доказано в статье о народонаселении.

Итак, видимый успех человечества сказывается, во-первых, в увеличении прироста народонаселения, а во-вторых, в увеличении потребностей, удовлетворяющих тому, что должно называть «благом народным». Увеличение же потребностей вместе с развитием средств для их удовлетворения неизбежно ведет к необходимости увеличить труд. Не только лежебок, но даже и лентяев должно становиться меньше и меньше по мере возрастания «блага народного». Если же труд возрастает, потребности растут еще не так быстро, откуда и являются избытки, т. е. капиталы. Беда для «блага народного», когда желания и упование растут, а труд и все условия для его свободного развития не возрастают. Труд может прилагаться прежде всего, очевидно, только к тому, что находится в своей стране, около жителей, и его организация начинается, конечно, с земледелия, потому что земля своя и подле. Земля может производить, когда к ней приложен достаточный и просвещенный труд, более того, что нужно жителям, а потому первые избытки труда, первое начало накопления капиталов может и должно происходить от земледелия, как это и видим во всем мире, так как избытками продуктов земли всюду начинается торговля вне округа или страны. Но земледелие с двух сторон не может удовлетворить развивающегося трудолюбия и развивающихся потребностей, во-первых, потому, что труд на земле ограничивается частью года, а во-вторых, потому, что труд на земле требует меньше народа, чем может жить на данной площади земли.

Оба этих обстоятельства можно было бы доказывать численно, но мне кажется бесполезным по полной очевидности, и потому пойдем далее. Невозможность сбыта возрастающего количества продуктов земли, развитие потребностей, недостаток заработка на земле и потребность в более прочных заработках влекут за собою развитие всех иных видов промышленности, т. е. горной, фабрично-заводской, торговой, перевозочной и всякой профессиональной, включая в то

число и административную. Эта последняя усложняется с самим ростом труда, потребностей и просвещения, но в норме на будущие времена должна остаться на месте, т. е. в стране, хотя есть немало примеров выхода ее за границы страны, как видим в колониальной политике, чему примером лучше всего служит Англия, первую выгоду которой от обладания Индией и пр. в самой Англии видят в том, что в колонии отправляется масса администраторов, получающих свои заработки от колонии. Этой последней стороне дела уже виден предел в развитии тесноты народонаселения на всей Земле, а потому избыток труда неизбежно определяется преимущественно избытком продуктов горной, фабрично-заводской и свободной профессиональной промышленности. Развитие трудолюбия и потребностей влечет за собою удовлетворение всяких надобностей внутри страны, но затем являются избытки труда, не потребляемые страной, и потребности страны, не удовлетворяемые внутренним производством. Отсюда является то, что называется *внешней торговлей*, т. е. мена своих избытков на чужие. Дело усложняется множеством частных обстоятельств, например избытком людей, ищущих труда в данной стране, что открывает возможность развивать переработку привозного сырья (например, в Англии — хлопка и шерсти), потребностью продуктов, не свойственных почве и климату страны (например, в Европе — перца или чая, а также золота и серебра в странах, их не добывающих, и т. п.).

Отсюда недалек переход к тому, что по мере развития потребностей и трудолюбия в данной стране в ней развивается и внешняя торговля, основанная на сбыте местных продуктов и приобретении чужих. Хлеб можно добывать в желаемом количестве и в самой Англии, во всяком случае в гораздо большем количестве, чем добывается ныне, но в этом нет там поныне ни надобности, ни выгоды, потому что надобный хлеб везут туда отовсюду взамен товаров, производимых фабриками и заводами, которых недостает в странах, обладающих избытком хлеба, а народный труд на фабриках и заводах оплачивается вернее и лучше, чем в приложении к земледелию. Такие отношения вместе с обеспеченностью морской торговли и с приобретением колоний послужили только к умножению могущества Англии и к возрождению в ней тех поня-

Здание Ост-Индской компании в Лондоне

тий об общей свободной торговле, которые составляют сущность *фритредерского* (от «free trade» — «свободная торговля») учения. Оно считало совершенно естественным деление всех стран на три глубоко различные категории: дикие, лишенные каких бы то ни было видов промышленности (там добывают все только для своего личного обихода, а не для других равных людей, т. е. не для мены), земледельческие с преобладанием хлебопашества и скотоводства и промышленные, т. е. преимущественно фабрично-заводские. Последние, очевидно, суть высшие уже по тому одному, что фабрично-заводское дело немыслимо без развитой гражданственности и просвещения. Земледельческие страны, по фритредерскому понятию, представляют в некотором отношении переход от диких к промышленным и, имея уже развившиеся потребности, должны нуждаться в продуктах промышленных стран, за что и приходится им платить своими земледельческими произведениями. Дикие страны естественно должны стано-

виться колониями, т. е. принимать переселенцев других стран, переводящих их постепенно в страны земледельческие. Такой концепции нельзя отказать в известного рода естественности и полной применимости ко всему тому теперь уже кончающемуся периоду жизни людей, когда дикие страны действительно существовали еще на деле и когда просвещение отвергалось как необходимость дальнейшей жизни людей во множестве стран. Но посмотрим на неизбежный ход дел в указанной концепции. Этот ход дел виден сам по себе, произошел в действительности и скоро уже будет очевиден всем и каждому.

Страны дикие, равно как и те, которые стремились к обособленности, подобно Китаю и Японии, через возбуждение сношений с другими странами постепенно, но неизбежно должны входить в общий уровень, так что в конце должны остаться только страны земледельческие и промышленные. Но земледельческие страны, отправляя в промышленные свое сырье и нуждаясь в продуктах этих последних стран, по мере развития в них просвещения и потребностей, очевидно, должны додуматься до того, чтобы в своей стране учредить фабрично-заводские производства товаров, им необходимых. Это уже по тому одному, что каждая страна теряет, отправляя сырье и получая переделанные продукты, всю ценность перевозки и все выгоды, зависящие от постоянства заработка на фабрично-заводских делах, не зависящих от почвы и погоды. Такому направлению желаний стран при свободной торговле и при улучшении способов сообщения, однако, нельзя свободно осуществляться по причине давления промышленных стран на зарождающиеся виды промышленности земледельческих стран, так как промышленные страны неизбежно должны были делаться торговыми и управлять всем рынком, т. е. ценами на сырье и фабрично-заводские продукты, и они могли легко тушить всякие промышленные зачатки в земледельческих странах, понижая цены на сырье и переделанные продукты.

Мне лично известен тот факт, что при устройстве одного из первых зеркальных заводов в России около 1890 г. бельгийские производители зеркал понизили свои цены для России до невозможности русского производства и остались в барышах не только потому, что сбыли заготовленный уже товар, но и потому,

что убили начавшийся русский завод. Укрепленные предприятия, ведущие долго большую переработку и торговлю, конечно, должны были снабдиться капиталом и кредитом, что и позволяет им легко убивать зачатки конкуренции. В ограждение таких неудобств, а в сущности для того, чтобы дать своим жителям прочные заработки на фабрично-заводских делах, земледельческие страны должны были прибегнуть к тому, что называется протекционизмом, или покровительством. Теперь оно господствует в большинстве стран.

Внешний признак покровительственной системы — по отношению к внешней торговле¹⁷ — состоит в обложении таможенной пошлиной таких привозимых извне товаров, которые можно и желательно производить в самой стране, и в доставлении через это новых прочных заработков своим жителям, т. е. в увеличении их благосостояния, особенно потому, что земледельческий труд оплачивается дешево, непродолжителен и земледелие повсюду сопряжено с бедствиями, зависящими от погодных неурожаяев, засух, наводнений и т. п., а фабрично-заводская промышленность от этого свободна. Временные голодовки свойственны всем земледельческим странам от Китая и Индии до России.

Чтобы дело было ясным, не должно забывать прежде всего того, что таможенные пошлины учреждаются просто-напросто для государственных доходов и мыслимы страны, в которых этот вид обложения превосходит все другие пошлины и доходы. В Аргентинской республике в 1901 г. всех доходов получилось 38,2 млн долларов золотом и 62,3 млн долларов бумажных, а так как бумажный доллар равен там 0,44 золотого доллара, то всех доходов на золото будет $38,2 + 27,3$, т. е. 65,5 млн долларов золотом. Таможенные пошлины по ввозу и вывозу платятся в Аргентине золотом, и их получено в 1901 г. 33,3 млн долларов, т. е. таможенные пошлины составляют более половины всех доходов Аргентины. Сама Великобритания, еще держась по принципу фритредерства, получая всех доходов около 130 млн фунтов стерлингов, имеет таможенных доходов 31 млн фунтов стерлингов (март 1902 г.). Таможенные доходы тем рациональнее, чем более они относятся к товарам, без которых жители, по существу дела, обойтись могут. Так, в Англии главным образом

они относятся к обложению чая, табака, спиртных напитков и т. п.

Если таможенные доходы относятся к такого рода товарам, не составляющим существенных потребностей жителей, такие пошлины носят название фискальных, облегчающих другие народные податные тяготы, и такие пошлины должно резко отличать от покровительственных. Эти последние могут совершенно рационально, т. е. для блага народного, относиться и к предметам первой необходимости, даже к хлебу, как это существует в настоящее время во многих странах Европы, начиная с Германии, Франции и Италии. Можно сказать даже, что в таких хлебных пошлинах лучше всего выражается существо покровительственной системы, так как главная цель хлебных пошлин состоит в покровительстве местному земледелию, т. е. в желании сделать его выгодным, несмотря на соперничество стран, могущих производить и (по нужде) доставлять хлеб по ценам более выгодным, чем местные. В Германии в 1899 г. всех общегосударственных доходов собрано 1 921 млн марок, в том числе 442 миллиона всех таможенных доходов, а из них 128 млн марок таможенных пошлин за хлебные и бобовые семена, т. е. хлебные пошлины составляют более четверти всех таможенных доходов и около 6,5 процентов всех доходов государства. Основная мысль подобного обложения хлебов пошлиной сводится, по моему мнению, к тому, что государство в заботах о благе народном печется о том, чтобы такая коренная промышленность, как земледелие, могла развиваться в стране, а не падала, причем имеется в виду то недалекое будущее, когда все страны мира населятся с большею или меньшею равномерностью, разовьют у себя всякие возможные виды промышленности и станут отпускать хлеб только по таким ценам, которые соответствуют более выгодным заработкам на других видах промышленности.

По моему личному убеждению, такая политика гораздо дальновиднее фритредерской, хотя бы английской, и я полагаю, что указанное время отделяется от современного многого, что ста годами. В недавнюю прошлую эпоху манчестерское фритредерство было выгодно для Англии, но не за горами годы, когда Англия должна будет обратиться к покровительству, даже хлебному, и вновь распа-

хивать запущенные земли, так как некоторые германские и американские заводские продукты уже успешно конкурируют в самой Англии с местными произведениями.

Не вдаваясь во всю сложность понятий, подразумеваемых под различием фритредерства от протекционизма, я считаю, однако, необходимым обратить внимание на то, что фритредерство, по всей видимости, во всех отношениях благоприятствует внешней торговле стран, а протекционизм как будто бы этому противоречит потому, что стремится возбудить в каждой стране всевозможные виды промышленности, чтобы страна пользовалась для удовлетворения все увеличивающихся потребностей своими собственными произведениями, а не чужими. Такая видимость, однако, на деле и по априорному понятию не отвечает протекционизму, как видно особенно из того, что протекционизм С.-А. С. Штатов привел их к быстрому росту не только всей внутренней промышленности, но и внешней торговли. Это видно из того, что в 1901 г. вывоз товаров из Штатов (2 838 млн руб.) уже превзошел вывоз Великобритании в том же году (2 648 млн руб.), хотя лет за шестьдесят был втрое меньше великобританского и, что всего важнее, первоначально состоял исключительно из сырья, ввозимого в ту же Англию, а ныне состоит настолько же из сельскохозяйственного сырья, насколько из фабрично-заводских продуктов.

Причину легко видеть в том, что при развитии в сельскохозяйственной стране всяких видов промышленности находятся такие, которые отвечают всем условиям страны, а потому развиваются быстро, легко достигают перепроизводства уже внутренних потребностей, удешевляются дешевизною местного сырья и стремятся к внешнему вывозу, а в то же время содействуют и росту сельскохозяйственной производительности, так как эта последняя приобретает много выгоды от близости заводского сбыта и свои выгоды от возрастания внутреннего потребления на своих фабриках и заводах. Таким образом, выходит, что протекционизм в сельскохозяйственных странах, на взгляд задерживающий обороты внешней торговли, в сущности служит лишь к ее возрастанию. Это отлично видно из цифр общих оборотов внешней торговли всего света, собранных, между прочим, в труде Покровского «Etude statistique sur le commerce extérieur de la Russie» (1900).

Цифры даны в миллионах франков, и мы их начнем с 1800 г. и укажем не только для всего мира, но и для России, Германии, Англии и С.-А. С. Штатов.

Сумма отпуски и привоза по внешней торговле в миллионах франков:

Год	Весь мир	Россия	Германия	Велико-британия	С.-А. С. Штаты
1800	7 146	287	908	1 690	429
1820	8 538	493	1 009	1 866	580
1840	14 263	664	1 311	2 875	1 034
1860	37 630	2 288	2 379	9 458	3 430
1870	54 823	2 153	5 347	13 795	4 161
1880	76 077	2 889	7 415	17 604	7 768
1890	83 898	3 191	9 213	18 877	8 469
1898	93 789	3 601	11 624	19 293	9 464

Из цифр этих совершенно очевидно, что наибольший прирост внешней торговли отвечает периоду 1860—1880 гг., т. е. именно тому, с которого начали распространяться идеи протекционизма, и не подлежит сомнению, что быстрого возрастания внешних оборотов и главных способов для нее, т. е. морского пароходства, определяется, прежде всего, развитием внутренней промышленности стран, зависящей от распространения протекционизма.

При возбуждении протекционизма в начальную эпоху развития внутреннего фабрично-заводского производства непременно должно ждать возрастания ввоза машин и всяких других

орудий производства, если только составленная система таможенных пошлин не представляет тому непреодолимых препятствий. Такое явление сопровождало введение русской рациональной протекционной системы 1891 г., как видно из того, что сумма или ценность ввоза после введения покровительственных пошлин, прекративших или уменьшивших ввоз многих иностранных товаров, все же возросла. В 1888—1891 гг. годовой ввоз составлял 410 млн руб., а в 1893—1895 гг. он в среднем равнялся 520 млн руб. кредитных в год. Такое возрастание определяется еще и тем, что при введении рационального протекционизма развивается фабрично-заводская деятельность в стране и от этого возрастает достаток жителей и их общий спрос, для удовлетворения которого и существует подвоз внешних товаров.

Обороты английской торговли, оставшейся фритредерской, с 1860 до 1880 г. менее чем удвоились, а всемирные внешние обороты в этот период возросли более чем в 2 раза. По всему этому можно с уверенностью сказать, что протекционизм, действуя в сторону экономической самостоятельности стран, не противоречит, а согласуется с основной мыслью о единстве всего человечества и о взаимной мене избытков между странами. А потому даже космополитизм не должен ничего иметь против протекционизма. Мысль же о самостоятельном развитии отдельных рас и народов, об их коренном равенстве и об утопичности идеи о преобладании одних народов над всеми другими заложена в протекционизме и в нем находит свое внутреннее оправдание. Если мысль о равенстве прав людей в государстве составляет прогрессивный венец XVIII ст., то мысль о равенстве народов и стран составляет один из результатов, завещанных XIX ст. для всех будущих веков, долженствующих окончательно отвергнуть китайское представление о варварстве всех других народов, которые не с нами. В этом последнем отношении Россия по духу народному и потому, что содержит немало рас иной крови, равно как и потому, что признает по существу равенство всех своих народов, стоит впереди не только перед Китаем, но даже и перед Англией и Соединенными Штатами. Занимая в некотором смысле среднее географическое положение в мире, она, по моему мнению, должна занять и в экономическом

смысле срединное положение, что и возможно, только придерживаясь начал протекционизма.

Из сказанного выше можно уже видеть, что обороты внешней торговли во множестве отношений представляют громаднейший интерес. Он особенно виден или выступает в том, что парламенты и правительства всех стран за последнее десятилетие не только часто, но и очень много занимаются вопросами, относящимися к внешней торговле. Ни для кого, например, не спрятано то обстоятельство, что Германия выиграла в последнюю четверть XIX ст. настолько же от французских своих побед и тройственного союза, насколько от умелой и последовательной политики по отношению к внешней торговле, политики чисто протекционной и умевшей доставить германскому народу такое благосостояние, какого эта по существу бедная страна не имела никогда по отношению к другим странам. Замечу при этом, что германский протекционизм состоит не из одних таможенных пошлин, но включает в себя и широкое покровительство всему реальному просвещению, всему развитию внешней торговли и обеспечению заработков лиц, трудящихся на фабриках и заводах.

Для нас, русских, вопросы, сюда относящиеся, тем настоятельнее понимать в их полноте, что как раз теперь близится время необходимости пересмотра торговых трактатов России с Германией и многими другими странами, и, по моему мнению, прежде чем вникать в частные отношения наши к отдельным странам, особенно важно уразуметь великую важность общего значения внешних торговых оборотов стран в отношении ко всему их внутреннему быту. Великую важность в современном мире внешних торговых оборотов стран можно было бы доказывать множеством способов, но я избираю только один, показывающий внутреннюю связь между величиною внешней торговли и общими государственными расходами, потому что эта связь указывает на возможность ведения всего сложного государственного хозяйства на счет не своих подданных, а остальных стран мира.

На первый взгляд это составляет прямо парадокс и смахивает на латинское стремление жить на счет покоренных народов. По существу же дело сводится к следующему. Жители данной страны, удовлетворив свои потребно-

сти, производят избытки и эти избытки продают иным странам. Не будь этих стран, не будь этой внешней торговли, избытки не были бы произведены и не дали бы доходов стране. Если же величина избытков и получаемых от них доходов достигает или даже превосходит сумму государственных расходов, очевидно, что страна содержит свое правительство и все свое благоустройство вместе с самозащитой не на свой, а на чужой счет. Таково и есть уже в настоящее время положение вещей если не для всех, то для большинства образованных стран мира, как видно из приложенной таблицы, где для многих стран указан в миллионах фунтов стерлингов для 1901 г. размер общегосударственных расходов и ценности отпускаемых страной товаров на основании чисел, помещенных на странице XXX статистического сборника, к которому мы часто прибегаем, а именно «The statesman's year-book for the year 1903» (by J. Skott Keltic.

1901 г.	Сумма общегосударственных расходов в миллионах фунтов стерлингов	Сумма ценности отпускаемых или вывезенных товаров в миллионах фунтов стерлингов
Бельгия	22,8	73,1
Дания	4,3	16,2
Франция	143,6	160,5
Германия	117,2	225,6
Голландия	12,7	145,2
Швеция	8,7	21,7
Швейцария	4,2	34,5
Великобритания	195,5	280,0
С.-А. С. Штаты	98,0	281,9
	607,0	1 238,7

Для суммы указанных стран, доставляющих примерно половину всех отпускных товаров, ценность их раза в полтора превосходит всю сумму общих государственных расходов, и нельзя не быть уверенным в том, что в недалеком предстоящем будущем с господством протекционизма достигается тот же результат для всего мира. Сущность этого результата сводится к тому, что самостоятельность стран находит себе существеннейшую опору во взаимных соотношениях этих стран. Здесь, на мой взгляд, виден один из венцов цивилизации не только потому, что в недалеком прошлом не было и быть не могло чего-либо подобного, но и потому, что есть еще немало стран, которые отвечают прошлому времени, т. е. отпуск которых менее общегосударственных расходов.¹⁸ Таких стран в настоящее время немало, не говоря о Китае и ему подобных странах, даже в Европе; например, на основании вышеуказанного источника:

1901 г.	Общегосударственные расходы в миллионах фунтов стерлингов	Годовой отпуск в миллионах фунтов стерлингов
Россия	198,7	76,0
Италия	74,2	55,0
Португалия	12,6	6,4
Испания	39,5	27,7
Турция	17,8	12,1
Япония	29,3	25,7
Болгария	3,8	3,3
Сербия	3,0	2,6

Вывоз многих стран сравнительно мал, однако не по одной той причине, что в стране мало развиты современные виды промышленности, но и по разным другим причинам, между кото-

рыми одно из первых мест занимают величина страны и относительное количество ее морских и сухопутных границ, так как при большой величине страны ее торговые обороты могут быть значительными внутри страны, что особенно справедливо для Китая; с другой же стороны, морские границы не только благоприятствуют, но и прямо вызывают увеличение всех внешних торговых оборотов. Однако несомненно, что относительное развитие всяких видов промышленности играет здесь первейшую роль и что по мере возрастания видов промышленности, иных, кроме сельского хозяйства, внешние обороты страны несомненно должны возрастать.

Из сказанного выше, равно как из множества других соображений, которых я и не желал касаться, сведения о величине внешних оборотов не только отдельных стран, но и всего мира представляют величайший интерес для суждения о том, чего мир и отдельные страны достигли и куда они стремятся в экономическом отношении, влияющем и на весь быт народов, хотя, конечно, не им одним определяются все судьбы истории, так как кроме общего не только мирового, но и государственного, есть свой мир, внутренний, индивидуальный, которым определяется множество людских отношений, над которыми и сосредоточивалось внимание Будды и ему подобных мыслителей. По этой причине в прилагаемой таблице (табл. 1) собраны с возможно однородностью сведения о внешней торговле всех стран мира. Здесь прежде всего надо заметить, что ни в каком другом экономическом отношении нельзя ныне достичь такой полноты сведений, как по внешней торговле, потому что она дается не только для стран, публикующих всякие статистические сведения, к ним относящиеся, но становится более или менее известною и для стран, далеких от такого сознательного отношения к экономическим вопросам, какое сказывается в статистических сборниках, потому что торговцы и консулы следят за внешней торговлей больше, чем за чем-нибудь другим, и дают сведения этого рода даже для укроннейших углов мира, так как и туда стремятся водворить товары, и оттуда вывозить местные произведения, тем более что для этого служат ныне чаще всего корабли, груз которых подлежит учету. Труднее всего в собрании сведений о внешней торговле вы-

делять до конца вывозимые произведения страны от тех, которые, поступая из других стран, только проходят через данную страну.

Так, например, несомненно, что Голландия, вывоз которой громадный, получает часть вывозимых ею товаров из других стран. Это еще более относится к таким небольшим, но приморским и торговым местностям, как Гонконг, Сингапур, Макао и тому подобные. Эти страны даже при малом числе жителей выпускают много товаров, так сказать, временно остающихся у них и, быть может, подвергающихся у них особой торговой сортировке, но не ими произведенных. Однако если принять во внимание, что торговлю, особенно внешнюю, т. е. преимущественно морскую, должно причислить к таким видам промышленности, развитие которых характеризует современный быт людей настолько же, как горное дело, фабрики и заводы, то величину внешних оборотов указанных стран должно считать почти настолько же характерною, как и величину внешней торговли произведениями страны и приобретенными ею для удовлетворения внутренних потребностей. Притом указанное замечание относится лишь к небольшому числу стран, в громадном же большинстве других стран в статистических сведениях совершенно ясно отличен отпуск товаров внутреннего производства от вывоза чужих произведений или того, что чаще всего носит название транзита; то же относится и к ввозу.

В нашей таблице везде, где было возможно, дело идет о вывозе местных произведений добывающей и обрабатывающей промышленности и о ввозе иностранных товаров, поступающих или для прямой надобности жителей страны (например, хлеб, чай, ткани), или для переделки их на фабриках и заводах. К этому последнему разряду товаров относится, например, хлопок, ввозимый в Англию для ее прядильных и ткацких фабрик. Часть, притом большая, этого хлопка идет на ткани, потребляемые в самой стране, но другая вывозится в другие страны, однако уже не в виде самого хлопка, а в пряже и тканях, что и оставляет в стране весь тот заработок, который при этом получается, так как пуд хлопка в сыром виде стоит, например, 7—10 руб., а в виде пряжи и тканей — по крайней мере 15, а то так и все 30—40 руб. Переделка чужого сырья в товары, непосредственно требу-

Млн жителей, 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)
5,3	Голландия (Нидерланды) (без колоний)	Зерно и мука (178), железо и изделия (100)
6,7	Бельгия	Каменный уголь, кокс (48)
41,4	Великобритания (Англия, Шотландия, Ирландия)	Ткани и пряжа (978), металлы и изделия из них (380), каменный уголь и другие ископаемые (320), машины (160)
38,9	Франция (без колоний)	Шелковые ткани (100), виноградные вина (86)
56,4	Германия (без колоний)	Ткани (588), железо и изделия из него (103)
3,3	Швейцария	Шелк и изделия из него (92)
2,6	Дания (с колониями)	Питательные вещества (132)
5,1	Швеция	Лес и изделия из него (105)
2,2	Норвегия	Лес и лесные товары (31)
45,4	Австро-Венгрия	Лес (92), сахар (74), яйца (40)
32,9	Италия (с колониями)	Шелк (170), виноградное вино (16)
18,7	Испания (с колониями)	Вино, сахар и т. п. (88)
14,9	Португалия (с колониями, 9,3 млн жителей)	Вино (18), колониальные товары, около
2,9	Греция (с Критом и Самосом)	Коринка (15,6)
24(?)	Турция (Европейская, Азиатская и Триполи)	Виноград (16), шелк (10), руды
6,4	Черногория, Сербия и Болгария	Животные продукты (12), зерновой хлеб (19)
6,0	Румыния	Хлеб (92)
135	Россия (Европейская и Азиатская, но без Хивы, Бухары и Финляндии)	Хлеб и другие продукты земледелия (442), животные продукты и сами животные (122), лес и лесные товары (60), ископаемые (62), сахар и спирт (17)
2,7	Финляндия	Лес и лесные товары
2,0	Бухара и Хива	Хлопок, фрукты
9,0	Персия	Опиум (3), жемчуг (26), фрукты
1,5	Оман (в Аравии, около Персидского залива)	Финики (2)
4,0	Афганистан	Плоды, шерсть
4,0	Непал	Скот и его продукты

Таблица 1

Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
			отпуск, рублей	ввоз, рублей
1 362	Хлеб и мука (250)	1 600	257	319
1 215	Пшеница (91)	1 365	181	204
2 648	Хлеб и другие свободные от пошлин растительные вещества (98), напитки, чай и другие обложенные пошлиной товары (1066); хлопок, шерсть и другие сырые волокна (780); разные изделия (920)	4 937	64	120
1 505	Металлы и руды (197), шерсть (136), каменный уголь и кокс (129)	1 638	39	42
2 089	Пищевые вещества (792), пшеница (131), ткани (527), хлопок (137), шерсть (107)	2 644	37	47
328	Питательные вещества, спирт и т. п. (104)	424	99	128
154	Питательные вещества (55)	208	59	80
204	Каменный уголь и другие минералы (54,) металлические изделия (34)	279	40	55
80,6	Хлеб (24)	150	37	68
766	Хлопок (58), каменный уголь и кокс (45)	651	17	14
521	Пшеница (75), хлопок (60), каменный уголь (57)	754	16	20
260	Пшеница и другие пищевые вещества (51)	318	14	17
126	Пищевые вещества (27), ткани, около	200	9	14
43,7	Хлеб (13,4)	57,2	15	20
114	Хлопковые ткани (17)	227	5	10
46,5	Ткани (13)	43,8	7	7
133	Ткани (53)	110	22	18
507,7	Чай, кофе (54), кожа и меха (22), каменный уголь и кокс (21), медь и другие металлы (22), машины (57), хлопок-сырец (63), шерсть и шерстяная пряжа (35)	395,6	3,8	2,9
70	Питательные продукты	81	27	30
10 (?)	Ткани, металлы	10 (?)	5	5
50 (?)	Хлопковые ткани (22), сахар (12)	53 (?)	6	6
3,2	Рис (1,6)	5,8	2	4
4,3 (?)	Бумажные ткани	4,3	1	1
15,4	Скот и его продукты	14,4	4	4

Млн жителей, 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)
5,0	Сиам	Рис (33)
47	Япония (с Формозой)	Шелк (77)
6 (?)	Корея	Рис (33)
426	Китай	Шелк-сырец и ткани (83), чай (25)
18,5	Тонкин, Аннам и другие французские колонии в Азии	Рис (31), хлопок, сахар, перец, растительные масла
294	Индия английская с зависимыми государствами	Зерновой хлеб (106), хлопок (91)
3,6	Цейлон	Чай (30)
4,4	Мальта, Гонконг, Сингапур, Белуджистан, Борнео и другие мелкие английские владения в Азии	Олово (120), чай, копра, шерсть, опиум, шелк
36,1	Ява и другие голландские колонии в Азии и Америке	Сахар, чай, кофе
5,2	Австралия, Тасмания, Новая Зеландия и другие английские владения в Тихом океане	Металлы (главным образом золото) (119), шерсть (71), каменный уголь (16)
50 (?)	Мыс Доброй Надежды, Трансвааль, Уганда и другие английские владения в Африке, в том числе и англо-египетский Судан	Сахар (25), алмазы (47), копра и пальмовое масло (около 20), шерсть, вино, металлы, слоновая кость
12,8	Германские владения в Африке и Тихом океане	Пальмовое масло (5,2), каучук (1,3), копра
4,7	Алжир (французское владение)	Хлеб (26), вино (16), овцы (9)
1,9	Тунис (французское владение)	Зерновой хлеб (3), растительные масла (2)
26	Сенегал, Слоновый берег, Дагомья, Мадагаскар, Новая Каледония, Таити и другие французские владения в Африке и в Тихом океане	Каучук (8), пальмовое масло и копра (17), слоновая кость, сахар (4), руды (3, 4), ваниль
30	Конго (независимое)	Каучук (2)
2,1	Либерия	Пальмовое масло
5,0	Марокко	Животные продукты
3,5	Абиссиния	Растительные и животные вещества
9,7	Египет	Хлопок (115)
5,6	Канада и Ньюфаундленд (английские владения)	Лес и изделия из него (65), рыба (10), хлеб
1,8	Британская Гвиана, Ямайка, Фалкланд и другие	Сахар (17), растительные продукты, губка, асфальт

Продолжение табл. 1

Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
			отпуск, рублей	ввоз, рублей
41,3	Хлопковые товары (4)	26,6	8	5
265	Хлопок (57)	288	6	6
8,3	Хлопковые ткани (6)	14,5	1	2
256	Хлопчатобумажные изделия (136), опиум (45)	324	0,6	0,8
68,5	Ткани, металлы	77,3	4	4
658	Хлопчатобумажные ткани (207)	480	2	1,6
64,8	Хлеб (23)	71	18	20
777	Опиум, чай, рис, шелк, пшеница	834	176	189
208,4	Мануфактурные изделия	161,6	6	4
835	Ткани, одежда, металлические изделия	766	161	147
298 (?)	Ткани, металлические товары	371 (?)	6	7
8,7	Ткани (3,5) железные товары, пищевые продукты	17,5	0,7	1,4
100	Хлопковые и другие ткани и одежда (18)	126	21	27
14,7	Питательные вещества (5,6), ткани (4,2)	24,2	8	13
44,8	Ткани (10), пищевые вещества	74	1,7	3
20	Ткани (2,5)	10	0,7	0,3
0,5	Хлопковые ткани	0,7	0,2	0,3
12,5	Хлопчатобумажные изделия (7)	16,2	3	3
9,6	Хлопчатобумажные и другие ткани	13,2	3	4
153	Ткани (45)	148	16	15
399	Железо и изделия из него (47)	385	71	69
81,7	Ткани (25)	85,9	45	48

Млн жителей, 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)
	мелкие английские владения в Америке	
0,4	Французская Гвиана, Мартиника, другие французские владения в Америке	Сахар (5), кофе, ром, маис и разные плоды
77,1	С.-А. С. Штаты	Хлеб и другие питательные вещества (около 800), хлопок и изделия из него (565), керосин и нефть (140), железо и изделия из него (192)
11,3	Гавайи, Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины и другие страны, зависящие от С.-А. С. Штатов	Земледельческие продукты
13,6	Мексика	Минералы
6,0	Никарагуа, Парагвай, Сальвадор, Сан-Доминго, Уругвай и Венесуэла	Животные продукты, кофе, копра, каучук
9,1	Колумбия, Эквадор, Гватемала, Гаити и Гондурас	Бальзамы, кофе, золото, серебро, кампешевое дерево, продукты кокоса
17,1	Бразилия	Кофе и сахар (7)
4,8	Аргентинская Республика	Животные и их продукты, хлеб
1,9	Боливия	Руды и металлы (19)
3,0	Перу	Руды (16), сахар (14)
1,7	Чили	Минеральные вещества (113)
1 616		

мые потребителями, составляет ту сторону современного промышленного дела, которая отличается, по существу, страны земледельческие от промышленных. Водворение такой переработки и добыча такого сырья, которое для этой переработки на фабриках и заводах пригодно (например, свеклы для сахара, руд и чугуна для металлических изделий, колчеданов для основных видов химической промышленности и т. п.), и характеризует современную промышленную эпоху вместе с доставкой или перевозкой и торговлей, как самим сырьем, так и готовыми для потребления товарами от мест добычи к местам переработки и из мест переработки, т. е. от фабрик и заводов, к потребителям.

Здесь, конечно, должно ясно отличать во внешней торговле вывоз и ввоз сырья от вывоза и ввоза переработанных товаров, и покровительственная система по своему существу относится к водворению в стране как добычи сырья, необходимого для своей и чужеземной перерабатывающей промышленности, так и переработки этого сырья, своего или привозного. В виде примера это становится, мне кажется, совершенно очевидным, если мы укажем, например, на громадную разность вывоза из С.-А. С. Штатов сырого ли хлопка, или готовых из него тканей, или на вывоз из России сырого зерна, с одной стороны, или, с другой стороны, муки, макарон, галет, крахмала и тому подобных изделий из того же зерна, так как при вывозе изделий в стране остаются не только разного рода отбросы (например, отруби, жмыхи и т. п.) производства, перевоз-

Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
			отпуск, рублей	ввоз, рублей
22,9	Ткани, металлы, мануфактурные товары	26,1	57	65
2 838	Кофе (138), сахар (110)	1600	37	21
230	Мануфактуры	238	20	21
Около 86	Железо и стальные изделия	65	6	5
114	Ткани	86,4	19	14
94,2	Соль, керосин, ткани бумажные и шерстяные товары, питательные вещества	53,3	10	6
415	Бумажные ткани, каменный уголь	201	24	12
317	Ткани и одежда	216	66	45
26,7	Хлопчатобумажные и шерстяные ткани	12	14	6
42(?)	Хлопковые ткани (4), разные изделия	27(?)	14(?)	9(?)
122	Ткани (28)	99	72	58
20 882,0		23 008,6	12,9	14,2

ка которых напрасно удорожает перевозимый товар, но и весь тот заработок, зависящий от разности цены сырого материала и готового продукта, который дает новейшие барыши от современной промышленности.

В указанном ряде мыслей, относящихся к внешней торговле, особое значение имеет вывоз и ввоз в страну драгоценных металлов, особенно золота, составляющего ныне уже почти во всем мире мерило всех ценностей, т. е., в сущности, мерило потраченного труда. Золото ввозится в страны не только потому, что во многих из них вовсе не добывается, но чаще и более всего для завершения торговых оборотов данной страны, так как ее вывоз может быть более ввоза, для займов, заключаемых правительством страны, для основания предприятий в стране, например для устройства в ней железных дорог и фабрик, для расхода путешественников и т. п. Для тех же целей оно может вывозиться из страны.

Отличным этому примером может служить то, что количество золота, ввозимого в Швейцарию путешественниками в ней иностранцами, превосходит не только общегосударственные, но и кантональные расходы страны. Обращающееся в этом виде золото, конечно, составляет в своем роде товар, входящий или исходящий из страны, но сколько-либо точный учет этого товара, по существу, невозможен, и уже по этой одной причине ввоз и вывоз золота всегда отличается там, где статистика торговли развита, от ввоза и вывоза всех иных товаров, и в нашей

таблице вовсе не включен ввоз и вывоз золота, кроме тех сравнительно немногих случаев, когда золото добывается в стране в избытке и вывозится из нее как местный продукт, например из Австралии. Но так как годовая добыча золота во всем свете разве немногим превышает 25 000 пуд. и цена пуда близка к 20 000 руб., то ценность годовой добычи всего золота недалеко от 500 млн руб., а потому в сравнении со всем мировым вывозом товаров, близким к 20 000 млн руб. в год, вывоз и ввоз добываемого золота не могут сколько-нибудь значительно влиять на сумму всех оборотов по внешней торговле, что и составляет один из интересов приводимой таблицы.

Приводимая таблица составлена почти исключительно на основании данных, помещенных в вышеуказанной книге «The statesman's year-book for the year 1903 (by J. Skott Keltic)», числа отнесены везде, где было возможно, к торговым оборотам стран за 1901 г., т. е. за первый год XX ст. Если обороты даны в иностранных денежных единицах, золотых или бумажных, то они приведены на основании курсовых сведений, сообщаемых в той же книге, к рублям золотом, считая 1 рубль золотом равным $\frac{1}{15}$ империала, т. е. содержащим 0,77423 г чистого золота (или лигатурного 0,86026 г). Чтобы дать в этом отношении хоть немногие указания, приводим следующую таблицу, заимствованную из изданий Главной палаты мер и весов и выражающую, чему равен 1 руб. золотом в монетных (золотых) единицах различных стран:

2,5395	австрийским кронам (австрийский флорин равен 2 кронам).
2,1601	германским маркам.
0,10574	английского фунта стерлингов.
2,6668	франкам Франции, Бельгии, Швейцарии и др., испанским песетам, итальянским лирам, румынским левам, греческим драхам, финским маркам и т. п.
1,9201	кронам Дании, Швеции и Норвегии.
1,2801	голландским гульденам.
0,51457	североамериканского доллара.
0,117404	турецкой лиры.
0,10410	египетской лиры.
0,047624	португальской кроны.
1,0323	японским иенам.

Величина годовых торговых оборотов дается в таблице в миллионах рублей, потому что о большей точности данных не может быть и речи. Вообще же точность чисел нельзя считать очень значительной. Вероятно, погрешность достигает, особенно для некоторых стран, не имеющих развитой торговой статистики, до нескольких процентов, тем более что и год фискальный, или отчетный, очень часто не совпадает с гражданским, а вывоз и ввоз меняются по годам часто весьма значительно, и еще потому, что для некоторых стран за недостатком данных для 1901 г. пришлось взять числа ближайшего из предшествующих годов. Интерес дела, однако, и не требует большой точности, так как различие в величине торговых оборотов разных стран очень велико. Чтобы выставить его в наиболее рельефных величинах, в двух последних столбцах дается отпуск и привоз на одного жителя в рублях, причем представляется громадное различие от долей рубля до их сотен, приходящихся в разных странах на одного жителя (см. табл. 1).

В приведенной таблице пред цифрами отпуска и привоза указаны главнейшие вывозимые и ввозимые товары и, где было возможно, в скобках дана стоимость отдельных видов товаров. Обзор качества главнейших из вывозимых и привозимых товаров указывает уже совершенно явно на различие стран земледельческих от промышленных: первые отпускают преимущественно сырье, а ввоз их преимущественно характеризуется получением фабрично-заводских продуктов.

Для промышленных же стран — явление обратное. Страны Африки, Южной Америки, Китая и Индии, равно как и Россия, должны быть считаемы типическими представителями зем-

ледельческих стран, вывозящих сырье и получающих фабрику. Великобритания, Германия, Бельгия и т. п., конечно, суть представители промышленных стран. Впереди, по моему мнению, в недалеком будущем, если все в мире пойдет, как идет теперь, и войны не нарушат правильности прогресса мира, такое деление на страны земледельческие и промышленные должно совершенно исчезнуть, так как с развитием просвещения и протекционизма земледельческие страны постепенно станут увеличивать производительность своих фабрик и заводов и будут отправлять не только сырье, но и продукты своей переделывающей промышленности, наиболее отвечающие всем условиям страны. Такой порядок дел поведет к тому, что страны можно будет уже делить исключительно на основании ввоза в них такого основного сырья, как хлеб, руды, каменный уголь и т. п. Северо-Американские Соединенные Штаты, бывшие вначале страной чисто земледельческой и вывозящие уже ныне много готовых товаров, но все же продолжающие вывозить и сырье, представляют, на мой взгляд, пример того, к чему стремятся и должен стремиться весь мир для блага народного и развития всей цивилизации. Над Американскими Соединенными Штатами я всего более и останавливаюсь в моих «Заветных мыслях» именно по той причине, что в них вижу начало будущего, особенно поучительного для нас, русских, которым должно всемерно стремиться выйти из периода одних земледельческих усилий.

Но обратимся к разбору вышеприведенных чисел, и прежде всего к отношению отпуска к ввозу, так же как к общей их цифре. На первый взгляд может показаться, что отпуск всех стран света должен быть по количеству и ценности или равен, или очень близок к сумме привоза во все страны. Разность можно ожидать только вследствие гибели части грузов в пути, например вследствие кораблекрушений, убыли части вывезенного от потребления во время пути, например от сжигания каменного угля на пароходах, и от приобретения новых грузов в море, например от улова рыб, китового жира и т. п. В количественном отношении такое заключение в общих чертах справедливо, и разность количеств вывезенных и привезенных товаров во всем свете должна быть ничтожно малою, может составлять разве один или около того процент.

В сумме же ценности отпуска и ввоза мы видим по таблице разность примерно от 21 до 23 млрд руб., т. е. привоз примерно на 10 % превосходит отпуск. Такая же значительная разность, какая получена в нашей таблице, получалась и ранее всеми теми, кто занимался исследованием этого предмета, к сожалению, еще мало разработанного.

Причину перевеса ценности привоза над ценностью отпуска должно объяснять преимущественно тем, что главная масса, а именно, по крайней мере, около 80 %, товаров перевозится из стран отпускающих в страны потребления океанами и совершает сравнительно дальние пути; при перевозке же морем стоимость товаров увеличивается по двум причинам: во-первых, потому, что при самой перевозке идут расходы, прикладываемые к ценности товаров, и, во-вторых, потому, что капитал, вложенный в товары, а следовательно, и их цена возрастают в течение времени перевозки. Вследствие этих обстоятельств отпускные товары ценятся по нормам, существующим в отпускающей стране, а привозные — по высшим нормам, существующим в странах, получающих эти же товары.

Хотя вообще ценность привоза выше ценности всего отпуска, но для отдельных стран этого не может быть и нет в действительности. Такие страны, как современная Россия и С.-А. С. Штаты, имеют более или менее явный перевес ценности отпуска над ценностью привоза, т. е., как выражаются, имеют благоприятный торговый баланс, и вся разность обеих цен покрывается или ввозом монеты или уплатою другим странам по государственным займам и разного рода частным обязательствам. Такие же страны, как Великобритания и Германия, имеют отрицательный, или неблагоприятный, торговый баланс, т. е. получают товаров на большую сумму, чем отпускают. Такая разность, однако, не касается денежного баланса этих и подобных стран. Он может быть им благоприятен, т. е. они могут получать из других стран денег более, чем разность между ценностью привоза и отпуска. Эти заграничные денежные поступления определяются вышеупомянутыми уплатами по долгам, займам, затрате капиталов и т. п.

Сколько-либо точный учет таких денежных поступлений и уплат от одних стран к другим при настоящем состоянии статистики почти невозможен или сопряжен со множест-

вом произвольных допущений, но для его выяснения считаю весьма полезным указать на то, что в официальном немецком издании, сделанном для Парижской Всемирной выставки 1900 г. («Catalogue officiel de la section Allemande», с. 32), указано на то количество немецких капиталов, которое обращается в других странах, а именно затрачено в их предприятиях (это один из непреходящих результатов протекционизма — свободные капиталы помещаются в предприятия других стран). Указывается именно на то, что в Америке немецких капиталов затрачено к 1900 г. около 4 670 млн марок, в Турции — около 450 млн марок, в азиатских странах — 570 млн марок, в Африке — около 1 500 и в Австралии — около 670 млн марок. Кроме того, в указанном источнике упоминается о том, что в России, Австро-Венгрии, Швейцарии и других странах Западной Европы работает примерно такое же количество немецких капиталов, что составляет в сумме около 16 млрд марок, или около 8 млрд руб. Полагая лишь по 8 % барышей, получим около 500 млн руб. поступлений в Германию из других стран от немецких предприятий, в них установленных.

Здесь было бы уместно остановиться над этой затратой иностранных капиталов во внутренние предприятия, тем более что такие затраты в значительных размерах осуществлены в России, но я отлагаю этот предмет до одной из следующих статей моих «Заветных мыслей», потому что предмет этот рассматривался многократно в русской печати, смущает русские умы и нередко обсуждается без понимания сущности дела. Здесь для нас важно обратить внимание лишь на то, что страны с развитою промышленностью, подобные Англии, Германии, Франции, Бельгии и т. п., успели накопить у себя столько капиталов и кредитов, что они не могут уже находить выгодных предприятий в своих странах и должны искать избыткам своих капиталов употребление во всем мире, а это ведет к тому, что они, ввозя на большую сумму, чем вывозят, товаров, могут покрывать разность доходами от этих капиталов и кредитов, помещенных в иных странах. Германия ввезла в 1901 г. на 2 644 млн руб., а отпустила товаров на 2 089 млн руб., т. е. разность торгового баланса — 555 млн руб., а такая разность, судя по указанной цитате официального ка-

талога, вероятно, с избытком покрывается доходами от немецких предприятий в других странах. Притом на долю Англии, Германии, Голландии и тому подобных богатых морских стран приходится значительная доля всей той разности, достигающей до 2 млрд руб., которая существует между мировым ввозом и отпуском, потому что в руках этих стран, особенно Великобритании, находится тот перевозочный флот, который получает свои доходы и барыши от морской перевозки.

Особый, по мне, важнейший интерес таблицы современных внешних торговых оборотов всего мира представляет со стороны общей суммы и того, что приходится в отдельных странах на одного жителя. Общая сумма годового отпуска товаров, близкая к 21 млрд руб., показывает, что в настоящее время средний житель из всех 1 600 млн обитателей Земли отпускает уже ежегодно не менее 13 руб. Громадное значение цифры отпуска выступит с особенною ясностью, когда мы вспомним, что отпуск в другие страны по существу своему составляет лишь небольшую долю внутреннего производства, так как большая его часть идет на удовлетворение потребностей своей страны. Сумму ценностей всего производства охотничьих, сельскохозяйственных, горных, фабрично-заводских, перевозочных, торговых и административных продуктов труда¹⁹ неизбежно должно считать во много раз больше суммы отпускаемых ценностей, но отношение этих двух сумм нельзя доныне считать сколько-либо выясненным статистикою не только для всего мира, но даже и для отдельных стран, и если мы предположим на основании того, что более или менее известно для С.-А. С. Штатов, что вывоз составляет лишь десятую долю всего производства страны, то, наверное, будем в *minimum'e* (по отношению к производству), так как производство в громадном большинстве стран, не достигших промышленного уровня С.-А. С. Штатов, в этих странах, наверное, более чем в 10 раз превосходит их отпуск. Так, например, для Китая отпуск на одного жителя составляет лишь около 60 коп. в год, и нельзя полагать, чтобы все производство страны равнялось лишь 6 руб. в год на жителя. Тем более это касается стран Африки. Отсюда следует заключить, что современное мировое производство в среднем на каждого жителя всей Земли дает более

130 руб. в год, а так как, судя по сумме существующих статистических сведений, относящихся к России, можно с уверенностью утверждать, что среднее на жителя годовое производство менее 130 руб., то и очевидно, что в своей производительности мы отстали не только от передовых, богатых стран, но даже и от общего среднего мирового производства. Это очевидно и по нашему отпуску, который на жителя дает цифру гораздо меньшую, чем средняя для всего мира.

Давно народная поговорка говорит о благах золотой середины, а о желательности достижения ее в отношении к вывозу России не может быть, по моему мнению, никакого сомнения, а так как ценность вывоза тесно связана со всем производством, то мы здесь, как и во всем прочем изложении наших «заветных мыслей», ясно и с полным внутренним сознанием говорим о том, что для «блага народного» прежде и важнее всего заботиться об умножении современной ценности всего производства страны. Притом это умножение ценности, т. е. количества затраченного труда, должно быть весьма значительным, т. е. по крайней мере, удвоенным против современного, если мы желаем для России достигнуть только среднего в мире. На хлебе или других продуктах земледелия достичь этого, наверно, нельзя не только ныне, но и впредь, потому что вывозить хлеб можно только по мере его потребности у других народов, так как хлеба потребляется на жителя лишь определенное количество. Потребность в хлебных товарах на среднего жителя нельзя определять только количеством хлеба, необходимого для питания людей, потому что часть хлебов идет домашним животным и на некоторые технические производства, например крахмальное, винокуренное, пивоваренное, кожевенное и т. п. Только развитая статистика может дать нужные здесь числа. В этом отношении мною перебраны были многие статистические отчеты, но я ограничусь лишь цифрами, относящимися к Швеции и Германии, не только потому, что их отчетливость велика, но и главным образом потому, что в шведской статистике даются цифры для разных эпох жизни народной, а в Швеции она явно изменилась в конце XIX ст. В начале его Швеция была страной почти чисто земледельческой, а в его конце стала страной чисто торгово-промышленной, ввозящей

больше хлеба, чем его вывозящей, и переставшей отпускать столь много эмигрантов, как было еще недавно, дающей много фабрично-заводских товаров и оттого явно, на глазах богатеющей.

Все это совершенно ясно вытекает из цифр, собранных в превосходнейшем труде, составленном шведскою комиссиею для Парижской Всемирной выставки 1900 г.: «La Suède, son peuple et son industrie, redigé par G. Sundbärg, 1900». В этой поучительнейшей книге видно, что всех зерновых хлебов на одного жителя в начале XIX ст. шло по 237 кг на душу, т. е. менее 15 пуд. в год на одного среднего жителя; в конце же столетия потреблялось, т. е. производилось внутри и приобреталось извне, по 440 кг в год, т. е. примерно по 27 пуд. в год на среднего жителя. Цифры эти, между прочим, показывают явно, как возрастает потребность в хлебе на каждого жителя в то время, как страна обогащается (но это возрастание, конечно, имеет свой предел), что должно намотать на ус всем тем, которые имеют хоть какое-нибудь понятие о современной средней русской потребности в хлебе, едва превышающей 20 пуд. на среднего жителя. Швеция ввозит в год около 15 млн пуд. пшеницы и ржи, т. е. примерно по 5 пуд. на жителя, и, следовательно, более 20 пуд. на жителя всяких хлебов получает от своей почвы.

В официальном германском статистическом отчете (Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1900, с. 157) дается общее годовое потребление как для всей Германии, так и на одного жителя важнейших хлебов: ржи (154,5 кг), пшеницы (94 кг), ячменя (71,4 кг) и овса (116,6 кг), что составляет для периода 1898—1899 гг. всего на каждого жителя по 436,5 кг, или около 26 $\frac{1}{2}$ пуда, и что очень близко к тому, что дано выше из шведского отчета, а потому можно признать, что современное потребление важнейших хлебных зерен для питания людей и для технических надобностей составляет в год около 27 пуд. на каждого среднего жителя Европы. Что же касается до производства и потребления важнейших хлебов в России, то официальные отчеты об этом предмете имеют точность только по отношению к большому отпуску и ничтожному привозу, но имеют малую точность по отношению к производству, хотя и совершенствуются начиная с 70-х годов к нашему времени, относясь, однако, только

к 50 губерниям Европейской России и 13 губерниям Привислинского и Кавказского краев, где живет более 108 млн жителей. Не без некоторого основания должно полагать, что в остальных краях России сбор хлебов на душу не менее, а вероятно, даже более, чем в 50 или 60 подотчетных губерниях. Все относящиеся сюда сведения, иногда очень разноречивые и несогласные, собраны и с возможною тщательностью разобраны в недавно явившейся книге под названием «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России» (1902), изданной таможенным департаментом под редакцией нашего первоклассного статистика В. И. Покровского.

Из этой книги (отдел II, А) я и считаю наиболее простым заимствовать окончательные выводы, основанные на данных, касающихся периода конца 1890-х годов, не входя при этом в подробности, касающиеся изменений в разные годы, по губерниям (например, Воронежская и Олонецкая) и т. п., и останавливаясь лишь на средних данных на одного жителя по отношению к средней урожайности.

Общую сумму производства, или получения, всех важнейших хлебов уже 63 губерний В. И. Покровский определяет в 23,6 пуда на 1 жителя (с. 8).

Вывоз хлебов из России идет почти исключительно из этих губерний и составляет 5,1 пуда на 1 жителя этих губерний, что дает для них среднее внутреннее потребление на жителя лишь около 18 $\frac{1}{2}$ пуда.

Если мы сочтем такое же производство, около 23,6 пуда на жителя, для всех 140 млн жителей России, то это составит около 3 300 млн пуд. всего производства в год (за исключением семян).

Вывоз же из России важнейших хлебов виден из следующего сопоставления:

	1891—1895 гг., миллионы пудов	1896—1897 гг., миллионы пудов
Пшеница	171,2	216,4
Рожь	56,8	76,4
Ячмень	92,5	85,5
Овес	56,9	55,6
Кукуруза	29,9	17,0
Зёрна бобовых . . .	8,8	13,1
Крупа	0,8	0,8
Мука	7,3	8,3
Отруби	13,5	22,1
Прочие хлеба	3,3	2,7
Всего	441,1	498,0
Ценностью на	306,3 млн руб.	338,1 млн руб.
Средняя цена пуда	69 коп.	68 коп. ²⁰

Вычитая из предположительного современного общего урожая, т. е. из 3 300 млн пуд., средний годовой вывоз, близкий к 500 млн пуд., получим для продовольствия 135—140 млн жителей около 2 800 млн пуд., или на 1 жителя около 20 пуд., т. е. немногим более того, что сочтено В. И. Покровским, но все же, во всяком случае, менее среднего потребления хлебов в Западной Европе, т. е. менее 26—27 пуд. на жителя, а так как вывоз всех хлебов составляет лишь около 3 пуд. на 1 среднего жителя, то если бы осталось все количество вывозимого из России хлеба для потребления жителей и переработки внутри нашей страны, то все же норму нашего продовольствия нельзя было бы считать вполне достаточною для современности. Разделяя 450 млн пуд. на 135 млн жителей России, получаем на каждого менее 3,3 пуда, или около 140 фунтов в год, т. е. около $\frac{1}{3}$ фунта прибавки хлеба на жителя в день, а всякий знающий деревню отлично понимает, что прибавка $\frac{1}{3}$ фунта хлеба в день на жителя России была бы чрезвычайно полезна для «блага народного».

На основании этого к числу моих заветнейших мыслей относится то соображение, что вывозимый Россией хлеб по настоящее время уменьшает, а не увеличивает «блага народного».

Но так как со своим развитием Россия требует много товаров, в ней вовсе не находится или в ней производимых в недостаточном количестве, и так как для получения этих товаров, т. е. для ввоза, необходим вывоз, то, по моему крайнему разумению, из вышесказанного непременно следует тот вывод, что для «блага народного» Россия должна усиленно умножить свое хлебное производство и всего более производство всяких иных товаров, требуемых иными странами.

Не здесь, а в других своих статьях я постараюсь рассмотреть главнейшие, по моему мнению, условия как для увеличения производства хлеба в России, так и других видов промышленности, дающих вывозные товары; здесь же пока нам достаточно вышесказанного, особенно если к нему прибавить некоторые сведения, мне кажется не всем еще ясные, относящиеся к вывозу и ввозу хлеба в разных странах.

Все страны мира в отношении к хлебу, производимым Россией и вообще Европой, можно ясно разделить в настоящее время на три крупные категории: нуждающиеся в указанных хлебах, их отпускающие и на такие, которые в этом деле не участвуют, по крайней мере, в настоящее время и в сколько-нибудь заметных размерах, т. е. довольствующиеся своим производством или потребляющие преимущественно другие виды питательных веществ, например рис, финики, бананы, кокосы и т. п.

К этому последнему разряду стран относятся многие азиатские (Китай, Персия и т. п.), африканские (Центральной Африки) и некоторые американские (Мексика и страны Средней Америки).

Из первых же двух категорий страны Западной Европы потребляют или ввозят хлеб, а вывозят его для них почти исключительно лишь Россия, С.-А. С. Штаты, Австро-Венгрия, Балканские государства, Аргентина и некоторые колонии.

Чтобы с некоторою ясностью выставить коренное различие стран трех названных категорий, из предшествующей таблицы мы делаем следующую сводку, относящуюся к крупным народным единицам, отмечая в конце знаком плюс «+» страны, отпускающие хлеб, минусом «-» в нем нуждающиеся, нулем (0) — страны третьей категории.

При их обзоре дается в первом столбце число миллионов жителей, во втором — сумма всех внешних оборотов, т. е. ввоз + вывоз, и в третьем — величина всех этих внешних оборотов, приходящаяся на жителя (см. табл. 2).

В странах, нуждающихся в хлебном ввозе (с минусом), находится жителей 231 млн, и их общий внешний торговый оборот (вывоз + ввоз) достигает 25 011 млн руб., что дает на 1 жителя около 108 руб. в год, т. е. примерно по 50 руб. отпуска и около 60 руб. ввоза. Это, очевидно, страны, богатейшие во всех отношениях и передовые в промышленном отношении и в современном просвещении. В странах, отпускающих хлеба, живет 765 млн, и они имеют общий оборот внешней торговли около 16 931 млн руб., т. е. на каждого жителя приходится всех внешних оборотов около 22 руб., или отпуска около 10 руб., а ввоза около 12 руб., т. е. в общих чертах их внешние торговые обороты раз в 5 менее, чем для стран первой категории, т. е., говоря в общем целом, это страны, богатые по природе, сравнительно не густо населенные и в промышленном отношении лишь начинающие, более бедные и менее просвещенные, но обещающие в будущем как сильное умножение народонаселения, так и увеличение торговых оборотов, промышленности и всего просвещения. Что касается до стран третьей категории (со знаком 0), то в них живет около 621 миллиона, и сумма их внешних оборотов равняется 2 352 млн руб. в год, что дает на жителя около 4 руб. в год, явно показывая, что эти страны далеко отстали не только от тех стран, которые ввозят хлеб, но и от тех, которые его отпускают, равно как и от всего промышленного и всякого иного прогресса. Сопоставляя цифры среднего ввоза на одного жителя, а именно около 50 руб., 10 руб. и 2 руб. в год для трех наших категорий, ясно видим в общем целом то соответствие между развитием промышленности и всюю историею человечества, которое уже давно защищается множеством передовых писателей.²¹

Не вдаваясь в разбор спроса отдельных стран на разные хлеба, считаем достаточным указать на то, что спрос этот с годами явно возрастает, чего и должно ждать вследствие прироста населения, так как в странах, ввозящих хлеб, ежегодно прибывает около 2 млн жителей (на 230 миллионов) и, следовательно

Таблица 2

Страны	Миллионы жителей	Сумма ввоза и отпуска		
		всего млн руб.	на 1 жителя руб.	
Англия, Шотландия и Ирландия	41,4	7 585	183	—
Индия, Канада, Австралия и другие английские колонии с Египтом	374,3	6 407	17	+
Всего	415,7			
Франция	38,9	3 143	81	
Алжир, Тунис, Тонкин и другие колонии Франции	51,5	578	11	+
Германия	56,4	4 733	84	—
Германские колонии	12,8	26	2	0
Голландия, Бельгия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия	25,2	7 370	292	—
Ява и другие колонии Голландии	36,1	370	10	0
Австро-Венгрия	45,4	1 417	31	+
Италия, Испания, Португалия и Греция	69,2	2 180	31	—
Румыния, Сербия, Болгария, Черногория и Турция	36,4	674	18	+
Россия с Финляндией, Бухарой и Хивой	139,7	1 471	10,7	+
Персия, Оман, Афганистан, Непал и Сиам	23,5	218	9	0
Китай, Япония и Корея	47,9	1 156	2,4	0
Конго, Либерия, Марокко, Абиссиния	40,6	83	2,0	0
С.-А. С. Штаты и зависящие от них Гавайи, Куба и пр.	88,4	4 906	56	+
Мексика, Никарагуа, Колумбия и другие среднеамериканские независимые государства	28,7	499	17	0
Бразилия, Аргентина и другие государства Южной Америки	28,5	1 478	52	+
	1 616	44 294	27,4	

но, ежегодно требуется увеличение хлеба примерно на 54 млн пуд., а прибыль внутреннего получения, хотя и существует, несомненно, например в Западной Европе, не может удовлетворить этому возрастающему спросу за теснотою населения. Спрос хлебов в конце XIX в. достиг, несомненно (судя по таможенным отчетам), до 1 300 млн пуд. в год, т. е. до 5,5 пуда на жителя стран первой категории. Россия, вывозя около 450 млн пуд., удовлетворяет более чем трети всей мировой потребности в обычных хлебах. С нею соперничает в этом отношении, все увеличивая свой отпуск, лишь Северная Америка, т. е. Соединенные Штаты и Канада, доставляющие ныне также примерно около трети спрашиваемого на рынках хлеба. Остальная треть доставляется почти поровну, с одной стороны, Австрией, Румынией, Египтом и другими странами Средиземного моря, а с другой стороны, такими заокеанскими странами, как Аргентина, Индия, Новая Зеландия и т. п. На мой взгляд, эти последние страны постепенно должны занять в недалеком будущем преобладающее место в отпуске хлебов, потребных Западной Европе, потому что там свободных земель еще очень много, колонизация лишь начинается, а в ее начале всегда занимаются прежде всего земледелием (если не добычею золота).

Соперничество с Россией С.-А. С. Штатов в поставке хлебов не может быть продолжительным, так как в Штатах уже уменьшается колонизация вследствие ощущаемого недостатка свободных земель и промышленное развитие идет очень быстро, отнимая от земледелия переселенцев и поглощая большинство производимого хлеба, как это можно было бы доказать числами последовательных переписей С.-А. С. Штатов, чего я не делаю лишь потому, что боюсь усложнить изложение. Если даже допустим, что страны первой категории, т. е. ввозящие

хлеб, будут удваивать свое народонаселение в 100 лет (что очень маловероятно), то тогда и к концу XX ст. потребуются, считая даже по 10 пуд., заграничной прибавки всего лишь вдвое против современной доставки хлеба в эти страны, и, следовательно, Россия за это время может поставить лишь примерно вдвое более, чем ныне, хлеба для заграничных потребностей, а так как ее прирост во много больше, чем в совокупности всех стран Западной Европы, то ей для этого нужно будет или еще более голодать временами, или раза в три или четыре увеличить свою добычу хлеба, улучшив способы своего хлебного хозяйства, но и тогда на одного жителя в ней едва ли увеличится отпуск.

Отсюда, мне кажется, не вдаваясь в подробные и рискованные расчеты на будущее, должно несомненно заключить, что выигрыша в величине внешних оборотов России нельзя достичь при помощи усиленного отпуска хлебов. С этим хлебным вывозом Россия должна остаться, судя по всему вышесказанному, страной бедною, временами голодающею и уже вследствие этого с малым развитием просвещения и всей гражданственности. Не тут, очевидно, ключ к возможности прочного развития «блага народного».

Сельское хозяйство совершенствуется повсюду только под давлением совокупности двух основных влияний: тесноты населения и развитой промышленности. В таких странах, как Китай, Ява, Япония, явное совершенствование земледелия определяется громадною теснотою населения, в Западной же Европе и С.-А. С. Штатах — влиянием обоих факторов, так как промышленность является потребителем множества сельскохозяйственных продуктов, например картофеля для крахмала, свекловичи для сахара, льна и других волокнистых растений для тканей и т. п., и, что всего важнее, близостью покупателей, занятых промышленностью в стране, к земледельцам, доставляющим нам хлеб. Общей тесноты населения, близкой к западноевропейской или к японской и китайской, во всей нашей стране ждать очень долго, потому что ныне на каждого жителя у нас приходится много более 7 десятин земли, способной к культуре, а потому сколько-либо быстрого совершенствования земледелия можно ожидать у нас только через развитие промышленности и через приложение к земле таких при-

емов, тесно связанных с фабриками и заводами, какие привели С.-А. С. Штаты к большому господству на хлебном рынке и позволяют довольствоваться малою долею жителей для ведения отпускной хлебной торговли.

Здесь уместно указать на то, что даже в хлебном вывозе Россия теряет перед С.-А. С. Штатами в том отношении, что отпускает главную массу своих хлебов в виде, не прошедшем через промышленную обработку в муку и другие продукты, и если бы эта сторона промышленной обработки хлебов Россиею была достигнута, ценность русского хлебного вывоза по крайней мере в страны, не облагающие хлеб пошлиной (Англия, Голландия и т. п.), сильно бы возросла. Другое преимущество С.-А. С. Штатов, Аргентины и тому подобных стран над Россиею по отношению к вывозу питательных веществ состоит в том, что мы мало развиваем вывоз животных продуктов, тогда как указанные страны налегли на эту сторону вывоза. А так как для улучшения земледелия и первичной переработки его продуктов и особенно же усиления скотоводства и получаемых от него продуктов необходимы в России громадные капиталы, которые нигде не даются прямо земледелию вследствие великой раздробленности его усилий и сравнительно малой доходности всего хлебного хозяйства, а легко всюду сужаются другим промышленным предприятиям, например железным дорогам, каналам, горным делам, фабрикам и заводам, то необходимость России пройти через этот последний вид промышленности, на мой взгляд, становится вполне очевидною, не говоря уже о том, что земледелие всюду оплачивается ныне ниже, чем другие виды промышленности, и представляет не зависящие еще от людей риски неурожаев.

Утверждая необходимость для «блага народного», т. е. для увеличения его богатства, силы, просвещения и самостоятельности, первоначального развития других видов промышленности, я очень ясно понимаю, что, преодолев все представляющиеся трудности, путем этим нельзя быстро увеличивать внешние обороты нашей страны потому уже, что развивающаяся русская промышленность должна, прежде всего, удовлетворять свой внутренний рынок и бороться с заграничными соперниками (что логически и ведет к протекционизму), а затем рядом развивать все

свое сельское хозяйство, т. е. долго оставаться по отношению к внешним оборотам на втором плане между передовыми странами. Но я не допускаю со своей стороны, что большие внешние обороты окончательно определяют на все времена при умножении народонаселения благосостояние стран и все их совершенствование, по крайней мере, в недалеком будущем. Указанием на это служат, во-первых, все те недостатки чисто промышленного развития, которые всем известны и которых распространения на нашу страну я вовсе не желаю, а во-вторых, то, что с развитием промышленности в земледельческих странах, и особенно в странах нашей третьей категории, преобладающее значение вывоза фабрикатов должно уменьшаться и с единовременным развитием земледелия и населенности земледельческие страны, не получая большого перевеса во внешних оборотах, должны развивать преимущественно внутреннее потребление.

Уже в том, что вывоз и ввоз Великобритании дает 183 руб. на душу, а в С.-А. С. Штатах — только 56 руб., т. е. втрое меньше, а благосостояние жителей в этих последних не менее, чем в Великобритании (иначе бы переселения не было), должно заключить, что с развитием промышленности в земледельческих странах эти последние не будут щеголять своими внешними оборотами, и я даже полагаю, что большое их развитие в странах Западной Европы составляет некоторого рода указатель на слабые стороны одностороннего промышленного развития. Считая, что вывозится из земледельческих стран 1 300 млн пуд. хлебов, должно полагать, что их общая ценность не превосходит миллиарда рублей. Прилагая сюда ценность ввозимых хлебов, вероятно близкую к 1 200 млн руб., получим, что весь хлебный мировой оборот недалек от 2 200 млн руб., т. е. составляет не более 5 % всех торговых оборотов мира; остальные 95 % ценности оборотов падают на остальные продукты, между которыми первое место занимают обороты фабрично-заводскими товарами. А когда фабрики и заводы с развитием их и всего просвещения и благоустройства станут умножаться во всем мире, относительная пропорция фабрично-заводских продуктов во внешних оборотах должна уменьшаться, а значение сельскохозяйственных продуктов и их ценности (что очень важно) должно возрастать.

Отсюда, пропуская некоторые стороны логического заключения, можно полагать, что внешние обороты, считаемые на одного жителя, во всем мире должны стремиться к некоторому пределу, по моему мнению, недалекому от современного среднего, т. е. примерно к 30—40 руб. на жителя.

Современная Россия, однако, довольно далека и от этого среднего, и не подлежит сомнению, что она может его достичь, удваивая свое народонаселение лет в 40, отнюдь не при помощи вывоза хлебов, а только с усовершенствованием земледелия, с приложением к нему капиталов и особенно с развитием других видов промышленности, дающих хорошие заработки тому классу ее жителей, которых привыкли называть босяками, т. е. людям, ищущим какого бы то ни было заработка. Одно земледелие не может уничтожить этот класс, если будет совершенствоваться, так как усовершенствование это прежде всего состоит не в одном увеличении площади запашки, а главным образом в увеличении урожаев, соединенном с приложением капиталов (например, для развития скотоводства) и с уменьшением количества личной работы на единицу хлеба и других продуктов.

Оканчивая изложение того, что мне хотелось сказать по отношению к внешней мировой торговле и хлебным оборотам России, мне следовало бы привести соответственные выводы, но считаю возможным этого избежать, потому что один, но для России главный вполне сам собою очевиден; он состоит в том, что для всего «блага народного» надо заботиться, по моему мнению, не столько о развитии у нас одного земледелия, сколько о росте всех видов промышленности и на первом месте о росте горной, обрабатывающей, перевозочной и торговой промышленности. Что касается до необходимости развития горной промышленности, перевозки и торговли, то здесь, по видимости, все наши лагери и правительственные сферы единомысленны, но в отношении фабрично-заводской промышленности ни согласия мнений, ни ясности суждений не существует, а потому в следующей своей статье я постараюсь со своей стороны осветить именно этот предмет.

ГЛАВА IV

ФАБРИКИ И ЗАВОДЫ

Объяснение причины возрастания городов и городского населения.

Связь городов с фабриками и заводами. Происхождение последних из необходимости обработки сырья и от улучшения приемов ремесленно-ручной обработки.

Специализация. Деление видов обрабатывающей промышленности. Годовые обороты фабрик, заводов и ремесленных заведений в С.-А. С. Штатах в 1880—1900 гг.

Возрастание промышленного значения по числу жителей. Расходы на сырье, рабочих, надсмотрщиков и проч. Возрастание рабочей платы. Капиталы основной и оборотный.

Заработки хозяев-предпринимателей помимо доходов капитала. Возрастание ремесленно-ручного производства вместе с фабрично-заводским

Природа не предусмотрела мирной жизни и великого размножения человечества, а нам, людям, как-то противно и во всех отношениях предосудительно идти и против мирной жизни, и против размножения рода человеческого. Природа же заготовила все для того, чтобы были везде, от Каина и Авеля, борьба всяких сил и существ, взаимное круговое истребление, без преобладания отдельных существ, и львы от борьбы всякого рода, даже и без усилий человека, не размножились бы, а, наверное, погибали бы, как чудовища геологических времен, вероятно не менее львов сильные и также хищные. Ни звери, ни лес, ни трава, ни песок, ни вода не берут в природе верха, а человек, видимо, берет, и мир по необходимости должен впредь пребывать под влиянием этого размножения людей и их господства, потому что лишь у людей может во всем проявляться союзность, мена и любовь. Оттого отступников от этого и зовут зверями.

Первая покорилась почва и растительность, постепенно покоряется и все животное царство до истребления в Англии всех волков до последнего. Слащавость возмущается этим, очевидно, забывая, что это происходит по необходимости для пользы людской, для удовлетворения законности взаимных людских отношений, для общения людей, для семейственности, собственности и порядка, т. е. всего высшего у людей. Примирившись кое-как с сельскохозяйственным бытом, та же юношеская искренность устами не только князей слова, подобных Жанам Жакам Руссо и графу Л. Н. Толстому, но и каждую неделю в талантливейших фельетонах Сыромятникова, Меньшикова и других настойчиво твердит всем и каждому на всякие лады о благах деревни и сельского быта и о зле городов и фабрик. А между тем деревня и город, сельские и фабрично-заводские работы, с одной стороны, так же естественны, как совокупность бобровых нор и улы, а с другой стороны, они составляют произведения, возникшие от размножения людей и необходимости их жить, развиваться и составлять союзы разной степени и формы, смотря по требованиям времени и особенно населенности. Мне хочется в немногих словах показать необходимость для развития жизни людской значения городов, фабрик и заводов, потому что в прямом или косвенном их осуждении или порицании, у нас и теперь еще господствующем, должно искать одну из причин великой шаткости русских мыслей. Сельский быт и деревня, со-

Московская улица в конце XVIII в. С гравюры Дюрфельда

гласен, прелестны, как детство, но городской и фабрично-заводской быт так же необходимо вытекают из начального строя, как юность из детства, отвечают естественнейшим законам роста и приспособления, требуют сознательности, а не простого оплакивания того, что неизбежно должно было выразиться в новых формах. Дикость, даже кочевой и патриархальный быт исчезли уже почти отовсюду, их уже перестали оплакивать народы, имеющие будущность, а переход от сельскохозяйственного строя к более сложному промышленному, от деревни к городу, только недавно начался, и его значение, даже необходимость, еще далеки от понимания у многих, еще представляют свои некрасивые и неправильные корявости, заслуживающие обдуманных, сознательных и эволюционных исправлений, а не простого слащавого оплакивания минувшего.

Для детей, для удобств жизни, для возможности движения вперед и, главное, для развития общественности люди стремятся из деревень в города, а наша литература такое стремление всеми способами осуждает и, бессильно проповедуя, стремится повернуть течение в обратную сторону, обыкновенно так или иначе припутывая сюда какие-то свои тщедушно духовные пожелания, забывая, что ни Христос, ни Магомет, ни Конфуций, ни Будда не избегали городов, хотя временно и пребывали в пустынях, и ни словом не помолвились против городов, хотя и громили людские пороки, в городах собранные, а потому и более очевидные. Этою пропагандою против городов, в сущности совершенно ретроградною, возмущается благодушное направление течения современной русской жизни и ее стремление найти свои необходимые новые устои и пути к развитию.

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Одну из моих заветных мыслей составляет защита городов от сыплющихся на них нареканий именно потому, что в городах сказалась союзность людей и их важнейших интересов больше, чем в чем-нибудь ином.

По русскому словопроизводству, понятие о городе совпадает с понятием о защите земли, об ограде и убежище при нападениях извне, чем в свое время двигалась история. Не только у нас, но и во всем мире городам принадлежит первенствующая историческая роль, они собирают землю, они объединяют разрозненное и слагают государства.

В них, начиная с Иерусалима, Константинополя, Москвы, Киева и Рима, слагаются устои религий, в них сосредоточивается образованность и распространение просвещения школами, и в них возникает та специализация в административном, общественном, промышленном и всяком ином роде деятельности, которая сокращает массу людского труда, необходимого для достижения современного положения людских отношений. Отдельный шалаш и хутор, деревня и село представляют всегда зачаток человеческого жилья, а следовательно, и городов.

Цепь тут непрерывна, и, в конце концов, в этой цепи на предстоящее будущее видны не деревни, а города, потому что теснота людская все прибывает и сгущение людей становится все необходимее уже не ради защиты от набегов, а ради всех выгод и удобств жизни вблизи друг друга. Старый, отживший уже свои века город есть место душное, смрадное и разнузданное, но постепенно города улучшаются и стремятся сделаться не только пышными и красивыми, но и здоровыми, с широкими улицами, с большими парками и со всеми условиями чистоты и благоустройства.

Мне нет надобности распространяться о том, как растут и улучшаются за последнее время города, не только потому, что это всякому более или менее известно, но всего более потому, что все важнейшее, относящееся к городам, собрано в прекрасной книге А. Вебера, недавно переведенной на русский язык под названием «Рост городов в XIX-м столетии» (1903).

Но я считаю полезным численно показать ту связь, которая существует между развитием городов и фабрично-заводской промышленностью, потому что Вебер хотя многократно говорит об этой связи, но нигде не выставляет наиболее рельефного доказательства этой связи, которое легко извлечь из отчетов о переписях С.-А. С. Штатов. Берем для примера отчет об 11-м цензусе 1890 г. и находим в нем для 8 наибольших городов приводимое ниже число жителей (в тысячах) и производительность фабрично-заводской и ремесленной промышленности (в миллионах рублей).

Города расположены по порядку, отвечающему числу жителей:

1890 г.	Число жителей в тысячах	Производительность фабрик и заводов в миллионах рублей
Нью-Йорк	1 515	1 508
Чикаго	1 100	1 280
Филадельфия	1 047	1 120
Бруклин	806	523
Сент-Луис	452	446
Бостон	448	410
Балтимор	434	276
Сан-Франциско	300	264

Подобного сопоставления нельзя извлечь из статистик других государств, но вероятно, что везде повторяется то же самое. В том же самом порядке, в котором стоят 8 перечисленных городов по числу жителей, они располагаются и по производительности фабрик и заводов, в них находящихся, так что приходится на каждого жителя около 955 руб. По таблице, далее приводимой, видно, что в 1890 г. вся фабрично-заводская и ремесленная промышленность С.-А. С. Штатов дала продуктов на 9 372,4 млн долларов, или на 18 210 млн руб., т. е. 8 названных городов доставили фабрично-заводских продуктов около 32 %, число же жителей в этом году в Штатах рав-

Винсент Ван Гог. Город заводов. 1887 г.

нялось 62,5 млн, а в названных городах было лишь менее 9,5 %, что явно показывает сосредоточение фабрично-заводской промышленности в современных городах.

С другой стороны, та же перепись указывает на то, что в 1890 г. фабрик и заводов было 355,4 тысячи, в них техников и наблюдателей — 461,0 тысячи и рабочих — 4 251,6 тысячи, а потому, считая хозяев вместе со служащими на заводах, в них получало заработков 5,07 млн людей, следовательно, на каждого приходится около 3 600 руб. валового оборота фабрик и заводов, а так как в городах пришлось на жителя около 950 руб. валовых оборотов фабрик и заводов, то отсюда мне кажется ясным, что лишь около четверти городских жителей прямо занято фабриками и заводами. Однако мы видели выше (гл. III), что в среднем зарабатывающему отвечает по крайней мере 2,5 жителя, живущего этим заработком, а потому фабрично-заводской заработок в названных 8 городах кормит по крайней мере 60 % всех жителей названных городов. Остальные 40 % городских жителей, отчисляя перевозчиков, торговцев, прислугу и т. п., очевидно, представляют по преимуществу соль страны: ее интеллигенцию, ее администрацию и ее просвещение, потому что они сосредоточиваются везде в городах. Нельзя и представить себе такой умственной aberrации, которая требовала бы уничтожения этой доли современного общества уже по той одной причине, что лица, ворчащие на города, сами с ними во всех отношениях тесно связаны и только в городах сосредоточилось то писательство, которое будирует против них. В будущем, когда теснота будет велика и взаимная связь людей, начиная от необходимости свободы печатного слова, возрастет, необходимо представить себе все деревни превратившимися в города и всю свободную землю — в виде огородов у их жителей. Если этого не видеть, надобно уж восставать против умножения числа людей, против возможности обеспечить жизнь небольшими площадями земли²² и против всей союзности людской жизни, лучше всего, так сказать, ежедневно выражающейся лишь в городах.

Таким образом, существо того, что я назвал выше защитой городов, сводится, с одной стороны, к защите фабрик и заводов, а с другой — всей союзности людской и всей их образованности. Защищать эти последние я вовсе не думаю, потому что на них нападали разве только при

уродствах и крайностях некоторых движений революционного свойства, например нередко во времена Великой Французской революции против науки, а во времена анархистов против государственности, представляющей высшую форму того объединения людей, которое обозначено выше словом «союзность». Поэтому обратимся к фабрикам и заводам.

Лица, видящие в прошлом рай земной, а в современности лишь худое, восстают еще сильнее, чем против городов, против фабрик и заводов, и такое их будирование смущает умы еще в большей мере, в особенности у нас, где фабрик и заводов очень мало, они новы и вызываются правительственными мероприятиями и где масса писателей еще проникнута пережитками помещичьих преданий. На фабрики и заводы сыплются громы отовсюду, они нарекаются с разных сторон, а потому защищать их много труднее, но так как в моих «Заветных мыслях» фабрики и заводы представляются делом неизбежным, полезным и важным, хотя и подлежащим своим улучшениям и изменениям, то я, ранее чем перейти к чему-либо иному, желаю с возможно ясностью высказаться в отношении к этому предмету, полагая, что в нем господствует еще более недоразумений и предвзятостей, чем по отношению к городам. Свое изложение я стараюсь сделать сперва качественным и, так сказать, абстрактным, полагая, что главнейшие послышки всем более или менее известны, но потом присоединяю численные данные, так как верю в то, что числа учат глубже и наставительнее, чем рассуждения, хотя бы и оптимистические, хотя бы и основанные на посылках на вид несомненнейших.

Жить людям было бы можно еще поныне наподобие зверей, полярных эскимосов и тропических негров, охотясь, собирая съедобные готовые растения и кое-как укрываясь в своих логовищах и гнездах, но размножаться до преобладающего значения в природе нельзя теми способами, которых образцы рассеяны в самой природе, и необходимо стало изобретать и приспособляться, руководясь началами союзности, мены и любви, которые, в сущности, заложены уже и в зверях, но развиваются только в людях. На первых шагах людской жизни, конечно, пресловутым свобода, равенству и братству было больше места, чем во все последующие времена, когда все стало приводить к необходимости

неравенств, подчинений, обязанности и самостеснений. Кочевой быт, очевидно, уже есть первый шаг в прогрессе, но ненадолго главным образом по двум причинам: по необходимости большого количества земли — а на ней все теснее и теснее жить при размножении населения — и потому еще, что везде и всегда кочевая жизнь вела и ведет к морам и войнам по незакрепленности земли.

Земледельческий быт оттого и взял повсюду верх, что обусловливается собственностью на землю и стремлением к господству мира, допускающему первые успехи в размножении народонаселения и просвещения.

Целыми веками, даже тысячелетиями совершенствовались земледелие и неизбежно привело к тому строю, который господствует в мире, т. е. к государственности, мене, или торговле, и неравенствам всякого рода, основанным на том, что землю нельзя уравнивать на всех и она подчиняется только труду сильных. Совершенствуясь, земледелие дошло до того, что труд немногих достаточен для получения плодов земли многими. Первоначальное, или натуральное, сельское хозяйство группирует около хозяина, или собственника, земли не только его семью, но и ряд подчиненных людей, начиная от рабов и крепостных. Скопление группы людей в земельном хозяйстве становилось тем необходимым, что хозяйственные продукты требовали обработки, начинающейся с переделки зерна в муку и хлеб, а молока — в масло, сыр и т. п. и кончающейся заготовкою жилья, всяких орудий и одежды. Эта переделка, вначале ничтожно малая или простая, постепенно, с возрастанием потребностей, стала усложняться и дошла до того, что труда и искусства над ней стало требоваться даже больше, чем в самом извлечении полезностей из земли.

Отсюда родились ремесла — первообразы фабрик и заводов и первопричина возбуждения торговых отношений, возникших от мены ремесленных продуктов на земледельческие. Выделение ремесленников и торговцев из среды земледельцев в города и обмен сельских произведений на городские совершенно естествен при умножении народонаселения, при улучшениях в сельском хозяйстве и при началах освобождения людей, тем более что ремесла не только связаны с сельским хозяйством, доставляющим сырье, но и очень тесно между собою по двум причинам: во-пер-

вых, потому, что ремесло прежде всего предполагает специализацию, т. е. производство лишь одностороннее, т. е. нуждающееся во множестве других произведений, и, во-вторых, потому, что ремесла более всего нуждаются в рынках сбыта и, следовательно, в известной обширности рынка для своих товаров и в мирном быте, определяемом лишь крепостью городов и сосредоточением там центральных сил округа. Тут действовали и продолжают действовать два важнейших фактора: стремление сократить количество людского труда для получения данного количества переработанных продуктов и стремление заставить вместо людской силы работать силы природы: ветер, воду, пар, электричество.

Их изучение и приспособление к переработке сырых природных продуктов составляют не только естественное начало возникновения реальных знаний, но и первую причину возникновения фабрик и заводов вначале в виде мастерских, где скапливалась работа и специализировались занятия. Адам Смит в своем знаменитом трактате «О богатстве народов» над примером булавочного производства рельефно выставил великое сокращение работы при совместном занятии мастеров отдельными частями переделки, при пользовании соответственными машинами и орудиями. Нельзя требовать, чтобы люди не искали, с одной стороны, возможности удовлетворения умножающихся потребностей взамен данного количества труда, т. е. дешевизны всяких товаров, а с другой стороны — развития искусства получать потребное с наименьшею затратою людского труда. Этим определяется весь материальный прогресс человечества, и на этом пути величайшее значение для понимания возникновения фабрик и заводов имеет изобретение паровых двигателей, а еще больше значения может иметь применение электрических двигателей. В прядильном и ткацком производстве и вообще в производстве одежды это сказывается всего яснее. Не вдаваясь в историю техники этих предметов, всем более или менее известных, результат фабрично-заводского дела можно ясно видеть в том, что хлопок из Америки везли долго в Англию взамен получаемых из нее тканей, и то же можно сказать про Индию и Египет. Ручная переделка не только дает товар более дорогой, чем

фабричная переделка, но и худший во всех качественных отношениях.

Отдельные прядильщики и ткачи не только тратят много больше людского труда, чем фабрика, включая даже и труд, потраченный на топливо, на производство машин и на перевозку с торговлей, но и не могут достичь ни такой предварительной подготовки волокон, ни такой, как на фабриках, однородности нитей и тканей, а потому те, которые сетуют на переход к фабрикам домашнего прядения и ткачества, в сущности восстают против основного начал экономической жизни, стремящихся уменьшить количество труда и удешевить продукты, чтобы удовлетворить нарождающиеся потребности. Соображения, относящиеся к этому предмету, я не считаю надобным умножать, но считаю совершенно необходимым указать на то, что для личного труда в семействе остается еще многое при возникновении фабрик и заводов вместе с умножением потребностей²³, включая в их число и духовные, начинающиеся с грамотности и всего просвещения. Сверх того, здесь необходимо принять во внимание вместе с умножением народонаселения постепенное возрастание улучшений в самом сельском хозяйстве и недостаточность одних произведений земной поверхности для удовлетворения умножающихся надобностей всякого рода. Мера улучшений в сельском хозяйстве должно определить, как и меру улучшений во всем экономическом быте, тем, что для получения данного количества продуктов последовательно уменьшается количество людской работы и трудов. Хороший плуг, рациональное удобрение, соответствующее почве, жатвенная машина, конная или паровая молотилка играют здесь такую же роль, как ткацкий или прядильный станок, как швейная машина в деле производства одежды. Когда таких естественных и полезнейших улучшений в сельском хозяйстве нет, не может быть и речи об улучшении земледельческого быта и всего производства земледельческих продуктов, потому что оно не состоит только в увеличении площади запашки. Лица, сетующие у нас о том, что силы народные обращаются к промышленности, а не к земледелию, очевидно, упускают это из внимания, потому что для умножения продуктов земледелия не столько нужно умножения в нем простой ручной работы, сколько умножения

Н. А. Ярошенко.
Портрет И. Н. Крамского.
1876 г.

И. Н. Крамской. Некрасов в период последних песен. 1877 г.

Большая Морская въ 3 часа пополудни.

И. М. Прянишников.
В мастерской художника.
1890 г.

Альфред Ретель. Харкортская фабрика в Бург-Веттере. Ок. 1834 г.

в количестве и качестве урожаев. Наши урожаи, в среднем достигающие лишь трети того, что получают в Бельгии или Англии с того же количества земли, явно указывают на это, а потому умножение количества босяков определяется отнюдь не размерами нашего сельского хозяйства, а исключительно тем, что рядом с ним не развиваются другие виды промышленности, везде и всегда возникающие, между прочим, из необходимости дать работу всюду размножающимся босякам, называемым чаще всего просто «пролетариями», а потому на переделывающую промышленность можно смотреть как на единственно верное средство к уменьшению числа босяков, ищущих работы. А улучшения сельского хозяйства должно ждать отнюдь не от того, чтобы занять этих босяков земледелием, а лишь от приложения к нему капиталов и знаний, везде накопляющихся только с развитием других видов промышленности, ибо сельское хозяйство само по себе возникает лишь при первых зачатках просвещения и в нем, по существу, мало заинтересовано, как видно уже из того, что всякого рода неудачники прежде всего идут в эту первичную промышленность.

Земная поверхность, обособляемая в собственность землевладельцев для удобств всей обработки земли, с развитием умножающихся потребностей не может уже их удовлетворять в настоящее время, как она может удовлетворять потребности первичного быта, если не по отношению к питательным веществам, то, по крайней мере, по отношению к жилищам, а особенно орудиям разного рода. Для этого служат недра земные, доставляющие при развитии земной жизни не только кирпичи, камни, известь, стекло для жилищ взамен горючего дерева, но и соли, подобные поваренной, гипсу, извести и квасцам, а также металлы, составляющие первичную потребность для всякого рода орудий, облегчающих работу, значение чего понято с глубо-

Средний рудник на Сысертском заводе. 1890-е гг.

кой древности (века бронзовый и железный), но возросло с особою силою лишь с развитием переработочной и перевозочной промышленности. Особенную экономическую важность имеют здесь не медь, серебро и золото, а железо, сталь и каменный уголь, преимущественно же последний как главный материал для двигателей, заменивших людской труд и силу волов и лошадей, воды и ветра во множестве в производстве и в перевозке. Хлебные зерна еще можно кое-как жевать без переработки в муку и хлеб, сырым мясом еще можно питаться и сырыми кожами прикрываться, но произведения ископаемого царства в громадном большинстве случаев вовсе не пригодны для непосредственного применения, тем более что большинство их лежит глубоко зарытыми в земле, и нужны были фонари опыта и знаний, блеск открытий и изобретений для того, чтобы они поступили из своей темноты на людскую пользу при помощи соответственной переработки, т. е. приспособления к непосредственному применению. Ими до сих пор еще не питаются²⁴, но пользуются все в большем и большем количестве, как видно из совершенно рационального стремления жилища сделать негорючими, т. е. складывать на извести и цементе из железа, кирпича и камней, обставлять эти жилища, даже в мелочах, по возможности металлическими изделиями, стеклом, фарфором и т. п.; это видно даже в стремлении получать из каменного угля краски, заменяющие растительные и животные, получать искусственно добываемые удобрения, лекарства и т. п. (например, суперфосфаты, серно-аммиачную соль, селитры и т. п.).

В современной промышленности добыча ископаемых составляет громадную отрасль труда, а их переработка в изделия занимает виднейшую роль во всей фабрично-заводской и ремесленной промышленности стран и уже почти равняется по стоимости переработке сельскохозяйственных продуктов, с течением же времени, без сомнения, сильно возрастет, потому что везде, где возможно, люди стремятся заменить земледельческие продукты ископаемыми опять по причине возрастания народонаселения и умножения всех его потребностей. К тому же разряду причин для умножения фабрик и заводов должно отнести и стремление к переработке всякого рода отбросов. В деревенской или сельскохозяйственной жизни очень часто все отбросы прямо посту-

пают в навоз, т. е. для удобрения почвы. В городской жизни первоначально был ощущаем великий недостаток именно в том, что множество отбросов в городах просто пропадало, но всем известно, что современные города устраиваются так, чтобы этого не было и чтобы полезные для земли отбросы всякого рода, или городские нечистоты, поступали на пользу окрестного земледелия, что особенно хорошо развито первоначально в Голландии, а еще раньше первобытным образом началось уже в Китае. Но этого мало, развивающаяся индустрия воспользовалась множеством отбросов, начиная с тряпья и костей, для прямой пользы, на особых фабриках и заводах превращая их в полезность, например бумагу, клей, суперфосфаты и т. п. Одну из особенностей современной фабрично-заводской промышленности составляет стремление превратить в полезности (утилизировать) всякие отбросы самих производств. Чтобы не остаться голословным, укажу хоть на тот пример, что содовые заводы прежнего времени накапливали около себя целые горы остатков (содовые остатки), а в настоящее время производство так направилось, чтобы этого не было и «содовые остатки» не существовали. Недавно было время, когда железные руды, содержащие фосфор, совсем не перерабатывались, потому что давали хрупкое фосфористое железо, а ныне все такие руды перерабатываются по способам Томаса и других изобретателей, и притом так, что фосфор поступает в такие шлаки, которые прямо перерабатываются в суперфосфаты, т. е. на пользу земледелия. В будущем это направление промышленности должно привести к тому, что все добытое в земледелии или в горном деле, в рыбопромышленности или скотоводстве, все до конца, без всяких почти остатков будет превращаемо в предметы, полезные для людского обихода.

Все вышеперечисленные и многие иные стороны фабрично-заводской промышленности составляют ее, так сказать, казовую сторону, которую, думается мне, признают даже все те, которые нарекают на фабрики и заводы.

Они выставляют обыкновенно их основным недостатком необходимость для основания фабрик и заводов громадного скопления капиталов и возникшую от того власть капитализма в современном мире. Прежде чем

рассматривать этот предмет в его существе, я считаю необходимым указать, во-первых, на то, что преобладание землевладельцев, предшествующее преобладанию капиталистов, совершенно таково же, как современное преобладание капиталистов, а во-вторых, на то, что ни то ни другое преобладающее значение не определяется сущностью «блага народного» и всего государственного и общественного устройства, так как они мыслимы с преобладанием совершенно иных влияний, например, в монархическом правлении — при преобладании монарха и поставленных им чинов, а при конституционном или республиканском устройстве — вместе с преобладанием лиц, совершенно не связанных ни с землевладением, ни с капитализмом, например стариков, лиц духовных, лиц ученых, лиц, отличающихся явными заслугами и известными нравственными качествами, и т. п.

Чтобы сделать мою мысль более ясной, укажу на то, что в прошлом, 1902-м, году мне пришлось в одном кругу просвещеннейших людей Парижа слышать большие нарекания на систему парламентских выборов и указания на то, что в умах множества людей уже ютится мысль о том, чтобы народных представителей избирать исключительно не по цензу имущественности, а лишь по цензу научной подготовленности и нравственных качеств в том предположении, что лишь научная подготовка дает такую широту воззрений, которая нужна для обсуждения государственных дел.

Лично от себя при этом считаю нужным сказать, что выбор народных представителей из числа ученых мне нравится не больше выбора их из числа землевладельцев или капиталистов, потому, собственно, что дело государства я считаю не только теоретическим, но и чисто практическим, в котором нужна своя особая подготовка, и правильное движение вперед для меня мыслимо не по решению большинства, составленного из лиц какого бы то ни было рода, а лишь под влиянием передовых единичных людей, выбор которых при всяком образе правления останется в некотором отношении случайным, что, по мне, все же вероятнее при господстве монархизма, не заинтересованного в частных, а определяемого лишь общими народными интересами.

Этим я не хочу говорить против участия землевладельцев, капиталистов и ученых в на-

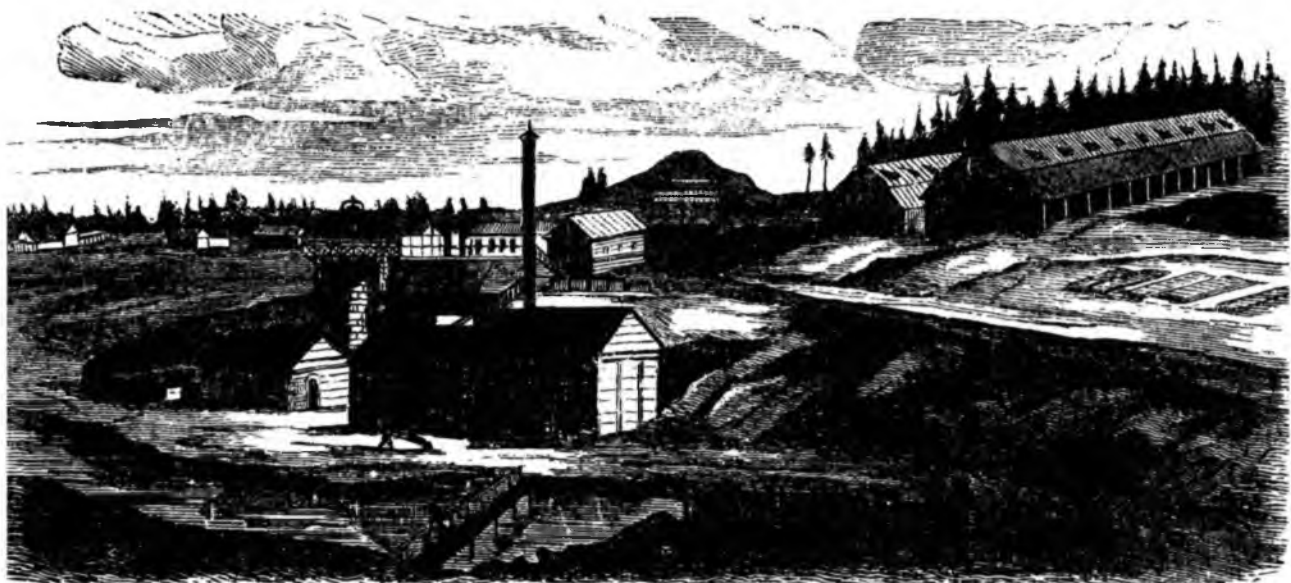
родном представительстве, а хочу только сказать, что по существу государственного дела участие в нем капиталистов вовсе ни из чего не следует, и если оно существует в настоящее время во многих странах Западной Европы, то это ничуть не касается России, в которой может развиваться капитализм без всякого прямого его участия в правительственных сферах, не только общих, но и местных.

Для уяснения этого укажу, не в виде своей заветной мысли, а только в виде пояснения вышеуказанного, что капиталы, надобные для фабрик и заводов, можно доставать путем государственных займов, предоставляя их, конечно, за соответствующий процент вознаграждения, или интереса, лицам, могущим двигать промышленность. Мне известно учение социалистов, желающих, чтобы вся индустрия двигалась как государственная машина, без всякого накопления индивидуальных капиталов, но я считаю такие мысли социалистов совершенно непригодными к действительности, которую двигают не одни общественные побуждения, но и личные интересы. Этими последними определяются всякие успехи всех видов промышленности еще в большей мере, чем стремлением ко всяким видам союзности и государственности. Отлагая до одной из последующих статей развитие своих мыслей о способах, наиболее подходящих к современному быту России для приобретения громадных капиталов, нужных для развития ее промышленности, заключаю эти побочные соображения тем основным замечанием, что капиталы, нужные для промышленности, вовсе не заключают в себе никаких других требований, относящихся ко всему ходу народной жизни, кроме обеспечения получения процентов, или интереса, и я бы ничего не дал в государственном отношении представителям капиталов, вложенных в промышленность России, как не дал бы ничего и землевладельцам, на которых я смотрю не иначе как на капиталистов. Перейдем, однако, к самой по себе потребности капиталистов в промышленности.

Первый вид промышленности, т. е. земледелие в его первичном виде, содержит главный капитал в виде земли и состоит в труде на этой земле. Мне известно, что большинство мыслителей-экономистов глубоко отличают землю от капиталов и в земледелии капиталом считают только остатки труда, прило-

женного к земле для приведения ее в культурное состояние, например труд расчистки от леса, осушение болот, обработку, ограждение и т. п. Пусть это верно для первоначального быта, оно все же совершенно не верно по отношению к современному, а тем паче к будущему, потому что земли продаются и имеют ценность, возвышающуюся от приложенного труда, но существующую помимо него, так как пустопорожними местами все же торгуют, затрачивая прямо деньги, т. е. в реальности земля есть такой же капитал, как здание, фабрика или склад товаров. Ценность земли определяется ее ограниченностью, ее качествами и спросом, как и всякая другая ценность, и начальная стоимость земли без всякого видимого приложения к ней труда определяется трудом государственным, т. е. занятием земли. Государство может дать эту землю тем, кому хочет, совершенно так же, как я могу отдать свои деньги тому, кому пожелаю, и он станет собственником этих денег, как начальный землевладелец — собственником земли, дарованной ему первоначально государством. В реальном же, обыденном, или современном, быте земля продается и покупается, как завод или какое бы то ни было имущество, на деньги, как и все прочее. Все отличие земли от большинства других ценностей сводится к тому, что она существовала помимо человека, конечно, даже раньше его появления, с всею ее способностью давать пищу растениям и животным и содержать в своих недрах полезности.²⁵

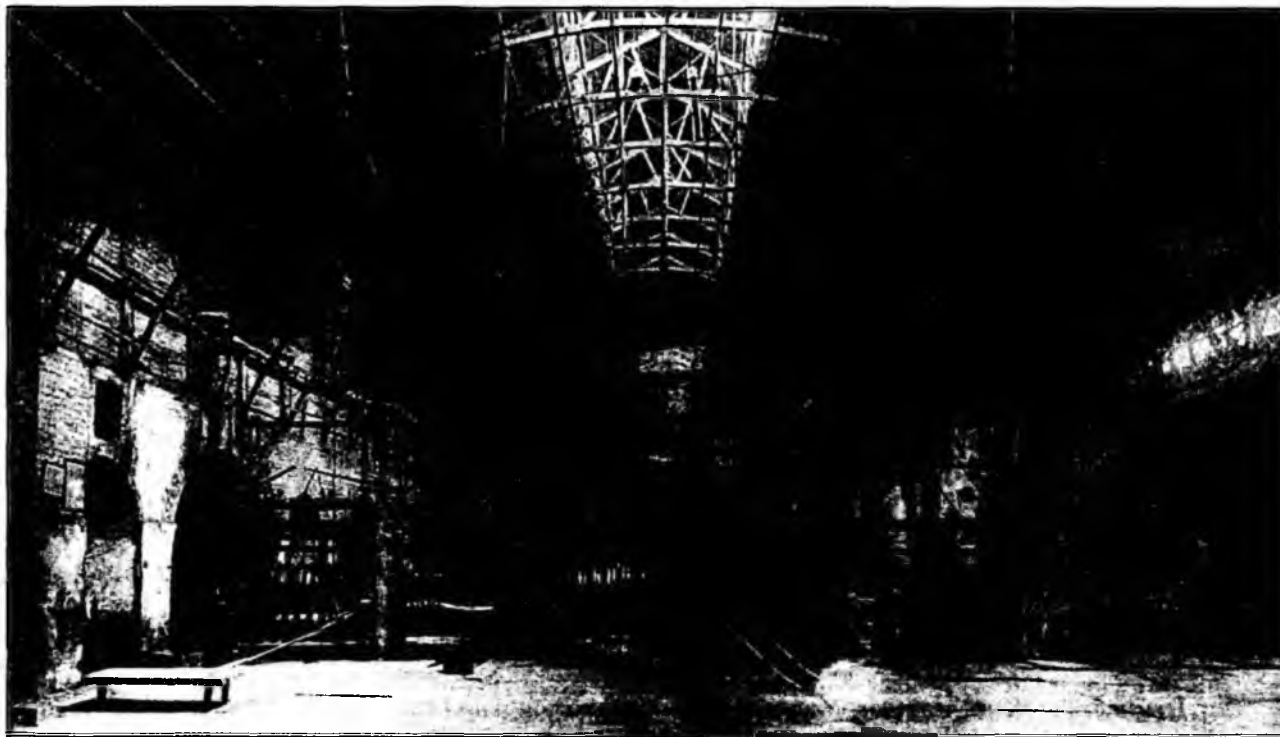
Когда от земледелия переходим к перерабатывающей промышленности, то и в ней видим, что сама по себе она существовать не может и должна получать что-либо от земли или из недр земных, или от обработки ее поверхности, т. е. от земледелия. Ту роль, которую играет в земледелии и горной промышленности земля с ее недрами, занимает в промышленности начальное сырье, поступающее в переработку. В ремеслах прямо к этому сырью прилагается труд и ценность сырья увеличивается от приложения этого труда, но и тут кроме приобретения сырья, поступающего в обработку, надо приобрести место, нужное для обработки, и орудия или средства, для нее потребные, а так как фабрики и заводы возникли, в сущности, из ремесел, то и в них нужна та же самая первоначальная обстановка в виде места и орудий переработ-

Судогорский завод. Гравюра XIX в.

ки. Ценность этих последних составляет обыкновенно основной капитал производства, а ценность приобретаемого сырья — главную часть оборотного капитала, так что в параллель с землей в земледелии здесь становятся место и орудие производства, т. е. капитал. В ремеслах они были ничтожно малы, а здесь их величина все возрастает, подобно тому как в горном деле все возрастает относительная ценность самих недр и предварительного обзаводства, т. е. прорытия доступов к отыскиваемым рудам.

Возрастание ценности орудий производства происходит преимущественно вследствие того, что переработка становится наиболее выгодной только при большом скоплении перерабатываемых предметов. Так, например, даже небольшой двигатель в несколько лошадиных сил обходится всем своим содержанием гораздо дороже большого двигателя, если расчесть стоимость на одну лошадиную силу. Какая-нибудь дробилка для камня или костей тогда только действует правильно и выгодно, когда движется сильным, а не слабым двигателем и требует поэтому для выгодности действия громадной массы сырья, так что дробить переделку на мелкие заводы оказывается весьма невыгодным. Весь присмотр за какой-нибудь доменной печью, дающей в день тысячи пудов чугуна, стоит почти столько же, сколько присмотр за домной, дающей в десятки раз больше чугуна в день. Множество предметов и орудий в настоящее время выгоднейшим образом получают штампованием, и машина, его производящая, не окупилась бы, если бы не работала постоянно, т. е. если бы не выделявала огромное количество штамповочных вещей, совершенно так, как скоропечатная машина оказалась бы невыгодной, если бы, поработав час, затем стояла бы многие сутки без дела. Подобными соображениями технического свойства объясняется, с одной стороны, скопление производства больших количеств на одном заводе, а с другой — удешевление через это большинства товаров по мере улучшения техники производства и увеличения скопления. Если же требуется устройство фабрик и заводов, переделывающих в год большое количество сырья, то, очевидно, требуется и большой капитал, как основной, так и оборотный, для устройства подобных заводов, а вместе с тем уменьшается потребность в личном труде рабочих на единицу производимого товара. Отсюда прямо следует потребность больших капиталов для выгодного производства товаров. В этом капитале, потребном для переработки спрашиваемых товаров, лежит причина того, что развитие переделывающей промышленности прямо определяется величиною капиталов, вложенных в этого рода дела. А так как торговля и перевозка массы произведенных товаров также требует для

Прокатная машина и универсальные валки Северского завода. 1894 г.

своей организации и для своего течения больших соответственных капиталов, то и выходит, что вся переделывающая промышленность сильно зависит от величины вложенных капиталов. Зависимость эта так же велика, как зависимость земледелия и всего сельского хозяйства от количества земли. Тут уж надобно мириться по существу и прямо видеть реальную сторону предмета, состоящую в том, что переделывающая промышленность не может обойтись без капиталов, а потому, если переделывающая промышленность нужна, необходимы и капиталы. Если усовершенствования переделывающей промышленности удешевляют производство, то это удешевление не обходится без участия капитала. Знание, труд, предприимчивость и все прочее здесь нужны, но одни они не могут совладать с переделкой, как в земледелии не могут ничего сделать без земли.

Можно писать еще очень многое по поводу роли капитала в деле перерабатывающей промышленности и по отношению к тому, что капитал является здесь таким же кормильцем прибывающему народонаселению, как и земля, но я не считаю необходимым и полезным умножать подобные соображения чисто реального свойства, потому что не считаю их достаточно убедительными для тех многочисленных пессимистов, которые сетуют на роль капитализма в особенности ввиду того, что капиталы скопляются в руках немногих, и эти немногие, т. е. капиталисты, везде получают такое же значение, какое в свое время имели крупные землевладельцы.

Со своей стороны я уже высказался относительно того, что мыслим капиталистический строй переделывающей промышленности без всякого увеличения в значении капиталистов, но мне остается сделать хоть краткий намек на то, что за последние десятки лет особо важное значение во всем мире начинают приобретать капиталы не единоличные, а сборные, составленные из мелких вкладов множества лиц. Это совершается не только при помощи акций и облигаций всякого рода, но особенно при помощи банков, сберегательных касс и тому подобных учреждений, берущих мелкие сбережения, уплачивающих по ним проценты интереса вкладчикам и долженствующих искать помещения этих капиталов в предприятия, дающие больший процент, чем выдаваемый вкладчикам. Это ведет к тому, что указанные банки снабжают пере-

делывающую промышленность капиталами, и, следовательно, к тому, что основная выгода всех операций распределяется на массу вкладчиков. Во Франции всякий, кто только может, делает мелкие сбережения и участвует поэтому в огромном количестве предприятий, снабжаемых французскими капиталами. То же можно сказать и про многие другие страны, особенно о Голландии и С.-А. С. Штатах. При современном порядке течения дел подобные мелкие сбережения, скопляющиеся в банках и движущие промышленность, мало мыслимы в странах земледельческих именно потому, что в них весь валовой доход жителей мал и из него кое-какие возможные сбережения тратятся во время неизбежных неурожаев и голодовок. Заработки же на переделывающей промышленности не только прочнее и постояннее, но и выше, чем на земледельческой промышленности. Тут более, чем где-либо, необходимы для убеждения численные данные. Множество их можно было бы представить в доказательство вышесказанного, но я считаю достаточным ограничиться числами, относящимися к переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов, тем более что они полнее, чем для какой-либо другой страны. Числа же, относящиеся к сельскохозяйственным странам, всякому читателю будут ясны уже из того, что он знает по отношению к России, и мне, признаться, грустно было бы их приводить в параллель с числами, относящимися к американской переделывающей промышленности.

В прилагаемых таблицах удержано то распределение переделывающих производств С.-А. С. Штатов на группы числом 15, какое введено американскими статистиками в отчете о 12-й переписи 1900 г. Группировку эту нельзя считать сколько-нибудь удовлетворяющею рациональности, но всякая переделка привела бы к затруднениям и запутанностям всякого рода, а потому лучше было ее сохранить, и вследствие этого для уяснения группировки далее приводится перечисление производств, отнесенных в американском отчете к каждой группе. Но предварительно считаю не излишним указать такого рода группировку переделывающих производств, которая исключает группу разных производств, обыкновенно встречающуюся в классификациях; таковы, например, в американской классификации группы 14-я и 15-я.

Рациональная группировка, по моему мнению, должна основываться на различии потребностей, вызывающих производство, и в данную группу, отвечающую определенным потребностям, должно включать не только начальные виды переделки (ручной труд), но и окончательные. Между потребностями же на первом месте, конечно, должно поставить пищу, на втором — кров и вообще обстановку жилья и способы передвижения, на третьем — производство одежды во всех видах. Потребность в металлах и химических продуктах возникла позже, а потому и группы производств, удовлетворяющих этим потребностям, следует поместить лишь после вышесказанных. В конце же всех производств мне кажется приличнее всего поставить производства, связанные со словом и печатью.

Таким образом, получится 6 основных групп.

1) Производства, относящиеся к питательным веществам, напиткам и приправам всякого рода, считая сырые материалы полученными от добывающих производств. Понятное дело, что во главе переделывающих производств этой группы нужно поставить производства муки, крупы и т. п., а в конце следовало бы поставить трактиры, гостиницы и т. п., если бы классификация производств достигала бы до таких концов в обычном своем виде, ныне же ни в американской, ни во всех иных классификациях производств трактиры и т. п. не причисляются к фабрикам, заводам и производствам, хотя, по моему крайнему разумению, нет никакого существенного различия между производством макарон, печений или конфет на фабрике, хлебов в булочной и всякого рода кушаний в трактирах и гостиницах. Все виды переделки питательных веществ, включая, например, подготовку кофе, конечно, должны быть отнесены в эту группу. Сюда же должно быть отнесено производство всякого рода напитков: от вина и спирта до производства газированных вод, и если подготовку горчицы и перца включают в производство питательных веществ, то сюда же нужно отнести и производство табачных изделий, хотя табаком не питаются, как не питаются минеральными водами. Обособлять же в особых группах напитки или табак (как делается в американской классификации) мне кажется совершенно напрасным по их небольшому значению

по отношению к удовлетворению людских потребностей.

2) Вторую весьма обширную группу потребностей составляют жилища и всякие приспособления, к ним относящиеся. Здесь можно отличить производство изделий растительного царства от изделий минерального, если даже не включать в их число металлов. Обе подгруппы обширны. Первая должна начинаться с лесопилен, а вторая — с каменотесного дела, и к этой последней необходимо причислить все производства из глины и стекла. В эту же группу должны войти все ремесла, относящиеся к возведению зданий, производству мебели и всякой обстановки жилищ.

3) В третью группу производств, относящихся к одежде, следует включить не только все виды переделки волокнистых веществ в пряжу и ткани, не только всю обработку кожи и разных других растительных и животных продуктов для одежды, но и такие ремесла, как сапожное, портняжное и т. п., что в некоторых классификациях совсем не вводится в группировку, а причисляется к ремеслам, а в других далеко удаляется от производства тканей, кож и т. п.

4) К четвертой группе переделывающих производств следует причислять, по моему мнению, всю добычу и переделку всякого рода рудных металлов, относя к горному или добывающему производству только добычу руд, как к сельскому хозяйству должно причислять добычу зерна, дерева, листьев табака и т. п. То, что называют добычей металлов, есть, без сомнения, вид обработки прямо никауда не пригодных руд в потребные металлы. Сюда же должно отнести все виды переделки металлов до булавочного и ювелирного производств. А если ремесла (чего именно не делает американская классификация) не отделять от фабрик и заводов (ибо последние произошли из первых), то сюда же, а не в неопределенную группу разных производств или ручного труда должно отнести кузницы, слесарни, водо- и газопроводное дело и т. п.

5) В пятую группу переделывающих производств, можно сказать с уверенностью, возникшую позднее предшествующих, следовало бы включить не только все виды химических производств, начиная от получения кокса или светильного газа из каменных углей,

но и все производства, группирующиеся около электричества.

Сюда должны войти сухая перегонка, получение смол, мыла и других парфюмерных товаров, зажигательных спичек и т. п. Конечно, эта группа производств окажется довольно сложною, но причину этого, прежде всего, должно искать в сложности многих новых народившихся потребностей и в разнообразии применения науки о внутренних силах для производства товаров, удовлетворяющих таким потребностям.

б) Последнюю группу переделывающих производств должно составить, по моему мнению, главным образом из бумажного и печатного производств, переплетного мастерства, гравировального, фотографического и тому подобного производств, так как ими удовлетворяются потребности, наиболее далекие от первичных. В тех классификациях производств, где типографии, фотографии и тому подобные заведения не включаются в число фабрично-заводских, упускается из вида, что в типографии или фотографии материальное существо дела совершенно таково же, как в фабриках и заводах.

Коснувшись такой упрощенной классификации переделывающих производств, которая обнимала бы не только фабрики и заводы, но и ремесла и не заключала бы неопределенных групп разных производств, я знаю, что в приложении ее встретится немало затруднений и необходимость условных соглашений, но я пытался и могу сказать, что не встретил затруднений приложить такую классификацию к обзору переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов, через что дело выиграло в наглядности.

Однако, как помянуто выше, я сохранил в дальнейших таблицах американскую классификацию, чтобы облегчить сличение далее приводимых выводов с подлинными результатами переписи и чтобы избежать перечисления всех отдельных, многих сотен переделывающих производств и ограничиться лишь отдельными группами. Но значительная условность американской классификации заставляет прибегнуть к перечислению отдельных производств, включенных в каждую из 15 групп.

1. К *первой* группе американской классификации отнесены: мукомольное дело и все виды переделки зерен до фабричного хлебо-

Работа в пекарне. 1890-е гг.

печения включительно, все виды переделки молока, переделка сахара-сырца в рафинад и кондитерские изделия, переделка какао, производство глюкозы, получение консервов всякого рода, обработка рыбных и мясных товаров, пряностей, жиров до приготовления маргарина включительно, а также уксуса и сидра²⁶.

2. Ко *второй* группе отнесены производства из хлопка, льна, пеньки, джута, шерсти и шелка, получаемых в сельском хозяйстве, всякого рода очищенных товаров, пряжи, ниток, веревок, канатов, лент и тканей, включая сюда и изделия, подобные вязаным, например чулкам, мешкам, коврам, покрывкам всякого рода, а также и окраска их, получение клеенки, парусов, неводов и т. п., если они производятся не одними ручными способами, а с участием двигателей.

3. К *третьей* группе отнесена переделка чугуна, железа стали, получаемых в горном деле, на проволоку, железные канаты, листовое железо, литые изделия, трубы всякого рода, пружины, всякого рода железные инструменты и машины до пушек, ружей, стальных перьев, швейных и вязальных машин, весов, гирь, железных печей, гвоздей, шорных изделий и т. п.²⁷

4. К *четвертой* группе отнесены все производства, основанные на переделке дерева в доски, фанеры, корзины, трости, древесный уголь, всякую мебель, бочки, ящики, футляры, рамы, жалюзи, линейки и древесную массу для бумажных изделий, а также переделка пробки, если они ведутся не одним ручным трудом.

5. К *пятой* группе отнесены производства, основанные на переделке кож: само кожевенное производство, т. е. дубление и подготовка кож, производство ремней, сапожные и башмачные фабрики²⁸, производство седел, записных книжек и т. п.

6. К *шестой* группе американской классификации отнесены производства бумажной массы, бумаги, обоев, конвертов, картонажей, ярлыков, гравюр, типографских и фотографических изделий, издательское и переплетное дело.

7. К *седьмой* группе отнесены производства спиртных напитков, включая пивоварение, виноделие, разливы вин и очистку спирта, минеральных вод всякого рода и солода.²⁹

8. К *восьмой* группе отнесены химические и сходственные производства, сгруппированные на особых заводах, а именно производство товаров химических, аптекарских, красок и красильных, мыла и всяких парфюмерных экстрактов, пороха и всяких взрывчатых, искусственных удобрений, минеральных масс (керосина, смазочных и т. п.), костяного, эфирных, льняного и тому подобного масел, видов сала и жиров, камеди и смол.

Стеклодувы за работой.
Конец XIX — начало XX в.

9. К *девятой* группе отнесены производства стекла и изделий каменных и глиняных, и эту группу должно считать наиболее естественною и не требующею дальнейших объяснений.

10. К *десятой* группе отнесены производства, основанные на переделке разных металлов, кроме железа и стали (группа 3). Эта группа производств также не требует особых объяснений, и само собою подразумевается, что добыча самих металлов из руд здесь не включена, а переделка включена только та, которая ведется машинным способом, а не одним ручным трудом (группа 15), до машинного производства ювелирных изделий и часов.

11. К *одиннадцатой* группе причислены все производства, основанные на переделке табака.

12. К *двенадцатой* группе причислены производства всякого рода экипажей, начиная от детских колясочек, санок и велосипедов и кончая вагонами для конок и железных дорог.

13. К *тринадцатой* группе отнесены все производства, касающиеся всяких судов, начиная от маленьких лодок и кончая большими кораблями.

14. *Четырнадцатая* группа производств содержит всякого рода остатки предшествующих групп, т. е. все фабрично-заводские или машинные производства, не вошедшие в 13 первых групп. Сюда отнесены, например, производство музыкальных инструментов, газовое освещение, каучуковое производство, производство электрических приборов, земледельческих орудий, свеч, искусственного льна, кокса, клея, графитовых изделий, метелок, щеток и тому подобных полировальных средств, колесной мази, ваксы и чернил, скипидара и смол, пуговиц, искусственных цветов, игрушек, костяных товаров, перчаток, отделка мехов, производство волосяных товаров, научных, медицинских, хирургических приборов и некоторые другие, перечислять которые в подробности нет особой надобности, так как группа эта и без того очевидно сложнее, чем большинство других, по количеству и свойству содержащихся в ней производств.

15. В последней, или *пятнадцатой*, группе американской классификации соединены производства под названием «ручного труда», т. е. такие, которые чаще всего носят название ремесел. Сюда отнесены, например, кузнницы, мастерские для починки всякого рода приборов, те бондарни, которые работают без паровых или иных двигателей, сапожные, портняжные и тому подобные мастерские, столярные и т. п. заведения для сооружения зданий и отделки их.

В дальнейшем изложении указанные группы производств сохранены в том виде, как они даны здесь и в 12-й переписи, потому что нередко очень поучительно сравнить разные категории производств друг с другом, например по отношению к размерам отдельных заведений, их основному капиталу, числу в них рабочих и т. п. Американская перепись тем и драгоценна, что она дает многие элементы, касающиеся разных видов обрабатывающей промышленности по всякого рода производствам. Мы здесь ограничимся только сводом, относящимся к целым группам и ко всей их совокупности, потому что и этот свод дает возможность сделать много таких выводов, каких нельзя сделать не только для нашей,

Таблица 1

**Свод сведений о годовых оборотах переделывающей промышленности
(фабрики, заводы и ремесленные заведения) Соединенных Штатов Северной Америки
по переписям 1880, 1890 и 1900 гг. (ценности в миллионах долларов)**

Группы производства	Год переписи	Число, или количество, промышленных хозяйств	Основной капитал, в миллионах долларов	Надсмотрщики, конторщики и тому подобные посредники		Исполнители или рабочие		Разные расходы (подати, страхование и т.п.) в млн долларов	Стоимость сырых материалов, в млн долларов	Стоимость продуктов в млн долларов
				число, в тысячах	им жалование, в млн долларов	число, в тысячах	им вознаграждение, в млн долларов			
		(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1. Пищевые продукты всякого рода (исключая напитки)	1900	61 302	1 940,9	46,0	39,3	313,8	129,9	78,0	1 839,3	2 277,7
	1890	41 296	507,7	48,1	33,4	249,3	90,4	52,9	1 319,0	1 636,2
	1880	38 427	318,8	—	—	174,4	51,8	—	1 002,5	1 171,2
2. Пряжа и ткани	1900	30 048	1 366,6	44,5	50,0	1029,9	341,7	128,5	896,0	1 637,5
	1890	16 847	1 008,1	34,0	34,0	824,1	278,2	78,4	705,0	1 261,7
	1880	14 137	594,9	—	—	710,5	198,5	—	569,6	971,3
3. Переделка добытых железа и стали в изделия всякого рода (другие металлы в группе 10)	1900	13 896	1 528,9	49,8	58,1	734,0	381,9	91,5	987,2	1 793,5
	1890	11 169	997,8	30,9	36,6	531,8	285,4	57,7	617,6	1 144,1
	1880	8 823	487,9	—	—	379,5	160,9	—	369,1	659,4
4. Обработка дерева	1900	47 079	946,1	31,1	29,0	547,0	212,2	42,1	561,5	1 030,9
	1890	35 586	844,4	41,3	30,9	547,8	201,6	45,5	462,7	878,0
	1880	42 336	313,6	—	—	319,7	96,3	—	282,8	489,4
5. Кожа и кожаные изделия	1900	16 989	343,6	14,0	14,2	238,2	99,8	22,9	395,6	583,7
	1890	12 918	246,8	17,8	15,3	212,7	98,4	18,6	294,4	487,6
	1880	16 208	139,8	—	—	181,8	70,5	—	293,8	425,9
6. Бумага и печатное дело	1900	26 747	557,6	48,2	49,0	297,6	140,1	76,1	214,2	606,3
	1890	20 160	344,0	35,5	34,6	225,6	117,6	59,5	149,6	455,6
	1880	6 044	135,4	—	—	119,4	53,4	—	91,8	198,3
7. Напитки	1900	7 861	534,1	10,9	16,9	63,1	36,9	188,8	122,2	425,5
	1890	4 219	310,0	8,4	11,1	48,4	29,1	117,0	109,8	341,2
	1880	3 880	135,0	—	—	38,7	17,1	—	102,4	167,3
8. Химические производства	1900	5 444	498,4	22,3	26,3	101,5	43,9	49,8	356,2	553,0
	1890	5 642	322,5	13,5	14,2	76,5	33,9	29,5	239,9	380,1
	1880	2 914	113,9	—	—	45,4	17,3	—	112,8	170,1
9. Стекланные, глиняные и каменные изделия	1900	14 809	350,9	13,6	13,7	245,0	109,0	19,2	94,6	293,6
	1890	11 711	217,4	13,5	11,4	221,4	90,5	14,1	69,0	229,8
	1880	10 418	83,1	—	—	132,6	39,9	—	40,1	108,0
10. Производство изделий из разных добытых металлов	1900	16 305	410,6	14,0	16,1	190,8	96,7	21,3	497,0	748,8
	1890	10 019	204,3	14,8	14,9	123,2	64,1	14,7	179,2	316,9
	1880	9 801	87,6	—	—	85,3	38,9	—	99,6	173,3
11. Производство табачных изделий	1900	15 252	124,1	8,3	9,0	142,3	49,9	79,5	107,2	283,1
	1890	11 643	96,1	13,2	10,2	122,8	44,6	37,6	92,3	211,7
	1880	7 674	40,0	—	—	87,6	25,1	—	65,4	118,7

Группы производства	Год переписи	Число, или количество, промышленных хозяйств	Основной капитал, в миллионах долларов	Надсмотрщики, конторщики и тому подобные посредники		Исполнители или рабочие		Разные расходы (подати, страхование и т.п.) в млн долларов	Стоимость сырых материалов, в млн долларов	Стоимость продуктов в млн долларов
				число, в тысячах	им жалование, в млн долларов	число, в тысячах	им вознаграждение, в млн долларов			
		(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
12. Производство экипажей всякого рода	1990	10 113	396,8	16,4	15,2	316,2	164,6	19,8	268,3	508,6
	1890	10 175	248,2	13,3	11,2	221,1	118,2	9,5	174,6	344,5
	1880	4 472	55,3	—	—	68,7	27,8	—	56,1	105,0
13. Производство кораблей, барок и т.п.	1900	1 116	77,4	1,4	2,0	46,8	24,8	3,7	33,5	74,6
	1890	1 010	53,4	1,1	1,2	24,8	14,8	1,4	16,9	40,3
	1880	2 188	21,0	—	—	21,3	12,7	—	19,7	36,8
14. Разные особо поименованные производства (см. выше)	1900	29 479	1 349,0	53,2	49,2	483,3	202,7	81,9	490,1	1 004,1
	1890	19 304	768,9	33,2	33,4	302,6	136,6	49,0	300,2	645,6
	1880	11 149	180,2	—	—	188,8	66,1	—	171,4	311,4
15. Портняжное, сапожное и другие мелкие ремесленные производства (см. выше)	1900	215 814	392,4	22,3	15,8	559,1	288,1	124,6	482,7	1 183,6
	1890	143 716	355,5	142,4	98,2	519,3	287,9	45,7	431,8	1 009,3
	1880	75 381	83,7	—	—	178,9	71,7	—	119,8	263,6
Итого передельвающая промышленность (без горной, сельскохозяйственной и вообще добывающей)	1900	512 254	9 817,4	396,8	403,7	5 308,4	2 322,3	1 027,8	7 345,4	13 004,4
	1890	355 415	6 525,2	461,0	392,0	4 251,6	1 891,2	631,2	5 162,0	9 372,4
	1880	253 852	2 790,3	—	—	2 732,6	948,0	—	3 396,8	5 369,6

но и ни для одной западноевропейской фабрично-заводской и ремесленной статистики. Свод этот тем поучительнее, что он дает числа для трех переписей: 1880, 1890 и 1900 гг., что показывает изменения, происшедшие в течение 20 лет, и общий характер, сохраняющийся в последней четверти XIX столетия.

Приводимые сведения для каждого рода производств помещены в 9 столбцах, а именно: в столбце (1) дано число промышленных передельвающих заведений; в столбце (2) — величина основного капитала, в них действующего; в столбце (3) — число тысяч лиц, названных нами посредниками, т. е. техников, руководителей, надсмотрщиков, конторщиков и т. п.; в столбце (4) дается в миллионах долларов сумма получаемого ими в год жалования, или содержания; в столбцах (5) и (6) даны число и получаемое содержание рабочих, действующих в производстве, переводя временных на годовые сообразно со временем занятий. Числа подобного рода встречаются еще в статистиках других стран, но то, что дано в столбцах (2), (3), (4), (7) и (8), представляет драгоценные особенности американской статистики, позволяющие делать много выводов, почти невозможных по отношению к передельвающей промышленности других стран. В столбце (7) дана в миллионах долларов сумма расходов, названных «смешанными» (miscellaneous expenses).

Под этим названием подразумеваются такие неизбежные текущие, т. е. ежегодные, расходы производств, как подати и повинности всякого рода, страхование, ремонт и присмотр зданий

и т. п. Величина расходов этого рода оказывается весьма значительною и все год от года возрастающею и превосходящею, например, расход на техников и посредников, так что упущение величины этого рода расходов, существующее в статистиках других стран, не позволяет делать таких суждений, какие возможны для фабрик и заводов С.-А. С. Штатов. В столбце (8) дается сумма ценностей всех сырых материалов, примененных в годовом производстве данного рода товаров. На первый взгляд можно думать, что вся та огромная сумма этих ценностей, которую дает статистика, представляет доход сельскохозяйственной и горной промышленности, добывающей сырье, но в действительности это не так, потому что не только все ремесленные заведения, но и почти всякие фабрики и заводы получают часть своего сырья от других фабрик и заводов, например кораблестроительные верфи — от железозаводчиков, столяров, канатчиков, парусников и т. п.; фабрики материй получают краски и многие другие материалы от химических заводов, а ремесленники все почти свое сырье — от фабрикантов. Не зная размеров затрат на сырье, а только количество годовой производительности, как это бывает в статистиках многих стран, можно делать очень ложные заключения, что можно ясно видеть из примера ткацких фабрик, получающих готовую пряжу, составляющую главную ценность тканей, от прядильных фабрик; и если ценность сырья не дана, а дана только сумма ценности продуктов, очевидно, что цена пряжи взойдет двукратно — в сумму производительности прядильных фабрик и в ту же сумму ткацких фабрик. Наконец, в (9) столбце дается общая сумма ценности годового производства промышленных заведений, что дается обыкновенно и в статистиках других стран.

В приводимой табл. 1 просто перепечатано без всяких изменений то, что дано в 12-й переписи, на с. CXLIV и CXLV, vol. VII, part I (Census Reports, 1902), а потому все ценности даются в долларах. Для наших же соображений, конечно, яснее перевести ценности на рубли, что и делается в дальнейшем изложении, приняв 1 доллар равным 1,9434 руб. Затем предварительно считаю необходимым упомянуть о том, что в столбцах (3), (4) и (7) для 1880 г. не дается соответственных цифр, потому что просто не собирались сведения,

относящиеся к «посредникам» и «смешанным расходам».

Поэтому надлежащая полнота всех данных имеется только для 1890 и 1900 гг. Однако же до некоторой степени можно пользоваться и цифрами для 1880 г. как по той причине, что величины цифр (3), (4) и (7) столбцов все же относительно невелики, так и по той, что во всех суммах замечается довольно близкая арифметическая пропорциональность, т. е. числа для 1890 г. близки к среднему между числами 1880 и 1900 гг. Так, например, в эти последние годы число заведений было 254 и 512 тысяч, среднее дает 383, а в 1890 г. было в действительности 355 тыс. заведений, ценность сырья, столбец (8), для 1880 и 1900 гг. была 3 347 и 7 345 млн долларов, среднее равно 5 346, а в действительности для 1890 г. оно равнялось 5 162 млн долларов.

Конечно, полной пропорциональности тут нет, но ее можно предполагать недалекой от действительности для кратких промежутков времени, например от 1890 г. до 1900 г. Отсюда вытекает возможность упростить все соображения, касающиеся общего положения промышленности С.-А. С. Штатов, получая среднее из наиболее полных данных для 1890 и 1900 гг. (табл. 2), что и будет отвечать годовым оборотам для периода, близкого к 1895 г.

Конечно, это можно сделать только для тех соображений, которые касаются общего строя современных промышленных дел, но не их изменения с течением времени, для чего и будут служить различия данных по периодам переписей.

Приводимые далее сведения относятся к промышленным заведениям, действующим при помощи машин (группы от первой до четырнадцатой) или лишь при помощи инструментов (группа пятнадцатая), когда эти заведения производят в год товаров более чем на 500 долларов, или на 972 руб.

Прежде всего обратим внимание на те стороны предмета, которые представляют существенные изменения во времени, заметив предварительно, что в 1880 г. в Америке насчитывалось 50,2 млн, в 1890 г. — 62,6 и в 1900 г. — 76,2 млн жителей, и сравним рост переделывающей промышленности с возрастанием числа жителей.

Числа эти совершенно явно показывают, что в С.-А. С. Штатах переделывающая промышленность за последнюю четверть века

Год	Миллионов жителей	Число всех заведений в тысячах	На 1 млн жителей приходится заведений	Общая годовая производительность перерабатывающей промышленности, млн руб.	На каждого жителя приходится продуктов в год, рублей
1880	50,2	253,9	5 055	10 435	208
1890	62,6	355,4	5 677	18 214	291
1900	76,2	512,3	6 722	25 273	332

возрастает быстрее, чем умножается население, так как и число перерабатывающих заведений, и ценность доставляемых ими продуктов постепенно, но несомненно возрастает, считая на одного жителя. Особенно это важно по отношению к ценности продуктов, явно показывающей, что потребности жителей и их богатства умножаются с поразительной быстротой. Этим определяется более всего всем известное умножение всей силы этого сравнительно молодого государства. Возрастание производительности перерабатывающей промышленности за последнюю четверть века идет и повсюду, но не с тою быстротою, как в Штатах, что можно было бы показать цифрами, но мне не хочется переходить к этому предмету, чтобы сильно не усложнять изложение, тем более что в статистике С.-А. С. Штатов совокупаются ремесла, годовая производительность которых более 500 долларов (группа 15), с фабриками и заводами, а во всех почти других странах существует более или менее полная отчетность почти исключительно только для фабрик и заводов. Для того чтобы вывод становился яснее, сопоставим теперь по годам предшествующие данные для всех первых 14 групп, не включая 15-й, где содержатся ремесла; поэтому для фабрик и заводов (группы 1—14) получают следующие цифры, распределенные по тем же столбцам, как в предшествующем сопоставлении:

Год	Миллионы жителей	Тысячи заведений	На 1 млн жителей приходится заведений	Миллионы рублей	Рублей
1880	50,2	178,5	3 554	9 923	198
1890	62,6	211,7	3 383	16 253	260
1900	76,2	296,4	3 890	22 973	301

Отсюда видно, во-первых, что значение ремесел сравнительно с фабриками и заводами невелико по отношению к ценности произведений, приходящейся на 1 жителя, во-вторых, что число заводов и фабрик, приходящихся на данное количество жителей, можно сказать, остается почти одинаковым, но их производительность явно возрастает с течением времени, потому что они дают на 1 жителя все больше и больше товаров, хотя при этом многие товары дешевеют, и, в-третьих, что относительное число ремесленных заведений с годовым оборотом более 500 долларов не уменьшается, а возрастает и растут даже их обороты; это полезно показать отдельным сопоставлением для производств 15-й группы, т. е. для ремесел:

Год	Миллионы жителей	Тысячи заведений	На 1 млн жителей приходится заведений	Миллионы рублей	Рублей
1880	50,2	75,2	1 502	512	12
1890	62,6	143,7	2 296	1 961	31
1900	76,2	215,8	2 832	2 300	30

Это сопоставление имеет большую поучительность для тех у нас особо многочисленных поборников кустарного, ремесленного, т. е. вообще ручного, труда, которые сетуют о том, что фабрики и заводы убивают ручной труд подобно тому, как железные дороги убивают гужевую перевозку.

В действительности это не так: фабрики и заводы, увеличивая все благосостояние жителей и все их обороты (ибо они дают совершенно новые и крупные заработки) и отнимая кое-что от кустарной и ремесленной промышленности, во-первых, рожают новые кустарно-ремесленные заведения и даже увеличивают их число и обороты, а во-вторых, делая жителей в среднем более богатыми, вызывают новые кустарно-ремесленные заведения, так что на долю 1 жителя приходится не только возрастающее число фабрично-заводских продуктов, но и возрастающий оборот заведений ручного труда, т. е. кустарно-ремесленных.³⁰ Так, возникают разного рода заведения для починки часов, по мере того как часовое производство возрастает из-за удешевления часов, производимых на особых фабриках.

Так, потребность в кружевах ручного производства и в портных возрастает, по мере того как улучшается вся женская одежда с удешевлением тканей и со всем обогащением народонаселения.

Так и во множестве всяких других отношений, даже прямо возбуждаемых фабрично-заводскими оборотами.

Поэтому мое личное мнение по отношению к развитию ремесленной и кустарной промышленности России таково же, по существу, как и в отношении сельского хозяйства, т. е. я утверждаю, что и наша страна, обогащаясь от развивающейся фабрично-заводской промышленности, будет непременно развивать как свое сельское хозяйство, так и свои кустарные и ремесленные промыслы.

Если одни из последних пропадут с развитием фабрик и заводов, то возникнут взамен их новые, другие; перестанут делать колеса для телег, а станут делать или шпульки для ниток, или формы для отливок, или подкладки для электрических проводов и т. п., т. е. и в кустарно-ремесленном деле, как и во всей промышленности, с течением времени должны наступать свои перемены, и, на мой взгляд, времена и их условия во всем мире так переменялись и так быстро меняются на глазах наших, что отстаивать прежнее положение вещей — значит тянуть назад, а не заботиться о сохранении стройного движения вперед, быть не консерватором, а ретроградом, так как неподвижная неизменность среди растущих поколений представляла бы явные смертные признаки, надобны же изменчивость жизни и роста и приноровление к изменяющейся обстановке.

Не считаю надобным более останавливаться над теми переменами, которые видны в 1-й таблице для С.-А. С. Штатов от 1880 до 1890 г., между прочим, потому, что период сравнительно краток и статистические приемы в самих Штатах за это время немного изменились, а потому некоторые сравнения страдали бы отсутствием параллелизма данных.

По этой последней причине преимущественного внимания заслуживают наиболее параллельные данные 1890 и 1900 гг., в которых условия составления статистических отчетов в Америке были почти одинаковыми.

Для целей дальнейших выводов совсем незначительно влияние тех различий, которые замечаются в числах обеих последних переписей, а потому я считаю наиболее поучительным взять из них среднее, которое будет относиться поэтому примерно к 1895 г., недалекому от современности.

Из таких средних составлена наша 2-я таблица, не требующая дальнейших объяснений, кроме указания на то, что доллары переведены в рубли и всякие десятичные части отброшены.

Из этой таблицы выведем три основных следствия, имеющих, на мой взгляд, важное значение.

Число всех жителей С.-А. С. Штатов в 1890 г. было 62,6 млн, а в 1900 г.— 76,2 млн, следовательно, в среднем около 69,5 млн. Из этого числа жителей от перечисленных выше производств получали заработок:

434 тыс.	хозяев или предпринимателей
429 »	надсмотрщиков и других посредников
4 780 »	рабочих или исполнителей

Итого: 5 643 тыс. лиц

Следовательно, прямой заработок от перечисленных видов переделывающей промышленности в С.-А. С. Штатах получило около 5,6 млн лиц, или 8,1 % всех жителей. А так как один зара-

Средние для 1890—1900 гг. данные для фабрик, заводов и ремесленных заведений
(с производительностью более 1000 руб. в год) С.-А. С. Штатов,
считая на один год производства

Группы	Число заведений	Основной капитал, млн руб.	Техники и другие посредники		Рабочих или исполнителей		Податей и других расходов, млн руб.	Сырых материалов, млн руб.	Готовых товаров, млн руб.
			число тысяч	вознаграждение, млн руб.	число тысяч	вознаграждение, млн руб.			
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1. Пища	51 229	1 408	47	71	281	214	127	3 069	3 803
2. Пряжа и ткани	23 448	2 307	39	83	927	602	201	1 556	2 817
3. Переделка железа и стали	12 537	2455	40	92	633	648	145	1 559	2 854
4. Обработка дерева	41 333	1740	36	58	547	402	85	995	1 855
5. Кожы	14 953	574	16	29	225	192	40	670	1 041
6. Бумага и печать	23 454	876	42	81	262	250	132	354	1 022
7. Напитки	6 040	820	10	27	56	64	296	225	745
8. Химические производства	5 543	798	18	39	58	76	77	579	907
9. Стекло, глина и камни	13 260	552	14	24	233	194	32	159	508
10. Изделия из разных металлов	13 157	597	14	29	157	156	35	657	1 036
11. Табак	13 447	214	11	19	133	92	114	194	481
12. Экипажи	10 144	629	15	26	269	275	28	411	829
13. Корабли	1 063	127	1	3	36	38	5	49	112
14. Разные производства	24 397	2 058	43	80	393	330	127	768	1 603
15. Ручной труд	179 765	727	82	111	539	560	166	889	2 131
Итого около 1895 г.	433 840	15 882	429	772	4 780	4 093	1 610	12 134	21 744
В процентах от годовой стоимости товаров	—	73 %	—	3,6 %	—	18,8 %	7,4 %	55,9 %	100%

батывающий, как мы видели выше (в гл. III), кормит в среднем своим заработком по крайней мере $2\frac{1}{2}$ жителя, то переделывающую промышленностью в С.-А. С. Штатах жило в конце XIX в. по крайней мере 20 % жителей.

Число лиц, живущих переделывающей промышленностью в Штатах, несомненно, возрастает с годами, как видно из того, что в 1880 г. хозяева, посредники и рабочие составляли лишь 6 % жителей, в 1890 г.— около 8 %, а в 1900 г.— около $8\frac{1}{4}$ %.³¹

Из других четырех видов заработков, а именно земледелия, горного дела, перевозки с торговлею и профессионально-административной деятельности, только одно земледелие кормит еще больший процент жителей, хотя и дает им меньше доходов, чем переделывающая промышленность; три же других главных вида заработков, наверное, кормят меньшее число жителей и в общем целом представляют меньший совокупный доход.

В будущем, сколько я понимаю предмет, число лиц, зарабатывающих свое содержание на деятельности: а) сельскохозяйственной, б) горнопромышленной с фабрично-заводскою и с) торговой с перевозочною и с профессионально-административною,— будет почти приравняться, но индустрия в конце концов, вероятно, возьмет повсюду верх. В первичном же состоянии жизни земледельцы, конечно, должны преобладать.

У нас в литературе очень часто встречается неправильное понятие о том, что в настоящее время около 85 % жителей России кормятся земледелием. Эта ошибочность соображений основывается на том делении на классы, по которому всех крестьян, приписанных к общинам, считают за земледельцев, тогда как огромное их количество, к сожалению, в настоящее время не-

известное в точности, живет по городам, при торговле, промышленности и перевозке и при разного рода служебных обязанностях, вовсе не имея никакого отношения к земледелию, и всякий, кто без предубеждения смотрит на современное положение у нас крестьянства, знает, что те крестьяне, которые не живут при земледелии, кормят многих и многих из своих родичей, остающихся в деревнях при полях и земледелии и только ищущих других, более выгодных заработков, которых, увы, не находят, что и дает пресловутых босяков. Крестьянин — плотник или землекоп, каменщик или маляр — всю зиму живет, почти ничего не делая, в деревне, а весь свой заработок достает отнюдь не от земледелия, а от своего отхожего промысла в городах. Громадное большинство крестьян Урала, виденного мною в поездке 1899 г., только неделю или две занято на покосе, земледелия в истинном его объеме вовсе не знает и все же причисляется всей своей массой к числу земледельцев, потому что приписано в крестьянстве, а заработки их идут на заводах или около них. Крестьянство целых губерний, например Ярославской или Олонецкой, получает от земледелия гроши, хотя от других видов промышленности зарабатывает рубли. Тут много предстоит хорошей статистике разрушить господствующий предрассудок, и тут яснее, чем в чем-нибудь, выступит государственное значение городов, переделывающей промышленности, торговли, перевозки и профессионально-административной деятельности. У нас все это сбито в какую-то кучу преимущественно на основании того, что крестьянскую общину отождествляют с земледельческой деятельностью.

Но я не оставляю этих беглых замечаний без выражения, во-первых, того, что в числе моих заветных мыслей не содержится нисколько каких-либо стремлений к разрушению крестьянской общины, так как я думаю, что община крестьян может в наше неустроенное время лучше, чем разрозненные мелкие собственники, бороться с посягательствами сильных соседей, в общину не включенных; во-вторых, того, что прежде разрушения крестьянской общины всего нужнее специальная выработка законных условий для выхода из общины и разрушение тех преград, которые существуют ныне для сравнительно свободного приложения труда к разным деятель-

ностям помимо сельскохозяйственной, и, в-третьих, того, что наступление зрелости, требующей полной свободы частной собственности, и в развитии сельского хозяйства должно, по моему мнению, предоставить усмотрению самих членов общины, т. е. я желал бы, чтобы община, если надобно, распалась не путем единовременного общего предписания или постановления, а постепенным, или эволюционным, путем, определяемым сознательностью своих участников.³²

Второе замечание, относящееся к предшествующей таблице, сводится к тому, что в С.-А. С. Штатах одна переделывающая промышленность в конце XIX в. доставила товаров почти на 22 млрд руб., т. е. по 300 руб. на каждого жителя, но больше чем половина (около 56 %) этой стоимости падает на сырье; складывая же все расходы фабрик, заводов и крупных ремесел, получаем:

3,6 %	стоимости	посредников
18,8 %	•	рабочих
7,4 %	•	разных доходов
55,9 %	•	сырья
В сумме: 85,7 %		

Следовательно, для капиталистов и предпринимателей, заводящих фабрики, заводы и ремесла, остается из стоимости товаров 14,3 %. Какая доля из этого остатка, или дохода, в некоторых отношениях еще валового, должна быть отчислена предпринимателю и какая капиталу, сказать в точности нельзя, и сведения об учетном проценте, в Штатах недалеко от 3 %, не может здесь служить для расчета, потому что учету подвергаются только векселя, преимущественно торговые, представляющие большую вероятность своевременной уплаты, заводы же, фабрики и ремесла всегда представляют громадный риск неудачи; множество из заведенных предприятий этого рода терпят полную неудачу, и капитал им, как основной, так и оборотный, дается только за высокие проценты. Притом капитал фабрик, заводов и ремесел глубоко отличается от основного капитала, примененного к земледелию и состоящего преимущественно из ценности земли, отличается тем, что каждый год изнашивается, становится менее стоящим при продаже, тогда как земля, даже запущенная, в своей ценности не

падает, а повсюду повышается, а потому промышленный капитал неизбежно требует сильного, или быстрого, погашения.

Все, что я знаю по отношению фабрично-заводской промышленности, заставляет требовать погашения капитальных начальных затрат не более как в 10, много 20 лет, а потому из 14,3 %, достающихся предпринимателю и капиталу, должно отчислить на погашение и интерес основного капитала около 7,3 %, т. е. 10 % основного капитала, так как основной капитал составляет (табл. 2) 73 % от стоимости всех производимых ежегодно товаров. Но и этого мало; кроме основного капитала фабрикам, заводам и ремеслам необходимо всегда иметь большой оборотный капитал. Он нужен не только на покупку сырья, на заготовку топлива, на плату за непроданные товары посредникам и рабочим, на текущие подати, ремонт и всякие другие расходы, но и для кредитов торговцам, которым продаются товары, так как немного есть фабрично-заводских и ремесленных товаров, оплачиваемых прямо деньгами, а большинство должно лежать в складах или у самого производителя, или у оптового торговца.

Из всего того, что я успел узнать в течение своей жизни по отношению к фабрикам и заводам, я полагаю, что для главной их массы и для их совокупности величину оборотного капитала должно принять не менее как в половину стоимости всей годовой производительности. Этот оборотный капитал, равный 5 % стоимости товаров, нельзя считать могущим получаться только по векселям, т. е. с учетным процентом. Мой жизненный опыт внушает мне мысль, что многие из не удающихся у нас промышленных предприятий оттого и бедствуют, даже часто банкротятся что при своем устройстве неправильно соразмеряют величину необходимого оборотного капитала, рассчитывая обыкновенно с большою тщательностью размеры основного капитала. Не только у нас, но даже и в С.-А. С. Штатах, где свободных капиталов ныне уже много, оборотный капитал фабрикам, заводам и ремеслам нельзя доставать в среднем менее чем за 5, даже, правильнее, 6 %. Считая величину оборотного капитала в 50 % стоимости товаров, получим, что на эту долю капитала нужно ежегодно тратить около 3 % всей стоимости товаров. Таким образом, на долю предпринимателя остается

в сущности лишь 4 % от всех тех 14,3 %, которые остаются за вычетом непосредственных, или текущих, расходов.

Предприимчивость в обзаводстве переделывающих производств требует глубоких знаний всякого рода, начиная с социальных или общественно-экономических и кончая знанием современной техники производства, а потому здесь более чем где бы то ни было нужна подготовка, свое высшее образование, свой труд, своя смелость и своя настойчивость, которые нельзя же оставить без соответственного вознаграждения. Конечно, фабрики, заводы и ремесла основывают не потому, что они могут дать хозяину в среднем 4 %, а потому, что надеются получить гораздо высший доход, и без сомнения, что одни из предпринимателей получают много больше 4 %, но зато другие не только меньше или ничего, но очень часто — и прямые убытки. Это видно даже в предшествующей таблице. Возьмем для примера группу 15, дающую товаров на 2 131 млн руб., из этой суммы вычитаем 111 млн руб. на подмастерьев и вообще посредников (столб. 4), 560 млн руб. — на рабочих (столб. 6), 166 млн руб. — на подати и другие текущие расходы и 889 млн рублей — на сырье, т. е. в сумме 1 726 млн руб., и получаем на капитал и предпринимателю 405 млн руб., или 19,0 % от всей стоимости производимых товаров. Основной капитал предприятий этой группы равен 727 млн рублей, следовательно, по предшествующему, его интерес и погашение равны 72,7 млн руб. Оборотный капитал 106,5 млн рублей по 6 % требует 64,0 млн руб. Следовательно, всему капиталу надо отдать 136,7 млн руб., или 6,4 % от всей стоимости товаров. Таким образом, предпринимателям производств 15-й группы остается в среднем уже не 4, а 12,6 % от всей стоимости товаров. Это потому, конечно, что здесь сосредоточены предприятия мелкие, заводные с риском гораздо меньшим, чем крупные, а главное, потому, что ручной труд принаравливается к окружающему спросу, имеет узкий круг для своего приложения и сами хозяева в нем непосредственно участвуют, как видно из того, что на 180 тыс. предприятий имеется только 82 тыс. помощников предпринимателей и 539 тыс. рабочих.

Очевидно, что такие предприятия, которые могут затеваться только в больших размерах, каковы, например, прядильни, многие

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

химические производства, многие металлические и т. п., несут большой риск и в среднем дают меньший процент выгод предпринимателям, как можно видеть и из данных табл. 2.

Для примера разочтем данные 3-й группы (переделка железа и стали). Весь приход — 2 854 млн руб., прямые расходы $92 + 648 + 145 + 1559 = 2444$. Следовательно, для капиталов и предпринимателей остается 410 млн руб., а так как основной капитал равен 2 455 млн руб. то на его интересы и погашение нужно 245,5 млн руб.; оборотный капитал равен 1427 млн руб., для его интереса из 6 % надо 85,6 млн руб., то предпринимателям остается 78,9 млн руб., или 2,8 %, т. е. менее средних 4 %. Но здесь-то именно и встретятся чаще всего предприятия безвыгодные или даже убыточные, которые очень часто тянутся и продолжают производство, видоизменяясь по требованиям рынка, в надежде получить барыш со временем.

Третье важное соображение, относящееся к вышеприведенной табл. 2, сводится к тому, что из массы лиц, зарабатывающих на переделывающей промышленности, наибольшую и несомненнейшую пользу и выгоду извлекают техники и другие посредники, рабочие, государство, собирающее подати и налоги, все те, которые получают от заводов и фабрик смешанные расходы (ст. 7), всякие производители сырья, т. е. преимущественно земледельцы и предприниматели горного дела, и, наконец, капиталисты. Весь же риск и только очень небольшую часть из всей сложности доходов получают предприниматели. Это видно прямо по числам общего свода, так как, судя по предшествующему, 21,7 миллиарда всей стоимости продуктов распределяется между всякими участниками, по существу, следующим образом:

На техников и других посредников (около 3,5 %)	772	млн руб.
На рабочих (около 19 %)	4 093	»
На подати и другие сметанные расходы (около 7,5 %)	1 610	»
На сельских хозяев, горнопромышленников и других поставщиков сырья (около 56 %)	12 134	»
Капиталистам:		
а) интерес и погашение основного капитала	1 588,2	»
б) интерес оборотного капитала	652,2	»
Всего (около 10 %)	240	»
На предпринимателей и хозяев (около 4 %)	895	»
	21 744	млн руб.

Отсюда очевидно, что предприниматели, заводящие фабрики, заводы или ремесла, дают своей стране громаднейшие доходы, оставляя себе лично за весь свой труд и риск — помимо своего капитала — лишь сравнительно очень немного. Рабочие, т. е., например, у нас это были бы босяки, жадущие какого бы то ни было заработка, получают от фабрик и заводов в 5 раз больше, чем предприниматели.

Государство, облагая всякого рода сделки и прямо облагая производителей, получая акцизы и пр., едва ли от фабрик и заводов получает меньше, чем сами заводчики. Техники, конторщики и всякого рода посредники приобретают от учреждения заводов почти столько, сколько сами фабриканты и заводчики. Главный же куш, больше половины всей стоимости заводских товаров, достается поставщикам всякого рода сырья, т. е. преимущественно земледельцам и горнопромышленникам. Капиталистам же от фабрик и заводов достается в $2\frac{1}{2}$ —3 раза более, чем предпринимателям, заводящим фабрики, заводы и ремесла. Здесь всего важнее напомнить, что все почти риски, неизбежно сопряженные с устройством переделывающей промышленности, почти целиком ложатся на предпринимателей и только отчасти на капиталистов, так как эти последние все же обеспечивают свои ссуды фабрикам, заводам и ремеслам разнообразными способами, т. е. залогом имущества и товаров, несколькими подписями векселей и т. п. Что же касается до всех видов исполнителей, включая и техников, то они совершенно обеспечены, потому что завод может разориться, а уговоренная рабочая плата, или жалованье, все же уплатится хотя бы на счет капитала, как то существует во всех образованных странах в обеспе-

Средние данные для переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов за 1890—1900 гг.,
разочтенные на одно предприятие и на личные заработки

Группы	На одно промышленное заведение приходится						На одно лицо приходится		
	капитал, тыс. руб	число служа- щих и рабочих	в год товаров, на тыс. руб.	годовой расход на сырые продукты, тыс. руб.	годовой расход на слу- жащих, подати и т. п., тыс. руб.	годовой расход на капиталы, тыс. руб.	хозяину в год, тыс. руб.	в год на одного посред- ника, руб.	в год на одного рабочего, руб.
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1. Пища	27	6	74	60	8	5,0	1,0	1 511	762
2. Пряжа и ткани	97	41	120	66	38	13	3	2 128	649
3. Переделка железа и стали	196	54	227,6	124,3	70,6	26,4	6,3	2 300	1 024
4. Обработка дерева	42	14	45	24	13	5,6	2,4	1 611	735
5. Кожи	38	16	69	45	17	5,9	1,1	1 813	853
6. Бумага и печать	37	13	43	15	20	5,1	2,9	1 929	955
7. Напитки	136	7	123	37	64	17	5	2 700	1 143
8. Химические производства	144	19	164	105	35	19	5	2 167	854
9. Стекло, глина и камни	41	19	38	12	19	5,3	1,7	1 714	833
10. Изделия из разных металлов	45	13	78	50	17	6,9	4,1	2 071	994
11. Табак	16	11	36	14	17	2,7	2,3	1 727	690
12. Экипажи	62	28	82	41	32	8,7	0,3	1 733	1 022
13. Корабли	120	35	106	46	43	15	2	2 500	1 056
14. Разные производства	84	18	66	31	22	10	3	1 860	840
15. Ручной труд	4	3,5	11,8	4,9	4,7	0,8	1,4	1 354	1 039
Среднее для всех, 1890 и 1900 гг. Для 1880 г.	37 19	12 11?	50 40	28 26	15 7,2	5,2 3,4	1,8 3,4	1 800 ?	856 674
	тыс. руб.		тыс. руб.	тыс. руб.	тыс. руб.	тыс. руб.	тыс. руб.		тыс. руб.
			Приходы	Расходы			На одно лицо в год		

чение общего народного блага. Главные получатели выгод, т. е. поставщики сырья, получающие около 56 % всей выручки, приобретают в фабриках, заводах и ремеслах существеннейшую поддержку своих предприятий.³³ Между этими поставщиками сырья первейшее место занимают именно сельские хозяева, сбывая соседним с ними заводам не только обычные свои произведения для содержания массы лиц, получающих заработки на заводах, но и множество особых продуктов, требуемых переделывающей промышленностью, начиная с леса, свекловицы, волокнистых веществ, кож, мяса и всякого рода других продуктов. От переделки на соседних или местных фабриках, заводах и в ремеслах множество ископаемых, растительных и животных произведений земли приобретает способность вывозиться далеко, сохраняться долго, а потому и поступать на общий мировой рынок, без переделки же большая часть этих продуктов вовсе бы оставалась лежать втуне и не давала бы поводов прилагать труд к их добыче и переделке, а труд есть единственный источник богатства народов, а следовательно, и «народного благосостояния».

Чтобы с ясностью выразить некоторые стороны вышеизложенных соображений, составлена прилагаемая здесь табл. 3, в которой по отдельным группам разочтены размеры отдельных, или единичных, производств, для чего дается размер их капитала (столбец 1-й) и число служащих (столбец 2-й), т. е. посредников и рабочих в одном заведении. Затем в столбце (3) дается

также для отдельного заведения обций валовой доход, или стоимость производимых товаров. В трех следующих столбцах, (4), (5) и (6), даны расходы, отвечающие одному среднему заведению и состоящие в плате за сырье (4), в уплате техникам, рабочим, подачей и пр. (5) и в уплате капиталу (6), рассчитывая его, как приведено выше, т. е. считая 10 % от основного капитала и 3 % от стоимости товаров. В столбце (7) дан тот остаток, который отвечает единоличному доходу хозяина, т. е. представляет его личный заработок. В столбцах (8) и (9) дается в рублях годовой заработок как той группы участников, которые названы выше посредниками (техники, конторщики и т. п.), так и рабочих-исполнителей (см. табл. 3).

Разбор данных мы ограничим рассмотрением взаимного отношения разных производств и прямых заработков участников в предприятиях.

Между всеми видами переделывающей промышленности наименьшие размеры имеют заведения ручного труда, или ремесла (группа 15), как видно из того, что на каждое из них приходится менее всего капитала и менее всего служащих. Наибольшее же число капитала и служащих (единовременно) отвечает производству тканей, переделке железа, кораблестроению и химическим производствам (группы 2, 3, 8 и 13), т. е. фабрики и заводы этого рода в среднем отличаются наибольшими размерами и здесь-то именно находятся промышленные предприятия, иногда достигающие громадных размеров. Не лишено поучительности то обстоятельство, что в большинстве случаев увеличение основного капитала отвечает увеличению числа рабочих, действующих в отдельном заведении. В среднем на одного служащего на заводе приходится около 3000 руб. основного капитала, что явно указывает на важный социальный факт зависимости между размерами предприятий и числом действующих исполнителей. А так как эти исполнители, т. е. рабочие и посредники, в С.-А. С. Штатах средним числом получают годовой заработок около 1000 руб. и этот заработок, как увидим далее, возрастает год от года и превосходит непосредственные траты, необходимые на житье, то все дело переделывающей промышленности сводится к тому, что сами эти исполнители, сложившись и представляя силь-

ную кредитную единицу (как наша сельская община) могут быть капиталистами, заводящими переделывающие предприятия на сборный, или акционерный, капитал. Без революций, без удовлетворения спешливым и малосостоятельным утопиям коммунистов, эволюционным путем, постепенно исправляются те недостатки, которые часто указывают в промышленности. И если мы взглянем на то, как шло дело в сельскохозяйственной промышленности не у нас только, но и во всем свете, не говоря, конечно, о первичном сельском хозяйстве, имевшем в виду лишь одно прокормление своей семьи. Вначале крупные участки земель были только у крупных владельцев, баронов и помещиков, сельскохозяйственные работы на них вели или рабы, или крепостные, которым доставались только крохи из общего заработка, львиная же доля доставалась землевладельцу. Но постепенно дело приходит к современному положению вещей, когда нет ни рабов, ни крепостных, и на крупных участках земли действуют только босяки или лица, ищущие свободного труда, получающие за него вознаграждения тем больше, чем больше спроса на труд. С этого последнего состояния дел, с великим трудом достигнутого в сельском хозяйстве, начались те капиталистические формы промышленных предприятий, на которые сыплется столь много нареканий преимущественно со стороны землевладельцев, видящих тут прежде всего возрастание плат, необходимых для исполнителей (рабочих и посредников). Всякий знает, что сельское хозяйство, давая лишь временный труд босякам ли или каким другим рабочим, даже в самое спешное страдное время не может платить таких вознаграждений, какие дает промышленность, в своем основании представляющая применение свободного труда, без всякого остатка исторических преданий рабства или крепостничества, потому что в своих современных основаниях переделывающая промышленность началась только после эпохи уничтожения рабства и крепостничества. Мне бы пришлось сильно удлинить свою статью, если бы я стал приводить численные доказательства вышесказанному, а потому, считая основные факты, сюда относящиеся, общеизвестными, я остановлюсь только над числами, доставляемыми американскою переписью. Они показывают, что в общем сред-

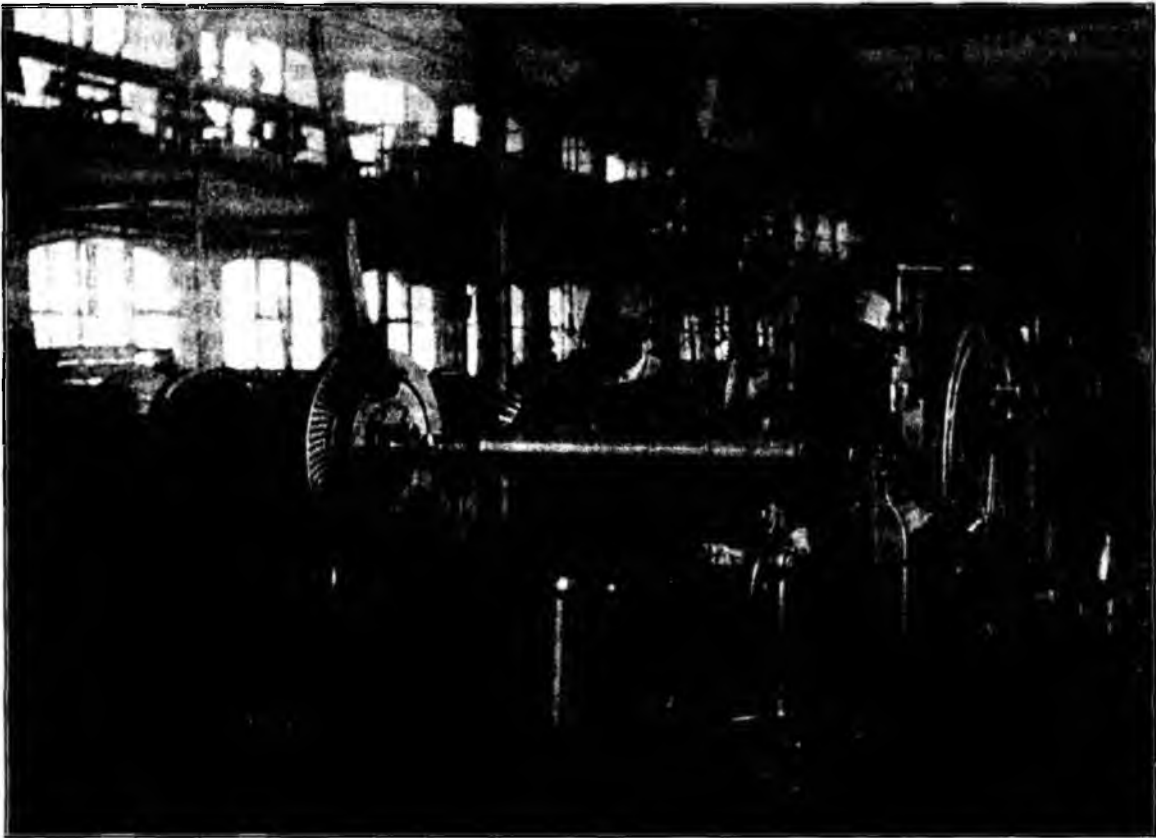
нем годовой заработок рядового исполнителя (столб. 9 в табл. 3) в переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов достигает до 856 руб., а в отдельных видах промышленности, например при переделке металлов или при производстве кораблей и экипажей, превосходит даже 1000 руб. Годовой заработок меньше всего только для производств 2-й группы, т. е. для переделки волокнистых веществ на прядильнях и ткацких, что зависит, наверное, прежде всего от того, во-первых, что здесь нужно меньше всего предварительной подготовки, во-вторых, от того, что здесь применимее, чем для остальных видов переделывающей промышленности, труд женщин и детей, всюду оплачиваемый ниже, и, в-третьих, от того, что прядение и производство тканей ранее множества других переделывающих видов промышленности перешло к фабрикам и одежда почти настолько же нужна, как хлеб, т. е. составляет отрасль первичных потребностей, в удовлетворение которых развитое человечество с полным успехом стремится к удешевлениям всякими способами.

Средний годовой заработок для эпохи 1890—1900 гг. рабочих, равный 856 руб., отвечает примерно 3 руб. дневной рабочей платы, и если принять, что одному зарабатывающему отвечает $2\frac{1}{2}$ человека, долженствующих питаться этим заработком, то все же окажется, что современный заработок простого рабочего в С.-А. С. Штатах за последнее время далеко превосходит размеры средств, необходимых для удовлетворения первичных потребностей³⁴, потому что они при удовлетворении всех первичных потребностей, даже духовных, на среднего жителя (считая детей, стариков, женщин и т. п.) не достигают и 70 коп. в день, т. е. на $2\frac{1}{2}$ человека — 1 руб. 80 коп. в день или в год 650 руб. Среднему работнику остается около 200 руб. в год или на улучшение своего быта, или на то, чтобы откладывать про запас и, следовательно, постепенно становиться капиталистом и участником в предприятиях, требующих капиталов. Эволюция здесь сводится к тому, что годовой заработок постепенно, но неуклонно возрастает, как видно и по числам американской статистики. Они показывают совершенно явно это возрастание, так как средний годовой заработок исполнителей в 1880 г. равнялся в С.-А. С. Штатах только 674 руб., т. е. за по-

следнюю четверть века он поднялся почти на одну треть.

Средний годовой заработок техников, конторщиков и тому подобных посредников более чем в 2 раза превосходит вознаграждение простых рабочих и достиг уже 1800 руб. в год для общей совокупности предприятий всякого рода. Он выше всего в таких предприятиях, как химические вместе с производством напитков, в кораблестроении и в производстве железных изделий, т. е. машин и т. п. (группа 3), несомненно, по той причине, что здесь требуется наиболее предварительной подготовки, т. е. учения, и достойно примечания то обстоятельство, что в предприятиях этого рода и простые рабочие получают более, чем в тех предприятиях, где предварительной подготовки не надобно или почти не надобно, что и дает простейшее объяснение низкой заработной платы, которую дает сельское хозяйство. Проведя главную часть своей жизни в среде молодежи, учащейся не только для того, чтобы сделаться просто современным людьми, но я для того, чтобы получить через это возможность зарабатывать насущный хлеб для себя и своей семьи, видя размеры средних промышленных заработков в С.-А. С. Штатах и зная то, чего достигают у нас на обычном служебном поприще, я не устал и не устану говорить о том значении, которое имеет промышленность в деле единоличных заработков лиц со всякой подготовкой, и утверждать, что будущее благо отдельных лиц, а через то и всей страны нашей переее всего зависит от меры развития у нас переделывающей промышленности. Наши газетчики, поддельваясь под тон некоторой части наших отсталых людей, просто не понимают даже прямой своей выгоды, когда бичуют переделывающую промышленность, потому что газету покупать могут только те, у кого есть какие-то избытки, а не босяки и сельскохозяйственные рабочие.

Но перейдем, наконец, к хозяевам и капиталистам. Средний вывод, полученный в табл. 3, по вышеизложенному расчету показывает очень примечательный факт, что средний заработок самих хозяев (1800 руб. в год) за свой личный труд — помимо капитала — очень близок к среднему годовому заработку техников и всяких других посредников (столб. 7 и 8). Существо такого вывода весьма понятно из того, что от техников и других посредни-

Ткацкий цех Прохоровской мануфактуры. Москва. 1900 г.

ков требуется такая же подготовка и такой же неустанный труд, как от хозяев. Здесь надобно указать на то, что техник свое вознаграждение получит наверное, а хозяин может его вовсе не получить, если товары останутся на руках и если условия капитала будут сколько-нибудь тяжелы. Пропуская несколько промежуточных соображений, я выведу в назидание будущего два следствия вышеуказанного явления. Во-первых, то, что высшие техники, получающие, без сомнения, личный трудовой заработок больше, чем хозяева (помимо капитала), постепенно и неизбежно должны становиться капиталистами, что, в сущности, ведет к тому, чего достигать желательно и должно, так как в будущем знанию, настойчивости и труду должно же отдать все возможное. Во-вторых, должно видеть, что охота быть хозяином предприятия должна с течением времени убывать, так как вся личная подготовка и все личные труды станут оплачиваться для высших техников лучше, чем для хозяев, если они в то же время не суть капиталисты. Эти обстоятельства должны неизбежно привести к тому, что единоличные предприятия сколько-либо больших размеров будут осуществляться только при помощи сборных капиталов и все распоряжение делом будет вверяться техникам или высшим служащим, как это в большем или меньшем размере стало уже осуществляться не только в кооперативных предприятиях, но и в обычных акционерных или паевых. Данные для 1880 г. показывают по тому способу расчета, которого мы придерживались, что 25 лет тому назад в С.-А. С. Штатах на долю хозяев приходилось больше (3400 руб. в среднем), чем в годы 1890—1900-й (1800 руб.). Это зависит, по моему мнению, главнее всего от того, что в 1880 г. в среднем на одно промышленное заведение требовался капитал только в 19 000 руб., а в эпоху 1890—1900 гг. в среднем стало требоваться уже 37 000 руб. (табл. 3, столб. 1, последние строки), т. е. по мере развития промышленности на одно переделывающее заведение требуется все больший и больший капитал, и ход этого

возрастания так велик, что на одного исполнителя в 1880 г. нужно было лишь около 2000 руб. основного капитала, а около 1895 г. стало требоваться уже около 3000 руб., что явно показывает замену текущего человеческого труда капитальными затратами на машины и другие средства, требующие капитальных затрат.

Но и увеличивающемуся капиталу с течением времени все труднее и труднее достаются заработки, как видно из того (табл. 3, столб. 3, последние строки), что в 1880 г. на 19 000 [руб.] капитала в среднем приходилось товаров на 40 000 руб., а около 1895 г. на 37 000 [руб.] капитала — только около 50 000 руб., а не 75 000, как бы следовало по пропорциональности. Тут должно видеть существо так называемого капиталистического строя — он увеличивает, а не уменьшает значение личного труда. Все дело сводится, значит, к капиталу, действующему в переделывающей промышленности. Его интересы мы приняли одинаковыми как для 1880-го, так и для 1895 г., но сущность эволюции, совершающейся в промышленности, в реальности сводится к уменьшению интересов капитала, т. е. к уменьшению процентов на всякого рода капиталы, посвящаемые промышленности. Пропуская опять ряд промежуточных соображений, самих по себе, по моему мнению, очевидных, должно прийти к заключению, что и капиталистам в деле промышленности будет доставаться все меньший и меньший пропорциональный доход, выигрывать же, в сущности, будут не они, а только исполнители, т. е. рабочие, техники и т. п. А отсюда неизбежно не утопическое, а совершенно реальное следствие, приводящее к тому, что с течением времени неизбежно произойдет то, что капиталы для переделывающей промышленности будут поставляться самими исполнителями, рабочими, техниками и т. п., в виде мелких вкладов. Чтобы выяснить значение такого следствия, достаточно провести параллель с сельским хозяйством, если землю в сельском хозяйстве поставить в параллель с капиталами в переделывающей промышленности и интерес капитала — с рентой на землю. Разница будет очевидна и определится тем, что общее количество земли в данной стране, как и на всей земле, прямым образом нельзя — за известными пределами — увеличить, а капитал, потребный для переделыва-

ющей промышленности, сам собою неизбежно возрастает эволюционным путем, потому что капитал должен неизбежно выдавать в переделывающей промышленности исполнителям повышающиеся заработки, часть которых в виде сбережений и образует новые капиталы, тогда как новой земли они не дают, и хозяева последней не только постепенно повышают цены на землю, но и возвышают ежегодную с нее ренту, что находится, очевидно, во взаимной связи. От увеличения мирового капитала, состоящего из сбережений, усиливается тот интерес, или процент, который он может доставать, все равно как было бы в сельском хозяйстве, если бы с увеличением потребности в земле увеличивалось бы все количество.

Такова сущность моих оптимистических представлений, касающихся хода промышленных дел в мире. Прямо из чисел видно, что от развития промышленности прежде всего зависит общее «благо народное», так как главный выигрыш от нее достается рабочим в виде возрастания их годовых заработков; и на капитал, по моему крайнему разумению, должно смотреть как на единственное вернейшее средство увеличить общий средний достаток людей, потому что капитал может беспредельно увеличиваться и распределяться между людьми, чего вовсе лишена земля, составляющая главный основной капитал земледелия. Логические следствия отсюда многочисленны и многообъемлющи. Будучи реалистом, я боюсь, однако, вдаваться при этом в рассмотрение многих сторон предстоящего промышленного развития, но все же, хоть вскользь, укажу не на утопические следствия, а на два таких, которые, по моему мнению, неизбежно должны наступить, лишь только промышленная эпоха распространится на весь мир, что, без сомнения, произойдет, как, надеюсь, доказано в моей статье о народонаселении, много что в сто, двести лет.

При начале этой эпохи, уже ныне совершающемся, еще будут уповать на земледелие, потому что свободных или малонаселенных земель еще довольно, но это очень скоро пройдет, если прирост народонаселения не будет сильно уменьшаться всякого рода неудачами и войнами, а при тесноте народонаселения неизбежны будут босяки, и вначале для их прокормления, а потом из чисто личных соображений непременно будут зате-

ваться промышленные предприятия, т. е. по миновании переходной эпохи все страны станут промышленными и земледелие просто станет в ряд других видов промышленности. Протекционизм есть не что иное, как средство ускорить наступление этой эпохи, нужной для «общего блага». Тогда-то и должны наступить два упомянутых следствия. Первое сводится к тому, что капитал, умножаясь, раздробится и хотя не распределится совершенно равномерно, но сосредоточится огромной массой в руках наиболее просвещенных и трудоспособных людей. Второе следствие, относящееся к промышленности, сводится к тому, что переделывающая промышленность станет возможно только для сборного капитала, состоящего из мелких вкладов отдельных участников.³⁵

До такого предбудущего порядка вещей, однако, надобно добратся не иначе как исходя из действительности, ныне существующей, а она на вид совершенно иная, и в ней капиталы сосредоточиваются у Морганов, Ротшильдов, Рокфеллеров и тому подобных миллиардеров.

Просто и коротко сказавши свою заветную мысль, во-первых, я готов утверждать, что современный порядок есть преходящий, вытекающий из разных особенностей земледельческого порядка течения дел, во-вторых, что при всех недостатках современного, еще едва начинающегося промышленного строя все же он оказывается для народного быта благоприятнее прежнего, века длившегося, земледельческого строя, как видно из увеличения среднего общего прироста народонаселения (см. гл. II), из увеличения общего народного достатка и из развития, хотя еще все же зачаточного, общего просвещения; в-третьих, мне желательно, хотя и в очень сжатом виде, выяснить свое сильное суждение о тех свойствах, которые присущи капиталу и которые создают миллиардеров.

Земледелие не только у мелких собственников, но и у владельцев больших участков земли всегда было и навсегда останется делом, так сказать, кропотливым, зависящим весьма много от каждого исполнителя. Его сосредоточение в немногих руках, постепенно убывая, стремится к раздроблению на отдельные фермы, хотя не дробящееся до размеров, сообразных с числом исполнителей, но, во всяком случае, разделяющееся до не-

которого предела, более мелкого, чем было прежде, и потому существо его влечет к тому, что крупное сосредоточивание убавляется, несмотря ни на какие майораты. Такой порядок, уже начавшийся как в фермерских хозяйствах, так и в наших наделах крепостных крестьян, в будущем, без сомнения, станет только возрастать, т. е. дробление будет увеличиваться и может доходить до китайского, или огородного, хозяйства.

Земледельческому быту в переделывающей промышленности отвечают раздробленные ремесла, и хотя это дробление прекращается при учреждении больших фабрик и заводов, вызываемых преимущественно выгодностью применения машин и двигателей, а также развитою специализациею труда, но все же никогда не мыслимо уже из-за одного господства протекционизма отдельных стран и из-за подвозки сырья такое сосредоточение производства, чтобы оно представляло все увеличивающиеся размеры, тем более что переделывающая промышленность, как земледельческая, руководится началами собственности отдельных лиц или каких бы то ни было ограниченных союзов, артелей, компаний и т. д., т. е. разделяется на отдельные предприятия, друг с другом вечно соревнующиеся, какие бы стачки или тресты ни затевались. На основании указанных намеков очевидно, что размеры фабрик и заводов всегда останутся ограниченными, хотя и не столь дробными, как земледельческие участки. При многообразных успехах промышленной техники, составляющих один из двигателей всего промышленного строя, немыслим иной порядок дел, как более или менее дробный у отдельных предпринимателей. Своеобразное стремление к общению промышленных предприятий выражается за последнее время с особенною силою в том виде сделок, который всем известен ныне под именем синдикатов, трестов и т. п., вызываемых, на мой взгляд, именно тем, что переделывающая промышленность заключает уже в себе начала союзности, зависимости одних предприятий от других и связь с общемою мировою торговлею. Однако во всяком случае, даже при возможности господства синдикатов, трестов и тому подобных соглашений несомненно, что на веки веков промышленные предприятия останутся вполне разделенными и в этом отношении представляют известную степень

сходства с сельскохозяйственной промышленностью, тем более что оба эти вида промышленности подчинены законам государственности и национальности, которые нельзя представить себе ни уничтоженными, ни сглаженными, ни при каких aberrациях или утопиях современного порядка течения дел, так как прогресс человечества состоит не только в его объединении, но и в развитии индивидуальных народных особенностей, находящихся в свое выражение в особенностях государств.

Совсем иными качествами обладает капитал, или остатки труда народного, сбереженные от потребления или в него еще не вошедшие и способные при развитии трудолюбия у народонаселения беспредельно возрастать. Не по случайности, а по существу дела капиталы, в конце концов, выражаются деньгами или меновыми единицами, способными к международному обращению. Рознь, здесь когда-то господствовавшая, постепенно уничтожается и, без всякого сомнения, стремится к полному уничтожению, которое должно выразиться, по моим «Заветным мыслям», в международных монетных единицах. Принятие золотой валюты всеми важнейшими образованными странами, совершившееся, можно сказать, лишь на наших глазах, есть первый к этому подход. У капиталов, у золота, у монет нет и не должно быть отечества. Они переходят из одной страны в другую с легкостью, во многие разы превосходящею возможность перехода каких бы то ни было товаров, переводятся просто по телеграфному сношению, занимаются для целей одного государства в других — словом, совсем лишены того свойства, которое присуще земле в наибольшей мере, а переделывающей промышленности хотя в меньшей, но все же совершенно полной. Другая крупная особенность капиталов состоит в связи их с доверием, или кредитом, т. е. свойством, или качеством, носящим в себе признак духовных свойств. Что бы ни делали, во всяком случае, земледелие наиболее материально: ему нужно вещество земли, и оно производит чисто вещественные продукты. Переделывающая промышленность также вполне материальна, потому что для нее нужны сырые продукты и она дает готовые товары; таковы же торговля и перевозка, имеющие реальным предметом, во всяком случае, вещественные объекты. Не таков капитал, потому что он даже не

в золоте, а, по существу, в труде, т. е. в движении. Чтобы сделать эту основную мысль осязательно ясною, достаточно указать на то, что капиталов обращается в мире уже ныне во много раз более, чем существует монет. Капитал столь же удобно выражается в бумажных знаках, в банковых телеграммах, даже просто в доверенных словах, как в золотых или каких-либо иных монетах. Как бы ни увеличилось количество золота, ежегодно добываемого и в мире обращающегося, все же оно не может выразить и доли тех капитальных сделок между отдельными людьми и народами, которые уже ныне существуют и которые, без всякого сомнения, растут в наше время ежечасно с большою скоростью. Массу цифровых данных, сюда относящихся, не считаю нужным приводить, если только упомяну о том одном, что капитальный долг главнейших образованных стран превосходит ныне уже 50 млрд руб. и что в одних С.-А. С. Штатах, как мы видели выше, основной и оборотный капитал, обращающийся в одной переделывающей промышленности (без торговли, железных дорог и т. п.), не менее 27 млрд руб. Конечно, не каждый рубль существующих капиталов дает рублевый кредит, на который можно получить в любое время золотые монеты, но, наверное, можно сказать, что на 10-рублевый капитал всегда и везде можно получить рублевый кредит, т. е. на рубль золотых монет. Растет капитал вместе с ростом количества труда, производящего полезности или потребности, а так как количество людей возрастает и этому возрастанию предела еще не видно (см. статью о народонаселении), то и росту полезного труда и, следовательно, капитала в мире не существует никакого предела, так как капитал вещественным образом выражается не только монетами или золотом, но и всякими у людей остающимися, непотребленными полезностями, определяемыми в конце концов стремлениями к сбережению.

Чтобы сделать дальнейшие следствия осязательными, надо напомнить еще о том, что для обращения монет существуют менялы, а для движения капиталов устроились везде в мире банки, которые относятся к менялам, можно сказать, так же, как сапожная мастерская к большой ткацкой или прядильной фабрике. В банках скопляются главные обороты не только внешние, но и внутренние для всех движений капиталов, и хотя хозяйство в бан-

ке многостороннее, но имеет все свойства такого сосредоточения, которому нельзя умственно положить никаких границ. И если в капитале есть своя движущая сила, особенно необходимая для создания современной перелазывающей промышленности и торговли с перевозкою, то банки, через которые капиталы так или иначе проходят, так же необходимы для развития всего современного строя, как фабрики и заводы, и банкирам, или лицам, производящим банковские операции, очевидно, необходима хоть малая, но постоянная доля в выгодах, достоящихся капиталу. Уже из того, что в одном банке, например ротшильдовском, могут скапливаться из всего мира, из всех стран многомиллиардные капитальные годовые обороты, можно видеть, что у лиц, прикосновенных к обращению капиталов, могут накапливаться громадные свои капиталы из прямых заработков. Мелкий вкладчик несет к капиталисту свои сбережения для того, скажем, чтобы получать 3 % в год на скопленные суммы, и очевидно, что банку надобно принять участие в таком предприятии, которое дает более 3 %. Вот он и ссужает свой капитал государству ли для их оборотов или строителям дорог, промышленникам и т. п., скажем, за 3 1/2 или 4 %, рискуя потерять весь капитал, но в уверенности, что избранные им кредиторы в конце концов все-таки дадут ему свой остаток. Он может быть очень велик уже сам по себе, при скоплении больших оборотов у одного лица или в одном банке, но к этому прибавляются еще обороты, основанные на повышении банковских ценностей, например акций и облигаций, потому что их спрашивают частные лица для принятия участия в барышах предприятия, и если дивиденд их велик сравнительно с тем процентом, который дается по обычным ссудам, то ценность акций или облигаций поднимется и разность остается в тех руках, в которых предварительно были сосредоточены эти бумаги. Таким путем и рождаются миллиардеры, подобные Морганам, Ротшильдам и Рокфеллерам. А так как поднять ценность данной бумаги, отвечающей известному капиталу и известной доходности, могут, во-первых, известного рода случайности, а во-вторых, искусственные меры биржевого характера и на такие меры есть свои искусники, как есть искусники для производства всякого вида ценностей, то и понятно, что скоп-

Стандартный нефтяной трасовый сертификат с подписью Дж. Рокфеллера

лению единичных владельцев капиталов вместе с ростом их общего количества не может быть каких-либо пределов, как есть пределы для скопления земли или фабрик и заводов у известного лица, тем более что дело касается при этом не какой-либо отдельной страны, а всего мира, чем капитальные дела глубоко отличаются от земледельческих и промышленных.

На мой взгляд, тут нельзя придумать без остановки всего промышленного роста никаких иных ограничений, кроме перехода если не всех, то многих банковских операций в руки государств. Государство, приняв участие в банковских операциях, может руководиться не только фискальными интересами казны, но и общегосударственными экономическими интересами, тесно связанными с перелазывающею, торговою и перевозочною промышленностью, т. е. с коренными интересами всех своих подданных. Но, взяв не абстракт, а действительность, очевидно, что этому участию государства в банковских операциях должен существовать свой практический предел, подобно тому как есть разумный предел всяким государственным монополиям, ибо сущность государства состоит не в одной общественной деятельности, но также и прежде всего в защите личной самостоятельности или инициативы своих подданных. Только утопия социалистов представляет поглощение всей частной деятельности общественной, не руководимой личными интересами. Однако я не вдаюсь здесь в сравнительно дешевую критику утопий крайних социалистов, а хочу только сказать, что объединяющая и международная роль государства, по моему

мнению, в будущем еще более, чем в настоящем, должна выразиться в участии государств в обращении капиталов.

Быть может, в дальнейшем изложении своих мыслей я принужден буду возвратиться к вопросам, касающимся капиталов и банков, но теперь мне хочется заключить эту статью, касающуюся фабрик и заводов, указанием на то, что доля зла, с ними сопряженного, ничтожно мала сравнительно с развитием «общего благосостояния», которое они производят, потому что без фабрик и заводов не накормить иными способами, в особенности земледелием, босяков, или то, что прежде всегда называлось пролетариатом. Но уже из численных данных, вышеприведенных для переделывающей промышленности С. Штатов, да и по самому существу всего дела несомненно, что одна комбинация босяков и капиталов не может образовать или вызвать сама по себе народного блага. Тут входит громадная сумма посредствующих необходимостей, между которыми просвещение с изобретениями, им вызываемыми, развитие трудолюбия и инициативы, вызываемое так называемыми гражданскими учреждениями или доверием, определяющим существенный признак капиталистического строя, стоят на первом плане, а потому к ним и обратимся в дальнейшем изложении.

*11 августа 1903 г.
Боблово*

ГЛАВА V

ПО ПОВОДУ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Причины особого подъема патриотизма при начале Японской войны.

Кичливая похвальба японцев. Значение берегов Тихого океана в ходе русской истории.

Необходимость предстоящих на нас натисков по причине свободы расселения, вдвое большей у нас по сравнению со всем остальным миром. Большая разность отношения к Китаю и Японии. Состояние разных соотношений и умов в России к началу 1904 г. также выясняет особый и единодушный подъем патриотизма.

Соображения о конце войны

и противоположность образцового доблестного подвига «Варяга» с позорным — без объявления войны — первым натиском японских миноносков, ни продолжительность мирного затишья, требуемого рядом народившихся внутренних потребностей при большой военной подготовке, ярче всего видной во всеобщей воинской повинности, ни наступившая с занятием нами Порт-Артура особая близость соприкосновения с желтой расой, всегда — с незапамятных времен месопотамских шумеро-аккадиан и с почти забытого монгольского нашествия — враждебной всем белолицым, ни обаяние русского имени в Азии, ни даже внезапность начала жестокой войны на окраине, удаленной более чем на восемь тысяч верст от сердца России, не объясняют в должной мере того общего подъема сознательного патриотизма или долга пред страной, какой наступил в России с началом Японской войны. Уже учителем гимназии (в Симферополе и Одессе) видел я близко порыв севастопольской борьбы и хорошо помню энтузиазм болгарской освободительной войны, не говоря уже о войнах Кавказских, Среднеазиатских и Китайской, теперь же вижу что-то гораздо более сознательное и твердое, более решительное и длительное, имеющее, по всей видимости, значение историческое. Так полагают и многие мои старые друзья. И невольно хочется писать в ответ на неизбежный вопрос: от чего же зависит такой подъем? В моем ответе может сказаться часть моих заветных мыслей в наиболее ясной форме, а потому уже теперь (хотя рановато) решаюсь говорить, как диктует мне разум и опытность, вначале о внешних, а потом о внутренних причинах, определяющих повышенное против нормы отношение России к начавшейся войне.

В чем другом, только не в самообожании можно упрекать русских людей, умеющих уживаться и даже сливаться со всякими другими. Это нас сильно отличает не только от китайцев, достоинством которых должно отдать многое, но и от англичан, гордящихся — не без правильных оснований — своим первенством во всем передовом мировом значении, не говоря уже о евреях, считающих себя единственным народом Божьим и за эту гордыню лишенных всех благ независимого государственного преуспеяния.

Законную степень народной гордости, составляющую принадлежность любви к отечеству³⁶, должно глубоко отличать от кичливого самообожания; одно есть добродетель, а другое — порок, или зло, задерживающее движение прогресса, требующего, по моему крайнему разумению, прежде всего признания принципиального равенства народов, без которого немислимо правильное приближение к идеальному сочетанию личных «свободы, равенства и братства».

Общий вид Порт-Аргура. Гравюра XIX в.

Несомненно, что между китайцами, англичанами и евреями, как простыми, так и просвещеннейшими, есть немало отдельных лиц, думающих подобным образом, как есть между русскими узкие самообожатели своей страны, но в больших массах, в тех, которые привыкли называть народом, отдельные из них характеризуются довольно ясно степенью развития порока самообожания, а в нас, русских, при всех других наших недостатках, этот развит очень слабо. С турком и ламаитом, как с немцем и англичанином, мы готовы дружить и делиться и отыскивать у них свои особые достоинства, если только они того захотят и готовы протянуть к нам руку так же охотно, как протянули французы, долго с нами враждовавшие.

Такова уж наша покладистая природа, не терпящая похвалы самообожания и рвущаяся обнять весь мир. В нас возмущается заветное, живое, хотя и совершенно бессознательное чувство, когда пред нами чем-либо кичатся даже в частной жизни, а в государственной, выражающей (хоть и не всегда) так или иначе равнодействующую общенародных ощущений, и подавно. И вот рядом с самообожаящей похвалой англичан да немцев выступили недавно японцы и ну нас корить всеми нашими недостатками и похваляться своими прирожденными, а особенно вновь приобретенными достоинствами, начиная с того, что они-де лет в тридцать приблизились к современному совершенству, начиная с парламентаризма, больше, чем мы успели в два столетия, а потому стали похваляться и взаправду верить, что они нас побьют, хотя их всего около сорока пяти миллионов, а у нас около ста сорока. Хвастливой похвалы немало слышали мы ранее, но шла она с Запада, от наших действительных учителей, к ней мы привыкли, а тут не из тучи гром расшевелил наши просонки. Успех внезапного коварства, хвастливость этим перед европейцами и азиатами, притворяющимися сочувствующими японцам, наша видимая неподготовка и некоторая темнота всех исходных событий играют немалую роль в разгаре того чувства, с каким Россия отнеслась к натиску японцев, в сущности ничего не выигравших своими почти оригинальными приемами.

Поступи так с нами какой угодно другой народ, на какой бы то ни было грани России, был бы общий подъем духа, похожий на случившийся, но и то едва ли в таком размере, конечно, за одним совершенно, однако, для меня ныне невысказанным исключением, столь же внезапного и коварного нападения, да с лживой похвалой, со стороны ближайших западных соседей, с которыми, благодаря Бога, никаких столкновений, кроме тарифных, нынче не предвидится и даже, на радость нашему благодущию, как будто бы напрашиваются сближения.

Разность отношения зависит от многих причин, причисляемых мною к внешним, хотя все же стихийным или едва-едва сознаваемым.

Между ними видное место занимает положение театра войны на Великом, или Тихом, океане, который, вероятно, в недалеком будущем станет больше других бурлить от бомб броненосцев и крейсеров да от мин всякого фасона. В старых наших сказках зачастую уже говорилось про море-океан, означая тем инстинктивное стремление из лесов и степей добраться до сво-

бодных теплых морей, а вся сознательная история России, особенно со времен Александра Невского и Великого Петра, явно направилась к укреплению на морских берегах как на местах наступившей истории человечества, которому кроме опоры для жилья и почвы для хлеба насущного нужны и взаимные сношения, и свобода, и мирный охват, выраженные сильнее и величавее всего свободными морями, преобладающими по величине поверхности над сушей, очищающими или омывающими и в известной мере уравнивающими всю землю.

Самобытность народного сознания о единстве, выражаемом государственностью, отлично согласуется не с тем нивелирующим космополитизмом, который стали проповедовать умственные еретики XIX в., а с тем необходимым, даже неизбежным, реальным сближением всех народов, о котором, кажется, все сказал, что думал, уже в первых главах своих «Заветных мыслей», и с тем идеалистическим единством, которое заставляет из белых, желтых, красных и черных людей делать один зоологический вид (*Homo sapiens*) и которое проще всего выражается единством разума или истины, совести и справедливости, не довольствующейся заветом любви к «ближним», а стремящейся распространить ее и на «дальних», до негров, китайцев и полинезийцев включительно. Центростремительная сила наша, однако, столь велика (ибо от нее мы и стали народом историческим), что брала не раз верх над сказочной центробежностью, которая видна даже в судьбе наших занятий Калифорнии, Аляски и Шпицбергена. Дошли мы переее всего до входа в свободные океаны на Белом море, но тут свободу хода сдерживают и до сих пор льды Северо-Полярного, или Ледовитого, океана³⁷, куда текут воды громадного большинства наших рек. Двинулись затем вниз по матушке по Волге, да не нашли выходов из ямы Каспия³⁸, хотя они и были когда-то и будут искусственно достигнуты в будущем, когда, наполнив свои рынки, наши товары проруют соединительные каналы между низовьями Волги и Дона, как уже проектировано довольно давно, но почти уже совершенно позабыто в настоящее время, и когда с запрудой Керченского пролива, как рассчитал мой покойный сын (см.: В. Д. Менделеев. Проект поднятия уровня Азовского моря запрудой Керченского пролива. По-

смертное издание, 1899), углубится Азовское море, давая тем возможность глубоко сидящим морским торговым кораблям входить (без перегрузки) вглубь нашего богатого Юго-Востока, а военным нашим судам — безопаснейшие порты.

Настал за этим славный для нас и для всего мира XVIII век, когда мы твердо сели у морей Балтийского и Черного, оттеснив для того тевтонцев, шведов, татар и турок, но и тут оказались свои преграды в виде узких проливов, ведущих к свободным океанам, принадлежащих соседям, а не нам, и длинных берегов, уже оживленных всеми благами жизни на грани свободных вод, омывающих всю Землю. И стало нам казаться да кажется иным и по сей день, что мирными трактатами, да дипломатическими сделками в связи с мирным давлением на владетелей Мраморного моря, да мерами, подобными переводу порта из Кронштадта в Либаву, можно обойтись во всем океанском нашем стремлении. Судьба Сан-Стефанского договора и следовавшего за ним Берлинского конгресса, а затем рассуждение о том, что за выходом из проливов встретим не друзей, а противников, нас желающих остановить во что бы то ни стало, убедили теперь, кажись, всех, что тут и впредь мало будет толку, хотя в идеале — при всеобщем вооружении — и стали мелькать лучи Гагской мирной конференции, которой, на мой простецкий взгляд, недостает устройства международной полицейской власти, соблюдающей исполнение приговоров международного суда, как обычная полиция обеспечивает приговоры гражданских и уголовных судов. Пока мы по морям везем народу нужные хлеба да продукты лесов и нефти, недостающие у других, еще мирятся с этим, лишь бы мы сами жили впроголодь, освещались скудно и горели ежегодно на все барыши нашей внешней торговли. Но не об том нам говорила сказка, когда упоминала о «лукоморье», о «водах ясных» да о «витязях прекрасных». Не по нас темная канитель неясных соглашений, и наши глаза стали искать иного выхода; коль его нету здесь, поищем в другом месте.

Ведь Атлантический океан — куда мы с грехом пополам летом попадаем чрез Финский залив, Балтийское море и Немецкое море прямо к берегам Великобритании, очевидно, нам ныне не особо дружелюбной (хотя

с ней-то нам лучше было бы столкнуться для обоюдных выгод), или через Черное, Мраморное и Средиземное моря — едва превосходит Индийский океан, к которому для нас мыслим, и то с великим развее трудом, доступ только при помощи Персидского залива, опять запертого Ормузским проливом. Тихий, или Великий, океан больше суммы двух названных, т. е. в два раза превосходит Атлантический, потому что в первом около 165 млн кв. км (без заливов и морей Японского, Охотского, Берингова и т. п.), а во втором (без Средиземного, Черного и Балтийского морей) — лишь около 80 млн кв. км.³⁹ Сибирские казаки дошли и доплыли до берегов Тихого океана немного развее после Магеллана, раньше Кука, и первые из европейцев укрепились на берегах этого величайшего океана, хотя и не доставили сколько-либо точных о нем сведений. Лишь долго потом благодаря Невельскому, Муравьеву и Игнатьеву подвинулись мы на тех берегах к югу, т. е. к Китаю и Японии. Но и тогда за кучей своих более близких, домашних дел мало кто у нас глядел в ту сторону, на те берега.

Внимание наше к ним обратилось только после того, как миротворец Александр III, провидевший суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников, решил, что надо всеми способами покровительствовать развитию всех видов промышленности в своей стране, и как можно скорее, с двух сторон, повелел строить Великую Сибирскую железную дорогу, чтобы связать Россию с теми берегами Тихого океана, где нет ни полярных льдов, ни стесняющих проливов в чужих руках. Туда отправил он и своего наследника, заложившего во Владивостоке концевую часть пути, а затем достроившего и всю его громадную длину.

Только неразумное резонерство спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело, теперь же, когда путь выполнен, когда мы крепко сели на теплое и открытое море и все взоры устремлены на него, всем стало ясно, что дело здесь идет о чем-то очень существенном, что тут выполняется наяву давняя сказка. К этому надо прибавить указание на всем известный перелом хода всех дел в Японии и отчасти в Китае, на события японо-китайской войны, бывшей за 9 лет сему назад и конченной Симоносекским договором, подписанным Японией только по настоянию России и ее союзников (за этот-то договор теперь и хотят отомстить нам японцы), затем на большой интерес, обратившийся в 1900 году на международное «усмирение восстания Больших Кулаков», кончившееся тем, что европейцы получили новые льготы в империи богдыхана.

Части водной поверхности

Атлантический (с морями)	около	90	млн кв. км
Северный Ледовитый океан	»	14	»
Индийский океан	»	72	»
Тихий (с морями)	»	175	»
Южный полярный	»	16	»
Внутренних морей, озер и вод	»	8	»
		375	млн кв. км

Части суши:

Европа	около	9,9	млн кв. км
Азия	»	44,3	»
Африка	»	29,8	»
Америка	»	39,0	»
Австралия и Полинезия	»	9,0	»
Полярные страны (?)	»	3,0	»
		135	млн кв. км

Поверхность России — около 22 млн кв. км, или 16 %, судя по величине поверхности, а по числу жителей в России — 8,6 %.

Но и всего этого еще недостаточно: указанные события приобретают свое правильное освещение только при сознании великого будущего на берегах Тихого океана, что выяснилось лишь в самом конце XIX века и связано с тем, что земной шар оказался уже вполне охваченным ци-

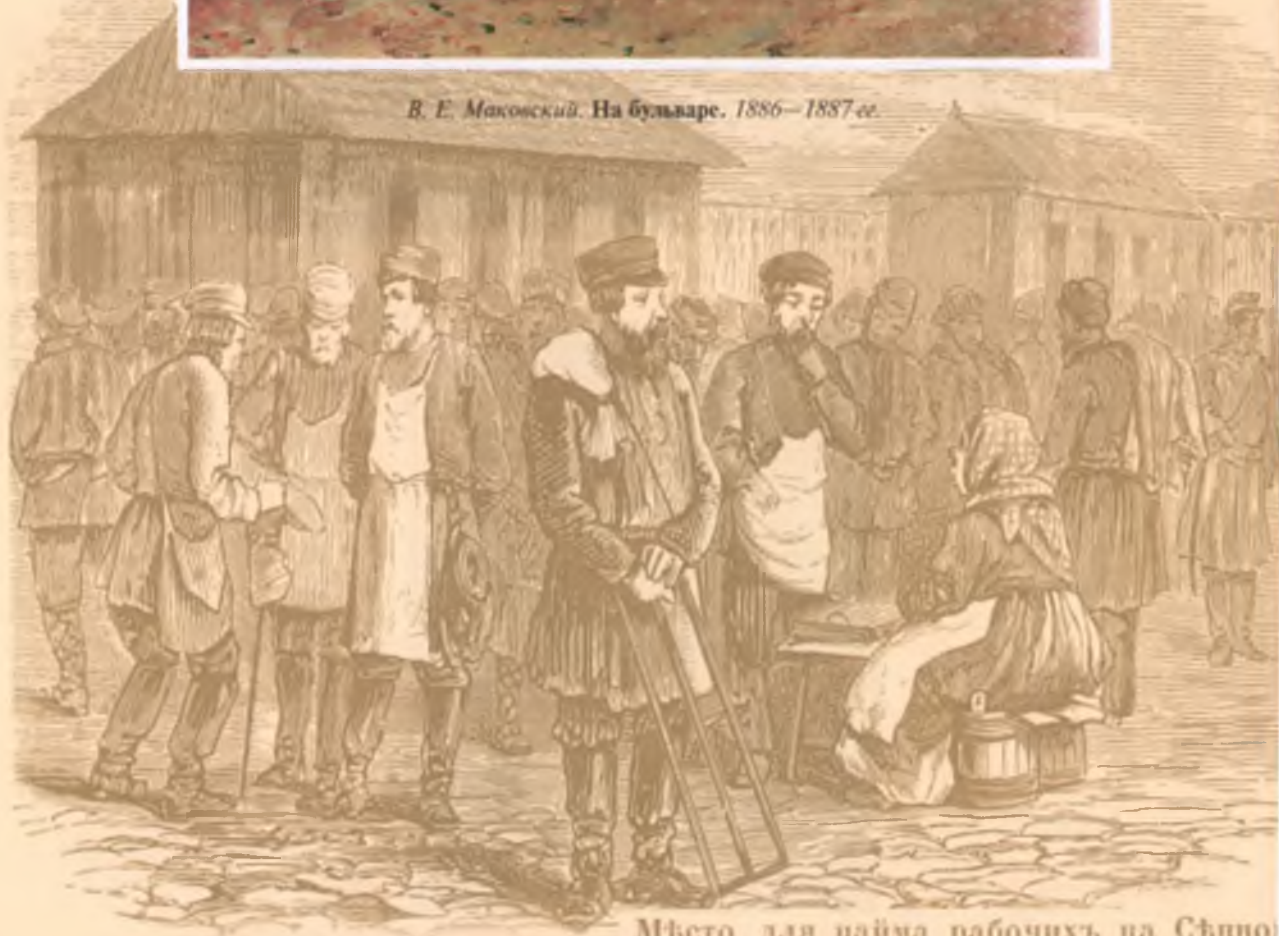
В. Г. Перов. Дворник-самоучка. 1868 г.

*Н. А. Касаткин.
В семье рабочего.
1890-е гг. Фрагмент*

В. Е. Маковский. На бульваре. 1886—1887 гг.

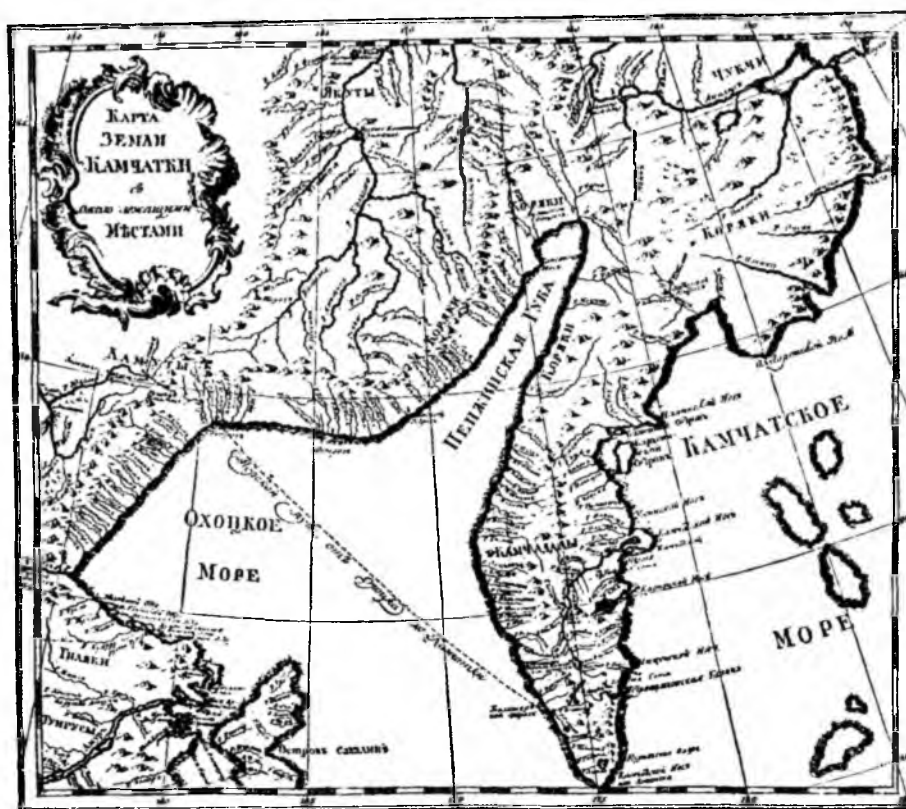
Мѣсто для найма рабочихъ на Сѣнно

Владивосток в первые годы после его основания. Гравюра XIX в.

визирующим влиянием европейских народов, их промышленности, организации и просвещения, а на азиатских побережьях, до тех пор полусказочных, куда пришлось теперь устремить все взоры, живет ведь много больше людей, чем на берегах Средиземного, Черного и Балтийского морей и всего Атлантического океана. Там началась ярмарка новой мировой жизни, и впереди виден ее разгар. Недаром немецкий император пишет картину, указывающую на народы Дальнего Востока, недаром и чуткий мой покойный друг В. С. Соловьев стал проповедовать о возможности покорения Европы массами сынов желтой расы. Хотя мне и кажутся напрасными все страхи подобного рода, но о них мне следует говорить, чтобы выяснить сознательность того русского внимания, которое за последние годы обратилось к нашему Порт-Артуру, к Корее и Маньчжурии, чтобы стала понятной одна из причин особого подъема русского духа при желании Японии войной нас оттеснить от берегов Тихого океана.

Не надо молодому⁴⁰ русскому народу ни картины немецкого императора, ни вдохновенных рассказов Соловьева, ни сознания противоположения белой расы с желтой (это, на мой взгляд, тщедушная попытка резонерства), ни всех этих видов на представляющее торгово-промышленное значение Великого океана, чтобы сплотиться с молодым пылом для защиты всяких попыток отнять у нас хоть пядь занятых там — на Тихом океане — берегов, потому что эти берега действительно свободны и первые дают нам тихий и великий путь к океану и Тихому и Великому, к осуществлению родной сказки, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет совершаться на берегах и на водах Великого океана. Инстинкт молодежи тут сошелся с взвешенным суждением стариков. Оттуда и напряженность пыла, вызванного Японской войной.

Первая карта Камчатки

К двум указанным выше причинам особого подъема патриотического чувства, проявившегося при объявлении Японской войны, считаю совершенно необходимым прибавить еще две другие, также внешние, а именно нашу необходимость держаться в готовности войн и нашу особенность отношений к Японии.

Не подлежит никакому сомнению, что русский народ, взятый в целом, принадлежит к числу мирнейших и его лучше всего уподобляет сказка сонливому доброму молодцу из такого-то села, больше всего думающего о своей пашне, умеющего выносить «страду», но не умеющего заставлять ее делать для себя других. Вся наша история это показывает; три четверти наших войн были защитными от половцев, от татар, от тевтонских рыцарей, поляков и шведов да турок, от набегов черкесских, киргизских и хивинских да от посягательств западных европейцев, и если мы после этих войн часто расширялись, то лишь для того, чтобы оберегать себя от дальнейших покушений на наши земли; лишь маленькая часть русских войн, вроде суворовской в Италии и Венгерской, приходится на долю преследования целей внешней политики, а затем остальная часть русских войн велась для освобождения славянских наших братьев. Тот путь, которым Россия расширилась до громадной современной величины, особенно в Азии, определился больше всего тем, что почти без войн делали казаки, присоединяя к Русской державе земли маленьких народов, затем охотно сливавшихся с Россией, так как через это слияние их выгоды были, очевидно, большими, чем для покоряющей России. Как бы там ни было, с ледовитыми тундрами у нас скопилось 22 млн кв. км земли. А так как в квадратном километре 100 га (1 гектар равен 0,915 десятины, т. е. немногим только меньше десятины), то на 140 млн русских подданных приходится около 2 200 млн га, т. е. примерно по 16 га (точнее, по 15,7 га) на душу в среднем, хотя есть русские губернии, например, в числе польских, где на человека в среднем приходится лишь около десятины, и есть края совершенно пустынные — вроде се-

верных сибирских тундр. Если дело идет о густоте населения, то оно, конечно, может касаться только крупных единиц, подобных целой России, потому что внутреннее распределение жителей по поверхности государства⁴¹ составляет уже дело местных порядков, не имеющих ничего общего с государствами, странами и народами. В этом отношении положение России чрезвычайно поучительно, потому что в ней оказывается вдвое свободнее, чем во всем остальном мире, взятом в целом, не говоря уже о том, что рядом с нами, например в Германии, приходится лишь 1 га на жителя. Вся поверхность суши вместе с необитаемыми тундрами и пустынями вроде австралийских едва достигает 135 млн кв. км, и на всей суше живет всего около 1 620 млн людей всех возрастов. Если теперь из этого числа жителей исключить 140 млн русских подданных, останется всего жителей, кроме России, 1 480 млн, а всей земли для них (вычитая из 13 500 млн га 2 200 млн га) — 11 300 млн га, т. е. на каждого приходится около 7,7 га земли, следовательно, ровно почти вдвое меньше, чем на каждого русского подданного в среднем.

Многозначительно это отношение, потому что оно показывает совершенную исключительность нашего положения, в особенности если не принимать во внимание удаленные от нас Африку, Америку и Австралию с их малой густотой населения. Многие ближайшие наши соседи с востока (Япония), юга (например, Китай, Балканский полуостров) и запада живут теснее нас. Так, например, в Японии на 46 млн жителей — менее 42 млн га земли, т. е. на каждого жителя приходится менее гектара, т. е. менее и того, что в Германии. Если мы теперь обратим внимание на то, что главные черты истории определяются стремлением народов заполучить себе землю, что за последний век выразилось преимущественно в колониальной политике, то станет донельзя очевидно, хотя бы мы приняли во внимание и громадность наших бесплодных тундр, что наша земля представляет великий соблазн для большинства окружающих нас народов, т. е. что нам помимо всяких соображений должно быть готовыми к отпору против appetites, естественно свойственных всем людям. Конечно, мы размножаемся за последнее время с такою быстротою, какой, наверное, нет у наших соседей, т. е. можем

быстрее их увеличивать численность своего народонаселения, и не подлежит сомнению, что многие из северных наших земель не составляют лакомого куска ни для кого, но все же нам нельзя по чувству самосохранения не принимать в большое внимание указанных выше соображений. Это значит, что мы должны быть еще долго и долго народом, готовым каждую минуту к войне, хотя бы мы сами этого не хотели и хотя наши императоры Александр III и благополучно царствующий государь явно и торжественно выразили русское миролюбие своей инициативой. Хотя мне как русскому, выросшему в Сибири, где на чудо всему миру совсем не было сколько-нибудь заметных войн, чрезвычайно симпатично стремление ко всеобщему миру, о котором молится каждый день Церковь, но я совершенно ясно понимаю, почему русский народ без большого доверия относится ко всяким миролюбивым тенденциям; ему в том чудится несогласие с реальной действительностью, грозящее именно нам больше, чем кому-нибудь на свете, бедствиями военного быта.

Поэтому-то японская вспышка на Дальнем Востоке не удивила русских, а, так сказать, заставила их очнуться от призраков возможности долгого мира и повторять, что мы ничего другого и впереди не видим, как войны да войны. Тут, по моему мнению, находится одна из причин, объясняющих ту пылкость, с которой все рванулись к представившейся войне.

Как народ очень реальный, русские не могут долго жить самообманом и в своем царе прежде всего видят своего державного предводителя русских войск, защищающих простор земли, нужный для скорого умножения русского народонаселения. Сколько бы нам ни твердили извне и сколько бы раз сами мы ни чувствовали, что будущность наша много зависит от качества внутреннего строя жизни, но живой, чисто реальный инстинкт подсказывает нам при этом всегда, что важнее-то всего оборона страны и организация ее военных сил. Японская война случилась именно в то время, когда ребром становились в уме русском вопросы этого рода и здоровое народное, русское решение нашло свой исход по случаю дерзкой войны, объявленной Японией.

Как ни покладист русский человек, как он ни хочет мирно жить со всеми народами, как ни широки его объятия, все же у него

к одним народам исторически сложилось более дружественное отношение, чем к другим, в особенности к тем, которые его дразнят. Для русского человека совершенно безразлична китайская кичливость, прозывавшая все народы варварами, потому что в этой кичливости мы участвуем рядом со всеми прочими некитайскими народами, и наше добродушие никогда не оставляло нас в сношении с китайцами, мы даже не раз им помогли в критических положениях, например в 1859 и в 1895 г., при внешних опасностях и при Тайпингском восстании, при внутренней опасности. Едва ли какой другой народ в мире отдает столько справедливости, как мы, китайцам. Ведь они сумели сохранить семейственную благодушность и миролюбивое следование за своими мудрецами при всех исторических передрягах, с ними бывших. Другие народы совсем исчезли или слились с пришельцами в обстоятельствах и условиях гораздо менее тяжких, чем китайские. Их не понимают правильно, когда полагают, что это народ по природе косный и принципиально одряхлевший, потому что судят о китайцах только по современному Китаю в его внешних проявлениях, забывая, что народ этот раньше европейцев изобрел не только письмена и бумагу, но и печать, что он противник войн, великий и передовой земледель, умеющий обходиться без аристократических привилегий, почитающий мудрецов и лиц ученых, добродушный и верный, изобретший и компас, и астрономические счисления, сумевший сам по себе хлопок превратить в ткань, которыми мы пользуемся, открывший искусство получать шелк из червяка, изобретший фарфор, давший всем людям чай, нашедший порох и т. д. Чтобы получить единственно правильное понятие о Китае, надо не забывать, что он и по сих пор находится под маньчжурским игом, да вообразить, что произошло бы с Россией, если бы татарские ханы, покорив Москву и Киев, не откочевали бы в заволжские степи, а сели бы в Москве или Киеве, объединили бы всю тогда разбитую на клочки Россию в одно сильное государство, приняли бы нашу веру, окрестили бы в нее татар, предписали бы производить экзамены по старообрядческим книгам и «Домострою» и отдавали бы все должности только тем татарам, которые хорошо выдержали экзамен по готовым требованиям, заключающимся

в этих книгах, да блюли бы интересы только свои, татарские. Надо полагать, что в этих условиях не родились бы преобразователи, подобные Грозному, Годунову, Петру Алексеевичу и его наследникам, и мы были бы не то что китайцы, а, вероятно, пониже их, потому что за нами не было бы веков изобретательности и мудрости первоначальных, коренных китайцев.

Сходство было бы, однако, несомненно, в том, что и мы восставали бы против пришельцев, как они бунтуют все время с тех пор, как монголы их объединили, и маньчжуры их еще больше обособили от всего мира. Большие Кулаки — это, в сущности, такие же повстанцы против маньчжурского ига, как бывшие тайпинги и дунгане, только с азиатской мудростью переведенные на озлобление против пришедших варваров, что и послужило прекрасным способом дешево отделаться от внутренней неурядицы. Этим объясняется и то на первый взгляд совершенно непонятное явление 1900 г., что правительственные китайские войска, предводительствуемые обычно маньчжурами, действовали то против Больших Кулаков, то вместе с ними. По моему посильному мнению, китайцы современные в существе своем смиренный, земледельчески трудолюбивый, торговый, промышленный и во всех отношениях весьма способный народ, только лишенный организационной способности и мало склонный к воинским приключениям. Мне кажется затем, что сами они при всем избытке народонаселения если куда и пойдут, то не к нам в холодные страны, а уж, скорей, в такие теплые места, как Индия, Зондские острова, Австралия и т. п.; не подобьют их против нас и японцы, если не сумеют в том заинтересовать маньчжурских властителей, а в этих последних довольно прозорливости и расчетливости, чтобы рискнуть на дело очертя голову, когда они видели от России столько помощи, а от Японии только набеги. Не в характере китайца, как я его понимаю, бросаться в военные приключения или поступать зря, как то свойственно, по всей видимости, именно японцам. Отношения наши к японцам совсем иного рода и сопряжены почти всегда с неприятными воспоминаниями. Достаточно напомнить, каким изменническим маневром захватили японцы в былые времена нашего первого к ним посланца капитана Головина

в начале XIX ст. и каким гадким приемом полицейский рыцарь (самурай) Японии сзади напал на цесаревича, мирно осматривавшего примечательности курьезного края, в конце того же столетия. Для русского коварство и японцы до некоторой степени сливаются. Если вспомнить затем, что мы никогда не пытались затронуть этих островитян и даже радовались, что они начали приобщаться к европейской культуре, то станет понятным большое недовольство, распространившееся у нас, когда японцы выдумали вмешиваться в наши отношения к китайцам, маньчжурам и корейцам, а когда дело дошло до изменнического начала военных действий, невольно проснулось недоброе к ним чувство. Конечно, мы простим со временем, быть может, и им, как туркам, станем помогать со всем доброжелательством, но такого отношения, как к китайцам или корейцам, маньчжурам или монголам, конечно, никогда не будет в России, потому что мы их не трогали, а они первые пошли на нас и против наших естественных отношений к нашим соседям по суше. Притом это и народ совсем иной, чем китайцы, лишенный всякой оригинальности, по существу ничего не давший миру, хотя и умеющий ловко принимать заимствованные образцы. Если им тесно уже у себя, пускай они отыщут себе свободные уголки, но только не рядом с нами, которых они не раз коварно обманывали своими приемами.

Вот те внешние, как я их назвал, причины, по которым Японская война отозвалась у нас особенно пылким общим подъемом патриотического чувства. Но эти внешние причины не все еще объясняют, их одних, мне кажется, недостаточно для понимания того состояния, в котором мы находимся. На то есть причины временные и внутренние, чисто русские, т. е. такие, по которым ко всякой войне, вспыхнувшей около начала текущего года, русские отнеслись бы с большим порывом, чем в другое время. Причина та определяется напряженным вниманием, с которым вся Россия ждала за последнее время чего-то нового, крупного, определяющего и передового. Люди, прожившие царствование императора Александра III, ясно сознавали, что когда наступила известная степень сдержанной сосредоточенности и собирания сил, направляемых от блестящих, даже ярких преобразований и новшеств предшествующего славного

Александр III, российский император
(при вступлении на престол)

царствования — к простой обыденной мирной внутренней деятельности, особо относящейся до народной промышленности и до финансов, так как о них пред тем почти забыли, а они напомнили о себе давлением извне.

Важнее всего, что тогда от немцев мы повернули в сближение к французам, а в долах наших финансов и промышленности сделали чрезвычайно важные шаги, особенно благодаря прозорливости таких исполнителей, как бывшие министры И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте. Нижегородская выставка, подведшая часть итогов прошлого царствования, задумана и решена была отцом, хотя и открылась только после коронации державного сына, и ему же пришлось не только закончить Великую Сибирскую дорогу преимущественно на небывалые давно избытки в финансовых поступлениях, но и совершить многозначительнейшую реформу денежного обращения, составляющую одну из основных причин того, что нам теперь не страшна с финансовой точки зрения никакая война, чего не бывало во все продолжение

Рабочий поезд на одном из участков
Китайско-Восточной железной дороги.
1899—1900 гг.

XIX ст. С отменой крепостничества, с выкупом земель, с устройством гласного суда, всеобщей воинской повинности и земства Россия уже крупно выиграла в своем внутреннем быте, а оттого и в своем внешнем значении или достоинстве, установленном ее размерами и военными силами.

Но ее современное положение во всем мире не в меньшей мере определяется несомненным ростом ее промышленности, устройством ее финансов, золотым обращением, союзом с Францией и явно миролюбивыми тенденциями, составляющими несомненные плоды прошлого и текущего царствований, слившихся в этих отношениях в одно целое. Отчасти явно отсталая, отчасти же бесшабашная доля передовиков стала, однако, затем уверять, а простодушные и лишенные критических способностей русские люди стали даже искренне верить, что со всеми этими успехами русский народ пошел назад, а не вперед, что бедность наша растет, как и наши неурядицы, что мы в ходе нашего развития после преобразований 60-х и 70-х годов стали отставать и что у нас для одних надо развить

аристократизм, усилив и без того не слабое дворянство, а для других, наоборот, наш и без того принципиально явный демократизм, оставить в стороне всякий милитаризм и сосредоточиться исключительно на гражданском нашем устройстве, от явных недостатков которого зависит-де вся наша бедность и умножение босячества. В наветах тех если не запутался, то стал сильно запутываться здравый русский ум, а кто-то стал даже полагать, что Россия близка к революции.

Напрасны тут уверения действительности в противном, на место явных фактов русского успеха выставляются несомненные факты русских бедствий, забывая о том, что было ранее, и не обсуждая того, что было при современном положении вещей, если бы не было мероприятий двух последних царствований, и все требуя каких-то крупных преобразований, подобных тем, какие совершил Александр II, а каких — о том только шептались, кивая на Японию и всегда ссылаясь на действительно уже излишние у нас, по моему мнению, стеснения печатного слова. Думая со своей стороны, что военное время, вся современная напряженность благодушного русского духа, как и недавние слова царя, позволяют теперь больше и прямее говорить, чем было еще недавно, я не оставляю сказанного выше в одних крупных намеках и, рискуя то, что на уме у массы здравомыслящих русских людей, коснусь с некоторой определенностью тех фактов и намеков, о которых упомянул выше и которые особенно выяснились как раз ко времени начала Японской войны, то есть к началу текущего года.

Не теперь, а в следующих статьях предполагается мною говорить обо всем этом с той подробностью, откровенностью и ясностью, с каким взялся писать свои «Заветные мысли», но теперь же со всей возможной краткостью постараюсь придать полную определенность своим утверждениям, чтоб не могло быть тех основных недоразумений, из-за которых чаще всего у нас происходят огульные суждения и осуждения, зависящие зачастую от той ложной исходной мысли, что в сложнейшем практическом деле внутреннего устройства страны неизбежно необходимо и всего желательнее общее единомыслие по отношению к частностям, тогда как, по моему мнению, тут возможна правильность только при выборе из ряда свободных суждений,

хотя бы и далеко друг с другом несходных. Мои суждения не претендуют быть общими, хотя стремятся быть и правильными, и свободными, и прилагаемыми к делу.

Чтобы быть понятным по существу, прежде всего мне следует сказать, что со своей стороны я понимаю совершенную необходимость в гражданской жизни как мер решительно-резких, так и осторожно-постепенных, или, иначе, как революционных, так и эволюционных действий, как со стороны власти, так и со стороны общей массы, но эволюционным влияниям придаю гораздо большее значение, чем революционным. Чтобы показать для людей, не освоившихся с тем языком, которым я заговорил, необходимость и смысл действий революционных, мне кажется достаточно сказать, что освобождение крестьян я причисляю именно к таким действиям, а польза от освобождения крестьян, бесспорно, громадна.

Что же касается до эволюционных действий, то для выяснения их смысла достаточно сказать, что в 60-х годах, когда самое слово «эволюция» еще не было в ходу, в частном разговоре (то было в Париже, в Café de la Regence) со знаменитым уже тогда И. С. Тургеневым я развивал мысль о наибольшем значении ясно сознанных и разумных, но не резких и быстрых, не крупных по виду, но влиятельных мер и преобразований; а мой знаменитый собеседник сказал: «Так вы, значит, постепеновец, и я тоже стал им, хотя был прежде иным». Мне очень памятно это слово, «постепеновец», и я думаю, что оно лучше, чем «эволюционист», выражает сущность того мышления, которого вместе со многими другими я придерживаюсь, потому именно, что в самом понятии о постепенности видны разумность, воля и неспешное достижение цели, тогда как эволюция говорит только об изменении и последовательности. Был и остаюсь «постепеновцем», хотя и не думаю, чтобы всегда держаться пословицы: «Тише едешь — дальше будешь».

Затем самое главное и важнейшее, на мой взгляд, решить, обеднел ли или нет, или же разбогател русский народ в целом своем составе за время последних двадцати трех лет, т. е. во время, протекшее с кончины императора Александра II? Суждение мое о том, что русский народ за это время в целом много разбогател (как вообще, так и на одного, т. е.

в среднем), основано на ряде всяческих статистических данных, начиная с чисел о миллиарде мелких народных сбережений, вложенных в сберегательные (сохранные) кассы, о числе выпущенных акций и облигаций, о запасах золота в кладовых государственного банка, о величине торговых оборотов, о количестве грузов, движущихся по железным дорогам и водным путям, о ценности земель и услуг и т. п. Все это выразимо цифрами, но не привожу их, потому что считаю достаточно известными всем, только недостаточно принимаемыми во внимание. Откуда же, спрашивается, и в частных разговорах, и в газетно-журнальных статьях столь часто, явно или в темных намеках, происходит утверждение, будто народ наш начал беднеть?

По мне, отнюдь не от пустого верхоглядства или недовольства и тем паче не от одного злостного недоброжелательства, как утверждают зачастую наши ярые охранители, а просто от того, что внутривластные народ наш еще малозрел и привык все главные улучшения своего быта видеть совершающимися сразу, мановением руки, как было ярче всего при царях Московских, при Петре Великом и впоследствии в деяниях Александра II; все же то, что сделалось в последнее двадцатилетие, происходило понемногу, путем не тем скорым, который выше был назван революционным, а постепенно, не вдруг, способами эволюции, без резкой ломки старого, созидая лишь новое на основании данного. Особенно это касается до всего промышленно-торгового и денежного. Дела эти никак не могут иметь шумного революционного характера, т. е. течь быстро, а могут происходить только понемногу, без важных переворотов, постепенно.

Да и шли они большею частью за то время порывистыми скачками, под влиянием временного прояснения мыслей и не без порывов бросить намеченные пути, во всяком же случае без должного объяснения твердости новых исходных начал, с большой и явной разногласицей из разрозненных центров. Особенно это относится до дел промышленности и торговли, которые, очевидно, должны: 1) занять со времени освобождения крестьян и с введением первых сельскохозяйственных улучшений много-много рук освобожденного народа; 2) перестроить много прежних отношений чисто сельскохозяйственного, или началь-но-

И. Е. Репин. Портрет Николая II. 1895 г.

го, быта; 3) переместить центры тяжести многих внутренних соотношений прежнего быта; 4) занять людей не столько страдным трудом, сколько настойчиво-постоянным, требующим подготовки, внимательным и, надо сознаться, малопривычным нашему народу, и 5) увеличивать все больше и больше общий и средний труд и достаток на основании разработки несметных запасов, данных нам природой.

Вести по этому пути, бесспорно, трудно, но начала положены хорошие, и пришло время, когда и тут нужны стали меры хотя и по-

степенные, но ясно, твердо и бесповоротно обозначенные, тянулась же какая-то канитель неясностей и нерешительности. Привык же народ к влияниям и мерам иным, а на такие мелочи, как небольшие перемены в величине таможенных пошлин, изменчивость или постоянство денежного курса рубля, на изобилие или отсутствие звонкой монеты и внимания обращать почти не хотел. Шуму и блеску не было, совершались же дела важные и трудные, а думали и стали утверждать, что после эпохи преобразований ничего не делается полезного. Чтобы хоть в одном примере указать разность нынешнего от прошлого, достаточно вообразить, что бы произошло со всеми нашими денежными оборотами при объявлении Японской войны, если бы не было мероприятий времен Александра III и Николая II.

В эти два царствования больше, чем когда-нибудь ранее, стали всемерно на государственные средства по возможности ослабляться бедствия временных и местных голодовок, всегда и во всем мире, даже в тропической Индии, сопровождающих тот начальный, или земледельческий, быт, который остался от эпохи преобразований и еще поныне считается у нас наилучше могущим обеспечить народ от бедности, но который в действительности составляет только первую, или начальную, ступень в развитии благосостояния, а потому и силы государств, их порядка и возможного общего благоденствия. Современные голодовки выставляли на вид, а про прежде чаще бывавшие у нас голодовки, сопровождавшиеся несравненно большими бедствиями, многие говоруньи или позабыли, или даже, по-видимому, не знали.

Последнее должно полагать справедливым особенно по той причине, что единственный способ, которым многие государства Европы избавились от бедствий возобновляющихся голодовок и достигли быстрого роста благосостояния жителей, состоит именно в доставлении на развивающихся разнородных видах промышленности и торговли средств для правильного движения вперед на пути преуспевания, а об этом самом и стали более и деятельнее всего заботиться именно в последние десятилетия благодаря ныне царствующему императору. «Босьяки», тщетно ищущие прочных заработков, но всегда бывшие на Руси, без всякого сомнения, за последние десяти-

летия сильно у нас умножились по причине небывало большого прироста народонаселения, еще малого развития переселения на свободные земли⁴² и поздно начавшегося роста промышленности и всякой предприимчивости, дающих этим босякам прочный заработок, а стране — новые виды богатств, предметов торговли и общего достатка. По мнению немалого числа наших знахарей, тут видно только падение «исконного» нашего промысла — хлебопашества и необходимы только всемерные заботы о земледельческом росте страны. Учреждение особого Совещания о нуждах сельского хозяйства косвенно одобрило таких людей, и о «зле промышленного покровительства» стали говорить не одни крупные землевладельцы, но всюду, где говорилось о предстоящих России дальнейших преобразованиях. Наступившая сбивчивость понятий о главной цели — общем благе народа — выяснилась при спросе мнения местных комитетов.

Считаю не излишним повторить (подробнее это говорил уже ранее, в первых главах моих «Заветных мыслей»), что большинство забывало или, правильнее, не понимало, что земледелие после некоторого истощения, в коренной России уже наставшего, для своего правильного, усиленного и выгодного роста (на площадях, давно распахиваемых) требует капиталов несравненно больших, чем учреждение вновь совокупности других видов промышленности, а дает заработки — при своем надлежащем усовершенствовании — гораздо меньшему числу жителей, чем другие виды промышленности при том же размере вновь затраченных капиталов, что избыток в производстве хлебных товаров сильнее роняет их продажную цену (а поэтому и заработки), чем избытки в производстве почти всех важнейших иных товаров (как, например, уголь, железо, ткани и т. п.), потому что потребление на душу этих последних быстро возрастает по мере удешевления стоимости производства и торговой цены, а для хлеба лишь пропорционально числу людей, что надлежащее современное развитие земледелия возможно только рядом с развитием других видов промышленности, требующих продуктов, не терпящих далекой перевозки, доставляющих машины, удобрения и близки потребителей, что земледелие, особенно у нас, дает лишь на короткие недели много

труда, не обеспечивая никаким заработком наибольшую часть года, и т. д.

Уже из того, что достаток стал переходить из прежних землевладельческих рук в разные новые, особенно к инженерам и промышленникам, уже из того, что учение стало требоваться в небывалых до сих пор размерах и стали искать жизненного, а не одного словесного или литературного образования, уже из того, какие сюжеты стали описывать и читать, видно стало явное наступление какого-то особенного перелома, в сущности составляющего естественное последствие преобразовательной эпохи, последовавшей за Севастопольской войной. Когда вспыхнула Японская война, напряженное ожидание какого-либо выяснения разноречий от городского населения начало уже переходить в сельское и стало принимать острый характер — гжучего вопроса.

Ожидание было совершенно естественным и, по существу, благодушным, неестественно же было подозревать в этом ожидательном состоянии какую-то крамолу, что-то грозящее правильному течению дел, и только люди, совершенно не знающие Россию, могли думать, что наступившее ожидание может дать повод к существенным внутренним беспорядкам, как о том писалось, однако, не раз в заграничных газетах и говорилось в некоторых будирующих у нас кружках и во многих празднующих наших сферах — только от скуки и рисовки. Мне думается, что в Англии и С.-А. С. Штатах худо- и малоосведомленные люди, а от них заправили Японии полагали именно так, что малейший внешний толчок теперь, дескать, повредит России более, чем когда-либо ранее, потому что этим воспользуются недовольные внутри страны, и я полагаю, что всем очевидный общий русский патриотический порыв по поводу столь внезапной Японской войны сделал ясной ошибочность скороспелых суждений о состоянии внутренних русских порядков и убеждений.

Каждый русский, начиная от царя, судя по его манифестам, знает, что у нас еще многое не в должном порядке, что во многих наших внутренних делах настоятельно нужны прогрессивные, т. е. улучшающие, реформы, но большинство верит в то, что придут они ныне лишь медленно, что они могут прийти в свое время и сразу или быстро, а что такое время у нас чаще всего тесно связывается с нашими внешними войнами.

Здравый русский ум, весь характер народа и вся его история показали ему, что войны для нас составляют своего рода революционную передрягу, освежающую весь воздух страны и дух ее правителей, а за войнами следуют почти всегда новые внутренние успехи и преобразования. Эти последние по русскому упованию неизбежно последуют с концом современной Японской войны потому уже, что она, надеюсь, открыла всем глаза на необходимость быть нам готовыми к еще многим войнам в недалеком будущем, а готовым можно быть ныне только внутренне благоустроенному государству, с обеспеченными условиями роста всего общего благосостояния. Необходимость же недалеко предстоящего напора на нас с разных сторон видна, по мне, уже из того, что у нас на каждого жителя, как показано выше, приходится в два раза более земли, чем для всего остального человечества (с лишком 15,7 га на душу в России и 7,7 — в остальном мире), если же принять во внимание лишь наших непосредственных соседей, то еще в большей пропорции.

	Поверхность в миллионах гектаров	Число миллионов жителей	На 1 жителя приходится гектаров земли
Швеция и Норвегия	77	7,4	Около 10,4
Германия	55	56,4	» 1,0
Австро-Венгрия	68	45,5	» 1,5
Румыния, Сербия и Болгария	28	12,4	» 2,3
Европейская и Азиатская Турция	194	23,2	» 8,5
Персия	164	9,0	» 18,2
Афганистан	62	4,6	» 13,5
Китай (с пустынями Монголии)	1 114	426,5	» 2,6
Корея ^{42a}	22	9,7	» 2,3
Япония	42	46,5	» 0,9
С.-А. С. Штаты	981	85,6	» 11,5
Всего:	2 807	726,8	» 3,9

Выходит, что близкая к нашей свобода расселения существует из наших соседей у персов, афганцев, североамериканцев, шведов, норвежцев и турок, а у немцев и японцев тесноты раз в 15—17 более, чем в России.

В общем же целом у нас раза в четыре свободнее, чем у совокупности всех наших соседей. Войны же (как и переселения) ведут, прежде всего, из-за обладания землей, т. е. чаще всего сообразно с теснотой населения. Так ветер идет из мест большого давления в места с меньшим давлением. У Японии тесноты больше, чем у всех наших соседей. Она и начала. На нас пока еще мало напирают, потому что есть Южная Америка, Австралия и, главное, Африка со своими пустынями и редким, которого европейцы не боятся ни теперь, ни впредь, черным населением, но в статье о народонаселении («Заветные мысли», гл. II) уже показано, что прирост населения ныне — это за последнее лишь время — так велик (много, много сильнее, чем в былые века, как доказано там же численно), что еще чрез какие-нибудь сто, много, двести лет во всем мире в среднем будет столь же тесно, как теперь в Германии, а кругом нас и очень уж тесно. Поэтому-то нам загодя надо, во-первых, устраивать так свои достатки и все внутренние порядки, всю частную свою жизнь, чтобы размножаться быстрее своих соседей и всего человечества, что мы теперь, т. е. в последние десятилетия, с успехом и выполняли, а во-вторых, нам необходимо помимо всего быть начеку, не расплываться в миролюбии, быть готовыми встретить внешний напор, т. е. быть страной, быстро возвышающею свои достатки всемерно (как земледельцы, как промышленники и как торговцы), пользующеюся богатствами и условиями своей земли, блюдущею внутренний свой порядок и внешний мир, и в то же время страной, всегда готовою к отпору всякому на нас посягательству, то есть страной, прежде всего военной, как это поняли наши императоры. Грозными нам надо быть в войне, в отпоре натисков на нашу ширь, на нашу кормилицу-землю, позволяющую быстро размножаться, а при временных пере-

рывах войны, ничуть не отлагая, улучшать внутренние порядки, чтобы к каждой новой защите являться и с новой бодростью и с новым сильным приростом военных защитников и мирных тружеников, несущих свои избытки в общее дело. Разрозненных нас сразу уничтожат, наша сила в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, да в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия. Японский парламент одобрил решимость своего правительства воевать с Россией, а мы и без парламента явно для всего мира всемерно одобряем свое правительство вести эту и всякую оборонительную войну, зная, что так надо не только для минуты, но и для предстоящего нам будущего. Все говорит, что мы дружно, спокойно, бодро пошли на вызов врагов, так пойдем, Бог даст, и завсегда, не смотря ни на какие нам ясно видимые внутренние недочеты.

Не просто по одному инстинкту самозащиты, а по сумме общих впечатлений — такие, по моему мнению, сложились убеждения у главной, страшно преобладающей массы молодого русского народа, взглянувшего на японскую войну как на начало предстоящей эпохи, когда будут повторяться внешние натиски на занятую нами землю и станут в промежутках еще и еще улучшаться внутренние наши порядки.

Так, полагаю я, полуинстинктивно думает молодой наш народ, а мне, старику, хочется объяснить это внутреннее наше состояние не впечатлениями минуты, а сложившимися условиями, подлежащими мере и весу, так как мне и на старости лет приходится стоять у дела мер и весов. Числам можно многое доверить, потому что их можно проверить, а они показывают, что на нас должны напирать, отпор же давать нельзя не устроенной внутри стране. Мне уже поздно воевать, глядя в могилу, но в виду ее еще есть довольно сил, чтобы говорить об устройстве внутреннего быта, для чего и пишуся мои «Заветные мысли», и я полагаю, что, чем проще, откровеннее и сознательнее станут русские речи, тем бодрее будут наши шаги вперед, тем дольше будут длиться мирные промежутки между оборонительными войнами, нам предстоящими, тем меньше на Западе, Востоке и Юге будут кичиться перед нами и тем более выиграет наше внутреннее единство, страдающее бо-

лее всего от того, что, «беснуясь в метафизических мышлениях», наши передовики часто забывают вносить надлежащую сознательность в народную уверенность о правильности своеобразных основных начал, завещанных нам всем прошлым и открывающих благие виды на предстоящее. Оставляя врагам мысль о пользе для них наших внутренних разноречий, мы показываем миру наше единодушие в порыве общего чувства, когда японцы подали к тому прямой повод, и я убежден, что это наше единодушие не менее наших штыков и пуль сдерживает натиски наших врагов.

Задумав писать свои «Заветные мысли», я вовсе не хотел говорить о внешних войнах; своим наступлением японская война до некоторой степени прервала намеченную нить статей о внутреннем нашем строе, как счастливо удавшаяся операция (сделанная профессором И. В. Костеничем), возвратившая полуутраченное зрение, прервала наступившее во мне отношение к внешнему миру. Угасавшие глаза заставляли углубиться внутрь и изложить заветы, внушенные протекшею жизнью; теперь физический глаз открылся, войны внешние увидел, но даже в смысле их успешного течения еще больше выступила надобность улучшений внутреннего быта, особенно в областях народного образования и развития производительных сил страны, что немислимо для меня, с одной стороны, без сохранения исторических наших основных начал, а с другой — без усовершенствования всей сложной машины самодержавного управления столь обширную страну, какова борющаяся теперь с Японией Россия. Мои мысли всегда были «постепеновскими», таковы, конечно, и все «Заветные», войны же носят характер временный, преходящий, глубоко отличный от эволюционного и названный выше революционным, а потому мне следует кончить эту статью, пожелав России успеха в отпоре натиска, в самостоятельности условий предстоящего мирного соглашения и в необходимых внутренних преобразованиях, а Японии — сверх милости русского царя — возрождения разумности и осторожности, без которых можно потерять не только приобретенное положение в мире, но даже и Формозу, могущую опять годиться Китаю вместо части Маньчжурии. Хотя поверхность Маньчжурии (94 млн гектаров) велика, вдвое

Карта театра военных действий в русско-японскую войну 1904—1905 гг.

более, чем всей Японии, но жителей (около 8,5 млн) в ней мало, так что на каждого приходится около 11,6 гектара, а это от нашего недалеко; туда-то, а не в Корею хотят попасть наши теперешние враги. На Формозе же (поверхность — 3,5 млн гектара, жителей — 2,7 млн) тесновато (1,3 гектара на жителя), так что она, как и Корея, мало подходит для избытков японского народонаселения.

Март 1904 г.

Когда была кончена предшествующая статья и я прочел ее некоторым из своих друзей, многие из них выразили сожаление о том, что в ней ничего не говорится о возможном конце войны, т. е., правильнее сказать, о том, чего можно требовать от Японии после благоприятного для нас исхода войны, в котором никто не сомневается. Хотя мне понятна вся рискованность ответа на предлагаемый вопрос о «дележе шкуры», тем не менее я его стараюсь высказать с полной определенностью по той причине, что при этом можно выразить одну из заветнейших моих

мыслей, состоящую в том, что разнообразие народов, стран, государств, религий и тому подобных отношений вполне необходимо еще ныне для правильного течения всего дальнейшего прогресса человечества. Не одному мне, а, вероятно, немалому числу лиц приходилось слышать завистливые речи по отношению к всемирному могуществу и господству Англии на всех морях и такое вождение, по которому России будто бы суждено приобрести на старом материке такое же господство. Моему уму совершенно чужды подобного рода соображения, прежде всего уже потому, что я не могу никоим образом сравнивать расширение Великобритании, особенно в Индии, с расширением России, особенно в ее азиатских областях. Одно основано на нарочитом желании покорять, иметь у себя в руках потребителей для избытков произведений метрополии, а другое вынуждено историческими событиями, более или менее побочными, не имеет никакого отношения к производительности России и клонится к тому, чтобы народы, вошедшие в ее состав, постепенно слились с ее коренным населением. Английские захваты во всех концах мира, хотя не прямо, но вполне отвечают тем соображениям, которые подвигали Александров Македонских и Наполеонов I сделаться всемирными обладателями, а наши очень далеки от подобных классических мечтаний, стремящихся при помощи материального господства нивелировать весь мир. На основании такого суждения я бы желал, чтобы японцы, как китайцы, жители Индии или даже негры, развивались совершенно самостоятельно, без прямого нашего вмешательства, так как у нас и без них довольно дела внутреннего на занятой площади земли. Пусть окажется, например, вследствие упорства японцев надобность занять их страну, начиная операцию этого рода с Сахалина, все же после войны нам нет никакого повода и никакой разумной причины не только покорять Японию, но и делать ее в каких бы то ни было отношениях от нас зависящей. Это потому, что мы не можем ассимилировать такой большой народ, как японцы, так как им и самим очень тесно, а нам в их условиях, с нашими привычками к шири жить невозможно.

Почти то же хотелось бы мне сказать и по отношению к Корее, т. е. я бы не желал, чтобы Россия добровольно, сама собой заняла

эту страну, если она сама не пожелает войти в наш состав. Все территориальное, что, по моему мнению, желательно достичь, в конце концов, после успешного окончания Японской войны, сводится к приобретению занятой уже нами части Маньчжурии, по которой проходит путь к Порт-Артуру. А так как Маньчжурия — страна китайская, то вознаграждение за нее желательно достичь соответственными уступками со стороны Японии для Китая. Будет ли это вознаграждение состоять из Формозы, возвращаемой Китаю, или из передачи этому последнему части японского флота, или в чем-либо другом, мне нет никакого до этого дела. Япония начала войну, она, если ее потеряет, должна и платиться за нее. Здесь, однако, встает коренной вопрос о том, что мы и без войны уже заняли с согласия Китая часть принадлежащей ему Маньчжурии, а потому может казаться, что закрепление за нами Маньчжурии последует само собой и не может составлять нашего трофея победы, если таковая будет. «Что за выгода и что за вознаграждение военных убытков в приобретении того, что фактически уже считается за нами?» — спросят, вероятно, очень многие, проникнутые той совокупностью мыслей, какая господствует в настоящее время всюду. Мой ответ на такой вопрос касается тех начал, которые проникают всю нашу историю, по моему крайнему разумению. Наши усилия более всего содействовали освобождению — почти сто лет тому назад — Германии, Австрии, Италии и других стран Западной Европы от гегемонии Наполеона вовсе без прямой цели что-либо завоевывать. То же мы сделали, содействуя освобождению Румынии, Сербии, Болгарии, Герцеговины и др. от турецкого господства, да и Китаю мы помогли временным занятием Кульджи не по английскому рецепту, возвратив ее Китаю. Наши начала иные, и в их-то смысле, мне кажется, после самого успешного окончания Японской войны, лучше всего ничего себе не брать (конечно, не считая контрибуции), кроме того, что у нас находится в руках уже сейчас и что нам нужно для выполнения наших исторических задач, часть которых, без сомнения, лежит в развитии нашего Дальнего Востока, прилегающего к Великому океану. Этим путем, как успешным окончанием войн с Наполеоном и Турцией, мы поддержим обаяние нашего имени в го-

раздо большей мере, чем подражая в каком бы то ни было виде англичанам, особенно же по отношению ко всей Азии, в которой наша роль должна остаться освободительною и просветительною.

Пусть война из-за упрямства японцев затянется, мы вытерпим ее тяготы теперь при запасах, собранных усилиями последних царствований, если могли вынести почти трехлетнюю войну 1812—1814 гг. Все, что известно о Японии, напротив того, показывает, что ей долго терпеть жестокую войну не по силам. Бояться нам нужно только рановременного окончания войны, вмешательства посредников и своего благодушия, которое может спешно пойти на мир, если нас о нем попросят, оставляя нам лишь Маньчжурию, а Корею предоставляя Японии. Но до этого, Бог даст, не дойдет не только потому, что мы довольно научены прежним опытом вроде Берлинского конгресса, но и потому, что кичливость Японии не позволяет думать, что она сама скоро попросит о мире. С формальной стороны, для заключения благоприятных для нас условий мира, кажется, следовало бы принять во внимание даже и то обстоятельство, что Корея, допустив оккупацию Японией, сама отдалась в руки судьбам войны. Если мы при этом поступим великодушно с Кореей, оставив ей независимость, на мой взгляд, мы покажем небывалый в истории образец, лучше всяких дипломатических нот раскроем глаза всему свету на задачи, которые мы преследуем, и нам будет спокойнее за будущее, чем многим другим народам. Пожелаем же нашим войскам побед, а нашей дипломатии — прозорливости.

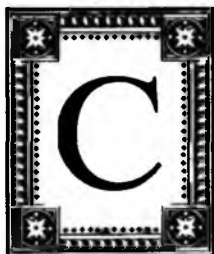
10 апреля 1904 г.

ГЛАВА VI

ОБ ОБРАЗОВАНИИ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЫСШЕМ

Взаимная связь правительственного, промышленного и просветительного строев. Личное и общественное, или индивидуальное и социальное. Социализм и периоды истории. Возраст, предметы и учителя средних учебных заведений. Их специализация и сочетание в них абстракта с конкретом. Доступность их для всех имеющих подготовку не исключает необходимости как надзора и руководства за успешностью занятий, так и различий в аттестации. Влияние отдельных профессоров, их общего Совета, товарищей и практических занятий. Способы испытания. Число слушателей и занимающихся. Стипендии и другие виды пособий слушателям

Сказав в предшествующих статьях свое сильное мнение по некоторым вопросам внешних отношений нашей страны по сравнению ее с остальным миром, считаю теперь возможным прямо обратиться к трем основным, центральным предметам, ради которых и начаты мои «Заветные мысли», а именно к изложению своих мнений, относящихся до настоятельных мероприятий, необходимых, по крайнему моему разумению, в нашей правительственной системе, в нашем промышленном строе и в нашем просвещении. Знаю, что никто моих мнений об этих предметах не спрашивает, никому до них и дела не будет, однако писать решаюсь преимущественно по двум причинам. Прежде всего по той, что ради упрочения общего народного благосостояния всеми, начиная с царя, признается необходимость улучшений в современном течении дел по трем вышеназванным предметам и о недостаточности их современного положения до того часто толкуют, что нет надобности над этим останавливаться, своего же пригодного к делу, т. е. практически исполнимого, плана, исходящего из тех или иных общих начал, обыкновенно при этом не выясняют, мне же думается, что одно критическое отношение здесь недостаточно, а всего важнее обсуждение планов или основных приемов действия, о которых у меня сложились в голове свои представления, и мне нежелательно замалчивать об этом, так как во всем сколько-нибудь общем и сложном слово должно предшествовать делу, хотя в единоличном этого может и не быть, по указанию воли, привычек и сложившихся убеждений.

Во-вторых, решаюсь говорить про три названных предмета по той причине, что слышу и читаю о них много такого, с чем никак согласиться не могу, вдаваться же в критику и полемику отнюдь не желаю, однако смель иметь свои убеждения и излагать их считаю себя вправе на исходе лет, когда личные интересы гаснут, а опыт жизни многому научил. Притом мысли свои берусь излагать отнюдь не наставительно, а лишь как свой сильный вклад в общее дело и только в виде набросков карандашом или картонов, без отделки подробностей и без красок. Кому приглянется — разрисует или воспользуется хоть частями. Вопросы, сюда относящиеся, будут рано или поздно решаться на таком верхе, до которого мой голос и мои наброски едва ли достигнут, но я надеюсь, что отзвуки откровенного голоса и силуэты стареющей руки хотя слабо, но сколько-нибудь да проникнут куда следует, потому что сделаны они без задних и личных мыслей, на основании опыта и дум.

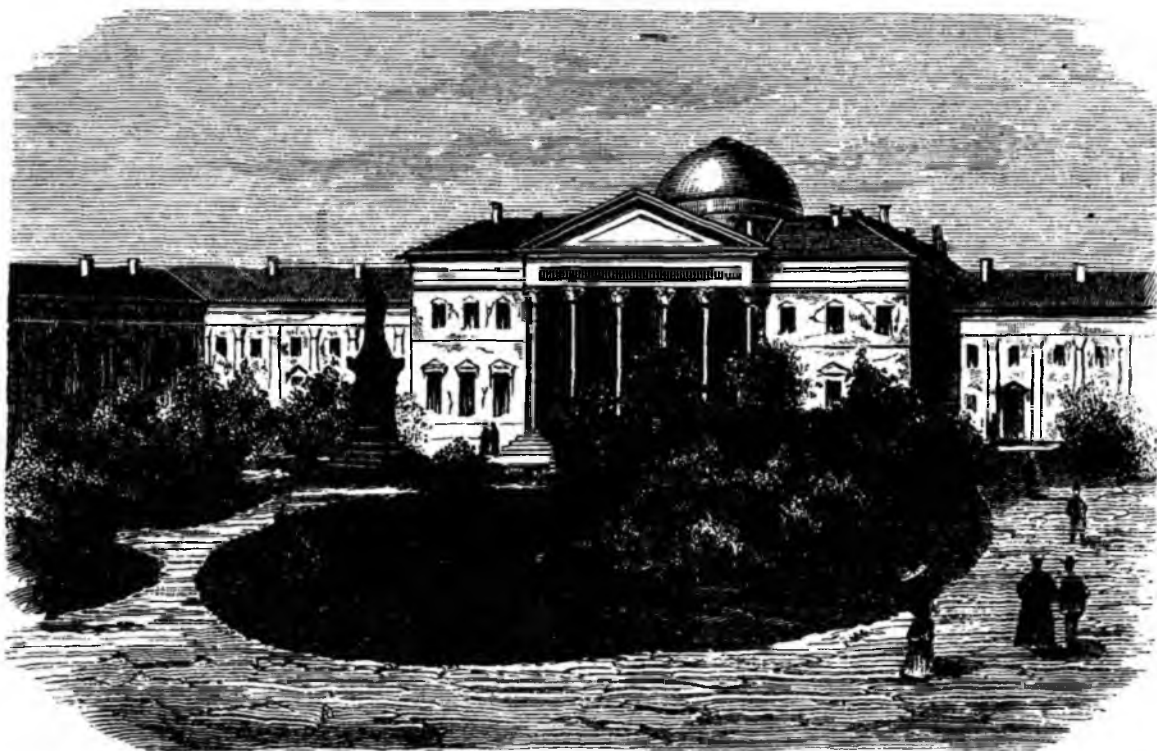
Словом, пишу так, как Бог в душу вложил; защищаться и оправдываться поэтому вовсе не полагаю, не считая, однако, свои слова последними и не отказываясь пристать к другим мнениям, если они покажутся мне не только удовлетворительными в теоретическом смысле, но и возможными для практического осуществления.

Начну с вопросов образования, преимущественно высшего⁴³, не только потому, что оно близко мне знакомо, так как преимущественно ему был отдан весь цвет моей прошлой жизни, но и потому особенно, что плоды всяких мероприятий, относящихся к народному просвещению, зреют вообще очень медленно, медленнее, чем для мероприятий, касающихся промышленности и правительственного строя (для высшего образования, однако, немного скорее, чем для низшего и среднего), а без них нельзя ни представить, ни даже ожидать правильного в современном смысле направления ни для правительственных учреждений, ни для промышленности, так как там и тут, прежде всего, необходимы просвещенные исполнители. Однако для понимания задач просвещения, в особенности высшего, не должно ни минуты терять из виду обратной зависимости хода просвещения от течения дел правительственных и промышленных, так как просвещение получило правильное направление и истинное развитие только для удовлетворения государственных и общественных потребностей или надобностей, а они многозначительнее и первее всего выражаются ростом и усложнениями правительственных и промышленных отношений, подразумевая под первыми не только одно коронное и выборное чиновничество, но и воинство, учителей, пастырей церкви и т. п., а под вторыми — не только фабрично-заводские дела, но и сельскохозяйственные, горные, перевозочные и всякие профессиональные. В стране с неразвитою или первобытною правительственною машиною и промышленностью нет спроса для истинного образования, особенно высшего, и там, где господствуют вялость и формализм, самостоятельные специалисты с высшим образованием не находят деятельности в общественных и государственных сферах, а потому впадают или в метафизические абстракты и уродливые утопии, или просто в отчаяние и излишества, а в лучшем случае — в ненужную диалектику

и декадентское празднословие. Истинно образованный человек, как я его понимаю в современном смысле, найдет себе место только тогда, когда в нем с его самостоятельными суждениями будут нуждаться или правительство, или промышленность, или, говоря вообще, образованное общество; иначе он лишний, и про него писано «Горе от ума».

Высшее образование в его специальном объеме достигается только трудом, и очень долгим, и дается только немногим к нему способным, а лица, его получившие, повсюду пользуются особыми преимуществами, или, если угодно, привилегиями, отнюдь не потому, что они имели практическую возможность получить такое образование, а лишь потому, что они нужнее и полезнее других сравнительно с массой людей, не получивших или не могших получить такой же меры образования. Другими словами, образование есть благоприобретенный капитал, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости и опытности. Преимущества, или привилегии, доставляемые высшим образованием, конечно, зовут к себе многих, и никакому сомнению не подлежит, что многие из жаждущих — не образования, а привилегий, им доставляемых, — не в силах вынести на своих плечах ни того, что нужно для достижения этого высшего образования, ни тех общественных обязанностей, которые оно налагает на лиц, его получивших, т. е. обязанности служить тем или иным путем для общественных и государственных целей, которые и выражаются, прежде всего, в правительственных органах и руководительстве промышленностью.

Древний идеал «совершенного человека», т. е. «силача и мудреца», к нашему времени, когда общественная жизнь преобладает над личною и тем глубоко отличает современное общество от простого стада или кагала, суммирующего личные интересы, ныне уже не удовлетворителен, или, правильнее сказать, должен быть усложнен тем понятием, что человек тем более совершенен, чем более он полезен для широкого круга интересов общественных, государственных и всего человечества. Это требование тем законнее или тем справедливее, что высшее образование ныне исключительно или, по крайней мере, почти исключительно доставляется средствами, затрачиваемыми обществами или государст-

Медицинская академия в Санкт-Петербурге.

Гравюра XIX в.

вом. Высшее просвещение для одного единоличного удовлетворения, без общественно-государственной деятельности совершенно не удовлетворительно, на мой взгляд, в наше время, так как в том или ином виде схимник, аскет, эпикуреец и вообще индивидуалист того или другого вида суть произведения уже прошлого, представители личного блага без всякого прямого отношения к общественному, выступающему — без порабощения — тем тверже и влиятельнее, чем теснее, мирнее, и переплетаясь интересами, уживаются люди на занятой части земли, т. е. чем более удаляются они от начального, стадного, кое-кому еще любезного быта.

В решении сомнений, сюда относящихся (их я знаю и понимаю, потому что в них более или менее долго оставался), должно искать исторический ключ к пониманию множества вопросов, касающихся до дела народного просвещения. Отдельные лица с их личными интересами всякого свойства составляют, конечно, начало общества, их интересы первичные, но не всеобъемлющи, и «Общественный контракт» («Contrat social») Ж. Ж. Руссо так же не удовлетворяет надобности современной и предстоящей жизни людей, как буддийский аскетизм, платоновская республика с ее рабами да с презрением к скромному труду и нищеанский «сверхчеловек», потому что во всех них господствует индивидуализм немногих, а живущие совместно с развитием индивидуализма немногих начала общественности, полнее всего и ярче выраженные в государственности, до такой степени скрываются, что подвиги действительных героев лишь ложно объясняются желанием славы, дела же «долга» не личного, а общего прикрываются какою-то тою личными отношений, или эпикурейством магометова рая, или стоицизмом, в сущности всё, кроме себя самих, презирающих. Становясь на такую точку зрения, мне кажутся совершенно выясняемыми многие отношения, касающиеся современного высшего народного просвещения. Такова моя основная мысль. Личное, нераздельно связанное с общим, т. е. преимущественно государственным, предшествует как в общей истории, так и в жизни каждого лица этому общественному, или государственному, как детство предшествует зрелости. Как в детст-

Киевский вид со зданием университета. Гравюра XIX в.

ве преобладают животные и личные требования над требованиями, вызываемыми сношениями с другими людьми, так и во всем просвещении первые предшествуют вторым.

По этой мысли в начальном и среднем образовании должно преследовать преимущественно развитие личное, а в высшем образовании — общественное и государственное. Личное, или индивидуальное, само по себе всякому даже малоразвитому человеку, даже животному понятно, просто и ясно, а общее, или государственное, начиная с материальных отношений этого рода, например в промышленности и в войне, и кончая высшим и моральным, например в деле религии, долга и просвещения, становится понятным и требующим настоящего удовлетворения только понемногу, только при скоплении людей, только при увеличении народонаселения и только под влиянием вдумчивого отношения ко всей современной совокупности обстоятельств сложившихся условий жизни. Личному, или индивидуальному, отвечают права, свобода — до произвола включительно и разумность — до рационального вывода истины, а общему, позднее развивающемуся, соответствуют обязанности, преклонение пред законом и признание истины лишь трудным путем опыта и наблюдений. Надо, очевидно, сочетание личного с общим, и одно первое, даже доведенное до райского блаженства, уже не удовлетворяет требованиям возрастающего мышления, успокаивается лишь удовлетворением общему. Всегда это жило, но в зародышном состоянии, теперь же, когда люди стали столь быстро множиться (см. гл. 2), оно выступило явственнее прежнего во много раз, и общее, по своей широте захватывая личное, обнимает все индивидуальное, хотя по самому своему существу отнюдь не вытесняет его, даже не ставит на дальний план, а просто стремится к согласованию с ним, как в науке безличный опыт — с личным рассуждением, конкрет — с абстрактом. Не хочу, да, признаться, даже и не в силах, если бы и захотел, доказывать эту свою заветную мысль, а желаю только достичь ясного о ней представления. Для этого мне кажется достаточным, с одной стороны, указать на способ понимания того, что называется социализмом, а с другой — обратить внимание на сумму исторических перемен, наступивших к нашему времени.

Хотя происхождение социализма должно искать в глубокой древности, но всем известно, что учение это стало приобретать последователей преимущественно во вторую половину

XIX ст. Сущность этого учения настолько известна, что я не считаю надобным на этом останавливаться, а быстрота распространения учения социалистов, несмотря на всю несообразность многих понятий, конечно, поражала многих, и я не раз слышал объяснения этой быстроты тем, что социализм отвечает дурным наклонностям людей и потому привлекает их массы, а иногда ставят распространение социализма в зависимость от расширения фабрик и заводов, банкиров и капитализма, антимонархических начал и пролетариата. Не отвергая влияния всех этих сторон на распространение очевидно ложного учения социалистов, я полагаю, что главную для того причину должно искать в том, что новейший социализм по названию и до некоторой степени по своему существу должно противопоставить индивидуализму, так как последний имеет в виду, прежде всего, благо отдельного лица, а социализм благо общее, для всех одинаково равное, так сказать, обязательно равное.

Социализм ответил известным образом преобразованию времени, когда начали уже понимать, что личное благо возможно лишь только внутри, а внешнее удовлетворение более или менее необходимо для всех живущих — иначе наступит рано или поздно беда, даже личная. Его стремление идти наперекор всей истории человечества, всегда более или менее выставляющей значение как личных, так и общих начал, впало в такое внутреннее противоречие, по которому внешние мелкие личные интересы удовлетворяются в равной мере для всех, а наиболее творческие начала, начиная с прогресса и изменений всякого рода, совершенно уничтожаются, потому что они определяются не общим стремлением, а всегда единоличной инициативой. Внутреннее противоречие между красивым названием и некрасивым содержанием социального учения ведет к тому, что умы пытливые и уравновешенные, наиболее способные к восприятию новых начал повсюду стали отвергать это учение, и оно увлекло только малоразвитых людей, в которых погашена живая струна личной инициативы, и впереди видится только потребность в хлебе насущном и в удовлетворении низких склонностей. Следствия социализма очевидны: застой и неизбежность порабощения новыми, или свежими, народами, чуждыми утопических увле-

Духовная академия в Санкт-Петербурге.
Гравюра XIX в.

чений социалистов; для них общее благо низводится исключительно только до сытости.

Развитие человечества началось именно с признания потребности сперва личного, а потом и общего блага, и на их сочетании покоятся все законы и образы правления. Но то одно, то другое врывается берет верх, и вот ныне, когда крайнее процветание индивидуализма начинает, видимо, забирать верх, появление социализма и его быстрое распространение становятся понятными по существу. Его общественное и моральное значение в известной мере можно считать даже благоприятным для общего роста сознательности, особенно если иметь в виду «теоретический социализм», но предлагаемые в нем приемы прямо несообразны с целью, которой желают достичь, и я не думаю, как полагают, однако, многие, что учение социалистов служило источником для возрождения таких общегосударственных предприятий, как виды государственных монополий (например, железнодорожных), попечения о рабочих на фабриках и заводах, всеобщего страхования и т. п., потому что уже с древних времен видны начала, из которых развились подобные меры, выражающие собою известную форму сочетания государственных интересов с личными.

Уже возникновение постоянных войск, водохранилищ, орошений, даже дорог и почт свидетельствует о том, что государственные средства никогда принципиально не отождествлялись с понятием казны как собственности правящих классов, а назначались для удовлетворения тех общих потребностей, которые могли быть выполнены только большим сборным государственным капиталом.

Во всяком случае, увлечение социализмом, по моему мнению, нельзя правильно понимать, если не принять во внимание лучших его стремлений к достижению общего блага и если не видеть, что основную ошибку социализма составляет подавление личной инициативы, которая в сущности своей ведет ко всем видам прогресса, заставляя, как показал Тард, массы народа «подражать» единоличному примеру. Словом, утопия социализма есть крайняя противоположность утопии индивидуализма. Истина в срединном сочетании.

Моя мысль об отношении единоличного к общему, или индивидуального к социальному (которое должно явно отличать от социалистического), скажется, я полагаю, еще яснее, если я выражу уверенность, что глубокие изменения во множестве прежних, стародавних отношений заставят, по моему мнению, признать наше время концом «новой» истории и началом «новой», или современной. Новая история характеризуется преобладанием и развитием интересов индивидуальных, новейшая должна дать наибольший простор и широкое, прежде небывалое развитие интересам социальным. Внешним признаком наступления новейшей истории можно считать распространение, и даже преобладание во всех частях света начал западноевропейской, или, лучше, латиносаксонской, цивилизации, в усовершенствовании которых и протекла большая часть новой истории. Эта последняя начинается с открытия Америки, теперь уже занявшей самостоятельное и видное положение во всех мировых отношениях. Новейшая история, начинаясь с распространения тех же начал на громадные пространства Азии и Африки, введет народы этих частей света в общую историю человечества, и в ней китайцы и даже негры должны занять такую же роль по отношению к остальному миру, какую заняли С.-А. С. Штаты в новой истории. Но С.-А. С. Штаты, в сущности, представляют тех же западных европейцев, пересаженных на новую почву и в новые условия, тогда как у китайцев, индейцев и негров есть уже много своего народа со многими своими особенностями до расовых включительно, и эти народы, сколько бы ни восприняли общеевропейской цивилизации, все же останутся со своими особенностями и, без сомнения, внесут в мир много такого, что отличит новейшую историю от новой в большей мере, чем

эта последняя отличается от «средней». Борьба всякого рода, начиная от войн, на мой взгляд, при этом неизбежна, и нельзя допустить мысли, чтобы она кончилась, подобно тому, как кончилась война европейцев с североамериканскими индейцами, и вновь вступившие в мировую область народности Азии и Африки, по моему разумению, должны внести для удержания своей самобытности усовершенствование начал цивилизации выражением, даже преобладанием общественно-социальных начал в такой мере, которая еще не существует в нашем обиходе, преимущественно индивидуалистическом. Надо же помнить, что Древний мир обновлен преимущественно вследствие пришельцев из Азии, что там родились и воспитались начала широкой государственности, правда первобытной, что там же да в прилегающих частях Африки (Египте) зарождались наука и религии, что там раньше Европы сложились условия возможности быстрого размножения людей и что в одной Азии живет более половины всех людей, а в одном Китае (426 млн) более, чем во всей Европе (380 млн). Взойдя в мировую жизнь при помощи европейцев, а они явно входят уже, азиаты повлияют на эту жизнь, и повлияют общностью, массой. Они выиграют в индивидуальных отношениях, а европейцы — в социальных. И всем будет лучше. Только, на мой взгляд, произойдет это никак не при помощи таких грубоподражательных [государств, как Япония], умеющих быстро собезьянить лишь такие внешности, как фабрики, флот, парламент, войско и т. п., а, вероятнее всего, при помощи таких оригинально-устойчивых, крепко-живучих (потому что верят кое во что, но без фанатизма), благодушно-мирных и многочисленных народов, каковы преимущественно китайцы. В новейшей истории они должны выступить на мировую сцену; их влиятельная самобытность видна уже в том, что они чужды воинственности и аристократизма, умели приручить себе покорителей (монголов и маньчжуров) и сохранились тысячелетия, как ни один другой народ. Значит, в них есть нечто высшее, общее или социальное.

Все главные части нашей русской истории совершились в новую эпоху человечества, мы восприняли начало латино-саксонской цивилизации позднее других западноевропейцев, и ни для кого не подлежит сомнению, что мы

сохранили больше, чем западноевропейцы, некоторые начальные стороны азиатской жизни. По мне, все это может послужить к нашему благу, тем более что мы географически занимаем середину между настоящим Западом и Востоком и что сравнительно молодое Русское царство еще легко может одолеть труд объединения двух важнейших частей человечества. Волей или неволей по срединному нашему положению и по громадности протяжения наших азиатских границ, даже по причине текущей Японской войны мы должны принять большое участие в готовящихся мировых событиях. Чтобы при этом уцелеть и продолжать свой независимый рост, нам необходимо не только быть готовыми к отпору всякому на нас внешнему посягательству, но и всемерно позаботиться о таком своем развитии, которое ответило бы нашим особенностям, нашему положению и предстоящим нам делам, а для этого, конечно, прежде всего надобно скорее приняться за установление твердых начал всей нашей образованности, которая донине, сказать правду, бралась лишь напрокат с Запада, а не делалась нашею благоприобретенною собственностью. Классические недостатки западноевропейского, преимущественно диалектического, образования усилились у нас до того, что, за небольшими изъятиями, относящимися преимущественно к специализированному образованию, особенно высшему, у нас знание отождествляется с говорением или изложением. Хорошо говорящий, особенно же бойко пишущий почитается и знающим то, о чем идет речь. По существу это значит, судя по сказанному выше, что все наше образование направлено преимущественно в сторону индивидуалистическую, подобно древнему или средневековому, и на деле вовсе чуждо задачам жизненным и общегосударственным, для которых истинное знание состоит в умении видеть действительность, уловить условия, принять их в расчет и сообразно со всем этим найти выполнимое или в данной частности пригодное разрешение, будет ли то постройка машины, или ведение предприятия, или исполнение поручения, личное ли или общественное дело. Разговор и слова нужны, но они только начало, вся суть жизни — в делах, в умении перехода от слова к делу, в их согласовании. Начальное и даже все среднее общее образование долж-

ны иметь дело преимущественно со словом, а высшее — с делом, с жизнью, с общественными, так сказать, внеиндивидуальными отношениями.

От этих общих, или предварительных, соображений пора, однако, перейти к частностям, касающимся высшего образования, потому что в них виднее выступят мысли, которые мне желательно высказать. Но предварительно все же считаю полезным изложить, хотя и очень кратко, то, что считаю необходимым видеть в среднем образовании, для того чтобы оно могло дать свои настоящие плоды в жизни и преимущественно в высшем образовании.

В отношении к среднему образованию мои основные мысли сводятся к следующим положениям.

1. Нормальным возрастом для среднего образования должно считать период от 10 до 16 лет. Ранее 10 лет неизбежно должно идти первоначальное обучение грамоте, счету, первым правилам жизни, приучению к труду и началам религиозным, без которых нельзя приступить к среднему образованию, оттого и носящему свое название, что ему предшествует начальное обучение и за ним следует высшее образование. Продолжать общее среднее образование далее 16, много что 17 лет, по моему мнению, не только совершенно излишне, но даже вредно, потому что юноша в указанном возрасте способен уже понимать философские начала, неизбежные при высшем образовании, и еще достаточно впечатлителен, чтобы в надлежащей мере увлечься высшими интересами избранной им специальности; жизненные же требования взрослого возраста, резко выступающие в период выше 20 лет, еще его не отвлекают от этого учения, необходимого для того, чтобы получались истинные специалисты. Один из крупнейших недостатков современного у нас среднего образования, особенно в гимназиях, состоит именно в том, что оно напрасно затягивается и из гимназий выходят уже в том возрасте, когда растут усы и борода и когда пора уже бросать школьные порядки и входить в жизнь со всеми ее тревожностями. Знаю это по опыту, потому что все 7 классов гимназии прошел тогда, когда мне еще не было 16 лет, и было это в холодном Тобольске, так что о влиянии юга здесь не может быть никакой речи. В Главном педагогическом ин-

Александровский лицей в Санкт-Петербурге

ституте у меня немало было товарищей, начиная с К. Д. Краевича, поступивших в возрасте 16—17 лет и успевших затем и в учении, и в жизни. Начав доцентуру в университете в 1856 г., я имел еще между немногочисленными своими слушателями немало безбородых юношей, горячо потом предавшихся науке, а окончив свое профессорство чрез 33 года, в среде большого числа своих слушателей я видел преобладание бритых или обрешших бороною, и из среды их выдавался меньший процент людей, отдавшихся науке, чем то было раньше. Одну из главнейших причин частых так называемых университетских беспорядков, по моему крайнему разумению, должно видеть именно в том, что ныне в университеты поступают позже, чем следует.

Когда заговорят потребности, естественные в возрасте выше 20 лет, тогда ученье и вся прелесть науки не могут уже так увлекать и захватывать на всю жизнь, как то делается с легкостью в более ранний период. Самый впечатлительным и влиятельным для всей остальной жизни должно считать, судя по моему опыту, основанному на многих тысячах испытанных мною юношей, именно возраст от 16 до 20 лет, и этот период наибольшей умственной восприимчивости должно назначать, прежде всего, для получения или специального образования в высших учебных заведениях, или по окончании среднего образования в жизненном вступлении в ту или иную специальность дальнейшего служения интересам общества. Указанная норма, конечно, не исключает частных особенностей, и педагогическому совету средних и высших учебных заведений нельзя отказать в праве допускать исключения по уважительным

причинам, но, если мы желаем скорых и явных успехов всего русского просвещения, особенно высшего и самостоятельного, а не одного подражательного, весьма важно установить указанные выше нормы для среднего, особенно же для лиц, ищущих высшего образования. Талантливости у русского народа для этого найдется в достаточном количестве, а бесталанных нечего и звать для высшего просвещения, потому что оно им не дается, они в него идут не по влечению, не по требованию внутреннему, а по расчетам, чуждым прямым задачам просвещения. Успеть же к 16 годам пройти все то, что в норме необходимо для общего среднего образования, очевидно, возможно, если на то было в прежнее время множество примеров и если из общих курсов гимназии изъять латынь и не тратить сил и времени на переводные экзамены.

2. Во всяком среднем образовании, т. е. в общем или специализированном для определенной цели, должно преобладать развитие в учениках индивидуальных сторон жизненных отношений, если высшее образование назначается преимущественно для развития общественных или социальных сторон жизни, всегда сопряженных со специализациею. Индивидуальные стороны и отношения выступают во всех смыслах раньше социальных, предшествуют им, но вторые без первых развиты быть не могут, а потому высшее, или специальное, образование и не может достигать высшего развития без правильного прохождения среднего образования, на чем основывается общеизвестная недостаточность одного самообразования, направленного к определенной специальности. Индивидуальные отношения отвечают лучшим чертам прошлой жизни человечества до наших дней включительно, а социальные отношения, за тем следующие, настойчиво выступают в настоящее время, а в предстоящем их значение еще более должно выказаться, и если в будущем специалистов с высшим образованием пропорционально будет больше, чем ныне, то это может случиться только при умножении и усилении среднего образования, ибо в общую пользу невозможно действовать, не сознавая своей истинной пользы.

В том переходном возрасте, который посвящается среднему образованию, жизненно-общественные интересы, конечно, уже чувствуются, но понимаются только по-дет-

Училище для глухонемых детей под покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны.
На уроке сапожного мастерства. 1890-е гг.

ски и окрашиваются своего рода романтизмом юности, потому что не могут быть сознаваемы как общее средство, обеспечивающее движение всей массы людей, а в том числе и нас самих. Личное ведь проще общего, с первого и должно начинать при обучении, т. е. при передаче того, чего уже люди достигли и чему учить можно. Об общем в средних учебных заведениях, кажется, и не следовало бы особенно много заботиться, оно придет само собой уже по одному тому, что всякое школьное обучение само по себе учит обществу, что в школе своя большая семья, что в ней есть, как в жизни, свои родители и свои братья и что в ней сама необходимость заставляет часто, много и ближе касаться всего родного, общего, отечества. Главная задача среднего образования состоит поэтому в личном развитии учеников, в росте сознательного их отношения к окружающему и в развитии личных свойств: наблюдательности, внимания, обсуждения и трудолюбия. Достигать этого с древних времен полагали проще и легче всего при помощи изучения слова, потому что оно дано каждому и составляет в глаза бросающееся первое отличие людей от других творений.

Крайность в этом правильном соображении составляет пресловутое классическое среднее образование по причинам, которых не стоит повторять по их общеизвестности. Не вдаваясь в теоретическую критику, которой, признаюсь, вовсе не люблю, я считаю, однако, не излишним повторить в сотый раз, что классический первообраз, оставшийся в уме с детства, привел классические народы, а за ними приводит и классиков к индивидуализму и мистицизму, диалектике и самообожанию до разлада между словом и делом включительно. А между тем слово само по себе, как число, есть абстракт, отвлечение от мелочи окружающего, и в образовательном отношении изучение языка по своему влиянию на развитие сознательности имеет такое же значение, как математика, ибо, с одной стороны, представляет отчетливую реальность действительности, а с другой стороны — явное отвлечение от нее и углубление в самого себя, что и нужно для развития сознательности. Но для этого, конечно, родной язык ближе, надежнее

и доступнее всяких иных, хотя бы и наиболее выработанных с формальной стороны. Поэтому изучение русского языка и математики неизбежно положить в основу нашего среднего образования для того, чтобы оно дало полезных, сознательных членов сложной современной общественной жизни. Естествознание, физика, география, история, понятие о государственных законах и уроки закона Божия составляют тот второй ряд основных предметов общего среднего образования, который развивает личную сознательность в отношении к действительной обстановке и составляет элементарную подготовку возможности получения высшего, или специального, образования. К двум указанным рядам предметов в среднем образовании необходимо (разъяснение мне кажется излишним) присовокупить ряд таких дополнительных предметов, как рисование и черчение, один из иностранных языков и ручной труд, чтобы получить программу общего среднего образования, удовлетворяющего современным потребностям и могущего быть пройденным в шестилетний срок, как видно из прилагаемой примерной таблицы, в которой я старался соблюсти всевозможное равновесие между предъявляемыми с разных сторон требованиями.

3. С должной подготовкой по указанным предметам можно идти в любое высшее учебное заведение, преследующее не чересчур узкие практические цели (например, приготовление толмачей), но требуемые специальными потребностями жизни. Не подлежит сомнению, что действительная польза среднего образования для всей жизни и для прохождения высших учебных заведений весьма сильно зависит от качества учителей, т. е. от их влияния на учеников, а не от одного качества предметов и не от числа учебных часов. Но, с другой стороны, несомненно и то, что самые лучшие учителя мало повлияют на подготовку и развитие учеников, если учение будет лишено общего обдуманного плана, допускающего возможность развернуться разнообразным способностям учеников, дающего им надлежащий простор во времени и постоянный интерес, без которого нельзя оставить следа в душе учеников. Разъяснять сказанное в этих строках в подробностях не считаю надобным, потому что говорю о среднем образовании преимущественно для вы-

яснения своих мыслей, касающихся высшего образования. Для среднего образования, носящего узкоспециальный характер, например для средних учебных заведений духовных, морских, коммерческих и т. п., равно как и для подготовки к некоторым специальным занятиям (например, филологическим), мне кажется, должно принять в основание следующие два требования: а) все предметы, требуемые в общих средних учебных заведениях и в том же объеме, как в этих последних, должны быть в составе преподавания всяких специальных средних учебных заведений для того, чтобы из каждого специализированного среднего учебного заведения кончившие курс могли поступать во всякие высшие учебные заведения, и б) специальные предметы в средних учебных заведениях особого рода должны располагать или в отдельных дополнительных классах, или между предметами общеобразовательных средних учебных заведений, но с тем, чтобы в последних случаях продолжительность курса увеличивалась сообразно количеству прибавляемых специальных уроков, т. е. в таких учебных заведениях число лет прохождения должно быть более нормального 6-летнего срока, например, продлено до 6,5, но не более 8 лет. Для частных средних учебных заведений, желающих получить для воспитанников право поступать в высшие учебные заведения, должно, по моему мнению, поставить те же основные требования.

Необходимость однообразия таких требований определяется тем, что главную цель образования должно видеть в высшем образовании и все лица, прошедшие среднее образование, должны удовлетворять той норме подготовки, которая принимается во внимание при составлении программ высших учебных заведений. Если же основною целью всей организации образования должно считать высшее образование, то окончание курса лишь в средних учебных заведениях должно считать как бы ненормальным и соответствующим или малой талантливости ученика, или требованию его личного участия в жизни до окончания всего образования. Среднее образование вообще есть только подготовка или к непосредственному жизненному образованию, или к обучению в высших учебных заведениях, куда должны входить лица, лишь способные к тому особому труду, который необходимо требовать в усиленных размерах

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

в высших учебных заведениях. В аттестаты средних учебных заведений непременно должно входить свидетельство учителей о том, что окончивший курс со стороны способностей и знаний годен для высших учебных заведений. Если этого нет в аттестате, окончивший курс не лишается прав, предоставляемых по закону лицам со средним образованием, но лишается права без особого специального экзамена поступать в высшие учебные заведения.

	Число часовых уроков в неделю по классам							Всего
	I	II	III	IV	V	VI		
<i>Основные предметы</i>								
Русский язык и литература ⁴⁴	5	5	5	4	4	4	27	54
Математика	5	5	5	4	4	4	27	
Естествознание	1	1	1	2	2	2	9	54
Физика	—	—	—	3	3	3	9	
География (русская и всеобщая) и космография	3	3	3	3	3	3	18	
История (русская и всеобщая)	—	—	—	3	3	3	9	
Русское законоведение	—	—	—	1	1	1	3	6
Закон Божий	1	1	1	1	1	1	6	
<i>Дополнительные предметы</i>								
Один из иностранных языков ⁴⁵	2	2	2	2	2	2	12	54
Рисование и черчение	2	2	2	1	1	1	9	
Ручной труд, пение и опыты	5	5	5	6	6	6	33	
Итого на уроки в неделю, часов	по 24			по 30			162	
день	по 24			по 30				

(На промежутки между уроками — от 5 до 30 мин)

4. Современный порядок переводных и окончательных экзаменов по величине отметок или баллов, по моему мнению, должен быть заменен простым приговором совета учителей. Поводом к изменению служит для меня особенно то обстоятельство, что устный или даже письменный ответ на экзамене ведет к преобладанию слова над делом или умением обращаться с действительностью и всегда неизбежно сопряжен с кучей случайностей, начиная от болезни, конфузливости, заикания и т. п. Экзамены притом отнимают очень много времени как у учителей и учеников, так и от успешного или внимательного прохождения курсов. Экзамены должно считать первым объяснением того формализма, который нередко портит многое в жизни. Учитель должен знать каждого ученика, а доверие к учителям составляет основу всякого образования. Подготовку учеников и их способность к продолжению образования учителя, должным образом исполняющие свое дело, знают гораздо вернее непосредственно, чем при помощи какой-нибудь системы баллов. В прежние времена, когда я учился в гимназии, совет учителей имел право переводить и при плохих баллах, которые ставились нередко для того, чтобы показать ученику, что он не все сделал, что мог. Меня самого перевели из IV в V класс и из V в VI при многих недостающих баллах, без сомнения, ввиду того, что общая подготовка и должное развитие все же у меня были, и оставление в классе только бы испортило, вероятно, всю мою жизнь. Дело обучения лежит на совести учителей, а потому первую заботу об образовании должно направить в сторону подготовки самих учителей и лиц, пекущихся об образовании. Мне кажется несомненным, что уничтожение классных отметок подаст добрый почин к уменьшению формализма, губящего в России много живого и талантливого. Вот если о подготовке должно судить лицам, не знающим учеников, тогда, конечно, экзамены и им отвечающие баллы уничтожать нельзя, но в обычной обстановке учебного дела вполне можно обойтись без этих пережитков старого времени.

5. Так как вся польза для страны от распространения желаемого среднего образования определяется учителями, то в заботах о подъеме нашего среднего образования начинать необходи-

Воспитанницы Стоюнинской гимназии в столовой усадьбы И. Репина «Пенаты».
Куоккала. 1900-е гг.

мо отнюдь не с программ, а с подготовки надлежащих учителей, о чем я предполагаю говорить впоследствии более подробно как о лучшем примере высшего образования. Не считая духовных, военных, коммерческих и тому подобных средних учебных заведений, в ведомстве Министерства народного просвещения в 1901 г. было около 180 мужских и 160 женских гимназий, 110 реальных училищ, 60 мужских и 110 женских прогимназий, всего около 630 средних учебных заведений и в них около 6 тыс. учителей и других педагогов. Общее число всех учителей всех средних учебных заведений ныне нельзя считать менее 10 тыс. Если предположить, что каждый из них вынесет тяготы учительского положения даже 15 лет, то возобновлять в год придется, по крайней мере, 600 учителей. Эта специальная потребность страны так важна для ее общего блага и будущности, что невозможно предоставить ее восполнение простой случайности, и если нужны политехникумы для восполнения потребности в техниках, то не менее того нужно устройство училищ для наставников или педагогических институтов.

Современное вознаграждение учителям средних учебных заведений определяется от 40 до 70 руб. за годовую урок в каждую неделю, а потому учителю приходится набирать по 4—5 уроков в день, чтобы прожить сколько-нибудь сносно с семьей. Сам я выносил такое число уроков на плечах когда-то и знаю, что выносить долго никому не под силу, если только следить за успехами излагаемой науки, трудно даже правильно влиять на учеников, вникая в их особенности. Не думаю, однако, что простым увеличением окладов жалованья можно сколько-нибудь улучшить все дело просвещения, зная, что любовь к делу может сделать мягким и черствый хлеб, а потому хочу сказать прежде и громче всего, что в заботах о просвещении народа необходимо образовать большой запас учителей, любящих свое дело — науки юношеству, а этого иначе достичь невозможно, как готовя учителей в особых институтах и давая им там живой пример любви к народному просвещению. Взятые в своей массе наши военные моряки, бесспорно, любят глубоко свое дело и выносят эту любовь из своих учебных заведений, руководи-

мых истинными и опытными любителями его. При этом надо не забывать, что любовь ко всякому делу хорошо уживается только с требованиями, обуславливаемыми самым его существом, она их только укрепляет; она скоро охлаждается и даже возмущается всякою ненужною регламентациею, а потому известная степень педагогической свободы, например выбор учеников, приемы исправления, способы испытания и т. п., должна быть предоставлена не только советам учителей, но и отдельным учителям. Однако жизнь все же требует от учителей определенных с годами возрастающих размеров средств, а потому жалование учителям необходимо с самого начала дать примерно за двенадцать недельных уроков — от 900 до 1200 руб. в год, а с годами, как это уже и водится, увеличивать его прибавками, чрез каждые 3—5 лет на 10—20 %. Размер прибавки, по моему мнению, должен определяться ходатайством совета учителей, в котором для этой цели (а отчасти и для других) должны быть представители от местного общества в виде депутатов от земства или от родителей, смотря по решению главного местного управления. Малая прибавка оклада жалования, а тем паче отказ в этой прибавке может послужить мерою для исправления недостатков в учительском персонале, а указанные эксперты будут лучше всякого временно пребывающего и мало осведомленного чиновного попечительства.

На этих немногих замечаниях, лишенных подробностей, считаю необходимым закончить свои мысли, относящиеся к средним учебным заведениям, потому что в деле народного блага, много зависящего от просвещения, ни средние, ни первоначальные школы не занимают того руководящего и определяющего положения, которое принадлежит исключительно высшим учебным заведениям. Это утверждение, уже выше указанное и уже многими признаваемое, настолько существенно и настолько отличает наше время от предшествующих, что над ним полезно остановиться еще раз. В исторической постепенности изменений можно заметить в отношении к высшему образованию главнейшую перемену с того времени, когда оно считалось принадлежностью только определенной касты или доли людей, подобных жрецам, рыцарям, мудрецам и т. п. Главная перемена состоит в том, что высшее образование отныне

доступно в сущности всем и каждому, способному его вместить. У нас, например, по закону лица крестьянского сословия, получившие высшее образование, становятся совершенно в тот же разряд, как и лица других сословий, тогда как не имеющие дипломов лица крестьянского сословия не имеют права поступать на государственную службу. При всем господстве предубеждений по отношению к неграм и индейцам в Американских Соединенных Штатах те из негров и индейцев, которые прошли высшие учебные заведения, в действительности получают равноправие и доступность ко всем общественным областям деятельности.

Китай в этом отношении первый дал исторический пример, не имея никаких отдельных сословий и предоставляя лишь лицам, получившим высшее образование, право быть мандаринами и вообще главными исполнителями правительственных функций. Во всем мире дело клонится, в сущности, в ту же сторону, и мне пришлось в 1902 г. слышать в Париже в среде просвещеннейших людей горячую проповедь о том, чтобы в будущем избирательный ценз определялся не величиною вносимых податей, а высотой образовательного ценза, причем совершенно правильно понималось как то, что по природным различиям людей не все и каждый способны достичь тех высших требований, какие необходимо выполнить для получения высшего образования, так и то, что диплом высшего учебного заведения не составляет еще гарантии полного равенства всех дипломированных и что высшие качества определяются не столько простым знанием прежней мудрости в данной специальности, сколько личным участием в дальнейшей разработке предметов наук, искусств и знаний.

Другая историческая перемена в коренных понятиях, относящихся к высшему образованию, состоит в том, что в прежние времена, почти вплоть до последних веков новой истории и до времени действительного учреждения высших учебных заведений, т. е. университетов, высшее образование почиталось способным обнять всю совокупность знаний времени, ныне же оно признается только за специалистами в данной области знаний, искусств или науки. Основывая в память своего умершего сына в 1891 г. в Калифорнии на свои громадные средства новый университет

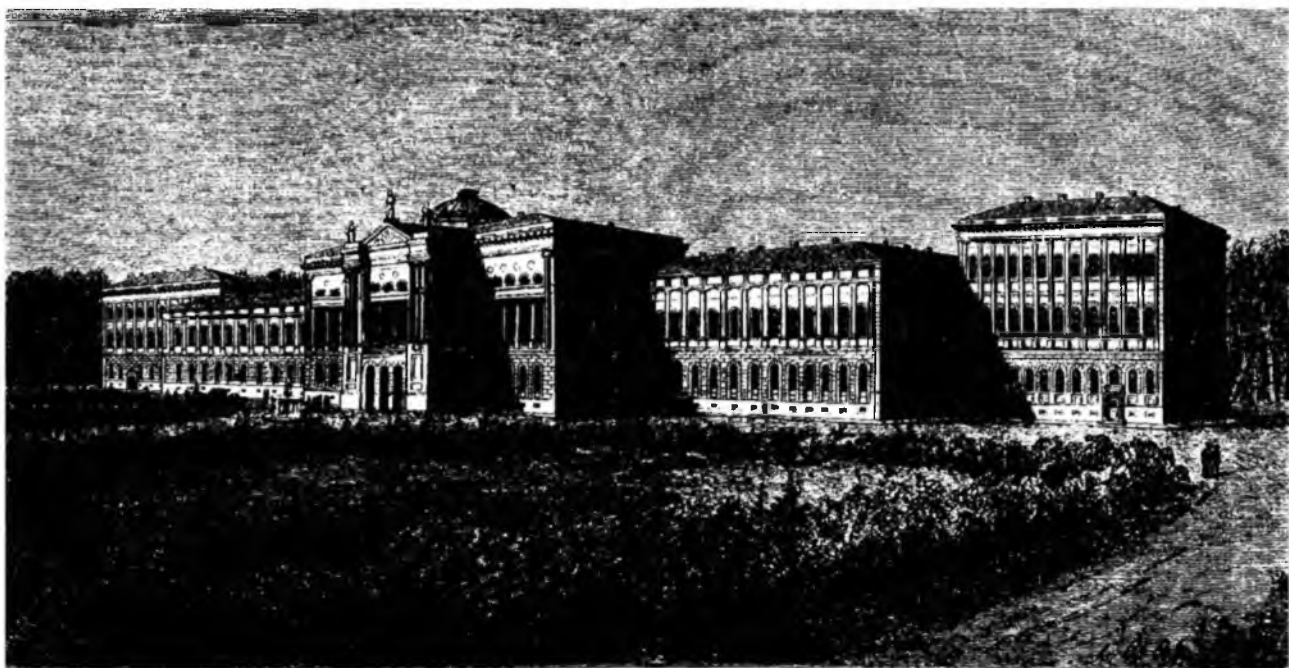
в Пало-Альто (The Leland Stanford Junior University), Станфорд отлично выразил эту мысль, сказавши так: «В древности казалось, что философ должен знать все и обо всем; ныне же увидели, что этого никому нельзя объять и современный философ должен знать все о чем-нибудь и что-нибудь обо всем». Сущность этой перемены определяется, по моему мнению, преимущественно не обширностью накопившегося запаса мудрости людской, а тем, что в былое время людское самомнение стремилось охватить начало всех начал, но запуталось, пришло к непримиримым противоречиям и, смирившись, стало признавать недоступное познанию, а в том, что доступно, стало искать при помощи наблюдений и опытов непоколебимых законов, при помощи которых стало быстрее овладевать природой, чем то было ранее.

«Вечные истины», о которых так много говорилось покойным моим другом Н. Н. Страховым в его прениях со спиритами, без сомнения, нашлись в согласии умозрения с наблюдением и опытом, но не в тех абстрактных областях, в которых их гордо искали прежде, а в тех конкретных, где есть место наблюдению и опыту рядом с умозаключением и проверкой. Это и придало высшему образованию характер специализации. При этом предполагается и в действительности оказывается, что приемы для возможного достижения хоть частей истины, если и не разоблачения ее во всей полноте, повсюду, т. е. во всех областях, в сущности одни и те же. Оттого-то Маколей выставляет всеобъемлемость таких людей, как Данте, Микеланджело и т. п. Они сосредоточиваются на частностях, а не витают в одних абстрактах, потому что эти непрочны, потому что недоступны, а те касаются вечных истин, потому что доступны. Со своей стороны я не думаю, что высшие специалисты в науках и искусствах способны быть лучшими законодателями или правительственными чиновниками, потому что и это дело я почитаю таким специальным, которое требует своего особого изучения и своих особых склонностей. Сверх сказанного нельзя упустить для понимания современного положения высших учебных заведений из виду ни того, что из этих заведений выходят главнейшие руководители всех отраслей современной сложной и раздельной по специальностям жизни от военачальников, пасты-

рей Церкви и учителей до администраторов, техников, художников и литераторов, ни того, что здесь учат не только крайним пределам понимания долей истины, добра и красоты, но и способам личного достижения дальнейшего их отыскания, т. е. подводят к самому алтарю просвещения, ни даже того, что высшие учебные заведения проходятся в возрасте, определяющем всю последующую деятельность людей, когда слагаются от воспринимаемого более или менее независимо от условий окружающей жизни твердые и сознательные упования и убеждения, кладущие на весь строй дальнейшей жизни свой не блестящий, но явный отпечаток, тем более увеличивающийся, чем более эти упования и убеждения прямее происходят из чистого источника искания правды, а от нее истины, блага, а от него добра и красоты, а от нее и внутреннего удовлетворения. Физическая невозможность узнать «все обо всем» до того проникает во все дело высшего образования, что нередко всезнание почитается признаком ограниченности и тех добрых желаний, которыми устлана современная ад отчаяния и сверхчеловечества.

Даже и «все о чем-нибудь», например хоть бы о химии или о железных дорогах, немислимо сообщить и воспринять ни в каком высшем учебном заведении. Да и не надобно этого для истинных целей высшего образования, т. е., с одной стороны, для возможно реального понимания и искания бесконечного, хотя в его долях, а с другой стороны, для умелого приложения узанного к конкретным частностям, будут ли то пушки, или мосты чрез реку, или разбор письменных памятников, или определение и лечение органической или нравственной болезни, или даже простое и ясное выражение или изображение действительности.

В этом соединении абстрактно-бесконечного с конкретной действительностью весь смысл высших учебных заведений. Это соединение недоступно в начальном возрасте, к нему надобно иметь своего рода склонность и способность, оно дается не каждому, потому что не все люди равны по способностям и склонностям, по вдумчивости и настойчивости. Но то образование, в котором нет этого соединения абстрактного с конкретным, где есть только перечисление узанных рецептов, не может быть почитаемо высшим,

Вид здания Сибирского университета в Томске. Гравюра XIX в.

хотя может быть признано и очень узкоспециальным, не только прикладным, но и абстрактным. Оттого-то нет высших учебных заведений и в них факультетов или отделений чисто философских, т. е. таких, в которых абстракты были бы исключительным предметом изучения. Оттого-то на математическом факультете повсюду сверх абстрактов математики видим конкретные астрономии, механики и физики. Оттого-то философия права составляет лишь небольшую долю, хотя и энциклопедическую, юридического факультета. А так как при всей своей конкретности слово есть по преимуществу абстракт, то ближайшее, или специальное, изучение философии везде относится к словесному, или филологическому, факультету, где история обыкновенно играет роль конкретной стороны изучения. Оттого-то в таких на взгляд узкоконкретных, или прикладных, высших учебных заведениях, каковы, например, Артиллерийская академия, политехникумы, инженерные институты и т. п., высшее образование начинается всегда со столь отвлеченных предметов, как высшая алгебра, дифференциалы и интегралы, как воображаемые движения и сочетания атомов в совершенно доньше абстрактной среде, называемой световым или мировым эфиром.

Чинить и даже строить мосты, лечить и делать всякие другие практические дела, конечно, можно по рецептам, по наглядке, но прямо, судя по опыту, оказывается, что наилучшим способом, т. е. наивыгоднейшим по затрате времени, средств и усилий, практические дела делаются, только исходя из общих начал, только при знакомстве с абстрактами, до них относящимися, с теми интегралами, атомами и невидимыми движениями, прямую пользу которых первоначально вовсе не улавливают. Только абстракт, соединенный с проверенными опытами и наблюдениями, дает уверенность в предстоящем еще невидимом результате, в ожидаемом, как в настоящем. Когда-нибудь впереди, быть может, и будет время, в которое прямо сумеют и в сложных научных предметах переходить помимо абстрактов, всегда имеющих дело более или менее с бесконечностью, прямо от ощущаемых конкретов к будущим и ожидаемым конкретам, подобно тому как судят о наступлении дня после ночи, но доньше этот переход в огромном ряде заключений строго возможен только при помощи абстрактов, т. е. отвлеченных гипотез, имеющих всегда дело с вещами, прямо непознаваемыми. Возможность в будущем такого непосредственного и прямого перехода от известных конкретов к неизвестным отрицать

нельзя, потому что столь основные законы, как, например, закон тяготения в астрономии и физике или закон периодичности в химии, по существу своему получены из опытов и наблюдений и абстрактами вовсе доньше не выясняются, не развиваются и не дополняются, а между тем дают возможность предугадывать множество конкретных частных. Но, ссылаясь на такую возможность, ни в наше время, ни в предвидимое ближайшее нельзя ограничиваться одним знакомством с конкретными выводами, для того чтобы сколько-нибудь обладать ими, а необходимо возвыситься до абстрактов, потому что они кратко резюмируют множество конкретов. В этом сочетании конкретного, или действительного, с абстрактным, или отвлеченным, и должно видеть настоящий смысл высших учебных заведений и главную трудность их прохождения, состоящую поэтому преимущественно в согласовании слова (отвлечений, абстрактов) с делом (действительностью, конкретом) и в умении, насколько то доступно людям, предвидеть предстоящее на основании существующего и прошлого.

Такие люди, которые способны видеть хоть немного вперед, хоть не везде, а в некоторых частностях, очевидно, нужны стране, и чем их больше, тем, без сомнения, лучше: их-то и стремятся получить или образовать высшие учебные заведения, для того-то они и сочетают конкрет с абстрактом.

Современная мудрость не прячется, не назначается для отдельных каст, все найденное передает или словом слушателям высших учебных заведений, или печати в специальных изданиях, назначаемых для сообщения вновь произведенных научных исследований, чтобы следующие поколения превосходили современные.

На этом фундаменте возводится здание некончающегося движения вперед, или прогресса, и если древность вывела плодотворный возглас: «Горе побежденным!» («*Vae victis!*»), то современность может провозгласить еще сильнее: «Горе отсталым!» Оба эти возгласа, так сказать, дышат нигилизмом или показывают оборотную сторону медали, на лице которой написано, что благо народное неразлучно с деятельною защитой страны и с широким просвещением, знакомым с достигнутым и достигающим еще дальнейшего в постижении истины.

Так как все это теснейшим образом связано с общественным устройством и может быть достижимо только в отдельности и немногими из находящихся подготовку в высших учебных заведениях, то эти последние назначаются не просто для получения чрез обучение высокоразвитых отдельных лиц, не для простого удовлетворения их личных требований, а прямо для получения полезных для общества деятелей. Притом знание одних задов, т. е. уже известного, не удовлетворяет прямому назначению высших учебных заведений, они должны воспитывать лиц, могущих самостоятельно затем идти в область неизвестного, пытливых, обладающих всеми основными способами, необходимыми для достижения еще не известных областей знания, и всегда помнящих, как говорил мой незабвенный профессор Александр Абрамович Воскресенский, что «не боги горшки обжигают», а в то же время твердо знающих, что с голыми руками да с игрой воображения сделать ничего существенного нельзя, хотя говорить можно — и бесконечно много.

Из сотен слушателей высших учебных заведений, конечно, только отдельные единицы могут удовлетворить этому основному требованию, остальные же пойдут по следам уже проторенным, но все же внесут во всю свою деятельность особый оттенок, налагаемый тою близостью, в которой должны быть высшие учебные заведения к самому алтарю знаний. Для указанной главной цели высшие учебные заведения должны обладать профессорами, не только знающими свою специальность, но и влагающими в ее сокровищницу новые вклады, чтобы быть живыми примерами верности в оценке рекомендуемых ими приемов.

Для этой же цели высшие учебные заведения непременно должны быть снабжены обширными библиотеками, музеями, клиниками, лабораториями и тому подобными пособиями, при помощи которых учащиеся под опытным руководством могли бы готовиться к самостоятельной деятельности как в скромной области приложении современных знаний к действительности, так и в смелых попытках движения знаний вперед.

Эти пособия больше всего помогают личному умению, если лекции помогают действительному знанию и им заражают слушателей. Сочетание умения со знанием более

Читальный зал в Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге. Гравюра XIX в.

всего характеризует современные высшие учебные заведения и явно отличает их от подобных учреждений древнего и сравнительно недавнего прошлого времени, когда все дело высшего просвещения считалось в развитии индивидуумов, способных философски относиться ко всяким предметам.

Древность поручала действительные дела рабам и, в конце концов, опиралась на слово и софистику, сгубившую ее своими противоречиями. Другая крайность, считающая всю суть в умении, живущем подражанием, развилась под знаменем учений материалистов, подобных социалистам и коммунистам. И для них, несмотря на красивые названия, все дело сводится на индивидуумов, только уже не относительно их внутреннего, преимущественно умственного и нравственного строя, а относительно их внешнего благополучия.

Если для софистов нужны школы исключительно только философские, каких ныне нигде и не существует, то для современных материалистов нужны школы только ремесленные или профессиональные. Первым дай только абстракт, вторым — лишь конкрет. Высшие учебные заведения современного типа избегают двух указанных крайностей и в сочетании знания с умением нашли должный исход. Понимая в указанном смысле значение высших учебных заведений, мне кажется, легко вывести много практических следствий, к ним относящихся. Между ними приведу немногие, считаемые мною за важнейшие.

1. Высшие учебные заведения должны быть доступны для всех подготовленных к восприятию тех специальностей, для которых они назначаются. Это значит, что лица, успевшие в прохождении курса средних учебных заведений, должны быть допускаемы в высшие учебные заведения всякого рода без ограничения такими перегородками, как сословные или специализированные. Этим я хочу сказать, например, то, что из духовных семинарий, кадетских корпусов и реальных училищ необходимо допускать в высшие учебные заведения так же свободно, как в университеты допускаются свободно кончившие курс в гимназиях, если для

Институт инженеров путей сообщения. Гравюра XIX в.

всех средних учебных заведений установлен будет твердый план непрременных требований; подобных тем, которые выше изложены.

Широта доступа в высшие учебные заведения, по моему крайнему разумению, вполне необходима, потому что по отношению к основной цели высших учебных заведений вполне приложимо изречение «много званных, но мало избранных» и более всего приложимо понятие о том, что между избранными будут лишь немногие, ответившие первичной цели учреждения высших учебных заведений, т. е. стремлению стран и народов иметь своих «Платонов и Невтонов». Если не будет большого выбора, если не будет призыва ко всем могущим вместить, не может быть и вмещающих, т. е. если мы, русские, хотим развиваться самостоятельно, исходя из общих начал жизни и пользуясь светом, развиваемым всегда лишь исключительно немногими лицами, мы должны иметь и много высших учебных заведений и много во всех них слушателей. Стремление к тому, очевидно, уже существует, если ежегодно узнаем, что и достойным нет входа в высшие учебные заведения из-за недостатка мест. Большого числа студентов высших учебных заведений нет никакого основания бояться, как боялись того пресловутой памяти граф Д. А. Толстой и его темные приспешники, потому что высшее учебное заведение, правильно поставленное и обставленное должным образом надлежащими профессорами, не может служить ни к чему иному, как к развитию истинного просвещения в стране, а без него страна не может правильно и самостоятельно двигаться вперед и готовиться к предстоящей ей будущности.

Из того, что двери высших учебных заведений должны быть широчайшим образом открыты у нас для всех подготовленных, вовсе не следует, что они должны быть широко открыты для всех, потому что толпа мешает течению академической жизни и никакие библиотеки, лаборатории и тому подобные пособия, даже никакие аудитории не могут вместить всех стремящихся к высшему просвещению без должной подготовки и, ограничиваясь плодами слова, не способны воспринять умения, более всего требуемого высшим образованием. Из многих входящих в высшие учебные заведения даже и с вполне надежной подготовкой, судя по аттестатам средних учебных заведений, конечно, не все могут воспринять философские и практические начала, излагаемые в аудиториях. Надо суметь сделать ясной для самих малоспособных или малоприлежных их непригодность для избранного дела, и надо не жалеть об этих исключаемых, потому что жизнь открывает простор для всех, и надо сделать ясным, что высшее образование, давая свои права, налагает и свои тяжелые обязанности, и жизнь без них в обычной норме, пожалуй, легче. Но для того чтобы такое убеждение привилось в действительность, необходимо, чтобы сам закон делал прохождение обычной средней жизни не выдающихся своими способностями людей сносною и легкопроходимую, для чего более всего и нужно развитие промышленности, в которой найдут заработки лица со всякою степенью научной подготовки.

2. Если начальный период жизни низших и средних учебных заведений и можно предоставить частной и общинной инициативе, без прямого воздействия правительства, как это долго было в Англии, а отчасти существует повсюду и донныне, то это отнюдь не относится к высшим учебным заведениям вообще, а особенно в современной России, где частная и общинная инициатива и их средства малоразвиты. Не только учреждение, но и содержание высших учебных заведений и их организация должны составлять одну из первейших забот правительства, пекущегося о полноте блага народного, о сохранении самостоятельности страны и обо всех основных началах ее существования. Правительство, понимающее свое современное положение, должно ставить высоко все значение высших учебных заведений, хотя бы отдельные члены

А. М. Васнецов. У водоразборного фонтана на Сухаревской площади в конце XIX века. 1925 г.

В. М. Максимов. Швейцар (Старый служака). 1880 г.

Алексе́вский рудникъ.

Н. А. Касаткин.
Шахтерка.
1894 г.

правительства и полагали, как утверждал граф Д. А. Толстой, что для современного у нас положения вещей нет большой надобности в университетах, т. е. в большом числе лиц, стремящихся обнять современную истину в ее частностях. Но из того, что правительство, заботящееся о будущем народной, должно открывать и вызывать высшие учебные заведения, вовсе не следует того, чтобы оно могло руководить ими во всех их отправлениях, потому что в деле просвещения, как в религии и искусстве, нужны совершенно особые люди, ничем прямо не связанные с теми функциями, для которых назначается правительство, нужны профессора-специалисты, которые одни могут влиять на юношество так, как должно по вышеизложенному, т. е. подводить их к самому алтарю знания и играть при нем ту роль, какую первосвященники играют в отношении религии, а художники — по отношению к искусству.

Это значит, что руководство и выполнение всего дела высшего образования должно быть доверено профессорам, предоставлено их научной и нравственной ответственности, а все влияние правительства на весь ход высшего просвещения должно состоять поэтому только из двух частей. Первую и главнейшую часть этого влияния должно видеть в составлении уставов или законов, которым обязательно следовать прежде всего самим профессорам, а чрез них и всем их слушателям. Вторая сторона правительственного влияния должна ограничиваться, по моему мнению, лишь утверждением тех профессоров, которым вверяется руководство всем учебным заведением, и поощрением их деятельности на пользу юношества и истинного просвещения, т. е. преимущественно дальнейшего разыскания истины, или их научных трудов. Не тот профессор должен получать высшее правительственное одобрение, который только блюдет законы и только сообщает юношеству признанные истины, но тот, который, сверх того, личным примером дает образцы того, для чего назначаются высшие учебные заведения, т. е. тот, который наиболее вносит в науку самостоятельного, нового. Профессоров, к этому не способных, т. е. способных лишь повторять зады и их излагать, мало для высших учебных заведений, хотя без них дело обойтись не может, и хотя в управлении высшим учебным заведением

Здание военной гимназии в Омске. Гравюра XIX в.

и им надо дать известное место, однако преобладающее значение во всех отношениях должны получать лишь те профессора, которые продолжают идти вперед и заражают своими стремлениями массу потомства.

Все управление высшим учебным заведением, по моему мнению, должно быть вверяемо совету профессоров-руководителей, избирающему из своей среды на определенные сроки одного из своих членов, называемого или директором или ректором и снимающего с совета все тяготы действительного вмешательства во множество частных, неизбежных в каждом учреждении, а тем более в высшем учебном заведении, снабженном всякого рода пособиями и имеющем много слушателей. Этому директору или ректору необходимо иметь для заведования всеми внешними сторонами дела особое правление, состоящее отчасти из профессоров, отчасти из особых чинов, привыкших к подобного рода делам и назначаемых правительством по выбору совета.

Членами совета, по моему мнению, могут быть только те из профессоров, которые уже прослужили лет 10 по ведомству просвещения и, по крайней мере, года 2 или 3 проработали преподавателями того заведения, в совете которого они участвуют. Это необходимо для того, чтобы все участники руководящего совета были людьми опыта и имели время вникнуть в действительные надобности дан-

ного учебного заведения со всеми его особенностями⁴⁶. Члены руководительного совета избираются им самим, но утверждаются правительством.

Предоставляя заведование высшими учебными заведениями совету профессоров-руководителей, правительство окажет то доверие, без которого невозможно истинное просвещение.

При этом нельзя закрывать глаз на то, что возможны будут единичные случаи всякого рода злоупотреблений, но, прежде всего, должно помнить, что без доверия тут ничего сделать нельзя и что некоторые недостатки неизбежны в каждом людском деле. Но для того чтобы всегда оставалась должная доля правительственного влияния на ход дела в данном высшем учебном заведении, мне кажется, было бы полезным возобновлять чрез 10 лет для каждого члена руководительного совета утверждение правительством в звании члена совета, потому что для меня мыслимы такие случаи, когда профессор удовлетворяет всем главным научным и педагогическим требованиям, но не может быть хорошим советником в деле руководства учебным заведением. Этим я хочу сказать, что между профессорами могут быть такие, которым вполне можно доверить чтение лекций и руководство занятиями студентов без назначения, однако, их в состав совета. Но для того чтобы в этом отношении соблюдалась должная мера и не было господства случайности, устав каждого высшего учебного заведения должен определить наименьшее число членов совета и вообще все те условия, которым все эти члены должны удовлетворять. Для правильного понимания предмета, однако, нельзя забывать, что в руках правительства всегда должно находиться право утверждать в звании профессора, хотя выбор профессоров должно предоставить руководительному совету на основании точно обозначенных условий, в число которых должно, по моему мнению, включать и рекомендацию кандидатов известными учеными других высших учебных заведений или ученых учреждений.

Сущность того, что я хочу здесь сказать, сводится к тому, что помимо профессоров никто не может влиять на результаты учебных заведений, а стране, как и ее правительству, нужны лишь эти результаты.

3. В настоящее время у нас существуют высшие учебные заведения чрезвычайно многих ведомств: духовного, военного, морского; министерств: народного просвещения, внутренних дел, юстиции, финансов, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ и т. п.

Такой порядок имеет свои хорошие стороны в период разыскания надлежащего типа высших учебных заведений, потому что разные ведомства стремятся осуществить различные типы и имеют в виду те специальности, ради которых сами учреждены.

При помощи рассмотрения уставов и частей в таких коллегиальных учреждениях, как Государственный совет и Комитет министров, достигается единство приемов и планов, но все же дело, по существу однородное, оказывается раздробленным до крайности и от того во многих отношениях страдает, а в последнее время даже и запутывается до того, что, например, сельскохозяйственное высшее образование дается не только в институтах Министерства земледелия и государственных имуществ, но и в политехнических институтах, находящихся отчасти в ведении Министерства финансов, отчасти под управлением Министерства народного просвещения, как, например, в Рижском политехникуме и Горьгорецком сельскохозяйственном институте.

Общеизвестная всем и весьма бедственная рознь разных наших ведомств усугубляет недостатки такой системы. Первым важнейшим способом ее исправления, по моему мнению, должно служить объединение наших министерств, необходимость чего я постараюсь объяснить, когда буду говорить о тех поправках, которые, по моему мнению, необходимы в нашей правительственной системе. Не желаю я сказать всем этим, что всякие высшие учебные заведения должно приурочить или подчинить одному ведомству просвещения, но полагаю, что дело просвещения России много выиграет, когда большинство учебных заведений будет соединено под одним управлением, которое, как было уже сказано выше, преимущественно должно устанавливать уставы, блюсти их исполнение и всемерно заботиться о снабжении их научными силами, отвечающими времени и потребностям.

Здесь я не стану входить в какие-либо подробности, потому что убежден, что все дела этого рода зависят преимущественно от лица,

поставленного во главе этого дела, а для него излишни какие бы то ни было частные указания. Обращу лишь внимание на то, что желаемое объединение поведет за собой даже и экономию в содержании высших учебных заведений, не столько потому, что в каждом министерстве имеются особые отделения или департаменты для заведования высшими учебными заведениями, сколько потому, что дробление высших учебных заведений достигает совершенно нежелательных пределов. Так, например, в Министерстве государственных имуществ числятся не только общие сельскохозяйственные институты, но и для такой отдельной специальности, как лесная, — отдельное учебное заведение. Присоединение лесной специальности к сельскохозяйственной столь естественно, что не требует особых доказательств, а такое присоединение поведет за собою сокращение повторений, а потому и кафедр. Так, физика, химия, ботаника, политическая экономия и тому подобные предметы для разных факультетов такого института могут быть читаны совместно, как это идет, например, в университетах и политехникумах по многим предметам. Притом я полагаю, что общее число высших учебных заведений сокращать отнюдь не должно, а следует только узкоспециализированные расширять до надлежащих пределов, чтобы в одном заведении соединялись однородные или близкие специальности. Это видно во многом. Почтово-телеграфное ведомство, очевидно, нуждается в высших специалистах и потому устроило свой Электротехнический институт, но электротехника, правда, с другой стороны, т. е. не со стороны телеграфов, а со стороны двигателей, электрометаллургии и т. п., входит в состав политехникумов и технологических институтов, и при соединении с ними, очевидно, выигралось бы немало средств, необходимых для учреждения столь ныне уже настоятельных новых высших учебных заведений. В том же министерстве имеется Строительный институт, преследующий те же цели, по существу, какие и архитектурное отделение Академии художеств, и строительное отделение некоторых политехникумов и отчасти Института путей сообщения. Вполне убежден, что никакие соображения подобного рода не приведут к надлежащему результату, пока у нас не объединятся министерства

при помощи учреждения первого министра, а потому если я касаюсь указанного объединения, то лишь ввиду того, что считаю чрезвычайно важным и своевременным усилить у нас число высших учебных заведений, а это было бы в денежном отношении очень накладно для страны, если бы не осуществилось объединение многих наших высших учебных заведений.

4. Зачатки публичного высшего образования, существовавшие в Древней Греции, несомненно, носили характер, во-первых, чисто философский, во-вторых, обучения у отдельных преподавателей и, в-третьих, в виде частных школьных учреждений. Первые следы возникновения объединенного, правительством учрежденного высшего обучения, сколько мне известно, возникли в Риме при Веспасиане, разорившем Иерусалим, в 69—79 гг. по Р. Х., так как тогда учреждено было преподавание риторики и оно велось на средства государственные. В XI—XII ст. под влиянием преимущественно папским возникли высшая Юридическая школа в Болонье и Парижский богословский факультет. Высшее медицинское образование началось вскоре затем, но и оно носило характер преимущественно философский и открылось с папского разрешения.

Умножение практических потребностей, уже видное в устройстве юридических и медицинских школ, выразилось вскоре затем, преимущественно в XIII и XIV вв., устройством первообразов университетов, учрежденных правительствами сперва еще с разрешения и под покровом папства. На правительственные средства в 1213 г. возник Парижский университет, а около 1250 г. — Оксфордский и Кембриджский, в 1347 г. — Пражский, в 1365 г. — Венский, в 1385 г. — Гейдельбергский, а затем начали развиваться университеты и в разных иных местах, всегда с факультетами богословским, юридическим, медицинским и философским. Под этим последним подразумевается совокупность отделений филологического, исторического, математического и естествознания. Хотя в прошедшие с тех пор 600 лет очень многое изменилось в мире, но университеты и поныне в образовании народов продолжают занимать первостепенную роль, они служат и поныне образцом для всех прочих высших

Оксфордский университет

учебных заведений; здесь развились специализация и философское направление высшего образования.

Обучение у высших мастеров в данной специальности в университетах стало приурочиваться к общему образованию, ибо эти мастера приобретали в университетах большую независимость, общение и небывалый прилив учеников, что и дало много явных результатов, послуживших поводом к распространению таких высших учебных заведений повсюду. Та подражательность, или следование за началами данной школы, которою характеризуется вся образованность с древнейших времен, нашла здесь свое особое удовлетворение значительно дополнившимся общением, имеющим свое громадное влияние на подрастающее поколение, потому что в университетах, как вообще в школах, учащиеся находятся под влиянием не только профессоров, но и своих товарищей, а разнообразие специальностей, которыми занимаются эти товарищи, ведет к тому, что каждый получает большую широту просвещения, чем при следовании за отдельным, хотя бы и высоким учителем.

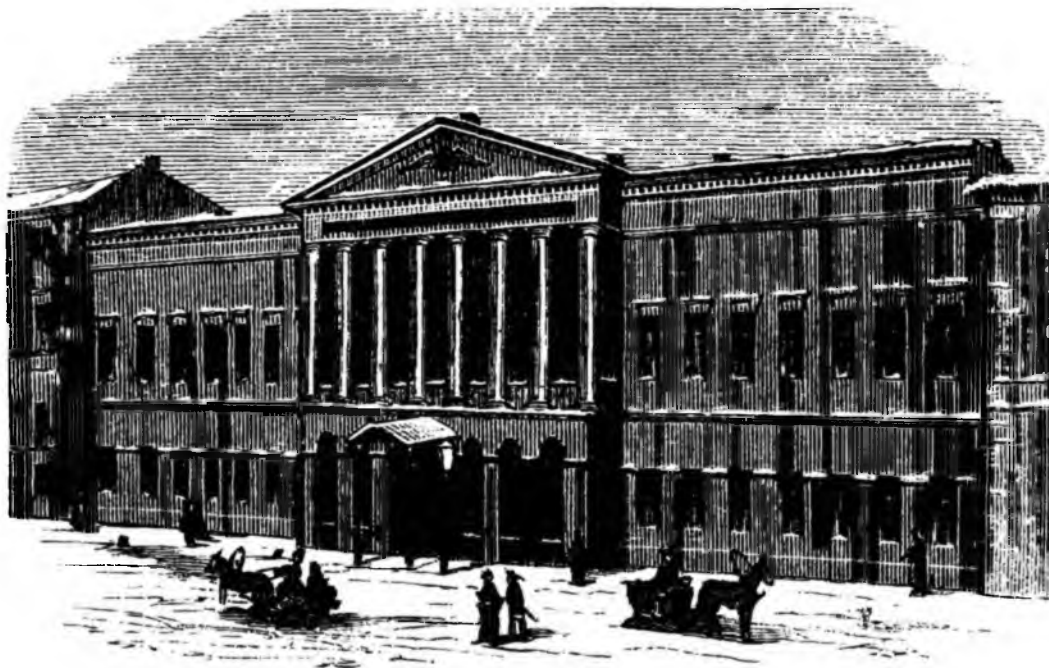
Этому влиянию должно приписать не только общераспространенное поныне и во многом справедливое мнение о том, что университеты дают общее высшее образование сверх специального, но также и то, что с возникновением университетов, совпавшим с эпохой Возрождения наук, школы в научном смысле стали расширяться, разнообразиться, умножаться и чрез своих адептов влиять на всю современную жизнь. Та мысль, которая лежит в основе университетов, сочетающих в себе разные специальности, в последней половине XIX в., когда живая надобность в специально образованных деятелях значительно усилилась, была во множестве случаев упущена учреждением узкоспециальных учебных заведений, и мы в России живем в настоящее время в эпоху господства этого упущения. Ему по преимуществу обязано наше время тем, что по весьма широко распространенному мнению о данного рода делах могут судить с достаточным основанием только ближайшие специалисты, а эти последние очень нередко чужды надлежащего общего образования.

Мне бы не хотелось развивать эту сторону дела, потому что она мне кажется очень печальною, и я думаю, что можно не развивать этого, потому что всякий сознательный человек найдет кругом себя много примеров, ее подтверждающих. Бывши первоначально профессором не только университета, но и различных узкоспециальных учебных заведений, подобных Инже-

нерной академии, Институту путей сообщения и Технологическому институту, я из жизни извлек эту мысль и на основании этого утверждаю, что дело высшего образования, даже специального, много теряет в узкоспециальных заведениях потому именно, что товарищи других специальностей влияют на все развитие слушателей едва ли меньше, чем профессора. Когда я учился в Главном педагогическом институте на отделении естественных наук, я жил рядом с товарищами, не только теми математиками, с которыми вместе слушал все общие науки на первых двух курсах, но и с филологами, историками и экономистами другого факультета, и я никогда не забуду тех столкновений во мнениях, которые у нас часто бывали и немало послужили к общей полировке всех нас. На основании сказанного и имея в виду необходимость множества специальностей и громадное их развитие, я полагаю, что наилучшие плоды от высших учебных заведений получатся лишь тогда, когда в каждом из них будет много разнородных специальностей, или факультетов.

Моя мысль станет, надеюсь, вполне ясной, когда я скажу, что желал бы соединения в одно учебное заведение с отдельными факультетами таких академий, ныне совершенно отделенных, как Генерального штаба, Артиллерийская, Инженерная, Морская и Военно-юридическая. Конечно, в каждой из этих академий побочные предметы более или менее рассматриваются, но едва ли не все согласятся с тем, что сближение указанных специалистов в период их высшего образования в одно целое повлияло бы весьма плодотворно на все развитие каждого специалиста, не говоря уже о том, что множество расходов при этом значительно бы сократилось. Пусть будет требоваться для поступления на данный факультет практическое прохождение данной специальности в частях войска, это ничуть не нарушает плодотворности ожидаемого результата.

Еще больше это относится к высшим техническим учебным заведениям, объединение которых уже начато в виде политехнических институтов, а так как я со своей стороны смотрю на сельское хозяйство и тем паче на лесоводство как на отдельный вид промышленности, по существу совершенно такой же, как фабрично-заводская, горная, железнодорожная и т. п., то и желал бы видеть слияние отдельных высших учебных заведений технического характера

Академия Генерального штаба. Гравюра XIX в.

в политехникумы, в которых мне кажется вполне необходимым всегда и факультет экономический, или камеральный, в котором обобщались бы экономические познания, очень часто недостающие у наших узких специалистов. При этом повторяю, что, по моей мысли, ввиду громадного расширения потребности в высшем образовании нет никакой надобности уничтожать существующие узкоспециальные высшие учебные заведения, а есть только надобность в расширении их и дополнении другими факультетами, что может делаться с весьма большими выгодами с большой постепенностью. Уже одно то, что при таком порядке дел для учреждения большого и расширенного специального учебного заведения не потребуются, как пришлось недавно при устройстве политехникумов, сразу затрачивать большие средства на возведение множества новых зданий, показывает, что при предлагаемом порядке достигнется немалая экономия государственных средств, удовлетворяя народную и государственную надобности в расширении высшего образования в России.

Но, экономя кой на чем или где можно, не должно такой же экономический прием применять и к образованию большого контингента профессоров, совершенно необходимого для плодотворного расширения высшего у нас образования. А потому в следующей главе я обращаюсь к изложению своих соображений, сюда относящихся; это потому, что все высшее образование исключительно основывается на профессорах, и если Россия желает избежать следствий возгласа «горе отсталым», и если она должна впредь развиваться самостоятельно, она более и более всего должна позаботиться о том, чтобы у нее могли родиться свои Платоны и Невтоны, чего нельзя предоставить теперь случайности, и что нужно и, мне кажется, возможно вызвать своевременными заботами о получении высших специалистов-профессоров, что за последнее время совершенно упущено из виду.

5. Громадное усложнение знаний всякого рода, совершившееся особенно в истекшем XIX ст., приводит высшие учебные заведения при всем разделении на специальности по факультетам или отделениям все же в весьма большое затруднение, потому что слушателям желают сообщить полноту сведений, каких, надо сознаться, в сущности, не имеют

и сами профессора, учившиеся в прежнее время, лет 20—30 назад. В особенности это относится и весьма затрудняет течение дел в высших технических учебных заведениях. У нас в этом отношении следуют до некоторой степени тем порядкам, какие заведены в Германии у студентов, которых кто-то из англичан очень глубокомысленно сравнил с очагом до того заваленным топливом, что он уже начинает потухать. Мне подлинно известны примеры высших технических училищ, в которых студентов просто заваливают не только сведениями по всякого рода отдельным производствам, но и черчением до того, что для самостоятельных занятий чем-нибудь решительно не остается времени, если все выполнять добросовестно. От этого очаг в действительности потухает. Вот здесь-то и нужна большая благоразумность, которую можно ждать только у людей с опытом, накопившимся в течение многих лет от впечатлений не только жизненных, но и прямо педагогических. В действительности для надлежащего образования людей, которые могут или сами идти по проторенным путям жизни, прилагая к ней научные приемы, или, что еще важнее, далее развивать самое знание, нужно получить не столько в количественном отношении запасов знаний, сколько в качественном. Надо уметь отличить существенно необходимое, определяющее мировоззрение и направление деятельности, от того, что составляет мелкие подробности, для овладения примерами которых не столько важны лекции, сколько практические занятия. В виде примера укажу на то, что давно уже опыт показал возможность ограничиться в изучении аналитической химии лишь очень небольшим числом руководящих лекций, если они дополняются правильно организованными занятиями в лабораториях.

Эти последние должны вестись, как и главнейшие отрасли других практических занятий студентов, под наблюдением того разряда преподавателей высших учебных заведений, который носит названия ассистентов, лаборантов, хранителей музеев, тьюторов и т. п.; количество таких лиц особенно значительно в английских университетских колледжах, где они читают даже целые курсы, дополняющие и приближающие к действительности общие курсы основных профессоров университета.

Если эти последние назначаются главным образом для того, чтобы живым словом и крат-

ким общим выражением необходимых дисциплин заражать умы слушателей и направлять их в надлежащую сторону, ассистенты и другие пособники главным образом назначаются для того, чтобы придать сообщенному скелету жизненные определенные формы и показать приложение указанных начал к действительности.

Разряд ассистентов, тьюторов и тому подобных преподавателей высших учебных заведений имеет и то огромное значение, что из них постепенно образуются действительные ученые и профессора, обладающие запасом действительных знаний в определенной специальности. Но надлежащее значение этих профессорских помощников может получиться лишь тогда, когда выбор этих помощников будет определяться соответственным отдельным профессором и только утверждаться советом профессоров-руководителей, потому что в деле преподавания весьма важна известная степень единства направления, которая может давать adeptов знаний и то, что называется научными школами.

В действующем ныне университетском уставе заложена мысль так называемой свободы преподавания, сводящейся по временам в действительности к тому, что у двух профессоров или доцентов слушатель иногда в тот же день слышит совершенно противоположные суждения об одном и том же предмете, и так как он не умеет еще разбирать, то становится в тупик и принаравливается не к науке и знанию, а к лицам и к их мелочным требованиям. Этим я не хочу сказать, что желательно иметь полное согласие научных начал между всеми преподавателями высшего учебного заведения, но желаю только выразить ту мысль, что в направлении занятий слушателей, руководимых преимущественно тьюторами, ассистентами и т. п., должно быть полное согласие с направлением, даваемым основным профессором данного предмета.

Поясню и это примером из той области химических знаний, которая мне ближе всего знакома. Пусть между профессорами так называемой неорганической химии и химии органической существует много разноречий в основных представлениях, как это зачастую и бывает в действительности; это только полезно для развития студентов, если то и другое направления, конечно, согласуются с разными течениями нашей науки. Пусть ас-

систент, лаборант и т. п. находится еще в состоянии неуверенности в справедливости того или другого из противоречивых направлений; это опять может быть полезно не только для слушателей, но и для самой науки, для образования научных школ и направлений, для получения людей самостоятельных. Но при этом все же необходимо, чтобы при занятиях в лаборатории данного профессора были ассистенты, лаборанты и т. п., выбранные им и от него более или менее прямо зависящие, потому что только тогда из разноречий может выйти под конец единство, как оно и выходит в действительности при развитии современных знаний, опирающихся не на одни умственные соображения и разноречия, но и на исследование действительности в природе, памятниках и т. п. Главное же, что я хочу здесь сказать, состоит в том, что роль и значение ассистентов, лаборантов и тому подобных преподавателей высших учебных заведений чрезвычайно важны в деле всего высшего образования юношества, но и они определяются исключительно главными профессорами, выбор которых и должен составлять центр всех попечений о народном просвещении. Эти главные профессора определяют весь смысл, всю пользу и все значение высших учебных заведений. Если это место люди займут по выслуге, а не по таланту, не по вкладу в сокровищницу наук, ничего нельзя ожидать плодотворного и особенно того самостоятельного, которое нам, русским, теперь нужнее всего.

б. Считая значение высших учебных заведений зависящим, с одной стороны, от философского направления, передаваемого слушателям преимущественно на лекциях основных профессоров, а с другой стороны — от сообщения им умения прилагать философские начала к жизненной действительности, что достигается преимущественно с помощью ассистентов, лаборантов и т. п., и в то же время, предполагая зависимость между первым и вторым приемами, я утверждаю, что при составлении уставов высших учебных заведений и при назначении для них определенных государственных средств необходимо обратить на вторую часть, т. е. на сообщение слушателям умения, не меньше внимания, чем на первую, т. е. на выбор основных профессоров. Это значит, переводя на язык более внятный, что высшие учебные заведения тог-

Экзамены в Николаевской академии Генерального штаба. 1900—1902 гг.

да только принесут надлежащие плоды, когда пособия, назначаемые для сообщения умений, будут в них значительно развиты. Это поняли за последнее время не только в других государствах, но и у нас, особенно при устройстве новых политехникумов, снабдив их такими библиотеками, лабораториями, чертежными мастерскими и т. п. для студенческих занятий и для возможности далее разрабатывать науку, о каких прежде, еще недавно, не было и помину. Мне случайно известно, что одно устройство и первое снабжение средствами трех политехникумов в Варшаве, Киеве и Петербурге обошлось около 15 млн руб. Этот вклад народных средств в дело высшего образования, однако, лишь тогда может быть считаем плодотворным, когда в этих еще новых учреждениях будут не только обучаться сонмы студентов, но и станут развиваться соответственные знания, т. е. когда в них будут разрабатываться профессорами, ассистентами, лаборантами и при их помощи студентами новые отрасли или части знаний, а от того будут родиться самостоятельные Невтоны и Платоны. Мне пришлось ближе познакомиться с Киевским политехникумом, и я с полной уверенностью говорю, что начала там для этого положены хорошие и благоприятного результата впереди можно ожидать, если прилив надлежащих сил не будет чем-либо остановлен.

Говоря об ассистентах, лаборантах и тому подобных помощниках профессоров, я хоть вкратце укажу на то, что они должны быть приглашаемы в надлежащем количестве, соответствующем числу работающих под их руководством слушателей, должны доставлять профессорам ближайшую возможность оценивать работоспособность и успехи занимающихся и должны быть по возможности так обставлены в своем вознаграждении, чтобы могли оставаться исключительно при деле педагогики и науки. Не все это еще в настоящее время соблюдено в надлежащей мере, и уставы высших учебных заведений еще часто страдают тем, что на этот предмет обращено мало внимания и на него отпускается менее средств, чем должно. У нас существовал долгое время прием отправления для окончания образования и приготовления к профессуре за границу. На это в свое время, а особенно во времена министерства Норова, тратилось немало средств, и плоды от того вышли, несомненно, хорошие в общих чертах; из таких лиц получилось много лучших наших профессоров своего времени и много действительных ученых. В на-

стоящее время такую меру я бы считал не только не нужной, но даже и вредной для развития русской научной самостоятельности, хотя я, с другой стороны, полагаю, что командировка уже подготовленных профессоров за границу для ознакомления с тем, что делается в других странах, и для возбуждения научных связей очень полезна. А так как средства, назначаемые для содержания отдельных профессоров, вообще говоря, незначительны, то нельзя и думать, чтобы они могли собственными силами совершать такого рода поездки. Поэтому нельзя не одобрить того, что в настоящее время уже входит в практику, — назначения особых средств для заграничных командировок как лиц, приготавлиющихся к профессоруре, так и самих профессоров и их ассистентов, если они уже заявили себя своими научными трудами. Сам я, бывши уже несколько лет приват-доцентом Петербургского университета и служивши, как было тогда, без всякого жалования, много обязан тому, что на 2 года был командирован за границу, где имел возможность отдаться вполне научным работам, потому что был обеспечен хоть небольшим, но все же достаточным вознаграждением — по 1200 руб. в год. Однако главное, т. е. первое, вступление в науку, по-моему, именно должно совершиться уже в своей стране, потому что в ней уже есть много научных сил и средств. Самостоятельность научного направления без этого едва ли может совершиться. Хотя наука и всемирна, хотя она и чужда по существу особенностей по странам, тем не менее в действительности научные направления различаются или, если угодно, научные школы, не только по руководителям, стоящим во главе, но и по странам, как это видно даже в столь конкретных науках, как химия, в которой очень часто, не зная отечества исследователя, можно его угадывать по существу или направлению научного исследования.

7. Желая высказать свое мнение об испытаниях и аттестации слушателей высших учебных заведений, я прежде всего выставлю на вид некоторые факты и обстоятельства, из которых можно, по моему мнению, вывести уже с легкостью надлежащее следствие. Прежде всего обращаю внимание на то, что существующие у нас в университетах полунемецкие порядки совершенно чужды таким странам, как Англия и С.-А. С. Штаты, где,

несомненно, высшие учебные заведения составляют людей, действительно пригодных для гражданской практики. В университетских колледжах Англии сущность порядков такова же, как в бывших у нас закрытых высших учебных заведениях, подобных давно закрытому Главному педагогическому институту, т. е. там следят особые тьюторы или педели не только за посещением студентами лекций, но даже за посещением ими церковной службы, и следят столь пристально и столь влиятельно, что студент, не бывший три воскресенья в церкви, беспрекословно исключается. Когда я спросил в Кембридже одного из собратьев по науке, очень редко посещающего церковь, для чего заведен такой порядок, и выразил мнение, что он может вести к религиозному формализму, он ответил мне, что это делается по здравом размышлении преимущественно с целью получить из студентов истинных англичан до конца ногтей. Не входя в критику такого мнения, я укажу сразу на другой пример — американский, так как там строго наблюдают за тем, чтобы слушатели были на всех обязательных лекциях по главным или основным предметам; для этой цели в дверях аудитории имеется окно, чрез которое особый надзиратель записывает пустые места, которые все нумерованы и назначаются каждое для отдельного слушателя, как вешалки в прихожей и все вещи отдельного студента. Если студент три раза не был в аудитории основного предмета и не объяснит причины отсутствия, он без дальнейших разговоров исключается из заведения, потому, сказали мне, что на его место есть много желающих, а он, пропустивший много в основных предметах, не может следить за курсами. Особенно это наблюдается при практических занятиях в лабораториях, мастерских и т. п., потому что мест и средств нельзя на всех приготовить, а что есть — должно быть заполнено, если есть желающие. При этом надобно заметить, что ни прав, ни чинов, никаких других привилегий, у нас обычных, ни в Англии, ни в Штатах прохождение курса в высшем учебном заведении не дает, и даже строить может всякий недипломированный, только он должен представить свой план на рассмотрение особому комитету.

Два эти указания я привел не для того, чтобы настаивать на необходимости введения у нас совершенно подобного, а только для то-

го, чтобы сделать наглядным требование улучшения в существующей у нас практике, которая, сколько я понимаю дело, определилась преимущественно фальшивостью понимания той «свободы преподавания», которую проникнут новый университетский устав, сочиненный графом Д. А. Толстым и проведенный графом И. Д. Деляновым, но я тотчас же считаю необходимым совершенно резко высказаться за разделение предметов преподавания в высших учебных заведениях на основные и дополнительные, без чего весь смысл дела утрачивается.

Основных предметов, необходимых для получения высших специальных знаний, должно быть очень немного, и для них должны быть выбраны предметы, действительно отвечающие философски-жизненному направлению образования. Надо, чтобы таких предметов было немного, чтобы на них профессора были, короче говоря, первого сорта, чтобы в них не было тех удручающих мелочей, которые часто отвращают от знания, а не привлекают к нему, а главное, чтобы эти предметы были действительно руководящие в той специальности, которая выбирается. Перечислять такие предметы не считаю вовсе надобным, и избрание их необходимо предоставить руководящему составу для каждого факультета. Основные предметы, очевидно, должны быть охвачены слушателями вполне, т. е. для того они должны не только заразиться от профессора тем направлением, которое их проникает, чего нельзя сделать без посещения лекций, но и по этим предметам более всего нужны занятия ассистентов и тому подобных помощников со студентами, чтобы они могли указать пробелы, которые надо восполнить для того, чтобы окунуться в науку и сообщить умение обращаться с этими предметами. Знакомства с основными предметами особенно должно требовать от слушателей, и притом своевременно, так как упущенное уже не повторится и не даст возможности следовать за курсом.

Дополнительными предметами, по моему мнению, должно считать большинство чисто описательных, т. е. таких, с которыми сравнительно легко познакомиться чтением книг и ближайшим знакомством с действительной жизнью. Для примера укажу на систематические подробности естествознания, на метеорологию, описательную астрономию, на опи-

сание отдельных производств, например, в технологических институтах — на мукомольное или хлебопекарное дело и тому подобные в области наук, мне ближе знакомых. По моему мнению, даже для приготовления надлежащих техников нет никакой надобности в требовании от них ближайшего знакомства со всеми отраслями производств, описываемых на всех курсах, и вполне достаточно сверх действительного знания главных, основных предметов ознакомления с подробностями какой-либо отрасли техники по выбору каждого слушателя, для убеждения в чем достаточно требовать практических занятий, если они существуют по этому предмету, и выполнения по нему двух проектов: одного — по собственному выбору, другого — по назначению профессора.

В основных предметах, по моему мнению, надо неукоснительно следовать за выработанною советом программой, которая, конечно, должна быть сообразована с силами и временем слушателей, а в дополнительных предметах нужно предоставить свободу выбора в следовании за курсом, так как не надо забывать, что подробности и мелочи могут и даже должны приобретаться лично самостоятельностью слушателя.

Судить о том, насколько подготовился слушатель к тому, для чего назначается высшее учебное заведение в данной специальности, можно и, кажется, должно только четырьмя способами.

Первый из них, считаемый мною низшим, состоит в устном испытании по основным предметам. По-моему, такое испытание вовсе не нужно ни по одному дополнительному предмету, и я думаю, что наилучший способ устного испытания состоит вовсе не в экзаменах, приуроченных к определенному времени, отнимающему много от общего хода занятий и направляющему его в нежелательную сторону, а в беседе профессора со слушателем, в которой может лучше всего определиться степень подготовленности и в основном предмете. Когда в лаборатории, бывшей в моем ведении, было мало места для всех слушателей, я принимал туда лишь после беседы по пройденным курсам и узнавал слушателей тогда лучше, чем на экзамене.

Вторым способом испытания должны служить практические занятия, в которых даются главные основания умению, неизбежному

в деле высшего образования. Здесь главную роль должны играть упомянутые выше и весьма важные в деле высшего образования ассистенты, тьюторы и т. п., и их отметки или мнения, проверяемые соответствующим профессором, должны играть ту же роль, какую должны иметь собеседования с профессорами. То и другое должно быть выполнено неизбежно студентами, и каждый, не удовлетворивший требованию, не может продолжать дело высшего образования, т. е. или должен быть исключен, или должен по истечении определенного срока подвергаться новому испытанию. Как собеседования, так и занятия должны обязательно начинаться после первого года или вообще определенного срока после вступления в заведение; это, так сказать, первый курс или первое испытание, которое, как сказано выше, должно в соответственных случаях отлагаться на определенное время, чтобы дать возможность неуспевающим догнать их товарищей. Беседы профессора и занятия со студентами, конечно, должны продолжаться и после того первого испытания, которым определяется главным образом состав слушателей по каждой специальности. Чтобы сделать совершенно ясною необходимость такого двустороннего испытания каждого слушателя за все время его пребывания в высшем учебном заведении до самого конца или выпуска, лучше или проще всего припомнить положение дел на медицинском факультете, так как каждый выпущенный получает уже право в некотором смысле жизни и смерти для каждого из нас и, очевидно, что от него надобно требовать находчивости и знаний не только в общем смысле, но и в частном применении в данном случае, для чего при медицинских факультетах необходимы клинические занятия. Но и помимо этого во всяком предмете, хотя бы в химии, действительное знание определяется не одним знакомством с воззрениями и обобщениями всякого рода, но и с действительностью во всей ее полноте, хотя бы на совершенно отдельных узких частностях.

Третий способ испытания слушателей сводится к устному или письменному изложению им каких-либо частей данной науки, подразумевая под этим то, что в обычной практике называется или сочинениями или рефератами, т. е. такое самостоятельное изложение, которое определяется отдельной ра-

ботою каждого над какой-либо хотя бы небольшой веткой знания. Здесь уже вполне видна будет самостоятельность философской подготовки слушателей.

В части работ этого рода могут входить и свои новые расследования в природе, искусствах или в памятниках, но испытание в уменье обращаться с частностями составляет четвертый способ испытания, без которого, по моему мнению, нельзя выпускать ни одного слушателя высшего учебного заведения с полным дипломом. Не только сама жизнь вся состоит, в сущности, из частных, но и всякое научное расследование определяется этими частностями, так как общее не может быть охвачено без этих частных и в отвлечении или абстракте не может быть убеждения в безошибочности, которая в отдельных частностях может выступать с совершенною очевидностью. Умение разобраться в частности на основании того, что уже известно, вполне необходимо в жизни, а уменье из частных доходить до вероятно справедливого, а тем паче до достоверного или несомненно истинного и составляет существо научной самостоятельности. Пусть это скажется в студенческой работе над какой-либо частностью лишь в зародыше или намеке, люди научного опыта это увидят с ясностью, и этим путем можно отличить среди подготовленных лиц тех, которые наиболее выдаются по своим способностям, свойствам и подготовке к достижению цели, ради которой и учреждается высшее учебное заведение.

По сказанному выше видно, что в высших учебных заведениях еще более, чем в средних, можно обойтись без всякого рода экзаменационных испытаний. В виде переходной меры экзамены могут состоять из одного обзора тех четырех способов испытания, которым подвергался выходящий из заведения слушатель. В его аттестации или дипломе, как в дипломе на бакалавра в Англии, полезно отличить два разряда подготовки: один обычный, достаточный для прохождения всех жизненных отношений, требуемых от специалиста, а другой — «с отличием» — для обозначения явно высказанных уже в студенчестве способностей обобщать частности и вообще охватывать предметы в их большей широте. Это отчасти подобно тому, что прежде практиковалось в виде различения степеней «действительного студента» и «кандида-

та», хотя я никоим образом не думаю это различие приурочивать к каким-либо привилегиям, доставляемым дипломом. Нужнее всего это различие для тех, кто на основании диплома будет принимать к себе под свое начальство или в свое предприятие лиц, окончивших высшее учебное заведение.

8. Уже из того, что сказано выше, можно ясно видеть, что, по моему мнению, желательно как можно шире открыть двери высших учебных заведений для всех достаточно к нему подготовленных и для этого необходимо иметь много учебных заведений с разнообразными специальностями, или факультетами. Даже в столь богатых странах, как Англия, Шотландия, С.-А. С. Штаты и Голландия, где, в сущности, высшее образование составляет в некотором смысле привилегию богатых людей, потому что стоит дорого⁴⁷, беднякам не отрезана дорога к высшему образованию. Они пользуются стипендиями, выплачиваемыми за все их потребности, или из капиталов, пожертвованных специально для этой цели, или назначаемых ведомствами и лицами (например, в Англии — колониями для снабжения их медиками), или особым обществом для пособия студентам с тем непременно условием, что все выданные таким обществом пособия возвращаются в течение всей жизни малыми, но постоянными процентными взносами лиц, получивших пособие. Все это, как известно, практикуется и у нас еще с тем дополнением, что у нас есть много стипендий высочайшего имени совершенно безвозвратных, как и многие из всяких иных видов пособий, выдаваемых стипендиатам.

Должен признаться, что мое личное мнение склоняется к тому, чтобы стипендия и пособия всякого рода, выдаваемые при прохождении курса в высшем учебном заведении, непременно возвращались последовательно по окончании курса и чтобы при получении каждого пособия выдавалась получающим такая расписка, в которой эта обязательность возврата была бы явственно обозначена. Когда государство дает свои средства отдельному лицу на его образование, оно, по моему крайнему разумению, должно всегда требовать или возврата выданной ему стипендии, или обязательной за нее службы в тех местах, куда будет назначен окончивший курс. Подобный порядок не есть какое-либо нововве-

дение, он и теперь практикуется во множестве случаев, например в большинстве военных высших учебных заведений. Мне, как и всем моим товарищам, при поступлении в Главный педагогический институт пришлось давать при самом вступлении расписку в том, что я обязуюсь за каждый год, проведенный в институте, где все содержание было казенное, прослужить 2 года там, куда буду назначен начальством, и мне очень памятно все значение этой расписки особенно потому, что со мной, 16-летним юношей, этим способом был в первый раз заключен договор, на который я охотно шел, так как в нем видел свою прямую выгоду. Обязательство, или расписка, не только заставит каждого относиться внимательнее к делу, за которое он принимается, но и составит один из первых жизненных уроков для внушения той связи, которая должна существовать между всякими правами и обязанностями, чего, признаться сказать, в настоящее время в наших высших учебных заведениях нельзя встретить в должном развитии. Смотреть на пособия студентам как на особый вид благотворительности, по моему мнению, весьма неправильно уже по одному тому, что размеры благотворительности определяются множеством случайностей и могут быть совершенно недостаточны для надлежащего прохождения научных знаний в высших учебных заведениях, так как на всякие посторонние занятия студентов должно смотреть только как на исключительное явление, зачастую вредящее целям высшего образования, когда все время нужно посвящать изучению выбранной специальности.

Нельзя избежать того, чтобы выдача стипендий обходилась без участия профессоров и других преподавателей высших учебных заведений, для казенных же стипендий эта зависимость должна быть совершенно полна и вовсе не должна определяться надобностями отдельных слушателей, а преимущественно, если не исключительно, их успешными занятиями. Но, говоря вообще, дело стипендий должно быть ведено, по моему мнению, с наименьшим участием профессоров и в размеры стипендий должны входить, если не всегда, то в огромном большинстве случаев, все расходы или взносы, требуемые уставом с университетских слушателей. Расходы на высшее образование для государств так велики и потребности высших учебных заведений

так с годами умножаются, что возврат хотя части этих расходов в виде сборов за слушание лекций и за лабораторные и всякие иные занятия мне кажется вполне справедливым даже в нашей стране, весьма нуждающейся в лицах, снабженных действительными знаниями.

Некоторые виды стипендий, по моему мнению, должны быть назначаемы только лицам, выдержавшим первое или основное испытание, но, конечно, и в самом начале прохождения курсов пособие во многих случаях вполне необходимо, в особенности потому, что у нас (я думаю, в большей мере, чем где-нибудь) очень часто встречаются способные юноши именно в тех классах общества, которые обладают наименьшим достатком, так как они стоят зачастую ближе к природе и всей действительности, показывающей всю нужду в высшем образовании, чем то бывает у детей состоятельных родителей, как видно это уже из примера первого русского ученого Ломоносова. Нам особенно нужны образованные люди, близко знающие русскую природу, т. е. всю русскую действительность, для того чтобы мы могли сделать настоящие, самостоятельные, а не подражательные шаги в деле развития своей страны.

Назначив и выдав пособия и стипендии, надо иметь особо в виду то обстоятельство, что надлежащий результат может получиться от высшего образования лишь тогда, когда время студента будет отдано действительно образованию, т. е. надо соразмерить величину стипендии не только с предстоящими расходами, но и с действительным прилежанием и успехами стипендиатов, без чего стипендии и пособия студентам хотя и будут оставаться делом благотворительным, но совершенно не отвечающим целям высших учебных заведений, так как их назначение исключительно состоит в подготовке для жизни деятельных и знающих людей, что и должно, прежде всего, блюсти распорядительному совету высшего учебного заведения. Во всяком случае, какие бы то ни было стипендии и пособия слушателям должны быть выдаваемы только тогда, когда они исполняют программу занятий, намеченных для слушателей. Неисполнение этой программы, а тем паче неуспешность занятий, проявившаяся после испытаний во все время прохождения курса, должна служить указанием того, что сам стипендиат отказывается от всяких дальнейших ему посо-

Памятник М. В. Ломоносову в Архангельске.

Гравюра XIX в.

бий. Мои слова, конечно, покажутся жесткими для многих сентиментальных лиц, но я их говорю с полным убеждением и более всего в пользу плодотворности высшего образования, так как неуспевающие и не способные к успехам не должны, по моему крайнему разумению, иметь никакого касательства до высших учебных заведений, которые ни под каким видом нельзя для общего блага смешивать с благотворительными учреждениями.

Из того, что изложено выше, можно полагать и ожидать, что первые курсы высших учебных заведений будут гораздо многочисленнее последующих, особенно при надзоре за правильным посещением лекций и занятий. При развитии же стремления в высшие

учебные заведения, ныне у нас, несомненно, существующего, наплыв слушателей может быть очень большим. Действительность полагает предел этой многочисленности со множества сторон, которые нет надобности и перечислять, и дело высшего управления народным просвещением сводится к тому, чтобы достигать надлежащей соразмерности и по мере увеличения прилива учреждать новые высшие учебные заведения или расширять существующие, снабжая их всем необходимым и назначая для всех специальностей, для коих оказывается особая надобность в стране и в которые приливает наибольшее число желающих. Чтобы не остаться здесь совершенно голословным, я укажу хотя бы на то, что, судя по действительности, аудитория, в которой вмещается более 500 слушателей, уже становится малоудобною для преподавания во многих отношениях, так как часть слушателей окажется в положении, малоудобном для восприятия глазом и ухом того, что излагается или показывается. Тем более это относится к пособиям, подобным лабораториям, кабинетам и т. д. Если в виде примера положить в высшем учебном заведении четыре факультета и два из них, наибольших по числу поступающих, с общими курсами, излагаемыми в одной аудитории, то можно считать на двух таких факультетах 500 слушателей, а на двух других 200, в высших же курсах всего около 500 человек, чрез что и получится в сумме около 2000 на высшее учебное заведение. Если прилив будет больше в эти учебные заведения, это послужит явным указанием, что для удовлетворения потребности страны необходимо учреждать еще новые высшие учебные заведения.

Проведя сперва как студент, а потом как профессор более половины всей своей 70-летней жизни в высших учебных заведениях и сознавая их величайшее значение для всей дальнейшей судьбы Родины, мне хотелось бы еще много сказать о деле высшего образования, но я воздерживаюсь от этого, главное, потому, что вся суть здесь исключительно в профессорах и в уставах, которыми они руководятся, а это сказано выше со всею для меня возможною ясностью; частности придут сами собой, и я не желаю ими затемнять основных требований. Уставы университетов уже пересматриваются, тут уже признана необходимость улучшений. Но, сколько я понимаю нашу современность, еще не ясно сознание в необходимости позаботиться о подготовке надлежащих учителей и профессоров, особенно последних, а потому следующую главу я посвящаю своим заветным мыслям об этом предмете, стараясь быть, как умею, кратким, но ясным, угождающим только благу своей страны, а не ее либералам, консерваторам и утопистам.

*10 июля 1904 г.
Боблово*

ГЛАВА VII

О ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ И ПРОФЕССОРОВ

*Бывший Главный педагогический институт. Отчего его закрыли.
Необходимость специальной подготовки учителей и профессоров,
по крайней мере некоторых. Состав, или факультеты и предметы,
какие должно желать в высшем или нормальном училище
для подготовки учителей. Место для его учреждения.
Возможная стоимость его устройства
и годового содержания*

вода в одно целое сумму впечатлений прошлой истории и современности, можно, конечно лишь условным образом, выразить ту мысль, что народы Азии представляют своего рода тезу, а европейцы — антитезу и что нужен синтез, которого еще недостает. Сущность этой мысли сказалась у славянофилов, и хоть я никоим образом не могу себя причислить к их доброму числу, но все же полагаю вместе с ними, что в нас, русских, больше всего имеется задатков всякого рода для достижения этого синтеза, хотя по настоящее время видна только первичная к тому подготовка, сказавшаяся, быть может, лучше всего в окончании примечательнейших стихов Пушкина «Чернь»:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Сказано это про поэтов вообще, но едва ли при этом сам Пушкин не имел в виду, судя по смыслу всего стихотворения, именно современных ему русских вообще, объединяя этим понятие о лучших людях как между простолюдинами, так и в образованнейших классах, так как и там и тут русский человек больше живет еще и поныне мечтою о предстоящей будущности, о возможном впереди синтезе. Очевидна всем вдумчивым людям надобность как-то сочетать индивидуализм, развившийся преимущественно в Европе, с общественно-государственным строем, родившимся в Азии и там развившимся даже до некоторой степени уродства, но как и в чем должен выразиться этот ожидаемый синтез, сказать едва ли кому-нибудь возможно. Но одно тут несомненно, что он совершится не иначе как при посредстве развития образования. На него смотрели долгое время только с индивидуалистической точки зрения, но уже и в тех полубессознательных речах, которые повсюду слышатся о необходимости всеобщего образования, видно стремление придать ему общее государственное значение. Отсюда, пропуская некоторые логические вставки, легко вывести то для меня инстинктивно несомненное заключение, что первейшею заботою стран, подобных России, видящих свой идеал впереди, а не сзади, должна служить забота об образовании наставников всякого рода, а в особенности для средних и высших учебных заведений; прочее все еще можно предоставить индивидуальности и случайности, а этого ни в коем случае не должно, т. е. к образованию наставников высших

степеней надо приложить много усилий и средств страны, если она хочет расцвета своей жизни впереди и хочет, хоть и постепенно, достигать желаемого синтеза.

Вот та моя заветная мысль, которой я посвящаю эту отдельную главу: о потребности строго обдуманной, особой организации для получения необходимых нам наставников. Нельзя закрывать на то глаза, что зачастую основные мысли, сюда относящиеся, имеют совершенно иное направление, т. е. говорят нередко, что наставники всякого рода должны быть прежде и главнее всего воспитаны жизнью и из нее черпать те силы, какие нужны для ее дальнейшего течения. Из-за этой самой мысли и закрыт был в свое время, в начале 60-х годов, Главный педагогический институт, назначавшийся исключительно для приготовления учителей гимназий и давший многих первых самостоятельных русских профессоров, ученых и деятелей всякого рода, начиная с Н. А. Добролюбова и Н. Н. Страхова. При закрытии этого института проводилась та мысль, что в Педагогическом институте как в закрытом учебном заведении юношество отрывается от жизни, а от учителей необходимо-де требовать, прежде всего, полного с нею знакомства, которое будто бы и доставляют открытые учебные заведения. На оборотной стороне этого начала написан консерватизм и подчинение учителей толпе. Со своей стороны я думаю, что жизнь нельзя перестраивать и улучшать, не отрываясь от нее, что сказалось даже в уединении, приписываемом не только Христу перед его открытой проповедью, но и Будде, даже Заратустре. Консерватизм — дело великое и неизбежное, но особо заботиться о нем в деле просвещения никакой нет надобности, потому что оно, прежде всего, состоит в передаче науки, а она есть свод прошлой и общепринятой мудрости, потому что люди, проникнутые наукой, неизбежно в некоторой мере консервативны по существу и им надо учиться не от толпы, не от трения в консервативном обществе, а от мудрецов, которые сами искали высших начал в уединении от толпы, в проникновении новой тайной, в отчуждении от мелочности жизненных забот хотя бы на все то время, в которое должно получиться проникновение началами, передаваемыми впоследствии другим. Всем этим я хочу сказать, во-первых, то, что закрытие Главного педагогического ин-

ститута было крупною ошибкою своего времени, во-вторых, что при желании иметь в стране учителей и профессоров, могущих двигать страну вперед, полезно возобновить прежний прием, т. е. вновь учредить, да не один, а несколько училищ наставников или педагогических институтов, и, в-третьих, что для их надлежащего успеха полезно по-прежнему устройство закрытых учебных заведений. Здесь надобно, конечно, прибавить ту оговорку, которая, в сущности, дальше должна во многих случаях подразумеваться, что времена переменялись и многие порядки сообразно с тем должны претерпеть свои изменения. Сущность пользы от закрытого заведения сводится не только на то, что у их питомцев больше времени для занятий и углубления в науку и предстоящие жизненные отношения, чем у студентов открытых учебных заведений, но и в том, что в закрытом учебном заведении общение молодых сил неизбежно развито в гораздо большей мере, чем в открытых учебных заведениях, и гораздо больше общности и целости во всем, начиная с привычек и кончая мировоззрениями.

Сужу об этом по личному примеру, потому что сам обязан Главному педагогическому институту всем своим развитием. После первого же года вступления в него со мной приключилось кровохарканье, которое продолжалось и во все остальное время моего там пребывания. Будь я тогда стипендиатом или вообще приходящим слушателем, я бы лишен был всякой возможности удовлетворить возбужденную жажду знаний, а там все было под рукой, начиная от лекций и товарищей до библиотеки и лаборатории, время и силы не терялись на хождение в погоду, ни на заботы об обеде, платье и т. п. Нам все было дано, все было легкодоступно, и мы брали предлагаемое потому, что от наших профессоров узнавали то, где и что лучше всего следовало взять. Все дело зависело, конечно, от того направления, которое имело все учебное заведение, а оно определилось тем, что профессора его были первоклассные ученые своего времени, как Остроградский по математике, Савич по астрономии, Ленц и Купфер по физике, Брандт по зоологии, Воскресенский по химии и т. п. Остановлю внимание еще на том, что предметов или профессоров у нас было немного сравнительно с числом их в нынешних учебных заведениях и ради этого

многие предметы были общими на разных факультетах до того, что естественники и математики на первых двух курсах проходили все предметы вместе, т. е. огонь в нашем очаге не тух от избытка топлива, а мог только разгораться под влиянием не только профессоров и товарищей, не только удобств для притока всего того кислорода, нужного для научного горения, который доставляли рядом со спальнями и жилыми помещениями находящиеся лаборатории в библиотеки, но и того общего направления или пыла, который установился в Главном педагогическом институте, по крайней мере, в то время, когда я сам в нем был. Мы все твердо знали, давши при вступлении личные обязательства, что будем педагогами, а потому по косточкам разбирали всю предстоящую нам жизненную обстановку и своим умом, а потому и внутренним соглашением достигли до того, что у нас, например, считалось в некотором смысле предосудительным готовиться к экзаменам, и хотя мы много работали в обычное время, в течение экзаменов все ночи напролет дулись в карты, а на тех, кто готовился к экзаменам, смотрели до некоторой степени свысока.

В этой мелочи, на мой взгляд, сказывается своеобразность мировоззрения, сложившегося в нашем закрытом учебном заведении. Припомню, что это было в середине XIX в., во времена большого формализма, начавшего распространяться в царствование Николая I. Если я особенно настаиваю на необходимости и ныне вновь для образования учителей возвратиться к учреждению прежних, теперь почти исчезнувших закрытых высших учебных заведений, то имею в виду особую необходимость самостоятельного развития у юношей-учителей других, у них теперь еще не господствующих привычек, обычаев и воззрений, чего под влиянием ежеминутных жизненных столкновений, которым подвергается студент, живущий вне товарищей, достичь невозможно без какой-то уродливой ломки, да и то под влияниями посторонними, а не внутренними, не собственного сознания, а навязанных мыслей.

Молодежи до чрезвычайности нужно это взаимное общение для того, чтобы из нее выходил прок не только для самих их, но и для общего целого, для всей дальнейшей судьбы страны. Закрытые высшие учебные заведения

прекращены у нас повсюду под влиянием неправильно понятых начал, жизненности высшего образования именно в эпоху, предшествовавшую так называемым университетским беспорядкам, и я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что это закрытие «закрытых» высших учебных заведений служило одной из причин возникновения таких беспорядков в особенности под влиянием пресловутых «аттестатов зрелости», соединенных с поступлением в университеты бородатых юношей.

Те силы или порывы, которые нашли бы, вероятно, выражение в сложении самостоятельных воззрений и направлений, выступили, конечно, под худыми влияниями, носящимися в общежитии, в том, что слушатели высших учебных заведений стали представлять себя уже «зрелыми» членами общества и стали сходиться для суждения не о своих ближайших потребностях, не о слагающемся мировоззрении, а о том общественном, ради которого они и вступили в высшее учебное заведение как ученики и слушатели.

Не уклонюсь от того соображения, считаемого мною совершенно неверным, которое носилось в воздухе времени начала повторяемости так называемых студенческих беспорядков и очень часто высказывалось в те времена, что освободительные начала эпохи, наступившей после Севастопольской кампании, служили главнейшим внутренним поводом к началу беспорядков, так как во всем обществе произошло брожение и стали выражаться порывы того разряда, который у нас привыкли называть либерализмом.

Утверждали, что либерализм, проникший в правительство, овладел образованным обществом, а от него и университетским юношеством, которое по молодости лет и по пылкости, свойственной юности, спешило судить о том, что по своей сложности было ей не по силам. Совсем я сам так не думаю, хотя и признаю вполне передачу общественного настроения юношеству и развитие его в нем, но от этой возбужденности до беспорядков расстояние ничем логически не восполняется, потому что истинный либерализм прежде всего побуждает следовать законным путем, а не вызывает таких приемов, какие сказываются в беспорядках.

Прожив большое их число в близкой связи со студенчеством Петербургского университета (потому что тогда я жил подле химичес-

Университет в Санкт-Петербурге. Гравюра XIX в.

кой лаборатории, где работало много студентов, и я был с ними в постоянном общении), я имел немало случаев убедиться в том, что «чувства добрые», господствовавшие в то время в студенчестве, побуждали их еще в большей мере, чем бывает всегда, к взаимному общению и приглашению, но исходов для этой надобности было чрезвычайно мало. Главное же, что считаю долгом сообщить здесь, состоит в том, что я получил подлинные убеждения в возникновении беспорядков не под влиянием этого стремления к общению, а под влияниями совершенно посторонними, даже говорю с уверенностью, под влияниями, совершенно чуждыми России и пришедшими из-за границы, где в то время еще больше, чем теперь, много было организованных сил, стремившихся, во-первых, приостановить явный прогресс, начавшийся в нашей стране, и, во-вторых, желающих сосредоточить все внимание России на внутренних беспорядках, чтобы отвлечь ее этим путем от вмешательства во внешние европейские события, среди которых тогда больше всего имели значение политические объединения Италии и особенно Германии, усиление мирового могущества Англии и возбуждение социалистических и коммунистических начал во всей Западной Европе. Все дела этого ряда тогда, несомненно, имели организацию и представителей ее в виде властных лиц, подобных Бисмаркам и Кавурам, а такие организаторы должны были помнить и сознавать, что голос России был одним из решающих в памятные эпохи Священного союза и 1848 года. Чтобы действовать свободнее, увереннее и надежнее, надо было во что бы то ни стало устранить какое бы то ни было вмешательство России; война с нею могла стоить сотни миллионов, возбуждение в ней внутренних беспорядков могло стоить очень дешево, да еще под знаменем либерализма, который сам проявлен Россией. Вот и решили разумные и расчетливые люди, стремящиеся к определенным целям, вызывать в России всеми способами внутренние неурядицы, покушения на императора-освободителя и всякого рода препятствия на пути русского прогресса. Утверждаю так в особенности по многим наблюдениям, бывшим для этого как у меня самого, так и у многих из профессоров Петербургского университета.

Расскажу об одном случае, бывшем лично со мною. Между многими студентами старших курсов, занимавшимися под моим руководством в химической лаборатории Петербургского университета, был один, которого назвать фамилию еще нельзя, потому что он еще жив и действует; его я обозначаю буквой «А». Это был образованнейший во многих отношениях человек, видный, красноречивый и влиятельный в студенческой среде, отчего его выбирали очень часто председателем дозволенных и недозволенных сходок, как мы все тогда знали. Так называемыми либеральными началами или порывами он был проникнут вполне, но был в то же время истинно русским человеком и, говоря по-французски, лояльным, противником всякого рода незаконных, а тем паче предосудительных мер всякого рода, т. е., как тогда говорили, был умеренным либералом. Он часто откровенно излагал проникающие его мысли и вообще был, как говорится, экспансивен, так что от него зачастую можно было узнавать многое совершающееся в студенческой среде. Он вел у меня в лаборатории одну специальную работу, и мне приходилось с ним часто оставаться часами, причем входить в беседу, нередко обращавшуюся на предмет всеобщей тогда заботы о благе университета. В одной из таких бесед А. рассказал мне о том, что в студенческой среде стали зарождаться своего рода подозрения относительно искренности участия некоторых деятелей сходок на основании того, что они возбуждали не столько своими открытыми речами на явных сходках, сколько закулисным влиянием на лиц пылких, но мало развитых. Такие лица, говорил А., не только не выступали сами, а толкали других, но и всегда прятались за них, т. е. действовали так, как действуют подставные заинтересованные возбуждители. Как А., так и его благоразумные товарищи подозревали этих лиц как подосланных полицией для возбуждения беспорядков, и некоторые втихомолку согласились проследить и уличить их. В этом намерении они дошли до того, что, называясь их именами, стали получать от университетского швейцара письма на их имя, вскрывать их и читать, а потом, закрыв как следует, передавали их по адресу, зная, что следы вскрытия объяснялись получателем вмешательством тайной полиции. Но она была на этот случай товарищеская, и А., как

один из вожаков, читал многие такие письма. Вот он-то и передал мне, что многие из этих писем были заграничного происхождения, не от русских эмигрантов, а от неизвестных, никогда не подписывающихся лиц, несомненно, выдававших возбуждителям немалые денежные пособия именно для цели возбуждения. Убедившись в этом, единомышленники А. дошли до полного реального доказательства получения указанными лицами денежных средств из-за границы, но откуда они получаются, при всех стараниях юные исследователи не могли разобрать, и хотя из-за этого стали отстраняться от руководства, но, конечно, не выдали имен, хотя, как говорил А., одного такого втихомолку вздули во все корки.

Для меня рисуется здесь дело в том виде, что недостаток, или, правильнее, недозволенность, открытого общения, в котором молодежь нуждается и которое естественно происходит в закрытых учебных заведениях, повела к возможности влияния закрытых общений и к распространению при помощи их неладных или даже преступных возбуждений. Не только я сам, но и многие из моих со товарищей-профессоров, зная об этом, много раз сообщали узанное такому влиятельному лицу, каким был граф Д. А. Толстой, тогда министр внутренних дел, но из этих сообщений никаких не вытекало надлежащих последствий, я думаю, прежде всего потому, что сомневались в самой нашей искренности. Это я говорю теперь в печати, потому что мне думается найти для всего этого причину в каком-то следе злорадства, вызывавшегося тогда, во времена освободительных реформ, в кругах, действительно желавших только мер ретроградного свойства и только поворота назад, за что много заплатили наши высшие учебные заведения и все наше просвещение. Сущность дела сводится к тому, что студентам высших учебных заведений нельзя обходиться без взаимного общения, и там, где никогда, сколько я знаю, студенческих беспорядков, более или менее носящих политический оттенок, не было, например, в Англии, Швеции, Голландии и Германии, студенческого общения не избегают, а, напротив того, всемерно поощряют. В Англии это достигается при помощи колледжей или общежитий, где студенты живут совместно и составляют вполне отдельную семью со

своими отдельными преданиями, приемами и даже соперничеством с другими колледжами. В Голландии, Швеции, Германии и тому подобных странах, где студенческий быт совершенно своеобразен, взаимное общение достигается при помощи отдельных корпораций, более или менее напоминающих запрещаемые у нас землячества и направляющихся иногда в стороны, до того чуждые университетским началам, что в Гейдельберге в 1860 г., когда я там был, существовала корпорация, при вступлении в которую требовалось условие во все время пребывания в составе корпорации не посещать университетских лекций. Свое удовлетворение дают студентам даже и такие уродливые корпорации, назначаемые преимущественно для кутежей и спортивных всякого рода.

У нас господствует предубеждение против корпоративного начала в студенчестве преимущественно ввиду таких исключительных уродств, забывая при этом, что большинство корпораций назначается для взаимной помощи студентов, для удовлетворения их потребности в общении и, что всего важнее, для сложения самостоятельных начал, которые затем проводятся в жизни. На основании соображений, здесь более или менее выступивших в намеках, я не только склоняюсь в пользу открытых студенческих корпораций, но и в пользу закрытых учебных заведений, где взаимное общение студентов наиболее может быть развито, и полагаю, что господствующие ныне в правительстве и литературе предубеждения против корпоративного начала и закрытых учебных заведений чрезвычайно вредят успехам нашего высшего образования. Теперь, когда мне уже минуло 70 лет, я только с великой благодарностью вспоминаю то влияние, которое произвело на меня пятилетнее пребывание в закрытом учебном заведении с товарищами, оставшимися на всю жизнь друзьями и, я думаю, единомышленниками.

Итак, я со своей стороны желаю, чтобы необходимое для России высшее учебное заведение, приготавливающее учителей гимназий, а среди них и будущих профессоров, было закрытым, т. е. давало бы своим воспитанникам не только лекции, библиотеки, лаборатории и т. п., но и помещение для жизни, стол, одежду и все прочее, потому что только при этом условии, возможно, по моему мнению,

достичь того, чтобы у нас родились свои Платоны и Невтоны, о которых так мечтал Ломоносов. Конечно, это условие не первостепенное, не самое важное, каким я считаю подбор профессоров такого высшего института наставников, но помимо него, в особенности при условиях современной шаткости понятий, для меня немыслимо получение того большого количества преданных делу наставников, которое необходимо России, если она вступит в эпоху действительного убеждения о необходимости широкого высшего образования, так как его при незначительном количестве и случайном качестве преподавателей достичь мне кажется маловероятным.

Наивысшую трудность при учреждении высшего института наставников составит, конечно, образование совокупности надлежащих профессоров. В бывшем Главном педагогическом институте профессора избирались из самого цвета лучших тогда русских ученых, больше всего из академиков, приобретших знаменитость помимо педагогических трудов; теперь этого сделать нельзя уже по той причине, что в Академию наук избирают по большей части на старости лет тех, кто устал уже от педагогических забот. Конечно, в России найдется немало достойных ученых, которые, быть может, и согласятся посвятить себя делу подготовки наставников, но это все же очень рискованно, особенно в том случае, если новый большой Педагогический институт будет учрежден в каком-либо уединенном положении, не в петербургской сутолоке, не среди петербургских усложненных отношений, начинающих с дороговизны жизни и с необходимости участия в ее текущих передрагах, так как достойных ученых тут втянут волею или неволею во все тяжкие до того настойчиво, что им останется мало времени отдаваться в одно и то же время науке и ее передаче будущим наставникам. А так как это именно и необходимо, по моему мнению, для того чтобы высший институт наставников дал истинно хорошие плоды, то я более всего склоняюсь к той мысли, что местом для главного училища наставников должен быть какой-нибудь небольшой городок или местечко вдали от таких центров, как Петербург и Москва. Оксфорд, Кембридж, Гейдельберг и тому подобные маленькие города, почти целиком зависящие от университетов, в них находящихся, дали, как известно, наибольшее

ший рассадник для развития самостоятельности в науках для многих стран; а у нас, думается мне, особенно в нашу эпоху, выбор подобного места был бы полезен во всех отношениях. При этом я вовсе не имею в виду экономических соображений казенного свойства, хотя устройство в какой-то глуши обширного учреждения, без сомнения, может быть более экономным, чем в столицах или вблизи них. Экономия может получиться, однако, все же небольшая в содержании студентов и тому подобных профессоров, ассистентов и тому подобных наставников ее достигать было бы неправильно, так как этим служащим придется ограничиться в маленьком местечке только одним местом служения за недостатком возможности получать средства с разных сторон. Уединенное положение высшего училища наставников, конечно, при совокупности других условий может обеспечить результат как со стороны студентов, так и со стороны профессоров, если в деле будут вложены правильные начала.

На основании того, что высказано выше, я прихожу к тому заключению, что создание столь необходимого для России главного училища наставников может совершиться следующим медленным путем в течение многих лет, именно 4 или 5 до открытия первого курса. Начать надобно, конечно, с выбора нескольких лиц, совокупности которых должно доверить не только возведение зданий и обзаведение пособиями, необходимыми для создаваемого учреждения, но и подготовку, или приготовление профессоров. Эта последняя цель — самая важная, и, чтоб она выполнена вполне удовлетворительно, необходимо, чтобы в учредительном комитете были только первостепенные самостоятельные русские ученые по разным отраслям знаний. Им должно доверить выбор кандидатов на предстоящие профессуры. При этом, по моему мнению, лучше всего иметь избыток кандидатов, так как ожиданиям и надеждам не всегда ответят выбранные кандидаты, хотя бы их избрали и весьма компетентные судьи. Избыток, при этом возможный, никогда не будет излишним в России, потому что число лиц, получивших уже высшее образование и начавших уже заявлять свои научные способности, было и, надо думать, останется всегда значительно, потому что жажда света все-таки существует уже в самом народе, даже

в крестьянстве. Лиц, оказавшихся недостойными доверия и выбора, надо предоставить учредительному комитету без дальнейших проволочек. А если и затем получится избыток готовых кандидатов, они найдут себе место или в других высших учебных заведениях, или на других поприщах.

Какими способами достичь того, чтобы из начинающих ученых могли выработаться действительные новые научные русские силы, необходимо, по моему разумению, вполне предоставить усмотрению названного учредительного комитета, долженствующего образовать ядро профессорского совета подготавливаемого Педагогического института. Одним надобно дать лишь средства и предоставить всякие возможности самостоятельно продолжать начатые научные работы, других придется, быть может, отправить за границу для изучения избранной специальности в ее современном состоянии, третьим придется дать возможность в путешествиях и личном знакомстве с памятниками древности восполнить пробелы, существующие в предварительной подготовке, четвертым придется, может быть, назначать ассистентами, лаборантами и тому подобными помощниками уже существующих профессоров и т. д. При этом для одних нужна будет, быть может, двухлетняя подготовка, а для других придется ее продолжить на несколько лет; все это, начиная со способа выбора самих кандидатов, должно представить, по моему мнению, учредительному комитету, от состава которого много будет зависеть дальнейшая судьба нового учреждения. Средств для всех указанных целей потребуется немало, но все же их размеры будут ничтожны не только сравнительно с теми, какие требуются, например, для проведения новой железной дороги, или для проведения нового канала, или порта; при недостатке же средств, а более всего при руководстве делом из канцелярии надлежащего успеха ожидать нельзя. Предварительные основания всего устава и устройства высшего училища наставников, конечно, должны быть обдуманы и заготовлены гораздо раньше приступа к самому учреждению института. Но подробности устава должны выработаться лишь постепенно, больше всего при содействии упомянутого выше учредительного комитета, а ему должно вменить в первойшую обязанность заботу о подготовке и выбо-

ре профессоров или будущих сотоварищей этих учреждений. Однако уже предваритель-но должно ясно выразить ту основную мысль, что главное училище наставников должно готовить прежде и более всего учителей гимназий, а из лучших воспитанников — будущих ученых и профессоров, что подготовка не должна ограничиваться одними, так сказать, теоретическими предметами, но и распространяться на прикладные, так как и в специальных средних учебных заведениях, и особенно в высших, прикладные предметы требуют много хорошо подготовленных лиц для их преподавания.

Чтобы объять все содержание преподавания в высшем училище наставников, мне кажется, проще всего изойти из той формулы, что человек, природа и практическое отношение человека к природе охватывают все главные области наук и образованности. Для учителей еще более, чем для всех прочих обучающихся, нужно постоянно помнить возможность потухания огня при заваливании очага топливом, и потому число предметов, а следовательно, и кафедр должно быть ограничено, а такие сравнительно узкие специальности, как медицинские, юридические, богословские, военная, железнодорожная и т. п., должны быть совершенно исключены из предметов, преподаваемых в главном училище наставников, предоставляя другим высшим специальным учебным заведениям подготовку и выбор преподавателей, им необходимых.

Вследствие указанного соображения и приравливаясь к обычной терминологии, в главном училище наставников, по моему крайнему разумению, должно быть три факультета: историко-филологический, физико-математический и камеральный, или технический, с разными их подразделениями на последних курсах (1—2 года). На первом из них главнейшими предметами должны быть философия, литература и история; на втором — математика, физика, химия и биология.

Что же касается до камерального, или технического, факультета, то его, по моему мнению, можно образовать только на последних двух курсах из лиц, получивших предварительную подготовку на двух других упомянутых факультетах, положив основным предметом политическую экономию, выработка преподавателей которой должна составить

одну из основных задач предполагаемого института, если он назначается для оживления всего русского просвещения и для создания в России массы самостоятельных ученых, каких и можно ожидать при посредстве правильного течения дел в предлагаемом институте. Эту задачу, по моему крайнему разумению, выполнить в будущем нетрудно, имея в виду не только пример Главного педагогического института, но и начальные эпохи, а в особенности 60-е и 70-е годы в таких наших университетах, как Петербургский, Московский, Казанский и Дерптский, доставлявших в свое время много научных сил. Дайте только широко развиться вкусу к науке, предвкушению ее или стремление к ней уже сказалось давно и уже слышится в неясных мечтах и порывах всей прошлой нашей литературы и жизни.

У нас в литературе и в специальных кругах, в особенности в комитетах, обсуждавших устройство новых высших учебных заведений, например политехникумов, много обсуждался вопрос о нормальной продолжительности курсов в высшем учебном заведении, и уже ясно сознано то основное положение, что высшая степень специального образования достигается никак не при посредстве окончания в высшем учебном заведении, а лишь при посредстве самостоятельной разработки предмета в условиях жизненной обстановки, что сказалось в народной поговорке: «Век живи, век учись». Исходя из того, что средние учебные заведения должно проходить в норме до 16—17 лет, я склоняюсь к тому, что для нормальной учебной подготовки в высших учебных заведениях вполне достаточен четырехлетний срок в большинстве заведений, выпускающих студентов в жизненную обстановку, т. е. для приготовления к жизненным специальностям, которые, как бы ни были специализированы высшие учебные заведения, всегда их превосходят своею дробностью и своими усложнениями.

В норме никто и никогда не считает лицо, кончившее курс в высшем учебном заведении, способным сразу становиться в руководящее положение, будет ли то должность административная или юридическая, промышленная или какая иная. Так, кончившего нормальный курс не назначат столоначальником в каком-либо министерстве, а вначале дадут ему возможность узнать течение дел

Московский университет (вид через р. Неглинную).
Литография с акварели конца XVIII в.

ближе, занимая должность помощника столоначальника или какого-либо причисленного к министерству второстепенного исполнителя. Так, на фабрике или заводе не назначат вновь испеченного техника руководителем мастерской, а дадут ему возможность осмотреться в качестве помощника или в какой-либо второстепенной должности. Таково же положение дел и во многих других специальностях.

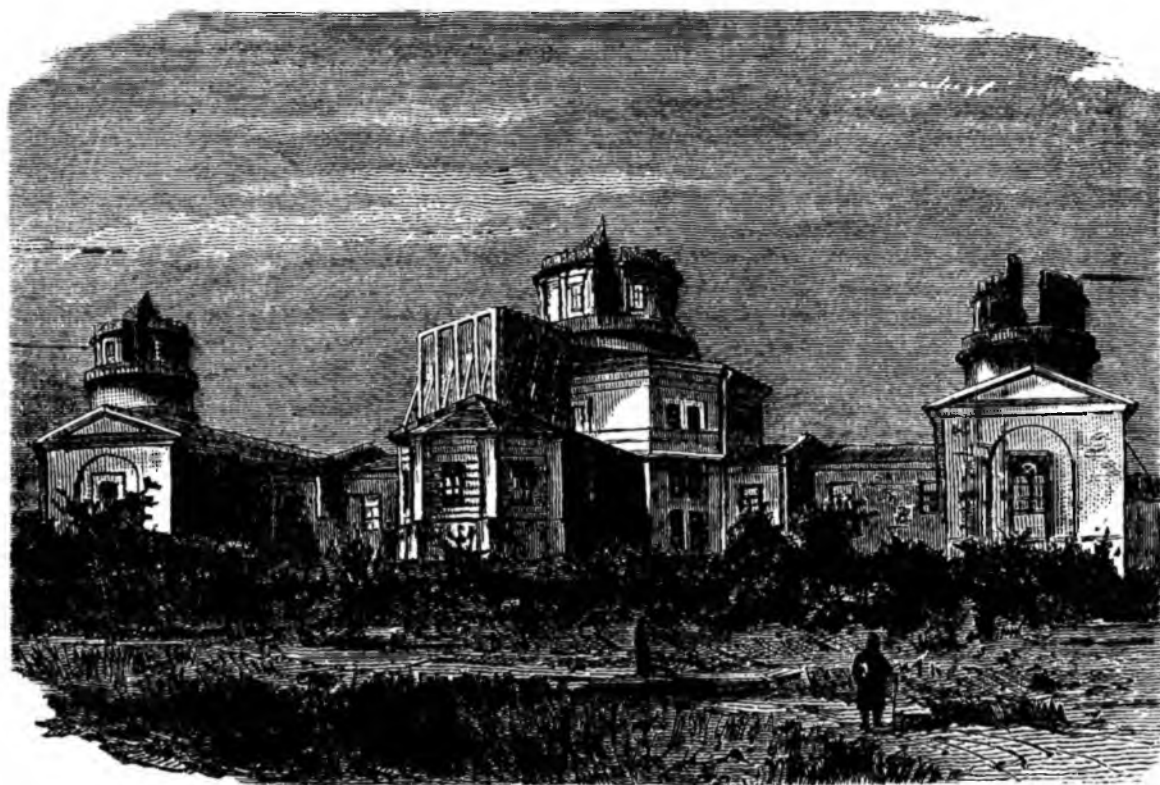
Но есть два рода деятельности, в которых надо прямо браться за дело, за живую практику, без возможности обучаться во второстепенных положениях; я говорю именно о медицине и учительстве, так как вступающему прямо вверяется часть жизни в ее полноте.

Поэтому я думаю, что для подготовки медиков и учителей необходим более продолжительный срок, часть которого посвящается практическому ознакомлению под руководством профессоров в клиниках ли или в нормальных, или образцовых училищах, состоящих при медицинских и учительских институтах.

Как распределить время пятилетнего курса в таких заведениях между делом лекций и практического упражнения в умении, это уже должно относиться к компетенции руководства совета высшего учебного заведения. Сущность того, что я хочу сказать, здесь сводится к тому, что в высшем училище наставников нормальный курс должен быть пятилетним и в течение его учащиеся должны получить практические уроки по преподаванию соответственных предметов, на что, по моему мнению, требуется прибавка примерно полугодового срока, так как подготовка к первым урокам из гимназических предметов должна занять у студентов немало времени. Слушатели историко-филологического факультета должны получать упражнения по русскому языку, литературе и истории, слушатели физико-математического — по математике, физике и естествознанию и камерального факультета — по географии, законоведению, рисованию, черчению и, быть может, другим предметам. Прибавляя к четырехлетнему курсу полгода на реальное приспособление к преподаванию, я считаю необходимым в главном училище наставников прибавить еще полгода не только ввиду необходимости для всех учителей курса педагоги-

ки, но и для того, чтобы иметь возможность наилучшего выбора из поступающих тех, которые склонны и способны к тяжелому делу педагогического труда. Для этой последней цели мне кажется в желаемом институте необходимым по истечении первого, подготовительного периода проведение особых испытаний, так сказать, для сортировки поступивших и для удаления тех из них, которые малопригодны к выполнению задач, возлагаемых на учителей средних учебных заведений, и я полагаю, что от лиц, выдержавших это первое испытание, т. е. при поступлении на второй курс, должно требовать, как было то в Главном педагогическом институте, отдельной личной расписки в готовности служить по назначению не менее 8 лет за все то, что доставит Высший педагогический институт своим слушателям в остальные 4 года. Судя по личному примеру, я убежден, что такая расписка будет много содействовать тому, чтобы слушатели явились достойными носителями просвещения и образцами учителей.

Так как лицам, кончившим курс, после указанного выше обязательства будет, несомненно, предстоящая скромная, но важная карьера и так как большинство лиц, проходящих обычные высшие учебные заведения, именно страдает тем, что не имеет вперед обеспеченной карьеры, то, во-первых, я полагаю, что желающих будет множество, а потому при самом приеме могут быть применены различные способы подходящего выбора, между которыми важнейшим я считаю особую для того аттестацию среднего учебного заведения, в котором желающий поступить кончил курс, и, во-вторых, у проходящих высшие курсы главного училища наставников будет на этих курсах больше, чем в современной норме, свободы, стремления и желания отдаться изучению проходимых наук, что и требуется, по моему мнению, более всего. Отсюда можно надеяться на то, что в желаемом институте будет вырабатываться много будущих русских ученых и между ними профессоров, России теперь и в будущем столь необходимых. Выдающихся из кончающих, судя по отзыву профессоров-руководителей и главным образом судя по действительно выполненным первым научным работам, конечно, должно оставлять при побочных уч-

Пулковская обсерватория. Гравюра XIX в.

реждения института для дальнейшего усовершенствования в науках, т. е. преимущественно для выполнения самостоятельных работ. Вот для этой-то цели всякого рода пособия, необходимые для снискания умения и для научных работ, т. е. библиотеки, лаборатории, обсерватории, мастерские и т. п., при главном училище наставников должны быть развиты в широчайших размерах, отнюдь не меньших, а даже больших, чем в иных высших учебных заведениях. Едва ли я ошибусь, если скажу, что Петр Великий, учреждая Академию наук, имел иную, чем указанная, цель, так как он, конечно, желал не менее Ломоносова снабдить свою страну Невтонами и Платонами не меньше, чем организованным войском и флотом, промышленностью, торговлею и путями сообщения.

Не подлежит сомнению, что средства, нужные для устройства и содержания предлагаемого главного училища наставников, должны быть значительными и зависеть преимущественно от числа приготавливаемых учителей, в особенности при том условии, что все студенты будут содержаться на казенный счет и будут пользоваться всеми необходимыми пособиями, которые надобно создать в местности, так сказать, свежей или новой. Это последнее условие, как уже упомянуто выше, должно уменьшить основной расход на покупку места, необходимого для заведения и всяких при нем устройств; но взамен того расходы при устройстве увеличатся вследствие необходимости приспособить избранное место для удобств всего дальнейшего быта не только воспитанников, но и профессоров и лиц, около них неизбежных. Если средним числом устройство трех политехникумов стоило за последние годы около 5 млн руб. на каждый, то нельзя никоим образом думать, что устройство предполагаемого учебного заведения будет стоить менее того, потому что при главном училище наставников необходимо устроить на казенное же иждивение и содержание образцовую мужскую гимназию и такое же подготовительное к ней училище, преимущественно для детей служащих, а быть может, и женскую гимназию, так как эти учебные заведения, во-первых, позволят семейным людям жить в том сравнительном уединении, которое, по моему мнению, необходимо для правильного и самостоятельного развития предполагаемо-

го учреждения, а во-вторых, для практического упражнения в уроках воспитанникам последних курсов.

Если земля, необходимая для обзаведения нового высшего учебного заведения, снабженного разными побочными пособиями, и достаточная для устройства домов всех служащих, равно как и для устройства садов и, быть может, образцовой фермы, будет дана из казенных земель, т. е. бесплатно, то я полагаю на основании предварительно сделанных подсчетов, что, отлагая примерно 500 тыс. руб. на внешнее устройство земли (дороги, ограды, каналы, мостовые, водопроводы и т. п.), можно думать, что в общей сумме начальное устройство при 600 слушателях и при 400 воспитанниках образцовой гимназии и других училищ будет достаточно на все 6 млн руб., считая в том числе и устройство жилищ для профессоров и ассистентов, конечно, при условии расчетливого и умелого ведения всех дел, потому что при этом кубическая сажень (по наружным измерениям) жилых помещений должна обойтись в среднем не более 80 руб. Откладывая 1,5 млн на обзаведение лабораторий, обсерваторий, библиотеки и тому подобных пособий, останется на стройку около 4 млн, а на них можно выстроить не менее 50 тыс. куб. саж. строений. Из этого числа должно отделить около 2,5 тыс. куб. саж. для помещения студентов, около того же — на аудитории, около 3,5 — на лаборатории и другие пособия, около 2,5 — на Церковь, залы и тому подобные общие помещения, всего около 10—12 тыс. куб. саж. на самое основное заведение. На жилища профессоров, ассистентов и всякого рода служащих надо немного более того, т. е. около 15 тыс. куб. саж., а на гимназию и училища, состоящие при институте, и на всякие службы останется еще 25 или около того тысяч кубических сажен.

Последняя величина, быть может, велика, но надобно принять во внимание, во-первых, необходимые запасы помещений, а во-вторых, то, что при устройстве всего заведения в совершенно новом уединенном месте необходимо будет устроить сады и помещения для разных косвенных потребностей. Что касается до указанных выше $\frac{1}{2}$ млн на оборудование пособий, то я имею при этом в виду снабжение библиотеки шкафами и книгами и снабжение приборами и всякого рода при-

способностями физической, технической, химической, физиологической и механической лабораторий и астрономической обсерватории, полагая на оборудование каждого из перечисленных учреждений от 300 тыс. (например, на библиотеку) до 100 тыс. (на физиологическую лабораторию или на астрономическую обсерваторию).⁴⁸

Постройку можно вести не очень спешно, потому что начальное время должно назначить на подготовку профессоров, которыми определится вся дальнейшая судьба учреждения.

Что касается до годового содержания предполагаемого высшего учебного заведения со всеми при нем пособиями, то я полагаю, что для этого достаточно будет 700 тыс. руб. в год, распределяя их примерно следующим образом:

1. На 30—45 главных профессоров, а в их числе и на директора всего учреждения, а также надзирателей и т. п. — около 200 тыс. в год.

2. На 50—60 ассистентов и лиц, оставляемых при учреждении для усовершенствования в науках, т. е. для приготовления к профессуре, около 100 тыс. руб. в год, считая, как и в предшествующей сумме, и расходы на их поездки и командировки.

3. На 600 воспитанников или студентов со всем их содержанием — около 200 тыс. руб.

4. На гимназии и училища, состоящие при главном училище наставников (отчасти с казенными воспитанниками), примерно на 400 учащихся — около 100 тыс. руб.

5. На хозяйственные расходы по ремонту зданий, по управлению, на дороги и т. п. — около 100 тыс. руб., что и даст в сумме около 700 тыс. руб. в год.

Капитализируя примерно из 4 с небольшим процентов, указанный годовой расход отвечает 17 млн руб., а прибавляя сюда около 6 млн первоначальных затрат, получим весь расход от 20 до 25 млн руб. А так как каждая верста новой железной дороги со всеми расходами на обзаведение подвижным составом обходится около 50 тыс. руб., то устройство и все содержание (это последнее не должно упустить из вида) высшего учебного учреждения, долженствующего, а во всяком случае, могущего направить в должную сторону все наше образование, будет стоить стране не более чем устройство 400—500 верст нового железнодорожного пути.

Россия же строила, как известно, за последнее время ежегодно от 2 тыс. верст новых железных дорог. Отсюда, принимая во внимание, что все годовые расходы уже капитализированы, видно, что предлагаемые учреждения не могут составить чего-либо невозможного для нашей страны, и если есть в ней много поводов еще больше и больше увеличивать и организовывать пути сообщения, то не подлежит никакому сомнению, что расход на увеличение просветительных путей России даже в настоящее время ей по плечу и она легко найдет кредит, для того нужный, а в помощь, быть может, найдутся и средства частные, как находятся они — миллионами — для устройства новых броненосцев, подводных лодок и т. д.

В переживаемое нами время, предтечами которого надо считать Мальтуса и Бокля, когда явно господствует материально-историческое начало, утверждающее, в сущности, что все и все обстояло бы благополучным, если бы не было материальных недостатков, не жалеют нигде, даже у нас, народных средств для возможной помощи материальному труду, преимущественно в области промышленности. Это уже великий успех, и я чрезвычайно далек от тех, кто осуждает и вопиет о зле промышленности. Но так как одно понятие о чистой материи и всем материальном, казавшееся классикам до того всеобъемлющим, что Демокрит и дух-то представлял в виде особых, тонких атомов, явно недостаточно и сверх него необходимо принять не только энергию, которую кое-как, с грехом пополам можно еще считать чем-то материально-механическим, но и дух, в человеке, его общении, науке, морали и всей деятельности наиболее резко проявляющийся, то и очевидно, что один исторический материализм не исчерпывает понятия о благе человеческого, как видно даже из того, что довольных и счастливых людей всякий зрячий скорее увидит в среде недостаточной, чем между богачами.

Духовной стороне блага надобны истина, добро и красота. Искание их выразилось, прежде всего, в религиях, сложившихся — надо этого не забывать — в пору, далеко предшествовавшую современной сложности мировых отношений, а затем в науке и искусствах. Последние, по мне, стремятся путем образов и предчувствий, так сказать, полубессозна-

1-я гимназия в Казани. Гравюра XIX в.

тельно, совершенно к тому же, что сознательно вырабатывается в науке. Поэтому свой высокий противовес всему материальному, или, лучше, свое к нему высшее дополнение, должно искать, прежде всего, в науке. И если естественно при умножении людей и их потребностей не жалеть общих жертв на успехи материальных войн и промышленности, то для «блага общего» столь же естественно не жалеть никаких общих средств на развитие науки и просвещения, что заложено издавна в Русском царстве. На одном материальном далеко не уйдешь в деле «общего блага» уже потому, что материальное конечно и всего не объемлет, чего не сознали лишь крайние да народы, подобные, по всей видимости, современным японцам. Эти самые мысли и лежат в основе всего моего представления о необходимости для России в новом главном училище наставников.

В десятый раз повторю затем, что весь успех дела будет зависеть от профессоров, и скажу, что больше всего и прежде всего надо позаботиться о том, чтобы подготовить таких лиц. Для этой последней цели, как упомянуто уже выше, по моему мнению, совершенно недостаточны те средства, которые применяются в настоящее время, и я полагаю, что было бы лучше всего эту задачу возложить на особый небольшой учредительный комитет, долженствующий составить профессорское ядро будущего главного училища наставников, доверившись ему полностью и предоставив ему право избирать средства для подготовки будущих профессоров, своих со товарищей, отнюдь не придерживаясь всевластного у нас формализма, потому что с ним еще можно кое-как пробиваться по проторенной дороге, но новых путей устраивать, по моему крайнему разумению, совершенно невозможно. Людей вполне благонадежных, не только любящих свою страну вообще, но и особенно преданных успешному в ней развитию науки и просвещения, по моему мнению, еще можно найти в том небольшом количестве, которое нужно для главного училища наставников, даже прямо в среде бывших и известных у нас профессоров.

По отношению к месту, пригодному для обсуждаемого высшего учебного заведения и так удаленному от столиц, чтобы в нем могли слагаться самостоятельные русские, силы, скажу только то, что, по моему мнению, его надобно искать вблизи географического центра России, т. е., мне кажется, где-то на правом берегу Волги, в том месте, где она вниз от Казани становится уже могучею рекой, на которой всегда суждено быть промышленно-торговому русскому движению вперед. Со своей стороны я считал бы наиболее удобным избрать место на возвышенном берегу Волги, где-либо вблизи небольшого городка, и это место, по моему мнению,

через какое-либо столетие должно сделаться образцовым городком, дорогим всякому русскому, если из него выйдут хоть немногие новые русские передовые ученые и наставники.⁴⁹

Просвещение страны, т. е. нахождение в ней не только сознательной и грамотной массы, но и значительного количества лиц, получивших высшее, специализированное образование и могущих сами идти и других вести вперед, конечно, одно, само по себе, без развития (т. е. при застое) промышленного и общего административного строя не может ничего существенного доставить для общего блага, но первое непременно вызовет потребность в последнем, потому что — помимо уродливых изъятий — истинное просвещение всегда возбуждает, во-первых, любовь к труду, во-вторых, умножение всяких потребностей и, в-третьих, склонность к всякого рода улучшениям быта как своего, так и всего окружающего. Последнее тем вероятнее и даже тем вернее, чем более в высшем просвещении будет вложено философски-социальных начал и чем менее оно будет походить на тот вид внешне подражательного и чисто материального (если можно так выразиться) просвещения, каким так шеголяют в текущее время японцы, которым, быть может, суждено воочию показать всему миру недостатки одной материально-внешней стороны латинско-саксонского просвещения, оставляющей без внимания требования сердца и высшей справедливости, не поддающиеся — за недостатком или слабостью научной разработки — точному анализу и кодификации. Вот в этих-то сторонах и надобен синтез, и они-то в благодушном русском народе никогда не засыпали, несмотря на все стремление к внешнему лоску просвещения. Я не в силах, просто не умею выражать эти потребности более определенным языком, но сознаю, что тут надобна и настоятельна новая сознательно-научная работа человечества, и полагаю, что молодое русское сознание, воспитанное в высшем училище наставников, последовательно найдет для того не ретроградные, а передовые и новые выходы, т. е. пути синтеза. Тут неизбежно необходимо то сочетание молодых добрых порывов, как с заветами достигнутых частей истины, так и с постепенным, внушаемым прошлыми опытами жизни, которого, по мне, возможно,

ждать лишь в условиях, очерченных выше для образования образцовых русских учителей, профессоров и ученых. В сутолоке жизни — от случайного сочетания влияний и без обеспечения нарочитого искания истины — ждать этого синтеза нельзя. А он, верю, возможен, и прийти он рано или поздно должен, да не с Востока или Запада, а из той среды, которую занимает Россия, и не от одних вдохновений, «звуков сладких и молитв», а от явного сочетания в дружном труде юных и пылких сил с мудростью и опытом зрелой науки, что и хотелось бы видеть в желаемом русском высшем училище наставников.

В заключение своих заветных мыслей, относящихся к русскому просвещению, считаю долгом сказать, что в самых общих чертах, по моему мнению, все высшее образование должно быть возложено на попечение центрального правительства, а начальное, т. е. общенародное и начальное-профессиональное, должно быть в руках местных земств и городов. Среднее же образование должно быть введено, по моему мнению, отчасти, даже преимущественно под влиянием правительства, но также и с неперменным участием местных жителей. В среднем образовании участие правительства особенно необходимо, потому что в своем существе среднее образование, как я старался выше выразить, по моему мнению, есть только подготовка к высшему образованию и составляет подобие того, что было когда-то при Московском университете в виде подготовительного пансиона. Участие же местных жителей в организации течения дел в средних учебных заведениях надобно уже по той причине, что ученики этих заведений прежде всего суть еще члены семей, в которых они получают все первое свое направление.

Центральное управление всем просвещением, или Министерство народного просвещения, прежде и более всего должно, по моему мнению, заботиться о двух или трех сторонах дела, а именно об усовершенствовании уставов всяких учебных заведений, о профессорах и учителях, обучающих юношество, и об усовершенствовании учебников и книг для начального чтения, особенно для начальных и средних учебных заведений.

Ни для одной из этих целей, по моему мнению, нет большой надобности в учреждении отдельных учебных округов, так как при помощи разъезжающих по стране инспекторов

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

учебных заведений может быть достигнута вся та мера единообразия, которую здесь можно требовать и которая, по мне, преимущественно сводится к тому, чтобы русский язык, уставы заведений и русские законы в их главнейших основаниях были соблюдаемы во всех краях России.

При поступлении во всякие средние учебные заведения, по моему мнению, непременно должно требовать даже от инородцев основательного знакомства с русским языком и русской грамотой.

Ученики инородных училищ и профессиональных или начальных, где русский язык не составляет одного из главных предметов, по моему мнению, не могут быть допускаемы в правительственные гимназии и в высшие учебные заведения, пока они не выдержат испытания в хорошем знакомстве с русским языком. Об объединении они сами или их родители позаботятся, когда такого рода закон будет существовать.

Избегая совершенно сознательно, хотя, быть может, и не всегда удачно, всяких видов и форм того витиеватого и критического изложения, какое чаще всего мне приходилось читать при обсуждении вопросов, касающихся народного просвещения, я перейду затем к двум другим основным предметам своих заветных мыслей, т. е. к промышленности и правительственным формам, потому что так уж сложились мои понятия, что эти три предмета я не могу обсуждать независимо друг от друга, одно тянет за собой непременно другое и третье.

Признаюсь, однако, что в изложении двух последних предметов мне кажется неизбежным подчас прибегать к приемам такого характера, который мне чужд по существу, и это меня весьма затрудняет.

Переживаемое время тяжелой войны, конечно, малоподходяще для принесения новых крупных жертв к алтарю общего нашего просвещения и всего блага народного, но война будит во всех слоях мысли, а мои необходимо высказать не отлагая потому уже, что до конца войны — по ее затяжности — того гляди, пожалуй, и не доживешь. Печатать поэтому спешу, насколько могу, надеясь на прочтение хотя немногими и хотя в эпоху того особого, чуткого возбуждения, которое, наверное, наступит после заключения предстоящего мира.

Если Россия получит от войны контрибуцию, ее применение к росту военной нашей обороны, образования и промышленности будет естественным, но если и не получили бы мы японской контрибуции, расти во всех отношениях все же нам неизбежно ради естественности самосохранения и неизбежности всего мирового прогресса. Оно, пожалуй, даже и лучше — расти просто изнутри; будет хоть помедленнее, но покрепче и здоровее. Способов-то хватит.

16 июля 1904 г.

Боблово

ГЛАВА VIII

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Понятие о промышленности, ее общие признаки и свойства.

Связь промышленности с историей при помощи капитала и с государственностью при помощи общего умножения достатков. Производители и потребители.

Спрос хлеба и труда. Фритредерство и протекционизм.

Предмет дальнейшего изложения, ближе касающегося современной России

ет предмета, часто у всех находящегося на глазах, всюду себя проявляющего и, однако, более сбивчивого и наименее разобранного по его смыслу и значению, чем промышленность. Трудно поэтому и писать о ней так, чтобы быть понятым именно в таком смысле, который хочешь вложить; как раз по предрассудку ли или невольно написанное многие поймут совсем не так, как сказано. Много для того причин, но всех — по мне — важнее три. Во-первых, самое понятие о промышленности сравнительно ново, а это имеет большое значение, потому что все действительно новое, многозначашее всегда сперва рисуется в уме очень малоотчетливым и принимается с недоверием; сбивчивость же умножается при этом тем, что кое-какие корни находятся и для промышленности, как для многого иного, в старине, так что столь еще многочисленные и доныне диалектики новое понятие о промышленности силятся нередко свести на стародавнее представление о всякого рода занятиях и мысли многих при этом сбиваются на воображаемые прелести начального быта, в котором о промышленности, конечно, и речи быть не могло, потому что начальный быт людей, как быт животных, определяется исключительно личными потребностями своими и своих близких, промышленность же имеет в виду потребность всего рода людского и только в том числе свои личные и близких людей. Постепенные переходы естественны, но помимо них разность крайностей так же велика, как между одеянием первичным и производимым промышленностью, между яблоком диким и садовым, освещением лучиною и электричеством. В начальном производстве можно найти зачатки промышленности, но лишь в такой же мере, как в яичном желтке заложены начала будущего организма, развивающиеся лишь при особых, соответствующих условиях. Вторую существенную причину трудности отчетливой ясности речей о промышленности составляет малая точность самого этого слова. Достаточно сказать, что одни под словом «промышленность» понимают только переделку сырья или то, что образует ремесла и фабрично-заводскую часть промышленности, вовсе не причисляя сюда сельского хозяйства, торговли и т. п.; другие же расширяют понятие на всю добычу сырья, на его переделку, распределение и перевозку, ограничивая, однако, промышленность материальностью предметов производства или обращения, т. е. «товарами» в обычном или тесном смысле этого слова. Но так как и энергии или работы, например, освещение жилья электрическим светом, нематериальны в обычном смысле, а продаются, и такой товар производить можно всякими способами, начиная с мускульной работы людской до давления ветра, то тут можно остановиться где кому вздумается и расширять понятие о промышленности до полного уничтожения какой-либо определенности.

Отсутствие этой определенности, зависящее отчасти от быстрого возрастания промышленности как в количественном отношении, так и в качественном, весьма много зависит от третьей стороны дела, по которой на все промышленное сыздавна, даже со времен египетско-индийского или позднее афинского, Платоном идеализированного деления людей на касты или сословия по роду занятия, смотрят не только свысока, но даже с некоторым презрением, что, увы, сохранилось еще до наших дней, хотя не в первоначальном резком, а монархиями, образованием и революциями исковерканном и смягченном виде, однако настолько, что и поныне редкий-редкий писатель, актер, учитель или ученый, а тем паче чиновник, банкир, барон или землевладелец согласится считаться в числе промышленников, хотя и они живут, назначая и продавая другим свой труд или часть своих приобретенных или наследственных прав, взамен вознаграждения, т. е. тою сложною, специализированно-раздробленною и, без сомнения, искусственною новою жизнью, которая вызвала, создала и ежечасно умножает промышленность, а сама создана или вызвана, как показано ранее, преимущественно гуманностью — при умножении числа людей. Знаю я, что тут касаюсь очень чувствительного, отчасти даже болезненного места в теле или деле почти всего человечества (Китай и тут исключение), что сильно рискую не угодить нашим пережиткам помещичьего (привитого, а не прирожденного) барства или аристократизма, говоря о предмете столь деликатном, но все же по принципу решаюсь и о нем высказаться определенно, напомнив, однако, сперва о том, что у китайцев — и при всесии Богдыхана — не было и нет наследственных сословий, всякое занятие почитается почтенным и требующим уважения, добро же и зло, равно как знание и невежество, ясно различаемы и понимаемы так же, как в странах с развитым аристократизмом, что Христос искал учеников более всего между близкими к природе трудолюбивыми людьми, особенно рыбаками, возвещая «горе книжникам и фарисеям», т. е. резонерству законников и не идущим вперед формалистам, блаженство же духовно нищим, т. е., по мне, презираемым, ищущим лучшего лишь впереди, и что после реальной гибели схоластики в эпоху Возрождения ум европейцев немало

отрезвился и воспрянул, отрешившись от аристократических и вообще сословных предвзятостей, в чем одном Великая революция конца XVIII в. искупила немалую часть своих тяжких грехов, так как, в сущности, проповедала идеальные «свободу, равенство и братство» ради реальной борьбы здравого смысла и добрых нравов с явно грубыми недостатками одряхлевшего аристократизма, сыгравшего при сложении европейских народов в государства свою весьма важную историческую роль. Рыцари, в свое время составлявшие суть войска страны, были также ей очень полезны, а потом стали совершенно излишними. Время какого-либо значения аристократизма ушло невосвратно, и это не оттого, что аристократы что-либо упустили, а оттого, что сперва было время индивидуализма (см. гл. 6), а теперь начинается время мир охватывающего общего, социального — «новой» истории.

Чтобы выразить свою мысль еще более отчетливо, скажу прямо, что, по мне, для дальнейших успехов человечества вообще и каждой его группы или государства в частности европейцы, ставшие в главу мирового движения, должны не столько по форме, сколько по внутреннему убеждению совершенно и навсегда отказаться от всяких видов аристократических или помещичьих предрассудков, т. е. перестать в своем обиходе кичиться породой или родом, правами без обязанностей, достатком или подготовкой, полученными от родителей, а уважать и почитать только успевающих в работах или трудах всякого рода или размера, совершаемых для пользы и блага других и чрез них или от них только и получающих свое действительное значение, так как Ньютон не мог быть без предшествующего ему Галилея, а Пушкин не мог бы так петь, если бы до него не было русских песен и сказок. Лессепс не провел бы Суэцкого канала (как не проведен еще Панамский), если бы не было массы, ему помогающей, и Суворов не бил бы врагов, если бы не имел с собою русских солдат. Время инертной неподвижности масс, поглощенных в одни свои личные интересы и толкаемых или подвигаемых только отдельными единицами, было, да прошло или окончательно проходит; пришло же или вот-вот наступает время иное, когда все почти частицы массы, по-видимому, беспричинно шевелятся и тем самым выдвигают выдаю-

Астраханские рыбаки. 1900-е гг.

щиеся, передовые единицы, как расшевелившиеся массы Земли выпячивают горные вершины путем сложнейшим, едва сознаваемым, который одними, в некотором смысле дарвинистами, почитается естественным следствием постепенно слагавшихся ранее того условий, а другими, несомненными идеалистами, признается Божеским законом или приближением к предсуществующему идеалу высшей разумности. Чтобы у отдельных лиц помирить требования ума и сердца, а у совокупностей людских — разумность с нравственностью при наступившей сложности или специализации в разделении труда, конечно, недостаточно уже кастовых или словесных различий, в сущности, по роду профессиональных занятий, а скорее или вернее можно разобраться, выделяя по целям и средствам самостоятельно (оригинально) новое, или то, что Тард назвал «изобретениями», от подражательного, лично-эгоистического — от общественно-альтруистического, а по темпераменту спешливо-революционное — от настойчиво-постепенного. Пусть ехидство ретроградов сходится с неразумием анархистов в отношении к отождествлению аристократизма с правительством вообще и особенно с монархическим, утверждая, что одно с другим связано неразрывно и что нарекание на одно подразумевает осуждение и другого; их аргументы до конца опровергаются даже уже тем, что на монархов и вообще верховных правителей с течением времени, как известно всякому, падает все более и более бремя тяжелых трудов, сложных обязанностей, опасностей и ответственности, а с аристократов все это только сбавляется до нуля или до салонной болтовни, и уже тем, что Китай, наследственного аристократизма не знавший, всегда был монархическим и сохраняется многие тысячелетия, чего нет ни для одной республики и ни для одного из сотен государств, имевших аристократов, так как последние всегда были первыми между ворчунами, смутьянами, интриганам (от ничегонеделания и безответственной обеспеченности), даже не раз очень ловкими бунтарями, шатавшими самые устои, на которые опирается порядок, хотя у них обыкновенно идет — ради самих себя — речь о консерватизме и хотя бывают аристократы, по личным свойствам преданные прогрессу

Б. М. Кустодиев. На ярмарке. 1910 г.

В. М. Васнецов.
Книжная лавочка.
1876 г.

и порядку, труду и действительным заслугам, ибо и они такие же люди, как все, и притом нередко получившие хорошее образование.

Суть дела сводится к тому, чтобы, не отнимая ничего — даже, пожалуй, и титулов — от аристократов, всем даровать их исключительно реальные права и на всех возложить одинаковые обязанности, что уже начато в виде всеобщности воинской повинности и что легко развить мерами постепенности-мягкими, ради немалой выгоды общего, земского блага, состоящего в единовременном удовлетворении требованиям разумного индивидуализма и прочей социальности.

Дело идет, по сущности, лишь о правительственном доверии в расширенных размерах и лишь к личным достоинствам и трудам на общую пользу вместо пристрастия к особым, исключительным родам. Неравенства всегда останутся громадными, но в направлении не застоя или одного прошлого, а в сторону передовую — приспособления и уразумения обязанностей, а не одних только прав или привилегий. При этом отпадает без новых передраг, кроме уничтожения сословных различий⁵⁰, не только прежнее высокомерие в отношении к исполнителям механической работы, особенно если она ведется при общих потребностей и целей (так как такая работа, подобная солдатской, не может совершаться правильно без надлежащего общего внутреннего усилия), не только кичливость умственными или эстетическими упражнениями, если они ничего не дают массам (так как такие упражнения в огромном большинстве случаев совершаются с механической последовательностью, по путям, уже указанным), но и наступит возможность взаимного братского уважения и доверия, которые у Конфуция выражены в понятии о «церемониях», а Европой после XVIII века — в требовании «равенства». Когда массам не доверяют, они мало-помалу и невольно сами обучаются недоверию.

Этими «общими местами», или, если угодно, «жалкими словами», необходимо было мне предварить свои заветные мысли, относящиеся к промышленности, потому что без этого остались бы, как я думаю, отчасти непонятыми следующие мои исходные положения, которые мне кажется лучшим вначале формулировать, а лишь потом развивать те из них, для которых это покажется мне надоб-

ным; доказывать же каждое из них считаю просто невозможным, потому что для того нужны целые тома.

1. Промышленности нет ни у каких животных, даже самых близких к людям по внешности, хотя и животные собирают запасы, строят себе жилища, дороги и т. п. и обмениваются услугами, т. е. промышленность как государственное устройство и как наука составляет одно из сложных и высоких по значению людских изобретений, требующих большей разумной опытности, чем, например, скопление в семьи и общины (кланы), войны, переселения и т. п. Первая ступень — сельское хозяйство.

2. Зародившись из обдуманых навыков в удовлетворении насущнейших личных и семейных, сперва материальных, потребностей, внушив уразумение великого значения принципа «разделения труда» или его специализации и послужив прямым указателем выгодной преимущественности всякого обмена услуг и торговли, промышленность была и будет одним из важнейших внешних двигателей всех успехов умножающегося человечества, хотя во главу взаимных людских отношений становится ей так же мало подходит, как науке, искусству, воинству и священству, хотя и они составляют постепенно сложившиеся специальные виды людского развития, содействующие как общению людей, так и их прогрессу.

3. Начинаясь добычею природного сырья, обрабатывая его затем при помощи пользования видами природной энергии, доставляя как сырье и энергию, так и продукты производства от мест их нахождения к местам потребления или спроса и стремясь применять во всех этих случаях способ свободной мены, промышленность, понимая это слово в широком смысле, не только постепенно связывает людей общими интересами, но и прямо стремится к мирному течению всех дел между людьми как внутри государства, так и между государствами.

4. Пользуясь при добыче сырья и применении сил или энергии природы ее законами, полученными из простой любознательности при искании истины, промышленность стремится всеми способами приноровиться к науке, а ей сверх идеальных ее целей показывает чисто реальные. Поэтому науки, так сказать, дружат с промышленностью, и они

совокупными усилиями хлопочут, как могут, об «общенародном благе».

5. Производя свои товары для пользования других людей (и только в их числе и чрез их мену для личного пользования), промышленность принадлежит к тому разряду людских действий, который должен быть явно отличен от эгоистических и причислен к альтруистическим, хотя вопросы нравственные или моральные при установлении промышленности не играют прямой роли.

6. Промышленность, подобно питанию, составляет потребность численно возрастающего человечества, а потому не может быть считаема или почитаема ни как добро, ни как новая форма зла, ибо она составляет естественную необходимость в отношениях между природою и умножившеюся совокупностью людей, а, покоряя природу, по своему существу назначается для служения людям. Что хлеб для жизни отдельного человека, то промышленность для жизни скученных людских масс. При умножении числа людей должны умножиться как добыча питательных веществ, так и число, качество, количество и объем видов промышленности, которая постепенно овладевает и самую добычею питательных веществ, содействуя их обмену, как видно уже из того, что в странах с развитою промышленностью таких общих голодovieк не бывает, какие свойственны начальному быту. Добро и зло могут быть, конечно, и в промышленности, как бывают во всех людских действиях, но преобладание добра над злом в промышленности тем обеспеченнее, чем более она основывается на свободном, открытом соглашении, подлежащем общему суждению и суду, и вообще, чем более совершенно организуется. Как один из позднейших видов людских отношений, промышленность еще подлежит многим дальнейшим усовершенствованиям, которые в ней тем легче совершать, что она есть вполне дело рук человеческих, мыслей и соотношений. В переделывающих ее частях (фабрики и заводы) это усовершенствование во всех отношениях удобоисполнимее, чем в добывающей промышленности, например сельское хозяйство, явно ограничено количеством земли, а горное дело — запасами земных недр.

7. Промышленность, умножающаяся с возрастанием количества и качества потребностей, вызывает рост «изобретательности», т. е.

нахождения новых способов удовлетворения всяким старым и новым потребностям с наименьшею затратою всякой работы и труда, т. е. с наибольшею дешевизною. В этом направлении она имеет свои идеалы, состоящие в достижении всеми наибольшего удовлетворения всяких потребностей при наименьшей затрате механической работы, производимой людьми, с возложением по возможности всех усилий этого рода на внешнюю природу, умножая лишь людской труд умственных усилий, внимания и предусмотрительной расчетливости, чрез что труд не только возвышается в своем общем значении, но и облегчается, открывая возможность общего довольства не только при прежнем количестве лиц, но даже и при умножении числа людей, что немислимо было бы без развития промышленности в указанном направлении. Даже такие сравнительно малые изобретения, как швейная или пишущая машины, избавляют людей от массы работы, труд облегчают, ускоряют и улучшают.

8. Понимаемая даже в узком смысле слова (т. е. без всей добычи и торговли) промышленность все же повсюду является кормилицею призывающему и развивающемуся человечеству, потому что добыча неизбежно потребных начальных, особенно питательных, продуктов постепенно упрощается, становится все более и более обеспеченною и требующею все меньше и меньше рук на ту же массу сырых продуктов, а от этого являются избытки незанятых людей (босняков), промышленность же дает им полезный для других труд, а от него и прокармливающие заработки. Для умножающегося человечества «заработки» столь же необходимы, как «хлеб», потому что на заработки можно купить хлеб, и если сельское хозяйство преимущественно удовлетворяет последней потребности, то промышленность — преимущественно первой. Притом призывающему человечеству во многих странах уже недостает земли для труда. Исторически и во всех прочих отношениях один вид промышленности (добыча и, в частности, сельское хозяйство) теснейше связан с другим (переделывающею или фабрично-заводскою промышленностью) до такой степени, что всякое их разъединение, а тем паче всякое их противоположение должно считать не только дело затемняющим, но и вредным для правильного понимания

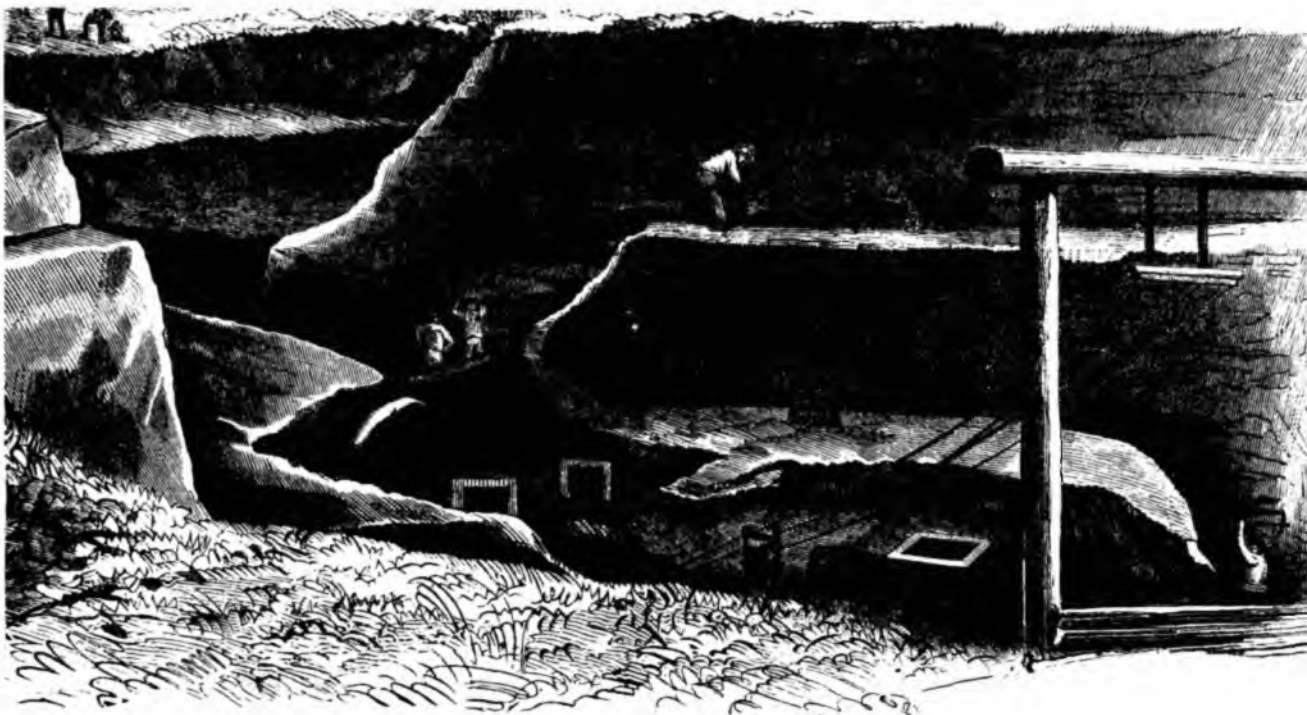
ния существующих ныне соотношений. Предстоящая человечеству жизнь все более, полнее и очевиднее станет промышленною, хотя начальная вовсе ею не была. На ту часть промышленности, а именно на фабрично-заводскую ее долю, на которую чаще всего сыплются разнообразные нарекания, по существу следует смотреть как на естественнейшее явление роста, подобное появлению волос, например, на усах и бороде, чего сначала, в детстве, не бывает. Бестолково роптать на это, а в явлении том необходимо видеть наступление других, новых потребностей возрастающего организма. Если с вырастающими новыми волосами и хлопотливее, и даже вероятнее загрязнение, это не оправдывает нареканий, не придает им разумности, а только увеличивает заботы о чистоте и о правильности в удовлетворении вновь появившихся естественных потребностей. Известная же степень оптимизма обязательна в отношении ко всему естественному потому уже, что пессимистическое хуление естества не изменит его, как дела Божеского, а оптимизм даст возможность сознательно отнестись к наступившему новому положению вещей, а потому и ко всему дальнейшему росту. В этом смысле отыскание добрых или полезных для человечества сторон продолжающегося до бесконечности промышленного роста гораздо более обещает, чем простое хуление его или одно нахождение его недостатков, которые должно, однако, видеть и отыскивать средства для их возможного устранения. Этим определяется все мое личное отношение к промышленности, понимаемой хоть в наиболее узком смысле слова, не говоря уже о наиболее широком, который содержит все совершаемое по добровольной мене или, если угодно, за плату по товарам или по услугам. Надо же признать, что и землевладелец, нанимающий рабочих и продающий продукты или сдающий свою землю в аренду,— промышленник не в меньшей мере, чем купец или банкир, ссужающий деньги.

9. Понимая промышленность даже в узком смысле слова, т. е. имея в виду лишь переделывающуюся долю, скопившуюся в ремеслах, на фабриках и заводах, все же сверх естественности ее возникновения и существования должно видеть глубокую и благодную связь ее с государственным устройством и с течением истории жизни людей, т. е. с на-

Старые нефтяные промыслы в Баку.
1890-е гг.

иболее чистыми и священными частями истинного консерватизма, который, прежде всего, состоит в сохранении человечества, в устранении поводов к гибели его частей и в продолжение их естественного развития. Оставляя в стороне сюда не относящуюся и еще не законченную историю возникновения из раздробленных семей и общин более или менее обширных государств⁵¹, нельзя не видеть, что в настоящее время промышленные отношения, основанные на мене и достатке, занимают одно из первейших мест как в жизни отдельных государств, так и в их взаимных соотношениях, так как законодательная работа, составляющая видимый центр деятельности современных государств, сосредоточивается всюду преимущественно на промышленных отношениях и вопросах, которыми более всего наполняются парламентские и им подобные обсуждения. В наше время даже большинство войн явно или скрыто определяется промышленными отношениями стран, особенно если к их числу присоединить и добычу сырья на занятой территории. Даже в таких понятиях великой государст-

Алтайский рудник. Гравюра XIX в.

венной важности, как свобода и справедливость, яснее, реальнее и отчетливее всего выступают промышленные вопросы: о свободе промышленного труда без особых привилегий по производству и о справедливости в распределении достатков по соответствию с количеством и качеством затрачиваемого на общую пользу труда, что составляет один из центральных вопросов всей промышленности, имеющих непосредственные точки соприкосновений с вечными вопросами общественной и индивидуальной нравственности.⁵² Такими путями промышленность, вызванная заботами о благе общем, тесно и явно связывается с государственностью, которая, прежде всего, по современным понятиям, назначается для удовлетворения тем же заботам об общем благе. Государство преследует эту цель во всем ее объеме, а промышленность — прежде всего со стороны материальной, без которой ни энергия, ни дух не действуют и даже умом не постигаются.

10. В промышленности, понимаемой в любом из обычных смыслов, сверх природных веществ и сил и сверх приложения к ним разных форм и видов людского труда неизбежно необходим капитал не только для приобретения или найма земли и сырья и для оплаты трудового заработка участникам производства (ранее возврата стоимости продажею), но и для обзаведения предварительно заготавливаемыми орудиями и условиями, необходимыми для переработки, например, для подготовки земли, возведения зданий, приобретения двигателей и перерабатывающих приборов (снарядов, орудий, станков и т. п.), для первоначального обучения надлежащим приемам всех участников (так как для выгоды сбыта необходима согласованная заранее организация всех частей сложного дела) и, наконец, для обоснования при помощи кредита торговых оборотов при сбыте производимых товаров. В этой великой потребности капитала скрыты главные особенности промышленности, причина ее позднего и трудного возникновения, а также поводы к множеству господствующих нареканий и недоразумений, существующих в отношении к делам промышленного свойства, и способы выхода из существующего здесь положения вещей. Понятие о капитале принадлежит к числу растяжимых, и я избежну его рассмотрения, а только напомним три его основных качества, пользуясь которыми легко мож-

но постепенно сокращать худые стороны капитала, расширяя хорошие.

1) Происходя от перевеса трудовой добычи над непосредственно потребляемым и сохраняемым (сберегаемым) прежде всего ради обеспеченности предстоящего существования против неблагоприятных случайностей в будущем, капитал составляет продукт разумности прошлого времени, что служит не только к возрастанию разумной предусмотрительности вообще, но и к укреплению исторической связи современных поколений с прошлыми. Приобретенная земля, построенный дом, устроенная фабрика, заготовленное орудие и т. п. составляют капиталы не только потому, что могут быть проданы, ибо спрашиваются и другими, но уже и потому, что облегчают обеспеченность в будущем, будучи устроены в прошлом. В этом смысле капиталы, а чрез них и промышленность, ими пользующаяся, представляют немаловажную историческую особенность жизни частных людей, а чрез них и общества, т. е. в них реально консервируется прошлое, обеспечивается настоящее и подготавливается развитие предстоящего.

2) Так как капиталы состоят из разнороднейших непотребленных, всеми спрашиваемых ценностей, то они подлежат обмену и поэтому могут быть выражаемы деньгами как знаками или общими товарными единицами меры труда, и выражают собою степень богатства, а так как произведенное, но непотребленное, очевидно, может возрастать, то могут существовать все степени богатства народного и нет видимого предела для накопления капиталов, тогда как прирост природных условий труда, например земли, руды, вод, лесов и т. п., имеет реальный и непреодолимый предел. Это все зависит от того, что капитал как труд есть дело людского развития, а не природное. Голландия богата, несмотря на природную свою бедность, Россия же, как Китай, бедна, несмотря на природные свои богатства. Поэтому первейшую и настоятельнейшую обязанность правительств составляет скопление всех условий для возможности и возбуждения в народе усиленного труда, накопления капиталов и возрастания богатства. Просвещение, промышленность и организация управления назначаются, между прочим, для этой реальной цели.

3) Выражая капиталы в деньгах, легко видеть, что они могут или скопляться у отдельных собственников, как земли у крупных землевладельцев, или разделяться до бесконечности, что в промышленности выражается или в единоличных предприятиях, или в разнообразнейших формах предприятий на сборные капиталы, начиная с акционерных до артельных или кооперативных, подобных потребительным и производительным товариществам. С исторической точки зрения вся промышленность, особенно переделывающая, началась с раздробленных, мелких, единоличных, так называемых ремесленных, или семейно-кустарных, предприятий, но под влиянием капиталов, ранее скопленных землевладельцами и торговцами, постепенно в большинстве производств перешла в крупные единоличные и акционерные предприятия, легко могущие более или менее своеобразно монополизировать производство к вреду как потребителей, так и участников промышленного труда, и хотя крупные землевладельцы, преимущественно аристократы, дали первый образец такой монополизации, они же, соединившись с неразумными социалистами и анархистами, сильно и отчасти справедливо восстают против этой новейшей формы промышленной эволюции, ближайшим поводом к чему более всего служит то обстоятельство, что во многих странах капиталисты приобрели большую долю того влияния на правительственные сферы, которое прежде принадлежало преимущественно крупным землевладельцам. Выход из такого современного положения вещей, принимая во внимание великое значение промышленности для блага народного и прогресса, должно видеть помимо всяких переворотов не только в том, чтоб устранять от влияния на управление страной всех монополизующих труд крупных землевладельцев и капиталистов, но и особенно в том, чтобы всемерно содействовать уменьшению самой возможности монополизации как земель, так и капиталистических единоличных промышленных предприятий. Сравнительно легкая возможность возникновения (особенно в странах с еще не выросшею промышленностью, как-то Россия) новых крупных промышленных предприятий при помощи сборных капиталов, а в особенности кооперативных, дает здесь выход более легкий, чем в землевладе-

нии, так как новые земли не всегда возможно получить даже за крупный сборный капитал. Притом, как подробно указано в гл. IV над примером С.-А. С. Штатов, заработки участников передельвающей промышленности возрастают, давая возможность скопленю мелких капиталов, а барыши предпринимателей сбавляются, через что открывается возможность кооперативных предприятий самих участников в передельвающей промышленности. В такой эволюции ясно сказывается способность капиталов к дроблению и скопленю, и, в этом, по мне, должно видеть полную и сравнительно (с землевладением) скорую возможность устранения главного зла в передельвающей и торговой промышленности, как в выкупе земель от крупных землевладельцев — искупление зла земельного аристократизма, ибо капитал в промышленности играет почти ту же историческую и народную роль, как земля в сельском хозяйстве.

Таким образом, скопленный капитал, составляя основной нерв видов промышленности, по своему существу много содействует обеспеченности и всему благу народному и находится в исторической связи с развитием видов народной обеспеченности и с накоплением богатства, но, начавши действовать лишь сравнительно недавно — всего одно или два столетия, капитал еще требует многих разумных общественных и правительственных усилий для того, чтобы при помощи его не возникали виды монополизации потребителей (возвышение цен товара) и производителей (понижения ценности труда участников), что, по всей видимости, полнее всего может быть достигаемо кооперативными предприятиями промышленно-торгового характера.

11. Промышленность, удовлетворяя реальным общественным потребностям, в то же время отвечает и личным, потому что участие в ней — по крайней мере, в странах с некоторым развитием современной просвещенности — свободнее, чем в большинстве иных дел людей, и потому еще, что в ней необходимо участие множества лиц с разнообразнейшей подготовкой и со всевозможными склонностями, начиная от простых рабочих, способных лишь к механической работе, до научно или общественно сильных руководителей, так что в ней неравенства отдельных личностей столь же сильны, как во всех прочих людских делах, и специализация дает свои несо-

мненные преимущества, равно как честность, усидчивость, талантливость, смелость и более всего образованность. Это сочетание общего с личным более всего делает промышленность делом передовым или прогрессивным, а более промышленные народы — наиболее сильными во всем отныне и впредь.

Вышеуказанные общие черты, выяснившиеся для промышленности лишь сравнительно недавно, мне кажутся достаточными для того, чтобы далее не останавливаться вовсе над какими бы то ни было огульными ее осуждениями, увы, еще очень нередкими, и прямо утверждать, что во всех странах, желающих двигаться вперед, нельзя не только предоставить ее течение случайностям, но и обязательно необходимо особое попечение о промышленности, понимая тут под этим словом, конечно, и сельское хозяйство, и торговлю, и перевозку, и всякую стройку — словом, промышленность в широком смысле слова. Для выяснения вопросов, сюда относящихся, требуется затем, по моему мнению, разобрано нередко смутные понятия о производителях и потребителях да о покровительстве (протекционизме) и свободе (фритредерстве) промышленности, что я и постараюсь вслед за сим выполнить в наиболее кратком виде, как умею, предполагая лишь затем обратиться, в частности, к промышленности России.

Были и, конечно, останутся даже между взрослыми такие же чистые потребители, каковы дети, в виде лиц, все необходимое от других получающих, а ничего другим не дающих⁵³, но их должно рассматривать, подобно детям, как явление недоразвитости или подготовки к норме, состоящей в обмене разных услуг или ценностей. Это не пресловутое «око за око, зуб за зуб», в котором слышится не только злоба, но и крайнее стремление к внешне реальному равенству, чего нет и следа в мене, господствующей при более развитом и мягком промышленном строе. Каждый потребитель, в сущности, должен при этом строе быть и производителем: одно производит, другое спрашивает и потребляет, т. е. одно получает, давая другое или непосредственно, или для сокращения хлопот сперва превращая его в деньги, которые, в сущности, такой же реальный товар, как и хлеб или полотно. Если промышленность понимать в широчайшем смысле слова, т. е. причислять к ней и все личные труды и услу-

В мастерской шелкопрядильщика. Гравюра XIX в.

ги, совершаемые за вознаграждение, то чистых потребителей в строгом смысле останется мало, почти все окажутся в то же время и производителями, т. е. происходит лишь мена. Без хлеба, одежды и жилища, конечно, и жить нельзя, а без табаку или свечей, без военных или учителей, без писателей или чиновников жить все же можно, но в том-то и дело, что при умножении человечества и облегчении способов добычи хлеба, одежды и жилищ на всех людей не хватит доли этой добычи, а прочие потребности нельзя удовлетворить помимо этих военных, учителей, писателей, чиновников и тому подобных производителей новых, сверх животных, чисто людских потребностей. Считая потребителями всех последних, явно впадают в ретроградство, не подозревая того, что животных ставят выше человека. В современном человеческом смысле, поэтому следует к словам «производитель и потребитель» непременно прибавлять, по отношению к чему сказано слово: к хлебу ли и т. п., или к тому духовному, что сказалося когда-то преимущественно в священстве и аристократизме, а теперь ярче всего сказывается в чиновничестве, коренном и выборном, в войске и представителях наук и искусств. На них сбивается мысль, бродящая в поисках за лучшим и не раз попадавшая в дебри мечтательности и ретроградства. Мои мысли, сюда относящиеся, останутся, однако, совершенно невыясненными, если, во-первых, не видеть во всем указанном такого соответствия, которое должно считать прямо эквивалентностью, потому что потребление не может быть без производства; балансы обоих приравниваются, если капитал, т. е. избыток и остаток непотребленного, назначаемый для облегчения и усиления дальнейшего производства, причислить к потреблению. Отсюда уже видно второе следствие: благо народное, все его богатство и все будущее определяется не столько развитием потребления, сколько ростом производства ценностей и потребностей, или полезностей. Мысль эта сложна и в то же время легкообъемлема до того, что я предпочитаю и не развивать ее подробнее, ожидая того, чтобы сама жизнь указала ее истинный смысл. Потребительство, доводимое подчас даже до истребительства, свойственно и животному и всему начальному быту людей, умеющему истощать, обирать и все требовать, а производство умеет отвоевывать и от пустынь условия лучшей жизни, создает, а не разрушает запасов, не истребляет, а потому производительная часть деятельности много важнее потребительной для «блага народного».

Здесь мы подходим к жгучему вопросу об отношении правительств к промышленности. Древность считала, как считают до некоторой степени манчестерцы и поныне, дело промышленности вольным, предоставляемым личному соперничеству (конкуренции) и только для иностранной торговли делала кое-какие исключения, почитая ее в числе «внешних» сношений, заведываемых правительством. Формулу «laissez faire», вообще отвечающую передовому призыву к свободе, стали понимать как полное невмешательство правительств в промышленно-торговые отношения. Отсюда произошла и приобрела, особенно в середине XIX в., громадную силу школа «free trade» («свободный рынок», т. е. фритредерская), и до сих пор еще господствующая в английском представительстве. Цельная обаятельность ее внушений нарушилась, прежде всего, во внутренних промышленных отношениях между предпринимателями и рабочими, так как пришлось при помощи правительственных инспекторов регламентировать многие стороны отношений фабрикантов и заводчиков, как к нанимаемым рабочим, так и к окружающему населению. Обаятельность фритредерства, ведя свое начало от Адама Смита, Кобдена и тому подобных талантливейших мыслителей, зависела преимущественно от того, что внешнее могущество и внутреннее богатство Великобритании вместе со «свободою торговли» стали быстро и для всего мира явно возрастать. Это совпадение нисколько не случайно, а зависит преимущественно от того, что свободную внешнюю, т. е. исключительно морскую торговлю стали в Англии проповедовать и применять лишь тогда, когда прежде того два столетия укрепляли эту торговлю сильнейшими и исключительными покровительственными мерами (протекционизмом) английскому мореходству («Навигационный акт» 1651 г.) и довели его преобладания во всем свете над мореходством других стран, затем от того, что перedelывающая промышленность к тому времени была развита в стране уже до того, что занимала и кормила большую часть жителей и требовала сильного вывоза, так как далеко превышала внутренний спрос, и, наконец, от того, что уже тогда внутреннее производство хлеба, мяса и тому подобного сельскохозяйственного сырья, несмотря на явные усовершенствования, было

недостаточно и требовался ввоз, от свободы которого выигрывало большее число жителей, чем то, которое теряло от невыгодности многих частей сельского хозяйства. Словом, время для введения свободы внешней торговли и для ее пользы на благо своего народа выбрано было англичанами отличное. Из примера Англии и из ему подобных (в Бельгии, Франции и др.), конечно, вовсе не следовало, что все зависело только от принципа свободы, вложенного в учение фритредеров, как стали в начале последней половины XIX в. повсюду проповедовать преимущественно благодаря блестящей защите этого учения Бастиа, и если бы для противовеса не выступили вслед за германскими (Лист и др.) и американскими (Кэри и др.) начинателями проповедники промышленного национализма, фритредерство долго бы владело умами, к великой выгоде Англии и вообще стран, успевших уже довести до избытков свое внутреннее промышленное производство и занять свое место в выгодах мировой торговли.

Основные посылки протекционизма, по моему мнению, состоят из двух соображений. Первое гласит, что самостоятельное государственное устройство, требующее всемерных забот о богатстве и всем благе народном, необходимо иметь в виду возрастание внутреннего производства особенно тех товаров, которые уже спрашиваются страной и имеют природные условия (сырье, рабочую силу, пути сообщения и т. п.) для возможности производства их внутри страны, так как чрез это подданные получают новые заработки, страна богатеет и при развитии внутреннего производства от соперничества предпринимателей, избытков товаров и сокращения перевозки товары те должны со временем дешеветь, хотя бы первоначально и произошло увеличение их ценности. Второе соображение состоит в том, что всякое начинаемое (иногда и усиливаемое) в стране производство, как детство и юность, требует до возмужания особой поддержки и покровительства, потому что по незнакомству предпринимателей и рабочих с техническими подробностями начатого дела товары должны обходиться себе дороже, чем в странах с укоренившеюся тою же промышленностью, а особенно вследствие того, что для начинателей необходимы новые торговые обороты, внушение доверия и оттого большие оборотные капиталы (для креди-

та), новичкам всегда достигающиеся лишь за чрезмерно высокие проценты, лежащие на ценности производимых товаров. Поэтому протекционизм требует, между прочим, таможенной защиты от иностранных конкурентов или обложения тех товаров, которых производство желательно возбудить особою ввозною пошлиною, величина которой определяется из существующей ценности иностранного ввоза и разочтенной возможною ценностью того же товара внутреннего производства. Пока такое обложение касается ввоза товаров не первостепенной потребности (т. е. не таких, например, как хлеб, каменный уголь, железо, грубые ткани и т. п.), а таких, без которых можно легко обходиться и можно получать на месте (например, предметы комфорта, ремесленной переделки и т. п.), обложение ввозимого хотя временно и удорожает цены для потребителей, но, давая новые доходы и новые заработки производителям, а также и государству (т. е. облегчая сбор податей и налагая их на то, что может вынести обложение), такое таможенное обложение еще не возбуждает сомнений, особенно же когда дело идет о товарах, подлежащих внутреннему акцизу, как спиртные напитки, табак, сахар и т. п. Вопросы становятся далее острыми только по отношению к таким товарам первостепенной важности, как хлеб, минеральное топливо, железо с его изделиями и т. п., так как, удорожаясь хотя бы и временно от таможенного обложения, товары эти спрашиваются, прежде всего, производителями, и они, расходуя более, должны не только возвышать цены на все ими производимое, но и встречать многие затруднения при добыче капитала, потребного для производства.

Вот здесь-то и переход от протекционизма к национализму, потому что независимое и самостоятельное существование государства, а особенно его сила и движение вперед при условии значительных размеров страны и ее населенности немислимы в обычных условиях, без внутренней обеспеченности в производстве необходимейших товаров не только потому, что в первой войне это скажется с великою силою, но и потому, что недостаточное развитие внутреннего производства необходимейших товаров (которых количество и переработка, по существу понятия о необходимости, занимает много рук

и дает большие заработки) отнимает от жителей много условий для возможности правильного роста богатства народного и ставит страну в тяжелую экономическую зависимость от поставщиков этих необходимых товаров. Так, в последней четверти XIX ст. многие страны Западной Европы дошли до обложения ввозными пошлинами неизбежно необходимого им иностранного хлеба, и если Англия еще может держаться свободы его ввоза (что убило ее хлебопашество), то лишь потому, что лежит на острове, содержит сильнейший защитный флот, оберегающий ее мировую торговлю, и так устраивает политические отношения, что дружит только для того, чтобы ссорить и не дать столкнуться возможным ей соперникам и хлебным поставщикам. Но и в ней с Чемберленом во главе, благодаря промышленному соперничеству Германии и С.-А. С. Штатов, развивших свое производство при помощи, между прочим, протекционизма, возрождается и, без сомнения, со временем восторжествует протекционизм, которого держатся и ее самостоятельные колонии, подобные Австралии, Канаде и т. п., так что недалеко впереди видно такое же всеобщее признание протекционизма, каким еще столь недавно пользовалось фритредерство. Как для фритредерства важен пример Англии, так для протекционизма важны быстрые успехи С.-А. С. Штатов. И немного надо сообразительности, чтобы уразуметь свою наибольшую пользу от фритредерства для стран с развитою уже промышленностью и торговлею, а протекционизма для стран, в которых надо эти последние развивать или даже начинать.

Понятно также, что в первом случае будет преобладать ввоз сырья и вывоз переделанных продуктов, а во втором — наоборот, что и освещает путь. А так как народ умножается всюду, требуя заработков, они же легче всего, точнее и правильнее всего доставляются передельвающею промышленностью и она позднее всех возникает, то для блага отдельных стран и всего человечества протекционизм пока — до поры и времени — служит свою важную службу — уравнения народов, т. е. доводит все их до промышленного строя.

В золотой середине умеренного и разумного протекционизма, по моему мнению, а не в крайностях противоречий должно ждать впереди правильного исхода, потому что в от-

Московские купцы. 1900-е гг.

ношении к необходимейшим товарам есть страны, наиболее благоприятные для избыточного производства, вывоза и преобладающего значения. При этом не подлежит сомнению, что обширнейшие страны, подобные С.-А. С. Штатам, России, Китаю, Австралии, Бразилии и т. п., обладающие множеством природных богатств, тем самым наиболее пригодны для получения очевидной пользы от развития в них чрез протекционизм всяких видов промышленности, начиная с торговли. Но несомненно также, что протекционизм не может дать своих плодов, т. е. широкого развития в стране желаемых видов промышленности, если ограничиться одним обложением ввозных товаров, хотя бы и очень разумно разочтенным, потому что для обеспеченного в будущем и полного развития современной промышленности кроме природных условий, труда и возможной выгодности совершенно необходимы не только большие запасы знаний и крупные капиталы, но и частная предприимчивость, воспитываемая условиями всего гражданского строя страны, уважением к труду и такою самодеятельностью, которая обыкновенно называется свободой. Мне пришлось бы писать и на эту тему большой том, если бы я вздумал подтверждать это логическими соображениями, историческими справками и статистическими данными, но не делаю этого по той особенно причине, что избрал для своих «Заветных мыслей» предметами: просвещение, промышленность и управление преимущественно ради среднего из этих условий, «блага народного», а потому в предлагаемой книге желающие найдут мои ответы на все указанные требования протекционизма, понимаемого в том смысле, который диктуется началами, лежащими в основе государственности, национализма, блага народного и возможного равенства стран, чуждого кичливости не только покроя китайского, но и английского, а нам, русским, совершенно не свойственной, если взять не отдельные единицы, а совокупность русских людей.

Читатель видит, что сказанное выше относится к промышленности вообще и почти не касается прямо ни русских особенностей, ни частных отдельных видов промышленности; общие же соображения только тогда приобретают плоть и кровь, когда входят в реальные частности,

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

так как из них состоит действительность, а общее составляет только отвлечение от нее и стремление охватить ее сложность. Поэтому одну из следующих глав предлагаю посвятить исключительно промышленности России и некоторым частным ее видам, рассмотрение которых, по моему мнению, может выяснить современное наше промышленное состояние в более конкретных формах. В этом направлении опять многоглаголением можно запутать мысль, хотя при разборе частных и не следует избегать ни некоторых цифр, ни кое-каких технических подробностей; они, по моему мнению, в конце концов сокращают изложение. Из того, что Россия владеет 2 млрд десятин суши, населена более чем 130 млн жителей и дает ежегодно прироста (перевеса числа рождающихся над умирающими) около 2 млн жителей⁵⁴, еще нельзя выводить заключения о возможности и необходимости предстоящего ей промышленного развития. Мало для того присоединить сюда не только исторически ясную выносливую настойчивость народную, но и давнее направление его к единству и порядку, осуществляемое единой державой, терпеливостью и стремлением к просвещению. Все это составляет многообещающую сумму условий первостепенной важности, но они мало бы еще значили, если бы Россия не занимала того срединного положения, какое принадлежит ей в Старом Свете, если бы ее почва и недра не были столь богато снабжены всем, чего более всего ищут люди, — от плодородия чернозема и от богатств лесами, нефтью и каменными углями до обширнейших районов, способных давать хлопок и виноград, и до богатейших рудников железа и золота, и если бы разработка всех этих природных богатств, хотя еще в относительно малых размерах, не показывала уже возможности достигнуть скорых и блестящих промышленных результатов среди всех наших условий. Без обдуманых, нарочитых и настойчивых правительственных мер, по моему крайнему разумению, все эти задатки сами собою не могут довести до желаемого конца, содержащегося в понятии о росте «народного блага» в нашей стране. Надо же, наконец, и для сомневающих показать, что наш промышленный рост есть, но мал, не отвечает ни требованиям времени, ни природным ресурсам, и хоть понемногу начать разбираться в причинах нашей промышленной отсталости и бедноты.

Вот для этой нелегкой задачи писано нелицеприятное, а убежденное мое как бы похвальное слово промышленности в этой главе. Осуждая или только указывая на недостатки просвещения, промышленности и управления, можно содействовать анализу, но не тому синтезу, который теперь особенно надобен и состояться может не при каком-либо одностороннем развитии хотя бы промышленности, или просвещения, или правительства, хотя бы и по английскому образцу, а только при их одновременном улучшении и развитии всего этого по обсужденным планам. Но говорить толково можно, лишь разделяя сложное на части, а потому, так как в развитии промышленности главное влияние неизбежно должно принадлежать строю правительства, для средоточия всех сторон блага народного назначаемому, то для последовательного изложения непременно следует высказать личные мысли о правительственном строе как предмете, наиболее настоящем и центральном. Пора высказать личные воззрения даже по отношению к устройству правительства настает явно, и я попробую изложить свои заветные мысли, сюда относящиеся.

11 октября 1904 г.

С.-Петербург

ГЛАВА IX

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ДЛЯ БЛАГА РОССИИ УСТРОЙСТВО ПРАВИТЕЛЬСТВА

*Ход событий в начале 1905 года. Исходные мои положения.
Логическое и историческое разделение правительственных
отправлений (функций): 1) личные, или первичные: законодательство,
администрация и суд — и 2) общественные (социальные), или вторичные:
обеспечение внешних отношений, заботы о просвещении
и устройство экономического быта жителей.
Две первейшие надобности России*

ои «Заветные мысли» с самого начала, относящегося к 1903 г., назначались для изложения личных воззрений на неизбежность многих преобразований в устройстве внутреннего быта России, преимущественно в деле народного просвещения, многих видов промышленности и управления, но вначале я полагал — да так и подготавливал материалы — говорить только о трех указанных предметах, однако ближе обсудив их, счел полезным ранее всего написать первые вступительные главы и заключить изложение передачей исходных своих начал, на которых остановился, чтобы этими добавлениями достичь более полного выяснения совокупности накопившихся у меня мыслей. Окончив предшествующую главу в октябре 1904 г.⁵⁵, я приостановился не вследствие трудности и, так сказать, деликатности предмета предстоявшей главы, а только по той причине, что все мои свободные минуты тогда необходимо было отдать другим предметам.⁵⁶ Скоро, однако, присоединились к этой еще три новых причины, задержавших окончательную подготовку предлагаемой главы. Первой на то причиной были внезапные наши неудачи в Маньчжурии и на Тихом океане, так как они требовали своего объяснения и по внешней видимости находились в связи с недостатками правительственных учреждений, хотя кроме всего объясняются численным перевесом, определяемым близостью полей битвы к Японии и громадным их отдалением от центров русской населенности.⁵⁷ Более важна вторая причина — беспорядки, начавшиеся 9 января и потом разросшиеся не столько до тревожных размеров, сколько до раздраженного состояния умов, устраняющего условия спокойного суждения, а все мои мысли назначаются исключительно для уравновешенного, спокойного и постепенного состояния общего внимания. Мне показалось невозможным и совсем бесполезным говорить в такое беспокойное время, какое представляла вся первая половина текущего года, а потому я не только приостановил издания, но и прекратил писание «Заветных мыслей». Третьим обстоятельством, повлиявшим на такую мою решимость, были высочайшие распоряжения начала 1905 года, потому что они подали надежду именно на такие постепенные изменения в строе управления, о которых следовало говорить при продолжении «Заветных мыслей», но было вовсе не ясно, что, когда и в какой последовательности будет осуществляться, и мне лучше было подождать, потому что *post factum* говорить о желаемом неуместно и несвоевременно.

Но вот настали 6 и 16 августа: объявлено близкое собрание Государственной думы, чтобы услышать голос народа, и подписан Портсмутский мир, т. е. пришло время не спеша, без давления внешних отношений, обдуманно отнестись к насущнейшим вопросам внутреннего строя. Тогда я поспешил возвратиться к прерванной работе, потому что трудно дожидаться лучшей, чем теперь, поры для выражения личных мыслей, относящихся к желательным изменениям правительственного строя. Однако для ясности и сокращения времени как своего личного, так и тех, вероятно, немногих, более или менее лично меня уже знающих, которые прочтут написанное, ранее, чем говорить о некоторых частностях и связывающих эти частности мыслях, считаю полезным вступно и отрывочно — без излишних здесь доказательств, — во-первых, выразить исходные мысли, касающиеся правительства вообще и русского в особенности, а во-вторых, высказать основные современные пожелания, вытекающие из ряда сложившихся у меня мыслей о нашем правительственном и общественном строе.

Современные склады правительства, будь они монархические или республиканские, тождественны как по отношению невозможности достижения общего блага без сочетания начал разумности с общей народной волей и добрыми сношениями с другими странами, так и в отношении того, что между верховной властью и гражданами во всяком случае неизбежно становятся в промежутке выборные или лично назначаемые чиновники, т. е. посредники-исполнители, из тех же граждан взятые, в которых по их многочисленности всесильно действует общий дух народа и от которых чрезвычайно много зависят все успехи государственные. Это давно кратко выражено изречением: «Всякий народ достоин своего правительства».

Все виды и формы прогресса и всяких государственных улучшений (равно как и ухудшений) не только мыслимы, но и осуществлялись как при монархическом, так и при республиканских складах.

Тот и другой из указанных государственных складов живут и понимаются издревле, и выбор между ними определяется всей народной историей не по случайным ее обстоятельствам, а по всей совокупности условий народа и страны.

Единение и объединение России, ее просвещение духовное и умственное, ее силы, внешние и внутренние, и даже ее зачатки промышленного и прогрессивного строя влиятельно определились монархами, что не только теперь, но в предвидимом будущем Россия была и будет монархической страной, хотя части России республики когда-то попробовали.

Развитие «блага народного», определяясь мерой роста и общностью распространения нравственных начал и внешнего благосостояния, зависит очень сильно не только от прав граждан, но и от обязанностей, определяемых убеждениями, обычаями и законами.

На всеобщие вопросы о том, какие из правительственных форм в настоящее время всего настоятельнее изменить для дальнейшего⁸⁸ развития народного блага России, со своей стороны решаюсь ясности ради дать следующие краткие ответы, далее развиваемые:

Желательно, чтобы ныне призванная монархом Государственная дума, составленная из выбранных народом неслужилых людей, поняла, прежде всего, что ей даровано весьма важное право законодательной инициативы, еще не данное Государственному совету, что законами определяются, не только права, но и обязанности граждан, и не только обязанности, но и права исполнителей, т. е. чиновников (выборных или коронных), и что, прежде чем требовать что-либо от других, непременно надобно оглянуться на себя самих и подать личный пример: порядка, трудолюбия, немногословия, снисходительности, деловой разумности и постепенной последовательности.

Желательно, чтобы освеженный Государственный совет получил право законодательных начинаний (инициативы), донныне исключительно принадлежащее помимо монарха только министрам, и чтобы предложенные и обсужденные в Государственном совете новые законы рассматривались ранее поступления на монаршее благоволение в Государственной думе и обратно, дабы возбудилось своего рода равенство и соревнование к благу народному между двумя высшими совещательными законодательными учреждениями.

Желательно, чтобы назначаемый монархом канцлер (или первый министр, или председатель Комитета министров) подбирал себе министров, или главноуправляющих, монар-

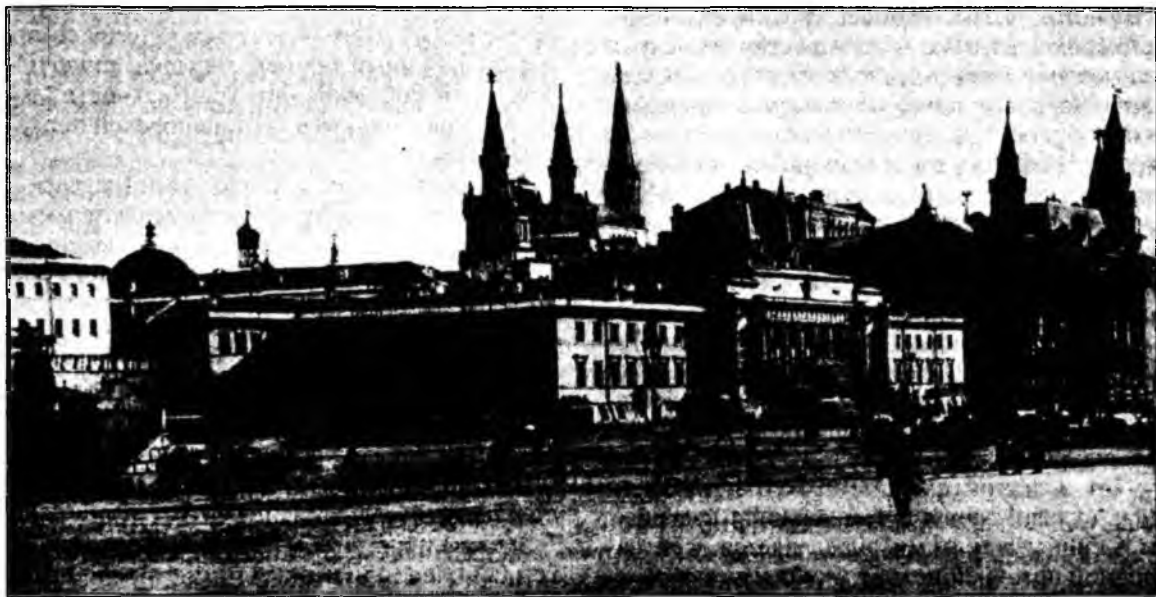
хом утверждаемых, дабы образовалось цельное министерство и прекратились бы волокита и непоследовательность, зависящие от разноречий и пререканий министерств.

Желательно, чтобы при Комитете министров состоял Главный статистический комитет, на обязанности которого сверх общих народных переписей должно возложить составление и публикацию своевременных ежегодных отчетов о государственных приходах и расходах, о ходе народного образования, о состоянии путей сообщения, торговли внутренней и внешней, горной, ремесленно-фабрично-заводской и торговой, потому что это пульсы страны.

Желательно, чтобы независимо от Министерств финансов, путей сообщения, внутренних дел и др. для изучения, содействия и всякой помощи при организации видов добывающей (сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство, горное дело и т. п.), обрабатывающей (кустарной, ремесленной, фабричной и заводской), торговой (крупной и мелкой, перевозочной, водородной) и всякой иной (строительно-подрядной, типографской, издательской и т. п.) производительной и посреднической частной промышленности было учреждено особое Министерство промышленности, так как благосостояние народное определяется в сильнейшей мере успешным развитием этих видов частной трудовой деятельности и предприимчивости. Желательно при этом, чтобы начинающимся и особенно кооперативным (артельным) предприятиям было оказываемо исключительное внимание, и всякие с них налоги уменьшаемы ради их усиленного возникновения.

Желательно, чтобы основанием государственных доходов служили, прежде всего, косвенные обложения предметов не первой необходимости: спиртных напитков, табака, сахара, чая и т. п. (но не продуктов нефти и др. видов горного дела), таможенные сборы, прогрессивный налог на денежные (акционерные и т. п.) капиталы (но не подоходный налог), чистые доходы казенных имуществ и предприятий, прогрессивные налоги на наследства, квартиры и жилища, на залоговые, контракты, счета и промышленно-торговые предприятия, а в их числе и на казенные. Уплаты же, ныне производимые за отправку писем и телеграмм, за межевые измерения, за обучение, за поверку мер и весов и т. п., не будучи отяготительными желательно по возможности сохранить, но обращать преимущественно на улучшение соответственных и близких дел.

Желательно, чтобы в первой же сессии Государственной думы были обсуждены способы достижения возможной самостоятельности местного управления и меры участия в этом земств, чтобы согласить особенности отдельных частей империи с ее общей целостью и единством.

Здание Присутственных мест на Воскресенской площади. Москва. 1888 г.

Желательно, чтобы Россия вновь прочнейшим образом заключила теснейший политический, таможенный и всякий иной союз с Китаем, потому что он явно просыпается⁵⁹, в нем 430 млн народа и он имеет все задатки очень быстро, наподобие самой России, стать могущественнейшей мировой державой. Условия, существующие сейчас, этот союз допускают и делают возможным, пока иные страны не предупредили.

Он составит влиятельнейший противовес недавно возобновленному союзу Англии с Японией.

У этих стран много сходного, но у нас с Китаем, особенно когда он возродится, близость всякого рода, начиная с миролюбия и громадного протяжения границ, еще больше, да и задних мыслей меньше. Свое Смутное время, которое может настать в Китае, как было в России, заключить этот союз не помешает, если его совершить с ясной мыслью о благе и прогрессе обеих сторон. Никакой иной союз не может быть современно более важен, не может укротить в корне «желтую» опасность и не обеспечит будущий мир во всем мире. В союзе с Францией и с Китаем Россия может спокойно ждать предстоящих событий XX в.

Желательно, наконец, но этого нельзя выразить ни в каком единичном мероприятии, а должно постичь разумом и сердцем и немедленно прилагать по всем без изъятия правительственным мерам и к частным или личным действиям всех нас (потому что в этом, что бы кто ни говорил, вся суть дела), именно желательно, чтобы русский народ, включая в него, конечно, и всю интеллигенцию страны, свое трудолюбие умножил для разработки природных запасов богатой своей страны, не вдаваясь в политиканство, завешанное латинством, его, как и евреев, сгубившее и в наше время подходящее лишь для народов, уже успевших скопить достатки, во много раз превосходящие средние скудные средства, скопленные русскими. Прочно и плодотворно только приобретенное своим трудом. Ему одному честь, после действия и все будущее. Законодатели много, даже более всего делают благого для страны, если примут меры, поощряющие труды всякого рода, если трудолюбию помогут более, чем породе и достатку, даже таланту, и если отнесутся к трудолюбцам благосклоннее, чем к небокопти-

Таврический дворец в Санкт-Петербурге, в котором заседала Государственная дума

телям, дармоедам и хулиганам. Ах, как это мало еще понимают! Самой собой разумеется, что в числе моих заветных мыслей остается еще целая куча иных желаний, относящихся к правительственному складу России; часть их видна из того, что излагается далее, но перечисленными пожеланиями очерчивается то, что наиболее легкодостижимо, настоятельнее, по моему мнению, многого иного и что должно за собой повлечь очевидные и неизбежные благие последствия всевозможного рода. А так как оголенные мысли, какими многим должны показаться изложенные выше, весьма легко подлежат кривотолку, особенно предвзятому (до которого мне, признаюсь, очень мало дела), и могут представляться оторванными от истории (а этого мне, признаюсь, очень нежелательно допустить), то я постараюсь, однако опять со всей возможной краткостью, передать имеющуюся во мне нить понятий как о правительственном складе вообще, так и о современных русских потребностях в исправлении этого склада, ни на минуту не забывая, что мое изложение составляет лишь долю моих постепенных заветных мыслей, а не что-либо вроде программы или политиканствующей «платформы». К этому и перейду.

Между сложной совокупностью правительственных отправлений (функций), по мне, должно явно отличить два разряда, которые условно буду далее называть первичными и вторичными, потому что последние всегда являлись, да и должны были являться не иначе как лишь вслед за исходными, начальными, или первичными, функциями правительств.

В числе первичных всегда отличают законодательство, администрацию (исполнительную власть) и суд. Последний касается только того, что сделано в прошлом времени, тогда как администрация относится к настоящему времени действий, а законодательство лишь к будущему, и в этом смысле общепризнанное деление, по видимости, исчерпывает все возможные отношения правительства к действиям граждан, или подданных. Но эти последние взяты здесь в отдельности, в том самом первичном виде, в каком первоначально является всякое обладание или подчиненное отношение одних лиц к другим. Функции правительств чисто варварских ограничиваются только этими: судом, администрацией и законодательством, причем администрация состоит преимущественно в исполнении приговоров суда и в наблюдении за постановлениями законодательства и по этой самой причине сама более или менее судит и приказывает.

Усложняющие, или вторичные, отправления правительств обыкновенно являются лишь вслед за первичными, и повсюду ранее всего дело начинается охраной внешних отношений страны, состоящей в организации иностранных отношений и постоянного войска или общенародного ведения войн. Были, пишут, на Зондских островах народы, которые избирали правителей, только когда наступало время воевать.⁶⁰ Это, однако, исключение, потому что защита надобна после достижения такого общественного сложения, которое в той или иной мере непременно должно состоять в подчинении законодательству, администрации и суду и нередко составляет обычный конец завоеваний, служивших одной из причин укрепления государственного устройства. Хотя военная и дипломатическая охрана страны имеет много сходства с администрацией и к ней обыкновенно присовокупляется, но все же внутренний смысл этой правительственной функции иной, чем трех первичных, потому что при охране имеется в виду общее целое — государство, а не отдельные его граждане. И как это ни странно покажется с первого раза, в этой охране, в этой военной организации при всем преобладании в ней подчинения и власти кроются начала многих дальнейших усложнений и судеб правительственных усовершенствований.

Это потому, вероятно, что доброе согласие, стройный порядок, упрочение душевного настроения и материальная обстановка воинов составляют неизбежную необходимость выполнения ими долга и успешности войн, до чего легко было додуматься и на что указания давали на каждом шагу организованные военные силы. Сношения с иными государствами — помимо подчинения и войн — обучают также правителей и жителей началам согласного действия, порядка, равенства и братства. Отсюда недалеко уже до правительственных забот о просвещении народа и его промышленном преуспевании, хотя нужны были чуть не тысячелетия для уразумения того, что одно просвещение, даже совокупность духовно-морального с жизненно-материальным не исчерпывает отношений, здесь необходимых, и правительственные заботы о развитии народной промышленности так же настоятельно необходимы, как снабжение войск пищей, одеждой и оружием.

Пусть пессимизм видит или старается заставить видеть даже в заботах правителей о войсках и о духовном просвещении лишь эгоистические соображения правителей; этот, как и многие иные виды пессимизма, ничего не дает и не внушает, а в данном случае прямо лжив, как видно уже из того, что многие правители сами много воевали и были фанатиками веры. Причины забот правительств о светском народном просвещении и о промышленности страны сложнее всех иных и возникли позднее, а потому еще удобнее для ложных толкований. Это становится понятнее, когда слушаешь людей (да считаешь в печати), вопиющих против роста промышленности, и разберешь, что эти вопли представляют в наше время высшую форму задерживающего ретроградства. Здравый смысл народа — за просвещение и промышленность, потому что в них залогом прогресса, благо общее и мирное сочетание интересов личных с социальными.

Правительственные заботы об охране, просвещении и промышленности нельзя перепутать с начальными функциями правительств: законодательством, администрацией и судом, хотя в центральной, т. е. законодательной, функции правительств, по существу дела, соединяются все государственные отношения.

Первичные отправления правительств еще можно с грехом пополам и в противоречии

с явными указаниями истории толковать в виде договора граждан с правительством; вторичные без явной натяжки невозможно, и действительное единение народа с правительством твердо устанавливается только с осуществлением этих вторичных функций.

Ранее всего это хорошо поняли в Китае, и его существование, измеряемое многими тысячелетиями, объясняется не столько тем, что его правительство законодательствует, администрирует, судит, ведет войны и сносится с другими народами, сколько тем, что оно издревле печется о народном просвещении и о развитии его промышленности. Сам император проводит первую борозду ежегодных посевов, сама императрица подает пример шелководам.

Мне недостает умения в доказательстве того, что высшей функцией правительств должно считать заботы о просвещении народа и его промышленном развитии, но я твердо знаю, что это составляет мое заветнейшее убеждение, и так как «Заветные мысли» не составляют трактата юридического характера, а назначаются только для передачи моих личных убеждений, могущих иметь реальное значение, то я ограничиваюсь сказанным и перехожу к тем частностям, которые относятся к шести вышеперечисленным правительственным функциям, имея в виду уже не одну общую картину отношений народа к правительству и обратно, но исключительно современность, и притом нашу, русскую, наших дней, наставших после замирения и вызываемых живыми изменениями прошлого строя, определяемыми буквой и смыслом высочайших предначертаний и требующих отчетливого и реального к ним отношения от всех нас.

I. Законодательство всегда и повсюду, где прилагают заботы об исполнении законов, т. е. по возможности устраняют произвол, составляет средоточие всей правительственной организации. Это особенно относится к временам переходным и преобразовательным, из которых Россия еще не скоро может выбраться и в каких ныне, несомненно, находится. Часто думают, что в других делах должно пробовать и только после перемен избирать тот путь действия, который окажется наилучшим, а в деле законодательства этого нельзя или неправильно.

В известном смысле, пожалуй, это так, но не совсем, потому что иначе законы не приходилось бы изменять подчас на прямо противоположные, чему примеры известны всякому, и не надо было бы никаких сложных законодательных учреждений, а в конце был бы застой со всеми его следствиями. Законы, по существу, должны охватывать весь смысл прошлого, всю современность и, что всего настоятельнее, должны предвидеть вероятное будущее страны, насколько оно от законов зависеть может, а потому законодательные учреждения составляют наиболее трудную часть правительственной организации. Вот по этой причине, хотя бы совершенно оставив в стороне все общие места и соображения, касающиеся необходимости ясных и точно соблюдаемых законов, и хотя бы ограничиваться лишь современными русскими потребностями, чего я и стараюсь достичь, все же о законодательстве необходимо говорить не меньше, а даже более, чем о многих других правительственных функциях. В нем много задатков будущих судеб России, которые, однако, более того всего все же определяются природой страны и ее населения, положением ее в среде других народов, нравами и привычками всех ее жителей, историей и из нее бесповоротно вытекающим господством воли правителей-монархов.

Воля эта оказала, кто бы что ни говорил, доньше преимущественное влияние на многие успехи России, и нельзя вместе с преобладающей массой нашего народа сомневаться в направлении доброй воли русских монархов — к благу народному как в настоящем, так и в будущем. Дело законодательства нашего сводится, таким образом, на установление инициативы (т. е. начинания или предложения необходимых новых законов) и обсуждения новых законов, которыми по возможности исправлялись бы существующие формы зла и силы народные направлялись бы к общему благу страны.

Само собой разумеется, что и здесь все относительно, так как, во-первых, если бы зло не существовало, не надо было бы ни правительств, ни законов, а всего зла истребить немислимо, и, во-вторых, само понятие об общем благе, даже одном чисто внешнем, условно изменяется со временем, местом, обстоятельствами и лицами и включает в себя рядом с правами — обязанности, вместе с бу-

Московская городская дума на Воздвиженке (старое здание). 1860-е гг.

душим — прошлое и вместе с общим — личное. Охватить все это монарху возможно лишь тогда, когда предлагаемый закон рассмотрен во всех доступных людям данного времени отношениях, а потому рассмотрение законодательных мер должно быть неизбежно многосторонним и даже разносторонним, т. е. освещенным суждениями «за» и «против».

Но уже вследствие непременной сложности такого рассмотрения необычайно важна инициатива законодательства, так как всего рассмотреть особенно хорошо, да со всех сторон, очевидно, невозможно, и можно заниматься, особенно под влиянием господствующих предрассудков, предметами малозначащими и лишь формальными, а существенно нужному для блага народного тогда не найдется места и времени и оно все будет оттягиваться. Поэтому со своей стороны считаю законодательную инициативу и порядок рассмотрения имеющими огромное значение для успеха всех предстоящих у нас судеб законодательства.

До настоящего времени кроме прямой воли монарха законодательная инициатива принадлежала у нас только министрам по делам своего ведомства. Это составляет одну из важных причин медленности и отсталости от народных нужд нашего законодательства. Приведу для выяснения лишь два примера, хотя набрать в недавнем прошлом их легко во множестве. Недостатки существующих гимназий, устроенных по планам покойного графа Д. А. Толстого, всем давно стали очевидными не из каких-либо предвзятых суждений, а просто по явной действительности, о которой и писано, и всюду говорилось много. Никто этого живого вопроса в законодательном порядке поднимать, однако, не мог, кроме министров народного просвещения. Они вначале просто замалчивали дело, выставляли его в ложном свете, потом старались поправить инструкциями и даже обсуждением новых проектов в разнородных совещаниях, но все же по сих пор ничего почти не сделали, хотя важность для будущего и настоятельность для настоящего времени столь явны, что, будь законодательная инициатива хоть чуть-чуть шире, давным-давно бы поставили вопрос о гимназиях на ближайшую очередь, и если бы улучшения были хоть не коренными, какими им быть следует, а только приноровленными к требованиям, указанным прошлой действительностью, все же не пропали бы десятилетние плоды явного порыва к учению и, вероятно, не было бы того печального положения высшего русского образования, которое очевидно для всех, не забывших недавнее его прошлое, так много обещавшее впереди.

Непрактичный, даже худой или вредный закон всегда, при всех предосторожностях явиться может, потому что законы — дело рук человеческих, но надо иметь и всеми способами открывать возможность изменять и поправлять такие законы, которые из-за преследования ложных

мыслей и начал при всем желании законодателей приводят не к добру, а к худу. А этого никак нельзя и ждать, если исполнители — единственные возможные инициаторы законодательных изменений, потому что никто сам себе не судья, да и не враг, а перемен или новшеств всякий без явных побуждений невольно страшится.

Как другой пример возьму казенные горные заводы. Не подлежит сомнению, что они в свое время были не только просто полезны и выгодны, но даже необходимы по всему ходу нашей промышленной истории. А теперь уже давно, примерно лет 20, очевидно всякому, кому не лень внимать в действительность хотя бы по всему, что о ней писано и печатано, они не только стали бесполезными и убыточными, но и задерживающими правильность хорошо начатой частной горнозаводской промышленности. Давно эти казенные горные заводы следует или сдать в аренду, или продать, или хоть просто закрыть, но ведомство, их ведущее, не только само себе не враг, говоря попросту, но и мало имеет возможности отнестись к предмету с должной общегосударственной стороны, потому что связано с этим делом всякого рода узами, начиная с исторических и кончая профессиональными. Ведь надо было бы доказывать, что мы сами не можем при казенном хозяйстве и контроле его вести вверенное нам дело, что его следует, так или иначе, закончить как исполнившее свою роль — образцы для развития необходимейших стране предприятий.

Вмещалось другое ведомство, но по существующему принципу исключительной инициативы своего ведомства ничего иного не могло сделать, как обследовать предмет, насколько это было возможно, и внушать горному же ведомству мысль коренным образом преобразовать дело казенных горных заводов. Переписка тянулась большая, и комиссии заседали разные, но так дело и пребывает на старом начале — бесполезном и безвыгодном.

Смотря на два приведенных примера с точки зрения государственных средств, которые, увы, непременно должно всегда иметь в виду, и на первом плане, можно думать, что казенные горные заводы дадут новые средства от сбережения расходов и прибыли доходов при сдаче в аренду, а гимназии потребуют новых средств. Вопрос усложняется, и сводится во

многом к инициативе: что действительно необходимо? С чего начинать? Кто это решит? Законодательство, коли оно относится не к формально-пустозвучным, а к жизненно-реальным потребностям народа, да еще столь большого, как русский, составляет дело сложнейшее и как всякое такое, требует хорошо обдуманного порядка в своей последовательности. Иначе дела второстепенного значения и требующие только расходов оттянут настоятельнейшие, могущие увеличивать достатки жителей и самого государства.

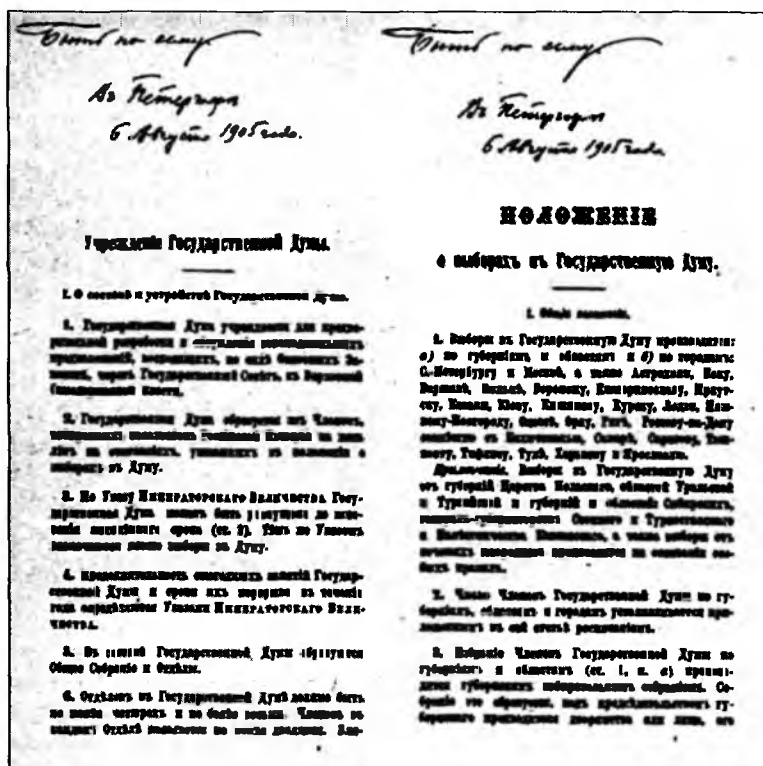
Не имея и в мыслях ни малейшего желания кому-либо указывать в отношении упомянутых важных предметов, выскажу только некоторые из заветных своих мыслей о праве инициативы и об установлении последовательности или порядка законодательных работ.

Манифест 6 августа, устанавливающий новую и прямую связь монарха с народом, и сопровождающие его разъяснения дают выборным членам Государственной думы право законодательных начинаний. Статья 34-я закона об учреждении Думы прямо говорит: «Государственной думе предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов».

Для осуществления рассмотрения требуется (статья 54) письменное заявление «не менее чем 30 членом», и это мудрое ограничение должно признать совершенно достаточным обеспечением того, чтобы на рассмотрение шли действительно лишь жизненно важные предметы.

За министрами, очевидно лишь по своему ведомству, также сохраняется право начинания законодательных дел, и эта совокупность обещает уже многое, особенно же то, что к членам Думы от всех жителей империи, а к министрам от всяких исполнителей дойдет голоса народные и ничто существеннейшее и сознательное не минует, как может миновать, донныне законодательного внимания, а, пройдя свою частную оценку в виде ли 30 членом Думы или в виде оценки предложений министрами, будет касаться лишь назревших надобностей «блага народного», а не каких-то смутных благих пожеланий или неосуществимых утопий.

Мне даже кажется, что для должного уравновешивания и соревнования Государствен-

Фрагменты указа 6 августа 1905 года об учреждении и Положения о выборах в Государственную думу с собственноручными резолюциями Николая II «Быть по сему»

ного совета и Государственной думы полезно было бы даровать право инициативы и членам Государственного совета, если заявление об отмене или изменении законов или о введении новых законов будет письменно представлено за подписью не менее чем 10 членов Государственного совета. Государственная опытность и доверие монарха, им дарованное назначением в члены Высшего совета, дают им возможность охватывать совокупность нужд страны и выбирать лишь настоятельные.

В отношении к законодательной инициативе министров мне хотелось бы думать, что после установления первого министра, или единства исполнительной власти (о чем речь моя впереди), весьма будет важно, чтобы законодательная инициатива министров проходила через первого министра, а не шла прямо от отдельных министров. Чрез это много должно сократиться времени и мелочных дел в работе законодательных советов. Ныне,

сколько я понимаю и знаю предмет, соревнование и отсутствие прямой и зависимой связи между отдельными министрами служит одним из главных оснований существующего правительственного порядка, а в будущем, сколько можно предвидеть его или, скорее, предчувствовать или надеяться, на то место встанет соревнование и независимость трех сил: Государственной думы, Государственного совета и первого министра. И это будет уже потому явным улучшением, что при ширине инициативы окончательных разногласий будет меньше, особенно при единстве исполнительной власти, неизбежно долженствующей — по самому смыслу учреждения Государственной думы — становиться во многом на точку зрения преобладающего в Думе большинства.

В отношении последовательности, с какой должны рассматриваться в Государственном совете и в Государственной думе начатые по вышеуказанной инициативе дела законодательного свойства, совершенно неудовлетворителен порядок, определяемый исключительно временем поступления или заявления, а из всех дел непременно необходимо выделить для первоначального разбора неотложно срочные (например, ежегодные сметы) и важнейшие по своему общегосударственному значению, а для этих и для всех дел предоставить установление очереди особому совещанию из представителей Государственной думы и Государственного совета с первым министром или, пока такого не будет, с председателем Комитета министров. Лица эти, наверное, правильное кого-либо иного установят относительную важность предметов, примут в расчет длительность процесса рассмотрения в отделениях и вообще помогут той правильности течения дел, без которой при всем добром желании обоих законодательных собраний, а тем более при

их ревнивом соперничестве должно ждать весьма печальных явлений — волокиты и увлечения в сторону дел, хотя и передовых, но терпящих отсрочку, каковы, например, перемена стиля, числа праздников и т. п.

Важнейшую и труднейшую часть законодательных работ составят, конечно, рассмотрение, подготовка и развитие стоящих на очереди законов. Если бы они и впредь производились только в министерствах и в Государственном совете, то многие благие предначертания монархов обещали бы народу мало существенных улучшений, потому что на все до народа доходящее от царя и обратно лег бы отпечаток, уже исторически, понемногу наложенный на всю «канцелярщину», так как и состав Государственного совета с нею тесно связан. Придирчиво и формально односторонними всегда останутся, без сомнения, лишь в общем целом труды того «средоточения», которое стоит между волей монарха и «благом народным», и все благое определялось бы и впредь исключительно той духовно-таинственной связью царя с народом, которой определилась вся история России последних столетий.

«Средоточение» само по себе неизбежно, нигде и никак обойтись без него нельзя, но оно по смыслу дела и даже по букве закона действует и будет действовать «за совесть», если бы «не токмо за страх». Страх и совесть все же пассивны, все же опираются лишь на прошлое, определяют своего рода солидарность и обособленность, а надо предвидеть, предчувствовать, жить целиком с народом и любить. Учреждение Государственной думы как неперменного органа законодательных работ введет новый порядок исключительно потому, что к голосу непременно свой народ любящего царя теперь прибавятся голоса непременно любящих страну народных избранников, потому что нелюбящих нет прямых поводов избирать. Только любящие отнесутся мягко к существующим недостаткам, только они найдут выход из того, что страху и совести покажется безысходным, только с ними будет высший народный разум, и смело думать можно, только с ними будет царь, у которого до сих пор не было, кроме своего сердца, органа, несомненно, любящего все будущее России, хотя говорили ему «не только за страх, но и за совесть», как это и свойственно «средоточению».

Могу сказать, что знал на своем веку, знаю и теперь очень много государственных русских людей, и с уверенностью утверждаю, что добрая их половина в Россию не верит, России не любит и народ мало понимает, хотя все — без больших изъятий, даже для покойного графа Д. А. Толстого — действуют и мыслят без страха и за совесть, или, говоря более понятно, теоретическими оправданиями своих мыслей и действий обладали. В чем ином я, пожалуй, могу быть некомпетентным и пристрастным, но тут этого невозможно подозревать, потому что, будучи всю жизнь научным теоретиком, отрицаю достаточность теоретичности в таком строго практическом деле, каким считаю законодательство, особенно русское, в настоящее время. Теория, партии, системы, бесспорно, тут необходимы, они и будут непременно, но без такта и любви действительной ничего тут не поделаешь.

Что же, кроме настоящей, сознательной и взвешенной любви к России, побуждало великого Петра отворить окно в Европу, Александра Освободителя делать его дела, императора Николая II согласиться на мир, когда весь разум говорит, что наступил уже перелом и при легковозможной настойчивости военные успехи должны были перейти на нашу сторону. Воля-то ведь руководится не только инстинктами или побуждениями самоохранны, общими заразными привычками и соображениями или расчетами разума, но сильнее всего, превыше всего — любовью, в которой сказывается, прежде всего, отказ от личного и голос общения с близким. Хорошо — да так в идеале когда-то и будет, к тому и стремится все усовершенствование человечества, когда инстинкты — личные, привычки — общие и разум — просветленный диктуют то же самое, что любовь, но этого ведь нет, особенно в деле законодательном, столь далеком от первичного быта, из которого выбираться нельзя без жертв. Выход дает только любовь.

Спрашивается теперь, как достичь того, чтобы между членами Государственной думы преобладали по возможности люди, любящие Россию, в ее будущность верящие и способные ту любовь отстаивать явно, умом поддерживать голос любящего сердца? Задача та сложна и опытным путем — по примерам других народов, — мне кажется, еще далеко не решенная с ясностью. «Всеобщий, прямой и тайный» выбор народных представителей,

чего желает немалое количество наших передовиков, мне представляется не только неосуществимым на деле, но и отнюдь не могущим дать желаемых представителей потому же, что такой выбор при всякого рода допущениях предполагает готовых, ранее назначенных кандидатов и развитие сознательности более или менее равномерным во всем народе. Последнего нигде допускать нельзя, а у нас и подавно, а первое уже, по существу, говорит против всеобщности и тайны.

Признаюсь, что лично я боюсь больше всего преобладания между членами Государственной думы теоретиков, будут ли они из либералов или из консерваторов, и боюсь потому, что, любя свои созревшие мысли более всего окружающего, они должны предпочесть идейное жизненному, а в законах, по мне, это вредно и допустимо лишь в малой дозе. А лицами, имеющими данные склонить к себе всеобщий голос, то есть выступить кандидатами при «всеобщем» голосовании, следует считать лишь идейных теоретиков. Они народу в жизни нужны, честь им и слава, но без преобладания в Думе. Поэтому мое личное мнение против всеобщего голосования. Избрание через выборщиков, установленное у нас, есть единственное донныне возможное, и вся судьба дела определяется не столько количеством выборщиков, сколько их качеством, т. е. цензом.

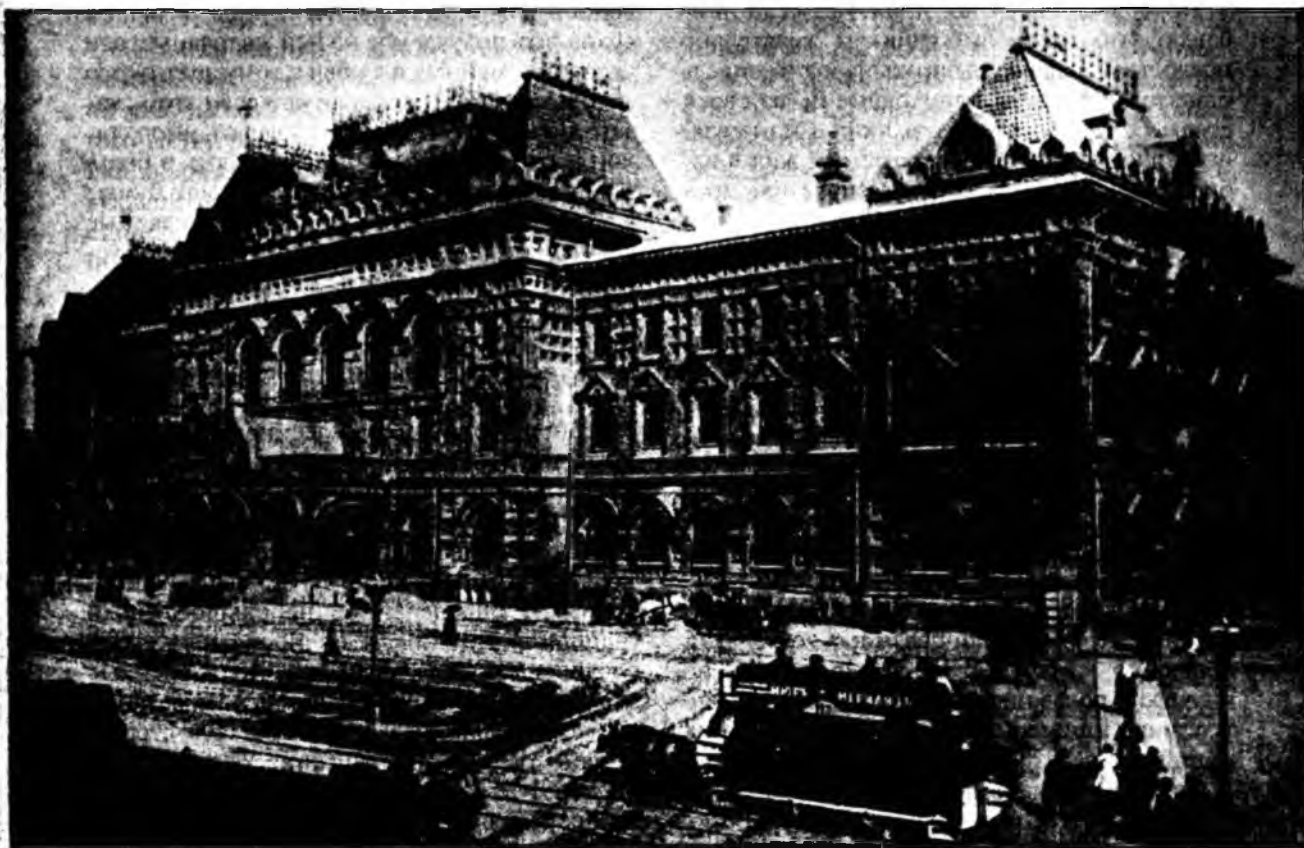
Как у нас, так и всюду преобладающее значение для его определения приписывают имуществу в том, конечно, предположении, что имущество связывает тесно личные интересы с общими. Хотя у меня-то самого цензовое имущество есть, но я лично громко высказываюсь против рациональности указанного начала, хотя бы оно выражено было просто мерой вносимых (но ведь не по личному желанию) податей. Это потому, прежде всего, что имущество наследуется и уже вследствие этого одного нисколько не говорит о личных качествах владельца. Еще если бы дело шло о благоприобретенном имуществе, можно было бы утверждать, что владелец практически изворотлив и деловит, а следовательно, жизни попробовал в действительности.

Но, конечно, не в этом дело вообще, а особенно у нас, когда надо предлагать и обсуждать законы, долженствующие переменить к «благу народному» многие существенные стороны жизненных условий страны, начиная с землепользования и ускоренного разви-

тия всей промышленности до народного просвещения и «устава о службе гражданской». Не вдаваясь в дальнейшую критику имущественного ценза, давно уже и всюду развиваемую, остановлюсь на том, что пришлось не раз слышать лично от передовых людей того Запада Европы, в котором имущественный ценз преобладает. А именно мне говорили, что ценз должен быть научный, потому что наука охватывает уже всю жизнь и без ее руководства достижение «блага народного» и прозорливого предвидения, столь необходимого в законодательных делах даже у выборщиков, немислимо; все равно, дескать, народные представители волей или неволей пойдут за людьми науки.

Такой вариант ценза, хотя лично и ему, по всей вероятности, я бы удовлетворил, считается мной не подходящим ни вообще, ни тем паче к России. Если обычный вид ценза многое передовое замедляет более потребного, то научный ценз, наверно, чересчур ускорит и зачерствит много законов, а то и другое может быть очень вредным и с любовью к стране не согласуется. Главное же, что могу сказать против научного ценза, сводится к тому, что учебные успехи в науках, для дипломов необходимые, означают только подготовку, еще ни за что жизненное и общественное не ручающуюся, а успехи в действительном развитии наук, во-первых, очень не часты, во-вторых, очень специализированы и, в-третьих, чересчур мало связаны с той сложной жизненной обстановкой и тем знанием людей, которое надо более или менее не только обнять народным представителям, но и выборщикам. Когда-нибудь впоследствии, но отнюдь не теперь и особенно еще не у нас, некоторый небольшой научный ценз может служить, как возраст и пол, для ограничения числа выборщиков теми, которых можно считать наиболее способными произвести правильные выборы и выразить голос народа, но теперь и у нас это было бы не только не полезным, но прямо вредным во многих отношениях, о которых не считают надобным распространяться.

Полагая со своей стороны первой необходимостью «вино новое не вливать в мехи старые»⁶¹, я думаю, что в приемах, установленных для определения выборщиков в первую Государственную нашу думу, положены здоровые начала и успешность первых выборов

Новое здание городской думы. Москва. Ок. 1890 г.

во многих отношениях обеспечена, хотя лично желал бы в деле ценза выборщиков видеть впоследствии улучшения разного рода, но так как моей целью вовсе не служит составление каких-либо программ, а лишь выражение заветных, т. е. давно во мне живущих, мыслей, то я остановлюсь лишь на одном, мне кажется, еще не выраженном никем цензовом условии, а именно на том, чтобы все выборщики (и наполовину выбираемые) были отцами, имеющими не менее определенного числа детей.

Для всех стран весьма важно увеличение народонаселения, а для России его значение, по моему мнению, стоит даже на первейшем плане, когда начнут, как можно думать по совокупности благих начинаний царских, быстро возрастать общие условия народного, говоря ближе, крестьянского благосостояния с развитием земледельческой и всех иных видов промышленности. Отцовский, или детский, ценз должен иметь, по всей видимости, благое значение как в консервативном, так и в прогрессивном отношении, потому что у отца, наверное, уже есть немалый жизненный опыт общения и если ему осязательно важны как сохранение общего порядка, так и обеспечение его в будущем — прямо для близких ему. А главное, у отцов в общем должно предполагать много больше, чем у неотцов, тех практических сведений, любовью определяемых и усовершенствуемых, от которых зависит ближайшее будущее.

Супружеская связь еще может быть определяема в большинстве случаев преобладанием личных, эгоистических требований, особенно при соединении с некоторым достатком, но дети неизбежно в огромном большинстве случаев ставят любовь к другим на степень выше эгоистической. Дети и законодательство непременно должны заставлять думать о практическом будущем. В этом главная связь. Если имущественный ценз расширить понижением требований, а усилить отцовством, то выгоды будут, вероятно, сравнительно скоро очевидными.

Но моя мысль станет понятнее, если прибавлю, что отцам-выборщикам желательно предоставить право избирать народных представителей хотя бы наполовину не из своей среды (т. е. неотцов) с тем лишь (без ценза) ограничением, чтобы выбираемый жил в избирательном округе не менее пяти или трех лет. Это для того полезно, чтобы выбираемый был знаком с местными условиями и при выборе его выборщики могли судить о нем не понаслышке да не по словам одним, а по действительным делам, неизбежно соседям ближе известным, так как нередко «стелют мягко, да спать жестко», и это больше всего относится до слов, и выборщики сослужат свою службу родине лучше всего, когда будут руководиться не одними речами и «платформами» *избираемых* или их приспешников, а делами, совершенными предлагаемыми кандидатами в местной среде. Моя мысль выяснится, думается мне, если прибавлю, что разумность и целесообразность суждения проявятся в общегосударственных делах не иначе как после навыка и испытания в более скромных или малых размерах местной администрации.

Сверх вышеуказанной мысли об отцовстве избирателей и о том, впрочем, довольно распространенном положении, что избираемые непременно должны быть жителями (не просто владельцами) избирательного округа, мне желательно высказать лишь одно соображение об избираемых представителях народа. Допустим, что по смыслу как того, что сказано выше, так особенно того, что узаконено положениями о выборах в Государственную думу, обеспечивается, конечно, в известной мере, предвидению доступной, избрание в Думу лишь лиц, вполне знающих всю живую обстановку частной местной жизни. Это, конечно, очень важно, даже совершенно необходимо для правильности и полноты суждений Думы, но все в этих суждениях может не принять никакого участия самая соль земли, лучшие ее люди, хотя бы того желало громадное большинство жителей.

Одни не могут попасть потому, что, подобно Диогену, действительно с фонарем ищут «человека», но презирают личный комфорт, всего себя отдавая благу других, и не имеют никакого ценза. Другие, как Христос, подолгу не заживаются на месте, а везде сеют семена добра. Третьи хоть состоят на государст-

венной или общественной службе и желают сохранить получаемое на ней жалованье ради условий семейных и любви к тому делу, около которого состоят, а сумели при всем этом сказать людям много правды и сделать много такого, что внушает всем уверенность в большой пользе от их участия в суждениях Думы.

Найдутся и другие подобные желаемые члены, которые по необходимым в корне условиям выборов никак не могут попасть в Думу, а для участия в ней желательны. Такие люди и обстоятельства, конечно, могут быть лишь исключительными и немногочисленными, но они, наверное, на деле окажутся, особенно если за соблюдением выборных правил будут следить внимательнее. Мне думается поэтому, что было бы полезно предоставить собравшимся членам Государственной думы право избрать баллотировкой (по заявлению, подписанному не менее как 30 членами) определенное небольшое число (например, 15) новых полноправных своих сочленов. И надо полагать, что избранные этим путем лица будут очень полезны, потому что выразят в известной мере соль страны и явно осветят направление большинства членов Думы.

Места (и оклады) состоящих на службе избранных членов Думы могут быть временно заняты другими лицами, чтобы не было совместительства, которое, говоря вообще, почитается мной очень вредным, конечно, за исключением мест «почетных», более всего выражающих лишь дань за прежние заслуги. Повторю, что вообще ценз для народных представителей надобен как норма, но надо дать прямую возможность поправлять неизбежные его недостатки ради достижения в Государственной думе совокупности лучших представителей народного разума.

Сухая формальность законов везде, где можно ее вред предвидеть, должна быть смягчаема голосом народа, как она смягчается волей царя; в суде присяжных возможность этого смягчения наиболее драгоценна, ибо никакой закон человеческий не может обнять всего многообразия действительности, и тем не менее законы необходимы. Сухой формализм производит в одно и то же время как то, что называется «канцелярщиной», так и то, что составляет беспощадные «утопии», он же губит и многое верное в началах, а выход из круга, по-видимому, заколдованного, дается

лишь любовью не только к общему, но и к частному, или индивидуальному. Увлечение одним общим или одним индивидуальным, по мне, полной зрелости не показывает и от господства реального зла не предостерегает. Рационалисты этого не поймут. В предшествующем отдельном примере (выборы представителей) я старался показать, что закон может быть так составлен, что при господстве общих начал окажутся исключения для лиц, цензу и выборщикам не ответивших.

Это особо важно помнить, обсуждая в наше время законодательство, надобное России, потому что ее природные условия чересчур разнообразны, ее жители разноплеменные, с различным прошлым и ее народ до чрезмерности разнороден по началам религиозным, нравственным и образовательным. Всего этого не охватить сухими подробностями законов. Эти подробности родят много зол. Между причинами, вызывающими часто вредные и излишние подробности законов, немалое место занимают софистика и диалектика⁶², а более всего натяжки в насильственном требовании полного единообразия там, где оно может быть достигнуто только само собой и мало-помалу таинственными и часто постепенными путями истории, да и то не до конца, не без исключений.

Чтобы по возможности избежать доктринального единообразия подробностей законов, необходимы общеобязательные законы, ясные и вразумительно-практические, но лишенные подробностей, которые могут быть узаконены с разнообразными вариантами, как по местным условиям, так и по разным иным соображениям. И надо, по моему мнению, первее всего обдумать и всячески взвесить эти общие законы, а выработку местных и всяких иных частных и подробностей пока отложить, а потому что эти последние невольно возбуждятся жизнью и отношением к ней администрации, иначе, т. е. сразу вступив в область частных и особенностей, легко можно, говоря грубо, завязнуть в них и тратить на них дорогое и толкающее к общему выяснению время спешных законодательных работ. Притом неизбежно ежегодное рассмотрение государственных смет послужит прямым поводом к выяснению большинства частных, когда общее уже решено и узаконено.

В примерах это очевидно, но я приведу лишь немногие действующие уставы университетов и других высших учебных заведений, судя по всем практическим последствиям и явлениям, изменить необходимо, и можно годы проработать, обсуждая все их подробности и частности, да пришлось бы эти последние затем опять переменять и обсуждать, когда дошли бы, например, до общих узаконений, касающихся сословных особенностей, уставов службы гражданской, выборной и военной и т. п. Но одно уже ныне, к счастью, изданное постановление закона о возвращении университетам того, что условно называется «автономией», все дело если не предрешает до конца, то до крайности упрощает, а главное, ускоряет устранение вопиющих недостатков. При установлении общего закона, конечно, нельзя довольствоваться таким словом, как «автономия», его необходимо выяснить, но это выяснение поставит только вместо одного слова двадцать, но никак не целые тома всякого рода «положений».

В таких уже решенных делах, как освобождение крестьян, как свобода церковно-религиозных убеждений, как общность воинской повинности и т. п., общее узаконение определило все почти дальнейшие подробности. Конечно, в этих подробностях некоторые части могут оказаться в противоречии с общим началом, но, во-первых, их легче поправить, чем общее направление, и, во-вторых, вкрадываются эти противоречия обыкновенно не вследствие недоразумения, а чаще всего из-за односторонней выработки подробностей; если же и они пройдут чрез разум Государственной думы, число таких противоречий с постановленным общим началом уменьшится и качественное значение умалится, так как сотни новых свежих умов об этом, без сомнения, позаботятся.

Будут законодательные дела, например, о свободе печати, в которых, по видимости, все дело в совокупности подробностей, но сущность их, мне кажется, все же может быть решена помимо разрешения всех подробностей, например, если и для печати определятся параллельные меры за проступки политического, нравственного и личного свойства, потому что всякие виды свободы подразумевают не только права, но и обязанности; нарушение же последних должно по суду ограничивать те или иные права; полная же или

абсолютная свобода какого бы то ни было социального отношения есть анархия или нарушение чьих-либо прав, для ограждения которых законы и назначаются. В одних случаях общее законоположение улучшит и выяснит, хотя бы в общих чертах, права, в других — обязанности. Но ясным и здоровым, полезным и прочным, новым и наиболее желательным должно считать только такое частное ли или общее законоположение, в котором выясняются те или иные права рядом с обязанностями, им соответствующими.

Упущение этого соответствия ясно наказывает или карает последующая история. Государственная дума с самого начала своей деятельности должна проникнуться означенным началом, а если роль защитника обязанностей преимущественно падет на Государственный совет, в Думе же будут обсуждаться преимущественно права, то односторонность, а за ней наказания истории роста «общего блага» останутся тяготеть над нами. Члены Думы, освобожденные от прямой ответственности за свои суждения пред своими избирателями и судом, избежать не могут суда истории и потому поступят прозорливо, если при каждом обсуждении прав, общих или частных, взвесят и обсудят, сформулируют и узаконят обязанности, сопрягающиеся с желательными правами.

Пресловутая «декларация прав» много бы выиграла в своем историческом значении, если бы более категорически выставила общие для всех обязанности, кроме простого упоминания о покорности закону и суду. Грехи односторонности зависят, конечно, не от того одного, что законодатели имеют в виду обыкновенно лишь обязанности положительного свойства (например, у Конфуция: «Почитай предков, соблюди церемонии» и т. п.) или отрицательного (например, у Моисея: «Не укради, не свидетельствуй ложно» и т. п.), даже не потому, что они, нередко пользуясь явными правами от узаконяемых обязанностей, надеются еще прочими обеспечить свои права, но преимущественно, по моему личному мнению, от того греха законодательства состоят более всего в односторонности, что доныне диалектика и ее ветвь — красноречие — чаще всего берут верх в законодательстве, диалектика же, по существу, одностороння, так как имеет в виду лишь простоту немногочисленных логических посылок, а не запутанную

сложность отношений лиц друг к другу и к обществу, чем отличается та действительность, к которой закон должен относиться.

А то, что называется красноречием, присутствием диалектике, увлекает, заслоняет своей пеленой действительную сложность смеси добра со злом. Если бы для реплики законодателям-диалектикам можно было вызвать историю, да не прошлого, а будущего, из столкновения мнений и логических сопоставлений легко было бы выводить здоровое решение. Но столкновение партий еще не вносит достаточно света, потому что сама прочность различия партийных начал показывает их односторонность, нужно же для решения именно возможно полное отсутствие односторонности и отсутствия партийности.

Потому-то очень велико значение рассмотрения законодательных предложений, по крайней мере, в двух независимых высших государственных учреждениях и особенно соизволения царя, у которого никаких иных соображений, кроме «блага народного», и быть не может, особенно тогда, когда предмет предварительно рассмотрится со всех доступных сторон, как должно полагать по отношению к большинству законодательных нововведений. Но при этом рассмотрении, особенно в таком многочисленном собрании, каким будет Государственная дума, необходимо многое предусмотреть для того, чтобы решения большинства были объемлющими действительность, что, конечно, и желательно.

Тут постараюсь быть до крайности кратким, чтобы не удлинить и без того затянувшееся изложение. Мне кажется полезным при обсуждении предметов, по крайней мере в общих собраниях Думы, предварительно вообще согласиться о небольшой продолжительности, например не более 15 минут, речи каждого отдельного оратора и о том, чтобы каждый из них ранее всего выразил общий смысл своей речи («за» или «против» того-то). От этого должны получиться две выгоды: сократится время, составляющее в законодательных работах важный элемент, и диалектика приблизится к действительности, т. е. число логических посылок сократится до крайней возможности.

Великую пользу двух указанных предварительных соглашений я видел на деле, так как они были осуществлены в комиссии, рассматривавшей под председательством покойного

И. А. Вышнеградского статьи Таможенного тарифа в 1890 году. Хотя в окончательном обсуждении участвовали представители разнообразнейших направлений в числе более полусотни, все же можно было ждать большой затяжки от велеречия, но предварительно уже рассмотренные подробности решались и быстро и ясно именно вследствие принятия ограничений, предложенных И. А. Вышнеградским. На своем веку мне пришлось участвовать во множестве коллегиальных обсуждений и решений, но такой успешности, ясности и взвешенности голосований в столь краткое время никогда не приходилось испытать. Все дела подобного рода, очевидно, много зависят от личности председателя.

На этом считаю в настоящее время необходимым закончить свои заметки о законодательстве, потребном России.

От того, что предначертано царским манифестом 6 августа, надо ждать больших улучшений, и если чего можно опасаться, то возникновения новых, особых видов волокиты, стремящейся все перемешать, например, при обсуждении университетов, когда должно иметь в виду, прежде всего судьбы истинного высшего просвещения, настоятельно надобного для «блага, России», примешать беспорядки, возникшие в университетах, а к животрепещущему вопросу об устранении искусственных препятствий для дальнейшего развития благосостояния крестьян — обсуждение общинного землевладения, к суждению о железном производстве — вопросы о покровительстве, казенныхказаках и т. п.

Связь, как в указанных случаях, так и во многом связуемом, несомненно, есть, но диалектика все путает; действительность же, глядя, что всего сразу никак не сделать, требует улучшений неотложных хотя бы в определенных частях, показывая, что необходимость других улучшений выступит явно или наступит как следствие уже сделанного. Очень и очень многое в будущем России предопределится тем, что и как успеет сделать и сделает первое, в январе 1906 года собирающееся собрание Государственной думы. Из того, что она сделает, видно будет, между прочим, и то, насколько свойства и особенности нашей администрации зависят от свойств общих преобладающему большинству нашего народа, а это вопрос первостепенный при обсужде-

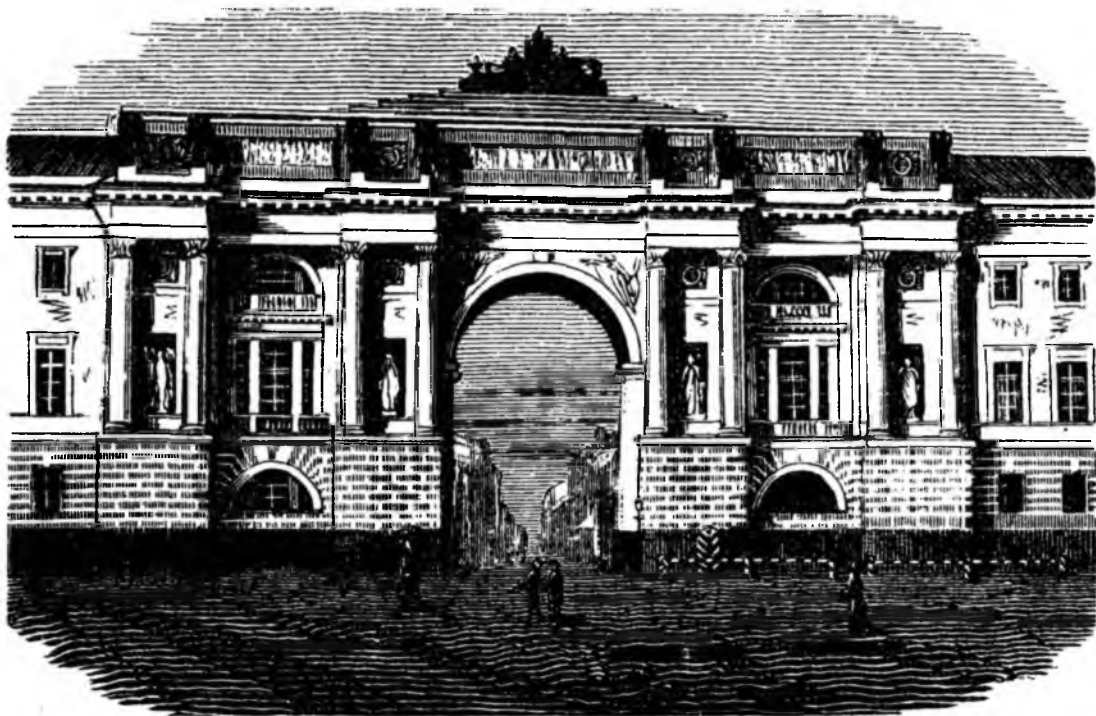

И. А. Вышнеградский

нии административных русских порядков, к чему теперь же и переходу.

II. Администрация, или власть исполнительная, говоря вообще, соответствует настоящему времени, если законодательство — предстоящему, а суд — протекшему. Законодательство и суд менее сложны, чем администрация, взятая в целом, и если против какой-либо части правительства идут нарекания, то преимущественно именно против администрации. Основываются они по существу своему главным образом на том, что администрация нередко присваивает себе не только в случаях, законами не определяемых, но и там, где законы ясны, такую часть законодательных и судебных функций, которая не согласна с интересами граждан, а улучшение администрации может основаться только при возможно строгом разделении трех основных или первичных правительственных отправлений.

Разделение их, однако, во множестве частностей еще не закончено, а в некоторых частях до такой степени условно, что его подробности должно непременно понемногу точнейшим образом установить законодательным путем, чего, по мнению моему, не надо и доказывать по очевидности. Но и там, где законченность разделения прави-

Сенат и Синод в Санкт-Петербурге. Гравюра XIX в.

тельствующих функций доведена до возможного предела ясности, у администрации кроме наблюдения за уклонениями от требований закона остается и останется всегда много обязанностей, выясняемых более или менее произвольно, лишь по духу закона «за совесть» и прямыми отношениями отдельными гражданами к отдельным лицам, администрации.

Для примера укажу на избрание и удаление подчиненных служащих, на принятие во внимание частных и личных обстоятельств, на успешность преследования скрывающегося зла, на меру содействия добру и т. п. Личные качества исполнителей не могут быть лишены доли произвола, и законодательство не может охватить всех частных случаев. Поэтому от исполнителей в администрации, как от солдат в армии, нельзя требовать только свойств точной машины, а необходимо принимать во внимание и личные качества людские.

По этой причине первая суть дела в выборе служащих по администрации. Эта часть дела разрешима только подбором лиц, начиная с самого верха, а он, как далее постараюсь выяснить, может быть хорошим только при организации единства в администрации. Однако административные действия, во всяком случае, должны быть до мелочей проникнуты законностью, ибо без того исполнителей закона нельзя логически представить. Если допустить существование надлежащих разъяснений, относящихся к административным действиям, то для «блага страны» неизбежно необходимо, чтобы превышения административной власти подлежали каре по суду и только в особо исключительных, преимущественно мелочных, случаях — каре дисциплинарной, т. е. исходящей от высших органов самой администрации.

А для того чтобы такой порядок мог осуществляться в действительности, необходимы кроме законодательных разъяснений два условия: 1) суд должен быть от самого верха до самых низших ступеней совершенно отделен от администрации, а для этого у нас многое существующее надо изменить, начиная, мне кажется, с выделения министерства юстиции из числа обычных министерств и отнеся к особому отделу Сената или высшего суда все предметы этого министерства, и 2) необходимо широко допустить и действительно применять обжалование перед судом незаконных действий чинов администрации не только прокурорами, но и каждым гражд-

данином, и не только теми, которые состоят на так называемой действительной службе (пользуются чинами и пенсиями), но и теми, которые служат по найму и могут быть назначаемы и увольняемы своим ближайшим начальством. В число этих последних, по мнению моему, следовало бы включить все должности низшего, чисто исполнительного свойства, начиная с помощников столоначальников в министерствах.

Обжалование незаконных действий чинов администрации возможно до некоторой степени и по современным законам, но в действительности мало применяется; известно конечно, что высшим сферам суда независимость от администрации обеспечена в несравненно большей мере, чем низшим органам судебной власти, а «благо общенародное» определяется не столько высшими органами правительства, сколько неизбежным множеством низших. Так как жизнь первых определяется вторыми, то никакие улучшения законов не отразятся благом народных масс, если в них исполнители законов перемешаются с истинными блюстителями законов или пока администрации предоставляется не только исполнять законы, но и влиять на кару за их несоблюдение.

Первичный порядок состоял и ради простоты должен был состоять в этом смешении, как в первичной промышленности всегда есть смешение того, что с ростом специализации к общей выгоде разделяется. Обыкновенно боятся упадка авторитета исполнителей-администраторов, если судебные власти изъять из круга администрации, в которой единство начала столь необходимо для успешности борьбы с организованными видами зла (а таких осталось немало даже с прекращением разбойничества), но личный авторитет всяких людей, а в том числе администраторов, определяется исключительно нравственностью и разумностью всех действий или отношений к окружающим, а безличный авторитет правительства только разумностью издаваемых им законов и их соблюдением.

Администратор, не сумевший приобрести личный авторитет и не соблюдавший законов, плох, и, если его удалят, можно ждать на основании множества примеров только улучшений. Но конечно, суд, как всякое людское дело, может ошибаться, а потому его сужде-

ния, относящиеся до законности действий администрации, должны подлежать особым формам кассации, и вся важность предмета может сильно выясняться в отдельных случаях, хотя центр тяжести в двух началах: подсудности администрации и в легкой возможности обличения на суде администрации в незаконных действиях, потому что иначе законность нельзя обеспечить и сделать одним из элементов «блага народного». Администрация вообще и в частности администраторы, действующие законно, не могут страшиться суда, как не страшится его и всякий добрый гражданин, потому что суд, в конце концов, должен устранить неправоые обвинения и карать только при их доказанности.

Но оставим эту хотя и важную, но не всеобъемлющую сторону административного дела, потому что законы, сколь бы ни были они прозорливы и разумны, не только всего предусмотреть не могут, но и пишутся, в сущности, только ради устранения зла, а возбуждать добра не могут ни при каких законодательствах. Благо же народное, ради которого существуют правительства, определяется, прежде всего, суммой добра, посеянного, выросшего и плоды приносящего. Законодатели и судьи, содействуя преимущественно искоренению зла, конечно, содействуют победе добра, но только одна администрация не отрицательно, а положительно может действовать в его сторону не попушением уклонений от закона, а содействием в круге свободных действий граждан. И в этом смысле как в первичном администрации принадлежит роль исполнительная, если, как я старался показать в начале своего изложения, современные правительства назначают не только для выполнения первичных функций, но и вторичных, от которых более всего зависят в наше время успехи блага народного.

Если же эти исходные мои положения ясны и будут признаны, то из них, несомненно, вытекает великое, определяющее многие отношения значение администрации как правительственного органа, могущего служить распределителем в народных массах тех благих предначертаний, которые, по существу дела, должны исходить от верховной власти и содержаться, хотя бы в сокрытой или потенциальной форме, в законодательстве. Меня не смущает ни то, что об этом предмете распространены мнения, противоположные

высказанному, ни то, что сам я убежден в согласии действительности с этими противоположными мнениями для большинства (но отнюдь не для всей) администрации, ни даже то, что мой взгляд смахивает на оптимистическую идеализацию. Не смущаюсь потому, что огульный пессимизм ничего жизненно здорового дать не может, что, не ставя или не имея идеалов общих, в реальных частностях непременно должно запутаться и даже обманывать себя и других и что мои «Заветные мысли» относятся более всего к предстоящему, а в нем справедливо можно не только желать, но и надеяться на администрацию как важный, общему успеху помогающий орган правительственной власти.

Все дело, по существу, сводится к подбору должных людей, администрацию составляющих, к выработке законов, определяющих круг действия исполнителей, и к тому общему и всепроникающему, что называется нравами и определяется нравственностью. Состав администрации в ее многообразных разветвлениях так велик, что на лицах администрации отражаются все главные народные свойства и привычки, т. е. нравы. Корень дела — в выборе лиц администрации. Но здесь можно говорить только о верхних, или направляющих и направляющих, администраторах, т. е. главным образом о министрах и губернаторах, потому что они сами, выбирая подчиненных и направляя их деятельность, уже сумеют придать всему вверенному им делу им самим принадлежащие оттенки.

Единство основных требований заправил неизбежно должно отразиться на единообразном отношении всей административной машины к делу выполнения законов. Оно отчасти кажется, что и тут лучше не стеснять естественного разнообразия, потому что зла все же избежать невозможно ни при каких распорядках, а при единообразии всей администрации кажется, может быть, зло не исключительным, а общим. Мне думается, что такая софистическая постановка вопроса неверна, потому что обобщенное зло выступит явно пред всем народом, что его не прикроешь; оно будет громко говорить не только перед судом, но и перед народными представителями, которые его скоро изведут, и потому особенно, что такое обобщенное административное зло немислимо при надлежащих законах иначе как в соединении, даже в зави-

симой связи со злом в самых высших административных сферах, а они, как высшая точка здания, видны отовсюду, кроме разве самой внутренности здания и очень близких к нему мест, и могут быть переменены, не трогая самого здания.

Отстраняя фигуральность, думаю, что мысль моя станет уясняться, если скажу, что во главе администрации обычно у нас считается сам царь, действующий чрез министров; следует же иметь особого, царем, конечно, поставляемого главу администрации, без чего зло, легковозможное в административном деле как вообще, так и по частям, искоренить очень трудно. Государь есть верховный правитель, и вся администрация только известная доля целого правительства. Пороки в администрации, всегда возможные и до крайности могущие вредить «благу народному», ничуть не должно даже в мыслях относить к недостаткам всего правительства, а лишь к недостаткам самой администрации.

Если администрация будет иметь своего высшего представителя и пороки определяются недостатками отдельных лиц, высший администратор их заменяет лучшими; если же вся система на деле окажется плохой, т. е. благу народному несоответствующей, перемена возможна при помощи назначения монархом нового высшего администратора с иными, быть может, общими или исходными началами, из другой «партии», как принято говорить на основании западноевропейских примеров парламентских партий.

В делах людских абсолютное совершенство обеспечить невозможно, но приближаться к нему должно постепенно, чего и можно достигнуть не иначе как в соединении двух приемов: гипотез и опытов. Гипотезы — это «партии», опыты — это исполнители в делах административных. Неладная гипотеза дает и неладный опыт, а неладное для всего совершенствования необходимо заменять пригодным. Пригодное можно и должно твердо закончить, но сомнений и недоразумений все же останется множество, всего решить и направить в должную благую сторону нельзя, и вот для этого-то сонма сомнений и недоразумений нужна администрация с определенными, осознанными «партийными» гипотезами или с системой, целями и приемами.

Попробовав их на деле, она сама может сознать свою ошибочность, тогда и уйдет от де-

ла; а если не сознает сама, а окажется по результатам непригодной, ее удалят и перейдут к иному, например, от застраживания и репрессий к снисходительности и содействию, от классицизма к реализму, где они еще не узаконены, от системы «золотой валюты» к кредитной, от юдофобства к юдофильству и т. п. Решать абсолютно будет жизнь и действительность, и всякая система решений, заранее готовых, на деле может быть злом, жизнь же может прибавить и компромиссов, и средних мер, подготовки и последовательности. Если признается необходимым и сами законы изменять, то тем паче надо иметь возможность легко сменять отношение исполнителей к тому, что остается еще невыясненным для законодателей и для чего назначены исполнители или администраторы, должностные применять не одни буквы, но и дух законов. Только не искусившийся в жизни и в приложении «систем» может думать, что у него есть ключ к решению всего. Не только его еще нет у кого-либо в руках, но он помещен так высоко и далеко, что подбираться к нему люди могут лишь осторожно, путем постепенным, индуктивно-опытным.

В деле правительства путь этот до сих пор цельнее всего выразился в установлении единства администрации, осуществляемом во главе министров или первым министром, или в том, что у нас подразумевается обыкновенно под именем *канцлера*, как для краткости я его и буду далее называть. Его главнейшее право внешнее — подбирать себе министров, ведающих отдельными частями администрации, а право внутреннее — держаться определенной системы. Его главнейшую, как бы внешнюю обязанность составляет направление всех частей администрации «благу народному», а обязанность внутреннюю — удаляться, если принятая им система окажется на деле худой.

У нас и в наше время, конечно, как канцлер, так и министры, им предлагаемые, не только должны избираться и утверждаться, как повсюду, государем, но и должны следовать исключительно за его указаниями; прямой связи с Государственной думой у них не будет, но косвенная при посредстве царя с народом явится непременно, а такая связь, по мне, лучше всякой непосредственной, прямо согласованной с преобладающей партией народных представителей.

Устойчивость верховного правителя в настоящем и предстоящем определится опорой на три высших учреждения: Государственную думу, Государственный совет и канцлера с министрами. Опора первая, должно надеяться, будет тверда народным избранием и опытом современным; опора вторая — разнообразием личных направлений, прошлым опытом проверившихся, и независимостью положения; третья же опора по существу может быть шаткой, но ее легко заменять новой, в которой можно ждать всей желаемой прочности.

Скажу яснее или прямее: практически благие начинания правительства найдут при предлагаемом строе скорое осуществление, по крайней мере, со стороны двух важнейших органов правительства, а все то непрактическое или вредное «благу народному», что может прорваться в жизнь и ее администрацию, не только заявится народными представителями, но и послужит — прямо или косвенно — к смене канцлера и министров и затем, конечно, поправится или отменится.

Единство исполнительной власти, выражающееся в установлении должности канцлера, считается мной одним из первейших условий возможности устранения многих явных недостатков существующего у нас строя даже по той причине, что ныне, когда все министры и министерства лишь с формальной стороны связаны в Комитете министров, а в существе вполне независимы друг от друга, в администрации повсюду, т. е. на всех ступенях, идут и действуют разноречивые начала во всем том, что еще не окрепло, и особенно в том, что требует от администрации не отрицательных (карательных), а положительных (содействующих) мероприятий, так как в практике разделить министерства необходимо, а в жизни главнейшие дела, особенно прогрессивно новые, столь сложны, что касаются многих министерств, а каждое чувствует себя независимо, точно особые государства в едином общем.

Примеры на каждом шагу и, конечно, известны всякому из нас. Выдающимся примером служат дела того промышленного развития, которое должно определить судьбы экономического роста России и всего благосостояния ее жителей. Министерство финансов, особенно со времени И. А. Вышнеградского, приложило много усилий к содействию его успеш-

ному ходу и росту, но дела этого рода только одной частью своей зависят от этого министерства, а много зависят в своем течении от Министерств внутренних дел, путей сообщения, государственных имуществ и др. В подробностях и частностях это сказывается резко, например железостальные заводы, ведущие все дело до переделки с добычи чугуна из руд, должны держаться инструкций и инспекторских указаний горного ведомства, долго причислявшегося к Министерству государственных имуществ, а те, в которых ведется то же самое дело, начиная с чугуна, целиком подчинены Министерству финансов, порядки же в обоих министерствах разные.

Порядки и правила для устройства и ведения всех фабрично-заводских производств составляют в министерстве внутренних дел преимущественно под углом зрения вредности их всех, что прямо противоречит с точкой отправления министерства финансов. Кое-как в жизни приходится выживать, но успешности в движении самих благих и взвешенных предначертаний правительства нельзя ждать, пока не наступит с единством администрации и канцлером реальной и явно согласованной, стройной зависимости всех министров и министерств. При ней, без всякого сомнения, уйдет и добрая половина письменного производства, начиная от министерств и до последних разветвлений администрации, потому что уйдут пререкания, сношения и согласование действий, занимающие теперь много сил всех канцелярий.

Стоя во главе администрации и снабженный правом подбирать себе министров, канцлер может соблюдать желаемое и ему обязательное или ответственное единство лишь при обозначении ему и тесно с ним связанным министрам суммы прав, которые могут определиться только при тщательном пересмотре Устава о службе, как гражданской, так и военной. Уставы эти явно устарели и во множестве частей совершенно не соответствуют тому, что надобно современной России. Будучи убежденным постепеновцем, хотя я и полагаю, что чины и особенно принцип «выслуги лет» не для пенсий, где он неизбежно необходим на началах страхования, а для производств и повышений необходимо в корне изменить, но полагаю, что сделать это можно и должно лишь с осторожностью и постепенностью, поставив на то место ис-

ключительное начало личных заслуг и способностей.

Ведь дело касается большого количества как бы то ни было одних из лучших, интеллигентнейших людей нашей страны. У нас все, начиная с высших учебных заведений, приурочено к тому, чтобы привлечь к службе по отраслям администрации этих лучших людей, и по сих пор прочная, хоть и не особенно казистая обеспеченность жизненной обстановки интеллигентов существует только для лиц служилого сословия, а от него ведет начало большинство не только дворянства, но и нашей немногочисленной аристократии.

Самое важное для будущих судеб России — открыть несомненно и быстро прибывающей интеллигенции прочный путь в промышленности, которая тем и важна, что дает обеспеченные достатки не только низшим слоям народных масс, но и образованной ее части всяких степеней, как становится очевидным из статистических данных, сообщенных выше для Северо-Американских Соединенных Штатов, где общий средний годовой оклад техников, надсмотрщиков, конторщиков, бухгалтеров и т. п. фабрично-заводских служащих доходит до 1800 рублей, что далеко превышает общие средние казенно-служебные наши оклады, принимая во внимание кучи чинов канцелярий.

Думаю даже, что, избирая именно для них лишь наиболее подходящих и увеличивая их оклады на счет числа лиц, можно получить не только улучшение администрации, но, пожалуй, и экономию; хотя в таких ответственных должностях, каковы полицейские, очевидна не только необходимость в увеличении окладов, но и в числе лиц, так как во всем образованном мире имеется, особенно по городам, число чинов полиции, увы, в несколько раз превосходящее то, что существует у нас, если за исход взять число жителей.

Все это надобно сперва привести в полную числовую и сравнительную с другими странами ясность, изучить и обсудить раньше, чем ломать существующее и строить план будущего; и если я заговорил об этом, то лишь по той причине, что столь необходимое канцлерство непременно приведет к пересмотру всех наших служебных уставов, а без этого, одним усовершенствованием законодательства нельзя надеяться на оживление самосто-

Б. М. Кустодиев. Купец (Старик с деньгами). 1918 г.

Улица
на «нижневъ базарѣ»
въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Ткань производства Прохоровской
Трехгорной мануфактуры. 1880-е гг.

Общий вид московской биржи. 1865 г.

ятельной народной деятельности, без которой успехи страны немислимы и до энергического возбуждения которой если не первый назначенный канцлер, то его преемники неизбежно додумаются и так направят администрацию, чтобы она ей всемерно помогла. Без должного подбора лиц, сколько-либо административно самостоятельных, и без предоставления им права подбирать себе как временных, так и постоянных сотрудников и помощников, мне кажется, тут ничего последовательного и прочного сделать невозможно.

Чтобы показать возможность совершенно иных, чем у нас господствующих, порядков административного подбора, надо узнать положение этого предмета в С.-А. С. Штатах, но я считаю неуместным описывать его во всей полноте, а приведу лишь то, что лично меня поразило в 1876 году, когда один влиятельный знаток показывал мне недавно устроенное здание Министерства финансов в Вашингтоне, где сосредоточена и большая счетно-контрольная работа, поручаемая определенному числу начальников отделов, которым сообразно с количеством и качеством дел назначаются определенные суммы на приглашение или наем подчиненных исполнителей, предоставляя право приглашать кого каждый хочет на определенный ряд окладов с правом повышать их или понижать, лишь бы не выходить из назначенной сметой суммы.

Подходим к одному из таких отделов, и мой руководитель, улыбаясь, советовал мне обратить внимание на то, что начальник отдела любит хорошеньких дам и дает у себя места только таким. И действительно, там были большие ряды красавиц на подбор. Через несколько времени меня опять остановил мой руководитель пред дверью одного из отделов, сказав, что и в этом отделе начальник его считает женский труд более подходящим, но «жена у него очень ревнива, а потому принимаются только старухи и уроды», что и увидел в действительности, проходя опять между рядами столов, за которыми работали над счетами исключительно дамы.

По моему мнению, тут есть над чем призадуматься, когда желательно достигнуть возможной простоты, экономности, цельности и успешности в чрезвычайно сложных административных работах.

Между ними есть два разряда, чрезвычайно важных для центров администрации, т. е., по нашему предположению, для канцлера и министров. Это, во-первых, составление законодательных предложений, исходящих от министров и канцлера и поступающих в законодательные учреждения, и, во-вторых, собрание и издание статистических данных, освещающих текущее положение всех главнейших дел страны. У администраторов так много частных дел, что трудно отдалиться двум указанным предметам, тем более что они требуют чрезвычайно строгой последовательности и нередко чисто специальных и разносторонних сведений, а без их выполнения хорошо администрировать невозможно.

Для этого пополнения пробела мне кажется необходимым при канцлере, т. е. для совокупности всех министерств, учредить, во-первых, канцелярский совет, а во-вторых — Главный статистический комитет. Оба учреждения, новые по своему существу, вероятно, не потребуют много новых средств, потому что совет может быть образован из совокупности членов советов, состоящих при отдельных министерствах, включая туда Военное и Морское, а комитет — из совокупности Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел и руководящих частей статистических отделений, состоящих по многим департаментам и министерствам.

Совокупление разрозненных сил в целостных учреждениях с явными задачами должно, по моему мнению, много улучшить ход большого числа административных дел. При смене канцлера и министров оба указанных учреждения, сохраняясь в своем составе, образуют реальную связь прошлого с наступающим, что вполне необходимо для сохранения за администрацией влиятельнейшего положения. А так как оба указанных учреждения будут иметь значение лишь помощи канцлеру и, очевидно, будут осведомлены о том, что администрация делала за последнее время и чем или как в жизни отозвались как законы, так и действия или распоряжения администрации, то канцлер получит в указанных учреждениях драгоценнейшие указания для правильного направления деятельности всей администрации и может сделаться действительным руководителем скопых улучшений всего народного прогресса.

Канцлерский совет, составленный, как современные советы при министрах, из испытанных службой, т. е. опытнейших, лиц по всем отраслям управлений, по моему мнению, много выиграет в своем значении и может принести еще большую пользу делам канцлерства, если будет, с одной стороны, пополнен двумя или тремя назначаемыми на определенные сроки от Сената его членами и тремя лицами, назначаемыми от Академии наук и университетов С.-Петербургского и Московского на год, а с другой стороны, временно будет по указанию канцлера пополняться для обсуждения определенных дел приглашаемыми знатоками.

Способами этими и командировкой для пополнения недостающих сведений соответственных лиц канцлер будет поставлен в известность о многом, что легко может иначе ускользнуть от его внимания, и практическая компетентность состоящего при нем совета, наверное, возрастет. Совет этот, председательствуемый одним из членов, назначаемых канцлером, должен прежде и более всего заняться разработкой законопроектов, поступающих от министров, согласованием действий разных министерств и разбором особенностей или отношений разных краев государства к общему целому, а затем разработкой всех тех вопросов, которые поручит ему канцлер, для которого значение постановлений совета может ограничиться лишь подготовительным, но, конечно, может быть и определяющим, смотря по личному усмотрению канцлера, в помощь которому и назначается вся деятельность совета.

Объединяющее значение канцлера должно много выиграть в силе и практическом значении, если он будет иметь возможность опереться не только на большее или меньшее согласие основных, так сказать, теоретических начал главных руководителей администрации, но и на возможно точные и современные численные данные статистики, показывающей числами ряд тех дел народных, в которых выражается «благо народное». Сюда относятся числа, касающиеся числа жителей, их распределения по местностям, по степени образования, занятиям, семейственности и т. п., их оборотов в виде расходов на правительство, на услуги и на покупные товары и в виде приходов от трудовых оборотов всякого рода, начиная с промышленности всех видов, от услуг

и от запаса, заранее скопленного и отложенного, т. е. от того, что называется капиталом.

Для того-то три первые главы этой книги и посвящены своду некоторых статистических чисел, что в них лучше, чем в чем-либо ином, выражаются условия относительно развития «блага народного». Конечно, «внутреннего нравственного совершенствования отдельных лиц», в чем одним иным представляется возможность «улучшения общественной жизни», статистика показать числами непосредственно не может, но то, для чего это назначается, т. е. направление роста «общественной жизни», — в силах, и по ним судить можно уже о росте, неподвижности или упадке «блага народного», потому что жизнь общественная выражается в сношениях и отношениях взаимностей всякого рода, начиная с меня и прироста числа жителей до подсчета числа учащихся или численного отношения лиц разных жизненных профессий или занятий.

Ясность самопознания администрации и общего понимания положения вещей много выиграет, если Главный статистический комитет систематически и без замедлений будет публиковать результаты всех многочисленных уже у нас исследований и подсчетов, касающихся местной и общегосударственной жизни, если он будет содействовать улучшению и дополнению таких статистических сведений и в деле чередовых общих народных переписей последует и превзойдет С.-А. С. Штаты. Для того чтобы в делах Главного статистического комитета было сколь возможно более точного соответствия с действительностью, не только должно снабдить его надлежащими денежными средствами, но и верить управление им лицу с научным именем и достаточным жизненным опытом, с рядом помощников из числа испытанных статистиков и из лиц, стремящихся отдаться этому делу простой правды и точности.

Работы даже для улучшения общих переписей, особенно при объединении и надзоре за собиранием местных данных, при сравнении с данными других стран и для удовлетворительных и скорых ответов на запрос канцлера, будет так много, что средства, потребные для этого учреждения, не должны быть малыми, но они окупятся с избытком, потому что помогут следить за состоянием всего народного организма. Связь дел Госу-

дарственной думы и этого комитета так велика и очевидна, что, во-первых, обещает обоюдное сближение и, во-вторых, посодействует желаемому сближению усилий Думы и канцлера. Сказанное здесь выясняет, думаю, достаточно мои мысли о Главном статистическом комитете.

По отношению к администрации мне следует для полноты высказаться о разделении министерств, о местном управлении областей, губерний и их частей и о годовом бюджете государства. Но я тут буду особо краток. По отношению к делению министерств это определяется тем, что о некоторых из них предполагаю говорить дальше, в особенности о министерстве промышленности, а при объединении всех министерств в канцлере, упомянутом выше, вовсе не особо важно отнесение дел к тому или иному министерству. По отношению к местному управлению губерний и их частей в совокупности скажу только, что теоретически склоняюсь к возможному расширению местной самостоятельности, но о мере и последовательности преобразований и надобностей, сюда относящихся, признаюсь, у меня не сложилось определенных и ждущих выражений пожеланий, а потому предпочитаю не распространяться об этом предмете, будучи уверен в том, что в Государственной думе будет большинство, которое с должной осторожностью приступит к вопросам, сюда относящимся, тем более что преобладающее большинство русских людей легко может усмотреть замашки сепаративных стремлений во всем том, что превзойдет первые, всеми желаемые меры для развития самостоятельности местного управления.

Скажу при этом откровенно, что, зарвавшись сразу далеко в требованиях, касающихся местной автономии, непрактические теоретики могут не только ничего не достичь, но и надолго повредить делу развития освободительных реформ, эпоха которых явно наступила. Скажу далее как постепеновец, что ждать много доброго можно от эволюционных изменений, а никак не от революционных, всегда и неизбежно со злом и всякими случайностями сопряженных.

Почти такие же, как выше, замечания должен сделать и по отношению к доходам и расходам государственным. Несомненно, что тут и можно, и должно сделать многое, но следу-

ет идти в изменениях осторожно и постепенно. Для меня очень желательно в отвлечении будущего прогрессивное подоходное обложение, но в нашей реальности на ближайшее время от его применения я жду только зла и обмана. Зло произойдет от того, что нам для развития благосостояния особо необходимо развитие промышленной предприимчивости, а она ныне не может обходиться без проявленных и приложенных больших капиталов и своих доходов. Их надо всемерно привлекать, а не страшить возрастающими обложениями.

Облагать прогрессивно полезно, быть может, только капитал пассивный, т. е. денежный и во всяких доходных бумагах, что уже отчасти делается, а всякий капитал, приложенный к делу, к торговле ли, земле ли или промышленности, облагать прогрессивно — значит задерживать рост промышленности. Расчесть сколько-нибудь правильно доход, выделяя из него расход, невозможно, а валовой доход (без вычета уплат) столь часто сопрягается с малым чистым доходом или прибылью, особенно для дел начинаемых, что исчисление одного валового дохода было бы злом несправедливости, задерживающим добро экономического роста России.

Обман при подоходном обложении, несомненно, особенно в таких условиях, как наши, легко возможен в крупных размерах, а обманщикам не следует выдавать заведомых премий. Добрые люди при подоходном обложении особенно зарятся на явные крупные оклады, преимущественно казенные. Но кому же не известно, что у нас оклады жалованных, взятые в общем целом и по частям, ниже, чем где-нибудь, и если их не увеличивают, то косвенно вводится налог, потому что плюсы одной стороны становятся для другой минусами, и обратно.

Те у нас многочисленные защитники подоходного налога, которые желают его усиления (считая обложение городских домов, квартир, купонов и акционерных предприятий началом подоходного налога) ради сбавки «косвенных», преимущественно акцизных доходов, все же ближе к постепеновскому способу действия, но те, которые обложение спирта или сахара считают полезным совершенно уничтожить или довести до такого же ничтожного размера, какой существует (и правильно), например, для ситца или гвоз-

дей, не указывают источников возмещения⁶³ и упускают из виду, что возвышение от акциза цены таких товаров, как спирт и сахар, имеет совершенно иной смысл, чем обложение соли, потому что без последней никто обойтись не может, а без сахара, особенно же спирта, обходятся многие, и своего рода подоходное обложение в них содержится.

Из косвенных обложений, по моему мнению, всего нерациональнее обложение нефтяных продуктов, но я не стою за уничтожение и этого обложения, а только за его понижение и вообще полагаю, что косвенные обложения следует пересмотреть в подробностях, но сохранить как такой основной вид обложения, к которому народ привык и который ныне у нас едва ли возможно по размерам заменить каким-либо иным.

III. Суд, составляя третью из первичных функций правительства, как повсюду, так и у нас, после введения суда присяжных возбуждает наименее существенных общих разноречий, и по отношению к нему отчасти по указанной причине мне нет надобности долго останавливаться, тем более что даже такие в глаза бросающиеся требования судебного свойства, как «непротивление злу», повсюду, сколько я знаю, у нас разбираются исключительно лишь с теоретической стороны, без настояния на немедленном осуществлении.

Становится это понятным только тогда, когда вспомнишь, что судить «с плеча» и осудить «гуртом» не только действия, но и мнения свойственно такому количеству людей, какого не подыскать для терпеливого обсуждения, а тем паче для одобрения и содействия.

По отношению к правительственному суду разных форм и порядков в моих «Заветных мыслях» более всего выделяются следующие пять пожеланий: 1. Судебное ведомство желательно совершенно обособить от остальной администрации, о чем упомянуто уже выше. 2. Для всех сословий и состояний, в том числе для крестьян и служащих на коронной службе, принципиально желателен один и тот же суд. 3. Для разбора мелких споров или гражданских несогласий, для суда по мелким проступкам и для разбора мелких жалоб на незаконные действия чинов администрации желательно повсеместное распространение и развитие мирового суда. 4. Желательно, чтобы в суждениях по преступлениям и проступкам важнейшее место занимали

В уездном суде. Литография начала XIX в.

произведенные действия, а не побуждения, слова же или речи, а в том числе печатное слово, карались бы только тогда, когда они содержат личные оскорбления и неосновательные обвинения в действиях, запрещаемых законами. 5. Желательно, чтобы судьи всех степеней были неменяемыми лицами и учреждениями, их назначающими, но могли быть сменяемы или по обвинению в незаконных действиях, или по приговору Сената, члены которого назначались бы высочайшей властью из трех на каждое место кандидатов, представляемых Сенатом и баллотировуемых в нем и в Государственном совете из числа лиц, предложенных в обоих этих учреждениях. Полагаю, что над мотивами выраженных пожеланий нет надобности особо останавливаться для их пояснения.

Высказавшись по отношению к трем первичным правительственным отправлениям, перейду теперь к вторичным, считаемым мной за наиболее сложные, новые и трудные. Последнее потому, что уединенное государство Тунена, которое еще можно было вообразить в прошлом, даже для начальных эпох Греции, Рима и Китая, ныне представить себе уже нельзя, а можно вообразить государство с законодательством столь совершенным, и жителями, столь усвоившими и проникнутыми благими законами, что ни законодателям, ни администраторам, ни судьям не будет дел; и все же зло и добро может приходить извне, и от первого надо оградить, а второе надо развивать внутри, чтобы сохранить свою страну в ее относительном состоянии ко всему роду человеческому, иначе будет то же, что произошло с Китаем и Японией, когда они считали себя уединенными государствами.

Если первичные функции правительства (законодательство, администрация и суд) определяются стремлением оградиться от злых действий своих сограждан и дать перевес (не одно равенство, а перевес) добрым, то вторичные функции правительств (охрана внешняя, заботы о просвещении и содействии экономическому преуспеянию) определяются существованием зла и добра вне своей страны, во всем человечестве и его высшим стремлением к преуспеянию или прогрессу. Добрым сыном своей страны быть ныне уже нельзя, имея в виду лишь первичные потребности страны, первичные функции своего правительства, и добрым правительствам уже нельзя ныне не принимать в первейшее внимание того, что совершается вокруг своей стра-

Здание Опекунского совета (на Солянке). Литография середины XIX в.

ны, потому что никакие стены и никакие таможи или запрещения не могут оградить от напора внешних сил, вооруженных орудиями, не имеющимися в своей стране, будь они в виде ружей, пушек, или в виде просвещения и промышленности, или учреждений и порядков.

Это пути истории, это способы объединения человечества; государства — только станции этого пути, а «благо народное» ныне уже немислимо помимо общечеловеческого, для которого отдельное лицо в одно и то же время — как это ни покажется неверным рационалистам, особенно юным — и цель и средство, и все и ничего. Понимая всю трудность ясного, но в то же время и краткого изложения своих мыслей о современных вторичных потребностях своей страны, я все же не уклонюсь от предмета, потому что очень давно почитаю его важнейшим и, зная, что вторичное во многом зависит от первичного, полагаю, что у нас при существующих задатках народа совершенствование вторичного понимается народом живее первичного, его определит скорее и вернее и само по себе для всех нас, для всего «блага народного» влиятельнее и настоятельнее.

Да притом и соглашения воззрений разных оттенков в одно единодушное желание даже для крайних партий в отношении ко вторичным функциям правительства легче достижимо, чем в чем-либо ином, т. е. том первичном, на чем ломались более всего древние царства. Читайте лирическую драму «Два мира», которую покойный друг А. Н. Майков писал для своих современников, и в этих образах много лучше, чем в моих систематических соображениях, вы почувствуете причину гибели латинско-классического мира от недостатка одних первичных правительственных отправлений, соединенных с сильнейшими воинско-охранительными. Разума и рационализма, блестящего прошлого и всякой современной гордости, силы воинской и даже внешнего порядка, соединенного со снисходительной «порядочностью», оказалось и всегда будет оказываться мало для народа, перешедшего известную грань исторического возраста, ту грань, которую Россия перешла в последней половине XIX ст. Широкое слово «любовь», относясь исключительно к отдельным лицам, становится неясным и даже непонятным, когда речь идет о таких высших правительственных отправлениях, каковы заботы о просвещении юношества и об экономических нуждах среднего жителя страны.

Одно устранение препятствий отнюдь тут недостаточно, потому что стремление как к общему просвещению, так и к общему экономическому благоустройству, во-первых, вовсе не определяется одними личными инстинктами, вызывающими лишь превосходство одних над другими и «контрактное» (взаимообязательное) соглашение, а никак не общий строй дел этого рода; во-вторых, влияние дел этих на «общее благо» становится понятным лишь с той высоты, на которую должны подниматься современные правительства, а в частной жизни складывается или даже доводит до желания «опроститься» опять до крестьянства и, в-третьих, отдельные усилия тут ничего сделать не могут. Цель всей этой книги сводится к уразумению того, что современное «благо народное» определяется не столько «правами граждан» (поймите, что я за них, а не против), сколько пониманием значения и усилиями для развития просвещения и промышленности.

Единство и все значение правительства как высшего людского изобретения не может быть правильно понятым без уразумения того, что у правительства есть вторичные функции. Оттого они выделены мною особо и явно. Латынь до этого еще не додумалась, а «здравому уму» русских людей, думается мне, охватить это легко. Тогда и на труд, и на всякие обязанности, из прав вытекающие, и на «порядок», и на «Contract sociale» получается новая и ясная точка зрения, даже на историю. В том, что названо выше вторичными отправлениями, между царем и народом, между простым современным крестьянином и сколько-нибудь сознательным интеллигентом, не зараженным латинскими предрассудками, уже теперь, на-верное, есть основное единомыслие, а «благо народное» без него невозможно. Тут и содер-жится надлежащий вывод.

IV. Охрана внешняя состоит из сношений с иностранными правительствами и государственной обороны, морской и сухопутной, и в составе правительства выражается Министерством иностранных дел, Военным и Морским министерствами.

О министерствах тех у меня нет других заветных мыслей, кроме той, что они должны войти в строй всех других министерств, т. е. в тесную общую связь при помощи канцлера, и подлежать законам, проходящим через Государственную думу и Государственный со-

вет, хотя бы после специального разбора в Военном совете и Адмиралтейств-совете, которые через соответственных министров должны быть в своей зависимости от канцлера и совета при нем, предполагаемого мной. Так должно быть по существу и отчасти по примерам, и я не считаю надобным вновь доказывать надобность и великую пользу общего административного единства.

Иностранные сношения не состоят только из дипломатического представительства, оставленного нотами, церемониями, разведками и интригами, как бывало прежде и для чего нужно было обладать преимущественно такой совокупностью свойств, которые приписываются «дипломатам» по преимуществу, но ныне сводятся главным образом на защиту частных интересов подданных своей державы и на возможно точное определение общих отношений государств, т. е. договоров, союзов и столкновений, потому что это в сильной мере влияет на «благо народное».

Умелую ловкость нашей дипломатии признали всюду, но у нас дома дипломаты имеют мало доброй славы, без сомнения, по той причине, что защитой частных интересов своих сограждан, попавших за границу, занимаются очень немного, так сказать, свысока. Понемногу это явно улучшается, и я вовсе не думаю на этом останавливаться, потому что мои заветные мысли касаются иностранных сношений исключительно со стороны союзов.

Уже в прошлых столетиях союзы государств сильно влияли на ход истории, а в будущем в союзах и будет суть истории, в идеале чудится же союз всеобщий, подготовку которого составляет Гаагская конференция. Пусть такое мнение составляет свой вид утопии, все же нельзя отрицать, не углубляясь во времени, что Тройственный союз (Германия, Австрия, Италия) и им вызванный Двойственный союз (Россия, Франция) глубоко повлияли в мире за весь конец XIX в., что союзный договор держав в китайских событиях 1900 года и англо-японский союз в событиях последней войны определили очень много такого, что едва достигалось ранее того жесточайшими войнами.

Союзы современные именно прежде всего и назначаются для предупреждения войн не только договаривающихся стран между собой, но и с другими странами, по крайней мере, для их ограничения. Если еще донныне ве-

рен латинский совет: «Желая мира, будь готов к войне», — то скоро в Германии и Англии формируется совет: «Хочешь мира — заключай союзы». Тут и логики, как хотите, больше. Великое значение союзов могло начаться и началось действительно с того времени, как мир обойден и вместо appetitов завоевательного свойства явилось сознание опасности личной целостности и нарушения войнами драгоценнейших приобретений, происходящих от взаимных сношений народов всего мира. Союзы современные, всегда сопряженные с уступками и сознательным отказом от излишней гордыни, составляют незаменимый проводник прогресса и приближения к признанию равенства государств, без которого все прочие порывы к идеалам свободы, равенства и братства чрезвычайно легко ступают перед общими, социальными и общечеловеческими.

Проникшись высказанными соображениями и убеждениями, невольно должно спросить: какие же союзы возможны и желательны для России в ее современном положении? Ответ в моих «Заветных мыслях» ясен и не расплывается в общих местах потому именно, что союз во все стороны невозможен сразу, а действовать надо сразу, неотложно, предвидя и предчувствуя.

Союз с Францией, составляющий зрелый плод миролюбия императора Александра Александровича, так желателен, понятен и полезен России и Франции, что над ним нет надобности останавливаться и можно только пожелать его продления до образования всеобщего союза. Переход к этому концу, реально выразившийся сокращением чрезмерных всеобщих военных расходов, мог бы хоть не наступить, а все же предвидеться, если бы Англия, Германия и С.-А. С. Штаты с Россией и Францией, что называется, спелись по главным вопросам времени, отказавшись от каких-либо личных приобретений, а просто ввиду благ мира, равенства стран и порядка. Другие или остальные волей или неволей примкнут, если это сбудется.

Видимыми крупнейшими предметами соглашения, мне кажется, ныне должно считать Австрию, Балканский полуостров, Китай и Африку. Никого не насилуя или не трогая, ничего ни от кого и ни от чего не отнимая, тут, по-видимости, можно согласиться, но я лично не думаю, что такое соглашение воз-

можно в ближайшем будущем, а все же начаться сближение это должно, и всего желательнее, чтобы началось оно с Англии, которая ощутила уже неудобства совершенно «свободных рук», как видно из ее новейших договоров с Францией и Японией.

Англичан не любят, как всем известно, нигде, что определилось их политикой всего прошлого столетия, но, во-первых, политика эта явно изменяется за последнее время, во-вторых, как бы то ни было, это передовой народ во всех отношениях и, в-третьих, точно для них и составлено латинское изречение: «Senatores boni viri, senatus autem mala bestia» («Сенаторы — мужи добрые, сенат же — злобный зверь»), — потому что всякий могший, как я сам, или могущий узнать англичан поближе невольно и непременно признает в их большинстве людей не только спокойно-рассудительных и честнейших, но и добродушных, прямых и благожелательных, а потому поймет, что бывшая английская политика не отвечает духу большинства современного английского народа.

Личные мои симпатии к англичанам, определившиеся опытным путем, о котором когда-нибудь предполагаю написать, не увлекают меня до забвения всего того, что препятствует скорому союзу России с Англией, и хотя я верю в то, что он осуществится в недалеком будущем, но говорить мне желательно не на тему европейских и вообще западных возможных и желательных наших союзов, а о настоятельности теснейшего союза России с Китаем. Для меня все настоящее и все предстоящее, даже все прошлое говорит в пользу такого союза; не знаешь даже, с чего и начать, но так как настоящее виднее, то им и воспользуюсь прежде всего.

В Китае 430 млн жителей, т. е. около четверти населения всей Земли и больше, чем у какой-либо иной державы, примерно в три раза более, чем в России. Граница России с Китаем длиннее, чем какая бы то ни была иная сухопутная грань двух государств. Россия — самая сильная из соседних Китаю стран. Китай и Россия в оконченной Японской войне честно соблюли, сколько было возможно, давнюю дружбу, договорами закрепленную. У русского народа нет и тени того высокомерного отношения, с каким к китайцам относится большинство других европейцев, и китайцы, сколько пришлось

узнать, когда различают «варваров», с русским дружат больше, чем с иным народом. Это потому, конечно, что русские по природе уживчивы, миролюбивы и благожелательны, как сами китайцы. Это все уже крупные задатки в деле союза, но прошлое и особенно неизбежное будущее содержит еще крупнейшие.

В прошлом между Россией и Китаем дружба господствовала даже больше, чем между Россией и Германией, и если за услуги 1859 г. Китай отдал России берег Амура, то это наверстано с лихвой благодушным возвратом Кульджи, а о чем-либо подобном войне между Россией и Китаем не было и помину. Было бы, конечно, еще лучше, если бы за Симоносекский мир Россия не заняла условным образом часть Маньчжурии и тем не вызвала невольной горечи у китайцев, так как за русским занятием Квантуна последовали английское и германское.

Но и это дело, составляющее очевидную ошибку русской политики, теперь благодаря разуму Портсмутского договора по возможности поправлено не без явных потерь, жертв и усилий русских и с явными выгодами для китайской целостности, так что и этот неудачный инцидент прошлого надо считать законченным, и у мудрых китайцев должно существовать ясное сознание того, что без содействия России Китаю не уцелеть бы в его современном положении, а также и того, что в близком будущем без помощи России или без опоры на союз с ней Китаю многое грозит, в союзе же все это может быть обеспечено в большей мере, чем без него.

Но если в предстоящем у Китая есть поводы ожидать пользы от союза с Россией, то у нас они и подавно есть, и на первом плане стоит пресловутая «желтая опасность». Хотя по миролюбию, тысячелетием воспитанному Китаю, мне кажутся невозможными события, предсказываемые покойным моим другом В. С. Соловьевым в его прекрасном произведении «Три разговора», тем не менее я склоняюсь к тому, что «желтая опасность» временно выплыть может, толкаемая японцами, а выполняемая преимущественно китайцами. А Россия тут первая, и пусть та опасность будет только преходящим взрывом, все же мы первые должны принять всю его силу, и, чем теснее будет наш союз с Китаем, тем менее вероятности в торжестве японского задора.

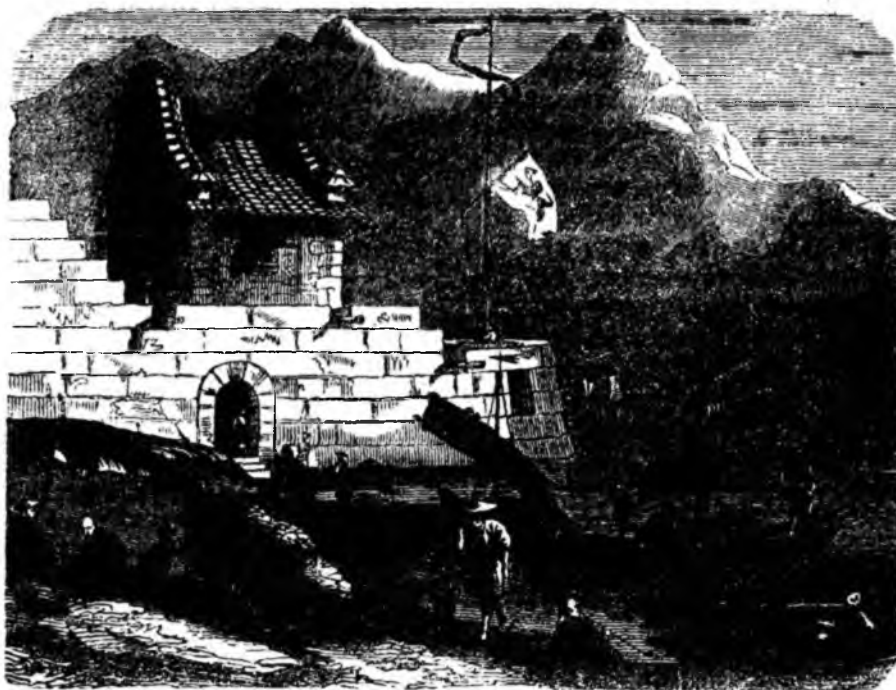
Со временами и японцы, конечно, угмонятся, но это будет едва ли скоро, а ближай-

шее время и будет, наверно, самым критическим для Китая, потому что Китай уже волей или неволей просыпается, свою новую подготовку начинает, свое войско организует. Япония пошла на уступки Портсмутского мира, без сомнения, не почему-либо иному, как потому, что победы достались ей недешево и в числе их потеря около сотни тысяч воинов; Китаю же и миллионная потеря ничто, если он должен во что бы то ни стало выселять от себя массы избытка рабочих, на всякое дело способных. Физически китайцы более сильны и выносливы, чем японцы, духовно более самостоятельны и покорны и, если бы мудростью не были проникнуты, были бы превосходными воинами, какими их и хотят сделать японцы в своем увлечении нерасположением к «белым расам».

Науськивать против нас китайцев не прерывно, вероятно, и кое-какие другие народы, особенно если договорами обяжутся кое в чем помочь китайцам, денежки достанут. Будет хорошо, если мы успеем предупредить и тотчас к обоюдной выгоде новым разумным договором упрочим союз с Китаем.

Если всегда подражательная Япония лет в 20—30 доросла до той силы, которую выказала в войнах с Китаем и с нами, то всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени. Китайцы и русские миролюбивы, семейственны, покладисты, выносливы, монархичны и к учению склонны. У русских есть то преимущество, что они раньше китайцев прорубили окно в Европу, а у китайцев то, что они раньше и тверже всех народов стали следовать за мудрецами, проповедовавшими великое влияние добрых нравов, не заразившись никакой слащавостью, а потому твердо, даже до жестокости встречая зло и борясь с ним.

Когда Китай братски войдет в общую семью народов, тогда только догадаются по очевидности, какой мудрый и добрый реализм этого народа дал ему возможность размножиться до тесноты, нигде не встречающейся. Да, китайцы правда жестоки, но только там, где они видят зло, и хотя в «непротивлении злу» слышна гуманность, но еще неизвестно, можно ли зло извести гуманностью, если признать, что оно не выводится жестокими карами. Признаюсь, что согласен с китайца-

Китайский пограничный пост. Гравюра XIX в.

ми, думающими, что зло имеет неистребимое и вечное существование, к размножению способно, и полагаю, что вход китайцев в мировой союз поможет господству добра больше, чем «непротивление злу», а миру больше, чем союзы двойственные или тройственные, именно потому, что китайцы многочисленнее, миролюбивее и морально мудрее всех других народов, а это говорит немало и без слащавости.

Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным, как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли. Думаю, что, служа в некотором смысле противовесом англо-японскому союзу, русско-китайский не только послужит не менее первого делу мира в Азии, но и повлияет на положение обоих союзников в Европе, особенно при вероятности доброго к нему отношения Франции и даже Германии. Только тут надо спешить, а то будет, пожалуй, поздно в разных смыслах.

Говоря о союзах, нельзя не упомянуть о том, что принципиальными нашими союзниками были и останутся южные и западные славяне, но в реальных отношениях охраны и мира союз этот ныне так малозначащ, что над ним при желании краткости изложения нельзя особо останавливаться, хотя забывать и не следует.

Как бы люди ни желали век вечный жить в добром согласии и какие бы союзы государства ни заключали, все же впереди, т. е. в близком к нам времени, или, точнее, в XX в., войн все же избежать нельзя, и, если правительства будут мирить, народы не прекратят воевать и требовать войн. Достаточно читать то, что пишется про отношение армян к татарам и вообще магометанам во многих областях, где эти народности соприкасаются с другими исповеданиями. Нас, очевидно, горсть армян надеется поссорить с магометанами, ведь люди-то деловитые.

Внутренние же неладья легко способны превращаться в войны внешние, чему многие примеры дает вся история последних времен. Быть готовым к войне надо и при союзах самых надежнейших. Нападение нравственно оправдывает охранительные военные действия. Нельзя, од-

нако, отрицать и того, что наступательная война нередко внушается добрыми чувствами, что отлично выставлено в «Трех разговорах» В. Соловьевым. В прошлом, глядя пессимистически, было много войн, вызванных причинами, не находящими надлежащих нравственных оправданий: таковы религиозные войны и все династические, относя к ним, например, и наполеоновские, и нашу Венгерскую кампанию.

Высокие, идеальные побуждения, начиная с религиозных, какими частью оправдываются войны с исстари и до сих пор, ничего общего с войной не имеют, потому что так или иначе преследуют всегда общее и положительное добро, а все, чего может достичь война как суд или поединок, сводится к отрицанию или запрещению да уступке земель и денег. Глядя с возможно оптимистической точки зрения, прошлые войны, даже чисто завоевательно-истребительные, вроде отнятия от негров или индейцев их земель европейцами, велись преимущественно ради целей истории — развить на земле условия для возможности наибольшего размножения человечества и обладания соответственными для того средствами. Этим оправдывается преимущественно колониальная политика. Судить тут будут только будущие судьбы народов, а нам для настоящего времени не следует исходить из чего-либо иного, кроме того, что дано действительностью.

В отношении к самой России нельзя упускать из виду, что ее громадная величина получила исключительно благодаря стечению обстоятельств, окружавших сравнительно небольшой сознательный союз центральных русских людей. Завоевателей у нас не было ни одного, и завоевательных стремлений у нас не было и нет, да и быть по всему духу народному не может. Пришлось нам со всех-таки сторон только защищаться, а при защите нередко занимать места, из которых наши теснители сами вытеснялись. Нечего вспоминать тут половцев или татар, а достаточно указать на остзейцев, шведов, кавказцев, киргизов, крымцев и среднеазиатов. Огромные края Малороссии, Грузии и Сибири сами пристали к нам, поняв будущую силу России и невозможность держаться самостоятельно. Литва и Польша за свои многочисленные напоры на нашу страну поплатились покорением и разделом, потому что русский реализм

выше и крепче их от латинщины навеянных начал.

Войн России пришлось в прошлом вести множество, но большинство их носило характер чисто оборонительный, и мое мнение скажется ясно, если выражу уверенность в том, что, несмотря ни на какие мирные наши усилия, впереди России предстоит еще много оборонительных войн, если Россия не оградится сильнейшим войском в такой мере, чтобы боязно было затевать с ней военную распрю в надежде отхватить от нее часть ее территории.

Что завоевательных войн Россия сама не затеет, в том уверены не только все мы, русские, но и все сколько-либо знающие Россию, которой у себя дома дел кучища, начиная с необходимости продолжить усиленное размножаться; но поползновения на нас самих, на наши земли и народы, на нашу целостность и силу с татарами, поляками и Наполеонами не умерли, а развиваются и при стечении обстоятельств (их-то и должна дипломатия проследить) могут, если мы не будем сильны в военном смысле, дорасти до войны против нас, подобной натиску Наполеона, и в этом смысле кроме полного соглашения с Китаем союз с Англией при посредстве Франции был бы сильным предохранителем. Делить нам с Англией нечего. Поход в Индию — бессмысленный в прошлом — просто нелеп для нас в будущем, а соглашение, особенно при полном открытии Дарданелл, не только возможно, но и очень желательно. Возможно же оно только тогда, когда мы в военном отношении будем готовы вполне, иначе с нами в союз не вступят.

Военная наша оборона, очевидно, была и быть должна преимущественно сухопутной, а морской быть ей следует, по моему мнению, сильной ныне только в Черном море и на берегах Восточного океана. Что бы кто ни говорил, все же в настоящее, а тем более в предстоящее время перевес нельзя получить одним воспитанием духа воинов, как в былые времена, и не столько ружья, сколько пушки и мины в этом деле должны занимать одно из первых мест.

Это последнее дело мне знакомо близко, и я с полной уверенностью говорю, что начинать заботы об улучшениях в обороне следует с пороха и вообще взрывчатых веществ. Как во всем другом, надо совершенно бросить и

тут систему подражаний и пойти самостоятельно. Теперь дело это стало чисто научным, тут можно и должно идти путем опытов, руководимых теорией, и коли мне при первом приступе к делу удалось уже найти кое-что существенно новое, то я уверен в том, что русские специалисты могут в деле взрывчатых веществ идти сами еще много дальше вперед.

А за порохами следом (не наоборот, как делают теперь) должны идти пушки и минные приспособления. Тут все еще надо много и много разрабатывать, и своих сил найдется немало, хоть и не вдруг. Надо при этом, а особенно при заказе пушек и мин свое иметь прежде всего в виду.

Спешка, которой обыкновенно оправдываются иностранные заказы, — только отговорка, нередко пристрастная и связанная со злыми личными интересами. С этим надо так и сяк покончить, т. е. дать и место, и соответственные вознаграждения русским изобретателям⁶⁴ и русским производителям, потому что из-за границы мы все же получаем лишь поскребки и полное военное обеспечение возможно только с обзаводством дела всем необходимым.

Так, ничего не жалея, надо тотчас же приступить на берегах Тихого океана к своему военному судостроению, к получению своей местной стали, своих пушек, своего каменного угля. Что-либо лишнее, что придется при этом истратить, останется дома, крупные доли выпадут своим же техникам, рабочим, изобретателям и предпринимателям, а это послужит только к развитию края.⁶⁵

Государственная дума не выполнит своей задачи, если не выскажется в этих делах категорически, потому что жизненнее и абсолютнее дел этого рода найти трудно. Если замирение с Японией по воле царя и по благороднейшему искусству С. Ю. Витте обошлось без экстренных денежных уплат Японии и без каких-либо ограничений в развитии наших сил на берегах Тихого океана, тем больше поводов, ничего не жалея, быстро на этих берегах создать новые русские силы, а они без промышленной поддержки развиваться не могут, начало же ей проще и всего естественнее положить, развивая на месте все необходимое для усиления обороны.

На этом кончу свои заметки по делу обороны, потому что они для «блага народного» дело неизбежное, а быть не может без затраты

сил и средств народных, они же, по существу, дела должны служить исходным ресурсом народному труду и развитию благосостояния своей же страны. Так связуются разные стороны дела, и необходимость этой связи столько же очевидна, как невозможность основывать оборону страны на войске наемном.

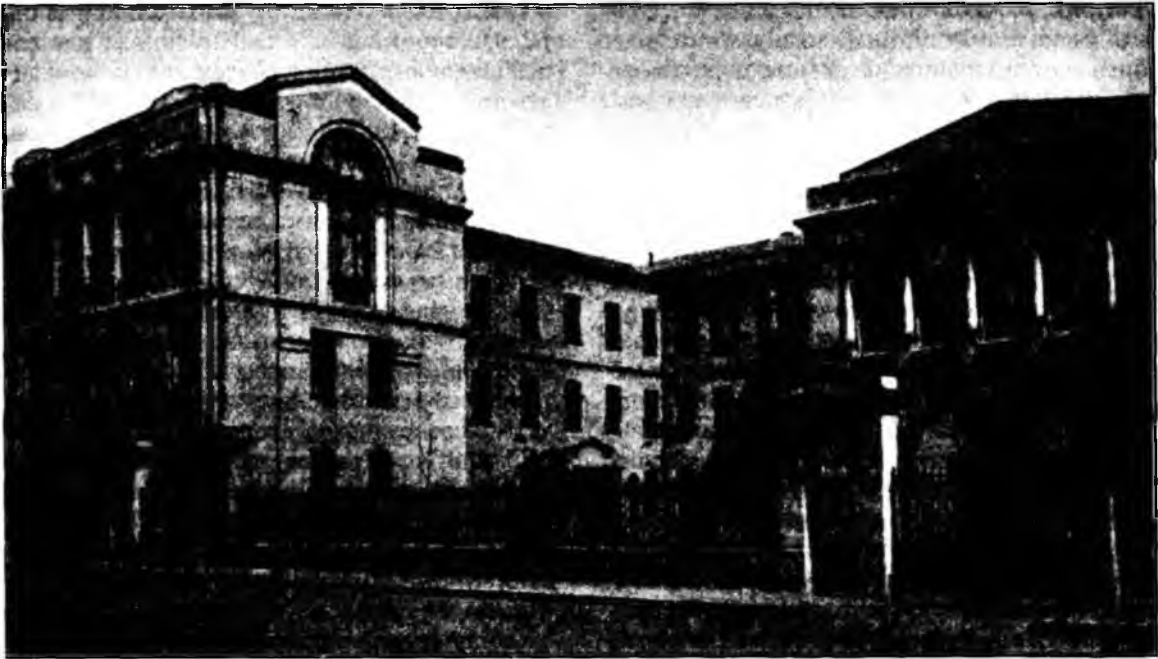
V. Народное просвещение, понимаемое в обычном смысле, т. е. как обучение юношества тому, что может быть так или иначе полезным в предстоящей жизни, связано с общественной и правительственной деятельностью повсюду там, где оно вышло из пеленок и стало действительной более или менее широкой общественной потребностью.

Понятие о свободе со многими своими условиями выясняется, когда представить свободу народного просвещения от какого-либо отношения к правительству, как то было когда-то, в оные времена и как это не будет уже никогда, как бы «свобода», понимаемая в нашем условном смысле, ни развивалась.

Отношение правительства к народному просвещению вовсе не составляет чего-либо подобного простой благотворительности, а определяется вначале потребностью иметь в администрации подготовленных служащих, а потом сознанием великого влияния должным образом направленного просвещения на все успехи страны, для службы которым (т. е. «благу народному») правительство и начинает сознавать себя назначенным.

Переход от первоначального отношения к последующему у нас только что недавно начался, и этим одним немало выясняются многие стороны всего нашего учебного строя, например служебные права окончивших определенные курсы, административные экзамены, казенные стипендии, сословные преимущества при приеме и т. п. Тут должно ясно сознавать, что без учебных заведений, приспособленных к административным специальностям, обходиться еще нигде не могут, так как иначе пострадала бы исполнительность, а потому у нас нечего пока и думать о коренном преобразовании таких заведений, каковы, например, военные корпуса и семинарии.

Для современного образования кроме военных и духовных академий надо даже желать умножения специализированных высших школ, назначаемых для служебных целей, особенно педагогических, потому что слу-

Реальное училище и Педагогический институт Шелапутиных на Девичьем поле

жебная карьера учителей и профессоров неказиста и к ней надо много готовить и много привлекать народу заранее, чтобы можно было из них выбирать лучших. Но об этом предмете я уже более подробно говорил в VII главе, а потому теперь считаю долгом громко взывать о том, что между многими настоятельнейшими современными нуждами России не должно, прежде всего, забыть необходимости специальных педагогических институтов, и если примера ради сопоставить такие две надобности, как увеличение окладов учителей и устройство педагогических институтов, то, ни минуты не сомневаясь, должно второе предпочесть первому.

Если средств народных не хватает сразу на все необходимое, эти педагогические институты надо по времени предпочесть даже расширению железнодорожных или улучшению водяных сообщений, устройству новых судебных и т. п. учреждений, даже основанию каких-либо иных лечебных заведений — низших, средних или высших, потому что правильное, а особенно исправленное по содержанию и направлению обучение юношества без массы хорошо подготовленных наставников может быть злом непоправимым и, что всего хуже, самообманом, ведущим к гибели, так как без света истинного просвещения мы попадем, того гляди, в южноамериканское положение, оттого только уживающееся со своими пронунсиаментами, что они не окружены близкими более подготовленными соседями, а природные условия для жизни даны им в таком изобилии, что знай да бери готовенькое без усилий.

Отдав в деле народного просвещения все должное такому переходному состоянию, в каком теперь находится Россия, т. е. сохраняя, даже расширяя специальную подготовку для чисто служебно-административной деятельности, Россия дожила до того состояния, в котором народное просвещение стало необходимым не только для сельских хозяев всех степеней, купцов и промышленников, но и для всех жителей, ничуть неприкосновенных к администрации. Не потому только это нужно, что так это есть у наших соседей, с которыми нам необходимо равняться, если желаем сохраниться, а потому по преимуществу, что нужды народные во всех его классах явно растут уже просто от умножения числа жителей, а усиленное удовлетворение этих нужд немисливо ныне без приложения истинной образованности.

Пусть даже прав гр. Л. Н. Толстой, что все дело в улучшении нравов или морали личной, но ведь эти предметы надо выбирать из многих предлагаемых, а выбор правильным быть не мо-

жет без должной оценки предлагаемого, так как рядом стоят одни, говорящие, что надо бить, другие, говорящие, что надо шею морали ради подставлять; одни советуют: «Не учишь, так будет лучше», — другие: «Учишь, это всего нужнее». Надобен светильник личного просвещения, чтобы разобраться, что черно и что бело. А когда дело-то доходит до хлеба, до необходимости прокормить не одного себя, но и близких со стариками и детьми включительно, да вспомнится долгая зима, да узнается, что для получения работы, дающей достаточный хлеб, везде уже требуется учебная подготовка, становящаяся потребною даже при добыче самого хлеба в таком количестве, которое сколько-нибудь покрывает затрату времени, средств и сил, тогда о сколько-либо прочном обеспечении, в огромном большинстве современных положений выступающем, нельзя и помышлять помимо долгого предварительного обучения.

Оно становится прямой хлебной потребностью жизни, способом ее развития и роста. Без правительственной помощи обойтись тут, очевидно, нельзя, и заботы о просвещении составляют честь, даже гордость правительства, потому что выступают свободнейшим образом из-за побуждений «общего блага». Нельзя и думать, что, когда совокупный разум народных выборных более или менее заменит волю единоличных правителей, в одном деле народного просвещения, говоря вообще, улучшений существенных не произойдет, тем более что тут все возможно, улучшение ли или ухудшение, и они не могут делаться иначе как медленно, постепеновски.

В этом последнем и видна величайшая трудность той правительственной функции, о которой теперь говорится. Зло, введенное в наше народное просвещение покойным графом Д. А. Толстым, сперва вовсе и не могло быть заметным, а та «свобода преподавания», о которой так много трубили тогда приспешники Толстого, давала облик, каким обманывали и обманут еще не раз много, много народа, хотя соблазняла лишь немногих из нас, тогдашних деятелей, огульно и голословно обвинявшихся графом в смещении науки и ученья с политикой. Выдумал и провёл граф Д. А. Толстой такие приемы и меры, которыми, по его разуму, должно было искорениться воображаемое зло. Десятки лет, протекшие с тех пор, приносят теперь плоды,

и между ними на первом месте стало именно то, что воображали искоренить, т. е. плачевное смешение науки и обучения с политиканством.

Да и как этому следствию было не явиться, когда корнем просвещения стали считать латинское резонерство и аттестаты «зрелости» и «благонадежности». Говорю об этом не для того, чтобы вновь поднимать устаревшее разноречие, а лишь для того, чтобы внушить мысль смотреть на просвещение народа только со стороны передачи юношеству знаний, необходимых и полезных в жизни страны, оставив всякие иные, так сказать, косвенные задачи совершенно в стороне.

Внушили юношам, во-первых, понятие о том, что «зрелость» достигается латинскими упражнениями да решением простеньких задач, а во-вторых, что все дело учения сводится к политической благонадежности, вот и стали «зрелые», конечно, не все, а все же в массах усматривать и обличать «неблагонадежность» и полагать, что мир на латинской точке отправления застрял.

Не окунувшись в жизнь, не узнав еще ничего специального, что к ней приближает, не искусившись при помощи опыта в оценке достоинства идей, воспитанное по гр. Д. А. Толстому юношество, в сущности, стало говорить: «Не хочу учиться, а хочу политиканить», — как говорило когда-то: «Не хочу учиться, а хочу жениться».

Поправка (но она может быть в деле просвещения не иной как медленной) тут, по мне, одна: в деле народного просвещения иметь в виду исключительно только одно просвещение юношества, т. е. сообщение ему добытых наукой (изучением или сочетанием разума с опытом) приемов, или способов, и выводов, или истин, могущих облегчить пути жизни. Нравственность придет сама собой, если наука поставится выше всего и для этого учителя будут подбираться не по «благонадежности», а исключительно по научному цензу, потому что между истинной наукой и моралью, как между истинной наукой и жизнью, есть связь живая и крепчайшая.

А узнать науку истинную, т. е. отличить ее от лживых наук, или — так как собирательно лживых наук не может быть надолго — от ложных учений, могут только действительно люди современной действительной науки, какие, благодаря тому, что система гр.

Д. А. Толстого действует сравнительно недолго, все же есть в России, а если почему-либо их и не станет, то таких, как Лейбница, Эйлера и Палласа, можно «на время» пригласить и из других стран, все же будет лучше, чем отдать все дело в руки канцелярий или газет. Пусть главный администратор или министр народного просвещения будет и не из ученых, ему и книги в руки, но его суждения относительно научности или ненаучности должны быть целиком основаны на приговоре научных советников, иначе опять легко попасть мимо, как это блистательно доказал дилетант от науки гр. Д. А. Толстой.

В этом главное, что хотелось сказать сверх того, о чем говорил в главах VI и VII по отношению к народному просвещению. Сколь возможно полнейшая автономия не только может, но и должна вести все дело народного просвещения к благим для народа результатам лишь при условии как сверху, так и снизу не подмешивать к чистой науке ни внешней, ни внутренней политики. Науки с жизнью связаны очень тесно на все предбудущие времена. Пусть это относится к самой науке, да к учению-то у политиканства нет отношений, а тем паче к учащимся. Политика — дело текущей жизни, и в ней могут иметь голос только выдержавшие ценз действительной жизненной зрелости. Ну, пусть их, если есть на то охота, политиканствуют профессора на стороне от учебного дела, но к учебному-то делу, к автономии его касательства никакого нет; ученикам же просто грех политиканствовать, потому что надо сперва поучиться да жизни попробовать. Путаница здесь и вредит, и с толку сбивает.

VI. Промышленность в истинном, или широко, смысле слова (см. главу VIII, т. е. производство, добыча, переработка и доставка всего того, что физически надобно, полезно или спрашивается другими людьми) занимает все более и более народы, вышедшие из первобытных состояний, в которых все немногое необходимое люди стараются добыть и произвести сами или около себя, в домашнем обиходе, подобно тому, например, как обыкновенно у нас варят дома варенье из собственных в своем саду ягод.

Мало-помалу и Россия, особенно же быстро после освобождения крестьян, входит в тот разряд стран, в котором промышленные отношения становятся на первом месте и во

главу «блага народного», начиная с торговли, с добычи хлеба не для себя только, а для продажи, с перевозки, с горного дела и всяких ремесленных и фабрично-заводских дел.

Но как мы далеки еще от среднего уровня тех стран, с которыми хотим и, наверное, можем равняться, становится видным уже из того, что вся сумма ценности нашего фабрично-заводского производства едва ли превосходит в год 3 млрд руб., что дает на жителя в среднем менее чем по 25 руб. в год, а в С.-А. С. Штатах те производства дают товаров более чем 25 млрд руб., что отвечает в среднем на жителя более чем по 330 рублей. До заработков испанских или итальянских, потом до немецких, французских и английских, а тем паче до американских нам очень далеко — по цифрам, а не по времени, которое можно сильно сократить при согласном и решительно-благоразумном действии не только правительства, но и нас всех, всех от политиканов и газетчиков до учеников и ученых, даже до литераторов и аристократов.

Возможность народу быстро богатеть природой нашей нам дана, только в обиходе нашем не имеется по сих пор основных условий, для того необходимых, более же всего самостоятельного трудолюбия, решительной предприимчивости и ясного понимания современного положения экономических обстоятельств, допускающих быстрое увеличение общего среднего достатка. Раньше, чем идти дальше, нельзя оставить без объяснения три указанных условия.

Даже допустив, что из 140 млн жителей России 100 млн живут земледелием и промыслами, с ним связанными (охотой, перевозкой по грунтовым дорогам и т. п.), все же не следует из этого выводить, как то обыкновенно делается, что для обеспеченности увеличения общего достатка народного необходимо иметь в виду исключительно земледельческую деятельность России, тем более что и земель-то много, и урожай-то можно и должно увеличить. С двумя последними утверждениями согласен вполне, но с исключительностью, даже смягченной до преимущественности, несколько не согласен и даже утверждаю, что тут кроется великое заблуждение или печальное отсутствие ясного понимания современности.

У нас при наших нравах, несмотря на полную для всех очевидность утверждаемого, все

же необходимо назвать обвиняемых, потому что на всякое общественное явление мы привыкли смотреть как на особый вид судьбища, при котором обвиняемые должны быть налицо, а мы-де присяжные судьи. Хоть мой взгляд совершенно иной, судьи или прокурора из себя я изобразить и не думаю, но покоюсь и выставлю требуемых виновных, только не поименно — места для того не достанет, — а нарицательно: это большинство помещиков и литераторов.

Первые хоть за свое стоят, а свое добро защищать ведь, не правда ли, законно и разумно. Вторые же либо пропитаны началами первых, из которых и вышли, либо живут еще когда-то передовыми началами XVIII в., либо относятся к числу ретуширующих фотографов, т. е. пишут с неприглядной натуры, только стараясь быть ей верными, не зная никаких задач повыше простой точности типического образа, в который и не желают вкладывать предвидения, столь возвышающего образ Дон Кихота. Этих главных виновных я ничуть не хочу осудить, потому что они плод нашей истории, наша общая плоть и кровь. Хочу только сказать, что они не понимали и донныне не понимают того начально-служебного зависимого положения, которое занимает все земледельческое и сельскохозяйственное в кругу тех многочисленных промышленных дел современности, на которых основывается предстоящее, даже нынешнее среднее народное богатство, определяющее не только возможность успешно обороняться и прочно просвещаться, но и обзавестись хорошими законодателями, администраторами и судьями, так как на все это надо уделять много средств, а у бедняков все это поневоле бедновато.

Они не разумеют того, что на одном росте земледелия невозможно богатеть такому многолюдству, какое наше, потому что, вообразив все возможное достигнутым, получим такой избыток хлеба, что его цены, а потому и общие достатки упадут до полного отчаяния тех, кто над ними трудится.

Они не разумеют и того, что сельское хозяйство, совершенствуясь во всех своих частях, начиная с механических молотилок, требует все меньших и меньших рук, а в наших широтах даже при полном и желанном развитии скотоводства не может ни под каким видом дать достаточные заработки в зимнее

время, а достатки могут расти не иначе как с умножением общего количества труда. Вся предлагаемая книга для того, между прочим, и писана, чтобы увеличить существующую у нас меру понимания условий для возможности увеличения средних народных достатков и для показания того, что на одном сельском хозяйстве, даже при его преобладании, этого желаемого и необходимейшего увеличения среднего народного достатка достичь невозможно. Недостаточность понимания тут очевидна не только по цифрам III и IV глав, но и по многому другому, содержащемуся в моих «Заветных мыслях».

Конечно, от недостатка в понимании зависит и недостаток промышленной предприимчивости, несомненно у нас существующей. Да, надо немало решимости, чтобы затеять у нас какое-либо промышленное предприятие, чтобы принять в нем участие, даже чтобы встать за него, потому что прикосновение к промышленности обозвано «кулачеством» и «эксплуатацией» и ничему, кроме огульного осуждения в разговорах интеллигентных кругов и в печатном слове, взятом в преобладающем большинстве, не подвергается. Оттого наибольшая предприимчивость помимо завещанной от родителей является у нас преимущественно в кругах, удаленных от начал нашей преимущественно помещичьей интеллигенции, а ее участники такими делами заниматься ничуть не охочи. Тут, без сомнения, немало пережитков того отношения, которое законы и особенно администрация приняли у нас в распределении занятий жителей, глядя на все виды промышленности совершенно иначе, чем на сельское хозяйство, а тем паче на службу в правительственных учреждениях. В гоголевском «Ревизоре» это оттенено словами «аршинники, протоканальи». Закон для промышленников образовал сословие купцов и мешан, а права их мало чем отличил от крестьянских, много умалив по сравнению с дворянством, по существу служилым. Для этого последнего о какой-либо, кроме сельскохозяйственной, промышленной предприимчивости не могло быть и мысли, потому что в ней порода ничего не давала и не даст, а нельзя же было не использовать того, что предоставляется законом.

Отсюда ведет свое начало общее стремление занять служебное положение, предоставляющее прежде всего обеспеченность без ка-

ких-либо задатков предприимчивости, без следа внутреннего стремления к способам увеличения народного благосостояния, а только с требованиями личными, без каких-либо обязанностей, кроме «страха и совести», даже до забвения прямых общегосударственных интересов, «страха и совести» ничуть не касающихся.⁶⁶

Вся наша «интеллигенция», вначале исключительно из дворян и служилых людей состоявшая, в эту сторону и пошла, тем более что даже обязанность служить или заниматься сельским хозяйством была снята.

Изменить тут надо многое, начиная с деления сословий до устава о службе гражданской, но я не приглашаю менять резко не по одному тому, что постепенность во всем предпочитаю, но особенно потому, что, прежде всего всемерно содействуя развитию промышленной предприимчивости, вначале необходимо дать много мест или промышленных заработков постоянно прибывающей интеллигенции, иначе из огня будет в «попымя». Без подготовки учением и изучением, без риска и решительности, как и без особых и явных выгод, даже и снабженная капиталами, промышленная (да и никакая иная) предприимчивость не может быть прочной и плодотворной, увеличивающей средние народные достатки.

О капиталах много заботиться не следует, они придут сами туда, где выгоды предвидятся, а они для России с ее едва затронутыми природными богатствами нуждаются только в законодательном «покровительстве» (глава VIII) да в расширении иностранного сбыта (глава III), который без широкой предприимчивости, конечно, успешным быть не может.

Чтобы сделать это последнее утверждение не голословным, приведу лишь один случай (а таких много) из моей практики в качестве участника в экспертизе на Парижских всемирных выставках 1867 и 1900 гг. Он касается самых обычных у нас карамелек — ландрина. Они на выставках были в том самом виде, в каком по 30 коп. за фунт продаются в каждой у нас лавочке, и эксперты-иностранцы, присуждая за них высшие награды, заверяли, что громадный массовый сбыт товарам такого качества (и цены) обеспечен во всем мире. Если переделанный у нас каучук (резина) давно находит на миллионы рублей ежегодный сбыт за границей, то уже никак нельзя

сомневаться в том, что разумно поведенная торговля изделиями, подобными карамелькам, где все свое и где возврат акциза с сахара при вывозе может сильно сбавить цену, должна становиться выгодной не тому одному, кто поведет эту заграничную торговлю, но и всем тем прибывающим при увеличении сбыта рабочим, домовладельцам и землевладельцам, приказчикам и всякого рода техникам, которые не прямо, а косвенно, однако жизненно заинтересованы в этой промышленной предприимчивости.

Выбранный пример, согласен, не крупен, но все же покрупнее большинства французских предметов внешнего сбыта, а из суммы малых состоят всякие большие величины. Надо же помнить, что еще в 70-х годах Россия ввозила керосин, а давно уже его вывозит на десятки миллионов рублей, что тут, как и во многом другом, рядом с возбуждательными мерами наделана кучища ошибок⁶⁷, которые немало повлияли на уменьшение результата, и в числе тех ошибок важнейшие относятся к недостаточности частной нашей предприимчивости и к великому пристрастию наших законодателей и администраторов до «казенного интереса» минуты, забывая общие интересы «блага народного», не могущего осуществляться помимо развития промышленной предприимчивости.

Мне на моем веку пришлось кроме нефтяного дела особо много вникать в железное, каменноугольное и химическое наши производства, вникать в живом деле, начиная с азов, т. е. с природного сырья, до концов, т. е. до возможности развития иностранного сбыта и с ним тесно связанных цен. Общий вывод везде был тот же самый: мы можем, коли хорошо сумеем да хорошо захотим, довести стоимость до такой низкой, какой нигде в мире, где ни бывал, а изъездил я много, достичь нельзя, стоит только умножить добычу, производство и торговую оборотливость, которая сумеет избытки втиснуть в тесноту уможающегося всемирного спроса.

В том, что случилось с нефтяным нашим делом, мировой рост которого я предвидел в 60-х годах, видно, что это не одни «профессорские мечтания», а есть тут и основания твердые, из живой русской природы взятые, для чего желающие найдут немало доказательств по отношению к железному делу

в моей книге «Уральская железная промышленность» (1900 года).

А тем, кто мне скажет, что предприимчивость не умножается и не рождается в стране, лишенной известной суммы гражданских прав, отвечу, во-первых, что я стою за развитие этих прав только в постепеновском стиле, во-вторых, что гражданских прав для развития предприимчивости давно и теперь есть в России довольно, коли предприимчивость давно успела ввоз ну хоть сахара и керосина довести до вывоза, в-третьих, что только с развитием промышленной предприимчивости народный достаток может прибывать, а потому все прочее не столь существенно сравнительно с этим и должно быть сию-то минуту поставлено на вторую очередь при каком-либо желании пособить «благу народному» и, в-четвертых, что бы кто ни говорил, все же сравнение цифр общего среднего достатка в 40 рублей для России с 450 рублями для С.-А. С. Штатов иначе не может определяться и поправляться как ростом промышленной предприимчивости, что ею определены и все виды «свобод» во всем мире и что она не может расти как ей должно, пока «дворянские» наши привычки не перестанут выставлять ее в гадком виде да влечь нашу интеллигенцию к политиканству, как влекли до сих пор к казенной службе. Промышленная предприимчивость тем и взяла в мире верх, что, служа эгоизму (только не всегда и не везде), в то же время служит и благу общему, да не в каких-либо отдаленных абстрактах, а в реальных цифрах средних заработков. Вникните только в числа, собранные в главе IV.

Пусть промышленная предприимчивость сложна и условна, все же ее начала кроются в чистом трудолюбии, потому что только трудолюбец от добра добра искать станет, так как ни с чем ничего затевать нельзя, а в промышленность предпринимаемую надо вложить доброжитое и много рисковать. А у нас и поговорка такая готова, что «от добра добра не ищут», которая беспечность оправдывает в корне, и сенсацию такую уж Третьяковский сочинил: «Блажен, кто малым доволен», — а кое-кто чуть не в догмат возвел. Конечно, мнения — вольное дело, но действительность идет по пути, на котором от добра ищут еще большего, да без конца. Причина этой кажущейся ненасытности кроется в том, что на свете нет и не будет равенства (а быть-то оно

бывало, как есть, хоть и несовершенное, у животных), да в том, что основой неравенства в человечестве давно стал, в сущности, труд, хотя есть еще много переживших время остатков старой неправды, труд считающей злом.

Знаю, что останусь непонятым, но от уяснения отрицаюсь, потому что тома да утопии при этом неизбежны, а мне хочется остаться кратким и реалистом, хотя и желательно закрепить на бумаге мысли, в голове засевшие. Простая, чисто реальная наблюдательность привела меня к тому, чтобы видеть у нас, особенно же у нашей современной интеллигенции, не только нелюбовь к труду, т. е. стремление к ничегонеделанью, но и своего рода презрению к труду. Перечислять и доказывать противно, но не сознавать и того гаже. Дикарь, как зверь, хоть про себя работать должен по инстинкту самосохранения, а про труд, т. е. работу на спрос других, не слыхивал.

А все-то «благо народное», как и все достатки современности, определяется только суммой трудов, и проще или нагляднее всего это выражается в том, что ценность уже главной массы потребного определяется исключительно количеством затраченного труда, чего опять я не желаю здесь доказывать, так как желающие найдут доказательства не у меня одного. Напомнив опять, что я пишу не трактат, а только изложение своих заветных мыслей, годами накопившихся от наблюдений и размышлений, скажу для ясности, что, по мне, не только нет без явно усиленного трудолюбия ни талантов, ни гениев, но что без него никакие улучшения правительственного строя и никакие права и обязанности, законом закрепляемые, ничего сделать для приведения России к уровню Запада не в силах.

Затем скажу, что к трудолюбию привести может только школа, в которой наука (а отнюдь не что-либо подобное простому «развитию», а тем паче политиканству) стоит на должной высоте, и учащиеся трудолюбием действительно и явно для учащихся проникнуты, а в высших школах прилагают это трудолюбие ни к чему иному, как к науке. Нетрудящиеся ученики — чистая бессмыслица, а не привыкшие к постоянному труду учителя не могут быть подходящими. Наконец, скажу еще, что успехи разных отраслей промышленности в корне определяются исклю-

Поти, станция Закавказской железной дороги. Гравюра XIX в.

чительно трудолюбием, и тем более, чем они дальше от простой первичности и механической работы.

В конечном выводе, как предшествующие соображения, так и вся моя эта книга сводятся к тому, чтобы убедить в необходимости широкого роста русской промышленности, если есть мысль о «благе народном» и желание довести нашу страну до уровня более высокого, чем современный. Дело это общее для всех нас, и только чрез это посредство оно входит, и войти может в круг дел правительственных. Интеллигентные забастовки, уличные беспорядки и всякие виды и формы занятого, но бесполезного времяпровождения, понятного только как отдых, тут ни на волос не помогут, а только того гляди составят своего рода отклонение от единственного правильного пути, по которому нам идти следует, потому что, как ни важно моральное развитие личности, все же надо кормиться, и внешним образом жить, и вперед идти, без чего и мораль не предохранит от опускания.

Мировая трагедия на том и основана, что духовное, внутреннее и личное не существуют сами по себе, без материального, внешнего и общественного и сими последними в такой же мере определяются, как и обратно, с тем явным ограничением, что материально-внешнее, что бы ни говорили Платоны и всякие иные мудрецы, возникает раньше, начальнее и назойливее духовно-внутреннего (даже личное «Я» немислимо без общения, начинаемого различием полов и стадностью)⁶⁸, а потому и удовлетворяемо должно быть первое всего. В войнах это и бросается прежде всего в глаза.

Какая же может быть роль правительства в делах промышленности, по существу определяемых личными побуждениями? По мне, та роль весьма важна и должна состоять в разумном содействии, в предвидении и в прямом материальном участии при добыче капиталов, для промышленности совершенной необходимых.

Объясню последнее примером освобождения крестьян, тем более что в благодати этого акта правительства не сомневаются даже архискептики и архипессимисты. Выкуп земель при освобождении крестьян был делом такой исторической справедливости, о которой и говорить не надобно, потому что без земли оставить миллионы людей было просто немислимо. А для выкупа земли как основного орудия сельскохозяйственной промышленности необходим громадный капитал, а он есть один из плодов труда (не одной работы личной, а труда для других). Предвидя его умножение после освобождения крестьян, правительство дало его своим креди-

том и разложило на «выкупные платежи». Если получилось, в конце концов, не столько добрых плодов, сколько вправе было ожидать правительство, то причину тому должно искать никак не в очень нуждающемся крестьянстве, которое, несомненно, труд свой умножило и выкупы платило, а в помещиках, капитал получивших, так как они, взятые в массу, лодырничать не перестали, а, напротив того, лодырничество усилили и доставшиеся капиталы к умножению промышленности не приложили, а просто-напросто прожили, даже перехватили и кругом задолжали.

Тут видно с ясностью, что недостатки большой доли нашей интеллигенции могут поправляться только сызмала, учением, школой. Надо, однако, выяснить не только смысл «добычи капиталов», но и «разумного содействия» и «предвидения» правительства в деле промышленности, чтобы дальнейшее стало понятным и само собой выступило.

Возьму опять примеры из нашего же прошлого. Разумное промышленное содействие оказано было в свое время явнее всего в нефтяном деле, хорошо мне лично известном, для показания чего достаточно только хоть перечислить: прекращение монопольных откупов на бакинскую нефть, продажа нефтяных участков в частные руки с торгов, проведение Закавказской железной дороги, давшей выход избыткам продуктов за границу, и т. п.⁶⁹

Тут и предвидения много, но его еще больше в систематическом, умеренном протекционизме всем видам промышленности, оказанном преимущественно Миротворцем, императором Александром III, наперекор тем фритредерам, каких у нас в администрации и в интеллигенции и посейчас целая уйма и для которых неубедительны факты действительности и примеры, собранные в моем сочинении «Толковый тариф», так как их не убеждает даже и то, что стальные балки, стоившие у нас в 1891 году выше 3 руб. за пуд, чрез 10 лет можно уже было иметь ниже двух рублей с провозом в Петербург, и ни то, что в 1888 году чугуна добыто в России 4 млн пудов, а в 1898 г. 13 1/2 млн пудов. Быстрота достижения Россией части желаемых результатов в отдельных примерах просто поразительна и убеждает в том, что нива для посева готова, надо только пахать да засеивать, а то бурьяном зарастет и обработка будет затруднительнее.

Но что же делать-то надо еще, коли и так есть результаты, да еще поразительные? Ох, делать надо еще очень много, и результаты поразительны лишь относительно или в проценте к давно отжившему, а не в пропорции к богатствам природным и к количеству народа, много болтающегося более всего потому, что дел-то им ближе заработков нет, никто об этом и не думает и все только кивают на одно сельское хозяйство. Для ответа более обстоятельного перечислю то, что считаю тут наиболее важным для общего движения всей промышленности. Однако и тут всемерно постараюсь быть кратким, чтобы закончить эту и без того чересчур удлинившуюся последнюю главу, публиковать которую заставляют спешить многие из тех немногих, кого занимает течение моих заветных мыслей и их отношение к правительственным мероприятиям.

Прежде всего необходимо переменить и сделать всему свету очевидным угол зрения правительства на все дела промышленные, а то они очень у нас оказаны, как видно даже из того, что сельское хозяйство и горная промышленность соединились с государственными имуществами, а другие виды промышленности и торговли — с финансами. И в этом не простая случайность, а своя историческая последовательность ясно сказывается, потому что не очень давно добыча металлов была государевой регалией, подобной чеканке монеты, а на промышленность и торговлю смотрели в правительственных сферах исключительно как на объекты обложения.

Взгляды и отношения давно изменились, но пока промышленность не будет совершенно объединена и обособлена в одном или нескольких особых правительственных учреждениях, устарелое отношение нет-нет да и окажется, а народу все будет казаться, что правительство относится к интересам промышленности не иначе как к интересам казначейства. Как заглавие книги, само название учреждений должно быть продумано и отвечать содержанию. Мне кажется, что, сосредоточив дела всех видов промышленности в одном министерстве и назвав его Министерством содействия народной промышленности, выкинули бы такой новый и яркий флаг, что много сердец повеселело бы. Сокращая, можно оставить — «Министерство содействия промышленности» или «Министерство народной промышленности»; все же будет

думаться, что тут свежим веет, не новыми поборами, а новой подмогой.

Мне кажется притом, что не следует выделять в особое «Министерство содействие земледелию» — и вообще сельскому хозяйству, чтобы народу стало наконец ясным, что нет у земледелия никаких резких отличий от иных видов промышленности, что все они теперь одинаково нужны кормильцы народные, что все они заботу царскую и общенародную составляют. Конечно, как в историческом, так и в техническом отношении много есть разности между земледелием, скотоводством, видами охоты, горными делами, заводскими, ремесленными, фабричными, банками, перевозкой, подрядами, издательством, мореходством, торговлей и т. п. видами промышленности, но связей и переходов конца нет, а потому все это связать в одном ведомстве и только внутри его формально подразделять.

Само собой разумеется, что не в названии и не в формальностях подразделений выразится сущность отношения правительства к делу промышленности. Сущность — в заботе и содействии совершенно точно так, как в деле народного просвещения. Связь с земством и дружное ему содействие не в сборе налогов, а в организации снабжения народа земледельческими к всякими иными орудиями труда, в устройстве образцовых хозяйств, в помощи кустарям, в переселении, в снабжении всякими товарами, в сбыте продуктов, в улучшении, а где надо или желательно, и в организации или переделке общинного, артельного и всякого кооперативного хозяйства и в целой уйме подобных дел. Тогда народ поймет скоро, что новое учреждение — друг, а не новая помеха.

А если музеями, начиная с центральных до местных и разъезжающих, подобных тем, какие уже кой в чем начаты, разведками, особенно геологическими и торговыми, издательством практических руководств, где надо лекциями, прямо техническими советами, пособиями в сношениях и целой массой подобных видов помощи посодействовать всяким видам промышленности, интересующим разные классы жителей, то признание пользы нового учреждения станет возрастать быстро.

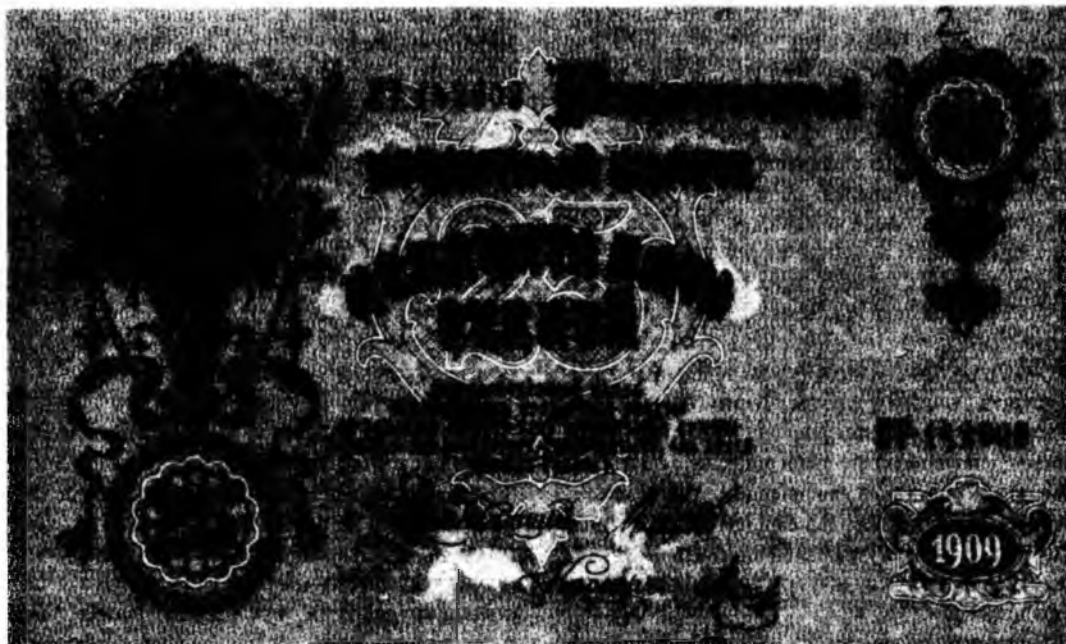
Здесь, как и в деле просвещения и как по существу всюду, направление изменений зависит не только от законодательных указаний

и постановлений, но очень много от подбора исполнителей. Их надо не только готовить, но и разыскивать. Не вся же наша интеллигенция такова, какой показывают себя разные забастовщики, бомбардиры и бойкотеры, есть немало и добрых, и труда не боящихся, а его ищущих, только они молчат и прячутся, в черную толпу крикунов не вмешиваются. Отыскивать их можно, и опыт, проба скоро их выкажут. Дело в закваске, в начале, в руководстве и в средствах, которые будут даны в распоряжение хорошо подобранным руководителям.

Имея перед глазами маленький опыт при организации выверки мер и весов в разных частях страны, я говорю предшествующее не зря, а по современной действительности: людей, охотно, разумно и с любовью исполняющих дело, народу явно полезное, чистое и благожелательное, всегда при охоте да при соответственных средствах найти можно в желаемом количестве, а если просвещение не застрянет, как теперь — по заветам гр. Д. А. Толстого — ожидать временно и возможно, прибывать такого народа будет много множество, а из них легко выбирать только не по выслуге лет и не по внешним признакам должных руководителей. Начала бы только легли здоровые, а там «сама пойдут», потому что, как тяжесть, действует везде непрерывно и неудержимо охота народа покормиться и разжиться, для чего промышленность и службу свою служит.

Но невольно спросишь: да откуда же взять на все это средств? Ведь они необходимы не только для организации учреждения, содействующего промышленности с ветвями по всей матушке России, но и для реального содействия частной промышленной инициативе, особенно кооперативной, какую я со своей стороны считаю наиболее у нас по примеру артелей обещающую содействовать «общему благу». Мне, как кому угодно, кажется ясным, что за этим, т. е. за добычей средств для быстрого промышленного роста России, остановки не может быть даже помимо миллиардного народного вклада в сберегательных кассах, собравшегося в последний десяток лет.

Тут-то, в отыскании средств на промышленность, более всего и необходимо правительственное предвидение, о котором упоминал ранее. Читайте цифры — увидите сами,

Государственный кредитный билет. Начало XX в.

что предвидеть легко оплату промышленных затрат самой же промышленностью. Ранее было показано, что к 1890—1900 гг. в С.-А. С. Штатах израсходовано (без погашений) почти 16 млрд рублей основного капитала на передельные (фабрично-заводско-ремесленные) промыслы, а в год на них получено товаров более чем на 21 $\frac{1}{2}$ млрд рубл. Оплатить процент интереса и погашение основных затрат, очевидно, есть из чего. Немного глаголя, прямо должно видеть, что промышленность сама себя содержит и содержать будет тем легче, чем больше станет кооперативной, на складчине, на союзе, на артельном начале основанной. На промышленные дела России какой угодно заем правительство сделать может и, если распорядится умненько, может быть, даже и в «казенном интересе» выгодно, если не сию минуту, то уж очень скоро, поскорее, например, чем при займах на железные дороги. Избегается тогда и прямое участие «иностранного капитала», которые уж вовсе и не так страшны, как их малюют, благодаря тому отношению к промышленности, которое у нас еще, увы, господствует, но свой век почти отживает и тотчас помрет, коли выкинется знамя «Министерства содействия народной промышленности». Да и целого миллиарда рублей занимать за границей тут незачем, довольно, пожалуй, будет и половины; «сама пойдет», коли дружно за лямки возьмутся. Это потому, что сам народ даст на то дело средства, коли увидит его дельность, так как ссудные свидетельства — под залоги, конечно, и только отчасти по доверию — особого, «эмиссионного», чисто промышленного банка, для того назначенного, будет покупать, как покупались выкупные свидетельства, понимая, что «промышленные свидетельства» мало чем уступят обычным закладным листам.

А коли проценты по «промышленным свидетельствам» будут чуть-чуть повыше обычных, да с их дивидендов не будет 5 % казенного сбора, да коли начинающим промышленное производство, особенно же кооперативное, даны будут ввиду передового их значения для возвышения среднего народного достатка особые льготы, сбавки и отсрочки, то дело пойдет, должно полагать, ходко.

Только при всем этом понимать надо под промышленностью не одни чисто капиталистические фабрично-заводские дела, но и всю торговлю, весь близкий к земле труд, всю кустарную мелочь, всю народную изобретательную предприимчивость. Начинать надо не только устройством правительственного содействия всякого рода, но и переделкой многих законов, особен-

но относящихся к открытию фабрик и заводов явочным порядком, к фабрично-заводской инспекции, к продаже казенных земель и заводов и ко многому иному, явно сюда соприкасающемуся.

Незачем мне все это вступно и перечислять, если Государственная дума, канцлер и новый министр народной промышленности проникнутся желанием и волей поднять «народное благо» при помощи не только духовного подъема народного, но и чисто материального, в промышленности, взятой в целом, выражающегося.

Тогда нельзя будет обойтись без роста многих видов свободы, хотя легко можно обойтись без забастовок и всяких обычных видов уличного политиканства. Свобода для труда (а не от труда) составляет великое благо. Для тех, кто труд и долг не ставит на должную высоту, кто их обязательность мало понимает и невысоко ценит, — для тех свобода рановата и только лодырничество увеличит.

Россия, взятая в целом, думается мне, досрочно до требования свободы, но не иной, как соединенной с трудом и выполнением долга. Виды и формы свободы узаконить легко прямо статьями, а надо еще немало поработать мозгами в Государственной думе, чтобы законами поощрить труд и вызвать порывы долга перед Родиной.

Тут конец моих заветных, чисто постепенских мыслей, относящихся к правительственному строю. Надо его подправлять, а не начинать, потому что не только фундамент, но и капитальные стены и балки в нем прочности много большей, чем кажется по взгляду на облупившуюся штукатурку, на покрякивающиеся полы и на потускневшие стекла. Крыша уже больно плоха, ее лучше сызнова перекрыть, хоть отчасти из старого же материала, да по новой обрешетке. Когда в доме живут, крупную его ремонтную работу неизбежно начинать надо с кровли. Такую кровлю в правительственном строю составляют народное просвещение и промышленность. За них и надо взяться всеми силами и, не отлагая, а то не пол, а самые балки гнить начнут.

Дело просвещения, очевидно, плохо, коли учиться товарищам классическая зрелость запрещает, объявив забастовку, коли с этим еще кокетничают, коли — ведь слышишь и видишь — на первой лекции в первом курсе студентам с кафедры сообщают, что теперь-де до-

казано, что простых тел нет и что все они оказались сложными, забыв, что слушатели-то ничего еще о простых телах не слыхали, коли начинающим излагают не начала наук, а только такие части предметов, которые составляют лишь отделку, подробность, желая доказать воочию справедливость давнего стиха:

Что ему книжка последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет,—

сказанного про время Рудиных. Поправлять эти дела просвещения нельзя иначе, как воспитав новых учителей, т. е. устроив как можно поскорее да все хорошенько обдумав Педагогический институт нормальный да много и других, потому что спрос на просвещение не только уже имеется, но и растет, и того гляди все от мала до велика начнут понимать, что все здоровое, которым еще кой-как держится наше обучение, составляет лишь слабые остатки и пережитки от изведенного гр. Д. А. Толстым и все по его шаблону «свободы университетского образования» возникшее и сложившееся, кроме разве счастливых исключений, ничего не дает ни просвещению страны, ни ее успехам, приобретая содержание более всего из фельетонов текущей литературы. О нашей промышленности говорить уж и не стоит, коли не может она построить нынче России корабли, коли вся она дает товаров в год всего рублей на 20—30 на душу, а в С.-А. С. Штатах — на 300—400 руб.

Вот они две первейшие надобности России: 1) поправить, хоть довести бы сперва до бывшего еще перед Д. А. Толстым, т. е. лет 25 сему назад, состояния просвещение русского юношества, а потом идти все вперед, помня, что без своей передовой, деятельной науки своего ничего не будет и что в ней беззаветный, любовный корень трудолюбия, так как в науке-то без великих трудов сделать ровно ничего нельзя⁷⁰; и 2) содействовать всякими способами, начиная от займов, быстрому росту всей нашей промышленности до торгово-мореходной включительно, чтобы рос средний достаток жителей, потому что промышленность не только накормит, но и даст разжиться трудолюбцам всех разрядов и классов, а лодырей принизит до того, что самим им будет гадко лодырничать, приучит к порядку во всем, даст богатство народу и новые силы государству.

Во всем ином еще кое-как подождать можно, хотя сам-то я более не за ожидание, а только за постепенность, но тут ни минуты ждать нельзя, потому что оба те дела скоропалительно, указом да приказом сделать нельзя, хотя без них начаться и они не могут. В этой неизбежной медленности двух указанных важнейших дел, латинцам совершенно неведомых еще, причина появления постепенности, за которую я следую. Не в личном характере тут дело, а в существе, в том понимании природы, которое самое поднятие гор и самые вулканы стремится объяснить медленно текущим и непреодолимым накоплением маленьких на первый взгляд влияний.

По мне, было время пользы и от революционных передраг, пока просвещение и промышленность не стали в числе верховных правительственных отношений, пока греко-латинщина служила знаменем «возрождения», пока судом да войнами ограничивались высшие задачи правительств. А теперь, когда просвещение и промышленность стали во главу правительственных функций, когда даже военные успехи и поражения связываются с развитием просвещения и промышленности, а они составляют дела, совершенно чуждые очень быстрого течения или скачков (каковы, например, сражения в деле военном, приговоры суда и т. п.), теперь роль и значение революций прошли и одно постепенность будет брать верх.

Мне думается, что так было и с землей: вначале действовал сильнейшим образом революционный вулканизм, а потом постепенно стали брать верх эволюционные силы, воде свойственные, и внутренние перемены в сложении горных пород, т. е. силы на взгляд маленькие да слабые, а, в сущности, только медленно действующие. Конечно, и поныне вулканизм дает о себе знать, что не пропал, но общая сумма перемен, от него происходящих, ничтожно мала сравнительно с тем, что делают постепенные силы природы.

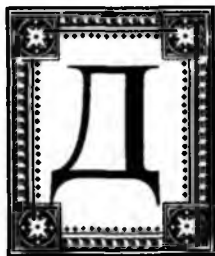
Так, по мне, есть, но сравнительно мала уже ныне роль всяких революционных передраг, будут ли они в виде приказов и указов или в форме революций и пронунциаментов, а главные перемены все с постепенности-эволюционным характером, а между ними просвещение и промышленность стоят ныне на первом месте. Признавая, что свобода в ее основах много приобрела от революций, утверждаю, что только развитие просвещения и промышленности ее развило, развивает и развивать будет, от тирании предохранит, незыблемой поставит и права с обязанностями уравновесит.

Согласен, что в этом моем определении течения «новейшей истории» есть своего рода предвзятость, идеализм, пожалуй, даже утопизм, что судьбы истории человечества еще темнее судеб земных форм, еще не охвачены разумом, а потому гадать далеко вперед и вообще рискованно. Но по отношению к России, да в настоящем ее положении сама очевидность действительности говорит за то, что состояние просвещения и промышленности определяет и ближайшее и отдаленное ее будущее, требует первого общенародного и правительственного внимания, составляет настоятельнейшие надобности. Государственная дума с них должна начинать, и только тогда она покажет разум народа, его голос выразит.

27 сентября 1905 г.

ГЛАВА X

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ля конца книги написал краткую главу о мировоззрении — конечно, лишь о своем личном, дающем мне возможность оставаться постепеновцем при всем стремлении к признанию неизбежного превосходства надо всем, а потому и торжества разумного труда в его разнообразнейших приложениях к общей внешней пользе и к внутреннему благу — тоже общему, и лишь в том числе — личному.

Написал, но не печатаю, потому что изложение показалось мне недостаточно полным, требующим многих выяснений, а местами впадающим в критику и отчасти раскрывающим то, что лучше оставлять про себя. Хочется-то мне выразить заветнейшую мысль о нераздельности и сочетанности таких отдельных граней познания, каковы:

вещество, сила и дух;
инстинкт, разум и воля;
свобода, труд и долг.

Последний должно признать по отношению к семье, родине и человечеству, а высшее сознание всего этого — выраженным в религии, искусстве и науке. Выкиньте одно из каждой троицы — будет лишь анализ без полного синтеза, получится неустойчивая и слашавая шаткость, а в образовавшуюся пустоту того гляди проникнет отчаяние либо ворвется какой-то вздор, не выдерживающий первичной критики.

Быть может, когда-нибудь и попробую переделать написанное, но только не в переживаемое нами время. Теперь лишь образы, подобные Дон Кихоту, могут сколько-нибудь влиятельно действовать, только смех сквозь слезы, только отрицательная, хотя и снисходительно-брюзгливая, жалость.

А так писать не могу и не умею. Картины люблю, даже по-своему их понимаю, но учиться писать их мне поздно. Поэтому просто кончаю, сожалею о том, что пообещал то, чего выполнить теперь не в силах. Нашему брату постепеновцу молчание ведь привычно, а теперь оно хоть не в моде, да, кстати, и отвечает несомненному русскому большинству, с которым оставаться желаю.

4 октября 1905 г.

Манифест (17 октября 1905 г.) доброго, великодушного царя даровал уже народу все виды свободы и объединение правительства. Ответим на свободу усиленными трудами и твердостью воли, направленными разумно на благо Родины.

*Д. Менделеев
18 октября 1905 г.*

ГЛАВА XI

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ⁷¹

е могу, даже просто смелости у меня такой не хватает, закончить изложение своих «Заветных мыслей», не попытавшись передать своих исходных положений, выработавшихся всею совокупностью испытанного и узнанного в жизни, так как этими положениями не прямо, а косвенно определяется все мое изложение. Считаю это тем более необходимым в наше время, что оно явно занято «пероценкою» и сосредоточенным стремлением найти вновь как-то затерявшееся «начало всех начал», исходя то из субъективной самостоятельной точки зрения, то из какого-то абстрактного единства, будь оно энергия вообще, или, в частности, электричество, или что-либо иное — только не древнее исходное начало, Богом наименованное. От физики до метафизики теперь стараются сделать расстояние до того обоюдно ничтожно малым, что в физике, особенно после открытия радиоактивности, прямо переходят в метафизику, а в этой последней стремятся достичь ясности и объективности физики. Старые боги отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-либо допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконивается, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы. Это очень печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше, в естествознании, пытающемся «объять необъятное» по образцу Оствальда или хоть Циглера (в Швейцарии, например, в его: «Die wahre Einheit von Religion und Wissenschaft». Von I. H. Ziegler, D-r philos. Zürich, 1904, и еще лучше в его: «Die wahre Ursache der heilen Lichtstrahlung des Radiums». 1905), в целой интеллигенции, привыкшей держаться «последнего слова науки», но ничего не могущей понять из того, что делается теперь в науках; печальнее же всего господствующий скептицизм отражается на потерявшей молодежи, так как ей самой, как она знает, зачастую приходится разбираться в явных противоречиях между тем, что она читает и слышит в разных аудиториях одного и того же факультета, что и заставляет молодежь считать себя судьями, а своих учителей, либо одного, либо обоих, — отсталыми, у них опоры ищущими, и только ценить «свободу», понимаемую в виде свободного халата. Известно, что скептицизм-то и стубил казавшиеся столь крепкими устои Древнего мира, и немало мыслителей, думающих то же самое про устои современности. Не думая так, постараюсь, насколько сумею, высказать свою точку зрения, причем, во-первых, надеюсь «гусей не раздражить», а все же сколько-нибудь выяснить те основания, на которых создается скептицизм научного или философского свойства, и, во-вторых, начну прямо с вывода, чего советую краткости ради придерживаться и в готовящихся обсуждениях нашей Государственной думы.

Современный научно-философский скептицизм берет свое начало из вековечно существовавшего и должнствующего вечно существовать стремления людей признать единство всего внутреннего и внешнего мира, что и выражено в признании единого Бога и в стремлении это исходное понятие о «едином» по возможности реализовать или узнать ближе. Первое признавать правильным, по мне, совершенно необходимо, а второе во всех отношениях неправильно, недостижимо и к скептицизму-то и приводит.

Одни видели это единство в солнце, другие — в самодержавии, воображаемом и вечном старике, третьи — в единоличном людском разуме, четвертые — в некоем отвлеченном высшем разуме, пятые видят в какой-то единой материи, шестые — в энергии или силе, седьмые — в воле, восьмые — в индивидуализме, девятые — в человечестве, да мало ли в чем. Стремление реализовать так или иначе

«единое», или «единство», есть естественное следствие пытливости, и за последнее время оно приобрело особую напряженность, когда успехи в реальных науках стали не только явно возрастать, но и быть видными даже в ежедневной жизни. Формализм, придаваемый обыкновенно всем религиозным верованиям, не исключая ни шекеров, ни бабидов, ни протестантов, есть тоже известная реализация того, что реальным требованиям разума очень мало отвечает, потому что вечное, общее и единое во всяком случае логически выше реального, которое познается лишь во временном, частном и многообразном лишь разумом и в отвлечении обобщаемом, что и составляет область наук, а в их числе и философии, если она не становится на ходули науки наук. Науки, в сущности, отвлекают от прямого реализма, и если они либо по сюжету реальны, либо реально полезны, потому что дают полезные предсказания, то тем самым только подчеркивается необходимость отвлечений, их значение и полезность. Очень должна быть велика путаница мысли, когда с научными приемами хотят найти реализацию высшего единства, одним реальным выразить множество реальностей или отвлечений. Вот и выходит белка в колесе. А как это увидят, сейчас и бросают, сейчас и впадают в скептицизм по отношению ко всем и всяким обобщениям, конечно, кроме слов, которые сами по себе не что иное, как первичные обобщения. Реализация, какая бы там ни была, обобщения, столь отвлеченного, как общее «единое», или «единство», просто-напросто противоречит самому духу наук и ни к чему, кроме сомнений скептицизма, приводить не может. Порок тут вовсе не в самой идее единства, а только в стремлении его реализовать в образы, формы и частные понятия.

Никогда этого не достичь по самой логике дела, а общее «единое» не следует и пытаться представить ни в таких материальностях, как вещество или энергия, ни в таких реальностях, каковы разум, воля, индивидуум или все человечество, потому что и то и другое должно охватываться этим общим «единым», и то и другое составляет лишь предметы обобщающих наук.

Итак, я объясняю скептицизм тем, что неразумность заставляет науку, обобщающую реализм и выводы предсказаний его покоряющую на пользу людскую и тем к реальности возвращающую, — заставляет науку относиться с теми же приемами к своим крайним обобщениям. Да этого делать-то не следует, потому что научные обобщения не есть уже меняющаяся безграничность или реальность, а ограничены тем, что

удалось изучить (а изучены лишь «песчинки на берегу океана неизвестного», как сказал Ньютон) до того, что стало возможным кое-что предсказывать, и эти научные обобщения должны оставаться неизменными, пока само изучение реальности не заставит их изменять, расширять и совершенствовать. Оттого-то ничего толкового и полезного и не дала и не дает вся метафизика⁷², на которой и покоится весь скептицизм.

Но довольно о нем. Во всяком случае признать громадность массы совершенно неизвестного — неизбежно необходимо. Есть или нет в той или в этой данной области познаний какая-либо грань, которую нельзя перейти, я и рассматривать не стану, потому что для передачи того, что составляет предмет моих исходных мыслей, вовсе это решать и не надобно. Дело идет о данном времени и лишь о том, до чего может ныне достигать разумное обобщение, на чем должно или может соглашаться, хоть временно успокоиться лично, вовсе помимо «начала всех начал», для которого почва создается не изучением, а тем, что называется верою и определяется инстинктом, волею, чувством и сердцем. Ведь где-нибудь да кончаются же обобщения разума? Не сводится же вся его работа собираемая в науке работа на одну разработку частных? Где же грань современных разумных обобщений, если не в «едином» общем? Вот тут вопрос мировоззрения, задача того ряда мыслей, по которому сыздавна отличают такие просто прикладные науки, как медицинские, инженерно-технические и юридические, от философских, куда относят не только саму философию, филологию и историю, но и все математические и естественные науки. Первые со вторыми связаны так тесно, что в этой тесноте запуталось много умов, но простой здравый смысл ясно сознает, что прикладные науки движутся философскими и в то же время что философские науки разрабатываются только потому, что их хотя бы и тусклый свет все же освещает пути жизни, т. е. служит на пользу и прямо и косвенно — через посредство прикладных наук. Уже одно первичное и явно не могущее никогда закончиться искание новых частей истины, отличающее науку, прямо указывает на стремление ее к усовершенствованию и на признание бездны неизвестного; короче, служение науке учит скромности, соединенной с настойчивостью, и отучает от скороспелой заносчивости и рабства предубеждения. А так как наука исходя из действительности или реальностей постепенно все же доходит до некоторых положений или утверждений, несомненно, оправдывающихся наблюдениями и опытами, то считать их

частичной истиной или «законами» право имеют. Этого-то от науки, кажется, никто и не отнимает. Но так как в республике науки «свобода» мнений обеспечена до такой степени, что нет и попыток спрашивать большинство ни тайно, ни явно, то говорить от имени науки волен не только каждый, чему-либо учившийся, любой писатель, писака и фельетонист, но и простой прохожец, а потому заблудиться в «последних словах науки» чрезвычайно или до крайности легко. И не сыщется тут, пожалуй, никаких, кроме разве отрицательных, признаков для отличия всяких форм узурпации от действительного голоса науки, так как и чутье, здесь могущее руководить, не прирожденно и приобретает только долгим и горьким опытом. Он показывает, однако, что спокойная скромность утверждений обыкновенно сопутствует истинно научному, а там, где хлестко и с судейскими приемами стараются зажать рот всякому противоречию, истинной науки нет, хотя бывает иногда и художественная виртуозность, и много ссылок на «последнее слово науки». Почитайте-ка, как Коперник или Ньютон проводили найденные ими истины, — убедитесь. Наука истинная как будто говорит или советует: «Пожалуйста, не верьте на слово и постарайтесь только проверить», — оттого со своей стороны не могу не высказать совета: за науку настоящую считайте только то, что утвердилось после сомнений и всякого рода испытаний (наблюдений и опытов, чисел и логики), а «последнему слову науки» не очень-то доверяйтесь, не попытавши, не дождавшись новых и новых проверок. Новое искание истин — это только и есть наука, но из этого вовсе не следует, что она сводится к «последним словам». Действуя в науке более 50 лет, убеждаешься в необходимости этой осторожности. Доказывать этого здесь не буду, хоть и не откаиваюсь возвратиться к этому предмету в другом месте или при другом случае. Случаев-то благо теперь множество, больше чем когда-нибудь. Да, «пероценку» хотят иные сделать и в науке, такое уж теперь время, всюду — не у нас одних — бродит закваска, и требуется ясно писать «Заветные мысли» хотя бы для того, чтобы избежать хоть части огульных недоразумений. Вот для этой-то цели и считаю необходимым вновь⁷³ сказать, что, по моему разумению, грань наук, донныне едва достигнутая и, по всей видимости, еще и надолго долженствующая служить гранью научного познания, грань, за которою начинается уже не научная область, всегда долженствующая соприкасаться с реальностью, из нее исходить и в нее возвращаться, эта грань сводится (повторю опять для избежания недоразумений — по моему мнению) к принятию исходной троицы несводимых, друг с другом сочетающихся, вечных (насколько это нам доступно узнавать в реальностях) и все определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа (или психоза). Признание их слияния, происхождения и разделения уже лежит вне научной области, ограничиваемой действительностью или реальностью. Утверждается лишь то, что во всем реальном надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково немислимы в реальных проявлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без сил и материи. Развивать здесь эту тему вовсе не думаю, даже предпочитаю остаться неясным, но высказать ее в «Заветных мыслях» считаю необходимым, потому что не один граф Д. А. Толстой, а с ним целая куча людей полагают по неведению, конечно, что, занимаясь веществом и силами, ему свойственными, естествоиспытатели не признают духа, все сводят на вещество и силы. Такие бывают и есть, не отрицаю, но только преимущественно-то они и выросли на классицизме, что доказывать — скучища страшная, да и выяснено давным-давно, хотя часто забывается.

Этими замечаниями кончаю книгу, зная или, лучше сказать, понимая, что теперь не такое время, чтобы постепенские мысли, подобные моим, могли сколько-либо влиять на взбудораженные умы той молодежи, для которой книга эта преимущественно писана. Можно действовать тут только образами, как действовал Сервантес своим Дон Кихотом. Его вчуже и жалко, и у него чистоту побуждений нельзя не признать, а повторять его все же перестали, потому что уж очень ясно увидали, как ему подобные люди делают только вздор и смешное. Надо уметь написать о том, как, ища свободы, действуют против свободы. Увы, у меня нет этих талантов, их не вызывал и не воспитывал. Несмотря, однако, на то, что так отношусь к выходящей книге, не только не раскаиваюсь в том, что ее писал, но радуюсь тому, что ее закончил, потому что, как бы то ни было, все же будет из моей книги, надеюсь, ясно, какими мыслями проникались профессора времен покойного графа Д. А. Толстого, которого, уж признаюсь, считаю первопричиною многих современных русских бед и образцовым умелым бедокуром и смутьяном.

Д. Менделеев

27 сентября 1905 г.

**ЗАМЕТКИ
О НАРОДНОМ
ПРОСВЕЩЕНИИ
РОССИИ**

Жизнь людей, особенно у нас в России в последние десятилетия, становится — очевидно, для всех — новой, по формам, хотя основы, состоящие в господстве христианских и государственных начал, сохраняются, даже совершенствуются. Слово — было и осталось исходом, но дело стало иным, чем было.

Все это доказывать и разъяснять считаю ненадобным для цели, которую назначил себе в прилагаемых заметках. Но тем, кто не согласен с вышеприведенными утверждениями, кто отрицает или не видит значения перемен, совершающихся на глазах современников, тем лучше не читать ничего дальнейшего, так как оно основано на завете: «Вино новое да не вливается в мехи ветхие».

Многие формы жизни стали новыми, а формы обучения до того уже обветшали, что пришло время подумать об их усовершенствовании. Вот тема моих беглых заметок педагогического свойства. После немногих общих положений (об экзаменах, о цели обучения и т. п.), я, именно, полагаю в ряде статей высказать несколько мыслей о четырех отдельных предметах, касающихся обучения или педагогики, а именно: о подготовке обучающихся, т. е. профессоров и учителей; о высших, или специальных, учебных заведениях; о средних, или подготовительных, учебных заведениях и, наконец, коснуться общенародного, или начального, обучения. В своем изложении хочу идти сверху вниз, а не наоборот, не только потому, что все у нас шло и пойти успешно может только этим путем, а не обратным, но и потому еще, что лестницы лучше мести этим способом, а не обратным.

Мне надобно затем сказать, что предметы, излагаемые мною, по их значению для будущей жизни страны, требуют многотомного изложения, если все обставить в них с возможною полнотою и доказательностью. А у меня нет ни возможности, ни охоты писать такие тома; все, что могу сделать, — дать намеки, указания на тот род мыслей, который сложился в отношении к педагогическим вопросам в моей голове. Поэтому я должен ждать кривотолков и обещаю обращать мало на них внимания, поглощенного разными другими делами, которые еще желал бы успеть доделать. Пусть уж судят и даже осудят, а мне все же станет легче, когда выскажусь о деле, издавна меня занимающем.

Последнее предварительное субъективное замечание — о том, что я сам был учителем в двух гимназиях и в двух корпусах и профессором университета и разных высших специальных учебных заведений, — прибавляю для тех, кому может показаться, что я говорю только как отец и дед или как кабинетный ученый, измысливший что-то в часы досуга — больше из соображений отвлеченного свойства, чем из прямых требований современной жизни, за судьбами которой давно слежу, потому что на плечах у меня 66 лет. Не до полемики и не до общих мне мест, а назрело в жизни, хочется успеть сказать....

9 мая 1899 г.

ГЛАВА I

ЭКЗАМЕНЫ

Первое общее положение, которое мне желательно выставить во главе всего последующего, формулируется до крайности просто: *устные, массовые экзамены* (т. е. переходные и выпускные) *при обучении следует уничтожить*, а на вступительные (состязательные) следует смотреть только как на неизбежную необходимость, определяемую отношением спроса (т. е. числа желающих поступить) к предложению (т. е. к числу принимаемых).

Не станем говорить о муках физических и нравственных, испытываемых во время экзаменов как отвечающими, так и спрашивающими; они всем известны по отношению к ученикам, а испытывающим я был 35 лет и всегда мучился совокупностью ответственности, лежащей на экзаменаторе, с необходимостью быстро решать, чтобы не задерживать весь ход испытаний.

Приходилось прибегать к разным компромиссам. Из них я лично выбирал вот какой: тех, кого я за год знал как способных и знающих, — спрашивал лишь ради формы; другим, которых не знал, если отвечали на первый вопрос хорошо, тотчас давал второй и третий, а когда и на них отвечали ладно — поскорее ставил хорошую отметку, чтобы иметь много-много времени на тех, кого знал плохо работавшими за год, или тех, которые ответили на первые вопросы плохо: им сменял вопросы, давал время надумать и старался, — упрощая высоту требований, — доводить до того, чтобы они сами сознавались в недостаточности подготовки. Но и эта манера и разные другие, мне известные, не могут дать, при краткости устного испытания, возможности верного суждения о знаниях ученика никакому экзаменатору, если он не знает хода занятий своих учеников за длинный срок учения или если он не получил, чрез задачи или письменные ответы, твердого убеждения в том, что ученик действительно знает то, в чем его экзаменуют. Из своих гимназических испытаний очень хорошо помню, что в немецком я был всегда плох, а отметка вышла годная для выпуска, потому что я удачно сумел в ответе на выпускном экзамене вставить знакомые стихи Шиллера:

So willst du treulos von mir scheiden
Mit deinen holden Phantasien,—

которые мне понравились по звучности и смыслу, мне кем-то объясненному. В действительно-сти, экзамены, особенно устные, всегда более или менее — лотерея, как часто и говорят; пора с этим покончить. И от этого дело обучения только улучшится, а лишние муки пропадут.

В начальных школах и низших классах средних школ уже давно и повсюду практикуется перевод и выпуск — без всяких особых массовых устных испытаний, по годовым отметкам — по крайней мере, тех, кто учился за год хорошо.

Преподаватели 1-го кадетского корпуса. Петербург. 1901 г.

Следовательно, тут отмена экзаменов не будет большим нововведением, а потому стоит говорить о возможности такой отмены в старших классах гимназий, в университетах и в других средних и высших учебных заведениях.

В старших классах гимназий и других средних школ обучение основано всюду на объяснении уроков, на задании упражнений и на том или ином виде проверки знаний учеников во все продолжение курса. Поэтому более 30, много 40 учеников в классе не держат, учителю иначе не успеть всех узнать. А такое число учеников и должно и можно знать учителю. Отметка служит помощью учителю, указателем ученику. Зачем еще сверх того экзамен со всеми его муками? — Знаю я и слышал только две отговорки: надо — дескать — проверять учителей и полезно лишний раз дать возможность слабым подтянуться или попытать счастья. По мне, эти отговорки стоят мало, формальны и путают все дело до крайности.

Проверять учителей, испытывая учеников, можно было бы, если бы проверку вели помимо учителей и если бы за худые результаты экзаменов можно было винить только учителей, т. е. им ставить свои отметки. Но, по существу дела, нельзя ничего этого проделывать, особенно с учениками того критического возраста, о котором идет здесь речь, т. е. в 13—18 лет, когда самостоятельные мысли начали развиваться, и особенно по отношению к предметам старших классов средних учебных заведений.

Что бы ни делали, каких бы учителей ни давали, какие бы программы ни писали, в известном возрасте всегда будут одни ученики более способны и склонны к физико-математическим наукам, другие — к изучению языков или истории и т. п. Дельный учитель и разумные советы учителей всегда принимают это во внимание. Учителю нельзя также не принять во внимание прямо личные качества учеников. Иной застенчив и легко сбивается, а между тем прекрасно учится, — к нему одно отношение, а другой боек и горазд на слова, — к нему надо отнестись иначе. Это знает всякий, кто учил и учился. Поэтому без учителей, знающих лично своих учеников, судить правильно об успехах учения невозможно. А проверка учителей, конечно, необходима, но ее, прежде всего, следует делать при выборе учителей и помимо того напряженного положения, в каком находятся ученики и учителя во время экзаменов. Да и где набрать судей, способных делать правильную проверку учителей?

Помню я, как шел экзамен химии для выпускных кадет 2-го кадетского корпуса, где я учил. Тому будет более 40 лет, и говорить теперь об этом можно. Председательствовал всем тогда известный высокоуважаемый начальник военно-учебных заведений Ростовцев. С самого начала он сказал, что все предоставляет мне, потому что совершенно не знает химии и только желает узнать кадет. Сидело немало и других генералов, и они ни слова не сказали во все время, только просили ставить отметки так, чтобы им было видно.

Средняя отметка из всех была, быть может, именно по этой причине, одинаковая у всех, ставивших баллы, и только раз или два зашла речь о повышении отметки, когда дело шло об очень бойких, но посредственных ответах. Директор-филолог — как будет судить об успехах учеников старших классов по математике или, обратно,— математик об учителях греческого или латинского? Увидит он, конечно, если будет придиричивость или слабость; но что и тогда поделывать, как не уговаривать в совете, если ему будет предоставлена решающая роль и если учитель дан неладный, не вникающий ни в особенности учеников, ни в тяжелое положение испытуемых, сознающих, что дело идет об их будущем и зависит от момента, от слова и случайностей?

Очевидно, что проверять надо учителей вовсе не на экзаменах, а на самом ходе преподавания, хотя главную-то проверку дадут сами ученики — когда вырастут, осмотрятся и вспомнят, что и как внушал им тот или другой учитель. Инстинктивно ценит учителя — любовь учеников, порядок и внимательность в классах, стоустая молва и вся жизнь самих учителей. Все это, а особенно посещение уроков инспектирующими лицами, может дать более верную оценку учителя, чем экзамены его учеников. Без доверия к учителю — учение не может давать добрых плодов, а доверять надо с большим выбором. Потому корень дела в подготовке учителей, о чем будем говорить особо.

Что же касается до оправдания экзаменов пользою их для слабых учеников, то, конечно, при этом подразумевают их спешную самостоятельную подготовку, но тут что-нибудь не так: либо ученье шло без достаточного внимания к более слабым¹, либо достигалась не истинная, а только кажущаяся польза учащихся, потому что, если за год не улеглось

изучаемое в голове ученика, — в недели или дни подготовки оно улечься, очевидно, не может. А дать место и шанс случайности экзаменов в деле подготовки — было бы не в пользу, а во вред учению. При сознательном отношении к делу совета педагогов, слабые по некоторым предметам ученики могут быть сознательно — без всяких случайностей экзаменов — пущены дальше, если есть указание на возможность допустить ученика к дальнейшему ходу его обучения.

Учителя, зная своих учеников, хорошо могут предвидеть, насколько можно предвидеть в жизни, имеются ли или нет у данного слабого ученика условия для успешности его дальнейшего обучения, а если этого предвидения ничто не возбуждает, — экзамен может обманывать, затягивать, а не помогать слабым. Таких надо или направлять в иные условия (т. е. или вовсе выделять из учения, направляя на иную деятельность, или оставлять в классе, если есть надежда или были обстоятельства, временно препятствовавшие ходу учения, например, болезнь, условия жизни и т. п.), или, при сколько-либо подходящих условиях, переводить и выпускать с уверенностью, что недоделанное в прошлом наверстается. Экзамены тут не помогут. Вместо них совершенно достаточны годовые отметки, и главное — общее впечатление учителей, решающих дело перевода и выпуска учеников. Для меня это так несомненно, что я считаю возможным идти далее, т. е. выставить прямые выгоды отмены экзаменов.

Кроме устранения множества ненужных мук, отмена экзаменов должна дать, по крайней мере, две прямые и важные выгоды в деле обучения в средних учебных заведениях: сокращение срока учения и спокойствие отдыха учеников и учителей.

Время экзаменов в старших классах гимназии и т. п. длится около полутора месяцев. В это время учение во всех классах, даже если в них нет экзаменов, или вовсе не идет, или ничего не дает, потому что учителя измучены экзаменами не меньше, а больше учеников. Нормальное учение идет при экзаменах никак не более 7 ¹/₂ месяцев в году, считая время вакансий. Если прибавить полутора месяца — выйдет 9 месяцев, и, следовательно, вместо 6 лет учения довольно будет 5 лет, а потому, конечно, вместо 7 лет — 6 или вместо 8 — только 7 лет.

То есть уничтожение экзаменов, помимо всего прочего, сократит учение в средних учебных заведениях, по крайней мере, на год. А это составит прямую выгоду не только родителей и учеников, но и учителей, потому что они за свое дело претерпят менее муки, могут получить высшее вознаграждение. Но главное не в этом, а в том, что ученики с той же подготовкой, как ныне, не будут выходить из средних учебных заведений столь «зрелыми» по годам, лучше будут пригодны и впечатлительны к дальнейшим занятиям в университетах и тому подобных заведениях и к самой жизни.

О подготовке к университетам речь дальше, а теперь я остановлюсь только на тех учениках средних учебных заведений, которые прямо после них поступают в жизнь, с всею ее сложностью. Как бы там ни судили о том, какие бы программы средних школ ни выдумывали, как бы их ни специализировали по предметам обучения — все же жизнь современная, да и всякая, сложнее и дробнее школы во много раз; вышедшему из нее надо учиться стать офицером или купцом, промышленником или чиновником, дьяконом или учителем — кем бы там ни было.

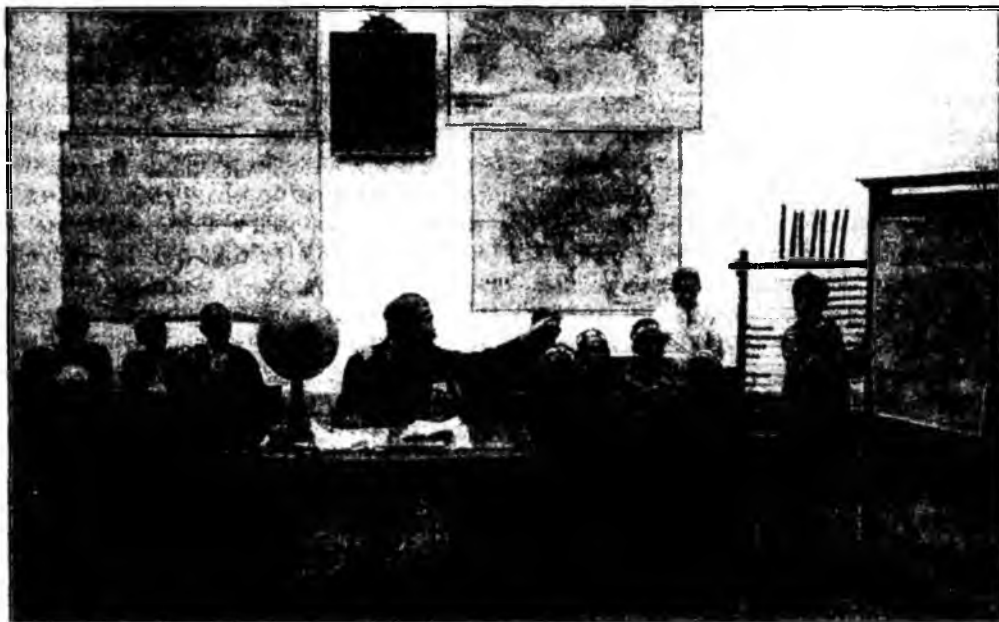
Прямо со школьной скамьи средних учебных заведений, даже профессиональных, не может выходить специалист, а таких-то и надо жизни не только от высших, но и от средних школ. Такова уже современная жизнь, а чем дальше, тем больше — не то, что было когда-то, еще сравнительно недавно. Так лучше выгадать год — для подготовки к этой разнообразной жизненной специальности, чем этот год тянуть в школах, а потом все же расходовать время на обучение жизненной специальности. И чем моложе по годам начинающий учиться жизненным специальностям — при той же степени школьного обучения, — тем, само собою разумеется, он легче вступит в дело, тем больше успеет в жизни, и тем жизнь больше выиграет от школьного учения. Когда на плечах много десятков лет, тогда год значит мало, а в 15—18 лет, когда кончают средние учебные заведения, тогда год сроку — великое дело.

Многих поражает то явление, что ныне при тысячах студентов выходит меньше выдающихся, чем было лет за 25 или 30 тому назад, когда были только сотни. На мой опыт, делящийся с этих прошлых времен, разность

эта определяется, между прочим, прежде всего тем, что тогда в студенты поступали более молодыми и впечатлительными, чем ныне, — в гимназиях было 7, а не 8 классов, или лет учения. Если мы хотим успехов жизни России, надо начинать высшую специализацию, требуемую жизнью, как можно раньше. Уничтожение экзаменов — одно из первых для того средств. Притом, если продлится и впредь, после мирных конференций, всеобщность воинской повинности, — тот год лучше потратить на дело подготовки к защите отечества: плодов будет побольше, чем от латинщины.

Опыт всего мира показывает надобность некоторого временного, но полного отдыха, как учителям, так и ученикам. Первым — по двум причинам. Во-первых, потому, что истинное дело учителя делается исключительно нервами: надо — так сказать — заразить учеников трудолюбием, сознательным и разумным отношением к частностям жизни, мелькающим в глазах неуча в хаотическом беспорядке. Одними сухими рассуждениями — даже при полной добросовестности — ничего не поделаешь в обучении, доброго следа не оставишь, необходима работа нервов, а ее без отдыха нельзя вести. Во-вторых, учителю гимназий или тому подобных заведений нельзя стоять на месте, необходимо упорно следить за всем движением своего предмета, если он не мертвый, а мертвых предметов в школах не должно бы и быть.

Не уследишь, не разберешь чего-нибудь, а там либо ученик какой, либо родственник его обратятся с вопросом о текущей теме дня, ну, хотя бы о телеграфе без проводников, — нельзя учителю не знать этого. Следить же за наукой, разобраться в ней с чем-либо самостоятельно — нельзя, не имея особо свободного времени; дельному учителю многое приходится откладывать до времени вакансий. Время такого отдыха для учителей и без того часто должно быть короче, чем для учеников, а когда есть экзамены, дающие массу утомления перед ваканцией, да переэкзаменовки после вакансии, тогда не может быть прочного спокойствия учителю. Если же его не будет, — не ищите хороших учителей, светильников окружающему, настоящих просветителей для ваших детей; получим только исполнителей, а нужны возбудители. О детях и юношах и говорить нечего; всякий знает, как полный

Школа. Урок географии. Бухара. 1900-е гг.

и спокойный отдых помогает им бодро глядеть на все, что им предстоит, а без этого хорошего учения в массе быть не может.

Физическая сторона возрастающего организма не менее того требует временно полного отдыха, и это так известно, что я считаю возможным идти далее, заметив только о том, что польза от полноты отдыха учеников много выиграет, когда не будет ни экзаменационной муки перед каникулами, ни всяких переэкзаменовок после них, а ход учения прямо прерывается каникулярным временем. Военные школы поняли это у нас ранее гражданских.

Если от гимназий перейдем к университетам или вообще к высшим учебным заведениям, то тут на первый раз кажется невозможным обойтись без испытаний, потому что уроков здесь не задается и спрашиваний с ответами не водится, следовательно, и личного знания всякого ученика профессорами быть не может.² Все здесь основывается на личной самостоятельности учеников, т. е. опирается на вероятность их сознательного отношения к занятиям, а испытание назначается для того, чтобы убедиться в действительном усвоении тех специальных предметов, которые назначены для слушания и дают подготовку к той или иной жизненной специальности или к той или иной области знаний.

Обойтись без устных массовых экзаменов здесь, однако, не только легко, но и настоятельнее необходимо, чем в средних учебных заведениях. И если мне удастся доказать последнее, можно и умолчать о легкости устранения экзаменов, потому что всякому понятна польза высшего специального образования помимо прав, чрез него получаемых, а жизнь до того требует на каждом шагу высшей специальной подготовки, что так называемые «вольные слушатели» составляют обычное явление там, где все высшее образование дошло до своей настоящей нормы.

Даже в начале 50-х годов и даже в таком «закрытом» русском высшем учебном заведении, каким был в свое время Главный педагогический институт, где я сам учился, были, правда, немногие, «посторонние», или «вольные», слушатели у профессоров, подобных Остроградскому, потому что его курсы были полны живого интереса и специалистам были незаменимы. А для таких «посторонних» слушателей не может быть и речи ни о каких экзаменах. В специальных же курсах и в специальном к ним интересе содержится главная польза действительно «высших» учебных заведений. Нет этого интереса, нет этой «вольной» охоты узнать суть дела от знатока — напрасно будет все, останется только школа, разве тем отличающаяся от гимназии, что пред-

меты более специализированы и не могут проходиться без предварительной подготовки. Тогда и надо заводить такие школы, а народу отказаться от научной самостоятельности.

Оставляя эту сторону дела до того, когда буду говорить о высших и средних учебных заведениях, скажу здесь только следующее: высший смысл университетских и подобных им специальных курсов состоит именно в возбуждении и направлении первых юных приступов к самостоятельности. Тут устные и краткие ответы испытуемых ничем помочь не могут, а потому, строго говоря, устные экзамены здесь легко устранить по истинному существу дела.³ Они правильной оценки специальных знаний даже и дать не могут, если мы взглянем на задачу высшей учебной специализации с надлежащей жизненной точки зрения. Вот ее-то мне и следует сообщить здесь и дальше, показывая, что спрашивать надо уже дело, а не одно «слово».

Как науки сами, так всякие учебные заведения назначены для удовлетворения жизненной потребности в сохранении мудрости (т. е. изобретений и открытий всякого рода), достигнутой людьми ранее, до нашего времени включительно, — чтобы уметь приложить эту мудрость к жизни, во-первых, а затем, чтобы можно было идти — могущему вместить — и дальше самостоятельно, не повторяя одни зады.

Но «всему» научить нельзя, даже в отдельной области знаний, а потому надо в высших учебных заведениях избрать довольно узкую специальность («узнать все о чем-нибудь», по Станфорду). Поэтому даже в XVI ст. все университеты делились уже на факультеты. Но и «факультет» теперь широк до невозможности, каждый избирает в нем лишь долю и долю маленькую, если желает не только что-нибудь сам со временем сделать, но прямо узнать что-либо подлинно.

Однако окулистом или гинекологом нельзя быть, не будучи сколько-нибудь медиком вообще, а медиком нельзя быть, не будучи сколько-нибудь естествоиспытателем вообще, и естествоиспытателем нельзя быть, не получив начальных знаний в географии, математике и т. п. Скажем, примера ради, что эти последние знания дала гимназия, а все остальное — от «сколько-нибудь» естествознания до гинекологии — требуется от университета.

Что тут делать, скажут, без экзаменов? И кажется, и видится так: надо экзаменовать из естествознания (физики, химии, ботаники, физиологии и т. п.), затем из общих медицинских наук (анатомии, фармации, патологии и т. п.), а потом из специальных отраслей медицины. Но при такой уйме знаний, требования устных испытаний везде не велики и великими быть, конечно, не могут — никто, от Гумбольдта и Фарадея, не выдержал бы этих испытаний. Выпустят ли такого лечить? — Нет, нигде не выпускают; опыт жизни показал, что надо потребовать еще чего-то иного, например, для удостоверения в естествознании — работ в лабораториях, ну хотя химических или физиологических, для медицины — упражнений в анатомическом театре, в клиниках и т. п. Тут тотчас скажется всякий недочет в прошлом, тут виднее, чем в устных ответах, не только некоторая самостоятельность ученика, но и его подготовка ко всему необходимому. Тут, на живом деле, в этих лабораториях и клиниках и надо искать замены экзаменов.

Профессору — руководителю всего этого, конечно, не одолеть одному, у него должны быть подручные помощники, но — сам ли или через них — он может и должен знать каждого, кого аттестует на деле, а не на одних устных массовых испытаниях.

Экзамены-то и выпадут как лишняя формальность, дающая возможность проскользнуть не знающему дела, а знающему только «слова».

Что сказано о медицине, легко перенести на все науки, касающиеся природы внешней. Что тот за химик, кто не работал в лаборатории? А если работал, там нашелся и разобрался, сделал назначенное и выбранное, нечего его и спрашивать устно — дело лучше слова, оно одно и надо в действительной жизни, с ним юноша и без аттестата не пропадет в жизни, в отчаяние не впадет и «слов красных без дел ясных» слушать не станет; спросит всегда: а что будет на деле?

Но и тут есть свои трудности, которые выставлю в примере слушателей математического разряда, которым начала химии нужны (для физики, астрономии и т. п. и для истинного просвещения), а работать в лаборатории невозможно за множеством иных дел. Ну и сообщите им о том, что химию им знать необходимо, устройте так, чтобы они могли уз-

ЗАМЕТКИ О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИИ

нать ее основания, а о том, что они узнали, осведомитесь или при работах по физике, или, если и это сочтете непригодным и недостаточно точным, заставьте их отвечать письменно (под надзором, если надобно) на вопросы элементарного свойства. Тогда и времени больше подумать найдется и всяких смущений и подлогов может быть меньше. Но и этого, по-моему, не надо. Пойдет он работать по физике — сам наткнется на необходимость знать кое-что в химии, необходимость заставит, если к работам по физике предъявлены будут достаточно высокие требования.

Только все это из канцелярий нельзя видеть, всех сочетаний не охватить, и разнообразия неизбежны уже потому, что профессора не могут быть тождественны. Многого надо предоставить сочетанию местных и временных условий. От этого Эдинбургский и Кембриджский или Берлинский и Геттингенский университеты друг от друга во многом различны и с годами их взаимные отношения изменяются. Об этом мало пишут, но это все, кому надо, хорошо знают.

Особенной пользы можно ждать от применения испытаний на деле в чисто технических высших учебных заведениях, если под делом подразумевать не только практические занятия в лабораториях, но и проекты по назначению и по выбору, потому что при этом легко узнать подготовку испытуемого во всех частях соответственных подготовительных наук, о чем предполагаю говорить в дальнейшем изложении, да это отчасти и практикуется у нас на деле.

В отношении наук, подобных математике, филологии и т. п., испытания, помимо устных массовых экзаменов, легко заменимы письменными решениями подходящих задач, назначаемых профессорами и избираемых самими испытуемыми, причем легче убеждаться в подлинности авторства, чем при устных ответах на экзаменах, где бывало иногда, что ответ дает не тот, кому ставится отметка. Экзаменуются сотни незнакомых — тут легка подстановка и бывает. Во всяком случае, при предлагаемом порядке будет больше сближения профессоров со студентами, чем ныне. Во всякие подробности входить здесь, однако, неуместно, да и пора уже перейти к другим общим вопросам обучения. Однако прибавлю еще две беглые заметки. Уничтожение экзаменов в наших высших учебных заведениях даст еще больший выигрыш во времени преподавания, чем говорено выше по отношению к гимназиям, потому что экзамены здесь занимают больше времени и число дней для курсов меньше, чем в гимназиях. Это ясно каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с делом нашего обучения.

Профессорам, говоря о внимательно относящихся к делу, будет, пожалуй, немного потруднее, чем ныне, но если выиграет результат, т. е. подготовка к жизни и оценка выпускаемых, то трудность легко наверстать двумя способами: увеличением окладов и помощниками, подобными тем, какие существуют в Англии.

9 мая 1899 г.

ГЛАВА II

О НАПРАВЛЕНИИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И О НЕОБХОДИМОСТИ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ⁴

перва и люди, как многие животные, жили только семьями и общинами. Потом додумались до пользы государственного устройства и до расширения его граней во многих отношениях. Ныне человечество мыслимо только как разумная связь государств, а общественные школы — как один из плодов государственности.

Речь моя касается впереди только до русского школьного образования, отвечающего современному состоянию России, как я его понимаю. Государственная школа не исключает семейного и общечеловеческого образования, а только их формирует и связует, потому что само государство исходит из семейства и ведет к общечеловечности, ясно видимой в том, что весь шар земной уже охвачен до концов и во все его закоулки проникают единые общие начала. Конец веков «Новой истории», начатой Колумбом, уже виден, и века «Новейшей истории» начнутся с близким концом колониальной эпохи и с водворением некоторого общего единства, по-видимому начинающегося в совокупных усилиях наций на берегу Печилийского залива, где старое вступило в бой с новым, где слышен погребальный марш классицизму и Тамерланам всяких цветов.

Готовящиеся к наступлению века будут, несомненно, веками жизненного реализма, стремящегося не вширь, а вглубь и в высоту. К тем векам следует готовить нарастающие поколения. И мы, русские, можем вступить в них впереди иных народов, приспособив к тому все наше школьное образование, ибо идеалы наши не сзиди, а впереди, и у нас нет общей цельной системы государственного образования, так как современная смесь классицизма с профессионализмом есть явление, очевидно, случайное, бессистемное и нам мало подходящее.

Первые училища, распространившиеся в России, были духовные. Так требовалось потому уже, что религия была заимствована, а предания и обычаи, передаваемые в семьях помимо всяких школ, не только не были достаточны для духовного образования народа, но и следовало их заменить совершенно новыми — для правильного роста страны, что успешнее всего достигается только с помощью школ. Ах, как все это надо не забывать, обсуждая дела русского просвещения во все времена, до настоящего включительно, так как не все же старое и обычное на века вечные полезно сохранять, и многое непременно следует, при помощи школ, прочно заменять тем, что нужно для современного периода роста страны, народа и государства!

Иначе ведь будет новый Китай, где школа назначена только для консерватизма содержания и форм. А может ли ныне кто-нибудь завидовать участи Китая? Однако он сохранялся веками — все же благодаря только своим школам, ибо в них сила, побольше многих иных, сокрушивших сильнейшие государства, недостаточно заботившиеся о школах для своего народа.

Все мы знаем плоды, достигнутые свержением старых языческих кумиров и устройством новых, христианских кафедр в России. Православная Россия могла ли бы сделаться такую само-

бытною — без этих духовных школ, долженствовавших, дать образцы, или примеры, и наставников, или пастырей? Да и могут ли многие самобытные стороны силы народной родиться, распространяться, развиваться и совершенствоваться без целесообразно организованного школьного образования? Наши желания и упования, которыми определяются все наши действия, не слагаются ли в большей своей части в школьный период жизни и не будут ли они без планомерных школ противоречивыми, сбивчивыми, разрозненными, эгоистическими и бессильными?

Надеясь на правильность и единообразие ответов по вопросам, поставленным выше (и отчасти предлагаемым далее), в немногих словах постараюсь закончить это вступление, необходимое для ясности всего последующего.

Понадобилось нашей стране, при ее самостоятельном росте, организованное войско — и нельзя было не завести военных школ, хотя драться всегда умеют без учения и особо учат при поступлении в состав войск. Суворовы, Кутузовы, Скобелевы, Драгомировы и несть числа, сколько иных русских воинов, прославивших наше войско, вышли из этих самых школ. Могла ли бы Россия занять свое современное положение среди вооруженного мира, если бы не имела целой системы школ для военного обучения и образования на разных его ступенях?

Прямая необходимость заставила позаботиться затем о том, чтобы увеличивающийся штат чиновников всяких ведомств, так необходимый развивавшемуся государству, имел потребную степень образования, определяющего грамотность — повыше писарской, гуманность в отношении к жителям и, сверх того, во многих случаях специальную подготовку: юридическую, медицинскую, инженерную и т. п. В ответ на это требование созданы были те школы всех порядков, которые лучше всего можно назвать литературными, потому что преимущественно этот характер получила тогда наша средняя школа, и развитие этих школ положило прочное начало расцвету у нас, с одной стороны, образованного чиновничества, щеголяющего стилем и последовательностью изложения, а с другой стороны — самостоятельных литераторов, ученых и художников — от Карамзина и Пушкина, от Лобачевского и Остроградского, от Глинки и Перова.

Не условия русской частной жизни, со всеми ее тогда простецкими, но насущными требованиями, имелись при этом в виду, а некоторое идеальное и властное от них отвлечение, правда, возвышающее людей над общим уровнем, но отрывающее их от важнейших и первичных интересов всего народа, которые представлялись сами себе и презрительно прозваны были тогда — в лучшем случае — «мещанством», поныне страшным для многих из наших образованных людей.

Между живым делом народа и его образованностью тогда не искали связи, даже создали особого вида пропасть, посеяв едва начинающую заполняться, да и то благодаря не славянофилам, народникам и толстовцам, а только освободительным мерам 60-х годов, железным дорогам и развитию — за последнее время — промышленности. Только недавно передовые русские перестали стыдиться говорить между собою по-русски, и я еще хорошо помню время, когда степень образования почти измерялась свободностью французского изложения мыслей. Однако не вся сила русского образования ушла в это «горе от ума», в этих «героев» своего времени.

Почва все же сказала в слове, потому что вначале всегда бывает слово. Слагалось понемногу свое суждение, и чисто русские голоса стали слышаться. И если мы получили ныне в мире свой особый цвет, то этим обязаны не только тому одному, что составляет могущественное государство, но также отчасти и тому, что наши гражданские учреждения, наша литература, наши науки и искусства доросли до того, что, прямо или косвенно, много или мало, стали уже влиять как на внутреннюю жизнь страны, так и на внешние ее отношения. Так, например, наши финансовые мероприятия изучаются, наших писателей переводят, голоса наших ученых стало необходимым принимать во внимание во многих научных областях, а наших художников везде желают видеть, слышать и узнавать.

Для цели моей статьи особо важно обратить внимание на то, что образование, вызванное потребностями народно-государственными, не только скоро дало ожидавшиеся от него результаты, но и явно превзошло ожидаемое. Желали укрепить христианское просвещение, а народ стал — в целой своей массе — не менее христианским, чем другие народы, ранее нас получившие духовные

школы, выдвинув из себя образцовых пастырей Церкви. Потребовалась от школ военная подготовка, и народ дал войско и передовых воинов — на славу. Прошло едва одно столетие с учреждения тех школ, которые выше названы литературными, — а уже во всех управлениях найдется много просвещеннейших чиновников, выдались и образцовые; литература же, искусства и науки дали уже немало имен, везде известных и навсегда долженствующих сохраниться.

По сообразованному плану обучения, как в сказке — по шучьему велению, — все даст этот стомиллионный народ, способности и гений которого признали все, сколько-либо его успевшие узнать. Богатые руды скрыты в почве народной, и школа даст им выйти на Божий свет. И никому на свете, а тем более нам самим, не чуждо ясное сознание того, что у России еще многое впереди, что она еще и ныне — «молодое» государство и что способом верного превращения молодого в зрелое должно быть не одно время, а в соединении с обдуманною системою всего образования, что вложенное в школы окажется на деле чрез одно или два поколения. Если же чего-либо не развили при посредстве школ, расцвета того не ищите в массе даже просвещеннейших духовных, военных и литераторов, хотя бы то и отвечало существеннейшим склонностям народа.

А какие требования вложены в нашу последнюю, современную систему просвещения, особенно центрального, т. е. среднего, разбирать не стану теперь — по трем причинам. Во-первых, потому, что в свое время, когда вводилась нынешняя система среднего образования, устно, письменно и печатно я уже говорил об этом и с тех пор существа своего мнения не переменял, так как предвиденное тогда — теперь стало у всех на глазах. Во-вторых, наводить критику на столь сложный предмет, как система образования, хотя и довольно легко, но опасно, не потому что, пожалуй, этим гусей раздразнишь, а потому, что критика увлекает и, того гляди, не оставит места для положительной стороны изложения, да и без меня уже многие в последнее время навели эту критику — пришлось бы, может быть, повторять ранее слышанное. Меня же льстит мысль по мере моих сил оформить не отрицательную, а положительную сторону педагогических суждений, вита-

ющих в русской среде, слышных везде. В-третьих, — и это самое главное — мнение мое о современной системе школьного образования, особенно среднего, обрисуетса само собой, когда стану пробовать излагать положительную сторону своих посильных педагогических соображений.

Ни на минуту не обольщаюсь при этом даже тенью мысли о том, что эти соображения будут полны и непреложно верны, и если их решаюсь излагать, то лишь потому, что теперь пришло, мне кажется, время, когда не одни чисто государственные, но прямо народные, частные надобности заставляют искать не просто чиновного и литературного общего образования, прозванного многими «языческим», а более жизненного и притом чисто русского.

Запрос не на критику, а на обсуждение обдуманного вперед направления русского образования слышится мне у нас повсюду (он существует ныне и в других странах, и там, особенно для средних школ, ищут новых начал), и мне желательно ответить на него сперва вообще, а потом (т. е. в следующих статьях) в некоторых частностях, так как одних общих положений здесь, очевидно, мало, а одни частности приличнее властному законодательству, чем скромному мыслителю, желающему поделиться своими соображениями и опытом. Пусть хоть осудят, но, может быть, и задумаются.

Но раньше чем говорить о каких бы то ни было сознательных началах, которые желательно вложить в русское на всех степенях, а особенно в среднее образование, следует выставить на вид совершенную необходимость для проведения в жизнь сознанных начал — специально готовить самих учителей, если не всех, то, по крайней мере, образцовых, нормальных, если можно так выразиться. Это — в свое время — ясно понимали у нас; для этой цели и существовал давно уже закрытый Главный педагогический институт, питомцем которого был пишущий эти строки, вместе с множеством других педагогов, оставивших свои следы на всем просвещении России — за известное уже истекающее ныне время. Теперь они отживают век.

Достаточно вспомнить — хотя бы только примера ради — между физико-математиками имена уже сошедших в могилу И. А. Вышнеградского, Н. Н. Страхова и К. Д. Краеви-

ча, чтобы показать, каких видных людей, каких плодovitых ученых и писателей выпускал названный институт. Не менее половины имен его воспитанников знает вся или большая часть России; добрая слава слышна о живущих еще и посейчас, а между умершими немало было лучших русских профессоров, учителей, писателей и ученых. Так как факт этот сам по себе примечателен и может давать повод думать, что такой результат достигался исключительно строгим выбором поступающих, — чего, могу заверить по собственному примеру, вовсе не было на деле, — то считаю не лишним остановиться на его объяснении, как я его понимаю, проведя большую часть жизни в педагогической деятельности.

Мое объяснение мне кажется столь простым, что его увидит каждый, когда узнает, что все заведение было «закрытым», имело первоклассных ученых профессорами и что от каждого, выдержавшего немудрое поверочное вступительное испытание, требовали расписки, обязывающей прослужить по учебному ведомству, — там, где будет назначено, — не менее двух лет за каждый год учения в институте. Тут все важно само по себе и, наверное, не было случайным, а было разумно соображено заранее. Ведь можно было бы, например, и просто объявить, что за учение предстоит обязательная служба там, куда пошлют. Нет — требовали расписку. Очень я хорошо помню, что в те 16 лет, которые прожил до поступления в Главный педагогический институт, никаких я никому расписок — да еще на какой-то отдаленный срок — никогда не давал. А тут заставили всю расписку самому написать. Оно, во-первых, удивило, во-вторых, было как-то лестно чувствовать себя уже решающим свою судьбу, а в-третьих, заставило много и не раз подумать с самого начала о том, что каждому из нас предстоит. А так как и все тут были такие же, вступившие в свободный договор и в одинаковый, да сошлись со всех концов России, одни из гимназий, другие из семинарий, одни с Кавказа или из Сибири, другие из остзейских и польских губерний, то взятые расписки влияли и на самых беспечных, неизбежно заставляя обдумать предстоящую карьеру и находить в ней свои скромные жизненные идеалы.

Когда-нибудь, если успею, я опишу, насколько помню, студенческую нашу жизнь в Педагогическом институте; она не лишена

своей поучительности для нашего времени, а теперь мне достаточно сказать, что внешних, материальных забот о квартире, столе, одежде, книгах и т. п., что отнимает много покоя, сил и времени у современного студенчества, у нас вовсе не было, — все было казенное; профессора же были подобраны первоклассные, например, для физико-математического факультета такие, как Остроградский, Воскресенский, Куторга, Брандт, Рупрехт, Ленц, Купфер и т. п., да и всякие научные пособия были под руками, библиотеки, лаборатории, кабинеты, музеи. Юный пыл тут не погасал, а разгорался, ему давали всю возможность направляться к делу науки, и она захватывала многих людей уже на всю жизнь. Таковое свойство науки проявляется у нас повсюду, где есть хоть малая совокупность подходящих условий и нет предварительной порчи разными способами, особенно карьерным классицизмом. Конечно, не все погружались в науки, но, хорошо помню и знаю из результатов, — очень многие. Вот от этих-то примеров все почти и работали во всю силу, так как и в науке есть заразительность.

При этом все помнили, что дали свою личную расписку и что во время студенчества надо сделать все возможное, чтобы жизнь потом не заела, часто об этом толковали и после выхода из института были уже подготовлены к своей деятельности не одними курсами педагогики, все освещавшими верхним светом, а более всего взаимным общением, проникшим во все щелки педагогического дела молодыми, пытливыми глазами людей, принесших со всех концов России свой школьный опыт. Совместная жизнь, отсутствие внешних забот, руководство первоклассных профессоров (мы тогда их каждого понимали насквозь и часто обсуждали — да и везде студенты тонко знают профессоров), привычка к самостоятельности, которой покровительствовало внимание профессоров и товарищей и многократное предварительное обсуждение всех подробностей учительской жизни — вот что вырабатывало учителей в Главном педагогическом институте. Его закрыли под влиянием модных — для своего времени — мыслей о пользе вмешать студентов в самую жизнь, заставляя погружаться во все ее мелочи в период своего учения.

На давний и славный опыт закрытых английских университетских колледжей, даже на

Слушательницы женской учительской семинарии. 1902 г. Фотография из коллекции М. С. Парийского

опыт Главного педагогического института и не думали ни минуты обращать внимания, а об учителях говорили прямо, что «свято место пусто не будет», т. е., что учителя найдутся и среди тех, кто не готовился к этому скромному, но почетному званию. Оно, пожалуй, так и можно было бы соображать, если бы педагогическая деятельность состояла только в обучении тому, что распространилось уже в жизни.

А когда педагоги должны содействовать перестройке жизни на улучшенный, сообразно времени, лад, тогда особая продолжительная подготовка учителей, их долгая дума и разбор ими всех мелочей в кругу однокашников, вместе с некоторою идеализацией предстоящей деятельности и с предварительным разбором ее по косточкам, да в период молодой энергии, все желающей пробраться до конца по внешности и до идеала — изнутри, наверное, должны давать несравненно более надежный результат. Не хочу я этим сказать, что будущий Главный педагогический институт должен быть простым сколком с некогда бывшего, а желаю только внушить мысль о том, что учительское и профессорское звание заключает в себе столько чисто специальных особенностей, требует такой внутренней долгой подготовки, что для них нужнее, чем для многого другого, специальное высшее учебное заведение, вроде того, как для подготовки хотя бы моряков, художников, архитекторов.

А так как высшее зло, особенно для средних школ, которого надо бояться в учителях, состоит в узости их педагогических убеждений, то от будущего Педагогического института необходимо требовать, чтобы в нем были вместе и рядом всякие факультеты, а не какие только-либо одни, например, отдельно — институт для математиков, другой для филологов, третий для натуралистов, четвертый для учителей прикладных или технических знаний. Взаимное трение в молодые годы между готовящимися быть специалистами, а особенно воздействие людей, посвящающих себя таким абстрактным наукам, как, например, математика, на лиц, занимающихся реальными (например, естественными) и прикладными (профессиональными, например, юридическими и техническими и т. п.) науками — так полирует ум, что грубая, а в педагогическом смысле — даже и очень опасная, односторонность поневоле исчезнет от тесного и долгого общения со сверстниками иных специальностей.

Знаю я, что студенческого общения и тесноты их сближения у нас теперь стали бояться из-за так называемых «студенческих историй». Но при этом прошу обратить внимание на то, что такие «истории» начались у нас именно тогда — с 60-х годов, — когда уничтожили тот вид тесного общения, который существовал прежде у казеннокоштных студентов и был так развит

в Главном педагогическом институте. Без общения и некоторого вида взаимного воспитания друг другом не может обойтись никакая школа, от начальной до самой высокой — специальной. Это взаимное школьное общение приучает к условиям жизни посильнее забот о квартире или столе, делает людей практическими, и — что более всего характерно для школ — воспоминание о нем живет всю жизнь в лучшем уголке памяти. Это общение дает истинный смысл и важные преимущества школьному образованию, по сравнению с домашним; дом семьи есть первый основной пример общественности, а школа — второй, а учить надо не для личных, а для общественных целей.

Государственные школы всех порядков должны научать и воспитывать в общественности уже потому, что государство есть ныне высшая форма общественности, а она без духовного взаимного общения просто логически невысказана, так как одно механическое сближение — на общих скамьях — так внешне и грубо, что молодежь удовлетворить не может. Если не будет существовать между студентами духовного общения в естественном его виде, потребность в нем должна проявиться хоть в изуродованном виде. А если вовсе не будет этой потребности общения, — то знак недобрый, эгоистического или, в лучшем случае, аскетического, мертвого, государству чуждого свойства.

Тот ничего не смыслит в педагогике, кто упустил из виду значение общения между студентами, да еще разных специальностей. Но так как речь моя только случайно коснулась этих «студенческих историй», то я воздержусь от развития этой стороны предмета, а постараюсь закончить свое отступление — в сторону образования учителей — следующими положениями, составляющими вывод из моих посильных мнений об этом предмете:

1. Так как России предстоит еще много развивать свои школы, чтобы из страны «молодой» стать «зрелой», то в ней настоятельно необходимо устройство, по крайней мере, одного нормального высшего учебного заведения, специально приновленного к подготовке учителей главных предметов, преподаваемых в средних учебных заведениях. Наши друзья французы, всегда имевшие свою знаменитую Нормальную школу в Париже, завели недавно «нормальные» школы во всех округах.

У нас же и одну, плодотворно действовавшую лет 60 под именем Главного педагогического института, закрыли, а устроили затем только подготовку учителей-филологов для классических гимназий и школы для подготовки народных учителей, что составляет лишь каплю в океане требующегося у нас комплекта учителей. А без правильной подготовки целой их массы всех благих результатов от расширения числа школ ждать, по моему мнению, никоим образом нельзя. Обдуманная, цельная система образования, нужная России, должна начинаться именно с устройства высшего училища для приготовления учителей. Со случайными, неподготовленными учителями, да в столь обширной стране, как Россия, толку от учения будет много меньше, чем может быть.

2. Науки в чистом виде, сами по себе, а не одно их приложение к учебному делу (т. е. методика и т. п., как в учительских семинариях), должны составлять предметы занятий будущих педагогов, потому что государству, в его современном состоянии жизни, от училищ прежде всего надо требовать истинных жизненных знаний, и тот только учитель и будет действовать плодотворно на всю массу учеников, который сам силен в науке, ею обладает и ее любит. Будут готовить учителей гимназий, а из них выберутся и профессора для высших учебных заведений. О заготовке их в последнее время как-то забыли, и это скоро должно отозваться общим понижением уровня нашего просвещения, так как мы все еще очень молоды в научном отношении, а научные карьеры у нас полны терний и не особенно привлекательны ни в каком отношении, особенно за последнее время. Без увлечения наукой нельзя ждать массы дельных учителей и надлежащих плодов от умножения школ.

3. Факультетское деление, даже очень дробное, для высшего педагогического учебного заведения совершенно неизбежно не только потому, что весь строй влечет отдельных лиц к различным разрядам знаний, но и потому, что уровень всех отраслей знаний и их содержание ныне быстро повышаются, а учителя, как местные светочи науки, должны стоять на полной высоте современных знаний в своей специальности. Обсуждать и охватывать может способный человек очень много разных научных областей, но учить плодотворно и систематически, да-

же в среднем учебном заведении, ныне можно только понемногу, так как самое сложение (концепция) разных отраслей знаний часто уже глубоко между собою различается. Старое факультетское деление уже везде почти должно уступать место более мелкому подразделению (на отделения), потому что научные области расширяются, а учителя неизбежно должны вникнуть в тонкости избранной специальности, чтобы обладать ею и разносить свет знаний во все углы России.

4. Так как жизнь уже вызвала у нас технические и сельскохозяйственные учебные заведения и в них нужны свои профессора и учителя, то современный русский Главный педагогический институт непременно должен иметь и факультет прикладных знаний или несколько отделений в высших курсах, так приспособленных, чтобы физико-математические и естественно-исторические основания прикладных знаний его слушателям были известны во всей должной полноте.⁵

Политехникумы и сельскохозяйственные академии, конечно, могут дать, между прочим, и учителей соответственных знаний, но высший их сорт — если можно так выразиться — можно ждать только от специального педагогического учреждения, если в нем будет свой технический факультет. Оттуда, я думаю, и должны выйти наши оригинальные, свои научные руководители русского сельского хозяйства и многих отраслей нашей техники. Узкие, чисто практические институты едва ли их могут дать, так как там недостает той атмосферы чистого знания, которая одна творит настоящих творцов. Ах, я знаю, что приходится мне подчас говорить не сладкие вещи, но лучше говорить, чем молчать, если опыт жизни настойчиво внушает определенные понятия!

5. Устройство и содержание даже одного, первого такого (со многими факультетами) Педагогического института, конечно, будет стоить не менее, чем двух университетов или политехникумов, тем более что потребуются содержать большой штат профессоров и их помощников и много воспитанников, да всех их окружить всякими научными пособиями, а все это стоит дорого. Результатов же придется ждать дольше, чем от вновь учреждаемых политехникумов, совершенно необходимых современной России. Тут уже ничего почти нельзя поделать, разве, кроме того, что свя-

зать предлагаемый институт с Академией наук, так как у нее есть уже кое-что готовое, есть немало специалистов, да и мысль Петра Великого состояла в том, чтобы Академия наук служила России не только разработкою наук, но и для образования в ней образцовых учителей. Однако осуществление мысли этой, не раз мною слышанной, едва ли поведет к заметному сокращению расходов, а главное — будет противоречить началу, советующему «вино новое не вливать в мехи ветхие», а у Академий всяких, в том числе и у нашей, столь много старых традиций, что новое начало прививать к ним труднее, чем начинать сызнова. Но пусть расходы будут велики, пусть и проценты на них станут увеличиваться только чрез десятки лет, — лишь было бы твердо установлено специальное образование учителей, лишь родилась бы, хоть для внуков, если не для детей, школа с учителями действительно образцовыми.

Нельзя же, заботясь о том, чтобы были у России всякие свои специалисты, забыть о том, что ей всего нужнее хорошие учителя.

Это так мне кажется ясным, что я считаю возможным перейти к изложению общих своих соображений о тех задачах, которые, по моему мнению, следует иметь в виду, обсуждая систему образования, пригодную для России при ее современном и предстоящем положении.

Основную тему моих педагогических мыслей, как заметил, вероятно, и сам читатель из начала статьи, составляет желание распространить убеждение в том, что школа составляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государств, смотря по основным предметам и по принципам, вложенным в систему школьного образования, особенно среднего.

Последнее потому, что низшие, или народные, школы, по существу своему, могут давать только грамотность и только кое-что для начального роста убеждений или нравственных начал и для внешней обстановки отдельных лиц. Что же касается до высших школ, подобных университетам, политехникумам и т. п., то они назначены преимущественно для высших форм специализации, и в них входят уже люди с теми идеалами и привычками, которые вынесены из средних школ и из окружающей жизненной обстановки.

Конечно, преимущественно из них ныне выходят те люди, которые придают народу его основной современный цвет и внутреннее содержание, так как «изобретать» (по терминологии Тарда) ныне можно только в такой области, в которой мудрость веков или главные основы специальных сведений уже известны; но необходимые для приложения в жизни этих знаний энергия и упования, любовь к окружающему и настойчивость в трудолюбии — не только зарождаются ранее специализации, т. е. в средних учебных заведениях, но и формируются в тот критический период (лет от 14 до 16 или около того), когда слагается внешний человек, а этот возраст обыкновенно проводится в так называемой средней школе. Бесспорно, что средние школы — без высших, специальных — дадут мало стране того, что ей надобно, но, несомненно также и то, что наилучшие высшие или специализированные учебные заведения не могут дать много настоящих, христианских плодов, если в эти заведения будут входить из средних учебных заведений юноши с классическими привычками языческого свойства, например, без привычки внимательно и долго наблюдать ранее, чем судить, с убеждением о том, что «veni, vidi, vici» возможно и ныне в жизни, что аттестат «зрелости» дает права, а не налагает обязанностей пред странюю, дающею этот аттестат и т. п.

Итак, не входя пока ни в какие подробности, касающиеся содержания того образования, которое желательно сообщить современному юношеству (об этом я предполагаю не умолчать, а говорить особо — в дальнейших своих статьях), должно задаться вопросом, очень жизненным, по моему крайнему разумению, ныне для России: какие начала, судя по современным нашим потребностям, привычкам и убеждениям и по духу времени, должно вложить в центральное (т. е. среднее) образование, чтобы оно ответило желанию народному и благу России, понимаемому в том смысле возможно общего народного благоденствия, который заложен во всей нашей истории и должен естественно развиваться будущими поколениями?

Свой ответ на этот вопрос я излагаю прямо так, как он составил у меня в мыслях, и затем стараюсь не столько о доказательствах его естественности, сколько о том, чтобы выяснилось то, что содержится в нем, — до того мне

кажется необходимым ответить именно вот как: основное направление русского образования должно быть жизненным и реальным.

Чтобы ответ этот не возбуждал сомнений, должно прежде всего сказать, что я не могу считать жизненным образования, основанного преимущественно на мертвых языках, грамматических правилах и диалектических построениях, потому что жизнь ничего этого не требует, а известная степень разумно-сознательного отношения к языку или языкам вообще легко достигается, помимо дрессировки на греко-латинских упражнениях, при помощи родного языка, логичность же мышления и выражения мыслей должна входить во все и всякие предметы школьного преподавания.

Правильность мысленного построения вот уже целые века — со времен бэконовских — поверяется не тем одним, что дает разум, но сверх того наблюдением и опытом, к которым и должен приучать реализм. Диалектические рассуждения — без опытной проверки — всегда приводили к самообману или иллюзиям, к высокомерию или самомнению, к розни между словом и делом, а потому и к карьерному эгоизму, который государству вовсе не нужен и массу людей доводит до мечтательности, бездеятельности и даже до разочарования и отчаяния.

Жизненный реализм, конечно, может быть направлен или в духовно-идеальную сторону, или в материально-профессиональную, потому что обе эти стороны всегда будут представлены в жизни живыми людьми и жизненными отношениями, и сочетание их неизбежно в действительности. Но там и тут ничто не требует ни языка, ни грамматики, ни даже литературы — Греции и Рима, так как жизнь далеко ушла вперед и осудила уже многое из того, что там развивалось и процветало, оставив только то, что оказалось годным к жизни. Юноше ли делать этот выбор, стоивший жизни не только массе людей, но и целым государствам и цивилизациям?

Время наше ушло уже далеко даже от сравнительно недавней эпохи Возрождения, не то что от греков и римлян их цветущих эпох; зачем же у юношей возбуждать какие-то классические упования? События после времен Возрождения и какой-то особый вид ханжества приучили нас противопоставлять реализм классицизму, но, в сущности, это лишь

эволюционные формы одного и того же течения. Реализм взял все, что оказалось приложимым к жизни из классицизма, даже часть его вздорных идей попробовал применить, и вот, когда увидел незначительность результата многих пышных фраз классицизма, — не рекомендует внушать его совокупность юношеству. Ведь жизнь представляет сочетание материальных потребностей с духовными, эгоистических с альтруистическими и дел со словом.

Классицизм, на вид, забывая первые и толкая только о вторых, оттого и погиб, тем и грешит, тем и вредит, что односторонен, и его последователи первые приноровили дух к материи, что составляет существо настоящего материализма. Доказать это легко, но, кажется не стоит, потому что я не боюсь тех, кто упрекнет жизненный реализм в материализме. Не боюсь я и тех, кто поставит мне в укор то, что я будто бы забыл наши реальные училища, учрежденные рядом с классическими гимназиями, и кто станет уличать меня в том, что требование реальных школ уже давнее и что учрежденные дали мало плодов. Во-первых, стремлюсь я не к тому, чтобы сказать абсолютно новое, а к тому, чтобы уловить сущность многих русских суждений о школьных вопросах, и если говорю от своего лица, то по необходимости и потому, что готов принять на свою шею все наветы, которыми корят у нас противников классицизма.

Во-вторых, существующее смешение в среднем образовании классицизма с реализмом явно показывает, что определенных требований и понятий не было, когда учреждали их рядом, что государство предоставляло случайности дело первостепенного значения, чего — на мой взгляд — не должно бы существовать. В-третьих, реалистов не пускают в университеты, а они у нас одни могут давать надлежащее специальное и в то же время научное общее и не профессиональное образование, а потому и плодов от реализма ждать невозможно. Плоды — не очень-то хорошие — может давать ныне одно классическое направление. В-четвертых, — но на этом я и кончу — наши реальные училища скорее суть профессиональные, чем жизненно-реальные, напоминают ремесленные или торговые школы, которые полезны, но общего среднего образования, потребного государству, составить не могут. Но критически разби-

рать, как уже сказано выше, я не стану программы наших реальных училищ.

Мне кажется, что я сказал уже самое существенное по адресу ожидаемых оппонентов⁶, а потому теперь считаю возможным перейти к главным причинам — положительного свойства, — заставляющим предпочитать жизненно-реальное общее среднее образование той неопределенной смеси классицизма с профессиональностью, которая господствует ныне в нашей общей школе.⁷

У народов, как и у отдельных лиц, существуют потребности духовные и материальные, и живут они совместно, взаимно переплетаясь на тысячи ладов. Хотя схоластики давно уверяют, что они враждебны друг другу, и хотя бывают между ними действительные столкновения (они нередки и между чистыми духовными и между настоящими материальными потребностями), однако истинная жизнь состоит в их единении и согласовании, на чем и должна быть основана мораль.

В данную эпоху преобладает удовлетворение преимущественно тому или другому виду потребностей. Но из того, что ребенок и дикарь имеют почти исключительно материальные потребности, вовсе не следует, что взрослый и образованный может без них обходиться, удовлетворяя только духу, так как и аскету надо кушать и по временам спать

Духовные потребности можно даже производить из материальных, если присокупить к ним общественность со всеми ее сложными условиями. Не здесь место разбирать это, но здесь необходимо ясно видеть, что в жизни лиц и народов идет во времени смена преобладания того или другого вида потребностей.

Развитие и удовлетворение материальных потребностей совершенно необходимо для возрастания духовных требований. Увлечение ярких буддийцев и аскетов одними последними мыслимо не как норма, а как явное исключение невысокого качества, приводящее к крайней слабости. Таково же и увлечение другою крайностью. У ребенка — материальное, у юноши — духовное преобладает, и затем смена не кончается и переплеты сочетаний возрастают. Смена идет, а высота волны требований увеличивается. Духовные наши школы предшествовали военным, и наши «литературные» — тоже преимущественно гуманитарно-духовные — должны дать место жизненно-реальным с преобладанием удов-

летворенности материальным требованиям народа.

Запрос на духовные и военные школы был явным только с высоты, стоящей над народом, и неизбежно был ограниченный. Запрос на школы, названные выше «литературными», был уже гораздо шире и шел преимущественно от высшего, служилого класса русского народа. Теперь запрос на реально-жизненные школы идет от самого широкого круга жителей, т. е. волна потребности естественно возрастает, и смена очевидна. Духовное, военное и литературное образование надобны и полезны — неизбежно — немногим, жизненно же реальное образование есть потребность масс народных.

Государство должно обнять все это и удовлетворить, ничего не исключая, все приняв в соображение. Жизненный реализм развился исторически позднее чисто духовного, военно-государственного и граждански-гуманитарного направлений, занявших все прошлые века до последней четверти XIX в., и это новое направление, как всякое последующее, могло извлечь все лучшее из всех предшествующих. Так, например, основные гуманитарные идеи, прямо подходящие к жизни, т. е. свободные от романтизма (лучше, иначе — от слащавой латинщины), прямо усвоены реализмом, если не понимать под этим тех крайностей, с которыми неизбежно связано всякое начало нового направления.

Всем этим я хочу сказать, что жизненному реализму у нас и всюду пришел исторический момент. Если бы его и не настало, — его следовало бы изобрести, потому что он нам на руку и по времени. Великий Петр его провидел и предчувствовал. Пока там, где-то, идет борьба нового направления с крепким старым, мы можем успеть шагнуть в деле просвещения в сторону, очевидно, согласную с духом и интересами времени. Русский человек, заняв холодные, однообразные лесные и степные равнины, поневоле должен быть, прежде всего, реалистом, — ведь иначе не проживешь в этих палестинах. Для классиков — это дело чисто рабское, для русского человека — это дело истинного гражданина своей земли. Приноровиться, приглядевшись к делу, и одолеть его понемногу, упорным трудом — составляет истый прием реализма и подлинное качество, выработанное в нашей народной массе.

Недаром между русскими учеными больше всех успели выдаться реалисты. И весьма печально то, что русский реализм вовсе не воспитывается, что его почти не пускают в школы. Да разве на какие-либо другие школы откликнулись так, как на ультрареальные, т. е. технические, вроде политехникумов? Мы сеем и жнем, одолевая невзгоды природы, торгуем и промышляем — просто по преданию и сметке, обыкновенно без всякой специальной школьной подготовки, зря. И если при этом кое-что выходит, то благодаря лишь богатствам природным, содержимым в живом и мертвом инвентаре нашей страны.

Теперь это делается так, как было бы на войне, если бы было одно «шапками закидаем» или просто кулачный бой. Не так мы стали воевать после того, как поучились этому, нам мало сродному делу в школах, хотя и не бог весть какие в нем сделаны открытия и изобретения. Не так, как теперь, мы начнем сеять, промышлять и торговать, к чему издавна сродни, когда дело опыта и наблюдения будет еще в школе изучаться и систематизироваться, когда занятия подлинным, живым делом будет пользоваться почтением, отдаваемым всему тому, что изучается для общей пользы, и когда «аршинников» и «торгашей» перестанут отождествлять с «протоканальями», к чему причаает классицизм и к нему приноровленный гуманитаризм. Настоящие дела, которыми живет народ и страна, не в фаворе ни в школе нашей, ни в литературе, а юноши наши посеючас, на древний манер, полагают, что вся суть жизни сводится только на философские представления и на слова, да мероприятия политического свойства.

В средней школе ныне рассчитывают на два главных образовательных предмета: языкознание и математику. Бесспорно, что их сочетание развивает прекрасно, потому что в языке слышна одна сторона мудрости народной, а в математике — мудрости научной. Но это развитие не может не быть односторонним, рационалистическим, самомнительным и чуждым прямым интересам жизни. Притом оно, особенно при древних языках, окаменелое, ничуть не приспособляющее юношу к задачам времени (ведь и в средние века оно должно бы быть таким же), ни к действительному труду жизни.

Самообольщение силою разума, рационализм и, как их плод, отчаяние в возможности

найти когда-нибудь верные общие жизненные пути — вот неперенные и общие, в лучшем случае, следствия того направления, которое давали, дают и будут давать средние школы классического типа. А забота о себе всегда тут, налицо, она и делает карьеристов, питает эгоизм, заставляет верить только внешней силе, всеобщему голосованию и красивым словам и бредням. Согласен даже с тем, что в свое время, и особенно в своем месте, например, там, где основание народной истории идет прямо от латинян, классическое образование прекрасно отвечает целям государства, но у нас и в наше время, когда надо отвоевывать от природы, а не от людей, главные условия роста народного, и когда рационалистические попытки и красивые слова потеряли во всем свете свой прежний вес, — средневековая система образования — сущее зло. К привычкам диалектического свойства, вселяемым школами, надо ныне добавить привычки осторожного, опытного, уверенного суждения, внушаемого науками индуктивными.

Природа в ее видимой сложности, со всею ее доступностью и простотою законов, ею управляющих, и как неизбежная среда деятельности стала предметом наук, составляющих силу и славу последних времен, основу всех действительных общих и мирных завоеваний, которыми воспользовались современники гораздо более, чем было ранее, и в этом разряде наук легко найти такие части, которые доступны изучению в средних школах, способны настраивать ум на понимание окружающего и приохотить волю к трудолюбию и скромному труду.

Если взамен классических грамматик, упражнений и чтений ученики получают некоторые твердые, хотя и элементарные, познания об окружающей природе и привычку наблюдать лично, то выйдут уже более подготовленными, чем ныне, а если вынесут из школы основные понятия о законах государственных, да хоть в хоровом пении уловят гармонию общности и необходимость согласования с окружающим, — они получают при школьном учении то, что поможет им в жизни гораздо более, чем греки и латиняне.⁸ Дальше этих слабых намеков идти мне здесь нельзя, но я должен хоть в немногих словах оговорить то многих затрудняющее обстоятельство, что такой народ, как англичане, воспитывается

в классических школах, а дает массы практических, трудолюбивых и согласно действующих граждан, помимо всякого школьного реализма.

Там, прежде всего, классицизм — история; там под слоями торфа и теперь дорываются до римских дорожных столбов. Затем, там густота безземельного населения и береговой характер страны давно заставили весь народ быть трудолюбивым и предприимчивым и сообща одолевающим природу. В школах там приучаются к этому даже общественными играми. Не надо далее забывать, что мы все же должны во многом еще догонять Англию и что ныне в Англии передовые люди уже осознали необходимость реализма в школах. Притом все мы чувствуем, что при всех своих достоинствах англичане все-таки в целом обладают многими жесткими и несимпатичными сторонами, выступающими, например, в их войнах с ясностью. Это приписывают обыкновенно характеру народа, а по мне — это плоды классического образования Англии. Веря в смягчающее влияние жизненного реализма в школах, я полагаю, что и общий мир, и настоящее братство народов могут воспитаться только на реализме. Грек и латинец прославили войну, вражду и презрение к другим народам — такова их эпоха, а жизненный реализм ведет начало от союза с природой и внушает общий союз народов. Та эпоха близка уже ныне, когда вся земля будет обойдена, и отнимать условия жизни придется только от природы, а не от соседей. Конечно, без классической эпохи этого трудно было бы достичь, но теперь ей конец, пора дружно взяться за другое, и жизненный реализм в школах должен этому помочь.

Но обратимся к делу с другой, не общечеловеческой, а чисто русской стороны.

Не надо погружаться в прошлые века, довольно вспомнить и то, что было в XIX в., чтобы видеть живейшие и важнейшие потребности России в устройстве ее военных и гражданских дел и ее отношений к соседям. Теперь уже не то, особенно благодаря уменьшению числа отдельных государств (не указывает ли это на господство общечеловеческих интересов в близких будущих веках?), их взаимной ревнивости и сосредоточению всеобщего интереса на завершении колониальной эпохи, если считать у нас азиатские интересы — колониальными.

Н. П. Богданов-Бельский. Устный счет. В народной школе С. А. Рачинского. 1895 г.

Теперь силу самостоятельности государств надо определять их образованностью, производительностью, численностью народа и надобностью всего этого для остальных народов. Теперь нас не посмеют тронуть, нет задора прежнего (наверное, классического) и расчета не будет, но за будущее ручаться нельзя, даже с миллионами солдат, потому что по обе стороны от нас теснее жить, чем у нас, а в почве и стране нашей много завидного, всем людям надобного. И если мы сами не пустим его в мировой оборот, — позарятся, пожалуй.

Но на землю должно смотреть — так ныне и смотрят — не просто только как на место для поселения, — его-то хватит всюду, а как на среду, дающую хлеб, одежду, железо и другие ископаемые, надобные для жизни. И если мы всем этим станем торговать, снабжая других, то этим самым сделаем оплот, ограду для завоевательных — классических — инстинктов, так как война не только риск, но и стоит ныне таких денег, на которые много можно купить продуктов земли. Чем войны дороже и чем товары дешевле — тем ближе всеобщий мир. Развитие своей промыш-

шленности, всех ее видов, по этому одному уже выгодно в экономическом смысле, а то выйдет «собака на сене».

Но другие — целая куча — причины приводят к тому же требованию в развитии внутренней промышленности. Перечислять их — не место здесь, они всем более или менее известны. Но стоит напомнить одну из многих. Настоящее современное жизненно-реальное просвещение так тесно связано с промышленностью, что одно растет и получает силу одновременно с другим и совместно. Это потому, что то и другое, прежде всего, имеет дело с природою, совокупностью людей и с их потребностями. Науки отвечают так же духу, как промышленность — плоти людской.

Всего же важнее то, что без развитой разнообразной промышленности (в широком смысле этого слова) народ не может не только богатеть, но даже и удовлетворять своему возвышающемуся (количественно и качественно) спросу. Наша же промышленность, несомненно, не только не отвечает нашим природным богатствам и нашей численности (т. е. дает на каждого жителя менее, чем какое-либо иное из значащих государств Европы), но и не удовлетворяет даже, в большинстве товаров, уже развившемуся народному спросу и, что всего, кажется, важнее, не соответствует количеству затрачиваемого труда, т. е. требует во всех своих частях, начиная от сельского хозяйства, улучшений, соответствующих эпохе, в которую живем.

Сознание этой промышленной слабости, грозящей экономической самостоятельности страны, повело к развитию покровительственной системы, плоды которой, в виде долгого мира, улучшившихся финансов, золотого обращения и быстрого роста сбережений и многих отраслей промышленности — у всех на глазах, а теперь на Парижской всемирной выставке выступило так, что наша быстрота роста положительно всех удивляет.

Но пока нам нужно догонять Запад, можно идти во всем промышленном деле, руководствуясь лишь громадностью наших естественных запасов и техническим опытом Запада, однако скоро будет этого мало, так как наша производительность наполнит же, наконец, внутренние рынки, т. е. потребует широкого внешнего сбыта, и во многих местах уже будут сняты сливки с даров природы, т. е. придется много подумать и поработать над

тем, чтобы дать всему нарастающему народу заработок, а себе выгоды — разрабатывать дары своей природы по своим научно выработанным способам, нам наиболее подходящим, например железо и сталь на Урале и в Сибири еще, хоть только отчасти, на древесном топливе⁹, часть тканей — из своего льна, цементы — из своих природных камней, краски — из своей нефти, стекло — из своей природной глауберовой соли, — им же и конца запасов не видно. На все это надо приготовить много-много своих сильных в науке реалистов, классики же годны быть только землевладельцами, сдающими в аренду свои земли, капиталистами, стригущими купоны, да чиновниками, литераторами и критиками, обрисовывающими и обсуждающими, но лишь косвенно помогающими делу народной надобности.

И если нам надобны сильные войска и флот, то не менее того нужна и сильная промышленность, а для нее — жизненный реализм образования. Вся наша история указывает на то, что мы должны в прилегающих к нам частях Азии играть ту самую образовательную роль, какую в отношении к нам сыграл Запад Европы. Ну что ж мы поделаем в наше-то время с нашим чахлым классицизмом, без твердой промышленности, без жизненного реализма? Одних солдат да чиновников и литераторов тут мало, ведь там народища-то побольше нашего, и идти туда без широкого развития своей промышленности — прямо убыточно будет, а широкого развития промышленности без живого реализма в школах тоже ждать невозможно.

Чисел и примеров можно было бы здесь привести целую массу, но... мне надо кончить, а потому укажу еще один, последний из главных, довод в пользу своего положения и на том закончу.

Чтобы сделать мой последний намек на необходимость народу жизненно-реального образования сразу очевидным, считаю наилучшим сопоставить два воспоминания из своей жизни, одно из детства, другое из недавнего времени.

В доме нашем, когда я рос и уже учился в тобольской гимназии, оставалась жить старушка, моя бывшая няня, историю которой когда-нибудь стоит рассказать, потому что она была сослана в Тобольск «на поселение» своим тульским помещиком за то только, что

ЗАМЕТКИ О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИИ

ее сын сбежал от рекрутчины. Славная была старушка и добрая, но ворчать любила. И бывало, когда что сделаю не по ней, неладно, она крепко журила и при этом всегда, когда хотела сказать наибольший попрек, обзывала «латинцем».

Не люб народу русскому латинец, это у него чуть не бранное слово и поныне живет. Вот няню я любил, а латынь — нет, и сколько кого детей ни спрашивал — все то же встречаю и посеичас; учиться учатся латыни, потому что надо, велят, а любить не любят, потому что это и не надо и никто не велит — так как тут велеть нельзя.

Другой памятный мне поучительный случай уже был мною где-то упомянут. Задумал я у себя в имении, около Москвы, в одно лето новый дом построить, и понадобилось много возчиков, чтобы подвезти к сроку сразу лес, железо, кирпич, камень и т. п. Выждал конец сева и собрал в воскресный день крестьян трех соседних деревень, чтобы порядиться все подвезти сразу, народом. Пришли все рядиться, выслали выборных, и ряда была уже закончена с выборными на дому, но они пошли еще раз сказать остальным, стоявшим во дворе, обо всех условиях. Жду возврата, не идут что-то долго, и слышу — во дворе галдят. Думаю — прибавки еще спросят. Пришли наконец и мнутя, да потом и говорят: «Народ даром хочет все тебе привезти, только строй ты не жилой себе дом — у тебя есть ведь хороший, — а строй ты завод». — «Да как так?» — спрашиваю. Отвечают, что заработок будет завсегда тут рядом и не надо будет ни в Москву, ни на дальние заводы отлучаться. Они знали, что я интересуюсь заводскими делами, вот и надумали.

Так народ-реалист, хорошо понимая прямое для себя значение промышленности, сам толкает на этот путь, если видит подходящего человека. А где они? Много ли их? А будет довольно — народ сам поможет, потому что получше наших литераторов соображает свою прямую пользу, свою надобность живых промышленных дел — сверх земледельческих, которые составляют первообраз промышленных. Он не считает их «бесплодными» и все виды промышленности признает себе подходящими, как способы достать хлеб насущный. Следствия пусть уже выводит каждый, как ему нравится, а для меня ясно только, что латинского или вообще «языческого» образования народ не любит и не желает, а жизненно-реальное примет охотнее, что в латинце он видит прежде всего своего супротивника, а в реалисте — нужного ему человека. А кому же не хочется сделать образования народу любезным.

Сущность моих мыслей, относящихся к современному состоянию русского просвещения, скажется ясно, если сперва припомню пожелание Ломоносова — видеть на русской земле своих Платонов да «хитрых разумом Невтонов» — и если прибавлю затем от себя, что без Платонов-то, по нынешним временам, мы, пожалуй, и обойдемся, так как они в свое время дело сделали хорошее, но едва ли могут повторяться, а вот вместо того лучше пожелать ныне России двойное количество «Невтонов», чтобы раскрывали они тайны природные и разъясняли способы скромного согласования жизни с законами природы, пользуясь не только «хитрым разумом», но и опытными способами — двигаться все вперед да проверять выводы и делать их уверенно. Но Платон и Невтон были учителям юношества, а потому, думая о русском образовании прежде всего, следует позаботиться об учителях. Имея же случайных даже и при хорошей системе образования, едва ли мы получим даже Платонов, которых родина на юге, где потеплее.

21 мая (3 июня) 1900 г.

Париж

ГЛАВА III

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГИМНАЗИИ

Начиная года два тому назад свои новые заметки по вопросам русского школьного образования, я хотел сперва говорить об университетах и других высших учебных заведениях, а лишь после того о гимназиях. Но теперь нельзя следовать этому порядку, надо говорить сразу о гимназиях, потому что высокоуважаемый Петр Семенович Ванновский, сам много потрудившийся на педагогическом поприще, принялся за дело, начиная с гимназий, и мне не хочется опоздать, пока еще слушают.

Мнение мое сводится к двум основным положениям:

1. Для учения в гимназиях, как средних общеобразовательных школах¹⁰, готовящих к высшему или научно-специальному образованию (в высших ли школах или в жизненной практике) совершенно достаточно 6 лет.

2. Для того чтобы наше высшее образование в современных условиях жизни России приносило должные плоды, т. е. давало ученых — специалистов, душою преданных избранному делу, — лучше всего устроить так, чтобы нормальный возраст кончивших курс гимназий не превосходил 16—17 лет, а не равнялся 18—20 годам, как ныне.

Оба положения генетически друг с другом связаны, но рассматривать их я буду отдельно, начиная с первого, хотя у меня вначале родилось второе.

Не только 6-летнего учения довольно для тех целей, которые могут и должны преследоваться в гимназиях, но от замены 8- или 7-летнего учения 6-летним получатся и многие выгоды разного рода. Чтобы показать (а доказать может только опыт) это, скажу, прежде всего, что при исключении из гимназий всяких экзаменов, получится сокращение времени чуть ли не на целый год (при 8 классах, как теперь) и будет лучше и всем легче. А выбросив экзамены, по моему мнению, должно переводить из класса в класс не по сумме отметок или не по их величине, а только по решению большинства совета учителей, так как оставлять в классе из-за одной либо двух отметок часто очень вредно. Во-вторых, времени для учения в гимназиях при такой же, как ныне, подготовке выгадывается, пожалуй, больше года, если выкинуть многое излишнее, вроде латинских или греческих, даже славянских тонкостей, совершенно ничего не дающих для общего образования. А оставив, сверх того, обязательным, вместо двух, один из новых языков и придав этому языку значение простого орудия для возможности дальнейшего его применения, мы выиграем, конечно, тот год или те два года, о которых идет речь, не только без ущерба в подготовке учеников, но и с дополнением в пользу действительного, предварительного образования.

Чтобы не ограничиться одними этими общими замечками, привожу вслед за этим такое примерное расписание гимназических уроков (на неделю, по классам), которое, по моему мнению, даст результат не менее надежный, чем другие, мне известные, расписания подобного рода. Это, конечно, только попытка, но согласованная с продолжением времени учения в гимназиях и с однообразною подготовкою к высшему образованию — на разных факультетах

ЗАМЕТКИ О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИИ

и в разных специальных высших учебных заведениях, так как начинание в гимназии, хотя бы после 3-го класса, какого бы то ни было специализирования я, признаюсь, не могу понять, хотя бы целью его было разделение тех, кто предполагает продолжать учение после гимназии, от тех, кто прямо из гимназии пойдет на жизненные поприща. Вновь оправдывать пользу полного «единства учения в гимназиях» мне кажется излишним, так как об этом, кажется, говорено уже достаточно, а потому я прямо привожу свою попытку распределения недельных уроков в 6-классных общеобразовательных гимназиях:

Предметы	Классы гимназии						Всего часов
	младшие			старшие			
	I	II	III	IV	V	VI	
	уроков						
Закон Божий	2	2	2	2	2	2	12
Законы русские	—	—	—	2	2	2	6
Чистописание	2	2	2	—	—	—	6
Рисование	2	2	2	1	1	1	9
Словесность	—	—	—	—	4	4	8
Русский язык и славянский	4	4	4	4	—	—	16
Латинский	—	—	—	2	2	2	6
Один иностранный язык	2	2	2	2	2	2	12
География русская и всеобщая	3	3	3	3	3	—	15
История русская и всеобщая	2	2	2	3	3	3	15
Естествознание	2	2	2	2	2	2	12
Математика	4	4	4	4	4	4	24
Физика	—	—	—	3	3	3	9
Космография	—	—	—	—	—	3	3
Всего для уроков часов	23	23	23	28	28	28	153
На физические упражнения, пение, ручной труд, опыты и на промежутки между уроками	7	7	7	5	5	5	36
Всего в гимназии обязательно	от 9 до 2 часов			от 9 до 2,5 часов			

О числе и значении уроков Закона Божия говорить нет надобности, так как необходимость предмета этого и его важное значение всем понятны. Но, быть может, здесь уместнее сказать, что результат всякого обучения и его влияние на всю жизнь ученика зависят не столько от числа данного рода уроков и не столько от программ, сколько от свойств преподавателя, так как всякое учение прежде всего есть как бы зараза, идущая от учителя, и состоит во внутреннем приближении ученика к учителю. Вообще, думая о том, что будущность России если не всецело, то очень много зависит от состояния ее просвещения, нельзя устать, повторяя неизбежное положение: гимназии могут дать хорошие плоды только тогда, когда для них будут особо и весьма внимательно готовить учителей — по всем предметам. Одних руководств, хотя и они много значат, мало, нужны живые носители просвещения, а их надо обставить так, чтобы они могли с любовью отдаваться делу ими избранному. Но я не увлекусь в эту сторону, тем более что выше уже успел сказать кое-что об этой стороне дела, а теперь переберу все предметы вышеприведенной таблицы, прежде всего для того, чтобы показать их отдельное значение.

Если к общему среднему образованию предъявлять хоть какие-либо жизненные требования, чуждые односторонностей классического пошиба («обтачивание ума или его дрессирование»), то в гимназии необходимо ввести преподавание русских законов. Слышу я, что предмета этого

боятся многие, одни полагают, что он будет требовать большой зубрежки ничего не давая ни уму, ни интересу учащихся, а другие думают, что при объяснении законов возбудится в учениках критическое отношение к предмету, а это может дать вредное направление умам. Но я сам обучался в тобольской гимназии, где в свое время особыми предметами (кажется, вплоть до 60-х годов) были законоведение и судоустройство — взамен греческого языка, которому нас совершенно не учили. И помню я отлично, что предметы эти нас интересовали, требовали зубрения не больше всяких других и никаких таких вредностных идей не возбуждали, хотя учителя рассказывали нам кое-что и про учреждения в других странах.

Думаю даже, что юноши, узнавшие законы своей страны, будут меньше подвержены заразе от ложных толкователей, чем те, которые ничего не знают о своих законах. А законность, которой у нас, как всем известно, не очень-то много конечно, может увеличиться только тогда, когда будут хоть сколько-нибудь изучать и понимать законы. Да и странно до удивительности, «что незнанием законов никто не может оправдываться», а этого знания не сообщают в гимназиях. Ведь запас общих знаний нигде не увеличится в высших учебных заведениях, а потому наши образованнейшие люди, конечно кроме юристов, часто не имеют никакого понятия о русских законах. Само собою разумеется, что здесь неуместно входить в программу гимназических уроков законоведения, но нельзя не указать на то, что некоторые части этого предмета могут быть чрезвычайно полезны для дальнейшей деятельности в жизни, хотя бы, например, об устройстве крестьянства, о земстве, о правах на имущество, о наследстве, о суде присяжных, о кассации и т. п., не говоря об основных законах, которые крайне поучительны, интересны и важны.

В отношении к числу уроков я полагаю, что самое элементарное изложение юридических понятий не может занять менее 6 часов в неделю в трех старших классах, хотя бы дело ограничилось конкретною стороною одних законов России, так как хороший учитель при этом не избегнет своими словесными объяснениями упрочить приобретаемые знания и направить умы юношей в добрую сторону. Учитель же формалист или неуме-

лый испортит какое угодно направление преподавания и при всякой программе.

Если о необходимости уроков чистописания в младших классах нельзя предполагать различия мнений, то в отношении рисования ожидать его должно, хотя никто не откажет рисованию в образовательном значении. И я думаю, что лица, восстающие против обязательности рисования в гимназиях, имеют в виду, во-первых, недостаток каких-либо способностей к рисованию у некоторых учеников, а во-вторых, обычные ныне свойства гимназических учителей рисования. Со своей стороны замечу, что я не встречал нормальных детей, не имеющих склонности к рисованию, и вижу много таких, которые преглубокомысленно сами пробуют рисовать, понять формы, перспективу, тени и краски. Глаз юноши, все время упражняющийся только над буквами и их сочетаниями, конечно, может притупиться к формам и цветам, к языку настоящей действительности, но нормы это не составляет, и если учеников упражнять в рисовании, их сознательная разумность только прибудет.

Однако здесь, как и во всем учении, все зависит от учителя. Не вдаваясь в критику (она тут легка) действительных явлений гимназического мирка, я хочу сказать только, что всего лучше иметь учителей рисования из лиц, получивших университетское образование и, следовательно, знающих какую-либо специальность, может быть готовых преподавать и какой-либо устный предмет.

Если бы во всех университетах и многих специальных академиях имели в составе профессоров действительных художников, которые учили бы своему делу желающих студентов, то, оставляя в стороне выигрыш от этого для самих университетов, профессора-художники помогли бы развитию художественных склонностей многих, и между ними, наверное, нашлись бы такие, которые продолжили бы эти занятия и охотно, с любовью, взялись бы учить в гимназиях рисованию, конечно, при условии сносного вознаграждения.

Если же учителя рисования будут избираться между лицами действительно образованными и любящими свой предмет, то их влияние на учеников гимназии будет, без сомнения, не меньше, чем многих других, так как они могут раскрыть глаза юношей на такие области в мире, которые не окажутся пре-

Е. Н. Хилкова. Внутренний вид женского отделения Петербургской рисовальной школы. 1855 г.

подавателями других предметов. Разумный учитель рисования, конечно, не поставит в вину недостаток успехов тем из своих учеников, которые при всем старании не будут в силах пойти дальше простейших элементов. Но голоса учителя рисования нельзя не слушать в совете гимназии, так как художественная сторона в жизни всегда будет иметь свой вес.

Примерно то же, хотя в гораздо меньшей степени, я бы хотел сказать о пении, так как, уча пению, как и рисованию, гимназии внесут свое оживление и смягчение в душу воспитанников и многим облегчат бремя предстоящей жизни. Как числа и меры, так формы, краски и песни по существу говорят и учат иногда яснее слов, а вместе с ними всегда их оживляют. И нельзя не желать, чтобы гимназии давали образование жизненное и чтобы гимназисты сохранили всю оживленность, свойственную юношеству.

Если слово и речь составляют бесспорное начало всего образования и если способом этим люди более всего обособились на группы, то мне кажется не подлежащим ни малейшему сомнению, что в деле среднего общего образования в России во главе предметов необходимо поставить развитие в учениках сознательного отношения к русскому языку, а потому необходимо дать предметам, сюда относящимся, достаточное число часов. Для этого в 4 первых классах предположено 4 урока в неделю. Их содержание должно состоять не в одних разборах грамматических форм, т. е. в анализе, но и в упражнениях над чтением и собственным изложением, т. е. в синтезе, так как этим не в меньшей мере, чем грамматикой, развивается настоящая грамотность, наблюдательность, сметливость и точность, в жизни очень надобные.

Все то, чего поклонники классических школ желают достичь разбором форм мертвых языков, без сомнения, при должном направлении уроков может быть достигнуто с помощью родного языка. А для немалой массы русских инородцев и иноязычников тут, прежде всего, найдется путь к должному на них воздействию школьного обучения. В IV классе мне казалось бы возможным кончить разбор языка, отделив часть времени на славянский язык и на указание его отношений к русскому. В двух старших классах тот же предмет выразится в понятии о литературах, особенно русской, но непременно в параллель с всемирною. Более чем 4 урока в неделю, а в сущности, по три, так как один урок все же надо отдавать сочинениям учеников, мне кажется, назначать не следует, так как слову не следует придавать в молодых умах чересчур большого, ему неподобающего, значения.

Классическая школа, на мой взгляд, тем и страдает более всего, что в ней «слова, слова, слова», а о чем они, как они относятся к действительности, — о том мало думают. В жизни же, как я ее понимаю, слово имеет лишь второстепенное значение в среде многообразных других отношений. Слово есть, прежде всего, способ сношения с другими, а потом особый способ сознательности, так как во множестве случаев и внутреннее рассуждение ведется словами. Ввиду этих соображений, я считаю разумным отдавать «слову» при обучении юношей не больше времени, чем другим главным категориям образовательных предметов. А на большое умножение уроков словесности я не согласен уже и потому, что не могу представить себе их достаточно содержательными и поучительными для юношей гимназического возраста.

На латинском языке писано столь много во все века развития современного просвещения, что для лиц, подготовляющихся к высшему образованию, даже техническому, следует дать в гимназиях некоторую латинскую подготовку. И если учитель латинского языка, не вдаваясь в тонкости, будет как следует обучать гимназистов IV—VI классов, то, имея по 2 урока в классе, может выпустить учеников, которые не побоятся латинской книги и будут ее легко читать, когда встретится в том надобность. Юристам, филологам, натуралистам и медикам это будет очень полез-

но. Тонкостей, конечно, проходить не будет времени при 6 всего уроках в неделю, но это неважно ведь и дело, когда на латынь смотреть не как на педагогическую цель, а только как на средство.

Таким же средством, для образования полезным, но вовсе не безусловно его определяющим, должно считать иностранные языки в гимназиях. Их вовсе нежелательно превратить в «языческие», умножая число иностранных языков, так как на то требуется чересчур много времени. У меня в руках имеются новые планы уроков для гимназий, где в старших классах на языки, вместе с русским и литературой, отведено по 16—17 уроков в неделю, т. е. средним числом по $2\frac{1}{2}$ —3 урока в день.

Мне думается, что отводить так много, а именно более половины учебного времени, на языки в период, когда юноша уже начинает интересоваться всем живым окружающим,— просто вредно, а предположив хороших учителей, даже и опасно, потому что слова и слова, пожалуй, так займут ум юноши, что и он в них одних увидит всю премудрость, т. е. станет способным не на дела жизни, а только на слова, до них относящиеся.

Мне представляется дело изучения языков и литературы тогда только правильно поставленным в современном среднем образовании, когда ему отдается не более времени и внимания, чем знакомству с действительностью, приобретаемому такими предметами, как землеописание (география), история и естествознание, где предметы внешние выясняются в их отношении к тому, что каждый видит кругом себя. Поэтому мне кажется, совершенно достаточным обязательно учить в гимназиях одному иностранному языку, а по 2 часа во всех 6 классах совершенно достаточно для того, чтобы на данном языке потом иметь возможность читать книги.

Конечно, только три языка пригодны для цели образования: французский, английский и немецкий. Выбирать один из них для данной гимназии, мне кажется, должен совет учителей, сообразуясь с местными и временными условиями. И я могу думать, что в Пензе или Ревеле предпочтут французский, в Порт-Артуре или Либаве английский, в Москве или Варшаве, пожалуй, немецкий, если для местных условий такой выбор будет самый подходящий. Но так как и поныне еще

немало есть людей, считающих, что образование, прежде всего, состоит в знании многих языков и так как этого могут требовать местные обстоятельства, например в приморских городах и столицах, то желательно, чтобы ученику, сверх обязательных уроков, можно было обучаться в гимназии другим языкам. Для этого в моем плане есть время, так как обязательные уроки и другие занятия, начинаясь с 9 часов, кончаются в 2 часа в 3 первых классах, и в 2 $\frac{1}{2}$ в остальных, после же этого, раза два или три в неделю, можно назначить для желающих, с особою за то платою, уроки другого иностранного языка. Пусть таким языком будет хоть китайский, если земство, город или родители — через совет гимназии (где их голос надо же слышать) — того пожелают и на это дадут особые средства.

Только я бы не позволил гимназисту тратить более 3 часов в неделю для такого второго языка, потому что надо же подумать и о выполнимости программы для сил растущих юношей, и о необходимости им иметь хоть часы полной свободы, когда учащийся может заняться тем, что ему самому любо, так как иначе получатся люди без собственной инициативы, какими они получают из тех монастырских и иных школ, где расписаны все дневные занятия на всякие четверть часа. Гимназии должны в норме требовать определенного, обязательного времени от учеников, но не должны наваливать на них столько дела, чтобы они не имели возможность постепенно становиться самостоятельными людьми с личным характером. Регламентация каждого шага убивает развитие этой самостоятельности или, при известных характерах и условиях, приводит к уродствам.

Из 153 устных недельных уроков во всех 6 классах предлагаемого мною проекта мы просмотрели содержание только около половины. Эта половина очень важна и так многообъемлюща, что где-нибудь в Китае или в древней Финикии, да, того гляди, и в Древнем Риме, ее сочли бы, пожалуй, совершенно достаточной для средней школы, так как все, дескать, остальное приложится, если есть, кроме грамотности, запас начал религии, понимания законов, внешних образов, языков и литературы. Да так, ведь, и воспитывали старинных наших и французских баричей, так как в гостиной с таким запасом можно отлично обходиться, знакомясь из толков и га-

зет с текущими интересами. Немало и поныне живет таких людей, которые придают только одному вышеуказанному (разве за исключением законовещения и рисования) истинно образовательное значение и способность изощрять ум к восприятию всего прочего. Уступку делают разве одной математике, а о прочем, особенно об истории и географии, говорят лишь снисходительно.

Но, по всеобщему приговору времени и по существу современных отношений, одни, да особенно сами по себе, вышеперечисленные предметы гимназического учения не более, как форма без содержания. Им, с маленькими добавками (по географии, истории и математике), можно было бы придавать значение подготовки к высшему образованию или к жизненной деятельности только тогда, когда бы доныне, выражаясь словами Станфорда (1891), «как в древности, философ должен был знать все обо всем». Но ведь этого уже нет, и воротиться к этому мыслимо только для утопистов. То есть общественное образование на всех его ступенях уже не стремится дать «философов», как стремилось оно еще во времена «Горя от ума»; те времена ушли, прошли.

А жизнь и государство ждут от образования, взятого в целом, знания «всего о чем-нибудь и чего-нибудь обо всем», т. е. ждут, говоря проще и короче, специалистов. Они нужны даже и в деле религиозного образования, и в деле военном или морском, даже во всех учреждениях гражданского управления; даже в полицию ищут специалистов, в ней уже завели свои подготовительные специальные курсы. А сельскому хозяину, инженеру, медику, юристу, учителю, технику, торговцу, даже простому капиталисту — всем нужна своя особая подготовка. Ее дают или высшие учебные заведения, а затем жизненная практика, или эта последняя тотчас после начального или среднего образования.

Не спорю, что всем — даже филологом или богословом, не то что торговцем или земледельцем — можно сделаться самоучкой, но опыт показал, что эти самоучки очень редки и вырастают только в среде подражания, специалистов же надо много, что ученые и самые философы теперь выходят только из специалистов, а главное — что рассчитывать стране на обдуманность приемов одних самоучек невозможно. Вот поэтому-то государства забо-

Собор, гимназия и Дмитровские ворота в Смоленске. Гравюра XIX в.

тятся о развитии специального образования, особенно при помощи высших учебных заведений, без которых немислимо стать на уровень современности ни в чем, начиная хотя с торговли, хотя с обороны.

Если же это ясно, тотчас будет видно, что общеобразовательная гимназия должна многое дать, кроме того, что перечислено выше, так как в школы для высшего специального образования должны, очевидно, поступать люди, прошедшие среднее образование. Это до того верно, что на гимназии, особенно на старшие их классы, всего правильнее взглянуть, как на приготовительные пансионы для высших, т. е. специальных, школ.

Оно, конечно, можно всякое специальное образование, включая и высшее, начинать с малых лет. Так, в духовных училищах и семинариях готовят для высшего образования духовенство, а по пути получают и контингент низших церковнослужителей. То же в военно-учебных заведениях. Кажется, что то же можно сделать и по всем специальностям. А выходит на деле, что этого сделать невозможно. Духовных и военных надо много, а потому учебные заведения можно рассеять по всей стране, чуть не во всяком городе. А медиков, технологов, горных, даже специализированных сельских хозяев или хотя филологов, художников, архитекторов и т. д. — всех и всяких необходимо иметь стране, такой как Россия, — в сумме-то много, а каждых лишь немного. Для них и учреждаются специальные университеты с их факультетами, академии, институты и т. п., но их все же немного.

Поступающие в них, очевидно, должны пройти среднее образование или же получить предварительную подготовку. А так как в сумме-то надо много лиц, подготовленных для высшего образования, т. е. — в идеале, конечно, — «знающих все о чем-нибудь», то и выходит, что рассе-

янные в стране общеобразовательные школы или гимназии должны дать некоторую подготовку для разных высших специальностей, т. е. сообщить «кое-что обо всем», как выразил это Станфорд.

С этой стороны ясно, что одними вышперечисленными предметами в гимназиях ограничиться нельзя, так как медик или архитектор, математик или техник ничего затем уже не услышит ни про историю, ни про географию, а филолог, юрист или художник ничего не узнает ни про математику, ни об окружающей природе, т. е. будут совершенно не знакомы с целою громадною областью познаний и просвещенными деятелями, очевидно, не будут. Это — одна сторона дела, а есть две другие, не менее важные. Во-первых, детей надо по возможности долгие оставлять среди условий местной или вблизи домашней жизни (кажется, что это можно — по очевидности — не доказывать), а потому гимназии надобны всюду в нашей стране. В идеале мне рисуется дело это так: начальная школа в каждой деревне, младшие классы средней школы в каждом селе, старшие — в каждом городе, а то или иное высшее учебное заведение в каждом губернском городе. Тогда дети будут недалеко от отцов, сохранится много святого. Но пока что, пока высшие учебные заведения только скучены в столицах да в немногих больших городах, полные гимназии надо иметь, как это и есть, по крайней мере, во всех губернских городах и в больших уездных, а младшие классы (I—III) должно дозволить учреждать всюду, где есть на то потребность: все же дети от родителей будут удалены не так уже далеко.

В этом смысле мне крайне сочувственна мысль двух «концентров»: первых и старших классов, и право учреждения первых независимо от полных гимназий, в старшие классы которых *прямо* (без пресловутых экзаменов) принимались бы все мальчики, прошедшие где-нибудь первые три класса. Этим способом прежде всего достигнется та «непрерывность», о которой упомянуто в моей статье 1871 г., если затем, как мне бы казалось лучше всего, юношей, кончивших хорошо курс в старших классах гимназий, принимали бы без всякого просеивания на приемных экзаменах во всякие высшие учебные заведения, в которых есть для них места. Тогда бы видно было, сколько надо учреждать высших школ,

и дело истинного, т. е. специального нашего образования пошло бы скорыми шагами действительно вперед, не то что теперь. А так как ни родители, ни сам мальчик, поступающий в гимназию, не знают и знать не могут, пойдут ли или нет поступающий на какой-либо факультет в университет или в какую академию, то и очевидно, что гимназическое учение должно дать элементарную подготовку такую, которая имеет в виду всякие специальности, а не какие-либо одни.

Во-вторых, не все же прошедшие гимназию пойдут дальше, будет часть и хорошо учившихся, которые в гимназии закончат свое образование. Надо им дать в руки не что-нибудь, подобное латинскому или греческому языкам, а такую сумму хоть элементарных, но к жизни пригодных сведений, с которою ученик оказался бы готовым принять окончательное свое образование от окружающего. Для этого ему, очевидно, необходимо дать понятие о четырех отношениях, проявляющихся во всем окружающем: чисел или мер всякого рода (математика), природы (естествознание, физика), страны, особенно своей (география) и деятельности людей (история), — без чего он не вынесет из школы той подготовки, которая дается образованием. Словом, среднее образование, в современном смысле, не может быть считаемо таковым, без надлежащего развития преподавания тех шести предметов, которые перечислены в конце нашей таблицы. Эти шесть предметов определяют *содержание* образования, если в языках и законах видеть *форму*.

Из этих шести содержательных предметов естественно выделяются три описательных (исторических) предмета: география, история и естествознание. Мне кажется, что каждому из них нельзя дать менее 12—15 уроков во всех 6 классах, т. е. по 2 или по 3 в классе на неделю, потому что предметы хотя и не трудны, но каждый заставит поработать разум и память. А при хорошо подготовленных учителях, которые сумеют заинтересовать ученика отношениями описываемых предметов между собою и к окружающему миру, каждый из этих трех предметов может возбудить в учениках действительное стремление поближе разобраться в описываемом — при помощи высшего образования. В географии и истории, само собою разумеется, больше всего должна занимать своя страна, а для это-

го тут надо дать больше часов. Но я считаю, что географию в последнем классе наиболее полезно заменить космографией, так как она труднее, но совершенно необходима для среднего образования. Ее я выделил особо, так как вероятнее, что ее будет преподавать учитель физики, а не географии.

Очень я сочувствую тем побуждениям, которые заставляют ввести в наши гимназии особые уроки по «отечествоведению», т. е. по ближайшему ознакомлению с Россией, но не согласен с тем, что предмет этот надо поместить либо в IV, либо в последний класс, потому что сперва надо посмотреть, какое составят руководство для этого предмета, а как я его понимаю, все же это будет предмет чисто географический и сравнительно легкий, если не заставят заучивать тысячи названий да многих сот цифр. Ему, мне кажется, следует придать характер ознакомления с природою разных частей России и экономическим их бытом. А тогда лучше всего поместить его в IV и V классах, назначив по 2 часа в неделю, или по одному полугодию в обоих классах, а не сгущать все на один год.

Для естествознания мне кажется достаточным по 2 урока в каждом классе. В младших, конечно, должно приучать к наблюдению и к отличию существенного от случайного на действительных предметах природы, по всем трем царствам, чтобы дать эпизодическое введение в элементарнейшие понятия химии, минералогии, геологии, ботаники, зоологии, физиологии и гигиены, для которых будет достаточно времени в трех старших классах.

Тут нечего бояться многообразия предметов и сбивчивости, происходящей от быстрой смены одного другим, потому что содержание каждого предмета так же отчетливо, как периоды в истории, или области в географии, а при хорошем учителе интерес предметов захватит весь класс. Не беда, если учитель, зная и любя одни области более других, отдаст им больше времени и внимания, так как, повторяю, учение есть своего рода зараза, и хорошему учителю любо видеть интерес своих учеников. Тут, вероятно, скорее, чем на многие другие (особенно вновь вводимые в гимназиях) предметы, найдутся надлежащие учителя, а если у них под руками будут приспособленные к юношескому пониманию учебники, плодотворность введения в гимна-

зии естествознания должна скоро сказаться на общем развитии учеников.

Физика и космография, а особенно математика — такие предметы, которых, кажется, никто не желает лишить гимназистов. Значение математики как предмета, развивающего ум, не отрицают даже самые ярые классики, вероятно, потому, что главные ее части, проходящие в гимназиях, разработаны были еще классиками. Тут мне говорить нечего даже про число часов: все, кажется, думают об этом сходственно, но я считаю не излишним напомнить то, что известно хорошо вдумчивым внимательным педагогам, а именно — сказать о том, что есть, хотя и редко, люди, способные во многих отношениях, но очень тугие на простейшие математические построения.

Я знал таких и наблюдал за ними. Их, мне кажется, не следует лишать прав на высшее образование, потому что из них могут выходить хорошие специалисты по многим отраслям знаний, удаленных от математических. Судьей должен быть совет учителей гимназии. Он отличит настоящего тупицу от тупого к математике или к иностранным языкам. Предел снисходительности надо искать не в величине отметок, даже не в аттестатах о способностях, поведении и прилежании, а исключительно в голосе свободного суждения учителей, так как при некотором опыте всякий учитель, так сказать, насквозь видит задатки всякого своего ученика.¹¹ Сумма времени для недельных уроков (23 часа в младших и 28 часов в старших классах), по нашему расписанию, дает в день по 3, 4 и 5 уроков. Более 5, мне кажется, не следует допускать в день, потому что к большей части уроков гимназистам придется готовиться дома, а приготовиться ежедневно к 2—3 урокам довольно для домашней работы юношей.

Считая короткие промежутки между уроками, я полагаю, распределенных советом учителей физических упражнений, подобных гимнастике, что среди них надо расположить и обязательно требовать во всех классах выполнения марширования, хорового пения, ремесленного труда (клеение, черчение, токарное дело и т. д.), опытов в физическом кабинете и т. п.

Здесь непременно должны быть при каждом классе свои подготовленные наблюдатели или учителя, чтобы и это время не пропадало для своего воздействия на воспитанников и

для принятия во внимание индивидуальных их особенностей. Если в гимназии будет особый зал, могущий сразу вместить один или два класса учеников для их физических упражнений, да особая комната для занятий избранными ремеслами, то каждый класс может найти своего рода отдых в этого вида перерывах устных уроков, где обязательно продолжительное сидение на месте, мало свойственное большинству детей.

Ныне, поэтому, грешно основывать систему образования исключительно на умственном развитии, ибо это значило бы вселять в юношество не только полный разлад с действительностью, но и пагубное самомнение, неизбежный рационализм и — как их следствие — жизненный пессимизм, от которого зависит бездеятельность и убивается всякая энергия. Когда вся жизнь людей усложнилась, неизбежно надо усложнить и образование юношества. При выборе предметов должно, на мой взгляд, прежде всего по возможности уравновесить, даже по числу уроков, предметы разных категорий, к чему я и стремился, составляя свое расписание уроков.

Сверх того, судя по опыту жизни, я настаиваю на том, что может «развивать», т. е. настраивать или направлять, ум и волю у юноши прежде всего учитель своим отношением к делу; одного выбора предметов преподавания для этого недостаточно. Поэтому, какое бы расписание числа уроков в гимназиях ни принять, если об учителях гимназий не подумают или подумают лишь вскользь, — новых успехов и усовершенствований в русском просвещении ожидать нельзя.

Для младших классов, мне кажется, полезно, разумно распределить уроки, делать такие перерывы, хоть по получасу, раза два в день, т. е. отчислить на это 6 часов в неделю. От этого и от разумного распределения уроков много можно выгадать не только для здоровья юношей, но и для успешного хода всех их занятий. В старших классах по 4 часа в неделю мне, казалось бы, наиболее полезным распределить так, чтобы не менее как $\frac{1}{2}$ часа ежедневно шло на физические упражнения, часть которых в подходящее время может происходить во дворе гимназии или в саду.

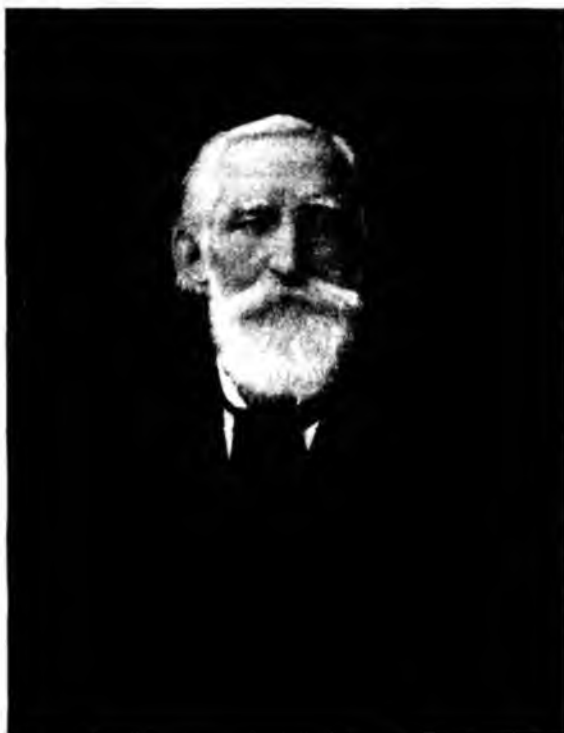
По указанному плану, если обязательные занятия будут начинаться в 9 часов (по крайней мере, в темное зимнее время, в теплое же и светлое время года, быть может, лучше на-

чинать с 8 часов утра), все они окончатся в младших классах в 2, а в старших в 2 $\frac{1}{2}$ часа дня (не считая времени для необязательных уроков второго иностранного языка). Держать дольше или распускать то в этот, то в иной час и вообще отставать от обдуманного плана, мне кажется, не должно, чтобы не только ученики приучались смолоду к правильному распределению времени, но и для того, чтобы родители знали, когда ждать детей.

Все это может казаться на первый взгляд малозначащим, но я убежден, что оно должно благотворно и воспитательно отозваться на будущих деятелях. Особенно важным считаю приучение к выдержанной систематичности занятий в старших классах. Поэтому, когда урок окажется, по болезни учителя или по другим причинам, незанятым, непременно следует это время заполнить (с помощью воспитателей) каким-либо другим из обязательных занятий, например: сочинениями, чтением, опытами и т. п.

Теперь, когда более или менее рассмотрены все предметы гимназического учения и их значение, мне следует, хотя бы кратко показать, что все указанные предметы можно пройти при 6 классах, не отягощая через меру учеников и не сбавляя требований, к ним предъявляемых. А так как круг гимназических знаний возрастет против современного (за счет законоведения, отечествоведения и естествознания), убавившись на счет греческого и одного из новых языков, а отчасти латинского, та по сумме недельных уроков в каждом классе произойдет перемена ничтожная, притом скорее в пользу облегчения занятий, чем их отягощения.

Если же противопоставить возможные (при хороших учителях и хорошо обдуманных программах и учебниках) пользу и интерес вновь вводимых уроков с возможным в наилучшем случае содержанием уменьшаемых уроков по языкам, то некоторый выигрыш в качестве гимназического учения, мне кажется, не подлежит сомнению, если будет произведена указанная замена. В отношении же достигаемого результата, т. е. умственного и волевого развития учеников, стремления их к дальнейшему «высшему» образованию и запаса сведений, спрашиваемых в жизни, все зависит, по моему крайнему мнению, в наибольшей мере от качества преподавателей, их примера, их любви к делу, да отчасти от воз-

П. Л. Чебышев

раста учеников, как говорится об этом далее. Можно и из естествознания сделать такую же зубрежку, сушь и «слова», как из греческого.

Покойный мой друг Пафнутий Львович Чебышев, один из знаменитых русских математиков, вспоминая свое детство, рассказывал нам, что своим развитием обязан бывшей у него учительнице музыки, которая музыке его не научила, а ум ребенка приучила к точности и анализу. Вспоминая влияние своих гимназических учителей, я всегда останавливаюсь на двух учителях — математики и физики И. К. Руммеле и учителя истории М. И. Доброхотове. И сколько я ни расспрашивал людей сознательных и вдумчивых, всегда слышал от них, что и у них были один или два учителя, оставивших добрый след на всю их жизнь. Вся гордость учителя — в его учениках, в росте посеянных им семян.

Все «классическое» направление западноевропейского учения ведет свое начало от тех эпох, когда образованнейшими людьми были классики. Они в школах умели влиять на ребят; не латынь и греческий язык, по своему содержанию, были при этом важны (как думают наши классики), а преподаватели этих

предметов. Поэтому-то я не устану повторять: если хотите от гимназий хороших результатов для всего просвещения России, прежде и больше всего заботьтесь о подготовке наилучших учителей для гимназий.

В отношении же достаточности времени (при 6-летнем курсе гимназий) я считаю необходимым, прежде всего, сослаться на то, что при современном порядке вещей даже в VII, а особенно в VIII классах гимназий ученики приобретают ныне мало чего-нибудь нового, больше занимаются повторениями и, по общему сознанию, эти два класса ныне очень легки, а VIII совершенно лишней. Затем ограничусь счетом недель, отдаваемых учению, при существовании экзаменов, которые длятся не менее, как 6 недель. Вакации летом продолжаются около 12 недель, зимой около 3 недель. Пасха и говенье занимают еще 2 недели, да на остальные праздники надо положить около 2 недель, а потому настоящее учение идет ныне никак не более 27 недель в году. Это составит в 7 лет 189 недель, а разделив это число на 6 лет, получим по $31\frac{1}{2}$ недели в год, т. е. на занятия в гимназии может пойти даже менее времени, чем ныне ($27 + 6 = 33$); дней 10 в год можно выгадать для отдыха.

Разность в $4\frac{1}{2}$ недели почти отвечает времени, расходуемому для экзаменов, которые с выгодой можно устранить, так как учитель в классах гораздо лучше может узнать каждого ученика и принять во внимание все его личные особенности; ему экзамены — только напрасная тягота. Если же дело идет о проверке экзаменами самих учителей, как говорят иногда, то тут слышится что-то неладное, потому что проверяющие должны видеть учителей на деле, быть в классах, чтобы действительно проверять их способы преподавания, а при надобности и поправлять или направлять, на экзаменах же делать этого нельзя или, по крайней мере, поздно.

Мне, быть может, скажут, что экзамены полезны ученикам, как способ повторить и обнять пройденное за год. На это следует сказать, что у преподавателя должна быть, по числу уроков и по программе (излишне не усложненной), полная возможность для такого повторения при продолжении преподавания и при спрашивании уроков. Да и большинство предметов таково, что сознательно идти дальше нельзя без твердого знания

предшествующего. Возьмите хоть любой язык, математику или хоть физику. У хорошего учителя найдется много случаев, говоря об этом или спрашивая о том, так коснуться ранее пройденного, что оно не только вспомнится, если было уже ранее известно, но еще и осветится так, что впредь лучше запечатлется. А при учителях плохих, только отбывающих казенное время, не помогут ни 8 классов, ни кучища экзаменов или повторений.

О выгодах для отцов и матерей, для самих учеников и для всей страны от замены 8 или 7 лет — 6 годами учения, без ущерба в полноте подготовки, — говорить не считаю надобным, так как эти выгоды очевидны. Их можно даже выразить в деньгах, тем более что «время — деньги». Полагаю, что многие согласятся платить в таком случае в год за учение детей по 50 руб., если ныне платят по 40 руб., так как все же вместо 320 руб. в 8 лет заплатят в 6 лет только 300 руб. А если это отразится на жалованье учителей, например, так, что они всюду, как в далекой Сибири, получают чрез каждые 5 лет прибавку, то и с этой стороны можно ждать только выгод для дела русского просвещения.

Но довольно о возможности и пользе 6-летнего срока учения в гимназиях, пора перейти ко второму исходному положению моих заметок, а именно, к окончанию гимназий в норме на 17-м году, а не на 19-м или 20-м, как теперь. Тут замешивается многое, и предмет этот труднее для объяснения, а потому необходимо начать издали и коснуться некоторых гораздо более деликатных сторон, чем все сказанное ранее. Начну с личного примера и опыта.

По особым причинам кончил я 7-летний курс в тобольской гимназии (в 1849 г.), имея всего 15 лет. В большой семье я был последышем и развился поэтому рано. Старший брат (Иван Иванович) был уже давно в гимназии, а другой брат мой (Павел Иванович), на 2 года старше меня, приготовился 9 лет поступить в I класс. По пути с ним учили и меня, так что в 7 лет я уж был готов к поступлению. Чтобы не разбаловался, оставаясь дома один, меня упростили принять вместе с братом. Но так как принимать, да и то в исключительных случаях, дозволялось только с 8 лет (а мне было 7), то меня приняли, но с условием, чтобы в I классе я пробыл непременно 2 года. Учился я тогда, кажется, нехудо, но по

малолетству так и оставлен в I классе на 2 года. Переходил затем без задержек¹² и кончил в 15 лет.

Повезла меня, последыша, матушка (отец уже скончался тогда) в Москву, но в университет туда не приняли, потому что как раз тогда вышло распоряжение — принимать только из своих округов. То же было и в Петербурге, а потому год у меня прошел без ученья, и меня лишь в 1850 г. определили в Главный педагогический институт, до которого правила округов не относились. Среди моих одноклассников были как мои сверстники, т. е. 16—17-летние гимназисты, так и семинаристы, гораздо более нас взрослые, лет по 20, даже по 22—23 года. Они поступали, уже умея обращаться с выросшими на лице волосами, а у нас усы и баки начали расти разве только на 2-м или 3-м курсе.

Примечательно хорошие результаты, получившиеся в Главном педагогическом институте, я отчасти приписываю тому, что на первом курсе, определяющем чаще всего всю дальнейшую ученую и учебную карьеру студентов (говорю по большому моему опыту в качестве профессора), преобладали две указанные крайности лет у слушателей. В 16—17 лет юноша еще легко увлекается, и если его увлечение падет на предмет науки, он ей отдастся, его уже не собьют с принятого пути новые личные интересы и разные вопросы, неизбежно возникающие в эпоху начала роста усов и бороды. Другие наши товарищи, имевшие уже 20 и более лет, те прошли в иной обстановке тот особый период 18—19-летнего возраста, в который выпускаются современные гимназисты с аттестатом «зрелости». Те уже более сознательно относились к принятым на себя обязанностям студенческого учения, и хотя реже увлекались, но зато крепко принимались сразу за дело.

Тот же результат в отношении возраста студентов дала мне профессорская практика, начиная с 1856 г., когда мне самому было только 22 года, и кончившаяся в 1891 г., когда стукнуло уже 57 лет. Первое время слушателями были, в преобладающей массе, безусые, а под конец моей профессорской деятельности преобладали «зрелые» усачи. Первые были десятки, последних сотни. Но из тех десятков для последующей научной деятельности выходило больше проку, чем из последних сотен, хотя моя-то — приобретенная на кафед-

ре — опытность возросла, и я сам видел, как с годами прибывало мое влияние на слушателей. Очень хорошо знаю, что причин, объясняющих различие результатов 60-х и 80-х годов, помимо возраста студентов, — очень много, но для меня несомненно, что и возраст тут играет свое немалое значение, так как из последующих сотен не выходило даже таких десятков, какие сплошь ежегодно были за первое время.

Существование многих вновь зарождающихся жизненных вопросов именно в период роста усов, т. е. в то время, когда кончают ныне гимназию и начинают высшее образование, конечно, никто, как я думаю, не будет отрицать. Настоящей зрелости тогда еще, конечно, нет, но ее приближение начинается тогда ощущаться всем организмом юноши, и у него, если он привык уже к некоторой сознательности, является множество непреодолимо-настойчивых вопросов всякого рода. Надо, чтобы к этому времени ум и сердце уже были куда-то захвачены, чем-то увлечены, чтобы те вопросы не стали на первую очередь и не отвлекли от наилучшего пути. Прежде, в 50-х годах, тот возраст приходился или на время студенчества, или в семинариях на время суровой опеки отца-ректора, а теперь он приходится как раз на последние годы гимназий и на первый курс студенчества. Чтобы это поправить, надо одно из двух: или в гимназиях держать уже лег до 19—20, или выпускать из гимназий лет в 16—17.

Первое, мне кажется, мало подходит к тому, чтобы гимназии служили кратчайшей переходной ступенью к специальному образованию в высших учебных заведениях, потому что ничем полезным в общеобразовательном смысле не наполнить столь длинный срок, как от 9—10 до 19—20 лет, а пример прежнего времени у нас самих и в новое время в С.-А. С. Штатах показывает, что к 16—17 годам юноши уже могут быть совершенно готовы к высшему образованию. Поэтому я выбираю последний из указанных сроков. При 6-классных гимназиях это легко и достижимо, если прием в I класс будет в норме происходить в 9—10 лет. Если же высшее образование займет срок от 16—17 лет до 20—21 года, то у лиц, его окончивших, еще будет время изучить практические дела на опыте и даже отбыть воинскую повинность в такие годы молодости, в которые рано еще в обыч-

ных условиях начинать настоящий жизненный труд и нести сложные обязанности.

Не по тому одному, что я сам прошел, а по тому многому, что я успел узнать в жизни, полагаю, что предлагаемый мною способ не только выполним, но и обещает много хороших результатов, так как еще и после окончания всякого высшего образования необходимо начинать жизненный путь, учась на истинном живом деле, будь оно любой специальности. А особенно мне ясен путь подготовки ученых деятелей, каких Россия требует много и может дать много, благодаря талантливости народа и его культурной свежести. Чтобы стать на эту дорогу, надо много времени и труда.

К научной работе у русской молодежи много стремлений: это я очень хорошо знаю, долго будучи профессором. А возможности на это, особенно ныне, увы, очень мало. Представим совершенно нормальное течение современного образования: гимназия кончена в 18—19 лет, специальная школа с 4 или 5 курсами, как, например, для медиков, — на 23—24-м году, прибавим год на отбывание воинских обязанностей — и человеку непременно надо уже думать о прочном устройстве жизни, о женитьбе, поддержании родителей, о карьере. Если и были самые горячие порывы стать ученым, они легко в этих условиях погасают, тушатся влияниями жизненных препон. Те 2—3 года, которые получают в избытке от более раннего начала высшего образования, дадут возможность многим стать самостоятельно в науке, т. е. идти без программ и шаблонов, помимо которых немислима никакая высшая школа.

Чисто ученая карьера у нас в России до сих пор не представляет привлекательности ни с какой стороны: ни почета, ни славы, ни средств она не обещает; впереди только и есть одно приложение — профессура. Но и она с тех пор, как действует нынешний университетский устав, требует не преданности науке, не самобытности, трудно в ней достигаемой, да и то лишь со временем, а только — ученой степени, так как назначение профессоров ведется путем чисто канцелярским, не спрашивая свободного суждения людей, посвятивших себя научной работе. Отдать науке те года конца третьего десятилетия (25—30 лет), которые наступают ныне после окончания университета, могут только

исключительно редкие люди. Придет, быть может, когда-нибудь иное время, когда наука будет и у нас привлекать к себе хоть с какой-либо стороны (хоть перестанут над ней издеваться, как часто делали до сих пор), но теперь этого нет. Теперь у нас нужно быть непременно в известной мере идеалистом, человеком не от практического мира сего, чтобы влечение к науке удержалось в те годы, которые наступают после окончания университета, а кончая на 20—21-м году, это встретить можно многое множество раз чаще, чем в 25—26 лет. Многие удивляются, что за последнее время слышно гораздо менее о выступающих в науке новых русских талантах, чем было, это лет 30 или даже 40 тому назад. Причину ищут чаще в классицизме, приучающем к рационалистическому взвешиванию слов и больше к элоквенции, чем к настойчивой пытливости, необходимой для современной науки, но я думаю, что и года окончания курсов в гимназиях и университетах тут много значат.

Если же согласиться с таким выводом, то надо, уже ради развития и впредь научной самостоятельности в России, поскорее прекратить современный порядок вещей, т. е. возможно рано выпускать как из гимназий, так и из университетов, так как без непрерывного ряда своих многих новых ученых России не удержать того места в среде просвещеннейших народов, которое она начала завоевывать в явной мере при помощи своих научных сил, особенно с 60-х годов.

[...] Не станет, вероятно, читатель отрицать, что во многом из вышесказанного задеваются деликатнейшие стороны всего нашего просвещения, а я, со своей стороны, не буду отрицать того, что причины здесь сложнее одних простых сроков окончания курсов в гимназиях и университетах. Но ведь основная причина, заставляющая меня говорить о сокращении сроков окончания курсов, лежит в том, что путем этим можно, без всякого ущерба для образования, сэкономить года два жизни, если прямых других выгод и не признавать. Возможность же такого порядка вещей налицо — в примерах. Предлагая 2 года сокращения из восьми — в гимназии, сверх всего другого и многого, можно косвенно увеличить число обучаемых на 25 %. Вот если бы речь шла (а такая речь хаживала у нас) о том, чтобы сократить число учащих-

ся, тогда бы надо было длить гимназическое учение. Но теперь мало вероятности, чтобы с этой стороны взглянули на предмет гимназического и всякого высшего образования, так как народ смотрит на просвещение не как на зло, терпимое по необходимости, даже не как на привилегию, а как на добро, необходимое для блага и могущества России.

Если желательно кончать все школьное ученье на 20—21-м году, то начинать его следует лет с 9 или 10, потому что на 7—8-м году легко уже можно научить ребенка всему, что надо для I класса. Поэтому вот норма возрастов, отвечающих моим соображениям: принимать в I класс гимназии в 10, в IV класс в 13 лет, окончание VI класса гимназии и поступление в университет и другие высшие школы — в 16 лет, окончание IV курса университета — в 20 лет, получение магистерской степени на 22-м году, а докторской не моложе, как на 23-м году. Для возраста учеников гимназий дал бы я возможность отклонений в обе стороны от нормы только на 1 год, т. е. принимаются в I класс от 9 до 11 лет, а кончают в 15—17 лет. Эти нормальные сроки повлияли бы на все соображения родителей и всяких школ — в отношении ученья детей. Другие отступления, т. е. расширение возрастных пределов, вовсе не желательны для успешности хода всего образования, но я считаю полезным, чтобы совет учителей гимназии в особо уважительных отдельных случаях мог разрешать поступление в гимназию в возрасте выше предельного, но лучше будет, если такое право будет ограничено 2 или 3 учениками на класс, чтобы иметь по возможности одновозрастной состав в каждом классе. Возраст поступающих в университеты и другие высшие учебные заведения, мне кажется, не следует ничем ограничивать, кроме окончания курса в гимназии или выдержания особого экзамена в предметах гимназического преподавания, потому что главный запас поступающих дадут гимназии.

Во всем том, что изложено в предшествующих замечаниях, вложено три основных желания: 1) организовать все общественные школы так, чтобы в них обучение могло идти «непрерывно»; 2) полное школьное образование, которое непременно должно быть жизненным, т. е. специальным (факультетским), кончать, по возможности, в раннем возрасте, около 20 лет, чтобы способнейшие из студен-

тов имели свое время для самостоятельного занятия науками и побольше бы вырабатывалось у нас своих «Платонов и хитрых разумом Невтонов», так как в этом одна из основных целей всей системы «народного просвещения», хотя всегда будет «много званных, но мало избранных», и 3) чтобы школы всех разрядов приучали юношей смолоду к законному порядку и показывали бы им жизненную сложность и жизненные требования, к которым обязательно необходимо приноравливаться, так как без обязанностей в отношении к другим — немислимы права в прочном обществе, а без обязанностей к самому себе — немислима разумная свобода.

Но так как я считаю истинное общественное образование отнюдь не кончающимся в школах, даже высших, и полагаю, что настоящий конец образованию дает только сама жизнь и сознательная самодетельность каждого, то более полный и общий обзор моих мыслей, относящихся ко всему просвещению русского юношества, получится только тогда, когда мне удастся высказаться в отношении к высшему образованию, что и постараюсь сделать, лишь только у меня окажется для этого довольно свободного времени, так как тут я вижу наиболее трудностей и много смутного, требующего разъяснений.

На гимназии я не могу смотреть иначе, как лишь только на предварительную общую подготовку к жизненной деятельности. Вот по этой-то причине от всей души радуюсь тому, что недавно комиссия при Министерстве народного просвещения, рассматривавшая будущую организацию средней школы, постановила категорически: «Аттестаты зрелости отменяются». Они были хотя и близким, в грамматическом смысле, переводом немецкого понятия, чуждого русской жизни, но — на мой взгляд — они да «классицизм» много навредили всему нашему просвещению, а особенно нарождавшейся нашей самобытности в области наук. На многое уже давно пора взглянуть нам по-своему, без немецких очков, и народное просвещение в этом отношении всего важнее. Из какого-то непродуманного подражания ошибки сделаны в этом деле печальные, но благодаря талантливости и свежести народной да тому, что на те ошибки ушло не Бог весть сколько времени, по-видимому, они еще легко поправимы, только надо их ясно сознавать и не медлить в исправлении.

О развитии среднего и высшего образования

Письмо министру финансов С. Ю. Витте

Милостивый государь, Сергей Юльевич!

Так как между развитием промышленности и просвещения существует тесная и очевидная связь, то я осмеливаюсь изложить вашему высокопревосходительству несколько мыслей, относящихся к этому последнему предмету.

Главная часть моей 40-летней служебной деятельности относилась к делам народного просвещения и возбуждения развития промышленности. Свои выводы, относящиеся к промышленности, я имел случай излагать многократно, и ныне, когда упрочение развития многих частей промышленности — с установлением разумной покровительственной системы, мною всегда горячо защищавшейся, — становится очевидным, мне не хотелось бы умолчать о том, что считаю важнейшим в деле просвещения. Постараюсь, однако, быть по возможности кратким и прямо переходить к практической действительности.

Хотя по обычной своей сущности просвещение состоит в ознакомлении юношества со способами и выводами узнанного, но ближайшими его целями, особенно ныне, в век господства промышленного склада жизни, должно считать: внушение разумных, т. е. выдерживающих критику опыта, способов умелой жизнедеятельности, показание зависимости успеха от количества и качества приложенного труда и приобретение привычек, облегчающих прохождение жизненного пути. Поэтому предметы обучения далеко не безразличны, как видно в примере ученейших браминов и конфуцианцев, которые могут оставаться лишенными истинного просвещения, бесполезными для своей страны и бессильными для дальнейшего ее развития.

Начинаясь в семейной обстановке, истинное просвещение нормально (ради государственного общежития) и неизбежно (по причине необходимости специальной подготовки) повсюду становится школьным и сосредоточивается в юношеском возрасте.

Только об этом последнем и будет далее речь, хотя в результате многое зависит как от начальной семейной обстановки, так и от условий деятельности в зрелом возрасте. Естественнейшим образом все виды школьного просвещения должно делить на три разряда: начальное — общенародное, среднее — гимназическое или кадетское и высшее — университетское, факультетское или вообще специальное.

Простые соображения и примеры, подобные Японии, где начальное школьное образование дается всем детям, показывают, как велико значение общего начального образования; но я избегаю далее касаться этой важной стороны просвещения, потому, во-первых, что оно имеет свои особые интересы, во-вторых, потому, что оно у нас едва начинает организовываться под влиянием местных земских усилий, которым государство должно лишь помогать всеми способами, чтобы извлечь полезные выводы для общих мер; наконец, и это важнее всего, я потому не говорю далее о начальном общенародном образовании, что оно ближайшим образом и всецело зависит от среднего и высшего образования, более или менее уже сложившегося у нас и требующего внимательнейшего к ним отношения, ради того, чтобы они вели к целям, преследуемым государством, и содействовали благополучному исходу многих неизбежных преобразований, последовавших во всех сторонах русской жизни, требующих массу современно просвещенных и трудолюбивых лиц.

Вообще, дело возбуждения прочного просвещения, как показывают сущность дела и многие прошлые явления в самой России, зависит в сильнейшей мере от организации, дающей учителей, так как они лично воздействуют на юношество — иначе все можно было бы ограничить грамотностью, соответственными книгами и испытаниями. Хотя значение этих способов, основанных на естественной любознательности, не подлежит сомнению, но, принимая во внимание, с одной стороны, детскую и юношескую живость и впечатлительность, устраняющие критику и настойчивость, а с другой — необходимость для просвещения разумной свободы печати, нельзя не прийти к заключению о том, что от естественной любознательности нельзя ждать добрых и верных плодов просвещения, тем

С. Ю. Витте

более что юный возраст, которым естественно пользоваться для достижения целей просвещения, будет при этом почти упущен из виду.

На школьном же пути все просвещение основывается на учителях, а потому на них, на их должную подготовку неизбежно обратить большое внимание. Учительство же во всех степенях очень трудно и чрезвычайно утомительно, как знаю по опыту, учив сперва малых детей, потом гимназистов и кадет и, наконец, долго быв профессором. Только усидчивый предварительный труд, рождающаяся от него любовь к делу и долгая привычка могут облегчать выполнение учительских обязанностей, для плодотворности которых — на всех ступенях — опытность и привычка к делу должны быть соединены как с ясным пониманием истинных общих целей образования и частных интересов учащихся, так и с полной сознательностью, свободною от рутины. Оставить дело выбора учителей такой же случайности, какой придерживаются в выборе других чиновников, можно только тогда и только там, во-первых, где строй просвещенной народной жизни сложен уже совершенно прочно, и, во-вторых, где выбор

возможен и есть избыток достаточно подготовленных лиц.

У нас же нет ни того, ни другого, а потому в заботах о росте русского просвещения неизбежно необходимо иметь в виду, прежде всего — должную подготовку истинно просвещенных учителей всех степеней. Если для подготовки священнослужителей, офицеров и т. п. всеобщий опыт заставил создать специальные учебные заведения, то тем более для получения контингента хороших учителей — могущих, постигая особенности и характер народа, вносить в массы благие начала истинного просвещения — неизбежно необходимы специальные школы учителей. У нас же ныне имеется некоторая организация только для приготовления учителей сельских школ и филологов.

Прежде, в сравнительно недавнее время, дело стояло иначе. Так, например, до 60-х годов существовал в С.-Петербурге Главный педагогический институт, назначавшийся исключительно для приготовления учителей. Он оправдывал свое назначение потому, что дал России множество наставников, часть которых действует и поныне в качестве ученых, профессоров, попечителей учебных округов, директоров гимназий и учителей. Если я упомяну о том, что между питомцами этого Института считаются Вышнеградские, Благовещенские, Лавровы, Мейеры, Страховы, Сент-Иллеры и много других, всем известных деятелей русского просвещения, то станет очевидным, что это заведение исполняло свое назначение. Будучи сам его питомцем (отец мой, бывший директор гимназии, также учился в Педагогическом институте), я знаю, что устройство Главного педагогического института давало все, что для этого необходимо. Упомяну некоторые черты. Выдержавший вступительное испытание давал подписку служить 2 года учителем — по назначению — за каждый 1 год, проведенный в Институте. Это обязывало с юношества вдумываться в предстоящую жизненную деятельность.

Содержание было вполне казенное и обеспеченное не только со стороны внешней обстановки, но и в том отношении, что лаборатории, специальные кабинеты и библиотека были под рукой, что давало полную возможность, не тратя времени, легко входить в избранную область знаний и занятий, чего ны-

не, для студентов университета, нет и следа, так как они должны заботиться сами о своем пропитании — ведь большинство бедняки, а пользоваться университетскими пособиями могут только в определенные часы.

Делу основательной подготовки, доставлявшейся Главным педагогическим институтом, много помогали затем три других обстоятельства, редко ныне сочетаемых: 1) выбор профессоров, особенно в 40-х и 50-х годах, был образцовый — лучшие ученые (например, для физико-математического факультета Остроградский, Ленд, Купфер, Воскресенский, Брандт, Рупрехт, Куторга и другие) были привлечены к преподаванию будущим учителям; это служит объяснением тому, что вышло много ученых; 2) преподавание делилось, как в университетах, на факультеты и специальности, а встреча, при совместном житье, разных дисциплин должна была действовать просветительно, так как односторонность, подобная той, которая существует, например, в Училище правоведения или в Историко-филологическом институте, неизбежно должна суживать кругозор; 3) товарищеское общение всех воспитанников из разных краев России в одном так называемом «закрытом» заведении не только заполняло время отдыха и ему придавало свои юношеские интересы, чего современный студент почти лишен, но, что особенно важно, содействовало общему развитию, учило спокойной, товарищеской критике и устраняло всякие крайние порывы, неизбежные в университетском юношестве, когда оно с официальным «аттестатом зрелости» лишается всяких способов проверки своих мечтательных порывов. Дух товарищества при этом не вел к корпоративной исключительности (как это видим, например, в Горном институте) по той причине, что учительствовали затем не одни кончившие курс в Главном педагогическом институте, но большинство его воспитанников всегда успевало, при своей подготовке, завоевывать себе почетное положение.

Закрыли Главный педагогический институт в эпоху реформ 60-х годов, когда полагали видеть в юноше-студенте уже полноправного «зрелого» гражданина и когда, ложно понимая жизненные требования, полагали, что «закрытые заведения» портят способности, лишая свободы.

Возобновление Педагогического института в виде нормального института преподавателей я считаю необходимым для того, чтобы вновь просвещение России пошло правильно и в должную желаемую сторону, чтобы вновь народились образцовые учителя, проникнувшиеся с юношества мыслью — служить народу в качестве просветителей новых поколений. Учреждение это должно быть: 1) снабжено лучшими профессорскими силами, 2) заключать факультеты: историко-филологический (т. е. включить ныне существующий Историко-филологический институт, который войдет как часть в целое), физико-математический (философский) и камеральный (для образования профессоров и преподавателей в технические и промышленно-торговые заведения); 3) давать все необходимое для жизни (камеры для занятий, спальни, стол, белье, платье и т. п.) и для занятий (библиотеку, лаборатории и кабинеты) студентов, обязующихся (без всяких изъятий — кроме прямой уплаты по 1000 руб. за год пребывания) служить по назначению за 1 год института по 2 года учителями; 4) выпускать образцовых учителей в средние и высшие учебные заведения, а потому для способнейших открывать возможность приготовления к профессоруре; 5) учебный совет заведения должен иметь решающее значение при выпуске воспитанников (распределять их на имеющиеся вакансии) и при назначении новых профессоров по выбору в самом же совете, так как без должного доверия к профессорской корпорации немисливо сохранить в заведении традиции, которые должен дать начальный, очень обдуманый выбор профессоров.

Ежегодная стоимость такого заведения должна быть не более чем одного из университетов по той причине, что в предполагаемом нормальном институте должно иметь ограниченный состав учащихся (не более 300) и профессоров (около 40) с их помощниками (около 20). Ограниченность предполагаемого числа профессоров, при большом разнообразии предметов преподавания, возможна по той причине, что в учреждении, подобном предполагаемому, должны быть представлены, кроме философии, богословия и педагогики как общих предметов, — лишь основные предметы солидных знаний, а не их многообразные специальные отрасли, которые, как показывает опыт, быстро усваиваются ли-

цами, хорошо подготовленными в основных предметах. Расходы эти окупятся не только посредственно тем, что дело просвещения, ныне отчасти поколебленное, вновь встанет на должную дорогу при помощи нормальных учителей, но и тем прямым способом, что в открываемые вновь учебные заведения и на остающиеся вакансии учителей и профессоров явится новый контингент хорошо подготовленных лиц. А чтобы эта подготовка оказалась, как было прежде, действительно хорошею, необходимо, по моему мнению, особо тщательно озаботиться о первом профессорском персонале, так как от него будет зависеть весь успех дела.

Чтобы в учительском звании не сложился вредоносный дух корпоративной исключительности, необходимо оставить существующий ныне доступ к учительскому званию со всех сторон, а потому я не считаю необходимым основывать многие учительские институты, но один действительно образцовый, мне кажется, будет иметь важное значение. Чтобы восполнять предстоящее при расширении образования требование на учителей, мне кажется, достаточно было бы, кроме тщательного обсуждения условий вознаграждения профессоров и учителей, выполнить как общую меру: требовать от кандидатов на учителей знание педагогики (как научного предмета), а для того, чтобы можно было требовать такое знание, следует учредить во всех университетах кафедру педагогики. Это наука прикладная, профессоров к ней должно особенно подготовить из даровитой молодежи, что может достигаться известными способами сравнительно легко и скоро. Знакомство с общей постановкой дела образования в разные времена и в разных странах и изучение философской стороны этого предмета могут много помочь сложению у будущих учителей твердых, правильных методов обучения, которые не могут истекать из одних циркуляров и узаконенных учебников, потому что плодотворность преподавания почти всецело зависит только от двух обстоятельств: от личного воздействия учителя и от основного содержания предметов обучения.

Сознательный и любящий свое дело учитель, конечно, может, особенно в раннем детском возрасте, влиять плодотворно на ученика при помощи любого предмета преподавания (так, покойный профессор П. Л. Чебышев

говорил мне, что учительница музыки своими уроками более всех иных учителей сделала из него то, чем он был в своей плодотворной жизненной деятельности), но выбор предметов обучения, особенно в средних учебных заведениях, где преимущественно слагается характер, несомненно, имеет свое великое значение, как это видим даже в том разноречии, которое еще повсюду существует между поклонниками пользы классического и реального образования для средних учебных заведений. Первое имеет за себя пример Западной Европы и смело предлагается и практикуется у нас как средство выработки солидных, последовательных людей. Второе, возродившееся еще сравнительно недавно, не может выставить наглядных доказательств и опирается на соображения о жизненной пользе и необходимости подготовки к ней, а потому нередко впадает в профессиональность, у которой есть свои интересы, не касающиеся до моего изложения. Сущность разноречия лежит в предпочтении «формы» или «содержания»; классическое образование более всего имеет в виду — при малом содержании — придать ученику гибкую свободу мышления; реальное же, по своему существу, стремится обогатить ученика запасом действительных знаний, чтобы он умел действовать в жизни.

Мне кажется очевидным, что нельзя предпочесть одно другому и следует искать и принять сочетание обоих, что и признается всеми современными педагогами реального направления, к которым, мне кажется, необходимо присоединиться. И я думаю, что совмещение возможно без всяких классических языков, если предметами преподавания в средних учебных заведениях будут не только закон Божий, русский язык, география и история, как необходимые по существу, но и выработанные части математики и физики, так как те их части, которые приличны для гимназий, обогащают «содержание» преподавания и способны по своей строгой (а не описательной, как, например, в географии или естественной истории) «форме» содействовать сложению в учениках определенных строгих форм суждения, чего хотят при классицизме достичь при помощи изучения законченных мертвых языков.

Считая, по причинам, перечисляемым далее, полезным постепенно исключить эти

языки из суммы основных обязательных предметов гимназического образования, я думаю, что пробел этот полезно возместить совокупностью таких занятий, которые более чем классические языки могут быть прямо полезны для будущей деятельности учеников, особенно же рисованием, гимнастикой и живыми иностранными языками (подготовка в них за последнее время до того упала в гимназиях, что студенты не могут самостоятельно изучать современные науки), а при особых условиях местной обстановки и некоторыми необязательными профессиональными предметами.

Латинский и греческий языки для наших гимназий представляют тот основной недостаток, что неизбежно требуют многих уроков, но и при них не дают никакого содержания для жизни, а при большом количестве уроков по этим предметам остается мало часов для прохождения других необходимых образовательных предметов, и ученики лишаются возможности записаться в гимназии здоровьем и необходимейшими для жизни познаниями, едва приобретаемая возможность понимать классическую литературу, которую, судя по опыту, вовсе не пользуются затем на жизненном поприще.

К этому основному недостатку присоединяется множество других. Упомяну лишь о немногом. Западная жизнь (и религия) многообразно связана с классическою, особенно латинскою; затем ребенок слышит, начиная с молитвы, и видит, начиная от остатков старины, кругом себя многое, идущее прямо от латинства. У нас нет этой связи. И если там латынь вводит в колыбель народных преданий, у нас многое, скорее, не сочувственно латинству и классическое обучение совершенно беспочвенно. То резонерство, которое повсюду возбуждается классицизмом, прямо отвечает его духу, и в странах, подобных Англии, лишь смягчается укоренившимися народными привычками, у нас же ведет к той неуверенной шаткости первых убеждений, которая замечается в современной нашей молодежи и с которою здоровая педагогика должна явно бороться.

Добрые, мягкие принципы христианского чувства и правильное отношение их к действительной жизни, очевидно, скорее могут возбуждаться иным строем предметов, чем изучением классицизма, погибшего под уда-

Университет в Казани. Гравюра XIX в.

рами варваров благодаря непрочности языческого резонерства, и, по мнению моему, пока будет процветать изучение в юношестве латинских языка и мыслей, нельзя ожидать прочного успокоения бродящего умственного самосознания, тем более что труд, долженствующий составлять долг каждого, для классического мирозерцания казался делом рабским, а порывы мысли не ограничивались никакими твердо установленными истинами. На почве классицизма, чуждого нашей истории, у нас должны происходить, в лучшем случае, только резонеры, чуждые предстоящей трудовой жизни и действительности. Нам вовсе не надо классицизма.

С уничтожением занятий классическими языками само собою падет прискорбное деление гимназий на классические и реальные и доступ в высшие учебные заведения уравнивается для всех. Исчезнет и надобность в 8-м классе гимназий, ныне необходимом по множеству уроков латинского и греческого языков. Мое долголетнее профессорство и близкое знание студентов, работающих в лабораториях, убедило меня, что, с введением усиленного прохождения классических языков и 8-классных курсов, поступающие в университет гимназисты не стали более прилежными и развитыми, даже, скорее, замечалось обратное: зрелость физическая и аттестатная послужили к тому, что юношеское увлечение наукою уменьшилось.

Несомненен тот факт, что абсолютно и относительно (по числу слушателей) современные классические гимназии стали давать университетам гораздо менее, чем было прежде, лиц, посвящающих себя научной деятельности, и хотя подготовка к ответам на экзаменах как будто улучшилась, общий результат стал, несомненно худшим, потому что даже те, кто учились прилежно, потеряли многое в способности самостоятельного труда. Это сказалось и в том, что самостоятельных научных трудов и проблесков оригинальности стало в наших университетах за последнее время абсолютно менее, чем было 20—30 лет тому назад, хотя число званных, т. е. по выбору, было больше.

Моряки знают, что хорошие офицеры флота получают только из числа лиц, начавших с раннего юношества морскую карьеру. Так и в науках: возраст от 16 до 18 лет есть тот, в который слагаются прочные научные вкусы, и чем позднее — тем менее вероятно воспитать ученых; а ныне поступают в университет после 8 лет гимназии, обыкновенно после 18-летнего возраста, когда растет борода и другие интересы говорят уже с большею силою. А когда мало родится ученых сил, все образование не может идти в явно возрастающем порядке, назначение университетов уменьшается и легко теряются плоды прежних усилий. В Испании множество университетов и взрослых студентов, но нет ни успехов науки, ни развития просвещения. И все мы знаем, сколь много прежней силы и доблести потеряла эта страна.

Но не одни гимназии, доставляющие контингент университетских слушателей, служат причиной того, что результаты современного университетского образования ухудшились; многое в самых современных университетах ведет и должно вести к тому же следствию, благодаря недостаткам, свойственным ныне действующему университетскому уставу.

Здесь на первом месте стоят вопросы, касающиеся самих профессоров. Четыре особенности ныне действующего университетского устава, несомненно, должны служить и отчасти уже немало послужили к тому, чтобы профессорская деятельность получила иное, худшее, чем было до того и чем должно быть, направление, и чрез это упал уровень университетского просвещения, а именно: способ назначения профессоров, отношение к профессорам, выслужившим 30 лет, значение университетского совета и способ окончательных университетских испытаний.

Прежде профессора избирались университетским советом и только утверждались министром. Быть выбранным — значило не только иметь диплом, но уже пользоваться, сверх того, известным научным успехом, а чтобы его достичь, мало было получить ученые степени, надо было усердно работать, чаще всего в виду у всех, например, в качестве лаборанта или хранителя при соответственном кабинете, и надо было заслужить ничем не могущее прямо выражаться доверие к силам и способностям. Лет 30 сему назад этого стремились достичь многие, выбор был все-

гда, и потому расцвет университетского просвещения совпадает с этим периодом.

Все известнейшие из ныне еще живущих русских ученых профессоров и многие уже сошедшие в могилу прошли этот вид живого и сурового испытания, оттого и был результат. Если ныне наше университетское образование еще не спустилось до уровня 40-х годов, когда в большинстве наших университетских кафедр не было научной самостоятельности, то это происходит лишь от деятельности остатков еще прежних выборных профессоров. Ныне, чтоб получить профессию, надо иметь ученые степени, некоторые личные рекомендации и, главное, руку в департаменте, где нельзя никогда предполагать ни знания многих выступающих, ни полной, нравственно ответственной независимости. Нынешний способ ведет к тому, что университетские кафедры наполняются, конечно не всегда, мелкими, малодостойными профессорами лицами, а это должно вести к дальнейшему понижению уже достигнутого уровня высшего просвещения. Это сказывается не только на университетах, но еще яснее — на высших технических заведениях, например, на Технологическом институте, где я сам когда-то действовал и где наглядно падает уровень преподавания, едва держащийся остатками прежних сил. Я знаю, что новыми правилами хотели достичь того, чтобы в состав профессоров попадали лишь благонадежные в политическом смысле лица. Но, во-первых, департамент об этой благонадежности, как и об научных способностях кандидатов на профессию, мало может судить; во-вторых, утверждение избранных профессоров всегда было и должно остаться за Министерством, а при этом легко отказать в утверждении заведомо неблагонадежным лицам и, в-третьих, навет на профессоров, как на одну из причин бывшей в 60-х и 70-х годах беспорядочности понятий в некоторых кружках университетской молодежи, совершенно напрасен.

Сколько-либо отождествлять способы выбора профессоров с университетскими волнениями — значит просто не знать истинной университетской жизни, сущность которой должно всегда видеть в распространении истинных современных и государству нужных знаний, а эта сторона дела — в столь юной и богатой талантами стране, как наша, — всецело зависит от научного уровня профессо-

ров, который, очевидно, понижается при господстве современного способа назначений. Ученые степени здесь не гарантия. Скажу при этом, что опыт жизни прямо убеждает в пользе иной раз предпочесть доктору, напечатавшему много рассуждений, лицо, лишь выступающее в научном мире, ибо здесь важнее не количество и не форма произведений, а самостоятельность, преданность делу и общая степень развития, которые дипломами не выражаются, а при опытности и знании избирающих улавливаются ими, что и ведет к постепенному совершенствованию состава университетских преподавателей. Само собою разумеется, что и при выборах ошибки возможны, но их вероятность меньше, и, что всего важнее, только при них у начинающей молодежи является больше, чем ныне, поводов соревноваться на чистом научном поприще.

В недавнее былое время мы имели этим путем избыток молодежи, соревнующейся на могущую явиться профессуру. Этого уже теперь не замечается. И чем скорее изменится современный порядок на некоторый обдуманый способ выборов — тем будет лучше для успехов высшего русского просвещения.

Для них имеет свое немалое значение также и то обстоятельство, что ныне по выслуге профессором 30 лет от него отбирают кафедру и, хотя ему назначается пенсия и ему дают право продолжать лекции, но косвенно его удаляют. Это влечет за собою то кажущееся преимущество, что при этом открывается место выступающим силам. Однако результат получается плохой, потому что: либо получается два профессора одного предмета, а кому-то из них недостает времени у слушателей, и являются разные неудобства, особенно в отношении лабораторий, клиник и т. п., либо, что чаще и бывает, старые профессора совсем уходят, а это только тогда хорошо, когда новые силы заведомо и явно лучше прежних, что, особенно ныне, не всегда так бывает.

Мне кажется, следовало бы поступать так: вновь избирать или назначать профессора, выслужившего 30—35 лет службы, если он достоин, и ему выдавать, если он вновь останется, заслуженную им пенсию и жалованье. А для того, чтобы при этом порядке, важном для сохранения достигнутого достоинства и для упрочения самостоятельности университетских советов, дать ход выдающимся молодым профессорам, следует иметь особый

фонд для новых временных кафедр, из которого и выдавать оклады выступающим талантливейшим сверхштатным профессорам. Я думаю, что наши университеты много выиграли бы, если бы это было проведено и старые силы косвенно не устранялись.

Немалую важность должно придать тому, что «новый» университетский устав лишил прежнего доверия советы университетов. Без доверия к общему составу профессоров нельзя хорошо построить просвещения.¹³ Притом невольно родится вопрос: «Да судьи кто же?» Пусть состав совета изменится, например, ограничится против прежде бывшего¹⁴, — не в этом дело, а в том, что университетские дела, в которых надо близко знать всю жизнь и все частности, ныне решаются помимо лиц, знающих университет в его современном строе, им не доверяют, а верят в прозорливость немногих чинов департамента, на которых, в сущности, возложена роль советов всех университетов при назначении ректора, деканов и профессоров и при решении множества первостепенных вопросов университетского строя.

Признаюсь, я считаю современный порядок не только роняющим достоинство университетов, но даже и опасным в разных других смыслах. Возвращение доверия и самостоятельности советам университетов, которые можно было бы составить из профессоров, избранных от каждого факультета, было бы важно не только в смысле начал децентрализации (не должно, однако, забыть, что утверждение все же останется у нас достаточно централизованным), но и в отношении к скорости выполнения местных современных задач университетской жизни, а также в отношении к взаимному соревнованию университетов, которое не может иметь иных последствий, кроме самых плодотворных, особенно в научном отношении.

Не должно также забывать, что явное недоверие свыше к профессорскому сословию очевидно всем и в корне подрывает влияние университетов и всего просвещения.

Та же черта, которой проникнуто лишение советов их прежней роли в выборах, видна и в порядке выпускных испытаний, ныне практикуемых в университетах. Их, в сущности, ведет особое лицо, посылаемое Министерством. Чаще всего посылаемые лица суть профессора других университетов, других

Профессора физико-математического факультета Петербургского университета. Сидят (слева направо): А. В. Советов, П. Л. Чебышев, К. Ф. Кесслер, А. Н. Савич, П. А. Пузыревский, Ф. В. Овсянников, А. Н. Бекетов; стоят (слева направо): Р. Э. Ленин, Н. А. Меншуткин, А. С. Фаминцын, И. И. Сомов, Ф. Ф. Петрушевский, Д. И. Менделеев, А. Н. Коркин

взять неоткуда. На деле: или они не вмешиваются в испытания, а потому излишни, или легко могут происходить плачевные недоразумения.

По существу, хотели сделать правительственные экзамены, а вышел кажущийся контроль, явно указывающий на недоверие к профессорскому персоналу. Как порядок, не давший никаких добрых плодов и лишь указывающий на недоверие, этот способ испытаний, по моему мнению, лучше было бы оставить, предоставив совету делать свой контроль, Министерству следить своими способами и служебные экзамены не смешивать с научными университетами.

Со своей стороны я считал бы полезным, улучшив университетский строй во всех отношениях, заботясь особенно о возвышении научного ценза, покончить с выдачею прав на чины и ограничиться дипломами или аттестатами, чтобы постепенно уменьшалась господствующая система учения для снискания служебных прав. Но если другие учебные заведения, подобные Училищу правоведения и лицеям, сохраняют выдачу прав на чины и если вообще усиленную централизацию и чины еще считают рановременным уничтожать,

то выдачу прав на чины не следует прекращать для воспитанников университетов, так как они, как видно по опыту жизни, дают, говоря вообще, лучшую подготовку, чем какие-либо другие высшие учебные заведения с более узкими специальными целями.

Причина, это явление производящая, понятна. Под одною кровлею в университетах ютятся разнообразнейшие специальности, и питомцы взаимным общением воздействуют друг на друга. Особенно важно здесь сопоставление таких, по существу, прикладных специальностей, как юридические и медицинские, с такими чистыми знаниями, каковы историко-филологические, физико-математические и естественно-исторические.

Понимание течения жизни университетов будет неверным, если будет упущено из вида вышеуказанное общение университетской молодежи, изучающей многообразные, по существу, специальности. Разделить университеты на школы разных отраслей знания — значит лишить страну запаса лиц высшей формы развития, при которой частности всяких дисциплин должны примиряться в общем строе современно развитой человеческой жизни, укладывающейся в народно-государственную дисциплину. Университетская подготовка и развитие получили свой вес и значение благодаря этому сочетанию многих специальностей, учат профессора частностям, но и они все подводят под единые философские начала, общее же достигается всем строем университетской жизни и невольным общением студентов разных специальностей.

Ныне действующий университетский устав упустил это из виду, стремясь к тому, чтобы университет представлял только собрание аудиторий для факультетских предметов, и к тому, чтобы всякие виды взаимного общения студентов были устранены, смотря на слушателей как на «зрелых» лиц, имеющих приобрести в аудиториях факультетскую подготовку. И вот, под этими незрелыми установ-

лениями, вместо явного развивающего и готовящего к жизни общения, слушатели — невольно, как бы по указанию университетского устава — стали создавать так называемые ныне «кружки», где критике и развитию мало места и много простора увлечению крайностями.

Солидарность открытую упразднили, а невольная склонность к взаимному общению привела к «кружковщине». Беда была бы от этого не так велика, если бы не стало исчезать общее развитие, которое одно дает истинно просвещенных деятелей и вызывает преданных делу специалистов. Чем более явно выразится и даже вызовется взаимное общение студентов, тем более университеты ответят своему назначению — давать массу просвещенных граждан и преданных делу специальных ученых, а в то же время тем проще следить за всем, что совершается в студенчестве. Ложные направления и ранневременные порывы направлять жизнь являются в студенчестве как плод того, что юношам, которым еще надо учиться, дали официальный «аттестат зрелости» (чем скорее он будет забыт, тем лучше для русского просвещения), и затем оттого, что плодотворное открытое взаимное общение студентов стали преследовать во всех отношениях.

Мне кажется, что постепенными, обдуман-ными мерами дело легко поправимо, но для того, чтобы не удлинить этого письма, я коснусь только двух мер, которые связаны с другими сторонами нашей университетской жизни, почти отсутствующими в иных странах.

Нельзя не знать, что большинство лиц, идущих у нас в университеты, несомненно бедняки, ищущие чрез университеты добыть хлеб на жизненном пути. Эти разобщенные бедняки нередко деморализуются, с одной стороны, оттого, что должны в одиночку заботиться не только об учении, но и о пропитании, а с другой стороны, оттого, что не имеют никакой возможности удовлетворить склонностям, свойственным молодежи. Здесь что-либо одно: либо не допускать до университетов бедняков, как это делается в Америке и Англии, но, говоря прямо, это значило бы лишить Россию плодов университетского просвещения, потому что все талантливое, все высшее, скромно действующее у нас просветительное на всех поприщах,

и главный контингент просвещенных служащих были в студенчестве бедняками.

Если же нельзя из университетов устранить бедняков, если в современную эпоху, когда и помещики явно становятся бедняками, это неразумно, то обязательно необходимо позаботиться о том, чтобы этот университетский бедняк имел возможность не только учиться со всем усердием, развивая и соревнуя друг друга, но и сносно жить, не впадая от явной неполноты жизни в условия неестественного ее наполнения планами понимания самой нормы жизни и ее отношений. Забота об университетских бедняках достигается отчасти и ныне, бедняков освобождают от платы за слушание лекций и им выдают многие стипендии. Но этого, очевидно, мало, тем более что высшая 25-рублевая стипендия при жизни отдельных лиц — совершенно недостаточна на одно главнейшее; нуждаются в столе и в книгах, лучшее время идет на поиски уроков или других заработков. Я думаю, что возобновление прежних казеннокоштных студентов в виде общежитий, хотя бы с некоторыми видоизменениями против прежнего порядка, отчасти пополнило бы недостающее, тем более, что при скоплении многих лиц даже на 25 руб. в месяц можно организовать гораздо лучшую обстановку жизни, чем та, которую на те же деньги может получить единственный студент.

Общежития эти при правильной организации дела должны были бы по результатам напомнить английские университетские колледжи, с тою крупною разницею, что там оплата роскошной обстановки и помощи специалистов производится родителями студентов¹⁵, здесь же роль родителя займет русское правительство, если, как мне кажется наилучшим, в общежития будут приниматься только казеннокоштные, а для состоятельных людей устроятся свои колледжи. Дух общения и своя особая солидарность пройдут чрез эти общежития, если на студента, в них вступающего (с первого же курса, но по особому испытанию, чтобы достигался некоторый подбор), взглянут как на воспитанника царского и отнесутся к нему с должным вниманием.

Если в каждом из семи русских университетов основать царевы общежития на 100—200 студентов, это будет стоить по 70, может быть даже по 100 тыс. руб. в год, а в сумме бу-

дет около 1 млн в год, если прибавить три Технологических института. Плоды должны быть, конечно, при условии разумного начала и должной выдержки, неисчислимы, тем более, что по примеру царевых общежитий, наверное, будут созидаться и частные, если уже и донныне шли и идут пожертвования на подобные предметы. Сверх того, желательны, чтобы поощрялось устройство колледжей и для состоятельных людей, могущих вносить соответственную плату. Туда будут отдавать своих детей охотно, если узнают, что студентам здесь живется хорошо и что о них заботятся, как следует заботиться о возрастающем юношестве, оставив ложную мысль видеть в 18 лет полную «зрелость».

Но пусть не все студенчество — как это и есть на деле в Англии — будет состоять из живущих в общежитиях, тем лучше, тем надежнее достигается идеал университетов — дать всю жизненную ширину и разнообразие оттенков строю университетской жизни. Но общий ей тон общежития дать могут, и, между прочим, они не только дадут приют молодежи, но и устроят прямое взаимное их общение, что составляет немаловажный момент развития образованности.

На этом я бы кончил изложение своих основных мыслей, касающихся устройства нашего среднего и высшего просвещения, если бы экономическое положение России не заставляло видеть неизбежную необходимость, по причинам, хорошо знакомым вашему высокопревосходительству, перехода от прежде господствовавшего у нас чисто земледельческого строя жизни к более разнообразному и сложному строю земледельческо-промышленной жизни.

Не стану этого доказывать — вам это очевидно, и вы ясно видите, что будущность нашей страны связана с экономическим усовершенствованием и усложнением приемов, как земледелия, так и всех видов добывающей и обрабатывающей промышленности.

Строй образования, очевидно, должен этому ответить не столько в начальных и средних, сколько в высших своих частях. Поэтому я считаю долгом высказать здесь свое мнение о высшем техническом образовании. Ныне оно достигается в специальных высших учебных заведениях, подобных Технологическим, Горным, Путейским и другим институтам. При всех кажущихся выгодах, здесь замечает-

ся множество существенных недостатков, проистекающих как от сложившегося духа самих этих институтов, так и от некоторых форм законов, установленных под влиянием прежнего, прожитого земледельческого строя нашей жизни. Избираю пример Горного института, желая в нем разъяснить свою мысль.

Сперва все касающееся горного дела было в «государевой руке», государству нужны были люди, знающие горное дело, чины «горного ведомства». Горное дело было не только чуждо самому народу, но и не нужно — обходились без него. И вот учредили Корпус горных инженеров, ему дали все, что можно было дать, и предоставили ведать все горное дело России. Заслуги известны, но и недостатки явны. Между ними на первом месте корпоративная замкнутость, товарищеское прикрытие и обеспеченная сонливость.

Теперь все задачи иные, горное дело нужно всем, но все еще ведается узкою корпорацией горных инженеров. Это сильно вредит ходу всей нашей промышленности, но я не стану здесь касаться необходимости ввести все горное дело в общий строй нашего промышленного развития, для чего, по моему мнению, настоятельно нужно, прежде всего, обратно перевести Горный департамент в Министерство финансов, взявшее в руки дело развития русской промышленности, один из корней которого состоит в росте горного дела. Коснусь только стороны педагогической. Обучать горному делу мало в одном Горном институте. Оно должно взойти в круг всех высших учебных заведений, образующих техникумов, так как современная техника исходит из горного дела и металлургии. И чем скорее будет положен конец узкокорпоративному духу, господствующему у наших горных чинов, тем более можно ждать плодов для развития всей нашей промышленности, и особенно для разработки ископаемых.

Ввиду важного значения промышленных знаний для блага страны и ради распространения таких знаний в общеобразованной части русского населения, по моему мнению, было бы полезно усилить наше университетское образование устройством особых факультетов или особых отделений физико-математического факультета, в которых сосредоточивалось бы преподавание сельского хозяйства, горного дела, практической меха-

Харьковский университет. Гравюра XIX в.

ники, технологии и статистики, как совокупности основных прикладных знаний промышленного строя.

Пора признать, что эта совокупность знаний имеет свои общие начала и свое важное государственное значение. Если Россия сделает это, она даст пример, и, без сомнения, явятся подражатели. В России в наше время факультеты эти, наверное, привлекут много слушателей. По существу, эти факультеты будут иметь такое же значение, как медицинские. Их учреждение не будет простым возвратом прежних камеральных факультетов, потому что в них преобладала юридическая подготовка с целью дать чиновников, имеющих лишь некоторую степень технических сведений. Ныне должно дать, по возможности, весь строй чисто промышленно-прикладных знаний и показать, что он имеет свое великое значение, к нему своевременно привлечь и силы, ищущие как общего университетского развития, так и промышленного процветания страны.

Пусть в этих факультетах сперва не будет совершенной и вполне практической полноты преподавания — ее достичь можно лишь понемногу и с большими трудами и расходами (нужны особые мастерские, лаборатории и т. п., как для медиков — клиники), но пусть слушателям положится твердое научное основание прикладных знаний, остальное, т. е. изучение многообразных подробностей специальных долей техники, дополнится дальнейшею работою и опытом жизни. Нужно университетское освещение промышленного строя. Оно даст, наверное, и просвещенных техников России и, что всего важнее, изменит то полупрезрительное отношение ко всей технике, которое у нас еще господствует в обществе и литературе. Этим путем, можно думать, родятся у нас и люди промышленной инициативы.

Дети современных фабрикантов и заводчиков, наверное, составят большой процент слушателей новых факультетов. Родится новая и живая связь между наукою и промышленностью России. Расходы казны при этом будут не малы, но плоды от них можно ждать будет больше, чем от устройства еще нескольких Технологических и других специальных институтов, которые должны, между тем, развиваться в сторону ближайшей разработки своих специальностей и не будут опустошены новым приливом к университетам, так как спрос на высшее специальное об-

разование и ныне растет, а в близком будущем еще должен увеличиться, когда сознательность будет расти и значение всех отраслей промышленности будет также выясняться. На каждый университет пойдет для указанной цели не менее как по 100 тыс. руб. в год.

Соображая совокупность мер, относящихся к развитию среднего и высшего образования, о которых говорено выше, должно ясно видеть, что они потребуют целые миллионы рублей новых ежегодных расходов. Мы все живем не только прошлым и настоящим, но и в наших детях, в будущих судьбах их, для этого строят дороги, делаются долги, и на все дело просвещения должно поглядеть, как на затраты, производительнейшие для потомства. Новыми ли налогами, или новыми займами, или хоть бы даже сокращением военных затрат — чем бы ни были добыты нужные деньги — они принесут большие проценты. Не вам мне доказывать это, и если я вскользь упоминаю о неизбежности крупных расходов на просвещение, то лишь для того, чтобы сразу поставить вопрос о развитии просвещения России на его истинную точку: это затрата в счет будущего, это — своя дорога к тихому и богатому океану будущего России.

Будущее могущество России может отвечать ее современной силе только под условием расцвета просвещения и развития промышленной ее правоспособности, неразрывно связанной с разумным жизненно-реальным просвещением. Наши дети будут видеть, что мы о них не забывали, что век этот составляет эпоху нового развития света знаний в России.

Поэтому и решился писать вашему высокопревосходительству, зная, что от финансов немало зависит и рост нашего просвещения, как многое и многое другое.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном почтении и глубочайшей преданности.

Д. Менделеев

15 октября 1895 г.

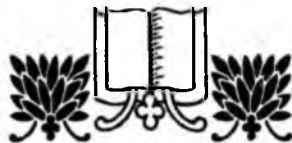

**КАКАЯ АКАДЕМИЯ
НУЖНА В РОССИИ**

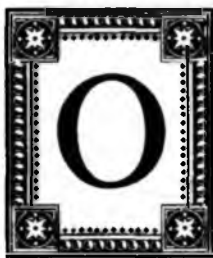

**Д. И. Менделеев и Д. П. Коновалов при закладке здания
химической лаборатории С.-Петербургского университета.
1892 г.**

КАКАЯ ЖЕ АКАДЕМИЯ НУЖНА в РОССИИ?

I

Оттого ли, что в современной Академии собралось много иностранцев, чуждых России, или же русских, не знающих ее, оттого ли, что принципы императорской Академии взяли верх над началами русской Академии, или оттого, что изменились сейчас условия времени,— во всяком случае, несомненно, что в том виде, в каком ныне существует Академия наук в Петербурге, она не имеет никакого значения не только для мирового развития науки, не только для интересов России, но даже и просто для того кружка лиц, который держится близ этого учреждения, когда-то славного и сделавшего немало как для развития знаний вообще, так и для изучения страны, в которой пришлось действовать этому кружку ученых.

Отчего это сделалось, как и в чем это выражается, я об этом вовсе не желаю говорить не только потому, что изложение подобного предмета всегда неизбежно повлечет за собой рассмотрение личных интересов ныне действующих людей, чего мне бы не хотелось вовсе делать, но еще в особенности и потому, что изложение недостатков чего-либо, по моему мнению, никогда и нигде не приносило того значения и того объяснения, какое может принести хотя бы и не вполне созревшее, положительное мнение о том, чем же и как можно заменить ныне несовершенное. А потому я прошу стать на следующую точку зрения.

Допустим, что нынешняя Академия наук переделывается, ее начала изменяются. Это, конечно, будет сопряжено с некоторыми переменами личностей. Но не личностей будем касаться, а будем смотреть на институт Академии как на учреждение коллективное, нужное для государства, как на почти безличное собрание высших представителей науки в России.

По мысли Петра Академия в Петербурге должна была быть не чем иным, как академией по голландскому типу, то есть собранием ученых, занятых разработкой науки, с одной стороны, но и обязанной профессурой, в частности, в России обязанной обучать первых тогда особенно нужных учителей и техников.

В Голландии и ныне называют университеты академиями. Надо думать, что Петр основывал вовсе не академию в смысле Академии Парижской, а академию в смысле академии голландской, то есть университет. Нельзя было иначе сделать, как пригласить для этого иностранных ученых. Надобность в этом длилась, можно сказать, до времени, памятного еще многим ныне действующим и живущим.

Когда в 50-х годах мне самому пришлось быть в Петербурге студентом Педагогического института, в нем лучшие профессора были академики. Брандт читал при этом нам зоологию, отчасти по-латыни, отчасти по переведенным с латинского его запискам; Рупрехт читал ботанику по-латыни, а потом как славянин научился скоро по-русски и излагал уже предмет этот на русском языке; Купфер и до конца своего профессорства излагал лекции в Педагогическом ин-

ституте на французском языке. У нас же учили Остроградский, Устрялов и другие академики, большинство которых тогда было иностранцы, русских ученых было немного, а те, которые были, — в Академии не находились, чему достаточное доказательство видим в том, что и Карамзин членом Академии не был. В настоящее время эта функция Академии совершенно истощена, то есть в настоящее время иностранные академики профессорами не делаются, и как не умели приехавшие говорить по-русски, так и остаются до сих пор, потому что нет никакой для них причины учиться русскому языку и приблизиться к интересам России.

Высшая педагогическая деятельность, бывшая в уме Петра первою обязанностью академика, составлявшая долгое время действительно крупную сторону деятельности академиков, прекратилась совершенно по той причине, что делу, можно сказать, поневоле из его первоначального положения придали новое, до тех пор не бывшее положение.

Представим себе, что академики — как это и в самом деле было — хорошо учили русских. Ведь они должны были их научить, они должны были родить потомство русских ученых, и педагогической деятельностью тогда должны были заняться по преимуществу природные русские, потому что отдать высшее образование в обширной стране иностранцам, конечно, не было ни в мыслях венценосного учредителя Академии, ни в целях всего учреждения.

Вот теперь и находимся мы в том положении, когда это сделать могли, благодаря в особенности усилиям 30-х годов, приложенным к педагогическому делу графом Уваровым, который особенно неустанно хлопотал о науке и достиг, в самом деле, того, что высшие учебные учреждения в России стали переходить из немецких рук в руки русских. Так, например, во всех специальностях, которые мне наиболее близки, дело было за последние десятилетия в следующем положении.

Еще в 30-х годах главным профессором химии в Петербурге был, несомненно, Гесс, ему обязаны своим развитием многие русские химики того времени, хотя он только вдохновлял на лекциях, вовсе не хлопотал о практических занятиях в лабораториях, то есть не делая званных для того, чтобы из них вышли немногие избранные. Избранных доста-

вало. Так, например, мой покойный учитель А. А. Воскресенский был ученик Гесса, как он сам неоднократно мне говорил, интересовался много химией, будучи студентом, но практически заниматься этим предметом в лаборатории тогдашней, бывшей в Педагогическом институте, не мог, потому что не было близко руководителя. Так, например, в Казани 30-х годов химии были немцы, в особенности известен Клаус, не менее памятный в науке, чем Гесс, оба оставившие хорошее имя в этой науке. Там, в Казани, точно так же узнал химии, но ей не научился Зинин. И благодаря тому, что в это время отправляли многих за границу для изучения предметов, Зинин и Воскресенский вернулись из Германии и Франции совершенно готовыми русскими химиками, прошедшими практическую школу науки у первостепенных ученых того времени — у Либиха, Лорана, Тенара, Розе и других.

От Зинина, с одной стороны, Воскресенского — с другой, ведут свое начало все современные русские химики. Русские душой, русские по происхождению, русские по принципам, они ставили первой, главнейшей своей задачей освободить свою Родину от необходимости ходить кланяться иностранцам. Для того чтобы поучиться у них столь живому предмету, как химические знания, они вследствие того не только читали, не только рассказывали сущность науки, они не только делали для химии сами то, что делали пришельцы, возбуждавшие интерес, сами знавшие на самом деле науку и ее разработавшие, нет, они умели главное внимание обращать на то, чтобы внушить своим слушателям стремление к необходимости дальнейшего развития науки при помощи своих родных сил, и оттого родили хотя и слабые средствами, но сильные начинанием, хорошие первые лаборатории, откуда вышли самостоятельные, в России научившиеся и в России действовавшие первые русские химики.

Так и в других предметах. Я помню хорошо, когда я был студентом, я слушал отличный курс физики у известного и даже знаменитого академика Ленца, бывшего сперва моим учителем, а потом в университете товарищем. Прекрасное изложение, можно сказать, образованного руководителя, которое доставлял Ленц своим ученикам, памятно, вероятно, и до сих пор многим. Но при этом

Академия наук во времена Ломоносова. Гравюра XIX в.

не надо забывать того, что составляло особенность не его одного, а особенность всех тех, которые, как Ленц, в сущности, были пришельцами в Россию. Я помню, например, следующее. В Педагогическом институте, где мы жили и где у нас прямо возле комнат для занятий были расположены физический кабинет, химическая лаборатория, библиотека и прочее, чем мы могли с величайшим удобством пользоваться, где мы работали с весьма большой охотой, нам были вполне открыты двери почти во всякое время в лабораторию и библиотеку. Но вследствие стремления, весьма понятного, хотелось попасть и работать также в физическом кабинете. Я обратился тогда с просьбой в этом отношении к Ленцу. Он рекомендовал быть на практических занятиях профессора Пчельникова, а тот магнитный инструмент, который я просил для ознакомления и работы, он дать отказался вследствие того, что инструмент, постоянно стоявший в соседней комнате в шкафу, был ценный, и, по словам Ленца, я легко мог его испортить вследствие незнакомства с ним.

Так нам и не удалось заниматься практической физикой, и нам первоначальной академией был, в сущности, Главный педагогический институт в России.

И в этом отношении Академия цели достигла, русских самостоятельных ученых сделала, и уже в силу этого сущность учреждения Академии подлежит затем пересмотру. Надобность эта чувствовалась уже довольно давно. Но здесь случилось то, что случилось в России не по этому одному поводу.

Всякий ведь знает, что русское дворянство есть служилое придворное учреждение, что всякого дворянина обязывали первоначально службой, и через это, так сказать, приобретало свое значение и государственное положение. Затем дворянство было освобождено от службы и осталось дворянством с теми поместьями, которые ему за службу даны.

Так, можно сказать, произошло и с Академией. Призванная к делу педагогическому, к несению обязанностей, она получила права, так сказать, и вознаграждение за обязанности, которые она должна была исполнять. Обязанности кончились, а привилегии остались и даже увеличены.

Но не одна педагогическая обязанность, сперва составлявшая непосредственную и прямую функцию Академии, а потом связанная, по крайней мере, исторически, с существованием Ака-

И. Е. Репин.

Портрет Ивана Николаевича Сеченова, русского физиолога.
1889 г.

демии, составляла ее действительное значение по отношению к России.

Первоначальная роль Академии состояла в изучении России как со стороны естественной исторической, так и со стороны географической, исторической и тому подобное. Всякий знает, как много Петербургская Академия сделала в этом отношении для России. Первые научные сведения, первое определение географического положения в России, ее растительного и животного царства и так далее были произведены, можно сказать, исключительно Петербургской Академией наук, или непосредственно через ее призванных из-за границы членов, или через посредство тех учеников, которых приобрела эта Акаде-

мия из русских, каковы, например, Лепёхин и другие.

Но эта роль Академии со временем совершенно утратилась, — когда снимают одну основную обязанность, составляющую смысл учреждения, невольно освобождают и от других.

В этом последнем отношении, как и в отношении педагогическом, еще в недавнем прошлом было иначе, чем теперь. Еще на нашей памяти главную роль в изучении животного царства России играл покойный академик Брандт, еще памятно то время, когда для изучения отдаленных краев Сибири Академия учреждала экспедицию Миддендорфа, еще свежи те воспоминания, когда Бэр ездил для изучения рыбного промысла на юг России. Теперь этого ничего нет. Теперь, если нужно изучать Ферганскую область, или Кавказ, или какой бы то ни было край России, например Север, обращаются в географическое общество, в общество естествоиспытателей, в университет — словом, куда-нибудь, только не в Академию, по той простой причине, что Академия утратила совершенно то свое начальное значение в этом отношении, какое она сперва имела.

Не только Палласы, но и Миддендорфы и Бэры уже не потребуются в нашей Академии.

Но, может быть, затем остается роль чисто абстрактная, помимо, так сказать, этой материальной или, если угодно, реальной пользы. Ведь Академия наук как храм науки назначается для развития непосредственно и передового знания. Ведь и в самом деле такова в свое время была Петербургская Академия с ее иностранными членами, между которыми достаточно имени одного Эйлера для того, чтобы сказать о бывшей славе Петербургской Академии в развитии чистого знания.

Но тут, в этом именно отношении, прежде всего и раньше всего сказалась немощность Академии как учреждения чисто русского, потому что достаточно сказать, что один из наиболее знаменитых русских исследовате-

лей, Пирогов, членом Академии наук не был, так же как не был членом Академии наук и Карамзин, как ныне ни Сеченов, ни Боткин не члены Академии.

Для того чтобы уяснить себе, какую же роль должна играть в настоящее и ближайшее будущее время Академия в России, надо, мне кажется, обратить, прежде всего, внимание на следующее.

1. Как место высшего учебного образования Академия уже не только не может быть, но и совершенно не нужна, потому что современные русские университеты снабжены достаточно обширным рядом избранных лиц, могущих далее развивать начавшееся уже в России ученое дело. Притом Академия одна, а мест и центров для высшего образования, при той степени научного развития и подготовки, которой мы уже достигли в России, нужно много.

Университеты и представляют такие учреждения, в России рассеянные, число которых, по всей вероятности, будет возрастать. Со временем университеты и будут теми местными академиями, каких желал Петр, основатель русской Академии.

Да и не в педагогическом смысле понимается обыкновенно Академия, ее роль другая; и ее значение совершенно иное в настоящее время уже всюду. Следовательно, отношение педагогической стороны к Академии надо и в дальнейшем рассмотрении совершенно оставить в стороне.

2. Первоначально наука составляла таинство, ею занимались, так сказать, по секрету, например жрецы, и обязанность знающего состояла в том, чтобы знание передать близким членам корпорации, не разгласить во всеобщее сведение. Тогда наука пряталась.

От этой эпохи постепенно переходят к тому времени, когда наука перестала быть привилегией немногих. И когда масса наукой вовсе не интересовалась, а под влиянием идей прошлых веков науку почти преследовали (всякий знает из истории этой эпохи развитие науки), тогда наука пряталась опять в известные кружки, но людей вольных, перешедших свободно к ее изучению, но державшихся в стороне от массы людей, относившихся к науке неблагоприятно.

Тогда-то правители стран, видевшие пользу от дальнейшего развития науки, можно сказать, понявшие значение наук, стали по-

Н. И. Пирогов

кровительствовать им, и вот наука приютилась, прежде всего, в монастырях, потом в известных корпорациях или собраниях ученых, которым покровительствовали меценаты и правители стран.

Монастырская наука была по своему существу в свое время передовой наукой, если не единственной, но всякий знает, что ныне совсем утрачена эта роль монастырей; в одной Италии, да и то только здания монастырские послужили последнее время для развития науки, потому что после изгнания монахов монастыри там в большинстве случаев обращены под учебные коллегии.

Будучи первоначально передовую, монашеская наука со временем сделалась отсталой, а потом и совершенно исчезла. Во время же силы своей она действовала, можно сказать, одновременно с началом развития науки в Академии и университетом.

Монастырь, Академия и университет — вот те последовательные ступени развития науки, которыми характеризуются близкие прошлые века.

Между Академией и университетом, как в свое время между Академией и монасты-

рем, была тесная связь. Местами Академия превратилась в университет или чрезвычайно тесно слилась или связалась, но местами и поныне осталась, с одной стороны, высшим учебным учреждением, подобным нашим университетам, и рядом с ними — Академией.

Если можно так выразиться, то роль монастыря по отношению к науке сперва была прогрессивной, а потом стала консервативной. Такова (последовательно) и роль Академий. Будучи первоначально передовыми, Академии со временем стали, можно сказать, местом действительного консервирования науки.

Да будет при этом ясно то обстоятельство, что консерватизм в науке совершенно неизбежен, потому что наука, по существу, есть предание, не мыслимое иначе, как мудрость прошлых веков, и потому без консерватизма передаваться не может.

Но кроме этой роли в России знания, необходимо и дальнейшее движение, то есть значение прогрессивное, которое по отношению к Академиям, можно сказать, всюду заняли более молодые и важные университеты, тем более что отношение к массе людей здесь, так сказать, явственнее, чем в Академиях.

Академии учредили как корпорации, как цехи в то время, когда нужно было людям, занимающимся известного рода предметами, собираться вместе для того, чтобы сосредоточивать вместе силы. Хотя Академии, с одной стороны, имели целью своей развивать науку для общего употребления, но они всегда, так сказать, сторонились народа и более или менее были замкнуты, составляли, так сказать, Олимп науки, с массой никакой прямой связи и отношения не имели.

Не таковы университеты. Их роль прямая — учить, развивать и распространять знание в массах. Следовательно, если перейдем от монастыря через Академию к университету, то последовательное приближение к жизни, к общему распространению знания и науки будет совершенно очевидным.

Моя мысль скажется полней, когда я прибавлю к этому следующее. В самое последнее время, можно сказать, на памяти еще молодых людей, наука сделала еще один дальнейший шаг, она вступила прямо сама по себе в жизнь. Почти всякому министерству нужен ученый комитет, заводские Каильте и Пикте. Механики на заводах уже делают замечатель-

ные опыты сгущения газов. Пивовар Грис занимается химическими исследованиями с большой тонкостью, так же, как и производитель коньяка Леккок де Буабодран.

Прежде бывали аристократы, которые, занимаясь науками, так сказать, снисходили до них или забавлялись наукой, но людей, которые бы соединяли живое дело прямо с чистыми интересами отвлеченного знания, прежде не было, потому что прежде наука не имела того значения и того развития, которое приобрела за последнее время. Так что в недалеком будущем очевидно, что от завода чисто научный интерес перейдет, можно сказать, всюду туда, где будет преследоваться цель действительно серьезная.

Вследствие всего этого рождается новая ступень научного развития, следующая за университетом. Так что общий порядок будет такой: монастырь, Академия, университет и практические, жизненной потребностью вызванные учреждения.

Из монастыря, бывшего сперва единственным центром науки, наука ушла. За Академиями черед. Прежняя роль Академий уничтожена, не против кого воевать, не от кого защищаться, не с кем образовать корпорацию, никто на науку не нападает, никто науки не боится. Жизнь сама зовет науку, к науке стремятся сейчас, следовательно, такого обособленного учреждения, каковыми в первой своей идее Академии были, и нет никакой нужды иметь.

Следовательно, Академия как учреждение закрытое, как корпорация, назначенная, так сказать, для домашнего развития знаний, отжила свой век и предназначена к падению и должна быть заменена какой-то другой.

Так, в Англии, Франции, Италии Академии, оставшиеся еще, переменили свою роль, сделались совсем иными учреждениями и составляют не что иное, как эквивалент нашим, только при государстве состоящим, каким-либо ученым обществам. Вследствие этого мне кажется, что роль Академии как учреждения закрытого для развития науки не отвечает современному положению дела.

3. Так как из-за дела педагогического, из-за дела жизненного, науки требующего, и из прямого интереса к чистому знанию, представляющему здоровую и питательную пищу, к науке в настоящее время идет совершенно свободно масса людей, то эти люди там, где

можно, устроили взаимное общение, учредили то, что называется учеными обществами. Роль и значение их совсем не те, что Академии. Они не имеют ни целью учить, ни целью защищать друг друга, они имеют просто прямою целью взаимное общение и через то — развитие предметов общего их интереса.

В этом последнем отношении в России навек останется памятным царствование покойного государя Александра II. Освобождение крестьян, можно сказать, совпало с освобождением русской науки. Русские ученые во всех концах, по всем специальностям, собрались и продолжают собираться в ученые общества, учредившиеся по частной инициативе и часто исключительно существующие частными средствами своих членов.

Не место здесь развивать этот предмет, достойный весьма большого внимания, история развития русских ученых обществ недолга, но уже ныне чрезвычайно поучительна, и будущему историку этого предмета должно быть ясно, что люди, переживавшие, как мы, эту эпоху, в зарождении ученых обществ в России совершенно ясно слышали и чувствовали необходимую потребность сложиться в общества не для того, чтобы приобрести силы и значение, — наши ученые общества у нас еще особым значением и не пользуются ни по отношению к обществу, ни по отношению к правительству, — а для того просто, чтобы сложением сил достигнуть более значительной равнодействующей, которая когда-нибудь окажет существенное значение и влияние.

Если мы теперь обратим внимание на то, что научные исследования в России, совершаемые русскими у себя дома, начали положительно интересовать ученых всего света, то этому чрезвычайно много содействовало развитие и учреждение у нас ученых обществ. Конечно, ученые существовали раньше обществ, потому что иначе бы и обществ не было, но силы ученые развились и укрепились с созданием в центре самобытных учреждений, через сложение этой силы, и будущая Академия наук, действительно русская, должна прежде и ближе всего исходить из этого действительно русского самостоятельного научного развития. Без того чтобы принять во внимание развитие у нас ученых обществ, мне кажется, дальнейшее понимание роли Академии наук просто невозможно. Наука есть дело вольное и совершенно свобод-

ное. Такою она и сложилась в ученых обществах, в значительном количестве уже образовавшихся не только в столицах, но и по всем почти городам России.

4. Если государству нужны учителя, если ему, так сказать, любезны ученые как разработчики и искатели истины, как люди пытливые, годные для наступивших потребностей общества и государства, то этим еще далеко не исчерпываются и даже не определяются отношения между современным государством и наукой, потому что оба вышеназванных отношения суть по преимуществу отношения общественные, а наука в настоящее время имеет значение и чисто государственное, то есть к прямым государственным потребностям. Государству на каждом шагу нужно заботиться о науке для того, чтобы идти правильно в различных своих мероприятиях. Ни для военного, ни для финансиста, ни для моряка или путейца, заведующего государственными имуществами или тому подобное, нельзя обойтись без совершенно определенного отношения к науке.

Вот эту роль французская Академия выполняет, и всякое новое дело по всем ведомствам во Франции, так сказать, проходит через цензуру Парижской Академии наук. У нас же для этой цели существуют в каждом министерстве свои ученые комитеты. Во-первых, это дорого, во-вторых, это неудовлетворительно, а потому если должно признать связь между наукой и государством, то эту связь надо ближе всего искать в той функции Академий, которую они в прежнем своем типе совершенно не имели, которую в настоящее время поневоле, так или иначе, высшая наука, нуждающаяся в помощи государства, должна нести.

Отсюда вывод следующий. Устранив от Академий обязанности педагогические и обязанности в кабинете разрабатывать науку, потому что на эти обязанности и без того достаточно людей, за Академией останутся двойные обязанности: во-первых, центрального ученого общества, которое было бы действительно центром действительных научных сил страны, во-вторых, центрального ученого комитета, в распоряжение которого должны перейти и предприятия практического государственного значения, ныне рассеянные по разнообразным, так сказать, мелким ученым комитетам.

Вот такая Академия в действительности государству нужна, она может быть одна, и ее роль и значение могут быть немаловажными.

Исходя из этого общего начала я далее и постараюсь развить некоторые частности в том виде, какими они представляются в настоящее время в моем уме.

II

Состав Академии, действительно русской и действительно составляющей центральное высшее ученое учреждение России, может и должен пополняться не только лицами, живущими и находящимися в Петербурге, но и лицами, действующими где бы то ни было в России, подобно тому как членами любого ученого общества, хотя бы, например, Берлинского химического общества, бывают лица, не только живущие в Берлине и в других частях Германии, а также и в других странах.

Мне кажется, что сравнительно большое число членов необходимо для современной Академии наук не только по той причине, что время движения науки усилиями единичных лиц заменилось таким, в котором общие усилия многих превосходят по результату усилия даже так называемых гениальных людей, и еще потому необходимо в современном высшем ученом учреждении иметь большое число лиц, что количество специальностей прибавляется, можно сказать, каждый десяток лет, так что раз определенный комплект академиков на известные специальности был бы неудовлетворителен через небольшое число десятков лет.

Мне кажется, никакой нет нужды в том, чтобы это сравнительно большое число лиц, образующих высшее ученое учреждение в России, получало жалованье. В ученых обществах платят члены за право участвовать и для составления фонда, необходимого для ведения дел общества. В высшем государственном ученом учреждении, конечно, плата немислима, да и не нужна от членов общества, потому что такое высшее ученое учреждение нужно и полезно государству, и, следовательно, государство должно на него само израсходоваться, не то чтобы требовать с участников какой-либо платы.

Мне кажется, что все академики, рассеянные по России, не должны друг от друга отличаться ни в каких правах и обязанностях, все

суть члены и представители высшего ученого учреждения в России, многие ученые дела могут решаться через сношения письмами, по телеграфу — словом, в отсутствие лица, и, следовательно, член Академии может быть далеко от резиденции Академии. Отсутствуя в столице, каждый член, конечно, приобретает все те права и все те льготы сословия, какие имеют лица, сами пребывающие всегда в столице, — не так, как ныне.

Ныне может академиком быть только лицо, находящееся в Петербурге, посещающее лично заседания Академии, словом, лицо, находящееся в столице и, очевидно, следовательно, оторванное от действительной русской жизни со всем ее разнообразием. Это, кажется, впредь не должно было бы продолжаться, потому что это ненормально, ибо ученое высшее собрание не есть учреждение, так сказать, столичное, а есть учреждение народное, требуемое народными интересами.

Мне кажется затем, что комплекты академиков особыми прерогативами, то есть жалованьем, квартирами и тому подобным не пользующиеся, а представляющие своим собранием высшие научные силы России, могут восполняться тремя путями: во-первых, избранием в отделения самой Академии, во-вторых, избранием в одном из русских университетов — конечно, считая, в том числе и Санкт-Петербургский, Варшавский и Дерптский университеты, а также в других высших учебных заведениях; это потому, что университеты, по самому существу дела, должны доставлять наибольший контингент выдающихся ученых сил. В-третьих, ученым обществам России, если не всем, то, по крайней мере определенным, большим или меньшим значением уже пользующимся, должно предоставлять, мне кажется, также право выставлять своих кандидатов в Академию, в особенности потому, что некоторые местные и специальные интересы выдвигают часто таких лиц, на которых, помимо местных ученых учреждений, может быть, не скоро будет обращено надлежащее внимание, а желательно, чтобы высшим ученым учреждением России не было пропущено ни одного из выдающихся в каждом уголке России научных деятелей.

Лица, представленные одним из этих трех способов, избираются затем в общем собрании Академии и только тогда приобретают

Здание Академии наук в С.-Петербурге. Гравюра XIX в.

звание академика. Такой способ выбора гарантирует присутствие в Академии всех наибольших научных сил страны.

Очевидно, что критерием для избрания должны служить одни чисто научные заслуги, а так как наука, прежде всего есть дело не кабинетное и частное, а общественное и публичное, то непременным условием присутствия в Академии должны служить труды, так сказать, публичные, то есть или опубликованные, или публичному суду подлежащие, то есть доступные всеобщей оценке и могущие служить на пользу всем и каждому.

Инженер, построивший мост или железную дорогу особенно хорошо, сообразно и современно, в особенности же такой, который при этом применил новые приемы, им изобретенные, хотя бы тогда и не единственные, но уже рационально выполненные, может быть членом Академии и будет полезным участником в ней не меньше другого кабинетного ученого, напечатавшего ряд научных исследований.

Для того чтобы уяснить затем отношение Академии к стране и к развитию в ней науки, а также и к абстрактному развитию научных знаний, надо поглядеть на содержание занятий, сосредоточивающихся в Академии. Эти предметы занятия Академии составят ее вольное дело. В ней не будет входящих и исходящих бумаг, а должны рассматриваться современные научные вопросы, и не только в их абстрактном ученом значении, но и в том прикладном, какое наука имеет по отношению к России, к вопросам общественным и государственным. В этом смысле Академия наук прежде всего есть центральное ученое общество России, то есть место высшей ученой деятельности в России. А так как для ученой деятельности нужны библиотеки, лаборатории, обсерватории и тому подобное, то Академия наук прежде всего есть место, в котором сосредоточивается управление такими высшими научными пособиями, без которых развитие науки немислимо. Существует, например, центральный русский музей зоологических предметов. Та-

кой музей скелетов составлен преимущественно трудами академика Брандта при Академии наук. Учреждение это, очевидно, должно иметь совершенно самостоятельное существование, то есть должно иметь директора, консерваторов и так далее лиц, которые, очевидно, должны быть лицами науки, но могут не быть вовсе академиками. Можно себе представить, как это в самом деле встречается в действительности, отличного наблюдателя, отличного организатора наблюдений, но человека, мало сделавшего для дальнейшего движения науки, так сказать, хорошего коллектора, но не больше, а потому отдельные учреждения, при Академии состоящие, должны бы ввести особых ученых, которые назначаются по выбору Академии, но которые могут не быть в непосредственном ее заведовании. Директор Пулковской обсерватории, конечно, имеет ряд непосредственных постоянных обязанностей, так же как и директор метеорологической обсерватории, или директор Ботанического сада, или директор химической лаборатории, а потому будет получать жалованье, будет ли он академик или не будет, у него есть обязанности, требуемые государством, а потому государство ему за их выполнение должно заплатить.

Отношение Академии ко всем учреждениям, при ней состоящим, должно состоять преимущественно в избрании соответственных лиц, так сказать, в общем присмотре за делом, но не в постоянном вмешательстве в ход дела в каждом учреждении, потому что научное дело требует особого искусства и, так сказать, коллегиально или коллективными силами делаться не может.

Как высшее ученое учреждение России, Академия наук, конечно, должна иметь свои органы печати для публикации научных открытий, Академии сообщенных. В Академию будут стремиться с результатами научных исследований не только потому, что Академия будет включать в себя лучших представителей научных сил России, но и потому, что Академия будет иметь средства публиковать эти научные труды, из которых многие и часто не могут быть вследствие дороговизны издания опубликованы отдельными учеными обществами России. Например, недавно профессор Иностранцев не мог опубликовать отчета о своих исследованиях над найденными им останками человека каменного века по той

причине, что такого рода публикация должна была стоить тысячи, которых не было в распоряжении ни университета, ни у обществ естествоиспытателей, при университетах состоящих. Благодаря вниманию министра народного просвещения сумма была достаточная, но это ненормальное отношение, на публикацию научных трудов суммы должны быть всегда в достаточном количестве, иначе будет задержка ученого дела в России. У нашей Академии находится достаточно средств, десятками тысяч определяемых для публикации санскритско-немецкого словаря, но не имеется достаточно средств для публикации научных трудов русских ученых обществ.

При этой публикации надо, как это и делается, например, в Парижской Академии, отличить две градации в качестве публикуемых исследований. Некоторые сообщения могут быть опубликованы, так сказать, без контроля, без малейшей доли ответственности со стороны Академии, хотя, конечно, французская Академия не станет публиковать в своих трудах проект *perpetuum mobile*. Но не все то, что в отчетах Парижской Академии публикуется, лежит на ответственности этой Академии.

Другой род исследований, проверенный академиками, будет представлять, конечно, большую степень доверия, и от воли Академии будет зависеть, к тому или другому отделу отнести данную работу, представленную в Академию.

Конечно, если работа обширная, если ее публикация требует больших средств и представляет значительный интерес, Академия не преминет убедиться и в большей или меньшей справедливости представляемого отчета Академии для публикации.

Издания Академии, конечно, должны быть на русском языке, потому что цель Академии есть, конечно, развитие самой науки, но по преимуществу в России и по преимуществу для России, и, следовательно, на коренном языке страны.

Само собою разумеется, что публикуемое на русском языке нельзя будет читать многим французам, немцам и так дальше, но ведь и публикуемое на шведском, венгерском, итальянском, голландском, испанском, а также английском не всем доступно. Нельзя же делать научную публикацию для другой страны, не делая, прежде всего для своей. При этом опыт последних двадцати лет показывает, что

те исследования, опубликованные на русском языке, которыми иностранцы заинтересуются рефератами, достаточными для их сведения, переводятся на иностранный язык или подробно реферируются.

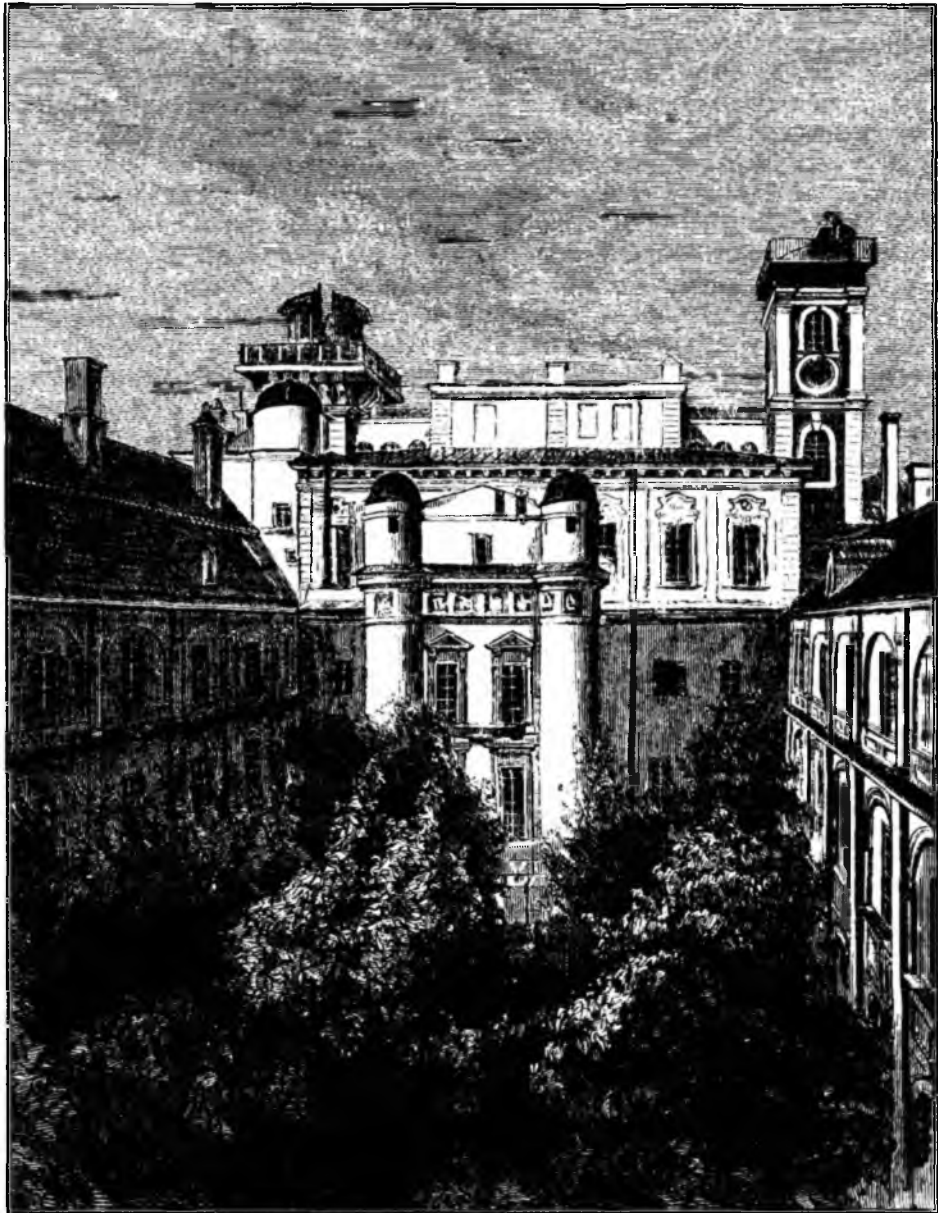
Мне кажется даже, что было бы полезно при Академии наук издавать краткий ежегодный отчет об успехах развития всех отраслей знания в России и с приложением краткого перечня трудов, появившихся на русском языке в течение года по каждому предмету. И если такие краткие ежегодные отчеты и, так сказать, каталоги или рефераты будут печататься не только на русском, но и на французском языке, можно быть уверенным, что все существенное и необходимейшее будет узно иностранцами в подлинности, хотя бы было опубликовано только на русском языке, и будет достигнуто много выгоды, которую напрасно здесь было бы и рассматривать. Укажу только на тот пример, что «Журнал Русского физико-химического общества» в настоящее время имеется уже во многих ученых учреждениях Западной Европы, в особенности благодаря тем коротким отчетам о заседаниях физического, химического отделов этого общества, которые и появляются вот уже несколько лет постоянно на страницах специальных журналов в Англии, Германии и Франции.

Дело публикации разбора новейших научных исследований есть, конечно, одно из главных дел Академии. Конечно, академики сами будут доставлять важнейшие и наиболее интересные материалы для этой деятельности Академии. Но если бы Академия, как это ныне уже и завелось, ограничилась этим одним, то можно сказать, она совершенно излишня, деньги, которых она бы стоила, лучше было бы прямо раздать ученым обществам в России, уже учрежденным, и не учреждать для этой цели особого высшего и общего учебного учреждения. Оно нужно, мне кажется, по той причине, что разрозненные силы ученых обществ слабы для того, чтобы самим что-либо предпринять в более крупных размерах, а научные исследования в крупных размерах в России постоянно, можно сказать, и на каждом шагу необходимы. Государство при этом поддерживает такие общества, как географическое, значительными субсидиями. Но в том-то и дело, что один чисто географический интерес, конечно, гораздо уже того

общего научного интереса, который может сосредоточиться в Академии наук. И вот этого-то рода дела, прямо науки и России касающиеся, составят, конечно, одно из важнейших содержаний, занимающих внимание Академии. Для того, чтобы их исполнять, для того, чтобы учреждать экспедиции для исследования тех или других научных вопросов, для того, чтобы, например, исследовать нефтяное дело, ставшее в России на очередь, или для того, чтобы разобраться с вопросами о каменных углях, или золотых приисках, или о ходе железного дела у нас, необходимо снаряжение особых экспедиций с крупными научными силами во главе и с необходимостью удовлетворить разнообразным современным требованиям.

Для того чтобы все это выполнять, Академия должна иметь средства не только самой делать подобные исследования, но и помогать в этом отношении другим ученым обществам. Прямым и, так сказать, непосредственным сношением данного учебного общества с верховной властью или известным министерством не должны бы, кажется, отпускаться какие-нибудь государственные средства для ученых исследований, потому что центральные государственные учреждения, очевидно, гораздо менее компетентны в выборе предметов, настоятельно необходимых для научного исследования, чем центральное учебное учреждение, и оказывается, средства эти, что на некоторые предметы отпускаются с достаточностью, на другие и то, что на очереди, вовсе не отпускаются, или потому, что нет лиц, достаточно близких к высокопоставленным лицам, для запроса нужных для исследования средств, или просто одни представления выпадают в то время, когда щедро даются пособия для научных исследований, а другие — в то время, когда принципы государственной экономии соблюдаются более строгим образом.

Особенно вредными мне кажутся те мелкие субсидии, которые, ничего крупного не делая, можно сказать, даром расходуют государственные средства. Если все эти средства собрать в одном учреждении, в котором будет обсуждаться, что в данное время нужней и что менее нужно, то я думаю, что результат получится во всех отношениях более полезный, чем при современном порядке дела.

Астрономическая обсерватория в Вильно. Гравюра XIX в.

Новые открытия и новые исследования, также как и постоянное ведение ряда наблюдений и исследований по учреждениям, сосредоточенным около Академии, обнимая собою интересы абстрактные, представляя, так сказать, косвенную пользу государству, не дают, однако, того, что при современном положении дел государству вправе требовать от науки и что эта последняя оказывает своему государству. Государству нужно в данное время знать ответы науки на множество вопросов. Академия наук должна это удовлетворить. Для этой цели она и должна заключать в себе лучших специалистов, так сказать, по всем отраслям человеческого знания.

Если бы вопрос о сопротивлении «поповки» [особый тип судов береговой обороны, построенных в начале 1870-х годов на Черном море по предложению адмирала А. А. Попова] был пе-

редан из Адмиралтейства не в канцелярию закрытой Академии, а на открытое обсуждение и исследование Академии наук, то, вероятно, избежалась бы немалая трата денег и достигалась бы возможность обсуждать вопросы государственной важности, так сказать, в строгой научной форме. Достаточно при этом указать на то, что морское ведомство модели новостроящихся судов отправляло для испытания и исследования в Англию, Голландию, к Фруду и Тидеману, конечно, потому, что у нас не было достаточно компетентного учреждения и достаточных средств для того, чтобы испытать сопротивление моделей. На исследованиях этого рода ведь и основываются решения, относящиеся к постройке кораблей. Так и во множестве других отношений.

Например, сию минуту рассматривается вопрос относительно перемола зерна для всей русской армии, потому что при покупке муки часто попадалась хлебная спорынья, и теперь приходится собирать, можно сказать, всех членов ведомств для обсуждения вопроса чрезвычайной важности. Без особых слов можно сказать — чрезвычайные лица должны решать вопросы громадной экономической и гигиенической важности. Это дело, очевидно, должно принадлежать Академии как центральному учреждению. Она должна иметь средства для того, чтобы подобного рода вопросы решать с положительностью.

Мне кажется даже, хотя я и не желал бы входить в эту сторону предмета, что многие ученые комитеты, почти при всех министерствах находящиеся, могли бы быть закрыты или заменены особого рода отделениями, гораздо более дешевыми, чем ученые комитеты, если бы существенные научные вопросы этих ученых комитетов отдавались на рассмотрение Академии наук. Через такое закрытие ученых комитетов, во-первых, уничтожится множество, несомненно, существующих при этих комитетах настоящих синекур и освободятся средства для содержания Академии, так что в целом получится большая экономия и лучшее выполнение цели.

При этом я считаю необходимым оговорить следующее обстоятельство.

По моей мысли, академики жалованье не получают, участвуют все одинаково в решении по делам, касающимся научных интересов. Но когда на данного академика Акаде-

мия наук возложит известного рода обязанность, которая непременно должна быть этим академиком исполнена, и если эта обязанность будет в интересах или чисто государственных, например специальные государственные потребности, или в чисто научных потребностях, но таких, которые Академия будет считать необходимыми к выполнению, тогда этот академик и лица, около него находящиеся для исследований, могут получить, и получают, вознаграждение по мере тех средств, которые будут иметься в распоряжении Академии. Тогда придется так, что за работу будет уплачено, как это делается в жизни, и что должно считать правильным. Академия не будет своего рода синекурой и пенсией за службу науке, она будет центральным ученым учреждением.

Для того чтобы выполнять с успехом такой разнообразный и многочисленный род занятий, Академия должна, очевидно, подразделяться по специальностям, конечно, не на отделы большой мелкости, на крупные единицы, подобные тем отделениям, которые ныне имеются в Академии. Но в современной Академии опущены все практические или прикладные отделы знаний, хотя есть технологи, так сказать, номинально только, место технолога занимали Якоби и Зинин, можно сказать, технологией тогда не занимавшиеся. В желаемой же русской Академии эти практические отделы должны занять соответствующее место между другими отделами науки. О необходимости развития их можно судить уже по тому, что одних медицинских ученых обществ наибольшее количество в России против всех других обществ. Сельскохозяйственные и технические общества затем занимают крупное место в ряду других, где наука спрашивается и предлагается. Медицина, технология, сельское хозяйство, составляя прикладные отделы знания, однако, не должны быть оторваны от класса физико-математических наук, как они и не отрываются от него всюду.

Этот класс знаний занимает ныне, так сказать, первенствующее место в Академии. Конечно, все тем же положение остается и в будущей Академии не по какой-либо чрезвычайной причине, а просто потому, что предметы этого рода наиболее охотно изучаются в России, представителей этого рода наук наиболее в России, методы науки наиболее

современны, в них, так сказать, современные интересы сосредоточиваются; притом они ближе всего к реальности, ближе всего могут помочь в том положении, в котором иногда является такая страна, как Россия.

Физико-математическое отделение для своих постоянных, можно сказать, текущих занятий, конечно, должно бы иметь большое число заседаний, и так как многие вопросы, очевидно, окажутся весьма сложными, придется часто возвращаться к их разбору, то, вероятно, придется это отделение подразделить. Но мне кажется, что это дело частное, дальнейших подробностей, не может совсем входить в предмет такой общей статьи, какую мне бы хотелось здесь привести.

Второе отделение Академии, может быть посвящено исключительно языку и словесности России, а также и общеславянским филологическим предметам, равно как и истории, словом, будет отвечать историко-филологическому факультету университетов. На этом отделении и должны сосредоточиться те лексикологические исследования, в которых так нуждается до сих пор еще русский язык и которые выполнить нельзя никому иному, как Академии наук.

Науки исторические, в общем их составе, равно как и филология общая, войдут, конечно, в это же отделение, никакого нет ни повода, ни основания отделять для этих последних наук особый отдел Академии.

Третье крупное отделение Академии могут составить науки политические, юридические, экономические, и в этом отделении государственные учреждения часто будут искать, вероятно, разрешения некоторых вопросов экономического свойства государственного значения, как, например, по отношению к статистике, финансам, пошлинам и так далее.

Работа Академии будет состоять, считая высказываемое выше, из деятельности специально научной, так сказать, в интересе личных мыслей исследователя, и работы этого рода, конечно, составят главное основание того значения, которое Академия получит как внутри страны, так и во всемирном интересе науки.

Дело это во всяком случае будет индивидуальное. Но и здесь роль Академии может выступить в том отношении, что некоторым занятиям академиков по специальным вопросам Академия будет придавать большее

значение, например, доставляя средства для проведения опытов или исследований, позволяя употреблять помощников, институции, при Академии находящиеся, и так далее, словом, над теми исследованиями, которые Академия будет считать наиболее важными, она будет покровительствовать в размерах своих средств.

Но такого рода исследования тогда только будут, можно сказать, беспристрастны, правильны, хорошо ведены, когда причиной их возбуждения будет служить внутренний, индивидуальный, личный интерес, а потому сами по себе исследования этого рода не должны быть никоим образом вознаграждаемы, то есть академик работающий и академик не работающий для науки — одинаково от Академии ничего, кроме самого маленького вознаграждения за присутствие на заседаниях, или за исполнение соответственных поручений Академии, не будет получать. Научное дело должно при этом приобрести, так или иначе, поневоле, оттенок живой и надлежащий. Если бы государство стало оплачивать какие-нибудь санскритские исследования, то, можно сказать, это было бы совершенно непростительною роскошью, потому что и на исследования насущной надобности часто недостает средств.

Кроме этого, так сказать, индивидуально-научного дела, у академиков будут по отношению к Академии два рода дел, носящих уже общественный характер, а потому должны быть вознагражденными, но только не по правоспособности, но по мере выполнения дела, то есть не каждый академик будет получать вознаграждение этого рода, но только тот, который будет участвовать действительно в выполнении тех требований, для которых Академия учреждается. Эти требования суть обсуждение на заседаниях предметов, рассмотрению назначенных, и затем решение вопросов, предлагаемых специально известному академику.

За каждое заседание во многих академиях заведено выдавать жетоны, у нас в Академии в настоящее время на двух отделениях, на физико-математическом и историческом, академики получают жалованье, на отделении русского языка получают жетоны на заседаниях. Так или вроде этого существует правило или обычай и во многих других академиях. Обычай этот и прост и целесообразен. При-

Петровская земледельческая и лесная (сельскохозяйственная) академия в Петровско-Разумовском

сутствие академика данной специальности делает уже невозможными некоторые отступления от современной научной истины, следовательно, само по себе может быть полезным по той причине, что в заседании Академии могут являться вопросы всяких специальностей. Но для того чтобы академические заседания не превратились в некоторого рода канцелярщину, неизбежно необходимо, как это и водится в большинстве Академий, чтобы заседания были публичные, то есть чтобы в заседания Академии и академических отделений могли входить посторонние лица. Конечно, число допускаемых лиц не может быть велико, потому что дело будет делаться, так сказать, полудомашним образом и, следовательно, для большой массы публики не будет возможности принять участие в ходе дел заседания, например видеть тот опыт, который производится, или слышать даже доклад, который ведется, но, тем не менее публика должна иметь доступ в Академию. Да не будет и большого числа желающих. Но желающие всегда будут. Между желающими будут, конечно, именно те по преимуществу, которые интересуются или вообще ходом науки, или, в частности, известными докладами в Академии в данное время или в данном заседании разбираемыми.

Эти посторонние лица сделают, так сказать, наилучший контроль правильности ведения дел в Академии. Без влияния этой публичности заседаний нельзя не бояться больших злоупотреблений в Академии, не ждать превращения академических заседаний в канцелярии, что всегда возможно, когда заседания будут совершенно закрытыми.

Все дела чисто научного характера должны быть докладываемы, рассматриваемы и разрешаемы именно в этих публичных заседаниях, потому что наука не может быть никоим образом тайною и, по существу своему, есть дело публичное, иначе она не наука. Дела же, касающиеся экономической стороны академических занятий, а также, в частности, и некоторых вопросов, так сказать, домашнего обихода Академии, могут быть производимы по отделениям и без присутствия публики, то есть после конца заседания, как это водится, например, в Парижской Академии: открывается вместо публичного заседания из тех же членов Академии так называемый секретный комитет, то есть домашнее при закрытых дверях заседание, обсуждающее частные интересы заведения.

Общее заседание всех отделений или общие заседания Академии должны назначаться, во-первых, для выбора академиков в правления или отделения или высших учебных заведений,

или ученых обществ, затем для заслушивания докладов и для постановления решений, касающихся вопросов государственной важности, или ответов от ученого учреждения к государственному учреждению.

Вопросы этого рода, я думаю, будут разбираться чрезвычайно часто, если в Академии будет большое развитие специальностей и в особенности, если Академия заменит собой многие из множества ныне существующих ученых комитетов.

Таким образом, у академика, кроме его, так сказать, личных научных дел и интересов, будут интересы заседаний академических, когда академик может принять по мере сил участие в решении дел, подлежащих обсуждению.

Затем отделение или общее собрание Академии может поручать известному академику или известной группе академиков решение определенных частных практических вопросов из числа тех, которые возбуждаются в Академии по нашей, так сказать, инициативе, то есть по вопросам, адресованным к Академии от различных ведомств и учреждений. Некоторые из вопросов, сюда относящихся, потребуют, быть может, обширного труда, но, во всяком случае, как бы ни мал был труд, как бы ни краток был ответ, если только он не может быть совершен прямым ответом, сделанным в заседании, академик или сумма академиков, которым Академия или отделение поручили рассмотреть известные вопросы, должны быть, конечно, вознаграждены за тот труд, который для общественной надобности они сделали.

Решение, доставленное известным академиком, публично будет доложено в заседании Академии, пройдет через контроль других академиков и, можно сказать, подвергнется контролю общественного внимания, которое обратится к Академии, когда в ней будут разбираться научные вопросы государственного и общественного значения.

От этого контроля с разных сторон нельзя возбудить практических решений на научных основаниях, если они исходят и из высшего ученого учреждения, потому что государственные и общественные вопросы практического значения редко настолько специализированны, чтобы могли решаться абсолютно точно, и требуют обыкновенно принятия во внимание множества сторон, анализу прямо не подлежащих, например, обычаи страны, законоположения, экономические условия и тому подобное. Притом контроль полезен еще и прямо ввиду того возможного пристрастия, которое возможно даже и в среде чисто научной, как показывает опыт с давних времен.

Включая в себя всех научных деятелей данной эпохи, предполагаемая Академия наук может в данную эпоху нуждаться в специалистах по известным отраслям знаний, например по некоторым новым областям, еще не имеющим представителей в России, или же Академия может видеть недостаточность числа специалистов с надлежащей научной подготовкой в известной области знания. Тогда для возмещения этого недостатка Академия должна иметь средства отправлять молодых людей или специалистов близкой специальности за границу для обучения известным отраслям нового знания.

Таким образом, Академия будет всегда стоять на страже научного движения России, посланные ею молодые ученые могут быть, то есть могут сделаться специалистами по избранному предмету или могут быть, по крайней мере, полезными...

Для того чтобы связь между Академией и учеными обществами России была как можно более тесна и плодотворна, мне кажется, необходимо не только назначить, как упомянуто выше, особые средства, которые бы Академия распределяла между учеными обществами России...

Составляя ученое высшее учреждение России, Академия наук должна иметь исключительные права такого рода, какими в цивилизованной стране должна пользоваться наука. В числе таких прав, мне кажется, должно быть на первом месте право непосредственного ходатайства и представления своих обсужденных в общих заседаниях предложений от Академии как к высочайшей власти, так и к высшим государственным учреждениям.

И. И. Шишкин. В окрестностях Москвы. 1869 г.

М. К. Клодт. На пашне. 1872 г.

Н. К. Пимоненко. Сенокос. 1907 г. Фрагмент

Хуторок.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СУЖДЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ

СПИРИТИЗМЪ.

ИЗДАНІЕ

Д. Менделѣева.

Съ 20 черт. и рис.

Судья, который имеет свои критеріи для различія истиннаго спиритизма отъ ложнаго спиритизма и который не допускаетъ спиритическаго явленія, которое не имѣетъ спиритическаго характера.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ УВАЖЕННАГО «ОБЩЕСТВЕННАГО ВОЛНА»,
ЛЕНСКОЕ ВОЛАНСКОЕ, № 2. Л. 30.

1876.

Титульный лист «Материалов для суждения о спиритизме»
Д. И. Менделеева.
Издание 1876 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследования над изменением упругости воздуха под малыми давлениями завлекли меня в изучение вопроса о верхних слоях земной атмосферы, где воздушное давление менее, чем на поверхности Земли. Понятие о высших слоях атмосферы мы можем иметь не только из лабораторных опытов над разреженными газами, но также из наблюдений над облаками, которые идут на больших высотах (таковы, особенно перистые облака), а точнее всего, из аэростатических поднятий, совершаемых с измерительными приборами.

Два последних способа принадлежат к области метеорологии. Блестящее и быстрое развитие, которое получила эта наука в последние годы, отлично выражено в популярной современной книге норвежского ученого Мона, являющейся ныне в переводе на русском языке. Метеорологические вопросы, касающиеся верхних слоев атмосферы, имеют важное и живое значение по отношению к дальнейшим успехам учения о погоде. Лабораторные мои исследования над упругостью газов идут; на них есть и средства, благодаря участию в этом деле и Русского технического общества, для них нашлись и сотрудники. Это дело обеспечено в дальнейшем своем движении. Хочется получить возможность выполнить и другое заветное желание — побывать выше облаков, внести туда измерительные приборы. Меня тянет теперь в те места. Желание быть там побудило меня и к изданию этой книги.

Рассматривая ряд данных, добытых Глешером, в его воздушных путешествиях, описанных в «Report of the British association for the advancement of science» (начиная с 1862 по 1865 г.), я подметил некоторую эмпирическую законность в изменении температуры разных слоев атмосферы. Об этом я сообщал в конце 1875 г. и в начале 1876 г. в Физическом обществе, состоящем при С.-Петербургском университете, а потом в «Archives des sciences de la Biblioteque universelle de Genève» (Mars., 1876). Тогда же высказал я мысль о необходимости новой проверки опытным путем как этого закона, так и вообще добытых данных — при помощи новых систематических восхождений на аэростате в верхние слои атмосферы. Теория метеорологической стороны вопроса в том виде, в каком он ныне представляется мне, изложена мною в сообщении, сделанном в декабре 1875 г. в Физическом обществе и в Парижской Академии наук («Comptes rendus», Dec., 1875). Оставаясь верным научным преданиям, — не должно, однако, довольствоваться ни эмпирическими выводами из добытых уже данных, ни теоретическим развитием: они одни недостаточны для достижения истины, — необходимо иметь новый запас данных, усовершенствовать способы наблюдения, на новом опыте, на иных наблюдениях проверять найденное и тем доказывать или опровергать. Критика и анализ сильны были и в прежние времена; опытной проверкой современная наука пролагает свои пути, отличается от схоластики, убивает рутину. Для этого, однако, должно разнообразить условия опытов и наблюдений, иначе можно не видеть ошибок. Россия с ее континентальным климатом, во многом отличающимся от островного климата Англии, где совершены восхождения Глешера, весьма прилична для новых аэростатических восхождений, для проверки выводов из данных, полученных Глешером.

Об изучении верхних слоев атмосферы мечтал еще Ломоносов. Первое воздушное восхождение, назначенное для целей метеорологии, было предпринято из Петербурга академиком Захаровым с аэронавтом Робертсоном в 1804 г. Знаменитое восхождение Гей-Люссака было произведено в том же году, спустя два месяца. Россия, значит, не чужда зародышу мысли об изучении метеорологических явлений в верхних слоях атмосферы.

На первом съезде русских естествоиспытателей профессор Ковальский возбудил этот вопрос, рассматривая астрономическое преломление. Его поддержало внимание и ходатайство всего съезда; но поднятия не осуществились. Для них нужны крупные средства, в особенности, если дело идет о том, чтобы достичь больших высот и сделать несколько восхождений в разные часы дня и ночи и в разные времена года, в разных местностях. На больших высотах воздушное давление так мало, что человек не может действовать свободно; Цамбекари, Глешер и другие страдали в этих высотах; Кроче-Спинелли и Сивель в прошлом году погибли там оттого, что неблагоприятно долго оставались на высоте около восьми верст над поверхностью Земли.

А есть большой интерес побывать там и сделать соответственные наблюдения. Для того, чтобы правильно судить о том, что совершается в атмосфере, необходимо опытное знание разных ее слоев, а особенно тех, в которых еще ходят облака, потому что эти слои участвуют в атмосферных движениях и переменах, составляют лабораторию погоды. В наших широтах испаряется в течение года гораздо менее воды, чем падает в виде дождя и снега — эта вода принесена из-под тропиков, вместе с массою воздуха. Недаром люди заглядываются на облака — они вестники из мест, где колыбель людей.

В верхних слоях воздуха идут токи тропического и полярного ветров. Где и когда они господствуют, как это влияет на климат и на погоду? Знают это мало.

Умозаключая — как раз ошибешься. Надо и наблюдать за облаками и наблюдать среди них, смотреть и рассмотреть, предполагать и проверять на деле. Это сложнее, чем только обсуждать, критиковать, чем анализировать, но это необходимо, если не желаешь довольствоваться недостаточным. Тот, кто утверждает нечто, тот и должен искать опытных до-

казательств, не должен отступать пред трудностями. Исследователи не должны забывать этого. Приближаясь к границе атмосферы, мы можем составить более точное суждение, чем с поверхности Земли, о том состоянии, которое имеет воздух, весьма удаленный от земной поверхности.

Подняться же в высокие области атмосферы можно только на большом аэростате. А для того, чтобы производить там наблюдения, ознакомиться и с частностями, и с общей картиной, для этого необходимо некоторое время. Чтобы безопасно оставаться под малыми давлениями в высоких слоях воздуха, я предполагаю, вместо корзины или лодки, снабдить аэростат замкнутым сосудом, в котором наблюдатель будет оставаться под давлениями, близкими к атмосферному. Тогда он будет в состоянии производить там отчетливые наблюдения, не подвергаясь телесным страданиям. Тогда можно устроиться удобно, как необходимо для того, чтобы голос тела не заглушал стремления; однако сначала должно попробовать и попытать разные приемы.

Сверх того, для самых высоких поднятий необходимо наполнить аэростат не светильным газом, как делается обыкновенно, а нарочно добытым и гораздо более дорогим — чистым водородным газом. На устройство аэростата, на наполнение его водородом, на устройство подходящих приспособлений и приборов, на пробы и на кучу мелочей необходимы большие средства. Эти средства я предполагаю отчасти восполнить продажей пяти исчисленных на обороте этой книги сочинений, предназначая выручку от их продажи на устройство большого аэростата, способного для высоких поднятий.

Ежегодно предполагаю публиковать отчет о приходе и расходе сумм, могущих собраться этим путем, т. е. продажей пяти для того назначенных моих книг, потому что — стану считать себя обязанным перед подписчиками на мои издания. Они, платя за книги, станут участниками моего предприятия. Не смею думать, однако, что путем продажи своих книг выручу те два, три десятка тысяч рублей, которые необходимы для организации дела; рассчитываю только на получение тех, сравнительно небольших средств, которые нужны для начала, для устройства одного аэростата, емкостью примерно в 2, 3 тыс. куб. м, и для нескольких невысоких полетов.¹

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СУЖДЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ

Когда первые подъемы совершатся, средства, в том убежден, найдутся; найдутся и у нас люди, которые возьмутся за окончание начатого. Поймут же, наконец, что на дне воздушного океана, на котором мы живем, нельзя получить из метеорологических наблюдений понятия о том, что делается вверху, а без того нельзя точно судить ни о причинах, определяющих климаты, ни об отступлениях от средних норм, т. е. о погоде.

Для ползающего на дне морском неведомы бури поверхности; так и нам почти неизвестны явления, в верхних слоях атмосферы совершающиеся. Даже определения высоты и скорости облаков и направление их движения не ведется еще в метеорологических обсерваториях с надлежащею полнотою и правильною, как ведутся наблюдения над направлением и силою ветров, дующих по поверхности земли. Если обстоятельства не позволят предпринимать аэростатические восхождения, придется ограничиться изучением облаков — издали, не соперничая с ними высотой и скоростью. И на это дело, в том виде, как оно представляется мне, нужны немалые средства. В облаках только малая доля составных начал воздуха. Один аэростат может дать полное знакомство с высшими частями атмосферы, он сам становится частью воздуха, облако ему — собрат.

Решившись преследовать цель изучения верхних слоев атмосферы, я не смущаюсь перед мыслью о том малообычном способе, к которому прибегаю для получения средств, необходимых для такого изучения. Найдутся, вероятно, осуждающие. Предлагая желающим принять участие в научном предприятии, я имею в виду тех, кто умеет и захочет вникнуть в обстановку всего дела; они увидят, что мною руководит.

Члены комиссии Физического общества, учрежденной для рассмотрения медиумических явлений, отдали в мое распоряжение все дела этой комиссии, предоставили мне их опубликовать, зная, что книга, содержащая эти дела, будет назначена для цели устройства аэростата.

К этим материалам, помещенным в первом отделе книги, прибавился ряд статей, составляющих второй отдел. Большинство их представлено в мое распоряжение посторонними лицами, знавшими цель моего издания. Как ни далеки кажутся два таких предмета, как спиритизм и метеорология, однако и между ними существует некоторая связь, правда отдаленная. «Спиритическое учение есть суеверие», как заключила комиссия, рассмотревшая медиумические явления, а метеорология борется, и еще долго будет бороться с суевериями, господствующими по отношению к погоде. В этой борьбе, как и во всякой другой, нужны материальные средства. Пусть же одно суеверие послужит хоть чем-нибудь против другого.

Спешу заявить большую мою личную признательность членам Комиссии для рассмотрения медиумических явлений, уступившим мне издание их трудов, г-ну Квитка, г-ну Мясоедову, И. И. Боргману, А. Н. Гезехусу, Е. Г. Бекетовой, В. А. Манассеину, К. Д. Краевичу, В. Л. Кирпичеву и В. А. Гемпилиану, которые помогли мне своими трудами в издании этой книги.

Если воздушный шар устроится — их имена будут его украшать.

Д. Менделеев

Апрель 1876 г., С.-Петербург

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНИЕ О СПИРИТИЗМЕ

Д. МЕНДЕЛЕЕВА

15 декабря 1875 г., в аудитории и. Русского технического общества,
в здании «Соляного Городка» в С.-Петербурге

*Сбор назначался в пользу славян, пострадавших при восстании
в Боснии и Герцеговине²*

Милостивые государи!

Желая помочь страдальцам, вы собрались здесь узнать, что сделала Комиссия для рассмотрения спиритических явлений, образованная весной этого года при Физическом обществе, состоящем при С.-Петербургском университете. Я буду иметь честь сообщить вам протоколы заседаний комиссии, но предварительно считаю не излишним сказать несколько слов о состоянии спиритического вопроса и о положении этого дела у нас.

В таком новом, выплывшем недавно на свет, вопросе, каков спиритический, нельзя было бы обойти точного и прямого определения того, какие явления должно считать за спиритические, если бы не было сомнения в самом существовании этого особого класса явлений. Ведь вы знаете, конечно, что только небольшой кружок ученых считает доказанным существование спиритических явлений и что большинство отвергает их самобытность. Можно, однако, обойти представляющееся неудобство.

Если некоторое явление называют атмосферным, то этим не признают в атмосфере каких-либо новых атмосферных сил, а хотят только означить место действия. В таком смысле *спиритическими явлениями должно назвать те, которые происходят на сеансах, совершаемых чаще всего по вечерам, в темноте или полутьме, в присутствии особых лиц, называемых медиумами; явления эти имеют, в общих чертах, сходство с так называемыми фокусами и потому представляют характер загадочности, необычайности, невоспроизводимости при обычных условиях.*

Такое определение да не внушит вам мысли о том, что я лично считаю все явления спиритические за фокусы. Нет, я искал и не нашел более точного определения, привожу то, которое считаю беспристрастным и точным. Если стол под вашими руками скользит и колеблется в обыденной обстановке, вы не обращаете на это внимания, но если вы садитесь за стол, ожидая его скольжения и колебания, если вместе с вами сидят несколько других лиц — сеанс сделан, а если стол затем пошевелился — это может быть или не быть явлением спиритическим. Явление будет, наверное, спиритическим, если с вами сидит лицо, заведомо обладающее медиумическими способностями, и если вы сами сознательно не производите движения, а особенно если при этом столдвижение будет иметь некоторый осмысленный или необычайный характер, например, если стол одною своею ножкою будет выстукивать условным образом ответы на заданные вопросы или подниматься на всех своих четырех ножках.

Вы видите, что дело сводится на необычайность явлений и на медиумов. Быть может, придет время, что и многие атмосферные явления кто-либо отнесет к спиритическим, как пришло время отнести магнитные к электрическим. Суть дела, по словам спиритов, не в том, чтобы разоблачить столдвижение или тому подобные слабые спиритические явления, подобные обыч-

ным, а в том, чтобы сперва признать, а потом понять, дать гипотезу и законы таким явлениям, которые нигде и никогда, иначе как в присутствии медиумов, не совершаются.

Какие же классы таких явлений? Спириты считают четыре таких класса: 1) движение неодушевленных предметов, при прикосновении рук, особенно поднятие предметов и изменение их веса; 2) движение неодушевленных предметов без прикосновения рук человеческих или без постороннего двигателя, особенно же происходящее тогда изменение веса предметов и поднятие; 3) явления диалогические (разговорные) и психографические, т. е. движения и звуки, имеющие характер осмысленности, например движение предметов по заданному направлению, ответы неодушевленных предметов на вопросы и т. п.; 4-й класс явлений назван медиумо-пластическими (или материализацией). Сюда относится образование или появление частей человеческого тела и полных человеческих фигур. Особенное значение спириты придают этой четвертой группе явлений.

Если бы не подразумевалось того, что высчисленные явления совершаются на сеансах, в присутствии медиумов, то к первому разряду можно было бы отнести движение часов, которые держатся в руках, ко второму — движение воздуха или облаков в атмосфере, к третьему — все роды гаданья, а к четвертому — живопись, скульптуру и явление фигур в фокусе камер-обскур и тому подобных приборов. Но мы имеем свидетельство весьма большого числа почтенных и полного доверия заслуживающих лиц, которые сами сперва думали так же, как и всякий другой, что спиритические явления суть фокусы, а со временем убедились, что на сеансах с медиумами происходят явления, необъяснимые ни фокусами, ни физическими приборами, ни другими способами, известными до сих пор, а потому составляющие явления *самостоятельные — спиритические*. Как же нам не верить свидетельству некоторых лиц в самостоятельности того, что совершается на сеансах и при медиумах, если мы не имеем повода им не верить?

Сеансы бывают двух родов: публичные или частные, в присутствии записных медиумов, и домашние без присутствия профессиональных медиумов. Эти последние действуют наиболее убедительно. Сеансы бывают удачные

и неудачные, но спириты не заметили до сих пор условий, определяющих эти обстоятельства, хотя и утверждают положительно, что присутствие лиц, не верящих в самостоятельность спиритических явлений, в большей части случаев не препятствует явлениям, что подтверждают своим прежним опытом. Неудача может происходить оттого, что между присутствующими в домашнем кругу нет медиума. Однако опыты спиритов показали, что средним числом из восьми лиц, особенно между дамами, есть большая вероятность встретить одно лицо, обладающее медиумическими способностями. Ныне свидетельствуют, «что доходят отголоски и из русского общества о проявлении медиумических способностей у разных лиц, живущих как здесь, так и в разных местностях империи».

Но и в присутствии *медиума* совершаются не всегда и не всякие спиритические явления. Все дело в силе и специальности медиумов. Иногда медиумизм свойствен членам целого семейства, но в разной мере и силе. У одних медиумов, и такие чаще всего встречаются, только движутся предметы при прикосновении рук — это физические медиумы; у других, сильнейших, и без него совершаются явления разного рода: так, например (передаю слова одного спирита), в совершенно темной комнате, когда двое держат сильного медиума за руки, один из присутствующих чувствует, что кто-то берет его за палец и вместе с рукою поднимает вверх и возносит над головою. У сильнейших медиумов движутся очень тяжелые предметы, например комоды, для движения которых действительно нужна большая сила; у слабейших медиумов движутся звонки, бубны, гармоники и тому подобные, действительно более легкие, предметы. Многие только из медиумов способны к вызову явлений материализации, к демонстрации (вызову) несуществующих, новых, членов человеческого тела, рук, головы, торса и, наконец, целого осязаемого тела человеческого с одеждою, волосами и всеми привычными атрибутами живого человека, к произведению на сеансах цветов и т. п. Являющиеся в таких случаях люди суть, по уверению медиумов и спиритов, лица, в действительности не существующие, но некогда жившие на земле.

Обыкновенно при исчисленных, так сказать, высших спиритических явлениях меди-

Иммануил Сведенборг, шведский ученый, теософ-мистик и медиум

умы впадали в особое состояние, называемое *трансом*. Это состояние бессознательное и бесчувственное, как сон, сопровождающееся иногда речами, напоминающими бред, движениями, подобными конвульсиям. В это состояние медиумы приходят чаще всего в полутьме или в совершенной темноте; музыка тихая, но постоянная помогает ему, свет, день — препятствуют, и тем более, чем медиум слабее, по крайней мере, у обычных медиумов, наступлению транса и связанных с ним спиритических явлений.

Удостоверившиеся в существовании спиритических явлений составили и держатся одной гипотезы, придавшей всему учению его наименование, а именно полагают, что *причину этих явлений составляют духи*, вне людей, самобытно существующие и все названные явления производящие. Это они стучат в столе, это они двигают им, звонят в колокольчик, гремят бубном, облакаются в свойственный им человеческий образ или образуют только части человеческого тела, или приносят цветы. Уподобляясь людям — духи носят и людские имена. Иным спиритам такая гипотеза кажется очень наивною, и они признают, что в медиумических явлениях

есть нечто необъяснимое, а от гипотезы воздерживаются, хотя с полною солидностью выработанного мнения, и требуют согласиться с *де Морганом*: «Физические объяснения легки, но до жалости недостаточны, духовная гипотеза хоть и достаточна, но трудна». Труд, конечно, подразумевается не в создании гипотезы, потому что гипотеза гномов, эльфов, ведьм, домовых и т. п. создана уже давно и так же связана с гипотезою спиритов, как древняя гипотеза об атомном составе материи связана с современною гипотезою о строении тел; трудность, конечно, предполагается в доказательствах, т. е. в измерении и объективности, но мне неизвестны даже и попытки этого рода — по отношению к гипотезе спиритов.

Нельзя обойти молчанием, что для объяснения многих спиритических явлений, а особенно диалогических явлений, сами спириты признают достаточною особую гипотезу «*бессознательной церебрации*», которой держался Фарадей, разбиравший спиритические явления, и которую удержал и развил особенно Карпентер. Однако она, продолжают спириты, оказывается несостоятельною, признав добросовестно, а не на выбор, верными подтвержденные известными лицами спиритические факты. По мнению спиритов, гипотеза Карпентера не может объяснить поднятия столов на воздух или передвижения предметов без прикосновения, игнорирует чужие наблюдения и вообще не стесняется в критических приемах. Не спириты — многие ученые прибегают иногда для объяснения известных спиритических фактов к гипотезе механических сотрясений, производимых руками; так Шеффлер развивает подобную гипотезу для объяснения движений стола, г-н Квитка прилагает ее и ко многим другим спиритическим явлениям. Иные даже решаются думать, что все дело в *обмане*, производимом медиумами.

Так как спириты вообще заметили, что по отношению к медиумизму часто встречается у многих ученых самомнение, отсутствие объективности или пристрастность, и так как, по словам упомянутого выше ученого спирита де Моргана, «спиритуалисты, несомненно, стоят на пути прогресса в физических науках, а противники их ратуют *против одного*», то я, не желая идти против прогресса физических наук, воздерживаюсь от сужде-

ния о спиритической гипотезе, думая, что мнение родится в вас самих, зато я старался как можно ближе держаться подлинников, составляя все здесь сказанное.

Нельзя мне затем пройти молчанием доводов спиритов в защиту своих мнений и не сопоставить их с мнением лиц, отвергающих существование особого класса явлений, называемых медиумическими, или спиритическими.

Спиритами не рождаются, спиритизму в школе не учат, до него доходят опытом, наблюдением и умом. Это весьма важно для суждения о спиритизме, потому что показывает смелость мысли, самостоятельность и новизну суждения, расширение области знаний. Кто же не ратует за них? Когда вы скажете: «Мало ли в новейшем есть ложного, ни на чем не основанного?» — вам ответят, что явления и даже самые понятия спиритов существовали во все времена, но только ныне их обособили, дали им свою область, готовят сделать науку, которая свяжет учение о материи с учением о духе, скрепит разрозненные звенья направлений человеческого знания. Вы поспешите, может быть, сказать, что нет нужды говорить о том, что будет, должно остаться пока при современном строе веками выработанных понятий, но тогда вы, вероятно, услышите ответ: «При таком способе действия знание не станет развиваться, передовому не будет места».

Когда вы заявите, что место есть, что вы не желаете стеснять тех, кто верит в спиритизм, а тем паче тех, кто наблюдает спиритические явления, как научные, вы почти, наверное, будете обличены в индифферентизме, косности и самомнении, потому что «каждый неразъясненный факт, который лежит на пути нашего развития, непременно рано или поздно войдет в область нашего сознания, потому что таковы условия, таков путь развития, и другого пути не было и не будет». Согласные с такими возвышенными мыслями, вы обратитесь к этим фактам и укажете на малочисленность спиритических фактов, на их неясность, объясните столонерчение непроизвольными движениями, подобными массе известных вам других обычных фактов, скажете, что для объяснения других, по сознанию самих спиритов, достаточны гипотезы Фарадея и Карпентера, что часть фактов сомнительна, что много есть простых обманов, считаемых за спиритические факты, что вы

Основатель спиритизма Аллан Кардек

не хотите быть исследователем явлений, боящихся света, а потому не видите интереса в изучении спиритизма.

Такая речь совершенно опровергается следующими соображениями: «К сожалению, хлеб добывать нужно, и медиумы профессиональные часто помогают себе сознательно, когда дело не идет медиумически, но ведь все это имеют в виду такие громкие имена, как те, которые заявили себя за спиритизм, ведь это все почти натуралисты, биологи, химики, астрономы, математики, и нельзя же предполагать, что они не сомневались. Пришел конец их сомнениям, и они открыто и прямо пристали к учению, отвергаемому преобладающею массою ученых». Далее присовокупляют: «Есть факты несомненные во всех категориях спиритических явлений, засвидетельствованные людьми, заслуживающими полного доверия. Что же вы о них скажете?»

«Да ничего», — часто отвечают спириты. Ведь изучение спиритизма не дало еще пока никакой новой истины, состоит только в рассказах, напоминающих святки, лишено точности, требующейся для научного вывода. Такое легкое отношение к авторитетам науки, по справедливости, заставит напомнить, что Крукс и мерял и взвешивал, исследуя спиритические явления, что подобные же приемы применяли и другие ученые, что чистой науке

Юм и его гармоника

нет никакого дела ни до того, что выйдет в конце концов из наблюдаемых фактов, ни до того, на что они похожи, что спиритическая наука молода и, как все такие, не богата плодами, — все дело в самой по себе истине, а польза родится. Спиритизм же характеризуется тем, что затрагивает стороны жизни, близкие каждому, его интерес выше интереса многих других классических и реальных знаний. Основой его служат факты, которые каждый может легко проверить, стоит сделать несколько сеансов в известном кружке лиц, которым доверяете, и иметь терпение подождать, чтобы видеть существование еще не понятого.

Вы возразите: «Знаю, что еще много есть непонятого, что вы сидели, сидели и ничего не видели, кроме движения стола, в чем не видите ни толку, ни пользы для какой-либо науки, потому что убедились в толчках, которыми незаметно двигается стол, особенно когда устанешь».

Но вы не забудьте, что медиумические способности бывают в разной мере, а потому ваши единичные опыты ничего, в сущности, не говорят. Не только, подобно незабвенному Галилею, можно сказать: «А все-таки столы вертятся», — но и вместе с моим другом Н. П. Вагнером должно прибавить, «что свобода исследования, свобода мысли есть желанный лозунг *последних веков*».

Примешались к этим суждениям упреки, с одной стороны, в гонении, с другой — в чертовщине, потом с третьей — в пие-тизме, ханжестве, материализме, позитивизме и т. д.

Где же выход из этого? Что же думать о спиритизме тем, кто хочет следить за успехами наук? Новых ли истин ждать от него или это старые бредни? Ответить может только опыт, веденный со вниманием и беспристрастием. Следует определить прежде всего: совершаются ли в спиритических сеансах в присутствии медиумов явления, не объясняемые известными до сих пор силами природы; для того в опыте, кроме неизбежного медиума, должны участвовать лица, верящие и не верящие в спиритизм, опытные

в нем и такие, которые ничего спиритического не знают, но о видах явлений природы имеют точное научное понятие. Первые научат вторых, что делать. Те и другие должны друг другу доверять. Нельзя при этом предоставить окончательного суждения спиритам, потому что они представляют в таком собрании сторону ту же, к которой относится медиум, а лучше пока и никакого суждения о спиритизме не высказывать, а только записывать, отмечать факты, — обсудить их может каждый, а для собрания наблюдений необходимо иметь условием привычку точно наблюдать и анализировать факты разнообразные и знакомство с общею картиною явлений природы. Такие условия представляются, по моему мнению, в наибольшей мере соединенными между физиками. Физику, занимающемуся разработкою науки, нельзя, как многим другим научным деятелям, особенно на поле описательного естествознания, сузить область своих занятий потому, что у физики нет внешнего объекта изучения, как у химика, астронома, математика, биолога, ему приходится иметь дело попеременно и с математикою, и с механикою, и с областью химических, физиологических и вообще биологических знаний. Физику называют иногда методикою естествознания.

Вот причина, объясняющая внесение вопроса о спиритизме в наше Физическое об-

щество, состоящее с 1872 г. при С.-Петербургском университете и издающее вместе с Русским химическим обществом отдельный журнал, при котором явится отчет о том, что сделали члены его по отношению к исследованию спиритизма. Поводом к внесению вопроса о спиритизме в Физическое общество послужило распространение в нашем обществе занятий спиритизмом. Началось дело в последние годы с медиума г. Юма, развилось под впечатлением сеансов прошлой зимы г. Бредифа. Руководителями общественного мнения явились гг. Аксаков, Бутлеров и Вагнер, наши апостолы спиритизма. Какие имена! Фамилия первого из них напоминает русскому уху семью горячих и верных искателей истины. Хотя Александр Николаевич Аксаков и работает в иной области, чем дорогие всем нам другие Аксаковы, но родственная связь видна в беззаветной вере, в твердой поступи, в бойком перепе и в русской размашистости шагов, какие делает Александр Николаевич, пропагандируя спиритическое учение в России, издавая немецкий журнал «Physische Studien», посвященный спиритизму, и принимая на себя немало труда при изучении спиритизма. Имена Александра Михайловича Бутлерова и Николая Петровича Вагнера, моих товарищей по науке и роду деятельности, мне нет надобности освещать вам, я убежден, что вы хорошо знаете их, как передовых деятелей русской науки, одного как известного химика, и другого — как биолога. Бутлеров поверил спиритизму при помощи Аксакова, Вагнер — чрез Бутлерова. Последователи превзошли своего руководителя и горячо взялись за его дело. В наших журналах стали появляться одна за другою статьи с их подписью. Это обстоятельство не лишено значения. Не имей Вагнер и Бутлеров авторитетности как натуралисты, публика не встрепенулась бы, и едва ли наши крупные журналы взяли бы статьи о спиритизме, тем более что печать всюду была против спиритизма. И вот на эту борьбу открыто и прямо пошли мои почтенные товарищи, выступив со своими спиритическими статьями не в ученых обществах, где было бы настоящее место оригинальному, новому воззрению на явления природы, где место разбора и проверки новых, еще не известных фактов, где борьба ведется и регулируется приемами, установившимися в науке. Они перешли эту до-

Портрет А. М. Бутлерова.
Работа неизвестного художника

рогу, пошли за А. Н. Аксаковым и прямо на ученых апеллировали обществу.

Вот причины, заставившие многих задуматься над спиритизмом разбирать эту специальность, интересоваться ею так, как ни одно еще новое открытие до сих пор не интересовало. Много вечеров пошло на спиритические сеансы, много остроумия потратилось при разговоре о спиритизме, но вместо пылкости родилось одно любопытство, да на подходящей почве стали развиваться семена мистицизма; они почти не проглянули в печати, не имели той смелости, какую заявили первые ученики А. Н. Аксакова, но существование их видно в частных примерах, вероятно, почти всем вам более или менее известных. А мистицизм — детство мысли, развитие его — застой, а не прогресс знания, за который так смело и прекрасно говорят наши спириты.

Чтобы противодействовать распространению мистицизма, чтобы удостовериться компетентным образом в существовании спиритических явлений, чтобы удовлетворить склонности к пылкости, чтобы снять наконец с ученых упрек индифферентизма, который дает спиритам многих адептов, образована была в майском заседании сего года при Физическом обществе комиссия, составлен-

Н. П. Вагнер

ная только для рассмотрения спиритических или медиумических явлений, при чем выражена была надежда, что наши спириты не откажут комиссии в возможности видеть, испытать и подвергнуть разоблачению, если обман существует, те явления, которые совершаются в присутствии медиумов. Можно надеяться этим путем дойти до истины и если есть в самом деле что-либо еще неизвестное между явлениями, считающимися за спиритические, то будет случай встретиться с ним.

Первые два майские заседания комиссии были учредительными.

Господа Аксаков, Бутлеров и Вагнер, как и должно было ждаться, с радостью приняли участие в занятиях комиссии, разъяснили ей многое, учили членов ее, что должно делать для успеха сеансов. Мы слушались этого все время и будем, по возможности, продолжать делать это, чтобы не было речи о том, что устранены условия успеха ожидаемых явлений. Мы желаем успеха, будем терпеливо ждать его; а когда он будет, когда явится необычайное, будем мало-помалу изменять условия опыта, потому что не все же время мы будем действовать под указкой спиритов, мы собрались для того, чтобы осветить спиритические факты, а не прямо записываемся в число спиритов.

Дело было организовано следующим образом: комиссия постановила первоначально

заняться простейшими медиумическими явлениями, более доступными изучению, считая медиумо-пластические наиболее сложными. Ведь, в самом деле, не удобно же было бы начать дело прямо с образования частей тела или целых фигур, как неудобно ознакомление с химическими соединениями начать с изучения веществ, образующих тело животных или растений.

На свои занятия комиссия назначила время с сентября 1875 по май 1876 г. и постановила составлять после каждого заседания протоколы, в которых подписываются свидетели со стороны медиума, число коих предположено не более трех.

Со своей стороны, А. Н. Аксаков обещал позаботиться о приискании медиумов, столь необходимых для вызова спиритических явлений. И с каким успехом выполнил он это! Осенью, в конце октября, А. Н. Аксаков привез из Нью-Кэстля двух медиумов, г-д Петти, и предложил еще медиума г-на Монка, живущего в Бристолле. Комиссия предложила начать с теми, кто уже есть, тем более, что медиумические способности г-д Петти Александр Николаевич лично удостоверил и подтвердил свои слова, цитировав 16 печатных заявлений о медиумизме Петти, найденные им в спиритической литературе. С г-ном Монком предположено начать сеансы в январе 1876 г.

Сеансов комиссии с медиумами Петти было шесть, но два первых назначались для ознакомления медиумов с лицами, принимающими участие в сеансах. Во всех сеансах со стороны медиумов свидетелями были г-да Аксаков и Бутлеров. Местом сеансов служила моя квартира в нижнем этаже здания университета. Одна комната с двумя большими окнами и нишей была избрана А. Н. Аксаковым, и в ней была устроена загораживающая нишу и идущая с полу доверху шерстяная занавесь с пространством сзади нее, достаточным для помещения стула.

В предварительных заседаниях комиссия познакомилась с г-дами Петти. Приехали отец и два его сына. Отец не медиум, по словам свидетелей. Он бывший кузнец и каким-то случаем потерял одну ногу. Медиумы — его два сына, Уильям и Жозеф. Старшему из них лет 17—19, младшему лет 12—14. Оба они бодрые на вид, славные мальчики, особенно младший, в глазах которого виден ум и любознательность. Говорят они на жаргоне, трудно

понимаемом, переводил их речи нам все тот же неутомимый А. Н. Аксаков.

Специальность медиумов Петти, по словам свидетелей составляют:

1. Сеансы в полутемной комнате перед занавеской, когда колокольчик ставится на полу за занавеской и медиумы сидят перед занавесью. Спиритическое явление, ожидаемое при этом, есть звон колокольчика.

2. Сеансы младшего медиума около стола, при слабом свете, когда вблизи положена пропускная бумага (бибула). Ожидаемое спиритическое явление составляют капли на бумаге.

3. Сеансы в совершенно темной комнате вокруг стола, когда присутствующие держат друг друга за руки, а на столе поставлена клетка с запертым внутри ее колокольчиком. Ожидаемое спиритическое явление составляет движение всей клетки и отдельно звон колокольчика.

Другие роды медиумических явлений, сколько известно, не совершаются в присутствии Жозефа и Уильяма Петти. Был приготовлен особый стол с манометрами, могущими показывать меру давления рук на стол, но попытки за этим столом были неудачны, стол не двигался, потому вероятно, что столоверчение не относится к специальности медиумов Петти.

В сеансах, когда посторонний свет, попадающий от окон, устранен двойным слоем наколоченного на окно коленкора, когда свет лампы был убавлен до полутьмы, а музыкальный ящик заведен и играет, медиумы Петти легко впадают в транс и тогда ведут разговоры от имени духов, из которых одного зовут Чико, другого не помню как. В этом разговоре часто являются требования содействовать успеху сеанса уменьшением света, определенным расположением присутствующих и иногда предначертания условий на будущие сеансы. Все предписываемое при этом исполнялось членами комиссии всегда с одинаковой готовностью и пунктуальностью.

Вот обстановка четырех сеансов, которых протоколы я теперь буду иметь честь прочесть вам. Они подписаны присутствовавшими членами и свидетелями со стороны медиумов.

(Читаны затем протоколы 6, 7, 8 и 9-го заседаний комиссии, см. первый отдел.)

Столоверчение

После заседания 20 ноября комиссия, ожидающая, согласно желанию Александра Николаевича, еще 36 сеансов с медиумами, имела еще одно, 10-е из своих заседаний, 21 ноября текущего года. В нем комиссия обсуждала виденное у братьев Петти и пришла к заключению... Вместо него я считаю более удобным рассказать следующий случай, памятный мне со времен моего студенчества и рассказанный нашим бывшим профессором ботаники Шиховским. Имена я забыл, но сущность дела, кажется, ясно помню.

Где-то, кажется в Японии или Китае, путешествовал некоторый весьма известный ботаник, интересовавшийся местной флорой; он особенно занимался новыми формами растений и был очень рад, когда их находил. Один из туземцев, знавший страсть ботаника к новым растениям, доставил ему из одного трудно достигаемого места несколько экземпляров совершенно нового растения с цветами. Растение это описано и изображено. Оно представляет формы действительно

необычайные, небывалые сочетания частей, можно сказать, совершенно из ряду вон всех понятий ботаников. Ботаник окрестил его именем, о нем писал мемуары, только другие останавливали недолго внимание над его формами — ибо они было недостижимой редкостью, уника, да притом никто из ботаников сам его не видал в живом состоянии. Кто-то из знатоков дела анализировал описание и рисунок, нашел, что цвет представляет сочетание таких-то и таких далеких друг от друга семейств растений, а потом хорошенько порассмотрели имевшиеся экземпляры, и оказалось, что цветок склеен весьма искусно из частей, взятых от разных растений.

Вы ни минуты не станете затрудняться в приискании слов, характеризующих поступок туземца. Вы, однако, не бросите камнем в ботаника, которого обманули, пользуясь его страстью к науке.

А я прибавлю от себя, что не осудил бы ботаника, если бы он поместил в «Русском вестнике» статью о новом найденном им растении и о переполохе в ботанической систематике, вышедшем из-за нового растения, но, может быть, восстал бы против его речей, когда бы он стал строить на единичных виденных им фактах новую систему упреков ученым в ретроградности их понятий — за то, что они не поспешили переполошиться. Так восстаю я здесь против упрека в том, что противники спиритизма служат представителями тех, которые всегда ратовали против прогресса, а это написано в статье моего почтенного друга и товарища А. М. Бултерова на страницах «Русского вестника» за ноябрь 1875 г. В горячке защиты своих мнений, спириты не замечают, что поступают неосторожно, притесняют людей науки.

Но, господа, это дело домашнее, так или иначе, мы сами в нем устроимся.

Ваше внимание и участие обратите на других, пожертвуйте действительно притесненным, борющимся и страдающим, восставшим, наконец, в Балканах против своих притеснителей. И у них явился дух, но какой могучий и бодрый. Со стороны родной видно, что этот рано или поздно победит. Вот их и поддержите.

ДВА ПУБЛИЧНЫХ ЧТЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ

24 и 25 апреля 1876 г.

*в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым
и школ и Русского технического общества, читанные
в С.-Петербурге, в аудитории «Соляного Городка»*

Д. МЕНДЕЛЕЕВЫМ

Лет за 20 тому назад в Америке, а затем и в Европе, стало распространяться то спиритическое учение, которое в наши дни поддержали многие ученые. Они связали и словами и мыслями новое с явлениями древней индийской магии, перепутали с суевериями и стремятся сделать из всего учения, выражаясь их словами, «мост для перехода от знания физических явлений к познанию психических». Кому же не лестно быть строителем такого моста! Однако школы, ученые и литераторы, сочувствуя которым, вы собрались здесь, не погнались за концессией на этот мост, не приняли учения спиритов, посмотрели на него, как на старые сваи, на которых давно и безуспешно задумана была подобная постройка, не ступили на гнилое дерево. Отвергнутое приютилось в кружках, но недавно выступило смелее, захотело иметь новых адептов, стало для того клеймить неверящих, громко утверждало непризнаваемое — и успело поколебать немало умов. Признайте только, говорило оно, эти факты реальны и правдивы, а следствия из них сами. Да, эти следствия у всех на памяти, их слышали от нянюшек, — и многие вспомнили и соблазнились. Старые суеверия выплывали. В этой связи давних суеверий с новым учением — весь секрет интереса к спиритизму. Разве стали бы столь много писать и говорить о любом другом ученом разноречии, не стой тут сзади дух, няня, и любезное многим детство народов. Помирили сказку с наукой — это увлекательно, и спириты свое сделали — заставили говорить и разбирать их учение. Их расчет прост, хотя и ошибочен: они надеются найти поддержку в массах, мало знакомых с науками. Они и помнили и забывали, что эти массы имеют свой здравый смысл — верный союзник наук и движения, что они, однако, идут за немногими, что наука не преследует, не сжигает, не налагает запрещений, что она не боится движения вперед, но они упустили из виду, что для науки безразличен приговор масс и отдельных ученых, что наука уже не ветреное дитя, что она зрелая мудрость времен, что против их оружия можно действовать подобным же, что научное поле им придется взять с бою...³

Но довольно для уяснения общей картины — обратимся лучше к подробностям, они отчетливее рисуют положение вопроса. Начальное физическое явление спиритизма составляют стуки, раздающиеся при наложении рук на стол, и движения самого стола. Весьма скоро убедились опытом, что спиритические стуки могут слагаться условным образом в осмысленную речь; заметили затем, что разговор стуками (тюпотология) имеет смысл, какой бы придал речи медиум или то лицо, сидящее за столом, в присутствии которого стуки происходят. Ничего иного в речах спиритических сеансов не узнали, кроме того, что могли бы услышать из уст медиума.

Физическая сторона дела несомненна, т. е. стуки в спиритических сеансах происходят. Вопрос состоит в том, что стучит и обо что? Тут не два первичных вопроса, а один. Всякий стук есть колебание воздуха, следовательно, для произведения звука нужно средство привести воздух в колебательное состояние. Спрашивается поэтому: что же приводит здесь воздух в колебание?

На это отвечали весьма различно, и вот шесть главных вариаций ответов.

Медики, исследовавшие лиц, в присутствии которых звуки совершаются, нашли, что некоторые суставы и связки этих лиц могут производить самостоятельные звуки. Подобное этому происходит и при разговоре и при чревовещании — звучит внутренний орган тела. Здесь, значит, содрогается часть тела медиума. Произвольно или невольно издают звуки части тела медиумов — до этого не касались; да и нет нужды: пусть это будет непроизвольное движение, никому не было интереса его исследовать. И все же от стучащего нельзя ожидать ничего иного, кроме того, что ему известно, а потому ясна причина того, что лицо это не может ничего иного высказать в сеансе, кроме того, что им ранее приобретено или узнано. Это будет тем более так, когда лицо это производит спиритические стуки преднамеренно и сознательно. Назовем эту гипотезу о природе спиритических звуков *органической*.

Вторая гипотеза состоит в том, что, при наложении рук на стол происходят мускульные напряжения, которые выражаются колебательным их состоянием; в это состояние приходит и стол. Медиум, при известном напряжении воли бессознательно или намеренно, накапливает и суммирует эти мускульные движения в толчок, отвечающий потребному моменту. Здесь опять становится понятным то обстоятельство, что в речах, слагаемых спиритическими стуками, не слышно ничего иного, кроме того, что можно узнать от лица, звуки производящего. Гипотеза, высказанная здесь, может быть названа *механической*, потому что источник звука по этой гипотезе лежит в колебании стола или вообще предмета, к которому прикасаются части тела. Звучат стол, пол и другие предметы, к которым прикасается медиум.

Затем следует гипотеза *магнетическая*, которую с особым успехом развивает Шевиллар (A. Chevallard) в своих «Etudes experimentales sur certains, phénomènes nerveux et solution rationnelle du probleme spirite» (2 edit., 1875). Гипотеза состоит в том, что допускается нервная невесомая жидкость или нервный ток, подобный гальваническому, посылаемый волею и жизнедеятельностью от мозговых центров к органам тела. Нервы считаются проводниками такого тока. Припомните — еще Гальвани утверждал нечто подобное на основании своих классических опытов с лягушкой. Маг-

нитизеры держатся подобного учения и поныне, хотя, со времен Вольта, в науке укрепилось иное мнение об опыте Гальвани. Животно-магнетическая гипотеза Шевиллара принимает, что вся поверхность тела людей испускает некоторую нервную жидкость находится в некотором напряжении и подобно тому, как наэлектризованное тело рассеивает электричество, испускает из себя эту невесомую материю, приводит соприкасающиеся предметы в особое напряжение — сила преобразуется. Полагаю далее, что нервная жидкость может скопляться и переходить скачками, каплями, темными искрами и т. п., по воле лиц, сумевших управлять внутренним распределением нервной жидкости в своем организме. Эта жидкость может выливаться в некоторых случаях разом и тогда производит спиритический стук, подобно тому как у электрических скатов, или рыб, электрическое напряжение может передаваться электрическим ударом. Задатки этой гипотезы давние. В сочинениях Лавуазье есть отчет (1784) об исследованиях над животным магнетизмом. Там резюмировано учение Месмера, начинающееся пышною речью: «Всюду есть жидкость, легче осязаемая, чем описываемая: Ньютон ее назвал *эфирною средою*; Декарт — *всеобщим двигателем*; философы — *мировым началом*. Свет, звук, запах передаются при ее помощи...» — и пошел в это поле. Много с этими понятиями билось, много раз доказывали, что фикция Месмера не приложима к фактам, что воображение — первый деятель в опытах магнетизеров. И все-таки эти понятия выплывают. Шевиллар стоит на этом же пути, хотя его мнение и заключает свои особенности. При его гипотезе, как и при двух предшествующих, совершенно ясно, почему в речах, слагаемых при помощи спиритических стуков, нет иного смысла, чем в речах лиц, сидящих за столом.

Эти три гипотезы, на мой взгляд, не заключают в себе ничего невозможного, и, будь опыты, их утверждающие, несомненны, их принял бы каждый натуралист. Они составляют центр многих других гипотез, объясняющих естественным образом спиритические стуки. Но есть две другие, крайние, диаметрально противоположные гипотезы, назначенные для объяснения стуков и других медиумических явлений: одна есть *гипотеза спиритов*, допускающая духов как причину

стуков и других медиумических движений, а другая есть *гипотеза обмана*.

Гипотеза спиритов состоит в том, что души умерших не перестают существовать, хотя и остаются в форме, лишенной материи. Известные лица с особым развитием органической природы, могут быть *посредниками*, «*медиумами*», между остальными присутствующими и этими духами, повсюду находящимися. В спиритическом сеансе от присутствия медиума духи становятся деятельными и производят разного рода *физические явления* и, между прочим, стуки, ударяя о тот или другой предмет, близкий к медиуму, и отвечая условным образом на вопросы, к ним обращенные. Гипотеза эта не объясняет прямо того, почему в речах духов отражается ум медиума, отчего у интеллектуального медиума речь духа иная, чем у неразвитого. Чтобы помирить это наблюдение с мыслью о духах, допускают *глубокое влияние медиума на духов*: под влиянием глупого медиума и умный дух тупеет, а глупый под влиянием интеллектуального медиума становится гораздо более развитым. Дух ребенка или жителя другой планеты может говорить только то, что знакомо или мыслимо медиумам, словом, по гипотезе спиритов, дух становится рабом медиума. Вот эта-то идея, столь сходная с идеею гномов и *ведьм, чертей и привидений*, и послужила главным поводом к распространению и обособлению спиритического учения. Говорят, что в Америке спиритическое учение пошло в ход благодаря некоторой комбинации с женским вопросом. В 50-х годах там этот вопрос времени был уже в значительном развитии. Медиумами же оказались по преимуществу женщины. Этим обстоятельством воспользовались. Образовались кружки, у которых основною идеею было доброе стремление к перемене тягостной во многих отношениях современной обстановки и к достижению лучшей при помощи спиритизма. Рассуждали так: женщина менее сильна, чем мужчина, оттого женщины зарабатывают меньше мужчин, которые, кроме того, изобрели себе в помощь множество механических деятелей, пользование которыми также требует не только силы, но и навыка, учения. Истинное равенство наступит только тогда, когда женщина будет в состоянии доставлять одинаковое с мужчиною количество работы, и вот в спиритизме нашлось легкое для того

Ф. А. Месмер

средство. Если духи в состоянии производить звуки, значит, они производят механическое движение, работу; оказалось затем, что они способны вращать столы; так отчего же им не вращать машины?

Спиритизмом стали интересоваться для того, чтобы получить даровых двигателей.

Надеялись, что женский организм доставит этим путем со временем, когда, изучив дело, овладеют силами духов, значительное количество даровой работы, которой можно воспользоваться для практических целей. Не знаю насколько справедлив этот рассказ, но он дышит американскою практичностью.⁴ Не подлежит, однако же, никакому сомнению, что в спиритизме многие, не удовлетворенные современным строем идей, современными принципами, видят какой-то исход к лучшему в будущем.⁵ Грубый материализм некоторым, довольно странным, образом стремятся помирить с нравственными принципами, с поэтическими грезами. Ошибку расчета Полонский отлично выставил в своем прелестном стихотворении «Старые и новые духи», помещенном в «Неделе».⁶

Гипотеза спиритов оказалась удобною для всех тех, кто не оставил еще уверенности в су-

И. Г. Юнг-Штиллинг

ществовании приведен, домовых и тому подобных воображаемых интеллектуальных существ; но она недопустима при современном строе понятий, господствующем с тех пор, как поняли, что сожигание за колдовство есть одно и то же, что и преследование религиозных верований. Восстают против спиритизма преимущественно потому, что со спиритическими явлениями теснейшим образом связана изложенная гипотеза о духах. Самое учение о стуках и движениях, материализации и т. п. получило свое название вследствие того, что верящие в эти явления неразрывно связывают признание их реальности с гипотезой о духах.⁷ Шевиллар, проводящий понятие об изливающейся нервной жидкости, и тот, хотя допускает ни на чем не основанное понятие о существовании самостоятельного нервного тока, исходящего из организма, — и тот со смехом отвергает гипотезу спиритов.

А спириты говорят часто, что современники — грубые материалисты, особенно естествоиспытатели, не признают их гипотезу, потому что ее боятся — она рушит будто бы все. Натуралистам, однако, не чуждо, а напротив, вполне свойственно допущение ги-

потез на первый взгляд бездоказательных, фантастических, духовных, предвзятых; так, например, они признали жизнь во всем мертвом, движение в каждом твердом теле, в каждой малейшей частице жидкости, чрезвычайно быстрые поступательные движения в атоме газа. Для них оживотворено то, что в общепитии считается неподвижным. Им немислимо ныне представление о малейшей частице материи, находящейся в покое. Со времен самого Ньютона они не довольствуются даже допущением притяжения на расстояниях, ищут для его объяснения посредствующей среды. Они свободно принимают и обсуждают самые разнообразные допущения, могущие осветить понятие о притяжении и отталкивании. В частичке вещества химик видит, как бы ощущает отдельные части, независимые органы и общую связь частей; словом для него это есть целый организм, живущий, движущийся и вступающий во взаимодействие. Все работы химиков этим проникнуты, и они знают, однако, что не доберутся до того, чтобы выделить и видеть эту частичку, как выделяют растительную клетку. И это все отвлечения, не менее далекие от обычных явлений, чем то, по которому воображают существование духов. Следовательно, не из-за грубости фантазии, не из-за прошлого резонерства, — которое гласит часто: «Вынь да положь — тогда поверю», — естествоиспытатели отвергают гипотезу духов. Одни гипотезы они признают, проверяют, в их смысле работают, другие резко отвергают. Гипотезу об истечении световой жидкости как о причине световых явлений отвергли и заменили ее другою, гипотезою колебаний невесомой, не знаемой, всюду находящейся жидкости, хотя за первую говорил Ньютон, а за вторую только менее известный его современник — Юнг. Та и другая одинаково фантастичны, и в этом отношении одинаково подобны гипотезе хоть бы спиритов. А как часто приходится слышать упреки натуралистам в грубом материализме!

Признать ту или другую гипотезу или ее отвергнуть волен всякий, но не всякий ученый и не каждый раз говорит — как наука. Наука существует отдельно от ученых, живет самостоятельно, есть сумма знаний, вырабатываемых всею массою ученых, подобно тому как известное политическое устройство страны вырабатывается массою лиц, живущих в ней.

Авторитетна наука, но не отдельные ученые. Ученый только тогда может и должен пользоваться авторитетом, когда он следует за наукою, подобно тому как в благоустроенном государстве авторитетом власти пользуется только то лицо, которое блюдет законы.

Для объяснения данного явления всегда возможно составить много гипотез, и признание той или другой из них тем или иным ученым есть дело личного вкуса; но в науке укрепляются, т. е. научными гипотезами становятся и затем незаметно переходят в жизнь, в школу, в литературу только те, которые обставлены целым рядом исследований, принятых массою ученых, подобно тому, как законом становится то, что приобрело в стране известную формальную обстановку. Гипотезу о духах наука отвергает, хотя есть такие ученые, которым она пришлась по вкусу.

Пусть медиумические стуки раздаются, — пусть они реальны, составляют факт несомненный. От этого спиритическое учение ни на волос не двигается вперед. Спиритам, утверждающим, что эти звуки производятся духами, да им, а никому другому, должно затем доказать, что ни органическая, ни механическая, ни магнитная гипотезы не пригодны для объяснения причины медиумических звуков, что в них нет ни самообмана, ни обмана и затем, что спиритическая гипотеза состоятельна, фактам удовлетворяет — ничему известному не противоречит, составляет шаг познания вперед. Так должно было бы идти спиритам, если бы они желали следовать по пути действительного научного прогресса. А они взяли путь, каким распространяются суеверия: «Поверь, я говорю не лживо. Не думай, а признавай — остальное придет само; истина прекрасна. Не мечтай о себе много — ты еще ничего не знаешь». Этот кодекс слышали люди и прежде, услышат и еще не раз. Он чужд науке. Она не рвется к тому, чтобы ее признали. К ней идут, ее ищут — она ни в ком не нуждается. Ее адепты — люди со всеми их свойствами, а она, хоть и их дело — чужда людских пороков, не гонится за признанием. «Не верите — ваше это дело, у меня есть свое поле, придет время — узнаете и сами. Затворитесь — я пройду. Мне не надо ни мучеников, ни апостолов. Только размышляйте, не живите как растения». — Вот что гласит наука. И этого — держится масса ученых. Тут есть еще следы затворничества. От этого-то

и мало популяризации истинной науки. Уверен, что дело со временем изменится, но это будет еще не скоро, многое до того изменится — раньше, много до той поры должно пропасть суеверий.

Итак, современная наука отвергла гипотезу духов не потому, что боится ее, не из-за ее бойкости, а от того, что спириты хоть и ставят ее, но ничем не доказывают, не связывают с готовым уже запасом знаний, стройность развития которых такова, что лозунгом наук стало понятие о единстве сил природы.

Прямо противоположна гипотезе спиритов *гипотеза обмана*, по которой причиной спиритических явлений служит обман, производимый медиумами в сеансах. Сами спириты помогают распространению этой гипотезы, потому что окружают медиума мистической обстановкой: темнотою, полутьмою, удаляют, когда вздумается, наблюдателей, в особенности не доверяющих спиритизму, — считают спиритические явления капризными, редкими, трудно уловимыми, так сказать духовными. Ученый любит капризные явления, редкости — уники. Он стремится проникнуть в их тайну и бережно до поры до времени сам блюдет ее, ревниво закрывает от других, пока не добьется ее раскрытия.⁸

По гипотезе обмана объясняли стуки рядом, спрятанным под платьем медиума, или движением, нарочно производимым каким-либо другим образом, например трением рук о прикасающиеся предметы или движением стула или стола по полу и т. п. Это кажется иным очень пошлым, чересчур обыденным, оттого ненаучным. Надо заметить, однако, что наука не прихотлива — ничем не брезгует. Снятие фотографических портретов с духов умерших объяснилось подлогом, производимым фотографом, снимающим на одну пластинку двукратные изображения. Звон колокольчика, появление рук и целых человеческих фигур, по этой гипотезе, есть дело такой же ловкости, какую отличаются фокусы и тому подобные магические представления. Существование этой гипотезы основывается на множестве общеизвестных фактов, когда спиритические медиумы были изловлены в обмане. Известны, вероятно, вам многие процессы, в которых обман медиумов был изобличен на суде.

Гипотеза обмана выводит из себя спиритов; они говорят: «Да, мы видим, мы свиде-

тельствуют, что обмана нет, мы сами следим за медиумами, мы также не упускаем из виду возможности обмана; но его нет в тех медиумических явлениях, которые мы описываем, хотя обман и возможен в сеансах». Просят обыкновенно указать — да как же делается то-то и то-то? Требуют на то доказательств. Забывая, что сами должны доказывать, — они становятся обвинителями. Те же из спиритов, которые действовали на каком-либо ученом поприще, обыкновенно при этом прибавляют: «Ведь верите же вы тому, что я открыл то-то и то-то, хотя сами этого не поверяли; отчего же вы не верите тому, что я утверждаю на этот раз?» При этом смешивается признание факта и объяснение, ему придаваемое. Факт может быть совершенно верен, т. е. стуки могут быть, стол может качаться и подниматься, и это спирит, верящий духам, рассказывает совершенно точно; но из этого, однако, вовсе не следует, чтобы верно было и то его заключение, что обмана нет, что спиритические явления составляют научную новость. Утверждают, что обманывает медиум стучащий, медиум-фотограф или братья Эдди или Уильямс, а не те ученые, которые описывают виденное. Эти только не видят обмана. Требуют доверия к умозаключению, а выставляется на вид недоверие к свидетельству чувств. В среде ученых есть обычай вовсе не говорить об обмане — и этот обычай блюдется строго. Ведь наука — поприще свободное, ведь никто не толкает на него, зачем же обманывать или подозревать обман в свободном деятеле. Но бывает и здесь обман. Однако ученые сами были чаще всего жертвами обмана, и никто этого им в порок не ставит и ставить не должен. Медиумов между учеными никого неизвестно. Неужели и на медиумов перенести привилегию ученых?

Допускают гипотезу обмана чаще всего только потому, что она проста, и к обстановке спиритизма совершенно подходит, не требует натяжек, словом, естественна.

Спириты приводят два возражения против гипотезы обмана. Это — личный опыт и существование медиумов, которые за сеансы денег не берут. О личных опытах много писано. Есть показания совершенно достоверные, но тогда знания — что столы двигались, да слышны стуки, а это за спиритизм не говорит, ведь каждый может то же сделать; другое же подходит под шестую гипотезу, о которой

дальше. Что же касается до вольнопрактикующих медиумов, то вспомните только лиц, каждому из вас известных, которые любят лечиться, с апломбом спорят подчас с медиками; есть истинные любители лганья, есть ведь и такие, которые если чему-нибудь поверили, так поверят уж нацело, всей натурой, так отчего же не стать и медиумом? А главное то: разве не лестно быть посредником между сим и тем миром? Читайте, кроме того, Диксона — он умеет все это рассказать. В его сочинении «Духовные жены» дело спиритизма и тому подобных суеверий написано в образах. Тут они-то и нужны, в них виднее правдивость доказательств, будто бы отвергающих гипотезу обмана.

Как бы для противовеса двум общим доказательствам, часто приводимым спиритами противу гипотезы обмана, можно привести для ее подтверждения два общих соображения. Во-первых, замечательна *безвредность медиумических опытов* для испытывающих медиумическую силу, для зрителей. Исследование незримых сил природы, а тем паче производимое людьми малосведущими, весьма часто приводило к неудобствам, несчастьям и т. п. Ведь силы природы лишены людской деликатности, осторожности: медикам часто достается терпеть от больных, сколько знаменитых химиков — об одном глазе, сколько пострадало и сильнее. От громовых искр, от взрывов при опытах — погубило немало жертв науки. На представлениях фокусников этого не бывает. Не слышно этого и про медиумические сеансы. А дело здесь, говорят, идет о духах. Они вдруг оказываются такими же деликатными, как и живые люди; они как будто боятся привлечь суд, публику, полицию. В самом деле, на медиумических сеансах дело делается прилично, осторожно. Вынут платок, дернут его, возьмут кольцо и возвратят, материя, говорят, творится — дарят ее, но не пропадает, не рвется; слышны удары, но не очень громкие, а когда в сеансе дамы, тогда не гадают о числе прожитых лет. Да и совершается-то все на сеансах ожидаемое, редко бывают сюрпризы. Не таковы неведомые силы природы, они не деликатничают с дамой, действуют нежданно.

Другим общим соображением, подтверждающим тождество медиумов с фокусниками, служит *специальность* медиумов. Там и тут нужно определенное лицо, знающее не-

что в совершенстве. У иного медиума дело делается пред занавеской, и из-за нее вылетает колокольчик, у других этого не выходит, а для убеждения в правдивости требуется темнота и связывание, третьи искусились над подбрасыванием столов незаметным образом, четвертые умеют незаметно брызгать слюнями. Точь в точь, как иные фокусники показывают опыты с картами и голубями, другие с монетами и шляпами и т. д. Да не будет это сравнение в обиду господ фокусников. Они, впрочем, поняли, что спиритические медиумы их соперники, могущие с гипотезой о духах отвлекать от истинных, честных фокусников их зрителей, и потому всюду ведут открытую войну с медиумами, сами показывают все, что выделывают медиумы. У иных, например, отлично столы подбрасываются, просто летают неведомо как. Но, кажется, что фокусники не дошли еще до всего, — и это их сердит.⁹

Очень характерно, что одна дама, забыл только имя, — слышал в Англии, — сперва показывала фокусы, а потом стала медиумом. Спириты не только ей верят, они даже говорят по этому поводу, что есть много фокусников, которые все делают медиумическими силами, только это скрывают, зная всеобщее предубеждение против медиумизма.

Для гипотез органической, механической и магнитной нет точных научных доказательств, есть, однако, возможность; для гипотезы обмана — есть доказательства юридические, одни возможно точные здесь. Для гипотезы спиритов нет никаких доказательств, мало и для шестой гипотезы о *самообмане*, галлюцинации, экстазе верования, предвзятой идее и тому подобных понятиях. Согласно ей иных спиритических явлений нет вовсе, а они только кажутся тем, кто их ждет. Так, описывая сеанс с Юмом, Суворин пишет: «Дамы вообще любят преувеличивать вещи; холод, чувствуемый на поверхности рук, я приписываю чисто воображению, обману чувств, который в подобных сеансах, по моему мнению, играет весьма значительную роль. В этом всего легче было убедиться на моих соседках, из которых одна... постоянно бралась за лицо свое и говорила, что чувствует к нему прикосновение чьих-то пальцев». Эта гипотеза субъективна и при современных приемах науки не может быть обставлена надлежащими прямыми доказательствами, потому что, по сущности, представляет абст-

ракт, а мы еще не умеем доказывать их объективно.¹⁰

Скажите соседке Суворина, что ее никто не трогал. Она с полным правом будет утверждать противное. Она могла видеть того самого духа, который трогал ее, — другие только не видали, и вы ее ничем не уверите, что духа не было. Она, пожалуй, вас же будет еще жалеть, что ваша натура настолько груба, что духовного видеть не может.

На гипотезу самообмана могут с одинаковым правом опереться как те, которые признают спиритизм, так и те, которые его отвергают. Недавно Н. П. Вагнер утверждал, что нечто, виденное мною в медиумическом сеансе, было моею галлюцинацией, зависящею будто бы от предвзятой моей идеи на счет того, что медиумических явлений не существует. Оставаясь на подобном поле, легко впасть в тот род идей, по которому внешнего мира не существует, он только представляется нашему уму. Замечу, однако, что гипотеза самообмана почти не имеет веса при наблюдении данного явления сразу многими наблюдателями, а особенно при наблюдении с помощью приборов, которые, преобразуя известное явление, дают некоторое другое, оставляющее след.

Естествоиспытатели стараются всегда обставить свои наблюдения и опыты такими условиями, уменьшающими шанс самообмана. Я не стану более возвращаться к гипотезе самообмана. За нее есть авторитеты, но для практики изложения она неудобна. Одно *видоизменение* этой гипотезы, однако, может применяться. Предубеждение, экстаз, и это, несомненно, могут помрачить не глаза, а разум. Это может быть показано с очевидностью. Немало этому видим примеров в развитии спиритизма и у нас.¹¹

Итак, есть спиритические явления и шесть родов гипотез, их объясняющих. Хотя спириты тесно связали свою гипотезу с самым существованием спиритических фактов, утверждая, что видевшие спиритические явления не могут подыскать ничего лучше их объясняющего, чем гипотеза духов, однако, разбирая спиритизм вообще, должно ясно отличать факты от гипотез. Спиритическая гипотеза может быть совершенно неверною, а спиритические факты могут быть самостоятельны, не зависеть ни от обмана, ни от самообмана, происходить, например, от нервных

токов или согласно гипотезе органической или механической. Можно восставать, бороться против гипотезы, но мириться с фактами; но можно также быть спиритом по духу и не признавать спиритических фактов; есть и долго еще будут люди, верящие в чертей и отвергающие спиритические факты.

Отлично выставлено подобное положение вопроса о спиритизме г-ном Достоевским в его № 1 «Дневника». Когда же рассматривается спиритизм, с чьей бы ни было стороны, — нельзя избежать связи между фактами и их объяснением. Допустим, что все эти факты — обман или самообман, должно отвергнуть самые факты, как реальные. Допустим духов, способных принимать материальные формы, производить стук и другое движение материи (стола, колокольчика и т. п.), — должно исключить самообман и обман. Можно притом думать, что одни явления действительны, другие кажущиеся, третьи обманные, четвертые физические, что есть и органические и т. д. Констатировать факт как *медиумический*, не значит просто описать виденное и признать одну из четырех первых гипотез, а значит непременно отвергнуть две последние. Следовательно, рассматривая спиритизм, необходимо вступить в поле гипотез: одни отвергнуть, другие признать; иначе нет и рассмотрения.

Предлагая в мае прошлого года в Физическом обществе учреждение Комиссии для рассмотрения спиритических явлений, я был проникнут этими последними мыслями. Желание комиссии при учреждении состояло именно в том, чтобы *снять со спиритизма путем исследования печать таинственности*, выделить, коли найдутся, между медиумическими явлениями не подложные, такие, которые достойны дальнейшего исследования ученых при современном состоянии науки. Первое подробное, со всеми мотивами, известие об учреждении комиссии дал в газетах Александр Николаевич Аксаков, напечатавший целиком мое заявление, сделанное в Физическом обществе. Двенадцать членов этого общества, образовавшие комиссию, не были спиритами ни со стороны фактической, ни со стороны гипотезы, т. е. фактов они не видели или видели мало, многие из них им казались подозрительными; в спиритическую же гипотезу никто не верил. Путь, который был избран комиссией для достижения своей

цели, состоял в том, что пригласили (на то было уже предварительное согласие) трех всем известных представителей у нас спиритизма, г-д Аксакова, Бутлерова и Вагнера, показать пред лицом комиссии те спиритические явления, которые они считают за несомненные.¹² Они рекомендовали обратиться к медиумам. А. Н. Аксаков обещал доставить таких лиц. Должно было думать, что в явлениях, которые будут производимы медиумами пред лицом комиссии, не будет подложных, не будет и тени возможности для подлога; что спириты сами позаботятся устранить всякий повод к допущению гипотезы обмана и самообмана; что они позаботятся облегчить расследование спиритических явлений, освещение их со всех сторон, нужное для рассмотрения. Мы собрались не *смотреть*, а *рассмотреть* медиумические явления, и эту цель свою выразили кратко в названии комиссии. Различие рассмотрения от простого смотра, конечно, каждому понятно.

В прошлой публичной лекции, бывшей в декабре 1875 г., я имел честь изложить результаты четырех сеансов с медиумами Петти, привезенными г-ном Аксаковым из Нью-Кэстля. В их присутствии происходили так называемые медиумические явления. Напрасно думаю многие, что явлений, называемых медиумическими, совсем не было; правда, что они неоднократно, против ожиданий, не совершались; но были случаи, что они и происходили: вылетел колокольчик из-за занавески, было слышно шуршание как бы по бумаге, и медиум прямо говорил, что это дело духов, какого-то Чико, присутствующего около медиумов, Уильяма и Джозефа; было перемещение клетки, звон в ней колокольчика; являлись капли на бумаге, положенной на стол перед медиумом, утверждавшим, что эти капли произведены не им, что это есть медиумическое явление — значит материализация. Явления эти, по свидетельству наших спиритов, повторялись не только у нас, но и у них в домашних сеансах и составляют пример медиумических, достойных изучения.

Из всего виденного комиссией у братьев Петти не оказалось, однако, при рассмотрении ни одного факта, требующего для своего объяснения какой-либо из вышеприведенных четырех первых гипотез.

Представьте себе положение людей, которым обещают показать нечто новое, интерес-

1876

144 Материалы для суждения о спиритизме
1876

1014/1

спиритический свет, а
даже и трагический как...
факт. Обществу. Тут я много действовал...
этим...
как...
лекции 15 д. 1875 и 24 и 25 апр
1876, особенно в последней. Противу
профессорского авторитета --
следовало действовать профессорам же. Результат должный: бросили спиритизм. Не каюсь, хлопотал много.

Копия из рукописи Д. И. Менделеева «Материалы для суждения о спиритизме». 1876 г.

«...Я решился бороться против суеверия... Тут я много действовал... Мое хорошо высказано в публич[ных] лекциях 15 декабря 1875 [г.] и 24 и 25 апр[еля] 1876 г., особенно в последней. Противу профессорского авторитета — следовало действовать профессорам же. Результат должный: бросили спиритизм[.]. Не каюсь, хлопотал много».

ное, положим, хоть медиумический свет, а показывают зажженную свечу и говорят: «Да это-то и есть то, что мы считаем новым, достойным изучения, особого внимания». Все до одного так называемые спиритические факты у Петти оказались притом делом не хитрым, потому что самые простые меры, принятые на первый раз комиссиею, изобличили природу каждого из фактов, считаемых за медиумические. Не стану повторять того, что сообщил в прошлом публичном чтении, и прямо скажу, что братья Петти оправдали пятую гипотезу и признаны были комиссиею обманщиками.

Поджигателя не видели с факелом в руках, а поджигателем признали. Таков суд современности, приговор — дело совести.

Но это не должно было бросить тени на остальных медиумов; остальные могли быть совершенно свободны от обмана. Медиумов братьев Петти должно было признать обманщиками, но из этого не следовало, что и все медиумы таковы; подобно тому, как в каждом сословии, в каждой профессии есть честные люди и обманщики. Одно только надо было признать, сверх пятой гипотезы, что наши спириты очевидный обман не видят. Они не стремились облегчить дело разъяснения, а требовали сеансов или в совершенной темноте, или в полутьме, требовали завода музыкального ящика, звуки которого мешали уху руководить наблюдателей в темноте; они прямо выставляли, как доказательства действительного существования спиритических явлений, производимых братьями Петти, такие как бы научные факты, которые этого характера вовсе не имеют; так, например, за доказательство того, что капли, являющиеся перед одним из братьев Петти, не образваны слюною этого последнего, они выставили то обстоятельство, что под микроскопом в этих каплях не оказалось слюнных телец, как будто бы слюнные тельца составляют всегдашнюю принадлежность выделений слюнных желез. Мало того, вскоре после моего декабрьского публичного чтения, в котором я старался воздержаться от всякого личного суждения, читал протоколы, они перешли к обвинению всей комиссии в предвзятом предубеждении против медиумизма и на этом основании затем свой отказ в содействии. Дело превратилось из научного исследования, могущего привести к разъяснению, в борьбу убеждений. Не мы тому виною. Не мы начали дело порицания по газетам и журналам. Иль было молчать? Того хо-

Отто фон Герике. Гравюра XVII в.

тели и прямо говорили: «Ничего не видели, — ну и молчите». Не стану я здесь полемизировать — дело сложно и мало содержательно. Перейду к существу дальнейших дел комиссии. Однако для ясности сделаю некоторое отступление.

Представим себе, что некто явился бы с изобретением новой машины и стал бы утверждать про нее, что никакой затраты не только в денежном, но и в физическом смысле она не требует. Взялись бы иные ее исследовать и не заметили бы тех затрат, стали бы на сторону изобретателя и подняли бы курс утверждаемого. Но сколько бы таких лиц ни было, в науку не вошло бы утверждаемое изобретателем и его последователями, пока они этого не доказали бы чем-нибудь другим, кроме своих заверений, пока они не опровергли бы существующего в науке, не объяснили бы причины общего заблуждения. Это потому, что в науке твердо стоит, основанное на

множестве фактов, то представление, что работа не может образоваться иначе, как при затрате какого-либо другого рода движения, какой-либо другой работы, в физическом смысле. Но может быть утверждаемое наукой не верно? Ведь есть же прогресс в науке; есть же эпохи, когда признаются в науке за истину положения неверные. Таково ли или нет положение вопроса о сохранении сил, — это, наверное, решил бы спор между последователями изобретателя и теми, которые держатся обычного, утвердившегося в науке представления; первые были бы в одном лагере, вторые — в другом. Таков обычный путь научно-прогресса. В старину противники вели бы силлогистический спор, они только и делали бы, что упрекали бы друг друга в предубеждении, в предвзятой идее, в нелогичности ее хода, писали бы и все бы писали. Вот тогда-то, когда господствовал подобный прием в разборе явлений, тогда-то и жили твердо ложные учения и суеверия, не подвигалось научное знание вперед. Ныне же, вот лет уже 200, действуют иначе; предмет научного спора в науках стараются обследовать фактически: в истории — по документам, в филологии — по живым и мертвым языкам, в опытах науки — на опыте. При этом главная работа выпадает, конечно, на долю тех, кто утверждает нечто новое. Они всеми силами стремятся доказать утверждаемое на опыте тем, которые отвергают. Они вызывают, они рады испытанию, — к тому побуждает их сила убеждения. Проповедники новых идей относятся к недоверию с признательностью, потому что, если они убеждены в истине, они тем большую получают славу, когда покажут справедливость утверждаемого ими на опыте, пред лицом людей, не верящих новому открытию. И вот наши изобретатели предстают во всеоружии пред лицом людей, готовых видеть, но готовых и сомневаться. Изобретателя вызывали. Они заверяли. Им говорят: «Покажите». Согласились, стали показывать и сами видят, выходит неладно, ничего не показывается, и те, кто взялись смотреть, не видят ничего нового. Представьте же теперь далее, что изобретатель и все последователи его взяли бы, да и бросили все дело, сказали: не хочу, доберайтесь сами. Вот это и вышло затем в комиссии с нашими изобретателями новой системы научных мостов. Разве Отто Герике отказался бы от опыта, когда бы кто-либо

стал утверждать, что его два магдебургских полушария, из которых выкачан воздух, удерживаются между собою не воздушным движением, а при помощи подлога, хотя бы, например, склеивания. Он был необычайно рад этому: это предубеждение против возможности действия воздушного давления на полушария было для него чрезвычайно полезно; он с радостью встретил лиц, которые сомневались, ибо ему легко было доказать их ошибку и справедливость того, что он не склеивает полушарий, что не клей и ни другой какой-либо способ скрепления, а воздушное давление составляет силу, удерживающую магдебургские полушария друг с другом с такою крепостью, что потребовалось двадцать лошадей для того, чтобы разорвать два между собой сложенные, необыкновенно большие, им нарочно приготовленные полушария, из которых был выкачан воздух. Герике сделал свой опыт на площади — созвал всех смотреть.

Таким понимали мы и положение наших спиритов; им представился случай доказать пред лицом неверящих не только справедливость спиритических фактов, но и верность спиритической гипотезы. Мы думали, что спириты приготовили для нас что-либо разительное, несомненное, изгоняющее сомнение с очевидностью. Таковы были, в самом деле, и первые шаги спиритов в комиссии. Они охотно пошли на дело исследования. Они уже устранили Петти, медиумов, оказавшихся обманщиками, доставили затем следующего сильного медиума, обещали целый десяток, требовали много, много времени для наблюдений. Судите сами: вот что заявляет от 2 января 1876 г. Александр Николаевич Аксаков, извещая комиссию о прибытии нового медиума.

«Велись переговоры с одною частною особою, известною в лондонских кружках по своим медиумическим способностям. Эта особа есть та самая дама, с которою были произведены опыты Круксом, описанные им в его статьях и приведенные на с. 128 брошюры “Спиритизм и наука”: “Эта дама не медиум по профессии, она согласна, однако же, ради исследования, предложить свои услуги всякому человеку науки, мною (пишет Крукс) ей представленному”. Такой отзыв г-жа Клайер оправдала, — продолжает Акса-

ков, — изъявив согласие приехать сюда, чтобы предложить свои услуги комиссии».

Следовательно, Крукс ей рекомендовал поездку сюда. Далее г-н Аксаков пишет:

«Специальность г-жи Клайер составляют сеансы за столом при свете. Обычные явления при этом: движения стола и других предметов при прикосновении и без прикосновения, изменение тяжести предметов, стуки в столе, полу и других частях комнаты, а через них и весь ряд диалогических явлений. Медиумизм г-жи Клайер совершенно подходил, сколько я могу судить (пишет Аксаков) по личному опыту, для испытаний манометрического стола. Произведенный с нею Круксом опыт инструментального констатирования объективности звуковых медиумических явлений едва ли не первый, удавшийся в этом роде; имею основание думать, что Комиссия не упустит настоящий случай, чтобы повторить его».

Итак, дама, г-жа Клайер, явившаяся теперь как медиум перед комиссиею для показания медиумических явлений, не есть наемный, профессиональный медиум, а есть любительница истины, ради ее достижения прибывшая к нам из Англии. Ничего лучшего нельзя было ожидать. Мы не думали допускать дам, — но на этот раз приняли. Не могло и быть в мыслях, что здесь будет подлог; нельзя было и думать, что обстановка сеансов будет подобна той, какая была у братьев Петти. Надо было ожидать, как и пишет г-н Аксаков, что дело исследований с г-жою Клайер пойдет весьма легко и верно, что приборы могут быть применены как бесстрастные указатели. Комиссия и занялась приборами. Первое, что нужно было сделать в этом отношении, это исследовать природу тех движений стола, которые происходят в присутствии медиума. Для этой цели в комиссии устроено было уже несколько столов, предполагалось устройство и разных других. Таковы, например, стол манометрический и стол с косыми ножками или пирамидальный.

Манометрический стол имеет вид обыкновенного, небольшого ломберного стола на 4 прямых ножках; неподвижная, приделанная к ножкам, столешница у него имеется только по краям в виде двух узких полосок; между этими полосками кладется подвижная столешница, на которую предполагается помещать руки присутствующих. Между этою по-

движную часть столешницы, покрытую сукном, и столом нет прямого сообщения, а столешница давит, при помощи косых брусков, под нею прикрепленных, на резиновые трубки, наполненные жидкостью, так что всякое давление, производимое на подвижную часть столешницы, передается, прежде чем столу, жидкости, заключающейся в трубках. От этих резиновых трубок, принимающих давление, производимое на столешницу, идут тонкие резиновые же трубки к стеклянным трубкам, или манометрам. Помещенные в другой комнате или вообще вдали от стола манометры эти указывают меру и направление давления, прилагаемого к столешнице. В стеклянных трубках манометров находится та же жидкость, как и в резиновых трубках. Когда на столешницу давить, резиновые трубки сдавливаются, и жидкость в стеклянных манометрах поднимается, и чем больше давление, производимое на подвижную часть столешницы, тем больше перемещение жидкости. Резиновые трубки так расположены, что сжимаются и при прямом и при боковом давлении, и притом в последнем случае сжимаются различные трубки, смотря по тому, в которую сторону направляется давление. Если мы станем двигать стол за ножку или за краевую неподвижную часть столешницы, жидкость не будет нисколько перемещаться, но всякое, даже слабое, давление, произведенное на подвижную часть столешницы, отражается в манометрах значительным перемещением жидкости. При помощи этого манометрического стола можно было производить исследование над давлением рук присутствующих. Таким образом, положение и движение жидкости в манометрах дает меру приложенного давления и направление бокового давления. Чувствительность прибора видна из того, что каждому дыханию лица, сидящего за столом, отвечает заметное колебание жидкости.

С этим манометрическим столом можно было ожидать демонстрации и в пользу и против спиритизма. В пользу медиумизма могли служить, конечно, все те случаи скольжения стола по полу, при которых устранена возможность присутствующим касаться чего-либо другого, кроме подвижной части столешницы. Если в этом условии стол сдвинулся бы со своего места вбок и манометры не дали бы показания, или дали бы противополо-

жное тому, которое отвечает давлению рук, производящему движение стола, должно было бы признать существование некоторой другой причины, кроме мускульной силы, производящей столодвижение. Только такой опыт был бы против допущения особой медиумической силы, когда бы стол в медиумическом сеансе двинулся и манометры при этом дали некоторое показание, а затем если бы произвести такое же показание манометров искусственным давлением (гирями, пружинами, руками) на столешницу, и стол опять бы также двинулся, как в присутствии медиума. Значит, манометрический стол давал бесконечное число шансов за спиритизм и только один шанс против него.

Хотя спириты и утверждают, что из 8 лиц есть один медиум в большей или меньшей мере, я в своих предварительных опытах с манометрическим столом перепробовал 15 лиц, и ни при одном не произошло никакого движения, отвечающего спиритическим понятиям. Весьма было бы поучительно, если бы пред лицом комиссии с манометрическим столом, при надлежащих предосторожностях, совершилось бы движение, необъяснимое мускульным давлением. При устройстве манометрического стола была еще и та мысль, что должно исследовать преимущественно столодвижение, как тот род спиритических опытов, который чаще всего практикуется, легче всего воспроизводится и который объясняется, помимо спиритических представлений, прямым, хотя иногда и не произвольным, мускульным движением и давлением рук на столешницу. Следовательно, манометрический стол был устроен для того, чтобы показать, есть или нет повод объяснять, обычное в медиумических сеансах скольжение стола по полу чем-либо другим, кроме мускульного действия, сознательного или бессознательного,— это все равно. Идя понемногу, можно было надеяться дойти до чего-нибудь. Пришлось бы, может быть, дальше что-либо изменить в конструкции прибора, но на первый раз можно было и так ждать результатов за или против.

И вот сели раз в комиссии с г-жою Клайер за манометрический стол тотчас после того, как простой столик и скользил, и качался, и подскакивал. Это указывало на заряд медиумической силы. С нашим столом никаких движений не было. А потом — сколько раз ни

просили посидеть за манометрическим столом — все получали отказ: «Нет, станем сидеть за обыкновенным столиком», — говорили нам.

Взяли, наконец, свидетели-спириты стол к себе, говорят: «Попробуем дома, тогда сядем». Взяли, а там и отказались от всяких заседаний, говорят: «Вы подозреваете обман, а наш медиум выше подозрений». Мало того. Теперь пишут — манометрический стол у них качается, о том печатают. Да забывают, что он и не назначен для исследования качаний, подъемов и тому подобных медиумических явлений. Для этой цели был устроен другой стол, а именно стол с косыми, расходящимися в рознь ножками. Устроил его профессор Петров. Столешница его без закраины и прямо переходит в подстольник, наклоненный так, что между ним и столешницею образуется тупой угол, значит верх стола подобен дну ящика. В таком же направлении, как подстолье или обвязка к столешнице, идут и 4 ножки, так что получается стол пирамидальный, паукообразной формы. Ножкам придан такой уклон, что усилие рук, приложенное на столешницу, как бы оно велико ни было, не может заставить стол ни приподняться, ни наклониться. С обыкновенным столом это легко делается. Отсутствие закраины и наклонная форма подстольника делают сверх того невозможным намеренное или ненамеренное захватывание этого стола за край, а отдаленное положение ножек от лиц, сидящих перед столом, не позволяет незаметно подвести ногу сидящего под ножку стола. Такой стол с косыми ножками был, однако, настолько легкий, что его легко можно было качать рукой, взявшись за ножку стола; весь вес стола был не больше многих из тех столов, которые, по описаниям спиритов, приводятся в движение спиритическими силами в присутствии медиумов, а именно менее 11 кг. Следовательно, если бы существовала некоторая медиумическая сила, действующая иным образом, чем мускулы рук и ног медиума, то этот стол с косыми ножками мог бы качаться и подниматься. Если же столодвижение в медиумических сеансах есть результат давления рук и мускульных их движений, то и медиум не поднимет стола, держа руки на его поверхности. Однако скольжению этого стола по полу ничто не препятствовало. В этом отношении он равен обыкновенному

столу. Положивши руки на такой стол, легко заставить его двигаться по полу.

В три вечера не раз садилась г-жа Клайер за этот пирамидальный стол, стояла даже за ним. Он двигаться двигался по полу, но медиумических качаний и подъемов не выполнял. И надо было записывать в протоколы, что ползал стол этот по полу. И записано. Там и объяснений никаких не дано, а вам, конечно, и без них ясно, что движения по полу этого стола медиумической силы не показывают. «Да зачем же записывали?» — спросите вы. Да свидетели видели в этом спиритическую манифестацию и записи желали. Для них не подлежало сомнению, что мисс Клайер не двигала стола, что он скользил действием медиумической силы. Это записать было и полезно.

В том-то и дело, что стол — назначенный для изучения скольжения — не скользит, а стол, препятствующий поднятию, — не поднимается. Так и следовало быть в смысле гипотезы обмана. Когда брали стол, назначенный для чашки чаю или для подсвечника и который к медиумическим сеансам не подготовлен, — тот и скользит, и качается, и взлетает, — все делает. Подумаете вы, может быть, что устройство наших столов, качество их устраняло приложение к ним медиумической силы — ну не проводили они тока медиумического — что ли. Нет, это предположение не годится к делу. Стол манометрический не скользил, а пишут, что качался¹³, стол пирамидальный не качался, а скользил под руками медиума. Следовательно, медиумическая сила прилагаться могла.

Что же касается обыкновенного столика, тот не только скользил — это-то у каждого делается, — при доброй воле или от остатка, — тот и качался и взлетал. Качания — ничего против приложения мускульной силы, в пользу спиритизма, не говорят. Столики, подобные употребленным в наших сеансах, легко качать и от себя, и к себе, и набок. «Так зачем же брали такие?» — спросите, быть может, вы. Да, помилуйте, мы это-то все время и говорили и медиуму и его свидетелям; говорили: «Садитесь за приготовленные столы и другие приборы». — «Нет, — говорят они, — необходимо сидеть за простым столом, за приборы рано». Мы ждали. Аксаков и свой столик привез для этой цели. Столик как столик, на 4 ножках. Качать его можно. Он и качался, и требовали, чтобы все это точно было

записано в протоколы. И подниматься на всех ножках вверх — столы поднимались. Это как же? Да попробуйте, вытяните вашу ногу и поставьте на ее носок одну ножку стола, и руки положите на столешницу. И у вас тоже будут поднятия стола. «Да ведь ногу-то под ножкой стола видно, ведь так нельзя?» — подумаете. Нет, не будет видно, если кругом сидят, да еще около ножки юбка, да заставят приблизиться, а сбоку попросят не смотреть. «А зачем вы не смотрели, зачем не видели?» Нет, видели: подлинно своими глазами. Н. А. Гезехус видел ножку мисс Клайер под ножкой стола г-на Аксакова. Вот и все опыты с мисс Клайер.

Вам бы, скажете дальше, уж коли на то пошло, надобно было доказать подлинно. Подумайте сами и увидите, что возможность была, но были и трудности. Первое — дама с интересом к науке, для нас же из Англии и приехала; второе — да ведь и то пишут, что мы взяли на себя роль следователей, оно хоть и не обидно, а все же как-то неловко, потом, третье, — надо было найти подходящий случай. А тут-то и сказали нам, что мы пристрастны и подозреваем даму, что ее от нас берут, не хотят таких исследований спиритизма.

Тем и дело кончилось. Изобретатели моста отказались доказывать утверждаемое. Думайте, дескать, как знаете. Теперь, что бы там ни было, одного спириты сказать не могут, что их фактов боится наука, что от того-то никто и не хочет их изучать. Эта часть — покровственности — навсегда свалилась в Лету.¹⁴

После четырех заседаний Комиссии, в которых присутствовала г-жа Клайер, свидетели-спириты вначале приостановили, а затем и вовсе прекратили свое содействие комиссии и удалили медиума. Не стану вступать здесь в прения со свидетелями по поводу мотивов их отказов, не буду излагать и тех результатов, которых достигла комиссия, окончившая свои занятия вскоре после отказа свидетелей. Первого я не делаю потому, что не хочу утруждать вашего внимания всеми теми мелочами и силлогистическими построениями, на которых основываются отказы свидетелей. Второго же я не делаю по той причине, что в газете «Голос» вы, вероятно, уже читали заключительное заявление от комиссии, учрежденной для рассмотрения медиумических явлений; оно появилось в № 85, от 25 марта. Заключительные слова

нашего приговора вы, может быть, и помните: «*Спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие*». Все мельчайшие подробности дела, т. е. протоколы и их приложения, вы узнаете затем из книги, которая уже печатается и скоро выйдет. Там будут и заметки на заявления г-д свидетелей-спиритов, которые поместили уже в газетах мотивы своих отказов и кой-какие другие статьи. Зачем мне нарушать интерес книги, тем более что выручка с нее пойдет на устройство аэростата, назначенного для изучения метеорологических явлений верхних слоев атмосферы.

Вместо этого я хочу обратить ваше внимание на то, как отнеслась наша литература к спиритическому движению.

Кажется, не было ни одного органа литературы, который бы не отозвался, так или иначе, о спиритизме. В массе взятая, вся литература в совокупности была против спиритизма; да оно и понятно, потому что между литературой и наукой, по существу, нет различия; истине служат с одинаковым правом и искусство, и наука, и литература, и суд, и школа, хотя для того средства и приемы у них различны. Но при этом однообразии общего направления проявились в литературе и характерные особенности, — я не хочу говорить здесь о тех немногих, почти единичных литературных заявлениях, которые были прямо в пользу спиритизма; мне хочется только сказать о том оттенке, изменении, которое легко заметить в суждениях многих литераторов о спиритизме, изменении, происшедшем в самое последнее время.

Когда явился в Петербург Юм, к нему отнеслись с одной насмешкой; над спиритическими сеансами шутили, думали, что это просто забава и больше ничего. Тогда еще не знали, что спиритизму сочувствуют у нас и некоторые ученые. Когда же узнали, что за спиритизм профессора — Бутлеров и затем Вагнер, оттенок мнений переменился. Имя г-на Бутлерова пользуется заслуженною доброю известностью не только в небольшом кружке русских ученых, но и среди ученых всего мира, потому что его труды получили обширную известность вследствие их отчетливости и ясного, совершенно определенно и передового направления. В литературе стали появляться тогда отзывы, носящие пе-

реходный характер, оттенок сомнения, вопросы. Достаточно упомянуть в этом отношении талантливый фельетон г-на Суворина, или «Незнакомца», в «С.-Петербургских ведомостях» за 1872 г.; он появился и в его «Очерках и картинах», во 2-м томе. Суворин видит, что многие явления, признаваемые спиритами, происходят от самообмана, он подсмеивается над спиритами, говорит, что в спиритизме видит «залог тишины и спокойствия», но ничего определенного о спиритизме не высказывает, перед ученым мнением — молчит, он следует приглашению и просто-напросто констатирует факты и никакого о них твердого мнения не высказывает. Этого-то и желали бы спириты; им хочется, чтоб факты были констатированы, а что из этого вытечет, то подскажет затем няня, то готово у всякого: не отрицайте только фактов, а остальное — придет. Это увидели в фельетоне Суворина и неоднократно ставили ему в упрек. Вот он недавно взял издание «Нового времени», и как будто бы в ответ на справедливость упрека, в № от 1 марта появилась там статья «Спиритические подвиги», где констатируются спиритические факты без всякого к ним дальнейшего объяснения, кроме разве следующей прибавки редакции: «Мы оставляем за собою полную свободу мнений о спиритизме, распространение которого объясняем, прежде всего, отсутствием в обществе более живых и серьезных интересов». Это относится к 1 марта. Почитайте же теперь в том же «Новом времени», в № от 13 апреля, что приведено вслед за выпиской из статьи г-на Вагнера; там сказано: «Мы остаемся (да, так и написано «остаемся») при убеждении, что исследовать нужно не медиумические явления, а тех, кому эти явления представляются, и в особенности тех, кому они кажутся «мировыми вопросами»».

В промежуток времени от 1 марта до 13 апреля явилось заявление комиссии для рассмотрения медиумических явлений.

Г-н Достоевский в своем талантливом «Дневнике писателя», в январском номере, посвятил спиритизму несколько страниц и, подобно тому, как г-н Суворин в своем первом фельетоне, проходится на счет спиритизма, только берет дело поглубже, но все же с оттенком неуверенности. Так, например, на с. 29 он пишет: «Умный и достойный всякого постороннего уважения человек стоит, хмурит лоб и долго добивается: „Что же это та-

В. Г. Перов. Портрет писателя Федора Михайловича Достоевского. 1872 г.

кое?» Наконец машет рукой и уж готов отойти, но в публике хохот пуше и дело расширяется так, что адепт поневоле остается из самолюбия».

Г-н Достоевский кладет на спиритизм отпечаток чертовщины; но оттенок сомнения и у него остается. Это было в феврале. Читайте теперь мартовский номер его «Дневника», появившийся к апрелю, где также говорится о спиритизме. Здесь вы не видите и тени сомнения; в первых строках написано: «Наш возникающий спиритизм, по-моему, грозит в будущем чрезвычайно опасным и скверным обособлением».

И здесь ясно, что труды комиссии оказали свое влияние на мнение литератора о спиритизме, хотя г-н Достоевский, как и многие другие, не очень сочувствует трудам комиссии, видит их недостатки и старается их выставить. За это ему можно бы сказать спасибо, если бы у него было поменьше «обособлений».

То же самое проявляется у г-на Боборыкина. Прочитайте его воскресный фельетон от 21 декабря 1875 г. В нем пишется о нападках

отовсюду и из ученого мира на г-д Вагнера и Бутлерова, указывается на личности, проявившиеся в отношении к ним, на то, что г-н Боборыкин нигде не видит вражды между наукой и спиритическим учением; что противники медиумического направления стремятся поскорее заручиться настроением публики, что это прием не научный. Кстати сказать, он забыл должно быть про то, когда явились статьи Вагнера и Бутлерова. Словом, у г-на Боборыкина проявляется с ясностью беспристрастие к спиритизму и колкое отношение к противникам спиритизма. Вы, вероятно, читали затем, в последнее время, три статьи г-на Боборыкина в той же газете, озаглавленные «Ни назад — ни вперед», где ведется рассказ о сеансах с г-жою Клайер, о спиритизме вообще, о его литературе и пр. Теперь уже все сводится к сомнительности спиритических явлений и к ненаучности занятий спиритизмом. Переворот в литературном мнении и здесь очевиден. Но особенно он ясен в заключительных словах третьей статьи Боборыкина (30 марта 1876 г., «С.-Петербургские ведомости»). В ней говорится и о приговоре комиссии. Приводя ее слова: «Спиритическое учение есть суеверие», Боборыкин восклицает: «Мы это и без нее знали!!»

Попала весть о комиссии и за границу, благодаря «*Journal de St.-Petersbourg*» (30 марта). Там взглянули уже чересчур благоприятно на возможные плоды трудов комиссии.

Так, например, хроникер парижской газеты «*Le Temps*» (18 апреля 1876 г., н. ст.) сомневается даже в жизненности спиритизма, думает, что не поправится он от нанесенного удара. Это сказано чересчур. Что за дело суеверию до рассмотрения? Кто за него, явно там или тайно, — того не убеждает ничто. Мы думали, составляя наш отчет, о тех только, кто шатался, а поднимать мы не умеем.

А спириты, видно, поняли влияние литературы на судьбу их вопроса, заботились о том, чтобы у литераторов составилось личное мнение о спиритизме. Г-н Лесков в «Гражданине» от 29 февраля описывает, что его, г-на Боборыкина и г-на Достоевского пригласили к г-ну Аксакову для сеанса с г-жою Клайер. Раньше звали и многих других — пишущих. Лесков описывает этот сеанс, констатируя факты так, как это именно и желательно спиритам.

После того как комиссия заявила о результатах своих занятий с медиумами, — это она

раз только и сделала — нигде еще не встретилось ничего подобного. Конечно, с 25 марта по сие время прошел только месяц, и медиум г-жа Клайер уже уехала, констатировать новых фактов, значит, не приходится, но тем не менее сомнение можно было бы заявить с большою и полною свободою. Писал, правда, г-н Вагнер, да что-то это не действует. Сомнения в результатах комиссии нет. Пусть осуждают комиссию, но ей верят. Через затворенные двери, помимо симпатий, истина взяла свое; и не заметили, как проникла она, как будто бы сами придумали то, что говорят.

Так, спокойно, но верно добывается правда. И доверие должно было родиться. Всякий поймет, что 12 членов комиссии не имели ровно никакого интереса ни скрывать медиумических фактов, ни составлять о них неосновательное мнение. Вот здесь-то и проявляется целесообразность учреждения комиссии. Внимание к спиритизму обязано участию в нем двух профессоров, двух ученых, имена которых русская литература знает и справедливо уважает. Комиссия учредилась для того, чтобы вместо обаяния имен действовать убеждением, очевидностью, рассмотрением медиумических явлений.

Если бы в комиссии произошли подлинные медиумические явления, их, конечно, выставили бы на вид¹⁵, но при этом постарались бы провести резкую границу между бездоказательною гипотезою о духах и естественными явлениями, так или иначе происходящими в присутствии медиумов. Если бы никакого из медиумических явлений не произошло в комиссии, — и это было бы уже гибелью спиритизма, в научном смысле, потому что в комиссии были медиумы, приглашенные самими спиритами. Но факты произошли, констатированы, только стало очевидно, что нет ей одного факта, из совершающихся в присутствии медиумов, требующего допущения новых неизвестных сил. Своим отказом спириты явно подкрепили справедливость наших заключений. Как они там ни станут поворачивать, дело-то всякий увидит.

Если бы некто стал утверждать, что в некотором общеизвестном растении находится — ну хоть хинин, многие, может быть, заинтересовались бы этим, ибо это было бы не лишено своего значения. Попробовали бы они добыть хинин из названного растения — не получили бы. Пригласили бы автора показать

действительность присутствия хинина в этом растении. И представьте себе, что он согласился бы показать, но при всем старании не мог бы добыть хинина из растения в присутствии посторонних лиц. Всякий имел бы право сказать, что автор ошибся, и он сам должен был бы в том, наконец, признаться. Просто — в том сосуде, который употреблял автор при своих первых исследованиях, мог быть хинин, этого он не замечал, нашел и обрадовался, оповестил. Тогда он говорил правду, и теперь должен бы сказать правду. Но, милостивые государи, если бы он ошибся насчет хинина, вы ведь не стали бы думать, что он везде ошибался; можно ошибиться в постановке некоторого вопроса, в некотором исследовании, и это ничуть не касается других исследований, других постановок вопроса.

Так и в отношении наших ученых спиритов к медиумизму, несомненно, видна ошибка суждения, которая, однако, ничуть не касается до остальной деятельности их как ученых. Крукс проявил талант, открыв талий, изобретя радиометр — это тот самый прибор, который вращается от падения на него лучей теплоты — его вы теперь повсюду видите в окнах оптических магазинов. Но Крукс нехорошо экспериментировал в пользу спиритизма; он неудовлетворительно объяснил свой радиометр, полагая, что вращение происходит прямо от действия лучей. Это ему показали. Ведь у Ньютона были ошибки.

При учреждении комиссии для рассмотрения медиумических явлений можно было думать, благодаря свидетельству ученых, что между множеством вздора, рассказываемого спиритами, есть там нечто своеобразное, особенное, достойное научного изучения, ну хоть бы нечто подобное той животной-магнетической жидкости, которую допускает Шевиллар, истекающей из пальцев медиума, когда происходят медиумические стуки. Ныне, я думаю, что ничего такого там нет. Тем не менее не отрицаю, что есть научный интерес в исследовании спиритизма только не для физиков, а для психиатров, которые уже стали вникать в то нервное состояние «транса», в которое впадают медиумы. И я думаю — они найдут средства, если займутся делом, отличить притворный транс от болезненного. Им будут интересны и те произвольные движения, которые играют огромную роль в так называемых спиритических сеансах,

происходящих без медиумов, в домашних кружках, где двигаются столы, где ножка стола стучит и выстукивает буквы и ответы на предлагаемые вопросы. Найдут, может быть, иные некоторый научный интерес даже в том, подобном мании, отношении, которое проявляется у спиритов при обсуждении спиритизма.

Вы знаете, конечно, что существует уже целое учение о невменяемости многих человеческих действий, совершаемых под влиянием бессознательных впечатлений, ведущих иногда к действиям вредным. Невменяемость проповедуют часто, руководясь добытыми в психиатрии сведениями о мономании. Признаки чего-то подобного часто встречаются у людей науки. Они замечаются и у спиритов. Приведу один пример. В сеансах 25 и 27 ноября с г-жою Клайер за небольшим квадратным столом, доставленным г-ном Аксаковым, несколько раз этот столик наклонился от медиума в противоположную сторону, когда руки медиума лежали плашмя на столе и когда другие лица, сидящие за столом, движения стола не производили. А. Н. Аксаков в своих частных заявлениях, поданных в комиссию, с особенною силою налегает на то обстоятельство, что комиссия не занесла в протоколы такого рода движений, замеченных ею, потому что он считает такие движения «невозможными» при обычных условиях, т. е. полагает, что нельзя наклонить столика от себя, держа руки на столешнице ближе ее середины. Но что чрезвычайно легко делается в действительности; просто, севши за стол и положив на него руки, всякому можно необычайно легко наклонить такой столик от себя; это я проделывал множество раз, и еще недавно, со столиком г-на Аксакова.

Вероятно, он сам даже не попробовал этого, и только вследствие того ему кажется такой факт сколько-нибудь говорящим в пользу медиумизма г-жи Клайер, а потому в том обстоятельстве, что во всех протоколах комиссии о направлении качаний стола не говорится особо, ему чудится пристрастное действие комиссии. А она записала и подъямы все счетом. На качанья же столика Аксакова не обратила особого внимания; просто сказано: качался — можно ли было думать, что и их сочтут за спиритическую манифестацию? Отчего же тогда не счесть за нее ну хоть чихание? Если б в качаниях столика видеть

присутствие силы спиритов, то мы все — медиумы, потому что, держа руки на столе, можем качать столик г-на Аксакова во все стороны. Доказать это публично я готов на таких условиях: сбор — в пользу герцеговинцев, и если я не наклоню стол, как г-жа Клайер наклоняла в комиссии, то обяжусь ничего не печатать ни за, ни против медиумизма после того, как издам отчеты комиссии. Если же я наклоню, то требую от А. Н. Аксакова, чтоб он затем не печатал, ну хоть два-три года, ничего ни за, ни против¹⁶ спиритизма.

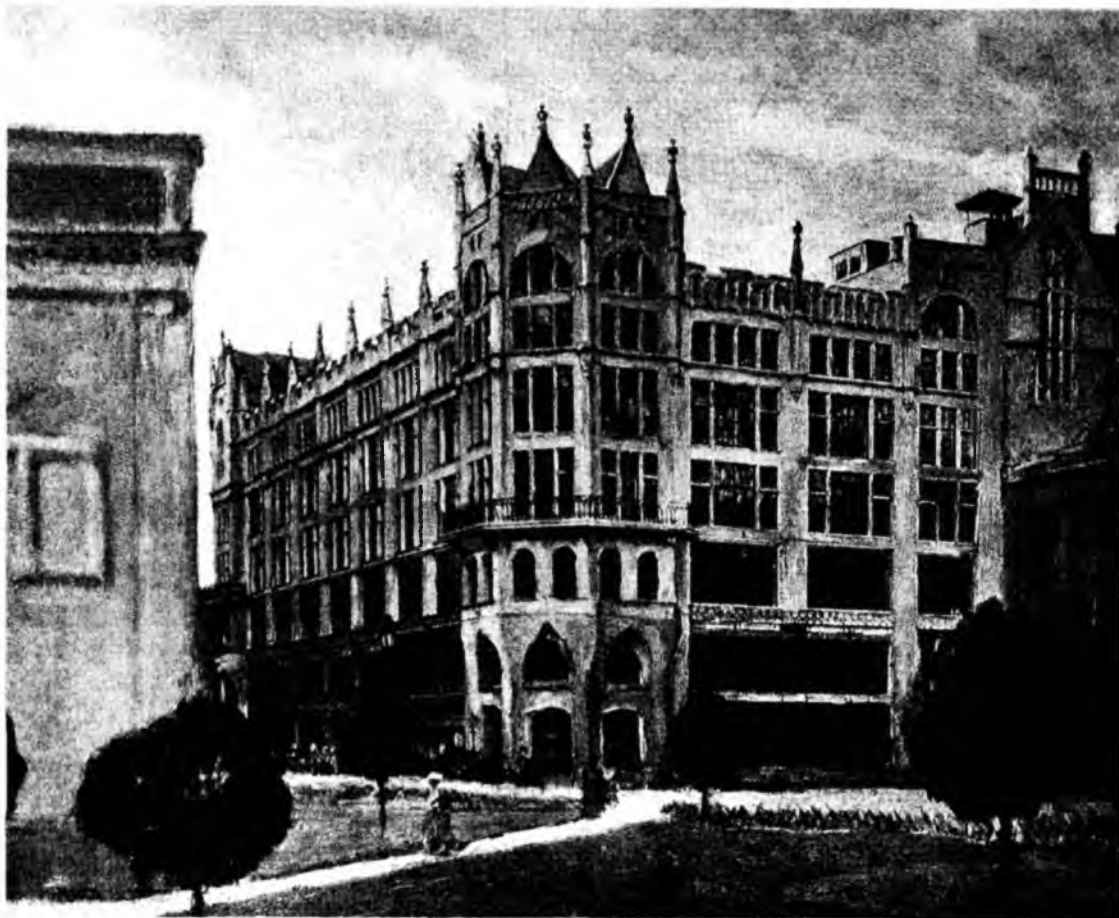
Планшетка для спиритических сеансов

Чтобы затем уяснить дальнейшее отношение науки к спиритизму, замечу прежде всего, что различие мнений о спиритизме не должно и даже не может служить поводом к научной полемике, подобно тому, как нет нужды вступать в полемику с д-ром Шепфером по поводу его лекции, читанной в Берлине и озаглавленной в русском переводе так: «Окончательные выводы науки: земля неподвижна». Шепфер, конечно, действует во имя успехов науки. А те, кто не возражает ему, а возражать могут, молчат по той же причине. Шепферу кажется неудовлетворительным существующее объяснение опытов Фуко, качаний маятника в воздухе и сжатия земли у полюсов. Для объяснения последнего он говорит, что на экваторе теплее, а у полюсов холоднее; он пишет далее: «...так как солнечный свет чрезвычайно ярок, то и размеры солнца должны казаться неизменными по величине на необычайно далеком расстоянии, и может быть, что солнце в действительности

немногим разве больше того, как оно представляется нам вдали».

Люди науки привыкли с интересом читать творения, подобные произведению Шепфера. Подобное занятие составляет приятное развлечение и даже полезно, особенно для педагогов. И в мыслях ни у кого не будет обвинять или стеснять д-ра Шепфера. Он говорит свое по крайнему разумению, а остальных пред публикой не клеймит сразу — ретроградами и трусами. Те времена уже прошли, когда между приемами науки и суеверия не было никакого различия. Суеверие то бы не стерпело: «Молчи, — сказало бы, — нет логики» и тому подобное. Мой сотоварищ и друг П. Л. Чебышев отлично определяет научное значение исследований, говоря, что те из них имеют важное значение, которые попадут в элементарные курсы наук, в учебники, в руководства. Доводы Шепфера против движения земли, по крайней мере, теперь, скоро не попадут в учебники; не попадут туда и понятия спиритов.¹⁷ Но это не потому, что катехизис наук утвердился окончательно и не подлежит никакому дальнейшему изменению — всякий волен составлять какой угодно учебник, — а потому, что, при составлении руководства, нельзя обойти изложения важнейших доказательств; надо кратко и ясно выставить основные положения, нельзя только уличать, переливать из пустого в порожнее, необходимо опереться на что-нибудь прочное. А все незрелое тем и характеризуется, что не подлежит такого рода изложению. Таков и спиритизм.

Многие его адепты чрезвычайно часто заявляют, что они не держатся никаких гипотез для объяснения спиритических явлений, а тем более не имеют никаких теорий, объясняющих совокупность известного им, по отношению к спиритизму. Утверждая это, они отстаивают, однако, что есть некоторая новая сила, управляющая явлениями, называемыми спиритическими, что явления эти не объясняются известными поныне силами. Такое допущение может быть принято в науке только тогда, когда спиритами строго будет доказана для каждого спиритического явления невозможность его объяснения известными до сих пор силами и средствами; пока этого не сделано, в спиритизме нет существенного содержания для научного исследования, наука с пол-

Неизвестный художник. Торговый дом английского общества «Мюр и Мерилиз». 1910-е гг.

Биржа и Гостиный двор. Литография. Середина XIX в.

присутствие силы спиритов, то мы все — медиумы, потому что, держа руки на столе, можем качать столик г-на Аксакова во все стороны. Доказать это публично я готов на таких условиях: сбор — в пользу герцеговинцев, и если я не наклоню стол, как г-жа Клайер наклоняла в комиссии, то обяжусь ничего не печатать ни за, ни против медиумизма после того, как издам отчеты комиссии. Если же я наклоню, то требую от А. Н. Аксакова, чтоб он затем не печатал, ну хоть два-три года, ничего ни за, ни против¹⁶ спиритизма.

Планшетка для спиритических сеансов

Чтобы затем уяснить дальнейшее отношение науки к спиритизму, замечу прежде всего, что различие мнений о спиритизме не должно и даже не может служить поводом к научной полемике, подобно тому, как нет нужды вступать в полемику с д-ром Шепфером по поводу его лекции, читанной в Берлине и озаглавленной в русском переводе так: *«Окончательные выводы науки: земля неподвижна»*. Шепфер, конечно, действует во имя успехов науки. А те, кто не возражает ему, а возражать могут, молчат по той же причине. Шепферу кажется неудовлетворительным существующее объяснение опытов Фуко, качаний маятника в воздухе и сжатия земли у полюсов. Для объяснения последнего он говорит, что на экваторе теплее, а у полюсов холоднее; он пишет далее: «...так как солнечный свет чрезвычайно ярок, то и размеры солнца должны казаться неизменными по величине на необычайно далеком расстоянии, и может быть, что солнце в действительности

немногим разве больше того, как оно представляется нам вдаль».

Люди науки привыкли с интересом читать творения, подобные произведению Шепфера. Подобное занятие составляет приятное развлечение и даже полезно, особенно для педагогов. И в мыслях ни у кого не будет обвинять или стеснять д-ра Шепфера. Он говорит свое по крайнему разумению, а остальных пред публикой не клеймит сразу — ретроградами и трусами. Те времена уже прошли, когда между приемами науки и суеверия не было никакого различия. Суеверие то бы не стерпело: «Молчи,— сказало бы,— нет логики» и тому подобное. Мой сотоварищ и друг П. Л. Чебышев отлично определяет научное значение исследований, говоря, что те из них имеют важное значение, которые попадут в элементарные курсы наук, в учебники, в руководства. Доводы Шепфера против движения земли, по крайней мере, теперь, скоро не попадут в учебники; не попадут туда и понятия спиритов.¹⁷ Но это не потому, что катехизис наук утвердился окончательно и не подлежит никакому дальнейшему изменению — всякий волен составлять какой угодно учебник, — а потому, что, при составлении руководства, нельзя обойти изложения важнейших доказательств; надо кратко и ясно выставить основные положения, нельзя только уличать, переливать из пустого в порожнее, необходимо опереться на что-нибудь прочное. А все незрелое тем и характеризуется, что не подлежит такого рода изложению. Таков и спиритизм.

Многие его адепты чрезвычайно часто заявляют, что они не держатся никаких гипотез для объяснения спиритических явлений, а тем более не имеют никаких теорий, объясняющих совокупность известного им, по отношению к спиритизму. Утверждая это, они отстаивают, однако, что есть некоторая новая сила, управляющая явлениями, называемыми спиритическими, что явления эти не объясняются известными поныне силами. Такое допущение может быть принято в науке только тогда, когда спиритами строго будет доказана для каждого спиритического явления невозможность его объяснения известными до сих пор силами и средствами; пока этого не сделано, в спиритизме нет существенного содержания для научного исследования, наука с пол-

Неизвестный художник. Торговый дом английского общества «Мюр и Мерилиз». 1910-е гг.

Биржа и Гостиный двор. Литография. Середина XIX в.

Вид на Каланчевскую площадь и Николаевский вокзал.
Подцветенная литография по рисунку И. И. Шарлеманя. Середина XIX в.

Вокзалъ Балтійской желѣзной дороги.

ным правом станет не обращать никакого внимания на спиритизм.

В самом деле, помимо гипотез, вся литература спиритизма состоит из описания виденного и ничем не отличающегося от любого рассказа, в роде Габорио или Коллинза, насколько до науки не относящегося, да малой доли явлений медико-физиологического характера. Для того, чтобы это показать еще раз, я сделаю краткий обзор известным до сих пор спиритическим явлениям. Скажу, какими они мне представляются ныне.

Первое место между медиумическими явлениями занимает *столодвижение* и сходные с ним движения различных других предметов, когда к ним прикасаются руки медиумов.¹⁸ Спиритами ни разу не было доказано, что такого рода явления происходят не от толчков вольных или невольных, сообщаемых ногами и руками, не от колебаний, происходящих в предметах, до которых касаются, не от механических напряжений, зарождающихся в предмете от суммы механических же сил, сообщенных ему прикасающимися живыми существами. Люди, совершенно верящие точности описания столодвижений, многократно показали возможность произведения этих и им подобных движений при помощи приложения мускульных сил лиц, сидящих за столом. Фарадей, знаменитый английский физик, а за ним и много других лиц, придумали немало опытов, ясно доказывающих существование незаметных для глаза и совершенно бессознательных сотрясений, результаты которых проявляются в ясно видимых механических перемещениях.

Приведу один опыт подобного рода. Он удастся каждому и особых приспособлений не требует, легко повторяется. Возьмите линейку, лучше с острым металлическим краем или, вместо того, прямой нож, приготовьте затем проволоку, например разогнутую обыкновенную дамскую шпильку, и один ее конец загните крючком. Ребро линейки или ножа поверните вверх и надените на него приготовленный крючок, а затем, взяв линейку за концы в руки, уприте руки в стол так, чтобы линейка была параллельна столу и на таком расстоянии от него, чтобы нижний свободный конец нацепленной проволоки чуть-чуть, но непременно, упирался об гладкую поверхность стола, еще лучше — о стекло или тарелку. Проволочка будет двигаться сама со-

бою вдоль по линейке, и, как бы вы ни старались твердо держать линейку, движение будет; устанете — они усилятся, проволочка просто пробежит и все будет идти в одну сторону, хотя бы ей даже пришлось подниматься для того немного в гору.

Для спиритов это должно быть слабым медиумическим явлением, для иных последователей Шевиллара — истечением магнитной жидкости. Для вас, если вы вникнете в разбор явления — рассмотрите его, это будет преобразование мелких мускульных сокращений в заметное механическое движение. Так и капля долбит камень, так ударом песчинок делают гравюры, прорезают стекло и камни. В руках, в линейке, в крючке происходят поднятия и опускания для глаза незаметные, быстро следующие друг за другом. Глаз не успевает увидеть, а проволочка успеет упасть на сторону, когда линейка опустится. Вот вершина проволочки и подвинулась. А когда линейка поднимется на незаметную для глаза высоту кончик проволочки подвинется по тарелке или столу. Это повторяется часто, и вы видите один результат — проволочка движется по краю линейки. Опыт этот способен не только занять, но и разрушить страх, находящийся на многих при разговоре о спиритизме. Немало есть людей, которым страшно трогать спиритизм. Не боятся этого люди науки. Поглядите как просто и смело относятся к этим вопросам наши ученые — представители спиритизма. За это честь им и слава. Они верны тому лозунгу науки, который гласит: «Не бойся истины». Я понимаю, что они ее ищут.

Чрезвычайно близко к простому столодвижению стоит *столописание*, когда в столешницу стола или в его ножку вдевается карандаш, а под стол кладется бумага, на стол — руки и получают письма. Г-н Квитка, рассмотрев возможные движения стола в этих условиях, приходит к такому заключению, что самые разнообразные формы движений могут совершенно невольно сообщаться столу, и выражает в своей статье затем следующее: вот почему ножка стола, к которой прикреплен карандаш, описывает самые причудливые фигуры; «это подало повод лицам, занимающимся спиритизмом, видеть в начертанном нечто написанное, а при сильном желании и терпении можно в написанном видеть нечто желаемое, подобно тому

как люди, выливающие расплавленный воск в холодную воду, находят затем леса, горы и гусаров». У меня есть один номер армянской газеты «Мамул», присланный г-ном Азнавуром из Константинополя. Там описан сеанс г-на Азнавура и приложена фигура, нарисованная в течение его. Она отлично отвечает представлению г-на Квитка о природе карандашных спиритических манифестаций. Рисовал ее сам г-н Азнавур во время сеанса. По словам духа, беседовавшего с ним, Ксенофонта Антуана, фигура эта изображает жителя планеты «мужчин и женщин, движущейся между кругами Солнца и Меркурия» и называемой г-ном Азнавуром планетою «Изоле». Фигура та, на мой взгляд, больше напоминает обыкновенную утку.

О стуках речь была выше, и здесь я о них упоминаю только ради угадывания, которое спириты приписывают столу. Я был в домашнем сеансе у г-на Аксакова с мисс Клайер. Потребовали написать шесть имен и одно из них на особой бумажке, указывали поочередно на одно из 6 вписанных имен и при одном раздавался медиумический стук — говорили, стол угадает. У нас не угадывал. Я помнил заметку Гей-Люссака, который говорит, что особы, подобные медиумам, видят на лице состояние, наступающее при указании на записанное имя. Г-жа Клайер глаз не сводит с записавшего. Иногда, конечно, угадывание было, но, в нашем сеансе, из 7 раз, когда делалась проба, угадывание удалось только два, и оба раза не со мною. Попробуйте, и вы столько-то угадаете, а у иного может быть, и каждый раз будете угадывать. И это называют спиритическими опытами, манифестацией духов! Что же касается до ответа на то, что стучит у того и другого медиума, то я, сознаюсь, что общего ответа дать не могу. Думаю, однако, что его и дать нельзя без долгого ряда наблюдений — хотя бы ими позанимались спириты. Шевиллар тот сам дошел до того, что стуки у него происходят по воле, и говорит, что это капли животно-магнетической жидкости. А мне думается, не прямо ли это руки его скользят по столу и тем производят звук. Мне удавалось самому именно таким образом производить звуки, подобные медиумическим стукам. Я это показывал г-ну Аксакову, и по этому поводу раз вышло следующее. Петти, старший медиум, сел на диван, пригласили и меня, — говорят, мне постучат, потребовали

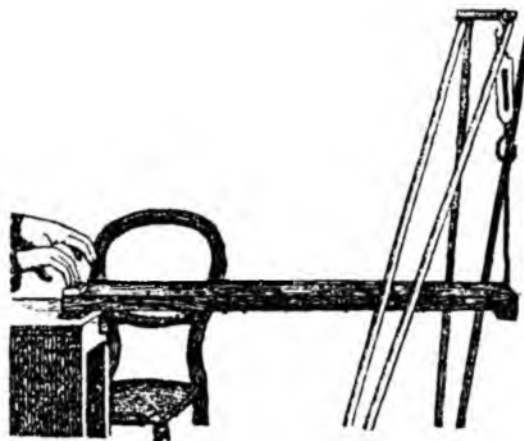
положить руку на столик, и медиум положил. Стуки раздались. В комнате был г-н Аксаков, и он стал меня серьезно просить не шалить, стуков не делать. А я и не стучал на сей раз. С тем и ушли из комнаты, говорят, что всё я забавляюсь. А мальчик Петти, по-русски не понимавший, так, кажется, и не разобрал — отчего это, затем тотчас и прекратили сеанс, устроенный для моего личного назидания. Если Петти соловью подражает, отчего же Клайер не подражать ударам по стеклу?

Далее следует *летание* стола, т. е. его подъем от полу, при прикасании к нему сидящих за ним. В объяснении этого явления, по словам спиритов редкого, многие допускают самообман, зависящий от недостатков органа зрения и от быстроты возможных движений. Глаз может замечать только движения, совершающиеся с некоторою медленностью — летящая пуля не видна. Можно предположить, что подъем стола совершается от сложения колебаний, наставших в столе или в полу и производимых вследствие толчков, делаемых руками присутствующих. Предполагают далее, что, придя в быстрое колебание, ножки стола то касаются пола, то отпрыгивают от него. Я сам думал вначале нечто подобное, делал и подходящие опыты. Будучи затем неоднократно свидетелем поднятий стола, ныне я ничего подобного не полагаю, а уверен, что в медиумических сеансах стол просто поднимают, подобно тому, как поднимают его при переноске мебели, только делают это незаметно, с ловкостью, примеры которой всякий из нас знает во многих приемах акробатов и которую я лично признаю в большом развитии у некоторых виденных мною медиумов. Мне не известно ни одного из случаев, описанных с некоторою подробностью, где бы нельзя было допустить возможности незаметного, может быть исчезающего от глаза по быстроте, подбрасывания стола медиумом при том медиумическом явлении, которое называют подъемом стола. Вы видели, конечно, некоторых фокусников, так быстро совершающих свои приемы, что движения их исчезают от ваших глаз по быстроте, с которою они производятся. Можно допустить, что и при подъемах стола медиумы совершают такого же рода движения. Охотно допускаю даже, что они делают это произвольно, в особенности впадая в то бессознательное состояние, которое называется трансом; тог-

да они делают, сами не зная что, с некоторою целесообразностью, привычкой и ловкостью, не производя обмана.

Потом цитируют наблюдения спиритов с приборами, например, *над уменьшением веса и над колебанием перепонки*, происходящими в присутствии медиума. Чтобы показать вам, насколько удовлетворительны такого рода опыты, описанные до сих пор, цитирую один спиритический опыт Крукса, произведенный им с г-жою Клайер и с г-ном Юмом. Кусок тонкого пергаментя плотно натянут на круглый деревянный обруч; на этот пергамент опирается короткое плечо легкого рычага, снабженное тонким опускающимся острием; на длинном плече рычага находится острие, упирающееся на стеклянную дощечку, движущуюся в течение опыта при помощи часового механизма и закопченную. Короткий конец рычага, опирающийся на перепонку, так уравновешен, что тотчас передает движения перепонки, и если они произойдут, длинный конец рычага опишет на стеклянной пластинке кривую линию; если же рычаг будет в покое, на стеклянной пластинке получится прямая линия. Снаряд этот был предварительно испытан Круксом, чтобы убедиться, что никакое сотрясение подставки и удары в нее не влияют на результат, черта получается все-таки прямая. Вошла в комнату г-жа К. — мы знаем теперь из слов г-на Аксакова, что то была мисс Клайер. Она положила пальцы свои на особую подставку, ей не объясняли действия снаряда. Г-н Крукс положил свои руки на руки дамы, чтобы открыть сознательные и несознательные движения с ее стороны. По пергаменту стали тотчас раздаваться легкие удары, похожие как бы на удары о поверхность перепонки песчаных зернышек, длинный конец рычага тихонько двигался вниз и вверх; иногда звуки были так часты, как бы производимые прерыванием тока, а иногда и редки. На стеклянной пластинке получились линии разнообразно искривленные. Такой же опыт был повторен г-ном Круксом с г-ном Юмом. Юму также не было объяснено значение прибора, его руку поместили на расстоянии 10 дюймов от поверхности перепонки, другую руку в это время держали. Оставшись в этом положении около полуминуты, Юм сказал, что чувствует какое-то влияние. «Я пустил в ход прибор,— пишет Крукс,— и мы все видели, как

длинное плечо, рычага стало двигаться вверх и вниз; движения были тише, чем в присутствии дамы, и почти вовсе не сопровождались ударами».

Прибор Крукса для измерения изменений веса

Описание этих опытов г-на Крукса страдает недостатком указания размеров перепонки и тех родов звуковых колебаний, которые созвучны, как говорят физики, перепонке, т. е. не указывается тех звуков, которые способны привести перепонку в колебание. Достаточно представить себе, что между речами, сказанными при опытах г-на Крукса, например, в словах, произнесенных г-ном Юмом, содержались звуки, созвучные перепонке,— перепонка непременно придет от общеизвестной физической причины в таком случае в колебание, получится на пластинке кривая линия¹⁹, и весь опыт станет совершенно понятным, без допущения медиумических сил. Не так обставляются научные опыты, в которых хотя бы доказать существование новой силы.

Особую важность придают спириты тем медиумическим опытам, где *являются духи* в образе человеческого. Иных мороз обхватывает при таких рассказах, потому что нельзя же не верить. Чтоб дать вам пример такого рода явлений, я прочту протокол спиритического сеанса нескольких русских, бывших в Лондоне, с известным там медиумом г-ном Вильямсом. Один из присутствовавших на сеансе, не очень-то верующий в спиритизм, в номере которого происходил сеанс, вручил мне подлинный протокол, но имен присутствующих сообщить не дозволил. Этот прото-

кол составлен по-русски и подписан всеми — между присутствующими были люди, вполне поверившие спиритизму и все люди развитые, инженеры, ученые. Прибавлю еще, что привезен мне протокол с вопросительным знаком, к замечанию и назиданию. Тем лучше. Если бы побольше таких документов! Мне в руки достался один этот.

**Протокол спиритического опыта,
произведенного сего 14 ноября 1874 г.
в 8 ¹/₄ часов вечера в Лондоне 15 Arundell
Sreet, Goventry Sreet, в гостинице «Превитали»,
в №№ 14 и 15, в присутствии следующих лиц:
медиумов: г-жи Олив и г-на Вильямса
и г-д П., I., П. Ч., S. и Б.**

«Вследствие присутствования г-д П. и Ч. несколько недель тому назад на одном из публичных спиритических сеансов, даваемых в Лондоне г. Вильямсом, явилась мысль пригласить его устроить спиритический сеанс в самой квартире г-на П., дабы получить уверенность, что все явления, вызываемые сим медиумом, происходят без всяких механических с его стороны пособий и без каких бы то ни было приготовлений.

Действительно, г-н Вильямс был приглашен в пятницу, 14 сего ноября, в гостиницу Превитали, в означенные комнаты, занимаемые г-ном П., и, по любезному предложению г-на Г., приглашена была г-жа Олив.

В комнате № 15, в которой должно было произвестись опыт, решительно никаких приготовлений не делалось,²⁰ кроме того, что завешено окно, а мебель была несколько переставлена для более удобного заседания нескольких лиц, а самый стол (деревянный, массивный), за которым должны были сидеть присутствующие, внесен из другой комнаты за несколько лишь минут до заседания. При этом положены были на стол: купленный нарочно утром того же дня небольшой бронзовый колокольчик; равно взятый на прокат в магазине органчик, две свернутые из толстой бумаги трубки и свечка.

Заседание открыто было в 8 ¹/₄ часов вечера и по образованию за столом руками присутствующих сплошной цепи, причем по обе стороны медиумов сидели: г-н П. с правой, а г-н Ч. с левой стороны Вильямса; около г-жи Олив сидели Г. и Б. Свеча была потушена. По прошествии ¹/₄ часа послышался неко-

торый шум в том углу комнаты, в котором стоял комод, и г-н Ч. немедленно за сим объявил, что комод подвинулся к нему очень близко, так что он может на него опереться. Г-н П. заявил, что на него каплет туалетный уксус, который находится в банке на комод; то же самое заявили затем постепенно и другие присутствующие. То же повторилось с одеколоном, которым были обрызганы все присутствующие поочередно. Г-н П. предложил духу взять другую неоткупоренную баночку с одеколоном, находящуюся у него же на комод, и, откупорив, обрызгать оным присутствующих. После нескольких секунд молчания действительно все почувствовали на себе капли одеколona, а по осмотре после заседания баночка с одеколоном оказалась бережно откупоренною без всяких следов на пробке.

Органчик неоднократно был заводим, несмотря на то, что ни один из присутствующих не принимал в том никакого участия. Органчик поднимался и летал над головами присутствующих, причем музыка продолжала играть. По истечении же нескольких секунд органчик оказался поставленным на прежнее свое место на столе. Равно носился по комнате на некоторой высоте и бронзовый колокольчик, звонил и над ним блистал огонек бледного цвета.

Г-н Ч. заявил, что комод от него отодвигается к прежнему месту своему; при этом все слышали глухой шум. Немедленно после сего послышался шум, происходивший от передвижения ящиков в комод, а затем каждый из присутствовавших стал заявлять о брошенных к нему на колени или перед ним на стол разных предметах, взятых с комода или из ящиков оного, как-то: разного платья, белья, перчаток, бумаг и т. д.; равно г-ну Б. брошен был с кровати на руки большой толстый его плед, который до заседания разостлан был им самим на кровати. Затем г-н S заявил, что изпод него тащат стул, а г-н Ч. объявил, что стул поставлен ему на голову. Непосредственно после высказанного г-ном П. сожаления, что г-ну S придется все время стоять, последний заявил, что к нему придвинулась кровать (большая, железная), на которую он и мог сесть, не разрывая общей цепи. Сверх того, все присутствовавшие заявили, что неоднократно чувствовали прикосновение пальцев какой-то руки, равно прикосновение щеток и бритвенной кисточки к головам и лицам.

Г-н П. заявил, что на него надета была шляпа его, которую потом снял кто-то. Г-н Г. заявил, что какая-то рука приподнимала его, так что он вынужден был встать со стула, на котором сидел. Затем слышны были два голоса, которые выразили несколько отдельных фраз по-английски и по-французски.

Во время заседания цепь не была прервана, и все присутствующие строго следили за тем, чтобы руки соседей были в их руках. Особенное внимание было обращено на то, чтобы руки приглашенных медиумов ни на секунду не выходили из рук лиц, сидевших по обе от них стороны. Дух, называющий себя «Джон Кинг», сказал несколько слов приветствия по-французски, брал руки присутствующих, и, между прочим, по изъявленной громко просьбе г-на Г. пожать руку г-ну Б., сей последний немедленно почувствовал, как 3 пальца неведомой руки схватили его руку за пальцы же и приподняли ее вместе с рукой соседа его г-на S. Все проявления, как-то: заведение органчика, передвижение мебели, брызгание духами, разброска книг и белья, приписываются медиумами духу, называющему себя «Питер», который несколько шипящим голосом, вполне отличным от басистого голоса духа, называемого «Джон Кинг», заявил, что он сожалеет, что он по-французски говорить не может, и, прощаясь словами «Good bye, good bless, you», выразил надежду, что его проказы не сочтутся неприличными («I hope, I was not laugh»). Г-н S., когда почувствовал, что тащат из-под него стул, упирался и не отпуская его, а встал по приглашению г-на Г., когда вновь почувствовал, что стул кто-то отодвигает; равно замечательно, что когда по окончании заседания зажгли свечу, то комод оказался сдвинутым с прежнего своего места и ящики его выдвинутыми».

Протокол подписали все присутствующие, кроме медиумов, а именно: П., S., R., Г., П. и Б. Впечатление протокол производит ясное, отчетливое; не верить — просто смешно, дело было ведено серьезно, и одна уже бледность рассказчиков говорила мне о правде.

Объяснения не прилагается, но оно довольно очевидно для непредубежденного лица: за комодом была дверь, куда она вела — неизвестно. Конечно, не она вела в № 14-й, на то есть две других двери. Весьма вероятно, судя по положению окна, что дверь, бывшая за комодом, вела в соседнюю комнату. На-

нять в гостинице «Превитали» соседний номер, когда приглашение к сеансу состоялось, подыскать ключ, отворить дверь, отодвинуть комод и сделать все то, что выше описано, мог один или двое, Джон Кинг и Питер, но живые. Припомните. Слышали, как сначала отодвигали комод — это они входили и затем стали выкидывать свои проказы. Припомните, дело было в 8 ¹/₄ часов вечера, штора опущена, свеча загашена — ни зги не видно, и времени довольно для шалостей — наряженным духам. Они даже не хотели, уходя, придвинуть комод к месту и по спиритическому обычаю в комод шарили, но все оставили в комнате, обошлись вообще вежливо. В протоколе не значится — я прочел его весь с начала до конца, — что было в соседнем номере, позабыли осмотреть доверчивые люди. До того ли им было? Органы чувств — в напряжении, воображение, разум — в работе, до хладнокровной ли тут подозрительности? Мне неоднократно рассказывали о сеансах, происходивших в Лондоне с г-ном Вильямсом у частных лиц. Все в таком же роде: одеколон льется, органчик летает, белье бросается, комод открывается, руки поднимают и т. д. И всегда такие сеансы происходят в гостинице. Иногда они не удаются, но ведь уже решили спириты, что эти явления капризны. Спириты же терпеливы. В 3-й и 4-й раз они удадутся, а иногда и сразу. Во всяком случае, целая масса протоколов таких, как вышеописанный, и куча заявлений самых учнейших людей о сеансах, оставленных так плохо, как вышеуказанный, не могут ни малейшим образом действовать на убеждение в возможности появления духа разбойника Джона Кинга.

Проще предположить вместо того — человека во плоти, помогающего г-ну Вильямсу собирать с доверчивых иностранцев фунты стерлингов. Особенно разительно в вышеприведенном заявлении, как и во всех подобных, что предосторожности принимались: комнату осмотрели, стол внесли из другой комнаты, полагать надобно, что и кровать осмотрели, все время крепко держали медиумов за руки, и вполне удовлетворялись этими мерами предосторожности. Умные люди занялись духами — темнота нашла, страшно стало, до здравого ли тут смысла. Лица, сообщившие мне протокол, сами участвовали в сеансе и не верят в духов, оттого я так сво-

бно выражаюсь здесь перед вами о том, что в их сеансе происходило. Я, может быть, и не решился высказывать мою гипотезу, если бы спиритический протокол явился помимо меня в печати, да еще за подписью дам или вообще лиц, торжественно заявляющих, что все ими виденное не есть дело обмана; ведь мне бы пришлось тогда вестись, оправдываться в обвинении, возводимом будто бы мною на недогадливость лиц, решившихся публично выступить со своими спиритическими явлениями. А я думаю, однако, что оправдываться надобно не мне, доказывать должны спириты, верящие Вильямсу; мне довольно и того, что я приведенным примером подтвердил ту гипотезу, что спиритизм помрачает здравый смысл людей, сбивает их с толку, лишает догадливости; это я утверждаю.

Это — сеансы в темноте, но подобные явления людей, говорят, бывают и при свете, и особенно действуют на многих спиритические факты, заявляемые *фотографией*. Какого еще освещения? У меня имеются, по обязательности тех же самых лиц, которые участвовали в выше описанном сеансе, фотографические портреты духов: Джона Кинга, сидящего вместе с Вильямсом, и духа женского пола *Кет*, присутствующего около дамы m^{ss} G. Я видел много таких фотографий. Вы знаете, конечно, что в Париже был не так давно процесс, в котором обсуждался вопрос этого рода: фотограф признался в обмане. В журнале «Природа», книга 1-я за этот год, приведено (кажется из «Gartenlaube») описание д-ра Штейна, который сам практиковал фотографические приемы, применяемые спиритами, и получил удовлетворительные результаты. Барревиль в своей «Фотографической химии» говорит еще в 1864 г. следующее. Автор приводит примеры, подтверждающие его предположения о том, что свет, действуя на подготовленную пластинку, разлагает соли серебра, нанесенные на нее, а именно при этом выделяется из них металлическое серебро, и, между прочим, пишет: «Наконец, — говорит Барревиль, — разве не этот незаметный металлический осадок, остающийся на пластинке при несовершенном способе очищения, дает возможность получать по желанию то, что американские фотографы назвали *спиритическими фотографиями*? Это есть изображения невидимых лиц, появляющихся на пластинке одновременно

с портретом. Изображения эти, конечно, не появились бы вовсе после хорошего промывания пластинки азотной кислотой, уничтожающею все металлические следы, остающиеся от изображения, прежде снятого на ту же пластинку». Заняться бы спиритам опровержением всего этого, а они только проповедуют: все правда, что там ни сказали они, тот сделал сию силлогистическую погрешность, тот неделекатен, а все неверящие — ретрограды.

Наконец, к числу спиритических фактов относятся появления *целых человеческих фигур, днем*, массою, неведомо откуда. Г-н Вагнер описывает в своей статье подобные явления у братьев Эдди в Америке. Если буду там и получу возможность, посмотрю эти фигуры, а теперь пока на слово не могу поверить даже корреспонденту американской газеты, который удостоверяет в подлинности этого спиритического факта.

Применялся *спиритизм и в медицине*. По этому поводу укажу только одно, что важно заметить: наши спириты заверяли в комиссии, что скипидар препятствует ходу медиумических явлений.

Но довольно о темных сторонах спиритизма; позвольте мне теперь перейти к изложению тех хороших сторон, которые нельзя не заметить при знакомстве со спиритизмом. Они есть, их многие не видят, говорить о них стоит, и при этом я буду иметь в виду развитие спиритизма у нас; оно виднее.

Спириты — те откровенные прямые, которые возбудили спиритические толки, — искатели, смело и честно выступившие с возмещением того, что считают новой истиной. Выше я упоминал уже об этом. Такие люди, которые не боятся предрассудков, смело идут против общепринятого — имеют в себе то не стадное, что необходимо в жизни людей. Выставляя спириты свое учение спокойно, не громи они науки, действуй в тех сферах, где свобода научного исследования обеспечена обычаем, кто же осмелился бы их осудить? Посмеялись бы, да втихомолку. В научных летописях известны и не такие ученые, как спиритические, — их игнорируют, от них отворачиваются, но об них не читают публичных чтений, не пишут столько, сколько о спиритизме и спиритах.

Тот мост между явлениями физическими и психическими, который видят спириты в медиумических явлениях, составляет дейст-

Фотографии духов, сделанные английским фотографом Битти

вительно мост желанный, и такой наука рано или поздно построит. На постройку пойдет материал физиологии и психологии, терапии и психиатрии, захватят, быть может, и факты спиритизма, мост этот соединит ученых, не встанет поперек их дорога.

Медики уже начали исследовать гипноз, транс и другие нервные состояния, в которых выражаются с известным оттенком особенности нервной деятельности. Ученые не боятся этих вопросов; их напрасно боятся и многие другие лица, недостаточно подготовленные к пониманию общего движения науки. Разработка вопросов нервной физиологии не убьет нравственных начал, она только разрушит суеверия, существующие в этом отношении, т. е. предвзятые мысли, с давних пор на веру принимаемые.

Для меня не подлежит сомнению, что настанет время, когда станут обо всем этом говорить так же спокойно, как говорят ныне о затмениях, о кометах. А сколько людей и этого боялось; иные боятся еще ныне. Им страшно говорить об этом предмете, им думается, что он не подлежит разбору, анализу; они видят дракона там, где луна. Мне кажется, однако, что ныне еще рановато говорить о крупных научных завоеваниях в отношении психической деятельности. Научные открытия и успехи не происходят вдруг; они накаплиются мало-помалу; нужно много работы для того, чтобы могло появиться лицо, охватывающее запас накопившихся знаний, умеющее добыть из этого запаса новую крупную идею, закон, управляющий совокупностью явлений. А над разработкой психической деятельности со стороны физических явлений, с нею связанных, работают немного, приступили к делу с осторожностью, науке свойственной, без поспешности, идут шаг за шагом и накапливают необходимый материал. Не отворачивайтесь от него, но не делайте по недостаточному материалу скорых, быстрых суждений, — вот что скажет всякий, кто дорожит истинными успехами науки.

В том внимании, которое заслужил спиритизм в обществе, видна другая, чрезвычайно утешительная сторона этого дела: чистый интерес науки руководит при этом большинством людей. Так, привыкли мы утверждать, что наш век есть век практический, что весьма полезно получить лишний раз убеждение в том, что интересы, совершенно чуждые практических задач, заслуживают общественное внимание. Честь и слава спиритам, которые успели это продемонстрировать с несомненной ясностью. Никто не посмеет сказать теперь, что только одни личные делишки и грошовые интересы могут привлекать общественное внимание.

Хороший урок спиритизм дал и тем, кто упрекает современное общество в чисто материальных стремлениях.²¹ Нет, здесь речь идет о духах, из-за духов здесь интересуются делом, и интересуются больше, чем многими другими успехами науки, где дело идет о материи, о веществе

Уильям Блейк. Мильтон и дух Платона. Ок. 1816 г.

со всеми его признаками, долженствующими по взгляду многих волновать умы рьяных материалистов. Этого нет, и внимание к спиритизму доказало это с несомненностью. Ведь не тем же интересовались вы, что ученые поспорили, не г-жою Клайер, а тем, что вопрос идет о духе, касается души и связи ее с телом, наукою.

Таким образом, интерес к спиритизму показал то внимание, которое может быть развито в массах к научным вопросам. Оно будет, лишь только вопросы касаются обыденных предметов, всем понятных и всюду встречающихся. Такой предмет и составляет деятельность психическая, относительно которой ныне распространены в массах, преимущественно против других предметов, наиболее суеверные понятия. Суеверие есть

уверенность, на знании не основанная. Наука борется с суевериями, как свет с потемками. Немного осталось предметов, питающих суеверие в такой же мере, как психическая деятельность людей.

Мне кажется, что только в погоде и может находить суеверие столько же пищи, как в понятии о психической деятельности. Вы знаете, как много примет и разных суеверных понятий связывается с погодою: когда в такой-то день утром будет хорошая погода, говорит суеверие, будет такая-то в течение лета; когда в известную пятницу пойдет дождь, будет урожай, гром грянет — это катящаяся по небу колесница... и много подобных, всем известных примет и суеверий живет еще и долго будет жить среди людей. В них не верят те, кто стал на путь современного развития наук. Но, все же, в массах и помимо этих примет существует по отношению к погоде смутный остаток старых воззрений. Многим еще кажется, что погода есть результат какой-то случайности, каких-то неуловимых сплетений, и все чудится, что есть некоторая внешняя причина, управляющая состоянием погоды. Это оттого, что развитие научных знаний по отношению

к погоде еще не велико. И странное дело: то, что уже стало известным в науке по отношению к этому предмету, весьма туго распространяется и в школах, и в литературе, даже между учеными. Много ли лиц обращали некоторое внимание на ежедневные бюллетени в газетах о погоде, на тот прогресс, который в последний десяток лет произошел в учении об этом предмете?

Странна и примечательна судьба добытых сведений в отношении к этому обыденному предмету, связанному с суевериями.

Опять из Индии, Восточной и Западной, идет начало точных, новых знаний по отношению к погоде. В их жарком климате часто господствуют ураганы, необычайно сильные. Изучение этих ураганов, доведенное до весьма большой полноты, показало, что ураган

есть огромный вихрь, происходящий в воздухе и движущийся по поверхности Земли — разросшийся смерч. К центру вихря воздух направляется с громадной силой, втягивается туда и затем рассеивается в другие места. В центре вихря барометрическое давление меньше, чем в окружающих местах.

Мореплаватели пользуются теперь этим знанием для того, чтобы избежать урагана; они следят за барометром и избирают для корабля такое направление, по которому давление возрастает, избегают того пути, которое ведет к местам уменьшения давления. Развитие метеорологических наблюдений в Европе и Северной Америке дало возможность доказать, что вихри существуют постоянно и в наших широтах, и если они здесь не достигают такой силы, как под тропиками, то здесь охватывают они несравненно большее, чем там, пространство. Вихри, достигающие к нам, обыкновенно направляются из океана, следуют в нем по берегу той реки в океане, которую называют Гольфштромом, и двигаются чаще всего с запада на восток.

Прохождение вихря в данной местности, с несомненностью, определяет многие перемены в состоянии погоды этого места; приближение центра вихря влечет за собою падение барометра, известные направления ветров, дующих из теплых стран, образование дождя, тумана, облаков; а после удаления центра вихря следует опять всегда определенная смена ветров, ясная погода, повышение барометра. И опять странное дело! Все это выработано учеными стран маленьких, в скромных кабинетах, а не в обширных центральных метеорологических учреждениях, хотя последние дали много материала драгоценного. Бейсбаллот в Голландии, Букан в Ирландии, Мон в Норвегии, Гофмейстер в Дании внесли в сокровищницу наук в этом отношении материалы неоцененные и дали возможность предвидеть скорое, при дальнейшем развитии знаний, обладание сведениями о погоде в такой же точности, какую представляют ныне и более развитые части естествознания.

Естествоиспытатели не пророки, а науку стремятся сделать пророчествующею. Когда алхимики трудились над первым запасом химических знаний, уже можно было предвидеть, что знание накапливается, подвергается обработке, приводится в систему,— что гото-

вится новая наука, которая приведет человечество к победе над силами природы. Так в новейшее время строится метеорология. Правительства всех стран понимают это и не жалеют расходов на учреждение метеорологических станций; у нас в России их много. Земства, в интересах сельского хозяйства, начинают интересоваться тем же делом.

Немного расходится экземпляров летописей нашей метеорологической обсерватории, а они дают богатый материал для метеорологических суждений.

Мне было бы желательно направить ваше внимание на метеорологические вопросы, потому что с ними связана текущая борьба науки с суевериями. Вопрос о погоде стал на очередь, придет черед и вопросу о деятельности психической.

Настанет время не только точного предсказания погоды, но и полного ее ведения; мыслима в будущем даже борьба с погодой. Для успехов метеорологии, для победы знания над суеверием — ученые не жалеют своих сил; они копят и копят материал, зная, что он будет применен. Для этой же цели они пускаются в воздухоплавание; Вельч и Глешер поднимаются из Англии по поручению Ассоциации наук, чтобы собрать сведения о метеорологических процессах в верхних слоях атмосферы, потому что полеты Гей-Люссака, Барралья и Биксио только дали предчувствовать интерес исследования, производимого на аэростатах. Затем опять следовали французы; они вступили в ученое соревнование с англичанами; еще недавно вы читали в газетах о гибели Кроче-Спинелли и Сивеля в их воздушном полете в верхние слои атмосферы. В этом порыве, не боящемся случайностей, видна та твердость борьбы, которую затеяла ныне наука с суевериями относительно погоды; она желает победить их и победит: узнают мало-помалу все для того, чтобы обладать знанием и им заменить суеверие. И заметьте — не кичится этим наука, все спрятала в свои летописи — в «Русском вестнике» не видать статей о погоде.

Чуть не забыл, что предстал пред вами говорить не о погоде, а о спиритизме. Причиной моего увлечения служат два обстоятельства: во-первых, предмет сам по себе очень интересен и меня занимает, в особенности те метеорологические процессы, которые совершаются в верхних слоях атмосферы,

именно там, где лаборатория погоды. Этот интерес увлек меня. С другой стороны, я думаю, что из всех суеверий, ныне еще существующих в большом развитии, суеверия, относящиеся до погоды, — доступнее других для окончательного истребления, для замены их знанием. Спиритизм же питается другими суевериями, относящимися до предметов, хотя доступных научному изучению, но гораздо более трудных. В погоде мы имеем дело с предметом вне нас находящимся, правда, обширным, разнообразным и трудным, но внешним. Суеверия же, относящиеся к душевной деятельности, питаются на счет субъективных, внутренних отношений; об них и нельзя, поэтому, так объективно говорить, как можно говорить о погоде.

Позволяю в заключение указать на следующее. По моему мнению, польза от разговора о спиритизме у нас, наверное, будет, потому что о нем обе стороны пишут и говорят свободно: увидят соотношение между наукою и учеными, подумают над приглашением скоро, бойко строить большие мосты, станут разбирать их проекты, отличать цель от средств — словом, иные задумаются. Если бы заставили молчать — не было бы и этой посильной пользы. Дайте высказаться новому. Если в нем есть противное здравому смыслу, истине — нравственный союз школы, литературы и науки уже достаточно у нас силен для того, чтобы этому противодействовать. Не беда, если новенькое — ложное — сперва кое-кого и увлечет. Это даже хороший знак, что у нас нет китайской стены, что новому — верному — у нас дорога широка и свободна.

А в том, что вы пришли сюда послушать о спиритизме, — всякий видит одно ваше сочувствие к борцам против суеверий — школе, литературе и науке.²²

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ
о Д. И. Менделееве**

Д. И. Менделеев

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ о Д. И. МЕНДЕЛЕЕВЕ

(писаны все мною, Д. Менделеевым)

Запись начата 2 сентября 1906 г.

1834—1840 гг.— Родился 24 января 1834 г. последышем: отцу было 51 г., а маменьке 41. Отец уже ослеп, быв директором Тобольской гимназии.

Папенька, Иван Павлович Менделеев, урожденный Соколов, родился 18 февраля 1783 г., скончался 13 октября 1847 на 64 году в Тобольске, где похоронен около кладбищенской церкви.

Маменька, Мария Дмитриевна Менделеева, урожденная Корнильева, родилась 16 января 1793 г. в Тобольске, скончалась 21 сентября 1850 г. в Петербурге (Эртелев пер.), имея 57 ²/₃ лет. Похоронена на Волковом кладбище, близ церкви.

Из родословной, составленной в 1880 г. братом Павлом Ивановичем (служил тогда в Новгороде). Дед наш, священник села Тихомандрицы, Вышневолоцкого уезда, Павел Максимович Соколов, имел 4 сыновей: Василия Покровского, Ивана Менделеева, Тимофея Соколова и Александра Тихомандрицкого. (Фамилии давали нередко учителя духовного училища. Фамилия Менделеева дана отцу, когда он что-то выменял, как соседний помещик Менделеев менял лошадей и проч. Учитель по созвучию «мену делать» вписал и отца под фамилией Менделеев. Так мне рассказывали.)

Отец Иван Павлович учился в Главном педагогическом институте и поехал учителем словесности в Тобольск, должно быть, около 1808 г., где женился на Марии Дмитриевне Корнильевой. Скоро сделался директором Тобольской, потом Саратовской гимназии (или наоборот).

Детей было всего 17, а живокрещеных 14; помню: 1) Ольга (1815 — 1866), бывшая сперва за купцом Иваном Петровичем Менделеевым (Ялуторовск, ум. 1845), потом за декабристом Николаем Васильевичем Басаргиным (ум. 1862, скончался по возвращении из ссылки); 2) Екатерина (р. 1818 30/IX), бывшая за Яковом Семеновичем Капустиным (ум. 1859); 3) Аполлинария (р. 1823, ум. 1848); 4) Елизавета (р. 1825, ум. 1851); 5) Иван (р. 1826, ум. 1862); 6) Марья (р. 1826) за Михаилом Логиновичем Поповым; 7) Павел (р. 1832 29/II) и Дмит-

рий (р. 27/1 1834, скончался ...). Ранее родились и крещены: Виктория, Мария, Николай (1820), две Варвары, Илья (1830); Дмитрий был последыш.

Дед со стороны матери, Дмитрий Васильевич Корнильев, владел посессионным стеклянным заводом в Аремзянке, около Тобольска. У него сын, Василий Дмитриевич Корнильев, жил (ум. 1848) богачом в Москве. Другой сын, Николай (*неразборчиво*), утонул или утоплен в озере.

1841—1845 гг.— В 1841 году поступил (7 лет) в гимназию. Принят, чтобы дома последыша не держать одного. Тогда брат Иван Иванович был уже в 6-м, и брат Паша и Семен Яковлевич Капустин (жил у нас), и все в пошевничке ездили в гимназию. Учителя, которых помню: Желудков — чистописания и рисования, Волков — французского языка. В старших классах Иван Карлович Руммель — математики и физики, Доброхотов — истории, Михаил Логинович Попов (зять наш) — законоведения. Латынь — Петр Кузьмич, «Редька», очень не любили, доходило до драки. Бывал и на черной доске в 5-м классе. В 7-м учился хорошо. Переводили, потому что был развит.

1846—1850 гг.— В 1849-м окончил гимназию в Тобольске и с маменькой, сестрой Лизой и служителем Яковом поехали в Москву, чтобы поступить в Московский университет. Но государь Николай Павлович приказал принимать только из своего округа. Несмотря на дружбу Шевырева, Кудрявцева и других профессоров с дядей В. Д. Корнильевым, меня не приняли. Поехали в Питер и остановились у Александры Петровны Скерлетовой, дети: Николай Павлович, Софья Павловна, Юля и Петя. Сперва в Медико-хирургическую академию (*неразборчиво*), присутствовал при вскрытии (*неразборчиво*), дурно, отказался.

В Главном педагогическом институте Чижов (математик), товарищ отца, помог, и в год неприемный приняли. Маменька тотчас скончалась. Я начал тоже болеть, но все выдержал и остался на том же курсе.

1851—1854 гг.— 1851-й и до выхода болел, но работал много в больнице. Доктор Кребель. Товарищ Бетлинг вместе со мной кровью харкал и заболел (*неразборчиво*), скончался. Меня считали отпетым. Ф. Ф. Брандт, Степан Семенович Куторга и Александр Абрамович Воскресенский много обо мне заботились. У Брандта учил летом детей. С Шаховским ботанизировал. Одно лето провел в Млехе (на Мсте), Тверской губ. Директор Иван Иванович Давидов напрасно осуждается — человек добрый и внимательный. Еще лучше инспектор Александр Никитич Тихомандрицкий.

1855—1859 гг.— В 1855-м кончил курс Главного педагогического института. Высочайшим приказом 16 сентября определен старшим учителем естественных наук в Симферополь (история с директором департамента Гирсом, меня перепутали с Янкевичем, ходил к министру Норову). Там гимназия была закрыта по случаю Севастопольской войны. Квартир не было, за одну вторую комнату с глиняным полом спрашивали 30 руб., а жалования 33 руб. Жил с инспектором в камерке архива. Стало холодно, и я поехал на юг лечиться, взял отпуск — и на еврейской тройке в Одессу, где попечитель Демидов определил учителем в Ришельевскую гимназию. 10 октября 1856 г. в Петербурге получил магистерство. Удельные объемы. Pro venia legendi — о строении кремнеземистых соединений. Доцентом с 9 января 1857 г. Секретарем факультета Пузыревский. Обедал у Воскресенского. 1857/58 преподавал органическую химию, дали 400 руб., а то жил уроками, работой у Никитенко для «Журнала Министерства народного просвещения». Давал уроки П. П. Демидову. Скобликов. 9 января 1859 г. командирован на 2 года за границу (по 1200 руб. в год). Возвратился в 1861 г. В 1857-м, с 27 июня по 23 августа, в отпуску. В 1856-м, с 6 июня по 1 августа,

Д. И. Менделеев с детьми Ольгой и Владимиром в Боблово.
1878 г.

в отпуску. Увлекся Софией Марковной Каш: у них был в Финляндии (Ихашигови), хотел жениться, отказала.

1860—1861 г.— Возвратился с долгом 1000 руб. И. А. Вышнеградский для *(неразборчиво)* и места не получил. С октября стали давать по 500 руб. в год. Работал у Фрицше. Жил на Петербургской Стороне за 2-м корпусом, где уроки. Знакомство с Софией Марковной Каш и отказ. Написал «Органическую химию». Поездка в Финляндию. 20 декабря при закрытии университета остался за штатом. Пожар Измайловского полка. Польское восстание.

1862 г.— С января адъюнктское содержание. 5 апреля командировка на 4 месяца за границу. Женится. С 10 июня открыт факультет, где я доцентом.

1863 г.— Родилась дочь Маша, в том же году скончавшаяся, когда ездил в Баку. Отпуск на 28 дней.

Д. И. Менделеев в Нижнем Новгороде 15 мая 1880 г.
Фотография А. О. Карелина

- 1864 г.** — С 1 января профессор Технологического института. С 1 января штатным доцентом университета. С 4 мая по 16 августа — за границу.
- 1865 г.** — 19 ноября орден Станислава 2 степени. 2 января родился сын Володя. 1 февраля диссертация «О соединении спирта с водой». Доктор химии. 27 февраля избран экстраординарным профессором физической химии. 5 июня командирован в Москву на всеобщую выставку. Тут с Ильиным и купил Боблово. 31 декабря профессором технической химии. В июле купчая на Боблово от Богенгардта.
- 1866 г.** — 11 декабря ушел с профессуры в Технологическом институте.
- 1867 г.** — 30 января командирован в Париж на всемирную выставку. Николай Максимилианович Лейхтенбергский. 18 октября перемещен на кафедру химии. Воскресенский избран ректором. 22 декабря назначен в Медицинский совет.
- 1868 г.** — 16 марта родилась дочь Леля. По 13 сентября продолжен отпуск после каникул.
- 1869 г.** — 8 февраля Анны 2 степени.
- 1870 г.** — С 10 декабря статский советник. По 15 августа отпуск.
- 1871 г.** — С мая на 3 месяца за границу командирован.
- 1872 г.** — 5 июня командирован за границу.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Д. И. МЕНДЕЛЕЕВЕ

1873 г.— Владимир 3 степени.

31 марта командирован за границу на 4 месяца. В Стокгольм и Лейден на юбилей университета с Хисоном, Гротом (*неразборчиво*).

1874 г.— В мае великий князь Константин Николаевич был в лаборатории. 18 марта командирован на 4 месяца за границу.

1875 г.— 15 февраля с И. В. Помяловским, как представители университета, ездили в Лейден. Меня приглашал Рауленго у себя жить, но я отказался. 8 февраля н. ст. главное торжество. Курциус от Германии, Ренан от Франции. Потом в Дельфт (около Гааги) к Босха. В Париж поехал с Ренаном.

Племянник Яша скончался в Боблове.

1 декабря командирован (но заболел) за границу.

В сентябре стали (чаще всего у меня) собираться члены Физического общества для изучения спиритизма. Читал об этом публичную лекцию, давшую 1548 р. сбора в пользу герцеговинцев.

1876 г.— С 31 декабря действительный статский советник. 15 мая с Гемилианом на Филадельфийскую выставку. В апреле читал в Техническом обществе лекции о спиритизме. 10 мая н. ст. на «Лабрадоре» из Гавра, вперед и обратно 1150 руб.

1877 г.— В мае жили в моей квартире сестра Екатерина Ивановна, с ней Анна Ивановна (часто играла на фортепиано) и со мной Володя, который держал (экзамен) в гимназию. Феозва Никитична и Леля жили в Боблове.

1878 г.— 29 мая командирован за границу на 1 год. Конец года жил в Ницце. Весной Володя держал экзамен в Морское училище. 30 сентября Биариц, морские купания.

Приехал в Баку, в Боблово заболел плевритом, лечился нефтью, ухаживал Александр Никитич Боткин; велел уехать на зиму в теплые места, а мне думалось, что там успею отвыкнуть от Анны Ивановны. Жил в Ницце. Часто с Ф. И. и Лидией Михайловной Жербиными. Безуспешна была даже поездка в Сицилию и Неаполь с Петром Капитоновичем Ушковым (1879).

1879 г.— Встретил Новый год в (*неразборчиво*). Заболел Володя, и я не поехал дальше. Возвратился и с Петром Капитоновичем Ушковым в Неаполь и Сицилию, а потом с Боткиным и другими в Рим. В апреле конгресс метеорологов (Патерно, Лоркаре, г-н Сарторио). Март, возвратился в Ниццу и СПб.

Читал на женских курсах теоретическую химию. Есть записки.

1880 г.— 4 июня командирован на 3 месяца. 17 октября получил пенсию. Ездил с Володей (была и А. И.) по Волге.

1881 г.— На университетском акте (меня не было, был протопресвитер Янышев) министра Сабурова хотел ударить Коган-Бернштейн. На ближайшей лекции говорил о гадости этого и что «Коганы нам не коханы». Беспорядки и волнения шли. Устал и к Анюте хотелось. Подал в отставку, а меня уговорили на отпуск (Бекетов был ректором). 17 февраля простился с университетом, отправился 26 февраля в Рим. В Риме к Анне Ивановне, которая приняла ласково, хотя и шутиливо, однако (*неразборчиво*) пошла за меня 2(14) марта. Выехали в Неаполь (15 — 22 марта н. ст.) на Капри, в Париж (уговорился с В. И. Рагозиным), Мадрид, Толедо, Севилью, Биариц, а на лето в Константиново на Волгу — нефтяной завод Рагозина. Зажил с Анютой. Володя жил в Морском корпусе. Дело развода шло в консистории. 29 декабря в университете родилась Люба. Акушерка Казнакова. Развод был готов.

1882 г.— Январь. Родилась Люба. Записано рождение 2 марта после того, как нас с Анютой повенчал священник Кутневич в соборе Адмиралтейства, хотя разводная не позволяла мне жениться. 1 мая командирован в Россию на 5 месяцев. 5 ноября утвержден заслуженным профессором.

22 апреля венчался с Анютой в адмиралтейской церкви,

1883 г.— 13 декабря родился сын Ваня.

1884—1885 гг.— Как этот, так и следующий год усиленно работал над растворами. Результат — несколько статей и книга и др. В апреле был в Эдинбурге на юбилее университета. В 1885-м Анна 1 степени. Отчислен из штатных профессоров, пенсия 1200 руб. и с октября — 3500 руб.

1886 г.— Был в Баку два раза: в мае один и в августе с Лелей. 30 декабря родилась Муся (в 4 ч. 16 м. 10 сек. утра) и Вася (4 ч. 26 м.), акушер Дункан.

1887 г.— На съезд в Манчестере с 10 сентября командирован с Меншуткиным Н. А. (был у Спринга, у Роско и др.). Книга «Исследование водных растворов» составляет результат большой работы прошлых лет. Тут зависть Оствальда много повлияла, но она сломится (?).

Во время полного солнечного затмения на военном аэростате летел один из Клина в Калязинский уезд. Был перед полетом у Олсуфьева. Они сидели с Л. Н. Толстым, но я уехал.

1888 г.— Ездил опять на Донецкие копи. 1 марта занос на станции Гавриловка с Авдаковым. Начальником станции Сурин.

1889 г.— 5 августа назначен почетным членом Совета торговли и мануфактур.

1890 г.— Переехал из университета: В. О., Кадетская, № 9, кв. 4. Хлопотал у Чихачева, великого князя Алексея Александровича о назначении Володи на «Память Азова», потому что она с наследником идет в Азию. Определили.

Ездил в Англию, вывез оттуда фотографический прибор от Росса, который сделан по моему плану.

Володю провожал. Его письма очень заняты (?): Греция, Египет, Индия, а в 1891-м — Цейлон, Бангкок, Батавия, Сингапур, Шанхай, Япония.

Леля с Алексеем Владимировичем уехала (для лечения) в Швейцарию.

Занимался 1) тарифными делами в Министерстве финансов у Вышнеградского; 2) в Военном министерстве у Ванновского и в Морском у Чихачева, устраивал дела бездымного пороха. С Чельцовым и Федотовым ездил в Англию (Абель, Дьюар) и Францию (Бертло, Сарро, Фрейсине, Моренгейм) для пороха; 3) хлопотал по делу Пенякова (неразборчиво) и его выручал. Отказался от Медицинского совета.

1891 г.— Тайный советник. Консультантом при Морском министерстве по делу научно-технической лаборатории назначен.

1892 г.— 19 ноября назначен ученым хранителем мер и весов на место Глухова.

1893 г.— Назначен управляющим Главной палаты мер и весов. 1 июля назначен членом Академии художеств. Отпуск на 2 летних месяца.

1894 г.— С 25 ноября отпуск на 1 месяц за границу. 15 января в Орле дочь Оля родила внучку Наташу.

Д. И. Менделеев с сыном Владимиром на палубе «Память Азова». 1890 г.

Участвовал в разборе таможенного соглашения с Германией. Немецкое Химическое общество избрало почетным членом.

1895 г.— С Ченеем и Блюмбахом в Лондоне определил длину аршина. Отвезли прототипы. Симсу и Пеню выхлопотал подарки от государя. Отчислен от должности консультанта Морского министерства. Принимал участие в Комиссии по устройству Томского технологического института и университета. 29 марта отпуск на 10 дней и 10 ноября на 28 дней. Выбран членом Совета Академии художеств — денег не взял.

1896 г.— Владимир 2 степени. Нижегородская выставка все лето забрала. Строил дом в Главной палате. Фон Гоген, архитектор, Н. В. Смирнов, подрядчик. С 15 сентября за границу командирован на месяц, с 25 декабря — на 7 дней.

1897 г.— Осенью переехал в новопостроенный дом в Главной палате (Забалканский, 19). На освещении были Ковалевский, Макаров, Свердруп и многие другие. С 17 марта командирован за границу.

Летом, когда жил в Боблове, приехал курьер от в. к. Петра Николаевича, просит осмотреть (неразборчиво) г-на Курьшева. Шли заседания по мерам и весам.

Статья моя «Оправдание протекционизма» («Новое Время») понравилась Витте и др. В ней много мыслей, после мною развитых. Началась комиссия о «Ермаке».

1898 г.— В мае командирован за границу. 19 декабря скончался Володя, живший на Васильевском острове, в доме, где и Лемох, на дочери которого он был женат.

1899 г.— Главное содержание этого года: Палата мер и весов, поездка на Урал и в Сибирь и календарный стиль. В марте командирован за границу для сличения одного килограмма. В мае в Государственном совете рассматривали дело о преобразовании Главной палаты и о введении местных учреждений. Коковцев защищал, и я (неразборчиво) глупости. Кобеко и Чуевский (??).

- 1900 г.** — 12/XI купил 266 сажен земли по Пушкарской 28/1 у Запрягаевой. Подрядчик Н. В. Смирнов, архитектор Гоин, помощник Бубырь. Отстроил два дома, заложил за 48 тысяч. Несмотря на мое сопротивление, Витте и Ковалевский заставили ехать на всемирную выставку в Париж, где выбрали меня товарищем председателя химической группы (при Троосте). Много раз ездил в Петербург посмотреть на стройку дома. Потом жил в Канне. Келер пригласил заняться вискозой. Я взял Семенова. Все обделал хорошо, но Семенов сделал (*неразборчиво*) историю очень глупую. Начал писать с увлечением «Заветные мысли» и (*неразборчиво*) «Учение о промышленности». Тут мое новое направление (не от выставки ли?) стало выражаться явно. Главная палата начала действовать по новому уставу. 7 ноября — за границу на два месяца. Заезжал к Винклеру. Весной при возврате из Вены украли мои ценные и примечательные часы (17 марта до Гродно).
- 1901 г.** — Орден Белого Орла. В августе (7—14) ездил в Москву для установки прототипов. Летом учитель Сум в Боблове у Вани — готовил. В октябре ездил в Париж на конгресс мер и весов и отказался от комиссии, где сидел несколько лет, предложил Н. Г. Егорова, моего помощника. Издавал «Промышленную библиотеку», которую Ефрон скоро прекратил. Писал в газете «Россия» статью о гимназиях. Окончил стройку дома на Пушкарской и с деньгами запутался, а Ефрон прекратил «Промышленную библиотеку», т. е. большие ресурсы денег. Анна Ивановна с Любой (окончившей гимназию) ездил в Рим. Представление в Государственном совете о доме для служащих в Главной палате провалили, подал в отставку. Витте попросил высочайшего разрешения, и я усиленно занялся стройкой, железо же подешевело — дом сделал не горючий, 5-й этаж с башней и колодцем. Очень увлекался «Учением о промышленности». По требованию Витте писал государю о покровительственной системе.
- 1902 г.** — В феврале ездил в Москву на съезд виноделов. С Ф. И. Блюмбахом ездил за границу для определения напряжения тяжести. Берлин, Париж, Канн, Вена, Будапешт. Купил ранее астрономическую трубу Юнга, но потом уступил ее Главной палате, потому что трудно с деньгами. При возврате из Вены украли хронометр и цепочку. Лето работал для 7-го издания «Основ химии», которое вышло в следующем году.
- В. Д. Сапожников подкузьмил на продаже «Основ химии», что очень огорчило. Вася готовился в гимназию Багинского. Ваня кончил курс гимназии в 1901 г. и поступил в СПб политехникум и в 1902 перешел в университет на математический факультет. Химию я продавал у Карбасникова, но с 1906 г. перешел к Суворину, потому что обман. Кончил все расчеты по дому. Люба на Высших женских курсах, Муся еще в гимназии Эмилии Карловны Шаффе (кончила в 1905 г.). 10—23 декабря ездил в Дерпт на юбилей. Писал статью об эфире. Ее потом воспроизводили даже на эсперанто, а я считаю неважною. Дом (это 3-й) отстроили во дворе Главной палаты, и жить начали. Брат Паша скончался в Тамбове 3-го января.
- 1903 г.** — Летом с Мусей, Ваней и Васей ездили на Волгу до Самары. 17 августа свадьба Любы с Александром Алексеевичем Блоком, внуком А. Н. Бекетова, соседом по Боблову. Вася поступил в Морское техническое училище в Кронштадте. В январе (с 10-го) ездил в Киевский политехникум для экзаменов. В феврале командирован за границу (12 февраля — 15 марта): Канн, Вена, Париж. Ваня в университете на 1—2 курс. 22 июня с Васей уехал в Боблово. Анна Ивановна в сентябре ездил в Биариц. В конце года худо вижу, катаракт определил д-р Ерофей Васильевич Костенич и 27 ноября сделал очень удачную предварительную операцию левого глаза, а правый про запас; левый же долго не глядел. Го-

Ученицы Выпущенного технического класса
Смоленской Женской Вечерней-Воскресной шко-
лы шлют свои приветы великому уче-
нику земли русской Дмитрию Ивановичу Мен-
делееву по случаю его семидесятилетия т.е. по
юбилею. Сегодняшний день, 27 Января 1904 года, не
только домашний праздник знаменитого учени-
ка — это общий праздник, на который мы все
кажемся отовсюду. Сегодня его имя с особым
благодарностью и гордостью произносится великим
русским словом, которое во ряду своих наи-
более выдающихся ученых занесло имя вели-
кого учителя Высших учебных заведений ста-
нать членами его своим почетным членом,
перо посвящает ему свои строки. Слова
объясняют великому торжеству пронама и во
нашу Воскресную школу Мы гордимся, что и
наша известна имя Менделеева, что на ста-
наша, нашей школы одним из лучших учени-
ков внести его. Периодическая система, гл.-
воим смысле которой раскрыты и нами.

Забудете же хоть на короткое время
о том, что есть великий и великий человек,
и порадуемся великому великому праздни-
ку науки и прославим от души, чтобы
такая честь, как «Менделеев» было у нас
повыше.

Слава тебе, великий русский ученый!

27 Января 1904 года

Адрес Д. И. Менделееву в день его семидесятилетнего юбилея
от Смоленской женской вечерней воскресной школы

товя конец «Заветных мыслей», писал старому приятелю протопресвитеру
Янышеву, и одобрил все.

1904 г. — 7 января окончательная операция левого глаза — Костенич. 27 января 70-летний
юбилей, много поздравлений. Начало несчастной войны с Японией. Кончил,
благодаря Бога, расчеты по долгу m-lle Flechtman, у которой занимал около
4 тыс. руб. Она умерла, и получили ее родственники из Бельгии. Мусе — соба-

ка Спот, бинокль. Летом пожил в Боблове, а в августе за границу лечить тромбу в Экс-ле-Бен в hotel Wagram к той же m-me (*неразборчиво*), как и в Канне (сестра хозяйки выставочного hotel de la Seize в Париже), потом в Рим, Неаполь (ездил проститься) и в Венецию (12 августа — 14 сентября). Этот год и следующий так хорошо шли «Основы химии», что начал 8-издание еще до начала войны, а потому затеял 9 тыс. экземпляров (а тут с забастовками университета она не пошла). Кончились доходы и по «Энциклопедическому словарю», и по «Промышленной библиотеке», и по «Химии». 5 декабря освящен вагон-палатка. Сперва Станкевич, потом др. Это — уже сменили Витте.

Получил приглашение в С.-Луис (через Нью-Комба), но отказался.

1905 г.— Орден Александра Невского. Благоволение по случаю 50-летия службы. 19 января Анна Ивановна уехала в Сибирь (Верхнеудинск) на «питательный пункт» для воинов и пробыла там около 4 месяцев. Ваня обзавелся штатским, потому что студентов хотели преследовать. Скончался муж Лели Трирогов, и она хлопотывала пенсию (дали 1400 руб.).

В день Гапоновского бунта был у Витте, которого отставили. В ноябре (9—21) с Мусей и Блюмбахом, а также Ювеналием Максимовичем — в Лондон. Медаль Копля и 500 руб. 6 декабря в Пензе у Лели скончалась Феозва Никитична.

В начале года у В. Н. Коковцева (министр финансов) выпросил 3 пуда золота для опытов с маятником и много интересовался предварительными расчетами по этому предмету; помогали А. А. Иванов, Разумихин, Озаровская и др. К концу года шар сделали на Монетном дворе, но опытов не начинали. Из Клина в Москву, Варшаву, за границу 23 июня: Интерлакен, Шамони, Экс, Париж, Берлин (в день заключения Портсмутского мира с Японией). 23 августа СПб, 18 сентября СПб. Купил сочинения Дюма, которого очень люблю. Встречал Витте при возврате. У него был, но сей раз он мне не понравился. Вася перешел на 2-й курс Морского технического училища, а на 3-й не мог, он не любит ничего теоретического. Ваня — напротив — теоретик-математик. Дали Александра Невского = 400 руб. Осенью кончил последний (4-й) выпуск «Заветных мыслей». Много тревожило состояние умов и пустая общая критика. Муся поступила на курсы сельского хозяйства. У Вани в университете не было занятий. Конец года очень много был занят (у Витте с графом И. И. Толстым) «проектом училища наставников», особенно планом. 31 декабря его отправил к Толстому.

Этот ряд записей начат в августе 1906 г.

1906 г.— Начал интересоваться центром России, завлекся переписью 1897 г. и много работал над книгою «К познанию России».

Очень устал и потому, кончив печатание, уехал (?) июня через Интерлакен в Экс-ле-Бен, где опять купался. Оттуда к Леле и Наташе в (*неразборчиво*), Швальбах и домой ((?) июля) в день закрытия Государственной думы. Думе бедо будут (проф. Фойницкий). Выпустил «К познанию России». Очень бойко пошла. Поехал в Боблово (Муся уже возвратилась с летних занятий), но вызван депешей, стал печатать 2-е издание (а скоро 3-е) у Суворина, который написал о книге очень хороший отзыв. Васю взял из Морского технического училища, где он жил и его (?) в Главную палату. Леля и Наташа опять жили у меня.

Стал приводить книги и бумаги в порядок — это очень меня занимает перед смертью, хотя чувствую себя бодро. Люба (Блок кончил университет) начинает с сентября жить одна с мужем, а не с А. А. Кублицкой. Осенью кончил «Химию», начал 4-е издание «К познанию России» и поехал в Канн (2 октября), потому что очень от инфлюэнцы ослаб. Денежные дела привел в порядок, как к смерти.

Д. И. Менделеев

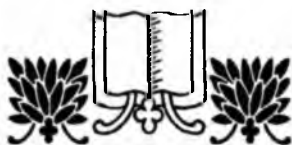
**СПИСОК МОИХ
СОЧИНЕНИЙ**

Лепил из глины И. Я. Гинцбург,
Март—Май 1890 г., когда я жил еще
в университете. Фотографию
с глины снял Володя 10 мая 1890 г.

Подписано Д.И.Менделеевым: «Лепил из глины И. Я. Гинцбург. Март—май 1890 г.,
когда я жил еще в университете. Фотографию с глины снял Володя 10 мая 1890 г.»

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

Номера, *подчеркнутые* и стоящие слева, относятся к тем статьям, которые я считаю настолько самостоятельными, что могу их признать своими. Два и три раза подчеркнуто то, что я считаю более важным.

Д. Менделеев
Февраль 1899 г.

1854. Первая моя печатная статья. Минерал дал для анализа С. С. Куторга, мой профессор минералогии и геологии, путешествовавший в Финляндии. Анализ делался в лаборатории Главного педагогического института под наблюдением А. А. Воскресенского. Ныне я не могу считать его достойным внимания.

1. Chemische Analyse des Orthits aus Finnland. 1854. D. Mendelejew. St. Petersburg. Gedruckt bei Karl Krau. Сообщено С. Куторгою в Минералогическом обществе и им же переведено на немецкий язык (Verhandlungen der K. R. Mineral. Gesellschaft. 1854). *1001/1*

1856. Замечания те же, что и для 1.

2. Pyroxen aus Ruskiala in Finnland. Aus den Verhandlungen der K. R. Mineral. Gesellschaft. Jahrgang 1855—1856. Besonders abgedruckt, St. Petersburg, 1856. *1001/2*

1856. В Главном педагогическом институте требовалась при выходе диссертация на свою тему — я избрал изоморфизм, потому что интересовался тем, что нашел сам в 1 и 2, и предмет казался мне важным в естественноисторическом отношении. Составление этой диссертации вовлекло меня более всего в изучение химических отношений. Этим она определила многое. Писана она была в 1854—1855 гг.

3. «Изоморфизм в связи с другими отношениями кристаллической формы к составу». Диссертация, представленная при окончании курса в Главном педагогическом институте. Напечатана в «Горном журнале», 1856 г. *1001/3*

Эти компилятивные статьи писались легко, потому что читал я тогда очень много, а Никитенко, руководитель и затем редактор «Журнала Министерства народного просвещения», охотно их помещал, что давало мне заработок, необходимый по той причине, что я служил тогда в Петербургском университете доцентом без всякого гонорара, а за статьи получал по 25 руб. с печатного листа:

4. Новости естественных наук. Помещались в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1857 г., когда редактором был Никитенко. Работы компилятивные.

1001/4

5. «Северный Урал» Гофмана. 1856 г. Рецензия, помещенная в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1857 г. 1001/5
6. «Краткий учебник органической химии» Штреккера, перевод Е. Андреева. Рецензия помещена там же и тогда же. 1857 г. «Журнал Министерства народного просвещения». 1001/6
- Эти компилятивные статьи, содержащие, однако, следы самостоятельности, писались по той же причине, как и 4—6, и служат указанием того, что уже тогда во мне сверх теоретического было и практическое направление, что выразилось затем явно:
7. О жидком стекле, или стеклянной поливке. Москва. 1867. Рецензия, помещенная в «Журнале Министерства народного просвещения». 1857 г. 1001/7
8. Новейшие металлургические исследования. «Промышленный листок» (О газовом топливе, бессемеровании и т. п.), 1858 г. 1001/8
- 1856.** В августе 1855 г. поехал учителем в Симферопольскую гимназию, в октябре перебрался учителем лицейской гимназии в Одессе, а в июне 1856 г. поехал в Петербург, чтобы магистривать, весной сдал экзамены, а в сентябре защищал диссертацию «Удельные объемы», но ее не явилось тогда в печати (не на что было издать), а явились только «Положения», где уже видна самостоятельная моя точка зрения и то, что иду за Жераром.
9. Положения, избранные для защищения на степень магистра химии. 9 сентября 1856 г. 1002/1
- 1856.** Диссертацию, но не всю — только начало, — взялся печатать «Горный журнал» (ред. Ламанский), конец так и не явился. Связь с (3) очевидна.
10. Удельные объемы. 1856 г. Это — первая часть магистерской диссертации (см. 9), напечатанная в «Горном журнале» 1856 г. 1002/2
- 1858.** Здесь содержится сущность того, что заключается во второй (ненапечатанной) части моей магистерской диссертации (5). Написал потому, что убедился в невозможности напечатания конца диссертации в «Горном журнале». Переводил мой товарищ Вирен, а докладывал в Академии Фрицше. Считаю, что здесь в первый раз выступило мое личное отношение к задачам химии и что формула $P/V = const$ выразила все жераровское в лучшем виде.
11. Über den Zusammenhang einiger physikalischen Eigenschaften der Körper mit ihrer chemischen Reaktion. 29 Januar/10 Februar 1858. Читано в СПб. Академии 29 января 1858 г. Печатано в «Mélanges physiques et chimiques», v. III, Bulletin XVII, 50. См. 1021/7. 1002/3
- 1860.** Отправленный за границу в 1859 г., я занимался в своей лаборатории в Гейдельберге почти исключительно капиллярностью, полагая в ней найти ключ к решению многих физико-химических задач. Отчасти разочаровавшись, затем я совершенно бросил этот трудный предмет, в котором, однако, думал самостоятельно, что видно особенно потому, что нашел для «абсолютной температуры кипения». См. № 19.
12. Частичное сцепление некоторых жидких органических соединений. В химическом журнале Соколова и Энгельгардта, издававшемся при «Горном журнале» в 1860 или 1861 гг. Свод того, что помещено далее (№ 13, 18 и др.), но здесь изложено более подробно. 1002/4
- Это то же, что № 12.
13. Über die Molecularcohesion einiger organischen Flüssigkeiten. «Zeitschrift für Chemie» (издававшийся тогда Эрленмейером), 1860 (то же, по существу, что в № 12). 1002/5
- 1860.** В этой статье рассматривал изменение удельного веса с t , т. е. dv/dt вместо dv/dp . Здесь разодыш мыслей о расширении жидкостей, высказанных в 80-х гг.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

14. Notiz über die Ausdehnung homologer Flüssigkeiten. «Liebig's Annalen der Chemie und Pharmacie», CXIV—165. 1860. 1002/6
- По существу, это то же, что № 12 по-русски.
15. Über die Cohäsion einiger Flüssigkeiten und über die Rolle, welche die Molecularcohäsi-
on bei den chemischen Reaktionen der Körper spielt. «Zeitschrift für Chemie», 1860 (см № 12
и 13). 1002/7
- 1858.** Энантоловый альдегид получил у Фрицше в Академии. Взгляд свой на кислоту считаю
и ныне близким к истине, хотя ныне выразился бы немного иначе, чем выразался тогда.
16. Über die Oenanthol-Schweflige Säure. Сообщено (Фрицше) 26 ноября 1858 г. в СПб
Академии. Напечатано в «Mélanges physiques et chimiques», т. III. 1002/8
- То же, что (8) на русском языке. Относительно замечания Энгельгардта могу сказать, что
то, что он говорит, было мне не ново, а хорошо известно, но я, как и он, лживо держал-
ся тогда типов Жерара, а потом оба бросили:
17. О сернисто-энантоловой кислоте. Из «Химического журнала» Соколова и Энгель-
гардта. 1859. То же, что № 16. 1002/9
- Здесь говорится, в сущности, то, что сказано в № 12 и 19.
18. Sur la cohésion moléculaire de quelques liquides et sur le rôle, qu'elle joue dans les réactions
chimiques des corps. «Bulletin de la Soc. chimique de Paris». 1860. То же 1011/12
1002/10
- 1861.** Статья эта есть заключение ст. № 12= (8) и всех моих работ по капиллярности. Из них,
кроме некоторых фактических, численных данных и ознакомления с некоторыми веще-
ствами (например, глицерином), ценно преимущественно понятие — ныне общеприня-
тое — о температуре абсолютного кипения, ныне называемой «критической» темпера-
турой.
19. О сцеплении некоторых жидкостей и об отношении — частичного сцепления к хи-
мическим реакциям. Из «Горного журнала», 1861 г. 1002/11
- 1861.** Хотя здесь почти только то, что в № 12 и в предшествующей статье, но высказано более
определенно и сжато и даны наблюдения.
20. Über die Ausdehnung und das specifische Gewicht der Flüssigkeit beim Erwärmen über
ihren Siedepunkt. «Zeitschrift für Chemie und Pharmacie» (Эрленмейер), 1861. 1002/12
- Статья эта тождественна с предшествующей:
21. Über die Ausdehnung der Flüssigkeiten beim Erwärmen über ihren Siedepunkt. «Liebig's
Annalen der Chemie und Pharmacie», CXIX—1. 1002/13
- Статья эта, по существу, тождественна с двумя предшествующими, но изложение, кажет-
ся, полнее:
22. О расширении жидкостей от нагревания выше температур кипения. «Горный жур-
нал», 1861. 1002/14
- 1860.** Хотя статья эта есть простой пересказ того, что было на Конгрессе, но в ней не только
сказалось мое отношение к теоретическим вопросам химии и мое присоединение к Же-
рару и Канницаро, но и способ доказательства, редкими, немногими в то время пони-
мавшийся. На Конгрессе я сблизился с Дюма, Вюрцем, Канницаро. Жил с Зининым, Бо-
родиным и Шишковым. Из Карлсруэ с двумя первыми поехал в Швейцарию.
23. Химический конгресс в Карлсруэ. Письмо к А. А. Воскресенскому. «Санкт-Петер-
бургские ведомости», 1860, № 238. 1002/15

- 1861.** Возвратившись из-за границы и начав чтение органической химии, я стал ее писать, иногда формулировал определения, следуя за идеями Франкланда. Думаю, что эта статья дала мне более предшествующих вес между химиками, т. е. показала самостоятельную зрелость.
24. Essai d'une théorie sur les limites des combinaisons organiques. Читано в Академии наук Зининым 2 августа 1861 г. «Bulletin de l'Académie des sciences», vol. V. 1002/16
- «Органическая химия» моя писана тотчас по возвращении из-за границы. Она сама помещена далее, см. № 26.
25. Программа печатного курса «Органическая химия» (июнь 1861 г.) (книга вышла в том же году), см. № 26. 1002/17
- 25а. Рецензия Бейльштейна («Zeitschrift für Chemie», 1862 г. Тогда Бейльштейн был редактором моей «Органической химии»). 1002/18
- 1861.** Этот курс писан мною преимущественно летом 1861 г. на основании того, что я читал в это время студентам университета (см. № 24—26). Тут много вложено самостоятельно, хотя существо, конечно, компилятивно. Получил доходов немного, потому что издатели брали цену издания и половину прибыли, но эта книга составила мне имя в России потому, что пошла скоро и везде.
26. «Органическая химия». Издание т-ва «Общественная польза», 1861. Удостоена затем Демидовской премии в 1000 рублей. 1003/1
- 1867.** Книга эта была написана мною быстро, и успех ее превзошел все мои ожидания, потому что через год я сам не мог найти экземпляра. Доход департамента покрыл даже расходы на мою командировку. Особое значение имели главы о содовом и нефтяном производствах. Меня с того времени стали слушать в этих делах.
27. О современном развитии некоторых химических производств в применении к России и по поводу всемирной выставки 1867 г. (в Париже). Издание департамента торговли и мануфактур, 1867. 1003/2
- Взялся за перевод и дополнение «Технологии» по Вагнеру, потому что это давало заработок (по 30 руб. с листа), но увлекся интересом и много сам дополнял, например, о составе хлеба в № 28, о сахарометрии в № 29 и об алькоголометрии в № 30. Это издание служило мне поводом для изучения технической химии. Но оригинального считаю здесь немного. Писал все сам.
28. Производство муки, хлеба и крахмала. Переведено, дополнено и издано под редакцией Д. Менделеева. «Технология по Вагнеру», выпуск 1-й, 1862. 1004/1
29. Сахарное производство. То же, выпуск 2-й, 1862. 1004/2
30. Производство спирта и алькоголометрия. То же, выпуск 3-й, 1862. 1004/3
- 1864.** Задумал я писать технологию более самостоятельно, чем № 28—30, а потому переменялось и название всего издания. В стеклоделии изложены мною самостоятельно статьи о составе кремнеземистых соединений и стекла.
31. Стеклоделие. Выпуск 4-й «Технической энциклопедии», издаваемой под редакцией Д. Менделеева. 1864 г. 1005/1
32. «Кожевенное производство» Скобликова. Моя только редакция и дополнения. Выпуск 5-й, 1865. 1005/2
- Не имея времени сам переводить и составлять следующие выпуски «Технической энциклопедии», я пригласил технологов, но скоро должен был все это дело бросить, потому что мне за редакцию ничего не перепало и издатели охладели к делу. Мысль о пользе и зна-

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

чении технической энциклопедии меня преследует и до сих пор, но сделать это дело выгодным я не мастер.

33. Маслобойное производство, составлено Д. Менделеевым 6-й выпуск той же «Энциклопедии», 1867. 1006/1
34. Обработка животных продуктов, составил Швецов, мое лишь редактирование. Выпуск 7-й той же «Энциклопедии», 1868. 1006/2
1866. Недостаток русского руководства по аналитической химии заставил меня заняться переводом. Книга пошла скоро и хорошо, но я, много работав над ней, почти ничего не зарабатывал, потому что отдавал переводить. Сам составил только плотности паров и газов.
35. Писчебумажное производство Белова, мое лишь редактирование. Выпуск 9-й, 1869. 1006/3
36. «Аналитическая химия» Жерара и Шанселя. Качественный анализ, мой перевод. 1864 г. 1007/4
37. Количественный анализ, выпуск 1-й, по Шанселю и Жерару. 1008/1
38. То же, выпуск 2-й. Плотность паров и газов составлена мною. 1866 г. 1008/2
- 1868—71. Писать начал, когда стал после Воскресенского читать неорганическую химию в университете и когда, перебрав все книги, не нашел, что следует рекомендовать студентам. Писать заставляли и многие друзья, например Флоринский, Бородин. Писавши, изучил многое, например Mo, W, Ti, Uг — редкие металлы. Начал писать в 1868 г. Вышло всего 4 выпуска, и когда (1871) выходил последний — первого уже не было. Так как издавал сам, то получились средства, а потом эта книга дала мне главный побочный доход новыми изданиями. Тут много самостоятельного в мелочах, а главное — *периодичность элементов, найденная именно при обработке «Основ химии»*.
39. «Основы химии», часть 1. 1869. «Основы химии», часть 2. 1871. 1009/1 и 1010/1
40. Первые мысли о периодичности вложены мною в листок № 43, который 1 марта 1869 г. был послан многим ученым. Первое сообщение (№ 42) сделано было 6 марта 1869 г. в заседании Химического общества (см. «Журнал Русского химического общества», I, 35), напечатано в том же томе «Журнала» (с. 60—77, см. № 42). В октябре в том же Обществе сообщено было об окислах элементов, а на Съезде в Москве — об объемах простых тел. У меня нет особого оттиска статьи моей «О количестве кислорода в соляных окислах и об атомности элементов». Она в «Журнале Русского химического общества» (1870, т. II, с. 14; см. № 41).
1869. Эти заявления считаю и поныне (1899) твердыми основаниями, всего учения о периодичности элементов. Это определило мое положение в науке окончательно. См. № 228.
41. 1869. Октября 2. Из протоколов Химического общества об окислах. 1011/1
42. 1869. Из «Журнала Русского химического общества», т. I, с. 60. «Соотношение свойств с атомным весом элементов». 1011/2
43. 1869. Марта 1. «Essai d'une système des éléments d'après leurs poids atomiques et fonctions chimiques» par D. Mendeleef, professeur de l'Université a St. Petersburg. 1011/3
1870. Еще не кончив «Основы химии» (что брало тогда все мое время), я кое-что сделал для церия, и найденное было затем принято всеми. Браунер был из первых.
44. Über die Stellung des Ceriums im System der Elemente. Сообщено в СПб Академии наук 24 ноября 1870 г. Помещено в «Bulletin de l'Académie des sciences», t. VIII, p. 45. 1011/4

- 1873.** Возражения и сомнения давали мне повод получать уверенность в справедливости периодического закона, но я редко отвечал и тогда (в эту эпоху) уже не любил диспута, считая его бесплодным.
48. О применимости периодического закона к церитовым металлам. Ответ Раммелсбергу. «Журнал Русского химического общества», 1873. 1011/8
49. То же в немецком переводе. Über die Anwendbarkeit des — periodischen Gesetzes bei den Ceritmetallen. «Liebig's Annalen der Chemie», Bd. 168, 1873. 1011/9
- Считаю со своей стороны, что Вюрц много способствовал популяризации моей системы элементов.
- 49а. О книге Вюрца: «Theorie Atomique», — где говорится о периодической системе. 1011/9а
- Это извлечено из сочинения моего о соединении спирта с водою.
50. Über die Verbindungen des Alkohols mit Wasser. Извлечения из моего сочинения, сделанные Рихтером. «Poggendorf's Annalen», Bd. 103, 138, 1869. 1011/10
- 1870.** Эту статью твердо установлено мною указание на необходимость сильного охлаждения для сжижения газов и некоторые мои права на современное понимание явления т «абсолютного кипения», или «критической».
51. Bemerkungen zu den Untersuchungen von Andrews über die Compressibilität der Kohlensäure. «Poggendorf's Annalen», Bd. 141, 618, 1870. 1011/11
- 1872.** Работа эта побочная, организована при начале работ над упругостью газов. Русский оригинал см. № 56. Ее надо считать оригиналом, а это — перевод.
52. Die Pulsirpumpe (Pompe sygène) von D. Mendeleeff, M. Kirpitschhoff und G. A. Schmidt. «Liebig's Annalen der Chemie», Bd. 165, 63, 1872. 1011/13
- 1870.** Эти заметки, как и многие иные, сделаны по поводу составления «Основ химии». Здесь впервые доказывается, что уголь должен представлять C^n где n велико.
53. О законе теплоемкости и о сложности угольной частицы. «Журнал Русского химического общества», т. II, 28, 1870. 1011/14
- 1870.** Происхождение то же. Спринг затем подтвердил все мои основания. «Журнал Русского химического общества», т. III, 25.
54. О тионовых кислотах. 1870 г. «Журнал Русского химического общества», II, 276. 1011/15
- 1871.** Происхождение то же. опыты Сеченова, Гофмана и др. отчасти оправдали то, что я предвидел здесь.
55. О соединениях, содержащих группу NO_2 «Журнал Русского химического общества», III, 1871. 1011/16
- Эта статья есть оригинал, а № 52 — ее перевод.
56. Пульсирующий насос Менделеева, Кирпичева и Шмидта. «Журнал Русского химического общества», IV, 169, 1872. 1011/17
- См. «Журнал Русского химического общества», тома I, II, III и следующие, где в протоколах много моих мелких сообщений, например, о перекисях (III, 284), о кристаллизационной воде (III, 249) и т. п. Они вошли в новейшие выпуски (издания) «Основы химии».
- 1872.** Это моя программа для исследований о сжимаемости газов. Тут немало такого, что поныне еще мало разъяснено. Здесь же и о весах — очень много основательного.

1874. Считаю эту формулу (мною данную) существенно важною в физико-химическом смысле. Особого оттиска не имею—надо см. в журнале.
78. Общая формула газов $APV = KM(C + T)$. Протокол Физического общества от 7 сентября 1874 г. («Журнал Русского физико-химического общества», т. VI, 12).
1874. Он описан в книге об упругости газов. О теплеровском насосе при устройстве своего я не знал.
79. Ртутный насос Д. Менделеева. 1874. Там же, с. 120 (особых оттисков этих статей у меня не бывало).
1874. Считаю эту свою работу многозначительной, но нигде ее не развивал, а потому предполагаю к ней возвратиться, когда успею (14 февраля 1899 г. писал).
80. О водородном и нефтяном метрических термометрах. 1874. См. в «Журнале Русского химического общества», химический отдел, т. VI, с. 8. См. «Журнал Физического общества», т. VI, с. 10 — еще лучше.
1874. Факт примечателен, и его следовало бы разобрать подробнее.
81. О разрыве стеклянных трубок давлением. 1874. Там же, с. 7 (тоже нет оттисков).
1875. Это относится к №№ 75 и 77:
82. Bemerkung bezüglich der Erwiderung Herrn Siljeström's. «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft», 1875, 744. 1012/4
1874. Курьез тут в том, что чистый сферосидерит был привезен как известковая порода. Ездил с Иностранцевым.
83. Анциферовская железная руда. Протокол Химического общества. Ноябрь 1874 г. («Журнал Русского химического общества», т. VI). 1012/5
1876. Видели мы с Иностранцевым много чудного и занятного.
84. О том же предмете — после поездки с Иностранцевым. Протокол от 9 янв. 1875 (т. VII). 1012/6
1875. Очень я и все любили Михаила Львовича - он очень много обещал. Умер чахоткой.
85. О кончине Михаила Львовича Кирпичева. Протокол Химического общества от 6 марта 1875 г. («Журнал Русского химического общества», т. VI). 1012/7
1875. Мое представление об этом криогидрате как об определенном соединении, подмеченном мною в 1868 г., многие опровергали, но я держусь и сейчас того мнения, что между физическими и химическими силами связь теснее, чем ее обыкновенно признают.
86. О криогидрате $NaCl \cdot 10 H_2O$ (там же). 1012/7
1875. Вопрос этот очень меня занимал. Он связан с моими работами над разреженными газами, а они направлялись к вопросу о природе светового эфира. Кое-что я и тут делал, но не публиковал. Тогда-то я стал заниматься воздухоплаванием. Отсюда — сопротивление среды. Все находится в генетической связи.
87. О температуре верхних слоев атмосферы. — Протокол Физического общества от 7 октября 1875 г. См. № 223. 1012/8
1876. Это развитие № 87. Познакомившись с Мариньяком ранее, я счел наиболее удобным послать статью ему в Женеву.
88. De la température des couches supérieures de l'atmosphère. «Archives des sciences physiques et naturelles». Genève, 1876, 233. 1012/9

Д. И. Менделеев. С портрета работы Н. А. Ярошенко

1876. Это относится также к № 87. Я счастлив был тем, что на многие мои работы являлась критика — значит, там было новое и внимания достойное.

89. О температурах атмосферных слоев (ответ М. А. Рыкачеву). («Журнал Русского физического общества», 1867, т. VII, с. 10.) 1012/10

1876. Рыкачев возражал еще раз, и я счел необходимым ему отвечать, хотя терпеть не могу полемики, но в нее меня часто втягивали. Для избегания этого я после стал действовать более обдуманно.

90. Еще несколько слов о температуре атмосферных слоев («Журнал Русского физического общества»). Но кое-что мне в этой редакции не понравилось, и я ее немного изменил, как дано в № 91 (1876). 1012/11a

91. То же с небольшим изменением. 1876 г. 1012/116

1875. Эта работа, очевидно самостоятельная, по методу очень меня занимала, но, как и многие иные, не была опубликована с надлежащей подробностью, что вредит.
92. О расширении воздуха при обыкновенном давлении. Протоколы Физического общества, 4 ноября 1875 г. Работа с Каяндером. 1012/12
1873. Меня занял этот дифференциальный барометр немного, но его стали спрашивать у меня, и я его заказал; продавал Рихтер. Надо было еще улучшить, но это дело, соединенное с производством и продажей, но с ничтожным заработком, скоро мне надоело.
93. Предварительная заметка об определении высот дифференциальным барометром. «Журнал Русского физико-химического общества». 1873, т. V. 1012/13
93. Высотомер Д. Менделеева, а после — Рихтера, 1875 г. 1012/14
1875. Тут сказалась надобность пересчитать многое у Реньо. Делал это тем охотнее, что считать люблю.
94. О расширении ртути по опытам Реньо. «Журнал Русского физико-химического общества» (т. VII, с. 75). 1012/15
1875. Писал по настоятельному желанию проф. Березина, моего друга.
95. О воздухе. Статья из «Энциклопедического словаря» Березина. 1875 г. 1012/16
1876. После смерти Кирпичева ко мне пошел ассистентом В. Л. Гемилиан, и с ним, как прекрасным помощником, я проделал вновь определения при малых давлениях, но излагал кратко.
96. D. Mendeleeff und V. Hemilian. Über die Zusammendrückbarkeit der Gase bei Drucken unterhalb einer Atmosphäre. «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft». 1876. 1012/17
- Французский перевод статьи был отдан в Париже, когда мы с Гемилианом ехали через Гавр в Америку на Филадельфийскую выставку.
97. То же, статья во французском переводе «Annales de chimie et de physique». 1876, 5 Série, v. IX. 1012/18
- В 1876 г. шли со стороны Каткова большие нападки на университеты, их поносили в «Московских ведомостях» на все лады, но Петербургский университет до № 976 мало трогали. «Голос» с Краевским и Градовским защищали неповинных в беспорядках профессоров и устав 1863 г., давший развитие науке. Статья 976 вмешала и меня, не назвав имени.
- 97а. Статья проф. Градовского, подписанная «Простаковым»: «Проект преобразования российских университетов». Газета «Голос». 1876. 1012/19
- 97б. Корреспонденция «Московских ведомостей» января 29 1876 г. Подписано «Номо Novus». 1012/20
- 97в. Передовая статья «Голоса» от 6 февраля 1876 г. (писал Градовский), ответ «Московским ведомостям». 1012/21
1876. То, что я отвечал (№ 98), вылилось у меня в один вечер, сразу (см. также № 98а). Это — характер эпохи той.
98. В защиту Антошки Номо Novus. Моя статья в «Голосе», кажется, 12 февраля 1876 г. 1012/22
- 98а. Петрушевский тоже отвечал Номо Novus'у. 1012/23

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

- 1871.** Тогда классицизм проводили Катков и Леонтьев, много писалось, и мне хотелось сказать посылно (см. № 98 и многие другие).
99. Заметки по вопросу о преобразовании гимназий. «С.-Петербургские ведомости»,
1 мая 1871 г. 1012/24
- 1876.** Работу под моим наблюдением вел Богузский, прекраснейший экспериментатор.
100. Сообщение на Варшавском съезде естествоиспытателей.
(3 сентября 1876) об опытах моих и Богузского над сжимаемостью воздуха при давлении, близких к атмосферному. 1876 г. 1012/25
- 1876.** Это очень меня занимало, но опять я из-за других дел бросил довести эту работу до конца, а стоило бы.
101. Там же (1876). Сообщено о выражениях климата тремя или двумя постоянными. 1012/26
- 1876.** Ничего из сего не вышло, а жаль.
102. Там же (1876). Предложение издавать сборник русских статей по естествознанию. 1022/17
- 1876.** Сам удивляюсь, чего только я ни делывал на своей научной жизни. И сделано, думаю, недурно.
103. О барометрическом нивелировании и о применении для него высотомера. Оттиск из «Инженерного журнала», 1876 г. 1012/28
- 1876.** Предисловие, писанное мною, содержит кое-что самостоятельное, меня тогда интересовавшее.
104. Мон. Метеорология, или Учение о погоде. Перевод Иорданского и Капустина. 1876.
Предисловие и некоторые добавления Д. Менделеева. 1012/29
- 1880.** Эту полемику приоритетов я терпеть не могу, но меня немцы принуждали отвечать (см. № 45).
105. Zur Geschichte des periodischen Gesetzes. «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft», 1880, Bd. 13, 1796. 1013/1
- 1880.** Эту поездку сделал с Володиёй. Баку, Петровск, Дагестан, Грозное, Тифлис, Батуми, Новороссийск, Кубань.
106. О поездке на Кавказ в 1880 г. В протоколе Русского физико-химического общества. 11 сентября 1880 г. 1013/2 A
- 1880.** Пробы перегонки с паром были с самого начала удачны и потом очень удовлетворительны.
107. Там же (1880). О способе фракционированной перегонки нефти. 1013/2 B
- 1880.** Это я настоял и достал у Рагозина 1000 руб. на премию.
108. О премии Рагозина на лампы для сжигания тяжелого нефтяного масла. Там же (1880). 1013/3
- 1881.** У Рагозина в Константинове на Волге я жил уже с Анной Ивановной и много работал.
109. Результаты, полученные для изучения нефти в 1881 г. на заводе Рагозина. Протоколы Русского физико-химического общества, 1881, т. 13, с. 155. 1013/4
- 1881.** Это — изложение отчета об опытах, самое полное из явившихся; в нем много такого, что нигде более не было опубликовано. Бросил я опыты по многим причинам, а главное: 1) Кирпичев, главный сотрудник, помер; 2) Гемелиана — другого — я сам устроил в Вар-

- шаву; 3) Ф. Я. Капустин уехал в Кронштадт; 4) Богузский уехал в Варшаву и т. д. — (*неразборчиво*) помощников, а денег давали мало, претензий же заявляли (Львов, Кочубей, Гадолин) много, а я тогда решил жениться во второй раз, и времени было мало.
110. Об опытах над упругостью газов. Сообщено в Русском техническом обществе 21 января 1881 г. (см. «Записки» Общества). 1013/5
- (Тут много биографических частных 1872—1881 гг., и между строк и прямо — причины ясные, по которым надо прекратить опыты.) См. № 233.
- 1881.** Она хотя и обладает свойством кислоты, но все же перекись, и это главное, что надо было сказать, чтобы не дать шататься периодическому закону.
111. Надсерная кислота Бертело. Протоколы химического отдела Русского физико-химического общества. 1881 г. 1013/6
- 1881.** Это — диспут с Л. Нобелем, которому я придал особую форму, следуя обстоятельствам. Мой совет не подействовал — и много бедствий выпало на Баку, но это и ныне ясно немногим. См. № 191.
112. Где строить нефтяные заводы. Приложено к «Журналу Русского физико-химического общества» и издано отдельно мною. 1881 г. 1013/7
- 1881.** Издание исправлял и переделывал, живя с Анной Ивановной на Капри. См. собрание писем моих.
113. Предисловие к 4-му изданию «Основ химии», 1881 г. 1013/8
- 1882.** Считаю, что с этого момента мое отношение к промышленности в России получает ясную определенность, сказавшуюся в 1890—1899 гг.
114. Мысли об условиях развития заводского дела в России. Речь на Промышленном съезде в Москве. 1882 г. 1013/9
115. О первом конкурсе на лампы для соляровых масел. 1882 г. («Журнал Русского физико-химического общества»). 1013/10
- 115а. Андреев. Исследование этих ламп (№ 115). 1882 г. 1013/1
- 1883.** Здесь мое заявление и демонстрация полного сжигания в лампе всех (смешанных) продуктов нефти. Думаю, что это когда-нибудь да получит свое истинное значение, а тут так проскочило — незаметно.
116. Второй конкурс на лампы. 1883 г. «Журнал Русского физико-химического общества», т. XV 1013/12
- 116а. Андреев. Данные для ламп второго конкурса. 1883 г. (т. XV). 1013/13
- Совершенно не помню этого.
- 116б. Публичные лекции в пользу лечебных колоний (*неразборчиво*). О молекулярных движениях. 1013/14
- 1882.** Это немаловажно и еще будет когда-нибудь разбираться.
117. Исследование погонов бакинской нефти разных годов и мест. Протоколы Русского физико-химического общества. 1882 г. 1013/15 А
- 1882.** Это мелочи.
118. Там же. 1882 г. Нефтяные разноречия с Марковниковым. 1013/15 Б
- 1882.** О редких элементах, Ве и др.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

119. Там же (протоколы 1882 г. Русского физико-химического общества). Заметки по периодичности элементов. 1882. 1013/16
1883. Нефтью в то время я много занимался.
120. OC_5H_{12} из бакинской нефти. Протоколы Русского физико-химического общества. 1883, т. 15, с. 3. 1013/17A
1883. Считаю это сообщение, легшее в основание моего лондонского чтения, немаловажным.
121. О законе замещений. Там же, «Журнал Русского физико-химического общества», т. 15, 3. 1013/17 B
1882. Практически это очень важно, а теоретически очевидно.
122. О бакуоле. Там же, том 15, 1883 г. 1013/18
1883. То же замечание.
123. О безопасном освещении. 1883. Анонс Кустовского завода. 1013/19
1883. Это из числа моих сельскохозяйственных заметок. Меня прямо принудили говорить. Здесь я ставлю заводы на первый план. Подобные мысли и ныне у меня.
124. Замечания В. А. Кокореву на акцизные предложения в пользу сельского хозяйства в заседании Собрания сельских хозяев. 1 ноября 1883 г. 1013/20
1883. См. № 107 и др. Этим, строго говоря, я закончил мои экскурсии о составе нефти. Расинский и Тищенко продолжали их, но и они недостаточно настойчивы. См. № 137.
125. О дробной перегонке бакинской нефти. Протоколы Русского физико-химического общества. 3 марта 1883 г. 1013/21
1883. Вопросы немаловажны с практической точки зрения.
126. Беседа в Техническом обществе о нефти и лампах (корректурa). 1013/22
1883. Мелочные разноречия. Позднее (1898) Марковников признал справедливость моих наблюдений и замечаний.
127. По вопросу о нефти. Ответ Марковникову и Оглоблину. 1883. «Журнал Русского физико-химического общества», т. 15, с. 366. 1013/23
1882. Принципиально было важно показать, как сложны технохимические данные и что от них ждать можно.
128. О теплоте горения углеводородов. «Журнал Русского физико-химического общества», 1882, т. 14, с. 230. 1013/24
1884. Эту заметку считаю очень интересною: много на нее обратили внимания, а я не разрабатывал.
129. Отношение плотности растворов к частичному весу солей. Протоколы Русского физико-химического общества. 1884, т. 16. 1013/25
1884. Имела значение для возбуждения добычи по Леблану.
130. О соде Любимова. Там же (1884). 1013/26
131. О расширении жидкостей. «Журнал Русского физико-химического общества. 1884. 1013/27a
1884. То, что тогда нашел, я и теперь считаю не только оригинальным, но и могущим иметь важное теоретическое значение.

- 131a. То же в английском переводе. «Journal of the chemical society». 1884, XLV, 126. 1013/276
- 131b. То же в немецком переводе. 1013/27в
- 1884.** Эту и следующую статью считаю много дополняющей и разъясняющей № 131.
132. О расширении жидкостей в связи с их температурой абсолютного кипения (ответ Авенариусу). «Журнал Русского физико-химического общества», 1884. 1013/28
- 1884.** Тут есть некоторый задор, но он был вызван, сам я не задевал, но когда меня заденут — стараюсь не спустить.
133. Еще о расширении жидкостей (ответ Авенариусу). Там же. 1013/29a
133. Та же статья из «Известий Киевского университета». 1884 г. 1013/29в
- 1884.** Дюма я очень уважал, а он очень мне благоволил.
134. Некрологическая заметка о Дюма. Протоколы Русского химического общества. 1884. 1013/30a
- 1884.** Это по Торпе и Рюккеру, которые признали значение моей статьи № 131.
135. О соотношении модуля расширения к критической температуре. «Журнал Русского физико-химического общества», 1884, т. 16. 1013/30в
- 1884.** Тогда я уже занимался плотностями растворов, и вопрос был экспериментально важен. См. № 140.
136. О плотности нормальной серной кислоты. Там же (1884), с. 455. 1013/30в
- 1884.** Это отвечает № 125.
137. О перегонке американской нефти. Там же. См. № 59. 1013/30д
- 1884.** См. № 59. Цель достигнута, но после моего ухода в 90-х годах. Не сетую. Много бы я потерял, если бы был в то время в университете, когда строилась новая лаборатория. О ней я хлопотал у И. А. Вышнеградского. См. № 134.
138. О необходимости нового здания для химической лаборатории СПб. университета. Представление в факультет. 1884. 1013/31
- 1884.** Это очень занятно (*неразборчиво*). Потом кое-что рассчитывал, а я кое-какие опыты делал с шарами. См. № 174а (опыт).
139. О сжатии при образовании растворов. Протоколы химического отдела Русского физико-химического общества. 1884. 1013/32
- 1884.** В сущности, перевод № 136.
140. Über das spezifische Gewicht des H₂SO₄. «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft». 1884, T. 17, 2536 1013/33в
- 1885.** Не люблю я этих комиссий, а был принужден заседать.
141. Комиссия 1885 г. о нефтепроводе. Издание Русского технического общества, с. 84 и др. 1013/34
- 1886.** В Обществе для содействия русской промышленности было много интереснее. И тут я говорил более. Дело шло о налоге на нефть. Считаю мою статью эту — хорошею.
142. Замечания на расчеты Д. Э. Нобеля. 1886. В Обществе для содействия русской промышленности и торговле. 1013/35

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

- 1886.** В. И. Рагозин предложил обложить сырую нефть. Общество собралось обсуждать. Председательствовал Н. П. Игнатьев. Мне много пришлось говорить (с. 50, 95, 150 и др.) № 174.
143. О налоге на нефть. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. 1886. 1013/36
- 1876.** Когда А. М. Бутлеров и М. П. Вагнер стали очень проповедовать спиритизм, я решился бороться против суеверия, для чего и образовалась комиссия при Физическом обществе. Тут я много действовал, у меня и собирались. Мое мнение хорошо высказано в публичных лекциях 15 декабря 1875 г. и 24 и 25 апреля 1876 г., особенно в последней. Против профессорского авторитета следовало действовать профессором же. Результат (*неразборчиво*)— бросили спор. Не каюсь, что хлопотал много.
144. Материалы для суждений о спиритизме. 1878. 1014/1
- 1877.** Ездил на счет Министерства финансов (Рейтерн) с Гемилианом. Глядел самостоятельно. При изложении — родилась глава «о происхождении», наиболее интересная с научной стороны. Видно, что тогда я много думал и писал.
145. Нефтяная промышленность в североамериканском штате Пенсильвания и на Кавказе. 1877. См № 185. 1014/2
- 1877.** Тут результат моих статей об этом интереснейшем предмете и часть опытов с М. Л. Гросман. Думаю, что тут много самостоятельного и важного.
146. О сопротивлении жидкостей. Сообщение в общем собрании Русского физико-химического общества 27 декабря 1879 г. 1014/3
- 1880.** В 1878 заболел плевритом, уехал по совету С. П. Боткина на зиму в Ниццу, а там занялся воздухоплаванием и сопротивлением среды. Книга вышла полна разного интереса (тогда я уже любил Анну Ивановну), на ее окончание личных средств не стало (они пошли на дела семейные), а казенных не дали, оттого и не продолжал.
147. О сопротивлении жидкостей и о воздухоплавании. Выпуск 1. 1880. 1014/4
- 1887.** Это — одно из исследований, наиболее труда стоившее мне, но оно довольно канительное. Из него отчасти родилась мода, если можно так сказать, на растворы. Мои мысли смолоду были там же, где тут и теперь — грани нет между этими явлениями и чисто химическими. Рад, что успел их тут сказать довольно четко. И рад, что посвятил матери, которой всем обязан.
148. Исследование водных растворов по удельному весу. 1887. 1015/1
- 1888.** М. Н. Островский, желая выяснить вопрос нефтепровода, просил меня съездить в Баку. Отчет ему дан здесь—в пользу дела.
149. Бакинское нефтяное дело в 1886 г. 1015/2
- 1886.** Это — одна из попыток приложить начала, изложенные в № 148/
150. Über die nach der Veränderung des specifischen Gewichtes beurtheilte chemische Association der Schwefelsäure mit Wasser. «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft». 1886. Т. 19, 379. 1015/3
- 1886.** См. № 150 и 153.
151. Über die Wärmetonung als Kennzeichen der Association der Schwefelsäure mit Wasser. Там же, с. 400. 1015/4
- 1886.** Внушено обработкою «Основ химии» и растворов. См. № 148.
152. Notiz über die Contactwirkungen. Там же. Т. 19, с. 456. 1015/5

Портрет Д. И. Менделеева из английского журнала «Science and Art». 1893 г.

То же, что № 151.

153. О термических данных для определения гидратов H_2SO_4 и H_2O . «Журнал Русского физико-химического общества», 1886, т. XVIII. 1015/6

1886. Заметка, выражающая мое внутреннее убеждение довольно ясно.

154. О единстве вещества. 1886. Там же. 1015/7

1887. То же, что № 150, но полнее.

155. Гидраты серной кислоты, судя по плотности растворов. Там же, протоколы. 1887 г. 1015/8

1886. То же, что № 152. Здесь много мыслей, еще и ныне достойных внимательной обработки.

156. О влиянии прикосновения на ход химических реакций. «Журнал Русского физико-химического общества», 1886, т. 18, с. 8. 1015/9

1887. Это сообщено в Манчестере на съезде британской Ассоциации.

157. The Compounds of ethyl Alcohol with Water. «Journal of chemical Society», 1887, LI, p. 778. 1015/10

1887. Это к № 148. Это есть единственное, что я писал поподробнее на иностранных языках о растворах.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

158. Das spezifische Gewicht der Schweielsäurelösungen. «Zeitschrift für physikalische Chemie», 1887, Т. I, 274. 1015/11
- 1887.** Описано тут все и так ясно, что прибавлять нечего. Это одно из примечательных приключений моей жизни. См. № 254.
159. Воздушный полет из Клина во время затмения. «Северный вестник», 1887. 1015/12
- 1888.** В 1887 г. университетские беспорядки так мне надоели, что я хотел уходить из университета. Островский уговаривал и предложил поехать осмотреть Донец и беспорядки по вывозу и выработке каменного угля, чтоб забытья. Охотно и с великим интересом отправился я — результат здесь и в № 162. Тут много очень полезных заметок.
160. О мерах для развития донецкой каменноугольной промышленности. 1888. Представлено М. Н. Островскому и не опубликовано (см. № 162). 1015/13
- 1888.** Мое участие в этом деле очень невелико, но все шло через мое посредство.
161. Исследование оханского метеорита 1887 г. Журнал «Русского физико-химического общества». 1888. 1015/14
- 1888.** См. № 160. Островский просил писать не так сухо, как я ему писал, для публики. Это согласовалось и с моим желанием. Статья вышла немного цветистой, но она явно действовала, что я узнал с разных сторон.
162. Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца. «Северный вестник», 1888 г. 1015/15
- 1889.** Это, кажется, единственная статья, в которой я коснулся ионизации при электролитической диссоциации. Ныне Д. П. Коновалов взялся за ту же тему.
163. Заметка о диссоциации растворенных веществ. «Журнал Русского физико-химического общества». 1889. 1015/16
- 1889.** Выбрал закон замещения. Написал быстро, чтоб успели перевести. См. № 171—полнее.
- 163а. Объявление о чтениях в Royal Institution в 1899 г., где и мое назначено на 31 мая н. ст. 1015/17
- 1889.** Сюжет мне почти назначили (см. собрание писем).
164. Попытка приложения к химии одного из начал Ньютона. «Северный вестник», 1889. 1015/18
165. Периодическая законность химических элементов. Фарадеевское чтение 23 мая (4 июня) 1889 г. «Журнал Русского физико-химического общества». 1889. 1015/19
- 1889.** Перевод № 164. Сделал здесь доктор Дункан, а в Лондоне правил В. И. Андерсон.
166. An Attempt to apply to Chemistry one of Principles of Newton's Natural Philosophy. Royal Institution. 31 мая 1889 г. 1015/20
- 1889.** То же. См. № 165. Периодическая законность химических элементов.
167. The periodic Law of the chemical Elements. Faraday Lecture. «Journal chemical Society», 1889. 1015/21
- Это перевод № 169.
168. The present Position and Prospects of the Caucasian petroleum Industry. «Journal of the Society of chemical Industry». 31 октября 1889 г., т. VIII. 1015/22
- 1889.** Не верил и не верю истощению, а по-моему, и писал довольно ясно.

169. По поводу возобновления слухов о бакинском нефтяном истощении. «Северный вестник», 1889. 1015/23
- 1889.** Это издание переработано мною самим. С него сделаны были немецкий и английский переводы.
170. «Основы химии», 5 издание, 1889. 1016/1
- 1889.** Это №№ 164 и 165, изданы отдельно с предисловием. См. №266.
171. Два лондонских чтения. 1889. 1016/2
Это переведено с 5-го издания, а издал Риккер в Петербурге.
172. Grundlagen der Chemie. 1891. Перевели Явейн в Тилло. 1017/1
- 1875.** Я бы не спешил давать публичный отчет, если б меня не торопили (см. № 110). Тут много дано, особенно со стороны приборов.
173. Об упругости газов, часть 1, 1875. См. №180. 1018/1
- 1889.** В сентябре 1889 г. заехал по-товарищески к И. А. Вышнеградскому, тогда министру финансов, чтобы поговорить по нефтяным делам, а он предложил мне заняться таможенным тарифом по химическим продуктам и сделал меня членом Совета торговли и мануфактур. Живо я принялся за дело, овладел им и напечатал этот доклад к Рождеству. Этим докладом определилось многое в дальнейшем ходе как всей моей жизни, так и в направлении обсуждений тарифа, потому что цельность плана была только тут. С. Ю. Витте сразу стал моим союзником, а за ним перешли и многие другие.
174. Связь частей общего таможенного тарифа. Ввоз товаров. Докладная записка для министра финансов И. А. Вышнеградского — не опубликовано, а напечатано для комиссии, рассматривавшей тариф. 1889 г. 1019/1
- Обе статьи писаны по опыту, указанному мною. Объем пустот — это для моих соображений. № 139.
- 174а. Колотов. Состав кира. 1887. Письменно. 1019/2а
- Он же. Пустота в массе проса и дроби. 1887. Письменно. 1019/2б
- 1880.** У меня на I курсе собиралось очень много слушателей, было душно и тесно. Поэтому возник вопрос об отдельном чтении химии математикам. Таково происхождение этой записки.
175. О преподавании химии на первом курсе. Доклад факультету СПб. университета. 12 апреля 1880 г. 1019/3
- 1886.** Записка эта свое действие имела; предложение Рагозина—Нобеля не было принято; акциз был наложен уже Вышнеградским на керосин.
176. Об акцизе на нефть. Записка, представленная (февраль 1886 г.) министру финансов Бунге. 1019/4
- 1886.** Тогда (с Лелей и Н. А. Ярошенко) я был в Баку. Тут и подробности моих сообщений.
177. О нефтяном истощении. Письмо 22 мая 1886 г. «Бакинские известия». 1019/5
- 1887.** Записка, поданная мною министрам при обсуждении этого вопроса.
178. По вопросу о нефтепроводе и керосинопроводе. 15 марта 1887 г. 1019/6
- 1879.** Тут была целая история — мне хотели запретить говорить об этом, но я все преодолел и говорил. Исправлял доклад мой Маков, попечитель — Ванновский, министр народного просвещения — Толстой.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

179. Заявление Съезду русских естествоиспытателей о переселении и изучении для него.
1879. 1019/7
- 1875.** Прилагалось при № 173, под письмом за границу.
180. Recherchts experimentals sur l'elasticite des gaz. Французское оглавление к моему со-
чинению № 173. 1875 г. 1019/8
- 1886.** Когда шел вопрос о нефтепроводе, ко мне обратились за разъяснениями. Сперва Посьет,
потом Бунге и, наконец, великий князь Михаил Николаевич. Эти мои ответы нигде не
публиковались, а они и сейчас не лишены интереса.
181. Письмо К. Н. Посьету в 1886 г. о нефтепроводе. Черновая рукопись. 1019/9
182. Осветительное масло русской и американской нефти. Черновая рукопись. 1886 г.
1019/10
183. Ответы на запросы Нобеля по отношению к нефтепроводу. Черновая рукопись.
1887 г. 1019/11
- 1889.** Сущность этой бумаги та же, что № 138. Ходатайство Вышнеградским было уважено
и деньги даны.
184. Потребности химической лаборатории. Представление декану Советову. 1889 г. Ру-
копись, копия. 1019/12
- 1876.** Это после моей поездки в Америку, но раньше появления книги № 145. Тут я познако-
мился с Рагозиным и многими другими.
185. О нефти в Америке. Сообщение в Русском техническом обществе. 1876 г. Корректурa.
1019/13
- 1887.** Переходное это было для меня время; многое во мне изменялось; тогда я много читал
о религиях, о сектах, по философии, экономических статей. Здесь кое-что выражено.
Взял псевдоним по той причине, что тогда во мне еще слаба была уверенность в вернос-
ти выбранного мною пути. А я теперь писал бы то же прямо с моей фамилией; все ска-
занное, прочтя вновь, подписываю.
186. Об единице. Ноябрь 1877 г. В журнале «Свет», издававшемся тогда Н. Вагнером.
Писана мной и подписана псевдонимом (что я сделал лишь раз в жизни) Д. Попов —
от имени моей жены, А. И. Поповой. 1019/14
187. Табличка, прилагавшаяся при моих высотомерах. 1019/15
- 1880.** Тогда я ездил в Баку с Володей.
188. Корреспонденция из Баку от 1 июня 1880 г.
- 1880.** Тут сказались все прежние и позднейшие мои мысли про нефть в Баку. Это очень занят-
ный фельетон, и мне было интересно его прочесть самому теперь — через 19 лет (1899).
189. Что делать с бакинской нефтью. Фельетон в газете «Голос», сентябрь 1880 г.
1019/17
- 1880.** Кое-что из писанного мною о нефти пришлось не по вкусу Нобелю и Лисенко, тогда
у него работавшему.
190. По вопросу о бакинской нефти. Ответ г-на Лисенко. «Новое время», 21 октября
1880 г. 1019/18
- 1880.** Полемика с Нобелем кончилась с появлением № 112.
191. Что делать с бакинской нефтью? Статья Л. Э. Нобеля и мой ему ответ в газете «Го-
лос» от 24 октября 1880 г. 1019/19

Д. И. Менделеев в мантии доктора Кембриджского университета. 1894 г.

- 1886.** Совершенно забыл эту статью, но вижу в ней немало дельного и теперь.
192. По вопросам о нефтепроводе. «Новое время», 24 марта 1886 г. *1019/20*
- 1889.** Не знаю, кто писал статью. То, что сказано про меня, — довольно верно, а многое другое — путано.
193. Ротшильд и нефтепровод. «Новое время», 16 февраля 1889 г. *1019/21*
193а. «Новое время», 18 октября 1882 г. Статья «Большое дело» — про нефть, где и о моих речах. *1019/22*
- 1887.** Совершенно забыл про эти свои чтения. Вообще у меня на мелкие события — много забывчивости.
194. О нефти. Лекции в Кронштадте, читанные мною в 1887 г. *1019/23*
Кто-то многое скомкал.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

- 194а. Нефтяная комиссия. «Новое время», 24 декабря 1886 г. 1019/24
Говорить-то я говорил, но оттенок, очевидно, был иной.
- 194б. Налог на керосин. «Новости», 19 декабря 1887 г. 1019/25
- 1880.** Картина Куинджи меня глубоко заинтересовала, но писать я начал о ней только тогда, когда с разных сторон меня просили об этом.
195. Перед картиною А. И. Куинджи. 13 ноября 1886 г. «Голос». 1019/26
- 1880.** Заметки не бесполезные в чисто биографическом смысле. Оттого и сохраняю. Очень мне самому полезны.
196. О премии моего имени. «Голос», 16 ноября 1880 г. 1019/27
197. Некрологическая заметка об А. А. Воскресенском. «Голос», 23 января 1880 г. 1019/28
- 197а. Статейка из «Нового времени» от 18 марта 1882 г. о моих и Кузьминского опытах над трением. 1019/29
- 197б. Из газеты «Новости» от 19 февраля 1881 г. о моей прощальной лекции. 1019/30
198. О донецком каменном угле: «Новое время», 7 мая 1888 г. Мос сообщение. 1019/31
- 198а. О сообщении Лоранского о том же 20 января 1889 г. и мои заметки. 1019/32
Это тоже очень важно для суждения о моих взглядах:
- 198б. Выписка из моего послужного списка в 1880 г. 1019/33
- 1889.** Речь эту заставили меня писать товарищи для съезда, а я в то время занимался тарифом (№ 174). Она подробнее и точнее в трудах съезда.
199. Корректурa речи о ценах, читанной 28 декабря 1889 г. на съезде. См. № 238. 1019/34
Для биографии:
200. Рукописный список моих первых работ. 1019/35
- 1887.** Сделал по желанию И. А. Вышнеградского в 1887 г.
201. Рукописное сопоставление развития русской и американской нефтяной промышленности. 1019/36
- 1887.** Представил по желанию Островского нескольким министрам, когда шла речь об этом предмете.
202. По вопросу о нефтепроводе и керосинопроводе. Март 1887 г. 1020/1
- 1888.** Она же находится в собрании писем. Отправлена почтой государю-императору. На нее было обращено некоторое внимание.
203. Первейшая надобность русской промышленности. Письменная записка 1888 г. Июнь. 1020/2
- 1890.** Писано по желанию И. А. Вышнеградского вследствие диспутов в комиссии, разбиравшей программу тарифа (см. № 144). Здесь же развит и вопрос о курсе, что и было под конец принято Вышнеградским.
204. Добавление к докладной записке, относящейся к связи частей таможенного тарифа. 1890 г. Не опубликовано, потому что находится в делах комиссии. 1020/3
- 1891.** Происхождение то же. Нужно было доказать в Государственном совете.
205. О таможенной пошлине на серу и серный колчедан. Март 1891 г. 1020/4

- Меня призывали в Государственный совет, а потому прислали и корректуру.
- 205а. Делопроизводство в Государственном совете по пересмотру тарифа в апреле—мае 1891 г. 1020/5
1891. Представление это сделано в (*неразборчиво*) комиссию, где был Витте (*неразборчиво*), Макаров и др. Она скоро прекратилась и только в 1898/99 г. возобновилась.
206. Мнение о способах для поощрения мореходства и судостроения в России. Октябрь 1891 г. 1020/6
1890. Летом 1890 г. ездил с ними в Англию и Францию и узнал много ученых — Абея и Андерсона, Бертело и Фрейсине при Моренгейме.
207. О бездымном порохе. Доклад Чихачеву Менделеева, Чельцова и Федотова 16 октября 1894 г. Секретная. 1020/7
1891. Это И. А. Вышнеградский склонил меня идти в Артиллерийский комитет. Я очень не хотел, да скоро и вышел — не милы мне все эти взрывные дела.
208. Об экономических условиях приготовления бездымного пороха. Докладная записка министру военному Ванновскому. 1891 г. Секретная. 1020/8
1891. Все это я делал, так сказать, с неохотой, не лежала моя душа к этим Софиано, Каминским и тому подобным деятелям.
209. Соображения, касающиеся главной артиллерийской лаборатории взрывчатых веществ. 1891 г. 1020/9
1891. Мне следовало так писать.
210. О деятельности при пересмотре тарифа. Письмо в «Новое время» 1891 г. 23 июня. 1020/10
- На эту то статью мой ответ (№ 210).
- 210а. Статья «Нового времени» об изменении тарифа. 21 июня 1891 г. 1020/10а
- Поучительно сличить эти статьи между собою. Они явились одна за другой в той же газете.
- 211а. Объявление о публичных лекциях в университете в пользу голодающих. Январь 1892 г. 1020/11а
- 211б. Статья от 1 февраля 1892 г. газеты «Новое время» о моей лекции. 1020/11б
- То же от 2 февраля 1892 г. 1020/11б
1892. То, что я хотел сперва написать, было резче, чем я привык и хотел писать, а потому корректура изменена, смягчена.
211. По поводу лекции 24 января 1892 г. Корректурa, мною затем немного измененная (№212). 1020/11в
212. Та же статья, как она явилась в печати 5 февраля 1892 г. в газете «Новости». 1020/11г
1892. Сличи № 130 и № 174.
213. По поводу нового содового завода. «Новое время», апрель 1892 г. 1020/12
1892. Это — мой лучший друг, товарищ и прекрасный мыслитель, которого очень уважал.
214. К. Д. Краевич. Некролог. «Новости», 6 февраля 1892 г. 1020/13
- 214а. По случаю смерти Краевича. «Новое время». Октябрь 1892 г. 1020/13а

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

- 1891.** Чтение передано довольно близко, но все же мелочами и дух и смысл искажены. См. книгу № 1038/24.
215. Чтение в Кронштадте о бездымном порохе. Март 1891 г. 1020/14
- 1891.** И. А. Вышнеградский через С. Ю. Витте и В. И. Ковалевского просил меня вникнуть в это дело и сказать свое мнение. Для этого получил данные, приведенные в первом столбце. Они очень интересны сами по себе.
216. Железнодорожные недочеты и способ их сокращения. «Новое время», 26 октября 1891 г. 1020/15
- Ответ поучителен для характера газетной полемики того времени.
- 216а. Ответ мне о железных дорогах в «Новом времени». 27 октября 1891 г. 1020/15а
- 216б. Адрес Кекуле 20 февраля 1890 г. 1020/15б
- 1890.** Считаю А. В. Пеля деятелем и умным и полезным, а потому вступился за него, когда напали.
217. Два письма к А. В. Пелю о спермине. «Врач», 1890. 1020/16
- Вышел даже я из Медицинского совета, когда тот напал на Пеля, и не жалею, потому что приобрел истинного друга.
- 217а. То же, что № 217, в «Новом времени» 30 ноября 1890 г. 1020/16а
- 1890.** Отказавшись быть председателем, я охотно взялся быть редактором, чтобы явно показать свою симпатию к трудам, но не к почестям.
218. Предисловие к трудам VIII съезда. 1890 г. «Труды VIII съезда естествоиспытателей и врачей». 1020/17
- 1889.** Меня возмутили нападки очень грубого свойства на Ротшильда, и я решился защитить.
219. Мои замечания в собрании Общества содействия промышленности и торговле, когда шла речь о нефти, Ротшильде и нефтепроводе. 1882 г. 1020/18
- 1890.** Мне хотелось сказать (что мало кто видел тогда), что это есть коллоидальное состояние.
220. О растворимом серебре Кэри Ли. «Журнал русского физико-химического общества», т. XXII. 1 февраля 1890 г. 1020/19
- Это устроил Чихачев, главным образом руководясь моими советами. Меня назначили консультантом.
- 220а. Устав научно-технической лаборатории и учреждение должности консультанта. Июнь 1891 г. 1020/20
- Писано Швецовым и очень трогательно и симпатично.
- 220б. Швецов из «Живописного обозрения» 3 июня 1890 г. обо мне при выходе из университета. Портрет. 1020/25
- 220в. Из «Недели» (14 октября 1890 г.) о моем выходе из профессуры. 1020/с. 26
- 1861.** Долго я не докторствовал по той причине, что не было места, нужды и времени. Должен был зарабатывать хлеб, так как ничего не давали на жизнь. И работать было некогда. Поступив профессором Технологического института, я получил на то возможность и первую работу представил как диссертацию. Она сделана была в духе мыслей, давно меня проникавших. Не могу сказать, чтобы всем тем, что я сделал тогда, я был и теперь доволен (см. №. 148), но все же и ныне я не убежден в том, что сжатие не зависит от образования оп-

ределенного соединения. Если бы было много времени, стоило бы эту работу повторить при тех средствах, какие у меня имеются теперь (1899) в Главной палате мер и весов

221. О соединении спирта с водой. Докторская моя диссертация 1865 г. См. № 73.

1021/1

1875. Эта статья показывает как мою научную смелость, так и мою уверенность в периодическом законе. Все оправдалось. Это мне имя.

222. Remarques à propos de la découverte de gallium. «Comptes rendus», 1875.

1021/2

1875. См. № 87.

223. Sur la temperature des couches élevés de l'atmosphère. «Comptes rendus», 1875.

1021/3

1876. Эта статья, следующая и статья № 110 более всего охватывают мои исследования 70-х годов об упругости газов.

224. Des écarts dans les lois relatives aux gaz. «Comptes rendus», 1876.

1021/4

1876. Сравнить с № 92.

225. Du coefficient de dilatation de l'air sous la pression atmosphérique. «Comptes rendus», 1876, par D. Mendeleeff et Kaiander.

1021/5

225a. Salleron. Sur la nouvelle balance de M-eur Mendeleeff. «Comptes rendus», 1875.

1021/6

Сравни № 11.

225b. Über den Zusammen hang etc. То же, что № 1002/5.

1021/7

1860. Сравни № 18, 12 и др.

226. Sur la cohesion de quelques liquides organiques. «Comptes rendus», 1860, v. L, p. 52, и v. LI, p. 97.

1021/8 и 9

1868. Считаю эту свою работу, хотя она и без экспериментов, очень немаловажною по тому времени. Из нее ясны все почти варианты азотистых соединений элементов, ее состав ясен-синерод и синильная кислота.

227. О нитрилах. Первый съезд русских естествоиспытателей. СПб., 1868 г.

1021/10

1869. Это сообщение считаю очень важным для истории периодической законности. Хотя мне потом многое стало яснее, но удельные объемы простых тел (но не элементов — это очевидно) тогда мне были явственны, а это было гораздо ранее Лотара Мейера (см. № 40—49).

228. Об атомном объеме простых тел. Сообщено на II съезде русских естеств. Москва, август 1869 г. (с. 62).

1021/11

1870. Меня очень часто вызывали для экспертизы в суды, вновь открывшиеся. Видя недостатки следствий, я считал полезным писать об этом.

229. Об экспертизе в судебных делах. «Судебный вестник», 29 октября 1870 г.

1021/12

То же № 99.

229a. Заметки о преобразовании гимназий. «СПб. ведомости» от 29 апреля 1871 г. (к 1012/14).

1021/13

1870. Кольбе написал и гадко, и лживо, и потому мы ответили ему.

230. «St. Petersburger Zeitung» от 9 октября 1870 г. Заявление Зинина, Бутлерова и Менделеева про Лавуазье.

1021/14

1870. Работали многие (на деньги от Вольно-экономического общества) у меня в лаборатории. Дело делалось очень тщательно, и результаты очень поучительны.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

231. Химические исследования почв и продуктов с опытных полей, произведенные в химической лаборатории СПб. университета. Сообщено на съезде 1869 г., напечатано в 1870 г. 1021/15
- 1872.** Ср. № 64 (1011/25). Свод и все исправления сделаны мною. Эти опыты ясно показывают, как я тогда много интересовался сельским хозяйством.
232. Отчеты о сельскохозяйственных опытах 1867/69 г. Свел Шмидт, мои выводы. 1872 г. 1021/16а и б
- 1874.** Лучший свод моих работ о газах. Меня просили сделать его для «Nature». См. № 110.
233. Mendeleef's researches on Mariotte's law. «Nature». A weekly illustrated «Journal of science». 22 марта и 5 апреля, 1877 г. 1021/17 и 18
- 1877.** Переводила Лермонтова, поправлял ее слог Вюрц. Это — лучшее из моих изложений этого предмета.
234. L'origine du pétrole. «Revue scientifique». 1877, № 18. 3 Novembre. 1021/19
- 1886.** Мое мнение о нефтепроводе. Тут же мнения Вышнеградского, Петрова и многих других.
235. Комиссия о нефтепроводе. 1886 г. 1021/20
- 235а. Материалы этой комиссии, где и мое мнение. 1886 г. 1021/21
- 235б. Фотографии бакинских фонтанов нефти 1886 г. 1021/22/23
- Снимок делал Роско 4 сентября 1887 г. Манчестер.
236. 2 портрета мои, снятые в Манчестере. 1887 г., сентября 4. 1021/24
- Здесь заметки о моей жизни: 25а. Очень характерен конец: «Rien ne manqué a sa gloire, il manquait a la note». Сказано про Мольера.
237. О периодическом законе. Лондонское чтение 1889 г. Переведено на французский. «Moniteur scientifique» — Quesneville. Aout 1889: «Примечательно». 1021/25
- Эти две и предшествующие статьи очень характерны. Признаться, я их до сих пор не читал и очень был удивлен, прочтя теперь. Но Боже сохрани — обольщаться.
- 237а. «The Chemist and Draggist». 1889 г. Портрет и о периодическом законе. 1021/26
- 237б. Мой портрет, приложенный к «Nature» в 1889 г., и моя биография, написанная Thorpe. Июня 27 1889 г. в «Nature». 1021/27а, б
- 1889.** См. № 199.
238. Приемы естествознания в изучении цен. Съезд русских естествоиспытателей в 1899 г. (см. № 199) и книгу № 1019/35. 1021/28
- 1874.** Хотя моя надпись есть на листах, но я не читал их, а сделал надпись, потому что она требовалась для цензурных формальностей.
239. «Растворы». Курс теоретической химии, читанный в 1873—1874 гг. профессором Менделеевым в СПб. университете (составлял, кажется, Крупский). 1875 (литография). 1022/1
240. Über die Temperaturen der höheren Luftschichten. «Zeitschrift für österreichische Gesellschaft für Meteorologie». 1876, № 15, p. 228. 1022/2
- 1879.** Жил тогда в Ницце. Переводила Л. М. Жербина. Предисловие писал особо для Кеневиля.
241. La loi périodique. Из «Moniteur scientifique» — Quesneville. Juill. 1879.

- 1881.** Сам предложил прочесть такой курс (бесплатно), потому что считаю делом для женщин важным и полезным. Знаю результаты.
242. Лекции по земледельческой химии, читанные в 1880—1881 гг. на Высших женских курсах. Литография. 1022/4
- 1885.** Эти статьи содержат много такого, что я в других местах не писал. Особенно здесь резкие скачки в Д. и Г., что никто ранее не видел, и Марковников только недавно подтвердил.
243. По нефтяным делам. Из «Вестника промышленности», издававшегося в Москве. 1885 г. Статья первая: введение «О керосине», статья вторая: «О заграничном сбыте». 1022/5 и 6
- 1885.** Тут сказались некоторые из моих мыслей (особенно о труде), в первый раз. Писал с удовольствием, тем более, что Вольф платил хорошо.
244. Письма о заводах. «Новь» (издание Вольфа), 1885 г. 3 письма. 1022/7, 8, 9
- 1887.** Читал опять, когда умер Бутлеров. Какова запись — не знаю, но хотел быть популярным.
245. Лекции по теоретической химии на женских курсах 1886—1887 г. Литография. 1022/10
- 1884.** Тут сказались мои мысли отчасти того же рода, как в № 244 и в моих последующих и предшествующих писаниях. И поныне частная инициатива слаба.
246. О возбуждении промышленного движения в России. «Вестник промышленности», 1884, № 2. Та же статья в начальном виде с местами, вычеркнутыми цензурою. 1022/11a и б
- 1884.** Статья не кончена, потому что журнал лопнул. № 148 (1887), в сущности, есть та же тема, но более научного вида. Это задумано было очень хорошо.
247. Зависимость удельного веса растворов от состава и температуры. Издание журнала «Вестник промышленности», 1884. 1022/12
- 1891.** Перевод с 5-го издания. Этот перевод для меня был очень радостен. В Оксфорде и Кембридже стали много применять мою книгу.
248. The Principles of Chemistry. Перевели Kamensky and Greenway, издал Longmans, 1891, 2 тома. «Green & Co». 1023 и 1024
- 1892.** Не хотели публиковать все труды Тарифной комиссии, как я просил, так я свою издал — и очень рад. Книга пошла.
249. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. 1892. 1025/1
- 1895.** Это издание сильно переделано и напечатано в количестве (с мая 1895г. продается) 7500 экземпляров (стоило около 6 тыс. руб.), идет в год около 1250 экземпляров.
250. Основы химии, 6-е издание. 1895 г. 1026/1
- 1897.** Этот перевод сделан с 6-го издания. Он для меня тем важен, что показал полный расход 1-го издания (№ 248), а оно, говорят, было 5000 экземпляров.
251. The Principles of Chemistry. Перевели Каменский и Lawson. 1897 г., 2 тома. 1027 и 1028
- 1895.** Перевод с 5-го и 6-го изданий.
252. Principes de chimie (1895), т. I и II. Achkinasi et Carrion с предисловием A. Gautier. 1029 и 1030

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

- 1863.** Исправлений не очень много. Издание «Общественной пользы», получил за него на 1500 руб. акций, которые стали давать хоть что-нибудь с середины 90-х годов.
253. Органическая химия, 2-е издание. 1863 г. 1031
См. № 159. Не помню, кто прислал мне эту фотографию и кто снимал. См. № 302.
254. Фотография шара, на котором поднимался из Клина в 1887 г. 1032/1
- 1890.** Беглая заметка, не лишённая некоторого интереса. См. № 264.
255. По поводу открытия азотистоводородной кислоты N_3H . «Журнал Русского физико-химического общества». 1890. 1032/2
- 1891.** Очень меня интриговал этот вопрос. См. № 259.
256. Изменение плотности воды при нагревании. «Журнал Русского физико-химического общества». 1891. 1032/3
- 1894.** Не мог я ездить по вечерам в заседания — и отказался.
257. Отказ от председательства в химическом отделе Русского физико-химического общества. 1894. 1032/4a
- 1897.** Нашел формулу, обрабатывая «Основы технологии» (см. 1033/3).
258. О теплоте горения углей и другого топлива. Протоколы Русского физико-химического общества. 1897.
- 1892.** Перевод № 256.
259. The variation in the density of Water with the temperature. «Philosophical Magazine». 1892. January, 99. См. книгу № 1032/3. 1032/5
- 1895.** Работа, сделанная для «Временника». См. 1033 (книга). См. № 346.
260. On the weight of cubic Decimeter of Water at its maximum density. 1825. «Proceedings of Royal Society». 1032/6
- 1897.** Перевод с русского № 314.
261. Examen des rapports entre des mesures fondamentales de Russie, de France et de Grand Bretagne, basé sur les donnés au commencement de 1897. Из «Procès verbaux du Comité international». 1897. 1032/7
- 1898.** Извлечено с русского. См. № 300.
262. Experimental investigation on the oscillation of Balance. «Proceeding of Royal Society», 1898. 1032/8
- 1888.** Отчет, представленный министру государственных имуществ Островскому после поездки на Донец. Не опубликован. 1-я и 2-я корректуры.
263. О мерах для развития донецкой каменноугольной промышленности. 1888. 1032/9
- 1890.** См. № 255. Перевод на немецкий.
264. Zur Entdeckung der Stickstoffwasserstoffsäure N_3H . «Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft». 1890, Bd. XXIII, 3464. 1032/10
- 1891.** Тут и штат Морской научно-технической лаборатории. Писан мною для Чихачева.
- 264a. Приказ о назначении консультантом Морского министерства. 1891. 1032/11
- 1895.** Это дело меня занимало в 1890 г. Насилу упробил, чтобы дали возможность (право) напечатать хоть это. Целая история. См. № 307.

265. О пироколлодийном бездымном порохе. Помещено в «Морском сборнике», 1865. 1032/12
1895. Повторение № 171, 164 и 165. С добавлением в предисловии, что надо заметить.
266. Два лондонских чтения. 2-е издание, 1895. 1033/1
1897. Писал по желанию и просьбе Тарханова для первой книжки нового журнала.
267. Золото из серебра. «Журнал журналов», 1897. 1033/2
1897. Начал с большим интересом, делал больше при жизни в Канне (1896). Тут много вложил своего. Доходу книга не дала.
268. Основы фабрично-заводской промышленности. О топливе. 1897, выпуск I. 1033/3
1894. Предисловие к «Временнику» и его ведение первое время совершенно лежали на мне.
269. О весе литра воздуха. «Временник», 1894, гл. II, часть I, с. 57. 1033/4a
1895. Издание «Временника» за это время поглощало весь остаток моего времени от занятий Палатою и в Министерстве финансов.
270. О весе определенного объема воды. «Временник», 1895, часть 2, с. 1. 1033/5a
1895. То же. Считаю все эти три статьи совершенно самостоятельными, предметы меня глубоко интересовали. См. № 298.
271. Об изменении удельного веса воды при нагревании от 0° до 30°. «Временник», 1895, часть 2, с. 133. 1039/56
272. Ход работ по возобновлению прототипов. «Временник», 1895, с. 157. 1033/5b
273. О приемах точных взвешиваний. «Временник», 1896, часть 3, с. 1. 1033/6
1895. Это то же, что в № 273, отпечатано ранее, больше для prioritet'a и для работающих в Палате.
274. Выводы— о приемах взвешиваний (особый оттиск). 1895. 1033/7
1898. Предмет считаю очень важным и интересным. Помещен в 4-й части «Временника» и трудах съезда.
275. О колебании весов. Речь на съезде в Киеве 1898 г. (Общее собрание съезда русских естествоиспытателей в Киеве). 1033/8
1893. Редакция труда лежала на мне, и я много и самостоятельно работал для него.
276. Обзор фабрично-заводской промышленности и торговли России. Для Чикагской выставки. Издание Министерства финансов. 1893. 1034/1
1893. Там же моя статья о нефтяной промышленности.
277. Химическая промышленность, в том же издании. 1034/2
1896. Эти заметки очень важны для моего отношения к метрической системе.
278. О введении в России метрической системы. Съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. 1034/3a
1896. Участвовал на съезде только по особому желанию Витте, который очень желал, чтобы я не уклонился от диспута. Ходский много говорил, как хотел.
279. Диспуты того же съезда (1896) о сельскохозяйственных машинах. «Труды всероссийского торгово-промышленного съезда» в 1896 г. в Нижнем Новгороде. 1034/4
1897. Мною и вызвано это издание и редактировано. Оно очень интересно.

Диплом, выданный Д. И. Менделееву Royal Institution of Great Britain (Лондон). 1891 г.

280. Обзоры экспертов выставки 1896 г. под моею редакцией. 1897. 1034/5
- 1897.** Мои мнения изложены во многих местах. Часть дела ведена мною. Многие мои предложения приняты. О стиле новом шла речь, но отложено.
281. Заседания комиссии по мерам и весам. Февраль 1897. 1034/6
- 1891.** Эфрон меня приглашал быть редактором после смерти Андреевского, но я взялся только за технику и химию.
282. К статьям о фабрично-заводской промышленности. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, т. IV, 1891. 1034/7

1891. Эту статью написал по желанию издателя и друзей. Я очень рад, что сделал это.
283. Вещество. Статья в «Энциклопедическом словаре». 1891. 1034/8
1892. В то время я уже вел пороховедение в Военном и Морском министерствах.
284. Взрывчатые вещества. 1892. Там же. Добавка к статье И. М. Чельцова (с. 206). 1034/9
1892. В то время я охотно писал в «Энциклопедический словарь», потому что интересовался техникой.
285. Вино (виноградное) как напиток (с. 448). То же, том VI. 1892. 1034/10а
1892. Руднев взялся писать и отказался к сроку, я писал (*неразборчиво*) спешно.
286. Винокурение. «Энциклопедический словарь», 1892, т. VI, с. 466. 1034/106
Статья неважная.
287. Вода. Там же (с. 706). 1034/11
1892. Статьи «Энциклопедического словаря», писанные в 1892 мною самим. Потом я это дело (с 1894 г.) сдал Рубцову. Много есть и других.
288. Воды сточные. Там же (с. 740). 1034/126
1892.
289. Волокна растений. Там же (с. 69). 1034/12в
1892.
290. Воскресенский А. А. Там же (с. 243). 1034/13
1897. Эту статью считаю очень содержательною.
291. Нефть. «Энциклопедический словарь», 1897, т. XX, с. 939. 1034/14
1898. Писал для того, чтобы сказать об *Ar, J* и др.
292. Периодическая законность химических элементов. «Энциклопедический словарь», т. XXIII, с. 211. 1034/15
1893. Это (см. № 276) издание переведено на английский и много читалось. Вообще оно очень интересно.
293. Фабрично-заводская промышленность и торговля России (для Чикаго) (с. 276, 277).
294. Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России Издано под ред. Менделеева. 1893, с. 299. 1035/1
1899. Мне хотелось хоть этим сохранить надолго память о милom моем Володе. Многого в нем не досказал (как вывел из трудностей Чихачева, спас «Память Азова» пред Тулоном, как работал для фотографии).
294. Проект поднятия уровня Азовского моря запрудой Керченского пролива, соч. Володи Менделеева. После его кончины издано (с моим предисловием). 1899 г. 1035/2
1896. Переделал немного, и это издание Эфрона не пошло, потому что департамент издал свое новое издание.
295. Фабрично-заводская промышленность и торговля России/ 2-е издание (см. № 293). 1896. 1036/1
1897. Оба письма писаны по желанию С. Ю. Витте и по моему с ним разговору. Оба письма, по словам Витте, приняты были государем хорошо и некоторое действие произвели.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

296. Письмо к государю о покровительственной системе. 1897. То же 1050/6. 1037/1
- 1898.**
297. То же письмо, ноябрь 1898 г., об иностранных капиталах. То же 1050/7. 1037/2
- 1895.** См. № 273. Теорему нашел в Боблове, обсуждая взвешивания и их расчет. Считаю за немаловажную для квадратур. Редактировал Бертран. Он же и сообщил.
298. «Sur un théorème de géométrie». «Comptes rendus», 1895, 9 septembre, p. 421. 1037/3
Как она сюда попала, в переплет, — не понимаю.
299. Таблица отношения американских мер с метрическими. 1898. 1037/4
- 1898.** Много я тут работал и вложил души. Это — часть отчета, о возобновлении прототипов.
300. Опытное исследование колебания весов. 1898. 1037/5
Кто-то мне доставил, см. книгу № 1047/19.
301. Речь Салюсбери в Оксфорде, где он говорил и обо мне (с. 340). 1894 г. 1037/6
302. Фотография, снятая при моем поднятии из Клина. 1887. См. № 254. 1037/7
303. Sur la nouvelle balance de Mendeleeff par M. Salleron. «Comptes rendus», 1875. 1037/7a
304. Knott. Рецензия об английском переводе моих «Основ химии» 1892 г., «The Medical Press». 1037/7b
305. C A. Bischoff. То же о немецком переводе. «Rigasche Industrie-Zeitung», 1891, № 22. 1037/7b
306. Malfatti. То же. «Oesterreichisches Literaturblatt», 1893. 1037/7c
307. Французский перевод 1896 г. первой моей статьи о бездымном порохе в «Bulletin de la Société d'Encouragement pour l'industrie nationale» (перевод Куинджи) (см. № 265). 1037/8
- 1893.** Это составило исход всему делу 1893/1900 гг. для Главной палаты мер и весов. Не опубликовано.
308. Представление (1893) о необходимости возобновления русских прототипов. Официально. 1038/1
309. Комиссия по пересмотру законов о мерах и весах 1897 г. 1038/2
Составлено в департамент торговли и мануфактур Мурашинцевым и Раз (*неразборчиво*). См. № 309.
310. Материалы по устройству местных поверочных учреждений. 1897. 1038/3
- 1897.** Почти весь проект составлен лично мною.
311. Первоначальный проект законов о мерах и весах, составленный в 1897 г., февраль. Отзывы газет и мелочные документы, сюда относящиеся. 1038/4
- 1897.** Писаны все мною.
312. Заметки к проекту 1897 г. 1038/5
313. Проект закона о мерах и весах, как выпущен комиссией. 1897 г. 1038/6
- 1897.** Считаю, что эта таблица (см. № 261) внесла много стройного и нового. Все это помещаю для того, чтобы показать те изменения и усовершенствования, каким подвергался проект закона о мерах и весах, пока не был утвержден.

314. Отношение русских мер к метрическим и английским. Составлено в 1897 г. 1038/7
315. То же, что № 313, немного исправлений в ноябре 1897 г. 1038/8
316. Представление (затем отложенное до марта 1899 г. по случаю недорода в некоторых губерниях) в Государственный совет о мерах и весах, сделанное в октябре 1898 г. 1038/9a
- 1898.** Когда рассмотрение закона было отложено (оно было 24 апреля 1899г.) тогда многое что переменено.
317. Проект закона о том же. Проект узаконения о мерах и весах. 1038/9б
318. Мое представление о доходах и расходах мер и весов по проекту на 1899 г. 1038/9в
- 1893.** Мое представление морскому министру в 1893 г., весна.
319. О снабжении флота пироколлодийным порохом. 1038/10a
- 1893.** Такое же, но более важное и секретное.
320. О бездымном пироколлодийном порохе. Июнь 1893 г. 1038/11
- Меня Витте назначил председателем, и комиссия собиралась у меня на Васильевском острове, 1 линия, д. 9, кв. 4.
321. Протоколы заседания комиссии по виноградному вину 1896—1899 гг. 1038/12
322. Доклад этой комиссии и проект положений. 1896 г. 1038/13, 14
- 1896.** Это суть того, что было обсуждается и более или менее мною направляемо.
323. Мое мнение и соображения о виноградном вине в России и особое мнение Минцлова И. Р. 1896 г. 1038/15
- 1893.** Одно время это меня занимало, но я видел, что департамент не хочет, по существу,— бросил. Начал сам. № 268.
324. Письмо к Ковалевскому о необходимости правительственного пособия для издания «Русской промышленной библиотеки». 1893 г. 1038/16
325. Второе письмо о том же. 1038/17
- 1892.** Говорили экспромтом, хотя кое-что набросал. См. 1038/30 (книга).
См. № 347.
326. Наброски речи, читанной мною в Обществе содействия русской промышленности и торговле в 1892 г. 1038/18
- 1896.** Это то же, что № 43 — по-русски.
- 1894.** Заставил меня читать Веселитский (Аргус) (*неразборчиво*), и я говорил.
327. Опыт системы элементов. 1869. 1038/19
328. Реферат об удельном весе воды. 1891. 1038/20
- Это поучительно для указанного времени.
329. О торговой пошлине в России. Чтение в Англо-русском обществе. 1894 г. 1038/21
330. Привет французским химикам от русских. 1893 г. 1038/22a
- 1893.** Это было торжеством русской науки и очень поучительно.
331. Привет от англичан русским химикам. 1893. 1038/22 б, в

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

332. 25-летний юбилей Русского химического общества. 6 ноября 1893 г. 1038/23
333. О бездымном порохе. Чтение в Кронштадте. 1891 г. См. № 215. 1038/24
334. Отзыв об «Основах химии» (немецкий перевод, 1891). Кажется, из «Beiblätter». 1038/25
- 1895.** Очень было трогательно получить такое письмо.
335. О пожертвовании d'Арегу на памятник Лавуазье. «Новое время», 1895, 26 июня. 1038/26
336. Подъем русской промышленности в царствование Александра III. «Новое время», 26 октября 1894 г. 1038/27
- Французское извещение из Чикаго. «La république franchise», 1894, Novembre. 1038/28
- О французском переводе «Основ химии», отзыв. 1038/28a
- 1895.** Результатом комиссии был сбор 11 ¹/₂ тысяч рублей. Это поучительно и трогательно.
337. Памятник Лавуазье. «Новое время», 23 мая 1895 г. Список жертвователей. 1038/29
1038/29a
338. Заседание общества содействия русской промышленности и торговли. 1038/30
- О том же «Новости». См. № 326 и № 347. 1038/31
339. Французское извлечение из «La Nature» моей статьи о бездымном порохе. 1038/32
- О ваксе и чернилах. «Новое время», 1881. 1038/33
- Это меня тогда очень растрогало, я не знал, а на письмо отвечать не думал.
340. О метрической конференции, 1895. 1038/33a
- Об «Основах химии». Во французском переводе. 1897 г. 1038/33b
341. Предположение о лекциях (1880). О сопротивлении среды. 1038/33в
342. Воскресенский. Биография. 1892. «Энциклопедический словарь». См. № 290. 1038/34
- 1892.** Пель очень просил, я и написал ему.
343. Письмо к Пелю, редактору журнала «Медицинская химия и фармация». 1892 г. 1038/35
- 1896.** Был на выставке, ее много ругали в газетах, а я видел иначе, и многие меня просили — писал в Боблове. Произвело свое впечатление — многие говорили.
344. Впечатления о Нижегородской выставке. «Новое время», 1896. 1038/36
- 1897.** Нападки на протекционизм заставили меня писать. (См. № 296).
345. Оправдание протекционизма. «Новое время», 11 июля 1897 г. 1038/37
- Английская статья о весе литра воды. 1895. См. № 260. 1038/38
- 1889.** Статья писана преимущественно по желанию и просьбе Монда.
346. О кавказской нефтяной промышленности в «Journal of the society of chemical Industry». 1038/39
347. Заседание Общества для содействия русской промышленности и моя речь. 1892 г. (корректурa). См. № 326, 338. 1038/40

- Черт их знает, что пишут.
348. Предисловие к брошюре Котова об аэропланах. 1895 г. Не опубликовано. 1038/41a
Начало брошюры Котова. 1038/41b
Мелкие известия французской прессы биографического свойства. 2038/42a, б
349. «В среде ученых». 1887. «Новое Время», А-т (Петерсон?). 1038/42в
Очень порядочный портрет для газетной статьи, притом английской.
Портрет мой (р. 129) в «Science and Art» (1893, September, № 78) и биографические заметки. 1038/43
Кончил это 14 мая 1899 г.
- 1872, 1877, 1881. Каждое издание дополнялось и переделывалось, но более всего 5 и 6-е.
350. «Основы химии», 2-е издание, 1872, часть I. 1039
351. «Основы химии», 2-е издание, 1873, часть II. 1040
352. «Основы химии», 3-е издание, 1877. 1041
353. То же, издание 4-е. 1881. 1042
1899. Это стоило мне много труда и неприятностей после того. См. № 395.
354. Уральская железодобывающая промышленность в 1899 г. По отчетам о поездке. Редактировал Д. Менделеев. 1900 (См. 1047/17, книга). 1043
1899. Это меня просили написать. Кое-что свое тоже сказало.
355. К переводу «Истории химии» и мое предисловие. 1899 г. 1044/1
1899. Эта и следующая статьи все вошли затем в особую брошюру (см. далее № 377). Потребность говорить о просвещении среднем и высшем родилась из суждения о том, что благодаря Д. А. Толстому оно стало явно упадать. См. № 361.
356. В пользу обучения. Газета «Россия», май 1899 г. 1044/2
— Портрет мой. Газ. «Россия», 1899. 1044/3
— По вопросу о дипломах. Интервью. «Новое время», 1901. 1044/4
— Производство чугуна. Интервью. «Петербургская газета», 1901 (*неразборчиво*). 1044/5
— Тарифная война. Там же и то же. 1044/6
Германские аграрные домогательства. 1044/7
О провозе прототипов в Москву в «Русских ведомостях», 1901 г. 1044/8
Газетное известие о посещении Главной палаты (2 марта 1901) великим князем Михаилом Александровичем. 1044/9
О новом здании Главной палаты. «Петербургский листок». 1044/10
Палата мер и весов. «Петербургская газета», 1901. 1044/11
«Важное дело». О часах Главной палаты. 1901. 1044/12
- 1898, 1901. Мелкие заметки, но все они очень характерны для моего настроения того времени.
1898.
357. Письмо в «Новое время» 1898 г. о смерти Н. К. Ушкова. 1044/13

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

1900.

358. «Памяти хорошего человека». «Россия», 1901. О смерти m-lle Flechmon. 1044/14
359. Известие о сжижении водорода. «Новое время», 1898 г. 1044/15
360. Вискоза на Парижской выставке. Газета «Россия», 1900. 1044/16
361. По вопросам русского школьного образования. Газета «Россия», 1900. Гимназии.
1044/17, 18, 19, 20, 21, 22

Статьи эти, характеризующие время (*неразборчиво*), вызвали то, что произошло в 1904—1906 гг.

- «Классическое суеверие» Евг. Маркова. «Новое время», 24 февраля 1900 г. 1044/23
«Вопль молодой души», «Отец». Газета «Россия», 24 декабря 1899 г. 1044/24
Родители и дети. «Петербургская газета», 27 июля 1901 г. 1044/25

1899. Участие мое в «Ермаке» было немалое. Н. А. Смирнов ездил по моей просьбе для приемки «Ермака». Чрез меня С. О. Макаров у Витте получил возможность сделать заказ.

362. Ледокол «Ермак». «Новое время», 1899. 1044/26
Относящиеся сюда телеграммы (о «Ермаке»). 1044/27—31
Статьи о том же. Газеты. 1044/32—36

Для меня очень (*неразборчиво*) поездка в Тобольск.

Корреспонденция «Сибирского вестника», относящаяся к моему посещению Аремзянки. 1044/37, 38

Это все по поводу моей поездки на Урал. См. книги № 1043 и № 1044/77.

Жемчужина русс. промышленности. Статья (чья?). «Новое время». 24 апреля 1900 г. 1044/39

Из «Уральских ведомостей». 1899 г. 1044/40

Заключение министерства об Урале. «Новости», 1899. 1044/41

Французская статья о том же. 1900 г. 1044/42

Из газеты «Россия». Статья проф. Алексеева. 1044/43

Об уральской промышленности. «Петербургская газета», 1900. 1044/44

2 статьи Бредихина «О календаре». 1900 г. 1044/45, 46

1900. Календарный вопрос занимал меня сильно, но все же считаю его пустым и незначущим, хотя думаю, что в нем сказал свое слово ясно: «Новый стиль, как и старый, ошибочен». См. № 390, книга 1047/16.

363. Календарное объединение. 1900 г. (газета «Россия»). 1044/47

364. Заявление о стиле. 1899 г. 1044/48

Постановление и протоколы календарной комиссии. 1899 г. 1044/49—63

О месте для могилы. И (*неразборчиво*) вписал 6 августа 1906 г.:

«План кладбища, где схоронена матушка, сестра Лиза, дочь Маша, сын Володя, там же-
лал бы и сам лечь. План делал сын Володя». 1044/64

365. Новый газ Лидова. Газета «Россия», 31 марта 1900 г. 1044/65 и 67

- О палатах мер и весов. Газета «Новое время», 9 ноября 1901 г. 1044/66
1900. Статья писана мною для сборника, изданного для Парижской всемирной выставки. 1900 г.
366. Современное состояние химической и нефтяной промышленности в России. 1900. 1044/68
1897. Говорил по вызову В. И. Ковалевского и рад, что тогда же сказал о недостатках профессуры.
Был послан Витте в Киев для присутствия на экзаменах Политехнического института.
367. Заседание о высшем техническом образовании. 1897 г. Мое слово (случайное) о профессорах. 1044/69
- Из «Киевской газеты». 22 января 1903 г. 1044/70
- Здание это (*неразборчиво*) построено лишь благодаря моим настояниям. Когда я подал в отставку после отказа Государственного совета, Витте доложил государю, и тот разрешил.
- Рисунки «Петербургской жизни», по случаю открытия второго дома Главной палаты. 1902 г. 1044/71—74
- Портрет мой, рисовал Кравченко. 1900 г. 1044/75
1899. См. книгу № 1043. Здесь кое-что рельефнее.
368. О казенных горных заводах. Докладная записка, подана Коковцеву. 1899 г. 1044/76
1899. После смерти это и многое другое публиковать, думаю, не лишнее (№ 370, 371, и следующие тоже).
369. О поездке на Урал. Доклад Витте. 1899 г. 1044/77
- О преобразовании депо мер и весов. Государственный совет. 1893 г. 1044/78
1901. Записку эту после моей смерти, кажется, полезно было бы публиковать. В ней сказано много верного. Витте сочувствовал, но отправил меня к великому князю Алексею Михайловичу, а тот не соизволил даже выслушать.
370. Докладная моя записка об исследовании Северного полярного океана. 1901 г. Рукопись. 1044/79
1891. Кажется, это дубликат. Была комиссия, в ней Витте, Скальковский, Верховский и др., но дело не сделано.
371. Записка о способах поощрения мореходства и судоходства в России. 1891. 1044/80
- 1902.
372. Записка о сельскохозяйственных мелиорациях. Подана Витте. 1902. 1044/81
- Соответственное требование земства. 1044/82
1902. Эту записку считаю очень интересным публиковать после моей смерти. Здесь о первом министре.
Сперва сам хотел издавать «Библиотеку промышленности» (см. книгу 1033/3, 1897 г.), но дорого. Потом хотело Министерство финансов, но побоялся запутаться с казной, а предложил Илья Абрамович Эфрон в 1899 г. Я и согласился, начал сильно работать, но с 1901 г. он отказался, и дело, которое обещало хорошие результаты, прекратилось. Мое учение о промышленности очень ладно задумано. См. книги 1046/4 и 1050/5.
373. Записка о нуждах русского сельского хозяйства. Подана Витте. 1902 г. Рукопись. 1044/83

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

374. Программа «Промышленной библиотеки». 1045/1
375. Учение о промышленности Д. Менделеева 1900 г. 1045/2
- Корзухин. Месторождения и разведка полезных ископаемых. 1900. 1045/3
- Митинский. Рудничная доставка, вентиляция и водоотлив. 1900. 1045/4
- Петухов. Производство глиняных изделий. 1900. 1045/5
- Азотная кислота и ее соли, 1900. 1045/6
- Лидов. Технология волокнистых веществ: беление, крашение и ситцепечатание. 1045/7
- Кнаббе. Литейное дело. 1901. 1045/8
- Антипов. Metallургия меди. 1901. 1046/1
- Светловский. Фабричная гигиена. 1901. 1046/2
- Кнаббе. Кузнечное дело. 1046/3
- 1901.** Тут многое такое, что развивал затем в «Заветных мыслях» (1903), и многое полнее, чем позже сделал. Надо это иметь в виду при новом издании «Заветных мыслей», если оно будет. См. тоже № 376 bis.
376. Менделеев. Учение о промышленности. 1901. 1046/4 и 1047/1
- Антипов. Metallургия свинца и серебра. 1046/5
- Кнаббе. Проволочное производство. 1901. 1046/6
- Пресс. Лесопильное производство. 1901. 1046/7
- Погрузов. Кустарная промышленность России. 1901. 1046/8
- Дебу. Парфюмерное производство. 1901. 1046/9
- Лидов. Естественные органические краски. 1901. 1046/10
376. Учение о промышленности. 1900—1901, как № 375 и № 376. 1047/1
- 1901.** Это все мысли мои того времени — после 6-го издания «Основ химии», перед 7-м.
377. Заметки о народном просвещении России, 1901. См. № 356, № 361. 1047/2
378. Химическая промышленность. Отчет для выставки. 1900. 1047/3
- 189(?)**. Ряд статей, в каждой из которых сказалось что-то мое собственное.
379. Статьи мои в «Энциклопедическом словаре» Эфрона: «Нефть».
385. «Периодическая законность химических элементов», «Технология», «Топка», «Топливо», «Трубы дымовые», «Фунт». 1047
4, 5, 6, 7, 8, 9, 10
- 1899.** Положение это писано и обдуманно мною.
386. Положение о мерах и весах. 1899. 1047/11
387. Химическая промышленность. 1900. 1047/12
388. Мысли о сельском хозяйстве. 1899. 1047/13, 14
- 1899.** По просьбе Докучаева читал и печатал.
389. О кипении продуктов нефти/ 1882. 1047/15a и 5
- 1900.** Письмо Ньюкомба очень важно.
390. Письмо Ньюкомба о длине года. См. № 163, № 364. 1047/16

- 1895.** Это 7-е издание особенно сильно переделано и дополнено.
391. Основы химии, 6 издание, 1895. 1048
- 1903.** С него 3-е английское издание.
392. Основы химии, 7 издание, 1903. 1049
Моя поездка по Уралу в 1899 г., в Тобольск и заключительная статья. См. книгу № 1043.
Это дубликат. 1047/17
- 1896.** Председательствовал Кобеко, и очень он глуп. Моя речь очень слабовата, был не в духе, сердился на Кобеко.
393. Общее собрание Торгово-промышленного съезда. 1896 г. 1047/18
394. Опытное исследование колебания весов, 1898. См. книгу № 1037/5. 1050/1
То же, но по-французски. Перевод Ольги Эрастовны Озаровской, 1900. 1050/2
395. Письмо к Ковалевскому об Урале. См. 354 (книга № 1043). Март 1899 г.
396. Письмо к заводчикам Урала. Август 1899 г. 1050/3
397. К сотрудникам «Промышленной библиотеки». 1899. 1050/4
398. Письмо к государю о покровительственной системе. 1897 г. 1050/6
То же 1037/1
399. Письмо к государю об иностранных капиталах. 1898 г. 1050/8
То же 1037/2
- 1897.** Оба первые и третье письмо писаны и посланы по желанию.
- 1898.** С. Ю. Витте, который говорил, что он один не в силах убедить. Второе письмо государь пометил во многих местах и приказал напечатать и передать некоторым членам Государственного совета.
400. Письмо к государю о промышленности вообще. 1901 г. 1050/8
- 1900.** Эту записку считаю оригинальной — по разрешению предмета.
401. Попытка понять китайские события. 1900 г. 1050/9
- 1903, 1902.** Тут содержится много того, что после развивалось мною часто.
402. Письмо к С. Ю. Витте о поездке в Киевский политехникум на испытания. 1903 г. 1050/10
403. Письмо к С. Ю. Витте о необходимости развивать переделочную промышленность. 1050/11
404. Письмо В. И. Ковалевскому о том же. 1902 г. 1050/12
405. Письмо к Н. П. Петрову о русской железодобывательной промышленности. 1903 г. 1050/13
- 1902.** Эта статья писана довольно спешно, но попала в момент и была переведена, и толковали всюду в последующие годы. Bernard Brunhes в журнале «La Quinzaine». 1899, 16 mars, № 106. Статья (пустышная) о Менделееве. См. № 301. 1047/19
406. Попытка химического понимания мирового эфира. 1902. 1050/14
О моем избрании в Парижскую Академию. Статья F. Jaubert в «Revue générale de Chimie pure et appliquée». 1899. 1050/15

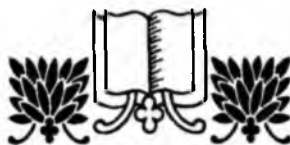
**ДИПЛОМЫ
И УЧЕННЫЕ ЗВАНИЯ**

Д. И. Менделеева

Печатаемый ниже список дипломов и ученых званий Д. И. Менделеева составлен им самим. На подлиннике, хранящемся в кабинете Д. И. Менделеева в Санкт-Петербургском государственном университете, имеется пометка Дмитрия Ивановича:

«Звания (1897. Декабрь)».

Доктор университетов:

1. 1865. С.-Петербургского (доктор химии)
2. 1884. Эдинбургского (доктор прав)
3. 1887. Геттингенского (доктор философии)
4. 1894. Оксфордского (доктор прав)
5. 1894. Кембриджского (доктор прав)
6. 1896. Принстонского (доктор прав)

Член научных обществ и академий наук:

7. Королевского общества в Эдинбурге (1888)
8. Королевского общества в Лондоне (1892)
9. Академии наук: Датской (Копенгаген) (1889)
 - » » Чешской (Прага) (1891)
 - » » Краковской (Краков) (1892)
 - » » Римской (Academia dei Lincei) (1897)
 - » » Бельгийской (Брюссель) (associé) (1896)

Почетный член университетов:

14. Московского (1880)
15. Казанского (1880)
16. Харьковского (1880)
17. Киевского (1880)
18. Одесского (1880)

Почетный член:

19. Медико-хирургической академии (1869)
20. Петровской земледельческой академии (1880)
21. Московского технического училища (1880)
22. Института сельскохозяйственного в Новой Александрии (1895)
23. Технологического института
24. Дублинского королевского общества (1886)
25. Югославянской академии (Загреб) (1882)
26. Ирландской » (Дублин) (1889)
27. Американской » (Бостон) (1889)
28. Королевского Великобританского института Royal Institution of Great Britain (1891)

Почетный член обществ:

29. Русского физико-химического (СПб.) (18 ?)
30. Американского химического (Нью-Йорк) (1889)
31. Лондонского химического (Chemical Soc.) (1883)
32. Немецкого химического (Берлин) (1894)

33. СПб. минералогического	(1890)
34. Московского испытателей природы	(1885)
35. Любителей естествознания Московского университета	(1883)
36. Естествоиспытателей Казанского университета	(1880)
37. » Киевского »	(1892)
38. » Кембриджского »	(1897)
39. » Франкфуртского-на-Майне	(1875)
40. Рижского общества естествоиспытателей	(1895)
41. Уральского » » (Екатеринбург)	(1881)
42. Гетеборгского общества естествоиспытателей	(1886)
43. Брауншвейгского » »	(1887)
44. Манчестерского » »	(1889)
45. Русского технического (СПб.)	(1881)
46. Политехнического в Москве	(1888)
47. Московского сельскохозяйственного	(1881)
48. Полтавского »	(1880)
49. Собрания сельских хозяев в СПб.	(1880)
50. Охранения народного здоровья (СПб.)	(1880)
51. Русских врачей в СПб.	(1880)
52. Виленского медицинского	(1880)
53. Кавказского »	(1881)
54. Вятского »	(1881)
55. Иркутского »	(1888)
56. Архангельского »	(1888)
57. С.-Петербургского »	(1890)
58. Симбирского »	(1893)
59. Екатеринославского »	(1895)
60. Киевского фармацевтического	(1880)
61. Лондонского »	(1888)
62. Филадельфийского »	(1893)

Корреспондент:

63. С.-Петербургской академии	(1876)
64. Туринской академии наук	(1893)
65. Парижского общества поощрения промышленности	(1890)
66. Лондонского » » »	(1896)
67. Роттердамского общества естествоиспытателей	(1890)
68. Геттингенского ученого общества	(1892)

Неплатящий член:

69. Вольного экономического общества	(1865)
--------------------------------------	--------

Член совета:

70. Академии художеств	(189?)
------------------------	--------

Почетный член:

71. Совета торговли и мануфактур	(1890)
1. Общество содействия промышленности и торговле	
2. » » мореходству	
3. СПб. общество естествоиспытателей	
4. Харьковское » »	
5. Технологический институт	

Д. И. Менделеев
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОИКОВ

**Бронзовый барельеф на мраморной доске, вручаемый чтецу
ежегодных Менделеевских чтений в С.-Петербурге**

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ И УЧЕНИКОВ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Л. А. ЧУГАЕВ

«...Когда приходишь к оценке личностей, подобных Д. И. Менделееву, к анализу их научного творчества, невольно является желание отыскать в этом творчестве элементы, всего более отмеченные печатью гения.

Из всех признаков, отличающих гениальность и ее проявление, два, кажется, являются наиболее показательными: это, во-первых, способность охватывать и объединять широкие области знания и, во-вторых, способность к резким скачкам мысли, к неожиданному сближению фактов и понятий, которые для обыкновенного смертного кажутся далеко стоящими друг от друга и ничем не связанными, по крайней мере до того момента, когда такая связь будет обнаружена и доказана.

Эти черты мы как раз и находим у Менделеева. Можно сказать, что они проходят через всю его разнообразную деятельность, столь богатую событиями духовной жизни.

Гениальный химик, первоклассный физик, плодотворный исследователь в области гидродинамики, метеорологии, геологии, в различных отделах химической технологии (взрывчатые вещества, нефть, учение о топливе) и других сопредельных с химией и физикой дисциплинах, глубокий знаток химической промышленности и промышленности вообще, особенно русской, оригинальный мыслитель в области учения о народном хозяйстве, государственный ум, которому, к сожалению, не суждено было стать государственным человеком, но который видел и понимал задачи и будущность России лучше представителей нашей официальной власти. Таков был Дмитрий Иванович Менделеев... Все разнообразные части или направления его духовного творчества при внимательном анализе оказываются не изолированными друг от друга и не случайными; чувствуется, что они связаны какими-то, часто незримыми нитями, составляя как бы одно органическое целое.

Он умел быть философом в химии, в физике и в других отраслях естествознания, которых ему приходилось касаться, и естествоиспытателем в проблемах философии, политической экономии и социологии. Он умел внести свет науки в задачи чисто практического характера и приблизить к жизни теорию, находя для нее возможность использования и различных приложений.

Во всех вопросах, которые ему приходилось затрагивать, мысль Менделеева, развиваясь до своих крайних логических пределов и последствий, неудержимо увлекала его далеко за пределы первоначально избранной темы...

Огромное количество труда и времени затрачивал он на самый процесс расчисления опытных данных, как собственных, так и в особенности добытых другими авторами. Лица, близко стоящие к Дмитрию Ивановичу, свидетельствуют, что каждая приводимая им цифра, даже сообщаемая лишь с учебной целью, например в «*Основах химии*», неоднократно и весьма тща-

Рабочий стол Д. И. Менделеева в Кабинете-музее Д. И. Менделеева при С.-Петербургском государственном университете

тельно проверялась и публиковалась лишь после того, как автор получал уверенность в том, что именно ее следует считать наиболее надежной...

...Нельзя не упомянуть о той обстановке, в какой ему приходилось работать. Долгое время эта обстановка была прямо-таки нищенской. До 1863 г. химическая лаборатория университета получала всего 400 руб. в год и на все кафедры химии полагался один лаборант с таким же годовым окладом. Благодаря этому в лаборатории не хватало самых необходимых вещей и при способлений.

С 1866 по 1872 г. лаборатория Менделеева состояла всего из двух комнат, из которых одна к тому же была темной, и только с 1872 г., когда начались работы Менделеева о сжимаемости газов, ему была отведена еще и третья.

Постепенно, но также очень медленно, возрастал и бюджет лаборатории. Словом, в лучшую пору жизни Д. И. Менделеева ему приходилось работать в очень тяжелых условиях. Такова впрочем, была участь большинства русских ученых того времени. Дмитрий Иванович долго и многократно хлопотал о расширении лаборатории (впредь до постройки нового здания для этой цели) и о предоставлении достаточной суммы на ее содержание. Но хлопоты эти возыме-ли свое действие только 20 лет спустя, когда Менделеева уже не было в университете.

...Многие находили, что от личного общения с Дмитрием Ивановичем или пребывания в его обществе получалось более глубокое и полное представление о могучей силе его духа, нежели от знакомства с его сочинениями. Такое впечатление вынес, между прочим, И. И. Мечников сам знаменитый ученый, незадолго до смерти Дмитрия Ивановича познакомившийся с ним в Париже. Мечников говорил мне, что из всех выдающихся деятелей науки, которых ему пришлось узнать на своем долгом веку, был только еще один человек, сделавший на него такое сильное неизгладимое впечатление, как Менделеев. Это был женеvский ученый Карл Фогт.

Обладая в молодости слабым здоровьем, имея, по-видимому, задатки наследственного ту беркулеза, Менделеев прожил долгую жизнь, вероятно, тоже благодаря своей воздержанности в пище и питье. Тем не менее я слышал от одного из его учеников, В. Е. Павлова, что к нему не раз уже в преклонном возрасте возвращалось кровохарканье, немало его смущавшее. Он лечил

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

его сам, почему-то приемами бромистоводородной кислоты (вводить в организм натрий или калий он не хотел). Так он прожил до начала 90-х гг., когда под влиянием начавшей развиваться катаракты на обоих глазах он довольно быстро стал терять зрение. Он не мог работать и с трудом различал окружающие предметы. Это была та же самая болезнь, которая постигла его отца, Ивана Павловича.

Однако в 1903 г. ,после удачной операции, сделанной профессором Костеничем, Менделеев прозрел и опять с неослабной энергией принялся за временно прерванные работы. Так прошло еще два года. Говорят, что на его здоровье сильно подействовал исход Японской войны. Будучи глубоким патриотом, он очень тяжело переживал наши неудачи на Дальнем Востоке, нередко даже плакал... К 1906 г. он как-то быстро стал дряхлеть, стал часто прихварывать. В этом году он два раза ездил за границу и как будто поправился. Но дни его были сочтены, и он сам уже как бы предчувствовал близкий конец. Простудившись во время посещения Главной палаты мер и весов тогдашним министром Философовым, Менделеев подхватил воспаление в легких, от которого и скончался 20 января 1907 года».¹

Чугаев Л. А. Дмитрий Иванович Менделеев, жизнь и деятельность.
Л., Научное химико-технич. изд-во, 1924.

И. М. СЕЧЕНОВ

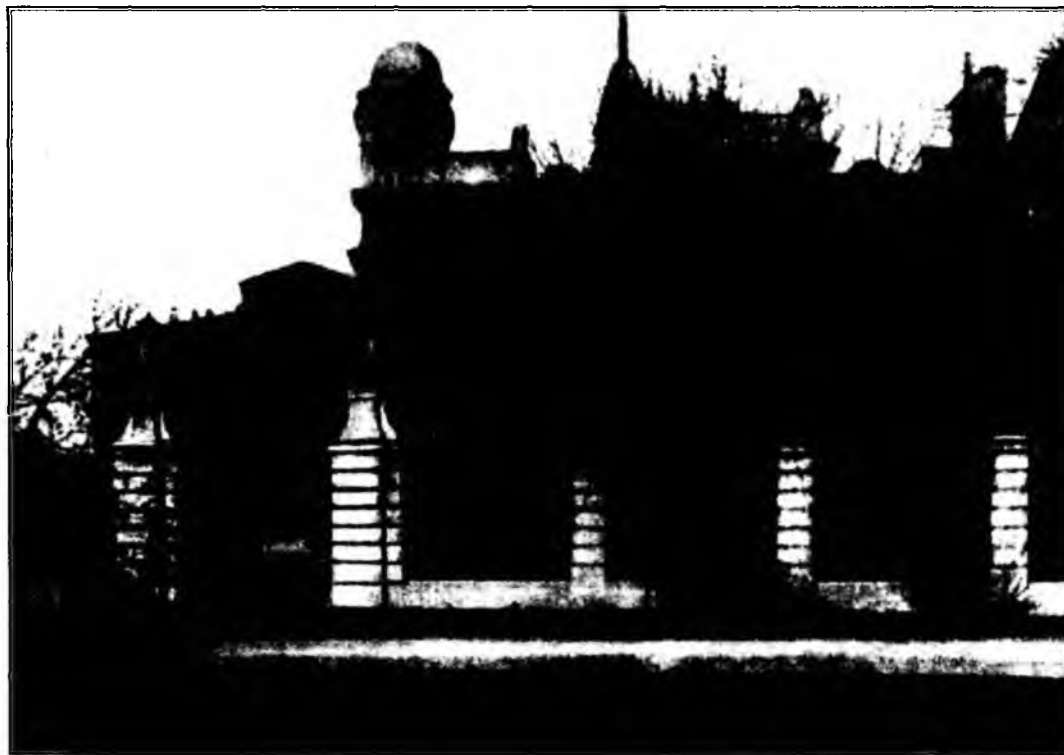
«В Гейдельберге, тотчас по приезде, я нашел большую русскую компанию: знакомую мне из Москвы семью Т. П. Пассек (мать с тремя сыновьями), занимавшегося у Эрленмейера химика Савича, трех молодых людей, не оставивших по себе никакого следа, и прямую противоположность им в этом отношении — Дмитрия Ивановича Менделеева. Позже — кажется зимой — приехал А. П. Бородин. Менделеев сделался, конечно, главою кружка, тем более что, несмотря на молодые годы (он моложе меня летами), был уже готовым химиком, а мы были учениками. В Гейдельберге в одну из комнат своей квартиры он провел на свой счет газ, обзавелся химической посудой и с катетометром от Саллерона засел за изучение капиллярных явлений, не посещая ничьих лабораторий. Пассек нередко приглашала Дмитрия Ивановича и меня к себе то на чай, то на русский пирог или русские щи, и в ее семье мы всегда встречали г-жу Марко Вовчок, уже писательницу...

Этим летом и следующей за ним зимой жизнь наша текла так смиренно и однообразно, что летние и зимние впечатления перемешались в голове и в памяти остались лишь отдельные эпизоды. Помню, например, что в квартире Менделеева читался громко вышедший в это время “Обломов” Гончарова, что публика слушала его с жадностью и что с голодухи он казался нам верхом совершенства. Помню, что А. П. Бородин, имея в своей квартире пианино, угощал иногда публику музыкой, тщательно скрывая, что он серьезный музыкант, потому что никогда не играл ничего серьезного, а только, по желанию слушателей, какие-либо песни или любимые арии из итальянских опер...

В Гейдельберге же я познакомился с Борисом Николаевичем Чичериным. В компанию Менделеева он не вошел и виделся изредка лишь с Юнге и со мной, как его однокашниками по университету. Он тогда уже был адъюнктом.

В осенние каникулы 1859 г. мы с Дмитрием Ивановичем вдвоем отправились гулять в Швейцарию, имея в виду проделать все, что предписывалось тогда настоящим любителям Швейцарии, т. е. взобраться на Риги, ночевать в гостинице, полюбоваться Alpengluehen'ом, прокатиться по Фирвальдштеттскому озеру до Флюэльна и пройти пешком весь Oberland. Программа эта была нами в точности исполнена, и в Интерлакене мы даже пробыли два дня, тщетно ожидая, чтобы красавица Юнгфрау раскуталась из покрывавшего ее тумана.

...В эти месяцы я отправился в лабораторию Менделеева; он дал мне тему, рассказав, как готовить вещество, азотистометиловый эфир, что делать с ним, дал мне комнату, посуду, материалы, и я с великим удовольствием принялся за работу, тем более что не имел до того в руках веществ, кипящих при низких температурах, а это кипело при 12 °С. Результаты этой уче-

Общий вид Всероссийского научно-исследовательского института метрологии им. Д. И. Менделеева.
В глубине двора здание бывшей Главной палаты мер и весов, где работал Д. И. Менделеев

нической работы описал сам Дмитрий Иванович. Быть учеником такого учителя, как Менделеев, было, конечно, и приятно, и полезно, но я уже слишком много вкусил от физиологии, чтобы изменить ей, и химиком не сделался».²

«Автобиографические записки
Ивана Михайловича Сеченова».
М., Научное слово, 1907.

Г. Г. ГУСТАВСОН

«...Если я взял на себя смелость остановить внимание съезда на очень отдаленном и очень кратком периоде деятельности Д. И. Менделеева, когда он преподавал органическую химию, то да послужит мне оправданием то значение, которое присуще высокой личности Менделеева. К какому бы делу он ни прикасался, он всегда оставлял на нем глубокие и поучительные следы. К тому же на первом съезде, посвященном его памяти, конечно, должны быть сосредоточены по возможности все воспоминания, его касающиеся, а свидетелей этого раннего периода его деятельности осталось уже очень не много.

Я слушал лекции Д. И. Менделеева по органической химии в 1862 и 1863 гг., по возвращении его из двухлетней заграничной командировки и тотчас после издания им книги «Органическая химия».

Эта книга теперь почти совсем забыта. Тем не менее она глубоко интересна уже по одному тому, что представляет первое крупное литературное произведение Менделеева, когда ему было 26—27 лет. Известно, что в первых произведениях высокоодаренных натур весьма ярко и рельефно обозначаются особенности их таланта. Поэтому я и остановлюсь несколько на этой

книге, тем более что по ней можно до известной степени судить и о лекциях, слушателями которых мы были. Книга проникнута широкой и сильной индукцией; это выразилось главным образом в том, что в ней проведена принадлежащая Менделееву теория пределов — предшественница теории строения.

Фактическое содержание книги не только в общем, но и в частях ярко освещено выводами. В этой ее особенности, отличающей ее от других руководств, видится уже будущий автор “Основ химии”. Но затем в книге до такой степени выдержана соразмерность частей, так ясно отсутствие всего лишнего, руководящие идеи проведены в ней с таким искусством, что она дает впечатление художественного произведения. Она так целостна, что, начав ее читать, трудно от нее оторваться. Эта особенность ее, помимо всего прочего, зависит и оттого, что она была написана сразу, без перерывов, в короткое время. По словам Менделеева, она была написана им в два месяца, почти не отходя от письменного стола. Замечу здесь, по этому поводу, что Менделеев вообще являлся противником гигиенического распределения занятий и говорил, что только при односторонних, непрерывных и упорных усилиях, направленных к одной цели, хотя бы и отзывающихся болезненно на организме, возможно создать что-либо ценное, что-либо такое, чем сам останешься доволен.

Достоинство книги было тогда оценено всеми. Ей, как известно, была присуждена первая Демидовская премия, но ей не суждено было выдержать дальнейших изданий, хотя попытки к тому и были сделаны. Есть такие произведения, которые не выносят переделок и вставок, и книга Менделеева несомненно к ним относится. Но и, кроме того, в это время органическая химия находилась как раз в состоянии полнейшего переворота вследствие вновь возникших представлений о связи атомов в органических соединениях.

Теория пределов Менделеева, которую отлично формулировались и предсказывались взаимные переходы органических соединений различной насыщенности, не давала объяснения тем все чаще и чаще наблюдаемым случаям различия органических соединений, одинаковых по составу и весу частиц, которые обозначались названием изомерии в тесном значении этого слова. Между тем

весь интерес химиков сосредоточился на разъяснении причин этих загадочных явлений. Создалась теория строения, и развитие ее взяло верх над всем остальным в органической химии. Появилось “Введение к полному изучению органической химии” Ал. Мих. Бутлерова. Книга Менделеева по ее оригинальности и целостности не могла быть приноровлена к новым веяниям времени. Она осталась историческим памятником, но памятником, полным значения и для настоящего времени, заключающим в себе заветы тех широких взглядов на специальные науки о природе, которые возвышают их значение и отвечают требованиям, к ним предъявляемым.

А требования эти, которые и теперь нередко слышатся, все одни и те же, все сводятся к одному и тому же. В частности — не забывать общего, в погоне за фактами не игнорировать идей, их одухотворяющих, не лишать наук о природе их философского значения.

Требования эти находят себе ответ в книге Менделеева, потому что в ней с чрезвычайным искусством проведена идея единства органических соединений. Это самый широкий вывод, вытекающий из книги Менделеева. Теория пределов помогла ему в крупных чертах и, не отвлекаясь другими вопросами, например вопросами о строении, выставить взаимные переходы и связь органических соединений, несмотря на их разнообразие. Для того времени, когда книга была написана, это составляло немаловажную заслугу. То впечатление целостности, которое давала книга и которое так удовлетворяло ум при изучении ее, зависело от этой идеи единства, в данном случае — единства органических соединений, ее проникшей.

Индукцией проникнута вся книга Менделеева. В ней впервые и притом с чрезвычайною яркостью выражен взгляд его на необходимость в изложении тесно связывать фактический материал с выводами из него. Высокий ум его всегда стремился к выводам, только и жил ими — конечно, к выводам из фактов, и поэтому понятно, что необходимость связи этих двух сторон в науках им пропагандировалась и нашла себе отражение в его руководствах. Менделеев говаривал, что факт сам по себе очень мало значит — важна его интерпретация. Из органической химии можно видеть, как провел он этот взгляд в данном конкретном случае. Вся книга раз-

ОПЫТЪ СИСТЕМЫ ЭЛЕМЕНТОВЪ.

ОСНОВАННОЙ НА ИХЪ АТОМНОМЪ ВѢСѢ И ХИМИЧЕСКОМЪ СХОДСТВѢ

		Ti = 50	Zr = 90	? = 180.
		V = 51	Nb = 94	Ta = 182.
		Cr = 52	Mo = 96	W = 186.
		Mn = 55	Rh = 104.4	Pt = 197.4.
		Fe = 56	Ru = 104.4	Ir = 198
		Ni = 59	Pd = 106.6	Os = 199.
H = 1		Cu = 63.5	Ag = 108	Hg = 200
	Be = 9.4	Mg = 24	Zn = 65.5	Cd = 112
	B = 11	Al = 27.4	? = 68	U = 116
	C = 12	Si = 28	? = 70	Sn = 118
	N = 14	P = 31	As = 75	Sb = 122
	O = 16	S = 32	Se = 79.4	Te = 128.7
	F = 19	Cl = 35.5	Br = 80	I = 127
Li = 7	Na = 23	K = 39	Rb = 85.5	Cs = 133
		Ca = 40	Sr = 87.6	Ba = 137
		? = 45	Ce = 92	Pb = 207
		?Er = 56	La = 94	Tl = 204
		?Yt = 60	Di = 95	
		?An = 75.4	Th = 118.7	

Д. Менделѣевъ

**Первое изображение
периодической системы элементов**

делена на немногие главы, предназначенные для развития того или другого химического понятия из фактического материала, в них приведенного.

... В позднейших его сочинениях, например в "Основах химии", мы видим то же самое. В частных разговорах и иногда в диспутах он пропагандировал опять-таки то же самое. Однажды, очень давно, я был свидетелем следующего случая. Один из составителей руководства по химии, поднося ему свою книгу, выставлял, как особенно ценное достоинство ее, что у него теоретическое содержание книги отделено от фактического и практического: в первой части теория, а во второй части факты. На это Менделеев, со свойственной ему прямою, вскричал, что это-то именно он и считает слабою стороною книги.

Наконец, нельзя умолчать еще об одной особенности «Органической химии» Менделеева. В ней не порвана связь с примыкающими к органической химии отделами знаний. Приходилось слышать от Менделеева, что курсу неорганической химии можно было

бы придать характер энциклопедии естествознания. Конечно, органическая химия на подобную широкую роль претендовать не может, но она тесно связана со всею органическою природою и глубоко входит в биологию. Сводить эту связь к той крайней часто ничего не говорящей отрывочности, которая замечается во многих курсах органической химии, едва ли отвечает тем требованиям, какие, по словам Менделеева, обуславливают пользу учебного руководства.

Теперь мы углубляемся в строение, стараемся проникнуть в невидимый мир атомов, и это движение, при всей его законности и необходимости, является почти исключительным и далеко отодвигает все остальное. Но невидимый мир атомов не должен заслонять собою мира видимого. Нельзя лишать органическую химию ее реальной почвы. Менделеев начал с того, что во введении выдвинул отношения физики к органической химии, и затем дал широкую картину круговорота углерода в природе и остановился на значении органических соединений для жизненных отправлений организмов.

В тесную связь с этим поставлено и добытие органических соединений из естественных источников. Вообще эта сторона дела представлена таким образом, что начинающему становятся ясны те реальные, полные значения причины, которые привели к особому циклу химических знаний, получивших название органической химии. Изложение многих статей, сюда относящихся, например, статьи о жирах с их историею, так совершенно, что они до сих пор сохранили все свое значение.

Таким образом, мы, слушатели Менделеева, в начале 60-х гг. находились, что касается руководства, можно сказать, в идеальных условиях. Руководство настолько удовлетворяло всем запросам, которые могли быть к нему предъявлены, что, казалось, мог бы возникнуть вопрос: для чего лекции при таком руководстве? Тем не менее переносясь к тому времени и вспоминая лекции Менделеева, я должен заметить, что роли книги и лекций были различны и что книга не могла заменить лекций.

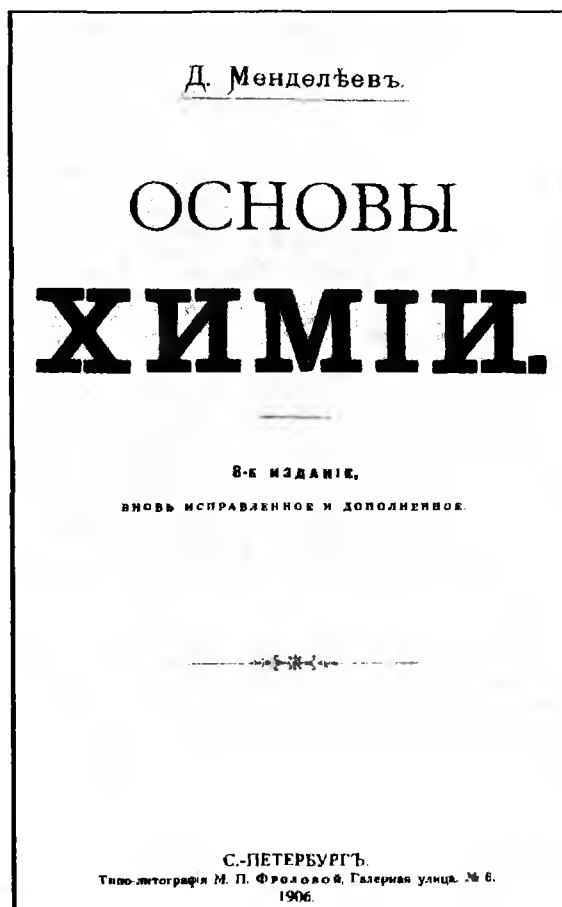
Книга служила для предварительного ознакомления с предметом лекций, и ясно помнится, что это была главная роль книги, а затем для окончательного усвоения прочи-

танного на лекциях. Лекции же научали нас отличать главное от второстепенного, давали возможность судить об относительном значении данных, составляющих науку, т. е. развивали в нас критический взгляд на науку. Касаясь здесь этого, можно сказать, вечного вопроса о необходимости и значении лекций — вопроса, столь различно решаемого и далеко не решенного, я полагаю со своей стороны, что задача и назначение лекций состоит именно в должном и настойчивом оттенении существенного от подробностей, главного от второстепенного. Для начинающих это — жизненный вопрос, и учебник, как бы он хорош ни был, никогда не даст в этом отношении того, что могут дать лекции.

Лектору для достижения указанной цели предоставлено много средств, по существу дела отсутствующих в учебнике. Должные повторения и отступления, разъяснения посредством аналогичных примеров, время от времени делаемые резюме сказанного, наконец, главное — применение той или другой интонации в изложении, всеми этими и многими другими средствами лектор может и должен пользоваться для того, чтобы оттенить значение излагаемого, чтобы выдвинуть главное и сосредоточить на нем внимание слушателей. Лектор, не выполняющий этой задачи, не отвечает своему назначению, хотя бы лекция и блистала красноречием и в ней приводились новые исследования, не успевшие войти в руководство. Живое слово нужно для облегчения восприятия существенного в науке. Считаю лишним останавливаться здесь на достоинствах в этом отношении лекций Менделеева. Лекции его еще у всех в памяти, и как в недавнее время, так и при начале его деятельности аудитория была всегда битком набита.

В то время, о котором у нас идет речь, т. е. в самом начале 60-х гг., лаборатория в университете и ее средства были таковы, что не только о практических занятиях по органической химии, но и о должной обстановке лекций опытами нельзя было и думать. При всех кафедрах химии был только один лаборант, получавший 400 руб. в год.

Газу не было; жгли древесный спирт, да и в том часто чувствовался недостаток, потому что его пил старый единственный сторож при лаборатории. Тяги не действовали, и когда я, еще будучи студентом, затеял готовить

Титульный лист книги Д. И. Менделеева
«Основы химии»

пятихлористый фосфор, то так надышался хлором, что за свое усердие поплатился воспалением легких. Но и позже, в 1866 году, когда Менделеев был выбран экстраординарным профессором по кафедре технической химии, а я был у него лаборантом, под лабораторию технической химии были отведены во втором этаже университета две комнаты с паркетными полами, но без газа и без тяг. Предоставлялось широкое поле для изощрения изобретательности и для развития настойчивости в преодолении препятствий, что, пожалуй, для химика излишне...

... Как бы то ни было, но в начале 60-х гг. условия для обстановки лекций опытами и для практических работ по химии были в университете крайне неблагоприятны. Тем не менее лекции органической химии время

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

от времени демонстрировались и опытами. Менделеев сам их производил, останавливаясь, конечно, только на немногом и выбирая имеющиеся под руками средства. В особо назначенные часы перед нами производились им и такие более сложные операции, как органический анализ, определение плотности пара и т. п.

Кончая этот отрывочный и крайне неполный очерк ранней поры преподавательской деятельности Менделеева, я не могу здесь не остановиться на выдающейся черте его характера, делающей его дорогим и незабвенным для очень, очень многих и далеко не одних только химиков. Это его всегдашняя готовность употребить свое влияние на помощь окружающим. В нем была так сильна эта готовность помочь, что он в очень многих случаях сам шел навстречу, не ожидая просьб. Он не щадил себя в этом деле и часто, пренебрегая нездоровьем и отрываясь от глубоко захватывающих его трудов, ехал хлопотать за других. Надо заметить, что его полные убеждения и убедительности и нередко властные и настойчивые представления всегда имели успех. В продолжение моей жизни я не встречал другого человека, равного ему в этом отношении, и память о нем будет жить не только в уме, но и в сердце».³

Густавсон Г. Г. Д. И. Менделеев и органическая химия. Труды 1-го Менделеевского съезда по общей и прикладной химии. СПб., 1909, с. 50—57.

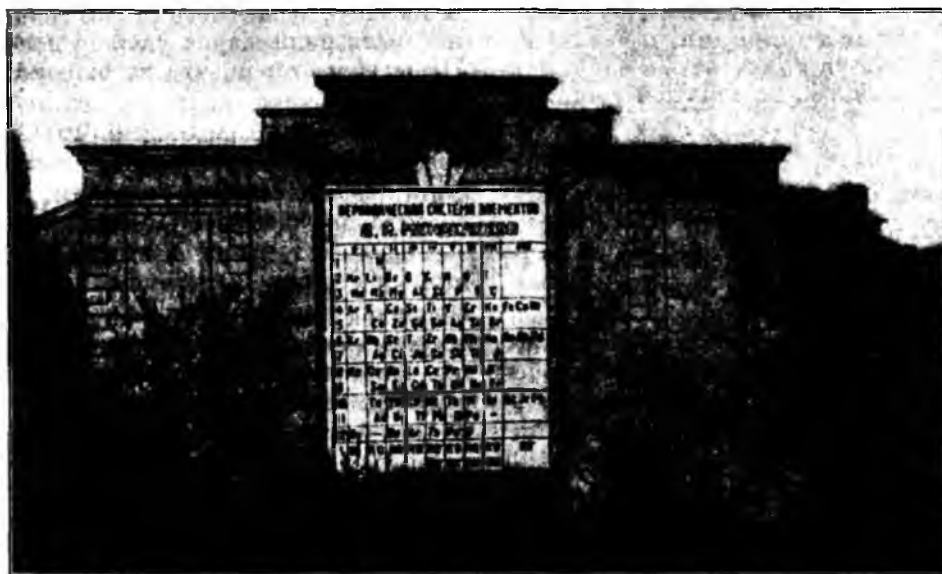
К. А. ТИМИРЯЗЕВ

«... Д. И. Менделеев в начале этой эпохи не был еще тем, чем он представляется нам теперь, — автором известных “Основ химии”, творцом периодической системы элементов, того самого широкого обобщения в химии, приведшего к поразительному результату — возможности предсказания и подробного описания еще неизвестных элементов, пророчеств, которые исполнялись с неукоснительной точностью. Он не выступал еще и со своими обширными физическими работами, хотя уже уделял этим вопросам место, как в исследованиях, так и в курсе теоретической химии, вероятно первом, читавшемся перед русской аудиторией. В начале 60-х гг. он был по преимуществу органик; его превосходный по ясности и простоте изложения учебник, «Органическая химия», не имел себе подобного в европейской литературе, и, кто знает, насколько именно эта книга способствовала тому, что в этом, главным образом, направлении двинулось вперед ближайшее поколение молодых русских химиков. Когда вследствие отсутствия необходимой лабораторной обстановки в Петербургском университете, а еще более после его временного закрытия, русская университетская молодежь толпами бросилась в заграничные университеты, она направилась исключительно в лаборатории органической химии (Вюрца, Кекуле, Штреккера, Бейльштейна, Кольбе). Всего нагляднее это обнаружилось в главном центре этого паломничества, в Гейдельберге, где только немногие, как Лугинин, а раньше Менделеев и Шишков, направилась к Бунзену».⁴

Тимирязев К. А. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х гг. Сочинения. Т. 8. М., Сельхозгиз, 1937, с. 151, 152.

«...Живо помню следующий факт, относящийся к моим студенческим годам. А. В. Советов защищал в Петербургском университете свою диссертацию “О системах земледелия” на степень доктора — первого доктора земледелия в России. В числе оппонентов был Д. И. Менделеев, указавший на пробел в диссертации, на отсутствие в числе систем системы, основанной на применении химических минеральных удобрений, на что докторант самым убежденным тоном возражал: “Дмитрий Иванович! Помилуйте! Да какая же эта система? Кабинетная, лабораторная!” И вот на глазах одного поколения эта кабинетная система стала чуть не самой выдающейся чертой, по крайней мере, в тех странах, где земледелие старается наиболее использовать свои научные основы».

Тимирязев К. А. Наука и земледелец (1905). Сочинения. Т. 3. М., Сельхозгиз, 1937, с. 20.

**Памятник Д. И. Менделееву, воздвигнутый в 1934 г.
Всесоюзным научно-исследовательским институтом метрологии в С.-Петербурге**

«...По предложению и плану Д. И. Менделеева Вольным экономическим обществом была организована система опытных полей — несомненно, первая, когда-либо осуществленная в России. Таких полей одновременно было устроено четыре (в Петербургской, Московской, Смоленской и Симбирской губ.). Наблюдателями в последних двух были — мой добрый товарищ Г. Г. Густавсон и я, и это участие, несомненно, имело влияние на нашу преподавательскую деятельность, когда судьба снова свела нас в Петровской академии. Достоинно изумления, что это начинание нашего знаменитого ученого не нашло поддержки и подражания, да и сам он, к сожалению, перешел к другим экономическим задачам, по своему значению и направлению едва ли одинаково важным для нашей страны».⁴

*Тимирязев К. А. Земледелие и физиология растений.
Сочинения. Т. 3. М., Сельхозгиз, 1937, с. 372.*

В. Е. ТИЩЕНКО

«...Первая лекция, которую мне пришлось слушать в университете, была лекция по химии. И вот, если не ошибаюсь, 9 сентября 1879 г., т. е. 57 лет назад, я в первый раз увидел и услышал Дмитрия Ивановича Менделеева. Все было для нас, первокурсников, непривычно: и лекционный способ преподавания, и обстановка лекций с демонстрацией многочисленных опытов, и наука, о которой мы имели самое смутное представление, и так непохожий на наших гимназических учителей профессор Менделеев, на которого мы смотрели с глубочайшим уважением.

Менделеев не был оратором в обычном смысле слова. Про него кто-то сказал, что он говорит, точно камни ворочает, и это сравнение было, пожалуй, удачное. Интонация его голоса постоянно менялась: то он говорил на высоких теноровых нотах, то низким баритоном, то скороговоркой, точно мелкие камешки с горы катятся, то остановится, тянет, подыскивает для своей мысли образное выражение, и всегда подыщет такое, что в двух-трех словах ясно выразит то, что хотел сказать. Мы скоро привыкли к этому оригинальному способу изложения, который гармонировал и с оригинальным обликом Менделеева и вместе с тем помогал усвоению того, что он говорил. Когда он замедлял речь, подыскивая подходящее слово, и наша мысль работала в том же направлении, лектор увлекал слушателей. И по содержанию лекции Менделеева

были оригинальны: они оживлялись частыми отступлениями в области других наук — физики, астрономии, биологии, геологии, в область приложения химии в промышленности, в область истории химии и пр. Менделеев поражал нас обширностью своих знаний, а вместе с тем учил, что для того мы и учимся, чтобы потом нести свет знания нашей родине, разрабатывать ее несметные природные богатства, поднимать ее благосостояние и независимость.

Он смело указывал на наши недостатки, на неприглядность классической системы образования, которая дает людей книжных, не приспособленных к жизни, не умеющих самостоятельно взяться ни за какое практически нужное дело.

За этим богатым содержанием не замечались шероховатости изложения. Аудитория Менделеева была переполнена, потому что его слушали студенты не только физико-математического, но и других факультетов.

Я усердно посещал его лекции, записывал их, по вечерам выправлял, справляясь с “Основами химии”.

Прошел год, подошли экзамены. Первым по расписанию был поставлен экзамен по химии, самый трудный и, по отзыву наших старших товарищей, самый страшный: выдержать экзамен у Менделеева было нелегко. Как старательно ни готовился я к экзамену, но шел неуверенно и приготовился остаться на второй год, так как переэкзаменовок тогда не разрешалось. Экзаменовали двое: Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров. Менделеев экзаменовал быстро, нервно: посмотрит, что написано на доске, даст несколько вопросов из разных концов курса, чтобы нащупать, насколько сознательно освоен курс, и решительно ставит отметку. Бутлеров вел экзамен спокойно, позволял экзаменуемому подумать, давал наводящие вопросы и т. д., хотя отметки ставил не очень щедро. Уверенные в себе шли к Менделееву, хотя сплошь и рядом ошибались в самооценке, более робкие теснились к Бутлерову. Выходили не по списку, а когда кто хотел.

Мне пришлось экзаменоваться во вторую половину дня. В первую Менделеев многих провалил и нагнал страху. Провалившиеся, как обыкновенно бывает, не поняв или не желая признаться, что были провалены за незнание или непонимание самых элементар-

ных вещей, старались объяснить свою неудачу чрезмерной строгостью экзаменатора и еще больше напугали товарищей. И вот у Бутлерова еще более длинная очередь, а к Менделееву решаются выйти одиночки, да и из них он двоим по двойке поставил. Никто больше не выходит. А мы с Н. Я. Чистовичем сидим на первой скамейке. Менделеев обращается к аудитории и глядит на нас: «Что же больше никто экзаменоваться не желает?» Пришлось нам выходить: Чистович к одной доске, я к другой. Как сейчас помню: дал он мне вопрос о железе. Я написал все, что знал: и руды, и добывание, и окислы, соли, даже желтую и красную синильные соли и берлинскую лазурь, что у нас считалось большой мудростью. Дмитрий Иванович взглянул на доску и задал еще два или три вопроса, последний — вычислить формулу белого чугуна, содержащего 5 % углерода. Тут я споткнулся в арифметике, но Дмитрий Иванович меня поправил и поставил «5». Конечно, я был, что называется, на седьмом небе, но не знал, так как чувствовал себя в химии далеко не так твердо, как мне хотелось, и потому на II курсе опять ходил слушать Менделеева.

Теперь я гораздо лучше понимал и усваивал его лекции и внимательно следил за опытами.

В то время на I курсе практических занятий по химии не было. Проходя такой трудный курс, мы должны были довольствоваться только демонстрацией лекционных опытов. И я от души завидовал ассистенту Менделеева Д. П. Павлову: вот счастливец-то, все-то опыты своими руками проделает. Того, чтобы когда-нибудь занять его место, я даже и вообразить не мог: Дмитрий Иванович представлялся мне таким великим, недостижимым строителем науки.

На II курсе я слушал Бутлерова, занимался у Меншуткина качественным анализом. В осенний семестр II курса я занимался количественным анализом под руководством Н. Н. Любавина. Мое рабочее место было около двери из лаборатории в квартиру Менделеева. Поэтому я его видел каждый день утром, а иногда и вечером, так как засиживался в лаборатории до ее закрытия в 6 часов вечера. На IV курсе и первый год по окончании курса я работал по органической химии у А. М. Бутлерова, которого мы тоже очень любили и уважали. С этого года Бутлеров пе-

ренес свою работу в академическую лабораторию. Мне дали его рабочее место, мимо которого Дмитрий Иванович проходил в свою лабораторию.

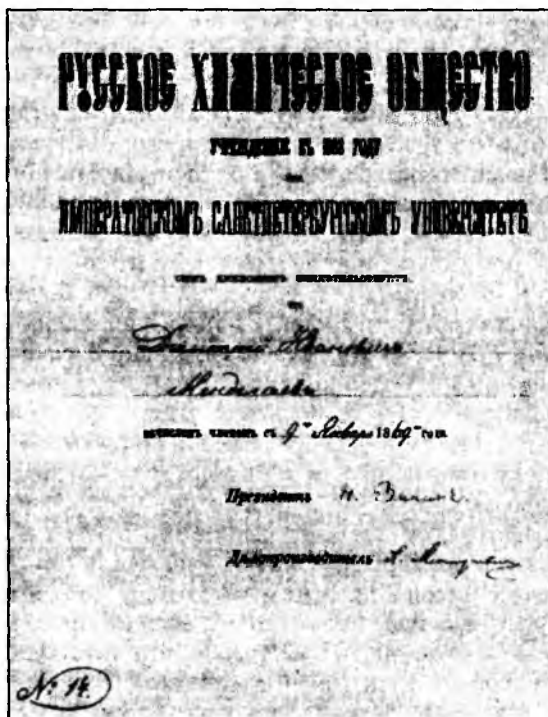
В лаборатории Бутлерова нам, «специалистам-химикам», разрешалось работать, смотря по надобности, хоть до поздней ночи, и мы засиживались до 12 часов ночи и позднее. Проходя в свою лабораторию, Д. И. иногда останавливался в нашей комнате, беседовал с М. Д. Львовым (ассистент Бутлерова) и Бутлеровым, если заставал его в лаборатории.

Кроме лекционного ассистента (или, как тогда называли, лаборанта) Д. П. Павлова, у Менделеева был еще личный ассистент В. Е. Павлов. С осени 1884 г. В. Е. Павлов получил место доцента по кафедре аналитической химии в Московском высшем техническом училище, а на его место Дмитрий Иванович пригласил и провел через факультет меня. Таким образом, с конца сентября 1884 г. началась моя служба в его лаборатории. Личным ассистентом я пробыл у Менделеева два года.

В ноябре 1886 г. Д. П. Павлов уехал на место профессора в Институт сельского хозяйства в Новую Александрию, и Дмитрий Иванович передал мне его обязанности лекционного ассистента и заведующего хозяйством лаборатории. Вместе с этими обязанностями я получил и квартиру Д. П. Павлова, которая находилась через стенку от лаборатории Менделеева, рядом с его кабинетом.

Теперь мне пришлось еще ближе познакомиться с Дмитрием Ивановичем, так как три раза в неделю бывали лекции, да, кроме того, приходилось часто беседовать по делам лаборатории.

Надо признаться, что ассистировать на его лекциях было нелегко не потому, что это требовало много труда, а из-за нервной, беспокойной природы Дмитрия Ивановича. На лекциях он нервничал, все боялся, что опыт не удастся, особенно в первый год моего ассистентства, пока не убедился в моем умении экспериментировать. Когда он замечал, что опыт ведется не так, как он привык, он подходил и шепотом, который был слышен во всей аудитории, делал мне замечания. Я по неопытности успокаивал его, что опыт выйдет, а студентов эти разговоры приводили в веселое настроение, и они иногда смеялись. Один раз после лекции Дмитрий Иванович мне и гово-

Членский билет Русского химического общества, выданный Д. И. Менделееву

рит: «Привыкните вы, ради Бога, на лекции ничего не говорить: ведь это их (т. е. студентов) развлекает».

После этого я молчал на кафедре как рыба; что бы он мне ни говорил, я делал свое дело, и никаких недоразумений у нас не было, тем более что и неудачи у меня случались крайне редко. В этих случаях Менделеев объяснял студентам причину неудачи и заставлял меня повторить опыт. Этим все и ограничивалось; после лекции выговоров или упреков он не делал, хорошо понимая, что неудача чисто случайна.

В качестве руководства, как производить опыты на лекции, у нас была тетрадь с подробным описанием всех мелочей. Это описание было составлено первым ассистентом Дмитрия Ивановича — Г. А. Шмидтом, которого Менделеев очень ценил, и пополнена Д. П. Павловым. В случае недоразумения, так ли я производил опыт, как нужно, стоило сказать, что так в тетрадке написано, — Дмитрий Иванович успокаивался.

Другой опорой для меня был мой помощник, старинный служитель, Алексей Петрович

Зверев, которого мы звали просто «Алеша». Он получил крепкую выучку у Г. А. Шмидта и в точности помнил, какую колбу, реторту, схватку и пр. надо взять для каждого опыта, чтобы поставить его так, как привык Дмитрий Иванович. Все непривычное Дмитрия Ивановича нервировало, портило настроение, нарушало ход мыслей. Я это понимал, и не обижался ни на какие, иногда и резкие, замечания.

К лабораторным делам тоже надо было приспособиться. Вначале я пытался спрашивать у Дмитрия Ивановича разрешение на какие-нибудь более крупные траты, на ремонт в лаборатории, но большею частью получал отказ. Потом я стал действовать по собственному усмотрению, и Менделеев только был доволен, что я не занимаю его пустяками. А один раз он сам мне говорит: «Если вам что-нибудь понадобится делать, никогда не просите разрешения, потому что тот, у кого вы просите, сейчас подумает: «А, если он просит разрешения, значит, не уверен, что действует правильно», — и, конечно, откажет».

К лекциям Менделеев в эти годы уже не готовился, но ассистентам вменялось в обязанность отмечать, на чем он в последнюю лекцию остановился. Он читал обычно два часа подряд с перерывом не более 15, а под конец года 10 мин., чтобы непременно полностью закончить курс. Так как он долго засиживался за работой по ночам и мог проспать, то в те дни, когда лекции начинались с 9 часов, наказывал Алеше будить его в 9 часов 5 мин., если сам не придет, и тогда, еле умывшись, одеваясь на ходу, быстро поднимался по лестнице, также на ходу спрашивал меня: «На чем остановился?» — и, выйдя на кафедру, обычным тоном начинал лекцию.

Однако не надо думать, что ему это чтение легко давалось. Он говорил, что читать лекции — самое трудное дело. Оно требовало сильного умственного напряжения и в связи с духотой переполненной аудитории сильно утомляло. Усталый, потный он выходил из аудитории. Чтобы не простудиться на холодной лестнице по дороге в свою квартиру, он надевал осеннее пальто, которое ему приносил Алеша, и с полчаса, а иногда и более сидел в препаровочной, покуривая папиросы, которые тут же крутил, и благодушно разговаривал.

Темы этих разговоров были самые разнообразные: новости химической науки, воспо-

минания старины, наши университетские и лабораторные дела, ученые диспуты, магистерские экзамены, работы нашей лаборатории и т. д., вплоть до домашних дел.

В эти годы в химическом мире животрепещущей темой была теория электролитической диссоциации, с которой Менделеев не мог примириться. Он не допускал того, что натрий может быть в воде и не действовать на воду. Он говорил, что состояние молекул соли в растворе, через который идет ток, в котором они располагаются в определенном порядке, нельзя приравнять к состоянию их в растворе без тока, где они толкутся в полном беспорядке: «Это все равно, как если бы меня взять да вот так прилизать или вот этак растрепать. Ведь ничего похожего».

Органической химией Дмитрий Иванович в то время мало интересовался, и его не удовлетворяла теория строения. Бутлеров принимал ее как схему, выражающую отношение атомов в молекуле, а Менделеев считал, что надо говорить не о схеме, а о реальном расположении атомов в пространстве. Он считал, что ньютоновскому закону тяготения подчинен также и мир атомов и молекул, почему не мог допустить того, чтобы легкий атом углерода мог удерживать четыре тяжелых атома хлора, брома или йода. Он не считал правильными структурные формулы, изображаемые на плоскости, потому что в действительности атомы должны быть расположены в пространстве. Поэтому он приветствовал стереохимию. Возвратившись из Англии со съезда Британской ассоциации, он с оживлением рассказывал о том, какой интересный доклад о стереохимии этиленовых углеводородов сделал И. Вислиценус в развитие идей Лебеля и Вант-Гоффа.

Из прошлого Менделеев любил вспоминать знаменитый конгресс в Карлсруэ, на котором он присутствовал и где были твердо установлены основные химические понятия об атоме и молекуле. Охотно вспоминал свое первое пребывание за границей в 1859—1860 гг., когда он работал в Гейдельберге, бывал в Париже и путешествовал по Европе. Другом его молодости по Гейдельбергу был профессор Э. Эрленмейер. Про него Менделеев рассказал мне один интересный эпизод.

В Гейдельберге во время какого-то съезда был устроен маскированный вечер, где дамы были в черных масках и, как говорили в ста-

рину, “интриговали” кавалеров. Дмитрию Ивановичу приглянулась одна стройная особа. Он предложил ей руку и в интересном разговоре с ней провел вечер. Наконец попросил снять маску, и оказалось, что это не дама, а Эрленмейер. Вспоминая это, Менделеев от души хохотал: «Как он меня заинтриговал!»

В эти же годы начался разговор о постройке новой лаборатории. Менделеев подал об этом записку в совет университета, потом она пошла в министерство, но денег на постройку лаборатории не ассигновали. Желая утешить нас, Дмитрий Иванович говорил, что не в новых стенах дело: «Вот Мариньяк, когда работал в подвале, какие отличные работы делал, а выстроили ему дворец — и работать перестал».

Более близкие нам свои университетские темы касались нашего Химического общества, докладов, сделанных на заседаниях, магистерских и докторских диспутов, которые у нас бывали довольно часто, работ молодых химиков и пр.

В 1888 г. я начал готовиться к магистерскому экзамену и так же, как мои товарищи, находился в затруднении, что именно и в каких размерах проходить к экзамену, так как никакой программы нам не давали. В подходящий момент после лекции я спросил Менделеева, что нужно к экзамену, в каком объеме требуется знание новейшей литературы, которая так быстро растет. Он мне ответил: “На то вы и магистрант, чтобы понимать, что нужно и что не нужно”. А потом, немного подумав, прибавил: “Для магистерского экзамена нужно то же, что для студентского — кандидатского, только вот с какой разницей. Если, например, студента спросят о гликолях, то ему достаточно ответить, что представляют из себя гликоли, каковы их свойства и реакции, а магистрант должен еще прибавить: «как, зачем, почему, когда»”. Подробнее он не объяснял, предоставив мне самому разобраться в смысле этих четырех слов.

Вообще Менделеев не любил многословия, любил быстрые, краткие и четкие ответы.

Разговоры на бытовые темы бывали самые житейские, вплоть до блинов на Масленице, о которых он говорил: “Люблю я их, проклятых, хоть они мне и вредны”. Надо сказать, что в еде и питье он был очень умерен.

Из этих послелекционных разговоров я узнал от Менделеева и такие сведения, о ко-

торых никогда не решился бы и спросить. Например, в обществе, а особенно между студентами было распространено мнение, что Дмитрий Иванович загребает огромные деньги, что он подделывает вина братьям Елисеевым, что получил огромные деньги от нефтяника В. И. Рагозина.

На самом деле это было совсем не так. С Елисеевыми он даже знаком не был и винному никогда не подделывал. У Рагозина действительно работал. Но за работу с 15 мая по 15 сентября на Константиновском заводе, включая сюда и поездку за границу для изучения производства вазелина (себонафта), получил всего 3000 руб. Это Менделеев-то, с его мировой известностью! А когда Рагозин, не имея достаточных капиталов, стал звать Менделеева в очень крупное предприятие, он наотрез отказался. И на этом деле Рагозин скоро обанкротился.

Вообще Менделеев избегал ввязываться в промышленные дела, чтобы оставаться вполне свободным и беспристрастным в своих суждениях и действиях. Больших денег он тоже избегал: “Много дадут и много требуют”. Расходы у него были большие (на две семьи), а доходы, кроме казенного жалованья и пенсии, — только литературный труд, главным образом “Основы химии”.

Интересно рядом с этим указать, как оплачивались в то время известные английские химики. Это тоже рассказывал мне Дмитрий Иванович.

В одну из поездок его в Англию, на товарищеском обеде профессор Роско спросил Менделеева, сколько жалованья он получает в России. Дмитрий Иванович хотел уклониться от ответа, а Франкланд, который сидел рядом, и говорит: “Скажите ему, но с тем, что он сам скажет, сколько он получает. Этого мы не знаем, а нам очень интересно”. Оказалось, что Роско получал в общей сложности 30 тыс. фунтов (300 тыс. рублей) в год. “А вот Дьюар, который, вероятно, немного старше вас, — прибавил Дмитрий Иванович, — получал 7 тыс. фунтов (70 000 рублей)”. У нас же в то время профессор, выслуживший 35 лет, получал 3000 руб. пенсии и 1200 руб. добавочных, если читал лекции.

То, что Менделеев считал нужным и правильным, он проводил упорно, настойчиво, можно сказать, не жалея самого себя. Он писал обстоятельные докладные записки мини-

страм и даже царям, добивался приемов у министров, чтобы лично убеждать их, выступая в собраниях и т. д. Не всегда, конечно, ему удавалось добиться успеха, иногда приходилось терпеть неудачи, уколы самолюбия, но это его не останавливало. Помню один из таких случаев, который оставил у меня очень неприятное впечатление.

Это было в 1886 г., в год тяжелого нефтяного кризиса, когда цена на нефть на промыслах упала до 4 коп. за пуд. Базируясь на том, что грозит быстрое истощение бакинской нефти и что нужно более бережное ее расходование, крупные нефтепромышленники, с Нобелем и Рагозиным во главе, возбудили перед правительством вопрос о необходимости правительственного налога на сырую нефть в размере 15 коп. с пуда нефти. Введение налога грозило повышением цен на нефтепродукты, а главным образом было направлено к тому, чтобы убить конкуренцию мелких промышленников.

Для обсуждения этого предложения была образована при Министерстве государственных имуществ комиссия из представителей нефтепромышленности и специалистов от Горного департамента. Менделеев вошел в состав комиссии как представитель от Министерства государственных имуществ. Заседания происходили каждую неделю в течение марта. На эти заседания Дмитрий Иванович брал меня с собой, чтобы я записывал содержание прений и, не дожидаясь стенограммы, передавал ему на случай, если к следующему заседанию понадобится написать возражение.

Нобель и Рагозин представили обширные доклады, защищая налог. Менделеев считал, что мнение о скором истощении нефти на Апшеронском полуострове неправильно, и был противником налога. Чтобы доказать вред налога, он составил алгебраическую формулу, в которой буквами обозначил цены нефти, рабочих рук, транспорта и пр., из которых складывается цена готового продукта (керосина и мазута), и старался показать, что, как бы ни менялись условия производства, введение налога невыгодно отразится на дальнейшем развитии промышленности и на потребителях. Он доказывал, что спасение от кризиса не в налоге, а в более полной и рациональной переработке нефти, как ценного химического сырья, и в постройке нефтепро-

вода из Баку в Батуми, чтобы дать выход нашей нефти на мировой рынок.

Доклад вышел несколько длинен и, видимо, утомил слушателей. Этим ловко воспользовался Рагозин. Он начал едко нападать и высмеивать Менделеева. Дмитрий Иванович не выдержал и сделал замечание. Тогда Рагозин обратился к нему и резким, вызывающим тоном, отчеканивая каждое слово, говорит: “Когда вы о своих «альфа» да «фи» говорили, я молчал, так дайте же мне теперь о нефтяном деле говорить”. Менделеев смолчал. Закончил Рагозин свое возражение так: “Нам все говорят: ничего вы не понимаете, ничего не умеете. Да мы не о тех будущих знаках говорим, которые пишут на бумаге, мы о себе, дураках, говорим. Ведь если мы к каждому аппарату по профессору поставим, так этого никакая промышленность не выдержит”.

Я ждал, что Дмитрий Иванович вспылит и отчитает Рагозина. Но он промолчал, видно, нашла коса на камень. На другой день он объяснил свое молчание. “Ведь он мой характер знает и нарочно дразнил, чтобы я глупостей наговорил. А я это понял”.

Это был единственный на моей памяти случай, когда Менделеев уступил. Обычно он в спорах был очень упорен, беспощаден к противнику. “Если меня заденут, я спуска не дам”. На диспутах он был грозой для диспутантов, особенно если диспутант уклонялся от прямого ответа.

Дмитрий Иванович умел и похвалить диспутанта, а иногда и сильно раскритиковать. Его выступления на диспутах привлекали особенное внимание присутствующих.

В среде студенчества Менделеев пользовался огромным уважением и популярностью. Но эта популярность приносила и тяжелые минуты. К нему студенты обращались за помощью во время политических или академических выступлений, прося передать высшему начальству их пожелания, “петиции”.

Последняя из этих петиций и была причиной его ухода из университета.

Дочитав свой последний курс, Дмитрий Иванович заперся дома, никуда не выходил, никого не принимал. Потом стали ходить слухи, что он начал ездить к министрам. Все были очень заинтересованы, что он затевает? На третий день Пасхи вечером он зовет меня к себе. Застаю его на обычном месте, на дива-

не перед маленьким столиком, на котором он обыкновенно писал. По другую сторону столика сидит художник И. И. Шишкин. На столике лист бумаги, вкривь и вкось исписанный отдельными словами.

Дмитрий Иванович встретил меня очень радушно, познакомил с И. И. Шишкиным и говорит: “Задумал издавать большую газету. А вас, конечно, в редакцию”. Я увидел, что он в таком хорошем настроении, и отказываться не стал.

“Вот мы с Шишкиным придумываем, какое название дать газете. Хотел назвать «Русь», да ее уже Аксаков издавал; хорошее название «Основа», как «Основы химии», оказалось тоже была. «Порядок» — Стасюлевич издавал. Теперь придумал «Подъем», это еще не было”.

Вот ради разрешения на издание газеты он и ездил по министрам. Однако Делянов и тут ему помешал, соглашался дать разрешение на издание не литературно-политической, а только промышленной газеты и то с предварительной цензурой.

После пасхи Менделеев как-то раз зашел в лабораторию. Был в хорошем настроении, сел поговорить. Я спросил о газете. “Деляныч не разрешил. Да я и рад. Это дело не по мне: ведь это ни днем, ни ночью покоя не было бы”.

Спустя несколько дней ко мне пришел профессор минного офицерского класса в Кронштадте Иван Михайлович Чельцов, специалист по взрывчатым веществам, и рассказывает, что морской министр поручил ему организовать в Петербурге лабораторию по исследованию порохов и взрывчатых веществ, имея в виду главным образом разработку бездымного пороха, на который в то время переходили все государства Европы. Ввиду важности этого дела министр предложил И. М. Чельцову привлечь к нему в качестве консультанта кого-нибудь из видных химиков. Кого выбрать, об этом Чельцов и пришел посоветоваться. Ему хотелось иметь такого консультанта, который мог бы выступать в высших сферах. Имена, которые он называл, показались мне не подходящими. Тогда я ему посоветовал: “Просите Дмитрия Ивановича”. — “А вы думаете, он пойдет?” — “Попытайтесь”.

Чельцов тотчас пошел к Менделееву и скоро возвратился сияющий: “Согласился”.

А Дмитрий Иванович не только согласился, но сейчас же с обычным своим увлечением принялся за дело. Он с утра до вечера работал в лаборатории, изучая процесс нитрации на разнообразных материалах. Брал хлопок (гигроскопическую вату), “концы” с текстильных фабрик, льняные ткани и пр. Несмотря на то, что он пользовался самыми примитивными средствами — термометром, ареометром, несколькими стаканами для нитрации, несколькими фотографическими кюветками для промывки да лакмусовой бумажкой, он удивительно быстро ориентировался в деле нитрации и определил, что устойчивая нитрация идет до определенного предела, а дальше происходит разнитровывание при промывке. Это послужило началом обширных работ целой лаборатории, которые закончились выработкой типа бездымного пороха, пригодного для всякого рода оружия.

Летом 1890 г. Менделеев выехал из университета на частную квартиру (угол Кадетской линии и Среднего проспекта, дом Лингена). Теперь я встречал его только в Химическом обществе, да изредка заходил навестить ненадолго, чтобы не отнимать у него драгоценного времени. И здесь, и в Главной палате мер и весов, куда он позднее переехал, его кабинет был рядом с прихожей, и дверь приоткрыта. Услышав, что кто-то пришел, он громко спрашивал: “Кто там?” Неопытный посетитель отвечал: “Это я, Дмитрий Иванович”. — “Ну, я знаю, что «я», да кто вы?”

Надо было сразу назвать фамилию. Дмитрий Иванович встречал очень радушно, угощал своими папиросами (не любил запаха чужого табака), расспрашивал об университетских новостях, Химическом обществе, сам рассказывал много интересного. Время летело незаметно. Посмотришь на часы — уже 12. Скорее домой. А у Дмитрия Ивановича еще корректура, которую надо утром отослать.

Нас, своих товарищей по университетской лаборатории, Менделеев встречал, как своих близких, старался поддержать в трудные периоды жизни, которые у всякого бывают. Был такой период и у меня. По разным причинам у меня очень затянулось дело с получением степени магистра, а это мешало моему движению вперед по ученой дороге. Мало-помалу я стал приходить к сознанию, что надо мне менять ученое поприще на другое, более доступное и материально обеспеченное.

Об этих соображениях как-то при случае я сообщил И. М. Чельцову, с которым мы были друзья. Вскоре после этого я зашел к Дмитрию Ивановичу. В разговоре он меня очень осторожно спрашивает: “Скажите, пожалуйста, вот мне Чельцов говорил, что вы хотите, так сказать, свое амплуа переменить? Правда это?” — “Да, я ему об этом говорил”. — “Что ж, вы это благоразумно придумали... не потому, что вам не добиться профессуры, а потому, что это возьмет у вас очень много сил и не окупится результатом. Ведь это прежде, когда я выступал, жалованье профессора в 3000 руб. так обеспечивало, что я мог даже лакея держать — вот Алешу взял. А теперь разве это так обеспечивает? Если бы я был министром, да мне предложили бы сказать, сколько надо дать профессору, я бы сказал: не менее 10 000 руб. Посторонние заработки, литературные или консультацию, теперь тоже достать гораздо труднее. На литературные — народу много народилось, а в консультации профессора надобности гораздо меньше. Прежде профессор с общей подготовкой мог быть везде ценным советчиком, а теперь на любом хорошем заводе есть такие специалисты, что и профессора за пояс заткнут.

А общественное значение профессоров? Прежде к их мнениям прислушивались, а теперь кто на них обращает внимание? Вам, конечно, торопиться некуда, подходящее место найдется — да хоть у нас в Палате. А если от науки оторваться не хотите, то ведь наукой заниматься можно везде. Наука — это такая любовница, которая вас везде обнимет, — только сами-то вы ее от себя не оттолкните”.

Эти мысли он развивал и далее, а под конец у него прорвалось: “Давно я вам говорил: пишите скорее диссертацию”. Я понял, что весь предыдущий разговор был для того, чтобы меня ободрить, помочь мне решиться на новый шаг; но как раз наоборот он помог мне, во что бы то ни стало пробиваться по прежнему пути.

Этот случай лишний раз показывает, что под суровой на вид внешностью у Дмитрия Ивановича скрывалась редкая доброта к людям. Сколько людей приходило к нему с разнообразными просьбами, и он всегда старался удовлетворить; пошумит, поворчит, а отказать не может. Кто только к нему ни обращался письменно за советом, указаниями, а иногда и материальной помощью. Он всегда

старался дать ответ; если не мог это сделать сам, поручал ассистенту. И мне приходилось исполнять такие поручения. Конечно, нельзя отрицать, что нрав у него был крутой, но он был вспыльчив, да отходчив. Слушать его крик, воркотню было иногда нелегко, но мы знали, что он кричит и ворчит не со зла, а такова уж его натура. Вероятно, в шутку он говорил, что держать в себе раздражение вредно для здоровья; надо, чтобы оно выходило наружу. “Ругайся себе направо-налево и будешь здоров”.

Еще Дмитрий Иванович не один раз говорил: “Я ведь не из этих, нынешних, которые мягко стелют”. Мы, сотрудники его очень любили, уважали и на его крик не обижались. Он был требователен к своим сотрудникам, но еще более требователен к самому себе.

Как-то сильно накричал на Зверева. Я его и спрашиваю: “Что, Алеша, досталось?” А он говорит: “Да ведь он только кричит, а сам добрый”. Менделеев очень привыкал к своим сотрудникам, служителям, домашней прислуге и не любил их менять. У него был постоянный портной, сапожник, переплетчик, типография и пр.

Несмотря на крутой нрав, в нем не было барства. Он одинаково относился к товарищу профессору, ассистенту, служителю.

Проведя детство на заводе и в сельской обстановке, он привык ценить физический труд, с уважением относился к крестьянам и рабочим. Одинаково он относился и к людям различных национальностей, лишь бы был дельный человек.

Как все большие, сильные люди, Менделеев очень любил детей. “Люблю их за их чистоту”, — писал он в одной из своих записных книжек. Один раз вечером, когда я сидел у него, маленькая дочка его Муся пришла простаться с ним перед сном. Он расцеловал ее, потом пошел уложить в постель и, когда вернулся на свое место, сказал: “Много испытал я в жизни, но не знаю ничего лучше детей... Конечно, сама природа заставляет их на свет производить”.

Дмитрий Иванович Менделеев был великий, гениальный человек и, как большинство великих людей, великий труженик. А трудился он действительно не жалея себя.

Помню такой случай. В 1886 г. он очень торопился закончить свой большой труд “Исследование водных растворов по удельному

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Д. И. Менделеев среди участников 57-го съезда Британской ассоциации содействия развитию наук.
Сидят (слева направо): Н. А. Меншуткин, Д. И. Менделеев, Г. Роско.
1887 г.

весу”. Чтобы ему не мешали многочисленные посетители, он из своего домашнего кабинета переселился в кабинет при лаборатории и работал там с утра до вечера в течение всего года. Его кабинет освещался сильной газовой лампой. В этом же году я состоял помощником делопроизводителя Химического общества и за корректурой журнала сидел иногда до 4—5 час. ночи. Кабинет Дмитрия Ивановича отделялся от моей квартиры тонкой переборкой. Как-то раз, уже в 4 часа ночи, слышу в кабинете его крик. Я взглянул в окно, вижу: снег в саду сильно освещен; испугался, не пожар ли. Иду в кабинет. А Менделеев сидит на своем обычном месте, никакого пожара нет — это был свет от сильной лампы. Спрашиваю, что нужно ему.

“Да вот велел Алеше чаю принести, а он не несет”. — “Дмитрий Иванович, да ведь уже пятый час утра”. — “О Господи. А я после обеда (в 6 час. веч.) пришел да и задремал”.

Это уже сказалось сильнейшее переутомление.

Труд Менделеев ставил выше всего. Он не любил, когда его называли гением. “Какой там гений! Трудился всю жизнь, вот и стал гений”».⁵

*Тищенко В. Е. Воспоминания о Д. И. Менделееве.
Природа. 1937, № 3, с. 127—136.*

А. А. БАЙКОВ

«В первый раз я услышал имя Менделеева в 1886 г. Я был тогда в шестом классе Курской гимназии.

Однажды мне один товарищ (Н. А. Федоров) говорит: “Мой старший брат был в Петербургском университете на естественном факультете, но потом он перешел на другой факультет, и его книги остались у меня; среди них есть университетский курс химии, если хочешь, возьми его себе”.

“А чья это химия?” — спрашиваю я. “Какого-то Менделеева, — говорит он, — ты его не знаешь?” — “Нет, — говорю, — не знаю”. В тот же день я получил эту химию и вечером стал ее читать. Это были “Основы химии” Д. Менделеева, 3-е издание 1877 г. Я не мог оторваться от этой книги до поздней ночи, я был потрясен, я был взволнован; я был подавлен величием и грандиозностью той науки — настоящей, полной и глубокой науки, которая излагалась в этой книге,

и она сделалась моей настольной книгой. Я ее постоянно читал и перечитывал самым внимательным образом с величайшим прилежанием, я ее систематически изучал и углублялся в нее все более и более, старался усвоить ее как можно лучше, и тогда у меня окончательно созрела мысль сделаться химиком. Я принял твердое решение: по окончании гимназии поступить в Петербургский университет, чтобы слушать лекции самого Менделеева и учиться у него химии. Я так и сделал и по окончании гимназии в 1889 г. поступил в Петербургский университет...

Выполнив все необходимые для зачисления в студенты формальности, я с нетерпением ожидал начала занятий (назначенного на 31 августа), и первая лекция, которую мне пришлось выслушать, была лекция по неорганической химии Д. И. Менделеева. В это время, в 1889 г. имя Менделеева уже пользовалось мировой известностью, но в Петербургском университете оно было предметом совершенно исключительного почитания и среди профессоров и особенно среди студентов. Периодический закон Менделеева, предсказавший с поразительной точностью свойства неизвестных ранее элементов галлия, скандия и германия, к этому времени уже открытых, составил эпоху в истории и вызвал изумление всего мира.

Будучи общепризнанным выдающимся гениальным ученым, Д. И. Менделеев в то же время был известен как человек душевных исключительных качеств, с мужественным и неустрашимым характером; всецело преданный делу науки и стремлению к истине, ради которых был способен на геройские подвиги, даже с опасностью для своей жизни. Это с особенной яркостью проявилось в его знаменитом полете на воздушном шаре во время солнечного затмения 7 августа 1887 г., когда он поднялся в верхние слои атмосферы для некоторых наблюдений во время затмения... Это был, конечно, очень рискованный поступок, но, к счастью, все кончилось благополучно: шар опустился в нескольких десятках километров от места полета, и на другой день Менделеев возвратился по железной дороге через Москву в Клин, где он тогда жил. Одновременно с московским поездом к Клину подошел и петербургский поезд, и собравшиеся на станции пассажиры и местные жители устроили Менделееву востор-

женную встречу и шумные оvationи. В числе присутствующих находился и мой брат, который ехал из Петербурга в Курск и который мне подробно обо всем этом рассказал через два дня под свежим впечатлением всего виденного. Много позже я познакомился и довольно часто встречался с Кованько, который был уже генералом, и от него я также узнал много подробностей об этом удивительном эпизоде из жизни Менделеева. При этом он мне говорил, что полет этот был действительно очень опасным для Менделеева и со стороны Менделеева являлся настоящим геройским подвигом. В Петербургском университете полет Менделеева был всем хорошо известен и еще больше способствовал его популярности.

К этому надо добавить, что летом 1889 г. состоялись два Лондонских чтения Менделеева: одно в Королевском обществе, другое — Фарадеевское чтение в Британском химическом обществе. На эти чтения приглашались только самые выдающиеся ученые, и эти приглашения для ученых считались величайшей честью.

Вполне понятно, что все эти обстоятельства создавали особую возбужденную атмосферу для первой лекции Менделеева, и задолго до начала ее не только 7-я аудитория, в которой читал свой курс Менделеев, но и прилегающие к ней помещения были переполнены оживленной и шумной толпой студентов всех факультетов и всех курсов, которые, по примеру прежних лет, собрались на вступительную лекцию, чтобы выразить чувства своего восхищения и преклонения любимому профессору, гордости Петербургского университета, красе русской науки — Дмитрию Ивановичу Менделееву. В этой взволнованной, возбужденной и радостной толпе студентов находился и я; мы с нетерпением ожидали появления Менделеева. В соседнем помещении, в котором была препараторская и откуда дверь выходила непосредственно на кафедру, слышались негромкие шаги, в аудитории воцарилось глубокое молчание, и в двери показалась величавая фигура Менделеева, немного сутуловатая. Длинные седые волосы, ниспадавшие с головы до самых плеч, и седая борода окаймляли его серьезное и задумчивое лицо с сосредоточенными проникновенными глазами. Я до сих пор не могу забыть того, что тогда произошло. Казалось, здание

готово было обрушиться от грома приветствий, возгласов, рукоплесканий; это была гроза, это был ураган. Все кричали, все неистовствовали, все старались, возможно, сильнее и полней выразить свой восторг, свое восхищение, свой энтузиазм. Никогда нельзя забыть тех переживаний, которые тогда пришлось испытать. По мере того, как это происходило, Менделеев хмурился все больше и больше, махал обеими руками, чтобы прекратить приветствия и успокоить аудиторию. Шум не прекращался, Менделеев перестал размахивать руками, нахмуренное лицо его стало проясняться — и вдруг озарилось светлой улыбкой, и тогда восторг слушателей достиг высшей степени. Наконец, понемногу все затихло и успокоилось, и Менделеев начал свою лекцию и приступил к изложению своего курса, который (увы!) он читал последний раз в стенах Петербургского университета. Надо было видеть тот энтузиазм, с которым был встречен Менделеев, чтобы почувствовать, что он был и великий ученый и великий человек. Он неотразимо действовал на всех и привлекал умы и сердца тех, кому с ним приходилось встречаться.

Началась правильная систематическая работа в университете, и я, конечно, с исключительным вниманием слушал лекции Менделеева. Я был счастлив, что “Основы химии” я узнаю не из книги, а слушаю в живом слове самого автора — творца основ химии и периодического закона, и должен сказать, что действительно Менделеев читал свои лекции совершенно необычным, глубоким и проникновенным образом. По своему построению и содержанию лекции его в 1889—1890 гг. вполне соответствовали “Основам химии” в тех изданиях, которые появились до этого времени... С внешней стороны речь Менделеева не отличалась совершенной безукоризненностью и гладкостью изложения, особенно в начале, когда у него были некоторые остановки и заминки в подборе слов и выражений. Он не подготовлял заранее фраз и никогда не прибегал к внешним эффектам. Часто, излагая свои мысли, он подыскивал подходящие выражения, не сразу их находил, поэтому иногда заикался, не сразу преодолевая встречающиеся затруднения, но когда первые затруднения были преодолены, когда он овладевал излагаемым вопросом, речь его лилась свободно и вдохновенно,

и он проникновенно излагал самые трудные и сложные вопросы с необычайной ясностью и простотой, делая их понятными даже для недостаточно подготовленных слушателей.

Близко знакомый с развитием науки своего времени, принимая непосредственное участие в разрешении новейших основных проблем, лично знавший многих выдающихся современников, он вносил в свое изложение живую струю непосредственных наблюдений и впечатлений, которые придавали его словам свежесть, жизненность и правдивость и наполняли яркими образами умы слушателей. В качестве примера могу указать на его лекции, посвященные закону Авогадро — Жерара и его значению для современной химии. Закон этот позволил окончательно и точно установить величину атомных весов элементов и построить систему молекулярных формул простых и сложных тел на основании простого соотношения между молекулярным весом и плотностью тел: $D = M/2$ (где D — есть плотность пара данного тела по отношению к водороду, а M — молекулярный вес). Вопрос этот имеет длинную историю и в продолжении XIX в. вызывал большие разногласия между различными исследователями. Даже после своего разрешения он представлял для многих большие трудности и в 80-х гг. прошлого века привлекал еще к себе большое внимание, и ему было посвящено много работ. С исчерпывающей ясностью и простотой Менделеев изложил этот вопрос в связи с атомистической гипотезой. Он указывал, что хотя атомистическое учение возникло в отдаленные времена и было известно древним грекам, но оно долгое время оставалось бесплодным вследствие ложного направления древней философии, не склонной к индуктивному методу и недостаточно занимавшейся наблюдением и опытом.

Развивая свои мысли, Менделеев говорил: “Древний греческий мудрец говорил: я знаю, что я ничего не знаю. Да он и не знал, а мы знаем”. В этом и заключается преимущество современной опытной индуктивной науки перед прежней наукой, перед “классицизмом”, сводившимся к абстрактным умствованиям и благодаря этому вырождавшимся в метафизику и схоластику. В противоположность ограниченности и убожеству древнего мировоззрения, Менделеев считал науку все-

**Д. И. Менделеев, Ченей и Ф. И. Блюмбах
на Эйфелевой башне в Париже.
Сентябрь 1895 г.**

могушей и не видел пределов для человеческого знания...

...В своем Лондонском чтении, состоявшемся в 1889 г. в Королевском обществе, Менделеев говорит следующее: “Грове заметил, что платина, расплавленная в пламени гремучего газа, где образуется вода, падая в воду, ее разлагает, образуя вновь гремучий газ. Разрешение этого парадокса, как многих парадоксов эпохи Возрождения, послужило в наше время к установке Генрихом Сен-Клер-Девилем понятия о диссоциации и равновесиях и заставило вспомнить учение Бертолле...” В своих лекциях Менделеев развил эту мысль более подробно, указав реальную обстановку, в которой произошло это открытие.

Теперь я перехожу к печальным воспоминаниям. Наступило время, когда мы должны были расстаться с Менделеевым, потому что

ему пришлось совсем уйти из Университета. Тот курс, который слушал я, был последним курсом химии, читанным в Университете Менделеевым.

В марте 1890 г. в Петербургском университете начались студенческие волнения. Они приняли крупные размеры. Студенты устраивали сходки для обсуждения требований к правительству и составления петиций, и когда все было подготовлено, на сходку были приглашены профессора.

На эту сходку в числе других профессоров явился Д. И. Менделеев, который пользовался необычайной популярностью, любовью и уважением всего студенчества. Речь шла о том, чтобы подать правительству выработанную петицию и просить это сделать Менделеева, который это предложение принял и обещал исполнить.

В некоторых изданиях мне приходилось читать, что петиция, которая была составлена студентами для вручения правительству, была петицией чисто академического характера и политического ничего не содержала.

Это, конечно, совершенно неверно. Я помню прекрасно всю эту историю и знаю, что та петиция, которая была составлена с этой целью и которая была затем вручена Д. И. Менделееву для передачи правительству, была ярко политической петицией, содержала явно политические требования, например свободы слова, свободы печати, равноправия мужчин и женщин и пр. Говорить, что это была академическая петиция, совершенно неправильно, — это была явно политическая петиция, я это подчеркиваю, потому что и здесь проявилось исключительное мужество Менделеева, который не побоялся в это смутное, мрачное время русской истории взять на себя такое поручение, которое, конечно, являлось в политическом отношении чрезвычайно опасным.

И здесь сказывается величие Менделеева не только как ученого, но как человека и гражданина.

Я хорошо помню ту лекцию, на которой Менделеев эту петицию принял. Это было 14 марта 1890 г. Собралось на эту лекцию сходку громадное количество студентов.

Когда Менделеев появился, его встретили громом аплодисментов, рукоплесканий, восторженными выкриками. Он махал руками, хмурился, просил успокоиться. Наконец,

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

когда все затихло, он свой хмурый вид изменил и улыбнулся. Опять взрыв аплодисментов. Он больше уже не махал руками, стоял, молчал, ждал, когда все окончится, и приступил к лекции. Все ожидали от него сильных выступлений, выражений, а он ее начал так: “Марганец встречается в природе главным образом в виде кислородных соединений”. Это было начало, а затем он стал развивать те глубокие мысли и идеи широкого общественно-политического характера о необходимости развития промышленности и связи ее с наукой, которые составили главное содержание лекции. После этой лекции Менделееву была передана петиция для вручения министру народного просвещения Делянову.

16 марта петиция, переданная Менделееву, была им отвезена Делянову, который возвратил ее Менделееву с надписью:

“По приказанию министра народного просвещения прилагаемая бумага возвращается действ. стат. сов. профессору Менделееву, так как ни министр и никто из состоящих на службе его императорского величества лиц не имеет права принимать подобные бумаги. *Его пр-ву Д. И. Менделееву 16 марта 1890 г.*”.

Не считая возможным после этого оставаться в университете, Менделеев подал прошение об отставке и летом выехал из квартиры в университете на новую квартиру.

Когда стало известно, что министр Делянов отказался принять петицию и Менделеев ушел в отставку, в университете снова вспыхнули волнения. Университетская администрация ввела полицию в университет. Было произведено много арестов, протест был подавлен.

При таких обстоятельствах Менделеев прочел свою последнюю лекцию. Это было 22 марта 1890 г. На этой лекции студентов было уже мало, многие были арестованы, многие были в угнетенном состоянии. Аудитория была немногочисленна. Но тем не менее Менделеева слушали с большим вниманием. Менделеев читал последнюю заключительную главу курса неорганической химии. Он говорил о важных, крупных вопросах, о роли науки в жизни государства и народа, о значении науки для промышленности, он призывал заниматься этими вопросами — сближать промышленность и науку. Таким образом, он излагал свою идею о более близкой связи между наукой и промышленностью, о поднятии техники для индустриализации страны. Эти идеи он всегда проводил в своих выступлениях.

И закончил он эту свою лекцию такими словами: “Покорнейше прошу не сопровождать моего ухода аплодисментами по множеству различных причин”.

Эти слова были так выразительны, что не раздалось ни одного возгласа, ни одного хлопка, и среди этой мертвой тишины он оставил аудиторию, оставил ее навсегда».⁶

*Байков А. А. Периодический закон Д. И. Менделеева и его творец.
В сб. «75 лет периодического закона Д. И. Менделеева
и Русского химического общества».
М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, с. 17—30.*

В. И. ВЕРНАДСКИЙ

«Петербургский университет того времени в физико-математическом факультете, на его естественном отделении, был блестящим. Менделеев, Меншуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцын, М. Богданов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов — оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях многих из них — на первом курсе на лекциях Менделеева, Бекетова, Докучаева — открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью. Восемь лет гимназической жизни казались нам напрасно потерянным временем, тем ни к чему ненужным искусом, который заставлял нас проходить вызывавшая глухое наше негодование правительственная система. Эти мысли получали яркое выражение в лекциях Д. И. Менделеева, как известно, человека очень умеренных, скорее консервативных политических взглядов, который, однако, больше, чем кто-нибудь другой, возбуждал в нас дух свободы и оппозиционного настроения.

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Ярко и красиво, образно и сильно рисовал он перед нами бесконечную область точного знания, его значение в жизни и в развитии человечества, ничтожность, ненужность и вред того гимназического образования, которое душило нас в течение долгих лет нашего детства и юности. На его лекциях мы как бы освобождались от тисков, входили в новый, чудный мир, и в переполненной 7-й аудитории Дмитрий Иванович, подымая нас и возбуждая глубочайшие стремления человеческой личности к знанию и к его активному приложению, в очень многих возбуждал такие логические выводы и настроения, которые были далеки от него самого. Толстой, в своем чутье политического инквизитора, был прав в своем подозрении к Менделееву, и не напрасно он не допустил как раз в это время Менделеева (властью своей как президента) до баллотировки в Академию наук и вскоре после окончания нами университета, против желания Дмитрия Ивановича, удалил его из Петроградского университета».⁷

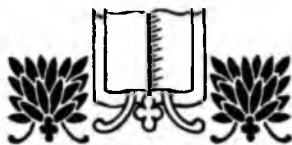
«Очерки и речи акад. В. И. Вернадского». Т. 2. Петроград.
Научное Химико-технологическое издательство, 1922, с. 104, 105.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

«...Лет 23-х я представил ряд работ в Петербургское физико-химическое общество; это были: “Теория газов”, “Механика живого организма” и “Продолжительность лучеиспускания солнца”. Профессора Менделеев, Сеченов, Петрушевский и др. дали моим работам хорошую оценку...

С 1885 г. я твердо решил отдаться изучению воздухоплавания и теоретически разработать металлический управляемый аэростат. Работал я два года почти непрерывно. Наконец, в 1887 г., я сделал в Москве первое публичное сообщение о металлическом управляемом аэростате. Моим сообщением заинтересовались профессора Вайнберг, Михельсон, Столетов и Жуковский, но проект движения не получил. Тогда в 1890 г. я обратился к Д. И. Менделееву с письмом и работой, прося его дать свое мнение о последней. В ней рассматривалось устройство металлической оболочки дирижабля, состоящей из конических поверхностей, соединенных мягкими лентами. Оболочка могла складываться в плоскость и изменять свой объем и свою форму без всякого вреда для своей целостности. Д. И. Менделеев ответил мне, что сам он когда-то занимался этим вопросом, но затем бросил и потому обещал передать рукопись и модель в Техническое общество».⁸

«К. Э. Циолковский о своих открытиях». Отрывок из автобиографии, написанной в 1927 г. «Вечерняя Красная газета» от 20 сентября 1935 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИЦ, ВСТРЕЧАВШИХСЯ с Д. И. МЕНДЕЛЕЕВЫМ

В. В. СТАСОВ

«...Профессор Д. И. Менделеев рассказывал мне, что три такие поездки он совершил со своим товарищем и другом Бородиным в 1860 и 1861 гг.: весной и осенью 1860 г. по Италии, в 1861 г. — по Швейцарии. «Пускались мы в дорогу с самым маленьким багажом,— говорит Д. И. Менделеев,— с одним миниатюрным саквояжем на двоих. Ехали мы в одних блузах, чтобы совсем походить на художников, что очень выгодно в Италии — для дешевизны; даже почти вовсе не брали с собой рубашек, покупали новые, когда нужда была, а потом отдавали кельнерам в гостиницах вместо “чаевых”. Весной 1860 г. мы побывали в Венеции, Вероне и Милане, осенью того же года — в Генуе и Риме, после чего Бородин поехал на короткое время в Париж. В первую поездку с нами случилось курьезное происшествие на железной дороге. Около Вероны наш вагон стала осматривать и обыскивать австрийская полиция: ей дано было знать, что тут в поезде должен находиться один политический преступник, итальянец, только что бежавший из заключения. Бородина, по южному складу его физиономии, приняли сразу именно за этого преступника, обшарили весь наш скудный багаж, допрашивали нас, хотели арестовать, но скоро потом убедились, что мы действительно русские студенты,— и оставили нас в покое. Каково было наше изумление, когда, проехав тогдашнюю австрийскую границу и въехав в Сардинию, мы сделались предметом целого торжества, все в вагоне же нас обнимали, целовали, кричали “виват”, пели во все горло. Дело в том, что в нашем вагоне все время просидел политический беглец, только его не заметили, и он благополучно ушел от австрийских когтей».⁹

Стасов В. В. Александр Порфирьевич Бородин.
«Исторический вестник». Т. XXVIII, с. 147, 148 (1887).

В. В. РЮМИН

«...Крупная, яркая фигура Дмитрия Ивановича, его громадное значение в истории русской науки, его широкая популярность во всех кругах дают право его ученику, мне, поделиться с читателями воспоминаниями о нем: воспоминаниями отрывочными, мелкими, но характеризующими интересную личность Дмитрия Ивановича.

До 1863 г. Петербургский технологический институт был закрытым учебным заведением. Только с этого года институт занял положение, равное остальным высшим техническим учебным заведениям.

Под руководством бывшего тогда директором горного инженера Я. И. Ламанского институт стал быстро прогрессировать, и в 1863 г. у нас на кафедре появился Дмитрий Иванович, уже и тогда имевший репутацию серьезного химика. В институте Менделеев читал органическую химию и заведовал лабораторией, при которой была и его квартира. В то время Дмитрий Ива-

Д.И. Менделеев и Б.Ф. Браунер. Прага, 1900 г.

нович был сравнительно молодым человеком — ему было около 30 лет (родился он 27 января 1834 г.). Знаменитая “Система элементов” еще не была опубликована, напечатана была только его “Органическая химия”, но его известность, как выдающегося работника и необычайно точного экспериментатора, была уже прочно установлена.

С переходом на II курс мне предстояло знакомство с Дмитрием Ивановичем. Первое впечатление живо и до сих пор: длинные волосы, некоторая небрежность костюма, нервные, порывистые движения, особая манера разглаживать бороду сзади наперед, глубокий взгляд, своеобразная интонация несколько глухого голоса — отличали его от большинства наших профессоров.

Читал свои лекции Менделеев тоже не так, как остальные: его речь была отрывиста, не всегда лилась гладко, но положения его были точны, в наши головы они вклинивались и отчетливо врезались в память.

Иногда он, увлекаясь сам, не замечал, что далеко отошел от курса, унесся в область, нам недоступную, в область химической фантазии, и тогда, спохватившись, останавливался, улыбался, глядя на нас, и, расправляя бороду, говорил: “Это я все наговорил лишнее, вы не записывайте”.

Между ним и аудиторией существовала какая-то неясно ощущаемая, но прочная нравственная связь. Однажды, во время его лекций, многие, действительно простуженные, расчихались и раскашлялись особенно сильно. Дмитрий Иванович остановился, посмотрел на нас и довольно резко сказал, что будет впредь ставить в аудитории капли датского короля. Никто этим не был обижен, и, когда он после лекции признался, что был несколько резок, мы его уверили, что не чувствуем ни малейшей обиды.

Вообще в лаборатории, делая разъяснения и замечания студентам, Менделеев бывал подчас раздражен и отпускал фразы, вроде того, что “ни одна кухарка не работает так грязно, как вы”. Но это не портило отношений: говорил он это нам, как равным, и сам сносил ответы не всегда почтительные и корректные, отвечая на них остроумными и мелкими шутками. Его отношения всегда дышали доброжелательством, и важен был их смысл, а не форма. Зато он научил нас работать в лаборатории так чисто и аккуратно, как ни до, ни после него не работали.

Мне выпала особенно приятная работа под его непосредственным наблюдением; работал новым в то время аппаратом — спектроскопом, при помощи которого надо было сделать анализ остатков в камерах завода серной кислоты. Работа эта сблизила молодого студента и молодого профессора; его влияние было сильно и навсегда укрепило те приемы работ, которые мел-

ки сами по себе, но в общем ходе имеют большое значение. Все прошедшие школу Менделеева и оставшиеся в лабораторной практике, вспоминают его указания с особою благодарностью и любовью.

Дмитрий Иванович прекрасно работал со стеклом: для своих точных работ сам приготавливал себе термометры, ареометры и пр. Был в числе студентов некто П-ов, человек почти одних лет с Д. И. и тоже недурно работавший на паяльном столе (для многих работ нужно гнуть стеклянные трубки, запаивать их, выдувать шары и т. п.). Стол в лаборатории был только один, и, если за ним сидел П-ов, а Менделееву надо было запаять трубку или выдуть что-нибудь, он терпеливо ждал несколько минут, затем начинал волноваться и отпускать шутки на счет медленности работы П-ова, уверяя его, что трубка лопнет. П-ов хладнокровно кончал работу, уступая место и сам оставался у стола. Дмитрий Иванович начинал нервничать, а П-ов спокойно замечал ему: “Вот у Вас так лопнет, надо гнуть медленнее”. Трубка действительно лопалась. П-ов торжествующе заявил: “А, что, говорил я: не торопитесь” — и отходил от стола под ворчанье Менделеева.

С тем же П-м помню такой случай. Дмитрий Иванович задал ему приготовить какое-то редкое вещество. На вопрос: “Из чего его приготовить?” — Менделеев буркнул: “Из воздуха”. Он любил, чтобы студент в таких случаях сам порывлся в литературе, искал, обдумал и только тогда шел к нему за окончательным решением. П-ов этого не сделал; обдумав план работы, он самостоятельно приступил к ней. Подходит Менделеев, спрашивает: “Ну, из чего же вы получаете?” — Ничтоже сумняшеся П-ов отвечает: “По вашему совету — из воздуха”. Такие стычки несколько не портили отношений между ними: глубоко уважаемый всеми, Менделеев, верно понимал свое влияние и отношение к нему слушателей. Конечно, и П-ов после того, как от него отошел профессор, сам пошел к нему и подал написанный им план работы, который и был вполне одобрен.

Дмитрий Иванович, кроме громадного количества знаний, которыми он обладал, был химиком с глубоким чутьем. Нередко от него можно было услышать: “Ну, знаете ли, по соображениям, эта реакция должна идти так, как Вы говорите, только тут что-то не так, я

чувствую, что не так — не пойдет”. И чувство его не обманывало. Его слова: “Химик должен во всем сомневаться, пока не убедится всеми способами в верности своего мнения” — остались навеки в памяти его учеников, и каждый из них, делая анализ, проделывал его со всеми тонкостями и тогда только решительно говорил о результатах.

Нередко Дмитрий Иванович давал для анализа такие соединения, которые обычно не дают: так, он давал чистую воду, с целью убедить студента в необходимости прежде всего выпарить каплю данного для анализа раствора для того, чтобы не возиться напрасно, полагаясь на слова дающего анализ, что дан действительно раствор.

Мне с Менделеевым, хотя и не часто, приходилось встречаться и после выхода из института. Помню, ехал я однажды зимою по Николаевской дороге из Москвы и на дорогу купил себе какой-то бульварный роман. Дело было зимою. После Твери вваливается в вагон какая-то странная фигура в полушубке, в сибирском малахае на голове, в валенках, обвешанная сумками. Присматриваюсь — вижу Дмитрий Иванович. Возле меня было свободное место, на которое он и сел. Сумки свои повесил на крючки, размотал шарф и, узнав меня, разговорился. Ехал он из своего имени на лошадах до станции и потому был в таком необычном костюме. Тогда уже вышла в свет его система элементов, слава его росла, и, понятно, мне — молодому химику — было интересно встретиться с ним. Но лежавший около меня роман — такая несерьезная вещь — меня крайне конфузил: по моей молодости я, конечно, серьезничал не в меру и очень заботился, чтобы быть возможно более солидным. Стараясь спрятать книгу, я невольно обратил на нее внимание Менделеева и окончательно смутился. Но оказалось, что он сам любил подобное чтение и притом не только в дороге. Он объяснил значение подобных книг как хорошего отвлекающего средства: “Знаете ли, не думать совершенно я не умею, а чувствую — надо отдохнуть мозгу. Ну и возьми такую книжку, которая сама мыслей никаких не возбуждает, а читается легко — вот и отдых”. Со временем я увидел, что это средство применяется многими. При такой же встрече в вагоне, спустя несколько лет, он отказался от книги и заявил: “Я теперь лучше придумал: вожу с собой кар-

ты и раскладываю пасьянс. Места карты занимают мало, а комбинаций в пасьянсе масса — и занимательно, и голова отдыхает”.

В дорожных сумках у Дмитрия Ивановича обыкновенно были разные лекарства, вроде нашатырного спирта, гофманских капель и т. п. Запас этот в те времена был необходим не только в глухой деревне, но и в вагоне — как для себя, так и для соседей-пассажиров. Менделеев, предусмотрительно относившийся ко всему, и здесь остался верен себе.

Приходилось встречаться с Дмитрием Ивановичем и после, когда о нем уже много говорили и писали. Из этих встреч упомяну только о встрече в Париже, на бывшей в 1881 г. электрической выставке. Там Менделеев останавливал внимание русских техников на разнице между русской и французской промышленностью, душою скорбел о нашей отсталости, но все же подчеркивал быстрый ход развития России. Он говорил, что, идя таким темпом, Россия не только догонит, но и перегонит иностранцев. Горячо любивший Россию, он не зарылся исключительно в химию, но отдавал много времени изучению промышленности и экономического быта Родины. Его книга “К познанию России” произвела большое впечатление у нас и за границей. Ее оценили и особенно в Америке поняли знания Менделеева как экономиста.

Несмотря на всю известность, на широкую деятельность его на разных поприщах, в России все же меньше ценили Дмитрия Ивановича, чем за границей.

Велики заслуги Менделеева, и Родина должна гордиться таким ученым, не забывать его и не ставить ему в упрек тех мелочей, которые свойственны каждому человеку: то возвышение русской химии, которое обязано ему, должно своим светом удалить малейшие тени на его памяти».¹⁰

Рюмин В. В. Из воспоминаний о Д. И. Менделееве.
«Вестник знания», 1917, № 1, с. 58—61.

С. Ф. ГЛИНКА

«После кончины Н. Н. Зинина (в феврале 1880 г.) в Академии освободилась кафедра химии, и возник вопрос о замещении ее. А. М. Бутлеров был всегда высокого мнения о Д. И. Менделееве, как о выдающемся русском химике, и, конечно, прежде всего, вспомнил о нем. В это время отношения между Бутлеровым и Менделеевым были несколько испорчены по следующим причинам: Менделеев незадолго перед этим повел систематическую борьбу со спиритизмом, которым усердно занимался Бутлеров, прочитал лекцию и напечатал книгу против спиритизма, кроме того, он, отрицательно относясь к учению о структуре органических соединений, которое развивал Бутлеров в университете на своих лекциях, иногда позволял себе резкую критику в этом направлении. Как мне пришлось слышать, на той же почве во время съезда естествоиспытателей и врачей в 1879 г. по поводу доклада одного из учеников Бутлерова у него произошло довольно резкое столкновение с Менделеевым. Несмотря на все это, Бутлеров продолжал относиться к Менделееву с полным беспристрастием. Однажды он показал мне только что полученную им книгу английского химика Рейнольдса, присланную ему автором, и сказал: “Рейнольдс оспаривает первенство Менделеева в открытии им периодической системы элементов, но ведь Менделеев один предсказывает новые элементы”. Это было сказано после открытия галлия и скандия, но раньше открытия германия, что, как известно, произошло в 1886 г. Лотар Мейер и Ньютон Менделеев, которые являются соперниками Менделеева в основании периодической системы элементов, как справедливо сказал Бутлеров, новых элементов не предсказывали. Описание свойств экакремния и его соединений, сделанное Менделеевым за 15 лет до открытия соответствующего этому элементу германия, говорит само за себя.

Как-то в начале осени 1880 г., когда я был у Бутлерова, он разбирал бумаги и нашел среди них письмо от одного из провинциальных химиков, не имевшего, впрочем, отношения к университетам, в котором он просил А. М. Бутлерова иметь его в виду при замещении вакантной кафедры в Академии. Письмо это было прислано еще летом, во время отсутствия Бутлерова, и он тотчас же написал на него ответ, извиняясь в промедлении и объясняя причину; он написал, что, делая представление в Академию о замещении вакантной кафедры химии, он, согласно § 2

действовавшего тогда устава Академии, должен будет представить Д. И. Менделеева. Стало известным, что президент Академии Литке, непреходящий секретарь Веселовский и большинство академиков являются решительными противниками кандидатуры Менделеева, противопоставляя ему профессора Технологического института Бейльштейна. Менделеев был забаллотирован.

После этого профессора университета в виде протеста устроили обед в честь Менделеева, во время которого говорены были соответствующие речи; полемика в газетах, которая началась еще раньше, оживилась особенно теперь. Статьи против Менделеева появились преимущественно в "St. Petersburg Zeitung". Вопрос перешел на национальную почву и обострился еще более. Я не буду останавливаться на подробностях этой борьбы, которая завершилась окончательным забаллотированием Менделеева, представленного вторично, и избранием Бейльштейна. На другой день после заседания Академии, на котором была решена судьба Менделеева, мне случилось зайти в академическую библиотеку, и при мне шел разговор между академиком и лицом из штата библиотеки; академик говорил, что Менделеева невозможно было допустить в Академию из-за его тяжело-го характера; других причин не избрания Менделеева в члены Академии он не приводил.

Другим и еще более печальным эпизодом в жизни Менделеева является оставление им университета; подробное описание этого эпизода отвлекло бы меня слишком далеко, и на нем я останавливаться не буду. Менделеев был немыслим без лаборатории и без университетской кафедры; не попав в Академию и выйдя из университета, он остался без того и без другого. Как известно, впоследствии он имел занятия в Министерстве финансов.

Однажды весной 1891 или 1892 г., ранним утром, в холодную и ветреную погоду я, взглянув в окно своей квартиры, которую имел в одном из зданий Института инженеров путей сообщения, увидел, к своему удивлению, Менделеева, который в шубе нараспашку бегал по обширному двору института и, видимо, кого-то разыскивал. Я поспешил к нему на помощь. Увидев меня, Дмитрий Иванович сказал: "Вот, полюбуйтесь, до чего я дожил на старости лет — вчера до 12 часов

Д. И. Менделеев.
1890 г.

ночи сидел в заседании, теперь рано утром (было не более 9 часов) бегаю: не знаете ли вы, где живет N (он назвал одного из живших в институте, который раньше был в Баку на нефтяных заводах)?" Я указал ему, где живет N, с которым он хотел посоветоваться по вопросу, затронутому на бывшем накануне заседании. Эпизод этот случайного характера открыл мне ту обстановку, в которой должен был жить и работать Дмитрий Иванович в возрасте, близком к 60 годам.

Светлыми проблесками на этом темном фоне жизни Д. И. Менделеева были его поездки в Англию, где он получил медаль имени Гэмфри Дэви за свои труды. В связи с этим интересно сопоставить следующие строки из предисловия к изданию "Основ химии" в 1906 г.: "Когда (1897) явилось второе и особенно третье (в 1905 г. с 7-го русск. издания) английское издание, мне стало очевидным, что этою книгою пользуются английские и американские студенты, чего, признаюсь, ожидать никак не смел и что глубоко тронуло

мое русское сердце”. Эти слова очень грустно читать: чувствуется, что Дмитрий Иванович среди равнодушия и недоброжелательства соотечественников отдыхал душою, находя сочувствие среди чужеземцев.

Время до назначения Менделеева на место управляющего Палатою мер и весов, где он мог наконец устроить себе лабораторию, и устройства ее мне представляется периодом скитания его в тщетных поисках лучшего — ему было 56 лет, когда он должен был оставить университет, а в такие годы всякая жизненная ломка переносится нелегко.

Палата мер и весов находится против Технологического института, где Менделеев в 1864 г. начал свою профессорскую деятельность и где, вероятно, провел лучшее время своей жизни, когда полный надежд он вступил на ту дорогу, которая превратилась впоследствии в тернистый путь...»¹¹

Глинка С. Ф. Личные воспоминания о Менделееве.

Почему Д. И. Менделеев не был избран в Академию наук.

«Журнал химической промышленности», 1925, № 1 (7), с. 25—27.

Е. А. РОГОВСКИЙ

«...После окончания курса в С.-Петербургском университете я встречал Дмитрия Ивановича в заседаниях физического отделения Русского физико-химического общества, где он изредка бывал, посещая преимущественно заседания химического отделения этого общества.

В августе 1887 г. видел Дмитрия Ивановича в имении графа Олсуфьева Никольском. Русское физико-химическое общество снарядило в этом году две экспедиции для наблюдения полного солнечного затмения 7 августа 1887 г. Одна экспедиция была отправлена в Красноярск, другая — близ станции Николаевской дороги Подсолнечной Клинского уезда. Там экспедиция во главе с профессором Н. Г. Егоровым нашла гостеприимный приют в имении графа А. Олсуфьева Никольском. В числе участников этой экспедиции был и я. Невдалеке находилось имение Д. И. Менделеева. Погода в дни до затмения была ужасная: небо все время было закрыто тучами, и часто лил дождь, так что дороги стали отчаянными. И вот дня за два до затмения в Никольское прискакал на тройке, загнав одну лошадь, Дмитрий Иванович, весь забрызганный грязью. Не надеясь увидеть корону Солнца на земле, он решил взлететь на воздушном шаре выше облаков и приехал в Никольское, чтобы получить некоторые сведения от профессора Н. Г. Егорова и других членов экспедиции относительно наблюдения солнечной короны. Часа через полтора он простился. Помню одну фразу, сказанную им при прощании: “Я не боюсь летать, а боюсь того, что при спуске мужики примут меня за черта и избыют”. Рассказывают, что, когда, сев в Клину перед затмением в корзину воздушного шара вместе с Кованько, начальником воздухоплавательного парка, Дмитрий Иванович заметил, что шар, веревочные сети которого намокли от дождя, не в состоянии поднять двух наблюдателей, он обратился к г-ну Кованько с требованием выйти из корзины. Так как шар был военного ведомства и г-н Кованько был его начальником, то он отказался первоначально выйти из корзины, но Д. И. Менделеев пригрозил выкинуть его из нее, если он не сойдет добровольно.

Г-ну Кованько ничего другого не оставалось делать, как исполнить это требование, так энергично выраженное, и Дмитрий Иванович полетел один и поднялся выше облаков и, таким образом, мог наблюдать корону. Дмитрий Иванович совершил полет впервые, и этот случай показывает всю энергию и стремительность натуры Дмитрия Ивановича, не останавливающейся не только перед затруднениями, но и перед явною опасностью.

Когда Дмитрий Иванович был назначен заведующим Главною палатою мер и весов в С.-Петербурге, я был там и виделся с ним. Благодаря инициативе и деятельности Дмитрия Ивановича Палата мер и весов стала образцовым научным учреждением, могущим стоять в одном ряду с подобными же учреждениями за границей, и в ней было что видеть. Не говоря об образцовом устройстве отделений с компараторами, позволяющими измерять метры с точностью до 0,001 мм, весовых отделений с весами, которые дают возможность измерять килограммы с точностью до 0,01 мг, отделения для проверки термометров — до 0,001 °С, барометров — до 0,01 мм

и отделений для электрических измерений, при каждом посещении можно было видеть что-либо новое, представляющее последнее слово науки в области точных измерений.

Можно было видеть автоматический компаратор, который сам, при помощи электрического двигателя, производит сравнение мер; особая рама подхватывает последовательно то одну, то другую меру, и рычаг отмечает на вращающемся барабане самые ничтожные разности в длинах; можно таким образом передать прибору две сравниваемые меры, пустить в ход электрический двигатель и удалиться, заперев комнату на ключ: прибор сам производит без конца сравнение мер и записывает результаты этого сравнения.

В другой раз можно было видеть грандиозную Атвудову машину в 35 м высоты, помещающуюся в трубе из котельного железа, 1,08 м внутреннего диаметра, с двойными стенками, между которыми может пропускаться вода для поддержания постоянной температуры. Можно было видеть приготовления к опытам в том же помещении над качанием маятника в 35 м длины и золотым шаром стоимостью в 75 000 руб., данного во временное пользование Министерством финансов, и многое другое.

При посещении Д. И. Менделеева велись обыкновенно разговоры на научные темы, но нередко затрагивались общественные и политические вопросы. В последнее мое посещение, имевшее место в половине июня 1906 г., речь зашла о последних открытиях в области радиоактивности тел, и Дмитрий Иванович очень недружелюбно отнесся к идеям Резерфорда и Содди о превращениях элементов, он заявил себя сторонником их постоянства. Разговор перешел на общие и политические темы, как это нередко бывало и раньше; так как это было перед моей поездкой в Лондон, то речь зашла об Англии и англичанах. Дмитрий Иванович с глубоким уважением отзывался об англичанах, но в качестве русского патриота враждебно относился к Англии, как государству и к ее политике. Разговор закончился игрой в шахматы, которую Дмитрий Иванович очень любил, и мог ли я думать, что вижу в последний раз этого полного сил и энергии старика!¹²

Роговский Е. А. Из личных воспоминаний о Д. И. Менделееве. «Труды Общества физико-химических наук при Императорском Харьковском университете», 1908, ч. 35, в. I. Отчеты о заседаниях в 1907 г., с. 1—5.

С. Л. ТОЛСТОЙ

«...В июле 1888 г. я поехал в имение Олсуфьевых Никольское-Горушки (Оболяново), Дмитровского уезда, к своим товарищам Михаилу и Дмитрию Олсуфьевым, где они проводили лето.

Дмитрий Адамович, так же как и я, недавно окончил курс естественных наук. В то время он был под обаянием своего соседа Д. И. Менделеева, жившего в своем имении в Клинском уезде. Он недавно ездил к Менделееву, собиравшись еще раз поехать и легко уговорил меня поехать вместе с ним. Сделав верст двадцать пять по живописной местности, мы подъехали к красивому барскому дому. Это был дом Менделеева, но он жил не здесь. В этом доме жила его первая жена со своей семьей. Сам же он, вместе со второй женой, жил в версте отсюда, в другом новом каменном доме, им самим выстроенном. Туда мы и направились.

Дмитрий Иванович любезно принял нас. Какое впечатление должен был он произвести на меня, недавно окончившего курс естествознания, увлекавшегося химией и знавшего, что Менделеев был в то время первым химиком в мире? Очевидно, я смотрел на него с восхищением и подобострастием: но не только поэтому я подпал под его влияние; он был на самом деле обязательным человеком... Виден был большой ум, чувствовалась большая жизненная энергия. Он любил говорить и говорил горячо и образно, хотя не всегда гладко. Он крепко верил в то, чем в данное время увлекался, и не любил возражений на свои, иногда смелые, парадоксы. Этим и некоторыми другими чертами он мне напоминал моего отца. Между прочим, он жалел, что мой отец пишет против науки. Я сказал, что отец восстает не против науки, а против привилегированного положения ученых. Менделеев с этим не согласился и говорил: «Нет, он пишет против науки».

В то время Менделеев увлекался вопросом о прогрессе промышленности в России. Незадолго перед этим Эдинбургский университет поднес ему докторский диплом *honoris causa*. Он нам рассказал, что в Эдинбурге, в торжественном заседании университета, он прочел свою лекцию, как полагается новому доктору, в средневековом костюме доктора — в тоге и угольчатой шапочке, но по-русски. Никто, конечно, его не понимал, но все слушали с уважением. Затем был прочитан английский перевод его лекции.

Мы попросили Дмитрия Ивановича показать нам его докторский костюм. Он охотно это сделал и даже надел его. Сине-малиновая тога, угольчатая шапочка, густые космы седых волос, торчащие из-под шапочки, суровое лицо Дмитрия Ивановича, обрамленное большой бородой, — все это под толстыми сводами его кабинета и на фоне голой белой стены напоминало нам средневекового алхимика. Мы невольно улыбнулись. Менделеев выказал себя большим патриотом; в его мечты входили не только благосостояние и культурное развитие России, но и величие России как государства. Затем разговор перешел на развитие промышленности в России и, особенно в Донецком крае, куда Дмитрий Иванович недавно ездил...

“Правительство должно умножить и улучшить пути сообщения Донецкого края, — продолжал он. — Донец считается судоходным, и на нем запрещено строить плотины, но для судоходства по Донцу ничего не сделано — русло не углублено, не очищено от карчей (карча — суковатый пень, дерево с корнями, подмытое и снесенное водой, опасное для рыболовов, судов), знаки не поставлены и т. д., и даже неизвестно, какие там мели и перекааты, неизвестно даже, какие суда могли бы там ходить. Правительство чрезвычайно скупо тратит деньги на водные сообщения, печать этими вопросами не занимается, вообще мало кто этим интересуется. Следовало бы кому-нибудь, прикосновенному к литературе, поехать туда, осмотреть нарастающую донецкую промышленность, прокатиться по Донцу, сделать кое-какие съемки и промеры и описать свои впечатления в живой газетной или журнальной статье.

Вот вы, господа естественники, — неожиданно обратился он к нам, — вы недавно кончили университет, что бы вам это сделать?

Поехали бы в Донецкий край, да и написали бы статью”.

Еще до поездки нашей к Менделееву Олсуфьев и я собирались путешествовать по России. Поэтому, хотя мы не были “прикосновенны к литературе”, предложение Менделеева упало на уже подготовленную почву, и мы выразили готовность поехать. Тогда он, недолго думая, стал намечать план нашей поездки. Он посоветовал нам сначала осмотреть некоторые шахты и промышленные предприятия Донецкого бассейна, а затем проплыть по Донцу до Лисичанска, до впадения Донца в Дон...

Дмитрий Иванович еще много и интересно говорил нам о будущем Донецкого края и о необходимости развития промышленности в России. Эти мысли изложены в его статье “Будущая сила России, покоящаяся на берегах Донца”, напечатанной, кажется, в 1889 г. в “Северном вестнике”.

Мы уехали, очарованные Дмитрием Ивановичем и увлеченные нашей предполагаемой поездкой.

Россия так мало известна нам, решили мы, что нам следует поехать, особенно с такой интересной целью.

Вскоре после моего возвращения в Ясную Поляну я получил следующее письмо от Д. Олсуфьева: “Вчера после твоего отъезда написал Менделееву письмо, подтвердил ему наше согласие с тобой ехать на Донец и просил составить маленькую письменную инструкцию.

Вот письмо, которое сегодня привез мне мой посланный: «Дмитрий Адамович, рукопись и книжки я получил исправно и больше, чем им, обрадовался Вашему письму, в котором Вы подтверждаете охоту ехать с гр. Толстым на Донец. Очень это может быть полезно. Рад от души, и все, что надо, сделаю, напишу и скажу, и подстрою, сколько могу с моей стороны. Только срок дайте, теперь не время мне. А между тем Вы можете кое-что подготовить; особенно было бы полезно Вам почитать о Донецком крае, где можно. Опять укажу на книгу Лепле: перевод Н. Щуровского достанете в Москве, если не в продаже, то в библиотеках. Статей-то много, но их где собрать, а такой обстоятельной книги, как Лепле, другой нет. Поищите тоже, что можете достать (много отличных статей о Волге, Доне, Днепре найдете в “Инженере” — журнал Министерства путей сообщения за последние

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

4 года), о реках, их уровнях, перекатах, мелях. Есть отличные исследования Гарина о Днестре в журнале М. П. С. Полезно тоже хоть немного поупражняться с нивелированием, барометром и нивелиром, но это не особо важно и скорее стеснит в пути, потому что главное известно, а подробности меняются. Важнее всего узнать кое-что об углях и с геологической, и с химической, и с технической стороны. Это легко найдете. Иностранных книг много. Возьмите хоть какую-нибудь техническую энциклопедию... К сожалению, здесь у меня ничего нет под руками.

Еду в Питер в воскресенье и оттуда непременно напишу, как Вы желаете, если поеду на Кавказ. Засим почтение и поклон Вашему папе. Преданный Вам

Д. Менделеев».

...Под влиянием разговоров с Менделеевым я писал моей матери в октябре 1888 г.:

«Вчера я был у Менделеева. Он только что прочел “О жизни”. “Ваш отец,— говорил он,— воюет с газетчиками и сам становится с ними на одну доску. Он духа науки не понимает, того духа, которого в книжках не вычитаешь, а который состоит в том, что разум человеческий всего должен касаться; нет области, в которую ему запрещено было бы вторгаться...” Я ему говорил, что отец, главное, борется против позитивного мировоззрения, по которому для того чтобы решать насущные вопросы об отношении к людям, нужно пройти через всю контовскую лестницу наук, а нам нужно не это, а ответ на вопрос: что сейчас делать? Менделеев на это ответил, что “ведь мы питаемся каждый день, а разве поэтому нельзя рассуждать и исследовать научным путем вопрос о том, чем лучше всего питаться” (хотя, он говорит, что и об этом мы очень мало знаем). “Зачем же отрицать другие науки — точные? Разве они несовместимы с взглядами Льва Николаевича?”

Можно быть других мнений, чем Дмитрий Иванович, но про него никак нельзя сказать, что он был неискренен в своих убеждениях. Когда я слушал его неровную, но убежденную речь, чувствовалось, что он говорил то, что он продумал, и свое, а не чужое».¹³

Толстой С. Л. Очерки былого. М., Гос. изд-во худ. лит., 1956, с. 162—166, 174—175.

И. Е. РЕПИН

«В большом физическом кабинете на университетском дворе мы, художники-передвижники, собирались в обществе Д. И. Менделеева и Ф. Ф. Петрушевского для изучения под их руководством свойств разных красок. Есть прибор — измеритель чувствительности глаза к тонким нюансам тонов; Куинджи побивал рекорд в чувствительности до идеальных точностей, а у некоторых товарищей до смеху была груба эта чувствительность».¹⁴

Репин И. Е. Далекое близкое, Изд. 4-е. М., «Искусство», 1953, с. 341.

«Архип Иванович Куинджи, — рассказывает г-н Ясинский, — повернул и придвинул к известной черте на паркете огромный мольберт, прикоснулся к черному коленкору, который заволновался и упал наземь, и мы увидели пригорок, покрытый густой растительностью, и на мало-российских хатках, прячущихся в зелени, заиграло живое, но созданное самим Архипом Ивановичем солнце. Небеса, которые мы увидели, уже начинали погасать. Это были кроткие райские, лилово-розовые небеса, пронизанные последними лучами умирающего светила. Еще ничего подобного никогда не создавало искусство. Безукоризненный огненно-розовый свет освещал белые стены хат, а теневые стороны их были погружены в голубой сумрак. Голубая тень легла от дерева на освещенную стену.

Взмах руки Архипа Ивановича — и коленкор закрыл чудную картину, странно вспыхнувшую и на мгновение загоревшуюся странной жизнью в этот зимний петербургский день; мольберт отошел в глубину комнаты, повернулся и опять, покорный руке художника, приблизился к нам, дойдя до волшебной черты, проведенной на полу. “Это что за координата такая?” — спросил Дмитрий Иванович. А это была просто выверенная линия, которую надо было иметь в виду, чтобы магическое полотно не давало рефлексов, ослабляющих впечатление...

Д. И. Менделеев среди инженеров Кушвинского завода на Урале. 1899 г.

Опять собрался в складки черный коленик — и мы увидели темный густолиственный кедровый и масличный сад на горе Елеонской с яркой темно-голубой прогалиной посредине, по которой, облитый теплым лунным светом, шествовал Спаситель мира. Это — не лунный эффект: это — лунный свет во всей своей несказанной силе, золотисто-серебряный, мягкий, сливающийся с зеленью деревьев и травы и проникающий собою белые ткани одежды. Какое-то ослепительное, непостижимое видение...”

Переходя к третьей картине Архипа Ивановича, г-н Ясинский высказывается о ней так: “Пред нами открылось необъятное бледное пространство — берег, покрытый полевыми цветами и чертополохом; река, уходящая в безграничную даль, светлые, воздушные, чистые, как глаза ангела, небеса в легких параллельных, едва розовых, едва лиловых, едва серебряных облаках, и над берегами, над рекою заструился утренний прозрачный пар. Странное чувство испытал я, когда вдруг увидел этот Днепр, извивающийся по великой низменности. Я уверен, что все то же испытали. Наверно, у каждого сжалось сердце, схваченное радостным чувством, и на ресницы стала проситься слеза...”

Менделеев закашлялся. Архип Иванович спросил его: “Что это вы так кашляете, Дмитрий Иванович?”

Профессор весело отвечал: “Я уже шестьдесят восемь лет кашляю, это ничего, а вот картину такую вижу в первый раз”.

Перестановка — и вот перед нами четвертое чудо: березовая рощица с ручейком, освещенная солнцем и с голубыми небесами на заднем плане...

Какая необыкновенная чистота красок! Как они сверкают!..

“Да в чем секрет, Архип Иванович?” — опять начал Менделеев.

Кто-то заявил: “Я закрываю глаза и все-таки вижу”.

“Секрета нет никакого, Дмитрий Иванович”, — смеясь, сказал Куинджи, задерживая картину к великому нашему сожалению, потому что хотелось все стоять перед нею и смотреть и слу-

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

шать этот ручеек, распавшийся на мочижинки (твердое, не торфяное болотце, здесь по — видимо, пересыхающий ручей), которые теряются в траве, между тем как немного выше по зеленой мураве тянется солнечный настоящий луч.

“Много секретов есть у меня в душе, — заключил Менделеев, — но не знаю вашего секрета...”

Картины, показанные в этот раз, были: “Вечер в Малороссии”, “Христос в Гефсиманском саду”, “Днепр” и “Березовая роща”».

М. П. Неведомский, И. Е. Репин. А. И. Куинджи. СПб.,
О-во им. А. И. Куинджи, 1913, с. 161, 162.

Я. Д. МИНЧЕНКОВ

«По вторникам на квартире Лемоха (художник-передвижник) собиралось довольно большое общество: товарищи-передвижники, профессора Академии художеств и люди из мира ученых.

Часто бывал Д. И. Менделеев, сын которого, моряк, был женат на дочери Лемоха (он умер ранее моего знакомства с семьей Лемоха).

Великий ученый Менделеев был интересен в домашней обстановке. Разговор вел простой, особго русского склада. От него веяло Русью, которую он любил.

Большая, умная медвежья голова, длинные нечесанные волосы и задумчивые, иногда мечтательные глаза.

Излагая новую теорию или мгновенно родившуюся мысль, Менделеев вперял в пространство глаза и точно пророчествовал.

Крутил толстейшие папиросы и подымал густой столб табачного дыма, среди которого казался каким-то магом, чародеем, алхимиком, умеющим превращать медь в золото и добывать жизненный эликсир.

Смотрю я на прожженные табаком коричневые пальцы Менделеева и говорю: “Как это вы, Дмитрий Иванович, не бережете себя от никотина, вы, как ученый, знаете его вред”. А он отвечает: “Врут ученые: я пропускал дым сквозь вату, насыщенную микробами, и увидел, что он убивает некоторых из них. Вот видите — даже польза есть. И вот курю, курю, а не чувствую, чтобы поглупел или потерял здоровье”.

Близок был к Менделееву Максимов — художник-передвижник. Максимов был малообразован, не мог разбираться в вопросах научных, сложных, общественного порядка, и все же Менделеев много с ним говорил, строил грандиозные планы экономического переустройства нашей страны и, как поэт, мечтал о ее счастливой будущности. Максимов, вспоминая разговор Дмитрия Ивановича, будоражил свою кудрявую голову и говорил: “Вот, батюшка, что Дмитрий Иванович говорит... ой-ой-ой, куда тебе!”

Вопросы искусства были близки Менделееву в такой же степени, как и вопросы науки, а народное начало, вложенное в его натуру, находило отзвук в содержании искусства передвижников, с которыми он часто общался».¹⁵

*Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках.
Л., «Художник РСФСР», 1959, с. 68, 69.*

В. А. ЯКОВЛЕВ

«Вот на кафедре показалась какая-то бородастая фигура, она устанавливает большие химические весы, эмблему новейшей химии, орудие великого Лавуазье. Но эта фигура еще не он, не профессор. Это его помощник, лаборант, сурово ворчащий на смельчаков, решающихся, стоя у кафедры, потрогать те предметы, какие-то склянки, которые он устанавливает. Аудитория шумит, болтает, кашляет, посмеивается над маленьким невзрачным человечком с полотенцем на плече; это знаменитый Алеша, служитель менделеевской лаборатории, вот уже двадцать (тогда, а теперь сорок) лет помогающий лаборантам в препаровочной устанавливать приборы и ставить опыты, демонстрируемые во время лекций. Еще несколько минут ожидания, и вот раздается оглушительный, долго длящийся гром рукоплесканий. Из маленькой двери, ведущей

из препаровочной на кафедру, появляется могучая, сутуловатая слегка фигура Дмитрия Ивановича. Он кланяется аудитории, рукоплескания трещат еще сильнее. Он машет рукой, давая знак к тишине, и говорит: “Ну, к чему хлопать? Только ладоши отобьете”. Вот наконец наступает тишина, и аудитория вся замирает. Менделеев начинает говорить.

Первое время, с непривычки или от сравнения с другими профессорами-говорунками, нами овладевает какое-то чувство неловкости. Лектор растягивает как-то своеобразно фразу, подыскивая слово, тянет некоторое время “э-э-э...”, вам даже как будто хочется подсказать не подвертывающееся на язык слово, но не беспокойтесь, оно будет найдено, и какое — сильное, меткое, образное. Своеобразный сибирский говор на “о”, все еще сохранившийся акцент далекой родины! Речь течет дальше и дальше. Вы уже привыкли к ней, вы уже цените ее русскую меткость, способность вырубить сравнение, как топором, оставить в мало-мальски внимательной памяти след на всю жизнь. Еще немного, и вы, вникая в трудный иногда для неподготовленного гимназией ума путь доводов, все более и более поражаетесь глубиной и богатством содержания читаемой вам лекции. Да, это сама наука, более того — философия науки говорит с вами своим строгим, но ясным и убедительным языком. Вы начинаете любоваться мощною, напоминающей микеланджеловского Моисея, сумрачно-грозной фигурой. В ней хорошо все: и царственно широкий лоб мыслителя, и сосредоточенно сдвинутые брови, и львиная грива падающей на плечи шевелюры, и извивающаяся при покачивании головой борода, по поводу которой как-то сам собой выскакивает в памяти отрывок стиха: “Косматой трясет бородой” — или отрывок о Зевсе, Нептуне или другом олимпийце, герое из испаряющейся из нашей головы греческой или латинской поэзии. И когда этот титан в сумрачной аудитории, с окнами, затененными липами университетского сада, освещаемый красноватым пламенем какой-нибудь стронциевой соли, говорит вам о мостах знания, прокладываемых через бездну неизвестного, о спектральном анализе, разлагающем свет, доносящийся с далеких миров, быть может, уже потухших за те сотни лет, что этот луч несется к Земле, — нервный холодок пробегает по вашей спине от сознания мощи человеческого разума. Вы содрогаетесь от прикосновения к вечным тайнам, к бесконечности...»¹⁶

Яковлев В. А. Памяти Д. И. Менделеева. «Природа в школе. Отдел химии», 1907, № 3, с. 166—168.

В. Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

«Во время моего студенчества мне удалось слушать двух выдающихся лекторов химии: профессора Горного института К. Д. Сушина и Д. И. Менделеева.

К. Д. Сушин был замечательный лектор. Он читал лекции, так сказать, руками. При громадном экспериментальном таланте он жил в лаборатории и дышал лекциями. Перед глазами аудитории проходила бесконечная серия опытов; мы все видели своими глазами, щупали своими руками, нюхали, пробовали на вкус. Мы “вкладывали персты в раны”, мы знакомились с природой. Его постоянными сотрудниками были великолепная коллекция всяких образцов, все, что могло чему-нибудь нас научить, как-то: для ядов — крысы, мыши; для демонстрации противогнильного влияния древесного угля он притащил на лекцию труп кошки, положенный им заранее в древесный уголь. Фактическая сторона неорганической химии врезалась в память слушателей на всю жизнь. Ее нельзя было не знать.

Теории химии он не придавал никакого значения и ее не читал.

Слушая Сушина, я увлекался в то же время “Основами химии” Д. И. Менделеева и решил его послушать в университете, пробравшись туда “зайцем” (допуск в университет посторонних лиц строго преследовался в то время). В середине года я слушал у него лекцию о воде, так медленно излагал он свой курс. Ни одного опыта. Ни одной цифры. Его двухчасовая лекция в “Основах химии” занимала всего несколько строчек. Но всю лекцию Менделеев учил нас, как надо наблюдать явления обыденной жизни и как их понимать. Я вышел очарованный. Да, это учитель. Он передавал своим ученикам свое умение наблюдать и мыслить, чего не дает ни одна книга. Вот два антипода лекционной системы. Оба таланты, но талант Д. И. Менделеева как учителя мыслить был исключительный.

Подойдите к этим двум лекторам с часами в руках. Талантливое изложение К. Д. Сушина данной главы потребует, скажем, два часа времени. А сколько на это употребит Д. И. Менделеев? Он сам этого не знает. Циркуляры, программы, часы, оплата втискивают обоих этих лекторов в одну рамку, и вот здесь причина бесконечных споров о числе часов, необходимых для прохождения данного курса. Педагоги, делающие из инженеров Коробочку с двадцатью местами ручного багажа, боятся чего-нибудь не досказать студенту в школе, не добавить ему рецептов на всю жизнь и не думают совсем о том, что все, что знает человечество, написано в книгах, и надо облегчить инженеру только чтение этих книг, а для сего он должен знать только математику, физику и химию. Остальное приложится само собой. В жизни, во время службы в заводе, он прочитает все, что ему надо, продумает, соберет новейшие достижения науки и техники и выйдет безбоязненно из самых трудных положений; он будет великолепным инженером при одном условии, однако, что вы не убьете в нем интереса проделать всю эту работу двадцатилетним пребыванием в школе, на положении малолетнего, не имеющего своей воли.

Сказанное приводит меня к выводу, что строгая регламентация числа часов для отдельных предметов высших учебных заведений не нужна. Высшие учебные заведения могут специализироваться, смотря по местным условиям и потребностям в инженерах данной специальности и даже исходя из личного состава преподавателей. При наличии среди преподавателей таких учителей, каковым был Д. И. Менделеев, программа и распределение числа часов факультета может быть резко нарушена. И в этом есть логический смысл. Когда Д. И. Менделеев учил химически думать, он делал не только свою работу, не только работу всего цикла химических наук, но работу всего естественного факультета. Таким лектором в С.-Петербургском политехническом институте по механике был В. Л. Кирпичев. Его аудитория, вмещавшая 800 чел., была всегда полна. Почему? Да потому, почему была полна и аудитория Д. И. Менделеева. Это тоже был учитель думать, как должен думать механик. Попредметная специализация высших учебных заведений будет для России при нашей бедности профессорами только выгодна¹⁷.

*Грум-Гржимайло В. Е. Собрание трудов. М.—Л.,
Изд-во АН СССР, 1949, с. 224, 225.*

Б. П. ВЕЙНБЕРГ

«Как лектор Менделеев оставил во мне и многих моих товарищах неизгладимое впечатление. Незгладимость эта обуславливалась, с одной стороны, обаянием научного авторитета творца периодической системы, с другой стороны — исключительностью тех условий, при которых Менделеев читал нам лекции в конце весеннего семестра, но главным образом зависела она от поразительного лекторского таланта покойного. Некоторые из нас увлекались способом изложения А. А. Маркова (профессор Петербургского университета, известный математик), каждым словом как бы заколачивавшего гвоздь за гвоздем по одной прямой линии, с которой он не давал сходить истине. Другие наслаждались изящною, стройною и спокойно-мелодичною речью К. А. Поссе (профессор математики), которого слушали даже иные юристы, не понимавшие зачастую содержания его лекции, но проникавшиеся их “музыкальностью” и “убедительностью”. Третьих привлекал О. Д. Хвольсон (известный физик), замечательно ясно и просто излагавший то, что казалось таким трудным и запутанным, умело подчеркивавший существенное и манивший в дебри дальнейшего изучения предмета. Но громадное большинство нас отдавало пальму предпочтения Дмитрию Ивановичу, который обладал прирожденным даром захватывать аудиторию и мощно властвовать над нею.

Трудно отдать себе отчет в том, чем достигал он этой власти над нами. Одно можно сказать с достоверностью — не внешними приемами, которые всем: и интонацией, и жестиком, и построением речи — были далеки от того, что считается отличительными чертами настоящего оратора.

По интонации речь Менделеева была незаурядною и разнообразною, но интонация эта не столько стояла в тесной внутренней связи с содержанием, сколько зависела от настроения Дмитрия Ивановича и от отклонений от параллельности хода речи и хода мыслей.

Иногда мысли Дмитрия Ивановича так быстро сменялись одна другою, так бежали одна за другою, что слово не могло поспеть за ними,— и тогда речь переходила в скороговорку однообразного, быстрого ритма на средних нотах. А иногда словесное выражение мыслей не приходило сразу, и Дмитрий Иванович как бы вытягивал из себя отдельные слова, перерывая их многократными “мм... мм... как сказать” и произнося их медленно на высоких, тягучих, почти плачущих нотах,— и потом внезапно обрушивался отрывистыми низкими аккордами, бившими ухо, как удары молотка. Будь я музыкантом, я, думается, мог бы положить лекцию Менделеева на музыку,— и любой из тех, на чью долю выпало счастье его слушать, безошибочно узнал бы звуки этого мощного голоса, переходившего от ясно слышного в последнем углу аудитории шепотка к громоподобным возгласам.

Внушительна бывала жестикуляция этого старца с небольшою бородкою и с копною длинных волос, которыми он иногда выразительно встряхивал. Он то как бы отстранял рукою какие-то препятствия, то широким жестом, обыкновенно левой руки, как бы захватывал все вокруг, то как бы манил к себе что-то.

Точно так же разнообразна была и самая конструкция речи. Фразы Менделеева не отличались ни округленностью, ни грамматическою правильностью: иной раз они были лаконически кратко выразительны, иной раз, когда набегавшие мысли нажимали друг на друга, как льдины на заторах во время ледохода, фразы нагромождались бесформенно: получались периоды чуть не из десятка нанизанных друг за другом и друг в друге придаточных предложений, зачастую прерывавшихся новою мыслью, новою фразою и то приходивших,— после того как сбегала словами эта нахлынувшая волна мыслей,— к благополучному окончанию, то остававшихся незаконченными.

Эти особенности речи Менделеева особенно ясно бросались в глаза мне, когда я, записывавший все его лекции стенографически, дешифрировал свои записи, из которых я и буду приводить дословно примеры в дальнейшем. Не будучи достаточно хорошим стенографом, я ясно вижу теперь, что при записи мною были допущены некоторые описки,

а при дешифровке — некоторые ошибки, но я не решаюсь исправлять их теперь, через 20 лет, и буду приводить слова Менделеева так, как они были тогда мною дешифрованы.

Попробуйте передать короче, выпуклее и своеобразнее мысли, вложенные Дмитрием Ивановичем в такие, например, фразы:

“Гораздо реже в природе и еще в меньшем количестве — оттого и более дорог, труда больше, йод”.

“Общежитие, история поставили серебро рядом с золотом, и периодическая система ставит их так же, как и медь, в один и тот же ряд”.

“Не только от энергии Солнца, летом усиливающейся, но и от измененной влаги, количества водяных паров лето так отличается от зимы”.

И попробуйте вместе с тем разобрать грамматически такие периоды:

“Как раз в это самое время (во время открытий Кирхгофа и Бунзена по спектральному анализу) мне пришлось быть свидетелем возрождения этой блестящей части естествознания, которая с тех пор получила самостоятельность и весьма важное значение во всем естествознании, потому что позволила анализировать при помощи света не только тела доступные, но и отдаленнейшие светила и явления, недоступные прямому соприкосновению с ними, а, однако, посылающие к нам свет, анализ которого дал нам возможность решить то, о чем мы не могли даже осмеливаться думать разрешать”.

Попадались у Дмитрия Ивановича часто фразы, разрезанные на части и не всегда благополучно сраставшиеся: то фраза перебывалась просьбою закрыть форточку, то указанием на ход опыта, то нетерпеливым обращением к лаборанту, которому приходилось зачастую чувствовать на себе нервность и раздражительность Дмитрия Ивановича, то разысканием препарата (следует заметить, что у него было тогда уже не особенно хорошее зрение, а VI^й аудитория, где он читал, была довольно темною), то новою мыслью и новою фразою...

В аудитории Менделеева была толпа стремящихся к науке студентов, и был профессор университета, в самом полном смысле этого слова. Профессор этот старался при случае выяснить нам назначение университета, выяснить нам, что мы должны взять от университета, что должны ему дать и как должны будем

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОК

мы пользоваться взятым, выйдя из университетских аудиторий и лабораторий в жизнь.

Вот, например, какой последний завет дал он нам — последний, потому что это была последняя лекция его как профессора С.-Петербургского университета — студентам:

“Но не для того мы здесь и не для того учредаются университеты, чтобы получались только дипломы и чтобы получалось знакомство с предметом, с его..., как сказать, в его прошлом. Это — одна сторона, это — неизбежно, это — сторона, можно сказать, первичная, но есть и другая высшая сторона, которая и дает то... дает тот оттенок университетскому знанию, который должен быть назван духом университета.

Вы знаете сказки, в которых говорится о том, что приходит кто-то и говорит: «Фу, русским духом пахнет!» Вам это непонятно, вам это в детстве кажется чем-то даже смешным.

Когда поживете, тогда увидите, что есть во всем, что сложилось, что образовалось, что имеет влияние, что имеет значение, — есть во всем нечто неуловимое, что люди в первичном образе всегда изображали в виде духа, т. е. воздуха. Вы в курсах философии узнаете, что первые учения философские старались весь мир понять при помощи представлений о воздухе или духе проникающем все... Это самое первоначальное представление у всех народов, так или иначе, сказало даже в словах... между воздухом и духом есть всегда, во всех... у всех... первичных понятий, а следовательно, и в языке, ибо и он тогда слагается, когда еще первичные понятия слагаются, — есть, как сказать, единение.

Так есть и в университетах свой дух. Не стоит он вовсе в том... в чем, может быть, многим из вас он представляется; нередко кажется... что он состоит, или нередко может казаться, по крайней мере, что он состоит в каком-то... влиянии на общество каким-то особенным образом... У нас, где образование еще, можно сказать, не привилось твердо и крепко, такого рода некрепкое и нетвердое представление очень развито, а потому, заканчивая курс, я хочу сказать о том, как, в чем состоит истинный университетский дух, в чем его суть, откуда берется эта душа университетская, совершенно особенный оттенок кладущая на тех, кто с внутренней стороны... душою к университету прилежит.

Этот дух состоит исключительно и всецело, в существе, только в одном: в стремлении

Д. И. Менделеев во главе экспедиции на Урал.
Сидят: Д. И. Менделеев (справа) и С. П. Вуколов
(слева). Стоят: П. А. Земятченский (справа)
и К. Н. Егоров (слева). 1899 г.

достигнуть истину, во что бы то ни стало, — не практическую пользу, не личное улучшение, не каких бы то ни было этих политических или экономических улучшений, — все это сбоку, все это придатки, все это есть не что иное, как атрибуты, члены основного, одного, исключительного стремления, это — достижения истины во что бы то ни стало и как бы то ни было, — но только истины в том виде, в каком она... ее можно достигнуть. Не в том, чтобы, отпирая храм ключом, прямо пойти сдернуть завесу сокрытой истины, — ничего нету, сказки, пустое! Ничего такого нету, никакой такой завесы нет: истина не спрятана от людей, она среди нас, во всем мире рассеяна. Ее везде искать можно: и в химии, и в математике, и в физике, и в истории, и в языкознании, — во всем том, что направлено к отысканию истины, — оттого-то это все и соединяется в университете.

Не практическая польза, а вот стремление достигнуть эту истину с разных сторон, — а она одна, — и мы видим и знаем, чем дальше живем, тем больше убеждаемся, что, пойдём ли мы со стороны истории, пойдём ли мы со стороны астрономии, или химии, — все до од-

ного доходим. Я бы его вам открыл, сказал бы, как я всюду говорю, что могу и знаю, если бы пришло уже в сознание окончательно начало всех начал,— не думаю я, что оно будет еще, так сказать, доступным само по себе,— но близко подходить к этому пределу люди могут, можно сказать, и будут достигать и подходить к нему,— и каждый шаг вперед будет действительно двигать людей в понимании истины. И вот это-то стремление к пониманию истины во всей ее чистоте и совершенстве и составляет единственный, истинный дух университетов...”

Это стремление к истине — не только в смысле усвоения уже известного, но и в смысле открытия неизвестного — Менделеев при каждом удобном случае внушал нам, внушал нам или самим содержанием своих лекций или специальным указанием на этот смысл университетского преподавания.

Уже на одной из первых лекций Менделеев бросал нам такие слова — и бросал их среди фразы о температуре диссоциации воды: “Наука бесконечна, в ней являются с каждым днем новые и новые задачи, и университетское образование должно стараться возбудить желание внести свою лепту в сокровищницу науки”.

Но еще более, чем такие непосредственные внушения, действовал на нас самый способ изложения Менделеевым неорганической химии. Я не буду говорить здесь о стройности плана этого курса — с этим знаком всякий изучавший его “Основы”, а укажу на то, что Менделеев делал из этого курса как бы энциклопедию естествознания, связанную основную нитью неорганической химии. Экскурсы в область механики, физики, астрономии, астрофизики, космогонии, метеорологии, геологии, физиологии животных и растений, агрономии, а также в сторону различных отраслей техники, до воздухоплавания и артиллерии включительно,— были часто в его лекциях. И эти экскурсии были всегда вполне уместны, никогда не были слишком длинны и детальны и освещали соответствующий вопрос неорганической химии едва ли не ярче и не живее, чем какие-либо чисто химические примеры. Никогда не терял он при этом из виду главной цели и основной цепи своего изложения, и если случилось ему отойти слишком далеко в сторону, он умел вовремя остановиться.

При этих экскурсиях Менделеев большею частью оставался на почве чистой науки, так как он, как видно уже из приведенных цитат, отрицал утилитарную цель университетского преподавания, но тем не менее он часто обращался к практическим вопросам, как ввиду тесной связи техники с наукою, так и ввиду того, что он старался приготовить из нас будущих деятелей на пользу России.

Сравнительно редко обращая наше внимание “на то обстоятельство, что участие в прогрессе научном — в особенности со стороны опытов — все более и более, а в особенности в таких странах, как Англия и Франция,— принимают участие часто техники, заводчики, потому что чрезвычайно тесна зависимость между чисто абстрактной наукой и прямыми ее приложениями к жизненным отношениям”, Менделеев особенно настаивал на роли “фонаря науки” в технике и промышленности. Говоря, например, о каменном угле, он указывал нам, что “на поверхности находящийся каменный уголь очень редок, его надо отыскать в глубине. Как же не повременить, пока не узнаешь, что здесь стоит затрачивать большие деньги, чтобы прорыть фундаментальные колодцы, устроить подъемные машины и т. д., если не иметь фонаря науки для того, чтобы осветить эти подземные глубины. Без этих знаний подобного рода предметы никоим образом не могут выступить, и потому-то везде мы видим, что развитие промышленности, обоснованной на минеральном топливе, всегда, так сказать, находится в соответствии и в теснейшей связи с развитием научных знаний”.

И нам он часто горячо проповедовал необходимость светить этим “фонарем науки”. Вот, например, отрывок из той же лекции на сходке:

“Вот вас большое количество собралось здесь слушать химию (лукавый взгляд Менделеева при этих словах показал нам, что в них заключалась заметная доля иронии),— и по аудитории пронесся смешок, разделенный и Менделеевым, который продолжал далее свою мысль, лишь несколько приспособляясь к не совсем обычному составу слушателей. И если рассеются благодаря вам, через вас сведения о том, как богата Россия во многих отношениях, какие в ней естественные богатства, ждущие образованных людей для того, чтобы они принялись за дело”.

Та же нота необходимости приняться за разработку богатств России, те же указания на личность этих богатств были обычными — всегда образным, всегда ярким — как бы припевом к лекциям Менделеева, о каком бы материале ни говорил он. Вот несколько отрывков этого рода:

“Россия отправляет за границу массу костей и получает массу клея. Вы это должны прекратить, ваше дело — дело будет, если вы химией занимаетесь в самом деле, к России прививать эти понятия, распространять их и делать невозможными впредь подобные экономические неудобства”...

“...Надо думать, что придет время, что мы не только перестанем покупать соду заграничную, как мы до сих пор покупаем, но вследствие природных месторождений и дешевизны, как сырья, так и труда, будем напротив того снабжать мир нашими содовыми продуктами”.

И он предостерегал нас от расхищения естественных богатств России, убеждал нас вносить “светоч знания” в эти вопросы, указывал, что в этом — наш долг”.¹⁸

Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. Томск, 1910.

В. И. КОВАЛЕВСКИЙ

«В 1893 году судьба свела меня с гениальным, мудрым и вместе с тем с чрезвычайно своеобразным человеком — Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Моя работа совместно с ним принадлежит к самым отрадным воспоминаниям моей жизни.

У С. Ю. Витте родилась мысль создать в России научное учреждение по метрологии, так как до того времени почти не было никакой заботы об организации в нашей стране надзора за мерами и весами.

Д. И. Менделеев составил широко разработанный проект деятельности Палаты мер и весов как научного учреждения и вместе с тем главного руководства по применению мер и весов в практической жизни. Надо было позаботиться о заказе эталонов метрических мер и весов. Для этого Дмитрий Иванович был командирован за границу. Между В. И. Ковалевским и Д. И. Менделеевым возникла переписка. По возвращении из командировки Менделеев энергично готовился к открытию Главной палаты мер и весов.

Частые деловые посещения Менделеева еще более укрепили мои симпатии к нему. Надо было близко знать редкую душу этого человека, чтобы не придавать значения часто резким и колочим выходкам с его стороны.

Так, однажды я посетил его и озабоченно спрашиваю: “Можно ли покурить?” Он ответил: “Нечего задавать нелепых вопросов, когда сам хозяин курит”...

Помню я его радость, когда он за 50 руб. купил французскую Энциклопедию у знакомого букиниста, который случайно нашел ее в одном богатом помещичьем доме.

Приходит ко мне как-то очень взволнованный Дмитрий Иванович. Он мне сообщил о своей горе. На здании Главной палаты мер и весов под руководством одного придворного архитектора приступили к строительству башни для установки маятника Фуко. Менделеев мне сообщил следующее: “Я взялся сам за это дело, отказавшись от услуг придворного архитектора. И, представьте себе мой ужас: в стене образовалась трещина. Я ее заклеил бумажкой для проверки. Бумажка порвалась, и я теперь в большом горе. Зачем брался я за это дело?”

Стоявший тогда во главе торгового флота князь Александр Михайлович сильно содействовал осуществлению замысла адмирала С. О. Макарова предоставить в его распоряжение (ледокол) “Ермак” для того, чтобы попытаться пробиться к Северному полюсу. Деятельное участие в осуществлении этого плана принимал и Дмитрий Иванович. Он сильно содействовал снаряжению “Ермака” всем тем инвентарем, который был нужен для научных исследований во время экспедиции, причем основательно рассчитывал, что руководство всей научной частью будет поручено ему — Менделееву. По этому поводу между Макаровым и Менделеевым произошли существенные разногласия, и Менделеев должен был отказаться от участия в экспедиции.

Ф. И. Блюмбах, Н. Г. Егоров, Д. И. Менделеев, Ф. П. Завадский и А. И. Кузнецов в Главной палате мер и весов 19 февраля 1901 года перед отправлением в Сенат для замурования русских прототипов

“Ермак”, как известно, потерпел несколько аварий и для ремонта был отправлен в Нью-Кэстль (Англия). Ремонт обошелся в несколько сот тысяч рублей. Тогда же возник вопрос, стоит ли продолжать попытку Макарова. Комиссия под председательством адмирала А. А. Бирлева, при моем участии, признала, что от такого замысла нужно отказаться.

Но мысль о Северном полюсе не покидала Менделеева. Однажды рано утром он зашел ко мне в министерство в сильно возбужденном состоянии.

“Я много потратил труда,— сказал он с беспокойством,— чтобы попытаться найти надежный путь к Северному полюсу. Для нас это имеет огромное значение как ближайший путь к Дальнему Востоку. Вот мой проект с необходимыми картами и графиками, переписанный в нескольких экземплярах. Я твердо решил привести его в исполнение, уверенный в удаче настолько, что беру с собой дорогих мне Анну Ивановну и сына Ванюшу. Мне хочется сделать доброе дело для моей Родины. Вот вам один экземпляр моей работы, поезжайте к великому князю Александру Михайловичу и попросите его помочь мне так же, как он помогал адмиралу Макарову”. Я сказал, что еду сейчас к великому князю, но на успех не рассчитываю.

Князь отнесся несочувственно, не взял от меня экземпляра проекта и сказал: “Такому дерзкому человеку, как Менделеев, я помочь отказываюсь”. Я вернулся от князя с большим огорчением и сообщил Дмитрию Ивановичу о своей неудачной миссии.

Он между тем сидел у моего камина и нетерпеливо меня поджидал. Он курил свои “крученки” одна за другой. Тут же Менделеев молча бросил все экземпляры своего проекта в камин. Во всяком случае, сколько мне известно, после его кончины ни одного экземпляра проекта не оказалось.

Д. И. Менделеев был убежденный защитник и деятельный проводник развития индустрии, считая, что только планомерным и рациональным сочетанием двух основных отраслей народного хозяйства — сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности — можно поднять его на высокий уровень. В пример он часто приводил Соединенные Штаты Америки, где совместная работа в этих областях уже проявила свои плодотворные результаты. Он вкладывал

много мысли и энергии для подъема промышленности и освобождения ее от иностранного импорта. Он принимал деятельное участие в установлении разумной покровительственной системы нашей индустрии, он выступал на защиту ее устным и печатным словом.

К нему часто обращался министр финансов С. Ю. Витте с просьбой в письмах к царю отпарировать нападения наших аграриев на индустриальное направление нашей экономической политики. Партия наших аграриев все более старалась убедить царя в том, что Россия должна быть земледельческой страной, что фабрики и заводы у нас создают тревогу и беспокойство, вносят в страну субверсивные идеи... Николай II все более становился на их точку зрения и, между прочим, просил Менделеева и меня представить веские доводы против такой тенденции как с точки зрения обороны страны, так и будущего экономического развития государства. Я составил записку несколько в юмористическом духе, развивая ту мысль, что идиллические идеалы Жана Жака Руссо приведут нас к падению материальному и духовному. Ссылаясь, между прочим, на Вильгельма Рошера (немецкий экономист), который доказывал, что чисто земледельческие страны обречены на бедность и политическое бессилие, Д. И. Менделеев еще ярче и выпуклее высказался против одностороннего домогательства аграриев...»¹⁹

Ковалевский В. И. [Воспоминания]. Сб. «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 13. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 103—105.

С. Ю. ВИТТЕ

«.. В 1898 г., а именно в конце этого года, был по моей инициативе заказан ледокол “Ермак”; ближайшей целью сооружения этого громадного ледокола была у меня та мысль, чтобы, с одной стороны, сделать судоходство в Петербурге и других важных портах Балтийского моря в течение всей зимы, но главным образом попытаться, нельзя ли пройти на Дальний Восток через северные моря, по северному побережью Сибири. Ледокол этот был сооружен при ближайшем участии адмирала Макарова, того самого Макарова, который геройски погиб около Порт-Артура, будучи во время Японской войны назначен главнокомандующим Дальневосточным флотом...

Этому делу открытия морского пути на Дальний Восток через сибирские побережья, а равно плаванию по направлению к полярному полюсу очень сочувствовал также известный наш ученый Менделеев.

...Я помню довольно интересное заседание, которое было у меня в кабинете, в котором принимали участие я, Менделеев и адмирал Макаров. Я поставил вопрос о том, каким образом установить программу для того, чтобы достигнуть намеченной мною цели, т. е. пройти на Дальний Восток к Сахалину через северные моря по нашему сибирскому побережью. На это мне Менделеев после размышления, на которое я ему дал время, высказал то убеждение, что для того, чтобы найти путь на Дальний Восток, не следует идти из Петербурга, огибая Норвегию северными морями параллельно нашим северным побережьям, а нужно просто пройти прямо по направлению к Северному полюсу, прорезать Северный полюс и спуститься вниз, что такой переход будет гораздо проще и может быть совершен и гораздо скорее и безопаснее. Адмирал Макаров не вполне разделял это мнение, он находил, что это будет очень рискованный шаг, что благоразумнее будет попытаться идти по направлению нашего северного побережья.

Между ними в моем присутствии произошел обмен взглядов. Менделеев утверждал, что не уверен, что то, что он предполагает, может быть вполне реализовано, но что есть гораздо более шансов к тому, что можно прорезать Северный полюс и спуститься вниз южнее. На вопрос Макарова, согласится ли с ним ехать Менделеев на «Ермаке» по плану, им предложенному, Менделеев ему категорически ответил, что по этому плану, т. е. идти на Северный полюс и там спуститься вниз, он совершенно согласен и с ним поедет, тогда Макаров ему предложил с ним ехать, но только не по этому направлению, а опять-таки по нашим северным морям, придерживаясь к сибирскому побережью. Менделеев ответил, что такое плавание и более рискованное и более трудное и поэтому он ехать с ним по этому направлению не согласен. Таким образом, между этими двумя выдающимися лицами произошло в моем присутствии довольно

крупное и резкое разногласие, причем оба эти лица разошлись и затем более уже не встречались. Уходя от меня, каждый из них мне повторил: Менделеев, что он во всякое время согласен ехать на “Ермаке” с адмиралом Макаровым на Дальний Восток к Сахалину, прямо прорезывая Северный полюс, а Макаров мне заявил, что он согласен на “Ермаке” ехать к Сахалину, придерживаясь направления параллельно нашим северным побережьям. В конце концов ни тот, ни другой проект не осуществился, отчасти вследствие этого разногласия, а отчасти оттого, что Макаров в скором времени был назначен начальником Кронштадтского порта, а затем началась несчастная Японская война...»²⁰

Вумме С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., Соцэкгиз, 1960, с. 569—572.

О. Э. ОЗАРОВСКАЯ

«По летам я гостила в сельце Боблове (Клинского уезда), где у Менделеева была усадьба, но Дмитрия Ивановича заставала там и видала лишь в течение нескольких дней. Кабинет его — самая большая и вместе самая обитаемая комната.

Там стояла узкая железная кровать, письменный стол, большое кресло, несколько стульев, полки с книгами, да куча яблок на полу. И всякий несколько раз на дню забежит то яблочко взять, то книжку, и Дмитрий Иванович очень это любил. В Боблове он отдыхал, и никто ему помешать не мог. Он не писал, а только читал, и чтение было легкое. По вечерам ему вслух читала жена. Он гулял, т. е. выходил посидеть в “колонию” (уголок сада, обрабатываемый младшими детьми), но долго отдыхать не мог и больше трех недель подряд в Боблове не выдерживал...

Кабинет в городе был иной, и войти в него свободно, кроме жены и детей, можно было немногим избранным. За служащими в Палате он обыкновенно посылал сам, но при надобности они, разумеется, были к нему вхожи.

Входит посетитель; Д. И. предлагает сесть в кресло и сейчас же кричит: “Стойте! На книгу не сядьте!”

Посетитель вскакивает, берет с кресла фолиант и не знает, куда его девать — стол завален книгами и бумагами: “Ах, уж сели, так сидите! Сиделись бы на книгу...”

Посетитель кладет книгу на кресло и намеревается на нее сесть. “А, да держали в руках, так уже клали бы на стол, что ли! Да уж сидите! Время-то идет!”

Как только Дмитрий Иванович заметит, что произвел угнетающее впечатление, кончено: взволнуется, наговорит грубостей и едва не прогонит, а сам будет тяжело страдать.

Все это происходило от застенчивости, необычайного волнения перед новым человеком, и, когда он кричал, он кричал в сердцах на себя самого.

Первая встреча решала судьбу отношений. Если посетитель не испугается, а ответит спокойствием, он угомонится и польется у них интересная беседа.

Немногие понимали этот нрав, а если понимали, то не владели собой, не умели скрыть своего переполоха, и тогда их отношения навсегда оказывались тяжкими: одного пугали, другого раздражали...

...Кончила я курсы, мечтала получить школу на Шлиссельбургском тракте: мне уже были дороги налаженные там чтения и занятия с рабочими Обуховского завода. Это дело не вышло.

В моих надеждах и огорчениях принимали участие Анна Ивановна и Иван Михайлович Чельцов (ученик Менделеева). Последний уже спрашивал, каковы мои сведения в области химии. Я угадывала, что он хочет устроить меня в своей лаборатории, но угадала и его колебания. Ведь тогда существовал “женский вопрос” во всей силе. Женщины на научной работе насчитывались единицами. Чельцов боялся трений не столько со стороны начальства, сколько со стороны самих служащих. За советом он поехал к своему учителю и другу. Менделеев ответил:

— Отлично! Возьмите барышню! У меня в университете была одна еврейка. Ух, какая работница была! Непременно возьмите!.. Только я знаю, о ком вы говорите... Я сам ее беру!

Иван Михайлович отступил. Хотя, как он мне потом говорил, я проигрывала материально, но он понимал, какое для меня было счастье иметь руководителем Менделеева.

Об этом соревновании в области “женского вопроса” я узнала года два спустя, а тогда дело представлялось так.

Пришла к нам в Новый год (1898) Анна Ивановна и сказала, что у ее мужа есть временная работа вычислительного характера и чтобы я завтра же шла к Дмитрию Ивановичу.

...Я знала, что порог кабинета, кроме жены и дочерей, переступали только две женщины: М. И. Ярошенко (вдова художника; Дмитрий Иванович любил живопись, понимал ее, и его ближайшими друзьями в свое время были художники Ярошенко, Куинджи и Репин) и М. А. Семечкина. Обоих он уважал за выдающийся ум и любил с ними беседовать.

Велик был мой трепет перед порогом кабинета, но чутье подсказало, как вести себя, и самообладание выручило. Менделеев с первых же слов подчеркнул, что работа временная, и я могу исполнять ее по желанию: или дома, или в Главной палате мер и весов. Я предпочла второе. Затем он начал объяснять, в чем она будет заключаться: “Будете декременты вычислять. Возьмете бумагу квадратуру, сошьете... э-э-э... тетрадь примерно в писчий лист, станете писать элонгации... э-э-э... А! Черт побираю! Если я все объяснить должен, так мне самому легче вычислить”.

Это Дмитрий Иванович прокричал во весь голос. Но я успела уже рассмотреть его глаза. Они всегда казались щелками, но если он их хорошо раскроет, они большие, синие, чистые.

В это мгновение вместо испуга я почувствовала прилив нежности. “Совсем как мой папа”, — пронеслось в голове, и я ответила спокойно: “Ничего, Дмитрий Иванович, я помню и все поймаю”.

Менделеев, молча пристально посмотрел на меня: “Я вас к Василию Дмитриевичу направлю: он для вас будет значить примерно то же, что я для него. А сам я разговаривать с вами не буду: я ведь корявый. Заплачете, пожалуй, краснеть будете. Я не могу! Через него все! Все через него-с! Когда думаете-с начать?”

“Завтра”.

“Не надо-с! Тяжелый день. Во вторник приходите”.

Аудиенция кончилась, и я встала, чтобы уйти, но меня остановил грозный окрик: “Карандашей не уносить! Куда карандаш забрали?”

Я сообразила, что Дмитрий Иванович заподозрил меня в рассеянности, и, улыбаясь,

быстро показала ему пустые руки, даже пальцы растопырила.

Менделеев засмеялся: “Х-х-х! Бывает ведь! Я сам уношу”.

Может быть, это незначительное обстоятельство послужило к тому, что между ним и мной никаких посредников не оказалось, и решило навсегда характер наших отношений, всегда мягких и доверчивых.

Через пять дней Дмитрий Иванович звонил проф. Чельцову: “Возьмите к себе барышню в лабораторию. Я так смотрю, что это полезно для смягчения нравов. Обо всем ведь приходится думать. И сейчас заметно уже у нас: пятый день не ругаемся. Чище как-то стали!”

...Итак, я сижу и вычисляю с пылающими щеками и бьющимся сердцем. Место мне указано самим Менделеевым рядом с его кабинетом. Вычисления несложные пока, но материал огромен, и результат должен совпасть с менделеевским. От качества моей работы зависит ее превращение из “временной” в постоянную.

Я отлично понимаю, что название “временной” придумано на случай, если я окажусь негодным работником. Я здесь первая женщина. Если попытка окажется неудачной, я посрамлю не одну себя. И потому щеки пылают. Для требуемой точности мне необходимы восьмизначные логарифмы, единственный экземпляр их лежит в кабинете Менделеева на его письменном столе, а сам Дмитрий Иванович погружен в работу.

Менделеев — великий ученый, а я начинающая сошка. Он управляющий Палатой, а я вольнонаемный калькулятор на временной работе. Как быть? Сам Дмитрий Иванович, ссылаясь на “корявость” своего характера, приглашая меня, упоминал, что будет говорить со мной через третье лицо. Идти искать его? Докладываться? Это, в сущности, мешать работе. Э! надо попросту: только бы не помешать. И я вошла тихонько в кабинет, взяла логарифмы из-под носа пишущего и бесшумно удалилась. Он поднял голову, взглянул, как на неизбежное появление привычной вещи, и вновь углубился.

Вернулась я на место с чувством “охотника” на войне, сделавшего удачную вылазку. Среди дня Дмитрий Иванович вошел ко мне в сопровождении одного из сослуживцев с предложением ознакомиться со счетными машинами и выбрать для себя одну из них:

“Вот, Василий Дмитриевич говорит, что на машинке Однера скорей обучитесь, но она стучит, может быть, на нервы действует, а французская машинка, та мягче, но зато на ней трудней обучаться. Ну, уж там сами смекайте”.

Видимо, Менделееву очень понравилось внимание к моим нервам, а чтобы понять это, надо знать его отношения к дамам. Насколько я могла уже тогда заметить, они у него разделялись на три категории. К первой относились те, которые, бывая у его жены Анны Ивановны, вставали со словами: “Ну, а теперь я зайду к Дмитрию Ивановичу”. И заходили без доклада в кабинет и беседовали. Таких было только две на свете.

Ко второй категории относились дамы, которые во мнении Дмитрия Ивановича по своему положению заслуживали его внимания. Это были большей частью жены его друзей. Узнав об их присутствии, Менделеев на несколько минут выходил в гостиную их “занять”.

К третьей категории относились все остальные дамы, которых Менделеев считал существами эфирными, с нежными нервами, существами, которые на все могут обидеться и расплакаться от всякого вздора. Он первое время относил и меня к этой категории, но все же присутствие такого существа в Палате считал полезным ради смягчения нравов. Особенно нравилось ему вдруг появившееся “тонкое обращение”. Однажды во время беседы моей с ним третий собеседник встал и предложил мне свой стул. Менделеева это умилило: “О-о! Сейчас видно, что молодой! Вот и догадался. Мне бы, старику, никогда не догадаться, а молодой сейчас заметил. Отлично! Отлично!” Так я начала работать. Официально служба начиналась в 11 часов. Приходя к 10, я уже находила Менделеева в кабинете, брала у него работу и уходила в 6 часов, а он оставался еще в кабинете. Он писал тогда замечательный труд “Опытное исследование колебания весов”. Великий химик поправлял Галилея, который, как известно, считал колебания тяжелого маятника изохронными, т. е. считал, что большие и малые размахи совершаются в одинаковые промежутки времени. Время он измерял биением своего пульса. Менделеев, стоявший теперь во главе всяких измерительных вопросов, обратил внимание на то, что последующие и современные физики, обладая уже точными измерительными

приборами, брали на веру галилеевское утверждение, сам утвердил сейчас же убывание времени с убыванием размахов, и стал искать законы этого убывания.

Огромное число наблюдений подвергалось математической обработке, которой я призвана была помогать. Часто во время занятий дверь кабинета распахивалась, Дмитрий Иванович, приятно взволнованный, садился рядом в кресло, закуривал и делился только что сделанными выводами. Можно представить себе счастье и гордость девочки, выросшей в атмосфере поклонения менделеевскому имени и удостоившейся теперь великолепною счастья первой узнать о стадии развития научной мысли гения. Это польстило бы и зрелому человеку.

На пятый день моей работы Дмитрий Иванович позвал меня к себе: “Надо сглаживать ряды наблюдений. Изволили заметить, давал вам формулы сглаживания Скиапарелли. Это недостаточно. Надобен метод Чебышева. Мало кто им владеет. Кроме меня, может быть, пять человек в России. Так вот, если бы вы им овладели, были бы ценным человеком. Вот-с возьмите, тут в моей книжке найдете об этом способе, а вот мои расчеты. Может быть, поможет. Исчислите формулу для 25 наблюдений. Одолеете? А?”

Одолею. Надо одолеть. Опять пылают щеки, и бьется сердце, словно на страшном экзамене, но у себя в комнате, в ночной тиши. Утренний свет застал меня за исчисленной уже чебышевской формулой для двадцати пяти наблюдений. С какой гордостью я протянула Менделееву свои расчеты. Он был доволен.

В тот же день я узнала от делопроизводителя, что зачислена в лаборанты Главной палаты мер и весов, а на мой вопрос, какие надо представить документы, коротенький и толстенный Андрей Иванович горестно махнул рукой: “Говорил ему, а он «нагрубил». У меня, говорит, не полицейский участок, чтобы документы разбирать. Мне работники нужны, а не их документы. Так что не беспокойтесь. Представление так напишем”.

“Нагрубил” на языке Андрея Ивановича означало, что Дмитрий Иванович раскричался. Постоянно он возвращался от Менделеева (большей частью делопроизводителя требовали на квартиру к Дмитрию Ивановичу: в Палате как-то времени для делопроизводческих интересов не хватало) грустный и на во-

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

прос, что с ним, со вздохом отвечал: “Нагрубил”. И, когда рассказывал подробности, видно было, с каким благодушным юмором он переносит эти “грубости”.

И мало-помалу стало мне ясно, что все любят Менделеева, но только одни боятся его, а другие, правда, немногие,— нет. Первые волнуют Дмитрия Ивановича, а вторые действуют успокоительно.

Итак, я уже не на временной работе, не калькулятор, а лаборант, и Дмитрию Ивановичу, никуда уже не выходящему из дому, пришлось ездить в наемной карете к министру финансов Витте испрашивать разрешения на допущение женщины к службе в Главной палате мер и весов. Такие были времена.

К концу первого месяца моей службы Менделеев позвал меня к себе в кабинет, сказал, что место у меня постоянное и, кроме того, такое же место он может предоставить еще одной барышне по моему выбору: “Есть ведь на примете подружка? Я ведь понимаю, что вам одной скучно, надо и поболтать вместе и посмеяться, да и работы много вычислительной: я вон отрываю таких лиц, у которых и без того дела много. А у меня такой план, чтоб женщины в Палате упрочились. Ну-с, так вот, и зовите хоть сейчас”. Через два дня я сидела рядом с моей подружкой — Е. Ф. Эйдимионовой. К моей сотруднице, девушке действительно очень застенчивой, Дмитрий Иванович относился очень бережно и боялся иметь с нею дело, ценя, однако, ее работу. “Я уж с ней через вас буду разговаривать. А то она краснеет. Я не могу...”

Действительно, Е. Ф., белокурая блондинка с нежной кожей, краснела до слез, когда Дмитрий Иванович обратился к ней раза два. Поэтому Менделеев давал ей работу и нужные разъяснения через меня.

Двоем работать стало в самом деле веселей и много покойней. Возьмем с утра у Дмитрия Ивановича свой “урок”, посоветуемся и защелкаем арифмометрами. Кругом тишина...

Но вот однажды к нам донеслось из кабинета: “У-у-у! Рогатая! Ух, какая рогатая! Кх-кх-кх! (это смех). Я те одолею, я тебя одолею. Убью-у!” Это значит, Дмитрий Иванович бился над неуклюжей формулой и, действительно одолевая ее, при помощи остроумных выкладок превратил в коротенькую и очень изящную. Вообще он был недюжинным математиком, стремившимся всегда найти приемы приложения этой дисциплины к жизненным явлениям (например, применение метода Чебышева к приращению народонаселения в Соединенных Штатах, теоремы Гильдена— к приросту деревьев и проч.). Уставши писать, он выходил к нам отдохнуть, делился своими выводами и предположениями или сообщал нам лестные мнения о нас наших бывших профессоров. Сам Дмитрий Иванович отзывался о нас тоже с большой похвалой, разумеется, в своеобразной форме...»²¹

Озаровская О. Э. Воспоминания о Д. И. Менделееве. «Красная нива», 1926, № 51, с. 11—14; № 42, с. 10, 11.

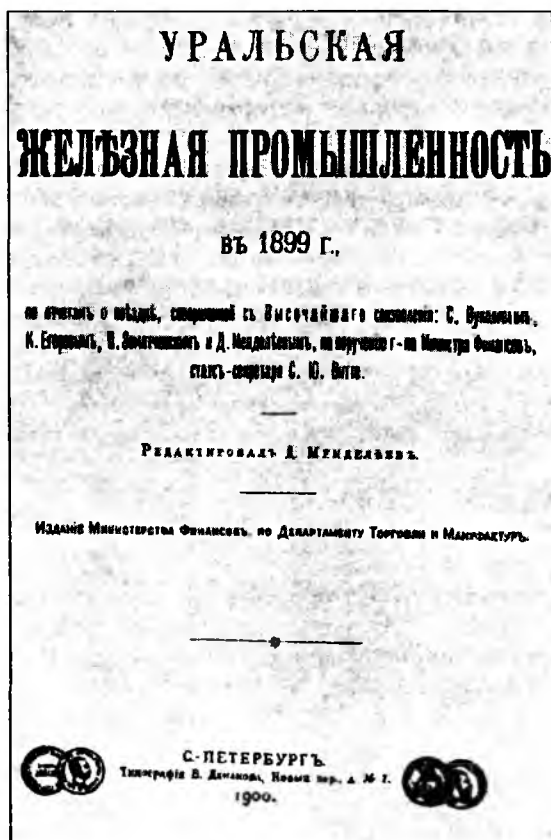
А. В. СКВОРЦОВ

«Должность я занимал незначительную и лично сталкиваться с Д. И. Менделеевым мне не приходилось. Я и не надеялся на это, так как не знал за собой никаких заслуг, которые могли бы что-либо значить в глазах такого человека, как Менделеев, и не считал себя вправе рассчитывать на внимание великого ученого. Но случилось иначе.

Однажды во время занятий приходит служитель Главной палаты Михаил Петрович Тропников, который одновременно обслуживал Дмитрия Ивановича на квартире,— топил печи, выполнял разные поручения. Обращаясь к А. И. Кузнецову (секретарь Главной палаты мер и весов), Михаил Петрович говорит: “Дмитрий Иванович просит Скворцова к себе на квартиру”.

А. И. Кузнецов, мой непосредственный начальник, сейчас же подозвал меня: “Управляющий зовет вас к себе. Идите скорее, а то он не любит, когда медлят, и рассердится. Только вы не называйте его «ваше превосходительство». Хоть он и в генеральском чине, а терпеть не может, когда его величают «превосходительством”.

У меня душа в пятки ушла, спрашиваю, зачем меня зовет Дмитрий Иванович. А. И. Кузнецов ответил, что не знает. Я пошел...

Титульный лист книги «Уральская железная промышленность в 1899 г.», изданной при участии Д. И. Менделеева. 1900 г.

...Дойдя до квартиры Менделеева, я остановился и долго не решался нажать кнопку электрического звонка. Наконец набрался храбрости и позвонил. Михайло открыл дверь и пошел докладывать о моем приходе.

Вот наконец я вхожу в кабинет Дмитрия Ивановича. Он сидит за большим письменным столом, уставленном книгами; на столе лежат также разные бумаги, стоит большая чашка с чаем, стеклянная коробка с табаком. Дмитрий Иванович продолжает что-то писать. Я подошел и жду, а сам рассматриваю кабинет. Меня поразили большие размеры кабинета, прекрасная, как мне тогда казалось, обстановка, множество шкафов с книгами, а также развешанные по стенам картины и гравюры.

Окончив писать, Дмитрий Иванович сказал: «А, здравствуйте, садитесь».

Я сел.

«Знаете,— говорит он,— я стал стар и плохо вижу: мне трудно теперь самому читать и писать, рука дрожать стала, пишу неразборчиво. Вот я и хочу, чтобы вы мне стали писать, что я буду диктовать да и читать тоже. Ну, были бы моим секретарем».

«Дмитрий Иванович, у вас ведь есть секретарь»,— сказал я, имея в виду секретаря Главной палаты.

«Так то секретарь казенный, палатский,— возразил Дмитрий Иванович,— а я хочу, чтобы вы были моим личным секретарем. Видите,— продолжал он, показывая мне свою рукопись,— как я неразборчиво пишу, какими каракулями».

Из деликатности я промолчал. В это время входит в кабинет, направляясь в следующую за ним комнату, полная дама, супруга Менделеева — Анна Ивановна.

«Анна Ивановна, вот он,— сказал Дмитрий Иванович, указывая на меня,— находит, что я пишу плохо, каракулями».

Остановившись, Анна Ивановна с улыбкой отвечает: «Так что же, Дмитрий Иванович, ведь это и правда».

«Да, да, действительно я пишу теперь очень неразборчиво,— с грустью замечает Дмитрий Иванович.— Так вот, видите ли,— продолжал он, снова обращаясь ко мне,— я буду вызывать вас к себе, и вы будете записывать под мою диктовку или что-либо другое делать; ну, читать, что ли, книгу, газету или письмо».

Он сказал далее, чтобы я имел всегда наготове пронумерованные листы бумаги и пять-шесть карандашей, очищенных с обеих сторон, так как во время диктовки чинить карандаши и нумеровать страницы будет некогда. Я, конечно, согласился.

«Ну, вот и хорошо... до свидания»,— промолвил Дмитрий Иванович, заканчивая разговор.

Обрадованный, что никакого «нагоняя» не получил, я поспешил возвратиться в Палату и рассказал обо всем своему начальнику А. И. Кузнецову. Он заметил, что работа моя у Дмитрия Ивановича пойдет мне на пользу, что Дмитрий Иванович хороший, добрый человек, хотя с первого раза он и производит впечатление сурового и строгого...

...С тех пор началось мое более близкое знакомство с Д. И. Менделеевым. В первое время он, по мере надобности, вызывал меня к себе в часы занятий записывать под диктов-

ку только официальные письма и доклады, касающиеся Главной палаты. Помню, что, записывая их, я всегда удивлялся умению Дмитрия Ивановича находить неотразимые для начальства доводы в пользу того, о чем он просил.

В одно из посещений Дмитрий Иванович сказал мне, что ему было бы удобнее, если бы я жил на территории Главной палаты, и потому он уже сделал распоряжение предоставить мне комнату в том же здании и этаже, где проживал и сам. Я не замедлил переехать на новую квартиру.

Теперь Дмитрий Иванович стал вызывать меня к себе очень часто по вечерам. Писать приходилось долго, по несколько часов подряд, причем иногда рука моя уставала до такой степени, что я больше уже не в состоянии был продолжать, и Дмитрий Иванович, видя это, прекращал диктовку. Бывало и так, что он сам, вероятно, утомившись, говорил: “Ну, на сегодня хватит, я устал, надо отдохнуть, приходите завтра часов в шесть, и мы будем продолжать”.

Под диктовку Дмитрия Ивановича я записал несколько знаменитых его произведений — часть “Заветных мыслей” (книга вышла из печати в 1905 г.), “К познанию России” (1906), “Училище наставников” (1906) и др.

Как известно, книга Д. И. Менделеева “К познанию России” содержит в себе очень большое количество цифровых данных, касающихся переписи населения России в 1897 г. Все эти цифры были извлечены по поручению Дмитрия Ивановича и по его указаниям мною и сотрудником Палаты В. А. Патрухиным из 100 томов статистических материалов “Переписи 1897 г.”, доставленных Дмитрию Ивановичу из Центрального статистического управления. Целых два месяца мы “корпели” над материалами переписи, пока не одолели их и не представили результаты своих подсчетов и расчетов на рассмотрение Дмитрию Ивановичу. Я помню, как сейчас, сколько времени потребовало у меня составление только одной сводной ведомости всех цифровых выкладок. Ведомость заняла два листа чертежной ватманской бумаги, склеенных в длину. Мне приходилось влезать на большой чертежный стол и, лежа на столе, вносить цифры в соответствующие графы, которых было свыше 50. Длина этой сводной ведомости составляла 2 м при ширине в 1 м. Полностью

в таком виде эта таблица не могла быть напечатана, ибо типография не располагала таким большим количеством цифрового шрифта, и Дмитрию Ивановичу пришлось разбить ее на несколько отдельных таблиц.

Я горжусь тем, что Д. И. Менделеев во вступлении к своему труду “К познанию России” упомянул об “особой помощи”, которую мы с В. А. Патрухиным оказали ему в расчетах, касающихся переписи 1897 г., и выразил нам свою благодарность за эту работу. Книга эта в течение полугода выдержала пять изданий, и я до сих пор испытываю приятное чувство удовлетворения от сознания полезности выполненной мною скромной работы.

В работе Д. И. Менделеева “Училище наставников” мне пришлось принять участие уже одному.

Давнишней мечтой Дмитрия Ивановича, высказывавшейся им неоднократно во многих работах, была организация такого училища, называемого иначе “Профессорским институтом”. Он думал построить этот институт в отдаленном от шумных больших городов месте, на берегу Волги. Д. И. Менделеев приступил к разработке проекта. Здесь было также много разных расчетов. Дмитрий Иванович очень спешил с представлением проекта, рассчитывая на осуществление его в ближайшее время.

“Ну вот, теперь мы скоро поедем на Волгу строить училище,— неоднократно говорил мне Дмитрий Иванович, увлеченный своим проектом.— И вы тоже поедете со мной”,— добавлял он.

Однако развитие народного образования и усиление подготовки высококвалифицированных педагогических кадров не входило в планы царского правительства, и проект Д. И. Менделеева так и остался неосуществленным...

...За это время я довольно хорошо познакомился с его обычаями и привычками.

Упомяну, прежде всего, об обязательном стакане чая, который Дмитрий Иванович предлагал каждому пришедшему в его кабинет посетителю. Обыкновенно бывало так, что, как только придешь к нему,— он сейчас же дает распоряжение служителю М. Тропникову: “Михайло, чаю...”. Через несколько минут приносили стакан чая, очень сладкого, с лимоном и к чаю — печенье или сдобные сухари.

Дмитрий Иванович несколько раз обращал внимание на то, что записывать под диктовку несколько часов подряд очень утомительно, и все хотел как-нибудь облегчить мой труд. Как-то раз приходит он в Палату, направляется в свой служебный кабинет, и я слышу, как он начинает что-то диктовать. Через некоторое время он вызывает меня и говорит: “Вот, послушайте, что я наговорил в фонограф на валик”.

Я вставил резиновые трубки в оба уха и слушаю. Раздается сначала шипение, хрипение, а потом какие-то звуки, очень трудно уловимые и почти неразличимые. Я разобрал только некоторые слова и в их числе очень странные: “Дети в возрасте от 10 до 25 лет...” Я подумал, что Дмитрий Иванович ошибся, очевидно, называя детьми людей в возрасте 25 лет, и надо правду сказать, даже обиделся за себя. Мне не было тогда 25 лет, но я считал себя взрослым, а тут вдруг “дети”.

“Ну, как?” — спросил Дмитрий Иванович.

Я ответил, что почти ничего нельзя слышать.

“Я мог разобрать только слова, касающиеся возраста детей, да и то, кажется, не совсем их понял,— сказал я.— Мне послышалось, что вы сказали «дети в возрасте от 10 до 25 лет». Какие же дети в 25 лет, они уже взрослые считаются”.

Дмитрий Иванович откинулся на спинку кресла и засмеялся: “Ха, ха, ха! Да, да, верно, это я говорил. Конечно, какие же это дети в 25 лет. Ну, это я исправлю, ничего, ничего... А вам, понятно, обидно стало. Я ведь сам считал себя уже взрослым, когда мне было 18 лет. Ах, молодость, молодость!”

Помолчав, Дмитрий Иванович сказал:

“Жаль вот, что фонограф нельзя использовать для записи диктовки. Тогда бы и вам было легче с него записывать. Ну да ничего не поделаешь. Приходится бросить эту затею. А вот, знаете, хорошо было бы, если бы вы выучились стенографии”.

Он добавил, что в два-три месяца можно изучить курс, и тогда легче будет записывать диктовку стенографическими знаками. Он тут же дал мне адрес известного ему преподавателя стенографии и добавил, что заплатит за мое обучение. Прошел я курс стенографии, кажется, месяца в три, но применить стенографию для записи диктовок Дмитрия Ивановича решил не скоро. Только спустя неко-

торое время, почувствовав себя в достаточной степени для этого подготовленным, я перешел на стенографирование диктовок Д. И. Менделеева и продолжал записи, таким образом, до его смерти.

Дмитрий Иванович был, безусловно, добрым человеком и прекрасным начальником, правда вспыльчивым и на вид суровым. Когда он был в плохом настроении, он “распекал” помощников, не выполнивших его указания, используя при этом все ступени музыкальной гаммы. Но он был отходчив и скоро забывал провинности своих сотрудников. Вообще же его отношение к подчиненным было именно отеческим. Он всегда был готов помочь каждому из служащих, словом и делом. Если служащие обращались к Дмитрию Ивановичу как управляющему Главной Палатой с просьбой об оказании им денежной помощи по разным случаям, то отказа в ней никогда не было; хотя бы небольшое пособие, сколько позволяли денежные ресурсы, но все же разрешит выдать.

В отношении младших служащих — сторожей, дворников, мастеровых (как в то время называли рабочих) Дмитрий Иванович установил неписанный закон, по которому все они имели право на небольшую прибавку жалованья в случае рождения у них ребенка. Все эти младшие работники были обеспечены бесплатными помещениями с отоплением и освещением. Надо сказать, что Д. И. Менделееву стоило больших трудов добиться ассигнования средств на строительство квартир для служащих при сооружении нового здания Главной палаты. Царскому правительству чужды были заботы о “маленьких” людях, и государственный контроль категорически возражал против отпуска денег. Государственный совет также отклонил представление Министерства финансов об ассигновании средств на постройку квартир, и Дмитрию Ивановичу пришлось пригрозить отставкой, чтобы получить необходимые кредиты.

За отеческое отношение со стороны Д. И. Менделеева сотрудники его платили ему искренней любовью. Особенно проявилось это в день празднования его семидесятилетнего юбилея 8 февраля 1904 г.

Мы, служащие Главной палаты мер и весов, задолго еще до этого дня обсуждали вопрос, каким способом лучше выразить свои чувства великому человеку и начальнику-

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

учителю. Много было разных предложений и проектов, от самых торжественных до самых скромных. Были проекты ознаменовать юбилей банкетом и поднесением адреса в торжественной обстановке. Но когда узнали, что Дмитрий Иванович чувствует себя не совсем здоровым и вообще уклоняется от всяких торжеств, то порешили ограничиться самым скромным способом выражения своих чувств. Был доставлен такой текст адреса:

“Дорогой Дмитрий Иванович!

При многочисленных и разносторонних трудах, Вы нашли время и возможность создать Главную палату мер и весов, вдохнув в жизнь ее ту научную атмосферу, в которой живется легко и привольно.

В сегодняшний день — день праздника русской науки, когда представители ее чувствуют семидесятилетие Вашей жизни, плодами коей так справедливо гордится Россия,— позвольте и нам, ближайшим свидетелям Ваших неусыпных трудов по Главной палате, сказать Вам слово привета и выразить всю ту благодарность, которою мы глубоко проникнуты за Ваши отеческие заботы о нас и нашем учреждении, столь высоко во всех отношениях Вами поставленном...

27 января 1904 г.”

Адрес подписан 34 сотрудниками Главной Палаты. Для поднесения адреса на квартиру Д. И. Менделеева отправилась делегация из представителей служащих Палаты. Дмитрий Иванович встретил ее очень приветливо у себя в кабинете, выслушал адрес, был растроган до глубины души и даже прослезился, как потом рассказывали вернувшиеся делегаты».²²

*Скворцов А. В. Пять лет с Менделеевым.
«Знание — сила», 1952, № 12, с. 13—17.*

Н. Г. ЕГОРОВ

«Дмитрий Иванович в последний раз был в Главной палате в четверг 11-го янв. (1907) при посещении ее министром торговли и промышленности. После 2-часового обхода по Палате и по отъезде министра Дмитрий Иванович оставался в своем кабинете еще около $\frac{3}{4}$ часа, был очень доволен посещением и отдал распоряжение Ф. П. Завадскому (помощник управляющего Главной палатой) об изготовлении большого плана помещения Главной палаты на случай подобных бывшему осмотров, для объяснения особенностей устройства различных отделений Палаты. По всей вероятности, Дмитрий Иванович, сильно утомившись, при возвращении домой на сильном ветру (его вел под руку служитель) простудился и уже с утра пятницы почувствовал недомогание и простуду. Приглашенный доктор Покровский, пользовавший Дмитрия Ивановича в последние годы, нашел у него начало сухого плеврита. В субботу Дмитрий Иванович сильно кашлял и чувствовал боли в боку и вечером в последний раз играл в шахматы с лаборантом Гуциным. В воскресенье 14 января Дмитрий Иванович чувствовал себя также дурно, но имел достаточно бодрости и силы работать вечером, в течение целого с лишком часа вести оживленную беседу с одним из посетителей. В понедельник 15 января утром Менделееву стало хуже. Доктор Покровский высказал Анне Ивановне опасение за возможность крупозного воспаления легких и предложил больному лечь в постель. Было решено пригласить на консультацию профессора М. В. Яновского. Около 4-х часов дня явился и. о. секретаря Палаты В. А. Патрухин с обычным докладом, но Дмитрий Иванович чувствовал себя так плохо, что мог только подписать две срочных бумаги (последние). После 4-х часов с большим трудом уговорили его лечь в постель. Приглашен был брат милосердия. Около 11 часов вечера посетил больного профессор Яновский, который после осмотра сказал Анне Ивановне, что началось катаральное воспаление легких, но что сердце и пульс работают нормально.

С этого дня посещал Дмитрия Ивановича ежедневно 2 раза в день (утром и вечером) доктор Покровский, а около 3-х часов дня — проф. Яновский.

В среду 17 января в 12 часов Дмитрий Иванович пригласил к себе меня и продиктовал телеграмму Туркестанскому генерал-губернатору с просьбой сообщить Ф. И. Блумбаху о скорей-

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Д. И. Менделеев играет в шахматы с художником А. И. Куинджи, рядом А. И. Менделеева.
1904 г.

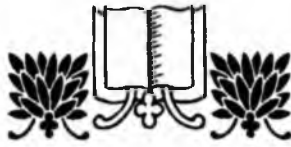
шем возвращении из края вагона Палаты. Он говорил бодро, но чувствовал сильные боли в груди; я пробыл у Дмитрия Ивановича не более 5 минут.

В четверг 18 января, по словам близких, Дмитрий Иванович особенно сильно страдал — его мучили кашель и боли. Во время обеда в постели он сказал своей дочери Марии Дмитриевне: “Надоело жить, хочется умереть”. В пятницу с утра временами впадал в забытие и как будто бредил. Проф. Яновский, посетивший больного около 4-х ч. дня, заявил Анне Ивановне, что сердце Дмитрия Ивановича слабеет, поэтому была назначена еще консультация в субботу в 3 часа дня с проф. В. Н. Сиротининым. Весь день пятницы Дмитрий Иванович тяжело дышал, и в груди слышались хрипы. Около 11 часов вечера он еще узнавал окружающих, причесал волосы и велел надеть очки, а затем заснул. Около 2-х часов ночи бывшая неотлучно в эту ночь у постели Дмитрия Ивановича Марья Ивановна (сестра Анны Ивановны) предложила ему выпить молока, но он отказался, сказав ей: “Не надо”. Не меняя своего положения в постели, Дмитрий Иванович спокойно скончался в 5 часов 20 минут утра (от катарального воспаления легких).

Получив извещение о смерти Дмитрия Ивановича, я по телеграфу сообщил об этом в университеты и другие высшие учебные заведения.

Быстро разнеслось это печальное известие по городу. Множество телеграмм и писем, полученных вдовой Д. И. Менделеева Анной Ивановной, университетом, Физико-химическим обществом, Главной палатой мер и весов, статьи и заметки, помещенные как в русских, так и немецких, английских, американских, французских, итальянских и др. газетах, показали, что утрата Дмитрия Ивановича не только в России вызвала неподдельное горе, но весь ученый мир потерял в нем одного из лучших и популярнейших своих представителей». ²³

*Егоров Н. Г. [О последних днях жизни, о болезни и смерти Д. И. Менделеева].
«Журнал Русского физико-химического общества», 1907, № 39, с. 242, 243.*

ВОСПОМИНАНИЯ РОДНЫХ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Н. Я. КАПУСТИНА-ГУБКИНА

«Знаменитый и известный всему образованному миру сын Сибири Дмитрий Иванович Менделеев родился в г. Тобольске в большой семье директора гимназии в 1834 году 27 января. Он был последним, 17-м ребенком у Ивана Павловича и Марии Дмитриевны Менделеевых, старшая дочь их была уже замужем, второй было семнадцать лет, а далее шли подростки и дети. Вскоре после рождения Дмитрия Ивановича отец его заболел катарактой на обоих глазах; был слепым два года и, конечно, должен был оставить службу. Мария Дмитриевна была умная, энергичная и образованная по тому времени женщина, хотя и не получила систематического образования, а училась сама, уча уроки вместе с братом своим, когда последний был в гимназии, а потом, рано выйдя замуж, училась у мужа, много развивая себя постоянным чтением. Ее ум и обаяние были так велики, что и генерал-губернатор Западной Сибири, и местный архиепископ, и декабристы, жившие в Ялуторовске и потом в Тобольске,— все ездили к ней, любили ее беседы, переписывались с нею. Оказавшись во время болезни мужа почти без средств с громадной семьей на руках, Мария Дмитриевна не потерялась; она переехала в Аремзянку, за восемь верст от Тобольска, на стеклянный завод, принадлежавший ее брату и их роду Корнильевых, и стала сама управлять им, а на доходы с завода, с согласия брата ее, жившего в Москве, кормить и воспитывать свою большую семью. Так что все раннее детство Дмитрия Ивановича прошло в деревне на заводе, стоявшем на крутом берегу реки с чудным видом вдаль, под впечатлениями горячей заводской работы и энергичной деятельности его умной матери.

По рассказам близких родственников, знавших Дмитрия Ивановича с раннего детства, он был бойкий, хорошенький, ласковый и способный ребенок. Еще ребенком он показывал большую сообразительность.

Одна из сестер его помнит, что когда ему было лет 6, а она была уже 24-летняя замужняя женщина, то она, занимая его, играла с ним иногда в карты, в довольно сложную игру со счетом, называвшуюся “палки” или “тинтаре”, и шестилетний ребенок всегда обыгрывал ее.

Ко времени ученья Дмитрия Ивановича в гимназии семья его переехала опять в Тобольск; отцу его за это время сделали операцию в Москве, так что он хорошо видел и опять имел служебные занятия в Тобольске. В гимназии Дмитрий Иванович учился, по всем рассказам, что называется “так себе”, хотя математика у него всегда шла хорошо, но он и тогда уже невзлюбил латыни и занимался ею небрежно. Он был очень живой мальчик, привыкший к деревенскому простору и воле, и уроки готовил только по приказанию матери. Делаясь старше, он любил, по рассказам сестры его, забираться на кухню и там рассуждать, или, как говорила его сестра, “проповедовать” перед аудиторией из слуг: повара, кучера, лакея и дворника.

Будущий знаменитый профессор, увлекавший впоследствии тысячные аудитории слушателей, которые на всю жизнь сохраняют память об его горячих, образных лекциях, учился тут среди простых людей умению трогать сердца и передавать ясно, что знал. Темными вечерами в деревне он сам вспоминает, что любил иногда заглядываться на ночное небо и мириады ясных звезд на нем. И тогда уже часто влекли его к себе предметы, стоящие вне обыденной жизни.

Окончил курс гимназии Дмитрий Иванович очень рано — в 15 лет. К этому времени скончался его отец. Сестры Дмитрия Ивановича почти все были замужем, братьев мать определила на службу. При ней оставалась только одна еще дочь и Дмитрий Иванович. И вот его-то Мария Дмитриевна, собрав все свои небольшие средства и продав то, что можно было продать, решила непременно везти в Россию в университет. Она чувствовала, что что-то есть особенное в ее “паче всех” любимом младшем сыне — “последыше”, как она называла его.

В Петербурге Марии Дмитриевне удалось определить сына в Педагогический институт, где получил высшее образование и покойный отец его Иван Павлович.

Марии Дмитриевне не суждено было вернуться в родную Сибирь.

Ее сын сделался достойным сыном своей родины с ее ширью, природной мощью и запасом скрытых богатств».²⁴

Капустина-Губкина Н. Я. Из воспоминаний родных о детстве и ранней юности Д. И. Менделеева, проведенных им в Сибири. Газета «Сибирская жизнь» от 28 января 1904 г.

«...За несколько месяцев до приезда (12 июня 1867 г.) к Дмитрию Ивановичу мать моя, овдовевшая уже несколько лет и жившая с нами в Томске, где отец мой был управляющим Казенной палатой, получила от Дмитрия Ивановича письмо, в котором он советовал ей перебраться в Петербург для воспитания детей, и с приезда приглашал ее остановиться и прожить лето у него в имении в Московской губернии Клинского уезда в сельце Боблове...

...В каждом доме всегда чувствуется неволью, кто душа его, и я как-то скоро поняла, что душа дома был Дмитрий Иванович, в его серой неподпоясанной широкой куртке, в белой панамской соломенной шляпе, с его быстрыми движениями, энергичным голосом, хлопотами по полевому хозяйству, увлечением в каждом деле и всегдашней лаской и добротой к нам, детям, и особенно ко мне... Он казался похожим на американского плантатора, не на янки (янки и я считала хитрыми и жадными), а именно он походил на плантатора — пионера в каких-нибудь Пампасах или Сильвасах.

Я знала, что Дмитрий Иванович ученый и профессор и что он химик. Но это мне тогда не казалось ни интересным, ни важным. А было важно и интересно, что Дмитрий Иванович так любил поля, лес, луга. Первые годы, как Дмитрий Иванович купил себе имение, он очень увлекался своими сельскохозяйственными опытами. Для этих опытов у него и был еще второй приказчик. У него было отделено так называемое опытное поле с пробами различных удобрений, и Дмитрий Иванович на своем гнедом жеребце часто ездил осматривать это поле...

Опыты Дмитрия Ивановича дали блестящий результат...

Хорошо помню, как раз во двор к Дмитрию Ивановичу пришли несколько мужиков по какому-то делу и, кончив его, спросили его:

“Скажика-ся ты, Митрий Иваныч, хлеб-то у тебя как родился хорошо за Аржаным прудом. Талан это у тебя али счастье?”

Я стояла тут же и видела, как весело и ясно сверкнули синие глаза Дмитрия Ивановича, он хитро усмехнулся и сказал: “Конешно, братцы, талант”.

С мужиками Дмитрий Иванович любил иногда поговорить на “о” и престонародной манерой, что очень шло к его русскому лицу...

...Большие читали с ним вместе вслух по вечерам, кажется Тургенева, и разговаривали, а днем мы, дети, часто сопровождали его и торчали там, где бывал он по своим хозяйственным делам.

Вот он со старшим моим братом у дождемера, поставленного в огороде, рядом с громадным ртутным барометром...

Вот я гуляю с Дмитрием Ивановичем за парком... Я рву цветы, а он говорит мне их названия...

С нами красивый желтоватой масти дог, Бисмарк, Бишка, которого Дмитрий Иванович очень любил за то, что он был умный пес, а я за то, что он так смешно улыбался, морщив в бок свою верхнюю губу.

Иногда Дмитрий Иванович в хорошую погоду любил ездить надолго в лес со всей семьей: с женой, с сыном, няней и нами, детьми.

Когда стала поспевать земляника, мы забрались раз на луг на Стрелицах, где по оврагам была густая, высокая трава, напали на крупную спелую ягоду, наелись сами и набрали ягод для больших и вернулись домой, с гордостью подали крупные ягоды Дмитрию Ивановичу. Мы думали, что нас похвалят за усердие, а нам от него попало за то, что мы помяли траву, собирая ягоды на лугах. Тут только я поняла, как все серьезно в сельском хозяйстве.

...Раз во время обеда пошел сильный дождь. Дмитрий Иванович увидел в окно и вдруг оживленно крикнул нам: “Дети! Бежим закрывать суслоны. Рожь намочит.”

Дмитрий Иванович руководил нами и бегал так же, как и мы, быстро и весело. Бегал он, немного нагнувшись вперед и размахивая согнутыми в локтях руками. Как сейчас вижу его красивое оживленное лицо, намокшую шляпу и куртку, и веселые движения.

Настала пора молотьбы. Дмитрий Иванович купил новую тогда молотильную машину, с конным приводом, сам был при сборке ее и первые разы сам опускал развязанные снопы в барабан. Как сейчас вижу его высокую фигуру за молотилкой и то внимание и сосредоточенный вид, с каким он следил, как с легким хрустом барабан стягивает колосья...

...По праздникам я ходила иногда в гости к Дмитрию Ивановичу на его квартиру в университете. Мне нравились огромные комнаты казенной квартиры в нижнем этаже, полукруглые, большие, как ворота, окна, выходившие в университетский сад, широкий темный коридор, весь заставленный учеными сочинениями Дмитрия Ивановича, где связанными пачками виднелись все больше “Основы химии”, тогда еще небольшого формата. Скромная обстановка комнат, полосатая, серая с красным, тиковая мебель казалась какой-то мелкой в огромных комнатах. Я находила красивыми большие ковры на полу и уже тогда висевшие на стенах хорошие гравюры и картины. Особенно загадочно смотрела на меня женская головка с рыжеватыми волосами и как будто бы ручкой кинжала в руке заставляла пугаться фортуна из старинной гравюры в костюме Folie и с завязанными глазами. Она потрясала бубенцом и мчалась вдаль, а люди стояли перед ней на коленях и молились на нее. Лучшее же и всегда новое удовольствие для меня было вертеть валик большого стоя-

чего стереоскопа и любоваться ледниками и страшными пропастями видов Швейцарии, купленных Дмитрием Ивановичем во время его путешествий за границы.

Но самое интересное и таинственное для меня во всей квартире Дмитрия Ивановича был его кабинет-лаборатория, тоже с большими полукруглыми окнами, вся заставленная шкафами и полками с книгами, с лесом высоких стеклянных и низких, прямых и изогнутых трубок и трубочек, колб, реторт, пробирок, высоких банок, со многими горлышками и разноцветными жидкостями, плита под стеклянным колпаком, газовые рожки, железные подставки, весы, три винта, проволочные сетки...

...Сам Дмитрий Иванович, серьезный и важный, в своей серой широкой куртке или стоял и писал за высокой конторкой, стоявшей у газового рожка посреди комнаты, или сидел в углу дивана, обитого также серым с коричневым тиком, и читал или также писал.

Лето 1868 года мы провели в Гатчине, старшая сестра моя вышла замуж, Дмитрий Иванович приезжал на свадьбу, был посаженным отцом у сестры, привез ей подарки и был на свадьбе очень весел и мил. Весною этого года у него родилась дочь Ольга.

С весны 1869 г. Дмитрий Иванович, зная, что средства матери невелики, стал приглашать ее на лето оставлять квартиру и переезжать к нему в казенную квартиру в университете, а нас, младших детей, он брал к себе на лето в имение...

...В вагоне, когда не спал — он любил отсыпаться дорогой, — Дмитрий Иванович был разговорчив с соседями и всегда затевал какие-нибудь интересные беседы. Кто его знал, знает его увлекающую живую манеру говорить обо всем, о всяких мелочах, его вибрирующий голос, то высокий, то низкий, его оригинальные сравнения и веские определения одним словом сути, — и потому обыкновенно около наших мест всегда бывала у него целая аудитория слушателей: тут и мужик в сермяге, и купец в поддевке, и дьячок, и студент, и монахиня, и барышня средней руки, и поп в старенькой выгоревшей рясе. Часто слышался веселый открытый смех Дмитрия Ивановича.

Мы ездили по Николаевской железной дороге до станции Клин. Он входил в вокзал в своей широкополой мягкой серой шляпе, из-под которой виднелись его развевающиеся волосы, и в длинном пальто-сак. Так он

неизменно одевался летом, осенью и весной до самой своей кончины.

Дмитрий Иванович любил ездить в деревне сломя голову, в этом тоже сказывалась его чисто русская черта. В 1869 г. я нашла в Боблове на месте старого дадыановского деревянного дома новый каменный дом, с деревянным верхом, в красивом чуть ли не голландском стиле, с высокой железной крышей, с балконами, бельведером и галереей. Наверху Дмитрий Иванович жил сам со своими книгами, приборами и инструментами, а внизу в шести комнатах помещались его семья, няни и гувернантки (впоследствии) и гости — родные.

Осенью 1867 г. приехала из Сибири другая сестра Дмитрия Ивановича Мария Ивановна Попова с семьей и мужем, бывшим директором Томской гимназии. Они поселились в Москве, там муж Марьи Ивановны по несчастному случаю потерял скопленные им трудом 10 тысяч рублей и остался с семерыми детьми, из которых старшей дочери было 18 лет, а младшей $\frac{1}{2}$ года, на одну пенсию. Дмитрий Иванович пришел им на помощь. Он дал им отдельный кусок плодородной земли на Стрелицах, с родником, всего 8 десятин, дал материалу для постройки дома и служб, и новое хозяйство устроилось на этой земле.

Дмитрий Иванович, за неимением времени, уже оставил свои хозяйственные опыты в деревне, он сдал все на руки управляющему, и в Боблове отдыхал и занимался, сидя больше у себя наверху. Изредка он еще ездил с нами в лес или на покос, а иногда играл с нами, детьми, и подростками, в крокет.

Крокетная площадка была разбита в саду, между яблонями. Дмитрий Иванович ничего не делал вполнину и когда играл в крокет, то так увлекался, что не шел домой, пока не кончит партии. Он руководил планом игры, учил, как лучше целиться, и в азарте игры прилегал головой к земле, проверяя, верно ли наставлен молоток для удара о шар. Если темнело, а партия не была окончена, он посылал за фонарями, и мы при свете фонарей кончали игру. Мы очень гордились, что Дмитрий Иванович, значение которого как известного ученого мы понимали уже, играет с нами в крокет и горячится так же, как и мы, если противник крокетирует удачно его шар...

...В 1872 г. я кончила курс в гимназии и пришла сказать об этом Дмитрию Ивановичу.

Он поздравил меня и стал спрашивать, что я намерена делать после гимназии.

“Я хочу рисовать,— сказала я неуверенно.— И хотела бы учиться дальше. Я ничего не знаю”.

“Вот видишь, то рисовать хочешь, то учиться,— сказал он протяжно и быстро прибавил:— Чему учиться?”

“Я люблю... науки. Я бы все хотела знать”. Дмитрий Иванович рассмеялся:

“Все хотела знать... Науки любит... Разобраться тебе надо в себе, матушка, что ты любишь и чего хочешь. Всему учиться сразу нельзя. Надо что-нибудь одно делать. Разобраться надо...”

“Я бы хотела быть развитой, дяденька”. Дмитрий Иванович усмехнулся: «Развитой? Беды!.. Да вот столяр развитой”.

Лицо мое выразило величайшее недоумение: “Столяр?! Развитой?!”

“Да, матушка, столяр развитой человек, потому что он знает вполне свое дело, до корня. Он и во всяком другом деле поэтому поймет суть и будет знать, что надо делать”.

А я думала тогда, что развитой человек тот, кто Милля и Спенсера понимает.

Дмитрий Иванович точно читал в душе у меня: “Он, матушка, и Милля поймет лучше, чем ты, если захочет, потому что у него есть основа... Ну, ступай... Подожди. Постой. Вот еще что тебе скажу. Самолюбива не будь, если хочешь дело делать. Самолюбивый человек все будет вертеться на своем «я» и не пойдет вперед, а не самолюбивый будет прогрессировать быстро, потому что не будет обижаться, а мотать все замечания себе на ус...”

...Теперь перехожу к воспоминаниям о жизни Дмитрия Ивановича в дни моей молодости, которая вся прошла вблизи него. Летом я гостила у него в деревне, в Боблове, весной мы жили в университете с ним, когда семья его уезжала в деревню. Зимой я часто бывала у него на вечерах, которые он устраивал для молодежи, и по средам, когда у него собирались ученые и художники. В этот же период произошла и важная перемена в его жизни: его женитьба во второй раз. Но прежде я хочу коснуться общей характеристики Дмитрия Ивановича: его наружности, характера и образа жизни...

...Наружность его известна многим по его портретам.

Самое характерное в нем было: грива длинных пушистых волос вокруг высокого белого лба, очень выразительного и подвижного, и ясные синие проникновенные глаза.

Студенты, слушавшие его, рассказывали, что когда приходили на экзамен, то Дмитрий Иванович прежде всего внимательно и остро окидывал их взглядом, точно в душу заглядывал, и потом уже начинал спрашивать. При этом отметки он ставил не за знание на память, а за то, понимает ли, и за способности, как он сам говорил.

Глаза Дмитрия Ивановича были до последних дней его жизни ярко-синие и иногда последние годы смотрели так ясно и добро, как глаза человека не от мира сего.

В фигуре его при большом росте и немного широких сутуловатых плечах выделялась тонкая длинная рука психического склада, с прямыми пальцами, с красивыми и крепкими ногтями и с выразительными жестами. Походка у него была быстрая, и движения тела, головы и рук были живые и нервные и в разговоре, и в деле: при отыскании книг, инструментов, справок.

Черты лица его, особенно нос, были правильны. В форме носа, в правильном профиле, в мягких усах, в русой, слегка раздвоенной бороде, в чистом цвете лица и гладкой коже сказывалась его великорусская порода из Тверской губернии. Губы у него были крупные, полные и красиво очерченные. Самое лучшее в них был разрез рта, линия разреза была твердая, но сочная. Это был склад губ человека с добрым сердцем, но с характером и волей.

И рот, и разрез губ у него очень похожи на портрете И. Н. Крамского, написанном в конце семидесятых годов, но глаза на портрете не похожи совсем, в них что-то большое и вялое, и взгляд не его, какой-то косой.

Несмотря на то, что у Дмитрия Ивановича было такое типичное русское лицо, в нем многие находили сходство с Гарибальди, хотя тот был сицилиец, а он наполовину тверитянин, наполовину сибиряк. Сходство это подмечено было и итальянским профессором Назини.

Манеры, разговор и жесты Дмитрия Ивановича были очень оригинальны и своеобразны. При разговоре он всегда жестикуюлировал. Широкие, быстрые и нервные движения рук отвечали всегда его настроению. Когда его что-нибудь расстраивало и внезапно огорчало, он обеими руками хватался за голову, и это действовало на очевидца сильнее, чем если бы он заплакал. Когда же он заду-

мывался, то он прикрывал глаза рукой, что было очень характерно.

Тембр голоса у него был низкий, но звучный и внятный, но тон его очень менялся и часто переходил с низких, глухих нот на высокие, почти теноровые. И эта изменчивость и жестов, и самого голоса придавала много живости и интереса его словам, разговорам и речи. Самое выражение его лица и глаз менялось, смотря по тому, о чем он говорил. Когда он говорил про то, чего не любил, то морщился, нагибался, ожал, пищал, например, в словах “церковники“, “латинщина“, “тенденция”...

...Дома Дмитрий Иванович всегда носил широкую суконную куртку без пояса самим им придуманного фасона, нечто среднее между блузой и курткой, всегда темно-серого цвета.

Мне редко приходилось видеть его в мундире или во фраке. Лентам и орденам, которых у него было очень много, до Александра Невского включительно, он не придавал никакого значения и всегда сердился, когда получал звезды, за которые надо было много платить.

Одежде и так называемым приличиям в том, что надеть, он не придавал никакого значения во всю свою жизнь.

В день обручения его старшего сына ему сказали, что надо непременно надеть фрак.

“Коли фрак надо, наденем”, — сказал он добродушно и надел фрак на серые домашние брюки.

Но фрак шел к нему, вообще синяя и красная ленты звезд выделяли его седые в последние годы волосы и белое, чистое лицо.

Рассказывали, что перед представлением Дмитрия Ивановича Александру III государь очень интересовался, обстрижет ли Менделеев свои длинные волосы, но он не обстриг. Он стригся только раз в году — весной, перед теплом.

В обращении Дмитрий Иванович был очень оригинален и своеобразен и когда был в духе, то бывал очень любезен и мил.

По старинному обычаю, прежде еще по приказанию моей матери, когда я приходила поздравлять его с днем именин, рождения, с Новым годом, если он был в хорошем расположении духа, он говорил, улыбаясь: “И вас также.... Не стоит благодарности”, — а если не в духе, то бормотал: “Ну, чего там поздравлять. Не с чем, матушка... Пустяки все толкуете...” И морщился при этом.

Кто мало знал Дмитрия Ивановича и судил поверхностно, считал характер его невыносимо тяжелым. Он не любил противоречий, это правда, и не любил, чтобы перебивали речь, потому что перебивалась нить его мысли. Как очень нервный человек, он легко раздражался и кричал даже, но и раздражение, и крик этот больше всего были похожи на береговой ветер у моря, который только сверху рябит морскую поверхность, а в глубине море остается тихо, ясно и спокойно.

Рассказывают, что раз, когда Дмитрий Иванович был уже управляющим Палатой мер и весов, он пришел в Палату нервный и раздраженный, и всех сильно разбранил, придираясь к случаю, начиная со старших служащих и кончая сторожами, причем далеко раздавался его громкий голос. Все были смущены, многие боялись его и присмирели. А Дмитрий Иванович, придя в свой рабочий кабинет в Палате, сказал, добродушно улыбаясь, как ни в чем не бывало: “Вот как я сегодня в духе”.

Иногда случалось, что бывавшие у него по делу служившие или работавшие у него выскакивали от него из кабинета как мячики и точно ошпаренные, так им попадало. Дмитрий Иванович не любил неуверенности, необдуманности, торопыжничества в работе и как сам строго относился к своей работе, так требовал и от других. От лаборантов на своих лекциях он требовал чистоты работы и точности при опытах. На его лекциях, когда он читал их на Высших женских курсах, мне было всегда интересно видеть, как по мере его чтения опыты, постепенно подготовлявшиеся лаборантом, выходили как по волшебству. Он говорил, например: “Может и кислород гореть в водороде”. Обращивался — и кислород горит. Трудный опыт происходил блистательно у кудесника-лаборанта, которому, конечно, для такого волшебства приходилось много трудиться и проходить строгую школу у своего профессора.

Раз при мне один из лаборантов принес к Дмитрию Ивановичу на просмотр свою написанную работу, в которой сделал какие-то ошибки.

Дмитрий Иванович распек его жестоко, так что тот весь раскраснелся, но когда хотел уходить, то Дмитрий Иванович сказал ему мирным тоном и самым добродушным голосом: “Куда же вы, батюшка? Сыграемте же партию в шахматы”.

Одно время я занималась у Дмитрия Ивановича корректурой и некоторыми доступными мне вычислениями, когда он работал над своим “Толковым тарифом”. Я приходила каждый день и работала до вечера. И тут мне часто сильно доставалось то за ошибки, то за неверные приемы работы, то за то, что спрашиваю о том, о чем сама могу догадаться.

Помню, раз он сам засмеялся, когда сказал мне: “Я с тобой не разговариваю, матушка, я браню тебя”.

Но всегда все работавшие под руководством Дмитрия Ивановича, несмотря на его окрики и резкости иногда, любили его потому именно, что это не была злоба мелкой природы, а нервность и впечатлительность большого ума, который сам-то все так быстро и широко схватывал и только потому искал сотрудников, что на все у него не хватало времени и возможности. Помню, раз ему нужны были какие-то перемножения на многозначные цифры, и он предложил мне делать их наперегонки с ним, кто скорее — он или я, и пока я делала два, он сделал семь умножений.

Иногда в дурном духе он накричит на лаборанта, на работающего у него, на прислугу, а потом сейчас же идет мириться и улыбается своей мягкой, доброй улыбкой.

Дмитрий Иванович при своей серьезной всегдашней деятельности очень не любил, когда его отрывали от дела, и бесцеремонно высказывал это тем, кто имел несчастье ему помешать; особенно же доставалось репортерам.

Его прием репортеров бывал часто забавен: он ворчал на них, иронизировал, ругался иногда, и это бывало так комично, что семья сбегалась в соседнюю комнату послушать вежливые и робкие вопросы репортера и ворчливо-сердитые, но часто остроумные реплики Дмитрия Ивановича.

Во время так нашумевшего забаллотирования Дмитрия Ивановича в нашу Академию наук говорили, что немецкая партия Академии его не выбрала именно из-за его беспокойного для них, энергичного характера.

Нервность, горячность, подчас раздражительность — это черты, детали его характера, но основа его, фон — было широкое любящее сердце. Он сердечно привязывался ко всем своим лаборантам и многим сотрудникам по работам в его лаборатории в университете, а впоследствии к сослуживцам в Палате мер и весов. Он входил в интересы их личной

жизни и старался каждому помочь, чем мог. Он особенно был привязан к покойному М. Л. Кирпичеву, который работал у него, когда он делал исследования над упругостью газов. У него работали тогда несколько лет подряд Н. Н. Каяндер, Е. К. Гутковская, а также В. А. Гемилиан, Ф. Я. Капустин, Богусский, г-жа Гроссман. Дмитрий Иванович всегда любил также постепенно сменявших друг друга лаборантов своих: Г. Г. Густавсона, Г. А. Шмидта, Д. П. Павлова, В. Е. Тищенко. Печатая свои многочисленные работы, он в предисловии всегда упоминал обо всех своих сотрудниках и всех благодарил. Даже про меня он упомянул раза два в "Толковом тарифе" и в "Заветных мыслях".

Здесь будет, кстати сказать, что Дмитрий Иванович относился всегда с большим сочувствием к так называемому женскому вопросу: к женскому высшему образованию и труду и доказывал это на деле. Еще в конце 60-х годов он читал лекции по химии на первых Высших женских курсах на Владимирской и устроил первую химическую лабораторию для практических занятий слушательниц у князя Кочубея.

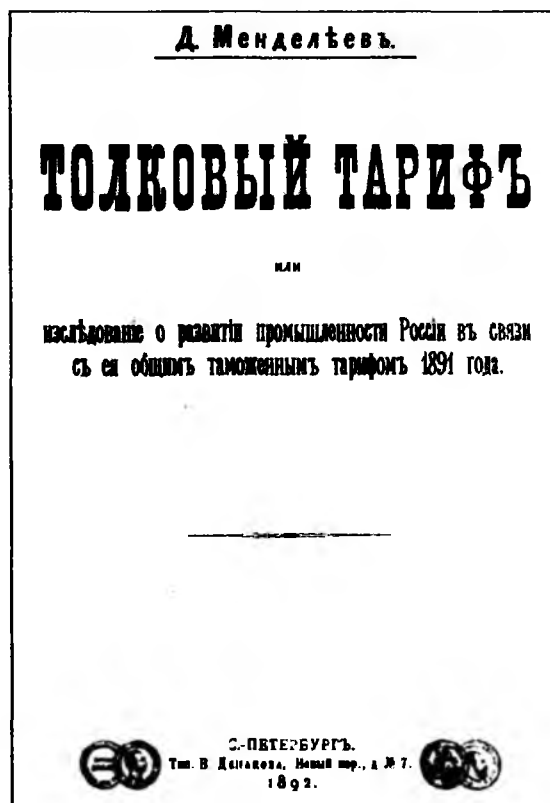
В его университетской лаборатории работали Е. К. Гутковская и Гроссман.

В Палате мер и весов у него работали на штатных местах несколько женщин с высшим и средним образованием, и он очень ценил их работоспособность. Нечего и говорить о том, как сильно и глубоко любил Дмитрий Иванович свою семью, своих детей. Он говорил часто: "Чем бы и как бы серьезно я ни был занят, но я всегда радуюсь, когда кто-нибудь из них войдет ко мне".

Он говорил также: "Много я в моей жизни испытал, но лучшего счастья не знаю, как видеть около себя своих детей".

Но Дмитрий Иванович всегда любил и чужих детей всех возрастов. Дети служащих и сторожей в Палате мер и весов всегда бежали к нему, как только видели его во дворе; они знали, что у него найдется для них и ласка, и гостинцы в кармане: яблоки или конфеты. Каждое Рождество в продолжение многих лет Дмитрий Иванович на свой счет устраивал для детей служащих сторожей и рабочих в Палате мер и весов красивую елку с игрушками всем детям.

К служащим в доме его, гувернанткам и прислуге, он тоже относился заботливо

Обложка книги Д. И. Менделеева
«Толковый тариф». 1892 г.

и сердечно. Они все долгими годами жили у него. Он всегда принимал к сердцу и невзгоды, и радости их.

Несколько лет назад, как-то при мне Дмитрий Иванович пришел к обеду и сказал жене: "А у нас семейная радость. Михайла (его слуга) женится". Он вообще любил больше семейных служащих и семейным в Палате мер и весов прибавлял по несколько рублей жалованья.

Дмитрий Иванович любил также и животных: кошек, собак и птиц. Младшая дочь, когда была маленькая, чтобы доставить ему удовольствие, на время дарила ему свою любимую канарейку, и он забавлялся с птичкой и следил за тем, что она делает. Он очень любил также белого попугая, привезенного его сыном-моряком из Индии. Он любил кормить его кедровыми орехами и разговаривать с ним о чае.

Некоторые считали Дмитрия Ивановича скуповатым, но он не был ни скуп, ни жаден,

он только понимал цену деньгам, был бережлив и в некоторых случаях даже расчетлив. Он с детства видел, как бились его мать и отец с маленькими средствами, как работала мать для добывания денег для семьи, и, конечно, заработав все своим трудом, понимал и ценил труд и деньги; но ни у него, ни в семье их не было никогда скопидомства и грошовых расчетов. Покупать вещи, книги, картины, рисунки, посуду, одежду,— все это он любил хорошее, первосортное, но терпеть не мог ни в чем так называемого мещанства и буржуазного вкуса.

Очень характерной чертой Дмитрия Ивановича во все время, как я его знала, было то, что он не любил, когда при нем про кого-нибудь говорили дурно, и всегда прекращал этот разговор. Он не любил еще, чтобы его благодарили, и убегал от выражений благодарности или кричал на благодарившего: “Да перестань... Глупости это все... И что там благодарить. Глупости, глупости”.

Некоторые говорили про Дмитрия Ивановича: “У него тяжелый характер”. Другие говорили: “У него беспокойный характер”. И третьи называли его львом в берлоге, который рычит, когда к нему войдешь. Но кто знал его близко и любил, тот знал, сколько доброты и мягкости было в душе этого большого человека ...

...С тех пор как я знаю Дмитрия Ивановича, и до самых его последних дней он приблизительно вел дома все одинаковый, простой и труженнический образ жизни.

Сон у него был вполне в зависимости от работы в данное время. Иногда он всю ночь работал и вставал тогда поздно, иногда рано ложился, но и вставал рано.

Спал Дмитрий Иванович очень крепко и почти без сновидений, и крепкий сон очень восстанавливал его силы. Он рассказывал, что раз за границей ночью в поезде случился пожар; началась беготня, шум, крики, поезд остановили, но Дмитрий Иванович спал так крепко, что ничего не слышал. Когда он проснулся утром, его сосед англичанин рассказал ему про пожар. “Что же вы меня не разбудили”,— сказал Дмитрий Иванович. “Зачем? Наше купе еще не горело”,— ответил англичанин.

В общем, Дмитрий Иванович вставал поздно: когда не читал лекций в университете,— часов в 11—12, а иногда и позже, потому что часто ложился не ранее 3—4 часов ночи. Он

любил работать ночью, когда тихо, дети и семья спят, и ничто его не беспокоит. Утром еще в кровати он неизменно выпивал кружку теплого молока, которую ему ставили на столик около него, и потом вставал с постели.

Когда Дмитрий Иванович жил в университете, он спал в большой комнате, на желтом деревянном лакированном диване с тоненьким тюфяком, а позднее, на частной квартире, на Кадетской линии и на казенной квартире в Палате мер и весов, он спал уже на кровати, но с одним волосяным матрасом. В обеих последних квартирах спальни его были маленькие квадратные комнатки: он любил маленькие комнаты. Встав и умывшись, он уходил сейчас же в свой кабинет и там пил одну-две, а иногда три больших, в виде кружки, чашки крепкого, постного, не очень сладкого чаю. С чаем, он съедал или середину подковы с маком, намазанной маслом, или по два-три бутерброда с икрой, сыром, с ветчиной или колбасой. Поздоровавшись с семьей, он сразу садился работать и работал часов до 5—5 1/2. Последнее время он никогда почти не завтракал. Если погода была порядочная, он выходил погулять на 1/4 или на 1/2 часа. Он не любил гулять без цели и всегда ходил купить что-нибудь: сладкого, фруктов, рыбу, которую он любил, или игрушки, когда дети были малы, или книги для них.

Обедал он неизменно в 6 часов. Он любил всегда, если у них бывал кто-нибудь за обедом из родных или близких знакомых. Он был очень радушный хозяин.

Ел Дмитрий Иванович всегда необыкновенно мало: немного бульона или ухи, кусочек рыбы или котлету, несколько ложек какой-нибудь каши. У него были свои излюбленные кушанья, им самим для себя придуманные: отварной рис с красным вином, ячневая каша, гречневая каша крутая или размазня, поджаренные на масле лепешки из вареного риса или геркулеса. И этот пищевой режим, эта умеренность продлили его жизнь почти до 73-х лет. Вина он пил всегда мало: полстаканчика легкого красного кавказского вина или бордо. Иногда он пил немного сидру, иногда любил пить домашний квас. Последнее время он совсем почти не пил вина.

За обедом Дмитрий Иванович бывал иногда очень мил и разговорчив, часто говорил о том, над чем работал в это время. Сладкого блюда он никогда почти не ел и часто уходил из-за стола ранее конца обеда. Он целовал

жену в лоб и шел к себе в кабинет, откуда присылал с приходившими к нему детьми сладкого или фруктов для всех. У него всегда бывал запасы десерта для семьи. Если в гостях бывал мужчина, Дмитрий Иванович ждал, но довольно нетерпеливо надо сказать, когда тот кончит третье блюдо, и говорил, забавно морщась, если был в духе: “Ну, пойдете ко мне... Довольно вам с дамами тут любезничать. Пойдемте, пойдете, батюшка”.

После обеда, для отдыха, Дмитрий Иванович любил читать или ему читали вслух романы с приключениями, особенно из жизни краснокожих индейцев, а также уголовные романы, из которых всех выше он ставил Рокамболя. “Терпеть не могу этих психологических анализов,— говорил он. — То ли дело, когда в Пампасах индейцы скальпы снимают с белых, следы отыскивают, стреляют без промаха... Интерес есть... Или Рокамболь... Думаешь, он убит... А он, глядишь, воскреснет, и опять новые приключения... Фантазия какая богатая”... Любил он также Жюль Верна, которого перечитывал много раз.

Но, конечно, как человек пытливый и не узкий специалист-ученый, он читал и Шекспира, которого высоко ставил, и Шиллера, и Гете, и Гюго, и Байрона, и наших всех классиков, начиная с Жуковского и Пушкина. Из иностранных поэтов он более всех любил Байрона, и особенно “Тьму”, которую иногда перечитывал, а из русских— Майкова, Тютчева. Вероятно, эти два спокойные созерцательные поэта отвечали часто его настроению. У Майкова он более всего любил и перечитывал иногда “Три смерти”, а у Тютчева любимым его стихотворением было “Silentium”, которое он знал даже наизусть и к случаю иногда недурно декламировал. Иногда Дмитрий Иванович раскладывал пасьянс, пока ему читали вслух. Он всегда сердился, если ему указывали, куда лучше положить карту, он во всем любил самостоятельность.

Отдохнув после обеда, он опять садился заниматься и работал до глубокой ночи.

Иногда по вечерам Дмитрий Иванович любил с приходившими к нему партнерами поиграть в шахматы. Он играл хорошо, но проигрывать не любил и очень редко получал мат. Он играл обдуманно и весь уходя в игру...

...Часов в 9 вечера Дмитрий Иванович пил чай в кабинете у себя из своей большой чашки, как всегда, очень крепкий, с куском булки с маслом или поджаренными лепешками

из геркулеса, или из ячневой, или рисовой крупы. Лепешечки эти ставились ему в кабинет на стол на тарелке под стеклянным колпаком. А на ночь, в постели, Дмитрий Иванович опять выпивал кружку теплого молока.

И так шла его трудовая жизнь изо дня в день, из года в год.

Когда Дмитрий Иванович еще читал лекции в университете, то выбирал для них всегда утренние часы, чтобы оставалось больше времени для его научных работ. Только в последние годы он стал читать лекции среди дня и позднее.

Из дома Дмитрий Иванович выезжал изредка, только по делу. В гости он не ездил почти никогда. Прежде бывал только на ежегодных обедах Передвижников и на университетских обедах 8-го февраля.

В театры он ездил очень редко. Помню, что ездил смотреть Сальвини и Стрепетову и слушать “Тангейзера”. Был он также на “Евгении Онегине” и на “Игоре” Бородина, главным образом потому, что автор “Игоря” был друг его юности. Поехал он раз слушать Зембрих, но убежал после первого акта.

Он не любил частых выездов в театры, потому что считал рассеяние помехой в работе. Он находил, что привычка часто ездить по театрам мешает сосредоточиться, приучает искать развлечений извне и заставляет наполнять жизнь “пустяками и глупостями”. Мне часто доставалось в моей молодости за театр.

“Опять в театр! — сердито ворчал он. — Глупости это, матушка. Пустяками занимаешься...”

На выставках картин Дмитрий Иванович, наоборот, очень любил бывать и посещал почти все.

Он любил картины и изобразительное искусство, понимал живопись и ценил ее...

...У Дмитрия Ивановича было еще одно любимое занятие для отдыха — это клеить. Клеил он очень хорошо, чисто и аккуратно. Он наклеивал собранные им коллекции фотографий и гравюр с русских и известных иностранных картин на листы бристольского картона или толстой бумаги, клеил футляры для альбомов и брошюр, коробки, шкатулки, маленькие дорожные ящики, которые он заказывал из фанерок, потом обклеивал сам кожей, и выходили очень прочные ящики. В 1902—1903 гг. перед снятием катаракты, когда Дмитрий Иванович очень плохо видел и одно время не различал даже фигурок на игральном картах,

Д. И. Менделеев с дочерью О. Д. Менделеевой-Тригоновой и зятем А. В. Триговым. 1889 г.

он клеил на ошупь, оклеивал коробки и футляры материей, и работа выходила очень чистая, лучше, чем бы у другого зрячего.

Рамки для всех почти портретов знаменитых людей, которые висели в его кабинете, он делал и оклеил сам, начиная с изображения Иисуса Христа в профиль, считающегося историческим. Все эти гениальные люди в его кабинете смотрят из рамок, сделанных руками тоже гениального человека.

Над столом на высоких полках красного дерева висели фотографии жены, детей и внуков Дмитрия Ивановича в разных возрастах и положениях и фотографическая группа ученых, между которыми находился и он сам.

На стене против стола слева висели копии работы А. И. Менделеевой со старинных портретов отца и матери Дмитрия Ивановича. Мать изображена в старинной прическе с букольками на висках, с короткой талией и в чепце с голубыми бантами, отец написан в профиль. Чертами лица Дмитрий Иванович походил на отца, выражением глаз и лица на мать.

Под этими портретами висели семейные группы и группа художников-передвижников, друзей Дмитрия Ивановича. По середине стены помещался портрет А. И. Менделеевой масляными красками работы Браза в натуральную величину, но мало похожий. Над ним портрет тоже масляными красками, работы А. И. Менделеевой ее отца — донского казака. И. Е. Попова, который готовился быть доктором, но попал на действительную службу на Кавказ, и масляным же красками ее же работы портрет в профиль Дмитрия Ивановича. Она писала его одновременно с художником Ярошенко в 1886 г.

На этой же стене налево висела большая фотографическая группа профессоров физико-математического факультета периода до нового устава 1884 г., самой блестящей поры С.-Петербургского университета, когда профессорами были такие ученые, как Менделеев, Бутлеров, Меншуткин, Чебышев, Сомов, Фаминцын, Петрушевский, Богданов, Бекетов, Вагнер и ректором был Андреевский. Под этой группой висел большой портрет масляными красками работы Ярошенко второго сына Дмитрия Ивановича — ребенком пяти лет. Он в белой русской рубашке сидит в большом кресле и весело и задумчиво смотрит большими светлыми глазами.

Под этим портретом вдоль двух больших окон кабинета между шкапами с книгами стоял все тот же когда-то тиковый, диван, обитый теперь зеленым трипом. На этом диване Дмитрий Иванович отдыхал иногда в последние годы перед обедом и на нем же лежал первые дни своей смертельной болезни. Против дивана была дверь в его спальню, где он скончался. Около письменного стола стояло еще кресло, обитое трипом, для посетителей, а сам Дмитрий Иванович сидел на обыкновенном буковом венском кресле, на спинке которого висел вышитый коврик. На столе лежали и стояли книги всех форматов и величин, корректуры, бумага, стеклянная чернильница, несколько ручек для пера, карандаши, стеклянная с серебряной крышкой коробка для табака с кусочками сырого картофеля, чтобы табак не сох. Дмитрий Иванович курил крученые папиросы, свертывал их сам и не употреблял мундштука, так что второй и третий пальцы его правой руки всегда были желтые от табачной копоти.

Любил он еще хороший чай, который выписывал цибиками прямо из Китая.

Первое впечатление при входе в его кабинет были книги, книги и книги. Они стояли в строго систематическом порядке и все почти были у него переплетены. Уже после его кончины на одной из полок я заметила переплетенные тома Протоколов заседаний 1-й Думы. До созыва второй он не дожил. Книги и портреты гениальных людей — вот все, что украшало и наполняло эту большую заставленную комнату. Когда приходившие смотрели на портреты всех человеческих гениев, собранных Дмитрием Ивановичем, то ясно бросалось в глаза, кого из них он больше любил и ценил.

Так жил Дмитрий Иванович, без малейших буржуазных привычек. Только в гостиной и в столовой у семьи была красивая резная и стильная мебель, но и то вся роскошь состояла главным образом в картинах и эскизах художников.

Не было у него никакой избалованности в привычках, никаких дорогих прихотей: и жил, и умер он в строгой простоте».

Капустина-Губкина Н. Я. Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. Воспоминания о Д. И. Менделееве. СПб., 1908.

О. Д. МЕНДЕЛЕЕВА-ТРИРОВОГА

«...Помню, как Дмитрий Иванович горячился и громким голосом спорил с Бутлеровым и Вагнером по поводу спиритизма, сеансы которого в присутствии иностранного медиума происходили у нас в квартире. Много неприятных минут имел этот медиум, несколько раз уличенный Дмитрием Ивановичем во время сеансов.

Я, тогда десятилетний ребенок, помню только один случай, про который отец на другой день рассказывал нам за обедом.

В комнате, где происходил сеанс, было темно, играл орган, приобретенный для этого по требованию медиума. Медиум, сидевший со связанными руками и привязанный к стулу, должен был очутиться в алькове, затянутом от потолка до пола материей, прибитой по краям гвоздями. В этой темноте и сравнительной тишине отцу послышался подозрительный шорох и звук распарываемой ножом материи. Не долго думая, Дмитрий Иванович зажег спичку, и все увидели медиума, находившегося уже в алькове вместе со стулом и прекрасно зашивавшего материю по шву.

Конечно, последовало смятение среди увлеченных спиритизмом и обморок медиума.

Дмитрий Иванович был большой любитель и ценитель живописи. Его постоянными гостями и, скажу больше, друзьями были художники Крамской, Шишкин, Репин, Ярошенко, Куинджи, Клевер и др. Эти интересные люди собирались у нас каждую среду, засиживались до глубокой ночи, и я, засыпая в детской, слышала гул голосов и веселые взрывы смеха. На этих вечерах всегда служил Антон, умело обнося гостей подносом с чаем, бутербродами и фруктами, которые отец всегда сам выбирал у Елисеева...

У Дмитрия Ивановича были оригиналы картин этих крупных художников, и стены гостиной были украшены их произведениями, а помимо того, он хранил целые коллекции их же работ в папках у себя в кабинете в шкафу.

Три художника-передвижника писали портреты моего отца. Это были Репин, Крамской и Ярошенко. Крамской несколько раз во время сеансов смывал и переписывал глаза, цвет и вы-

ражение которых он долго не мог уловить. Глаза у Дмитрия Ивановича были небольшие, глубоко сидящие, синего василькового цвета, смотревшие прямо и настолько пронизательно, что забыть их раз увидевшему было нельзя. Тип лица его был чисто русский, прямой нос, прекрасный цвет кожи без окраски, а скорее бледный. Волосы имел он русые, волнистые, густые, спадавшие до плеч, как в то время носили очень многие. Вообще про Дмитрия Ивановича можно сказать, что он был красивый человек, совершенно не замечавший этого и не интересовавшийся этим...

...Дмитрий Иванович первые свои сбережения употребил на покупку имения, приобретя его от князя Дадияни в Клинском уезде Московской губернии. Имение это называлось Боблово (оно носило название по находившейся вблизи деревне, размер его был 400 десятин земли, и стоило оно 16 тыс. руб.). Здесь был старый дом со стеклянной галереей, с запущенным садом и парком...

Через год отец уничтожил старый деревянный дом и выстроил по своему вкусу новый, каменный, очень красивый и оригинальный, в два этажа, с несколькими балконами и крытой стеклянной галереей. Потом завел полное хозяйство, поставленное образцово, с опытными полями, но в Московской губернии, несмотря на различные удобрения, оно приносить дохода не могло и служило лишь дачей, куда мы приезжали весной еще по снегу, оставаясь до глубокой осени.

С нами в Боблове Дмитрий Иванович не проводил всего лета, а оставался в Петербурге или уезжал отдохнуть за границу. Особенно он любил юг Франции, Канн (около Ниццы). Возвращаясь оттуда, он привозил всем массу подарков, не забывая в доме никого...

...Безделья Дмитрий Иванович не выносил, и мы, видя его пример, всегда переходили от одного занятия к другому.

Когда Дмитрий Иванович хотел отдохнуть от умственной работы, он менял занятия: то клеил из кожи и материи всевозможные вещи, то наклеивал в альбомы своей же работы домашние фотографии, снятые им же. При этом клей он варил у себя в лаборатории сам. Он дарил нам эти альбомы и дорожные вещи. Дмитрий Иванович любил читать Жюль Верна, говоря, что всегда отдыхает, читая его произведения. Любил он также романы Александра Дюма, в особенности "Три мушкетера", часто говоря, что ему, к сожалению, не хватает доблестей этих мушкетеров.

Нам вслух он часто читал былины и Пушкина.

По зимам в Петербурге никогда не гулял без цели, а всегда медленно шел (а чаще ехал) покупать что-нибудь, так как любил иметь дома все для угощения, на которое был щедр. Вообще Дмитрий Иванович имел у себя в доме очень хороший и питательный стол...

...Дмитрий Иванович ежедневно получал массу писем с русскими и иностранными марками. На все, что требовало ответа, Дмитрий Иванович отвечал без замедления, говоря, что иначе он запутается в непосильной работе. Он был нужен всем и всем он отвечал, а сам был один в кабинете со своими мыслями и своими творениями.

Однажды корреспонденция пришла при мне, и я разобрала ее. Ответить надо было лишь на одно письмо. Это было послание из Тулы, от одного хозяина маленькой самоварной мастерской. Письмо было безграмотно написано огромными буквами, с ухивившимися вниз строчками. Он просил Дмитрия Ивановича дать ему указания, как лудить самовары лучшим составом, так как его полуда плохо держалась. К письму была приложена семикопеечная марка. Я указала отцу на это. А он мне ответил: "Так почти всегда бывает, раз запрашивает простой человек: он всегда шлет марку, для него кажется неудобным вводить меня в расход, а если марка получена, ответ уже обеспечен", — и продиктовал мне очень коротко необходимые составные части, входящие в хорошую полуду.

В молодые годы Дмитрий Иванович занимался, стоя у конторки, и реже за столом; лишь много лет спустя, после закупки вен в ноге, он занимался только за письменным столом, всегда очень небольшим, но имевшем около себя этажерки для бумаг. У стола стояло мягкое кресло для Дмитрия Ивановича и другое для посетителя, а дальше было несколько венских стульев. Кабинет весь был наполнен шкафами или просто полками с книгами. Посетителя поражала масса книг и удивительная простота; здесь был только кабинет ученого, ушедшего в тайны науки...»²⁵

Менделеева-Тригорова О. Д. Д. И. Менделеев и его семья.
М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.

А. И. МЕНДЕЛЕЕВА

«Екатерина Ивановна (сестра Менделеева) решила оставить во всех отношениях удобное и даровое помещение у брата, наняла (в ноябре 1877 г.) маленькую квартирку из четырех комнат, переехала с нами туда.

Дмитрий Иванович приходил к нам на 4-ю линию. У себя он устраивал вечера по пятницам для нас, молодежи: двух студентов, братьев Капустиных, их товарищей Бесселя и Ленци, О. А. Лагоды, Н. Я. Капустиной и меня. Много читали и говорили там, главным образом Дмитрий Иванович. Живостью и энергией Дмитрий Иванович не только не уступал молодежи, но далеко оставлял ее за собой. Так проходило время. Дмитрий Иванович не только не пропускал случая доставить нам что-нибудь интересное. Он хотел облегчить мне со временем доступ в художественный мир, для чего начал посещать выставки, мастерские художников, знакомиться с ними и увлекся так, что начал покупать картины. Художники стали бывать у него, и скоро начались очень известные “Менделеевские среды”. Бывали на них постоянно все передвижники: Крамской, Репин, Ярошенко, Мясоедов, Кузнецов, Савицкий, Вл. Маковский, М. П. Клодт, Максимов, Васнецовы, Суриков, Шишкин, Куинджи, Киселев, Остроухов, Волков, Позен, Лемох, Прахов, Михальцева. Из профессоров университета чаще других А. Н. Бекетов, Меншуткин, Петрушевский, Иностранцев, Вагнер, Воейков, Краевич. Дмитрий Иванович так вошел в художественный мир, что был избран впоследствии действительным членом Академии художеств. На среды приходили без особых приглашений. Художники приводили новых, интересных чем-нибудь гостей. Бывали братья Сведомские, когда приезжали из Рима, Котарбинский, В. В. Верещагин и многие другие. Пробовал Дмитрий Иванович привлечь из Академии Чистякова, Орловского и М. К. Клодта, но Чистяков слишком расхотелся во взглядах на искусство с передвижниками. У Дмитрия Ивановича он бывал, но не по средам. Среда эти художники очень любили. Здесь сходились люди разных лагерей на нейтральной почве. Присутствие Дмитрия Ивановича умеряло крайности. Здесь узнавались все художественные новости. Художественные магазины присылали на просмотр к средам новые художественные издания. Иногда изобретатели в области деловые беседы приносили свои изобретения и демонстрировали их... Иногда на средах вели чисто деловые беседы, горячие споры, тут созревали важные товарищеские решения вопросов. И иногда бывали остроумные беседы, и даже дурачества, на которые художники были неисчерпаемы. Кузнецов великолепно представлял жужжание летающей мухи, Позен — проповедь пастора и разные восточные сцены, М. П. Клодт танцевал чухонский танец, и все имели огромный запас рассказов из своих поездок, столкновений с народом и представителями высших сфер. Иногда приносили новости, журнальные статьи, не пропущенные цензурой. Атмосфера, которую Дмитрий Иванович создавал, куда бы ни появлялся, высокая интеллигентность, отсутствие мелких интересов, сплетен делали эти среды исключительно интересными и приятными...

В группе художников выделялся оригинальностью Архип Иванович Куинджи. Всей душой любивший, кроме своего искусства, товарищей, он был постоянным посетителем кружковых собраний и деловых, и семейных.

Я познакомилась с Архипом Ивановичем, когда была еще ученицей Академии художеств и жила у сестры Дмитрия Ивановича.

Помню, Дмитрий Иванович пришел к нам как-то необыкновенно оживленный и предложил идти в мастерскую Куинджи посмотреть его новую картину: “Ночь на Днепре”. Сам он уже видел и был в неопишемом восторге. Мы быстро оделись и отправились с Дмитрием Ивановичем на Малый проспект Васильевского острова, где жил Куинджи. Нам открыла дверь средних лет дама, она шепотом просила нас пройти в гостиную и подождать, так как в мастерской был великий князь... Дама, оказавшаяся женой Куинджи, ввела нас в небольшую комнату... Усадив нас, жена Архипа Ивановича стала нам подробно рассказывать, все шепотом, о посещении великого князя. Вдруг раздался громкий могучий баритон: “Да где же он? Да куда же он?” Двери распахнулись, и появился сам Архип Иванович Куинджи. Напрасно мы шептались, Архип Иванович громко восклицал и тащил нас в мастерскую, где он оставил великого князя; введя туда, он просто назвал нас великому князю.

Великий князь оставался несколько минут. После его отъезда мы долго сидели перед картиной, слушая Дмитрия Ивановича, который говорил о пейзаже вообще.

После нашего посещения мастерской Куинджи я видела его вместе с другими художниками... на “средах” у Дмитрия Ивановича.

Наша дружба с Куинджи продолжалась до конца жизни Архипа Ивановича. Мы знали все, что с ним происходило, — его мысли и планы. Часто он играл с Дмитрием Ивановичем в шахматы.

Я любила следить за их нервной, всегда интересной игрой, но еще больше любила, когда они оставляли шахматы для разговора.

Во время болезни глаз Дмитрий Иванович все-таки не мог сидеть без дела и начал клеить ощущение всевозможные вещи, что он делал и раньше в минуты отдыха от утомительных умственных напряжений: чемоданы, рамки, столики. Все это сделано замечательно правильно. Принадлежности для кожаных работ Дмитрий Иванович всегда покупал в одном и том же магазине на Апраксином рынке. Раз, когда он, сделав покупку, выходил из магазина, какой-то бывший в магазине покупатель спросил купца: “Кто это?” Купец с важностью ответил: “А это известный, знаменитый чемоданных дел мастер!”

В 1904, г. 27-го января, исполнилось 50 лет научной деятельности Дмитрия Ивановича и ему исполнилось 70 лет.

Многочисленные депутации приезжали целый день: от университета, женских курсов, на которых Дмитрий Иванович в начале их существования читал бесплатно, Горного института, Технологического, от разных ученых обществ и даже от Академии наук.

Но Дмитрий Иванович был грустен, нервен. В эту ночь было получено известие, что началась Японская война.

Приветственные телеграммы и письма были присланы Дмитрию Ивановичу в тот день со всех частей света. Вскоре после юбилея он стал отвечать на них частью сам, частью через секретаря. Надежда Яковлевна, его племянница, слышала, как он сказал: “Не могу я напечатать в газетах, что не имею возможности поблагодарить лично, потому что я имею эту возможность”. Вечер этого дня Дмитрий Иванович провел исключительно с нами.

Не буду описывать событий 1905 г. — они всем известны. Упомяну только об одном

эпизоде. Когда началось шествие во главе с Гапоном к Зимнему дворцу, несметные толпы наводнили не только те улицы, по которым проходило шествие, но все соседние. Все ходили бледные и тревожные. У нас в Палате было то же, что и везде, — ожидание и тревога. Дети сидели дома. Вдруг Дмитрий Иванович, который в последние годы буквально никуда не ездил, зовет служителя Михайлу и посылает его за каретой. Он был в таком состоянии, что спрашивать его ни о чем нельзя было. Карету подали. Дмитрий Иванович простился с нами и уехал с Михайлом “куда-то”. Только через 6 часов они возвратились... Михайла рассказывал, как их нигде не пропустили, и они кружили по разным глухим местам, чтобы пробраться к дому Витте на Каменноостровском проспекте. Витте был дома и принял Дмитрия Ивановича. Возвратясь домой бледный, молчаливый, он снял в кабинете портрет Витте и поставил его на пол к стенке (с тем, чтобы убрать его совсем) и сказал: “Никогда не говорите мне больше об этом человеке”. Из страха вызвать волнение я никогда не расспрашивала о том, что произошло во время посещения им министра финансов Витте.

Дмитрий Иванович всегда был как будто в состоянии душевного горения. Я не видела у него никогда ни одного момента апатии. Это был постоянный поток мыслей, чувств, побуждений, который крушил на своем пути все препятствия.

Если он бодрствовал — он горел. Устав, он спал и таким крепким сном, какого мне не случалось видеть ни у кого и никогда. Раз как-то после долгой работы он лег днем и просил его не будить. Только что он заснул, как из книжного магазина пришли за книгами. Склад книг был в небольшой комнате рядом с той, в которой Дмитрий Иванович только что заснул. Я отказалась дать книги из страха, что артельщики разбудят его. Узнав, в чем дело, они обещали взять книги без малейшего шума. Я согласилась, и стала за ними следить. Сняв сапоги, они тихо вошли и осторожно снимали стопы книг, перевязанных веревками, говорили пантомимой, даже шепотом боялись. Им было необходимо взять хотя бы четыре-пять стоп. Я стояла, затаив дыхание. Вдруг веревка у одной стопы оборвалась, и книги со страшным грохотом упали на пол. Мы замерли. Что будет? Но

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

в комнате Дмитрия Ивановича тишина. Потихоньку иду взглянуть. Дмитрий Иванович спокойно и крепко спит, даже не перевернулся. Не знаю, как объяснить такой сон у исключительно нервного человека.

Необычный дух Дмитрия Ивановича вылился в необычайной форме. Вот почему многие его не понимали. Он никогда не думал о том, какое впечатление производит на других, и говорил и делал все по движению сердца и “по своему крайнему разумению”, как он говорил.

Многие считали его характер невыносимым и тяжелым. Он легко раздражался и кричал, но тотчас и успокаивался. Я помню, как в самое первое время моего замужества, кто-то пришел к нему по делу. Я сидела в соседней комнате за работой. Вдруг слышу раскаты громового голоса Дмитрия Ивановича. Страшно испуганная, я, бросив работу, убежала к себе и зарыла голову в подушки, чтобы ничего не слышать. Через несколько минут, со страхом освободив голову из-под подушки, услышала привычный, добродушный голос Дмитрия Ивановича. Он мирно и весело разговаривал с тем же посетителем.

Потом я, как и все окружающие, знавшие его добрую душу и широкое сердце, привыкла к этой особенности его характера. Иногда он раскричится на лаборантов, на прислугу, на товарищей, на любого знакомого, на министра и сейчас же мирится и улыбается своей мягкой доброй улыбкой.

Как-то на лекции досталось от него за какую-то неисправность при опытах служителю Семену. Дмитрий Иванович кричал. Лекция окончилась. Он пришел в кабинет, сел на свое обычное место отдохнуть. Вдруг вспомнил, что кричал на Семена. Вскочив, побежал через лабораторию, внутренними ходами к Семену. Нашел его, стал перед ним, поклонился и сказал: “Прости меня, брат Семен”. К сожалению, в характере Семена была некоторая манерность и словоохотливость. Обрадовавшись, случаю блеснуть тем и другим, он начал: «Оно, изволите видеть, Дмитрий Иванович, так сказать, оно конечно», — тянул он. Но темп Дмитрия Ивановича был другой: “Ну, не хочешь, так черт с тобой!” Живо повернулся и убежал.

Сам он не придавал никакого значения своему крику.

Некоторые говорили про Дмитрия Ивановича, что у него тяжелый характер, сравнивали его со львом в берлоге, который рычит, когда к нему войдешь. Все думавшие так не знали, сколько доброты и нежности было в душе Дмитрия Ивановича. Он был полон контрастов.

Вспоминая многогранную, богатую натуру Дмитрия Ивановича, не могу не упомянуть еще одну особенность. Огромный здравый смысл, реализм и — вера в интуицию. Если ему предстояло решить какой-нибудь затруднительный, важный жизненный вопрос, он быстро-быстро своей легкой стремительной походкой входил, говорил, в чем дело, и просил сказать по первому впечатлению мое мнение. “Только не думай, только не думай”, — повторял он. Я говорила, и это было решением. Были случаи, когда ему не нравилось мое мнение. “Ах, зачем ты так сказала!” — жалобно говорил он. “Да ты не слушай, сделай, как тебе кажется лучше”. — “Нет, уж нет!” Он говорил, что как-то не послушался и потом жалел.

Он сердечно привязывался ко всем лаборантам и сотрудникам по работам в его лаборатории в университете, а потом в Главной палате мер и весов.

Наружность Дмитрия Ивановича известна по его многим удачным и неудачным портретам. Но все же ни фотографии, ни портреты не могут передать разнообразия выражений, жизни лица. Очень удачными я считаю портрет, снятый Карриком в 1881 г., все портреты, снятые Ф. И. Блумбахом в Палате мер и весов, и довольно удачная фотография Мрозовской. Портреты, сделанные нашими художниками: Крамским, Ярошенко и Репиным, — не могу назвать вполне удачными. В портрете Крамского похож рот и волосы, но глаза и выражение лица неудачны, у Ярошенко схвачен цвет волос и бороды, но выражение совсем не похоже. Портрет И. Репина писан после смерти Дмитрия Ивановича и не может назваться удачным. Бюст И. Я. Гинцбурга передает в общем, но в частности есть отступления от натуры: нос у Дмитрия Ивановича был прямой и красивый, рот не выдавался так, как в бюсте Гинцбурга, и тоже был правильно очерчен, но с некоторых поворотов есть большое сходство». ²⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

¹ С 1905 г. Центральный статистический комитет начал издавать, благодаря своему директору г-ну Золотареву, «Ежегодник России»; за «год первый» взят 1904 г. Будем надеяться, что это издание восполнит ощутимые пробелы в своде сведений о современном положении нашего отечества.

² Лишь малая доля множества чисел, приводимых в таблицах из переписи, взята из нее прямо, большинство же составляет сумму многих чисел, иногда до 40 и более, потому что я старался сократить число цифр и сделать их выразительными. Всякий, кто захочет повторить — ради проверки — мои расчеты, убедится на деле, что хлопот с ними у меня было много. С расчетами, относящимися до центра и карты, их было и того более.

³ Желательно, однако, чтобы при новой (второй общерусской) переписи этого не повторилось.

⁴ Издание Центрального статистического комитета «Движение населения Европейской России на 1897 г.» (1900) дает на 100 жителей в среднем (в процентах):

для 1896 г.	для 1897 г.
4,97	4,95 рождений в год
3,28	3,14 смертей в год
1,69	1,81 прироста в год

Так как в Азиатской России женщин меньше, чем мужчин, да и малых детей пропорция меньше, чем в Европейской России, и так как прирост вообще непостоянен, то во всех отношениях осторожнее или вероятнее принять для всей империи прирост около 1,5 % в год. Надлежащее число современного прироста населения России даст только вторая общая перепись. Считаю очень важным обратить здесь внимание на то, что такого большого «естественного» прироста, какой найден для 1897 г. в Европейской России (1,81 %), ни для одной страны до сих пор неизвестно, хотя в таких странах, как С.-А. С. Штаты (Северо-Американские Соединенные Штаты) и Аргентина, привлекающих переселенцев, «действительный» прирост, представляющий сумму «естественного» (равного разности рождений — смертей) прироста с числом прибывших из других стран, бывает и выше. Годовой же прирост в 1,5 % известен, например, для Германии за последние годы. Замечу далее, что в Финляндии, судя по переписям (Статистич. ежегодник Финляндии на 1905 г. Гельсингфорс. С. 8), было всего жителей в 1892 г. 2,43 млн, в 1897 г. 2,60 млн, в 1902 г. 2,78 млн, т. е. прирост равнялся 1,35 %. Для выяснения дела укажем еще на явную убыль (преимущественно от выселения, определяемого множеством влияний) народа в Ирландии, где в 1871 г. жило 5,4 млн, в 1881 г. 5,2 млн, в 1896 г. 4,7 млн, а в 1901 г. осталось только 4,46 млн. А так как всем известно, что есть народы, остановившиеся в приросте и даже вымирающие, и что большая прибыль народа указывает нечто иное, чем убыль или остановка, и тут есть над чем подумать. Во всяком случае, тут дело не в пресловутых видах «свобод», особенно политических, а в чем-то гораздо более важном, о чем нередко забывается. Предмет этот, как и многое иное, далее лишь упоминаемое, достоин подробнейшего разбора, но здесь считаю такой разбор неуместным.

⁵ Когда годовой прирост составляет 1,5 %, тогда удвоение числа жителей происходит в $46 \frac{1}{2}$ года, а через 155 лет число жителей возрастает в 10 раз, т. е. в 2052 г. жителей в современной России будет 1282 млн,

если до этого времени сохранится прирост в 1,5 %. Если прирост принять в 18 чел. на тысячу, как получилось для 50 губерний и к 1900 г., то удвоение произойдет в 38,8 года, а возрастание народонаселения в 10 раз совершится всего в 129 лет, т. е. тогда в 2026 г. (через 120 лет от нашего времени) должно быть в России 1282 млн жителей. Но и тогда всей земли на душу придется в России около 1,5 десятины, а годной для земледелия — около 1 десятины, т. е. больше того, что теперь имеют англичане, китайцы и т. п. Это добро надо сохранять уже ради одной любви к детям.

⁶ Земледельческо-сельскохозяйственная деятельность людей, составляя великий успех начального состояния человеческого общества, при его развитии, определяемом прежде всего умножением народонаселения (см. мои «Заветные мысли»), непременно должна с течением времени падать в своем большом значении не потому только, что на всех земли становится недостаточно и труд над землей становится все меньше надобным, но и потому, что поприще других видов промышленности (горной, ремесленной, фабрично-заводской, торговой, профессиональной, служебной и многих иных видов) неограниченно велико для трудового заработка на пользу, спрос и потребу общую, что отвечает (а не противоречит) врожденному людям стремлению к ничему — кроме личной воли или разве увлечений — не ограниченному размножению. Люди понемногу инстинктивно поняли, что для них когда-нибудь придет — через развитие других видов промышленности и городской деятельности — время освобождения от земельной зависимости, неизбежной для животных, как и для растений, что когда-нибудь помимо этих последних сумеют и уловить солнечную энергию, и получить — на заводах и фабриках — питательные вещества. Совершенно мне не свойственны подобные отвлеченные и далекие посылки, но они одни дают возможность понять то, что теперь, в нашу «промышленную» эпоху, совершается во всем мире. Если я вскользь касаюсь здесь теперь подобных вопросов, то лишь по той причине, что у меня с разных сторон, здесь и теперь, спрашивают ответа именно на вопросы подобного рода. Сам я, уже старик, не могу отречься от любви и к сельскому быту, и к земледелию, но я полагаю, что понимаю дух времени и предстоящее. Поэтому и не могу не высказаться, заметив, — без всяких уступок и в явном противоречии с социалистами, коммунистами и всякими иными политиканствующими, — что суть дела, по мне, вовсе не в общественно-политических строях и передрягах, а в таком явном умножении народонаселения, которое уже не укладывается в прежние сельскохозяйственно-патриархальные рамки, создавшие Мальтусов и требующие войн, революций и утопий. Для меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой «политики»

яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения людского.

Из сказанного читатель видит, что я не стесняюсь говорить отрывочно и лично от себя, но прошу заметить, что такую «отсебятину» я стараюсь (но не всегда успеваю) включать в сноски, предлагаемые в трудно читаемом мелком типографском наборе. Мне все время кажется, что я в последний раз говорю с немногочисленными моими читателями, а потому многое пишу, не развивая, просто спеша.

⁷ У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащей на берегу этого океана. Мои личные пожелания в этом отношении сводятся к тому, чтобы мы этим постарались воспользоваться как можно полнее и поскорее, сперва со стороны достижения Северного полюса, о котором человечество так долго и безуспешно хлопочет, а потом со стороны правильного торгового движения. То и другое возможно выполнить с успехом, если приложить и труда, и разума, и средств в достаточном количестве. Пути и способы найдутся, если задачу преследовать настойчиво и с любовью, непременно начиная с достижения полюса, а ничуть не с практического (торгового) конца, потому что только на задачу, подобную достижению полюса, найдутся многие преданные люди, а они попутно решат и вторую задачу. Лет десять тому назад сам я с адмиралом С. О. Макаровым рвался к выполнению первой задачи, да вторая много помешала осуществлению. Если бы хоть десятая доля того, что потеряно при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, пришла бы во Владивосток, минувя и Немецкое море и Цусиму, а главное, было бы много опытных моряков, привыкших взрывать сопротивляющиеся массы, плавать под водой и вести бой с природой и людьми силою осторожно-смелой предусмотрительности. Словом, по мнению моему, в нашем морском деле — для его успешного и верного движения вперед — лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана, хотя и уверен, что никакая «комиссия» до такого решения не дойдет, потому что комиссии и парламенты «Америки не открывали» и не откроют, хотя необходимы как фабрики для переделки добытого, если победили твердыни гор, надо и льды побороть, а у нас их больше, чем у кого-нибудь. А около тех льдов немало и золота, и всякого иного добра. Рад был бы там — у полюса — помереть, ведь не сгниешь.

⁸ Восемь губерний Финляндии перечислены в табл. 4. «Статистический ежегодник Финляндии 1905» (Aug. Hjelte. Гельсингфорс) не дает многих сведений по отдельным губерниям, а потому приводятся только числа для всего края, но и часть их менее отчетлива, чем для других краев, потому что выведена из данных, собранных по другой системе.

⁹ Конечно, существуют народности, подобные евреям и цыганам, не имеющие своей страны и лишенные своей государственности, но эти бродячие пережитки какого-то прошлого, еще возможные в наше переходное (от эпохи «новой» истории к «новой») время, наверное, не выживут (сольются) столетий, наступивших с XX веком, если не обособятся каким-либо способом, например тем, который предлагают сионисты. Есть глубокий смысл в том предположении, что человек создан из земли. Без нее немислимы и заводы, производящие питательные начала, упомянутые в одной из сносок. А так как на одном месте земли можно жить союзно, но нельзя быть в одно время многим, то смысл государства и относящейся к нему земли чем дальше, тем будет стоять тверже и прочнее, пока все непрочное (пожалуй, даже — порочное) не сольется с прочным, охватывающим мир. Количество людей должно под конец быть пропорционально количеству земли. Не оттого ли мы, русские, как показано выше, размножаемся сильнее иных соседних народов, что у нас земли все же больше, чем у них? Этого не надо забывать, это наше добро.

¹⁰ Густоту населения нередко выражают числом жителей, приходящихся на 1 кв. версту (или на иную большую единицу площади), но при редком населении это очень невыразительно (например, в Якутской области на квадратную версту — 0,08 жителя), а главное — мало говорит русскому уху, тогда как число десятин, приходящихся на душу, понятно сразу; да и дроби приходятся на землю, а не на людей. Главная же моя цель в том, чтобы отрезвить верхоглядов, полагающих, что не природа быта, а одно своекорыстие объясняет у нас скудость земельных наделов.

¹¹ В квадратной версте (250 тыс. кв. саженей) 104,17 десятины (1 десятина = 2400 кв. саженей). Число 104,17 тем примечательно и достойно запоминания, что в одном градусе меридиана, средним числом, содержится 104,17 версты.

¹² Некоторые плачутся о том, что прежние чисто земледельческие порядки и в России переходят в промышленно-земледельческие, явно показывая этим, что ничего не понимают в необходимости совершающейся во всем мире промышленной эволюции, определяемой прежде всего приростом населения. Или не хотят ли новые Мальтусы остановить этот рост? А по мне, чем теснее, тем дружнее. Деток же не только надо любить, но и жалеть. Иначе ничего уже не понять.

¹³ Число солдат, как показывает подсчет, не объясняет (помимо Варшавы) большого перевеса мужчин над женщинами в одних губерниях и женщин над мужчинами в других. Тут причины глубже. При этом напомним давно подмеченный факт, что у евреев и родится мальчиков процентов на 30 больше, чем девочек, и выживает больше, а до глу-

бокой старости все же доживает почти всюду гораздо более женщин, чем мужчин.

¹⁴ Однако, к великому сожалению, никакая перепись не может вычислить или отделить не только всех делающих полезное или подобное другим от занятых лишь собой, но даже и тех, которые полезное или надобное другим безумно или «себе на уме» разрушают. Иными словами, зла невозможно счесть. Многим кажется даже, что зло родится, ничем не возмещаясь. По этому поводу мне напоминает, что Лао-цзы, известный китайский мудрец, живший лет за 600 до Р. Х., уже проповедовал великую пользу возмещать добром за зло. Лет на сто позднее его жил другой знаменитый китайский мудрец Кунфун-цзы, или, проще, Конфуций. Его и спросил один из учеников при собеседовании: «А ты что нам на это скажешь?» Конфуций ответил сперва вопросом же: «А чем же станем мы тогда платить за добро?» Однако прибавил, говорят: «Мне кажется, что за зло довольно платить справедливостью». Если бы я был в числе слушателей, то на утверждения Конфуция попросил бы его определить справедливость, уверенный в том, что ответ мудреца или не выдержал бы критики веков, или состоял бы из уверток. Что же касается вопроса, сделанного Конфуцием, то на него, мне кажется, можно было бы ответить, рекомендуя платить за добро уважением и почитанием, а главное — заквितыванием зла добром, так как во всяком случае добро составляет противоположение злу и как плюс может погашать минус, производимый злом. Общий плюс трудящихся, таким образом, гасит минусы, определяемые как «физическими», так и всякими иными «недостатками», которых юридическая «справедливость» измерять отнюдь не может, хотя и должна к этому стремиться. В виде иллюстрации прибавлю, что никак не могу считать не только мудрецами, но даже порядочными счетчиками всех тех, которые видят и помнят только зло, забывая или не помяная добра. У нас-то ныне таких множество, не столько судя по частным отношениям, сколько по общественным; забывают много правительственного добра. Называют таких часто злыми, но правильнее считать их слепыми и пожалеть.

¹⁵ Для Финляндии оно неизвестно по переписи, а потому, ради однородности данных, я счел возможным принять его одинаковым в процентном отношении к общему числу жителей, как во всей империи.

¹⁶ Во второй главе моих «Заветных мыслей» (1904) численно доказано, что действительный средний прирост народонаселения во всем мире в прежние века был много менее современного, так как, будь прежний прирост равен нынешнему (т. е. 1 % в год), лет за 800 на всем свете народу было бы меньше, чем жило в одном Вавилоне.

¹⁷ В Китае — без Монголии, Маньчжурии, Тибета и китайского Туркестана — 407 млн жителей, а зем-

ПРИМЕЧАНИЯ

ли 1,5 млн англ. кв. миль, а так как англ. кв. миля содержит 2,276 кв. версты, или 237 десятин, то в самом Китае 356 млн десятин и на душу приходится 0,87 десятины. В Англии (без Шотландии, Ирландии и т. п., но с Валлисом) на 32,5 млн жителей 58,324 кв. миль земли, т. е. 13,8 млн десятин, следовательно, на жителя приходится 0,42 десятины.

¹⁸ Но я не думаю, что когда-нибудь переселение в буквальном смысле слова совершенно прекратится: будут переселяться единицы, но не народы и не целыми деревнями и т. п., как теперь у нас или внутри С.-А. С. Штатов. Перемещение центра (гл. II) это будет отчасти показывать.

¹⁹ Между правдой субъективно-людской и объективной Божеской много существенных различий, хотя есть и пункты сходства. Важнейшее различие, мне кажется, в том, что первая относительна и временна, вторая же безусловна и со временем постепенно — без всяких насилий — только утверждает. Такова — правда вращения Земли, хотя видимость или субъективно-людская правда ежедневного вращения Солнца и годовых его перемещений на небе несомненна и с уверенностью может быть утверждена большинством голосов. Ограничиваясь указанным, считаю, по нашему времени, очень полезным сообщить, что сам лично (прожив всю эпоху толстовских преобразований у нас учебного дела) не раз слышал горячие речи как от самого графа Д. А. Толстого, так и от его таких приспешников, какими были профессора Любимов и Георгиевский, о «примере всей Зап. Европы» и о «свободе преподавания», когда речь заходила о вводимых тогда (очевидно, очень вредных) изменениях гимназического и университетского устройства. С какой бы стороны ни шли, каким бы большинством или абсолютизмом ни поддерживались субъективно-людские аргументы и утверждения, они не становятся через это объективнее и ближе к истине. Выказывал я и тогда то же, что повторяю и здесь.

²⁰ Те точки зрения, с которых становится очевидным глубокое различие между работой и трудом, дают возможность сразу видеть ошибочность основных посылок коммунистов и социалистов, полагающих прежде всего что полезности производятся исключительно работой, тогда как в их создании более всего участвует именно свободный труд, всего яснее видимый в изобретательности, которую уже ни под каким углом зрения нельзя ни смешивать, ни отождествлять с работой. Свобода истинная и труд — понятия родственные.

²¹ Мне бы хотелось даже, чтобы выражения, столь часто встречающиеся, «труд бесполезный», или «вредный», заменялись бы словами «бесполезная», или «вредная», «работа». Трудности и условность начинаются с толкования слов: польза, потребность, спрос и т. п. Но я не вдамся в эту область, считая подобную работу бесполезной, хотя и отвечающей существующему на нее спросу.

²² Во всем свете в год добывают золота около 24 тыс. пудов, ценою около 500 млн руб. Годовая добыча каменных углей достигает в мире уже до 5 млрд. пудов, и он стоит уже не менее 500—600 млн руб.

²³ В С.-А. С. Штатах (без Сандвичевых островов) в 1900 г. было 76 млн жителей и в 160 городах жило 19,7 млн, или 26 %. Во Франции в 1901 г. в городах жили 15,96 млн, а в деревнях 23,00 млн чел., следовательно, городских жителей (на 38,96 млн) почти 41 %, и пропорция горожан, как повсюду, возрастает ежегодно и непрерывно, но едва ли и за 300 лет назад не была выше нашей. В городах Англии оказывается уже более $\frac{2}{3}$ всех жителей.

²⁴ Скажу здесь вкратце, что и в России эта борьба уже начата, хотя нам сперва лучше бы было позаботиться об увеличении числа фабрик, а потом легко издавать законы, регламентирующие безвредность их для окрестных жителей. Минувя долгие начала, многое у нас берут с другого, так сказать хвостового, конца.

²⁵ Числа, это доказывающие, приведены у меня в сочинении «Заветные мысли» (1903. С. 145).

²⁶ Утверждая это, я не мог воздержаться в отношении к этим числам от многих объяснений, и, как ни старался быть кратким, все же вышло длиннее, чем предполагал.

²⁷ Будучи убежден в том, что люди верят в преодоление всяких препятствий, существующих для безграничного умножения рода человеческого, я уже в своих «Заветных мыслях» ставлю вопросы о народонаселении на первый план между всеми другими внешними вопросами человеческого общения и полагаю, что не только наука (особенно же науки экономические), но и политика, даже религия и понятия о прекрасном должны поставить задачу народонаселения на первейший план. Ее забвение составляет одну из ошибок мышления, которая, по моему мнению, объясняет немалое число мировых погрешностей.

²⁸ Часть того, что сюда относится, изложена уже мною в «Заветных мыслях».

²⁹ Есть три способа вызвать скорый рост русского коммерческого мореходства: 1) субсидии предпринимателям, 2) перевозка казенных грузов исключительно на русских судах и 3) помилопудная премия судам, в России выстроенным (из русских материалов), за вывоз морем всяких или определенных русских товаров, как-то: каменных наших углей (например, с Донца в Балтийское море), масс хлеба, нефти, железа и т. п. Мое мнение с 1891 г. открыто (в особой записке) склоняется к последнему приему, и я вновь на него указываю и, быть может, когда-нибудь к этому предмету возвращусь, а пока сошлюсь на мой «Толковый тариф» (1892).

³⁰ Если к распространению образования относятся наши передовики в предстоящем времени

формально и поспешно, то добрых плодов и от этого влияния нельзя ждать, даже возможно ждать грубого или явного разочарования, первым поводом к которому уже ныне служит смещение учения и науки с политикой. Перед судом будущего должны ответить те, которые послужили своими делами и речами для дела этого смещения, стремящегося, по существу, превратить возрождающуюся Россию в страну, подобную упавшей в древности Греции или бессильной в наше время Мексики, где политика с ее субъективно-людскими требованиями брала и берет верх над исканием объективной Божеской правды, назначаемой не прямо, а косвенно для того же блага людского, для которого латинско-европейская политика напрасно изыскивает всевозможные манеры действия.

³¹ Думаю, что найдутся и другие объяснения, а мое дело, по существу, состоит лишь в указании фактов и в освещении их с той точки, какую считаю подходящей. Безошибочным считать себя я вовсе не думаю и чужие мнения выслушиваю внимательно. Пишу же теперь преимущественно для сообщения фактов, считаемых мною достойными внимания и размышления. Те из читателей, которые захотят найти объяснения или толкования более верные, чем мои, вероятно, разберут числа переписи подробнее моего. А когда они пороются в томах переписи, то убедятся, что труд подобного рода нелегок. И если бы мои мнения вызвали более подробную, чем моя, разработку данных, то я бы считал свою главную задачу выполненной вовремя.

³² Я думаю, но не решаюсь утверждать с уверенностью, что вымирают народы (а вымерло уже немало, и на наших глазах есть вымирающие народы) вследствие того, что не следуют естественной эволюции, ведущей всех людей по одному и тому же пути, г. е. от первичного быта в сельскохозяйственный, а потом в промышленный. Больше я ничего не прибавлю, надеясь, что читатели сами подыщут примеры и увидят следствия, если признают справедливость моей мысли. Но считаю долгом сказать о том, что за промышленной эпохой, может быть, последует в будущем сложнейшая эпоха, признаком которой, по моему мнению, может служить облегчение или крайнее упрощение способов добычи пищи, одежды и крова. К этому крайнему упрощению должна стремиться опытная наука, уже отчасти в ту сторону направляющаяся за последние десятилетия.

³³ Первой ступенью должно считать то «райское» состояние, в котором отдельные семьи почти ничем между собою не связаны. Второй ступенью должно считать состояние патриархальное, кочевое и вообще такое первичное, в котором уже проявляются задатки общности, собственности и тому подобных отношений. Третью ступень составляет земледельческий быт, а четвер-

тую — ныне сложнейший промышленный, сопряженный с полнейшим разделением труда или специализацией.

³⁴ Умножать количество крестьянских земель следует только с большой осмотрительностью, потому что небрежное отношение к земле может при этом сохраниться, а вся суть дела именно в бережном отношении к земле. Этим я не хочу сказать, что прирезка земли к крестьянским наделам всегда была бы излишня или вредна, думаю даже, что при современном положении вещей некоторая прирезка к крестьянским землям в отдельных случаях была бы уместна, но никоим образом не могу считать такую меру общей и настоятельнейшей. Крестьянину более нужен заработок, чем что-либо иное, а заработок может доставить только развитие видов промышленности. Само по себе земледелие, скорее, требует закрепления земель за отдельными семьями (будет ли это соединено с уничтожением общинного владения или нет, по мне, это дело надо предоставить решению самих общин, а никак не законодателей), уничтожения чересполосности и поощрения травосеяния, глубокой вспашки и улучшений в домашнем скотоводстве. Все это, однако, может вести к развитию крестьянского достатка при одном неперменном условии параллельного развития по всей стране видов промышленности, потому что иначе некуда будет прилагать труда и неоткуда будет получать верных и прочных заработков, которых одно земледелие ни под коим видом давать не может, при том неперменном условии, чтобы хлеб становился не дороже, а дешевле. Из 17 млн земледельцев никак не более 5 млн продают хлеб, а покупает его целая сотня миллионов жителей России, для которой дешевый хлеб так же нужен, как он нужен и для внешней торговли хлебом.

³⁵ Одни (Петербургский и Польский края), так сказать, перескочили через земледельческий быт в промышленный, другие (Киргизский, Восточная Сибирь) не добрались еще до сельскохозяйственного строя. Числа все это говорят.

³⁶ Если бы наша перепись давала и цифры общих народных достатков, то я полагаю, что они в краях, покупающих хлеб, особенно в промышленных, оказались бы на душу много больше, чем в краях, отпускающих хлебные товары, потому что промышленность выгоднее земледелия.

³⁷ Не желая удлинять свое изложение, тем не менее упомяну, хоть вскользь, о том, что сама природа, дав нам многоземелье, длинные зимы и богатейшие выходы ископаемых на поверхности, явно приглашает нас к эксплуатации недр. А так как пользование ими непременно требует правильного освещения глубин, а его получить можно только изучением, то, по моему разумению, нам больше, чем кому-либо другому, следует подумать над тем, как внести больше научного света в земные глубины.

ны. Со своей стороны полагаю, что для этого необходимо, прежде всего (кроме, конечно, выработки новых, сюда относящихся законов) уничтожить даже самую память о столь исключительной корпоративно-семейной организации всего горного дела, какая видна в наших «горных инженерах», свою историческую роль выполнивших, но теперь со своими традиционными приемами прямо вредных для правильного хода всей нашей горной промышленности. Горные науки необходимо распространить всеми возможными путями, а особенно специальными кафедрами и факультетами высших учебных заведений и средними школами, подобными штейгерским, на что есть уже примеры последнего десятилетия. Геологические разведки, правда, и ныне производимые, следует умножить и сделать их результаты более, чем доньше, доступными для всех. В заключение скажу, что, будь у меня какая-либо на то возможность, в Центральной России, около Москвы даже, я бы повел такую глубокую разведку вертикальной шахтой и бурением, о какой доньше и помину нет, и полагаю, что от глубокого проникновения внутрь недр разлилось бы немало света в подземной тьме. Хоть и Солнце знать надо, все же Земля поближе, а за две же версты вглубь о ней уже почти ничего не известно. Стоит только вообразить, что под Москвой там найдутся мощные пласты каменных углей, чтобы моя мысль стала ясно.

³⁸ Очень поучительно обратить внимание на то, что наша образованность, а потому и литература и публицистика зачастую всякую защиту протекционизма сводят к обвинению в напаках на сельскохозяйственные интересы страны. Будучи убежденным протекционистом, уже как землевладелец, лично порабатывавший на сельскохозяйственном поприще, я говорю о необходимости всеми способами развить всякие виды промышленности и не только потому, что лишь этим путем возможно увеличение общего народного достатка, но и в том смысле, что только этим путем можно коренным образом улучшить наше сельское хозяйство — как крестьянское, так и помещичье. Краткости ради, при защите протекционизма я останавливаю внимание читателей почти исключительно на отношениях переделывающей промышленности к сельскохозяйственной.

³⁹ Частое мое обращение к примеру нефтяного нашего производства определяется не столько тем, что в начальной эпохе его развития я принимал в нем деятельное участие — не как предприниматель или участник, а как исследователь, — сколько по той причине, что в этом деле превосходно оправдались — пока следовали моим советам — мои оптимистические ожидания, про которые мне лично еще в 70-х годах покойный министр финансов М. Н. Рейтерн отзывался как о «профессорских мечтаниях». Тогда, когда к нам ввозился аме-

риканский керосин, так можно было отзываться на мою уверенность в способности России отправлять от себя десятки миллионов пудов керосина, а если теперь это все видят на деле, то невольно пример этот подвергается под перо. Говорю же и теперь оптимистически про массу наших дел, хотя их правильно направлять надо умеючи и не так-то легко, портить же и сбивать с пути успеха — крайне просто и доступно не только тем, которые пекутся о «казенном интересе», но и тем, кто лично заинтересован в определенном их направлении. Ланкастерская школа педагогов хотела и попробовала и обучение детей поручать детям же, да на основании опыта отказалась от такой системы. Так когда-нибудь догадаются, что вручать дела данной промышленности лицам, ею живущим, не ведет к наилучшим следствиям, хотя послушать таких лиц преполезно. Основной смысл сказанного заключается в том, что интересы общие, вечные и прочные зачастую не совпадают с личными и временными, даже нередко одни другим противоречат и, на мой взгляд, предпочитать надо — если помирить уже нельзя — первые, а не вторые. В этом и драматизм нашего времени.

⁴⁰ Для добычи капиталов, промышленности надобных и могущих прийти хотя отчасти через правительство, ни под коим видом я не рекомендую увеличивать прямые и косвенные налоги. Дел промышленности мешать не следует — в одну кучу с теми делами (войско, администрация, дипломатия, образование, суд и т. п.), ради которых подати и налоги уплачиваются; промышленность (а в том числе, по мне, не только дороги и торговля, но и земледелие) должна сама себя дозвлет, основываться, содержать и свои начальные займы оплачивать. Государство тут может быть посредником, помощником, но не должно быть — за немногими исключениями — участником, а становясь им, только склоняется к социализму, т. е. к началу своей же гибели. Из всех видов податей и налогов менее всего нам подходит, по моему мнению, так называемый подоходный налог, не потому одному, что при нем, в наших-то условиях, можно ждать множества обманов, но особенно потому, во-первых, что нам надобно начинать предприимчивость, а вначале всякие предприятия малоодоходны, во-вторых же, потому, что разумно облагать только чистый доход, но никак не валовой, обложение которого должно служить только задержкой развития предприимчивости, а не ее возбуждением. С течением времени, когда поразбогатеет и когда вывозить станем не тот хлеб, который надобен своему же народу, придет, быть может, время для уместности подоходного налога. При этом не должно упускать из вида, что все отнимаемое от чиновников придется возместить увеличением окладов (ибо они и без подоходного налога у нас малы), что существующие налоги на купоны,

на квартиры, на домовладельцев, на иностранные товары и т. п. уже по своему существу суть виды подоходного налога и что сколько-нибудь разумный подоходный налог немислим без отсутствующей у нас предварительной подготовки статистических данных, касающихся доходности жителей. Предложение же подоходного налога для введения сельскохозяйственных улучшений (что делали не раз) должно считать простым недомыслием или недоразумением.

⁴¹ Числа, сюда относящиеся, со многими подробностями помещены в гл. IV моего сочинения «Заветные мысли» и взяты прямо из отчетов 12-го цензуса (1900) С.-А. С. Штатов.

⁴² В гл. IV моего сочинения «Заветные мысли» приведено, что данные цензусов С.-А. С. Штатов явно показывают, что из стоимости товаров лишь 4 % идет предпринимателям и что рабочие и техники получают около 22 %, а на с. 190 видно, что один «хозяин» в год получает уже не более 2 тыс. руб.; 15 же лет назад получал 3,5 тыс. руб., а один техник, надсмотрщик и т. п. в среднем по 1 тыс. 300 руб. и один рабочий по 855 руб. в год вместо 674 руб. 15 лет тому назад. Ясно, что все хозяйство должно перейти само собою к работающим без всяких социалистических невозможностей и нелепостей: барыши хозяев уменьшаются, а заработки участников возрастают — в силу современного хода вещей и отношений, т. е. здесь идет своя эволюция — без революции.

⁴³ Я понимаю, что хлопочут об уменьшении работы — это законно и согласно с прогрессом, но когда стремятся к уменьшению количества труда и стремятся получить все откуда-то «дарма», то я думаю, что идут не вперед, а назад. У нас труда-то мало, а работа людьми толчения воды или такая, которую могут делать ветер или пар, конечно, должна быть сокращаема до крайности. Дело бы много выиграло, если бы вместо выражения «рабочее время» употребляли выражение «трудо-вое время». Трудиться нам необходимо очень много, не покладая рук и не уставая головой, т. е. не считая чего-либо решенным.

⁴⁴ Считаю долгом заметить со своей стороны, что размеры единичных фабрично-заводских производств, наиболее выгодных во всех отношениях, тем скорее могут вновь сокращаться, чем больше будет приобретать господства покровительство внутреннему производству, чего не должны забывать фритредеры. Сущность покровительственной системы (протекционизма) состоит в представлении временных (вследствие соревнования) выгод всякому внутреннему труду, а в том числе и сельскохозяйственному, кустарному, ручному и т. п. Этого, увы, очень многие не понимают. Содействовать труду и вызывать его у нас особо важно и своевременно всеми способами. Я не устану говорить, что в этом вызове труда промышленного

и в содействии ему — главная задача нашей внутренней политики. Замечу еще, протекционное обложение ввозимых товаров у нас есть своего рода подоходный налог, потому что иностранные товары покупаются только при некотором избытке доходов, а все потребное для простецкой жизни у России имеется внутри. Таможенные доходы только убавляют всякие иные подати, и если таможенное обложение хорошо обдуманно, как это было сделано при составлении тарифа 1891 г., то одновременно растут и таможенный доход, и внутреннее производство. Но и это дело протекционизма сложно в своих подробностях; одного принципа и здесь мало; нужны знание, изучение, внимание, мера, а не одно огульное и скороспелое решение, зрелое суждение, а не простое осуждение. Это одна из важнейших задач Государственной думы.

⁴⁵ Перевозка дает возможность судить и об их развитии, а потому нельзя не пожелать, чтобы наша будущая перепись содержала возможно полные данные о перевозке и других видах сношений вместе с данными для земледелия, скотоводства, промышленности и торговли. В отрывках все это отчасти известно, но в целом поучительность была бы громадною.

⁴⁶ Полицейские и пожарные (в числе 131 тыс. в 1900 г. и 75 тыс. в 1890 г.) отнесены в американской переписи к «domestic and personal service», но в нашей сравнительной таблице они считаны вместе с деятелями профессиональными и гражданскими служащими, как это принято в нашей переписи. Вообще говоря, было бы очень желательно, чтобы номенклатура и распределение жителей по разным видам деятельности в статистических работах разных стран были согласованы — ради удобства сравнений.

⁴⁷ В число прислуги в американских переписях включаются лица, причисляемые часто в иные классы, например: цирюльники, ресторанные служители и т. п. От этого число прислуги вышло велико, хотя известно, что американцы держат мало прислуги (см. предшествующую выноску).

⁴⁸ Все это совершенно чуждо каких бы то ни было намеков на истребление уже потому, что в основу всего должно положить вопрос об умножении народонаселения. С него непременно должно начинать. Он один эгоистические требования в силах направить в должную сторону. Оттого в «Заветных мыслях» высказываюсь в пользу того, чтобы «отцовство» (содержание детей) считалось первым условием (цензом) при всяких общегосударственных выборах.

⁴⁹ А не имея этих подробностей, трудно проверить степень точности примененных приемов. Во всяком случае, однако, способ, применяемый нами, общее и строже американского. Но и в С.-А. С. Штатах, как у нас, большие воды (озера, моря) исключены из по-

верхности и большие города приняты в расчет при нахождении центра населенности.

⁵⁰ Можно показать, что есть случаи, когда центр схождения всех жителей не совпадает с центром населенности, понимаемым как центр тяжести, но совпадение это существует, вероятно, не только во многих очевидных случаях, но и вообще в странах с большой поверхностью и с большим числом жителей. Задача нахождения «центра сходимости» ждет своего полного решения.

⁵¹ В этом мы видим преимущество нашего положения, но не следует закрывать глаза на то, что тут содержится в то же время одна из причин сложности нашего современного быта, потому что он как бы невольно заставляет нас, находящихся еще наполовину в эпохе «земледельческого» быта, идти по пути, предпосылаемому, выработанному и указуемому «промышленным» строем жизни нас опередивших стран. Отсюда, не вдаваясь в разбор подробностей, становится ясной первая суетливость наших желаний, упований и мероприятий. Надо много осмотрительного благоразумия для того, чтобы при таком сочетании обстоятельств не угодить «из кулика в рогожку», куда толкают нас неразумные, полагающие, по всей видимости, что в истории можно перескакивать сразу и что «власть» — в чьих бы руках она ни находилась — может что-либо сделать против законов исторической необходимости. Будем ждать, что хоть в Государственной думе найдется благоразумное большинство, понимающее всю сложность теперешнего нашего состояния и необходимость установить прочные пути как для промышленности, так и для расселения, чего без экономической «свободы» сделать нельзя и чего политические «свободы» сами по себе одни сделать не могут. Узнать или уловить немного простое в сложном составляет истинную задачу как всякого научного обладания или предвидения, так и чисто политического — внутренне го или внешнего.

⁵² Хотя расчеты все проверялись, но, по самому существу дела, за точность результатов можно ручаться лишь до определенной степени, а именно едва ли более чем до 10^1 по дуге, в особенности вследствие некоторой сомнительности в очертаниях северных и восточных частей России.

⁵³ Когда я занимаюсь (как упомянуто уже выше) подробностями проекта образцового училища наставников, мне желательно было узнать, хотя бы приблизительно, положение центра населенности всей России, считая — ради простоты, — во-первых, население в каждой губернии распределенным равномерно, во-вторых, положение центра населенности в каждой губернии совпадающим с положением ее губернского города и, в-третьих, принимая Финляндию и всю совокупность польских губерний за единицы, подобные отдельным русским губерниям. У самого меня в то время бы-

ло много другого дела, а потому я поручил выполнить весь первоначальный приближенный расчет сыну своему И. Д. Менделееву, взяв соответственные числа (положение губернских городов и число жителей в губернии) по календарю, причем рекомендовал для первого раза придерживаться простых приемов, применяемых американскими статистиками для определения центра населения С.-А. С. Штатов. Сын мой, однако, не захотел придерживаться этих приемов расчета, потому что счел их точность сомнительной в приложении к такой большой стране, какова Россия, а потому на основании общеизвестных начал, применяемых в механике для определения центра тяжести суммы связанных между собой весомых точек, вывел вышеприведенные формулы, по которым затем и рассчитывалось им, а затем мною с моими вышеупомянутыми сотрудниками положение центров как населенности, так и поверхности, потому что формулы, выведенные И. Д. Менделеевым, точны (считая Землю шарообразной, что здесь вполне допустимо) и для расчета оказались удобными. Так как формулы эти, сколько мне известно, в литературе предмета являются в первый раз, то следовало бы привести их полный вывод, но я считаю — краткости ради — достаточным привести их выражение, предполагая, что со временем где-либо и будет помещен весь способ вывода, основанного на общеизвестных началах механики, произведя сперва расчет в обычной системе координат — в пространстве, а потом выражая те же величины в географических координатах, т. е. широтах и долготах, относящихся к поверхности Земли.

⁵⁴ Здесь невольно напрашивается мысль о необходимости систематических горных разведок на всем нашем Севере, что отчасти уже начато и что, по-видимости, ждет лишь энергичного продолжения. Обсуждая этот вопрос, однако, нельзя не увидеть того, что и он, как многие у нас, наталкивается на недостаток средств и лиц, пригодных к умелому и энергичному ведению подобных дел. Средства еще добыть можно довольно скоро, но и об их своевременном получении следует подумать более и ранее, чем о многом ином (для этого средство одно: усиленный промышленный рост, как я доказываю с разных сторон здесь и в «Заветных мыслях»); что же касается лиц, необходимых в этом деле, — с большой подготовкой, то это требует и больше времени, и больше вдумчивого отношения, так как надо начинать с профессоров, с их подготовки. Оттого-то я со своей стороны настаиваю на крайней спешности устройства образцового училища наставников или профессорского института, для которого нельзя жалеть средств, лишь бы только был толк, а не новая пустая трата на образцовых «балагуров» и «забастовщиков». Без лиц знающих и трудолюбивых ни тут, ни во многом ином — ничего не выйдет.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵⁵ В декабре 1905 г., когда за центры населения губерний приняты были губернские города и вообще были взяты непроверенные календарные числа и допущены многие упрощения, положение центра населенности оказалось (по расчету И. Д. Менделеева) все же при широте 53°0' и на долготе 8°40'. Близость результата (примерно до 100 верст) зависит от того, что при большом числе данных небольшие погрешности единичных чисел оказывают малое влияние на вывод.

⁵⁶ Судя по степени точности (т. е. по величине вероятной погрешности) в определении полуосей земного сфероида, в длине градуса меридиана можно ждать погрешностей уже в сотых долях версты, а потому больше чем два десятичных знака приводить не следует, уверенность же есть только в десятых версты, тем более что Земля не представляет в точности форму эллиптического сфероида, а форма «геоида» еще неточно известна.

⁵⁷ Карта начерчена в масштабе 10 верст в миллиметре, а уменьшение до указанного размера произведено при съемке цинкографической копии.

⁵⁸ Длину u градуса, параллели, при широте x , можно вообще рассчитать по формуле:

$$y = \frac{104,3 \cos x}{\sqrt{1 - 0,0068 \sin^2 x}}$$

⁵⁹ При изображении России, по-видимому, лучше было бы принять действительные размеры не только по всем меридианам (как у нас и принято), но и на параллелях в 45 и 65° сев. широты; тогда искажения были бы очень малы на всей карте, зато тогда меридианы (прямые) не сходились бы в полюсе и около самого центра населенности России все же были бы небольшие искажения, чего нет в принятой здесь проекции карты России.

⁶⁰ Оригинальная карта сохраняется, и, если потребуется ее новое издание, она будет по мере возможности дополняться и поправляться. Всякие указания на неточность или недостаточность будут приняты мною с большою благодарностью.

ДОПОЛНЕНИЯ К «ПОЗНАНИЮ РОССИИ»

¹ Все упомянутое можно доказывать, но притом надо, во-первых, много писать, а во-вторых, много критиковать, а того и другого я стараюсь в предлагаемой книге избежать всеми способами, не нарушая ясности. Если местами мне приходится касаться некоторых современных утопий, то это делается мною преимущественно для выяснения того рода мыслей, который руководит мною при обсуждении общественных вопросов.

² [...] Идеальные стремления не только к постепенному (эволюционному) усовершенствованию отношений лиц в обществах и обществ в государствах, но и к некоторой мере насильственного принуждения к желаемому порядку течения дел, конечно, неизбежны, а потому и у социалистов, анархистов и коммунистов нельзя отрицать передовую правдивость их идеальных требований. [...]

³ В примечании 3 Д. И. Менделеев кратко излагает свои соображения по вопросу о собственности, которые нельзя признать правильными, ибо он упускает из виду историческую смену форм собственности, а также различия между собственностью на средства производства и средства потребления. (*Прим. ред. издания 1952 г.*)

⁴ Эти признаки, однако, не принадлежат ко всеобщим и неизбежным, особенно при развитии современных рационалистических учений, но так важны, что, по-моему, их надо признавать первым условием для полной общественной правоспособности (например, для права на избирательный голос или для занятия многих должностей), тем более что множество людских действий определяется именно заботами о семьях, и особенно о детях.

⁵ Вторую из важнейших, по моему мнению, причин расширения переселений составляет искание лучших личных условий жизни, третью — избыток силы и стремление к переменам и новизне и лишь четвертую — недостаток средств для жизни. Заботу же о собственности потомства считаю наиважнейшей и наиболее настойчивой.

⁶ Это отвечает среднему годовому приросту в 0,6965 %, а он ныне в мире близок к 0,9 %, как увидим далее, а при годовом приросте около 0,9 % удваивание совершается менее чем в 80 лет. Допустим удвоение лишь в 100 лет и примем к 1900 г. на Земле 1600 млн жителей. Тогда в 1800 г. должно было бы быть 800 млн, в 1700 г. — 400 млн и т. д. К эпохе Рождества Христова на всей Земле было бы, при сохранении такого прироста (0,9 %), только 3 тыс. (точнее, 3052) всех людей. А так как тогда, наверное, на всей Земле жило уже немало миллионов людей, то и очевидно, что современный прирост много больше средневекового. Отсюда ясно уже, что тогда порядки были неблагоприятно-худы, потому и изменены людьми на новые.

⁷ Так как народы друг у друга часто проникают и нередко между собой сливаются и этот процесс еще далеко не закончился, то рассмотрению удобнее подлежат отдельные страны, а не народы, тем более что государственное распределение людей определяется более всего и даже преимущественно, если не исключительно, территориальными отношениями, а не какими-либо иными. Исчезновение в будущем — конечно, не близком — безземельных народов мне кажется неизбежным и несомненным. Из того, как ирландцы, немцы и т. п. постепенно в С.-А. С. Штатах превращаются в «американцев», отчасти уже виден механизм такого «исчезновения».

⁸ Я старался так расположить все числа и придать им такой вид, чтобы можно было подводить не только те суммы, которые даны в таблицах, но и всякие иные... По этой причине величина годового прироста дается не в процентах к числу современных жителей, а в абсолютных количествах ежегодного прибывающего числа жителей. По той же причине в столбце *C* (третьем) данные показывают не отношение числа женщин и мужчин, а абсолютную разность их количеств.

⁹ Статистика земель, т. е. распределение их между различными применениями (для строений, полевов, лесов, дорог и т. п.), по способности к хлебопашеству, по размерам владений и т. п. во многих странах мало известна, а заслуживает такого же внимания, как и статистика народонаселения. Что касается возрастного состава народонаселения разных стран, то большинство известных мне данных помещено мною (и отчасти разобрано) во 2-й гл. моих «Заветных мыслей», но к этому предмету я предполагаю еще раз возвратиться, когда найду для того время и возможность.

¹⁰ Так, например, для Германской империи за последнее время встречаются два числа: 56,37 и 60,61 млн. Первое число по переписи 1900 г., а второе — по предварительным подсчетам переписи 1 декабря 1905 г.

¹¹ Одну из важнейших (хотя и не первичных) и, если можно так выразиться, полезнейших сторон всякого «знания» составляет предвидение реальных явлений, уже по той причине, что оправдание предвидения дает уверенность в возможности твердых или истинных выводов изучения. В начальные эпохи зарождения наук в состав знаний обыкновенно включается лишь описание познаваемого, логическое его обсуждение, выводы, объясняющие узнанное, и критика всяких о нем суждений. Это все необходимые элементы знаний, но не они, а только оправдания предвиденного дают полное ручательство в истинности данных выводов знаний. Это ясно понял первый Бэкон Веруламский, но это и поныне неясно множеству людей, особенно мечтательной научной молодежи, которая — того не сознавая, конечно, — твердо ве-

рит не проверенному предвидением, а опирающемуся лишь на логические посылки, т. е., в сущности, действующей такими приемами, какими оперировали софисты, схоластики и другие, до Бэкона жившие, исследователи.

¹² Если означим число лиц женского пола через *x*, а мужского — через *y*, то очевидно, что $A = x + y$, тогда как $C = x - y$, следовательно, по данным *A* и *C* легко определить *x* и *y*, а именно

$$y = \frac{A - C}{2},$$

тогда как

$$x = \frac{A + C}{2}.$$

¹³ Чтобы получить для страны или народа в процентах эту среднюю годовую прибыль народонаселения из данных для двух годов, разнящихся на *i* лет, можно поступать различно, но, мне кажется, правильнее всего применять следующий способ: из позднейшего числа вычитать предшествующее, разность умножать на 100 и делить сперва на *i*, а потом — на среднее из позднейшего и предшествующего чисел. Этот «средний процент прироста», различаясь для разных народов и времен, служит известною — и очень важною — их характеристикой, и при вымирании народа или при выселении народа из страны (Ирландии) становится отрицательным, а в пределе — по времени, — когда вся Земля заполнится людьми, прирост как процентный, так и абсолютный, неизбежно уменьшаясь (Франция), станет нулевым, т. е. число жителей постоянным — по крайней мере, за известное число лет в среднем.

¹⁴ Следовательно, для Ирландии годовой прирост — величина отрицательная, и именно *B* близок к — 0,034.

¹⁵ Сумма поверхности Англии, Шотландии и Ирландии (около 278 тыс. кв. верст) менее поверхности одной Уральской области (284 тыс. кв. верст) или одной Пермской губернии (290 тыс. кв. верст).

¹⁶ Главную причину, по которой отделяют Европу от Азии, мне кажется, должно искать в классическом мировоззрении, а никак не в каких-либо чисто географических соотношениях, которые заставляют, скорее всего, отделить Северную Америку от Южной, даже тогда, когда Европа не станет отделяться от Азии. Когда сибирские пустыни и киргизские степи окажутся населенными русскими и просвещение России довольно поработает для слияния Дальнего Востока, включая в него Китай и Японию, с Западною Европою, тогда настанет действительная новейшая история, а с нею, вероятно, позабудут отличие Европы от Азии. Весь секрет этого дела — в Китае, и я не стану утверж-

дать, что нам теперь же, ничуть не мешкая, следует завязать тесный союз с Китаем (сепаратно, быть может, и с Японией, или обратно — что уже дело политиков), а изучение Китая и перемен, в нем совершающихся, усилить в разнообразных отношениях, и отнюдь не ограничиваясь одним Пекином и Ханькоу. Китай, как и Россия, не трупы, как их иные считают, а только спящие великаны, пора пробуждения которых наступила.

¹⁷ До прорытия Суэцкого канала мыс Доброй Надежды и другие африканские владения Англии играли ту же роль станций на пути в Индию и Австралию.

¹⁸ Без Адена и Перима, которые сочтены нами выше, но с Андобанскими и Никобарскими островами.

¹⁹ Хотя для ближайшего ознакомления со всем современным составом азиатских и африканских владений Англии мною затрачено немало времени, но я не убежден в том, что пропусков в моем счислении нет, так как даже за самые последние годы Англия не прекращает втихомолку забирать для себя все то, что не занято другими правительствами. [...]

²⁰ Они немного отличаются от того, что дает «The Stateman's Year-Book for 1906» (р. XLV, Introductory Tables), так как там общая поверхность дана 11,9 млн англ. кв. миль, или 30,8 млн кв. км, а общее число жителей принято для 1901 г. равным 398,4 млн, что дает, при 0,5 % годового прироста, к 1907 г. 410,3 млн жителей. Различия эти так процентно малы, что я считаю излишним входить в разъяснение причины разности.

²¹ Полагаю, что, с образованием самостоятельных управляемых австралийских штатов, Англия обеспечила за собой Австралию крепче, чем это было бы возможно каким-либо иным способом. Ныне же к этому добавляют поиски Японией малозаселенных земель и очевидный аппетит к Австралии. Очевидно, что политика Англии должна быть очень сложна, что все и видят на деле.

²² Для европейских стран избыток женщин, как известно, давно определяется преимущественно избытком смертности мальчиков в юном и среднем возрастах, так как мальчиков рождается обыкновенно больше, чем девочек.

²³ Это число считаю, однако, не твердо установленным, а потому отмечаю в таблице особым условным знаком. Перевес рождений над смертями за последние годы во Франции гораздо менее 92 тыс., а именно для 1902 г. 54 тыс., 1903 г. 73 тыс. и 1904 г. 57 тыс. Данные для переписи 1906 г. мне еще не известны.

²⁴ Надо заметить, что $\frac{1}{10}$ % прироста для Англии и Франции близка к 40 тыс., а для Германии к 50 тыс., так что одни изменения в эмиграции едва ли объясняют общность явления, хотя почти несомненно, что в самом конце XIX ст. эмиграция

в названных странах — от быстрого роста промышленности — убывала.

²⁵ Считаю полезным повторить, что мое дело сводится исключительно на указание явленного действительности, считаемых мною прочными и имеющими свое значение для понимания взаимного отношения людей. Объяснение замечаемого и извлечение из него следствий не входят в основную задачу моей работы и требуют особого нового труда и притом огромного, чего я не могу предпринять, довольствуясь беглыми замечаниями, внушаемыми опытами жизни.

²⁶ По переписям 1815 и 1848 гг. в России жителей было около 45 и 74 млн. По этим числам и по сравнению с 1897 г. (128 млн) годовой прирост около 1830 г. был равен 1,48 %, а около 1870 был равен 1,09 %. За указанное время Россия увеличилась в размерах и числа прежних переписей («ревивских сказок») нельзя считать точными, и потому для годового прироста России принято 1,5 %, как величина вероятная по данным о перевесе (1,8 %) рождений над смертями в 50 губерниях в 1897 г.

²⁷ Для расчета исхожу из того, что 27 января 1897 г. было 128,24 млн, а протекло до 27 января 1907 г. 10 лет, годовой же прирост равен 0,015 на 1. Отсюда получается число жителей к 27 января 1907 г. = 128,24 (1,015)¹⁰ = 148,83, а годовой прирост = 2,232 млн, а в один день = 6,1 тыс., в 27 дней = 165 тыс., следовательно, к 1 января 1907 г. = 148,66 млн. Погрешность сделанных допущений в результате дает едва ли ошибку более 1 %, т. е. число жителей России к 1907 г. едва ли более 150 млн и, вероятно, не менее 147 млн. Среднее из этих округленных чисел (148,5) и принято мною.

²⁸ Смею надеяться, что меня поправят, если я где-либо — неумышленно — окажусь неверным. Моя цель: уразуметь Китай, ныне явно возрождающийся к новой жизни и к нам близкий, не только по географическому положению и отношению к Японии, но и по многим иным важным сторонам. А, уразумев Китай, по мне, следует с ним немедленно сблизиться в политическом и промышленном отношениях.

²⁹ Может быть, я и ошибаюсь, но по тому, что узнал из знакомства с некоторыми писаниями китайских мудрецов, полагаю, что Китай направит свои силы, когда их почувствует, исключительно на успехи внутренние, не военно-завоевательные, а мирные, на науки, сельское хозяйство, промышленность и торговлю, а потому-то я особо стою за тесноту сближения с Китаем, о чем говорил уже в своих «Заветных мыслях». Бояться можно китайского соперничества не нам, а тем, кто видит в Китае только рынки сбыта, чего у нас, при большом соприкосновении с Китаем и нашей малой промышленной развитости, нет или оно стоит пока на втором плане. Я бы не прочь был даже и от тамо-

женного союза с Китаем и даже от свободной торговли у нас чаем, так как его удешевление, наверное, послужит к уменьшению пьянства, но не должно забывать, что без таможенной охраны чай можно обложить внутренним налогом, который, во всяком случае, хуже налога на водку и на табак.

³⁰ Обращаю внимание на то, что китайцы, судя по сведениям последнего времени, начали заселять пустынную Монголию, и я полагаю, что нам следует усиленно заселять киргизские степи и всю длинную границу нашу с Китаем, чтобы не соблазнять его пустующими соседними землями. Нельзя, однако же, не заметить, что китайцы во всю свою длинную историю стремились всегда более к югу, чем к северу, что прежде всего должно заставить Францию и Англию быть настороже при начавшемся возрождении Китая. Соображения этого рода заставляют особо желать мира в Азии, — а потому и в Европе, — союза России, Англии и Франции с Китаем. Но тут надо действовать скоро, неотложно, пока Китай с Японией не спелись еще до конца, возможность чего не должно упускать из виду. Думаю, что наша внешняя политика, правильно проводимая, много может помочь и улучшениям внутренним.

³¹ Судя по цифрам, данным в моей книге «К познанию России», в ней всех неславянских народов 28 %, а если заметить, что немалая из этого часть литовцев, латышей, немцев, грузин, финнов, татар и даже евреев и армян обрусела и при благом течении событий обещает окончательно слиться с остальной массой русского населения, то останется очень немного процентов таких инородцев, каких в Британской империи 88 %. Благодушие и уживчивость русских охотно примет всех желающих в свою семью, чего надолго нельзя сказать про англичан, чересчур гордых своим просвещением и организацией.

³² [...]

³³ [...]

³⁴ Можно, например, думать, что разнородные нелады, несомненно существующие за последние десятилетия во Франции, зависят в значительной мере от опасения войны с Германией. Вообще внутренняя политика не может успешно совершаться под давлением беспорядков и опасений внешнего политического конфликта. Устройство внешних отношений содействует внутреннему успокоению, и обратно. Эта связь внутренних отношений с внешними и составляет причину того, что я решил дополнить свои мысли, изложенные в книге «К познанию России», предлагаемою статьею, в которой желаю прежде всего сообщить по возможности точные первичные данные обо всех странах света и свои общие соображения, касающиеся предстоящих внешних отношений. Ничуть не желая никому навязывать своих мыслей, пишу так, как думаю, ничего не скрывая между строк,

в чем и полагаю свою посильную лепту к алтарю Отечества. Иными способами мне на старости уже невозможно удовлетворять современному спросу на свободные голоса русских людей. Если во внутренней политике важнее всего, по моему мнению, работать для развития или увеличения общего народного достатка, то во внешней — для прочного общего мира всего рода человеческого в количественном и качественном отношениях. «Порядок», по мне, есть только второстепенное, видимое и даже отрицательное средство. Цели же прогресса нуждаются в положительных мероприятиях, направленных к достижению того, что внушается не только временными потребностями личного и общего удовлетворения, но и вечными интересами потомства и человечества. Первые познаются, могут довольствоваться учением и знанием, а вторые требуют науки и веры. Восходя по ступеням первой лестницы подъема человечества, люди себя прямо и косвенно боготворят, неизбежно становятся софистами или рационалистами [...]. Но первым маршем лестница прогресса не кончается, — она бесконечна, и, только повернув на второй марш, становится видна эта бесконечность, реально в потомстве выражаемая.

³⁵ Заговорив про Японию, мне хотелось здесь (хотя очень кратко) ответить моим современным анонимным порицателям, попрекающим меня за 5 главу моих «Заветных мыслей», писанную при начале войны с Японией (1904), в особенности за мою уверенность в окончательной победе России. Мои порицатели полагают, что я должен покаяться по этому поводу, но они, должно быть, худо читали. На с. 236 у меня прямо сказано: «Бояться нам нужно только рановременного окончания войны, вмешательства посредников и своего благодушия...» Оставляя в стороне два последних повода, упираю на первый, так как все мною узанное с тех пор, как я писал, показывает, что, продлилась война, — результат был бы непременно иным, чем вышедший. Войны я не одобрял и не одобряю, захвата Китая не вызывал и осуждать не переставал, посылку нашего флота к Цусиме считал и продолжаю считать совершенным неразумием, понимая его неподготовленность и плохие распоряжки, но, как русский, уверенность в силе своей страны питал, питаю и питать буду и отпор нападающим — да, до конца — советовать не перестану, хотя все время пишу о том, что сперва надо все же свой домашний быт устроить.

³⁶ У всех великих держав колонии, взятые в целом, населены менее плотно, чем метрополия, у одних С.-А. С. Штатов встречается явление обратное, что достойно указания.

³⁷ Если бы меридиан был кругом, то его радиус был бы близок к 6367,47 км. Но так как меридиан близок к эллипсису, у которого наибольшая полуось, или радиус экватора, — 6378,45 км, то разо-

ченный радиус меридиана с полным правом (вследствие малой разности обеих полуосей, или малой сплюснутости земного сфероида) можно считать равным полусумме большой и малой полуосей эллипсиса. Поэтому, так как большая полуось близка к 6378,45 км, то малая оказывается близкою к 6356,49 км, т. е. эксцентриситет очень мал и близок к 0,0829.

³⁸ Далеко вперед предвидеть невозможно, так как нет прямой физической возможности прочной жизни людей на воде, под нею, на полюсах и внутри земной коры, куда может проникать воздух. Энергическая пытливость людей, называемая наукою, может со временем привести и к этому. Но это еще далеко, далеко впереди, если еще не дошли до полюсов, если углубились в Землю менее 3 верст. Однако на вершине Монблана уже устроена постоянная обсерватория, под водами Ла-Манша уже собираются провести туннель и до полюсов, того гляди, не сегодня так завтра доберутся. О пище и думать нечего: она найдется, или получится, или доставится с усилиями, сравнительно незначительными, так как, в сущности, она есть произведение из воздуха и энергии, а эта последняя не только всюду разносится солнечными лучами, но и спрятана в земных глубинах, как видно уже по землетрясениям и вулканическим извержениям.

³⁹ Со временем, вероятно, сумеют применить на службу людскую не только тепло, содержащееся внутри Земли, но и разность температур разных слоев и океанов.

⁴⁰ От обоих полюсов до параллели в 70° сумма поверхности Земли около 31 млн кв. км, т. е. чисто полярные необитаемые страны занимают лишь около 6 % всей земной поверхности.

⁴¹ [...]

⁴² Для России особенно и на первом плане можно рекомендовать введение орошения на низовьях Волги, для чего мне кажутся достаточными водные запасы самой Волги, особенно в половодье, и запруды, наполняемые ветряными двигателями. Так можно завоевать для русского земледелия многие миллионы плодородной земли.

⁴³ Так, например, число жителей независимого Конго точно не известно, определено лишь оценкою местных знатоков и в действительности, вместо 30 млн, может оказаться или 20, или 40 млн.

⁴⁴ [...]

⁴⁵ Сперва и землю пользовались исключительно такими же способами, какими доньше пользуются морями, а именно собирали и потребляли только то, что само по себе — без всякого участия человека — производилось землею. Понемногу люди овладели землею ради своих потребностей и стали только тогда усиленно размножаться и, слагаясь в государства, — совершенствовать и специализировать (разделять) свои труды. А к тому

времени, когда жителей Земли станут считать десятками миллиардов, наверное, успеют овладеть и морем для хозяйственного производства в нем всякого рода полезностей, начиная от разведения всяких полезных и подходящих растений и животных и кончая добычею золота, которого в морях не только на дне, а прямо в воде — великое количество, вероятно, даже более, чем на суше. Чтобы жить, надо верить, а для этого даже прямой реализм открывает все возможности. Находить всегда во всем только худое (пессимизм), не указывая путей выхода, очень уже легко, но ни к прогрессу приводить не может, ни удовлетворения не дает, только возбуждая злобу и отравляя всякую энергию. Этим грешил Рим, грешит и современность, указывая выходы лишь утопические, с которыми здравый ум мириться никак не может.

⁴⁶ По равенству $10000 = 1695 \cdot (1,0093)^x$, которое дает в логарифмах:

$$\log 10000 = \log 1,695 + x \log 1,0093,$$

откуда и находится $x = 191,7$.

⁴⁷ Заметим, однако, что убыли годового прироста в некоторых странах в ближайшее предстоящее время может ответить крупная прибыль прироста в других странах (например, подобная той, которая вышла на Яве), особенно тех (таковы мне кажутся многие африканские страны), где условия природные благоприятны для жизни людей, а в придачу явятся и условия благоустройства страны, вводимые европейцами, если они сделают нечто подобное тому, что сделали голландцы на Яве.

⁴⁸ За нулевым приростом — для каждого отдельного народа (но невероятно, чтобы для всего человечества) может настать отрицательный годовой прирост, т. е. постепенная убыль в числе жителей; такой народ может исчезать (много народов уже исчезло на Земле), но его место займут другие люди, а потому главнейший интерес по видимости более в «странах», чем в «народах». Жителей Греции и ныне зовут греками, хотя они лишь дальние их родственники, и в той же старой Греции немало турок и славян.

⁴⁹ Это значит, выражаясь геометрически, что в 10-летнем промежутке между двумя переписями принимается прямолинейное изменение числа жителей в зависимости от времени.

⁵⁰ По этому поводу считаю полезным повторить следующие мои положения, развиваемые в других моих статьях («Заветные мысли», «К познанию России» и др.): устройство городов совершенствуется преимущественно в санитарном отношении, а жители деревень неизбежно должны искать трудогового заработка в передельной промышленности, постепенно сосредоточивающейся в городах, потому что сельскохозяйственный труд с усовершенствованием многого сокращается, а с ростом колоний обесценивается и притом может прила-

гаться только в части года, а количеством производительного труда измеряется богатство народов.

⁵¹ Боюсь даже касаться объяснения или причины сильного развития в годовом приросте французов и англичан. Предмет этот анализировать можно даже по цифрам статистики, но я принципиально воздерживаюсь от такого рискованного анализа.

⁵² [...] Между странами Европы, для которой в среднем годовой процент прироста близок к 1 %, Франция одна представляет быстрое «естественное» (т. е. зависящее от перевеса рождений над смертями) уменьшение годового процента, с приближением даже к нулю [...].

⁵³ Все же и в С.-А. С. Штатах, как в Англии и Франции, в начале XIX в. процент прироста был больше (около 3 %), чем в конце (около 2 % в год).

⁵⁴ Statistisches Jahrbuch f. d. Deutsche Reich, 1906, S. 2.

⁵⁵ Это явление очень поучительно. Для его объяснения достаточно, мне кажется, того уже, что Англия, особенно во всю первую половину XIX в., была явно богаче и деятельнее Германии. Есть писатели (цитировать не стоит — их много), которые полагают — по своим убеждениям, — что большой прирост отличает страны, только начинающие и некультурные. Со своей стороны я полагаю, что для большего прироста необходимыми условиями служат: благодушное отношение к действительности и известная мера обеспеченности начальных требований окружающей жизни.

⁵⁶ Одной из задач социальных наук должно сделаться объяснение зависимости в изменении годового прироста стран и отдельных краев от исторических, а в том числе, и экономических и политических причин. Хотя у меня мелькают кое-какие объяснения для подмеченных мною правильностей в изменении годового прироста, но я не решаюсь их высказывать ввиду недостаточности существующих ныне данных. Замечу, однако, что в величине процента прироста и в изменениях этой величины, по моему убеждению, должно искать важных и полезных указаний для оценки направления всяких дел в странах, потому что дело касается здесь влияний на всю массу жителей и одной из важнейших сторон всякого людского сложения. [...]

⁵⁷ Для получения общей величины прироста стран света мне поступать пришлось различно, например следующим способом. Прирост тех государств, для которых он известен (например, для Азии, Индии, Азиатской России, Японии), складывался и выражался в процентах по числу жителей этих стран. Полученный процент годового прироста затем относился к целой стране света и по нему находился в абсолютной величине (миллионов жителей). Особо ощутителен полный недостаток данных о приросте в Китае.

⁵⁸ Источником служил мне труд известного парижского статистика Бертильона (Les Recensements de la population. Paris, 1890), составленный по поручению международного статистического конгресса.

⁵⁹ Числа, приведенные для 1851 и 1861 гг., не приведены к современной территории Франции, но от такого приведения они изменяются мало как в процентном отношении, так и абсолютно.

⁶⁰ Повторяю, что это лишь первичная моя гипотеза и что для твердых выводов еще недостает множества численных данных. Пусть меня попрекают пристрастием к числам, я этого не боюсь и чисел не экспроприрую.

⁶¹ У нас стоит поискать всяких крайностей — и найдутся, а некоторая уравновешенность получается лишь от громадности общей массы, взятой как целое. Из этого само собою, по мне, вытекает то следствие, что наше оздоровление зависит не только от одновременного воздействия на все и всех, а от изучения частных, тщательного обсуждения их и воздействия на эти частности. Думаю, что это относится не только ко всей внутренней политике, начиная с самоуправления, но и к частностям, например, хотя бы к просвещению, а потому наибольшей плодотворности жду не от общих хороших уставов, положений и других законов, а от подбора лиц и улучшения отдельных частей. Так, например, в деле успехов просвещения надо начинать не с уставов, а с подготовки и выбора учителей и профессоров. Этот путь, конечно, длинен, но единственный, истинно постепенский, без партийно-программного (по существу, явно абсолютного) предреждения.

⁶² Для выражения величины поверхности суши, приходящейся как на всю страну, так и на одного жителя, избраны метрические меры: квадратные километры — в первом случае и гектары — во втором, не только ввиду широкого распространения таких мер, но еще и потому, что квадратные километры близки к квадратным верстам, а гектары к десятинам, которыми производятся у нас измерения земных поверхностей. В точности 1 кв. км = 0,878686 кв. версты, а один гектар (1 кв. км = 10 000 гектаров) = 0,915299 десятины.

⁶³ Знак «+» (плюс) в среднем столбце означает, что число лиц женского пола более числа лиц мужского пола (в Европейской России на 2,15 млн, а во всей — на 0,8 млн), а знак «-» (минус) — обратное. Первое преобладает в Европе, последнее — в Азии и Америке. Перевес в ту или иную сторону определяется не одним выселением (выселяются преимущественно мужчины), но и другими причинами, например преобладанием смертности в детском и молодом возрасте лиц того или другого пола. Так, в Европе хотя обыкновенно мальчиков рождается более, чем девочек, смертность последних в первые годы жизни много меньше, чем

ПРИМЕЧАНИЯ

для мальчиков. Так как значительный (в процентах) перевес в ту или другую сторону может иметь большое общественное (социальное, местное) значение и причины перевеса во многих отношениях еще не известны, а представляют большой интерес, то я старался собрать относящиеся сюда данные переписей, особенно ввиду того, что мне кажется весьма важным узнать изменения рассматриваемого перевеса не только по странам, но и по времени. Если, например, представим себе, что процент перевеса женщин в Европе будет возрастать с годами, то общее значение этого перевеса будет увеличиваться не только для определения соотношения разных стран, но и по смыслу тех особенностей, какими отличаются мужчины от женщин. Ныне проценты перевеса невелики. Для всей Европы перевес в процентах = $100 \times 6 : 431 = +1,4\%$, для Великобритании $+2\%$, для Франции $+1,6\%$, для Германии $+1,4\%$, для Европ. России $+1,7\%$, для всей России = $+0,55\%$.

⁶⁴ Для Германии указаны в таблице колониальные владения только в Африке и Австралии и не приведена колония Киао-Чау около Печилийского залива в Азии. Причину составляет малость этой колонии (поверхность только 500 кв. км, а жителей около 33 тыс.), а столь малые величины нельзя было выражать в нашей таблице, потому что для большинства внеевропейских стран самая точность определений (поверхности и числа жителей) очень невелика.

⁶⁵ Босния и Герцеговина причислены к Австро-Венгрии, которая управляет этими странами, хотя, в сущности, они еще считаются в числе провинций Турции. Соответственно пяти столбцам таблицы приводим отдельные сведения для каждой из трех главных составных частей Австрийской империи:

Австрия	27,606 млн	0,91 %	+ 0,470 млн	0,300 млн кв. км	1,1 гектара
Венгрия	20,408 »	0,97 %	+ 0,095 »	0,325 » » »	1,6 »
Босния и Герцеговина	1,622 »	1,58 %	− 0,090 »	0,051 » » »	3,2 »

Первоначально мною составлена была для всех частей света подобная этой подробная таблица сравнительно мелких подразделений стран, но большие размеры таблиц лишили их обзорности, а недостаток многих данных делал отдельные части очень неравномерными, а потому я остановился над предлагаемой сокращенною формою таблиц.

⁶⁶ К европейским владениям Соединенного королевства принадлежат еще Гибралтар и Мальта, но они включены в число «путевых», которые помещены в Азии. Размеры упомянутых европейских колоний Англии так незначительны, что указанное почти не влияет на размеры отдельных сумм, тем более что, отчисляя к Азии Гибралтар и Мальту, размеры Европы увеличены причислением к ней некоторой части североафриканских владений Испании (например, Сеуты), потому что обыкновенно статистика их ведется вместе с европейской. Подобные указанным небольшие отклонения от делений всего света на пять частей допущены мною потому только, что они касаются ничтожно малых областей и общей картины ни в чем не изменяют.

⁶⁷ Франция, как давно стало заметно, представляет исключительно малый годовой прирост, а именно раза в 3 меньший, чем для всей Европы, и раз в 5 меньший (конечно, в процентном отношении), чем для Германии или России. Статистический разбор показывает, что это зависит не от эмиграции и не от смертности, а исключительно от уменьшенной рождаемости. Особо важно заметить, что французы (не говоря о колониях) имеют земли на жителя в 1,5 раза более немцев и раза в 2 более, чем жители Англии, Шотландии и Ирландии. Если счесть вместе число жителей Германии и Соединенного королевства, то получится почти столько же народа, как в совокупности Франции, Италии, Испании и Португалии (латинские народы), а годовой прирост первых оказывается (1,23 млн) более чем в 2 раза более вторых (0,53 млн). Подобные отношения, если продлятся долгое время, должны иметь чрезвычайно важное влияние на всю историю Европы: древнейшие по цивилизации латинские расы должны в количественном отношении уступить место более свежим германским и славянским расам. Вопрос идет теперь о качестве и силе. Это один из трагических вопросов переходного времени, в какое мы живем.

⁶⁸ В данные для Испании включены Болеарские и Канарские острова, а также мелкие (вся поверхность 33 кв. км.) испанские владения в Сев. Африке, тем более что они объединены с метрополием и в административном отношении.

⁶⁹ Для Румынии, Болгарии, Сербии и Греции замечателен перевес мужского населения над женским, что тем поразительнее, что это страны соседние между собою и с Турцией, для которой относительное число лиц разных полов неизвестно (не уходит ли часть женщин в Турцию?). Примечательно также, что годовая прибыль жителей и рождаемость в названных странах относительно велики, несмотря на недостаток женщин.

⁷⁰ Немалая доля бывших недавно под властью Турции стран отчасти считается (номинально) в ее владениях, а в действительности уже в них не находится. Таковы, например: Болгария (см. 14), Крит (см. 16),

Кипр (у англичан, см. 22), и Босния с Герцеговиной (см. 3). Хотя для Турции неизвестен годовой прирост, но он принят в 1 %, потому что таков средний для Европы, а окружающие страны имеют больший годовой прирост.

⁷¹ Острова Азорские и Мадейра сосчитаны вместе с Португалией.

⁷² Голландия и Бельгия (взяты в целом) населены теснее всех прочих (целых) государств всего света, и если бы он был весь так тесно заселен, как они, то народу на Земле было бы в 15—16 раз более, чем ныне. Считая, однако, ныне 1700 [млн] жителей всего света и годовой прирост примерно в 1 %, получим, что примерно чрез 250—300 лет число людей превзойдет современное именно в 15—16 раз, потому что удваивание числа жителей при 1 % годового прироста совершается в 70 лет. Вся Европа, если сохранит современный годовой прирост (около 1 %), уже лет чрез 150 будет так же тесно населена, как Бельгия и Голландия. Очевидно, что при этом рождается много вопросов разнородного свойства, а прежде всего: о сохранении 1 % годового прироста, об эмиграции, о развитии производства питательных веществ, о промышленности и торговле (сильно развитых уже ныне в Бельгии и Голландии), об уничтожении войн (которых Бельгия и Голландия не знают уже лет сто), о народном управлении и так далее. Достоин внимания то обстоятельство, что в Европе населеннейшие страны, у которых на душу приходится менее гектара, суть монархии: Германия (0,9), Англия (0,7), Италия (0,8), Бельгия (0,4) и Голландия (0,62), а республики, хотя помещены не хуже предшествующих, менее тесно населены, например Франция (1,4 гектара на душу) и Швейцария (1,2 гектара). Наибольшее количество земли на душу приходится для Европы в Норвегии, конечно, потому, что ее северные части совершенно неспособны для земледелия.

⁷³ Черногория сочтена в нашей таблице вместе с Сербией лишь по причине малости поверхности и населения, которое в Черногории едва достигает четверти миллиона.

⁷⁴ Исландию (поверхность 105 тыс. кв. км), принадлежащую Дании, необходимо причислить к Европе, но датскую часть Гренландии, иногда причисляемую также к Европе, по справедливости следует отнести к Америке (см. 64). Из-за причисления Исландии, в Дании оказалось в среднем более 5 гектаров на душу, но без Исландии в самой Дании приходится лишь около 1,5 гектара.

⁷⁵ Независимое Великое герцогство Люксембургское только в таможенном отношении соединено с Германией. Оно имеет поверхность в 2586 кв. км и население около 0,25 млн жителей (в нем около 6 тыс. мужчин более, чем женщин). Герцогство Монако (около Ниццы) также самостоятельное, хотя в некоторых отношениях и соединено

с Францией. Старые маленькие республики Андорра (в Пиренеях) и Сан-Мартино (в Апеннинах) сохранили свою политическую независимость, хотя экономически соединены под одной рубрикой лишь вследствие своей относительной малости.

⁷⁶ Значительный (около 2,2 %) годовой прирост народонаселения Явы, где ведутся переписи и где сохранена за местными владельцами почти такая же степень самостоятельности, как в Индии за «покровительствуемыми» раджами, показывает, что может сделать относительно скорой прибылью народонаселения в тропических странах такое разумное управление, каково голландское. Эта быстрая прибыль народа на Яве (иммиграция китайцев ничтожно мала, — их всего около 600 тыс. и многие живут уже очень давно) тем поразительнее, что в Индии голодовки не прекращаются и убавляют количество народа очень значительно. Так, в Гайдерабаде в 1891 г. перепись дала 11,54 млн, а в 1901 г. 11,14 млн. Прямая убыль числа жителей даже в самом Бомбейском президентстве (из 15,96 до 15,30 млн в те же 10 лет) и подобная же убыль народа в Ирландии доказывают, что для блага народного потребно нечто иное, чем то, что доставляется английскими учреждениями и подданством. [...]

⁷⁷ Так как для Китая, как и для многих других стран Азии, нет данных ни о разности числа рождений и смертей, ни о точном числе жителей в разные эпохи, то столбец о годовом приросте для таких стран пустует. Сумма данных для пяти азиатских стран показывает, что для 424,4 млн их жителей годовой прирост равен 2,75 млн, или 0,648 %. Приняв этот процент прироста для всей Азии, что едва ли будет ниже действительности (а во всяком случае не выше ее), получим на 934,4 млн годовой прирост 6,05 млн, что и вписано. Числа (в суммах для Азии, Америки и Австралии), данные этим (или подобным) способом, отмечены звездочкой (*).

⁷⁸ Кроме мелких колоний, у Португалии в Южн. Америке — две большие и давно занятые колонии. Западная Ангола особенно велика, представляет поверхность около 1,2 млн кв. км и имеет около 4,2 млн жителей. На восточном берегу, обращенном к Мадагаскару, около устьев Замбезе (и южнее) лежит другая обширная португальская колония (Мозамбик) с 3,2 млн жителей.

⁷⁹ Известная итальянская колония Эритрея на берегу Красного моря около Баб-эль-Мандебского пролива занимает поверхность около 95 тыс. кв. км, и на ней около 500 тыс. жителей. Еще большую поверхность занимает та часть земли сомалийцев, которая или приняла итальянское покровительство (1905), или уступлена Италии, и в этой части Сомалийского побережья считается около 400 тыс. жителей. У Испании на берегах Атлантического океана (между Марокко и французскими владени-

ПРИМЕЧАНИЯ

ями) и на берегу Гвинейского залива имеются также свои колонии, поверхность их около 200 тыс. кв. км, жителей около 300 тыс.

⁸⁰ Для стран Африки донныне есть только отрывочные (для отдельных частей, например для Алжира, Египта и др.) сведения об изменении числа жителей, но все, что известно об Африке, показывает, что в ней годовой прирост населения значителен, не говоря даже о том, что в Африку устремляется не мало переселенцев не только из Европы, но и из Азии (индейцы, китайцы). Перепись в Египте дала в 1882 г. 6,81 млн, а в 1897 г. уже 9,73 млн. Это дает средний годовой прирост 1,36 %. Для Алжира на с. 568 выведен годовой прирост 1,36 %. Для мыса Доброй Надежды на с. 560 выведен годовой прирост 2,52 %. Конечно, мы совершенно не знаем годового прироста чисто негритянских народов, которые в Африке преобладают, но и для них надо принять большой годовой прирост, особенно потому, что все путешественники говорят о множестве детей у негров, и у них, под влиянием европейцев, прекращены продажа невольников и постоянные кровавые столкновения, сильно уменьшавшие число жителей. Поэтому для Африки я принял 1,36 % годового прироста, какой найден для Алжира. В отношении же числа лиц обоих полов африканские данные так скудны, что я не рискую принять какое-либо число или даже знаки «+» (плюс) или «-» (минус).

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

¹ Распределение жителей по возрастам рассматривается далее, в следующей главе. Приведенные там числа детей показывают, что в возрасте 8—13 лет должно признать в Германии и С.-А. С. Штатах около 11,8 % жителей, что на 140 млн дает около 16,5 млн детей. Перепись 1897 г. дает для означенного возраста в России примерно такое же количество жителей. Замечая, что часть детей, несомненно, получит домашнее образование, а часть — по болезненности и другим причинам — все же всегда может остаться без начального школьного образования, а потому, принимая для России 12 млн школьников — при всеобщем начальном образовании, — думаю, что не делаю крупной ошибки. Даже в современных земских школах на ученика требуется ежегодно расход более 2 руб. в год, а чтобы поставить сколько-либо практически жизненно и толково начальные народные школы, необходимо расходовать, по крайней мере, по 5 руб. на ученика в год, а тогда одни начальные школы потребуют от государства, земств, городов около 60 млн руб. в год текущих расходов.

² Общего свода сведений обо всех текущих расходах России на образование, считая не только смету Министерства народного просвещения, Синода, Военного и других министерств, но и все земские и городские расходы на образование, до сих пор не существует. По моим подсчетам, в 1901 г. расходовалось всего около 70 млн руб., а ежегодно расходы последнего времени возрастают примерно на 5 млн руб. Отсюда становятся понятными голоса, всюду раздающиеся, о необходимости умножить заботы о народном просвещении России, чтобы не только не отставать от других народов, но и догонять, даже там, где можно, перегонять. Свои мысли об этих предметах я начал излагать в бывшей газете «Россия» и издал в особой брошюре «Заметки о народном просвещении России» (1901), но не имел времени изложить своих сильных суждений ни о высшем (специализированном) образовании, ни о начальном (общенародном), что и постараюсь восполнить в изложении, начинаемом этим «Вступлением», когда рассмотрю то, что считаю — по требованиям времени — еще более неотложным. Принимая во внимание недостаточность средств, ныне отпускаемых народом на образование детей и юношей, и заметив, что во всей России ежегодно прибывает около 2 млн жителей, должно думать, что на все ветви народного просвещения после достижения известного уровня должно содействовать развитию высших начал человеческой жизни. Пусть это находят иные только «словами», для меня помимо всякого славянофильства это убеждение основано на действительности, его я завещаю детям, а потому, излагая «Заветные мысли» свои, я не премину высказаться против всяких войн, я за необходимость держать России наготове сильнейшую военную сухопутную и морскую оборону в виде организованного войска. Однако дополню мысли эти тем, что и помимо всеобщей воинской повинности быстро возрастающий народ наш, особенно когда начнет скоро богатеть, может содержать военную силу. Перемены и здесь желательны и самостоятельно возможны, особенно ввиду того, что охотников воевать в качестве солдат у нас найдется множество, так как современная солдатская служба представляет полную обеспеченность личности и, по существу, не отличается от офицер-

³ Как принципиально убежденный реалист, я принадлежу к числу уже немалочисленных ныне противников всяких войн, поклонников мирного улаживания всяких международных столкновений. Но это во все не значит, по моему мнению, что разоружение страны можно было бы ныне же начать даже такой многоземельной стране, какова Россия. Она лакомый кусок для соседей Запада и Востока потому именно, что многоземельна, и оберегать ее целость всеми народными средствами необходимо ради одной уверенности в том, что срединный наш народ имеет в себе задатки того реального и здорового сочетания идеализма с материализмом, которое должно содействовать развитию высших начал человеческой жизни. Пусть это находят иные только «словами», для меня помимо всякого славянофильства это убеждение основано на действительности, его я завещаю детям, а потому, излагая «Заветные мысли» свои, я не премину высказаться против всяких войн, я за необходимость держать России наготове сильнейшую военную сухопутную и морскую оборону в виде организованного войска. Однако дополню мысли эти тем, что и помимо всеобщей воинской повинности быстро возрастающий народ наш, особенно когда начнет скоро богатеть, может содержать военную силу. Перемены и здесь желательны и самостоятельно возможны, особенно ввиду того, что охотников воевать в качестве солдат у нас найдется множество, так как современная солдатская служба представляет полную обеспеченность личности и, по существу, не отличается от офицер-

ПРИМЕЧАНИЯ

ской службы более, чем содержанием или окладом, определяемым предварительной подготовкой, подобно тому как содержание заводского рабочего отличается от содержания техника или надсмотрщика. Охотников пойти в солдаты у нас в настоящее время можно найти так же легко, как охотников получить офицерское звание, даже при том условии, когда солдатское жалование будет очень невелико. Мне думается даже, что армия, составленная из подобных охотников, будет превосходить армию молодых новобранцев, составленную по немецкому первообразу. Переходом от современного состояния дела к желаемому, мне кажется, могло бы служить право уплаты за несение воинской повинности определенного довольно высокого возвышенного налога, могущего служить к умножению военных средств страны. Охотники, вероятно, будут продолжать свою службу долго и тем самым возвысят военные качества армии и флота.

⁴ Работа есть понятие чисто механическое, человек способен ее давать, но, познав свою истинную силу, стремится всякими способами уменьшить свою физико-механическую работу, заставляя «двигателей» производить главную часть работы и оставляя себе лишь «труд», ограниченный малым количеством килограммометров работы. Труд людской не только в качественном, но и в количественном отношении может быть очень велик и очень важен для всех совершенно независимо от количества произведенной работы, хотя во всяком труде есть хоть маленькая доля «работы». Неоднократно указав в своих прежних статьях глубокое различие понятий «труд» и «работа», не считая надобным доле останавливаться здесь над этим предметом, полагая притом, что лица, читавшие труды Тарда, почерпнули в них достаточно полное выяснение великого значения труда людей при относительно малом значении работы, производимой людьми. Во времена Смита и даже Маркса тут путались.

⁵ В общеизвестных таблицах Хюбнера (Otto Hubner's Geografischstatistische Tabellen für 1902. Herausgegeben f prof. Juraschek, с. 93) дается общее население Земли в 1 539 млн. Подобные же цифры встречаются у многих исследователей. Их должно считать ныне меньшими, чем действительность, главным образом по двум причинам. Во-первых, потому, что текущий прирост населения стран после переписи редко принимается в должное внимание. Во-вторых, потому, что населенность Китая почему-то стали за последнее время уменьшать и принимают в 330 млн жителей, тогда как недавний (1903) подсчет числа жителей показал там 426,5 млн жителей. На этих основаниях, мне кажется, необходимо ныне признать, что общая населенность Земли достигает, по крайней мере, 1 600 млн, что я и положил в основание своих дальнейших соображений.

⁶ Общеизвестен факт, что последние переписи (до 1901 г.) показали во Франции или ничтожный прирост, или даже его полное отсутствие. Надо полагать, что, завладев Тонкином и Мадагаскаром и расширив свои африканские владения, Франция выселила за последнее время в них немалое число трудоспособных жителей, отчего и понизился в ней действительный прирост. Но и помимо этого все же несомненно, что Франция за последнее время имеет малый естественный прирост, т. е. перевес рождаемости над смертностью. Мне кажется, что причину этого должно искать, прежде всего, в том современном французском скопидомстве, при котором хозяин и хозяйка, желая ежемесячно хоть что-нибудь отложить, немало заботятся о том, чтобы не увеличить семейные расходы от прибыли детей. С точки зрения мальтузианцев, французы уже дошли до понимания необходимости ограничения народонаселения и не хотят увеличивать число бедняков. Но известно, с другой стороны, что французы принадлежат к богатейшим народам именно благодаря склонности откладывать часть своих доходов, и передовые французы, по моему мнению, правильно понимают предмет, когда скорбят о громадном уменьшении прироста.

⁷ В алгебраическом отношении расчет подобно-го рода очень прост. Если принять, что каждому 1 млн жителей по истечении года отвечает постоянно по 1,01 млн жителей, то 1 600 млн дадут чрез n лет x млн по равенству (легко решаемому в логарифмах):

$$x = 1600 \cdot (1,01)^n.$$

Если x менее 1 600 млн, то n , очевидно, будет отрицательным. В данном примере $x = 1$ млн, а потому $n = -742$ года, т. е. около 1150 г. было бы не более 1 млн всех людей на Земле, если бы они размножались с такою же быстротой, как ныне.

Для ясности присовокупляю небольшую таблицу, показывающую число лет, когда наступает удвоение, возрастание в 10 раз, в 100 и в 1600 раз числа жителей при разных величинах прироста.

Прирост, в %	Наступает увеличение числа жителей			
	в 2 раза	в 10 раз	в 100 раз	в 1600 раз
3 через	23,4	78	156	250 лет
2 »	35,0	116	232	73 года
1,5 »	46,5	154	308	495 лет
1 »	69,7	231	462	742 года
0,5 »	139,0	462	924	1479 лет
0,1 »	694	2304	4608	7383 года

Можно, наверное, утверждать, что за 7500 лет от нашего времени было на свете уж не менее 1 млн

людей, а потому всю тысячелетнюю историю человечества общий средний прирост был ничтожно мал, меньше 1 человека на 100 в год. Там ли видеть золотой век?

⁸ Я убежден, что этот предельный возраст N с народами и веками изменяется, и даже имею повод полагать, что он впоследствии и с развитием образованности будет возрастать отчасти, как стараюсь показать в дальнейшем изложении, т. е. полагаю мафусаиловы года не как единичное исключение, а как норму ожидать должно впереди, а не оплакивать где-то сзади. Франция до некоторой степени уже начала оправдывать такое ожидание, потому что в ней стариков в возрасте 80 лет и выше гораздо больший процент, чем у народов более молодых. По этой причине мне особо симпатичны попытки моего друга профессора Мечникова разыскивать физическую причину старчества и средства бороться с этими причинами. Далее, я полагаю, что с увеличением процента бодрых стариков человечество должно будет улучшаться, потому что такие старики, умудренные опытом жизни, благотворно будут влиять на молодежь, каким бы сомнением она ни заразилась. А так как я жду увеличения процента стариков в будущем, с умножением общего числа людей и всей цивилизации, то в этом нахожу своего рода успокоение, в сущности основанное на том, что впереди человечеству будет лучше жить, чем жилось до сих пор. Сухая формула распределения народонаселения по возрастам и указание на то, что есть уже начало возрастания числа стариков у народов наиболее образованных, убеждают меня в осуществимости такого «профессорского мечтания».

⁹ Для лиц, интересующихся способом вывода этих равенств, сошлюсь на то, что они даны мною первоначально в моем сочинении «Учение о промышленности» (2-й выпуск), и затем привожу изложение вывода, сделанное моим сыном, И. Д. Менделеевым. По смыслу вопроса коэффициенты уравнения

$$y = A + Bn + Cn^2$$

должны быть найдены так, что бы удовлетворились следующие условия: 1) наименьшее значение Y в уравнении должно быть при $n = N$ (заданном числе); 2) это значение y должно быть равно нулю; 3) сумма всех значений y в уравнении при изменении n от 1 до N (в целых числах) должна равняться 100.

¹⁰ Если бы числа u выражали непрерывное изменение числа жителей при соответственном непрерывном же изменении возраста n , то число родившихся в единицу времени должно было бы выражаться величиной y при $n = 0$, но при переписях дается число жителей для возраста от $n - 1$ до n лет и значение n , очевидно, прерывное, начинающееся лишь от $n = 1$, отвечающее затем 2, 3 до N

целых лет, а потому n не может иметь нулевого значения, а потому расчет рождаемости по числам переписей содержит в себе произвольную, новую гипотезу. Но ее справедливость в некоторой мере фактически подтверждается тем, что из чисел, разотченных в нашей таблице, выходит, что при $n = 0$ (когда $y = A = CN^2$) получается $y = 2,76$, что близко к проценту рождаемости в Германии, так как он в ней в период 1871—1880 гг. равнялся 2,88 %, а в следующее десятилетие — 2,65 %.

¹¹ В довольно сложных расчетах, касающихся среднего возраста и распределения по возрастам, мне оказали большую помощь О. Э. Озаровская и К. Н. Егоров. Мои стареющие глаза уже плохо отличают мелкие цифры и мелкую печать, а потому мне приходилось часто прибегать, сверх того, к помощи моих младших, более свободных детей: Маши и Васи. В корректуре мне много помогали В. Д. Сапожников и Н. Я. Губкина. Очень им всем благодарен. Без них я бы не мог уже писать своих «Заветных мыслей».

¹² Не должно упустить из вида, что в общежитии возраст n означает обыкновенно, сколько целых лет прожито, и число месяцев не считают, например, 21 год означает, что лицо имеет возраст свыше 21 года, но ниже 22 лет. Такое обозначение принято и в русской переписи 1897 г. Наше же n имеет иное значение, и при $n = 21$ дается число лиц в возрасте выше 20 лет, но ниже 21 года.

¹³ Напомню, что это по нашему обозначению показывает средний возраст более 30,4, но менее 31,4 лет, а, выражаясь обычным образом, это значит, — идет 31-й год и 30 лет уже исполнилось.

¹⁴ Из указанной книги (*ibid.*) приведу тот факт, что на 100 девочек в России вообще рождается около 105 мальчиков и что этот перевес особенно силен у евреев, для которых в 1893—1897 гг. оказалось (как и в иные годы) на 100 девочек родится даже 135 мальчиков. В 18 всех перечисленных губерниях России перепись 1897 г. дает 8,84 млн лиц мужского пола и 9,36 млн женского, т. е. на 100 женщин лишь около 94,5 мужчины. Это показывает, что у нас мальчики и вообще лица мужского пола менее выживают, чем лица женского пола, как видно и по отчетам о смертности. У наших евреев это явление не столь резко, и у них лиц мужского пола остается в живых, по-видимому, немного более, чем лиц женского пола.

¹⁵ Эта первая попытка помешена мною на страницах выпуска моего незаконченного сочинения под названием «Учение о промышленности» (1900). Это сочинение назначено было войти в I том обширной «Библиотеки промышленных знаний», начавшей издаваться в 1900 г. под моей редакцией известной издательской фирмой «Брокгауз — Ефрон» в С.-Петербурге. Но издатели отказались в 1901 г. от издания всей библиотеки, которой вышло уже 17 выпусков и в которой предполагалось

иметь XX томов и около 80 выпусков. В своем «Учении о промышленности», в 2 выпусках, я успел изложить часть того, что предположил вместить, но незаконченность этого сочинения послужила первым поводом к началу издания тех «Заветных мыслей», которые теперь предлагаются. Очевидно, что кое-что из излагаемого здесь уже содержится в явившихся выпусках «Учения о промышленности», но я надеюсь на то, что в предлагаемых статьях читатели найдут не только расширение прежней программы, но и большую, чем прежде, полноту многих данных.

¹⁶ О величине заработков на фабриках и заводах С.-А. С. Штатов по переписям 1890 и 1900 гг. будут сообщены подлинные статистические сведения в следующей главе моих «Заветных мыслей».

¹⁷ Протекционизм, или покровительство, внутренней промышленности страны, конечно, должен состоять не в одном отношении к таможенным пошлинам, хотя эти последние составляют его явный внешний признак и одну из главнейших сторон влияния на промышленность страны. Протекционизм не может давать полных плодотворных результатов без целого ряда соответственных внутренних мероприятий, между которыми на первом месте, по моему мнению, должно поставить три разряда: а) вызов внутренней конкуренции при помощи всяких облегчений развитию внутренней промышленности; б) всевозможное покровительство свободе приложения труда не только к вызываемым видам внутренней промышленности, но и ко всякой экономической деятельности жителей, например к путям сообщения и торговле, и с) покровительство просвещению, особенно реальному, т. е. жизненному. Об этих сторонах протекционизма речь моя впереди, но я считаю необходимым указать на них теперь же, потому что не только у нас, но и всюду очень часто под покровительственной системою подразумевают лишь таможенное обложение и отношение к внешней торговле. Чтобы сделать мысль мою сразу очевидною, должно представить приложение протекционизма к части страны, со всех сторон окруженной своею же страной, т. е. полное отсутствие таможенных застав, и возбуждение в этой части страны развития соответственных видов промышленности. В крайнем случае, мыслимо покровительство внутренней промышленности даже при полном отсутствии внешней торговли. Таможенные пошлины в протекционизме должны играть роль средства, а отнюдь не цели, хотя бы фискальной. Предметно по существу сложен, и вот поэтому-то, как я думаю, его редко понимают в целостности и часто обсуждают по отрывочным клочкам, что и заставляет меня в отдельных статьях рассмотреть если не все, то главнейшие стороны предмета, что и составляет одно из содержаний моих «Заветных мыслей». Укажу для примера на

то, что большинство даже просвещеннейших русских людей полагает наступление в России истинного удешевления фабрично-заводских товаров, когда будут сняты покровительственные пошлины. Это показывает прямое незнакомство ни с историею предмета, ни с современным положением вещей. Для примера достаточно указать хотя бы на покровительство, оказанное нефтяной промышленности, так как такая промышленная ценность керосина и нефтяных остатков, какая существует уже давно в России (конечно, помимо акцизного обложения), совершенно немислима при ввозе нефтяных товаров из Америки или какой-либо другой страны мира. Другой пример еще выразительнее и относится к ситцу, так как его ценность (опять помимо пошлин на хлопок) ниже, а достоинства несомненно выше, чем во множестве других стран, что позволяет уже рассчитывать на возможность вывоза наших ситцев, как видно по прекрасной брошюре, изданной недавно фирмой «Циндель» в Москве, по суждению экспертов на заграничных выставках и прямо по сравнению цен в розничной торговле ситцами, например, в России и Лондоне. Как наш ситец, так и множество других наших товаров не имеют широкого распространения в мире, вне России, исключительно по той причине, что у нас еще мало капиталов, необходимых как для развития производства в широких размерах, так и для ведения обширной мировой торговли, на что требуются громадные затраты новых усилий и новых капиталов. Без покровительственной системы невозможно начало фабрично-заводской переработки, а иногда и добычи сырья, а без начала, конечно, невозможно и дальнейшее развитие. Развитие же этого опять определяется протекционизмом, понимаемым в правильном широком смысле. Думаю, что этих кратких намеков достаточно для выражения существа моих «Заветных мыслей», относящихся к протекционизму, и я верю в то, что близок для России час такого широкого понимания протекционизма, когда русские товары, даже стальные или медные, не говоря о льняных, хлопковых, нефтяных и т. п., будут конкурировать на всеобщем рынке потребления, даже пойдут в Англию, Германию и С.-А. С. Штаты, так как у нас свое сырье, свой хлеб и свои избытки нетребовательных рабочих, недостает же правильного понимания вещей и вывоза прилива капиталов и знаний.

¹⁸ Проводя вышеуказанную мысль, я не упускаю из вида того, что отпуску товаров отвечает привоз, что, по видимости, нарушает правильность заключений, но они мне кажутся совершенно верными по тому соображению, что общий валовой приход жителей страны возрастает от вывоза, а общие государственные расходы возвращаются в саму же страну, т. е. хотя для отдельного жителя подати составляют расход, но возвращаясь стране, они на ее

общий доход не влияют, тогда как отпуск его увеличивает. Другими словами можно сказать так: доходы и расходы государства увеличивают трудолюбие и заработки жителей, и то же самое делает привоз и отпуск, все же дело экономического развития связано с производительностью труда.

¹⁹ На первый взгляд может казаться, что только добывающие виды промышленности, т. е. охотничья, горная и сельскохозяйственная, доставляют товары, требуемые людьми, но тут содержится, на мой взгляд, крупная ошибка в рассуждении. Руда или рыба в природе и свободная лишена ценности, по существу, а приобретает ее только вследствие приложения к ним труда людского, а ценность имеет только этот последний, над чем я не считаю надобным особо останавливаться, так как этот предмет входит в элементы политико-экономических понятий. Если руда, ничего по существу не стоящая, в добытом виде приобретает ценность от приложения труда не только к обладанию землею, в которой она находится, не только к ее разведке, не только к устройству копей и не только к ее непосредственной добыче, но и к ее доставке на земную поверхность, к ее доставке до места переработки и к заведованию всею организацией, для того необходимою, то в ценности ее участвуют в такой же мере торговля, перевозка и администрация, в какой и самое ее добывание. Надеюсь, что этого достаточно для выяснения приведенных выводов.

²⁰ Чтобы значение этой цифры (средняя цена пуда вывозимого хлеба) выступило с ясностью, достаточно указать на то, что в период 1876—1880 гг. вывозилось в среднем по 286,7 млн пуд. на сумму 291,1 млн руб., что дает среднюю цену пуда в 102 коп., т. е. Россия должна ныне вывозить много больше хлеба для того, чтобы иметь такой же валовой приход от внешней торговли своими хлебами.

²¹ Это соответствие между течением истории человечества и промышленным его развитием возмущает как у нас, так и на Западе многих мыслителей, потому что жизнь людей и их историю считают произведением духа, а промышленность — делом чисто материальным, а потому они и называют такое представление грубым материализмом. По моему же крайнему разумению, это не материализм, а реализм; эти два понятия должно резко и ясно отличать, иначе все спутается и останется царствовать древний дуализм, различающий только вещество и дух, как неслияемые исходные понятия. Духовные потребности и духовные отношения могут выступать, очевидно, только после удовлетворения материальных, и уже по этому одному проще, ближе и реальнее начинать с этих последних. А главное здесь в том, что искусственный дуализм, признающий только дух и вещество и упускающий третье, основное современное понятие — о силе или энергии, сыграл уже свою роль

в мире, в котором непостижимою тайною надолго останется единство мира, тройственность исходных понятий (дух, сила и вещество) и слияние их во всем том, что подлежит суждению или объяснению в людских отношениях. Древний человек, стремясь постичь «начало всех начал», как всякому известно, запутался и долго шатался, пока вслед за Возрождением, при котором разом двинулись искусство и наука, не явился реализм, яснее всего выразившийся в успехах естествознания, а от них и в промышленности. Мыслители, указывающие на азиатские народы как сохранившие у себя чистый дуализм в развивающихся преимущественно при помощи следования древнесоставленным кодексам, кажется, забывают, что все эти народы в наше время слабы и до того шатки, что поддаются сравнительно ничтожным влияниям передовых народов. Того ли хотят для всего мира, а наши писатели для России? Она, находясь на грани Азии с Европой, имея явную склонность к реализму, даже во всей философии может, по-видимому, довести до конца реальные представления о единении вещества, силы и духа, в чем должно видеть истинное торжество реализма, и может сбиться с пути, завещанного ее историей, если отвернется от Запада и не будет искать мировой между течениями прежней жизни Востока и новою жизнью Запада.

²² Когда я вел сельское хозяйство в деревне, я выписал однажды небольшой образчик новой, расхваливаемой ржи и, чтобы получить семена, достаточные для полевого посева, сделал первый посев на огородной земле, особо тщательно и глубоко вскопанной и удобренной. За грядой посева был хороший присмотр: поливка, удаление сорных трав, обнесение загородочкой. Полученный результат состоял в том, что урожай был примерно сам-сорок, а именно около 400 пуд. на десятину. Вот чего можно достигать в нашем среднем климате. И не забудем ни того, что на каждого жителя нужно лишь до 27 пуд. хлебов, ни того, что в наших городах часто есть сады и огороды в десятину и более размером (я сам знаю фруктовый сад в 2 десятины в самом центре Киева, у профессора Бунге), наконец, того, что дает культура Китая, Явы и Японии.

²³ Мне не хочется вдаваться в рассмотрение той слащавой мысли, что первым условием «блага народного» должно считать довольство первичными потребностями, т. е. сохранением лишь тех из них, которые возникли по совершенной необходимости: пищи, одежды, жилища и некоторых духовных надобностей. Не хочется мне этого делать уже по той причине, что, долго живя, я слышал речи подобного рода только от лиц с очень сложными потребностями, больше всего от литераторов, и никогда их не слышал ни от людей, которых привыкли называть средними или обычными, среди которых идет жизнь, ни от тех, кого называют

простонародьем. Я готов согласиться с тем, что ежедневное чтение газеты или еженедельное посещение театра составляют роскошь, в которой возможно сокращение, а не настоятельную потребность; но никак не могу считать за излишек современной жизни паромы или железные дороги, хорошее освещение, теплое жилье и целую массу других народившихся потребностей.

²⁴ Как химик, я убежден в возможности получения питательных веществ из сочетания элементов воздуха, воды и земли помимо обычной культуры, т. е. на особых фабриках и заводах, но надобность в этом еще очень далека от современности, потому что пустой земли еще везде много (см. статью о народонаселении), и я полагаю, что при крайней тесноте народонаселения, раньше, чем прибегать к искусственному получению питательных веществ на фабриках и заводах, люди сумеют воспользоваться громадной массой морской воды для получения массы питательных веществ и первые заводы устроят для этой цели в виде культуры низших организмов, подобных дрожжевым, пользуясь водою, воздухом, ископаемыми и солнечной теплотой. Но все это мне кажется чересчур удаленным от интересов современности, и потому я говорю о нем лишь кратко и вскользь.

²⁵ В отношении к земным недрам существует в настоящее время двойкий порядок: или недра, так сказать, вплоть до центра Земли, считаются принадлежащими лицу, владеющему земной поверхностью, или же по существу своему недра земные с определенной своей глубины считаются общегосударственной собственностью, и государство отдает их или даром, или за известную плату во временное владение тем лицам, которые берутся за их обработку. Первый порядок, у нас и ныне господствующий (для всех частновладельческих земель, но, конечно, не для казенных), предполагает, что землевладелец сам позаботится об извлечении возможных выгод от добычи ископаемых. Второй же порядок, существующий уже во многих странах Западной Европы, а у нас — в губерниях бывшего Царства Польского, предполагает, что дело добычи ископаемых наиболее удобно передать особым предпринимателям, для того чтобы быстрее развивалась эта важная отрасль промышленности, так как лица, обладающие поверхностью, преимущественно суть земледельцы, а добыча ископаемых составляет исход для громадных отраслей перерабатывающей промышленности, питающей народный труд. Не желая распространяться об этом предмете, имеющем большую государственную важность, особенно у нас в момент возбуждения всяких видов промышленности, я со своей стороны считаю не излишним сказать, что второй способ действия и а priori и на деле более первого способа отвечает успехам народной промышленности. К этому мне кажется полезным

прибавить, что господствующий у нас ход дел, по моим сведениям ближе касающимся Кавказа, Донецкого края и Урала, немало задерживал и задерживает рост нашей промышленности, а потому я со своей стороны считаю, что пересмотр всего нашего горного устава было бы полезно произвести в ближайшее время под углом зрения развития частной горной предприимчивости, оставив ныне господствующий фискальный взгляд на этот предмет. Говоря вообще, наши порядки определяются близостью той эпохи, когда слагалось государство и когда ему было наиболее целесообразным больше всего обращать внимание на занятия поверхности земли и на ее хозяйственную обработку и мало было дела до думы об успехах таких видов промышленности, как горная.

²⁶ Выделение сидра из напитков (группа 7) мне кажется совсем непонятным. Со своей стороны я думаю, что и все производство виноградных вин должно отнести, как и переработку свеколовицы и сахарного тростника в сахар-сырец, к числу чисто фабрично-заводских производств, судя по всем признакам. Царствующая еще здесь неясность сказывается, например, в том, что получение сахара-сырца американская классификация относит к сельскому хозяйству, а тем паче все приготовление виноградных вин.

²⁷ Очевидно, что американские статистики выделили к горной промышленности все производства, группирующиеся на так называемых горных заводах, получающих чугуны, железо и сталь, а к перерабатывающей промышленности отнесли лишь те виды переработки, которые обособились на отдельных фабриках и заводах. Мне ничего не остается другого, как следовать за американской классификацией, хотя я и не считаю ее образцовой в отношении деления на сельское хозяйство, горное дело и перерабатывающую промышленность.

²⁸ Так как в 15-ю группу включены все сапожные и башмачные заведения, производящие свои изделия ручными способами, а здесь включены фабрики, производящие те же изделия машинными способами, то и очевидно, что американская классификация считает одним из важнейших признаков применение машин для производства данного рода товаров. По моему мнению, это признак очень шаткий, так как нож и шило облегчают и сокращают производство в такой же мере, по существу, как и машина, и все ручные производства последовательно и при скоплении больших масс выгодно превращать в машинные.

²⁹ Разобраться в различии тех частей производств, сюда относящихся, от тех, которые отнесены к сельскому хозяйству, мне кажется, решительно невозможно иначе как при помощи различения места производства: к сельскому хозяйству отнесено все то, что сосредоточено на фермах, т. е. около полей, а к перерабатывающей промышленности —

то, что делается на особо поставленных заведениях. В других классификациях производств запутки этого рода еще значительнее.

³⁰ Это особенно должно относиться к мелким ремесленным заведениям, которые, в сущности, говоря, не регистрируются при составлении американских отчетов о переписях, так как в них введены сведения только о таких переделывающих или промышленных заведениях, которые имеют годовой оборот производства более 500 долларов, т. е. более 1000 руб. в год, а к числу именно такого рода заведений должно относить все мелкие ремесла и мастерства, например отдельных сапожников, мелких слесарей, токарей и т. п., а они всегда прибывают вместе с достатком всего населения.

³¹ Считаю должным заметить, однако, что в переписи 1880 г. особо не выделены техники, надсмотрщики и другие посредники, число которых с течением времени, как видно по табл. 1, по-видимому, уменьшается (вероятно, от того что достоинство рабочих улучшается и плата техникам возрастает). Но, приняв даже для 1880 г. 500 тыс. посредников, примерно по 2 на каждое заведение в среднем), все же для этого года получится не более 7 % жителей, получающих заработки на переделывающей промышленности.

³² Касаясь вскользь вопроса об общинном владении и высказываясь за сохранение общины, я имею, между прочим, в виду предстоящее, по мне, скорое промышленное развитие России, так как полагаю, что развитие многих видов промышленности возможно в деревнях на общинных началах, не отрываясь от земли, а постепенно превращая деревни в села и города с развитием промышленности. Разрушать исторически сложившееся легко, но не придется ли скоро жалеть о разрушенном? Иное дело круговая порука в отношении к повинностям; с нею действительно пора, по мне, покончить! Мыслимо даже такое положение вещей, что община распадется, когда крестьяне будут земледельцами, и снова сложится в другом новом виде, когда те же крестьяне будут иметь возможность завести виды переделывающей промышленности и сознают их выгодность.

³³ На основании сделанных мною расчетов, которые было бы долго воспроизводить, я пришел к заключению, что из 56 % стоимости сырья на долю сельских хозяев приходится около 20 % и, во всяком случае, более 15 %. Допустим в виде предположения, которое мне кажется легковывполнимым лет через 50 или 100, что наша переделывающая промышленность будет доставлять продуктов не по 300 руб. на жителя (как ныне в С.-А. С. Штатах), а всего по 100 руб. на каждого жителя, а так как тогда число жителей в России должно принять, по крайней мере, в 200 млн, то производительность переделывающей промышленности до-

стигнет 20 млрд (ныне она едва составляет 2—3 млрд). Отчисляя из этих 20 миллиардов 15 %, т. е. 3 млрд, на сельскохозяйственное сырье, получим сбыт своим фабрикам и заводам, превосходящий всю современную стоимость производимых хлебов. В этом грубом расчете видно то, что наши сельские хозяева, если они правильно понимают свои предстоящие выгоды, первые должны стоять за покровительство фабрикам и заводам. Тут у нас такой сумбур понятий, что пора говорить для его разъяснения, иначе просто может быть гибель. «Своих своих не познаша».

³⁴ А читателям, вероятно, известно, что в массе экономических трактатов стремятся доказать, что заработки, получаемые на фабриках и заводах, из-за конкуренции, т. е. соревнования, непременно будто бы должны сводиться при прибыли народонаселения к такому *minimum*'у, который едва отвечает удовлетворению наиболее настоятельных потребностей существования.

Ошибка соображений этого рода основывается, по моему мнению, главным образом на том, что в абстракте считают прямое участие рабочих высшим, чем есть на деле. Не вдаваясь в критику, к которой я вообще мало склонен, укажу сверх сказанного еще на то, что статистика, не только североамериканская, но и наша, равно как германская и французская, совершенно несомненно показывает, что плата рабочим возрастает за последнее время на фабриках и заводах быстрее, чем возрастает ценность простого питания, жилья, одежды и т. п. Если я избегаю цифр других стран, а останавливаюсь только над С.-А. С. Штатами, то лишь вследствие одного того, что для Штатов все расчеты яснее и проще.

³⁵ Не желая расплываться в своем изложении, я ограничиваюсь только упоминанием о двух следствиях, относящихся к промышленности, предполагая, что необходимые для их вывода посылки родятся сами собой в уме читателя. Так, например, по отношению ко второму следствию для облегчения мыслей читателя укажу лишь на следующее: процент с капитала должен падать и должен достигать до того, что никто не решится рисковать в промышленные предприятия прямо из-за малости процента и великого риска всяких промышленных предприятий. Но лицам, прямо получающим заработки от этих предприятий, все же будет чрезвычайно выгодно затеять предприятие на сборный капитал из своих сбережений, потому что они будут получать не только прямой заработок, но и все выгоды хозяев и капиталистов. По отношению к России такое будущее мне кажется особенно возможным вследствие существования крестьянских общин.

³⁶ Любовь к отечеству, или патриотизм, как, вероятно, небезызвестно читателям, некоторые из современных учений крайних индивидуалистов

уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству с участием в делах узкого кружка лиц, образующих общину (коммуну), город или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно, недомысленное учение приписывает патриотизму многие худые явления общественной и похвалается тем, что к этому клонится уже всеобщее сознание, а в будущем перейдет будто бы все человечество. Лживость такого учения становится, на мой взгляд, ясною не столько со стороны одних важных исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающие самое происхождение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в каком будущем нельзя представить слияния материков и стран, уничтожения различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминая уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния.

Для народов, подобных русскому, сложившихся и окрепших еще сравнительно недавно и еще занятых своим устройством, т. е. еще молодых, дикость учения о вреде патриотизма до того очевидна, что не следовало бы о нем даже упоминать, и если я делаю это, то имею в виду лишь тех еще не переводящихся соотечественников, про которых написано: «Что книжка последняя скажет, то сверху и ляжет», — прибавляю, однако, что лечь-то ляжет, но улежится недолго.

³⁷ Много бы хотелось писать мне про Ледовитый океан, берегов которого у нас столь много, да не время теперь, потому что то дело впереди — как впереди время настоятельной общей надобности осушать болота, засыпать овраги, сдерживать пески и т. п., так как земли-то у нас пока и без этих затрат хватит, и морские выходы наши еще далеко не использованы в должной и легко возможной мере. Тем не менее хотя вскользь упомяну о том, что в Ледовитом океане будущая Россия должна найти свои пути выхода, и думается мне, что это будет, наверное, когда побережья сибирских рек густо заселятся и когда для богатств громадного края необходимо будет морской выход. Льды, по существу своему, не страшны. Если пробивают в гранитах туннели, то проходы во льдах, лежащих на воде, не могут задержать, их более или менее легко провести средствами современной техники, как о том выразился уже лет 10 тому назад знаменитый ныне адмирал С. О. Макаров. Соглашаясь с ним в необходимости воспользоваться для этого сильным ледоколом, полагаю, однако, что полного успеха в коммерческом обладании краткими путями по

Ледовитому океану нельзя достичь в норме даже сильнейшими ледоколами, хотя бы только в пору летнего таяния. Подводное плавание, на которое ныне так много стали уповать, по мне, подобно воздухоплаванию даже и в том отношении, что, обещая немало для удовлетворения любознательности, военных целей, почтового и пассажирского сообщения, ничего само по себе не обещает пока для передачи товаров. Но средства борются с полярными льдами найдутся помимо того, более прямые, и я думаю, что теперь же можно было бы решиться достичь полюса — как первого сигнала победы надо льдами — при помощи взрывной силы, свойственной смеси жидкого воздуха с горючими веществами, которою должно и можно снабдить сильнейший ледокол, особо для того построенный. Дело это не относится до нынешней Японской войны, но может быть очень и очень важным для будущих наших войн в Тихом океане (а они предвидимы), потому что путь через полюс в Берингов пролив представляется не только кратчайшим, но для нас и более во всех отношениях удобным, так как мы можем проникнуть туда не только с Белого моря и Мурманского побережья, но и из других наших берегов. Считая давнюю задачу человечества — достигнуть Северного полюса — обеспечивающей при ее решении великий и мирный успех России, а в то же время могущей представить прямую коммерческую и военно-морскую выгоду для России по преимуществу, я полагаю, что между множеством мирных дел, предстоящих России, ей не следует забыть мирную победу над полярными льдами и не жалеть для этого тех 2 или 3 млн руб., с которыми, по моему мнению, при настоящем положении вопроса можно с уверенностью достигнуть Северного полюса и проникнуть дней в 10 от мурманских берегов в Берингов пролив. Первые попытки этого рода должны служить только для изучения способов борьбы взрывчатыми веществами с ледяными массами. Но я до того убежден в успехе попыток, конечно, если они будут вестись с должною настойчивостью и полным знанием предмета, уже обследованного с разных сторон, что готов был бы приняться за дело, хотя мне уже стукнуло 70 лет, и желал бы еще дожить до выполнения задачи, представляющей интерес, захватывающей сразу и науку, и технику, и промышленность, и торговлю, да еще в приложении к важным преимуществам всей России, а особенно Сибири. Судя по всему известному, должно думать, что вся середина Ледовитого океана достаточно глубока для прохода самых больших и глубоко сидящих кораблей, чего нельзя допустить в отношении всего северного побережья Сибири. Трудности почти те же, а путь много короче — прямо через полюс.

³⁸ Известно, что уровень Каспийского моря гораздо ниже уровня океанов и Черного моря.

³⁹ Вся поверхность земного шара — около 510 млн кв. км. Из них около 375 млн кв. км покрыто водами (считая и внутренние моря, подобные Каспийскому, озера и реки) и около 135 млн кв. км приходится на сушу.

⁴⁰ Хотя памятник имеем мы тысячелетия России, а все же по всеобщему сознанию и по внутреннему чутью народ мы еще очень и очень молодой, и я рад, что мог привести для того численные доказательства в главах «Народонаселение» и «Внешняя торговля» моих «Заветных мыслей», тем более что, старику, мне все еще мелькают порывы молодых лет.

⁴¹ Великую пользу для дальнейшего устройства России должно ждать от распространения на всю империю, особенно на ее юго-восточные (Кавказ, Ташкент и т. п.) и зауральские части, явных благ, возможно, полного (с планами и обмером угодий) размежевания всех земель, соединенного с уничтожением в Средней России чересполосицы и с пересмотром прав на недра. Меры эти негромкие, маловидные, но глубокого экономического значения, потому что только с точного определения и обеспечения земельной собственности может начинаться правильный рост общего благосостояния, для которого не страшны необходимые начальные затраты в стране, природою столь богатой, как наша. При предстоящей второй всеобщей переписи следовало бы собрать необходимые общие сведения для возможности приступить к окончательной и полной переписи всех земель, оставив пока в стороне разве лишь такие тундры, где нет ни лесов, ни хлебопашества. Особо важно скорейшее размежевание всего Кавказа.

⁴² Чтобы достаточно оценить важное значение тех спокойно-постепенных мероприятий, которые пущены в нашу жизнь преимущественно волей императора Александра III, не должно забывать, что вопрос о переселении крестьян еще во времена его предшественника относился прямо к числу запрещенных. Мне самому пришлось тогда это лично узнать, когда я написал для съезда естествоиспытателей статью, касающуюся необходимости описания почвенных и климатических условий мест пустынных, но пригодных для предстоящих переселений, и мне едва-едва, после многих хлопот удалось убедить Макова, управлявшего в то время Министерством внутренних дел, в полной благонамеренности заблаговременной статьи об исследовании пригодных азиатских наших пустынь, лесов и степей для предстоящего расселения крестьян.

В два последних царствования сами переселения, не то что подготовительный разговор о них, стали — без шума и постепенно — делаться живыми и плодотворными, а Великий Сибирский путь сделал возможным осуществлять их с легкостью, далеко превосходящей все, что было прежде того.

Число и свойства «босяков» были бы теперь не те, какие видим, а громадной, требующей резких мер особого свойства, если бы не позаботились ни об организации переселенческого движения, ни о новом оживлении многих горных, промышленных и торговых дел, ни о скором устройстве железных дорог и т. п., что превратило целые миллионы того народа, который дает «босяков», в людей, живущих не менее обеспеченно, чем наши земледельцы. Постепеновские меры, будучи шумными, однако, имеют свою особенность, состоящую в необходимости непрерывного изучения, исправления и продолжения; их нельзя прекращать, как необходимо — ради самосохранения — делать то с шумными мерами того свойства, которое принадлежит мероприятиям, названным мною революционными, имеющими притом свойство быть трудноисправляемыми на практике.

^{42a} В Корее, принимая во внимание гористость немалой ее части, без японцев уже тесновато, там нельзя давать привычных для Сибири, а особенно для казаков, наделов, а потому даже при благоприятнейшем для нас исходе войны кажется, что туда не для чего нам садиться; довольно таких же отношений, как к Хиве и Бухаре, да занятия двух-трех подходящих для крепостей островов с хорошим портом. Прибавлю здесь попутно, что, по моему мнению, на побережьях Тихого океана нам совершенно неизбежно, ничуть не отлагая и не жалея денег, прежде всего заводить все необходимое свое для устройства кораблей, начиная с каменноугольных копей, чугуноплавильных доменных печей, передельных заводов и верфей, зная, что люди придут сами, лишь были бы дела и заработки верные. Заказы кораблей в других странах так же нам, в конце концов, убыточны, как заказы за границей рельсов и вагонов. Одно одолели — сможем и другое. Край-то и оживет.

⁴³ О среднем, преимущественно гимназическом, образовании сказано мною было кое-что в газете «Россия» и перепечатано в особой брошюре «Заметки о народном просвещении в России Д. Менделеева. 1901». О первоначальном же, или элементарном, а также о первоначальных видах профессионального образования мне хотелось бы многое сказать, но не здесь, а где-либо особо, потому что предмет этот очень уж сложен и в нем для меня самого еще есть много сомнительного. Главное, что хочется сказать, относится к так называемому высшему образованию, и особенно к учительскому, потому что оно дает тон всему народному просвещению и в наше время у нас настоятельнее всего требует обдуманых и скорых преобразований. Лестница просвещения, конечно, опирается на общенародное образование, но в противность множеству людских дел строится, начиная сверху, а метется, конечно, уж не иначе как начиная сверху.

⁴⁴ Писание — с прописей (как чистописание), с печатного и под диктовку — должно, по мне, взойти как часть русского языка вместе с грамматикой, синтаксисом, сочинениями и т. п.

⁴⁵ Сверх того (за особую плату), для желающих, 2—3 урока в неделю латинского или английского, или второго иностранного языка. Если взглянуть на латинский язык как на подготовку к возможности чтения массы исторических весьма важных иностранных сочинений, писанных на этом языке, то и тогда следует ввести практическое изучение латинского языка только в старшие классы. Быть может, такой прием у нас ввиду долго длившегося периода гимназий, основанных на изучении латыни и греческого, ныне и уместен (как я и сам долго думал), но удержаться надолго впредь это не может, а потому мне кажется, ныне наилучшим оставить латинский только для желающих. Той пользы, которую для развития учеников может дать в среднем образовании латинский язык, легче и во всех отношениях удобнее достигать при преподавании русского языка и древней истории. Для влияния на просвещение русского юношества, как и вообще будущего, латинский язык столь же малопригоден, как китайский или еврейский языки. Распространение латинского языка в школах Западной Европы свою роль в мире сыграло и определилось преимущественно тремя влияниями: бывшим могуществом Римской империи, Латинскою Церковью и эпохою Возрождения. На нас все эти три влияния исторически прямо и сильно не действовали.

⁴⁶ Некоторая небрежность в этом отношении может испортить все дело, и исправлять его потом весьма трудно. Для вновь открываемых высших учебных заведений, конечно, должно сделать изъятие из указанного положения, т. е. само учреждающее правительство должно назначить членов совета. И если вновь учреждаемое учебное заведение назначается к тем высоким целям, для которых одних и должны назначаться высшие учебные заведения, правительство не оставит без внимания того соображения, что руководить трудным делом высшего образования могут хорошо лишь лица, не только сильные в науке, но и знающие весь ход дел высших учебных заведений. Из многих примеров я знаю, что результаты высших учебных заведений чрезвычайно сильно зависят от умелого первоначального выбора профессоров-руководителей.

⁴⁷ Судя по сведениям, собранным мною в Оксфорде и Кембридже, где почти все студенты распределяются по колледжам, весьма хорошо обставленным жизненными и научными пособиями, годичное пребывание студента обходится никак не менее, на наши деньги, тысячи рублей и в большинстве случаев достигает в среднем с личными

расходами самих слушателей на спорт и остальные потребности около 1500 руб. в год.

⁴⁸ На устройство образцового сельскохозяйственного заведения, сверх того, весьма полезно отпустить до 500 тыс. руб. и присоединить к институту лесничество.

⁴⁹ Географический центр страны найти легко, когда имеются, как имеются уже у нас, географические карты и данные всеобщей переписи, если взять за единицу (хотя бы даже не столь мелкие площади, как волости, а только уезды, помня, что, чем меньше будет выбрана площадь, тем результат будет точнее, но, и, выбравши уезды за единицу, получим точность для такой страны, как Россия, по крайней мере до десятков верст) даже уездные города. Каждому городу ответит определенное географическое место, определенная площадь уезда и определенное число его жителей, а из этих данных по тем же самым правилам, по каким находится центр тяжести в системе связанных тел, найдется географический центр всей империи. В американских переписях, или переписях, повторяющихся, как известно, каждые 10 лет, всегда рассчитывается положение географического центра страны, и он за последнее столетие последовательно движется с востока на запад, удаляясь почти по параллели (а именно по параллели около 39° 10' сев. широты места) от Атлантического океана к Тихому океану (в 1790 г. западная долгота — 76° 11', в 1800 г. — 76° 56', в 1850 г. — 81° 19', в 1880 г. — 84° 40', в 1890 г. — 85° 33', в 1900 г. — 85° 49', т. е. в 6 милях от Колумбуса в Индиане). Такое же движение — в направлении к Тихому океану (т. е. к мировой арене будущего) — существует и для Российской империи, а где ее современный географический центр, вероятно, будет рассчитано, когда закончится публикация отчетов нашей первой всеобщей переписи 1897 г. Если этого не сделает редакционная комиссия и если я не успею сам этого сделать, то, вероятно, найдутся другие для того люди. Это знать нам все же надобно.

⁵⁰ Во Франции и в С.-А. С. Штатах они уничтожены, а потому страны эти, по мне, опередили Англию и Германию, где они остались еще, и это важные козыри первых перед вторыми. Китай стоит в таком же отношении к Японии.

⁵¹ Не излишним считаю вновь обратить внимание на то, что в Старом Свете первоначальная идея пользы больших государств возникла и осуществилась несомненно, в Азии; греки и римляне взяли ее оттуда, а от них вся остальная Европа, в которой, как в Африке или Австралии, господствовали лишь кланы и уделы. В азиатской идее государства, без сомнения, немалую роль играли завоевания и военное господство, но из развития общего достатка и из быстрого умножения населения — в эпохи мира (все же более частого, чем было при раздробленности) — стали скоро очевидны всем вы-

годные стороны больших государственных сложений, и они к нашему времени взяли очевиднейший верх над первичным сложением в малые группы.

⁵² Повторю еще раз, что, излагая свои мысли с возможною краткостью и полнотою, я избегаю в большинстве случаев фактических доказательств их основательности не только потому, что считаю излагаемое и без того ясным и отчасти признанным, но и ради того, чтобы не писать целые тома.

⁵³ В их числе нередко, прежде всего, подразумевают капиталистов, участвующих в промышленно-торговых предприятиях и держащих государственные и частные процентные бумаги, т. е. участвующих в биржевых оборотах. Это не совсем верно, потому что те и другие дают свои средства для развития промышленных дел и тем принимают в них свое участие, выражающееся наглядно в том, что бумаги и предприятия могут лопаться и, следовательно, те лица могут терять, как всякий производитель. Пользности в подобных лицах немного, но все же они ее дают, и до поры и времени они все же должны считаться в числе двигателей промышленности.

⁵⁴ В день прибывает в России средним числом около $5\frac{1}{2}$ тысячи человек, т. е. ежеминутно — около 4: по 2 мужчины и 2 женщины. Всякое общенародное оживление эти числа увеличивает, а угнетение уменьшает. Это все надо помнить твердо, судя, например, о войне, реформах и тому подобных общенародных целях. Дни благодущия способны с лихвой наверстать утраты угнетенного состояния и потери сражений. В такие дни оживляются нервы и весь организм.

⁵⁵ Она тогда же была набрана, а лист 21-й, т. е. главная ее часть, был тогда же и отпечатан в том виде, в котором ныне является.

⁵⁶ Сперва и более всего — даже до сего времени — мне пришлось много сил вложить в подготовку (8-го) издания моих «Основ химии», а потом отдаться вопросу о способах нового, возможно точного, определения в Главной палате мер и весов напряжения тяжести. Наброски предлагаемой здесь главы (IX) в том самом виде, в каком они являются, сделаны были мною еще в 1903 году. Кое-что, конечно, теперь добавлено, но суть осталась та же во всех отношениях.

⁵⁷ Хотя обсудить до конца все события Маньчжурской войны, конечно, еще рано, но все же при желании быть ясным и откровенным до конца мне невольно хочется указать на то, что осторожно-медлительный образ действий А. Н. Куропаткина был верным и все дальнейшие события правильность его совершенно подтверждают. До скопления наших сил в надлежащем количестве и до наступления явных следов ослабления противника лучше всего было действовать именно так, как вел дело А. Н. Куропаткин. Его преемник удержал

с должным благоразумием ту же систему, и если Портсмутский договор вышел успешным, а главное, своевременным, то первую причину этого должно искать в А. Н. Куропаткине. Если бы задорная спешливость, определившая посылку флота, лишенного опыта и береговой поддержки, не была вызвана состоянием умов, можно была бы ждать еще и не такого мира, а крикливая и спешливая задорность, ничем существенно не вызываемая, очевидно, вела свое начало от тех же неуравновешенных голов, которые старались изо всех сил представить все русское отношение к Японской войне в ложном свете, и надо только Бога благодарить за то, что Леневиц придерживался по существу начал А. Н. Куропаткина. Полагаю со своей стороны, что начала эти одобрила бы преобладающая масса русского народа, если бы ее было возможно в действительности спросить общей, прямой и тайной подачей голосов, а посылку эскадры не допустила бы. Думаю, что у этой преобладающей массы довольно не только терпеливой выносливости, но и осторожного благоразумия. Иные мнения я слушать готов, но готов также точно свободно сказать и свое сильное мнение.

⁵⁸ О том, что благосостояние русского народа за последнюю четверть века несомненно, возросло, хотя и не в той мере, как могло возрасти, причем отчасти изменилось в распределении, сказано мной, думаю, достаточно убедительно выше.

⁵⁹ Отмена пресловутых испытаний в знании старообрядской премудрости уже совершена в августе текущего года. Это явное начало коренного внутреннего переворота в Китае.

⁶⁰ Полагать можно, что и завзятые анархисты, отвергающие пользу всякой правительственной власти, на случай войны тоже согласились бы повиноваться случайно или нарочно избранной правительственной власти.

⁶¹ То есть не соглашаюсь с теми, которые предлагали ради сокращения и упрощения выборного процесса первые выборы сделать в существующих земствах.

⁶² По моему мнению, софистика против которой боролись Сократ и Платон, только тем и отличается от диалектики, которую прославили именно эти мудрецы древности, что первая держится только за ум в его сознанных и признанных положениях и приемах, а вторая будто бы апеллирует к действительности, исходя, однако, не из индивидуальных ее отношений, а лишь из сознанных же и признанных положений, указанных общими сердечными требованиями. Все же диалектика выше софистики, но обе до мозга костей неестественно сухи и, свою службу сослужив, сумели погубить Древний мир, вредя и до современности, в которой выражены ярче всего у ярых законников и консеквентных метафизиков-мечтателей, полагающих, что к социальным явлениям можно

прилагать приемы математики. С Лейбницем, ошибаясь, они забывают бэконовский опыт, определивший силу естествознания. Ошибка эта, повторяясь, увлекает слабых, все еще мнящих из ума произвести мир и общество людей, опираясь на признаваемое ими «единое общество».

⁶³ Упомяну, однако, но больше для курьеза, что в одной из недавно вышедших брошюр предложено акциз с водки заменить у нас налогом на мясо потому-де, что вредность его для здоровья научно доказана. Толкования тут излишни.

⁶⁴ С русскими изобретателями мне часто пришлось иметь дело, и хотя между ними, как и всюду, есть много сумбуристов, но несомненно для меня и то, что много очень дельного и талантливейшего пропадает из-за высокомерного у нас и неразумного пренебрежения к русской изобретательности. Довольно напомнить Лодыгина.

⁶⁵ Мне говорят, что ведь и взятки остаются в стране, но когда они даются иностранцами русскому заказчику, во-первых, крупнейший куш идет все же прочь из страны, а во-вторых, взяточник не усидит на окраине, наживется да и уедет того гляди в Париж покутить и к делу местному не приступит, что, наверное, сделают рабочие и предприниматели.

⁶⁶ Выросши около стеклянного завода, который вела моя мать, тем содержащая детей, оставшихся на ее руках сызмала, пригляделся я к заводскому делу и привык понимать, что оно относится к числу народных кормильцев даже при сибирском просторе. Поэтому, отдавшись такой отвлеченной и реальной науке, какова химия, я смолоду интересовался фабрично-заводскими предприятиями, хотя в них никогда личного участия не принимал, руководясь тем о нем мнением, которое видел в окружающем и отчасти впитал сам. Много у меня бывало случаев решать в пользу или против посвящения технике главного своего времени и сил, и всегда в конце техника побеждалась какими-то русско-дворянскими видами спеси.

Так, например, в 1863 г. известный тогда деятель В. А. Кокорев пригласил меня съездить в Баку, где у него тогда велось дело с переработкой нефти и в год убытков менее 200 тыс. не бывало. «Либо помогите устранить убытки, либо закройте завод», — говорил он и дал мне при всем готовом проезде целую тысячу рублей за то, чтобы выяснить ему дело и, если можно, в короткий срок, у меня бывший в распоряжении, поправить его. Охотно взялся не потому только, что тысяча рублей тогда мне, уже семейному, получавшему всего 1 ¹/₂ тысячи жалованья, была очень на руку, но особенно потому, что самое дело меня очень интересовало. На месте, что можно было, старался поправить и направить, и вышло так, что через год получился чистый доход более чем в 200 тыс. рублей. Приезжает ко мне тогда В. А. Кокорев и предлагает поехать править

его дело в Баку, в год получать по 10 тыс. рублей, до 5 % с чистого дохода, разочтенного как в этот год. Ни минуты не думая, отказался, чего, конечно, не сделал бы на моем месте ни англичанин, ни француз, ни немец. Стал меня умница В. А. Кокорев допрашивать о причинах отказа, опроверг все мои доводы (о пенсии, о возможности работать для науки и т. п.) или отговорки и очень верно заключил, что все это барские затеи, от которых России очень плохо двигаться вперед. Когда сам-то стал стариком, тогда только понял как следует здравый смысл самородного русского ума В. А. Кокорева, которому наименее свойственно донкихотство, еще и по сих пор побуждающее нас воевать с ветряными мельницами. Когда-нибудь сознают это, а пока и то уж хорошо, что есть надежды видеть в Государственной думе немалое число таких самородков, каким был В. А. Кокорев. Их голос весьма важен и, будем надеяться, свое возьмет.

⁶⁷ Принимаясь за издаваемую книгу, полагал в ней разобрать природные условия, историю от возникновения до современного состояния (а в том числе и наделанные ошибки, которые можно хоть сейчас поправить законодателями) и виды на будущее некоторых видов нашей промышленности, более или менее мне ясных (торговля с мореходством, земледелие со скотоводством, дел каменноугольного, железного, нефтяного, свинцового, медного, золотого, прядильно-ткацкого, химического и машиностроительного), но, начав уже кое-что обрабатывать, оставил эту мысль. Причин две, обе чисто личные. Во-первых, времени и сил у меня уж очень мало, а говорить надо обстоятельно, и, во-вторых, книга вышла бы велика и чересчур специализированна. Если сил и средств хватит, полагаю издать отдельно, теперь уже поспешаю заключить уже начатое. В мои годы задумывать вперед — поздно.

⁶⁸ Для того чтобы сделать очевидной некоторую давность мыслей, сюда относящихся, перепечатаю здесь мою статейку, помещенную в ноябре 1877 г. в журнале, издававшемся моим другом Н. П. Вагнером. Статья эта единственная, помещенная мной под псевдонимом «Д. Попов». Избежал я своей подписи в этом случае только потому, что в те времена считалось неудобным профессору-натуралисту вмешиваться в вопросы более или менее философско-социального характера, да еще с чисто популярной стороны. Озаглавлена эта статья — «О единице», и далее она воспроизводится целиком вся. В № 6 этого журнала г-н Аленицын доказывает, что в природе нет нуля, что это фикция. Указать это полезно для иных. Однако если идеям можно приписать существование, если слово отвечает существующему и если всякое слово есть уже отвлечение, то слово и идея, или такое отвлечение, которое называется нулем, существует

в сознании. А потому говорить о нуле — значит говорить не о природе, а об идее, отвлечении, обобщении. Другое дело — единица. Она кажется не только идеей, но и реальностью. Ее считают такой, из нее слагают, она альфа и омега философа, пишущего «Я» большими буквами, она начало творения, ею кончается дробление, в ней весь смысл индивидуализма — словом, она-то несомненно существует. Не правда ли? А между тем единица просто даже немыслима в природе. Единицы мер, веса, времени, в науках употребляемые, заведомо условны. Их нет, они придуманы нами самими, то есть фиктивны. Земля и та не единица. Есть и другие Земли — планеты. Солнцев так много, как звезд, они все такие же, как солнце, и если солнце не имеет общеупотребительного множественного числа, то это зависит только от того, что язык слагался тогда, когда верилось в единичность больше чем следует, и попробуйте, ведь вы можете сказать: «Солнцы, Солнцев, Солнцами» и т. д. Звучат эти слова, правда, нехорошо, но только потому, что идея о множестве миров и Солнцев еще не приросла к нам, выучена, не сама родилась в нас, внушена долгим путем изучения, а главное, потому, что мы выросли на понятии о единице, учимся считать с единиц, даже думаем единицами. Зато лам поставят когда-то со временем не больше как единицу за успехи, хоть за прилежание и поведенные готовы будут поставить высокий балл. Беда на свете водится, по крайнему моему разумению, от того, что мы очень уже уверены в существовании единиц и забываем или не знаем, что в природе единица невозможна и, мало того, единица я природе даже немыслима. Нуль мыслим, а единица нет. Посмотрите и сообразите. Мыслим ли один нуль хоть баран? Да нет же. Один умрет, и не станет барана, и станет нуль, и останется вечно нуль. И кто имеет уши, услышит, и зрячий увидит, и умный поймет, что один человек, что один баран очень близки к нулю. Двое — мужчина и женщина — те мыслимы в природе как начало рода, как зачаток общения, развития, сознания, самосознания, обособления, а один, или одна, или единица даже до понятия о чем-либо не дойдут. За каждым из нас, около всякого, после каждого, вместе с каждым, в каждом слове, звуке, понятии — во всем, во всем так и разит совокупностью, массой единиц, общностью. Индивидуализм, эта язва нашей образованности, есть созревший и даже загнивающий плод понятия о единице, существующей самостоятельно в природе. От этого плода, когда сгниет, останется, однако, надо думать, семя, оно даст новое, пышное развитие. «Я царь природы, это мое, я сознаю себя, я буду жить, я стану творить, я буду блаженствовать, я нашел...» Это все понятия, слова и мысли, опирающиеся на твердую уверенность в единицу. Все это недодумано и перестроится, изменится с веками, стучается

в мыслях. Так, изменилось уже многое с тех пор, как писал Гомер, даже Вергилий. «Да ты не царь природы,— скажут нам,— а если царствуешь, то только потому, что получил и пользуешься наследием предков твоих, тому, что сложился в семье, в общество, в государство. Сам, один ты — просто раб природы. Твое индивидуальное — зоологическое, животное, и все твоё человеческое, и все, чем хвалишься, все то ведь от других, с другими — не одному тебе, не личное, а общее... Поймешь и перестанешь хвастаться за одного себя». «Да, это не твоё, а данное тебе кем-то. Так, правый рукав не собственность правой руки, а всего человека, шерсть — от овцы, нить — от прядильщика, ткань — ткача, шов — от портного, дело я собственность не одного, а многих, многих». «Ты признаешь себя,— скажут нам когда-нибудь,— только потому, что твоя мысль развилась от отца и матери, сестер и братьев, учителей и товарищей — словом, от того, что ты не единица в природе, а часть целого, клетка в крупном организме». «И твоё хваленое «Я» также бессмысленно, как была бессмысленна похвальба твоей руки, что она рисует или пишет, что рукав ее». Так скажут, когда уразумеют, что единицы в природе нет. И тогда настанет новое, тогда падет индивидуализм, тогда славянская общинная идея заменит современную идею о единице и дело пойдет дальше теперешнего. Настанет вправду новые века и в мыслях, и в делах, в верованиях и народных судьбах. И не бойтесь, вздорного будет меньше, ни древняя идея государства, ни новейшая, свободная единица не пропадут, им будет лучше, потому что будет больше правды и толку. С веками дело жизни усложняется, потому что узнают больше и ладное сохраняют, приспособляют сознательно или бессознательно.

В природе нет нуля, а единица в природе немыслима, хотя, кажется, и существует. И нуль, и единица — слова, идеи. Воспринимаемая от других слово, потому что вначале всегда было и будет слово, мы вначале понимаем его как отвечающее чему-то реальному, единичному. А оно никогда этого характера не имеет. Слово есть уже обобщение. Слово «лошадь» есть не эта, одна, и не та, другая лошадь, а общее, отвлеченное понятие. Слово «единица» есть также отвлечение, и притом отвлечение высшего порядка, чем то, которое связано со словом «лошадь». Мы не можем сказать ничего, ни одного слова, не впадая в отвлечение, и вот отвлечение о единице как о чем-то существующем в природе есть именно такое же отвлечение, такая же фикция, как и понятие о нуле. Разности нет. И то и другое отвлечения неизбежны, законны, полезны, мысль становится в слове осязаемой, живой, плодотворной. Думают даже словами — иначе редко бывает. Но пусть в начале будет только слово как что-то реальное, в конце должна быть верная ему отвечающая идея как что-то общее,

иначе слово — звук пустой. Идея единицы только тогда и будет верна, когда уразумеет, что она такая же в природе малозначащая штука, как и самый нуль, что единица ничто сама по себе, что она только изобретение нашего ума, подобное тому, к которому прибегают в геометрии, представляя себе кривую, состоящую из совокупности прямых.

Единицу мало понимали до сих пор, ею увлекались, из частей не видели целого, и пришла пора сознаться в том, что мы, каждый, считали себя значащими единицами, а, в сущности, каждый из нас сам по себе нуль. Еще ступенью встанем выше, и тогда единица будет высшего порядка — семья, общество, государство, человечество. И на этих ступенях наша жизнь построится лучше, и мы станем искать блаженства не личного, наслаждения не единичного, добра не спутаем с наслаждением, станем понимать себя не больше как микроскопическую клетку в целом организме.

Так возвышаясь, дойдем, начавши от условных нуля и единицы, до безусловной бесконечности. Путь мысли той так же — ни больше, ни меньше — ясен и прост, неизбежен и полезен, как и тот путь идеи, по которому все видимое слагается из неделимых атомов, все живое — из клеток как первых и простейших единиц, до которых добрался современный глаз. Только самый низший организм есть единичная клетка. И как в ней все отправления спутаны, так спутанными останутся наши, пока мы не разберемся с понятием об общественном организме, перестанем быть индивидуалистами, создаем, что мы единицы низшего порядка. А то мы возмечтали, что все условно и относительно, только наше философское «Я» безусловно, первично и существует. Сказать надо правду: в идее наша личная единица, не то что какая другая, резко различна от нуля и никоим образом ему не равна, в действительной же природе, в мысли, свободной от условных форм и слов, это «Я» индивидуалистов ни более ни менее как нуль.

Идея нуля, по мне, была безвредна, а понятие о единице наделало много худого. Их смысл в природе будет ясен только тогда, когда они станут в сознании рядом с идеей о бесконечности. Если в природе принять единицу, нельзя отрицаться ни от нуля, ни от бесконечности.

⁶⁹ Если бы перечислить да выяснить дальнейшую порчу дела, произведенную правительственными же мерами, то судьбы нашего нефтяного дела много бы выяснились, но, как я сказал ранее, это отлагается мной до другого случая. Всего не поделать.

⁷⁰ Говорю это, прожив целые полвека в научных областях, зная кучу трудолюбцев-ученых и наблюдая много и внимательно. Тут у меня не то что заветная мысль, а прямехонько простая правда очевидности.

⁷¹ В заключение книги «Заветные мысли» Д. И. Менделеев предполагал дать дополнительную главу с изложением своих философских взглядов. С этой целью он и написал работу «Мировоззрение», но затем отказался от намерения ее опубликовать. (Прим. ред.)

⁷² Но прошу заметить, что я не говорю «не даст», потому что этого знать еще нельзя, ибо границ научному познанию и предсказанию предвидеть невозможно.

⁷³ Мысль, здесь излагаемая (о степени ее самостоятельности я и не думаю и даже прямо полагаю, что она очень широко распространена в ученых кругах), выражена была мною в 1902 г. в статье «Попытка химического понимания мирового эфира», помещенной в «Вестнике самообразования», а недавно изданной мною отдельной брошюрой. Может быть, я и ошибаюсь, но все же полагаю, что в эпоху «переоценки ценностей» полезно предъявить то, что считаешь общей ценностью, пускай переоценивают, а то, пожалуй, подумают, что ничего ценного нет и у людей науки и что все дело в молотках «ценовщиков».

О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ РОССИИ

¹ Когда я учился в гимназии, у нас был один учитель, у которого всегда все знали, что следует. Он поступал так: сперва вызывал охотников, и если один из них все расскажет хорошо, то затем заставлял то же повторять кого-нибудь из слабых. Если вызвавшийся охотник не умел хорошо объяснить заданное, вызывался другой, а если и он оказывался неумелым, учитель сам все объяснял и заставлял первого вызвавшегося повторить после него. Иные так и не готовились дома, — а после урока все знали, потому что слова своего товарища укладывались легко. Учителя того и любили же, хотя он был очень строг.

² Это у нас. То же в Немегчине. Но у англичан — по-иному, по-своему; оно и в результатах видна разность. Там репетируют студентов.

³ Иное дело беседы профессоров с отдельными слушателями, — тут польза явная для учеников.

⁴ С год тому назад, в № 19 газеты «Россия» (от 16 мая 1899 г.), явилась первая моя статья (о пользе уничтожения переводных и выпускных экзаменов) по педагогическим вопросам. В ней я дал обещание высказать в последующих статьях мои мысли в пользу русского школьного образования. Принялся, было, я за это дело, мне особенно любезное, — так как вся почти жизнь моя протекла в учительстве, но ничего сделать не успел до сих пор, потому что, сверх многих моих текущих обязанностей, мне пришлось выполнять за прошлый год новые, сложные и спешные, вроде поездки на Урал и отчета о ней. Вот и теперь могу писать только потому, что послан для экспертизы на Парижскую выставку, а экспертиза замешкала. У меня

и оказались отрывки свободного времени, которыми пользуюсь, чтобы выполнить обещанное. Писать же спешу, потому что не хочу уносить в могилу накопившийся ряд мыслей; быть может, он и остановит чье-либо внимание. Эта спешка не позволяет мне ни отделять подробности, ни писать что-либо иное — кроме кратких газетных статей. Но зато я стараюсь говорить не между строк, а вступно и определенно, не думая вовсе о том, что найдутся опровергатели, улавливающие недосказанное. Мне лишь бы успеть высказать хоть вкратце то, о чем много пришлось думать. Оно мне кажется притом и своевременным. Отвечать же возможным оппонентам едва ли у меня найдется время.

⁵ В бывшем Главном педагогическом институте натуралисты и математики слушали первые два года вместе и только потом специализировались по отделениям. Это начало чуть-чуть еще осталось в некоторых высших учебных заведениях, но оно достойно большого внимания и много может содействовать истинному образованию высших специалистов.

⁶ России, конечно, надобны и классики, знакомые с греческим и латинским языками, но не более, чем знатоки китайского, санскритского, персидского, арабского и тому подобных языков. Для них, может быть, понадобятся и свои подготовительные школы, вроде Лазаревского института восточных языков. Не об этом наша речь, а потому над этим я останавливаться не буду.

⁷ Как в земледелии первым (по времени) и последним (например, около усадеб и городов) видом плодосменных систем, назначенных для годности хозяйства, служит «вольное» или бессистемное (видоизменяющееся по множеству временных и местных обстоятельств) полеводство, так и в образовании: общей системы не бывает вначале, и, наверно, придет время, когда общая система будет излишня для государственности. Тогда направление и содержание образования полезно будет изменять, сообразуясь с местами, лицами и обстоятельствами, т. е. получится «вольная» система образования. Но до этого далеко не только нам, но и большинству народов Запада. Конечно, и теперь бывают случаи полезности исключительных систем образования, и они доступны богачам или в особых условиях, например для слепых и глухонемых. Не об этих особенностях идет у нас дело уже по тому одному, что образование надо развить широко и средствами государства, а однообразная обдуманная общая система во всех отношениях — даже в денежных — доступнее и возможнее, а потому и желательнее. А так как широкое развитие общего образования требует и больших средств, то их накопление, т. е. народное богатство, неизбежно поставить во главу всего. Земледельцы повсюду и всегда были и будут бедняками, им не до образования. Промышленная же

эпоха требует его и дает богатства. Тут все обще и связано. Не надо при этом забывать, что как бы однородна ни была система образования, она все же будет неизбежно видоизменяться от влияния различия учителей и местных условий, и тут формальное единообразие всегда будет бессильно. Один этот предмет заслуживал бы, если бы была на то возможность, подробного разбора. Мне же возможно здесь только дать намеки.

⁸ Не программу пишу я здесь, а только намеки. Кое-что о программах предполагаю сказать в следующих статьях. А как пример, достойный внимания, укажу на Морской кадетский корпус. У меня там учился сын, потому я знаю программу этой школы. А все знают, что моряки у нас выдаются в жизни на всех поприщах. Я педагог, и причину вижу в школе и ее жизненно-реальном строе.

⁹ В своей книге об уральской железной промышленности, изданной Министерством финансов, я доказываю, например, что один Урал на своем чисто древесном топливе может производить ежегодно — не истощая никогда назначенных для этой цели лесов — по триста миллионов пудов дешвейшего железа, т. е. завести им обширную торговлю

¹⁰ Между средними школами должно ясно отличать общеобразовательные (называемые просто гимназиями) и специальные, или профессиональные, готовящие с раннего возраста к определенным специальностям, например: морские, военные, духовные, ремесленные, торговые и тому подобные школы. Речь моя теперь идет только о гимназиях. Типом специальных школ навсегда останутся морские, военные и духовные училища, подобные «корпусам» и «семинариям». Сюда же должно отнести, по моему мнению, не только коммерческие, промышленные и другие профессиональные средние школы, но и чисто классические гимназии с двумя древними языками. Будучи лично убежден в том: 1) что во всех таких специальных средних школах всегда обратят немало внимания на общеобразовательные предметы, 2) что приучение смолоду к определенной специальности, например к морскому делу или к греческому языку, часто может быть очень полезным для успехов данной специальной отрасли жизненной деятельности, и 3) что из таких специальных школ, как показывает опыт, часто выходят через самообразование просвещеннейшие деятели на всех поприщах, все же я полагаю, что было бы опасно для образованности страны ограничиться одними специализированными с детства школами, и наилучшим временем для специализации должно считать возраст около 16 лет, так как тогда выбор специальности будет более сознательным и с подготовкою в общем образовании взятая специальность постигается легче и увлечет надежнее. К этому сложному и важному предмету всего направления

ПРИМЕЧАНИЯ

народного образования я предполагаю возвратиться, когда буду говорить о высшем образовании, которое всегда есть специальное (факультетское). На одновременное существование общеобразовательных и специальных средних учебных заведений должно, мне кажется, смотреть как на один из полезных видов известного рода соревнования, всегда не излишнего в жизни, ради того, чтобы она не застыла на определенной ступени. Пусть учреждаются, сколько надо и сколько будет спроса, чисто классические гимназии, — это может дать столько же на пользу русского просвещения, как и устройство новых морских или горных школ, но я против того, чтобы классическим или иным специальным школам давались какие бы то ни было особые права и преимущества. Сказать надо же когда-нибудь, что права и преимущества должны давать не школы каких бы то ни было типов, с неизбежной в них шаблонностью, а только личные заслуги в действительной жизненной деятельности.

¹¹ Очень часто всю суть среднего образования считают в развитии умственной сообразительности учеников и на основании этого строят всю программу уроков. По мне, это отвечает добэконовским понятиям. Ныне же необходимо признать, что всякие чисто умственные построения, при полной логичности, очень часто приводят лишь к неисчислимым противоречиям (которыми и закончился классический мир) и что без многообразной проверки действительностью (наблюдениями и опытом, историей и практикою) нельзя полагаться на одни такие построения.

¹² Это только — благодаря совету гимназии, а по нынешним временам, вероятно бы, меня много раз оставляли и даже исключили бы из гимназии, так как у меня из латыни очень часто были худые отметки.

¹³ И в гимназиях прежняя компетенция советов даже при переводе из класса в класс — уничтожена, заменена счетами отметок — к явной невыгоде дела.

¹⁴ Быть может, и у нас, как в Англии, было бы полезно иметь в каждом университете особого «канцлера» как высшего попечителя и охранителя университета.

¹⁵ Наименьшее содержание сына в кембриджских или оксфордских колледжах стоит около 100 фунтов стерлингов (около 900 руб.) в год.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СУЖДЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ

¹ Аэростат в 2—3 тыс. куб. м емкости будет стоить не менее 6 тысяч, предварительные опыты, приборы и приспособления для наблюдений — около того же, каждое наполнение водородом с обратной доставкой аэростата или каждый высокий полет — около 2 тыс. Каждый полет при наполнении светильным газом — около 600 руб. Для первого результата нужны два-три пробных и пять-шесть полетов наблюдательных.

² Чтение было устроено С.-Петербургским славянским комитетом. Внимание публики к пострадавшим славянам выразилось тем, что сбор с этого публичного чтения достиг 1548 руб. 50 коп. («Голос», 1875, № 29, дек.).

³ Что и в научной битве, кроме личной храбрости, нужны и запасы крепости, что время татарских набегов на науку миновало.

⁴ Вначале духов называли «стучащими» духами. При дальнейшей разработке спиритического учения оказалось, что двигаются не только шляпы, но столы и другие тяжелые предметы. Мне, однако, не известно еще ни одного опыта, в котором бы удалось привести в движение двигательную машину при помощи духов, хотя есть уже швейные машины, приводимые в движение гальваническими батареями, струю воды и тому подобными двигателями, доставляющими малое количество работы. Слышно, что и у нас спиритические кружки начали стремиться к утилитарным целям; говорят, что кружки спиритов в Киеве и здесь, в Петербурге, отправляют от себя в Америку делегатов, с которыми и хотят сноситься при помощи духов, предполагая путем такого сношения заменить атлантический телеграф.

⁵ Валлас, в числе их, думает, что люди найдут в спиритических духах нравственную для себя поддержку.

⁶ Нет, эти духи, что стучат,
Или ворочают столами,
Не те, которые грозят

.....

Расстаться с нашими мечтами.
Мир снова жаждет обновления,
В науке ищет откровенья,

продолжает Полонский и выводит, что эти духи

Родные дети пустоты,
Тоски, неверья, увяданья,
Они — фантазия без крыл.

В этих стихах, как в своих «Грезах», Полонский кратко и неподражаемо передал мысль, бывшую у многих в голове, коснулся самой сущности вопроса. Люди науки, сколько слышится, думают именно так.

⁷ Спириты думают смягчить свое отношение к делу, когда называют спиритические явления «*медиумическими*», но при этом забывается ими, что самое слово «медиум» заключает в себе понятие о посреднике между остальным миром и миром духов. То полусонное состояние, в которое впадают медиумы в некоторых случаях, названное спиритами «*трансом*», также составлено в духе спиритического учения; им хотят обозначить переходное состояние от духовного к материальному.

⁸ Нашим спиритам следовало бы сперва хорошенько разобратся в медиумических фактах, а не выступать прямо с пропагандой всего спиритического учения.

⁹ Простодушные любители нравоучений не раз читали нотацию членам комиссии Физического общества за то, что они взялись за *изловление* медиумов, говорят: «Есть на то фокусники». При этом упражнялись и в свободомыслии и в диалектике. Знали, что не станет никто защищать комиссию. И не должно. И я не стану. Если бы у писавших и говоривших против комиссии была хоть доля знания того предмета, о котором они решаются бойко судить, то они постыдились бы своих слов. Далее — я выставляю отношение нашей литературы к спиритизму, но беру для примера не тех писателей, которые пишут о предмете совершенно неизвестном, а таких, которые дорожат своим именем и стараются вникнуть в сущность дела, так или иначе ему помогают, а не просто только — блещут своими писаниями, не заботясь ни о чем прочем. У этих последних на все есть ответ, всякому готово наставление и всякому указываются пути возможные на деле, терпимые на странице журнала или газеты, но существа дела не касающиеся. Таков и есть путь борьбы со спиритизмом — при помощи фокусников.

¹⁰ Доклад Лавуазье о месмеризме, приводимый мною в этой книге, указывает те способы, которыми исследуется самообман. Доказательства разительны, но, при отсутствии знания механизма действия воображения, останутся с тем особым характером, который отличает юридически верное от точно известного.

¹¹ Представьте настроенное воображение, подготовку встретить духа, да, пожалуй, в материальной форме. Мороз идет по коже. Мысль устремляется на один этот предмет, на это ожидание, гонит прочь надоедливое сомнение. До спокойного ли тут рассуждения? Все мысли, около этого предмета вращающиеся, приобретают жесткость: «Этого не тронь». Люди ловкие пользуются этим состоянием. Помните процесс в Екатеринославле со спири-

тической подкладкой? Под гнетом спиритической уверенности обдeldывают делишки. Это, конечно, касается только малой доли спиритов, но во всех видах потеря хладнокровия. Невольно пожалеть их. А все оттого, что бросили путь твердый, ступили на зыбкий берег и мост проектируют. Смотрят иные на спиритизм как на забаву. Выбор, мне кажется, неудачен.

¹² При обсуждении хода дел в комиссии многие упускают из виду следующее обстоятельство: комиссия и ее члены до 25 марта 1876 г. ничего от себя в газетах не писали. Все, что писано, принадлежит или перу г-д спиритов, или другим лицам, желавшим поговорить о делах комиссии. Для комиссии совершенно не нужна публикация. Если бы нашлись и интересные предметы для исследования — дела протянулись бы может быть очень долго. Публичность нужна для результатов, если есть нарекания, если истина заинтересовала многих; ученые наши общества не навязываются, об их деятельности у нас знают мало; иным кажется удобнейшим путем возбуждения у нас науки — только осуждать наши недавно возникшие ученые кружки. Забывается при этом, что молодые русские научные силы зародились из той же среды, которая произвела и все остальное у нас, что голос благоразумия заставит, и скоро заставит, тех же порицателей — говорить другое.

¹³ Я ошибся, сказав так, потому что в газетах («Голос», 29 марта 1876 г., № 89) пишут, что стол скользил. То же г-н Аксаков, хоть и поздновато, пишет и в комиссию — тогда г-жа Клайер уже уехала из Петербурга. Мне следовало сказать: «...пишут, что и скользил и качался только дома у г-на Аксакова, не в комиссии...».

¹⁴ На этом месте окончено было первое чтение 24 апреля. Пред началом второго (25 апреля) я сказал приблизительно следующее (слова мои записал стенографически г-н Никитин):

«Господа! Во вчерашнем чтении я имел честь сообщить вам о том, что по поводу распространения у нас спиритического учения члены Физического общества образовали из среды своей комиссию для рассмотрения спиритических явлений; затем сообщил о результатах, достигнутых этой комиссией с медиумами-братьями Петти и мисс Клайер. Я читал прошлый раз, хотя привык говорить. К этому принуждает меня мое желание отвечать за каждое сказанное здесь слово. Знаю, что мне придется вспоминать сказанное и желаю, чтобы то самое, что я скажу здесь, появилось бы и в печати.

По поводу того, что я вчера имел честь сообщить вам, меня спрашивают, отчего я не прочел протоколов сеансов с мисс Клайер. По этому поводу объясню следующее: в № 85 газеты «Голос», 25 марта 1876 г., появилась статья от комиссии для рассмотрения медиумических явлений. В начале

этой статьи сказано, что комиссия постановила от себя дать вначале краткий отчет, а затем публиковать протоколы своих заседаний и разные к ним приложения. Следовательно, ничто из происшедшего или заявленного в комиссии не скроется, все публикуется. Но вы спросите, зачем же я не жду, зачем предупреждаю, не даю явиться этим протоколам и тогда уже не читаю того, что желаю высказать теперь? Это потому, что ведь и спириты не ждут этого появления документов; они печатают, что признают полезным для своего дела. Печатное прочтет большее количество народа, чем может собраться в этой зале. Ничего не печатая, я говорю. Они избирают один способ отношения к публике, я — другой; это ведь волен делать каждый. Между тем комиссия, согласно своему постановлению, печатает обещанное, и я занят этим делом; мне даны все протоколы и все к ним приложения. Печатание началось с апреля, и листов 8—10 уже сделано. Неужели же все это читать здесь? Ведь это невозможно.

Сообщили мне далее, что в протоколе сеанса за манометрическим столом есть факты, утверждающие другое, чем те, что я сказал здесь вчера. Это не так. Сидели за ним раз в 11-м заседании (11 января). Вот что сказано в отношении к манометрическому столу в этом протоколе.

(Следует чтение части протокола. Прочтено 18¹/₂ первых сверху строк этой страницы.) Это относится к заседанию 11-му. Надо вам заметить, что в этом столе было две подвижные части: на одной лежали руки г-жи Клайер, на другой — всех присутствующих на сеансе; г-н Бутлеров и некоторые члены комиссии следили за манометрами. Следовательно, судя по протоколу, давила и мисс Клайер. Вот все, что есть в этом протоколе. Однажды только решились спириты с г-н Клайер сесть за манометрический стол, а больше не сажались. Значит, не из-за того прошлый раз не читались протоколы, что будто бы они говорят против комиссии и в пользу медиумизма. Все то, что есть в протоколах о манометрическом столе, заключается в тех же словах, какие вы часто слышали и в декабрьском чтении протоколов: «Никаких медиумических явлений не произошло». Мне казалось, что вместо того, можно сообщить вам нечто более интересное, и потому, согласно своему первому плану, желая отвечать за каждое слово, я буду теперь продолжать чтение, откажу себе в желании говорить. Замечу еще, что после вчерашнего чтения, я ничего не прибавил и не убавил в своем дальнейшем изложении». После этого я продолжал чтение.

¹⁵ И это было бы в интересе науки, потому что она не игнорирует действительности. Только легкомыслие может ручаться за полное понимание и знание; только оно судит слпеча. Некоторые спириты, подобно некоторым газетным хроникерам, имеют твердую уверенность — одни в том, что

медиумические явления производятся новою силою, другие, что в них ничего кроме вздору и быть не может. Предлагая учреждение комиссии, я думал преимущественно о том, чтобы указать тот путь, на котором можно найти истину. Спириты и их медиумы — помогли знанию истины.

¹⁶ Не могу допустить А. Н. Аксакова, при моем выигрыше, до печатания *против* спиритизма, ибо полагаю, что его писания за — на многих действовали, как наилучшие статьи *против* спиритизма.

¹⁷ Так не попали туда и достойные внимания, сообщенные мне Ф. Ф. Петрушевским, писания г-на Дриберга. Этот даже премию назначил тому, *кто докажет ему*, Дрибергу, что показания барометра зависят от давления воздуха. Премия осталась невыданною, никто не мог Дрибергу дать доказательств, достаточно для него убедительных.

¹⁸ Движения без прикосновения уж очень плохо описаны, редки, по словам спиритов, удаются и у сильных медиумов преимущественно в темноте.

¹⁹ Послышатся удары, подобные звуку от падающих песчинок; рычаг будет подсакивать и падать, ибо времена его колебаний не одинаковы со временем колебаний перепонки. Все это ясно и без повторения опыта; но у нас в комиссии и опыт был — г-н Аксаков просил сделать, — и, конечно, вышло колебание от звука. Тут всего курьезнее то обстоятельство, что прибор был сделан, г-н Аксаков взял его к себе на дом, и у него не было никаких колебаний, ни медиумических, ни звуковых.

²⁰ Замечу что это-то и худо, следовало сделать приговления против возможности обмана — следовало позаботиться о дверях, о камине, об окнах, а то в темноте легко в них проникнуть постороннему лицу.

²¹ В апрельском номере «Дневника» г-н Достоевский спрашивает: «Шутя или вправду я вижу в спиритизме светлые стороны». Ответ: «Вправду». Позволю затем поставить такой же вопрос г-ну Достоевскому: шутя или вправду спрашивает он? Если шутя, ну и пусть шутит, забавляет. А если вправду, то неужели он хочет принадлежать к таким, которые видят в Наполеоне или только гения, или только антихриста? Мне кажутся неполными те очерки спиритизма, в которых спиритов только корят, спиритизм только бранят, я хотел и останусь спокойным даже при рассуждении о спиритизме.

²² Кончая книгу, я испытываю для меня новое, сложное ощущение, в котором смешались радость, сожаление, печаль, грусть, ожидание. Кончая другие книги, ничего подобного никогда не происходило во мне. Рад я — концу книги, тяжелое дело сбыл. Сожалею о том, что начинал дело комиссии; думалось, что вопрос, как и всякий другой, пойдет — хоть и не решится до конца (что же решено-то до самого конца), а все же подвинется, а вышло, как говорит г-н Боборыкин, «ни взад, ни вперед»; думалось, имеешь дело с научным во-

ПРИМЕЧАНИЯ

просом, оказалось, это вопрос совсем какой-то другой, а только уж никак не научный. Оттого и жаль, что вмешался. Печалось и грущу, потому что вижу, как правду хочет оседлать кривда, не мытьем хочет взять, так катаньем. Ожидаю... ожиданий много.

Ожидаю и устройства аэростата, и разных сюрпризов от г-д спиритов и от океана, чрез который собрался плыть, и от Америки, и даже от самого себя. Да, будет для меня большою неожиданностью, если примусь еще раз за перо по поводу спиритизма, а, того смотри, пожалуй, придется. Теперь же думаю, что довольно пошло на это дело и времени и сил. Они годятся на другое. Пусть это другое — будет не «конь» общественного вопроса, а «трепетная лань» мелких, недостойных общего внимания, вопросов узкой специальности, но все же мне удобнее впрячь в телегу моей жизни эту лань, чем того коня. Не хотел я впрягать, сам не знаю даже, кто и когда пристегнул его в мою телегу. Пусть уже на том коне ездят г-да Аксаковы и компания. Кавалеристы — они знают, как править конем и как при этом обращаться с толпою. Этим искусствам не научает езда в телеге на «трепетной лани». Эти — знай потряхивают, хоть по кочкам и болотам, мимо народа, а все же, по привычке, как-то кажется покойнее, да прямее и скорее.

Д. Менделеев.

Р. С. Сразу после того, как написал предшествующие строки, уже получил один сюрприз, в виде письма, подписанного «Мать семейства». В нем я уличаюсь за мои чтения 24 и 25 апреля в проповеди материализма, в колебании и тому подобном. Обещана публикация письма. Спиритизм — признается новым откровением, однако духи спиритов считаются духами не добрыми. Это последнее я слышал и раньше. Обещан мне позор, грозят не Сибирью, а чем-то хуже, — словом, сюрпризы начались. Смею уверить почтенную «Мать семейства», что материализация духов — выдумана не мною, что ханжество во всех его видах не есть дело нравственное и, наконец, что я готов служить, так или иначе, средством для того, чтобы было меньше грубых материалистов и ханжей, а побольше было бы людей, истинно понимающих, что между наукою и нравственными началами существует исконное единство.

Оно до такой степени всем ясно, что кому-то в «Отечественных записках» почудилось даже ханжество науки, выдумана правдоверная и официальная наука. Все это распутывать нет у меня охоты. В назидание же «Матери семейства» прибавлю только следующую мысль, принадлежащую, если не ошибаюсь, Фробелю: спиритизм выражает недовольство, неудовлетворение отвлеченными понятиями философии и нравственности; говоря о духах, философы доказывали существование, бытие сверхестественного мира, а спириты тот мир спустили на землю, показывают за грош, должны доказывать материальность духов.

СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ

№ 9. В книге, где помещены «Положения, избранные для защищения на степень магистра химии 9-го сентября 1856 г.», вплетены еще 9 страниц, на которых Д. И. Менделеевым сделаны от руки дополнительные вычисления, приведены формулы и таблица под названием «объемы металлов».

№ 11. К статье прибавлены 5 страниц вычислений и три таблицы, написанные Д. И. Менделеевым.

№ 14. В статье заметка Д. И. карандашом:

*оливковое масло 0.00072 20°
тер. масло 84
петролеум 97*

№ 45. В связи с работами Лотара Мейера периодический закон, открытый Д. И. Менделеевым, оспаривался немецкими учеными, считавшими работу Л. Мейера первой.

№ 47. В этой статье на полях пометка Д. И. Менделеева: «Хорошее извлечение имеется в “The Quarterly Journal of science”. W. Crooks, № 55, July, 1877, под названием “The Chemistry of the Futur”. Без подписи».

№ 68. Под № 1011/29 значится стенограмма объединенного собрания первого отделения Вольного экономического общества и политико-экономического комитета от 26 марта 1870 г. Заседание было посвящено вопросу об учреждении общества для содействия сельскохозяйственному труду по проекту Д. И. Менделеева, выступавшего с докладом. Доклад вызвал большие прения и встретил значительные возражения многих присутствовавших. На их сторону стал и президиум в лице председателя А. В. Советова, отметившего в своем резюме, что «нет надобности приходить к какому-либо соглашению, так как цель докладчика была главным образом представить свои мысли на обсуждение». Этот отказ от конкретных решений, свидетельствовавший о глубоко пассивной, если не явно враждебной позиции, какую занял президиум собрания по отношению к докладу Д. И. Менделеева, и вызвал у последнего в комментарии горькие слова: «А те спят и посейчас».

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 78. В указанном томе «Журнала Русского физико-химического общества» приведен протокол заседания Физического отдела, в котором читаем:

«Д. И. Менделеев сообщает об общей формуле для газов. Означив через: M — вес газа, в килограммах, T — температуру его по Цельсию, P — упругость его в метрах ртутного столба при 0° , V — объем его в литрах, A — частичный вес газа; приняв атомный вес водорода равным единице, из совокупности законов Мариотта (Бойля), Гей-Люссака и Авогадро (Ампера, Жерара), имеем для всех газов (и паров от температуры кипения):

$$APV = KM(C + T),$$

где K и C суть постоянные, первая близка к 62, вторая к 273. Формула эта общее известной формулы Клапейрона:

$$PV = R(C + T),$$

ибо в последней R изменяется с природою и массою газа, здесь K — постоянная для всех газов. Эта формула упрощает все приближенные расчеты, относящиеся до газов и паров, когда можно допустить точную применимость трех названных законов.

Принимая же во внимание существование отступлений от этих законов, при помощи этой формулы можно в абсолютной мере выражать эти отступления, найдя зависимость K и C от давления, температуры и частичного веса газов. Из существующих наблюдений, с одной стороны, оказывается, что для разных газов, с увеличением K и C уменьшается, а с другой, что при изменении давления от 1 до 5 атмосфер C уменьшается (для воздуха от 273 до 270), но тогда и K возрастает, а потому закон Гей-Люссака представляет большие отступления, чем два других закона, управляющие газами. По этой причине г-н Менделеев предполагает присоединить к своим исследованиям над упругостью газов определение из коэффициента расширения при постоянном давлении. Для этой цели он устроил прибор, в коем прямо коэффициенты расширения определяются весом ртути почти без всяких других поправок, и представляется возможность сделать определения этого рода более точными, чем те, при коих коэффициенты расширения выводятся из отношения давлений».

№ 179. Здесь речь идет об отношении царского правительства к вопросу о переселении. Д. И. Менделеев в своих «Заветных мыслях» пишет следующее: «Вопрос о переселении крестьян» относился прямо к числу запрещенных. Мне самому пришлось тогда это лично узнать, когда я написал для Съезда естествоиспытателей (2-е общее собрание IV съезда естествоиспытателей и врачей 26 декабря 1877 г.) статью, касающуюся необходимости описания почвенных и климатических условий мест пустынных, но пригодных для предстоящих переселений; мне едва-едва, после многих хлопот, удалось убедить Макова, управлявшего в то время Министерством внутренних дел, в полной благонамеренности заблаговременной статьи об исследовании пригодных азиатских и наших пустынь, лесов и степей для предстоящего расселения крестьян». («Заветные мысли», гл. V, с. 226, примечание).

№ 163. Лондонский королевский институт — *Royale Institution of Great Britain* — является учреждением, аналогичным Академиям наук других стран.

№ 195. Картина Куинджи «Ночь над Днепром».

№ 237. Статья о работах Менделеева во французском журнале. Приведенные французские слова: «*Rien ne manque a sa gloire, il manquait a la notre*» — «Ничто не умаляет его славы — умаляется наша слава» — относятся к Академии наук российской, не избравшей Менделеева в число академиков. Книга № 1021/25.

№ 237а. Д. И. Менделеев указывает, что в английском журнале «*The Chemist and Druggist*» в 1889 г. был помещен его портрет и статья о периодическом законе под заглавием «*Faraday and Mendeleeff*» (стр. 786). На экземпляре этого журнала (№ 1021/26) карандашом сделана заметка Д. И. «Прилагаю для курьеза». 1889 г.

№ 243. Д. И. Менделеев здесь обозначает: T — температуру вспышки, D — плотность.

№ 279. На тигульном листе «Трудов» (книга № 1034/4) сделана пометка Дмитрия Ивановича от руки «Мои речи сильно попорчены, перечень их страница 213».

№ 340. О ваксе и чернилах 1038/33.

№ 343. Эта статейка «Нового времени» (1887 апреля 18) называется «Маленький фельетон». О характере ее и справедливом возмущении Д. И. Менделеева можно судить хотя бы по такой цитате: «Не на колених такие умы вымалывают у природы кусочки истины. Они хватают упрямую женщину за волосы, беспощадно бьют ее, желая заставить говорить, а стала говорить, бьют еще и еще, покуда она всего не скажет. За нашим профессором уже есть одна такая доподлинная правда — это его система элементов, с каждым днем приносящая его имени все новую и новую славу».

№ 348. В книге № 1038/41а, 41б сделана Д. И. Менделеевым приписка карандашом следующего содержания: «Брошюра г-на Котова сначала печаталась на мой счет (1895 г.) в типографии Демакова, но по-

ПРИМЕЧАНИЯ

том г-н Котов захотел продавать свое исследование и брать привилегию, вследствие чего я прекратил печатание и чертежи отдал автору. Здесь приложено то, что было набрано (продолжение идет чернилами) и затем уничтожено. Ему я достал от Витте пособие. В 1890 г. он помер, а перед смертью приходил извиняться, что поступил неладно. Хороший был старик, и мне хотелось его выдвинуть, но не удалось».

№ 365. О палатках мер и весов была помещена заметка в газете «Новое время» от 9 ноября 1901 г. «Учрежденные в виде опыта в прошлом году первые палатки для проверки мер и весов дали блестящие результаты» и т. д.

№ 364. На самом плане кладбища, вплетенного в книгу № 1044/64, сделана надпись Д. И. «Тут где-нибудь и я бы желал лечь, рядом или с мамашей или с Володей. Д. Менделеев. 6-го августа 1906 г.»

№ 367. Статья в «Киевской газете» от 22 января 1903 г. называлась «У Нестора русской химии» (интервью с Д. И. Менделеевым).

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

¹ К воспоминаниям Л. А. Чугаева.

Чугаев Л. А. (1873—1922) — выдающийся русский химик, родился в Москве, где окончил в 1895 г. университет. В Петербурге стал работать после 1908 г., когда был приглашен профессором неорганической химии Петербургского университета. Л. А. Чугаев стал достойным преемником Д. П. Коновалова — ученика Д. И. Менделеева. В годовщину кончины Л. А. Чугаева его друг И. А. Каблуков сказал: «В лице Чугаева не только русская, но и мировая наука потеряла крупного ученого, а Петроградский университет — профессора, который благодаря своему таланту, любви к науке и замечательной трудоспособности являлся достойным хранителем заветов Д. И. Менделеева».

² К воспоминаниям И. М. Сеченова

Сеченов И. М. (1829—1905) — основоположник русской физиологической школы, большой друг Д. И. Менделеева, в лаборатории которого выполнил несколько исследований.

³ К воспоминаниям Г. Г. Густавсона.

Густавсон Г. Г. (1842—1908) — известный русский химик, ученик Д. И. Менделеева, неоднократно встречался со своим учителем и после перехода из университета (1874) в Петровскую земледельческую академию.

⁴ К воспоминаниям К. А. Тимирязева.

Тимирязев К. А. (1843—1920) — выдающийся русский ученый и общественный деятель. В 1866 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Хорошо знал Д. И. Менделеева (слушал его лекции, был наблюдателем на опытных полях Вольного экономического общества, организованных Д. И. Менделеевым, неоднократно встречался позднее на заседаниях Русского химического общества и т. д.).

⁵ К воспоминаниям В. Е. Тищенко.

Тищенко В. Е. (1861—1941) — академик, известный химик, активный деятель ВХО им. Д. И. Менделеева, один из основателей Музея Д. И. Менделеева в Ленинграде, автор (совместно с М. Н. Младенцевым) первого сравнительно подробного исследования жизни и деятельности Д. И. Менделеева (Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность. Т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938).

В. Е. Тищенко учился в Петербургском университете (окончил в 1884 г.), работал в лабораториях А. М. Бутлерова и Д. И. Менделеева. С 1884 г. был ассистентом Д. И. Менделеева, поддерживал дружеские отношения с учителем и после ухода последнего из Петербургского университета (1890).

⁶ К воспоминаниям А. А. Байкова.

Байков А. А. (1870—1946) — выдающийся физик, химик и металловед, академик, Герой Социалистического Труда. Окончил в 1893 г. Петербургский университет по физико-математическому отделению, но стал заниматься химией в лаборатории Д. П. Коновалова.

⁷ К воспоминаниям В. И. Вернадского.

Вернадский В. И. (1863—1945) — академик, один из основоположников геохимии, выдающийся естествоиспытатель, историк науки и общественный деятель. Родился в Петербурге, где окончил в 1885 г. университет. Слушал лекции Д. И. Менделеева, его соратников (А. М. Бутлеров, И. М. Сеченов) и учеников (Д. П. Коновалов, А. А. Иностранцев). В своих работах развил некоторые идеи Менделеева.

⁸ К воспоминаниям К. Э. Циолковского.

Циолковский К. Э. (1857—1935) — знаменитый изобретатель межпланетных кораблей, металлических дирижаблей и океанских батисфер.

В августе 1890 г. К. Э. Циолковский послал Д. И. Менделееву описание разработанного им проекта металлического дирижабля.

⁹ К воспоминаниям В. В. Стасова.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стасов В. В. (1824—1906) — известный общественный деятель и музыкальный критик. Хорошо знал Д. И. Менделеева, изредка посещал его «среды», был дружен также со многими учеными и художниками, близко знавшими Д. И. Менделеева (И. Е. Репиным, И. Я. Гинцбургом и др.).

Сестра В. В. Стасова, Н. В. Стасова, принимала деятельное участие в развитии женского образования в стране, помощь и поддержку которому оказывали Д. И. Менделеев и другие передовые русские ученые.

¹⁰ К воспоминаниям В. В. Рюмина.

Рюмин В. В. (ум. 1921) — инженер-технолог, получивший образование в Петербургском технологическом институте в 60-е гг., т. е. в тот период, когда началась профессорская деятельность Менделеева.

¹¹ К воспоминаниям С. Ф. Глинки.

Глинка С. Ф. (1855—1927 г.) — минералог, окончил Санкт-Петербургский университет, был профессором Московского университета, Института инженеров путей сообщения.

¹² К воспоминаниям Е. А. Роговского.

Роговский Е. А. (1855—?) — профессор физики Харьковского университета (с 1904 г.); образование получил в Технологическом институте и Санкт-Петербургском университете (по математическому отделению, 1882 г.), в 1887 г. принимал участие в работе комиссии по наблюдению за солнечным затмением.

С воспоминаниями о Д. И. Менделееве Е. А. Роговский выступил на экстренном заседании Общества физико-химических наук при Харьковском университете 28 января 1907 г. Это заседание было посвящено памяти Д. И. Менделеева, и кроме Роговского выступили И. П. Осипов, П. Д. Хрушев, А. П. Грузинцев.

¹³ К воспоминаниям С. Л. Толстого.

Толстой С. Л. (1863—1947) — сын Л. Н. Толстого, литературовед, автор известных воспоминаний об отце, которые, по свидетельству редакторов его книги «Очерки былого», свободны «от вымысла, которым грешат мемуары некоторых лиц из окружения писателя».

¹⁴ К воспоминаниям И. Е. Репина.

Репин И. Е. (1844—1930) — известный русский художник-передвижник, один из идейных вдохновителей «Товарищества передвижников». Принимал участие в «Менделеевских средах» (см. подробнее воспоминания А. И. Менделеевой). Встречался с Д. И. Менделеевым и на других собраниях художников, принимал его у себя в Пенатах. Репин написал два портрета Менделеева: один в 1886 г. (Менделеев в мантии доктора Эдинбургского университета — находится в Государственной Третьяковской галерее), другой в 1907 г. (находится в помещении Президиума АН в Москве). Кроме того, известно, что И. Е. Репин присутство-

вал при старте аэростата «Русский», на котором Менделеев поднимался во время полного затмения Солнца в начале августа 1887 г. Сохранились свидетельства о том, что тогда же Репин сделал наброски с изображением этих событий, однако местонахождение этих рисунков неизвестно.

¹⁵ К воспоминаниям Я. Д. Минченкова.

Минченков Я. Д. (1871—1938) — русский художник-передвижник. Его книга воспоминаний заслужила высокую оценку искусствоведов. Публикуемый отрывок из воспоминаний Минченкова взят из главы, посвященной К. В. Лемоху.

Лемох К. В. (1841—1910) — художник-передвижник. Принимал участие в «Менделеевских средах». На дочери Лемоха, Варваре Кирилловне, был женат старший сын Д. И. Менделеева Владимир (1865—1898), морской офицер.

¹⁶ К воспоминаниям В. А. Яковлева.

Яковлев В. А. (1865—1924) — химик, ученик Д. П. Коновалова. Окончил физико-математическое отделение Петербургского университета, но, увлекшись химией, поступил практикантом в химическую лабораторию. Инициатор создания Малого химического общества при университете. Работал на Охтенских пороховых заводах (с 1894 г.). Обуховском сталелитейном заводе (с 1900 г.), и в Главной палате мер и весов (с 1918 г.). Хорошо знал как Д. И. Менделеева, так и многих лиц, близких к Менделееву.

¹⁷ К воспоминаниям В. Е. Грум-Гржимайло.

Грум-Гржимайло В. Е. (1864—1928) — известный металлург. Родился и учился в Петербурге, где окончил в 1885 г. Горный институт. С 1907 г. адъюнкт, а затем профессор Политехнического института в Петербурге. С 1885 по 1907 г. и с 1918 по 1924 г. работал на Урале, последние четыре года жизни — в Москве.

¹⁸ К воспоминаниям Б. П. Вейнберга.

Вейнберг Б. П. (1871—1942) — физик, работал главным образом в области геофизики. В 1889—1893 гг. — студент Петербургского университета, в 1909—1924 гг. — профессор Томского технологического института; с 1924 г. — директор Главной геофизической обсерватории, руководитель отдела Института земного магнетизма.

Еще студентом составил стенограмму лекций Д. И. Менделеева — последнего курса, прочитанного им в университете. Менделеев оказал большое влияние на научную деятельность Вейнберга.

¹⁹ К воспоминаниям В. И. Ковалевского.

Ковалевский В. И. (1844—1934) — занимал пост директора департамента торговли и мануфактур (1893—1900) и товарища министра финансов (1900—1902). Высшее образование В. И. Ковалевский получил в Земледельческом институте в Петербурге (1865). Автор многочисленных работ по обработке сельскохозяйственных продуктов.

²⁰ К воспоминаниям С. Ю. Витте.

ПРИМЕЧАНИЯ

Витте С. Ю. (1849—1915) — министр финансов (1892—1903), известный государственный деятель России, убежденный сторонник самодержавия.

В течение длительного времени Менделеев поддерживал с Витте деловые отношения, порою переходившие в дружеские. Однако после расстрела 8 января 1905 г. между ними произошел разрыв.

С. Ю. Витте приписывает себе полностью инициативу постройки ледокола «Ермак». На самом деле инициатором постройки ледокола был С. О. Макаров, а Д. И. Менделеев его поддержал.

²¹ К воспоминаниям О. Э. Озаровской.

Озаровская О. Э. (ум. 1935 г.) — писательница и театральная деятельница. После обучения на Высших женских курсах некоторое время состояла в штате Главной палаты мер и весов, впоследствии увлеклась театральной и литературной деятельностью, была знакома со многими деятелями русской науки и культуры.

²² К воспоминаниям А. В. Скворцова.

Скворцов А. В. (1885—1961) — сотрудник Главной палаты мер и весов, в течение нескольких лет близко знавший Менделеева. Впоследствии принял деятельное участие в организации Музея Д. И. Менделеева (1928 г.) во ВНИИМ им. Д. И. Менделеева и заведовал им в 1944—1961 гг.

²³ К воспоминаниям Н. Г. Егорова.

Егоров Н. Г. (1849—1919) — русский ученый, профессор физики, сначала в Варшаве, затем в Петербурге. В 1894 г. был привлечен Д. И. Менделеевым на службу в Главную палату мер и весов, где заведовал Термометрической лабораторией; управляющий Палатой с 1907 до 1919 г.

Н. Г. Егоров был свидетелем последних дней Д. И. Менделеева.

²⁴ К воспоминаниям Н. Я. Капустиной-Губкиной.

Капустина-Губкина Н. Я. (1855—1922) — племянница Д. И. Менделеева, писательница.

Н. Я. Капустина-Губкина по памяти описывает, каким был кабинет Д. И. Менделеева в первые годы ее жизни в Петербурге (конец 60-х — начало 70-х гг.).

В кабинете Д. И. Менделеева находились портреты Петра Первого, Суворова, Дидро, Рафаэля, Бетховена, Глинки, Лавуазье, Пушкина, Лермонтова, Фарадея, Декарта, Шекспира, Жерара, Ньютона (два портрета), Галилея, Коперника, Воскресенского, Берглю, Дюма, Бутлерова и многих других деятелей науки, культуры и политики.

Кроме того, на стене за столом Менделеева были помещены рисунок «На Севере диком» Шишкина и итальянский этюд масляными красками А. Иванова.

²⁵ К воспоминаниям О. Д. Менделеевой-Трироговой.

Менделеева-Трирогова О. Д. (1868—1950) — старшая дочь Д. И. Менделеева.

²⁶ К воспоминаниям А. И. Менделеевой.

Менделеева А. И., урожденная Попова (1860—1942) — вторая жена Д. И. Менделеева, художница.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Последыш, или Обыкновенный гений. Ю. Славянов</i>	5
К ПОЗНАНИЮ РОССИИ	39
Вступление	41
Часть первая. Важнейшие числа, относящиеся ко всей России и к ее частям по переписи 1897 г. .	44
Часть вторая. О центре России	105
Часть третья. О карте России	115
ДОПОЛНЕНИЯ К ПОЗНАНИЮ РОССИИ	127
Вступление	129
Часть первая. Данные о народонаселении шести наибольших мировых держав	134
Часть вторая. О народонаселении всех частей света	159
ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ	177
Глава I. Вступление	179
Глава II. Народонаселение	194
Глава III. Внешняя торговля	226
Глава IV. Фабрики и заводы	251
Глава V. По поводу Японской войны	285
Глава VI. Об образовании, преимущественно высшем	303
Глава VII. О подготовке учителей и профессоров	335
Глава VIII. Промышленность	350
Глава IX. Желательное для блага России устройство правительства	364
Глава X. Послесловие	409
Глава XI. Приложение	410
ЗАМЕТКИ О НАРОДНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ	413
Глава I. Экзамены	415
Глава II. О направлении русского просвещения и о необходимости подготовки учителей	422
Глава III. Общеобразовательные гимназии	436
КАКАЯ АКАДЕМИЯ НУЖНА В РОССИИ	463
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СУЖДЕНИЯ О СПИРИТИЗМЕ	481
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Д. И. МЕНДЕЛЕЕВЕ (написанные ним самим)	523
СПИСОК МОИХ СОЧИНЕНИЙ	535
ДИПЛОМЫ И УЧЕНЫЕ ЗВАНИЯ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА	577
Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ	581
Воспоминания друзей и учеников Д. И. Менделеева	601
Воспоминания лиц, встречавшихся с Д. И. Менделеевым	622
Воспоминания родных Д. И. Менделеева	649
ПРИМЕЧАНИЯ	648

Менделеев Дмитрий Иванович

**ПОЗНАНИЕ РОССИИ
ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ**

Ответственный редактор *Н. Дубенюк*
Художественный редактор *М. Панова*
Компьютерная верстка *М. Приз*
Корректоры *О. Неро, Н. Мариненко*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

**International Sales: international wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

Подписано в печать 22.04.2008. Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 72,24 + вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ 72

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Это издание представляет гуманитарное наследие великого русского ученого и мыслителя Дмитрия Ивановича Менделеева (1834—1907).

Глубокий мыслитель, энциклопедически образованный человек, Менделеев оставил грядущим поколениям истинно высокое духовное завещание.

«К познанию России» и «Заветные мысли» — последние крупные работы великого ученого, неравнодушного к нуждам Отечества, дальнейшим путям его развития.

Автор этих трудов представляет читателю широкие взгляды и объемные знания во всех областях жизни — общественной, экономической и духовной деятельности — и при этом излагает сложнейшие вопросы государственной стратегии доступным языком, привлекая широкий круг граждан к осмыслению судеб России.

«Чем проще, откровеннее и сознательнее станут русские речи, тем бодрее будут наши шаги вперед, тем дольше будут длиться мирные промежутки между оборонительными войнами, нам предстоящими, тем меньше на Западе, Востоке и Юге будут кичиться перед нами и тем более выиграет наше внутреннее единство» (Д. И. Менделеев).

ISBN 978-5-699-27907-4

9 785699 279074 >

интернет-магазин
OZON.ru

27277948